ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XI.

Сѣверная Африка.—Тунисъ.—Алжирія.—Марокко.—Сахара.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XI

Северная Африка
Тунис - Алжир - Марокко - Сахара

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
Дозв. Ценз. Спб. 30 января 1898 г.

Глава I Триполитания

Часть африканского континента, обозначаемая на картах под именем Триполитании или Триполи, представляет территорию без географического единства: эта обширная область в миллион слишком квадр. километров (по Бему и Вагнеру, пространство Триполитании, со включением Куфры, 1.213.400 квадр. километров; народонаселение 1.010.000 душ, или средним числом 0,8 жит. на квадр. километр) состоит из отдельных стран, разделенных пустынями необитаемыми или даже неудобными для жительства. Можно сказать, что если не пустыня в собственном смысле слова, то по крайней мере предшествующие ей степи достигают берегов Большого Сирта. Пространство, заключенное между Киренаикой на востоке и Гурианскими горами в соседстве Триполи, составляет нераздельную землю между средиземной зоной и поясом Сахары; даже вся южная Триполитания принадлежит к пустыне; там везде только и видишь, что голые камни, глину или песок, за исключением нескольких лощин, где есть немного воды, поящей человека и его пальмы. Следовательно, Триполитания только в силу политической фикции, а никак не по естественным её условиям рассматривается как нечто целое; да и то не все пространство, понимаемое обыкновенно под этим именем, подвластно правительству Блистательной Порты. Так, оазис Куфра, хотя причисляемый к турецким владениям, остается совершенно независимым, и во многих оазисах, более близких к морскому берегу, власть оттоманов чисто номинальная.

I. Барка

На запад от Египта и принадлежащих к нему северных оазисов тянется плоскогорье Барка, часто называемое также Киренаикой, по имени пышного города Кирены, который был там построен эллинами. В политическом отношении это плоскогорье составляет часть регентства Триполи и, следовательно, состоит, по крайней мере по виду, под непосредственной властью константинопольского султана; но с географической точки зрения это страна, совершенно отдельная от остальной Триполитании, и современные события показывают нам, как неустойчиво нынешнее политическое равновесие. Очень вероятно, что в близком будущем раздел Африки, к которому теперь приступают европейские державы, передаст Киренаику и Триполитанию из рук Турции в руки других владельцев, быть-может, итальянцев. Впрочем, и теперь уже там управляют не те господа, которые получили из Стамбула официальный фирман инвеституры: высшею властью во всей территории, заключающейся между египетской границей и восточным Сиртом, является духовный орден сенусиев, возникший первоначально в Алжирии, и столица которого в Джарабубе, в оазисе Фаредга; турецкие чиновники терпимы в крае лишь под условием готовности сообразоваться с указаниями, даваемыми им представителями главы ордена, и все должностные лица, облеченные судебною или муниципальною властью, принадлежат к этой общине; по зову джарабубского махди моментально поднялась бы целая армия пеших и конных воинов, организованная помимо турецкого правительства[1].

Область африканского поморья, лежащая между Египтом и Триполи в собственном смысле, есть в настоящее время наименее посещаемая европейскими коммерсантами и наименее населенная страна во всем бассейне Средиземного моря. На этом обширном пространстве, ограниченном с одной стороны пределами Египта, с другой—низменностью, направляющеюся от оазиса Фаредга к заливу Большой Сирт, живет никак не более 300.000,

1 Louis Rinn, „Marabouts et Khouan“;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.

может-быть даже не более 250.000 человек (по Камперио, приблизительное пространство и население Барки: 50.000 квадр. километр. и 246.000 жит., так что в среднем приходится по 5 жителей на квадр. километр). Пароходы, снующие в Средиземном море по всем направлениям, редко заходят в порты Барки; для международных торговых сношений морской берег, длиною около 2.000 километров, простирающийся от Александрии до Триполи, как будто не существует. Но присущая европейскому миру сила расширения имеет неизбежные следствия; нет сомнения, что Киренаика снова сделается европейской колонией, куда опять направятся, как это было двадцать пять веков тому назад, предприимчивые переселенцы из Греции и Италии. Выдвинувшееся прибрежье Барки отстоит менее чем на 400 километр. от мыса Матапан: в этих водах, где проходит раздельная зона между восточным и центральным бассейнами Средиземного моря, Африка как будто идет на встречу Европе, и нельзя не удивляться, что обратное движение западной цивилизации до сих пор еще не распространилось боковым потоком в этой ближайшей части «чернаго» материка. В то время как европейское влияние, следуя вокруг земного шара по великим морским путям, сделалось преобладающим даже в областях антиподов, оно почти не проникало в эту страну Ливии, которая в течение слишком тысячи лет принадлежала к эллинскому миру, средоточию науки и искусства. В эпоху римлян Киренаика рассматривалась как часть Греции: она составляла одну провинцию с островом Критом.

На северном фронте Африки округлый массив плоскогорья Киренаики соответствует берегам, ограничивающим на западе заливы Большой и Малый Сирт, и выдвинувшимся к Сицилии карфагенским мысом. Эти две страны сходствуют географическим положением, климатом и произведениями; обе они играли также роль в истории древнего мира: одна своими греческими колониями, другая—своей Тирской республикой. Некоторые писатели, сравнивая Кирену и Карфаген, указывали выгоды первой и выражали удивление, что она не сравнялась, по степени торгового процветания, со вторым[1]. Несомненно, однако, что для международной торговли Карфаген занимал несравненно более выгодное положение, чем приморские города Киренаики. Не принадлежа к греческому миру, он не достиг той же высоты в общей цивилизации и не оказывал такого же влияния на развитие наук и искусств, хотя и у него не было недостатка в людях великих мыслью; но зато он играл гораздо более важную роль в движении международного торгового обмена. Окруженное со всех сторон пустынями, Киренское плоскогорье могло получать из внутренних местностей лишь небольшое число произведений трудным путем через оазисы, и все его естественные сношения ограничивались эллинскими островами и полуостровами, лежащими напротив, по другую сторону Средиземного моря. Карфаген, поставленный в более благоприятные условия, был портом обширной и многолюдной страны, простиравшейся далеко внутрь континента. Почти в виду Сицилии, на берегу того большого пролива Средиземного моря, где пересекаются главные судоходные пути из Греции в Испанию, он занимал центральный пост всего морского бассейна; кроме того, он имел над греческими городами то преимущество, что был ближе к Геркулесовым столпам, и корабли его первые завоевали беспредельный океан.

Разоренные арабами, особенно во время второго нашествия, в половине одиннадцатого столетия, жители Барки потеряли свою торговлю и культуру; страна снова впала в состояние варварства, опустошенные города и некрополи сделались убежищем диких зверей. Миф о Геркулесе и Антее рассказывает нам про борьбу греческих поселенцев с аборигенами Киренаики, почерпавшими, после каждого поражения, новую силу в любви к родной земле; вопреки басне, прославляющей победу Геркулеса, в конце концов одерживает верх Антей. Однако, нельзя сказать, чтобы тип древнего берберского населения все еще являлся господствующим; разнообразно видоизмененная скрещиваниями с греками, неграми и турками, берберская основа была заменена или почти совершенно преобразилась от смешения с арабами. Последующие иммиграции дадут политическое преобладание европейцам. но старая раса, вероятно, всегда будет иметь численный перевес, как и в остальной части северной

1 James Hamilton, „Wanderings in North Africa".

Африки.

Будущее присоединение Киренаики к цивилизованному миру уже достаточно подготовлено исследованиями европейских путешественников. В начале XVIII столетия один французский путешественник, Лемер, изучал развалины греческих городов. Поль Люкас, Шау, Брюс, Гранджер видели некоторые части побережья. Итальянцы Червелли и делла-Челла, проникшие внутрь материка, в 1811 и в 1817 годах, первые привезли оттуда систематические наблюдения относительно почвы, климата, произведений и древностей страны. Затем следуют братья Бичи, занимавшиеся в особенности изучением морских берегов, тогда как артист Пако посетил преимущественно лежащие в развалинах города плоскогорья и описал их памятники. Делапорт, де-Бурвиль, Барт, Гамильтон, Бейерман, Гергард Рольфс, Мордок Смит и Порчер также объехали Киренаику, и в эти последние годы большое число путешественников—астрономов, географов, натуралистов—являлись один за другим в тех краях, почти все по поручению итальянского общества торгового исследования в Африке: это систематическое изучение страны имеет главною целью подготовить Италии пути к овладению древними греческими колониями.

Между Египтом и территорией Барки нет естественных границ. Холмы и плато, возвышающиеся на северной стороне оазиса Сивах, продолжаются на запад, но поднимаясь террасами, так что получили название Джебель по ту сторону залива Солум или Меллах, исходной точки демаркационной линии, проводимой оффициально между Египтом и Триполи. Мыс, доминирующий над заливом Солум, был даже для некоторых писателей древнего мира, наприм. Саллюстия, Помпония Мелы, краеугольным межевым столбом между Африкой и Азией, так как Египет они причисляли к восточному материку[1]. В этом месте высшие точки плоскогорья переходят за 300 метров, и дорога прибрежья должна взбираться на выступающий гребень тропинкою, высеченной в виде ступенек, отчего весь этот мыс, до Рас-эль-Мелах, или «Соляного мыса», получил у греков название Катабатмос Мегас или «Большой спуск»; арабы, пришедшие из Египта, дают ему теперь имя Акабет-эль-Кебир или «Большой подъем». У Эль-Эдризи, арабского писателя, он называется «Подъемом по ступеням», Акабах-эль-Солум, откуда произошло нынешнее имя соседнего залива. Понятно, что эти обрывистые высоты и глубокая вырезка побережья, образуемая заливом Солум, во все времена считались у моряков и караванщиков естественною границей, хотя внутри страны плоскогорье продолжается с той и другой стороны без больших разностей уровня.

От залива Солум до большой дуги, западную оконечность которой занимает город Бенгази, прибрежье разрезано на две почти равные части заливом Бомба, над которым господствует на западе мыс, называемый Рас-эль-Тин, или «Мыс смоковниц». На восточной стороне этой глубокой бухты, которую уже заранее наметили, как самое удобное место для основания военного порта, подобного Специи, простирается берег древней Мармарики или Мармариды; на западной—изгибается, в виде красивой дуги круга, берег Киренаики в собственном смысле. Небольшая река, уади Теммим (длиною около 100 километр.), ясно разграничивает эти две страны, если не своей водой, которой в ней совсем не бывает в продолжение нескольких месяцев в году, то по крайней мере песками своего ложа: это единственный поток Барки, про который нельзя сказать, что он простая промоина, высыхающая спустя несколько часов после дождя. С каждой стороны этой промежуточной впадины, высоты представляют различный характер. Миоценовое плато Мармарики, с среднем, вдвое ниже плоскогорья Киренаики, и продольные углубления первого, почти все параллельные берегу, можно назвать скорее складками каменистой поверхности, чем настоящими долинами. На западе, в Киренаике, холмы вздымаются так высоко, что образуют настоящий горный массив, Джебель-Ахдар или «Зеленая гора», главные вершины которого переходят за 1.000 метров[2]; но в специальном его значении это имя применяется только в западной части массива. Эта группа высот, отличающихся, впрочем, округленными формами, из всех африканских

1 H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres".

2 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la Province romaine d'Afrique".

гор наиболее походит на Апеннины. Деревья и растения подлесья здесь те же, что и на Апеннинах: средняя температура на косогорах и в долинах мало разнится от температуры Италии; воздух, проходящий над лугами, пропитан таким же благоуханием, и такия же лазурные воды блестят у подножия береговых утесов, как и в Италии. Итальянцу, проезжающему по Барке кажется, что он опять видит свою родину. Известно также, чем была эта страна для эллинов, которые сделали из неё африканскую Грецию. В своем энтузиазме они поместили там первый из тех «Гесперидских садов», которыми их мореплаватели, пускавшиеся все далее и далее в своих отважных экспедициях, усеяли, так сказать, все пространство от Киренаики до областей крайнего Запада. Что касается арабов, то самое имя «Зеленая гора», данное ими высотам джебель Барка, свидетельствует об удивлении, которое возбуждал в них этот благодатный край. С какой бы стороны они ни направлялись к нему—с юга, с востока или с запада,—им всегда нужно было проходить через голые и безводные пустыни: контраст зелени и текучих вод производил такое сильное впечатление, что покрытые растительностью холмы и долины представлялись им настоящим земным раем.

Красотой своего вида плато Киренаики обязано главным образом изящному профилю своих гор, закругляющих свои высочайшие вершины в соседстве морского побережья. Плоский берег, местами весь розовый от бесчисленных обломков кораллов[1], составляющих около трети массы, окаймлен землями, которые постепенно поднимаются до основания отвесных утесов или крутых скал, разделенных узкими оврагами, где проложены тропинки, поднимающиеся косвенно по отлогостям. Над этим изрезанным краем известкового пьедестала показываются верхушки Джебель-Ахдара, за которыми начинается уже покатость пустыни; в южном направлении открываются ложа уади, лесистые холмы сменяются *серирами*, обширными каменистыми пространствами, или равнинами, покрытыми скудной растительностью чернобыльника и альфы. С переменою рельефа меняется и цвет почвы: горы Барки покрыты красноватой землей, которая подала арабам повод дать этой стране имя Барка-эль-Гамра, т.е. «Барка красная»; к югу же серый колорит и белизна песков или голых камней сменяют мало-по-малу плодородную красную глину возвышенной Киренаики: мы вступаем в «Барку белую», Барка-эль-Бейда, как ее прозвали арабы. Еще южнее, там, где бесплодная почва не производит уже никакой растительности, расстилается настоящая пустыня, не имеющая географического имени: это движущаяся дюна, голый камень или твердая глина, через которые с трудом пробираются караваны, находя лишь колодцы с солоноватой водой, да и те встречаются на больших расстояниях один от другого.

Северная часть Барки, лежащая впереди сериров и сыпучих песков «белой» области, пользуется истинно «итальянским» климатом. На уровне моря нормальная температура года, смотря по широте места, 21 и 22 градуса по Цельсию, следовательно, на несколько градусов выше, чем в южной Италии; но на высотах, омываемых более разреженным воздухом, температура понижается и сравнивается с температурой Сицилии и Неаполитанской области; кроме того, морские бризы, дующие с замечательной правильностью, освежают атмосферу. На плоскогорье Киренаики, на высоте 500 метров, теплота дня, умеряемая морским ветром, колеблется от 12° Цельсия зимой[2] до 29 градусов летом[3]. Ночью лучеиспускание почвы при ясном, безоблачном небе чувствительно понижает температуру, но и тогда термометр очень редко опускается до точки замерзания; вообще немногие климаты могут сравниться с климатом Киренаики по мягкости и равномерности. Путешественнику здесь не приходится часто страдать от крайностей тепла или холода; при том же он легко может переходить из одной зоны в другую, так как и равнина, и плато, и горы одинаково покрыты тем богатым красноземом, где с успехом произрастают все культуры умеренного пояса. Как рассказывает Геродот, в «Киренской территории три великолепных времени года. Морские берега изобилуют плодами земными, которые первые достигают зрелости: начинается жатва

1 P. della Cella, „Viaggio da Tripoli di Barberia alle frontiere del'Egitto, fatto nal 1817".

2 Pacho, „Voyage dans la Marmarique et la Cyrenaique".

3 Hamilton, „Wanderings in North Africa".

хлеба и сбор винограда; только что уберут урожай с полей и виноградников, как уже поспели плоды на холмах, и нужно приниматься за новый сбор. Затем приходит очередь вызревания плодов в высшей области, так что первая жатва уже выпита и съедена, когда наступает последняя: так киренейцы целые восемь месяцев в году только и делают, что собирают плоды земли»[1].

«Красная» Барка принадлежит к средиземному поясу зимних дождей, хотя нередко ливни выпадают там и осенью: благодаря почти островному положению Киренаики, все ветры, за исключением южного и юго-восточного, приносят ей влажный воздух, и часто эта влажность, задерживаемая вершинами гор, спускается на землю, в виде обильных дождей. Случалось, что потоки дождевой воды, хлынувшие из оврагов к городам прибрежья, обращали в грязь и уносили в море многочисленные мазанки, а в домах, устоявших против наводнения, проваливались террасы, так как ливень пробивал тонкий слой битой глины, покрытой циновками и морской травой[2]. Однако, годовое количество дождя все-таки меньше, чем в большей части европейских стран; по Фишеру[3], оно составляет, в среднем выводе, от 350 до 500 миллиметров, то-есть от половины до двух третей количества, выпадающего во Франции. Вообще, это годовое количество возрастает от Александрии до Кирены в западном направлении[4]. При том значительная часть дождевой воды тотчас же исчезает в трещинах известковой почвы и таким образом пропадает для области плоских возвышенностей; она снова появляется лишь в равнинах, в виде обильных ключей, бьющих из земли у основания утесов; во многих местах, особенно на западной стороне Джебель-Ахдара, в соседстве города Бенгази, подземные воды уходили бы в море скрытыми галлереями, если бы древним не удалось перехватить их и опять вывести на поверхность[5]. Несмотря на дожди, изливающиеся на горы, Киренаика не имеет ни одного постоянного ручья; что касается «Белой» Барки, в области песков и голых скал, то там встречаются только безводные уади, да на некотором расстоянии один от другого колодцы, на дне которых сочится солоноватая жидкость.

Растительность измеряется количеством дождевой воды, или получаемой прямо на почву, или дистиллируемой бьющими из земли ключами, и, следовательно, богатство её постепенно увеличивается в направлении от востока к западу. В то время, как Швейнфурт, тщательно исследуя окрестности порта Тобрук, в Мармарике, собрал 220 видов растений, Ашерсон насчитывает 493 вида для западной Киренаики[6]. Верхняя часть плоскогорья, с которой дождевая вода быстро исчезает, поглощаемая воронкообразными углублениями почвы, представляет лишь сероватые пространства, где редкая трава выгорает летом под знойными лучами солнца: только изредка какая-нибудь малорослая акация, мастиковое или терпентинное деревцо прерывают однообразие бесплодного камня. Но на всех скатах и во всех лощинах, где почва долго сохраняет дождевую влагу, земляничное дерево, самбук, шиповник, мастиковое дерево, лавр и мирт растут смешанно вокруг зеленых дубов, туйи, больших кипарисов, более стройных, чем итальянские, и достигающих 50 метров (более 23 сажен) в вышину: в этих чащах вечно зеленых деревьев и кустарников сразу находишь разгадку имени Джебель-Ахдар, данного самому высокому массиву Барки. Леса страны теперь доставляют только бревна для постройки домов в приморских городах и дрова; но в давния времена киренаикская туйя служила материалом для выделки тех драгоценных столов с «тигровыми» или «барсовыми» прожилками, которые имели такую высокую цену в глазах римлян; не менее высоко ценился ароматический запах его древесины, посредством которого Цирцея, будто-бы, производила свои чары. На более близких к морю склонах растет целыми лесами дикая маслина, ягоды которой составляют любимую пищу коз и овец. Рожковое дерево, остав-

1 Книга IV, 199, франц. перевод Гиге.
2 Hamilton, цитированное сочинение.
3 „Das Klima der Mittelmeerlander“, „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 58.
4 Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. V IU, 1883.
5 G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandrien“.
6 G. Rohlts, „Kufra“.

ленное на свободе, пускает из себя такое множество отпрысков, что они образуют обширный купол зелени, под которым целая бедуинская семья удобно может устроить себе летнюю резиденцию, совершенно скрытую от взора посторонних[1]. Как ручьи Греции, уади Барки окаймлены по берегам розовыми лаврами. Маленькия пальмы рассеяны кустами на берегу моря; хорошо орошаемые сады, окруженные так называемыми «варварийскими смоковницами» (этими выходцами Нового Света, которые теперь сделались одним из самых обыкновенных видов в средиземной флоре), наполнены фруктовыми деревьями итальянской зоны, над которыми там и сям господствуют высокие стволы и короны финиковых пальм: иная плодоносная долина, выходящая к морю, заключает в себе не меньше древесных пород, переплетающихся своими густыми ветвями, чем древний «Сад Гесперид», описанный в «Перипле» Скилакса. Где находилось это чудное место? Близ Вереники, по свидетельству Плиния, или, как говорит Скилакс, в соседстве Рас-Сем (Phycus древних), самого северного мыса Барки[2]. По описанию греческого автора, Гесперидский сад занимал естественный овраг или бывшую каменоломню, в роде сиракузских латомий; братья Бичи[3] полагают, что он был расположен в пропастях, ныне наполненных водой, которые находятся к востоку от гор. Бенгази; но ни одна из этих пропастей не имеет размеров сада, описываемого Скилаксом. Можно составить себе понятие об этом дивном саде, посетив, в окрестностях сицилийского города, покрытые пышной растительностью пропасти, которые неожиданно открываются среди каменистого плато: лимонные, апельсинные, персиковые деревья, ирга японская, стручковый багрянник, стремящиеся на вольный воздух и ясный свет, вытянулись на 15-20 метров в вышину; стволы этих гигантов окружены густым кустарником, а ветви их увешаны гирляндами лиан; аллеи усеяны цветами и плодами; из густой листвы раздается веселое пение птиц; над этим элизиумом благоухающих и цветущих деревьев высятся серые скалы, там и сям обросшие плющем или увенчанные кустом на каждом из выступов.

Растение, составлявшее некогда богатство Киренаики, и название которого вошло у древних в поговорку, в смысле драгоценнейшего сокровища, *silphium* или *laserpitium*, существует теперь только в диком состоянии на косогорах, если, впрочем, это то самое. Некоторые писатели древности говорят, что оно уже в их время исчезло, а из новых—Шроф, Эрстед, Ашерсон и другие высказали мнение, что растение, так высоко ценимое греками и римлянами за его целебные свойства, было не что иное, как один из видов асса-фетиды; однако, большинство натуралистов не сомневаются в верности гипотезы первого исследователя страны, итальянца делла-Челла, по которой сильфий есть то же, что дриас или адриас туземцев, тапсия (thapsia garganica) ботаников. Древние пиренейские монеты дают нам точное изображение этого зонтичного растения, хотя форма его там несколько утолщена и плод представлен с контурами чересчур сердцевидными[4]. Как отвердевший сок античного сильфия, ценившагося на вес серебра, и который хранился вместе с сокровищами государства, жидкость, извлекаемая из нынешнего дриаса, считается у туземцев панацеей против всех болезней и употребляется в особенности для лечения ран животных; в Европе, исследования Гейнцмана тоже доказали, что это растение должно бы быть введено в современную фармакопею за его кровеочистительные свойства. Не замечено никакой видимой разницы между алжирской и киренаикской тапсией, а между тем должна существовать какая-нибудь особенность, так как алжирский вид не обладает целительной силой; с другой стороны, верблюды могут щипать алжирскую тапсию совершенно безопасно, тогда как дриас, растущий в Барке, смертелен для них, как был некогда смертелен сильфий[5].

В настоящее время территория Барки лишь в очень слабой степени способствует своими культурами увеличению богатств мира. Она не вывозит более ни лекарственных трав, ни ро-

1 Hamilton, цитированное сочинение.
2 Paolo della Cella, цитированное сочинение.
3 Northern Coast of Africa.
4 Thrige;—Falbe;—Lindberg;—Mulier; „Numismatique de l'ancienne Afrique".
5 G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandrien".

зовой эссенции, ни белых трюфелей, составлявших некогда её славу: ячмень, пшеница, огурцы, кое-какие овощи, табак,—вот, вместе с плодами садов, единственные продукты киренского земледелия. Горные пчелы собирают превосходный мед в цветах кустов и трав. Способ культуры самый первобытный и сомнительно, чтобы баснословные урожаи, о которых рассказывают древние писатели, урожаи, когда хлеб родился сам-сто и даже сам-триста, возобновлялись в новые времена; напротив, теперь иногда даже бывает очень плохой урожай; в среднем, из пяти лет один неурожайный[1]. Склоны Джебель-Ахдара всего более пригодны для культуры оливкового дерева: масло, получаемое из нескольких масличных плантаций, содержимых итальянцами, отличается превосходными качествами.

Столь богатая растениями, «Зеленая гора» очень бедна животными видами. Из хищных зверей там водятся только гиена и шакал; дикий кабан живет в лесных чащах лощин и оврагов; газели, зайцы, кролики разгуливают по плоскогорью. Пресмыкающиеся, птицы, насекомые принадлежат почти все к тем же формам, как и соответствующие классы животных в Мавритании. Саранча пожирает иногда молодые побеги, а пчела складывает свой мед в трещинах скал. К югу фауна, уже так бедно представленная в области высот, все более и более уменьшается; наконец, по ту сторону оазисов, она исчезает совершенно: перейдя уади Фарег, путешественник замечает, что даже блоха не последовала за ним[2]; он не видит более ни одной раковины на земле, ни одной птицы в воздухе. В селениях и становищах Барки домашния животные те же самые, что и в Мавритании: мулы и ослы, козы и бараны, рогатый скот. Лошади уже не той удивительной породы, которую прославлял Пиндар, воспевая Киренаику, богатую «прекрасными конями»: теперешния лошади—маленькия и неуклюжия, но они крепки на ноги и очень выносливы, почти не знают усталости.

Страна Барка сплошь населена арабами, более или менее смешанными, но выдающими себя за чистокровных и говорящими языком Пророка, по египетским формам, с мавританским оттенком. В наружности жителей незаметно ни одной черты, которая бы указывала на следы эллинского или римского происхождения, а что касается берберского типа, то он в этой области настолько близок к арабскому, что трудно определить долю примеси той и другой крови в смешанном населении. В городах, как Дерна, Бенгази, где преобладает влияние торговли, нравы и обычаи мало разнятся от арабских, и женщины показываются на улице не иначе, как с закрытым лицом; жители группируются там по ремеслам и профессиям, а не по племенному происхождению. Но вне городов, *айлеты*, как называются племена Киренаики, занимают отдельные местности. Племя аулад-али, из египетской Ливии, распространилось на запад до гор Барки и владеет там обширными пастбищными землями; оно сменило древних мармарийцев, которые дали свое имя стране в эпоху Птоломеев и которые впоследствии были увлечены общим движением переселений и завоеваний по направлению от востока к западу[3]. Племя зуйя кочует в соседних с гор. Дерна частях плоскогорья и спускается на юг до Белой Барки, к югу от гор. Бенгази; племя абейдат, более многочисленное, населяет, бок-о-бок с племенами бераса, гасса, дорса, области Джебель-Ахдара, лежащие к востоку и к западу от развалин Кирены; племя эштех живет в западной части горной цепи, над Бенгази, тогда как непосредственно к северу и к югу расположены становища племени брагта и других подразделений ауагиров, самого могущественного из всех айлетов: 10.000 пехоты и 1.000 конницы,—такова, говорят, вооруженная сила, которую различные кланы этого айлета могли бы выставить в поле в военное время. Гараби, могарба и другие менее важные племена обитают на нижних террасах, между горами Барки и пустыней. Все эти ливийские арабы любят раскрашивать себе сурьмой грудь, руки и лицо; женщины, которые здесь никогда не ходят с закрытым лицом, окрашивают себе нижнюю губу в черный цвет и обводят глаза той же краской; мужчины и женщины завертываются в *гаули*, род тоги, известной у европейцев под именем «баракана». Киренаикские девушки красивы в молодости, но ростом они гораз-

1 Mamoli, „l'Esploratore“, vol. V, 1881.

2 G. Rohlfs, цитированное сочинение;—„Kufra".

3 Tauxier, „Revue Africaine“, 1877.

до ниже мужчин. Национальное блюдо—базина, род ячменной похлебки. Чума 1874 г. появилась между арабами Мерджа, древнего Барсе: говорят, что Киренаика есть, вместе с горами западной Персии и горами Ассира в Аравии, одна из трех стран, где зарождается бубонная чума[1].

С половины текущего столетия, вследствие основания ордена сенусиев в этой части Триполитании, арабы Барки несомненно выиграли в материальной культуре и в нравственной связи; нравы изменились[2], и теперь уже не практикуется более обычай примитивного гостеприимства, описываемый всеми путешественниками, от Геродота до Барта[3], который обязывал супруга уступать свои права гостю. Но, с другой стороны, туземцы утратили прежнее радушие и добросердечие; они сделались суровыми и неприветливыми. В 1843 году алжирский шейх Сенуси-эль-Меджагири, вынужденный покинуть Мекку, где его подвижничество и строгость правил создали ему сильных врагов, пришел искать убежища в Бенгази, затем основал в Эль-Беиде, к западу от Кирены, первую зауйю, в одно и то же время монастырь, мечеть, школу, больницу, крепость и культурный центр. По следам его стали стекаться и другие беглецы, алжирцы по большей части, как и сам святой, призывавший их на «путь спасения», и тоже были хорошо приняты; возникли новые монастыри в других частях страны, и вскоре пришельцы из гостей сделались хозяевами; уже в 1851 году путешественник Гамильтон должен был защищаться от этих фанатиков. В настоящее время главное лицо Барки, даже в Бенгази, где развеваются консульские флаги Европы,—не мутесариф, назначенный султаном, а прокурор, или *укиль*, шейха сенусиев, которому правительство уступило даже право отправлять правосудие; в округе глава ордена имеет в своем распоряжении слишком 25.000 воинов, пеших и конных, не считая *хуанов*, или братьев, и их служителей, живущих в двадцати зуйях[4]; повсюду можно встретить невольников и животных, заклейменных именем Аллаха, с печатью братства. А между тем, сам шейх не живет более в стране; с 1855 года он благоразумно удалился, чтобы быть подальше от зорких глаз Европы, в оазис Фаредга, который, принадлежа оффициально к Египту, находится в действительности вне черты, до которой распространяется фактическая власть вице-королевского правительства, в мархии, окруженной пустынями, где не командует ни султан, ни хедив. Первым его местопребыванием там был некрополь, высеченный в скале; теперь же шейх имеет в Джарабубе, своей столице, обширные строения, монастыри, казармы, арсеналы, склады, которые смотрятся в соленые воды озера Фаредга. Это и есть центр духовной империи, которая простирается, с одной стороны, до Сенегала, с другой—до Месопотамии[5], заключая в своих пределах по меньшей мере 1.500.000 подданных, которые все «в руках своего шейха, как труп в руках обмывателя мертвецов». Сын основателя, наследовавший своему отцу в 1859 г., сделался бесспорным и полновластным повелителем всех хуанов мира, которые видят в нем махди, «вождя», «руководителя», или вернее, «хорошо руководимаго»[6], призванного восстановить могущество ислама. Правда, сенусии по виду не преследуют никаких политических целей; идеал их—соединить все правоверные ордена в одно теократическое тело, независимое от светской власти; они осуждают насилие и рекомендуют своим гонимым братьям не возмущение, но добровольную ссылку из стран, подвластных христианам, в независимые зауйи. Осуждая политическую агитацию, сенусии, тем не менее, стремятся к независимости, и их крепкая организация делает их гораздо более опасными врагами, чем многие беспокойные, всегда готовые к восстанию племена. Мусульманская солидарность доставила им более завоеваний, чем оружие. Так, они овладели Уадаем, выкупив партию невольников, которых негроторговцы вели в Египет, и отослав их обратно на родину, в качестве миссионеров общего дела; теперь уадайский султан только наместник джарабубского махди, и все его подданные

1 Mahe, рукописные заметки.
2 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.
3 „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.
4 Louis Rinn, „Marabouts et Khouan“.
5 Henri Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.
6 James Darmestetter, „Revue politique et litteraire“, 1885.

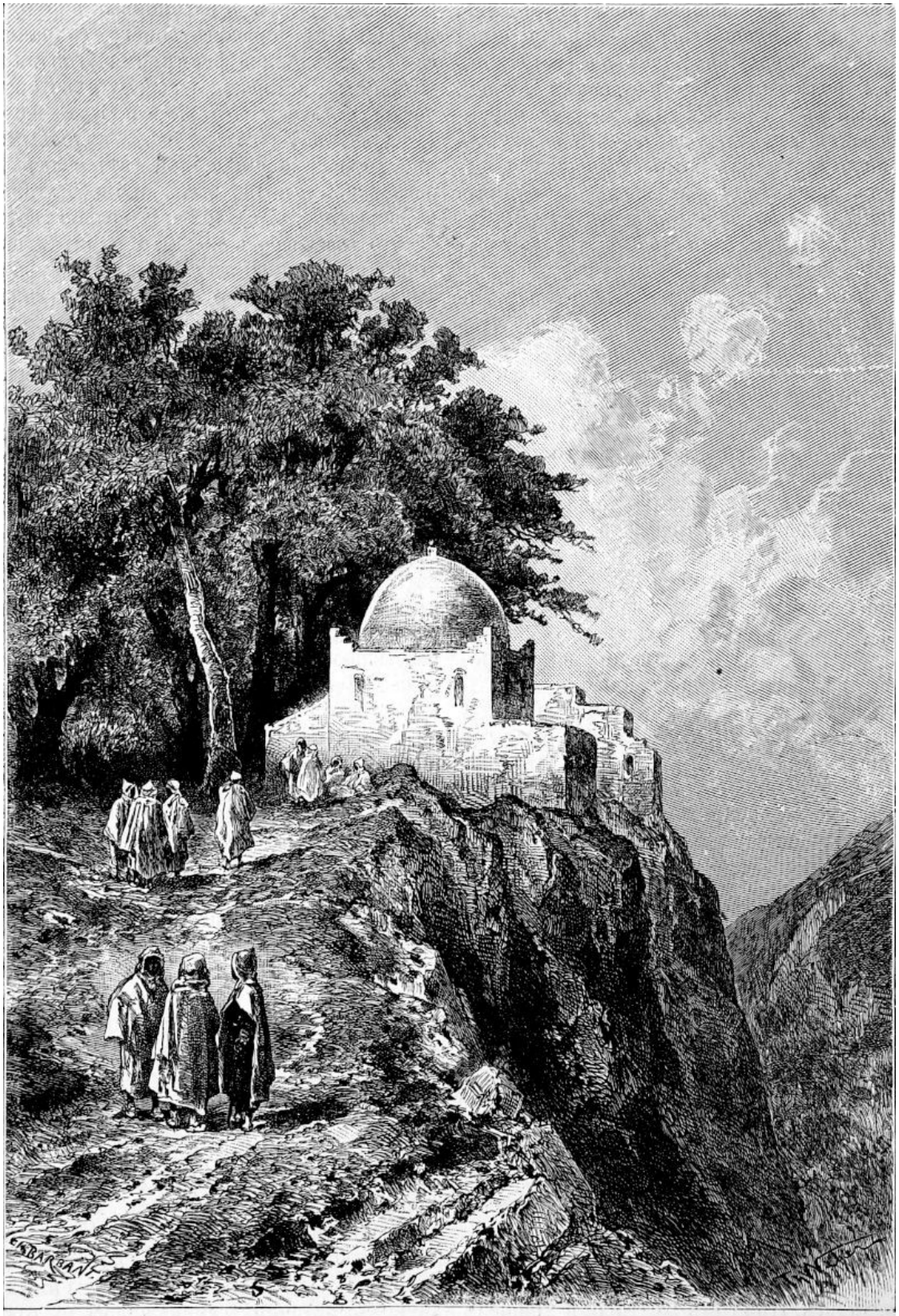
присоединены к ордену[1]. По всей вероятности, скоро настанут трудные времена для этих ревностных панисламистов, когда влияние Европы вмешается непосредственно, открытым или замаскированным присоединением территории Барки. Видимая власть турок и скрытое правительство сенусиев подвергаются опасности быть ниспровергнутыми в одно и то же время. Говорят, будто в эти последние годы правоверные, принадлежащие к ордену, особенно горожане в Бенгази, стали не так строги в соблюдении правил орденского устава; теперь уж не редкость встретить между хуанами курящих табак и носящих шелковую одежду, расшитую золотом и серебром[2].

Внимание европейских держав направлено главным образом на порты страны, защитить которые не может никакая туземная сила, и откуда им уже легко будет командовать внутренними дорогами. На востоке, в Мармарике, гавань, или *марса*, Тобрук, называемая также Табаркой, кажется, из всех портов представляет наибольшие удобства для безопасности кораблей и для устройства товарных складов. В этом месте, полуостровной массив, параллельный морскому берегу, общее направление которого от северо-запада к юго-востоку, оканчивается на восточной оконечности двумя острыми мысами, соединяясь с другой стороны с твердой землей невысоким перешейком. Бухта, длиной около 3 километр., ограничена на севере этим полуостровом, а на юге высокими берегами и утесами плато, изрезанного оврагами, где иногда можно видеть блестящие каскады в 150 метр. высоты: суда, имеющие более 10 метр. водоизмещения, могут с полной безопасностью стоять на якоре в этом большом естественном порте, защищенные от всех ветров, кроме восточного и юго-восточного; волноразбиватель, загибающийся дугой при входе в бухту, мог бы задерживать зыбь, набегающую с востока, и таким образом превратил бы Тобрук в одну из лучших и обширнейших пристаней Средиземного моря. Сохранившиеся еще развалины Антипиргоса или какого-то другого греческого города, при основании полуострова, и остатки сарацинского замка на северном берегу залива доказывают, что эта драгоценная гавань никогда не была теряема из виду, хотя прилегающие к ней местности почти пустынны. Вероятно, в древности Тобрук служил пристанью пилигримам, отправлявшимся в оазис Юпитера Аммона[3]; корабли, плывшие из Рима в Александрию, останавливались в этом порте. В настоящее время отсюда отправляют скот, проданный александрийским поставщикам соседними пастушескими племенами (вывоз скота из Киренаики в Александрию в 1882 году: 14.000 голов); отсюда же снабжаются продовольствием, путем контрабандной торговли, Джарабуб и другие зауйи хуанов братства сенуси[4]. Швейнфурт обнаружил на окружности Тобрукской бухты следы местного поднятия почвы: он нашел, до высоты 50 метр. и на расстоянии 700 метр. от берега, раковины соседних морей, сохранившие еще свою натуральную окраску[5]. Далее на западе, близ Кирены и Бенгази, Гамильтон видел, как он полагает, признаки противоположного явления—оседания прибрежья[6].

Залив Бомба, более посещаемый, чем Тобрукская бухта, мелкими каботажными судами, имеет то преимущество, что находится непосредственно к востоку от собственной Киренаики, в соседстве с плодородной и относительно населенной страной; но он гораздо более, чем Тобрук, открыт ветрам с моря, и большие корабли, заходящие в этот залив, должны останавливаться в большом расстоянии от берега: только мелкие суда идут искать безопасного пристанища позади островов, лежащих у входа в залив. Место якорной стоянки, называемое «гаванью Менелая», находится в северной части рейда; но на соседнем берегу рассеяно лишь несколько хижин. Эллинские города, существовавшие некогда в этой стороне, исчезли почти

1 Louis Rinn, цитированное сочинение;—Henri Duveyrier, цитированное сочинение.
2 Pasqua, „Revue de Geographie“, avril 1880.
3 H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.
4 Henri Duveyrier, цитир. мемуар.
5 Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. VII, 1883.
6 Hamilton, „Wanderings in North Afrika“.

бесследно, и в виду крайне нездорового климата побережья, где уади Теммим теряет свои воды, разливаясь вонючими лужами, основание здесь европейской колонии, часто предлагаемое в итальянских журналах и газетах, было бы делом очень опасным. В этих водах моря



Монастырь Зуайа—колыбель секты сенуситовъ.

береговое течение, направляющееся от запада к востоку, когда нет противного ветра, движется с средней скоростью около $2^1/_2$ километр. в час[1].

1 Schweinfurth, цитированный мемуар;—„Sailing Directions“.

Надо обогнуть на севере красноватые утесы мыса Рас-эт-Тин и плыть вдоль берега на северо-запад километров пятьдесят, прежде чем увидишь город—первый, который имеет территория Барка на восточном берегу. Город этот, Дерна (древняя Dernis), заселенный в XVI веке андалузскими маврами, состоит из пяти деревень или отдельных кварталов, из которых один представляет лишь груду развалин, и которые разделены на две группы ложем ручья. Каждый дом в Дерне окружен трельяжем, обвитым виноградными лозами, каждый имеет свою пальму, под которой и собираются обитатели после дневных трудов. Из всех садов Киренаики дерненские по их тенистости и обилию плодов наиболее заслуживают названия «Гесперидских»: орошаемые двумя ключами, бьющими из земли в нескольких километрах от основания гор и разветвляющимися на тысячу канав и канавок, они составляют густыми чащами своих зеленеющих деревьев яркий контраст с голыми, серыми скалами оврага. Сады эти производят финики, винные ягоды, виноград, апельсины и лимоны, а также превосходные бананы, которые, вместе с шерстью, пшеницей, воском и медом, привозимыми с плоскогорий, с губками, вылавливаемыми на соседних мелях, и с кое-какими тканями, выделываемыми в крае, составляют главные статьи маленькой отпускной торговли. Масличные рощи, сохранившиеся в окрестностях со времен римской эпохи, не дают более никаких продуктов; в них следовало бы все деревья заменить новыми насаждениями[1]. Дерненские коммерсанты имеют сношения с Бенгази, Мальтой, Канеей, Александрией, и употребляют для этих сношений суда, которые стоят на якоре в некотором расстоянии от города, в рейде, открытом всем ветрам, кроме западного и южного; в ненастное зимнее время суда укрываются в заливе Бомба. В 1815 г., когда Соединенные Штаты отправили экспедицию против Триполи для обуздания морского разбойничества, отряд моряков овладел Дерной и воздвиг там батарею, остатки которой видны и теперь еще, к западу от города; американцы начали также прорытие гавани у выхода оврага, но пребывание их на материке было непродолжительно, и с тех пор работы эти не возобновлялись. При том же город пришел в упадок с этой эпохи: в 1821 г. чума уменьшила число жителей с 7.000 на 500[2]; большая часть Дерны была покинута, и теперь в ней едва-ли насчитается две трети того населения, которое она имела в начале этого столетия.

К западу от Дерны первый порт, открывающийся на морском берегу, сохранил, в слегка измененной форме, имя «гавани спасительницы», которое дают ему некоторые греческие писатели: это Марса Суза, Аполлония Птоломеев. Благодаря своей маленькой гавани, хорошо защищенной от волн цепью островков и подводных камней, этот приморский город сделался довольно важным, на что указывают обломки памятников, которые еще видны внутри старых стен и даже за городской чертой, на узкой цепи скал, продолжающейся в восточном направлении. Но порт исчез в большей части, быть-может, вследствие понижения почвы, видоизменившего очертания берегов, ибо древние могилы и каменоломни находятся теперь ниже уровня Средиземного моря, как предполагаемые «купальни Клеопатры» в окрестностях Александрии[3]. Впрочем, Аполлония не имела независимого существования: она была лишь морской пристанью гораздо более значительного города—гордой Кирены, которая стояла в 16 километр. к юго-западу, на самом краю плато, откуда открывается обширный вид на расстилающиеся внизу равнины и холмы побережья. Легко понять, почему доряне из Феры, основавшие «златотронную» Кирену двадцать пять веков тому назад, покинули свои колонии на морском берегу и выбрали себе эту возвышенную позицию, удаленную от моря, хотя им тогда нечего было бояться нападений пиратов. Причина та, что они хотели господствовать над населением возвышенностей, доставлявшим им свои произведения, как жизненные припасы, так и товары для торговли, и что эта сильная стратегическая позиция представляла им леса, плодородную почву, а главное—великолепный источник, от которого самый город получил свое имя и который был посвящен Аполлону, как морская пристань. В

1 Mamoli, „Esplorazione“, vol. V, 1881.

2 Paolo della Cella, цитированное сочинение.

3 Bechey, „Northern Coast of Afrika“;—Hamilton, „Wanderings in North Afrika“.

глазах местных арабов славу лежащего в развалинах города составляет также источник живой воды, бьющий из скалы. Имя Кирена мало употребительно: они обыкновенно называют Кирену Айн-эш-Шехад, то-есть «вечный» или «неизсякаемый фонтан[1]», да и вся окрестная местность обозначается тем же наименованием[2]. Однако, количество воды в «неизсякаемом» источнике уменьшилось не только с древних времен, но даже с начала настоящаго столетия: черты, оставленные на скале выше нынешнего уровня, не оставляют никакого сомнения в этом отношении. Скала, из которой поток, разливающийся между куполами мастиковых деревъ и ракит, высечена в виде стены, и на этой белой стене видны обрисовывающиеся в форме фронтона следы кровли храма, прикрывавшего фонтан при выходе его из горы. Галлерея, откуда он льется, была высечена рукой человека на протяжении около 400 метр., но туземцы долго не пускали туда европейцев, уверяя, что галлерея оканчивается у колеса, усаженного острыми ножами и непрерывно вертящагося перед сокровищем[3]. Кроме большого фонтана, приуроченного к мифу о Кирее, дочери лапитского царя, в Кирене были и другие источники, между прочим, ключ, называемый ныне арабами Бу-Гадир или «Отец зелени» и текущий на северо-запад по лесистой долине. На плато была вырыта цистерна, одна из величайших и наилучше построенных, какие сохранились от древних времен. К юго-востоку от развалин, на еще более высокой террасе, находится цистерна Сафсаф, в форме канала, имеющая 265 метр. длины: она выложена огромными плитами, которые покрывают ее по всей ширине около 6 метров[4].

Кирена, имя которой сделалось именем всей страны, сохранила еще кое-какие остатки памятников, украшавших ее в эпоху её славы, когда она отражала ливийцев, давала отпор Египту и распространяла далеко на африканском континенте греческую цивилизацию: Аристотель написал её историю, не дошедшую до нас, и между её сынами были люди, приобревшие громкую славу, как философ Аристипп, поэт Каллимах, астроном Эратосфен. Со времени Пако, первого из европейских путешественников посетившего эти руины, они стали менее явственны, и многие изваяния уже растащены; но и теперь еще можно различить храмы, театры, стадий, колоннады и городские стены, ограничивавшие часть плато, около 5 километров в окружности; со стороны равнины местоположение города оканчивается высокими мысами, разделенными обрывистыми и глубокими оврагами. Во многих местах, скала была гладко выровнена, словно выстругана, чтобы приготовить более удобную поверхность для постановки зданий; через плоскогорье проложены дороги, на которых еще сохранились колеи. Но что всего более возбуждает удивление путешественников, это громадный город мертвых, окружающий то, что было некогда городом живых на западе, на востоке, на юге, на расстоянии нескольких верст; кажется, что вся Кирена была обширным некрополем; в этом отношении с ней не мог бы сравниться ни один эллинский город. Очевидно, соседство, затем господство египтян оказало влияние на киренских греков: вместо сжигания своих покойников, они стали хоронить их в гротах или под гробницами. В ином овраге встречаешь тысячами зияющие отверстия погребальных пещер; иной мыс оканчивается десятью, двенадцатью террасами в виде ступеней, из которых каждая несет ряд надгробных памятников: одни массивные, в стиле почти египетском, другие—украшенные изваяниями, окруженные колоннадами, как маленькие греческие храмы; кое-где можно еще различить следы древнего разноцветного украшения. Большинство гробниц стоят на склепах, высеченных в известковой скале; легкость работы в этой пористой горной породе позволила вырыть таким образом целый подземный город; теперь в одном из больших мавзолеев Кирены расположился сенусианский монастырь. На дороге, которая вела в Аполлонию, у основания киренских мысов, большие кладовые, служившие, быть-может, и могилами, также были высечены в скале[5]. В

1 Falbe;—Muller;—H. Barth, цитирован. сочинение.
2 Murdoch Smith and Porcher, „Recent discoveries at Cyrene“.
3 Augustin Cervelli, „Extrait du journal d'un Expedition de Tripoli a Derna“.
4 H. Barth, „Wanderungen durch de Kustenlader des Mittelmeeres“.
5 Pacho;—Beechey;—Barth;—Hamilton;—Smith and Parcher.

настоящее время видны только следы этого древне-греческого пути. Смит и Порчер реставрировали его или, лучше сказать, открыли новый путь для перевозки драгоценных статуй, собранных ими для Британского музея; но туземцы очень косо смотрели на эту работу: они знают, что проложенная дорога облегчает вход солдатам и сборщикам податей.

В сотне километров к юго-западу, на плоскогорье, одна котловина, длиной 30 и шириной от 10 до 12 километров, известна у арабов под именем Мердж: там стоит теперь одно единственное дерево—пальма, служащая путеводителем путешественникам[1]. На этом бывшем дне озера был расположен древний эллинский город Барке, соперник Кирены, потом первый, по степени важности, между «пятью городами», от которых страна получила название Пентаполя (Пятиградие); это крайний пункт континента, до которого доходили персы, при Дарие, двадцать четыре века тому назад. Греческая Барке превратилась впоследствии у арабов в Барку, и так же, как Кирена, дала свое имя всей территории, от египетских границ до Сиртского залива. Этот город не оставил по себе, как его соперник, импонирующих руин, восходящих ко временам эллинов, но он имел важное значение в средние века, как главный этап для арабских армий между Александрией и Тунисом; он был тогда центром торговли и продовольствия. От этой эпохи процветания Барка сохранила только развалины замка, да обширные цистерны (она не имела, как Кирена, неизсякаемых источников). При Птоломеях она была заменена, как главный город, её морской пристанью, Птолемаидой, имя которой мало изменилось в арабской форме. Теперь Тольмита уже не город, но еще видны остатки её древних стен, имевших не менее 7 километров в окружности, и фундаменты многих зданий; эти развалины заняты племенем марабутов агаил, которое, из зависти к соперникам по ремеслу, долго противилось пропаганде сенусиев, но, наконец, должно было, в свою очередь, обратиться в их веру[2]. Гавань, хотя почти совершенно засыпанная песком, представляет безопасное пристанище мелким судам, до самого Бенгази, который находится верстах в ста к юго-западу. Древняя Тейкера, другой приморский город, бывший в числе «пяти городов», вместе с Киреной, Аполлонией, Барке и Гесперидой, сохранила свое имя, как и Птолемаида: арабы называют ее Токра; тщетно давали ей оффициально наименование Арсинои, потом Клеопатриды. Токра не имеет ни храма, ни порта, а только несколько лачуг да могилы, из которых арабы сделали себе летния жилища; но городские стены её принадлежат к числу наилучше сохранившихся валов, какие завещаны нам древним миром. Хотя вновь отстроенные Юстинианом, они покоятся на более древних фундаментах, и многие фрагменты восходят к македонской эпохе: двадцать четыре четыреугольные башни фланкируют эту великолепную ограду[3].

Эугесперида, Гесперида или Гесперия, которой дали это имя, вероятно, потому, что она лежала к западу от Киренейской области, и которая впоследствии была названа Вереникой, в честь киренеянки, супруги Птолемея Эвергета, сделалась в наши дни городом Бенгази: нынешним своим наименованием город обязан одному святому, гробница которого находится по близости, на самом берегу моря. Столица территории Барки и всей восточной Триполитании, в то же время самый многолюдный город страны, Бенгази занимает местоположение древней Гесперидy, исключая части мыса (где теперь стоит замок), которая была размыта волнами, и своими обломками способствовала засорению гавани. Город расположен на южной оконечности скалистого мыса, омываемого с запада и юга морем; на восточной стороне расстилается соленое озеро, составлявшее часть Средиземного моря даже в историческую эпоху, и в которое и теперь иногда, во время бурь, вторгаются морские волны; летом оно представляет болотистую котловину, покрытую тонким слоем соли. Посередине перешейка, между озером и морем возвышается горка, как полагают, тот самый остров, который, по описанию древних авторов, лежал среди гавани, и на котором был воздвигнут храм Венере, замененный теперь гробницей Марабута. Другие озера или, вернее, болота тянутся на севере

1 Camperio;—Mamoli;—Haimann, „Esploratore“;—„Petermann's Mittheilungen“, 1881.

2 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.

3 H. Barth, цитированное сочинение.

и на юге, отделенные от моря узкой береговой полосой. Однако, Бенгази имеет менее нездоровый климат, чем большая часть других городов этого побережья, благодаря бризе, уносящей вредные испарения этих болотистых водовместилищ. Но в жилищах кишат насекомые: у туземцев вошло в поговорку, что Бенгази—это настоящее «мушиное царство».

Так как столица Барки находится в постоянных сношениях с оазисами пустыни посредством караванов, которые еще недавно тащили за собой целые партии невольников, то население Бенгази очень смешанное: негритянский элемент сильно представлен между всеми потомками берберов и арабов. Евреи, замечательные своей красотой, тоже очень многочисленны между жителями Бенгази: они поселились в крае в эпоху, предшествовавшую их собственным преданиям, и происходят, вероятно, от тех израильтян, которые эмигрировали в Веренику во времена Птоломеев, с собственным политическим устройством и со своими архонтами, и которые сделались довольно могущественны, чтобы подняться против греков и перебить их. Эмигранты из Мавритании тоже составляют значительную часть населения Бенгази, с тех пор, как духовный орден сенусиев сделал нравственное завоевание страны и управляет ею через посредство начальников племени и турецких чиновников. Наконец, европейская колония, представляемая главным образом мальтийцами, итальянцами и греками, с каждым годом приобретает все большее значение, численность её доходит до 1.000 человек на 15.000 жителей.

Бенгази уже не кучка убогих домишек из битой глины и рогож, каким его видели редкие путешественники в начале столетия: теперь он имеет солидные каменные дома, в один и два этажа, маяк, церкви, мечети и синагоги; но в нем нет более ни одного памятника его прошлого; только несколько камней указывают место нахождения молов и набережных. Однако, в земле нашли драгоценные изваяния, вазы, надписи, медали, и добрая часть этих находок досталась Луврскому музею, благодаря раскопкам Ватье-де-Бурвиля. Недавно кое-что сделано по улучшению порта; но в сравнении с тем, что было две тысячи лет назад, он много потерял в протяжении, глубине и безопасности: суда, сидящие в воде более, чем два с половиною метра, не могут входить в гавань и должны бросать якорь в открытом море; зимой, воды Бенгази почти совсем не посещаются судами. Несмотря на эти неудобства, город ведет значительную и постоянно возрастающую торговлю, особенно с Францией; он ввозит бумажные ткани, сахар, вино, строевой лес; но уже не вывозит, как прежде, слоновой кости, золота и страусовых перьев; в настоящее время главные предметы отпуска—живой скот и зерновые хлеба, отправляемые на остров Мальту, шерсть, коровье масло, кожи, соль, собираемая в окрестных озерах, губки, вылавливаемые у киренейского берега. Внешняя торговля Бенгази, по ценности, составляла в 1862 г. 1.026.000, в 1871 г.—2.500.000, в 1879 г.—11.685.000, в 1890 г—11.076.450 франков. В 1890 г. в порт Бенгази пришло: 52 парохода в 34.321 тонну и 252 парусных судна в 14.084 тонны. Теперь греческие и итальянские моряки собирают наибольшую часть губок при помощи скафандры (пробочной фуфайки); немногие ныряльщики бросаются голые в воду. Стоимость годового улова губок определяют в 2.000.000 франков[1].

Окрестная местность вокруг Бенгази очень плодородна в значительной части своего протяжения, именно на северных берегах, изгибающихся к Токре; но почва еще слишком обширна для земледелия, и каждый может выбирать себе любое поле: кто посеял, тому и принадлежит урожай. Пальмовый лесок, единственный на берегу Киренаики, к западу от Дерны, занимает часть полуострова на север от города, и несколько садов и огородов окаймляют озера, но их нужно было культивировать особенным образом, чтобы фрукты и овощи хорошо родились. Для этой цели снимают поверхностный слой почвы и устилают дно рогожами, после чего канавы снова наполняют вырытой землей, смешанной с удобрением: говорят, что рогожи не позволяют соляным частицам подниматься в растительную землю и задерживают навоз. На востоке, бывшие каменоломни и естественные впадины или котловины утилизируются садовниками, которые возделывают их дно; это тоже были «Гесперидские сады»,

1 Rocconi, „Esplorazione“, vol. IV, 1880.

подобные тому, о котором говорит Скилакс, и садам, существующим в окрестностях Сиракуз. Некоторые из этих пропастей наполнены водой, или временно, после дождей, или постоянно, вследствие инфильтрации ключей. В 8 километрах к востоку от города, в глубокой галлерее течет подземный ручей: этот таинственный поток есть Лафон или Лета, «река Забвения», которая то покажется на мгновение, то опять исчезнет; впрочем, одна струя этих скрытых вод бьет из трещины скалы и уходит в озеро, омывающее город Бенгази с восточной стороны[1]. Этот болотистый бассейн и сам прославился в истории мифов: по словам Пиндара, Страбона, Лукана и неизвестных авторов «Таблицы Пейтингера»[2], это—одно из Тритоновых озер; другое находилось к западу от Сиртского залива.

За Бенгази, морской берег сначала продолжает направляться к юго-западу, затем поворачивает к югу и юго-востоку, прежде чем описать большую кривую, в виде полукруга, образующую залив Большой Сирт. Ни одного города, только несколько групп лачуг да становища бедуинов рассеяны на громадной окружности этого обширного южного бассейна Средиземного моря; город Аджабия, многолюдный и торговый в средние века, как морская пристань оазисов, не оставил после себя даже развалин. Крепостцы, довольно многочисленные в соседстве Бенгази, более редкия в южном направлении, защищают морской берег; одни из них—простые башни арабской постройки, другие—античные бастионы, сложенные из циклопических камней. Это четыреугольные ограды, с закругленными углами, внутри наполненные землей почти до верху, так что вершина стены образует парапет для защитников; вне стен глубокий ров, с выступающим контрэскарпом, высечен в скале[3]; несомненно, эти укрепления были воздвигнуты цивилизованным населением, предшествовавшим арабам. Возделанные поля, все реже и реже встречающиеся, по мере того, как удаляешься от столицы Барки, чередуются с травяными степями или с соляными прудами, имеющими болотистые берега. Невысокие холмы, изрезанные оврагами, где живут гиены и шакалы, выдвигаются мысами к морю и подводные скалы выступают рядами из вод, тогда как в других местах тянутся плоские берега, окаймленные дюнами. Ни одна пальма не вздымает своей густолиственной короны над этим песчаным берегом, которого так боятся моряки, и о который почти всегда ударяются волны, нагоняемые северным ветром. В этой части прибрежья существует только одна гавань, образуемая цепью рифов: это—Брайга, куда приходит несколько шлюпок за грузами серы, собираемой в некотором расстоянии внутри страны, к югу от крайней южной вогнутости залива, называемого иногда, по причине этих рудных месторождений, «Серным заливом»; недалеко оттуда находится соляное озеро, уровень которого, вследствие испарения, сделался ниже уровня Средиземного моря[4].

В Мухтаре, там, где дорога, ведущая к копям, подходит к морскому берегу, кучи камня обозначают границу между территорией Бенгази и Триполи в собственном смысле. Близ этого места, как полагают комментаторы, произошла,—если только это не сказка древних авторов,—памятная встреча молодых скороходов из Кирены и Карфагена, которые, выйдя в один день каждый из своей территории, должны были провести границу в том пункте, где сойдутся. Но два брата Филены, бежавшие за Карфаген, при помощи какого то-обмана, на много опередили своих противников; когда им пришлось выбирать между смертью тут же на месте и новым испытанием, лучше контролируемым, они предпочли дать себя похоронить под памятником, который с тех пор и обозначал общую границу двух государств: алтарь Филенов был с того времени святым местом для карфагенян.

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.
2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
3 Beechey;—Barth, цитированные сочинения.
4 Elie de la Primaudaie, „Littoral de la Tripolitaine“.

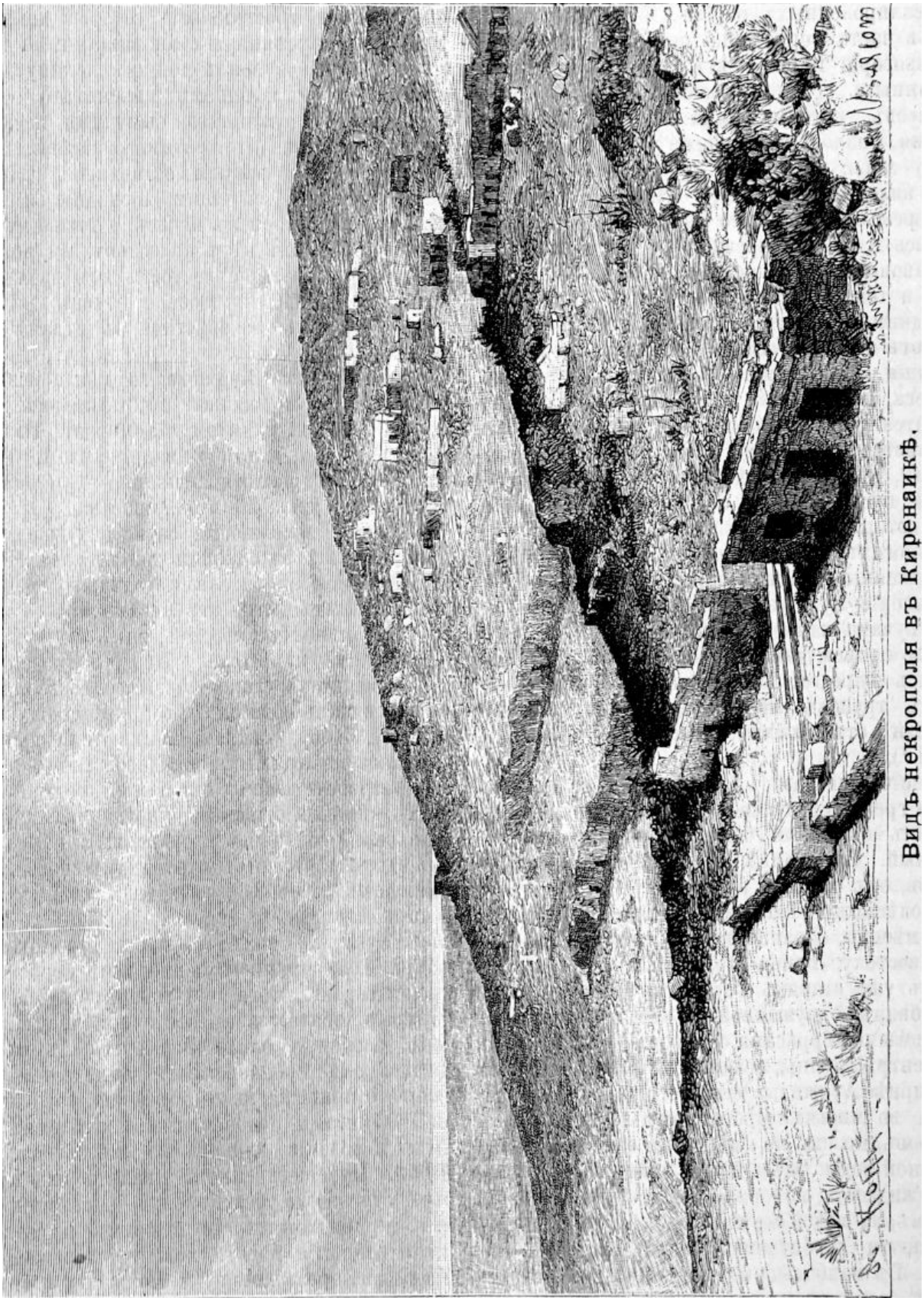
II. Оазис Ауджила

От гребня Джебель-Ахдара почва понижается в южном направлении, но не постепенным скатом, а скорее рядом террас и обширных, лежащих одна над другой, равнин, изрезанных многочисленными уади, ложа которых были вырыты текучими водами в ту эпоху, когда климат был более влажен, чем в наши дни. Впрочем, здесь видны не только следы древних рек, но встречаются также следы морского залива, который можно рассматривать как естественную границу страны Барка в направлении Ливийской пустыни. К западу от оазиса Сивах и его продолжения, оазиса Фаредга, усеянных «горькими озерами», которые прежде были морскими бухтами, долина, вероятно, лежит ниже уровня Средиземного моря; ископаемые раковины морского ежа, гребешка, остреи покрывают там почву миллиардами: там и сям острововидные горки, окруженные песком, указывают прежний уровень равнины, размытой водами. Высокие дюны Рарта прерывают эту низменность, известную у арабов под именем Жердоба; но—если предварительные измерения, сделанные Рольфсом и его спутниками, точны—она снова начинается на западе, под видом извилистого уади, соединяющагося с оазисами Джало и Ауджила: уровень этих долин, по Рольфсу, от 30 до 51 метра ниже поверхности моря. К востоку от группы оазисов самая широкая долина, известная специально под именем «Уади», имеет общее направление с юга на север и северо-запад и, вероятно, сливается с другим морским ложем, Бир-Рассам, которое, по измерениям Рольфса, оказалось лежащим от 100 до 107 метров ниже уровня Сиртского залива: стволы окаменелых деревьев, особенно пальм и мастиковых деревьев, рассеяны там по земле в изобилии, образуя большие «окаменелые леса», подобные находимым в Египте. В том месте, где немецкий путешественник переходил долину Бир-Рассам, она направляется к северо-западу, чтобы соединиться, вероятно, близ своего древнего устья, с уади Фарег, другим покинутым водами ложем, которое, по рассказам арабов, имеет в длину пять дней ходьбы: устье его, запертое дюнами, может-быть, каменистыми холмами[1], находится в месте, называемом Айн-Кебрит, почти в 200 километр. к югу от Бенгази. Уади Фарег обыкновенно считают границей между обитаемой землей и пустыней: путешественники, восходящие в первый раз на его южный высокий берег, обязаны угостить своих спутников так называемым «обедом долины»; в случае неисполнения этого обычая, люди каравана подбирают лежащие кругом камни, чтобы наперед соорудить надгробный памятник скупому путешественнику; это—«анафема», в роде той, которую устраивают греческие крестьяне сборщикам податей.

Таким образом известковое плоскогорье Киренаики и Мармарики, ограниченное на юге уади Фарегом, долиной Бир-Рассам, временными ручьями оазисов Ауджила, Жербодой и озерами Юпитера Аммона, составляло, вероятно, большой остров, едва связанный с остальным материком. Нет никакого сомнения, что воды моря некогда наполняли эту низменность оазисов и уади. Отделенные от главного бассейна Средиземного моря образованием узких береговых полос земли или кордонов, впадины постепенно обсохли под палящими лучами африканского солнца; но морские воды оставили ясные следы своего пребывания, в виде скоплений современных раковин, слоев соли, гипса, селитры, магнезии и многочисленных «горьких озер». Таким образом на той и другой оконечности Сиртского залива мы находим области, сходные между собой внешним видом, рельефом почвы и явлениями, которых они были театром; с обеих сторон тянутся далеко внутрь материка низменные пространства, лежащие частию ниже уровня моря и, как полагают, бывшие дном морским в более или менее отдаленную эпоху. Для того и другаго бассейна одинаково предлагали или, по крайней мере, выставляли возможным образование «внутреннего моря», так, чтобы воды Средиземного моря проникли внутрь континента. Во время первого своего путешествия в ливийские оазисы, Рольфс полагал даже, что прорытие берегового порога, на Сиртском заливе, имело бы результатом затопление большей части материка до 22-го градуса широты к югу от оазиса Куфра, и позволило бы «самым большим судам плавать до Феццана, может-быть, до оазиса

1 G. Rohlfs, „Esplorazione“, vol. IV, 1880.

Ваджанга»[1]. Последующие исследования доказали, что географические перемены, произведенные наводнением, имели бы гораздо менее важное значение, и при том, прежде чем говорить о «внутреннем море», нужно еще подождать точных нивеллировочных работ.



Видъ некрополя въ Киренаикѣ.

В части территории, лежащей на юг от плоскогорий Барки, нет ни городов, ни постоянных селений, разве только в группе оазисов, которые занимают углубления пустыни, нахо-

1 G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandrien“, 2-e Band, S. 68;—„Land und Volk in Afrika“.

дящиеся ниже уровня Средиземного моря: по прямой линии будет не менее 220 километров между оазисом Ауджила и побережьем Большого Сирта, там, где находилась Аджабия, прежняя морская пристань караванов; обыкновенно в этом же месте они и теперь подходят к морскому берегу. Средним числом, путешественники употребляют около десяти дней на прохождение расстояния, отделяющего Ауджилу от морского берега, и во время этого перехода им приходится проходить обширные пустынные пространства, где «даже блоха покидает странника», и где последний не находит другой воды, кроме вонючей и солоноватой жидкости, от которой часто отказывается даже верблюд; во многих местах песок засыпал следы, оставленные предъидущими караванами, и направление пути узнают лишь по *аллемам,* или кучам камней, сложенных через известные промежутки. На востоке, на дороге в оазис Фаредга, пески хранят сорок высохших трупов путешественников, которые умерли от жажды, покинутые проводником[1].

Восточный оазис Ауджила, который во времена греков дал свое имя всему архипелагу, не есть ни самый большой, ни самый многолюдный. При длине около двадцати километров, он имеет в ширину (в среднем) не более одного километра, и тянется в форме полумесяца, обращенного вогнутой стороной к востоку; один только ключ, как это знал уже старик Геродот, бьет в этой котловине, окруженной со всех сторон каменистыми террасами сериов. Оазис Джало, в центре группы, может-быть, в десять раз обширнее Ауджилы: длина его такая же, а ширина во многих местах от 10 до 12 километров, но он не имеет ни одного родника пресной воды: здесь можно найти только соленую жидкость, которая служит для орошения пальм, за водой же для питья нужно ходить в почти необитаемый оазис Уади, на востоке. В наибольшем числе население скучено в западной части группы оазисов: пропорционально своему протяжению, Ауджила одна из густо населенных местностей земного шара. Джало заключает внутри обширныя пустынные пространства, и пальмовые рощи его местами перерезаны рядами дюн; на юго-востоке, Батофль или Баттифал, составляющий южную оконечность Уади, представляет собою впадину, с скудными источниками, окаймленную тростником, который щиплют верблюды, и усеянную становищами; но далее к востоку весь пояс лощин покинут жителями, за исключением маленького оазиса Лешкерре, окруженного сыпучими песками. Овощи, производимые садами оазисов, хлебные растения и финики составляют главную пищу жителей; впрочем, последние имеют несколько стад овец и коз, а также кур и голубей. У них нет ни ослов, ни волов, и вся их кавалерия состоит из трех или четырех лошадей. Собака—очень редкое, но не совсем неизвестное в стране животное.

Оазисы группы Ауджила: Ауджила—20 (?) квадр. килом., 4.000 жит., 40.000 пальм. Джало—200 (?) квадр. килом., 6.000 жит., 100.000 пальм. Уади—200 (?) квадр. килом., 1.080 жит., 40.000 (?) пальм. Лешкерре—10 (?) квадр. килом., 500 жит., 20.000 (?) пальм.

Племена, населяющие оазисы Ауджила, не принадлежат к одной и той же расе. Называющие себя аборигенами уаджилы происходят, может-быть, от назамонов, о которых упоминает Геродот; они говорят еще берберским наречием, близко подходящим к «тамасирту» туарегов. Населяя западный оазис и часть оазиса Джало, окружающую его столицу, Леббу, уаджилы занимаются главным образом земледелием и садоводством, а также разрабатывают окрестные салины (в этих местах, бывших некогда дном моря, соль везде соединена с гипсом); наконец, они отдают в наймы караванам своих превосходных верблюдов и служат им проводниками на всех дорогах пустыни до Бенгази, Мурзука, Сиваха и Куфры. Туземцы моджабра, тоже приписывающие себе берберское происхождение, хотя они говорят арабским языком, обитают в восточной части оазисов, особенно около Эль-Арега, в оазисе Джало; они пренебрегают земледелием, но зато это прирожденные торговцы, как жители Гадамеса, и, подобно этим последним, они имеют колонии купцов во всех оазисах Ливии. Путешественники хвалят их мужество, трезвость, безупречную честность: это им принадлежит, по словам Буркгарта, честь открытия дороги между побережьем и Уадаем через Кафру и Ваджангу, Что касается оазиса Лешкерре, то он населен племенем зуйя (суайя), арабского

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

происхождения. Эти три племени—уаджилы, моджабра и зуйя,—при всем различии их языка и происхождения, очень сходны между собою по физическим признакам, и цвет их кожи, почти черный, свидетельствует о важной роли, которую играл негритянский элемент в скрещиваниях. Брачные узы очень не крепки у обитателей оазисов Ауджила; по словам Гамильтона, там не редкость встретить мужчин, заключивших последовательно от двадцати до тридцати браков, так как цена супруги колеблется между 30 и 40 франками; но поселение в крае суровых сенусиев, без сомнения, повлияет на изменение нравов в том смысле, что разводы сделаются более редким явлением, а с другой стороны и потребление пальмового вина уменьшится[1].

Торговля оазиса Ауджила с внутренними государствами, именно с Уадаем и Дарфуром, повидимому, приняла значительные размеры с тех пор, как Нильский путь был заперт войной. В 1855 г. торговые сношения на дороге из Ауджилы в Уадай совершенно прекратились на несколько лет, вследствие нападения мальтийских купцов, которые, как говорят, с разрешения триполийского паши, атаковали близ Ауджилы один караван, убили несколько человек и захватили десятка три пленных. Чтобы отмстить за этот разбой, уадайский султан велел отрубить голову Фогелю и поклялся предавать смерти всех христианских путешественников, которые попадутся ему в руки[2].

Во всех этих оазисах господствует религиозный орден сенусиев, но оффициальным представителям власти является мудир, имеющий пребывание в оазисе Джало и постановляющий решения именем губернатора Бенгази. Деятельность его ограничивается взиманием налогов, так как различные роды или кланы племен уаджили, моджабра и зуйя, в числе около двадцати, пользуются самоуправлением во всех общинных делах. Когда Пако посетил оазис Джало, власть принадлежала бывшему французскому барабанщику, бежавшему из армии во время египетской экспедиции, который, после ряда приключений, сделался, совершенно неведомо для своих соотечественников, правителем царства в пустыне.

III. Оазис Куфра

Архипелаг зеленеющих островов Куфра, затерянный среди песков и каменистых пространств Ливийской пустыни, есть одна из самым труднодоступных местностей африканского континента. Поэтому он оставался неизвестным европейцам до конца прошлого столетия, и нельзя утверждать с уверенностью, что он составлял часть известнаго древним света, хотя там несомненно жило относительно цивилизованное население. Горнеман первый услыхал об этих оазисах во время своего прохода через Ауджилу; но ни Гамильтон, ни Бейерман, пытавшиеся пробраться в эти таинственные края, не могли найти проводника, который бы согласился сопровождать их, и когда Рольфс, Циттель, Иордан отправились, в 1874 г., из оазиса Дахель, чтобы идти прямо в Куфру, по указаниям компаса, они должны были отказаться от этого плана, после шести дней ходьбы: хотя сопровождаемые целым обозом верблюдов, навьюченных железными ящиками с водой, они принуждены были свернуть на север в Сиваху, чтобы идти между рядов дюн по относительно удобной для ходьбы почве, тогда как по направлению к Куфре им нужно бы было переходить последовательно, на пространстве 400 километр., сыпучие пески, вздымающие свои острые гребни на высоту 100 и даже 150 метров. В 1879 г. Рольфс, идя с севера, то-есть из оазиса Ауджила, успел, наконец, добраться до Куфры, где, впрочем, он подвергался большой опасности быть убитым, вместе со своими спутниками. От последнего становища оазиса Джало, то-есть от колодцев Баттифала, до первого источника в оазисе Куфра не менее 350 километр.; но след идет не по прямой линии, и особенно ночью караваны часто уклоняются в сторону от точного направления: дорога, пройденная Рольфсом, исчисляется им в 400 километр., и это пространство пустыни было

1 Moritz von Beurmann, „Erganzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

2 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

пройдено в 106 часов непрерывной ходьбы. Правда, почва плоскогорья, лежащего между двумя группами оазисов, представляет лишь узкий пояс дюн на южной своей оконечности, и около середины она перерезана долиной, лишенной зелени, бахар-бела-ма или «безводной рекой», впрочем, так мало отличающейся от окружающей местности, что Рольфс перешел ее, не заметив, и упоминает о ней только по рассказам туземцев. Почти все пройденное пространство состоит из сериров, каменистых плато, совершенно правильных и покрытых гравием, дотого мелким, что кажется, будто идешь по окаменелым чечевицам: в некоторых местах камешки имеют величину маленького ореха. В пустыне нет ни одного колодца, и жители оазиса Куфра зорко следят, чтобы не выкапывали колодцев: они хотят, чтобы их край оставался разобщенным с остальным миром, потому что число их очень не велико, может-быть, менее тысячи душ, и они давно бы утратили свою независимость, если бы турецкия войска могли легко добраться до Куфры, переходя с этапа на этап. Но если оазисы Куфра ошибочно показываются на многих картах, как входящие в состав Триполи, то они, тем не менее, уже завоеваны иностранной державой—братством сенусиев[1]. Посредством религиозной пропаганды алжирские хуаны сделались истинными властителями архипелага оазисов, и если бы их метрополии, Джарабубу, лежащему еще слишком близко к прибрежью, грозил какой-нибудь завоеватель, христианский или магометанский, они постарались бы перенести центр своего могущества далее в глубь пустыни, в свою большую зауйю эль-Истан. Во время своего путешествия Рольфс имел случай убедиться, насколько могущественны хуаны. Угрожаемый ими, он спасся от неминуемой гибели только бегством; но как только личность его была защищена формальным признаком фарегдскаго махди, все стали оказывать ему почтение, и имущество его было строго уважаемо.

Оазисы Куфра лежат не ниже уровня моря, как это предполагали, когда был открыт ряд низменностей, простирающийся от египетских оазисов до залива Большой Сирт. Начиная от оазиса Ауджила, лежащего ниже поверхности Средиземного моря, почва незаметно поднимается, и уже оазис Тейсербо, самый северный в архипелаге Куфра, достигает высоты 250 метров. Южный оазис этой группы, Кабабо, лежит на высоте 400 метров, и весьма вероятно, что почва продолжает повышаться в южной пустыне до оазиса Ваджанга. В то время, как на востоке и на северо-востоке песчаный океан развертывает свои высокие волны, в земле Куфра дюн немного, разве только около центральной части, где они окружают оазис Бусейма, на западе и на юге они исчезают совершенно, и повсюду является гладкая плита или рыхлый песок, составляющий грунт оазисов. «Горы», круто поднимающиеся над пальмовыми рощами или над степями, состоят из нубийского песчаника и известняка, прикрытых лавами. Отделенные один от другого, эти джебели, кажется, представляют остатки некогда сплошного плоскогорья, которое годы или ветры разрушили в большей части, оставив лишь одиноко стоящих «свидетелей» прошлого: все они имеют почти одинаковую высоту, только идеальная плоскость, соединяющая все вершины и вероятно совпадающая с бывшей поверхностью плоскогорья, постепенно повышается в направлении с севера на юг. Рольфс нигде не открыл горных пород, содержащих ископаемые организмы; но песок заключает в себе множество остеклованных трубок, произведенных или громом, или органическими выделениями[2]. Там и сям почва покрыта также песчаниковыми шарами, большими и малыми, которые придают равнине вид двора арсенала, усеянного бомбами, ядрами и пулями. Между этими сростками одни пусты внутри, другие имеют твердое ядро или наполнены песком.

Вода есть в изобилии в оазисах Куфра, и достаточно выкопать яму глубиной от одного до трех метров, чтобы найти жидкий слой: в этом отношении Куфра отличается от большинства ливийских оазисов; здесь везде можно без труда добыть себе хорошей воды. Это водяное богатство кажется удивительным в стране, где дожди бывают не каждый год; нужно допустить, что горы, лежащие к югу от этой области плоскогорья, довольно высоки, чтобы задерживать дождевые облака, на проходе. Каждый из оазисов, за исключением, может-быть, оазиса

1 Gerhard Rohlfs, „Kufra“;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.

2 Rohlfs, „Kufra“.

Сирген (Зиген), лежащего на северо-востоке архипелага, имеет в центральной своей части либо озеро, либо, по крайней мере, болотистую себху, где скопляется излишек грунтовых вод. Озеро Бусейма, по середине оазиса того же имени, представляет издали даже вид горного озера. Доминируемое отвесными кручами утесов и омывающее своими синими водами уединенную скалу пирамидальной формы, это озеро тянется между рядами пальм на пространстве около 10 километров, и соляные эффлоресценции его берегов, на которых непрестанно вибрируют и кружатся столбы нагретого воздуха, походят на пенящиеся гребни волн, разбивающихся на берегу. Подле всякого соляного озера и болота Куфры можно копать колодцы, которые дают пресную воду, и везде почва покрывается растительностью, древесной и травяной, по крайней мере достаточной для пастьбы верблюдов.

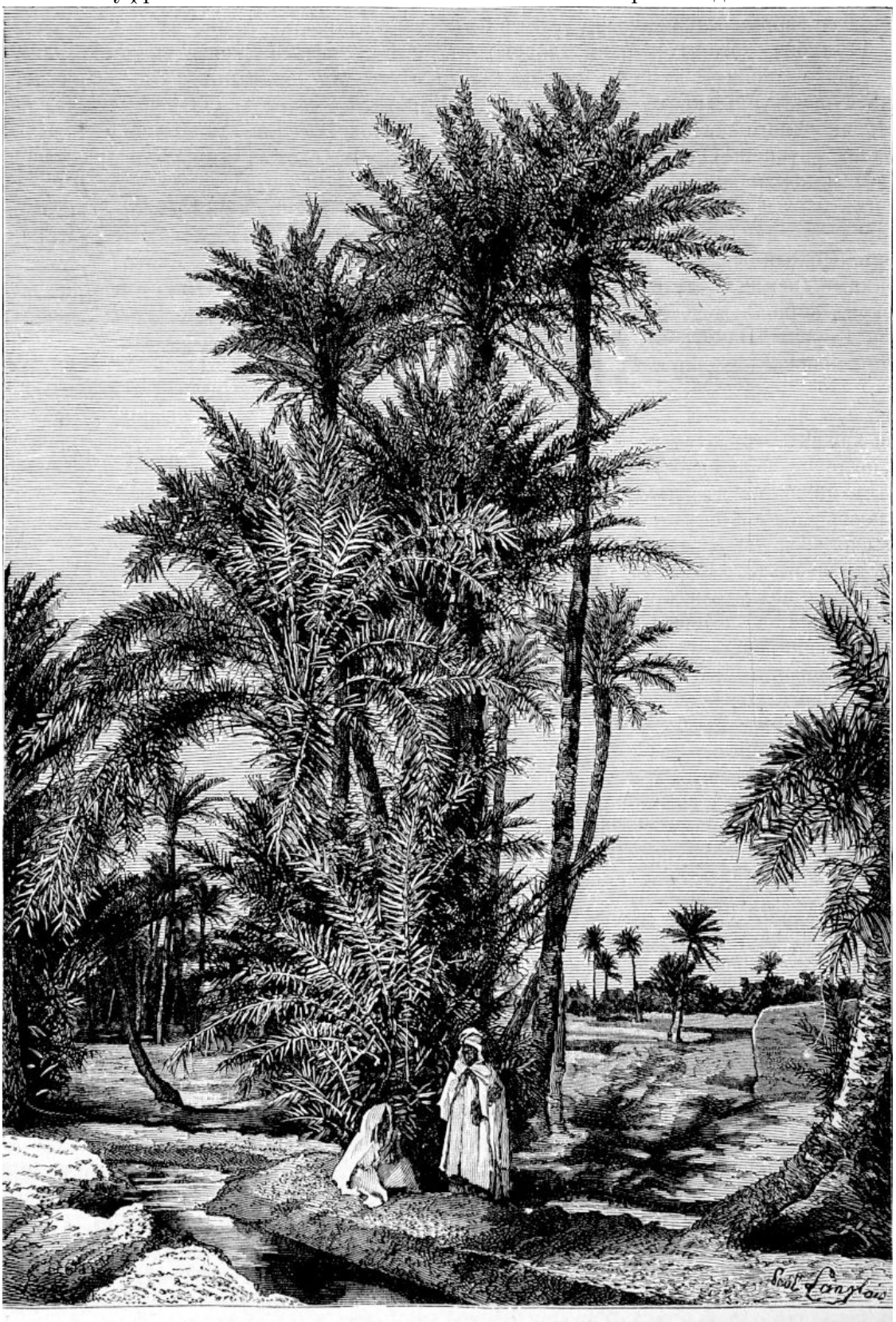
Хотя оазисы Куфры отличаются от большинства других зеленеющих островов пустыни богатством своей растительности, они, однако, представляют лишь небольшое число форм: один и тот же вид, например, альфа, тамариск, акация или тальха, занимает необозримое пространство, обнимающее несколько десятков квадратных километров. Исследование Рольфса, которое, впрочем, было слишком круто прервано, чтобы могло дать все результаты, каких можно было от него ожидать, констатировало только 39 видов, в том числе 26 культивируемых. Одну из характерических черт флоры Куфры составляет многочисленность диких смоковниц, которые растут чащами, служащими убежищем бесчисленному множеству змей. Змеи эти, не ядовитые, имеют привычку обвиваться вокруг ветвей смоковниц или ваий финиковых пальм и, подняв голову, поджидать маленьких птичек, которые сядут на близком расстоянии. Но зато другие птицы, принадлежащие, повидимому, к специальной фауне Куфры, занимаются неустанной охотой на этих змей. На болотах дикие гуси и утки плавают мириадами; аисты тоже показываются иногда в соседстве вод; кроме того, оазисы посещаются странствующими ласточками. Газели редки, только в оазисе Эрбена, на юго-западе архипелага, довольно обыкновенны; но встречаются во множестве мелкие грызуны, а также некоторые виды ящериц, пауков, муравьев. Улиток в оазисах Куфры совсем нет, как и в оазисах группы Ауджила[1].

Имя Куфра, происшедшее от Кафир, означает «страну неверных». Однако, архипелаг оазисов не заслуживает более этого названия с первой половины XVIII столетия, когда язычники тиббу были прогнаны магометанами зуйя, пришедшими по большей части из оазиса Лешкерре и поддерживающими еще сношения со своими земляками в группе Ауджила. Те тиббу, которых ныне увидишь в крае, только терпимы там, и может-быть, уже не существует, кроме как в южном оазисе, ни одного поселка, где бы они жили отдельной группой. Однако, многочисленные строения напоминают о пребывании этих прежних жителей, также как о пребывании их предков или предшественников, гарамантов. Находимые в этой области Ливии обделанные кремни свидетельствуют о доисторическом периоде, подобном тому, какой пережила Европа. На гребне массива Джебель-Бусейма древнее селение так хорошо сохранилось, что достаточно было бы протянуть крышу из пальмовых веток над круглой стеной хижин, чтобы сделать их снова жилыми; потерны, оборонительные башни и внешний вал являются в таком же виде, как были построены архитектором. На верху скалы, высящейся по середине озера Бусейма, стоит крепость того же рода, в которой обитали прежние владетели края. Остались также древние кладбища, которые магометане позволяют профанировать без всякого протеста, на том основании, что находимые там скелеты в сидячем положении принадлежали проклятым кафирам. Арабы племени зуйя, сделавшиеся господами страны по праву завоевания, причисляют себя к самым верным ученикам Пророка, с тех пор как получают поучения от членов братства сенуси. Их шейх никогда не показывается перед людьми своего племени иначе, как верхом на коне, под зонтиком, с соколом, сидящим на маленькой подушке у него за спиной, и в сопровождении борзой собаки; он всегда вооружен длинным кремневым ружьем с заржавленным штыком. Зуйи предоставляют презренным тиббу южных деревень употребление первобытного оружия, каков, например, шангер-

1 Rohlfs;—Ascherson;—Peters, „Kufra“.

мангер, узкая железная палица, тяжелая и заостренная, которая кружится в воздухе прежде, чем достигнет цели.

Архипелаг Куфра состоит из пяти главных оазисов. На северо-западе лежит оазис Тайсе-



Группа пальмъ въ оазисѣ Куфра.

бро, прежняя столица которого, Джрангеди служившая резиденцией тиббусским султанам, до сих пор еще доминируется остатком замка, построенного из глыб каменной соли. Имя Куфра, применяемое теперь ко всей группе оазисов, в начале, кажется, принадлежало одно-

му только Тайсебро, но политическое первенство этого оазиса побудило распространить его специальное название и на другие острова архипелага, хотя, в среднем, они отстоят один от другого верст на сто. На северо-востоке, оазис Сирген почти необитаем, и зуйи даже не насадили там финиковых пальм, хотя без труда можно бы были в короткое время развести обширные пальмовые плантации; тем не менее, этот оазис имеет весьма важное значение, как этапное место для караванов, благодаря прекрасной пастьбе, которую находят там верблюды. Оазис Бусейма, в центре архипелага, замечателен своим озером и окружающими, на подобие крепостного вала, горами: на севере—Джебель-Бусейма, на северо-востоке—Джебель-Сирген, на юге—Джебель-Нари; последний, в виде разорванного хребта, тянется под разными именами, с востока на запад, на пространстве около 200 километров. На юго-западе, оазис Эрбехна имеет почти те же размеры, как оазис Бусейма, и представляет такой же вид: это пояс пальм, окружающий озеро, над которым господствуют крутые откосы гор. Наконец, на юго-востоке, простирается самый значительный оазис архипелага Куфра—зеленеющий полумесяц Кебабо, имеющий не менее 200 километров от одной до другой оконечности. На этом оазисе сгруппировалось почти все население Куфры: здесь, около середины оазиса, основалась деревня Джоф, или «Полая», теперь самое большое поселение в этой части Африки; здесь же находится монастырь, где живут владетели страны. Зауйя эль-Истат, или «обитель чистоты», походит скорее на крепость: из-за его высоких белых стен, которые могли бы выдержать осаду, виднеются только верхушки домов с террасами. Но, не опасаясь более нападений неприятеля, братья сенусии, живущие в ограде зауйи в числе около двухсот пятидесяти человек и имеющие в своем распоряжении почти столько же невольников, давно уже развели сады за стеной; в непосредственном соседстве монастыря раскинут обширный, занимающий несколько гектаров, сад, где можно видеть почти все плодовые деревья, произрастающие в оазисах Триполитании. Из миллиона пальм, находящихся на землях Куфры, они получили около трети в дар монастырю от благочестивых верующих.

Пространство группы оазисов Куфра, по Бему: оазис Тайсербо—6.343; оазис Сирген—2.054; оазис Бусейма—320; оазис Эрбехна—314; оазис Кебабо—8.793 кв. километр.; всего—17.824 кв. километр.

IV. Берега большого Сирта и Триполи

Область триполийского побережья, ограничиваемая на востоке крайней вогнутостью Большого Сирта, на западе южными мысами тунисских берегов, составляет особую территорию в административном отношении, и при том ясно очерченную рельефом почвы. Пояс неравной ширины, уади которого, с их бесчисленными притоками, почти всегда сухими, наклонены к Средиземному морю, обставлен на юге и юго-западе цепями скал и гор или изрытыми краями плоскогорья, которое, в целом, тянется почти параллельно берегу Сиртов. Этот пояс и есть Триполи в собственном смысле. Вилайет того же имени обнимает, сверх того, часть плоскогорья, простирающуюся на юго-запад через Гадамес до алжирской границы, но то уже особая область, почва которой имеет скат в западном направлении, к Сахаре. На юге, разбросанные оазисы Феццана, отделенные от средиземной покатости горами, плоскими возвышенностями, обширными пустынными пространствами, составляют другую естественную область. Не включая Киренаики, Феццана, Гадамеса и Рата, но пренебрегая административными разграничениями и принимая во внимание только водораздельные возвышенности между бассейнами, пространство Триполитании можно считать приблизительно в 260.000 кв. километров, а общее число жителей этой обширной страны около 650.000, что составит, в среднем, от 2 до 3 человек на 1 квадр. километр.

Более удаленные от Европы, чем Мавритания, и имеющие в соседстве лишь небольшую полосу годных к культуре земель, берега Триполитании мало привлекали торговлю во все продолжение исторического периода; корабли, огибавшие выдвинутые мысы Нумидии или Киренаики и пускавшиеся в южном направлении, находили во многих местах пустыню у

самого края морских вод; на пространстве нескольких сотен верст тянутся низкие песчаные берега; другие части прибрежья усеяны подводными камнями, а внутри материка расстилаются болота и лагуны, отделенные от моря узкими береговыми поясами суши; даже подходя близко к берегу, с трудом отличаешь его от поверхности моря. Особенно боялись древние мореплаватели залива Большого и Малого Сиртов, по причине его бурунов, бесплодия его берегов, вредных испарений его болот и дикости прибрежных племен. Слабая населенность Триполитании, маловажность её торговли в совокупности обмена, происходящего на Средиземном море, скромная цифра доходов, получаемых с неё политическими её владетелями, доказывают, что за последние две тысячи лет знание страны очень мало увеличилось; значение это несомненно уменьшилось на побережье, где некогда стояли большие города, и в областях, через которые проходили морские пути. Теперь остается докончить исследование—или, пожалуй, можно сказать—открытие Триполитании. Хотя со времени путешествия Горнемана, в прошлом столетии, она была посещена многими путешественниками-исследователями, как Лайон и Ритчи, Денгам, Оудней и Клаппертон, Ленг, Ричардсон, Барт, Фогель, Бейерман, Дюверье, Мирчер и Ваттоне, Рольфс, Нахтигаль, фон Бари, Крафт, однако пройденные ими пути, исходя по большей части из г. Триполи, оставили в стороне многие любопытные местности внутренней части, и изучение страны в геологическом, метеорологическом, этнологическом и археологическом отношении ожидает еще новых исследователей.

В наши дни земля сделалась маленькою под сетью опоясывающих ее дорог, и некоторые географические условия, которыми древние, вынужденные следовать морскими путями, вовсе не интересовались, получили совершенно новое значение. Именно эта глубокая вырезка берегов, отдаляющая Европу от равнин Триполи, оказывается выгодной для сообщений с внутренностью материка. Гавани Триполитании, как они ни маловажны, являются естественными исходными пунктами для караванов, отправляющихся в западный Судан. Благодаря заливу Сиртов, образующему в массе африканского континента вырезку, средняя ширина которой около 500 километров, путешествие через пустыню до внутренних плодородных областей сокращается на целую четверть; кроме того, дорога из Триполи к озеру Цаде, находящемуся прямо на юг от этого города, относительно легка, так как караваны время от времени встречают на пути следования оазисы, феццанские и другие; ни горы, ни дюны не представляют инженерам трудно-одолимых препятствий, и редкия населения оазисов, с давних пор посещаемые иноземными исследователями, конечно, не воспротивятся строительным работам[1]. «Кто овладеет Триполи, тому будет принадлежать и Судан!» восклицает путешественник Рольфс, советуя Италии завоевать Триполитанию[2]. Железную дорогу он предлагает провести из порта Триполи или из глубины Большого Сирта, именно из гавани Брайга, к городу Кука, у западного берега озера Цаде. Может-быть даже, если бы решились устроить достаточно глубокий порт на западном берегу Большого Сирта, например, в бухточке Зафран (Марса-Зафран), можно бы еще укоротить этот рельсовый путь на 200 километров. И не только этот план самый короткий, какой можно начертать для дороги, долженствующей соединить бассейн Средиземного моря с бассейном большого внутреннего озера Африки, но он в то же время, кажется, был бы наиболее подходящим для трансконтинентального пути, который дойдет до крайней вогнутости Гвинейского залива, между Нигером и Конго. Поэтому бесспорно, что железнодорожная линия, которая направится из Триполи к югу, будет рано или поздно одним из главных путей для всемирной торговли; но едва-ли она может превзойти в важности более западное направление, именно дорогу, которая, исходя из сети, уже действующей, алжирского поморья, достигнет через уэд Мессаура, большой дуги, описываемой Нигером ниже Томбукту. С этой стороны представляется громадная выгода в обоих исходных пунктах, как по многочисленности населения, так по обилию произведений и размерам торговой деятельности. При том же, в случае выбора более западного направления, нужно бы было только продолжить, на юге Алжира, линии уже открытые или концессиони-

1 G. Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1877, 11.

2 „Esploratore“, 1865, fasc. I.

рованные до более южной широты, чем Триполи.

Горы Триполитании начинаются на востоке, в неисследованной еще области пустыни, цепью вулканического происхождения, среднее направление которой с юго-востока на северо-запад: это Гарудж-эль-Асуад или «Гарудж Черный», названный так по причине его лав. До сих пор только один путешественник, Горнеман, прошел эту цепь в восточной её части, и со времени его посещения протекло около ста лет; позднейшие исследователи только видели эти горы издали или познакомились с ними лишь по рассказам туземцев. Гарудж Черный, поверхность которого покрыта также во многих местах красноватыми шлаками, более легкими, нежели черные лавы, состоит из маленьких низких цепей и уединенных вершин с крутыми откосами, изрезанных глубокими расселинами и трещинами: эти крутые горы, около 200 метров средней высоты над плато, на котором они стоят, и которое само возвышается на 600 метров (в среднем) над уровнем океана, суть, может-быть, вулканы, горевшие некогда на берегах Средиземного моря или озер, расстилающихся у их основания; но песчаниковые и известковые формации, которые лавы пробили трещинами извержения, тоже составляют значительную часть этой горной системы[1]. На юг от Гаруджа Черного продолжается далеко известковая гамада, плато, оканчивающееся на северо-востоке Мурзукской низменности утесами и холмами, называемыми Гарудж-эль-Абиад, то-есть «Гарудж Белый»; арабы говорят, что там находят целые скелеты больших морских животных[2].

Западное продолжение Гаруджа Черного за перевалом, через который можно пройти из оазиса Зелла, на северном склоне, в оазис Фога, на южном, составляет Джебель-эс-Сода или «Черная гора», упоминаемая уже Плинием под именем Mons Ater. По объяснению римского энциклопедиста, это название, сохранившееся в течение по крайней мере двух тысяч лет, происходит оттого, что горы кажутся почернелыми от действия огня, но, освещенные лучами солнца, они имеют вид объятых пламенем. Черная гора, самая высокая цепь южной Триполитании, развивает свой гребень в общем направлении от востока к западу, так что описывает дугу, слегка выпуклую к северу. Она делится на две части различного вида широкой брешью или вернее, говорит Дюверье, «последовательным рядом оврагов», где проходит дорога (на высоте 736 метр. по Дюверье, 750 метр. по Нахтигалю), которою следуют торговые караваны между Мурзуком и оазисом Джофра; самые имена, данные каждой из половин цепи, Сода-Шеркиях и Сода-Гарбиях, указывают их относительное положение на восточной и западной стороне этой дороги. Сода-Шеркиях, или «Восточная», образует лишь небольшой выступ над поверхностью плоскогорья, тогда как «Западная» Сода вздымается на значительную высоту; одна вершина, Кальб-Варкау, возвышается на 900 метр.[3]; на западной оконечности хребта, там, где он примыкает к большой каменистой гамаде, называемой Гамада-эль-Гомра или «Красное плато», другая вершина, Набер-эль-Джруг, достигает, будто-бы, 1.300 метр.; по Рольфсу, который, впрочем, не делал точных измерений в массиве Джебель-эль-Сода, есть также и в восточной цепи вершины в полтора километра. Как это было уже констатировано Горнеманом и подтверждено Дюверье, Джебель-эс-Сода в большей части вулканического происхождения. Этот последний путешественник привез оттуда куски базальтовой лавы, которая, как полагает Деклуазо, произошла, по всей вероятности, путем подводного извержения.

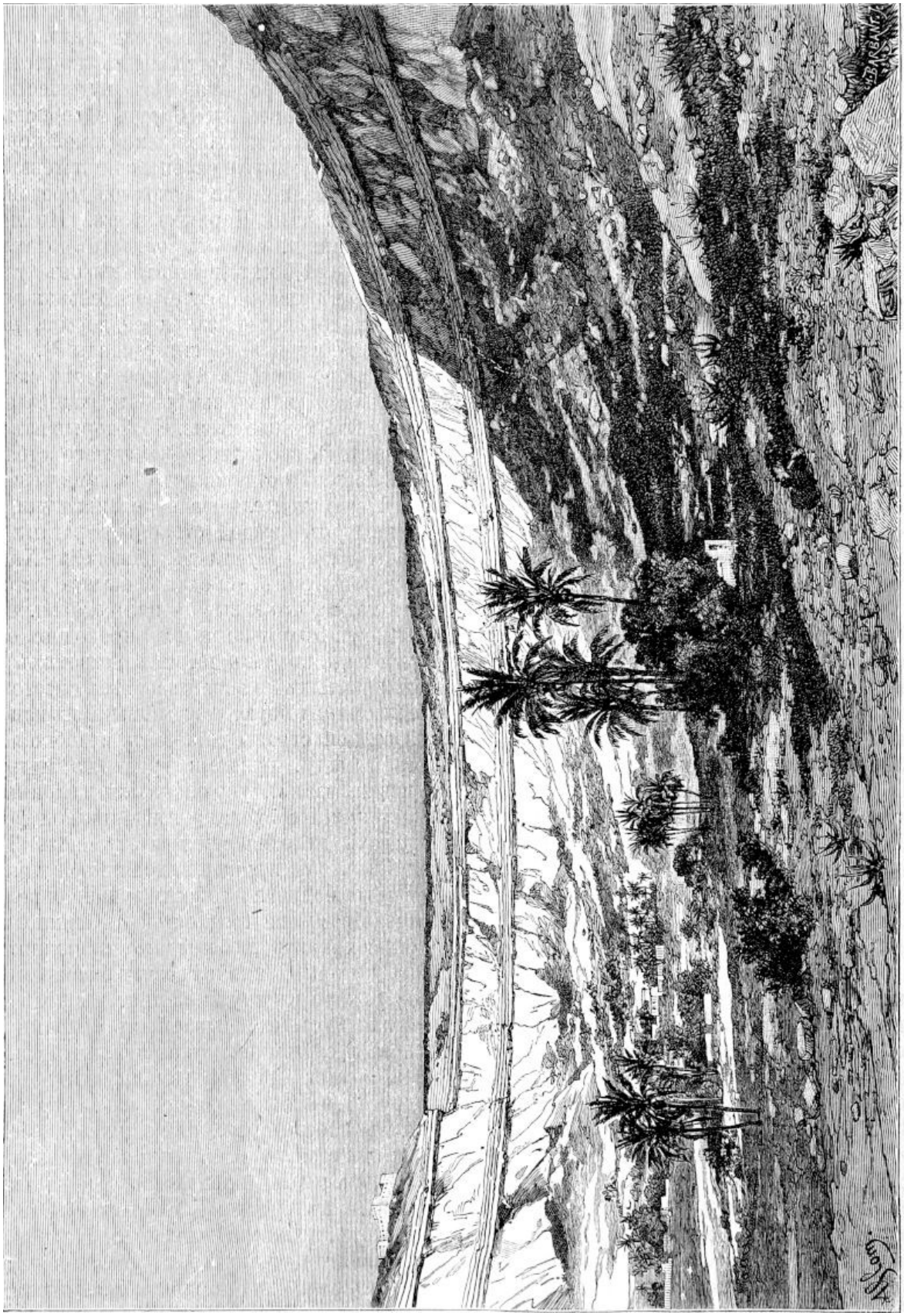
На севере главная цепь выделяет из себя несколько ветвей или отрогов, которые теряются в равнинах прибрежья. Многие предгорья являются также совершенно уединенными: таковы, например, предгорья в соседстве оазиса Джорфа, поднимающиеся на 200 и 250 метров над уровнем уади, средняя высота которого около 200 метр.; одна из этих уединенных скал, Лохмани, поросла пальмами до половины её высоты. На севере оазиса возвышается, среди равнины, горный массив, совершенно отдельный от цепи Сода: это Джебель-Тар, совокупность скал третичной формации, содержащих толстые слои ископаемых. Высота этого мас-

1 G. Rohlfs, „Kufra“.

2 H. Duveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

3 Nachtigal, „Sahara und Soudan“.

сива—всего только 400 метр.—недостаточна для того, чтобы облака задерживались на нем и оставляли свою ношу влажности; оттого в этих горах находят лишь горькие ключи. В память своего друга Нахтигаля (Nachtigal—соловей), исследователя, так много сделавшего для изу-



Каср-эль-Джебель.

чения Сахары и Судана, Рольфс дал самой высокой вершине Тара название Джебель-Бульбуль, или «Гора Соловья».

На западе и северо-западе Черной Горы простирается бесконечное «Красное плоского-

рье», поверхность которого исчисляется в 100.000 квадр. километр.: с севера на юг, там, где его перешел Барт, в 1850 году, от пустынного берега Триполи до Мурзука, протяжение его слишком 200 километр., а с востока на запад оно продолжается, плоскогорьем Тингерт, почти на 700 километр., на юге от оазиса Гадамес и области алжирских дюн. Красная Гамада, между всеми африканскими возвышенностями этого рода, есть «гамада» по преимуществу, «спаленая» область, самая опасная для караванов по причине её безводности; на краю утеса, по которому вступают в нее, каждый человек набожно кладет камень на бусафар («отец путешествия»), пирамиду «умилостивления», возводимую из века в век поколениями торговцев[1]. Трава, кустарник и звери редки на этом безжизненном плато; даже птицы избегают его, боясь перелетать его страшные пустыни, как пустыни океана[2]. Однако, верблюды находят себе там и сям кое-какой корм; по сторонам тропы на гамаде кое-где попадаются впадины, покрытые легкой зеленью; Барт видел даже в одной лощине малорослые пальмы; вода, приносимая редкими дождями, скопляется в этих низинах, но, быстро испаряясь, оставляет после себя лишь тонкую соляную кору. Во многих местах образовались овраги уади, но воды было недостаточно, чтобы вырыть в скале целое речное ложе, и за последним цирком, происшедшим путем размывания, долина снова замыкается. В целом, плоскогорье это представляет замечательно ровную поверхность, где нет ни камней, ни дюн; высота его очень мало изменяется, именно от 450 до 500 метров; высшая точка дороги, которою следовал Барт, лежит на высоте 511 метров, и указывается издали сложенною на ней кучей камней. На первый взгляд можно подумать, что почва гамады образована из базальтовых площадей, —дотого она кажется черной и обгорелой; но на самом деле она состоит из пластов песчаника, прикрытых глиной и гипсом, еще чаще мергелем, известняком, кремнистыми слоями: там собрано множество ископаемых раковин. С южной стороны почва понижается рядом террас и утесами, изрезанными глубокими ущельями; обильный источник Гасси и другие ключи, бьющие на высоте 230 метров ниже поверхности плоскогорья, обозначают границу северной пустыни; на юге начинается область оазисов, населенных «эфиопскими» расами. Невольно задаешь себе вопрос: как могли римские легионы, не имевшие в своем распоряжении верблюдов, как нынешние караваны, переходить Красную гамаду, о чем свидетельствуют древние писатели и что доказывают богато изваянные гробницы, стоящие через известные промежутки вдоль дороги, особенно на вершинах или утесах, господствующих над обширным пространством? Некоторые из этих надгробных памятников, называемых арабами *санем*, представляют собою маленькия здания необыкновенно изящного стиля, и показывают, что зодчие и ваятели этих отдаленных захолустий не уступали в искусстве художникам метрополии. Из путешественников нового времени Барт, Овервег, Ричардсон первые исследовали прямой переход через гамаду; другие европейские путешественники следовали более восточной дорогой, идущей через цепь Черных гор. Не может быть сомнения, что эта область обсохла в течение последних двадцати веков[3]: только этим и объясняется относительная доступность, в древности, западной дороги, *praeter caput saxi*, через вершину скалы[4].

На северо-востоке Красное плато окаймлено бахрамой узких выступов, разрезанных на второстепенные мысы. Некоторые из этих фрагментов громадного каменного стола даже совершенно отделились от гамады и образовали самостоятельные маленькия цепи, ограниченные с каждой стороны оврагами уади. Таковы Каф-Мужелад, Джебель-Хадамия, Джебель-Эргенн, средняя высота которых почти та же, что и высота плоскогорья. С высоты перерезывающих их проходов открывается вид в даль на сеть широких оврагов, покатых на восток и северо-восток, к Средиземному морю; каждый выступ или мыс этой горной страны увенчан, подобно вершинам гамады, руинами гробниц и других римских зданий, украшенных колоннами и изваяниями. Необходимо, говорит Рольфс, исследовать методически всю эту

1 H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central Africa“.
2 H. Duveyrier, цитированное сочинение.
3 Barth;—Duveyrier;—Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.
4 Плиний, кн. V, гл. 5.

часть Триполитании, чтобы изучить находящиеся там драгоценные надписи и собрать лучшие барельефы. Основание музея древностей в Триполи могло бы сохранить любопытные памятники старины, которым иначе грозит опасность обратиться скоро в груды камня, в роде *аллемов* или куч, складываемых арабами среди песков и служащих указателями пути.

На севере Красной гамады следуют одна за другой несколько цепей или, вернее, выступов плоскогорья, имеющих по большей части общее направление от востока к западу, следовательно, параллельное и к окраине гамады, и к морскому побережью. Эти-то ряды высот, поднимающихся, в среднем, выше главного песчаникового стола, и задерживающих на проходе приносимые ветрами дождевые облака, лишают влаги обширную поверхность плоскогорья, простирающагося на юге. В целом, вся эта гористая область севера, известная под общим именем «Джебель», *Cilius Mons* древних, должна быть рассматриваема как терраса более высокого уровня, чем Гамада-эль-Гомра, но гораздо более неровная и изрезанная по всей толще глубокими уади. Средняя высота этой северной террасы около 600 метров. Джебель-Гуриан, массив, образующий северо-восточный бастион этой горной страны, синия главы которого, поднимающиеся над коронами пальм, видны из Триполи, имеет вершины в 675 метров, а Барт упоминает об одной «очень высокой горе», по имени Бибель, не давая, однако, её приблизительного возвышения. Со стороны холмов и низменностей, покатых к морю и называемых Эль-Джефарах или «Низкими», терраса Гуриан во многих местах круто обрывается утесами; овраги основания, наполненные зеленью фруктовых деревьев, обставлены с той и другой стороны голыми стенами, где из белого известняка, где из черного базальта. На краю одной из этих пропастей, почти вертикальной, стоит крепость Каср-Гуриан, с четырьмя круглыми башнями по углам. Из этого орлиного гнезда турецкий гарнизон может обозревать значительное пространство вверенной его охранению страны.

На западе Джебель-Гуриана край большой террасы, который Барт называет истинным «континентальным берегом», продолжается далее, представляя почти на всем своем протяжении такой же крутой скат: на берегу Уади-Серта, в Джебель-Иефрене, один утес вздымается вертикально на высоту 500 метр. Одна из вершин, стоящих на внешнем ребре террасы, приютила на своей кульминационной точке, на высоте 655 метр., цитадель, еще более грозную, чем форт Гуриан, и которой по преимуществу дают имя Каср-эль-Джебель, «Замок горы». Стены цирка, открывающагося у подножия этой крепости, представляют удивительную правильность наслоения: различно окрашенные слои гипса и известняка, из которых последние образуют выступающие карнизы между мягкими пластами гипса, изгрызенными зубом времени, чередуются с верху до низу утеса в замечательном порядке, как будто по плану архитектора[1]. Высшая вершина этой области, приметная издалека по стоящей на ней руине римского мавзолея, достигает 850 метр. На западе Джебель-Иефрена следуют другие джебели, еще очень мало известные[2],—Нефуса, затем Дуират, который тянется параллельно морскому берегу, на расстоянии около 100 километров, потом, приближаясь к нему, сливается с равниной в Тунисе, близ залива Габес. Почти везде передовые горы Триполи покрыты растительной землей, как высоты алжирской Кабилии, и плодовые деревья, культивируемые берберами той и другой страны с одинаковой любовью, произрастают там тоже с успехом: нет ни одной деревни, которая бы не имела своих рощ финиковых пальм, своих лесов маслины и других фруктовых дерев: гранатового, абрикосового, смоковницы.

Впереди Джебеля в собственном смысле, то-есть изрезанной оврагами окраины плоскогорий, стоят уединенно несколько потухших вулканов; даже среди возвышенностей известковые породы местами разорваны и представляют трещины, через которые вылились потоки базальтовых лав. Некоторые из этих конусов выдвинулись наружу через осадочные породы Джебель-Дуирата[3]. На северо-западе Джебель-Гуриана высится двуглавый вулкан Мантерус; восточнее, гора Текут, может-быть, самая высокая из гор северной Триполитании (853

1 Barth;—Vattone, „Mission de Ghadames“.

2 G. Rohlfs, „Esplorazione“, 1883.

3 Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

метр.), наклоняет в южном направлении свой кратер с выбитым краем. На северо-восток от конечного бастиона, образуемого Джебель-Гурианом, простирается нижняя терраса, усеянная *шабами* или *шабатами*, то-есть жерлами извержения, окруженными потоками лавы, которые теперь покрыты пучками альфы. Далее, святая гора Джебель-Мсид, с арабским замком XIII столетия на вершине, вздымает свой зеленеющий, покрытый дерном, купол высоко над всеми окружающими холмами. За этой горой, по направлению к морю, простирается высокая равнина Тар-Гона (300 метров), глинистая поверхность которой представляет там и сям несколько вулканических пузырей, но которая вовсе не цепь гор, как ее обыкновенно изображают на картах. На северо-востоке, другой Джебель-Мсид, тоже почитаемый как священная гора и увенчанный зауйей, или магометанским монастырем, граничит с одной стороны с равниной Тар-Гона, с другой—с холмами Бондара и Меселлата, массивы которых продолжаются до самого берега Средиземного моря. В одной из этих передовых высот, вершина которой делится на три гребня, путешественник Барт признал гору Трех Граций, о которой говорит Геродот; одного, греческий историк помещает ее гораздо далее внутри материка.

Превосходя пространством половину Франции, Триполитания в собственном смысле не имеет ни одной постоянной реки; но в сезон дождей внушительные водопады низвергаются с высоты утесов Гуриана и Иефрена в нижние овраги, и часто грязные воды пролагают себе через пески, скопившиеся в их ложе, дорогу к морю. Барт рассказывает, со слов туземцев, что в 1806 г. Уади-эль-Газас, спустившийся с Джебель-Иефрена, соединился с другими потоками долины в могучую реку, которая открыла себе устье через пальмовые рощи Зензура, на западе от Триполи, и окрасила море своими наносами до острова Джерба, на расстоянии 200 километров. Большая часть уиданов, или лож уади, очень широки и имеют высокие берега, что доказывает обилие временно протекающих вод; тем не менее, путешественники почти всегда избирают извилистое дно этих ручьев, когда их направление совпадает с направлением долины, и, за исключением дождливого времени года, не имеют повода сожалеть о разрушении римских мостов, которые встречаются там и сям на часто посещаемых дорогах.

Еще полезнее, чем реставрация древних мостов, было бы исправление запруд, задерживающих, при выходе из высоких долин, скоро преходящую воду ливней. У основания Джебель-Гуриана Барт видел один из этих резервуаров, арабской постройки, через проломы которого теперь пролегает тропинка караванов. Единственные водохранилища, известные ныне триполитанцам—это каменные цистерны или *майены*, ворота которых тщательно запираются на замок, чтобы сберечь воду на время засухи. Во многих округах страны умеют также выкапывать *фоггараты*, то-есть подземные галлереи, в которых скопляются воды, и которые сообщаются с поверхностью земли посредством колодцев, вырытых через известные промежутки: это то же самое, что *канаты* Иранского плоскогорья[1]. Между «угасшими» реками, которые некогда катили значительные массы воды, и в которых теперь, впродолжении большей части года, надо раскапывать ложе, чтобы увидеть сочащуюся по каплям жидкость, да и то часто солоноватую,—есть много таких уади, которые совершенно теряются, прежде чем достигнут морской покатости. Таковы ложа ручьев, которые берут начало в западной области плоскогорий и змеятся в западном направлении.

На средиземноморской покатости Триполитании все уади, каков бы ни был объем воды, протекающей в их русле после ливней или продолжительных дождей, тянутся до самого моря или, по крайней мере, до прибрежных себх, и некоторые из них имеют очень обширный бассейн, в сравнении с которым бассейны итальянских рек, текущих напротив, по другую сторону Средиземного моря, кажутся незначительными. Так, уади впадающий в море у Мухтара, то-есть на границе территории Барки и собственно Триполитании, имеет, на северных скатах Гаруджа и Черных гор, целое разветвление второстепенных уади, собирающих воду с пространства шириной около 200 километров; западнее, уади-эш-Шегга тоже получает воды обширной территории, в состав которой входит и оазис Джофра; уади Ум-эш-Шейль

1 Nachtigal;—Rohlfs, цитированные сочинения.

берет свое начало в самом сердце плоскогорий, между Черной горой и Красной гамадой. и впадает в западную бухту большого Сирта: длина его течения не менее 500 километр. Уади-Земзем, хотя короче предыдущего, пользуется большей славой, как показывает уже его имя, заимствованное от священного фонтана в храме Каабы; вода, которую дают ямы, вырытые в его ложе, ценится так высоко, что ее сравнивают с водой Меккского источника, впрочем, оказывающагося далеко ниже своей репутации. Суфаджин (Суф-эль-Джин), более обильный, чем другие временные ручьи, питается всеми оврагами плоскогорья, заключающагося между массивами Джебель-Гуриан и Джебель-Хадамия: бассейн его—последний, в западном направлении, бассейн Триполи, имеющий значительную площадь (около 20.000 квадр. километров). Уади-эль-Каан, который переходят в соседстве Лептийских рудников, имеет только несколько километров течения; но это Цинипс, пользовавшийся такой громкой славой в древности благодаря плодородию орошаемой территории; его называют также Уади-эль-Мгар-эль-Грин, или «рекой с пропастями». Вода его, некогда очень хорошая (так что ею пользовались, при помощи водопровода, жители Лептиса), теперь испортилась, неизвестно по какой причине, и путешественники остерегаются пить ее[1]. На западе от Триполи, единственные, сколько-нибудь значительные по длине, временные ручьи—Уади-Гаэра, Уади-эль-Этель, Бейдха, Сегсао; все они выходят из гор «континентального берега».

Весьма значительная часть триполийского побережья, на востоке и западе от гористой области, оканчивающейся мысом Мисрата, раздельным углом между Большим Сиртом и Хомским берегом, занята себхами, плоскодонными углублениями почвы, в которых теряются воды временных ручьев; иногда и воды моря проникают в эти впадины через береговой пояс суши или по временным каналам, открывающимся во время бурь; но большинство себх впродолжении большей части года представляют собою только естественные салины; тогда болотистые берега, где растут солянки, окружают соляные площади, занимающие центр котловины. Самая длинная из этих себх морского прибрежья начинается у мыса Мисрата и продолжается на юго-восток и на восток параллельно берегу Сирта, от которого она отделена поясом дюн: это себха Тауага, в которую, в сезон дождей, изливаются внутренния уади. Озеро это, некогда сообщавшееся с морем, было судоходно, как о том свидетельствуют остатки канала, известного под именем «Римскаго»[2]. В некоторых местах, очертания себхи, также как и контуры возделанных земель и оазисов, изменяются вследствие вторжения береговых песков, которые ветер с моря гонит на некоторое расстояние внутрь материка и которые являются в виде следующих один за другим рядов дюн; таковы пески, окружающие пальмовый лес около Триполи, и о которых путешественники часто говорят как о принадлежащих уже к «большой пустыне», которая, однако, находится в сотнях километрах оттуда, по ту сторону Джебель-Гуриана. Морские приливы очень незначительны на берегах Большого Сирта и западного Триполи; многие путешественники—делла-Челла, Пизант, даже моряк Бичи—отрицали их существование; во время штиля высота прилива около 60 сантиметров; но иногда вода, гонимая сильным северным ветром, поднимается на полтора метра[3]. Трудно составить себе понятие об изумительной силе, проявляемой волнами на плоских песчаных берегах изгибающагося в виде полумесяца залива Большой Сирт, который во все времена внушал страх мореплавателям, так что они считали его оказывающим своего рода притяжение на корабли, чтобы вести их на верную гибель. По Саллюстию, имя Сирт указывает именно на эту притягательную силу волн; может-быть, даже страшная Ламия, это прожорливое чудовище, которое, по мифологии древних греков, обитало в пещере на берегах Сирта, была в их глазах не что иное, как дух вихрей и бурь. В Зафране, близ древнего Мединет-эс-Султан, побережье окаймлено громадными камнями, приподнятыми и сложенными действием волн в форме волноразбивателей. В самом деле, при первом взгляде можно подумать, что это остатки гигантских набережных, но большое протяжение этой колоссальной каменной

1 Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.
2 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d’Afrique“.
3 Gerhard Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.

стены скоро убеждает, что тут имеешь перед глазами дело самой природы[1]. Однако, этим естественным путем жители воспользовались как точкой опоры для искусственного мола, защищающего гавань Зафран[2]. Триполийский берег—один из тех, где, как полагают—верно или ошибочно,—наблюдали медленное понижение почвы или, может-быть, повышение моря. У Триполи в последние пятьдесят лет это движение составляло, будто бы, около 1 сантиметра в год. Таким образом, если эти наблюдения верны, Средиземное море работает над постепенным обратным завоеванием своих бывших заливов, когда-то высохших и лежащих ныне ниже его уровня[3].

Климат в Триполи такой же, как и в других странах, занимающих северную окраину Африки, с той только разницей, что отступление морского берега в южном направлении сообщает триполийскому климату более высокую среднюю температуру и в целом более континентальный характер. Область побережья заключается между изотерами 20 и 22 градусов по Цельсию, тогда как внутри страны жар выше в низменностях, меньше на высотах; на песках, при ярком свете солнца, он превосходит 50 и 60 градусов; собака Рольфса не могла следовать за ним по раскаленному песку, так что он принужден был надеть ей на лапы сандалии. По словам того же путешественника, нормальная температура года в оазисе Джофра, у подошвы Черной горы, достигает почти 30 градусов; но надо сказать, что эти большие жары далеко не так трудно переносимы во внутренних, сухих местностях, как были бы на берегу моря, где обильная влажность воздуха препятствует транспирации; ощущение, производимое жарами на побережье, можно сравнить с тем, которое испытываешь в турецкой бане. Между сильными жарами, превышающими 40 и 45 градусов Цельсия, и большими холодами, разность температуры громадная, так как на плоскогорьях часто бывает мороз; говорят даже, что выпадал снег в оазисе Джофра, также как на соседних горах.

На прибережье жар и сухость воздуха умеряются днем, по крайней мере, в период с апреля до октября, морской бризой, дующей правильно с северо-востока, в том же направлении, как и нормальный ветер пассатов. Она поворачивает постепенно к востоку, затем, после периода затишья, появляется сухопутная бриза, продолжающаяся всю ночь и под утро немного изменяющая направление; она тогда кажется дующей с запада. Иногда в это время года бывают бури, но в таких случаях ветер есть та же морская бриза, только дующая с удвоенной или утроенной силой: в такую ненастную погоду плавание опасно в соседстве берегов, где волны разбиваются с страшной силой. Впродолжении зимних месяцев, составляющих вместе с тем сезон дождей, ветры дуют обыкновенно с запада, северо-запада или севера, принося с собой бури; но внезапные скачки ветра, происходящие по направлению с северо-востока на юго-запад и вообще сопровождаемые громом и дождем, гораздо более опасны по причине их неожиданного появления. Штили здесь часты, и тогда пары скопляются в воздухе в таком обилии, что затмевают солнце; белая завеса скрывает все небо. На окружности Средиземного моря мало найдется стран, где бы серый цвет атмосферы был таким обыкновенным явлением: чтобы снова увидеть синеву воздушных пространств, надо проникнуть далеко внутрь материка. Там пары, вместо того, чтобы расстилаться по небу однообразной завесой, сгущаются в виде слоев, свертков, мелких облачков; однако, чистота небесной лазури никогда не может сравниться в Триполи с тою, которою мы восхищаемся в умеренных странах Европы; пыль, поднимаемая ветром пустыни, имеющим характер симуна или самума, носится в воздухе целые недели и месяцы и всегда сообщает небу слегка свинцовый колорит[4]. Часто на кораблях, стоящих на якоре в гавани Триполи, палуба покрывается слоем песку: берег и город скрыты тогда как бы в тумане, облаке, которое сушит, вместо того, чтобы мочить. Под дуновением пыльного ветра, называемого обыкновенно гебли, или «южным

1 F. W. и H. W. Beechey, „Northern Coast of Africa“.
2 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique“.
3 Gerhard Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.
4 Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

ветром», электричество освобождается в изобилии. Однажды, путешественник Штеккер, сидя в палатке, мог написать свое имя огненными чертами на холщовой стене.

Среднее годовое количество дождевой воды, выпадающее в области Триполи, не достигает даже 20 сантиметров, следовательно, гораздо меньше, чем в Мавритании и Киренаике, т.е. двух странах, выдвинутых к северу, с той и другой стороны глубокой выемки материка, образуемой заливом Сиртов: по своим одометрическим условиям, т.е. по количеству дождей, Триполитания принадлежит более к поясу пустыни, чем к зоне морского прибрежья. Местность, где дожди выпадают всего чаще и в наибольшем обилии,—это северные скаты Джебель-Гуриана и других цепей, образующих окраину плоскогорья: оттого, по богатству растительности, эта область не уступит Кабилии, и сотни тысяч жителей могли бы легко находить там безбедное существование. Но в оазисах равнины случается, что полевые работы приостанавливаются впродолжении нескольких лет по недостатку дождей. Сырые туманы тоже редки; тем не менее, они образуются там и сям на возделанных плоскогорьях, до восхода солнца, и иногда их видели ползущими по оазисам и протягивающими свои завесы над коронами пальм. Впрочем, как ни велика обыкновенно сухость воздуха, растения всегда могут поглощать часть скрытой влажности, судя по тому, что они живут даже многие годы, не получая дождевой воды. Так, один из крестоцветных, гельгелан (mathiola livida), имеет почти всегда утром несколько капелек на кончике своих листьев, хотя нигде вокруг него не заметно росы[1]. Да и самые камни не притягивают ли влажность из воздуха? Если бы этого не было, как могли бы постоянные источники, как, например, неизсякаемый фонтан Гадамеса, всегда изливать свою прозрачную влагу в оазисах, когда десять или даже двадцать лет проходят без того, чтобы дождь хоть раз обмочил скалу, где сгущается бьющая из земли вода?

Хотя ботаническое исследование Триполитании далеко еще не окончено, однако, можно утверждать, что флора её относительно очень бедна, причины чего, конечно, следует искать в незначительности рельефа страны и редкости дождей. За исключением тринадцати новых видов или разновидностей[2], все растения берегов залива Сирт и внутренних областей вплоть до Феццана принадлежат к флорам Мавритании, Египта или Сицилии; некоторые растительные формы итальянской области, неизвестные в Тунисе, встречаются в Триполи, переходной стране между пустыней и бассейном Средиземного моря. Почти все фруктовые деревья умеренной Европы произрастают в Триполи, но не все дают там хорошие плоды. Миндальное дерево прекрасно развивается в этой части африканского побережья, и даже в Гадамесе, на границах пустыни, образует великолепные сады; квитовое, гранатовое, фиговое деревья также отлично растут в оазисах, виноградная лоза везде приносит превосходный плод, который, впрочем, не утилизируется для приготовления вина. Абрикосовые деревья достигают величественных размеров, но дают лишь посредственные плоды в южных областях; точно также персики, сливы, яблони, живущие в оазисах под благодетельной тенью финиковых пальм, здесь не более как декоративные деревья; яблоки, собираемые в оазисах, величиной не больше грецкого ореха и без всякого вкуса. В этих жарких широтах апельсин тоже один из самых посредственных плодов, хотя понятие «золотых яблок» приурочивается легендой к понятию «Гесперидских садов», из которых многие были помещаемы древними в соседстве собственного Триполи. Что касается лимонного дерева, то оно с трудом акклиматизируется вдали от морского побережья; в оазисе Гадамесе существует только одно такое дерево[3].

Главные плодовые деревья Триполитании—маслина и финиковая пальма. По первому из этих дерев, прибрежные равнины Большого и Малого Сирта принадлежат к тому же поясу, как Сицилия и южная Италия, тогда как по финиковой пальме они составляют часть области оазисов. На морском берегу, вокруг многих селений, пальмы и оливковые деревья растут смешанно целыми лесками, которые представляют прелестнейшие картины по разнообра-

1 Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

2 Cosson, note a la „Vegetation du Globe“, par Griesebach, trad. de Tchihatcheff.

3 H. Duveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

зию группировки, бесчисленным деталям кустарников и трав подлесья и живописному виду домиков или развалин, рассеянных в зелени. Но триполитанцы мало искусны в извлечении масла из своих оливок, и в их торговле эти плоды играют весьма незначительную роль. Главное богатство жителей составляют финики; однако, некоторые оазисы на юге Большого Сирта имеют лишь дикия финиковые пальмы, которые растут кустами ваий и производят посредственные плоды, идущие преимущественно в корм скоту; в этих областях попадаются также финиковые пальмы с раздвоенным стволом, как у пальмы дум[1]—дерево, которое тоже представлено в флоре южной Триполитании. Лучшими финиками этой страны считаются финики, производимые пальмовыми плантациями Гариа, в возвышенной долине Уади-Земзем, но они уступают достоинством как финикам из Суфа в Алжирии, так и финикам из Уади-Драа на юге Марокко. Общее число финиковых пальм, культивируемых в Триполитании, можно считать приблизительно в два миллиона деревъ.

Пальмовые насаждения (по Барту и Рольфсу):

Мешия в Триполи около 1.000.000 деревъ; плантации в Зауйя—130.000; плантации в Зензуре—100.000; плантации в Таджуре—200.000; оазис Зелла—100.000; оазис Джофра—15.000; оазис Мисда и Гариа—1.000; другие плантации—100.000 (?) деревъ.

Как в оазисах, прилегающих к Черной горе или к Красной Гамаде, так и в степях, окаймляющих побережья Средиземного моря, плантации финиковых пальм везде состоят из деревъ, посаженных близко одно от другого и придающих целому лесу вид островка зелени: потребности орошения, потребности оплодотворения женских пальм цветочной пылью мужских пальм, во многих местах также необходимость защиты от бродячих племен заставили сгруппировать все финиковые пальмы данного округа в одну сплошную чащу; выйдя из такого пальмового леса, где скучена сотня тысяч деревъ, не встречаешь более ни одного дерева вовремя перехода в несколько часов или даже дней. Во время путешествия братьев Бичи существовала одна единственная пальма на побережье Большого Сирта, недалеко от мыса Мисрата; когда Барт проходил те же берега, пятнадцать лет спустя, дерево это было срублено.

Триполи имеет также, особенно в долинах своих временных ручьев, обширные леса тальх или аравийских акаций, которые растут всегда очень редко, но тем не менее представляют чрезвычайно приятное зрелище путешественникам, совершившим перед тем переход через голые каменистые гамады. Некоторые тальхи достигают величины миндального дерева, но по опушке лесов, и особенно в местах, обращенных на север, эти растения стелются кустами. Тальха дает превосходную камедь, качеством по меньшей мере равную сенегальской, но этот продукт не утилизируется в крае. Содр, или *zizyphus lotus*,—растение дотого обыкновенное, что от него получил название Содриа целый округ западной Триполитании[2]; мастиковое дерево, батум, или фисташковое дерево, и большая часть кустарников, свойственных лесам южной Италии, принадлежат также к самобытной флоре Триполи и покрывают чащами скаты холмов. Тамариск и ртем, или ретама, растут в низменностях, имеющих немного солончаковый характер; чернобыльник или *ших*, одно из любимых верблюдами растений, растет пучками в каменистых степях; съедобный лишай, *lecanora desertorum*, покрывает там и сям плоскогорья пустыни. На возвышенных площадях растительность состоит из бешны, вида, ничем не отличающагося от алжирской альфы, и который тоже начинают употреблять на выделку писчей бумаги. Туземцы верят, что можно избавиться от всяких болезней, заставляя их переходить в стебель альфы: путешественникам не раз случалось видеть, как погонщики верблюдов нарочно слезали с своего верхового животного и, став на колени перед пучками альфы, начинали тщательно завязывать его, в надежде привязать к нему свои недуги.

Фауна Триполи не отличается от фауны сопредельных стран, кроме того только, что она менее богата: животные, дикия и домашния, там менее многочисленны, чем в Мавритании. Ни львы, ни пантеры не рыскают в тамошних горах, недостаток постоянных рек повел к ис-

1 Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

2 Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

чезновению крокодила, так же, как внутри страны истребление лесов было фатальным для слона. Степи представляли бы благоприятные условия для страусоводства, но нельзя сказать наверно, существует ли еще эта птица в стране, и если несколько особей сохранилось, то это, может-быть, только в наименее доступных местностях Красной Гамады. Недавно несколько страусов были привезены из Бурну в Триполи, и проживающие там итальянцы занялись, но без большого успеха, разведением этой бегающей птицы, которое, конечно, нигде бы так хорошо не удалось, как в обширных Джефарских равнинах[1]. В некоторых округах, именно в оазисе Джофра и на берегах Большого Сирта, плотоядные не представлены ни гиеной, ни даже шакалом: единственные дикие звери этого класса—феннек (canis cerdas, megalotis) и лисица. Зайцы, кролики, тушканчики, которые прыгают вокруг норки, волоча по земле свой длинный хвост с белым хохолком, несколько видов газелей и антилоп, наконец, африканский муфлон (дикий баран),—единственная дичь, которую встречают охотники в Триполитании; каменистые гамады пересекаются по всем направлениям дорожками газелей, следами гораздо более узкими, чем тропинки, проложенные человеком, и совершенно освобожденными, благодаря безустанной ходьбе, от камней, которые могли бы поранить нежные ноги этих грациозных животных[2]. Некоторые пресмыкающиеся довольно обыкновенны: таков, например, геккон песков (ящерица), которого туземцы беспощадно преследуют, считая его не только ядовитым, но еще и одаренным волшебной силой. Гадюка рогатая (vipera cerastes) тоже внушает страх жителям, хотя она никогда не бывает опасна зимой и вообще во все время, когда солнце не в полной своей силе: это очень пугливое животное, зарывающееся в песок, на который оно походит цветом, и впадающее в оцепенение при малейшем понижении температуры. Скорпионы прячутся под камнями. Птиц редко встретишь в лесах Триполи, за исключением нескольких дней весной и осенью, во время пролета странствующих стай.

Из домашних животных наиболее утилизируются вьючные—верблюды и ослы. Быки и коровы здесь очень мелкой породы, да и те очень редки, так же, как и лошади; в некоторых оазисах едва сыщется два или три коня, которых начальники племени и показывают с гордостью. Эта редкость лошадей происходит в значительной мере оттого, что турецкие паши отобрали у непокорных внутренних племен всю их конницу: это было верным средством «обрезать им крылья» и заставить их смириться[3]. Собаки, как и лошади, немногочисленны в стране; если не считать приморских городов, здесь не увидишь других собак, кроме «слуги», арабских борзых. Овцы с курдюком, единственная порода, существующая в Триполи, еще покрыты шерстью, несмотря на жар; они теряют шерсть только в Феццане, на юге Черной Горы. Козы, легко находящие себе корм в мелком кустарнике, гораздо более обыкновенны, чем овцы: по словам туземцев, козы, щиплющие веточки ретамы, дают молоко опьяняющего свойства.

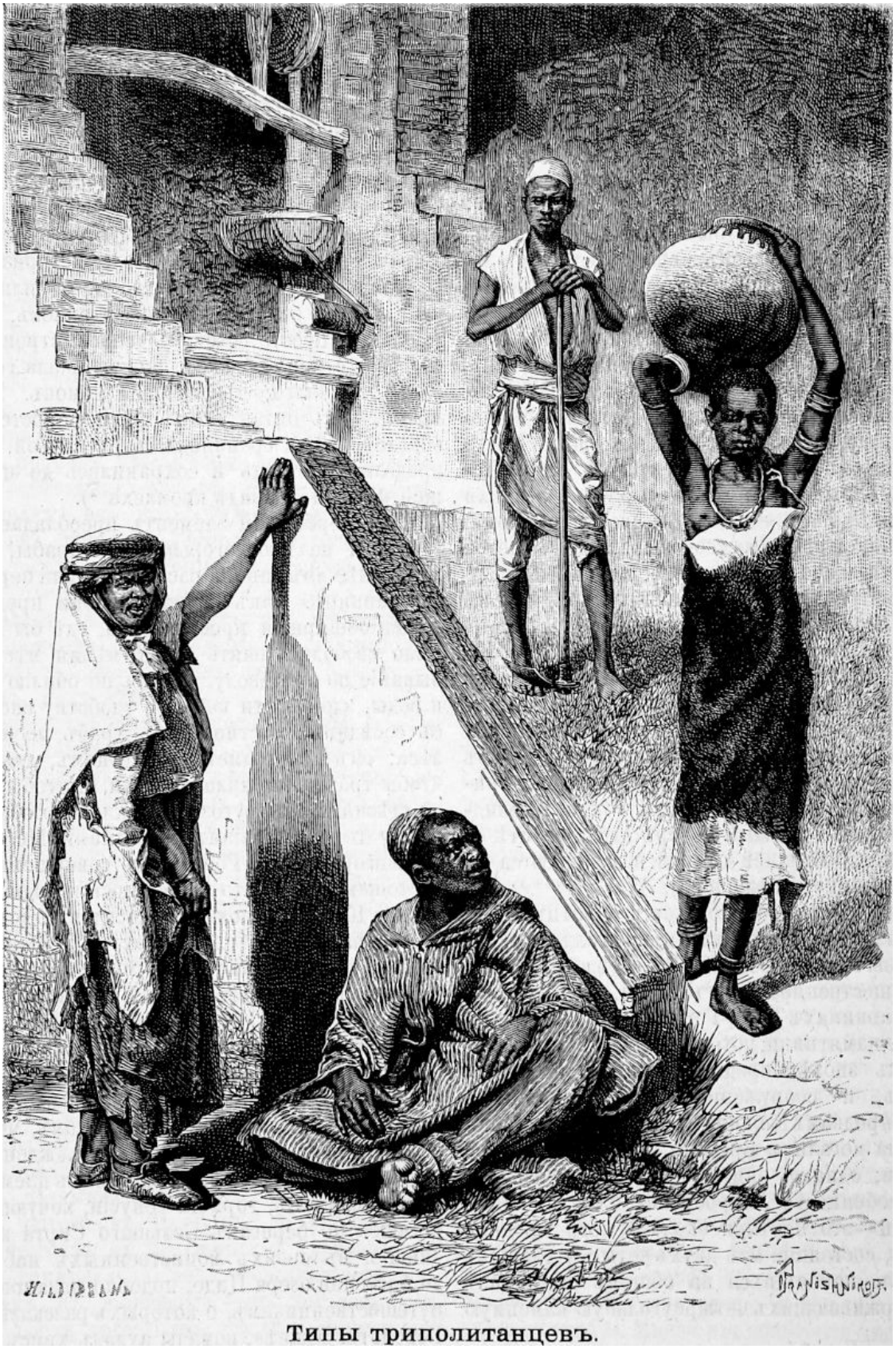
Так же, как в других государствах или владениях, называвшихся прежде «варварийскими», население Триполи состоит из берберов и арабов,—имя, под которым понимают всех потомков завоевателей, поселившихся в крае в эпоху первого мусульманского нашествия и во время великой гилалийской иммиграции, в одиннадцатом столетии. Берберы, по всей вероятности, составляют большинство, как потомки древних жителей страны; но во многих округах они уже перестали говорить своим первоначальным языком и употребляют ныне идиом своих победителей: сделавшись арабами по религии, они «арабизуются» также по языку и нравам. Многие племена, первоначальная основа которых несомненно берберская, тем не менее считаются арабскими: уже Ибн-Халдун, в XIV столетии, указывал на этот постоянный процесс ассимиляции. При том, в большей части оазисов и селений, где берберы и арабы разделены на группы, имеющие каждая свое имя и свою особую организацию, те и другие до такой степени смешались через браки, что нельзя заметить в них ни малейшей

1 Eugenio Arbib, „Esplorazione“, 1881.

2 Gerhard Rohlfs, цитированные сочинения.

3 H. von Maltzan, „Reisen in den Regenschaften Tunis und Tripolis“.

физической разницы: во всех племенах встретишь людей с лицом негритянского, семитического или кавказского типа, но почти у всех без исключения цвет кожи желтоватый или бронзовый, волосы черные и курчавые, тело сухощавое, сочленения очень тонкия. Как у



Типы триполитанцевъ.

всех народов северной Африки, женщины, сравнительно с мужчинами, отличаются очень малым ростом: в этом отношении разница между двумя полами гораздо больше, чем в Евро-

пе[1].

Из берберов собственного Триполи, кажется, всего лучше сохранили свой первоначальный характер жители гор Гуриан и Иефрен; эти же туземцы храбрее других защищали свою независимость. Все восстания начинаются в Джебель-Иефрене; тамошние жители всегда с гордостью говорят о геройских делах своих предков, особенно о подвигах их последнего героя, Румы, который целые годы воевал с турками. По военной энергии, так же, как по трудолюбию, по старательности, с которою они обработывают свои поля и сады, по уму и природной живости характера, это триполийские «кабилы»: они составляют полный контраст с апатичными обитателями равнины. К северо-западу от Джебель-Иефрена, другой массив, Джебель-Нефуса, тоже населен берберскими племенами, из которых иные говорят еще наречием, довольно близким к туарегскому; но большинство жителей, вероятно, потомки тех луата или лиуата, древних либу или ливийцев[2], которые господствовали в крае до арабов, и которые, подобно этим последним, пришли с Востока, чтобы овладеть в течение многовекового похода странами Запада[3]. У одного из племен, живущих в горах Нефуса, существует, как у племени аулад-найль в Алжирии, обычай, по которому молодые девушки уходят в оазисы и окрестные города, чтобы заработать себе приданое проституцией. Тарик, завоеватель Испании, был нефеси, бербер с Джебель-Нефусы, и, быть-может. принадлежал к одному из тех племен, которые, смешавшись с христианским населением, исповедывали иудейство: этим можно бы было объяснить милость, которую он оказывал евреям во время завоевания[4]. В наши дни жители Джебель-Нефусы, хотя обращенные в магометанскую веру, принадлежат к «пятой секте»: они ибадгиты, подобно племени бенимзаб в Тунисе[5]. Между берберскими горцами некоторые племена живут еще подземными деревнями, и, по словам Дюверье, жилищам этих троглодитов Джебель-Гариан, или «гора Пещер»—обыкновенно, но неверно называемая Джебель-Гуриан,—и обязан своим именем. В песчаной или известковой скале вырывается четыреугольное пространство, глубиной от 8 до 10 метров, равной длины и ширины, и в боках этой шахты, служащей двором, открываются комнаты со сводами, где и пребывают обитатели; колодезь, выкопанный по середине двора, спускается до слоя воды, который вообще находят на глубине всего лишь нескольких метров. С внешним миром двор сообщается посредством извилистого корридора, защищенного на обоих концах солидной дверью, и каждый вечер люди, вместе со скотом и домашней птицей, возвращаются в свое подземное убежище[6].

Прежде чем обарабиться и обратиться в магометанство, троглодиты воздвигали жертвенники языческим богам. В соседстве гор и преимущественно вокруг Мсида, на возвышенных равнинах Тар-Гона, сохранились религиозные памятники, которые несомненно восходят к эпохе, предшествовавшей приходу арабов, и сооружение которых приписывают предкам берберов. Это мегалиты, похожие на мегалиты Бретани, Андалузии, южной Алжирии; однако, они представляют некоторые особенности. Берберские памятники в Триполи—это портики около 3 метр. средней высоты, состоящие из двух четыреугольных столбов, покоящихся на общем пьедестале и поддерживающих четыреугольную каменную глыбу, более широкую, чем вертикальные камни: между этими последними отверстие, говорит Барт, дотого узко, что человеку, если он не отличается чрезвычайной худобой, невозможно пролезть. У западного основания горной цепи Мсид-эс-Меселлата путешественники видели шесть таких кромлехов, частию еще стоящих, частию поваленных подле развалин храма; стиль этого здания, почти римский, позволяет предполагать, что строители мегалитов жили в эпоху, когда страна находилась уже под властью италийских завоевателей, и на одном из портиков вырезано

1 G. Rohlfs, „Kufra“;—„Quer durch Afrika“.
2 Carette;—Tissot;—Rohlfs.
3 Tauxier, „Revue Africaine“, 1887.
4 Henri Fournel, „Etude sur la conquete de l’Afrique par les Arabes“.
5 Henri Duveyrier, „La Tunisie“.
6 Lyon, „A Narrative of travels in Northern Africa“;—Mircher, „Expediton de Ghadames“.

животное, напоминающее римскую волчицу[1]. Впрочем, некоторые писатели не признают в триполийских «билитах» и «трилитах» каких-либо религиозных памятников, а считают их просто остовом дверей, строившихся, по местному обычаю, из материала гораздо более прочного, чем стены домов. В то время, как битая глина жилищ постепенно обваливалась и сравнивалась с почвой, двери продолжали стоять и сохранились до настоящей минуты в виде кромлеха[2].

Если берберский элемент преобладает в горах и на плоскогорьях, то арабы, более или менее смешанной расы, получили перевес в равнине. Как кочевники, они предпочитают обширные пространства, где бы можно было свободно гонять стада, меняя местопребывание по произволу, смотря по обилию травы и воды, здоровости почвы и удобству сношений с соседними местностями. Араб не любит леса; он истребляет его огнем, для того, чтобы трава заменила деревья, и чтобы ветви не стесняли его кругозор: таким-то образом между горами Гуриан и холмами Меселлата плоскогорье Тар-Гона было совершенно выпустошено, так что не осталось ни одного деревца. Как все кочевые населения, которые, благодаря именно своему разброду, кончают тем, что распадаются на множество групп, различающихся между собой преданиями, нравами, интересами, триполийские арабы делятся на самостоятельные племена, хотя память о первоначальном родстве сохраняется впродолжении многих поколений. Некоторые из этих народцев выделяются числом, могуществом или благородством происхождения. На востоке, одно из значительнейших племен—аулад-слиман, горячие сенусии, кочующие в степях по берегам Большого Сирта и доходившие, в своих воинственных набегах, до бассейна озера Цаде, подобно назамонским путешественникам, о которых рассказывает Геродот. Южнее, номады аулад-хрис частию осели на земле, как владельцы оазиса Зелла, а в соседстве овраги Черного Гаруджа приютили разные племена, которые таким образом ускользнули от вымогателей поборов, посылаемых пашей. Урфилы или орфелы, обитающие в холмистых местностях, лежащих у восточного основания большого плоскогорья,—самые воинственные и грозные из арабов Триполи; еще недавно их даже обвиняли, будто они крадут детей, чтобы есть их мясо; они называют себя арабами и говорят по-арабски, но способ постройки их жилищ, их земледельческие приемы, имена подплемен и деревень доказывают, что первоначальная основа населения—берберская[3]. На северо-западе, по направлению к столице, следуют одно за другим племена менее многочисленные и более мирные: кедадифа, аулад-бу-сейф, сфрадна, аулад-юзеф, гамадат, тар-гона. Из всех этих родовых групп наиболее уважаемая—бу-сейфы, живущие главным образом в долинах Уади-Суфеджина и его притоков. В видах охранения чистоты своих нравов, бу-сейфы не позволяют чужеземцу останавливаться в их становищах, но отводят ему по соседству отдельную палатку, где, впрочем, всегда оказывают ему самое радушное гостеприимство. Аулад-бу-сейф, племя «Отца меча», славится своими верблюдами, которые считаются лучшими во всем Триполи: в каждом шатре молодые верблюжата пользуются таким же заботливым уходом, как дети семьи.

На западе Триполи, около границ с Тунисом, главные племена—уэршефана, бен-аджела и нуайль. Недавно в пограничной полосе, разделяющей эти два государства, часто бывали столкновения, и, смотря по исходу борьбы, племена, победившие или обращенные в бегство, переносили свои становища на другое место. Хотя искусство письма утратилось у триполийских берберов, однако большинство народцев обозначены на песке или на стенах скал чертами или сложными знаками, в которых надо видеть либо сокращенные имена, либо символические метки, в роде тотема индейцев Северной Америки[4].

Есть также целые племена арабов, которые пользуются всеобщим уважением не за чистоту нравов или какие-нибудь заслуги, а благодаря предполагаемой святости их происхождения. Племена эти состоят из «шорфа», то-есть потомков Пророка, но подлинность этой

1 H Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.
2 G. Rohlfs, „Kufra“;—von Bary, „Jahresbericht der Leipziger Geograph. Gesellsshaft“, XV.
3 Lyon, „Narrative of Travels in Northern Africa“.
4 Братья Бичи, цитированное сочинение.

генеалогии в большинстве случаев довольно сомнительна: если женщина вступила в брак с шерифом, хотя бы даже она вскоре после того была отослана своим мужем, то этого уже достаточно, чтобы каждый из её сыновей и внуков считал себя в праве принять и носить почетное имя[5]. «Марабутские» роды Триполи, так же, как и «шорфы», говорят про себя, что они пришли с Запада. Действительно, весьма большое число арабских племен проникли до берегов Атлантического океана в первые времена завоевания. С тех пор произошло общее обратное движение, и теперь самыми благородными племенами считаются те, которые во время своих переселений дважды совершили переход через Мавританию, взад и вперед: их почитают больше, чем если бы они пришли из святых городов Аравии. Впрочем, это обратное движение еще продолжается, и теперь оно даже более деятельно, чем когда-либо. Алжирские шорфы тысячами эмигрировали в Триполи с женами, детьми и скотом, чтобы не нести ига неверных. Да и хуаны (братья) религиозного ордена сенуси, которые так размножились в оазисах Триполи,—не алжирские ли это эмигранты? После занятия Туниса французскими войсками, многие непокорные племена пошли искать себе убежища в Джефарских равнинах, на западе Триполи.

После элементов берберского и арабского, наиболее значительная доля в триполийском населении приходится на негрскую расу. Между выдающими себя за арабов или даже за торфов есть тысячи индивидов, которые, по цвету кожи и волос, настоящие негры: только черты лица свидетельствуют о смешении с белыми семитами. Торговые сношения между Триполи и внутренней Африкой так часты и так правильны, что присутствие большого числа негров на побережье не представляло бы ничего удивительного; однако, огромное большинство людей этой расы, живущих ныне в Триполи, были приведены туда насильно, как невольники. Прежде, бывало, не приходил ни один караван из Судана, который бы не тащил за собой целой партии пленных: нужно считать сотнями тысяч число черных, которые были таким образом приведены в Триполи и частию остались в крае, частию отправлены далее в Египет или в Турцию. В наши дни торг невольниками уже не производится открыто в столице вилайета, но он не совсем прекратился: получив известие о прибытии каравана в южные оазисы, негроторговцы поручают своим корреспондентам продать повыгоднее их живой товар, и последний всегда находит покупателя. Впрочем, негры и негритянки, по крайней мере в столице, могут во всякое время потребовать себе увольнительную грамоту, и никогда не получают отказа. Многие из вольноотпущенных остаются в домах своих бывших господ, а те, которые уходят, чтобы жить независимо, всегда смотрят на них как на своих патронов и покровителей; в праздники они приходят разделить радость семьи.

Главная масса негрского населения живет не в Триполи и вообще не в городах. Верные своим расовым инстинктам, они сгруппировались маленькими деревнями, представляющими собрание шалашей из веток, ваий и тростника; ни дома цивилизованных турок, ни шатер араба-номада не приходятся им по вкусу: они живут, как их земляки на берегах Нигера или озера Цаде. Большинство, хотя понимают по-арабски, говорят еще наречиями своих предков: от земли ням-нямов до земли фулахов, все страны Центральной Африки представлены в Триполи своими языками, но большинство чернокожих, около двух третей, употребляет «суданский» язык жителей Гауссы; во многих местах иностранец может подумать, что это господствующий язык страны,—так резко негры отличаются от арабов своей неустанной болтовней. Мало вероятия, однако, чтобы гаусский диалект удержался в Триполи впродолжении нескольких поколений, ибо, как ни чиста обыкновенно семейная жизнь триполийских негров, как ни сильна их любовь к своим детям, редко случается, чтобы жены иммигрантов были плодовиты, и шансы смертности очень велики для новорожденных. Негритянки, кажется, лучше выносят тамошний климат, чем их мужья; многие даже достигают преклонного возраста[1].

Турки, которые с 1835 года пользуются не только сюзеренной, но и действительной вла-

5 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

1 H. von Maltzan, „Reisen in den Regentschaften Tunis und Tripolis“.

стью, составляют меньшинство населения, даже в столице; однако, речь их одержала верх у большинства тарабулсиев: преобладающее влияние администрации доставило перевес оффициальному языку над арабским. Тем не менее, турки все еще иностранцы и держатся особняком от других жителей: уже вероисповедание отличает их немного от туземцев, так как они малекиты, среди ганефитского населения; кроме того, они во всем следуют стамбульским модам и, напуская на себя важный вид, стараются отличаться от толпы, которой продают правосудие и защиту, как судьи и администраторы; но при всем их старании казаться благородными, они сильно унижают себя, предаваясь пьянству: триполийский турок редко садится за стол с головой, неотуманенной парами раки. Более достойными являются кулугли, то-есть потомки турок и мавританок или других женщин, черных или белых, взятых в крае; они не платят никакого налога, но обязаны идти, по первому требованию, на службу, в качестве солдат иррегулярного войска. С тех пор, как многочисленные алжирские семейства, бежавшие от французского господства, поселились в Триполи, турки обыкновенно выбирают себе жен между дочерьми этих иммигрантов, которые вообще отличаются от других жителей Триполи честностью, трезвостью, чистотой нравов. Кроме того, между молодыми алжирянками много красавиц с миловидными чертами лица: в этом отношении они составляют полный контраст с тарабулсиянками и триполийскими мавританками, которые, впрочем, пользуются такой дурной репутацией, что брак с одною из этих женщин считается почти что бесчестием. Но как ни уважаемы супруги турецких чиновников, сыновья их редко достигают почетных должностей; прослужив известное время в жандармерии или в других родах войска, большинство этих кулугли удаляются в деревню, где-нибудь в окрестностях города, и там постепенно смешиваются с остальным населением.

В Триполитании, как и в других «варварийских» землях, евреи составляют самую презираемую расу. А между тем они принадлежат к числу древнейших жителей страны, так как пришли сюда в эпоху Птоломеев: в первые времена римского господства, они даже пользовались особым покровительством императора Августа. К западу от Мухтара, на берегу Большого Сирта, одно становище носит название Иегудия, или «иудейская колония», в память израильтян, населявших эту местность до арабского нашествия. В горах Джебель-Гуриан евреи занимают, бок-о-бок с берберами, подземные деревни, где, по словам Лайона, жилища их опрятнее и лучше высечены, чем жилища их соседей: эти евреи-троглодиты, единственные ремесленники в крае, не подвергаются такому дурному обращению со стороны остального населения, как их единоверцы в других округах Триполитании. В столице, где их насчитывается около 8.000 душ, они живут в отдельном квартале, которым управляет «политический раввин», мало сведущий в Пятикнижии и в Талмуде, но облеченный властью распределять налоги, налагать пени и наказания палочными ударами, даже изрекать запрещение на то или другое семейство. Дважды порабощенные, триполийские евреи стоят гораздо ниже мавританских по образованию и строже придерживаются древних ортодоксальных обрядностей и отеческих нравов.

Несколько коптских семей, пришедших с арабами, сохранились отдельными группами в Триполитании, но группы эти слишком малочисленны, чтобы могли иметь какое-либо влияние. Более деятельны берберы джераба, переселенцы с тунисского острова Джерба, хотя община их тоже очень немногочисленна: им принадлежат богатейшие лавки на базаре Триполи; но им приходится выдерживать конкурренцию нескольких тысяч мальтийцев, которые тоже арабы, хотя христиане по вероисповеданию, англичане по юрисдикции, итальянцы по родному языку, в большей части офранцуженные школой. Эта полу-европейская колония ежегодно усиливается настоящими европейцами, по большей части итальянцами, гостями, надеющимися вскоре быть завоевателями, и которые тоже деятельно основывают школы, в видах распространения своего языка. В 1884 году итальянцев насчитывалось 800 человек на 1.000 уроженцев континентальной Европы[1].

1 Paul Melon, seance de l'Alliance francaise, 17 janvier 1885.

К западу от Мухтара, на триполийских берегах Большого Сирта, нет ни одного города, даже ни одного постоянного селения в несколько сот лачуг: на пространстве 500 километров встречаются лишь группы палаток, изредка одинокия хижины, да бесформенные развалины. Но некогда на этом побережье находился по крайней мере «большой город», тот, о котором упоминает средневековой писатель Абу-Обеид-Бекри, называя его Сорт, и развалины которого известны ныне у арабов под именем Мединет-эль-Султан, или «город Султана». Сорт, или Сирт, был исходным пунктом караванов, отправлявшихся во внутреннюю Африку через оазисы Уаданский и Мурзукский; но купцы, не будучи в состоянии защищаться от нападении кочевников-бедуинов, принуждены были выбрать другую дорогу, именно ту, которая проходит, на востоке от плоскогорий, через оазисы, населенные оседлыми земледельцами. Некоторые из развалин Сорта представляют остатки римских строений; водопроводы, резервуары еще вполне сохранились[1].

Все степное пространство, к югу от Большого Сирта, не имеет, как и самый берег, городов, хотя колодцы и лощины уади, где вода скопляется в наибольшем обилии, служат естественными сборными пунктами для рассеянных по степи пастухов. Города в собственном смысле находятся только у основания Гаруджа и Черной Горы, там, где воды текут в количествах довольно значительных, чтобы питать пальмовые плантации и покрывать потребности орошения полей, засеянных хлебом. Даже естественные оазисы, следующие один за другим от востока к западу, под тою же широтой, как оазисы Ауджила и Джало, необитаемы. Джиббена на востоке, Мараде в середине, Абу-Наим на западе,—вот три главные низменности, усеянные зеленеющими купами дерев, которые, казалось бы, должны были привлекать к себе колонии земледельцев. Эти впадины лежат выше уровня моря, но на незначительной высоте, не более 50 метров; с северной стороны, по направлению к Большому Сирту, также как на юге, по направлению к предгорьям Гаруджа, высятся известковые скалы, остатки существовавшего некогда плоскогорья, которое атмосферные деятели, может-быть, также работа вод, разрезали во всех направлениях на колонны и причудливые здания. Эти скалы наполнены ископаемыми организмами, составляющими во многих местах всю массу камня; песок оазиса тоже усеян бесчисленными раковинами и фораминиферами. На востоке, со стороны оазиса Ауджила, поднимаются дюны, одни из самых высоких во всей Сахарской области: некоторые из них достигают 160 метров высоты. Эти три оазиса очень богаты пальмами, но, за исключением нескольких тысяч, все эти деревья дикия или одичалые, растущие в виде кустарника и приносящие плоды посредственного качества и без косточек; в оазисе Абу-Наим, вероятно, нет мужских особей финиковой пальмы, и особи женского пола там не оплодотворяются. Во всех трех оазисах встречаются дикия яблони, дающие плоды величиной с грецкий орех.

Соседния племена или шайки грабителей, бродящие в степях, приходят повременам собирать финики оазисов и пасти верблюдов в поросших травой лощинах. Джиббена и Мараде были еще населены в половине настоящего столетия; в 1862 году в оазисе Мараде жил уже только один человек, невольник, которому поручено были наблюдать за мародерами и указывать их своим господам, во время их годового визита. Основанию колонии вокруг источников Абу-Наим мешает качество воды, очень сернистой, содержащей много сернокислой магнезии. Без сомнения, придет время, говорит Рольфс, когда посещение этих серных вод восточного Триполи будет рекомендоваться европейскими докторами, как очень действительное средство. Залежи серы встречаются во множестве в этой области; недалеко от оазиса, на севере, находятся разработываемые копи, и добываемая на них руда вывозится через маленькую гавань Брайга.

Оазис Зелла или Залла, в каменистом цирке, лежащем у северного основания Черного Гаруджа, есть один из наиболее населенных оазисов Триполи; в 1879 г. там насчитывалось около 1.200 жителей, принадлежавших по большей части к арабскому племени аулад-хрис. Цирк оазиса, образуемый разорванными скалами, имеет 12 километров протяжения с восто-

1 Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.

ка на запад и 5 килом. с севера на юг; вместе с оазисом Тирса, лежащим севернее, он заключает около сотни тысяч приносящих плоды пальм. В 1862 году, во время путешествия Бейермана, оазис Тирса был еще обитаем; теперь он совершенно покинут, вероятно, по причине опасного соседства арабов орфелла[1]. Придя из Египта, тысячу лет тому назад, рассказывают арабы аулад-хрис, они прогнали христианские племена и служили конвоирами караванам Центральной Африки[2]. Эдризи говорит, что их город был главным этапом между Сортом и оазисом Зилла, в Феццане. Но «Город Султана» уже не существует, и главная торговая приморская пристань находится теперь гораздо западнее, в порте Триполи. Жители оазиса Зелла принимают участие в торговле лишь окольными путями. Во время прохода Рольфса, в 1879 году, они уже несколько лет перестали ходить прямо в Триполи, из опасения вендетты орфелов, у которых они убили около пятидесяти человек в одной стычке, и через земли которых должны бы были проходить. Зато они не боятся пускаться далеко в южные пустыни, и наука даже обязана им в это последнее время настоящим географическим открытием—открытием необитаемого оазиса Вау-эль-Намус, который еще не был посещен ни одним европейцем. Жители Зеллы, из всех триполийских арабов, самые богатые верблюдами. Они же одни занимаются еще страусоводством; но со времени путешествия Гамильтона этот промысел стал приходить в упадок. В 1879 году два страуса, которых кормили финиками, давали своему владельцу чистого дохода от 150 до 200 франк.

Оазис Джофра, более обширный и более населенный, чем оазис Зелла, далеко не так богат культивируемыми пальмами: из 2.000 квадр. километров, занимаемых им, едва двадцатая часть приносит доход своими пальмовыми плантациями, полями или садами. Самое имя Джофра, происшедшее от Джоф, «чрево», указывает форму оазиса: он занимает цирк, удлиненный по направлению от востока к западу и доминируемый на всей своей окружности горами, которые поднимаются на 200 метров над равниной; только на юге выступают, за предгорьями, высокие кручи массива Гарудж. С севера на юг, образуя, так сказать, малую ось цирка, тянется цепь холмов, местами прерывающаяся и делящая оазис на две равные части, из которых каждая имеет сады, пальмовые леса, степи, каменистые пространства и соляные озера. Песчаные овраги, в которых вода редко показывается на поверхности почвы, сходятся на севере двойного оазиса в Уади-Миссифер, который, под другим именем, извивается по равнине до Большого Сирта. Несмотря на свое положение на покатости Средиземного моря, оазис Джофра, по управлению, принадлежит к области Феццан. Жители его долгое время сохраняли независимость и не платили налогов ни Триполи, ни Мурзуку; они составляли тогда маленькую республику, довольно сильную, и из всех соседних местностей угнетаемые приходили просить у них убежища; население, исчисляемое ныне в 6.000 человек, было в то время гораздо многочисленнее[3].

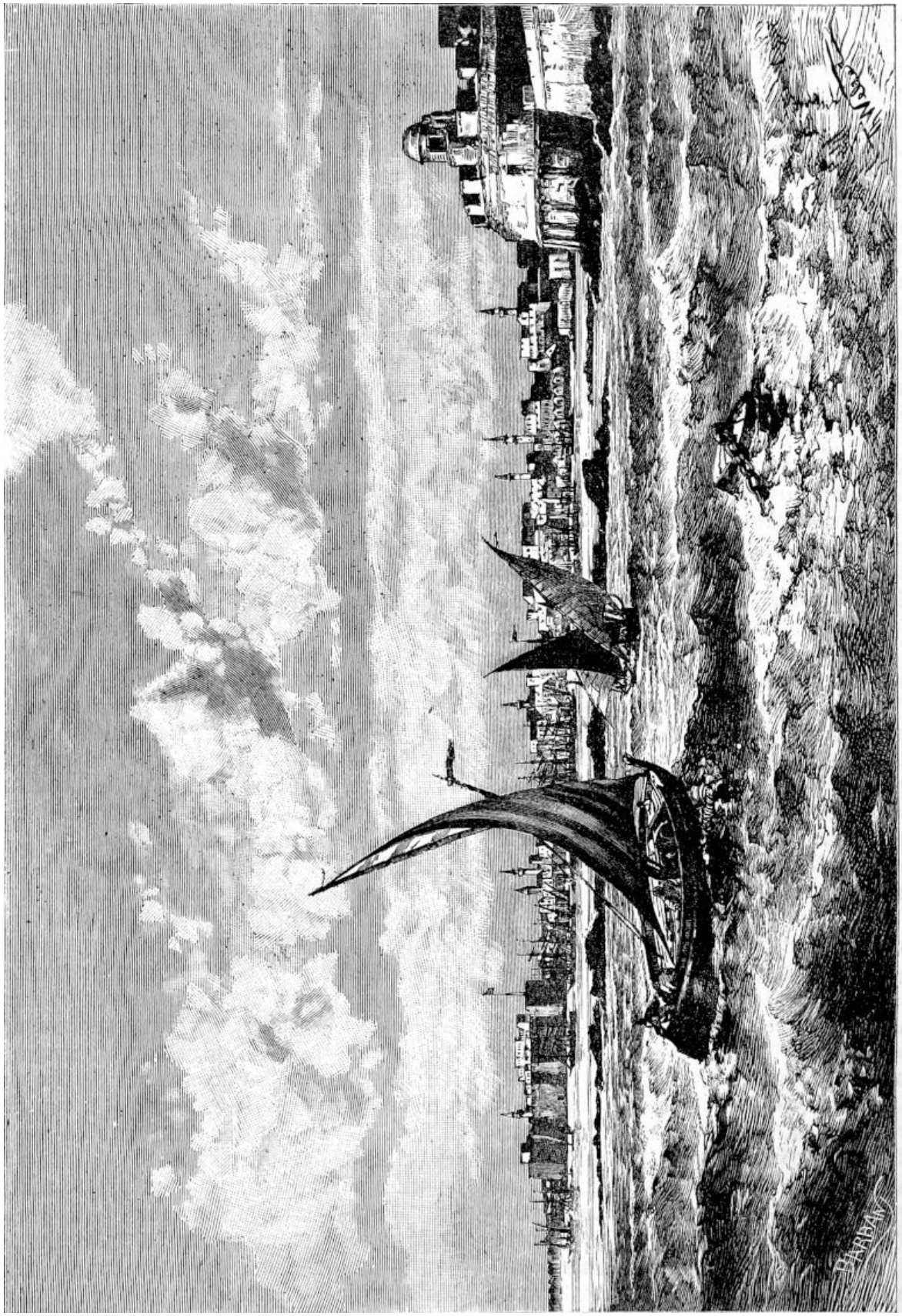
В некоторых из пальмовых плантаций Джофры есть отличная вода; тем не менее, города основались возле горьких источников. Несмотря на эту невыгоду, оазис этот—один из самых здоровых в области пустыни; перемежающиеся лихорадки там неизвестны; глазные болезни редки; другие болезни, обыкновенные в оазисах Феццана, не проникают в оазис Джофры; но, хотя здоровые и сильные, туземцы, берберы и арабы, имеют болезненный вид, кожу желтую и сморщенную: редко встретишь между ними мужчину с правильными чертами лица. Хотя арабы, в качестве избранной расы и учеников Пророка, считают себя выше берберов, они признают однако за ними права первых владельцев почвы. Право собственности на землю сохранено за берберами; арабы могут приобретать только деревья: отсюда иногда столкновения и битвы, влекущие за собой вмешательство турецких гарнизонов Феццана. Расы, правда, очень смешались, и теперь трудно различать арабов и берберов, населяющих Джофру; однако, традиционное соглашение позволяет охранять первоначальное право собственности: сын, каково бы ни было происхождение его матери, всегда считается принадле-

1 G. Rohlfs, „Kufra“.

2 Von Beurmann, „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 8.

3 Lyon, „Travels in Northern Africa“.

жащим к нации отца. Сады, окружающие города оазиса, превосходно содержатся и производят в изобилии зерновые хлеба, томаты, бадиджаны, лук, чеснок и другие овощи; во время сбора плодов, рук владельцев садов и их невольников бывает недостаточно, и в известные



Видъ города Триполи.

эпохи эмигранты из Феццана приходят к Джофру наниматься на несколько недель. Обогащаемые земледелием, жители оазиса не занимаются торговлей, как обитатели Мурзука, Гадамеса и Гата: посредниками в их торговых сношениях служат арабы других племен. Разве-

дение страусов, практиковавшееся с успехом в начале настоящего столетия, теперь оставлено.

Нынешняя столица оазиса, заключающая в своих каменных стенах около трети всего населения,—город Сокна, имя котораго иногда дается всей стране. Жители почти все принадлежат к берберской расе и говорят древним языком, впрочем, с примесью множества арабских слов. Гон, лежащий почти в центре Джофры, в восточной половине оазиса, разделен между берберами и арабами: это самый многолюдный город в крае и вместе с тем первый по количеству возделываемых земель. На востоке, город Уадан, у основания гор того же имени, почитается «святым», благодаря пребыванию в нем шорфов, которые пользуются двойной привилегией благородства, как потомки Пророка и как члены родов, переселившихся из Марокко. Построенный амфитеатром на скале, Уадан представляет очень живописный вид: это город древний, упоминаемый уже арабскими географами средних веков; именем его прежде назывался весь оазис. По словам Рольфса, стены его покоятся на римских фундаментах.

Следуя дорогой, которая из оазиса Джофра направляется к Триполи, огибая восточное основание предгорий плоской возвышенности, караваны избрали главным этапом деревню Бу-Нджейм, населенную несколькими семействами арабов племени орфела, которые живут торговлей с прохожими купцами и пастухами. Колодцы этого селения, находящиеся в глубокой впадине степи на незначительной высоте над уровнем моря, посещаются верблюдами с окрестных пастбищ, на сто верст кругом. Животные отлично знают дорогу к водопою: каждый месяц, а в жаркое время года и чаще, они отправляются длинными вереницами к Бу-Нджеймским колодцам, и если никто не является вытянуть воды и напоить их, они терпеливо ждут по целым часам или даже дням прибытия пастухов. Все другие колодцы страны, до оазиса Бени-Улит, принадлежат тоже орфелам. В этом обширном оазисе рассеяно, среди маслин и других плодовых деревьев, около пятидесяти деревень и поселков, обитаемых постоянным образом. Обозреваемая с высоты, долина уади, заключенная между обрывистых берегов, высотой в 130 до 150 метров, известковых стен, покрытых лавами, представляется в виде зеленой реки, шириной около километра и продолжающейся от запада к востоку до пределов горизонта. Оливковый лес разделен на бесчисленное множество загородей плотинами из больших камней, которые останавливают воды разлива и в то же время задерживают слой растительной земли. Колодцы в Уади-Бени-Улид выкопаны до глубины 40 слишком метров[1].

Некоторые группы мазанок, расположенные у подошвы гамады в вырезках каменистого плато, заслуживают названия городов. Таковы две Гарии: Гария-эль-Шеркия, или «Восточная», и Гария-эль-Гарбия, или «Западная», находящиеся на дне одного уади, притока Земзема. Эти два города, построенные верстах в пятидесяти один от другого, были некогда укрепленными местами, как показывает их имя, означающее «крепость». В западной Гарии уцелели еще величественные римские ворота эпохи Антонинов, составляющие резкий контраст с убогими арабскими лачугами, прилепившимися к античной стене; восточная Гария славится своими превосходными финиками, производимыми деревьями, которые поливаются солоноватой водой, собираемой в подземных галлереях фогаратов. Севернее, в верхней долине Уади-Софеджин, город Мисда, хотя имеющий не более 500 жителей, важнее обеих Гарий, благодаря частому проходу караванов. В этом месте Триполийская дорога раздвоается: одна ветвь, направляющаяся на юго-запад к Гадамесу, поднимается на гамаду; другая, идущая на юг к Мурзуку, переходит последовательно цепи высот, окаймляющих восточный край плоскогорья Красная Гамада. Население Мисды—берберского происхождения, но сильно обарабившееся, хотя следы древнего языка еще сохранились,—принадлежит все без исключения к ордену сенусиев[2]; во время путешествия Барта, в 1850 году, все имущество монастыря состояло из двух голубей; теперь он владеет обширными имениями. В окрестно-

1 Henri Duveyrier, цитирован. мемуар.

2 Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

стях видны многочисленные развалины гробниц и других римских памятников.

Относительно населенные, Джебель-Гуриан и горы, составляющие его западное продолжение, не имеют городов в собственном смысле,—если не считать городом подземных галлерей Зентана. В этом месте плоскогорье разрезано во всех направлениях неглубокими оврагами, образующими своего рода улицы. По обеим сторонам оврага жилища высечены рукой человека в каменистой массе, где белый известняк чередуется с желтым мергелем; наименее твердые части вынуты таким образом, что совокупность пещер напоминает расположение мавританского дома, с двором и боковыми горницами, но различные комнаты этажа сообщаются через наружный карниз, выступ скалы, на который взбираются либо по углублениям камня, либо по лестнице из положенных одна на другую плит. Таких подземных жилищ в Зентане от тысячи до тысячи двухсот, так что общее число обитателей этого крытого города можно приблизительно определить в 6.000 душ. Кругом и над гротами растут оливковые деревья, которые и составляют главный источник богатства пещерного населения, так как пахатные земли редки в этой части плоскогорья[1]; деревья окружены стеной, задерживающей плодородный мергель, который иначе мог бы быть смыт дождями. На все время полевых работ и сбора плодов троглодиты покидают свои пещеры и живут в шатрах, что нередко излечивает их от болезней, приобретенных в сыром подземелье. После Зентана важнейшие, по цифре жителей, поселения этих «гор»—два местечка, приютившиеся у основания турецких замков Каср-Гуриан и Каср-эль-Джебель. В целом этот край относительно довольно многолюден: он заключает в себе не менее «ста одной» деревни[2].

Нужно спуститься до самого берега, чтобы найти настоящий город—Триполи, единственный, впрочем, на всем пространстве между Тунисом и Киренаикой. Даже возвышенные равнины Тар-гона, плодородная почва которых прокармливала некогда несчетное множество людей, имеют ныне только редкие поселки да становища арабов, и главный пункт области побережья, Мисрата, лежащий близ мыса, ограничивающего на западе залив Большой Сирт, представляет собою лишь маленькое бедное местечко, хотя и значится административным центром сорока-четырех деревень. Один каменный дом, маяк новой постройки, две или три узкия, неровные улицы, обставленные мазанками, хижины, рассеянные под маслинами и пальмами,—такова эта столица области, имеющая, впрочем, довольно важное значение, как меновой пункт для окрестных племен. Ковры, циновки, мешки из козьей и верблюжьей шерсти—очень ценимые произведения местной промышленности. В Мисрате находится колыбель знаменитого ордена Сиди-эль-Мадани, основатель которого эмигрировал из Медины в 1833 году[3]. В XVI столетии Мисрата была богатым городом и вела торговлю с Венецией; в то же время она была исходным пунктом для большинства караванов, отправлявшихся в Феццан, и еще недавно кафилахи из Триполи следовали вдоль берега моря до Мисраты, чтобы обойти Гурианские горы, обитатели которых пользовались дурной славой[4].

К западу от Мисраты находится Слитен, местечко или, вернее, группа деревень, затерянных под пальмами и отчасти населенных марабутами и евреями. Затем следует деревня Хомс, или Лебда, бедная наследница античной Лептиды, которую прозвали «Великою» (Leptis Magna) за её обширность и великолепие. Первая Лептида, основанная беглыми сидонцами, была расположена на высоком мысе, который с востока ограничен ручьем: полуостровной холм, защищенный со стороны твердой земли тремя рядами укреплений, был акрополем города. Волноразбиватели, защищающие стрелку мыса от удара волн, построены из огромных четыреугольных камней, в роде тех, какие уцелели на острове Рюад, на Сирийском берегу; вообще в этой части Африки находят еще вполне сохранившиеся остатки финикийской архитектуры. Внутри этих стен набережной открываются, через известные промежутки, редюиты, длиной около 30 метров, служившие, по мнению Барта, са-

1 Micher, „Mission de Ghadames“.
2 Richardson, „Narrative of a Mission to Central Africa“.
3 Henri Duveyrier, „Tunisie“.
4 Pezant, „Voyage en Afrique“.

раями, куда ставились сидонские барки. К югу от акрополя, на левом берегу ручья, постепенно вырос новый город Неаполь (Neapolis), сделавшийся с течением времени одним из значительнейших центров населения Старого Света; сотни тысяч жителей группировались в стенах этого африканского города, здания которого, построенные частию из местных мраморов, уступали богатством и красотой только зданиям Рима. Пески засыпали его руины; памятники, некогда украшавшие улицы и площади многолюдного города, погребены под дюнами вышиной в 20 метров. Триумфальная арка, на которой еще видна дата, была воздвигнута при Марке Аврелии[1]; но большинство строений, от которых еще уцелели кое-какие остатки, базилика и мавзолеи, появились в царствование Септимия Севера, который был уроженец Лептиды и даровал своему родному городу многочисленные привилегии. Несколько античных колонн лежит также на земле; но большая часть колонн, открытых среди развалин, были увезены в Англию или Францию: многие из них находятся теперь в церкви Saint-Germain des Pres в Париже. При раскопках в развалинах Лептиды нашли прекрасные камеи, а также надпись на трех языках: пуническом, греческом и латинском,—памятник, свидетельствующий о множестве иностранцев, толпившихся в этом африканском городе[2]. На восточном берегу ручья тоже был раскинут квартал Лептиды, а на низменной стрелке, тянувшейся вдоль устья, стоит форт, часто отстраивавшийся, с высоты которого можно окинуть взором все поле развалин. Вдали, за этими обломками седой старины, виднеются купы пальм, масличные рощи и цирк холмов Меселлата, увенчанных укреплениями в соседстве моря; весь город в совокупности занимал пространство в пять раз больше, чем то, которое занимает нынешний Триполи[3]. Порт Лептиды почти совершенно занесен песком; однако, небольшие суда, почти исключительно английские, приходят туда в лучшее время года за грузами альфы, собираемой в соседних степях[4]. По словам туземцев, культура оливкового дерева была введена в крае египтянами: одна масличная роща в округе Меселлата, состоящая из огромных стволов, носит название «Фараонова леса»[5]. Колесная дорога, соединяющая Триполи с округом Меселлата, проходит во многих местах возле древней дороги, которую можно узнать по колеям, оставленным в твердом камне колесницами карфагенян, греков и римлян. На этой дороге самая многолюдная группа деревень—Таджурах, жители которого—народ промышленный, в одно и то же время землевладельцы, ткачи и красильщики. Таджурах некогда был воинственным городом и постоянно вел борьбу с мальтийскими рыцарями[6].

Нынешняя столица Триполитании далеко не может сравниться, по числу жителей и богатству, с древней Leptis Magna. По степени важности Триполи занимает лишь третье место между городами средиземного побережья, хотя в эти последние годы население его значительно увеличилось, и он принял более красивый и более оживленный вид. Подобно Лептиде, Триполи—финикийского происхождения: под именем Уайата, переделанным по-латини в Эа (Oea), он был посвящен богу Мелькарту, высшему тирскому божеству, и сделался значительным городом; неизвестно, в какую эпоху он принял имя Триполи, которое в начале было именем целой провинции: из трех городов, Лептиды, Собраты и Эи, последняя, выбранная столицей, в конце-концов получила общее наименование страны[7]. Турки сохранили греческое слово Триполи под формой Тароболос, но для отличия от Сирийского Триполи они прибавляют к названию африканского города слово эль-Гарб, то-есть «Западный». Кое-какие остатки римской Эи еще существуют; глубокия цистерны, фундаменты городских стен относятся к этой эпохе; даже одно прекрасное здание вполне сохранилось: это—триумфаль-

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
2 Fulgence Fresnel, „Journal Asiatique“, 1846.
3 G, Rohlfs, „Petermanns Mittheillungen“, 1865.
4 „Yacht-Reisen in den Syrten“, 1873.
5 Gerhard Rohlfs, „Kufra“.
6 Elie de la Primaudaie, „Le littoral de la Tripolitaine“.
7 Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“;—Heinrich Kiepert, „Lehrbuch der alten Geographie“.

ная арка, сооруженная в честь Марка Аврелия и Луция Аврелия Вера. Легко было бы освободить этот античный памятник от песка, засыпавшего его до половины высоты, и от гнусных строений, опирающихся на его столбы, составленные из огромных глыб мрамора.

С моря Триполи имеет очень красивый вид. Цепь подводных камней, частию выступающая из голубых вод, тянется на 3 километра от берега, и при основании её, со стороны твердой земли, высятся большая башня и укрепления. На западе развернулся, в виде полумесяца, самый город, отделенный от плоского берега линией валов, над которой господствует ряд белых домов с террасами, и которая замыкается, на восточной оконечности порта, массивным дворцом генерал-губернатора, окруженным садами и пальмами. Над мечетями и домами, прилегающими к морскому берегу, возвышаются минареты, такие же стройные, как минареты мечетей в Турции, и длинные мачты, на которых развеваются консульские флаги, а далее, в глубине картины, показываются, командуя над городам, цитадель и «французский маяк», открытый в 1880 году. Лев Африканец, писавший в начале шестнадцатого столетия, сообщает предание, по которому Триполи, будто бы, был некогда построен севернее, и в его время еще виднелись под водой фундаменты исчезнувших зданий; но этот предполагаемый провал побережья сводится, без сомнения, к простому явлению местного размывания, так как нынешние городские валы покоятся частию на основаниях стен древней Эи[1].

В новом Триполи, который окружен потрескавшимися стенами, построенными во времена Карла Пятого, перемешаны весьма различные архитектурные стили. Внутри города, в лабиринте узких и кривых улиц, большинство домов, там и сям соединенных над дорогой пассажами со сводами, сохранили арабскую физиономию, с их белыми, голыми стенами и дворами, окруженными галлереями. Почта все здания, построенные правительством—казармы, тюрьми, госпитали, магазины,—напоминают огромные и неуклюжия турецкия постройки Стамбула, тогда как Мальтийский квартал походит на предместье итальянского городка, а на Портовой улице красуются пышные дома, неуступающие домам больших торговых городов Европы. Даже негритянская архитектура с берегов Нигера представлена в этом городе Средиземного моря. Во многих местах среди развалин группируются хижины с куполами из древесных ветвей, подобные жилищам западного Судана: этому способу постройки триполийские бедуины научились от негров-невольников. Хотя все еще очень грязный, поочередно болотный и пыльный, или то и другое вместе, Триполи, однако, много украсился с половины настоящего столетия. *Гара*, то-есть еврейский квартал, по-прежнему представляет лабиринт грязных закоулков, но через весь старый город проведен центральный бульвар; рынок, где царят негоцианты с островов Мальты и Джербы, значительно расширился, несколько новых предместий появилось среди садов. Выкопали даже артезианские колодцы, чтобы восполнить недостаток годной для питья воды, так как содержимого цистерн обыкновенно хватает только на шесть или на семь месяцев в году; но до сих пор бурения давали лишь солоноватую жидкость. Городское население значительно увеличилось и доходит теперь до 30.000 или 35.000 человек, между которыми насчитывают от четырех до пяти тысяч европейцев, почти исключительно итальянцев и мальтийцев. Туземцы, мужчины и женщины, носят почти одинаковый костюм, только драпируются в свою тогу или *гаули* разным манером. Женщины накидывают себе на плечи три гаули, одну на другую—газовую, шелковую и шерстяную[2].

Пояс пальмовых плантаций, называемый Мешия, который тянется вокруг Триполи, имея около пятнадцати километров средней ширины, представляет собою многолюдный пригород столицы; население его, по Крафту, простирается до 30.000 человек: тут есть и негры из Борну и государств по Нигеру, которые, получив вольную, вернулись к прежнему образу жизни, какой вели в родных поселках; и прохожие арабы, разбивающие свои палатки под тенью пальм, вблизи святой куббы; и мальтийские mercanti, расположившиеся со своей мелочной лавочкой или харчевней на перекрестке дорог; и европейцы или турки, удаливши-

1 H. von Maltzan, „Reise durcb die Regentschaften Tunis und Tripolis“.

2 Krafft, „Tour du Monde“, 1861.

еся на отдых в хорошенький загородный домик, среди зеленеющих и цветущих массивов. Но в некоторых местах Мешии грозит нашествие песков, которые море оставило некогда в высохшем заливе; многие сады покрыты дюной в 30 или 40 метров вышины; там и сям видны деревья, у которых ствол совершенно засыпан, а верхушка разметает песок своими высокими ветвями. Жители Триполи обыкновенно, хотя не совсем правильно, дают этому поясу дюн название «пустыни», считая себя, из какого-то странного тщеславия, близкими соседями Сахары, от которой они отделены еще всею областью степей и горами Джебель-Гуриан. Но, действительно, Триполи и его окрестности представляют во многих отношениях вид оазиса, и тотчас же по выходе из тамошних садов караваны должны уже измерять свой путь по колодцам. В самой Мешии бесчисленные колодцы спускаются до слоя воды, который ирригационные насосы никогда не исчерпывали, и который находят в соседстве моря на глубине менее одного метра. Вода здесь сама собой бьет ключем из песков, когда очень низкие приливы имеют следствием обнажение плоских берегов, почти всегда затопленных.

Для торговли с бассейнами озера Цаде и Нигера Триполи имеет над западными городами, Тунисом, Боной, Алжиром, Ораном, то преимущество, что он находится в прямых сношениях с покатостью Гвинейского залива. Две главные дороги, одна на Мурзук, другая на Гадамес, соединенные между собой промежуточными путями, служат средством сообщения Триполи с городами Бурну и Гауссы. До 1873 г. караванщики из Гадамеса пользовались монополией торговли с этими странами, но теперь европейские негоцианты в Триполи организуют караваны у самых дверей своих магазинов, заинтересовывая в своих гешефтах, предоставлением половины барыша, начальников племени, которым вверяется предводительство над кафилахом, и которые, впрочем, всегда отдают верный отчет в своих коммерческих операциях. Средним числом из Триполи ежегодно отправляется шесть или восемь больших караванов, имеющих от одной до трех тысяч верблюдов и всегда эскортируемых сотнями вооруженных арабов, которые безбоязненно пускаются во враждебную территорию. Путешествие до первых городов Судана продолжается, средним числом, от двух до трех месяцев. Обыкновенно несколько негоциантов соединяются в товарищество, внося каждый известную сумму на общее предприятие; но они могут получить свои, пропорциональные вложенному капиталу, доли барыша не ранее двух лет, так как успешные операции по обмену бумажных тканей, талеров Марии-Терезии и других европейских товаров на страусовые перья, слоновую кость, золотой песок и невольников—требуют много времени, и триполитанским караванщикам часто приходится по нескольку раз перевозить свои товары с одного рынка на другой. На обратном пути они посылают из Сокны или из Гадамеса вперед конных курьеров с известием о своем возвращении, и тогда завязываются новые сделки с европейскими купцами, в предвидении скорого прибытия обоза; обыкновенно товары продаются с публичного торга, по прибытии каравана. С тех пор, как Уадай добровольно запер свои рынки для египетской торговли, и особенно с тех пор, как провинции по верхнему Нилу восстали против господства хедива, установилось новое торговое течение поперег северо-восточной Африки, через Дарфор и Уадай; в настоящее время уже не Александрия, а Триполи служит ввозной гаванью для предметов продовольствия и боевых припасов, покупаемых Кордофаном. Однако, в последние годы главной причиной благосостояния для Триполи был вывоз, альфы.

Отпуск альфы из порта Триполи:

В 1870 году—1.022 тонны, ценностью—40.000 франк.; в 1875 году—33.590 тонны, ценностью—2.372.680 франк.

Триполи пользуется большой выгодой в том отношении, что ему принадлежит монополия прямого обмена с внутренней частью континента; кроме того, он занимает счастливое географическое положение, почти по середине африканского берега Средиземного моря, но вблизи Мальты, Сицилии и Южной Италии. Однако, его торговые обороты, хотя они ныне в шесть раз превосходят обороты целой Триполитании в 1825 г.[1], гораздо меньше, чем обороты

1 „Voyages“ de Graberg de Hemso.

Туниса и Алжира, городов, которые должны удовлетворять своей торговлей потребности более многочисленного местного населения, и где число европейцев несравненно значительнее.

Внешняя специальная торговля порта Триполи в 1893 году выразилась следующими цифрами:

Привоз—11.125.000 франков, вывоз—11.000.000 франков.

Великобритания, владетельница острова Мальты, с которым Триполи находится в постоянных, почти ежедневных сношениях, имеет на свою долю более половины обмена в общей торговле; она доставляет почти все бумажные материи, называемые «мальтийскими» (maltese), по имени островного склада, и берет в уплату почти всю альфу, производимую этой страной. Итальянцы, представляющие собою почти всю колонию европейских иммигрантов в этом городе, занимают лишь второе место в движении торгового обмена. Что касается Франции, то она стояла даже позади Турции в движении судоходства в Триполи, но со времени завладения регентством Тунис, сопредельным с Триполитанией, её участие в торговых сношениях с этой последней страной значительно увеличилось.

Движение судоходства в порте Триполи в 1892 г.: пришло—279 пароходов, в 244.997 тонн, и 203 парусных судна, в 13.930 тонн.

Однако, важность Триполи, как большого рынка, всегда останется непрочной, пока гавань его не будет углублена и защищена от опасных ветров. Особенно в январе месяце моряки боятся близко подходить к этому порту: в эту пору года часто случалось, что корабли были выбрасываемы на берег бурным северо-западным ветром. Необходимо было бы повысить естественное жете из подводных камней, чтобы оно задерживало волны, и убрать подводные камни, заграждающие вход. Фарватер имеет всего только от 5 до 6 метров глубины при отливе, немного более 6 метр. при приливе, но судно, сидящее в воде более, чем на 4 метра, не может безопасно пускаться через бар.

К западу от Триполи, на берегу Средиземного моря тянутся прекрасные поля, где рассеяны постоянные селения, тогда как во внутренней части равнин Джефары, от природы плодородных и обильно орошаемых водами уади, живут только кочевые племена: равнины эти, говорит Рольфс, можно бы было превратить во вторую Метиджу, более богатую, чем алжирская. Дорога, идущая вдоль побережья, проходит через Зензур, затем через Зауйю, административный центр восточного округа Триполитании, и вскоре после того показываются развалины древней Сабраты финикиян, то-есть «Рынка», одного из трех городов, принявших коллективное имя Tripolis; её упадок и окончательное падение относятся, вероятно, к восьмому столетию христианской эры[1]. Итальянские моряки дали руинам Сабраты и бедной деревушке, приютившейся в соседстве с остатками античных стен, имя Tripoli Vecchio (Старый Триполи), которое не оправдывается историей и не имеет соответственного названия в арабском языке. Далее следует маленькая гавань Зоарах, пальмовым рощам которой, как и плантациям Триполи, грозит нашествие песков; это последний город Триполитании. Соседняя песчаная коса, Рас-эль-Махбас, прославилась обширными салинами, которые она защищает со стороны моря. В тринадцатом веке венецианцы получили от триполийского эмира исключительную привилегию разработывать себху Рас-эль-Махбаса, называемую также Зоарахской, и этот соляной промысел получил такое важное значение, что республика назначила специальных должностных лиц для надзора за ним. Каждый год, в определенное время, венецианский флот бросал якорь в бухте Рас-эль-Махбас и нагружался солью для рынков всей северной Италии, Швейцарии, Тироля, Далмации. В XVIII столетии венецианцы были вытеснены генуэзцами, которые сняли в аренду эти салины[2].

На юге и юго-западе простирается пояс границы, который долгое время был чем-то в роде мархии, предоставленной в распоряжение разбойничьих племен. Когда французы овладели Тунисом, около 75.000 арабов южных племен удалились в эту пустынную область и, не

1 Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“.

2 Elie de la Primaudaie, „Le Littoral de Tripolitaine“.

находя себе пропитания на невозделанной почве, стали делать постоянно набеги на окрестные местности. Теперь большинство этих беглых вернулись на родину, и в степи, недавно усеянной палатками, остались только редкия становища нуайлев и других кочевых племен.

V. Феццан

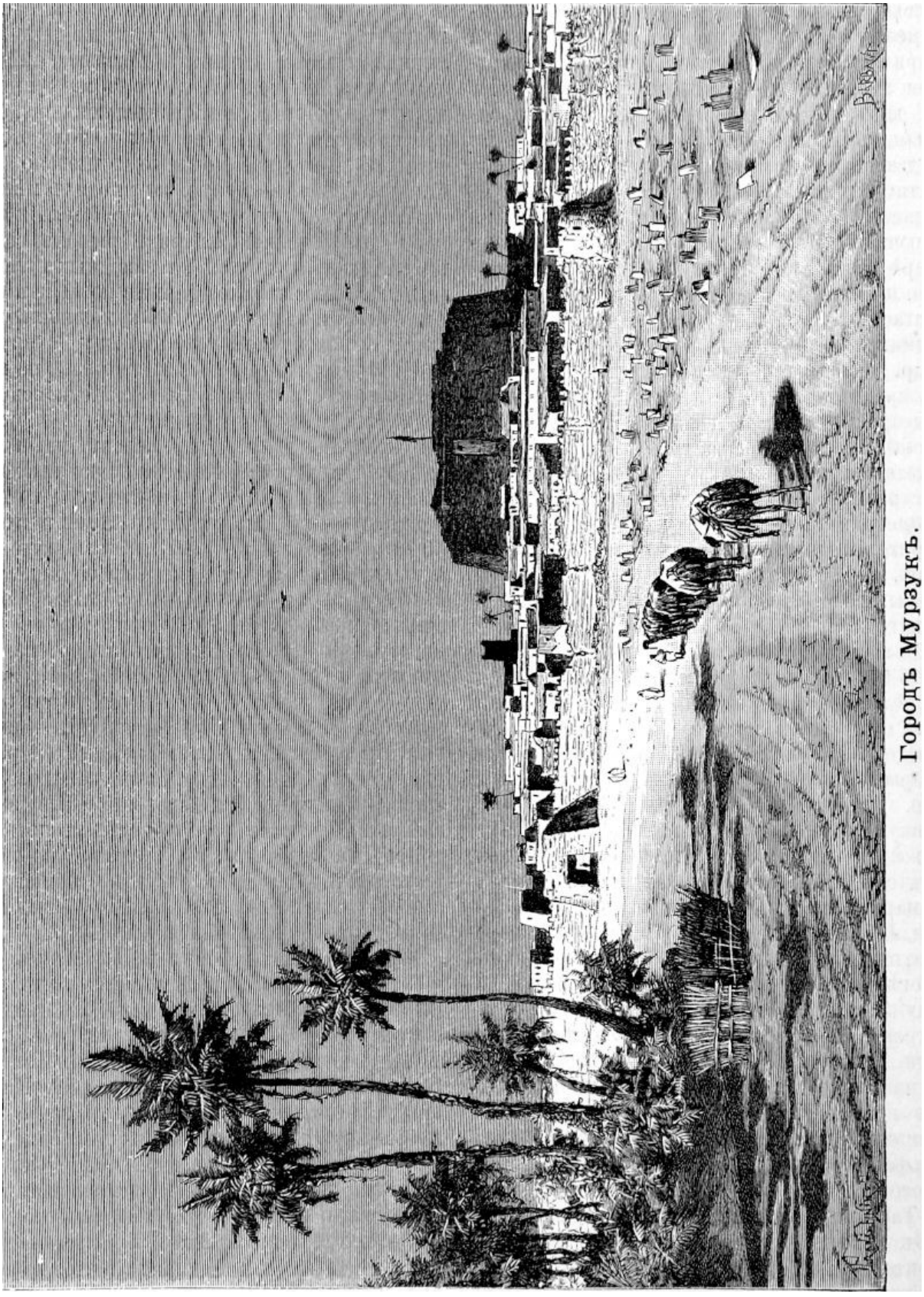
В политическом отношении Феццан принадлежит к турецкой провинции Триполи; по своему положению на юге Черных гор, также по климату, он составляет часть Сахарского пояса; наконец, по его негритянскому населению, он должен быть причислен скорее к области Судана, чем к северной Африке. Однако, относительно значительное протяжение его оазисов и их доступность через дороги, идущие из Триполи, делают его промежуточной областью между побережьем и Сахарой. В древности римское завоевание присоединило страну «Фазанию» к средиземноморскому миру; затем арабы проникли туда победителями, в первое полустолетие геджры, и наконец, турки, наследники Рима чрез Константинополь, окончательно установили там свое владычество в первые годы настоящего столетия, после длинного ряда войн, которые происходили не от стремления жителей к независимости, а от честолюбия соперничавших родов, добивавшихся власти. В наши дни через Феццан ввозится большая часть европейских товаров в самый центр черного континента, и, следовательно, совершается постепенная работа ассимиляции между людьми. Впрочем, как ни велика историческая роль Феццана, служившего входными воротами Центральной Африки, сам он, как область малонаселенная, не представляет сколько-нибудь важного значения; по детальной статистике путешественника Нахтигаля, все население этой страны не превышает 43.000 человек, даже 37.000, если исключить обитателей оазисов, лежащих на севере раздельной цепи[1]. Но хотя бы население простиралось до 200.000 человек, как полагает Рольфс, и тогда не пришлось бы, средним числом, даже по одному жителю на квадр. километр, ибо в естественных своих пределах, между Черной горой на севере, предгорьями Джебель-Ахаггар на западе, передовыми плато Тибести на юге, и ливийскими пустынями на востоке,—Феццан занимает пространство по меньшей мере в 300.000 кв. километров. Административные пределы этой территории гораздо шире, так как они заключают в себе также, на севере Черной горы, оазисы Зелла, Джофра и всю покатость Средиземного моря до Бу-Нджейма.

В последние сто лет Феццан был посещен многими путешественниками. В 1798 г. Горнеман, один из миссионеров, посланных обществом исследования Африки, перешел оба Гаруджа, Черный и Белый, путем, которым не ходил ни один европеец после него. Двадцать лет спустя, Лайон изучил главную торговую дорогу из Триполи в Мурзук и определил астрономически несколько пунктов, к которым впоследствии примкнули маршруты Уднея, Денгама и Клаппертона. Путешествие Барта, Овервега и Ричардсона, в 1850 году, было совершено по прямой дороге, идущей через большую Красную Гамаду. Затем следовали важные исследования Фогеля, Дюверье, Бейермана, Рольфса, фон-Бари, Нахтигаля, которые не только начертили на карте сеть пройденных ими путей, но еще прибавили к ним маршруты многочисленных арабских разведчиков: так, Рольфс сообщил в Европе об открытии одного из оазисов Вау арабом Могамедом-эль-Таргони, уроженцем оазиса Зелла.

В целом, Феццан расположен в виде амфитеатра: он окружен с трех сторон плоскогорьями, а дно его покато к востоку. Средняя его высота над уровнем моря около 500 метр., и низшие точки оазисов, вероятно, лежат не ниже 200 метров. По Барту, самая глубокая впадина находится около колодца Шараба, к востоку от Мурзука; озеро держится по целым месяцам в этой котловине, куда стекают воды обширного бассейна. Внутренность феццанского цирка довольно холмистая, и вид рельефа, также как абсолютная высота страны, доказывают, что этот бассейн не был покрыт морскими водами в недавнюю геологическую эпоху, как предполагали многие географы не только относительно Феццана, но и относительно всей Сахары.

1 „Sahara und Sudan“;—Behm und Wagner, „Bevolkerung der Erde“, VI

Тем не менее, во многих местах замечаются следы прежнего пребывания соленой воды, и волны сыпучих песков, гоняющиеся одна за другой на западных плоскогорьях, равно как мозаичные полы из шлифованных и разноцветных камешков, украшающие поверхность



Городъ Мурзукъ.

восточных сериров, свидетельствуют в пользу гипотезы, по которой эти пространства когда-то находились под водой[1]. Между гористыми краями окружности, поверхность Феццана со-

1 Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

стоит из второстепенных террас, большая ось которых направлена от запада к востоку, и которые отделены одна от другой расселинами около 50 метр. средней глубины. Эти промежуточные понижения почвы, узкия и извилистые, тоже называются «уади», подобно ложам временных ручьев северного Триполи; но в них никогда не образуется правильного потока, так что вернее было бы дать им название *гофра*, или «ров», которое носит один из этих оврагов, Мурзукский. Одни из уади—песчаные или глинистые долины без всякой растительности, другие—зеленеющие лощины, осененные пальмами. Не образуя речного разветвления в собственном смысле, рвы эти сходятся, однако, один к другому, но не все достигают общего русла в восточной части страны: где пески, где скалы прерывают на востоке эти неразвившиеся долины.

Южный склон массивов Джебель-эль-Сода и Гарудж-Черный представляет очень пологий скат; он продолжается на юге предгорьями и террасами серира Бен-Афиен, невысоких плато, покрытых мелким камнем, который сильно затрудняет ходьбу. На юге хребта Сода нужно пройти пространство около 130 километр., прежде чем достигнешь утеса, у подошвы которого начинается собственно Феццан; на всем этом пространстве, почти совершенно пустынном, есть только одно зеленеющее воронкообразное углубление—оазис Фога, Первый уади Феццана тянется вдоль самого основания Красного плоскогорья; это—уади Геран, где виднеются там и сям одиноко стоящие деревья около колодцев, в сырых ложбинах; за исключением этих ложбин, почти на всем своем протяжении он представляет лишь сыпучие пески, усеянные глыбами песчаника, почерневшими от солнечного зноя. Но при слиянии его с другим, более широким, уади, над которым господствуют, с северной стороны, крутые откосы предгорий Черной Горы, вид долины меняется: слой чернозема покрывает дно уади Эш-Шиати, и корни пальм встречают сырой песок на глубине (средней) 3 метр. Измерения абсолютной высоты этого уади, сделанные путешественниками, настолько разнятся между собою (от 350 до 500 метр.), что нельзя составить себе понятие об истинном скате долины: полагают, что она наклонена от запада к востоку, подобно другим уади; возможно, однако, что она выше к середине, чем на оконечностях[1].

К югу от рва Эш-Шиати, теряющагося на востоке среди скал Гаруджа Белого, высится терраса, имеющая в некоторых местах около сотни верст в ширину, хотя там и сям в этой мощной массе открываются узкие уади и маленькия зеленеющие лощины, по большей части необитаемые. Один из этих уади, Зелаф, имеющий вид трещины почвы, наполнен лесом финиковых пальм, великолепные плоды которых принадлежат прохожим; однако, обычай запрещает им уносить с собой запасы плодов: оставшиеся после прохода караванов финики собираются жителями Эш-Шиати. Плоскогорье, в котором открывается зеленеющий ров, уади Зелаф, все занято на западе морем песков; *эдейены*, то-есть «песчаные горы» на языке темагак восточных туарегов, тянутся, по Дюверье, который переходил их в двух местах, на пространстве 800 килом. в длину, от запада к востоку, при средней ширине около 80 километр.; в той части плоскогорья, где проходит главная караванная дорога между Триполи и Мурзуком, песчаная масса перестает расстилаться в виде сплошного моря и разлагается на отдельные архипелаги и горки. Гряды дюн не следуют одна за другой в правильном порядке; некоторые из этих высот стоят даже в виде совершенно уединенных остроконечных гор. На севере Джермы караван Барта встретил извилистые валы песков, переход через которые был дотого труден, что люди принуждены были разравнивать гребни руками для того, чтобы верблюдам было где поставить ногу. А между тем это были еще не самые высокие дюны: восточнее, Фогель, измеряя тригонометрически высоту одной песчаной горы, нашел, что она поднимается на 162 метра над уровнем маленького озера, наполняющего впадину плоскогорья[2].

Удивительно, что в этой области, где дожди так редки, сохраняются, среди дюн, озера, постоянные или периодические. В одной только группе, на севере Мурзукской гамады, на-

1 Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

2 „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.

считывают с десяток таких озер; впрочем, почти все они трудно доступны, по причине окружающих их бугров мелкого песку, в котором глубоко вязнут ноги. Два из этих озер содержат в своей воде хлористый натрий и углекислый натр, как Натроновые озера египетской пустыни: отсюда и название Бахр-эль-Труния, или «Натроновое море», под которым известно одно из озер Феццана. Многие другие озера населены червями, которые очень ценятся местными лакомками. То из них, которое особенно изобилует этими червями, специально обозначается именем «Червивого моря», Бахр-эль-Дуд, а прибрежных рыбаков называют «червятниками», дувада. Этот бассейн, окаймленный пальмами, имеет форму круга, около 1.000 метр. в окружности, и наибольшая глубина его почти 8 метров, хотя туземцы считают его «бездонным», и его черные воды, густые как сироп,—до такой степени они солены,—действительно выказывают его очень глубоким. Больные из Феццана толпами приходят туда купаться, после чего они погружаются в находящиеся рядом с озером резервуары пресной воды, чтобы смыть с себя слой соли, покрывающий их тело. «Червяк», называемый натуралистами *artemia oudneyi*, есть не что иное, как личинка двукрылого насекомого, движущаяся чрезвычайно быстро; её извивающееся тельце, золотисто-красного цвета, как у китайского чебака, мелкает огненной чертой среди окружающих маленьких животных, покрывающих поверхность озера; длина её около 8 миллиметров. При помощи сетей вылавливаются личинки «червя», смешанные с другими личинками, преследующими артемий, и с водорослями, служащими им пищей; все это месят, и получается род теста, вкусом напоминающее креветки «с душком». Употребляют его всего чаще в виде приправы к другим кушаньям[1].

Плоскогорье дюн круто обрывается на юге и образует долину уади Лажаль, общее направление которой от запада-юго-запада к востоку-северо-востоку. В целом, этот ров имеет около 500 километр. длины, между пустынями, отделяющими Рат от Феццана, и пустынями, простирающимися к Белому Гаруджу, но оазисы занимают дно долины только на пространстве около 200 килом., при средней ширине в 8 килом.; около западного своего начала уади Лажаль лежит на высоте 600 метр., а в пустынях, с которыми он сливается на востоке, —на высоте всего только 400 метр. Противоположные берега этого уади представляют резкий контраст: на севере они состоят из песчаных бугров, с округлыми контурами, тогда как на юге высятся крутые утесы, продолжение цепи Амсак (частию девонской формации), которая господствует над западным входом долины. Около середины рва Лажаль, два выступа гор, выдвинувшиеся на встречу один другому, делят долину на две половины, называемые, по их географическому положению, одна—уади Эль-Гарби, или «Западный», другая—уади Эш-Шерки, или «Восточный». Последний значительно больше; он соединяется на востоке с пальмовыми рощами Себха, затем, прерываемый пустыней, снова появляется в небольших оазисах Теменгинт, Семну, Зиген, положение которых, повидимому, указывает на существование в прежния времена слияния между уади Лажаль и уади Эш-Шиати; теперь долину загромождают пески.

Почва уади Лажаль, как и других низменностей Феццана, состоит из *гейши*, то-есть очень легкого чернозема, насыщенного солью и разрыхленного совокупным действием глубоких вод и жары; соляные эффлоресценции образуют во многих местах средний пояс, окаймленный с той и другой стороны пашнями, разработанными у основания дюн и утесов. Средняя глубина воды в уади Лажаль $3{,}_{60}$ метр., и потому там нет надобности в поливке пальм, которые сами втягивают корнями потребную влагу; но для культуры овощей и хлебных растений ирригационную воду достают из колодцев, погружая в них снаряды, сделанные из дерева финиковой пальмы и напоминающие издали подъемные краны приморских городов. Что бы ни говорил путешественник Рольфс, в Феццане несомненно существуют системы колодцев с подземными галлереями, или фогараты: Дюверье видел такой фогарат на склоне южных утесов этого уади, недалеко от Джермы.

Мурзукская гамада, отделяющая уади Лажаль от долины, специально обозначаемой именем Гофра, или «Ров», представляет почти везде ровное плоскогорье; только часть её се-

1 Vogel, „ Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855;—Henri Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

верного края образует крутой выступ, называемый цепью Амсак; кроме того, она изборождена расселинами, в которых местами вырыли колодцы, и которые кое-где даже заняты оазисами: таков оазис Годва, через который проходит большинство караванов, между Мурзуком и Триполи. Очень узкая на западе, где ее можно перейти в один день, эта гамада расширяется к востоку и, наконец, сливается с каменистыми серирами и неисследованными пустынями, над которыми господствуют, на севере, известковые террасы Белого Гаруджа. В западной своей части Мурзукское плоскогорье ограничено с юга очень узкой долиной, уади Аберджуш, за которой снова начинаются каменистые плато, продолжающиеся без конца в южном направлении до земли тиббу, и углубления которых не имеют никакой растительности, кроме изредка встречающихся камедных деревьев. Но на востоке открывается, в виде полукруга, обширная долина Гофра, впадина Феццана, в которой находится город Мурзук, нынешняя столица страны. Эта низменность разделена бесплодными каменистыми пространствами на две, резко отличающиеся одна от другой части: на западе—Мурзукский оазис, на востоке—длинный и узкий ряд оазисов, называемый общим именем Эш-Шеркия, «Восточный», который подразделяется на множество второстепенных впадин, разгороженных песчаными буграми, и не представляет в своем протяжении никакого правильного ската. Высота различных оазисов—от 300 до 500 метр. Последний, с восточной стороны, оазис, Темисса, окружен со всех сторон пустынями. Дно долины Гофра, также как дно других впадин Феццана, состоит из гейши, с тою разницей, что здесь почва содержит немного больше глины; но эта глина до такой степени насыщена солью, что выделываемые из неё кирпичи, из которых построены все тамошние дома, расплываются от сильного дождя[1]. Вода, доставаемая из нижних слоев почвы при помощи особых снарядов, имеет солоноватый вкус, и чужеземцы с трудом привыкают к ней; во многих местах она достигает поверхности земли и разливается в виде болот или себх, окаймленных поясом кристаллической соли.

Гофра, с её восточным продолжением Шеркия, есть последний большой оазис Феццана в южном направлении; на пути к плато в 700 метр. высоты, отделяющему Феццан от страны Тиббу, караваны встречают только колодцы, да два маленьких оазиса: Гатрун и Теджерри. На востоке, по направлению к Куфре, пустыня имеет еще более дикий вид, чем к югу: серы, дюны, солончаки следуют одни за другими на пространстве 200 слишком километров, прежде чем встретишь первый оазис—Вау-эль-Кебир, или «Большой Вау» или Уау (не произошло ли это имя от египетского слова Ва, из которого греки сделали «оазис»?), который не был известен географам до путешествия Бейермана, в 1862 году. Прежде этот оазис находился во владении негров тиббу, но в 1841 году арабские грабители выгнали их оттуда и сделали оазис центром своих разбойничьих набегов. Туббусы тщетно пытались отвоевать похищенную у них землю; но племя завоевателей, в свою очередь, уступило место новым пришельцам, и, во время путешествия Бейермана, Вау был уже занят хуанами братства сенусиа, которые все соблюдают обет безбрачия: ни одна женщина не имеет права пребывания в оазисе. Бейерман узнал, что в трех днях ходьбы, к западу, находится другой оазис, называемый Вау-эс-Серир, «Малый Вау», или Вай-Намус, «Москитовый Вау»; но никто в крае не мог указать ему дорогу туда: единственный человек, знавший ее, умер незадолго перед тем в преклонных летах[2]. Этот потерянный оазис и есть тот самый, который был найден в 1876 г. арабом Могамедом Таргони, вместе с несколькими другими исследователями-добровольцами из оазиса Зелла. Малый Вау теперь необитаем, но многочисленные черепки глиняной посуды и пальмовые леса с вырубленным подлесьем свидетельствуют, что еще недавно он имел некоторое население, состоявшее, вероятно, из негров тиббу. Флору «оазиса Москитов» составляют, кроме пальм, акации, тамариски и другие, менее высокие, деревца и кустарники[3]; в скалах находят «прекрасную желтую серу». Маленькое озеро, по середине оазиса, объясняет обилие москитов, от которых этот зеленеющий островок пустыни и получил свое назва-

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

2 Moritz von Beurmann, „Erganzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

3 G. Rohlfs, „Kufra“.

ние; бывшие жители селились обыкновенно на «очень высокой горе», над озером и тучами москитов[1]. По преданиям, на юго-восток оттуда существует другой оазис, Вау-Гарир, долина, богатая растительностью и населенная большим числом животных: диких баранов, газелей и антилоп, которые еще нисколько не боятся человека; они доверчиво подпускают его к себе и дают пронзать себя копьем. Верблюды, одичалые, тоже, говорят, живут там под тенью пальм, на берегу «ручьев», текущих в таинственном оазисе.

Феццан, лежащий под более южной широтой, чем собственно Триполи, имеет, конечно, и более высокую среднюю температуру, именно от 27 до 28 градусов Цельсия; однако холода там сильнее, отчасти по причине большего удаления от моря, которое всегда оказывает умеряющее влияние на климат, отчасти вследствие большей чистоты воздуха, которая делает возможным свободное лучеиспускание теплоты ночью. Впрочем, небо редко бывает совершенно чисто; оно не блестит там чудной синевой умеренных поясов, а имеет скорее молочно-белый цвет, и появляющиеся на нем облака—почти всегда барашки, полоски или мелкие узоры, перистыя облака (cirrus) высших областей атмосферы. В декабре и в первой половине января термометр, наблюдаемый при восходе солнца, показывает не выше 5 или 6 градусов, и во многих местах плоскогорья вода иногда замерзает ночью[2]; видели даже снег на горах, окружающих страну. Что касается крайностей жары, то они почти невыносимы для иностранцев. Если уже средняя летняя температура в Мурзуке, по Лайону, 32,°5, то неудивительно, что Дюверье два раза в июле наблюдал там температуру 44°,6 в тени, а в собственной пустыне термометрический столбик часто поднимался выше 50 градусов Цельсия. На солнце жары превышают 60 градусов, достигают даже 70. По климату Феццан принадлежит к поясу Сахары, где скачки температуры так велики, что, по выражению Геродота[3], достаточны, чтобы истребить «самый грунт страны». В самом деле, какие горные породы устоят перед силой расширения и сжатия, производимых крайностями тепла и холода, годовая разность которых доходит до 70, может-быть даже до 80 градусов?[4]

Что касается дождей, то они тем реже, что Джебель-эс-Сода и Черный Гарудж задерживают дождевые облака на проходе. Даже росы почти совсем не бывает, по причине сухости воздуха. Впрочем, дождя и не желают в оазисах Феццана, не только потому, что он размывает хижины из битой глины, но также и потому, что он наносит вред деревьям, изменяя нормальный порядок их питания почвенными водами. «Вода дождей мертвая, вода почвы живая», говорят туземцы. Дожди выпадают вообще зимой и весной, то-есть с декабря по апрель, когда северные ветры оспаривают преобладание у южных.

Крайности тепла и холода имеют следствием большую бедность флоры: растения, невыносящие суровых холодов, и растения, боящиеся сильных жаров, погибают под этим неравномерным климатом. В Феццане почти нет самородной флоры: акации тальха с редкой листвой, чахлые тамариски, колючие альхаги, составляющие пищу верблюдов, колоквинт песков, альфа, несколько кустарников, одна солянка, два или три злака—вот и все, что производит пустыня в своих защищенных долинах[5]. Культурные растения, может-быть, более многочисленны, нежели дикия, хотя во многих оазисах сады очень бедны видами. Феццан имеет, в том или другом уади, пшеницу, ячмень и многие другие роды зерновых хлебов, гомбо, слизистый плод которого очень любим арабами, десятка три овощей, перечисляемых Нахтигалем, и в том числе почти все виды, возделываемые в наших садах и огородах; смоковница, миндальное дерево приносят превосходные плоды, но большинство других фруктовых дерев, свойственных умеренному поясу, здесь редки или даже представлены только несколькими чахлыми растениями; последние маслины, на юге, встречаются в уади Отба к западу от

1 Beurmann, цитирован. мемуар.
2 Vogel, „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.
3 Книга IV, глава 184;—H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.
4 H. Duveyrier, цитированное сочинение.
5 Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

Мурзука[1]. Табак, хлопчатник, индиговое дерево хорошо растут в садах Феццана, но производство их очень ограниченное. Камедное дерево, особенно в уади Лажаль, вокруг оазиса Убари, дает превосходную камедь, которую туземцы не брезгуют употреблять в пищу, в случае недостатка обычных съестных припасов. Кормовые растения: люцерна, клевер, донник различных разновидностей, имеют более важное значение в народном хозяйстве страны.

Феццан можно считать настоящей родиной финиковой пальмы; по словам туземцев, в Гофре, особенно в том оазисе, середину которого занимает город Траген, находится центр её области произрастания; нигде это дерево не встречается такими большими лесами, с такими густыми пучками ваий. В Феццане насчитывают не менее трехсот разновидностей финиковой пальмы, более тридцати в одном только Мурзукском оазисе; много лесов, выросших из семян, развиваются в виде кустарника, плоды которого предоставлены газелям[2]. В оазисах пальмы скучены миллионами; в Мурзукском оазисе турецкое правительство уже присвоило себе целый миллион, да и в других плантациях оно не менее богато. Понятно, какую громадную пользу приносит это чудесное дерево в крае, который так беден другими растениями: плоды, ствол, ветви, стебельки, волокна, сердцевина, сок—все утилизируется жителями. Финики, вместе с зерновыми хлебами, составляют главную пищу оседлых феццанцев; для номадов же эти плоды да верблюжье молоко—единственная провизия; домашния животные, даже собаки, тоже едят финики, или как главный корм, или как замену обычных порций. Замечено, что у жителей Феццана почти у всех испорченные зубы, что приписывают слишком исключительному употреблению этих плодов, которые, впрочем, не так хороши, как египетские и алжирские (из Суфа), но далеко превосходят качеством финики триполийского побережья.

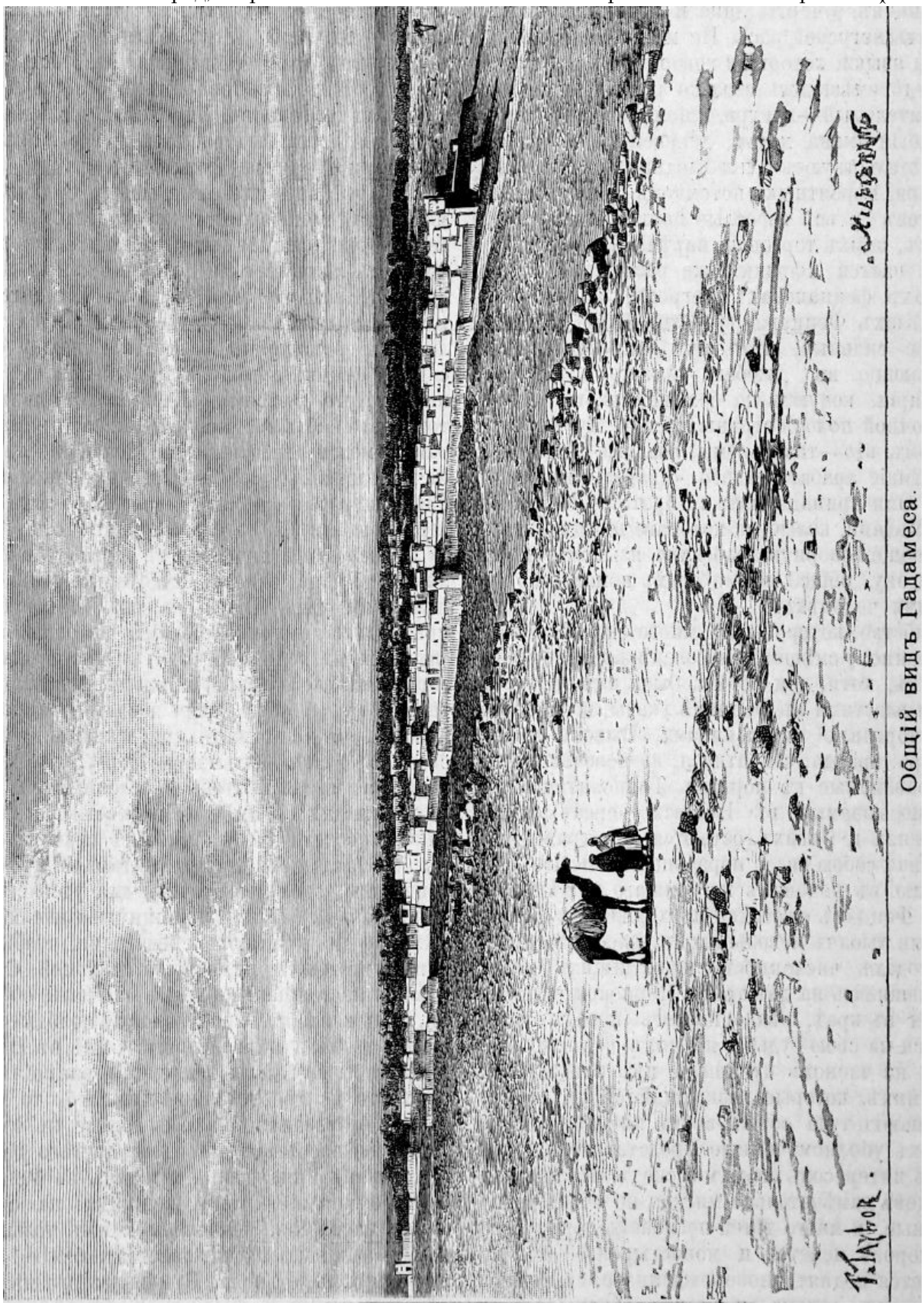
Недостаток пастбищ препятствует развитию скотоводства в оазисах: домашния животные здесь вообще очень мелки и сравнительно так же малочисленны, как и дикия, лишенные травы и воды. «Лев пустыни» не бродит в пустынных местностях Феццана; там не встретишь ни пантер, ни гиен, даже шакал не тявкает вокруг деревень и становищ кочевников; только хитрая лисица феннек, с огромными, постоянно дрожащими, ушами, подкарауливает добычу вблизи хижин и палаток; газели и антилопы, которых Лайон описывает под именем «буйволов»[3], должно быть, довольно редки, так как на рынках нигде не видать этой дичи. Ястребы, соколы и вороны, ласточки и воробьи, верные товарищи человека—вот и все птицы Феццана, если не считать вяхирей и уток, прилетающих летом из более южных стран, где они проводили зиму[4].

На задних дворах увидишь только кур да голубей; овцы и козы вырождаются, а из сохранившихся почти все ширококостны, с вытянутой шеей, маленькой головой и тонкой шерстью; быки и коровы, привезенные с севера, все малорослы и трудно переносят здешний климат. Что касается лошадей, то их можно встретить только на конюшнях знатных особ; едва-ли наберется и полсотни коней во всей стране. Единственное четвероногое, серьезно приобщенное к труду человека,—верблюд, принадлежащий к арабской породе, мало отличающейся от туарегской. Самые рослые и сильные верблюды живут в Черных горах и на Гарудже; зимой они обростают густой шерстью, которую стригут каждый год для тканья ковров и грубой материи для шатров. Известно, что, по свидетельству большинства историков, верблюд был введен из Египта в более западные области Ливии только в первые века христианской эры: гараманты употребляли волов, лошадей и колесницы для езды и перевозки тяжестей через песчаные бугры и каменистые сериры. Факт этот свидетельствует о большой перемене климата в последние два тысячелетия, ибо в наши дни невозможно было бы перейти пустыню без помощи верблюда. Изваяния на скалах в Телисарге, в юго-западной части Феццана, представляют с поразительной верностью быков, идущих на водопой; на тех же

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.
2 H. Duveyrier, цитированное сочинение.
3 „Narrative of Travels in Northern Africa“.
4 Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

скалах заметны черты, изображающие лошадь и осла[1].

Жители Феццана принадлежат ко всем расам Северной Африки и составляют совершенно смешанный народ, первоначальными элементами которого являются черные эфиопы,



Общій видъ Гадамеса.

древнейшие обитатели края, и белые берберы. В последнее время арабы, особенно из племени аулад-слиман из Египта и Киренаики, тоже способствовали в значительной мере обнов-

1 H. Barth, „Reisen und Skizzen“.

лению местного населения, а прежде, когда варварийские пираты еще разбойничали на Средиземном море, много итальянских пленниц поступало в гаремы мурзукских шейхов, внося с собой новый этнический элемент, имевший свою цену в столь малочисленном населении. Между туземцами Феццана мы находим всевозможные оттенки кожи, от черного, как смоль, до чисто-белого. Рольфс рассказывает даже, что здесь довольно часто можно наблюдать явление, примеры которого во множестве представляют населения испанской Америки, именно—встречаются пегие субъекты, люди с пестрой кожей, т.е. с белыми пятнами или полосами на черном фоне, или наоборот—с черными на белом фоне. Точно также в Феццане нередко можно видеть чернокожих с длинной и гладкой шевелюрой, тогда как белокожие, напротив, бывают с короткими и курчавыми волосами. Можно сказать, что в среднем преобладающий цвет кожи—желтый, как у малайцев, а черты лица и шевелюра принадлежат негрской расе. Не менее многочисленны и языки, которыми говорят в этой стране, где смешалось столько рас. Самый употребительный—канури, идиом страны Борну, и многие имена мест, деревень и колодцев свидетельствуют о пребывании негров языка канури, вероятных потомков древних гарамантов[1]; все взрослые понимают арабский язык, язык торговли; наречия Гауссы и других частей Африки тоже раздаются в хижинах феццанских негров. Живущие в пределах Феццана туареги, менее рослые и менее сильные, чем их единоплеменники, обитающие в Джебель-Ахаггаре, на юге Алжирии, кочуют по большей части в юго-восточной полосе страны, между Мурзуком и Ратом: это—тизилькумы, вольные люди, презирающие араба, подлого «плательщика подати». Они принадлежат к братству Могамеда-эль-Мадани, колыбель которого в Мисрати[2], и вообще говорят арабским языком; по Ричардсону, общее число этих номадов около тысячи человек.

Рабство, которое так много способствовало племенному смешению населения края, не уменьшилось, хотя, для формы, были изданы турецкими властями в Феццане указы, воспрещающие торговлю невольниками. Вывоз живого товара, правда, сократился, но невольники, не направляемые к портам Триполитании или не посылаемые в Египет через оазисы Ауджила и Сивах, остаются в стране, увеличивая собою число порабощенных. По Нахтигалю, в половине настоящего столетия через Феццан ежегодно проходило от пяти до восьми тысяч невольников; в семидесятых же годах численность проходящих партий уменьшилась на две трети. Чернокожие, остающиеся в крае, редко имеют повод жаловаться на свою судьбу; на них все смотрят как на членов купившей их семьи, и те из них, которые возвращаются на родину, вступают туда обыкновенно не как беглые, а как уполномоченные представители торговых интересов своих господ. Нравы феццанцев замечательно мягкие, но очень распущенные, и много детей погибает покинутых на пороге мечетей и монастырей. Тот, кто нагнется поднять новорожденного, становится приемным отцом, и всегда обращается с ним как с другими своими детьми.

Торговля невольниками не была заменена, для жителей Феццана, какой-либо другой отраслью коммерческой деятельности. Единственный, сколько-нибудь значительный предмет вывоза—сода, добываемая из «Натроновых озер» и продаваемая в количестве нескольких сот тонн, на рынке Триполи. Прошло то время, когда золотой песок, слоновая кость, страусовые перья способствовали, вместе с живым товаром, обогащению феццанских торговцев. Впрочем, последние никогда не могли выдерживать конкурренции с жителями Гадамеса, Джофры, Ауджилы, и хотя товары, пересылаемые между Суданом и морским прибрежьем, проходят по их территории, феццанцы извлекают из этого транзита лишь весьма незначительные выгоды: почти вся торговля Мурзука находится в руках моджабров, уроженцев оазиса Джало. При громадности расстояний между оазисами, феццанцы могут рассчитывать лишь на местные рессурсы. Нормальное движение торгового обмена, происходящее в Мавритании между населением Телля и населением оазисов, из которых первое покупает шерсть и финики, давая в обмен свои зерновые хлеба,—едва существует между племенами

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

2 H. Barth, цитированное сочинение.

триполийских оазисов и жителями Фецдана; однако, некоторые пальмовые плантации уади Шиати, на юге Черной горы, принадлежат триполийским арабам, которые каждый год переходят горы и плоскогорья, чтобы собрать финики на этих плантациях[3]. Вообще земля довольно равномерно поделена между жителями, и каждый имеет свое поле, свою пальмовую рощу, но налоги слишком тяжелы, чтобы население могло жить в довольстве. Не имея возможности обогащаться скотоводством, по причине сухости страны, и обладая самой рудиментарной промышленностью, едва достаточной для удовлетворения первых нужд, постоянные жители Фецдана не располагают средствами, чтобы покупать что бы то ни было за границей. С половины настоящего столетия они даже обеднели, так как более энергические молодые люди иммигрировали в большом числе в Нигрицию, чтобы избегнуть воинской повинности, которая то не требуется ни от кого, то налагается безразлично на все годное к службе мужское население того или другого оазиса. По словам Ричардсона, мужчин в Фецдане гораздо меньше, чем женщин: на общую цифру населения, исчисляемую им только в 26.000 человек, насчитывается не более 11.000 лиц мужского пола. Причину этого явления, вероятно, следует искать, с одной стороны, в торговле невольниками, вводящей в крае много суданок, с другой—в эмиграции, которая увлекает за границу молодых фецданцев, бегущих от непосильного бремени налогов или от военной службы, или уходящих искать счастья в приморских городах. В некоторых деревнях, посещенных французским путешественником Дюверье, оставалось не более десятка способных к работе мужчин на сотню жителей. И здесь, как в других местах, господство чужеземца имело следствием опустение страны и возвращение к первобытному варварству.

Главный оазис северного Фецдана имеет две группы населения, заслуживающие названия городов по административному рангу или стратегическому положению: на востоке—Брак, местопребывание мудира, или губернатора; на западе—Эдери, обнесенный стеной, на высоком бугре, среди широкой долины уади; пещеры, вырытые в скале, на которой стоит этот последний город, теперь необитаемы. К югу от Брака, в оазисе Себха, находится город Джебид, т.е. «Новый», хотя он существует уже около трех столетий. Город этот окружен стенами с башнями по углам и имеет несколько мечетей, минареты которых высоко поднимаются над домами, построенными из камня или битой глины; жителей в нем, по Нахтигалю, немного более тысячи. Прежде он был населен, как и соседний город Карда, арабами, принадлежащими к племени аулад-слиман, но последние были прогнаны турками и рассеялись во всех соседних странах, даже в Уадае: население оазиса теперь слишком малочисленно, чтобы собирать все финики с пальмовых плантаций, которые заключают в себе многие миллионы дерев. На северо-востоке следуют один за другим, в оазисах того же имени, три города: Теменгинт, Семну, Зиген. Самый важный из них—Семну: это лабиринт улиц, довольно чистых, но дотого узких, что навьюченные верблюды не могут проходить по ним; население его состоит из людей разных рас, между которыми не мало семейств, пользующихся репутацией святых. Зиген, группа лачуг, расположенных вокруг замка, сплошь населен марабутами, выходцами из оазиса Фога, лежащего в соседстве цепи Гарудж.

В собственном уади Лажаль, к юго-западу от Джедида, самые большие местечки, Текертиба, Уграэфе, Убари, и лучшие плантации находятся около западной оконечности долины. Там же находится маленькая бедная деревушка Джерма, «Новая», расположенная вблизи развалин древнего города Гарамы, столицы могущественного народа гарамантов, который за две с половиной тысячи лет до нашей эпохи господствовал в оазисах Ливии, до границ страны, называемой ныне Марокко. Джерма Кадим, или «Старая Джерма», давно уже обратилась в пустыню, но от неё остались городские стены, более 4 километров в окружности, с широкими глиняными башнями по бокам. Недалеко от пальмовых плантаций Джермы, в заливе долины, окруженном утесами южного плоскогорья, виден хорошо сохранившийся античный памятник, самое дальнее римское сооружение внутри континента. До этого места

3 Gerhard Rohlfs, „Quer darch Africa“.

доходил, в царствование Августа, Корнелий Бальб, завоеватель Цидама, или Гадамеса, и Гарамы,—факт, придающий высокий исторический интерес этой четыреугольной гробнице, в форме жертвенника, украшенной по углам пилястрами с коринфской капителью[1]. В горных породах, окружающих Джерму, теперь не находят «карбункулов» (красная вениса), которыми славилась древняя Гарама, и которые, вероятно, привозились купцами из более отдаленных краев.

Мурзук, нынешняя столица Феццана, занимает выгодное положение в самом обширном оазисе страны, в южном «Рву», но совершенно непонятно, почему в этих здоровых местностях властители Феццана выбрали для своей резиденции именно эту болотистую равнину, испарения которой летом чрезвычайно опасны. В это время года, почти все иностранцы, даже негры, страдают малярией (болотной лихорадкой), и еще недавно белым запрещено было пребывание в городе, за исключением трех зимних месяцев, не из заботливости об их здоровье, но под влиянием нелепого поверья, что тело их вырабатывает и делает более гибельным миазматический яд. На городском кладбище похоронен один европейский путешественник, Ричи. Несмотря на нездоровый климат и относительную бедность садов и плантаций, Мурзук благодаря своему политическому значению, как столица страны, и счастливому положению на главном караванном пути, у входа дорог, идущих через южные плоскогорья к Судану,—сделался самым многолюдным городом Феццана; по Нахтигалю, он имеет около 6.500 жителей внутри стен и в окружающих пальмовых плантациях: Рольфс дает ему даже более значительную цифру населения. Расположенный на высоте, которую путешественники определяют различно, от 456 до 510 метров, Мурзук занимает пространство около 3 квадр. километров, ограниченное глиняной стеной с башнями и бастионами. Вокруг городской ограды тянется пояс песков и солончаков, где бьют из земли несколько струек пресной воды, а за этим поясом простираются сады и редкия группы пальм. В самом городе улицы по большей части пересекаются под прямым углом, и *дендаль*, или широкий бульвар, продолжающийся от одних ворот до других, делит город на две половины. На северо-западе расположена цитадель (Каср) с высокими (25 метров) и толстыми стенами, постепенно съуживающимися к вершине, а в середине города правильные портики образуют вход на базар, где можно слышать все языки северной Африки. Средняя ценность оборотов на мурзукском базаре исчисляется в полмиллиона франков.

К западу от столицы, на Ратской дороге, оазис Отба, или Тессауа, бывшая колония негров из Гауссы, есть единственный, имеющий центр населения; далее встречаются только колодцы, между прочим, Шарабский, подле которого, в 1869 г., была убита девица Тинне, «королевна», как ее называли туареги и арабы, пораженные её богатствами. К востоку от Мурзука, в центральном оазисе Гофры, называемом Траген, расположен пришедший в упадок город того же имени, окруженный стенами, заключающими теперь внутри только развалины, среди которых приютилось несколько хижин; но вне этих глиняных оплотов шалаши из ветвей рассеяны сотнями под сению пальм. В течение веков Траген был столицей Феццана, резиденцией королей, пришедших из Нигриции, и до сих пор еще показывают их могильные курганы в окрестностях города. Вследствие малочисленности населения, великолепные пальмовые плантации Трагена обратились в обширный лес, почти не приносящий никакой пользы: принадлежащие казне финиковые пальмы одни могли бы давать правительству доход, далеко превосходящий всю сумму его феццанского бюджета, но большое число дерев погибло за неимением ирригации, а другими пользуются только для приготовления лакби, сладкого напитка, производимого брожением сока. У самых стен Трагена протекает бьющий из земли ключ, самый обильный во всем Феццане; но во время междоусобной войны он был в большой части течения завален, и теперь драгоценная влага теряется, просачиваясь по сторонам и образуя болотистую почву: это—источник Гандерма.

Зуила, управляемая шорфами, или потомками Магомета, и Темисса, населенная бербера-

1 H. Barth, цитированное сочинение.

ми, говорящими еще своим родным языком[1],—города «Восточнаго» оазиса, в которых, как и в Трагене, иногда составляются караваны, отправляющиеся на север и северо-восток к оазисам Фога, Джофра, Зелла. Зуила была столицей всего Феццана, и негры тиббу до сих пор еще называют её именем всю страну оазисов[2]. Дюверье был очень дурно принят там фанатическими жителями. На юге Феццана оазис, окружающий «святой» город Гатрун, тоже служит исходным пунктом для караванов. Грамотные марабуты, чтецы Корана, управляющие страной и монополизировавшие торговлю с населением гор Тибести, говорят, что предки их пришли сюда из Марокко, триста или четыреста лет тому назад; но их никоим образом нельзя признать за чистокровных «сынов Пророка», как они себя величают; их черты лица ясно свидетельствуют о смешении рас, происшедшем в этой части Феццана: марабуты вообще берут себе жен из Тибести, а негры племени тиббу живут в окрестностях, помещаясь в хижинах из пальмовых листьев. Город Гатрун лежит в гаттии, или сырой котловине, окруженной со всех сторон дюнами и скалами. Его огромный лес пальм, корни которых проникают в почву до глубины от 3 до 5 метров, где находится слой воды, производит лучшие финики во всем Феццане. Гатрунские женщины занимаются плетением корзин, которые вывозятся во все окрестные оазисы. Гатрун находится на северной оконечности цепи оазисов, продолжающейся до Теджерри, последнего феццанского города на границах пустыни: там путешественник видит последние финиковые пальмы[3] и первые пальмы дум в направлении Сахары. Туземцы не согласны в своих показаниях относительно покатости этого уади, и Рольфс тоже не мог в точности определить ее: может-быть, это просто впадина в бывшем озерном дне.

К югу от Теджерри, где уже негрское население, по численности, много превосходит собственно феццанцев, существует только один колодезь на караванной дороге в Судан, да и этот колодезь, называемый Бир-Мешру, часто был засыпаем песком; вокруг него на земле рассеяны скелеты людей и животных, еще покрытые высохшим мясом. Исполосованные кнутом или палкой, изнуренные ходьбой через каменистые плато, палимые знойным и пыльным воздухом чуждого климата, столь отличного от влажной атмосферы их родины[4], негры падают в изнеможении посреди дороги; отлежавшись немного, они с трудом поднимаются, чтобы кое-как дотащиться до ближайшего колодца, но часто не могут продолжать путь; тогда караван бросает их на произвол судьбы, а жгучее солнце и голод доканчивают несчастных.

Города Феццана, с приблизительной цифрой населения:

В оазисе Уади Шиати: Брак—1.000 жит.; Эдери—800; в оазисе Уади Лажаль: Текертиба—1.000; Уграэфе—800; Убари—1.200; Джебид (по Нахтигалю)—1.500; Карда—1.000; Теменгит—800; Семну—1.500; Зиген (по Нахтигалю)—1.000; в о. Гофра: Мурзук, с окрестностями (по Нахтигалю)—6.500; Траген—1.500; Зуила—1.000; Темисса—600; в других оазисах: Фога—1.000; Гатрун (по Нахтигалю)—1.500; Теджерри—800 жит.

VI. Гадамес

Хотя причисляемый в политическом и административном отношении к турецкой территории, этот город и окружающие его оазисы составляют особую область по населению, истории, нравам и торговым сношениям. С географической точки зрения Гадамес также принадлежит к области, совершенно отличной от собственной Триполитании. В то время, как последняя составляет часть пояса прибрежья, и скаты её наклонены к Средиземному морю, Гадамес, с его округом, находится на покатостях пустыни, в бассейне, воды которого ни-

1 Nachtigal, „Sahara und Sudan“.
2 Richardson, „Narrative of a Mission to Central Africa“.
3 H. Duveyrier, цитированное сочинение.
4 Lyon, цитированное сочинение.

когда не достигают внутреннего моря. Временная река, берущая начало на северо-западе Красной Гамады, и после течения, под разными именами, на пространстве около 250 километров, достигающая, наконец, оазиса Гадамес,—не имеет видимого русла в области дюн, которые тянутся за этим оазисом до бассейна Игаргар. Точно также другие параллельные уади, которые текут севернее, спускаясь из южных оврагов массива Джебель-Нефуса, теряются в поясе песков, так что до сих пор еще не могли определить, какое направление имело их течение в то время, когда они были настоящими реками. Вероятно, они соединялись тогда в один обширный речной бассейн, изливавший свои воды в большие южные себхи Туниса.

В этой области Сахарской покатости Гадамес не единственный оазис, и даже далеко не самый значительный по обилию питающей растительность воды и по протяжению пальмовых плантаций. Но Гадамес обязан своим важным значением не земледелию и промышленности, а коммерческой деятельности своих жителей, которые являются главными посредниками торгового обмена между портами Средиземного моря и рынками Нигриции. Гадамес, древний Цидам (Cydamus) римлян, с незапамятных времен служит местом снаряжения для обозов, которые должны перейти песчаный океан, чтобы достигнуть берегов озера Цаде и Нигера. Какая причина этого первенствующего торгового значения маленького оазиса? Местные выгоды его не представляют ничего исключительного, но он лежит как раз в точке схождения дорог из Габеса и Триполи, на самой границе пустыни, между двух негостеприимных и почти недоступных областей, которые не позволяют караванам уклоняться ни в ту, ни в другую сторону: с запада тянутся движущиеся песчаные бугры, с востока идут каменистые террасы Красной Гамады. Этот передовой пост, род дефилея, врезывающагося в пустыню[1], сделался неизбежным исходным пунктом для караванов, отправляющихся из Триполитании к стране туарегов, к оазисам Туата и Уэд-Драа, и благодаря промежуточному этапу Рат, на дороге в Нигрицию, он мог вступить в конкурренцию с Сокной и с городами Феццана по торговым сношениям с центральной Африкой. Со времени завоевания Алжира французами наибольшая часть за-сахарской торговли, направлявшаяся к Уаргле и другим оазисам алжирской Сахары, уклонилась от своего естественного пути, чтобы избегнуть территории румов; она избрала дорогу на Гадамес, лежащий всего только в 25 километрах от идеальной границы, отделяющей владения Франции от владений Турции: если маршрут изменился, то, по крайней мере, обыкновенная рутина караванного дела и обычные приемы берберских или арабских посредников не были нарушены, как это случилось бы на французских постах. Возможные в будущем новые перемены политического равновесия и в особенности постройка железных путей несомненно повлекут за собой новое перемещение торгового потока.

Гадамес отстоит от Триполи всего только на 500 километр., а до ближайшего приморского пункта, около общей границы Триполитании и Туниса, расстояние не превышает 400 километр.: для обыкновенного каравана на это путешествие требуется от 10 до 12 дней ходьбы. Притом дорога, очень часто посещаемая купцами, почти на всем своем протяжении не затруднительна, и разбойничье племя ургамма из тунисской пограничной области не осмеливается нападать на хорошо вооруженные караваны. Оттого многие европейцы посетили город берберских негоциантов по следам Ленга, который первый проник туда в 1826 г.; Ричардсон, Диксон, Бонмен следовали один за другим около половины текущего столетия; Дюверье прожил там некоторое время в 1860 г., а два года спустя туда прибыла французская миссия, под начальством Миршера, для изучения края, особенно в геологическом и торговом отношениях. Во время своего большого путешествия в центральную Нигрицию, в 1865 г., Рольфс заходил в Гадамес, и после того Ларжо и многие другие французские исследователи переходили соседнюю границу, чтобы изучить этот рынок пустыни. Скоро Гадамес будет на дороге туристов: присоединение Туниса к Франции еще более приблизило его к европейскому миру.

1 Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

Равнина, покрытая песчаным гипсом, в которой находится Гадамес, на высоте 351 (по Дюверье) или 423 метров (по Ватону), имела бы самый печальный вид, если бы шпалеры из пальм, маскирующие часть города, не представляли такого яркого контраста своей зеленью с однообразным желтым пространством, испещренным серыми или красноватыми полосами. Мучнистая почва, где вязнут ноги верблюдов, усеяна глыбами сернокислой извести, образующими там и сям полиэдрические группы, смеси гипса и кварцевого песка, соединенных в различных пропорциях, почти поровну, в среднем. Посреди равнины возвышаются уединенно *гуры*, или *кефы*, бугры в 40 или 50 метр. высоты, покрытые на вершине плитой белого мела, остатки верхнего слоя плоскогорья, занимавшего некогда всю страну и постепенно разрушенного физическими деятелями, внутренними или внешними. В некоторых местах от этого слоя остался только один камень, похожий на могильную плиту; в других—груды камней представляют вид крепкого замка в развалинах, или видна только одна башня, один каменный куб; многие холмы, уже потерявшие свой венец, початы в нижних пластах, которые менее выносят крайности тепла и холода; скоро горка совершенно развалится, и почва выровняется, как остальная поверхность гипсового плато. Здесь легко захватить, так сказать, на деле работу разрушения. Залегающие одна на другой группы песчаника, углекислой извести, гипса, мергеля, глины в различной степени испытывают влияние тепла и холода, разность которых так велика в этих пространствах пустыни; от этого происходят движения расширения и сжатия, сопровождающиеся перемещением слоев; кроме того, вода, проникающая в поры почвы, действует на некоторые горные породы таким образом, что они разбухают и распадаются; под внутренним давлением верхния плиты разламываются. Это явление замечается на всем плато Гадамеса: повсюду почва усеяна маленькими конусами поднятия, произведенными напором ниже лежащих горных пород; между этими неравными горками из беспорядочно нагроможденных каменных глыб видны еще правильно залегающие один на другом пласты; камень является здесь в самых разнообразных видах, от твердого и плотного состояния до совершенного размельчения. Некоторые холмы, еще сохранившие верхний стол, и пласты которых следуют один за другим в правильном порядке, точно ступени пирамиды, открылись на одном из боков, и подобно прорвавшимся мешкам, откуда сыплется мука, изливают на свои скаты поток песку, образующийся из горных пород, постепенно размельчаемых действием переменной температуры[1]. Таким образом плоскогорье, сначала разрезанное на отдельные холмы, превращается мало-по-малу в дюны, из которых одни держатся целые века около твердого ядра, тогда как другие, совершенно выветрившиеся, перемещаются всей своей массой под дуновением ветра, чтобы идти присоединиться к грядам дюн, покрывающих своими длинными песчаными волнами некоторые части пустыни. Из различных, встречающихся здесь, горных пород наибольшее сопротивление разрушительному действию времени оказывают пласты железистого песчаника: во многих местах почва, откуда известняк и гипс исчезли, покрыта твердыми черноватыми глыбами камня, которые, когда идешь по ним, издают металлический звук: это остатки бывшей песчаниковой облицовки[2].

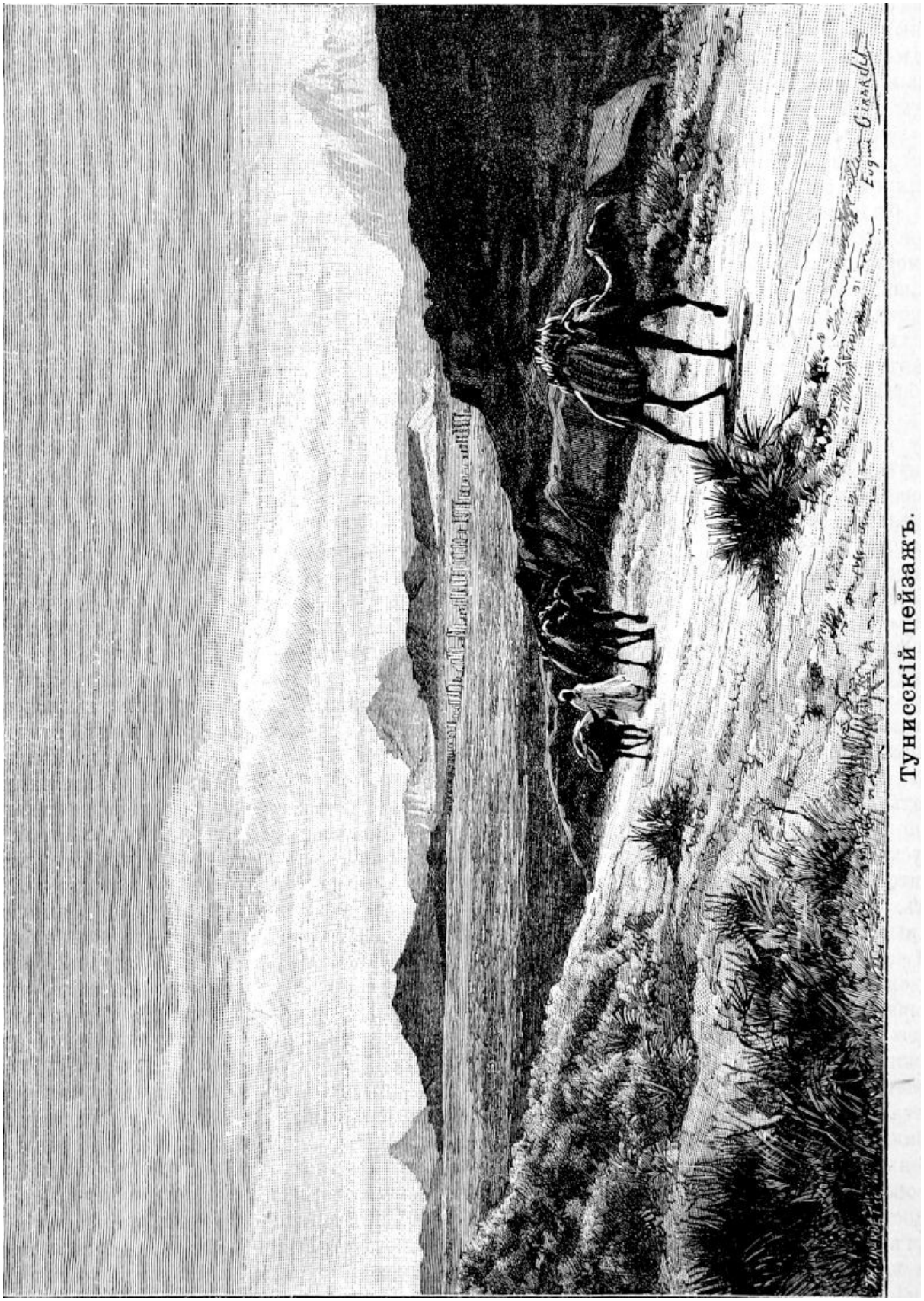
Стена, около 6 километр. в окружности, идет вокруг всего оазиса Гадамес; но этот древний оплот, воздвигнутый некогда для защиты от нападений наездников пустыни, не имеет более никакой оборонительной цены; широкия бреши прерывают его слои битой глины, и в некоторых местах окружности, особенно на западной стороне, он служит точкою опоры грудам песку, с которых ветер сбивает гребни, чтобы наполнять пылью улицы и сады. Город, разделенный на несколько кварталов, расположен в юго-западной части оазиса, там, где выкопаны колодцы, питающие своей водой людей и их пашни и сады. Главный ключ, «творец оазиса», наполняет, по выходе из недр земли, обширный бассейн римской постройки[3]: обозначаемый обыкновенно, как вода по преимуществу, именами *аин* по-арабски и *тит* по бер-

1 Vatonne, „Mission de Ghadames“.

2 Victor Largeau, „Le Sahara, premier voyage d’exploration“.

3 G. Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

берски, он называется специально Аин-эль-Ферс, или «Источник кобылы», и Аршешуф, что значит, на местном наречии темагак, «Источник крокодила». Вода этого источника, слегка термальная (от 29 до 30,15° Ц.), так как температура её почти 7 градусами выше средней



Тунисскій пейзажъ.

температуры Гадамеса, происходит из водной площади, которую сонд, вероятно, нашел бы на глубине 140 метров, ибо многолетний опыт инженеров, заведывающих бурением артезианских колодцев, доказал, что в Алжирии температура нижних слоев земли возрастает, сред-

ним числом, на один градус Ц. на каждые 20 метр. Хотя вода Крокодилова источника содержит около 3 граммов соли на литр, она не имеет, однако, неприятного вкуса, если ей дать простыть[1]. Пиявки живут во множестве на берегах бассейна, среди водяных растений. Кроме главного источника и других артезианских колодцев, семь или восемь обыкновенных колодцев, глубиной около 20 метров, дают воду, температура которой всего только 18° Ц., но вода эта до такой степени насыщена солью, что ее нельзя пить. Жители оазиса пользуются также, для орошения, большой лужей, которая наполняется путем инфильтрации к декабрю месяцу и держится до мая; наконец, они вырыли также фогараты, или подземные галлереи, чтобы собирать даже капли, просачивающиеся в почве. Скупо отмериваемая, вода источника и колодцев едва достаточна для ирригации около 75 гектаров (почти 69 десятин), где скучены 63.000 пальм, и где, кроме того, возделываются различные фруктовые деревья и овощи, впрочем, довольно посредственные, за исключением дынь и арбузов: человеческое удобрение, компосты тщательно применяются к унавоживанию земель. Прежде оазис был обширнее: пространство, заключенное внутри стен ограды, обнимает 160 гектаров, и все это пространство было под культурой. Уменьшился ли в течение веков запас животворной влаги, даваемой источником, или жители Гадамеса, уставшие бороться против песков, захватывающих их сады и плантации, ослабели в своих усилиях? Мало найдется в свете стран, где бы поземельная собственность была более раздроблена, чем в оазисе Гадамес: каждый владеет садом, хотя бы имел одну единственную пальму или только квадратную сажень почвы, на которой растет это дерево, составляющее собственность другого владельца; оттого могущая быть орошаемой земля продается по цене, далеко превышающей её производительную стоимость.

Город Гадамес представляет тот же род постройки, как Сивах и старые берберские города, встречающиеся до Нубии. Улицы—это корридоры со сводами, куда свет проникает лишь через редкия отверстия в роде шахты, оставленные в толще домов: в этих корридорах проходят только мужчины и невольницы, но темнота там так велика, что нужно давать о себе знать, чтобы избежать столкновений; мужчины ударяют ногой, а женщины испускают род жалобного ворчанья[2]; люди зажиточные выходят не иначе, как с фонарем. Дома, построенные из камня и кирпича, высушенного на солнце, состоят по большей части из подвального этажа, служащего кладовой, и из бель-этажа, где центральная большая комната окружена рядом горенок: общее расположение такое же, как в мавританских домах, но вместо того, чтобы быть открытыми на вольный воздух, жилища Гадамеса получают свет лишь через дыру, сделанную в потолке. Все террасы, хотя огорожены невысокими стенами, сообщаются между собой, так что женщины, которым они предоставлены в исключительное пользование, могут прогуливаться с одного конца квартала на другой; проложены даже настоящие улицы между домами над туннелями, где ходят мужчины и невольницы. На террасах ежедневно бывает специальный рынок, где продаются материи и женские украшения, но ни один мужчина не имеет права приносить туда свои товары. Взрослые дети проводят ночь вне родительского дома: молодые люди спят в садах, на скамьях перекрестков или в незанятых домах; девушки идут на ночлег к какой-нибудь родственнице или подруге, муж которой в отсутствии[3].

Основу населения Гадамеса составляют берберы, и общеупотребительный язык близко подходит к наречиям, которыми говорят туареги и жители оазисов Сивах, Ауджила, Джофра. Однако, раса здесь очень смешанная, и черты лица, также как цвет кожи, свидетельствуют о скрещениях с арабами и неграми. Вообще гадамесцы, которые, подобно туарегам, вне дома ходят с завешенным или полузавешенным лицом, отличаются правильными чертами, но не обладают ни силой, ни гибкостью алжирских туземцев; большинство их лимфатичны или нервозны: путешественник поражен, встречая такое множество людей с лоснящейся ко-

1 Vatonne;—Hoffmann, цитированные сочинения.

2 Victor Largeau, цитированное сочинение.

3 Mircher, „Mission de Chadames“.

жей, с пухлым и дряблым телом, с глазами без блеска, с толстыми губами, с слабым голосом[1]. Однако, женщины отличаются истинно благородным типом лица, также как большим изяществом форм, которое еще усиливается грациозным костюмом: платье их состоит из куска красной или синей материи с белыми полосами, которая оставляет правую руку свободной и завязывается на левом плече; пояс обрисовывает талию, а на плечи накинута белая шерстяная мантилья: головным убором служит шелковый платок с золотой бахромой, и на лбу всегда висит пунсовый помпон; башмаки, тоже красные, расшитые узорами, и драгоценности всякого рода—кораллы, жемчуг, монеты, золотые и серебряные украшения—блестят на шее, на груди, на кистях рук, на лодыжках. Менее богатые женщины, которые иногда вынуждены спускаться с террасы за каким-нибудь делом по хозяйству, носят на голове род каски в форме фригийского колпака, но у всех болтается на лбу красный помпон, знак свободы: невольницам запрещено ношение такой шишки[2].

Так же как в большой части берберских городов, и как это было в средневековых итальянских республиках, население Гадамеса делится на враждующие партии, антагонизм которых, повидимому, лишь в очень слабой степени происходит от различия рас: бени-уазиты, распадающиеся, в свою очередь, на четыре *шуэры*, или второстепенные группы, занимают южную и восточную части города; бени-улиды или теску, состоящие из двух шуэр, населяют северный и северо-западный кварталы. Последние, т.е. бени-улиды, занимаются преимущественно торговлей, тогда как бени-уазиты владеют большим числом домов и садов. До завоевания Гадамеса турками, бени-уазиты и бени-улиды часто воевали между собой; две крепостцы, стоящие одна против другой на площади, защищали внутренния сообщения каждого из двух враждебных бургов; теперь эти две группы населения живут в мире, но такова сила предания, что они остаются кантонированными каждая в своей области и даже не ходят в гости друг к другу из одной половины города в другую; не было примера браков между их детьми. Единственное место, где встречаются бени-уазиты и бени-улиды,—это рынок; они могут также сойтись вне города, в зауйях или братских монастырях; но многим из жителей Гадамеса, принадлежащим к двум враждебным группам, случается познакомиться лишь за сотни и тысячи верст от своего отечества, в Триполи, в Кано, в Томбукту, в отдаленных городах, куда их приводят торговые дела: там только они подают друг другу руку, как дети одной родины[3].

Кроме цивилизованных берберов, население Гадамеса заключает в своих рядах арабов соседних племен, суафов, или выходцев из алжирского Суфа, негров из западного Судана, даже фуллахов с верхнего Нигера. Потомство черных невольников составляет целый класс,—класс атриев, между которыми очень употребительно наречие гаусса; они не пользуются всеми гражданскими правами. Туареги племени азджар в большом числе стоят лагерем на соседнем плато, возвышающемся к юго-западу за городскими стенами: это самые верные союзники гадамесцев и охранители их торговли; без их поддержки прекратились бы всякия сношения оазиса с бассейнами озера Цаде и Нигера; в некоторых отношениях город даже признает себя составляющим часть конфедерации туарегов. Туарегский шейх, или начальник племени, впавший в бедность, приглашается в Гадамес и содержится на счет городского общества; всякий туарег, вольный или крепостной, пользуется гостеприимством во все время его пребывания[4]. Но господствующее влияние между всеми этими различными элементами принадлежит арабской цивилизации, хотя народ, говорящий языком Магомета, очень слабо представлен в Гадамесе. Негоцианты этого города, все полиглоты, все мастера в искусстве чтения и письма, употребляют арабский язык для своей корреспонденции, и берберский идиом получает сильную примесь слов и оборотов, заимствованных из Корана. В крае не осталось следов древнего берберского алфавита; однако, местные торговцы имеют особен-

1 Hoffmann, „Mission de Ghadames“.
2 Largeau, цитированное сочинение.
3 Mircher;—Largeau;—Rohlfs.
4 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

ную систему счисления, пятеричную, которая позволяет им держать в секрете свои сделки с купцами других городов[1].

Продуктов садоводства едва хватило бы на содержание шести или семи тысяч постоянных жителей Гадамеса в течение одного месяца; местная промышленность, состоящая в выделке кож и в фабрикации башлыков и военных поясов, тоже в очень небольшой мере способствует увеличению доходов города. При таких условиях гадамесцы, естественно, должны прибегать к торговой деятельности для пополнения своих ресурсов. Благодаря своим сношениям с большей частью рынков западной Африки, их негоцианты приобрели было не только довольство, но даже богатство, когда явилось турецкое правительство, чтобы брать себе долю прибылей и стеснять местную инициативу своими регламентами и предписаниями. Гадамес, так же как Мурзук и другие промежуточные рынки Судана и Триполи, в значительной степени утратил свою торговую важность с тех пор, как, с одной стороны, уменьшился торг невольниками, а с другой—триполийское правительство запретило прямые торговые сношения с Алжирией и Тунисом, хотя древний Цидам, по своему географическому положению, находится в естественной связи интересов с Нумидией, провинцией, к которой он принадлежал в римскую эпоху. Тем не менее, торговля Гадамеса все еще весьма значительна, хотя рынки его довольно скудно снабжаются: тамошние склады наполняются товаром для дальнего вывоза, а не для местного потребления; товары, изделия или продукты, каково бы ни было их происхождение или назначение, не обложены ни таможенной пошлиной, ни заставным сбором; но купцы должны платить турецкому правительству годовой налог в сумме около 250.000 франков.

Годовая ценность торговли Гадамеса с Суданом, по Миршеру:

С Томбукту около 1.000.000 франк., с Кано около 2.000.000 франк.

Торговцы Гадамеса пользуются высокой репутацией коммерческой честности: слова их вернее всяких актов, и не бывало примера, чтобы они не исполняли своих обязательств, хотя проходят многие годы, прежде чем операции, всегда начинаемые в кредит, приведутся к концу. Когда караван теряет одного или нескольких верблюдов, павших от болезни или изнеможения на одной из обычных дорог, охраняемых союзными племенами аджарцев, товары складываются тут же подле тропы, и хотя бы лежали год или больше, ни один из следующих путешественников не воспользуется чужим добром: владелец на обратном пути найдет свое имущество в целости на том же месте, где его оставил[2].

Но в отношении гордости характера гадамесцы совсем не походят на своих соплеменников, храбрых туарегов: они, напротив, славятся своей трусостью. Караваны их всегда конвоируются наемниками, как караваны древних карфагенян. В 1878 г., во время второго путешествия миссионера Ларжо, достаточно было десяти турецких солдат инвалидной команды, чтобы заставить уважать власть Блистательной Порты, хотя жители Гадамеса с тщеславием вспоминают о былой независимости и ненавидят иноземное иго. Вынужденные во время своих путешествий иметь дело с людьми всевозможных религий—с мусульманами разных сект, христианами, иудеями и язычниками,—они вообще отличаются большой веротерпимостью, хотя сами строго исполняют предписания малекитской обрядности; однако, они не терпят в своей среде евреев, может-быть, как соперников по ремеслу. Братья далеко распространившагося духовного ордена эс-сенуси[3] основали монастырь в их городе, в 1876 г. Случаи многоженства редки в самом Гадамесе; но большинство негоциантов обзавелись женами в различных городах, где дела заставляют их проживать подолгу. Свадьбы отличаются некоторыми особенными обрядами: так, например, в первые семь дней брачного союза жена обречена на безусловное молчание[4].

Самый город не имеет других древностей, кроме бассейна фонтана, одного барельефа, в

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

2 Bou-Derba;—Bonnemain;—Duveyrier.

3 B. Duveyrier, „La Conferie musulmane de Sidi es-Senousi“.

4 Largeau, цитированное сочинение.

котором Дюверье признал влияние египетского стиля, нескольких колонн, отесанных глыб камня; к этому надо еще прибавить найденную в развалинах одной башни надпись на двух языках—греческом и каком-то неизвестном, «может-быть, гарамантском»,—драгоценный деталь, свидетельствующий о торговых сношениях, существовавших, две тысячи лет тому назад или больше, между Цидамом и эллинским миром. За городом Дюверье открыл римскую надпись времен Александра Севера: это, бесспорно, памятник большой исторической важности, так как на основании его можно заключить, вместе с Леоном Ренье, что Цидам, в то время соединенный, по управлению, с Ламбессой, оставался по крайней мере два с половиной столетия во власти римлян после завоевания его Корнелием Бальбом, в царствование Августа. На плато, возвышающемся к юго-западу от Гадамеса, и где обыкновенно разбивают свои палатки туареги-аджарцы, стоят бесформенные столбы, известные у туземцев под именем «идолов», Эль-Эснамен: по мнению Дюверье, эти руины, предшествующие римской эпохе, суть обломки гарамантских памятников, может-быть, гробниц, так как в соседстве раскинуто, на пространстве нескольких квадр. километров, кладбище Гадамеса, расширяющееся из года в год; к древним могилам гадамесцы всегда относились с уважением, и потому возможно, что здесь откроют еще римские надгробные надписи. Там и сям, в окрестностях, видны остатки башен и стен. На севере развалины одной деревни, жители которой бежали в Алжир, вследствие раздоров с своими соседями, венчают вершину Тукут, доломитовый конус, совершенно уединенный.

Оазис Дердж, лежащий в сотне верст к востоку от Гадамеса по прямой линии, в том же бассейне истечения, заслуживал бы быть торговым центром страны, если бы торговля измерялась обилием воды и зелени. Дердж, т.е. «Ступень», называемый так потому, что оазис занимает первый уступ Красной Гамады, окружен садами, содержащими около 300.000 пальм и производящими финики, другие фрукты и овощи в гораздо большем количестве, чем сколько нужно жителям для своего потребления; оттого гадамесцы приходят в Дердж за провизией, но не в качестве покупателей: они уже с незапамятных времен присвоили себе более половины дерев этого оазиса. Это не малое богатство, так как хорошая пальма, приносящая каждый год столько фиников, сколько нужно, чтобы навьючить одного верблюда, представляет ценность в 500 франк.[1]. Обитатели оазиса, сгруппированные в четырех деревнях, называют себя одни берберами, другие арабами, но они до такой степени смешаны скрещиваниями с невольниками, что походят скорее на негров, чем на «кавказцев» или семитов. В каждом доме парадная зала украшена медными вазами, представляющими покупную цену жен, и супруга с гордостью показывает гостям всю эту блестящую батарею.

Другой оазис, к северо-востоку от Гадамеса, расположен на отлогости плоскогорья, обращенной к пустыне: это пальмовые рощи Синаун, под тенью которых останавливаются караваны на дороге из Гадамеса в Триполи. Но этот островок зелени приходит в полный упадок: его пальмовые плантации, осаждаемые песками, уменьшаются мало-по-малу, сады исчезают, рвы засыпаются, и оборонительные стены, окружавшие некогда две деревни оазиса и их возделанные земли, обращаются в развалины; здесь мы видим то же явление, что и в Гадамесе, но какая его причина? Оскудение ли животворных источников, или ослабление энергии жителей, утомленных непрестанной борьбой против скупой природы? Много переселенцев из Синауна живут в Гадамесе: это уалад-беллильцы, население благородное, очень гордящееся своим происхождением.

VII. Рат

Рат (Гат), город торговый, как и Гадамес, тоже составляет, с 1874 г., берберскую общину, оффициально подвластную Турции, и если бы какая-либо европейская держава овладела Триполитанией, то она, без сомнения, заявила бы притязание и на Ратский оазис, как на

1 G. Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

нераздельную часть своего нового завоевания. Гораздо более удаленный от триполийского прибрежья, чем Гадамес (разстояние от моря по прямой линии слишком 900 килом.), Рат, кроме того, отделен от береговой области Красной Гамадой, гамадой Тингерт, или «Известкового Камня», и другими каменистыми плато, а также океаном больших дюн. Еще более, чем природой, Рат был защищен от нескромного любопытства белых фанатизмом и коммерческой ревностью жителей. Измаил Бу-Дерба, первый настоящий исследователь, посетивший Ратский оазис, в 1858 г., был избран для этой миссии, как араб; но после него Ричардсон, Овервег, Барт, Дюверье, фон-Бари, Шиллаг видели, в свою очередь, знаменитый африканский город, и два последние там и скончались. В 1869 г. m-lle Тинне была умерщвлена, прежде чем достигла этого города, а в 1874 года путешественники Дурно-Дюперре и Жубер погибли на дороге из Гадамеса в Рат, в одном или двух днях ходьбы к северу от колодца Эн-Азар: неизвестно, какая была побудительная причина этого убийства. Зарезаны ли они простыми разбойниками, или наемными убийцами, подосланными какими-нибудь фанатиками секты сиди-эс-сенуси, или, как ходила молва, ахаггары и шамбы, убившие их, хотели отомстить за смерть своих соотечественников, перебитых французскими спаги? В 1881 г. три католических миссионера, Ришар, Морат и Пуплар, не могли даже настолько проникнуть в глубь пустыни: туареги и шамба покончили с ними в расстоянии одного дня ходьбы от Гадамеса.

Рат, лежащий на высоте около 400 метров, находится, как и Гадамес, на покатости бассейна, по которому протекала некогда река Игаргар; но долина, дно которой он занимает, и которая извивается в северном направлении, теперь заперта песками: воды, текущие иногда —впрочем, очень редко—в русле её уади, теряются под дюнами. Подобно Гадамесу, этот город выпавшею ему на долю торговой ролью обязан своему географическому положению. Его узкая долина представляет удобнейший путь между горами и плоскогорьями, которые, в этой части континента, составляют водораздел между океаном и Средиземным морем. На западе высятся вулканические массивы Тасили, у подножия которых извивается Агелад, т,е. «Проход», род корридора, по которому идет главная караванная дорога между Ратом и Гадамесом, и который продолжается на северо-запад долиной Титерсин и долиной Игаргарена, притока Игаргара. На востоке вздымается зубчатый горный вал, Акакус, песчаники и сланцы которого почти неприступны: хорошо, если на пространстве одного поколения выберется два или три туарега довольно ловких, чтобы взобраться прямо на эту стену, цепляясь за выступы скалы[1]. Обычная тропа, ведущая в Феццан, обходит эту цепь у северной её оконечности, следуя пустынной долиной Танецуфт, и достигает Мурзукского плато через пролом Ралле и пустыню Таита, каменистую равнину без всякой растительности. Наконец, на юге долина Рат опять поднимается мало-по-малу к горному проходу высотой около 1.000 метр., служащему воротами Суданской Сахары. Здесь-то, между глыб и столбов песчаника, в виду гранитных пирамид и куполов, оканчивается длинный корридор, в котором купцы устроили свой главный склад между Гадамесом и Суданом. Барт дал этим горам название «Аджарских возвышенностей»: это, по его мнению, Джебель Тантана средневековых арабских писателей.

Рат построен на небольшом возвышении почвы, у северо-западного основания скалистого холма. Защищенный оградой, он разделен почти геометрически правильно на шесть кварталов улицами, оканчивающимися шестью воротами. Дома его, построенные в том же стиле, как жилища Гадамеса, но вообще меньших размеров, уступают им также и числом. Внутри пространства, ограниченного валом, поселилось не более 4.000 жителей, но несколько пригородных деревень составляют часть той же группы населения, и большой годовой рынок, которому Рат и обязан своим благосостоянием, собирается в центре пространства, очерченного этими различными поселениями. Там и сям в равнине виднеются купы пальм и других деревьев; но этот оазис не представляет, как оазис Гадамеса, сплошного массива зелени. Однако, легко было бы расширить площадь возделанной земли, так как вода находится в обилии на небольшой глубине; во многих местах выкопаны артезианские колодцы, откуда бьет

1 H. Duveyrier, „Les Touaregs da Nord“.

фонтаном вода, употребляемая для ирригации окружающих земель. Дюверье должен был остановиться в 800 метрах от стен Рата, так как жители грозили ему смертью, если бы он попытался проникнуть в город; тем не менее, ему удалось сделать набросок Рата, на основании собственных наблюдений и сведений, данных ему некоторыми туземцами. Этот план, единственный, который был снят на месте, еще не появился в печати.

По преданию, Рат—город относительно новый: прошло, будто-бы, только двенадцать или пятнадцать поколений с той поры, как берберы племени игадженен положили ему основание, вместе с другими соседними племенами; но между этими народцами один носил имя кельрафса, и Дюверье видит в них потомков тех, которые, в римскую эпоху, населяли *oppidum Rapsa*: этот древний военный и торговый город, без сомнения, стоял на том же самом месте, у входа в дефилей, через который сообщаются две сахарские покатости. Как бы то ни было, игаджены и другие окрестные туареги долгое время оставались господами или по крайней мере покровителями Рата; но эти номады, трудно уживающиеся в тесной городской ограде, были постепенно заменены потомками торговых людей, переселившихся сюда из других оазисов северной Африки; однако, данный род считается принадлежащим к древней расе до тех пор, пока сохранялась, от матери к матери, нисходящая линия игаджен-нов, ибо эти последние суть бени-уммии, или «сыны матери», т.е. у них власть и имущество переходят не от отца к сыну, а от дяди к племяннику, с материнской стороны. В Рате берберское право предоставляет женщинам, представительницам древних владетелей почвы, управление родовым наследием: они одни распоряжаются домами, источниками и садами, и по административному таланту, так же, как по коммерческой инициативе, они, повидимому, нисколько не уступают мужчинам[1]. В некоторых семействах дети наследуют движимое имущество, но право командования рабами и традиционныя пошлины, платимые путешественниками, переходят к старшему сыну сестры[2].

Большинство жителей не-туарегского происхождения состоит из уроженцев Гадамеса и Туата и особенно из так называемых гартенесов, детей негритянок, покинутых их прохожими супругами; но население всякого племени и цвета, толпящееся на рынке Рата, и к которому в последнее время примешались турки, стоящие гарнизоном, настолько подчиняется еще влиянию местных преданий, что сохранило берберский диалект. Костюм большинства жителей также туарегский: блуза, панталоны, вуаль. Равным образом не изменились и торговые традиции: уже многие века караваны следуют одним и тем же маршрутом, установленным обычаями и требованиями племен, которым купцы платят пошлину на проход и охрану: так, чтобы отправиться в Томбукту, ратские торговцы да сих пор еще принуждены делать огромный крюк на оазис Туат[3]; кроме того, прямые торговые сношения с французскими владениями запрещены им турками, так же, как фанатизмом «братьев» сенусиа, приобревших большую силу в Рате с половины настоящего столетия. Таким образом средства пропитания для этого города ограничиваются барышами, приносимыми ему меновой торговлей с отдаленными рынками страны, заключающейся между Нигером и озером Цаде: его земледелие и промышленность, еще менее развитые, чем в Гадамесе, дают ему лишь незначительную часть потребных рессурсов. Окрестные сады содержат слишком 3.000 пальм; между купами финиковых пальм рассеяны каменные или глиняные домики туарегов, их хижины из древесных ветвей и кожаные палатки.

Кроме Рата, в этой долине существует еще только один город, Эль-Баркат (Баракат, Иберке), населенный туарегами и лежащий верстах в десяти к югу от Рата: этот чистенький, хорошенький городок, лучше орошаемый и более богатый зеленью, чем Рат, представляет путешественнику прелестную картину, какой он не увидит более на пространстве сотен или даже тысячи верст. Какой резкий контраст между этим зеленеющим оазисом и окружающи-

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение

2 Bou-Derba, „Revue algerieune et coloniale“, dec. 1859.

3 H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

ми его дикими горами, черными, разорванными, во многих местах неприступными! А между тем встречаются там и сям развалины, свидетельствующие, что и в этой дикой стране жили когда-то люди. Даже в Джебель-Акаусе туземцы указывают местоположение древнего города Тедерарта, где еще видны кусты миртов, введенных, без сомнения, земледельческим народом, и изваяния, высеченные на боках скал[1]. Несколько домашних зебу в оазисе Рат суть единственные остатки этого животного вида, некогда представленного во всей Триполитании, когда дожди были обильнее, и когда уади, ныне высохшие, были настоящими реками[2].

На север от Рата массив скал, расположенный в форме полумесяца и обращенный выпуклостью к югу, вздымает свой зубчатый гребень между узким разрезом Агелада и долиной, идущей вдоль западного основания Акакуса. Этот уединенный массив, называемый Иденен, известен в народе под именем Каср-Дженун или «Замок Духов»; джины собираются сюда, говорят, со всех окрестных мест за тысячи миль кругом, чтобы подготовлять здесь свои злокозненные замыслы[3]. Ричардсон, взбиравшийся на эту гору, едва не погиб; Барт, тоже предпринимавший восхождение на нее, не мог достигнуть вершины, и его неуспех, так же, как неудачная попытка Ричардсона, оправдывали в глазах туземцев ужас, который они испытывают, приближаясь к Чертовой горе: изнуренный усталостью, пожираемый лихорадкой, отважный путешественник свалился у подножия одного дерева и пролежал там двадцать семь часов, пока спутники не отыскали его. Средняя высота хребта около 700 метров, а песчаниковые башни вздымаются еще на 50-100 метров выше, уединенные или сгруппированные в цитадели.

VIII. Правительство и администрация регентства Триполи

Часть Триполитании, присоединенная к Турецкой империи, составляет отдельный вилайет, подобно оттоманским провинциям Европы и Азии. Высокая Порта не управляет здесь косвенно, чрез посредство вассального государя, как это было недавно в Тунисе и как это имеет еще место, в силу дипломатической фикции, на берегах Нила. Вали, или генерал-губернатор, управляющий Триполийским вилайетом, вообще выбирается из высших офицеров армии; обыкновенно он имеет ранг мушира, или маршала, и ему вверено командование находящеюся в крае армией, которая иногда не превышала цифры 5.000 человек, но которая ныне представляет силу, втрое более многочисленную. Под главным начальством паши, облеченного высшей военной и гражданской властью в крае, мутасерифы или каймаканы управляют второстепенными провинциями, а кантоны, или каза, подчинены мудирам, заменившим прежних каидов. Но во главе каждого племени, каждой арабской общины стоит шейх, называемый шейх-эль-белед в городах и деревнях. Эта должность, считающаяся безвозмездной, обходится, однако, всего дороже бедному народу, ибо шейхи отправляют и, по большей части, продают правосудие. В то время, как в Константинополе чиновники министерства финансов исчисляют доходы триполийского вилайета в три или четыре миллиона франков[4], в действительности деньги, уплачиваемые населением в виде налогов и штрафов, составляют, может-быть, сумму, вдесятеро превосходящую эту цифру. «Цена туфлей», которые носит чиновник, шествуя по стезе правосудия, достигает в некоторых местах четверти обыкновенных податей[5].

В берберских общинах, где демократический инстинкт развит гораздо больше, чем у арабов, управление общими делами принадлежит собранию или сходу, джемаа, на совещаниях которого свободно присутствуют все члены общины. Сход этот распределяет подати, судит

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

2 Tissot, „Geographie comparee de l'ancienne province d'Afrique".

3 Richardson, „Narrative of a mission in Central Africa";—Bou-Derba, „Revue algerienne et coloniale", dec. 1859.

4 Von Maltzap, „Reise in den Regentschaften Tunis und Tripolis".

5 H. Duveyrier, „La Tunisie".

преступления и проступки, назначает пени и, в важных обстоятельствах, постановляет приговор об удалении виновного из среды общества. Но в значительных городах, каковы Гадамес и Рат, правительство изменило в свою пользу местные учреждения. Оно поставило мудира, который почти не имеет другой миссии, кроме взимания обычного побора. При этом должностном лице есть совет, или меджелес, состоящий из муфтия, шейха-эль-беледа и четырех именитых жителей, избираемых их согражданами и утверждаемых в должности пашей, по представлению мудира. Собрание это ведает преимущественно торговые дела, и решения его подлежат исполнению даже в том случае, когда только один из его членов заседает с губернатором. Дела специально общинные обсуждаются собранием джемаа, которое состоит из выборных от жителей различных кварталов. Кади, или точнее наиб (наместник) триполийского кади, разбирает дела, касающиеся наследства, брака и развода. Жандармы, или заптии, вооруженные палками, наблюдают за порядком на улицах, и нарушителей общественного спокойствия отводят в полицию: сами они вообще люди, сосланные по приговорам константинопольских судов. Впрочем, большинство высших чиновников в Триполи и в провинции обязаны не чему иному, как немилости султана, своим переводом на африканскую землю.

В восточной Триполитании почти везде населением управляют начальники религиозного ордена сенусиа. Они командуют либо непосредственно, как в оазисах Куфра, нетронутых турецкими солдатами, либо через посредство оффициальных чиновников, которые ограничиваются получением своей доли местных доходов.

В Феццане высшие чиновники все турецкой национальности, так же, как офицеры гарнизона. Только шейх-эль-белед, уроженец края, всегда выбирается в том же клане. Туземная королевская фамилия, состоявшая из двухсот членов, была вся истреблена.

Следующая таблица дает имена главных делений и подразделений Триполитании, которые, впрочем, очень часто изменялись по размерам пространства и степени административной важности:

Провинции	Главные деления	Главные города
Барка	Джебель-эль-Акабах	Дерна
	Джебель-эль-Ахдар	Бенгази
	Оазис Ауджила	Ауджила
	„ Джало	Джало
	„ Лешкере	
Триполи	Триполи	Триполи
	Зауйя	Зуайя
	Хомс	Лебба
	Джебель	Каср-эль-Джебель
	Гадамес	Гадамес
	Бу-Нджейм	Бу-Нджейм
	Джофра	Сокна
	Зелла	Зелла
Феццан	Уади-Шиати	Брак
	Фога	Фога
	Уади-Лажаль (Себха)	Джедид
	Гофра	Мурзук
Рат		Рат

Глава II Тунис

I

В нынешних своих пределах Тунис не составляет географического целого, отличного от

остальной Мавритании: горы его принадлежат к той же системе, как и горы Алжирии, главные его реки берут начало вне его границ; впрочем, последние часто перемещались, и переход территории во владение французов оставил за ними лишь чисто условное значение. Поэтому нельзя изучать Тунис, не связывая его общими чертами с совокупностью областей Атласа. Он составляет лишь особую провинцию этих областей, имеющую, впрочем, если не в виде естественных границ, то по крайней мере в виде межевых массивов, несколько групп диких и почти ненаселенных гор. Во многих отношениях он отличается от Алжирии своей историей, и жители его находятся еще под действием иного законодательства и управления.

Мавритания, рассматриваемая в самом общем смысле, а не в историческом её значении, обнимающем лишь часть территории, составляет совершенно самостоятельное целое, одну из естественных областей, с точно очерченными границами: это часть Северной Африки, заключающая в своих пределах Тунис, Алжирию, Марокко, и обозначаемая арабами именами Гарб или Магреб, как «Запад» по преимуществу; они называли ее также «Западным островом», Джезират-эль-Магреб. Принадлежа к средиземному пространству, как страны южной Европы—Испания, Лангедок, Прованс, Италия,—она гораздо более сплочена, чем эти различные территории, расположенные полукругом около Балеарского и Тирренского морей; она не изрезана заливами, не разделена на полуострова, но, напротив, отличается удивительной простотой контуров. Это почти правильный четыреугольник, ограниченный с севера Средиземным морем, с востока и запада заливом Габес и Атлантикой, с юга другим океаном, океаном песков, глин, камней и скал. Впрочем, большая часть этого пустынного пространства, может-быть, целый пояс, протянувшийся через всю ширину Сахары,—была морским дном в предшествовавшую геологическую эпоху, как это пытался доказать Бургинья в своих исследованиях относительно малакологической фауны (фауны мягкотелых) Мавритании, и как это впоследствии повторяли очень многие писатели. Но это Сахарское море, давно уже высохшее, по крайней мере с первых времен миоценового периода[1], не оставило по себе ископаемых, которые бы свидетельствовали о его пребывании, и, как известно, проекты искусственного наводнения, для восстановления этого «внутреннего моря», повели бы только к образованию ряда озер, занимающих впадины шоттов, лежащих ниже уровня залива Габес. Как бы то ни было, Магреб представляется несомненно островным массивом с географической точки зрения; он не имеет ни большой реки, ни большой торговой дороги, естественной или искусственной, которая соединяла бы его с плодородными и населенными странами Центральной Африки. Он останется простой провинцией средиземной Европы до тех пор, пока не соединится с бассейнами Сенегала и Нигера дорогами, какие умеет создавать современная индустрия, до тех пор, пока не будет устранено громадное препятствие, являющееся в виде беспредельной пустыни.

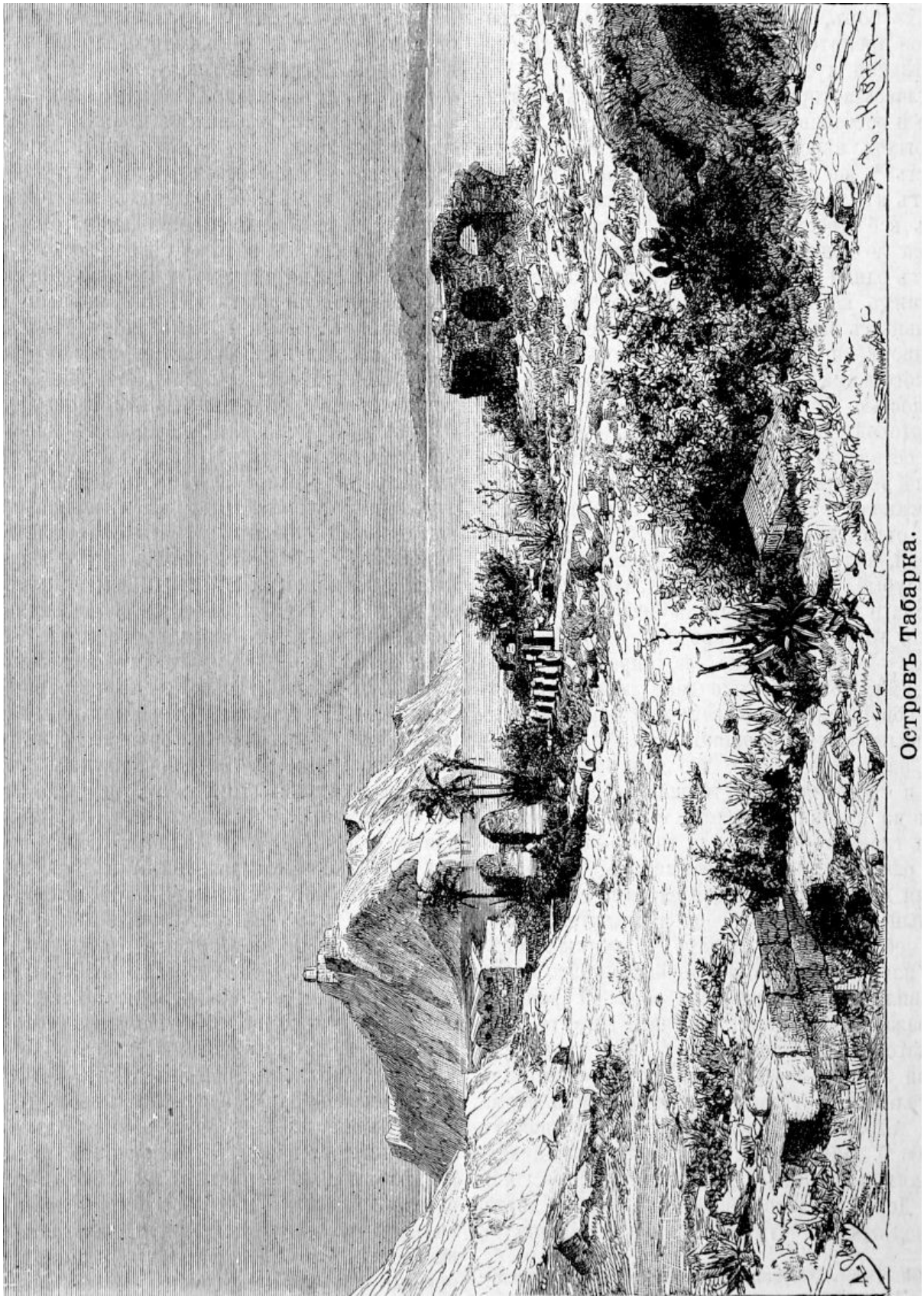
Атласские горы, образующие остов Мавритании и доставившие ей имя Атлантиды[2], под которым, вероятно, понимали Мароккскую область[3] на заре писанной истории, принадлежат к той же системе, которая захватывает все пространство от Атлантического океана до Сицилийского моря. Они не составляют одной цепи, как их изображали на прежних картах, но поднимаются в виде отдельных выступов рельефа, хребтов или массивов, и во многих местах заменены плоскогорьями с слегка волнообразной поверхностью. Только западная часть системы, та, которой дают более специально имя Атласа, составляет цепь истинно альпийскую по высоте вершин, так как высшие точки её достигают, вероятно, 4.000 метров слишком: оттого первые мореплаватели, финикияне и греки, видевшие издали её гребни, то белые, то голубые, на сером или лазурном фоне небесного свода, описывали их как высочайшие горы земли. Геродот говорит, что Атлас—это «колонна, подпирающая небеса»—имя, которое было дано также горе Этне, и совершенно естественно, что древние так называли высокие вершины, потому что облака и пары, то-есть то, что для наших взоров и составляет настоящее

1 Pomel, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Oran", № 8, 1881.

2 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique".

3 Berlion, „La Terre habitable vers l'Equateur, par Polybe".

небо, часто носятся на половине высоты склонов и скрывают главы гор. Легенда только воспроизводила рассказы путешественников, но олицетворяя Атлас и придавая словам иносказательный смысл. Эта гора действительно несет небо на своих седых, убеленных снегом пле-



Островъ Табарка.

чах: оттого фантазия древнего грека заставила ее поддерживать мир, и ваятели изображали ее в виде могучего гиганта, сгибающего свой широкий торс под громадной массой земного шара. По мнению большинства писателей, имя Атлас есть смягченная форма слова Адрар,

которое по-берберски значит «гора»[1]. Мароккский Атлас еще обозначается наименованием Идрарен, «горы», или чаще Дерен: следовательно, в течение двух тысячелетий, то-есть со времен Страбона[2], имя не переменилось, без сомнения, потому, что те же берберские населения до сих пор живут у подножия Атласа.

Горы Марокко, хотя отделенные ныне от Испании Гибралтарским проливом, принадлежат, тем не менее, к той же системе выступов рельефа, как Сиерра-Невада и другие сиерры Иберийского полуострова. они выше и вместе с южной цепью Анти-Атласа, с предгорьями, массивами и второстепенными цепями, занимают более значительное пространство, но они состоят из тех же горных пород, расположенных в том же порядке, и их общее направление, от запада-юго-запада к востоку-северо-востоку, почти параллельно на том и другом континенте. Подобно сиеррам Испании, горные цепи Мавритании также продолжаются, в части своего протяжения, высокими плоскогорьями. На востоке Марокко, на продолжении Дерена, тянется, от одного конца Алжирии до другого и даже в Тунисе, пояс больших плоскогорий, средняя высота которых слишком тысяча метров. Алжирские цепи по большей части суть лишь краевые горы на северной и южной стороне плоских возвышенностей. Горы прибрежья занимают наибольшую ширину, около 80 километр., в среднем; южные, покатые к Сахаре, имеют не более пятидесяти километров, от края плоскогорий до рубежа пустыни; но к востоку, на границах Туниса, две горные зоны сходятся и образуют новые цепи, сохраняющие нормальное направление всей орографической системы; даже крайний полуостров, Дахла-эль-Магуин, разделяющий заливы Гаммамет и Тунисский, тянется с юго-запада на северо-восток, как бы идя на соединение с Сицилией. Между границей Марокко и центральной Алжирией ни одна вершина не достигает 2.000 метров, но к западу от Алжира, высшие пики переходят за 2.300 метров в Джуржуре и в Джебель-Аурес. Далее горы понижаются мало-по-малу: самые высокие вершины Туниса поднимаются только на 1.500 метров. От одного конца до другого система Атласа имеет не менее 2.300 километров в длину.

Следствием параллельного расположения горных цепей, плоскогорий и равнин в длинном четыреугольнике Мавритании является разделение всей страны, от Атлантического океана до залива Габес, на узкия полосы, различные по виду, климату, произведениям и населению. В плодородных долинах прибрежья живут земледельцы, тогда как высокие степи населены пастухами-номадами и их стадами; на юге, в оазисах пустыни, главная масса населения тоже состоит из возделывателей почвы. Так тянутся параллельно один другому отдельные поясы, обитатели которых различаются образом жизни, характером, преданиями и часто также происхождением. От одной до другой покатости установляется торговый обмен необходимыми для жизни продуктами, но сношения не всегда имеют мирный характер, и часто различные племена оспаривают друг у друга сопредельные территории. Это естественное деление Мавритании на длинные полосы, различающиеся между собой этнологическими условиями, есть, без сомнения, одна из главных причин политической раздробленности страны. Береговой пояс, простирающийся от мыса Бон до мыса Спартель, был слишком длинен, сравнительно с незначительной шириной, и потому разделился на несколько кусков. Здесь мы видим историческое явление, подобное тому, которое разбило единство Италии. Но теперь форма и контуры земель все менее и менее оказывают влияния на судьбу наций: реагируя на природу своими изобретениями всякого рода, искусство и труд человека постепенно сокращают расстояния, сглаживают противоположности ската и климата. Тунис теперь ближе к Тангеру, чем был прежде от своих соседей Боны или Габеса, отделенных от залива опасными мысами.

По истечению вод Тунис, Алжир и Марокко представляют сходные условия. Северный скат Атласа, обращенный к Атлантическому океану и Средиземному морю, недостаточно широк, чтобы реки могли проходить длинный путь и соединяться в обширные бассейны;

1 Carl Ritter, „Erdkunde“;—Castiglioni, „Recherches sur les Berberes atlantiques“;—Vivien de Saint Martin, „Nord de l’Afrique dans l’Antiquite“;—de Foucauld, „Voyage au Maroc“.

2 Книга XVII, гл. III, § 2.

только немногие потоки, берущие начало на высоких степных плоскогорьях или по крайней мере питаемые притоками, выходящими из этой области, смогли открыть себе проход через северные краевые цепи и достигнуть развития, приближающагося к протяжению европейских рек, впадающих в западный бассейн Средиземного моря. Так, реки Малуйя в Марокко, Шелиф в Алжирии, Меджерда в Тунисе, по длине русла, уступают, в том же бассейне истечения, только Роне и Эбро. На покатости Сахары, пространства, конечно, хватило бы текучим водам, чтобы вырыть себе длинные долины к Атлантике, Нигеру или заливу Сиртов; но облака не приносят достаточного количества дождей, и реки там велики только размерами своих бассейнов. За исключением реки Драа, берущей начало на южном склоне мароккского Атласа, и которая все-таки не достигает Атлантического океана, против Канарских островов, в сахарской области нет ни одного потока, который бы бежал свободно на поверхности земли, развертывая свои излучины от гор до моря. Но русла, вырытые в предшествующую эпоху, когда дожди выпадали обильнее, чем ныне, еще приметны, несмотря на аллювиальные образования и дюны, и видно еще, что в них текли большие реки, площадь истечения которых соперничала по размерам с площадью Евфрата. Одна из этих древних рек, вытекавшая с Атласа, спускалась на юг к Нигеру; другая, Игаргар, с обширным разветвлением притоков, образующихся в Джебель-Ахаггар и Джебель-Тасили, текла на север, к низменности алжирских портов; но в нынешнем геологическом периоде она уже не имела истока к заливу Габес. Поверхность её бассейна, вероятно, превышающая 800.000 квадр. километров, не меньше площади Дунайского бассейна.

Так как среда, представляемая почвой, водами и воздухом, мало разнится от одной оконечности Мавритании до другой, то флора и фауна тоже должны сходствовать от Туниса до Марокко, хотя многочисленные препятствия дороги во многих местах замедлили или даже остановили движение переселения и тем вызвали постепенные видоизменения в совокупности видов. Подобное же явление замечается и относительно людей: от мыса Бон до мыса Нун мы находим представителей тех же рас, распределение которых разнится, сообразно бесконечному разнообразию географических черт и беспрестанному круговороту событий. Повсюду в Мавритании берберский элемент, первоначальное происхождение которого, впрочем, неизвестно, составляет основу населения: из десяти миллионов жителей, населяющих страну, между морем и пустыней, по крайней мере три четверти, по Федербу[1], принадлежат к этой расе; но, несмотря на такой огромный численный перевес, они были со всех. сторон оттесняемы с равнин к высотам: мирные земледельцы, слишком ленивые, чтобы сплотиться в сильное целое, они должны были отступать перед арабами, соединенными в воинственные племена. Эти последние, не составляющие даже шестой части мавританского населения, встречаются оседлыми или кочевыми общинами по всей стране до берегов Атлантического океана; однако, в восточных областях они гораздо более многочисленны; вообще они постепенно уменьшаются в числе от востока к западу, по мере удаления от азиатского полуострова. Чернокожие, которые через скрещивания тоже имели весьма значительную долю влияния на другие этнические элементы, были введены, как невольники или как солдаты, во все части страны, но они тем многочисленнее в различных областях, чем чаще сношения с их родиной: всего сильнее они представлены в Марокко, находящемся в постоянных торговых сношениях с верхним Нигером; даже императорская фамилия скорее негрской, чем арабской, крови, хотя она и претендует на происхождение по прямой линии от пророка Магомета. Наконец, все города страны в большей части населены «маврами», т.е. людьми до бесконечности смешанной расы, где слилась кровь римлян и вандалов, арабов и берберов, итальянцев, испанцев, французов и средиземноморцев всякого происхождения. Если мавры представляют аналогичный тип от одной до другой оконечности обитаемой ими страны, то они обязаны этим не расе, так как различные элементы, образовавшие этот народ, конечно, смешивались между собою в каждом городе в различных пропорциях; сходство типа они приобрели благодаря своей общей истории цивилизованных горожан, благодаря

1 „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algerie".

одинаковым, веками действующим, гигиеническим условиям и одинаковому образу жизни. Впрочем имя «мавры»—одно из тех неопределенных выражений, которые часто меняли смысл. Может-быть, согласно гипотезе Тиссо, слово «мавры» значит просто «западные люди». Может-быть, как полагает Сабатье, это название применялось в начале к жителям гор: «Мавритания», вероятно, значит «горная страна», как позволяет думать корень *мавр, мувр,* встречающийся еще во всех частях страны. Испанцы, а вслед за ними и другие христиане Европы, придали имени «мавры», или Moros, гораздо более широкое значение: оно обнимало всех магометан и даже, в обыкновенном языке, всех язычников; даже в Новом Свете географическая номенклатура напоминает нам это презрительное прозвище, которым завоеватели награждали туземцев. В настоящее время название мавров оставлено за магометанами «варварийских» городов; постоянное жительство и цивилизованные нравы отличают их от арабов деревни, чистых или смешанных. Всего многочисленнее мавры в Тунисе, сравнительно с другими жителями.

Хотя чужеземцы, составляющие меньшинство в земле берберов, арабы Мавритании долго, однако, были господами страны, и они-то главным образом и оспаривали у французов обладание Алжирией. Замечательно, что этот этнический элемент распространился довольно равномерно во всех открытых равнинах, на всех ровных плоскогорьях. Причину этого явления следует искать в последовательных переселениях, при которых одни племена мало-помалу оттесняли другие, вследствие чего происходило в разные эпохи общее перемещение от востока к западу. Уже задолго до геджры различные народцы, пришедшие с Аравийского полуострова, двинулись к Мавритании: таковы луата или руадиты, поселившиеся в Киренаике в первые века нашей эры, и, постепенно подвигаясь все далее на запад, заняли, наконец, под различными именами, восточные области Мавритании[1]. Затем следовал период завоевания и обращения в магометанскую веру, который тоже оставил в стране некоторое число арабских племен, а четыре столетия спустя совершилось великое иммиграционное движение, которое привело большую часть арабов, кочующих теперь в варварийских странах. Это еще не все. Обратно этому приливу, устремлявшемуся в западном направлении, отлив увлекал некоторые племена к востоку. Как бы по закону падения и отражения, племена, достигшие крайних пределов Марокко, на берегах Атлантики, возвращались по своим следам, идя по направлению к своей первоначальной родине; во всей Мавритании, равно как в Триполи и в восточных оазисах, племена, возводящие свою родословную наидалее в глубь веков и претендующие на титул шорфов, или «потомков пророка», суть именно те, которые побывали в Марокко, прежде чем вернуться к востоку[2]. Другое возвратное движение привело в Мавританию «арабов», некогда овладевших Иберийским полуостровом, но эти испанские арабы несомненно были в большинстве берберы, которые во время своего долгого пребывания на европейском полуострове смешались со всеми местными населениями—лигурийскими, иберийскими, кельтскими или визиготскими; впрочем, большинство этих беглецов, известных в Мавритании под именем андалузцев, поселились в городах, где и слились с другими маврами, прибавив таким образом новые узлы к запутанному сплетению этнических происхождений. Эти испанские мавры, кажется, всего сильнее представлены в Тунисе.

В крае, так часто подвергавшемся иноземному нашествию и населенном такими разнообразными элементами, еще не слившимися в одну сплоченную нацию, не может быть патриотизма в том смысле, как в европейских странах, где продолжительная общность интересов и превратностей судьбы сообщила, в конце концов, всей нации индивидуальность высшего порядка. Бербер, араб имеют чувство солидарности лишь в отношении рода или племени, но у них вовсе нет сознания, что они могли бы составлять часть народа. Араб Мавритании только как мусульманин, а не как единоплеменник или соотечественник, соединялся с другими арабами, чтобы бороться против христианина, и при том последний всегда мог рассчитывать на внутренние раздоры и войны между племенами, как на выгодное для него обстоятель-

1 Tauxier, „Revue Africaine“.

2 Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

ство, могущее ускорить дело завоевания. Дело это, однако, потребовало много времени в Алжирии, не только по причине ошибок, колебаний и противоречий, сопровождавших первые военные операции, но в особенности потому, что страна долго оставалась открытою вторжениям южных племен. Раз покоренная, область морского прибрежья была тем не менее угрожаема населениями соседних гор; затем, когда и эти горы были заняты, нужно было опасаться набегов со стороны жителей плоскогорья: до тех пор, пока длинные параллельные поясы, составляющие алжирскую территорию, не были все защищены городами, земледельческими колониями и укрепленными постами, новое завоевание, не имевшее на юге прочной границы, могло быть внезапно атаковано в тысяче чувствительных пунктов. Не то мы видим в Тунисе. Омываемый с двух сторон морем, прилегающий с третьей стороны к цепи укрепленных постов, наконец, ограниченный на юге пустыней и лагунами, этот край был, таким образом, наперед заперт с моря и с суши, осаждаемый как крепость; кроме того, он был уже перерезан с востока на запад железной дорогой; нигде продолжительное сопротивление не было бы возможно, если бы даже разница вооружения не была так значительна. Впрочем, поражение всегда неизбежно, когда оно предвидится долгие годы, почти желается теми, которых судьба призывает к защите отечества, но которые из поколения в поколение привыкли к рабству.

II.

Пространство тунисской земли, границы которой еще не фиксированы с точностью ни со стороны Триполитании, ни даже со стороны Алжирии, может быть исчисляемо лишь приблизительно; по планиметрическим вычислениям, сделанным различными географами в последние десять лет, точная мера этой территории заключается между 116.000 и 118.000 квадр. километров, включая сюда лагуны и себхи, занимающие большую часть центрального и южного Туниса. Скоро точная триангуляция, к которой уже приступлено, значительно уменьшит разницу, существующую еще между крайними результатами приблизительного исчисления. В сравнении с целой Мавританией, Тунис представляет, следовательно, только тринадцатую или четырнадцатую часть страны, но относительная густота его населения придает ему гораздо более важное значение, чем какое он должен бы был иметь соответственно своему протяжению. Правда, что на счет приблизительного числа жителей будет оставаться сомнение до тех пор, пока правильная народная перепись, суммарная или подробная, не заменит общих исчислений точными цифрами. Еще недавно статистики народонаселения разнились на целый миллион, определяя цифру его то в 1, то в 2 миллиона; но со времени французской оккупации все сходятся в том, что цифра полтора миллиона должна быть принята, как наиболее вероятная. Но хотя бы даже наименьший из этих выводов, то-есть один миллион, был ближе к истине, и в таком случае Тунис значительно превосходит Алжир и Марокко относительным числом жителей. Пространство Туниса, по Бему и Вагнеру, 116.348 квадр. километр.; вероятное население—1.500.000 душ, так что, средним числом, приходится 13 жителей на 1 квадр. километр.

Впрочем, нельзя не удивляться, что даже под деспотическим правлением и несмотря на перемещение главного потока истории, край, занимающий такое счастливое географическое положение, как Тунис, сделался таким незначительным по относительной важности, и что его роль в истории средиземноморских стран могла быть низведена почти к нулю. Помещаясь в самом центре Средиземного моря, в углу Мавритании и напротив Сицилии, на пороге сообщения между двумя половинами этого внутреннего моря, располагая очень длинной береговой линией, где открываются лучшие гавани и заливы, более удобные для судоходства, чем заливы Алжирии и Марокко, обладая, кроме того, плодородными и здоровыми землями, —Тунис имеет огромные выгоды, которые некогда доставили ему преобладающую роль в истории. Форма рельефа во внутренней части страны не менее благоприятна, чем очертание внешних контуров. Продольные поясы, на которые делится Мавритания с севера на юг, и которые составляют как бы особые области, утрачивают свои резкие контрасты около вос-

точной оконечности. Широкая выемка Тунисского залива позволяет обходить гористую зону побережья и проникать далеко внутрь пояса плоских возвышенностей через долины Меджерда и Меллег. Точно также восточный берег, к югу от залива Гаммамет, открывает широкие выходы из центральной области в Алжирию, и большая дорога пустыни начинается у залива Габес. Через эти бреши не раз установлялось политическое единство северной Африки, которой, повидимому, суждено было служить лишь местом жительства для племен враждебных или по крайней мере чуждых друг другу. Восточные заливы и равнины служили путем, по которому проходили финикияне, римляне, византийцы, арабы: влияние Азии, как и влияние Европы, проникало через эти восточные ворота Мавритании[1]. На самом берегу Тунисского залива, господствуя в одно и то же время над центральным проходом Средиземного моря и над естественным входом Ливийского континента, стоял цветущий Карфаген, поднявшийся на степень главного торгового города Старого Света и долго уравновешивавший могущество Рима. Даже после утраты своей независимости, африканская провинция, обратившаяся в колонию Европы, заслуживала, по своей деятельности торговой, промышленной и научной, права дать свое имя всему континенту. Наконец, в средние века Тунис тоже имел свой период цивилизации и процветания. Близкому будущему предстоит возвратить ему ту роль и значение, которые принадлежат ему естественно, благодаря его географическому положению. Для торговли Средиземного моря он поставлен в более благоприятные условия, чем Алжир, чем Неаполь или Мессина, а для сношений с бассейном Нигера Малый Сирт представляет большие выгоды, нежели Большой, по своей относительной близости и менее опасному мореплаванию.

Средняя высота Туниса постепенно уменьшается в направлении от запада к востоку; тем не менее, самые высокие массивы, достигающие 1.200-1.500 метров, рассеяны в разных частях страны. Один из значительнейших занимает северо-западный угол края, на границах Алжирии. Этот разорванный массив, в котором с первого взгляда трудно определить порядок расположения частей, протянул свой хребет с юго-запада на северо-восток: его можно назвать «Хумирскими горами», по имени знаменитой группы племен, обитающих на его полянах, где возделываются ячмень, кукуруза, табак. На юго-западе, эти высоты продолжаются горами Уштетта, почти такими же высокими, и горами Бени-Салах, ограниченными на юге дикими ущельями, через которые проходит верхняя Меджерда, в Константинском департаменте. Вершины, называемые общим именем *кеф* или «скала», по большей части имеют вид длинных хребтов, но некоторые оканчиваются пирамидальными массами или зубчатыми гребнями, пласты которых, состоящие из черного и красного песчаника, вздымаются в причудливых формах. Почти все склоны покрыты сплошными лесами больших лиственных деревьев, так что с вершины гор видишь во всем громадном круге горизонта только бесконечный океан зелени. Горная масса во всех направлениях изрезана крутыми оврагами, узкими долинами, которые, взаимно пересекаясь, образуют целые лабиринты корридоров, и по дну которых бегут ручьи, спускающиеся либо на юг—к Меджерде, либо на запад—к уэду эль-Кебир, либо на север—к бухтам Средиземного моря. Высокие выступы гор далеко выдвинулись в область вод: таков мыс Рыжий, обозначающий своими кручами и старинными укреплениями (теперь в развалинах) общую границу Туниса и Алжира. Далее, к востоку, джебель Мермаль выделяет из себя другой мыс, у подножия которого показывается остров Табарка, еще увенчанный генуэзскими укреплениями, и некогда соединявшийся с берегом дамбой, которую теперь заменил песчаный перешеек, лежащий в уровень с поверхностью воды.

К востоку от предгорий массива Хумир простирается область менее возвышенная, но все еще гористая, которую называют Могод, и которая оканчивается, на северо-западе и на севере от Бизерты, несколькими мысами, как-то: рас-Дуккара, рас-эль-Керун, рас-Энгела и рас-эль-Абиод, или мыс Бланко (Белый). Эти мысы, самые северные выступы африканского материка, переходят минут на двадцать за 37-й градус сев. широты: они почти на 150 километ-

1 Ch. Tissot, цитированное сочинение.

ров ближе к полюсу, чем мыс Сеута, южный столп Геркулесовых ворот. Вдоль морского берега рассеяно несколько тунисских островов; таковы, например, подводные скалы «Братьев» или «Фрателли», которые римляне называли «Жертвенниками Нептуна». Далее в море, на одной линии с островами «Сестер» или «Сорелле», поднимаются, на 300 и даже на 393 метра над поверхностью вод, горы Галиты, африканской земли, еще более северной, чем рас-эль-Абиод (мыс Бланко). Впрочем, относительно этого островного массива, окруженного несколькими меньшими «Галитами» и подводными камнями, является вопрос—связан ли он геологически с соседним материком, так как он отделен от твердой земли морскими пучинами в 300 метров глубины и состоит из трахитов, имеющих большое сходство с андезитами Экуадора и синими порфирами Эстереля. Эти лавы вылились с глубокого дна моря, часто колеблемого вулканическими сотрясениями: в этих водах случалось, что корабли вдруг подвергались сильной качке, как будто от ударов о подводный камень. Галита составляет совершенно особый мирок; растительность её состоит лишь из низкой травы, папоротника, мелкого кустарника и смоковницы, единственного дерева на всем архипелаге[1]. Говорят, дикия козы прыгают еще по скалам, и вырывающиеся у них из-под ног камни, падая с уступа на уступ, спускаются до самого моря. Сторож на маяке, два или три неаполитанских колониста, пришедших из порта Калле, стада овец, иногда несколько итальянских рыболовов—вот единственные обитатели этого никому не подвластного острова; рыбачьи барки, нагружаемые морскими раками, качаются на воде у берега, изрытого пещерами, куда вливаются волны. Плиний утверждал, что почва Галиты убивает скорпиона; моряки, посещающие этот остров, повторяют ту же басню в другой форме, говоря, что ни одно ядовитое животное не может жить на этих скалах из лавы[2]. Это отсутствие гадов на Галите, если рассказы моряков верны, было бы новым доказательством того, что остров не фрагмент, оторванный от континентального берега. Однако, на вулканических скалах острова находят песчаные отложения, содержащие сухопутные раковины тех же видов, какие встречаются на твердой земле[3].

На юге от реки Меджерды область алжирской границы не представляет обособленной орографической системы. Разрезанные на массивы уэдом Меллег и его притоками, горы и холмы следуют одни за другими от юго-запада к северо-востоку, по направлению общей оси Атласа, оставляя между собой многочисленные бреши, где проходят дороги, почти всегда удобопроезжаемые, так что человеку нет надобности выравнивать или устилать почву мелким камнем. В действительности, этот пояс составляет восточное продолжение степного плоскогорья, разделяющего две краевые цепи Алжирии, из которых одна поката к прибрежью, а другая обращена к Сахаре. Продолжение массива Джебель-Аурес, область тунисских степей усеяна уединенными высотами, которые оканчиваются на верхушке столообразными плато, остатками пластов, смытых водами. Многие из этих площадок, окруженных обрывистыми утесами и таким образом хорошо защищенных самой природой, часто служили убежищем целым племенам, с их стадами[4]: такова, на северо-востоке от Тебессы, большая скала, называемая Калаа-эс-Сенам, «Замок идолов» (по Мак-Карти, «Замок Зубов»)[5], вероятно, по причине каких-нибудь построек или естественных башен, принятых арабскими завоевателями за кумирни туземцев. Опасная тропинка ведет в деревню, где племя ганенша хранило свои запасы продовольствия и свои сокровища. Этот арабский акрополь, построенный на остатках более древней крепости,—самая высокая группа жилищ в Тунисе: он находится на высоте 1.452 метра. Другой «свидетель» древних исчезнувших плато, поднимающийся теперь под понизившейся равниной, на востоке от уэда Меллег, есть холм, носящий специально имя Кеф; это «Скала», по преимуществу, по причине города, занимающего её вершину (735 метр.). Далее на востоке, почти в географическом центре Туниса, отрывки плоскогорья

1 O. Niel, „Tunisie“.
2 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d’Afrique“.
3 Velain, „Comptes rendus de l’Academie des Sciences“, 1879, vol. LXXVIII, p. 70.
4 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.
5 O. Mac Carthy, рукописные заметки.

довольно обширны и более или менее одинаковой высоты, вследствие чего им дали название «гамада», обыкновенно применяемое к каменистым полям пустыни. В этой области тунисских гамад, наименее выветрившейся части плоскогорья, находят самые высокие вершины всей страны: джебель Берберу (1.480 метр.), рас Си-Али-бу-Муссин (1.520 м), джебель Галук (1.445 м.). Самая правильная из этих гамад, Кессерская, верхняя площадь которой состоит из громадной плиты в 25 квадр. километров, круто обрывающейся со всех сторон, имеет маленькую себху в одной из своих впадин; откосы её, продолжающиеся на большое расстояние, поросли лесом почти на всей их покатости. Деревня Кессера, давшая свое имя этому плато, помещается на краю кручи, изрезанной оврагами, где журчат ручьи в период таяния снегов.

На северо-востоке от гамад центрального Туниса горные массивы следуют один за другим, образуя настоящую цепь. Джебель Джугар, изливающий свою чистую воду в тунисский водопровод, и величественный Загуан, давший стране, в римскую эпоху, имя Зевгитании, принадлежат к этому ряду гор. Из всех горных вершин Туниса ни одна не пользуется такой славой, как Загуан: не то, чтобы это была самая высокая гора страны (высота его 1.343 метра), но, наблюдаемый из Туниса, он доминирует горизонт своей синеватой пирамидой и кроме того он, вместе с Джугаром, питал Карфаген своими источниками, утилизируемыми ныне для новой столицы: это была «гора Господня». Высшая её точка была, вероятно, посвящена Ваалу Хамону, главному божеству пунического культа; на этой горе, двадцать два века тому назад, сицилианец Агафокл зажег в траве и кустарнике тот огромный пожар, который был виден одновременно из Карфагена и из Гадрумета (нынешняя Суза), и который навел ужас на обе воевавшие армии,—на осажденных гадруметцев и на осаждавших карфагенян[1]. Джебель-Рессас. или «Свинцовая гора», на юго-востоке от Туниса, который отделен от неё долиной уэда Мелиан, тоже есть одна из более известных вершин Северной Африки, благодаря её соседству с главным городом страны и великолепному виду, который открывается с конечной скалы (выс. 700 метров) на два залива, Тунисский и Гаммаметский, и на полуостров, продолжающийся на северо-восток к мысу Аддар. Другая крутая гора, Бу-Курнейн, или «Двурогий Отец», подымается близ южного берега Тунисского залива: она приметна издалека по её двуглавой вершине, покоющейся на красноватом массиве скал.

К востоку от этих гор, почва понижается и образует широкую долину, по которой пролегает большая дорога, и, может-быть, пройдет в скором времени соединительный железный путь между берегами двух заливов, Тунисского и Гаммаметского. Далее, за этим понижением рельефа, опять идут высоты: полуостров Дахелат-эль-Магуин, настоящий остров по орографическому строению, вздымает несколько вершин и утесы своих мысов до высоты слишком в 300 метров. Мыс Фортас лежит против мыса Карфагенского, на другой стороне собственно Тунисской бухты, а на самой оконечности полуострова, различные стрелки раса Аддар, или мыса Бон, ограничивают своими зеленеющими косогорами восточный вход большого залива. Западный вход, в 70 километрах от восточного, обозначен мысом Рас-эль-Хайр или «Добрым», более известным под именем рас Сиди-Али-эль-Мекки; форма его, как и форма Гибралтарской скалы, напоминает позу лежащего льва. Два противолежащие мыса, западный, посвященный в древности Аполлону, и восточный, где стоял жертвенник Меркурия, окружены островами и подводными скалами. Западный мыс продолжается в море островом Плане, или эль-Камада, в соседстве которого лежит островок Пилав, названный так потому, что он напоминает своей формой известное рисовое блюдо, одно из любимых кушаний турок[2].

На западе от мыса Аддар, на поверхности вод высятся два острова, Зембра и Зембретта (иначе Симболо и Симболетто), по-арабски Джамур-эль-Кебир и Джамур-эс-Серир, «Эгимурские» острова древних,—оба необитаемые. Крутые скалы Зембры, почти отвесно спускающиеся в глубокую воду, вздымают свои вершины на высоту слишком 400 метров. В 40

1 Pellisier, „Description de la regence de Tunis“.

2 O. Mac. Carthy, рукописные заметки.

километрах к востоку от тунисского берега, находится другой гористый остров, Пантеллария; но эта земля, вулканического образования, принадлежит уже к Европе, судя по расположению долин на окружающем дне моря. В политическом отношении она зависит от Италии.

К югу от фрагментов разрушенных плато, занимающих центр Туниса, горные массивы менее высоки, отделены один от другого более широкими долинами и ограничены на востоке обширными равнинами, где скопились солоноватые воды себх. Но за этими понижениями почвы, область Сахель или «Береговая», выдвинутая полукругом в море между заливами Гаммаметским и Габесским, продолжается холмистым плоскогорьем, оканчивающимся обширными равнинами и остроконечными мысами. К западу от себхи, Южный Тунис сохраняет вид гористой страны, и джебель следует там за джебелем до большой низменности шоттов, составляющей естественную границу между мавританским островом и пустыней. Почти все эти небольшие цепи расположены правильно с юго-запада на северо-восток, в том же направлении, как часть берега Малого Сирта, заключающаяся между Габесом и Сфаксом. Один из замечательнейших массивов страны—джебель Бу-Гедма, господствующий над соляным озером или себхой Майзуна (иначе себха эн-Нуайль), на северо-западе залива Габес: гребни его, почти столь же высокие, как и гребни Центральных гор, достигают 1.300 метров и имеют тем более величественный вид, что у подошвы их расстилаются широкия степи, напоминающие пустыню; в стенах ущелий открываются галлереи римских рудников, где горный инженер Фукс нашел золотую руду. Далее на западе, в соседстве Гафса, тянется почти такой же высокий хребет, джебель Арбет, с вершины которого (1.100 метров) можно обозревать бесконечную панораму гор, моря, оазисов и песков. На юге этот горный массив вдруг прерывается брешью, где должна пройти со временем железная дорога из Константины в Габес; но за этим перерывом плоскогорье опять появляется, представляя ряд уступов, постепенно понижающихся к себхе Фараун. Разноцветные пласты мергелей и песчаников перерезаны глубокими ущельями, черными расселинами, чередующимися с блестящими, ярко окрашенными скалами. Вечером, когда солнце только-что закатилось под горизонт, высокие утесы кажутся еще освещенными, тогда как однообразный серый колорит сумерек уже разлился по беспредельной равнине[1].

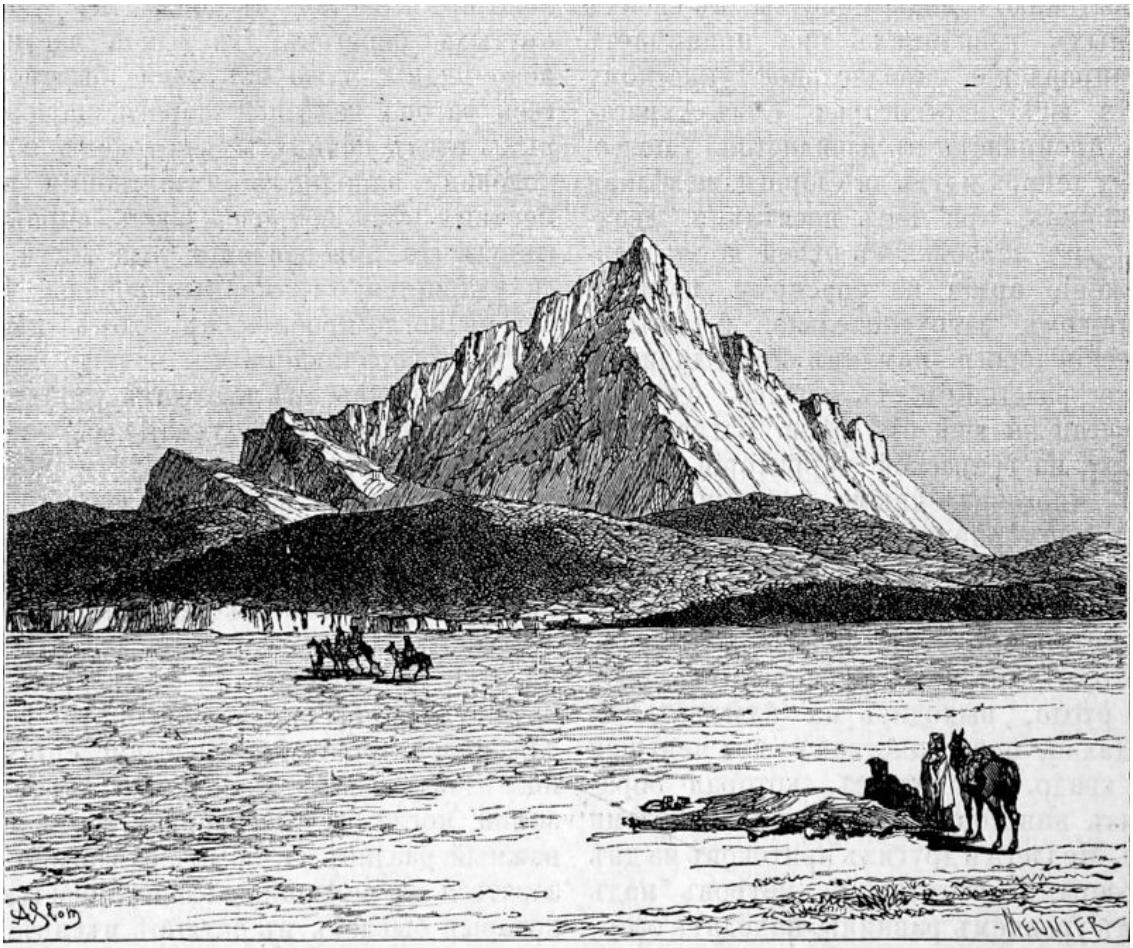
На юге большой низменности себх показываются несколько холмов, первые выступы цепи, продолжающейся на юго-восток хребтом Метмата и горами Ургамма к массивам Джебель-Нефуза и Джебель-Иефрен, составляющим остов Триполитании. Гребень цепи Ургамма очень узок, и с вершины его видны разом два моря, песчаное и водяное. Эти высоты отделены степями от дюн и скалистых выступов побережья.

Гидрография Туниса объясняется рельефом его почвы. На «железном берегу», который тянется от мыса Рыжего до мыса Белого, очевидно, могут существовать лишь короткие ручьи, спускающиеся с соседних гор, тогда как на восточном побережье, несмотря на меньшее количество выпадающей там дождевой воды, могли образоваться реки с довольно длинным течением, благодаря широким выходам, открывающимся с этой стороны между цепями и на плоскогорьях Мавритании. Северный скат Туниса, хотя он тоже имеет, близ острова Табарки, свой уэд эль-Кебир, или «Большую реку», не заключает ни одного потока, длина которого превышала бы 100 километров: самый обильный—уэд Эт-Тин, изливающийся в *гараа*, или бассейн Эшкель или Эскель, названный так от крутой горы (выс. 520 метров), которая во время наводнений бывает со всех сторон окружена водами этого озера. Смотря по обилию дождей и деятельности испарения, уровень и соленость этого бассейна значительно разнятся: в среднем, он имеет от 60 сантиметр. до 2 с половиной метров глубины; подводные камни на восточном берегу, содержащие во множестве ископаемых *cardium edule*, доказывают, что это озеро некогда было резервуаром солоноватой или соленой воды, вероятно, морским заливом, который, вследствие поднятия берега, отделился от Средиземнаго моря[2]. Во время боль-

1 Ch. Tissot, „Geopraphie comparee de la province romaine d'Afrique".

2 J. de Crozals, „Revue de Ceographie", octobrc 1881.

ших разливов Эскель представляет водную площадь в 200 слишком квадр. километров, и его канал истечения, уэд Эт-Тинджа, или «река Лагуны», катит значительное количество воды, усиливая, в свою очередь, другой бассейн, Тинджа Бензерт: это—Бизертское озеро, сообщающееся с морем длинным каналом. Этот последний бассейн, расстилающийся на пространстве около 150 квадр. километров, гораздо глубже Эскеля; уже близ берегов толщина слоя воды в нем от 3 до 5 метров, по середине же лот опускается до 12 и 13 метр. Бизертское озеро, если бы его соединить с открытым морем большим судоходным каналом, прорытым прямо через песчаную косу побережья, представляло бы удобную якорную стоянку для всех кораблей Средиземного моря. Тогда как в озере Эскель вода почти пресная в сезон дождей, в Бизертском озере она почти так же солена, как в море, и рыбы, которых там ловят в большом количестве, принадлежат к морской фауне. Уже Плиний указывает попеременное движение течения в Бизертском канале: вода то направляется из озера к морю, то течет



Джебель Загуанъ.

обратно из моря в бассейн. Причина этого явления—нарушение равновесия жидкой массы, происходящее от дождей, течений или ветров. Когда ручьи приносят большое количество воды, канал превращается в реку, уносящую в море излишек вод озерного бассейна; когда, напротив, убыль вследствие испарения превышает приход воды, недостаток жидкости в резервуаре пополняется из моря. Обыкновенно западные ветры совпадают с притоком морской воды, восточные—с выходом озерного течения.

Устье главной тунисской реки, Меджерды, отделено от Бизертского озера только массивом высоких холмов, который оканчивается в море остроконечным мысом Сиди-Али-эль-Мекки. Меджерда—Баграда римлян, Макарат карфагенян—берет начало в Алжирии, в том же горном массиве, из которого вытекают воды Сейбузы; в своих бесчисленных извилинах она принимает среднее направление, параллельное тунисскому берегу. На юге плоскогорья Сук-Ахрас, Меджерда проникает в извилистое ущелье, по которому теперь идут две дороги, железная и обыкновенная, при чем последняя двадцать семь раз пересекает ручей; но в

древности движение армии по опасному дефилею было слишком затруднительно, и потому стратегические дороги римлян проходили в некотором расстоянии от ущелья, одна на севере, другая на юге от реки Баграды[1]. У Гардимау, на тунисской территории, река, усиленная многочисленными ручьями, вступает в равномерно покатый бассейн, бывший некогда озером и замыкаемый на половину, верстах в двадцати ниже, противолежащими выступами двух горных массивов. Ущелье это, в котором река вырыла себе глубокое русло, выходит на аллювиальную равнину Дахла, пространством по меньшей мере 750 квадр. километров, которая образовалась из наносов, отложенных водами Меджерды, Меллега и других притоков на дне бывшего озера. До высоты 22 метров над нынешним уровнем равнины находят озерные отложения, восходящие к той эпохе, когда исток бассейна еще не успел размыть каменистого порога, задерживавшего воды. В этой равнине Меджерда принимает в себя самый большой из своих притоков, уэд Меллег, который длиннее главной реки по крайней мере на сотню километров (во всей Мавритании, вместо *уади*, множ, число *уидан*, употребляют форму *уэд*, для обозначения как почти всегда сухих русл, где повременам бегут ручьи дождевой воды, так и постоянных потоков). Уэд Меллег, верхняя долина которого гораздо более доступна, чем долина Меджерды, берет свое начало также на алжирской территории, недалеко от Тебессы, и сохраняет нормальное направление с северо-запада на юго-восток; часть его течения испаряется в пути: отсюда соленость его вод, от которой он, может-быть, и получил свое название. По мнению Тиссо, течение этих двух рек в переходе через равнину не изменилось чувствительно с начала исторических времен. Древняя римская дорога пересекает Дахлу по прямому направлению, касаясь местами излучин левого берега.

При слиянии с уэдом Бежа, текущим с севера, начинается ряд дефилеев, которыми главная река пробила порог из раковистого известняка, преграждавший её движение. Вода извивается короткими излучинами, и русло глубоко врезывается в почву между высоких, крутых берегов. В одной части ущелья ясно видны, даже из окна быстро несущагося вагона железной дороги, повороты старых русл, покинутых потоком, который на половину заполнил их своими наносами; мертвые реки сопровождают справа и слева живую. Но, при впадении уэда Зерга, Меджерда ударяется о каменные породы, которых она не могла пробить; в этом месте река круто поворачивает к югу до встречи с уэдом Силиана, где находит удобную брешь, позволяющую ей продолжать свое движение на северо-восток. Она проходит через свои последние ворота из скал, затем, при вступлении в равнину, через Тебурбскую запруду, построенную, в 1622 г., голландскими инженерами. Из двадцати-четырех отверстий плотины четыре теперь заперты, и ширина реки уменьшилась до 80 метров; но не трудно было бы восстановить это сооружение для целей ирригации. По вычислениям Калья, последовательные наводнения, производимые зимой, могли бы удесятерить урожай. Самый важный разлив, которым следовало бы пользоваться с величайшей заботливостью,—тот, который бывает в октябре месяце: при помощи его можно бы было усилить рост маслин и подготовить пахотные земли к первому посеву[1]. Количество протекающей воды в Меджерде, у Тебурбской запруды, колеблется в следующих пределах: Наибольший расход зимой, в продолжение 11 д. разлива,—987 куб. метр.; в летнее время—1.861 куб. метр. в секунду.

Ниже запруды, Меджерда, оставив вправо джебель Ахмор, вступает в аллювиальную равнину, которую она образовала постепенным отложением ила, постоянно придающего её воде мутный, желтый цвет. Река впадает не прямо в Средиземное море, а в мелководную береговую лагуну, Эль-Багира или Гар-эль-Мелах, которая сообщается с морем через проток, куда заходят только барки рыболовов. Заносимый постепенно речными осадками, этот лиман, бывший в семнадцатом столетии «лучшей гаванью Варварийских земель», не перестает мелеть: за последние сто лет глубина его уменьшилась, говорят, на 10 метров; теперь человек среднего роста нигде в нем не погрузился бы с головой. В 1819 г. флот бея мог еще укрыться в этой гавани, расчистив предварительно часть бара; но скоро он должен был уйти обратно в

1 Ch. Tissot, цитиров. сочинение.—„Memoire sur le Bagrada“.

1 Caillat, рукописные заметки.

море, оставив на месте один фрегат, глубоко врезавшийся в песок. По всей вероятности, это озеро скоро исчезнет, может-быть, еще до конца настоящего столетия, как исчезло ранее другое озеро дельты, древний Утический залив, превратившийся уже шестнадцать веков тому назад в болотистую впадину, гараа Мабтуха, в которую, во время разливов, изливается излишек речного течения. Себха эр-Руан и другие озера этой области из году в год уменьшаются в размерах, и кривая морского берега, между мысом Сили-Али-эль-Мекки и холмами Карфагена, все более и более выдвигается в море. По Тиссо, пространство суши, образовавшейся на счет моря в последние 2.100 лет, может быть исчисляемо в 250 квадр. километров. В течение исторического периода река несколько раз меняла русло, и на основании свидетельства древних авторов, а также на основании исследования почвы, можно восстановить карту дельты в разные эпохи. В пунические времена Макарат, или Баграда, огибала на севере джебель Ахмор и, оставляя влево небольшую цепь островных скал, высшая точка которой не превышает 50 метров, впадала в часть залива, омывающую с северной стороны Карфагенский мыс; старое русло еще можно узнать по его гравию и песку, на которых кое-где растут олеандры. Затем река последовательно вырыла себе два новых русла севернее, но и то, и другое брали свое начало в ущелье, открывающемся у северного основания горы Джебель-Ахмор. Нынешнее русло, напротив, поворачивает прямо на север и идет вдоль впадины древнего Утического озера, оканчиваясь непосредственно на юге от мыса, ограничивающего Тунисский залив[1].

К югу от Меджерды нет постоянных рек; по крайней мере все тамошния реки в продолжение нескольких месяцев в году бывают заперты при устьях песчаной мелью. Но там есть еще лагуна, сообщающаяся с морем: это—Тунисское озеро, другая Багира, подобная той, в которую впадает Меджерда; она занимает более значительную площадь, и воды её немного глубже, достигая 1,70 метра в самых глубоких местах; её «пролив», лучше содержимый—канал, вырытый рукою человека и заменивший естественный проток, открывавшийся некогда немного южнее,—позволяет входить судам, имеющим более метра осадки; но вода её, загрязняемая сточными канавами Туниса, очень мутная и омывает зловонные берега. Это озеро, где некогда сталкивались флоты римлян и карфагенян, уменьшилось в размерах, как и озера дельты Меджерды, и по всей его окружности тянется полоса выступивших из-под воды пространств дна, превратившихся в топкия болота или в плоские песчаные берега. Уэд Мелиан, имя которого, может-быть, имеет смысл, ныне мало заслуженный, «Многоводной реки», спускается с Загуанских гор, которые давали ему воду, собираемую теперь тунисским водопроводом; река эта не приток Багиры: она огибает на юге небольшое возвышение почвы, предел озерной впадины.

На восточном берегу Туниса многочисленные себхи тянутся вдоль побережья, отделенные от Средиземного моря песчаными косами. Но есть также внутри материка, на довольно большом расстоянии от морского берега, впадины, в которых теряются ручьи, испаряя свои воды на глинистом дне, насыщенном солью: таковы себхи, следующие одна за другой на западе, юго-западе и юге от Сузы и являющиеся попеременно то обширными водными площадями, то солончаковыми равнинами. Случалось, что Кайруан зимой бывал отрезан этими болотистыми пространствами от остального Туниса. При первых дождях большая часть страны превращается в сплошное болото, и тогда караваны могут ходит только по промежуточным гребням между котловинами. Самая обширная из этих лагун—себха Сиди-эль-Гани, или Кайруанское озеро, поверхность которого, во время наводнений, не менее 500 квадр. километров, и которое в дождливые годы сохраняет немного воды в своей центральной впадине. Эта себха совершенно отделена от береговой области цепями холмов Сахель, тогда как настоящее озеро, Кельбиа, менее обширное, но всегда наполненное водой и даже судоходное, изливает иногда свой излишек в низменности, через порог высотой около 20 метров; исток его, называемый уэд Менфес, достигает, во время обильных ливней, т.е., средним чис-

1 Daux, „Etude sur Utique et ses environs (Comptes rendus l'Academie des Inscriptions), avril 1868;—Tissot, Geographie comparee de la proviuce romaine d'Afrique";—Partsch, „Petermann's Mittheilungen", 1883 № V.

лом, через каждые восемь лет, прибрежной лагуны, себхи Джериба, сообщающейся с морем посредством речки Гальк-эль-Менгель. В этом месте морского берега проход опасен, по причине топей, и еще недавно, до постройки шоссе, не проходило зимы без того, чтобы караваны не теряли людей или животных[1].

По словам Кампу и Руира, озеро Кельбиа, поверхность которого изменяется от 8.000 до 13.000 гектаров (от 7.200 до 11.700 десятин), смотря по времени года, есть бассейн, принимающий воды речной системы, столь же обширной и даже более значительной, чем система реки Меджерды[2]; однако, уэд Багла, изливающийся в это озеро и принимающий в себя Фекка, Маргелиль и другие реки, спускающиеся с высот центрального Туниса, представляет на новейших точных картах площадь истечения меньшую сравнительно с областью северной реки, а именно: площадь бассейна Меджерды—22.540; озера Кельбиа—21.130 кв. километр. В своих многочисленных статьях[3] Руир пытался также доказать тожество уэда Багла с Тритоновой рекой древних авторов; но где поместить с уверенностью реку, которая, по Плинию, есть не что иное, как начало Нила, и которая своими ветвями соединяется с Нигером? Что касается озера того же имени (Тритон), которое Руир отожествляет с озером Кельбиа, то это, как известно, тот таинственный бассейн, который различные писатели древнего мира заставляли, так сказать, странствовать по всем южным берегам Средиземного моря: Страбон помещал его в Веренике, к востоку от Большого Сирта, а Диодор искал его в соседстве «Океана, окружающего землю». Конечно, бесполезно стараться согласовать все, что говорят древние авторы о реке и озере Тритон, тем более, что ни одно из их описаний не сходится с нынешней топографией указываемых местностей: все предложенные идентификации противоречат тому или другому рассказу древних писателей, так как, без всякого сомнения, произошли значительные перемены в физической географии страны, изгладившие тот или иной топографический деталь, тщетно разыскиваемый комментаторами. Достаточно сказать, что, мало правдоподобная в других отношениях, гипотеза Руира о тожестве уэда Багла и реки Тритон согласуется по крайней мере в том с текстом Птоломея, что этот поток действительно берет начало в оврагах горы Уссалет (Уссалетон у александрийского географа). Кроме того, уэд Багла—действительно единственный на всем восточном побережье Туниса уэд, который, начинаясь на довольно большом расстоянии внутри страны, продолжается приметным руслом, если не до Малого Сирта, то, по крайней мере, по толкованию Руира, до «Маленького Сирта» (залива), и приносит ему иногда некоторое количество воды. Что касается озера Кельбиа, то оно представляет почти с точностью окружность в тысячу стадий или 185 километров, которую Скилакс давал озеру Тритон; впрочем, эта окружность озера может показаться слишком большой, если правда, как рассказывает Геродот, что ливийские девы, после ратоборства в честь богини Афины, с торжеством «водили самую храбрую вокруг озера»[4]. Продолжительный крик, который испускали женщины на праздниках богини, походил на крики: *загрит! тулуйль!* или *ю-ю!* которыми в наши дни ливиянки всех племен оглашают воздух, ударяя себя по губам, чтобы сделать звук прерывистым, во время празднеств, свадебных пиршеств, похоронных процессий, военных экспедиций[5].

На юго-западе от Сфакса, другое углубление почвы содержит соляное озеро, называемое Мта эль-Граррa, а южнее, в соседстве правильной кривой, описываемой заливом Габес, виднеется еще впадина, наполненная водой или соленой пылью, Манзуна или Себха-эн-Нуайль. Но эти остатки озер очень не велики в сравнении с равниной, частию затопленной, которая составляет естественную границу между островом Магреб (Мавритания) и Сахарой: на пространстве слишком 400 километров, от востока к западу, тянется ряд водных площадей, солончаков, болот, глинистых впадин, на юге Туниса и восточной Алжирии. Вероятно, в ка-

1 Rouire, „Revue de Geographie“, janvier 1884.
2 „Comptes rendus de lAcademie des Sciences“, janvier 1884; рукописные заметки.
3 „Nouvelle Revue“, 15 juillet 1883;—„Revue de Geographie“, septembre 1884.
4 „Histoire d’Herodote“, traduction de Pierre Saliat, livre IV, 180.
5 Tissot, цитированное сочинение,

кой-нибудь части этой замечательной во всех отношениях котловины большинство древних географов помещали священный бассейн, близ которого родились Минерва и Бахус. Шау, в конце прошлого столетия, первый высказал предположение о тожестве Тритонова озера с одной из тунисских себх[1]. Как раздельный пояс между двумя естественными областями, между двумя фаунами и двумя расами, и как гидрографическое целое, поражающее воображение и величиной своих размеров, и разнообразием своих явлений, это пространство должно было несравненно более интересовать географов, нежели маленькое озеро восточного берега, на севере островов[2]. Обширный бассейн Игаргара, воды которого изливались некогда в цепь «Тритоновых» озер, представляет площадь по меньшей мере в 800.000 квадр. километров, в сорок раз превосходящую площадь тунисских уэдов, питающих озеро Кельбиа. Правда, этот бассейн совершенно отделен от Средиземного моря с геологических времен, предшествовавших истории. Судя по ископаемым раковинам, морской проток или речное русло между Средиземным морем и озерным бассейном Сахары окончательно закрылся в постплиоценовую эпоху[3]; однако, прибрежные жители шоттов, пораженные видом высохших заливов, который представляют эти бассейны, повторяют с уверенностью, что некогда существовало сообщение между морем и себхами, но что «Двурогий» Александр своими чарами запер эти ворота[4].

Прежде, когда геологическое исследование страны еще не было произведено, на Габесский перешеек, между себхами и морем, смотрели как на один из тех песчаных берегов, какие образуются везде на побережье, перед реками, течение которых, вспомоществуемое морским приливом и отливом, не имеет силы прочищать проход. Полагали, что дюны постепенно возвысили порог, и что, может-быть, последний, кроме того, еще поднялся немного над уровнем моря, вследствие внутреннего давления[5]. Фукс, измеряя высоту порога с помощью барометра, узнал, наконец, каковы были его истинные условия: оказалось, что небольшая цепь холмов, средняя высота которой около 100 метров, имеет в двух местах бреши высотой от 57 до 61 метра, и названный исследователь описывает её остов, как состоящий из эоценовых известняков и песчаников. Итальянская экспедиция, посетившая берега залива Габес в 1875 году, под начальством Антинори, тоже констатировала, что порог состоит отчасти из каменных пластов, а не из одних только песков, нанесенных ветром; самая низкая точка, которую она нашла на водоразделе между водами, спускающимися к морю, и водами, текущими на запад к себхе, лежит на 53 метра выше морского уровня[6]. После того, офицер Рудер, составляя с точностью детальную карту всей области, заключающейся между заливом Габес и шоттами Алжирии, окончательно устранил всякое сомнение. Габесский порог в низшей своей точке представляет еще выступ высотой слишком 47 метров; сами себхи, которые он отделяет от Средиземного моря, лежат на высоте от 15 до 26 метров над морским уровнем и оканчиваются на западе другим порогом, возвышающимся на 91 метр: только за этим порогом начинаются впадины, вырытые ниже уровня Средиземного моря; общая ширина земель, которые нужно пройти, чтобы соединить бассейн шоттов с Средиземным морем, составляет 173 километра[7].

Если вся система шоттов и уади—или, употребляя арабскую форму множественного числа, штут и уидан,—которую можно назвать «тритонической» системой, согласно гипотезе большинства археологов, была некогда, как это весьма вероятно, речным бассейном, начинавшимся у истоков Игаргара, то это гидрографическое целое давно уже разорвано, речное ложе во многих местах загромождено дюнами, и пороги выступивших из-под воды скал

1 Shaw;—Virlet d'Aoust;—Desor;—Charles Martin;—Roudaire, etc.
2 Ch. Tissot, „De Tritonide Lacu";—Dupaty de Clain, „Comptes rendus de la Societe de Geographie", 1885.
3 Fuchs;—Antinori;—Pomel;—Cosson, etc.
4 Ch. Tissot, „Expedition scientifique de la Tunisie".
5 „Bulletin de la Societe de Geographie", sept. 1877.
6 „Bollettino della Societa geographica italiana", sept. 1875.
7 Roudaire, „Archives des Missions scientifiques et litteraires", tome VII, 1881.

отделили второстепенные впадины. Особенно восточная впадина, самая обширная, вполне ограничена гористыми порогами, примыкающими к южным цепям Туниса: от порога Габес до порога Криц тянется, на севере бассейна, ряд крутых утесов, называемых «Губами» (Эш-Шерб), как бы по сходству равнины бывшего озера с громадным ртом. Узкая в начале, эта себха, известная в восточной её части под именем шотта Эль-Феджедж, постепенно расширяется в западном направлении; потом, за мысом южного берега, длинной скалой, продолжающейся дюнами, бассейн, называемый в этом месте шотт Фараун, вдруг делается втрое шире и образует шотт Эль-Джерид, или «Пальмовый». На западной оконечности эта обширная озерная равнина носит другие названия. Она имеет не менее 200 километров протяжения от востока к западу, а ширина её с севера на юг, между двумя наиболее удаленными один от другого берегами, около 75 километров. Постоянная вода, по словам прибрежных жителей, остается только в центральной части шотта Эль-Джерид, да и там её не видно на поверхности: она прикрыта соляной корой, которая дала повод арабским писателям сравнивать озеро с серебряным листом, с хрустальным стеклом, с камфарным ложем[1], и на которой шаги отдаются, как на каменном полу под сводом. Кроме глубокой воды собственно озера, скрытой под солеными плитами, поверхностные воды занимают обыкновенно самые низкие части озерной впадины и, смотря по направлению ветра, перемещаются то в ту, то в другую сторону; иногда они бывают довольно глубоки, по грудь лошадям, переходящим себху. Когда эти жидкия массы, гонимые ветром, разольются по соляной коре над скрытыми водами, они частию растворяют промежуточный слой, и в поверхности шотта происходят перемены уровня. Случается также, что соляная плита, под напором глубокой воды или выделяющихся из неё газов, вздувается в форме конуса, как будто открылся подводный вулкан. Так возникают острова, которые издали, от действия миража, кажутся настоящими островами, как их и называют прибрежные жители. Один из самых больших островов, известный под именем джебель эль-Мелах, «Соляная гора», имеет не более двадцати шагов в диаметре и поднимается менее, чем на метр над уровнем себхи; по середине верхней площадки горы находится старый колодезь, теперь засыпанный, от которого этот островок получил другое название, Бир-эн-Неоф, или «Срединный колодезь»[2]. Подобные ключи бьют во многих местах себхи из отвердевшего грунта, и вода, которую они дают, не более солоновата, чем вода источников в окружающих оазисах. Четыре островка, лежащие близ южного берега Фараонова шотта, носят общее имя Нхаль-Фараун, «Пальмы Фараона», в силу легенды, рассказывающей о проходе египетской армии по этому озерному дну, более или менее смешиваемому в местных преданиях с Чермным морем[3]. Финиковые пальмы, растущие на этих четырех островках, были, будто-бы, посажены царем Фараоном на место масличных деревьев, покрывавших равнину, ныне затопленную[4]: они не принадлежат ни к одной из разновидностей, известных в Джериде, и плоды их никогда не достигают полной зрелости.

Большая тунисская себха пересекается несколькими караванными дорогами, соединяющими оазисы двух берегов: Тиссо перечисляет девять таких переходов; кроме того, существуют другие, менее посещаемые, особенно в восточной части бассейна, которая так и называется шотт эль-Феджедж, или шотт «Проходов», по причине пролегающих через него дорог. Некоторые из этих троп вполне надежны, но другие очень опасны: идти по ним нужно с величайшей осторожностью, чтобы избежать топей, в которых можно увязнуть, пропастей, где можно исчезнуть бесследно; при отправлении в путь проводник всегда советует путешественникам следовать за ним «шаг в шаг». Более неровная, чем Ранн в английской Индии (так как она представляет скат от десяти до одиннадцати метров с востока на запад), тунисская себха в то же время и гораздо более опасна для перехода: облако пыли, миражи, скрывающие вехи или искажающие их фигуру и положение, ошибка проводника, внезапный ис-

1 Ch. Tissot, цитированное сочинение.
2 Ch. Tissot, „Bulletin de la Societe de Geographie", juillet 1879.
3 H. von Maltzan, „Reise in den Regentschaften Tunis and Tripoli".
4 Crenville Temple, „Algiers und Tunis".

пуг животных—могут повлечь за собой гибель каравана. В силу традиционных соглашений между племенами, дорога должна быть обозначена с одной стороны камнями, с другой стволами финиковых пальм, помещенными на расстоянии нескольких сот метров один от другого; но это правило мало соблюдается: большая часть условленных знаков, или *гмайров*, теперь уже не на своем месте или заменены костями павших верблюдов. Подле дороги, соединяющей оазис Криз с оазисами южного мыса, открываются пропасти, наполненные зеленой водой, «более горькой, чем вода Океана», и до того глубокия, что лот, сделанный из какого-нибудь тяжелого предмета, привязанного к веревкам каравана, не достает дна. Легенды и старые арабские рассказы говорят о внезапных провалах, которые происходили под тяжестью людей и животных: бездна, будто-бы, все поглощала, и её чудовищная пасть тотчас же опять закрывалась над пожранными жертвами. На юг от озера, в соседней области Нефзауа, где бьют многочисленные теплые ключи, также находится естественный колодезь неведомой глубины, называемый по-берберски Тауэрга: он каждый год требует человеческой жертвы, говорят окрестные жители. По местному преданию, эта пропасть, несколько веков тому назад, переместилась, вследствие землетрясения[1].

На северо-запад от большой тунисской себхи, утесы «Губ» продолжаются неровной стеной, которая в одном месте вздымается, чтобы образовать последний холм, высотой в 171 метр, затем теряется в песках, в виде едва приметных волнообразных повышений и понижений почвы. Эта цепь, долины которой заключают прелестные оазисы Джерида, составляет раздельный порог, отделяющий шотт эль-Джерид от шотта Гарса—бассейна, подобного восточной себхе, но гораздо меньшего по размерам. Шотт Гарса, имеющий форму полумесяца, обращенного выпуклой стороной на север, лежит ниже эль-Джерида; он весь находится ниже уровня моря, и если бы когда-нибудь был прорыт канал, установляющий сообщение этой впадины с Средиземным морем, берега её были бы затоплены на пространстве 8 или 10 километров далее линии нынешнего побережья. Западной своей оконечностью шотт Гарса врезывается в алжирскую территорию и продолжается, в виде широкого рукава моря, перед лабиринтом шоттов, гораздо, более обширных, совокупность которых известна под именем Мельгиг (Мельрир). Невысокие пороги, промежуточные впадины разделяют эти два бассейна. Этот-то шотт Мельрир и предназначался, по проекту, с которым связано имя Рудера,—к образованию, на юге Алжирии, того «внутреннего моря», которое, в воображении его творцов, должно изменить современем климат соседних стран, вызывая скопление облаков на горах Аурес, увеличивая количество дождей, наполняя постоянным образом русла ручьев, ныне высохших, вновь изводя из почвы источники, более не существующие[2]. Но если трудно представить себе прорытие судоходного пути, направляющагося от порога Габес к оазисам алжирской пустыни, то по крайней мере можно понять, как полезно было бы реставрировать старую дорогу, которая шла вдоль южной стороны острова Магреб, между Малым Сиртом и долиной Драа[3].

Побережье тунисской Сахары, как и восточный берег собственно Туниса, не имеет постоянных рек, а только уэды, почти всегда безводные; важнейшие из них, не по длине течения, а по объему жидкой массы,—уэды Акарит, Мелах и Габес; последний течет всего только около десяти километров, хотя каботажные суда во время прилива могут подниматься по этому уэду до оазиса, где расположен город[4]. Некоторые полагают, что который-нибудь из этих небольших потоков, Акарит или Габес, и есть «река Тритон» древних. Эта гипотеза не лишена вероятия, если принять в соображение, что ливийцы, как о том свидетельствует легендарная гидрография Африки, охотно верили в подземное течение рек в области песков[5]. Несомненно, впрочем, что приемный бассейн уэдов Акарит и Габес имеет весьма значительные разме-

1 Ch. Tissot, цитированные сочинение и мемуар.

2 „Rapport sur la derniere expedition des Chotts“ (Archives des Missions scientifiques et litteraires, tome VII, 1881).

3 Berlioux, „La terre habitable vers l'Equateur, par l'olybe“.

4 Cb. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique“

5 H. Barth, „Kustenlander des Mittelmeeres“.

ры выше истоков, так как вода вытекает из земли, в виде обильных ключей, и невольно является вопрос: не дает ли какая-нибудь трещина скалы, через истоки морской покатости, выхода глубоким водам, скрытым под соляной корой шотта эль-Феджедж?.

Хотя горы, составляющие продолжение триполийского «Джебеля», близко подступают к морскому берегу в южном Тунисе, однако, остается еще довольно пространства для того, чтобы и тут могли образоваться береговые лагуны: себха эль-Мелах, или «Соляная лагуна», Бу-Герара и Багирет-эль-Бибан, или «озеро Ворот». Этот последний, совершенно такого же образования, как пруды Лангедока, отделен от моря узкой косой, называемой «Собачья Морда»; в самой тонкой части этого lido открываются два протока, из которых один настолько глубок, что лошади караванов могут переправиться через него не иначе, как вплавь[1]. Островок берегового пояса, лежащий между этими двумя каналами, занят крепостью Бибан, или «крепостью Ворот», получившей такое название от морских проходов, которые она защищает; кроме того он служит также воротами Туниса, на триполийской границе. Эта часть побережья, повидимому, подверглась большим переменам с начала исторических времен. Эдризи упоминает о лежавшем в миле расстояния от Бибанского берега острове Зиру, который ныне уже не существует, если только это не береговой пояс озера, как полагают многие писатели[2]; но в таком случае нужно допустить, что первоначальная форма его сильно изменилась, и что он был постепенно изгрызен морем, ибо во времена Эдризи, в двенадцатом столетии, он был покрыт деревнями, окруженными виноградниками и пальмовыми рощами. Во всяком случае, этот остров, простиравшийся на 40 миль в длину, при ширине не более полумили, вероятно, был не что иное, как песчаная коса, соединенная с берегом. Положение этой исчезнувшей земли, вероятно, указывается подводными камнями и песчаной мелью Зиры; в этом месте еще в шестнадцатом столетии находилась подводная банка, выступавшая наружу во время отлива[3]; здесь имел свой сборный пункт флот герцога Медина-Чели, посланный против острова Джерба, в 1560 году.

Острова южного Туниса не самостоятельного происхождения, как вулканический массив Пантеллярия, лежащий против мыса Бон; это простые отрывки материка, отделенные от соседнего берега размывающим действием вод или понижением почвы. Особенно острова Керкенна, Cercina и Cercinitis Страбона, составляющие, против Сфакса, северный предел Малого Сирта или залива Габес, имеют этот вид обломка, постоянно подтачиваемого волнами. Даже весьма вероятно, что этот маленький архипелаг, состоящий из двух островов и прилежащих подводных скал, в исторические времена уменьшился в размерах. Скилакс говорит о существовании только одного острова, от которого, может-быть, осталась лишь часть, в виде нынешних двух земель, и размеры, приписываемые Геродотом и Плинием Церцине (Cyraunis) и Церцинитиде, не соответствует нынешним. Оба острова сделались меньше; северная сторона их была частию разрушена волнами, но пролив, разделяющий острова, не изменился в течение двух последних тысячелетий. Еще видны быки моста, длиной около 1.000 метров, соединявшего противоположные берега: не трудно было бы отстроить это сооружение. На южной оконечности залива Габес, большой остров Джерба, древний Менинкс, «земля лотофагов», кажется, лучше сохранил контуры, которые он имел в первые времена исторической эпохи. Впрочем, он почти не отделен от материка, так как пешеход может без труда перейти пролив в брод. Остров оканчивается на юге двумя стрелками, к которым направляются два мыса большой земли, и с той и с другой стороны берег врезывается между этими мысами, так что образуется род озера, по виду мало отличающагося от двух соседних озер, себхи эль-Мелах и Багирет-эль-Бибан; по мнению Вуда, это морское озеро и есть тот Тритон, которого так усердно ищут на соседних берегах. Только западный рукав пролива, имеющий около 2.500 метров в ширину и доминируемый высокими берегами и утесами, удобен для прохода судов, так как глубина его фарватера, вырытого течения-

1 H Barth, цитированное сочинение;—Elie de la Primaudaie. „Littoral de la Tripolitaine“.

2 D'Avezac, „Univers illustre, Iles de l'Afrique“.

3 Ch. Tissot, цитированное сочинение.

ми прилива и отлива, от 3 до 17 метров. Восточный рукав, вообще более широкий, частию загроможден островками, подводными камнями, песчаными мелями, и во время отлива даже в самом глубоком месте прохода остается слой воды толщиной не более 60 сантиметров. Брод, где переходят караваны, носит название Трик-эш-Джемель, или «Дорога верблюдов»; он находится на западе от римского моста, упоминаемого в древних маршрутах, и от которого еще сохранились кое-какие обломки. Два замка, Бордж-эль-Кантара, или «Замок моста», на островном берегу, и Бордж-эль-Баб, или «Замок ворот», в самом центре пролива, напоминают древний путевод, достойный быть поставленным на ряду с сооружениями современных инженеров, если не по смелости постройки, то по крайней мере по длине; другой островной замок защищает «Дорогу верблюдов». В пуническую эпоху восточный рукав пролива был судоходен, как показывает один древний маршрут[1]. Издали остров Джерба кажется продолжением твердой земли, выдвинутым в море в виде длинного низкого мыса, покрытого пальмами и окаймленного крепкими замками, которые были воздвигнуты некогда против испанцев или мальтийских рыцарей. Самые высокие выпуклости почвы, в центре острова, подымаются всего только на несколько метров. На всем пространстве равнин Джебры нет ни одного ручейка, и туземцы не имеют другой воды, кроме колодезной; однако, остров представляет один сплошной лес, и маслины достигают там размеров, неизвестных даже в Сахеле.

Залив Габес, расстилающийся полукругом между архипелагом Керкенна и островом Лотофагов, слыл у древних не менее опасным, чем Большой Сирт. Пока карфагеняне пользовались монополией торговли на берегах Малого Сирта, они не упускали случая рассказывать на счет плавания в этих водах всевозможные ужасы, чтобы запугать мореходов других наций, и, действительно, те из иностранцев, которые первые отважились пуститься по неведомому заливу, могли на первых порах думать, что ревнивый Карфаген не обманул их, когда они были поражены сильными изменениями уровня воды во время прилива, которыми Малый Сирт резко отличается от всех других морей средиземного резервуара. Первый римский флот, проникший в этот залив двадцать-одно столетие тому назад, сел на мель при отливе, и когда следовавший затем прилив снова поднял корабли, они уже успели облегчиться, выбросив за борт товары и съестные припасы; лишенный продовольствия, флот должен был немедленно вернуться к берегам Сицилии[2]. Перед устьем уэда Габес, в крайнем изгибе Малого Сирта, вода попеременно поднимается и опускается на 2 слишком метра; у берегов острова Джерба средняя амплитуда прилива не меньше 3 метров. На другой оконечности залива, в гавани Сфакес, средняя разность уровней прилива и отлива составляет около полутора метра, но в эпоху равноденствий эта разность достигает 2,60 метров. Это явление значительных приливов в водах Габеса объясняется расположением залива в форме воронки и постепенным поднятием дна: масса воды, приходящая с открытого моря, легче скопляется в Малом Сирте, чем в морях почти замкнутых, каково Адриатическое, или в бухтах, слишком широко открытых, каков Большой Сирт. Но теперь, хорошо известные морякам, приливы Габеса утратили свой ужас, и для небольших судов эти воды вовсе не представляют тех опасностей, которых так пугались древние. Вооруженные лотом, каботажки, плавающие по заливу, идут осторожно, чтобы не потерпеть крушения, и держат якорь на-готове, чтобы запустить его в песок, как только окажется слишком тонкий слой воды под килем. Впрочем, даже в случае кораблекрушения опасность не велика; до расстояния 10 километр. от берега море так мелко, что человек может идти по дну. Больших волн здесь тоже никогда не бывает. На обширных мелях мягкаго ила, окружающих острова Керкенна, поверхность залива всегда гладкая, как бы ни была велика ярость ветра, вздымающего горами воды открытого моря; суда здесь в полной безопасности, благодаря известному явлению ослабления волн, происходящего от недостатка сопротивления дна[3]. Итальянские моряки называют Малый

1 Ch. Tisso, цитированное сочинение.

2 Полибий, том I, стр. 39;—Ch. Tissot, цитированное сочинение.

3 Le Gras;—Sevestre, „Annales hydrographiques“, 1874.

Сирт «мертвым морем», *mare morto*, в противоположность глубоким водам «живого моря», *mare vivo*[4].

Большие перемены, происшедшие в контурах островов и континентальных берегов Туниса, приписывались некоторыми путешественниками местным колебанием уровня почвы; они полагают, что берега Джербы и группы Керкенна, подобно берегам Триполи, опустились и вследствие того уменьшились в протяжении. Гренвиль Темпль старается доказать, что в историческую эпоху острова Куриатейн составляли часть берега между Монастиром и мысом Димас. С другой стороны, образование порога Габес было, по мнению Рудера и геологов, участвовавших в его экспедиции, результатом поднятия, которое в то же время повысило шотт эль-Джерид над уровнем моря и перевернуло его скат в направлении от востока к западу[1]. Действительно, берег Туниса представляет во многих местах, высоко над уровнем моря, остатки старых берегов и береговых поясов. Так на Габесском пороге и на всех извилинах берега до Сфакеса, затем по другую сторону мысов, на побережье Сузы, Фукс обследовал, в 1874 г., старый морской берег, лежащий теперь на постоянной высоте 12 до 15 метров, хотя он содержит виды, еще ныне живущие в Средиземном море[2]. Но существование этих высоких берегов, свидетельствуя об изменении относительной высоты суши и моря, еще не дает права заключить, что внутренняя подъемлющая сила продолжает действовать, как это утверждали многие путешественники[3]. Указывали на обмеление гаваней Махдии, Карфагена, Утики, Порто-Фарина, как на доказательство поднятия побережья; но между этими примерами нет ни одного, который не мог бы быть объяснен отложением морских песков или речных наносов. При том надо принять в соображение и то обстоятельство, что та или другая гавань, куда проникали галеры древних, благодаря своей незначительной осадке (около 1,30 метра), была бы недоступна в наше время обыкновенным судам, если бы даже не обмелела[4]. Нигде на тунисском берегу не найдено постройки, теперь удаленной от моря, которая носила бы на своих камнях следы прежнего соприкосновения с водой. Взамен того, многие островки или подводные камни, указываемые древними писателями, греческими, римскими, арабскими, и теперь так же едва выступают из-под воды, как и в прошлые века: гавани Карфагена, расчищенные исследователем Беле до уровня просачивающихся морских вод, оказались на той же самой высоте, на которой они были две тысячи лет тому назад[5].

Положение Туниса на восточном углу Мавритании, между двух бассейнов Средиземного моря и у ворот Сахары, сообщает климату этой страны особенный характер. Омываемая морем с востока и юго-востока, также как с севера и северо-запада, африканская провинция древнего Рима естественно отличается более ровным климатом, чем климат Алжира; при том же, не имея таких высоких гор, таких обширных возвышенностей и оканчиваясь, в своих гористых местностях, долинами, широко открытыми морской бризе, она пользуется далеко внутри температурой более мягкой, чем центральные области Магреба. Точных метеорологических наблюдений еще не имеется для частей Туниса, удаленных от побережья; тем не менее, характер растительности позволяет определить общие черты климата и отметить контрасты, которые он представляет с сопредельными странами. Так, восточные ветры, резкие и сухие в алжирской Сахаре, приносят с собой некоторую долю влажности в Сахару тунисскую и вызывают там к жизни растения, которых не увидишь в западных пустынях[6]. Хотя средняя годовая температура в древней африканской провинции выше, чем в Алжирии,

4 H. von Maltzan, „Reise in den Regentschaften Tunis und Tripoli“.

1 Dru, „Archives des Missions scientifiques et litteraires“, tome VII, 1881.

2 „Comptes rendus de l’Academie des Sciences“, 1874 2-e semestre.

3 U. Guerin, „Voyage archeologique dans la regence de Tunis“;—Fischer, „Beitrage zur physikalischen Geographie der Mittelmeerlander“.

4 Beule, „Fouilles a Carthage“.

5 Partsch, „Petermann’s Mittheilungen“, 1883, № V.

6 H. Duveyrier, „La Tunisie“.

климат первой влажнее и ровнее. Впрочем, северная часть страны и побережье более, чем алжирский Телль, выставлены жгучим ветрам юга, и когда дует симун, или самум, случается, что термометр показывает 45, даже 48 градусов Ц. на улицах города Туниса. С другой стороны, зимой, при северном ветре, который приносит холодный воздух с Апеннин, в этом городе иногда бывают холода, напоминающие европейскую зиму: так, например, в феврале 1854 г., по словам Феррини, в Тунисе однажды целый день шел снег.

Средняя температура в Тунисе 20,44° Ц, в Сузе 24° Ц.

Времена года чередуются в этой стране с большой правильностью. Зима, совпадающая с периодом дождей и называемая тем же именем, *эш-шта*[1], начинается вообще в январе и продолжается всего два месяца. Затем следует пора «зелени», или весна, тоже очень короткая, тогда как лето продолжается шесть месяцев, с мая до октября. Наступление осени возвещается нормальным возвратом дождей, хотя ни одно время года не обходится без ливней; в среднем, насчитывают в городе Тунисе 90 дождливых дней в году. Обыкновенно ветры дуют со стороны моря, то-есть с северо-востока и северо-запада. Северо-восточное воздушное течение, которое есть не что иное, как нормальный полярный ветер, господствует вообще в летние месяцы, тогда как в остальное время года преобладает северо-западный ветер, продолжение благодетельного мистраля. Эти ветры с моря, самые здоровые, приносят дожди, но они не отличаются такой правильностью, как пассаты, и резкия перемены погоды здесь не редки. Во время равноденствий воздух часто увлекается в сильные круговороты; почти каждый год, около половины сентября, Тунисский залив подвергается яростному шторму, который христиане первых веков называли «Киприановой бурей», потому что он часто разражался в годовщину смерти епископа Киприана. Обыкновенно столкновение ветров проявляется с особенной силой около мыса Бон; у этого угла континента встречаются различные воздушные течения, и между ними происходит борьба из-за преобладания: отсюда имя «Добрый» или «Прекрасный» мыс, которое карфагеняне дали ему по антифразису, льстя гению мыса, чтобы снискать благоволение; арабы часто называют его рас-Гаддар, «Обманчивый мыс», вместо рас-Аддар, «Добрый мыс». Морские течения тоже сталкиваются вокруг этого мыса, как и течения атмосферные: сила течения, направляющагося из Западного моря в заливы Большой и Малый Сирт, так велика и производит такое множество водоворотов, что парусные суда, плывущие на запад, не могут преодолеть это препятствие без помощи юго-восточных ветров, которые обыкновенно дуют из Сиртов к острову Мальте, и помогают им обогнуть страшный мыс[2]. В ясную погоду, когда небо совершенно чисто от паров, с вершины мыса можно различить берега Сицилии, и часто видали отсюда на дальнем горизонте зарево от извержений Этны[3]. Замечательно, что на берегах Туниса грозы редко сопровождаются молнией. Гром разражается только на горах, и по уверению Феррини, не бывало примера, чтобы он упал в равнину; в городе Тунисе и его окрестностях до сих пор не имели случая почувствовать пользу защищения зданий от грозы с помощью громоотводов. Нельзя сказать того же о Сфакесе, где, по словам Герена, одна городская башня была несколько раз поражена громом, в 1882 году. В целом, климат Туниса—один из лучших на средиземноморском побережье. Военная статистика, веденная с августа 1883 по март 1884 года, показывает, что случаи поступления солдат в госпиталь были в Тунисе реже, чем в какой-либо из провинций Алжирии, реже даже, чем во Франции[4]. Бертолон сравнивает тунисское прибрежье с Австралией по его прекрасному климату; однако, в тех из внутренних долин, где воздух не обновляется северными ветрами, свирепствуют эпидемические лихорадки.

Принадлежа к средиземному поясу по натуре своих горных пород и по климату, Тунис лежит в той же географической области по своей флоре и фауне. Подобно Алжирии, Иберийскому побережью, нижнему Лангедоку и Провансу, Италии и Греции, Тунис составляет

1 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique".
2 H. Barth, „Wandernugen durch die Kustenlander des Mittelmeeres".
3 Shaw;—O. Mac Carthy, etc.
4 Bertolon, „Revue de Geographie", octobre 1881.

часть области маслины, «первого между деревьями», по выражению Колумеля. По своим специальным чертам, тунисская флора почти тожественна с алжирской, как доказывали исследования ботаников; однако, различия, представляемые рельефом почвы и климатом, имели следствием гораздо большее смешение видов в восточной области сравнительно с западной. Тогда как в Алжире флора побережья и флора гор, плоскогорий и Сахары точно разграничены, в Тунисской области они перепутаны без всякой правильности. Растительные виды Сахары, поднимаясь по морскому берегу вдоль заливов Габес и Гаммамет, достигают, наконец, дюн прибрежья в соседстве Туниса и Бизерты; повсюду, где находятся пески, ботаник наверно встретит десять-двенадцать растений, которые он видел в сахарских *эргах*[1], между прочим, *дрин* (arthraterum pungens). С другой стороны, нашли на юге от шотта эль-Джерид, под той же широтой, как самый северный оазис Суфа, несколько растений, свойственных высоким плоскогорьям Сетиф[2]. Габес есть точка встречи самых разнообразных флор; здесь сходятся флоры морских песков и дюн пустыни, глинистых лож уэдов и их аллювиальных отложений, глинисто-известковой равнины, простирающейся у подошвы гор и оазисов с растительностью средиземноморской и почти европейской[3]. Благодаря своему положению напротив Сицилии, Тунис имеет также несколько сицилийских и итальянских растительных видов, которых нет в Алжирии; мыс Бон, граница двух бассейнов Средиземного моря, восточного и западного, разделяет две области, имеющие в своей флоре несколько отличную физиономию. Совокупность тунисской растительности, которую Дефонтен исчислял, в прошлом столетии, в 300 видов, состоит, по Коссону, из 1.780 растений, из которых только несколько видов свойственны исключительно этой стране: по направлению от запада к востоку, от Марокко к Тунису, число растений, принадлежащих исключительно местной флоре, постепенно сокращается, по причине уменьшения высоты почвы; на 563 вида, найденных в Габесе, насчитывают только 25 форм, не встречающихся в алжирской Сахаре. Некоторые растения так многочисленны, что придают полям однообразную окраску на протяжении нескольких верст: пространства, сплошь покрытые голубыми цветками желтокорня или колокольчиков, кажутся издали поверхностью обширного озера[4].

Горы бассейна Меджерды и горы, господствующие над средиземноморской покатостью, между Бизертой и Ла-Калле, сохранили еще обширные леса; благодаря относительной влажности климата, дуб (quercus mirbeckii) достигает там исполинских размеров; падуб растет там между мелким кустарником, черешня—между небольшими деревцами. Если река Меджерда имеет воду во всякое время года, то она обязана этим лесам, покрывающим её скат. Но в среднем Тунисе и в соседстве заливов Большой и Малый Сирт страна почти совершенно обезлесена: единственные деревья там—маслины, да еще смоковницы, которые растут вокруг городов, возвышаясь над живыми изгородями из кактусов; на плоскогорьях, как и в Алжирии, растительность состоит лишь из чернобыльника (artemisia) и из альфы, употребляемой на выделку писчей бумаги; в некоторых местах почва совершенно голая и не имеет даже тонкого слоя перегноя: когда идешь по ней, везде под ногами звенит каменистый туф. А между тем в этих оголенных местностях, у южного основания массива Бу-Гедма, тянется обширный лес камедоносной акации, занимающий пространство около 30 километров в длину и километров 12 в ширину. В Африке это самая северная область, где встречается камедное дерево; но число этих акаций, *acacia sayal*, не превышает 40.000 во всем лесу,—так редко растут деревья: ими пользуются только для приготовления кушаньев, камедь же пропадает без употребления, или служит пищей диким животным[5]. Смола, сочащаяся из некоторых разновидностей мастикового дерева, как на острове Хиосе, не утилизируется для выделки мастики и других благовонных жидкостей.

1 Letournenx, рукописные заметки.
2 Cosson;—H. Duveyrier, etc.
3 Cosson et Kralik, „Sertulum tunetanum“.
4 Pellissier. „Description de la Regence de Tunis“.
5 Rabatel et Tiraut, „Tour du Monde“, 1815, 1-r semestre

Большие шотты, отделенные от Малого Сирта лишь узким перешейком, имеют на своих берегах великолепные «лески», как их называют туземцы, Белед-эль-Джерида или «Финиковой земли», которые заключают в себе слишком миллион деревьев, принадлежащих к ста пятидесяти разновидностям. Вкус плодов удивительно изменяется, смотря по климатическим условиям. Тогда как в Сфакесе и на острове Джерба финиковые пальмы служат почти только для украшения пейзажа, и плоды их идут большей частию в корм скоту, в Габесе финики уже довольно вкусны; в оазисе Эль-Гамма они хороши, а в Джериде и Суфе превосходны. Причина тому, по всей вероятности, не в различии температуры, а в различной пропорции влажности. Между разновидностями фиников также замечается большая разница вкуса в разных оазисах: в Джериде лучшим считается сорт *деглет-нур*, «финик-свет», названный так по причине прозрачности его мякоти; в Суфе есть сорта еще лучше на вкус[1]. Жители оазисов любят свои финиковые деревья, как домашних товарищей: они решаются «убить» пальму, т.е. срубить для приготовления напитка лакби, caryptis древних[2], только по поводу какого-нибудь важного события—рождения ребенка, свадьбы, прибытия почетного гостя[3].

Некогда Джерба, античный Меникс, «остров Лотофагов», славился одним растением, lotus, которое с достоверностью еще не отыскано. Что это был за плод, столь приятный на вкус, что чужеземцы, отведав его, забывали о своей родине? Этот рассказ Гомера означает ли какой-нибудь таинственный продукт, символизирующий мир и благоденствие, или он относится к действительному плоду, который очень понравился эллинским мореходам? Описание лотуса, данное древними авторами, повидимому, всего более подходит к одному виду юбы (zizyphus lotus), *седер* или *сидра*, которую находят еще на острове Джерба, а также на соседнем побережье и даже далеко внутри материка до земли туарегов[4]. Из этой ягоды приготовляют кисловатый напиток, очень приятный на вкус; самый же плод, сладкий, но безвкусный, не ценится: Магомет говорит о юбе (zizyphus lotus), как о проклятом кустарнике, заменившем в садах Савской земли деревья с великолепными плодами. Может-быть, первые эллинские мореплаватели, рассказывавшие своим соотечественникам про чудеса дальних стран, отведали, не видав самого дерева, превосходные финики из Белед-эль-Джерида, и этот плод был приписан ими юбе, или, может-быть, вкусы переменились, как мы видим пример тому в Египте относительно плода сикоморы. Эль-Бекри рассказывает, что яблони на острове Джерба не имели во всем свете равных себе по красоте и превосходному вкусу плодов; но плантации этого дерева были заброшены, потому что христиане брали яблоки, не вознаграждая жителей острова.

Фауна Туниса, подобно его флоре, отличается от фауны Алжира и Триполи очень небольшим числом видов: немного более богатый животными формами, чем соседния с пустыней области, прилегающие к Большому Сирту, Тунис несколько беднее в этом отношении западной Мавритании. Вообще замечается постепенное возрастание числа видов по направлению от востока к западу. Но в Тунисе, как и в сопредельных странах, большие перемены, происшедшие в течение исторической эпохи, изменили и самую фауну. Истребление лесов повело к тому, что некоторые виды совершенно исчезли, или зона их обитания значительно съузилась; с другой стороны, люди ввели домашних животных, может быть, также диких зверей, как, например, оленя[5], ибо, по свидетельству древних писателей, олень не существовал в Африканской провинции, и карфагеняне, привезшие с собой это животное, держали его в полудомашнем состоянии, чтобы приносить его в жертву Ваалу-Гаммону[6]. Теперь

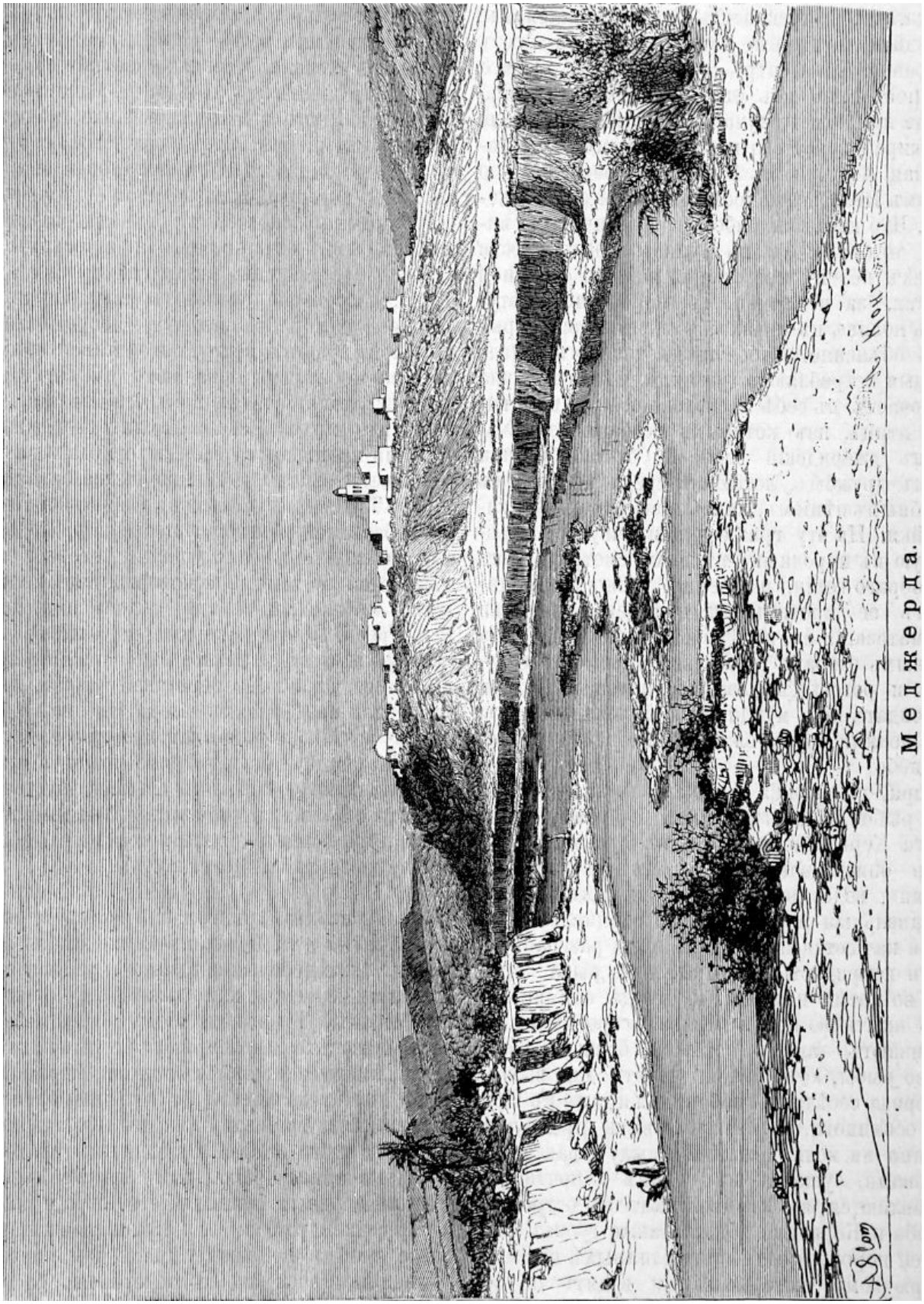
1 Letourneux, рукописные заметки.
2 E. Desjardins, рукописные заметки.
3 Tissot, цитированное сочинение.
4 Peyssonnel et Desfontaines, „Voyage dans la Regence de Tunis et d'Alger";—H. Duveyrier, „Les Touaregs du nord".
5 Ch. Tissot, цитированное сочинение;—Judas, „Societe archeologique de Constantine", 1865.
6 Clermont-Ganneau, „Comptes rendus de l'Academie des Sciences", 1844.

олень встречается изредка в западных горах страны, особенно на юге от Табарки, в массивах Хумир и Уштетта. Медведь, который прежде был, как полагают, одним из обыкновенных представителей местной фауны, судя по часто встречающимся названиям мест, где находится его имя, повидимому, исчез с начала настоящего столетия[1]. Мартышку можно видеть только в ближайшем к южным шоттам углу Туниса. Львы рыскают еще в некоторых массивах, соседних с алжирской границей; особенно в Хумирии, в землях племени уштетта, и в горах Джебель-эль-Ганум их осталось еще довольно много; но вообще теперь эти хищники далеко не так многочисленны, как в карфагенскую эпоху, когда они подстерегали поселян и путешественников вокруг городов, и когда вдоль больших дорог стояли виселицы, на которых распинали «царя зверей»[2]. По преданию, территория Бу-Ганем прокармливала еще тысячи этих зверей, несколько веков тому назад, когда один из туземных государей уступил край одному племени, под условием, чтобы оно не употребляло в пищу никакого другого мяса, кроме львиного[3]. Что касается слонов, которые, как утверждают многочисленные свидетельства, существовали в стране в первые века местной истории, то они исчезли вместе с лесами, служившими им местом обитания: вероятно, последний был убит в эпоху римского владычества; уже во времена Плиния их приводили из областей, лежащих «за пустынями, прилегающими к заливам Сирт»[4]; впрочем, один испанский писатель сообщает, по наслышке, что в конце шестнадцатого столетия эти великаны животного царства еще встречались в Тунисе. Буйвол не был совершенно истреблен, как слон: сохранилось еще несколько стад этого животного вокруг озера Бизертского и даже на островке Эшкель; но в других частях страны его нигде не видно. Несколько представителей дикого барана живут еще в южных горах Туниса, тогда как во всех других массивах они уже вывелись. Но, как и в остальной части западной Африки, домашняя фауна Туниса обогатилась приобретением драгоценного животного—верблюда: по Тиссо, верблюд сделался для западных африканцев почти необходимым вьючным животным, каким он является ныне, не далее, как за полторы тысячи лет до нашей эпохи.

Известны рассказы древних писателей о борьбе, которую войско Регула должно было выдержать на берегах Баграды против змея длиной около 35 метров: в наши дни ни один из тунисских гадов не достигает даже пятой доли этих исполинских размеров. Число видов змеиного рода тоже уменьшилось, хотя, может-быть, еще не все ныне живущие известны, и хотя, с другой стороны, нужно причислить к баснословным животным многих пресмыкающихся, которых древние авторы описывают, как родившихся из крови Горгона. Одна из наиболее богатых змеями областей—горы, окаймляющие тунисскую Сахару: туземцы принуждены были даже совсем покинуть джебель Тельджу, на северо-востоке от шотта Эль-Гарса, по причине великого множества водящихся там гадов вида *тагарга*. Восточнее, около Сфакеса, номады степей особенно боятся змеи *зоррейг* (echis carinata), которая, вблизи источников, обвивается вокруг ветвей тамариска, и оттуда одним прыжком кидается на свою добычу: это, вероятно, *jaculus*, «крылатый змей» латинских авторов[5]; новейшая экспедиция, под начальством Думета-Адансона, также открыла один вид змеи, *бу-фтира*, наия натуралистов[6]. Другой гад тунисской флоры, скорпион, очень опасен, гораздо опаснее, чем алжирский и мароккский: ужаление его часто смертельно. У туземцев существует поверье, что достаточно положить на порог двери камешек известного рода раковистого известняка, чтобы прекратить вход скорпионам; последние, будто-бы, никогда не проникают в древний амфитеатр Эль-Джем, потому что он построен из этих камней. Саранча иногда прилетает тучами в тунисский Телль и пожирает все его посевы; саранча, опустошавшая Алжирию в 1845 году, родилась, по словам Пелисье, в соседстве тунисского Джерида. Что касается бабочек различ-

1 L. Playfair, „In the footsteps of Bruce“;—Tissot, цитированное сочинение.
2 Полибий;—Плиний;—Гюстав Флобер, „Саломбо“.
3 Pelissier, цитированное сочинение.
4 E. Desjardins, рукописные заметки.
5 Ch. Tissot, цитированное сочинение.
6 „Tunis Journal“, № 26, 6 июня 1884 г.

ных видов, то они редки в Тунисе; этой прелести наших полей недостает полям северной Африки, за исключением, впрочем, цветущих полян в горах; редкость чешуекрылых объясняется большим числом птиц, которые истребляют гусениц. Местная фауна заключает в себе



Меджерда.

несколько особенных видов птиц, из которых особенно замечателен джеридский воробей, бу-хабиби или «отец дружбы», летающий среди пальм, с жалобным пением, напоминающим пение канарейки. На эту грациозную птичку, прославляемую в народных песнях, смотрят

как на доброго гения, и туземцы ревностно защищают ее против иностранцев; попытки акклиматизации её в Тунисе не удались[1]. На соляных озерах многочисленные стаи голубых и розовых фламинго походят издали на солдат в мундирах ярких цветов; над полями кружатся тучи скворцов, затмевая небо.

Моря, омывающие берега Туниса, очень богаты рыбой. Вокруг острова Джерба и архипелага Керкенна, которые в древних текстах описываются уже как «окруженные сваями», вода, довольно мелкая, разделена на неправильные перегородки рядами пальм, которые качаются по воле волн и разграничивают корридоры и камеры, куда рыба заходит во время прилива, и откуда она не может выйти во время отлива. Островитяне налавливают таким образом большое количество рыбы, которую они солят для вывоза в города соседнего побережья и даже в Италию; осьминоги, которых ловят преимущественно на мели, лежащей между Сфаксом и островами, сушатся на солнце и почти все отправляются в Грецию. Жители островов Джерба и Керкенна ловят также губок, либо зимней порой, при помощи длинных шестов с крючком, которыми они водят по поверхности подводных камней, либо летом, проходя по мелям и раскапывая их ногой[2]. Воды около мыса Бен, менее богатые животной жизнью, чем воды архипелага Керкенна, посещаются стаями рыбы, отправляющейся из одного бассейна Средиземного моря в другой; заколы (мадрага), установленные через известные промежутки вдоль берега, задерживают тунцов, самую ценную из этих странствующих рыб. Бизертское озеро, которое, по словам легенды, сообщаемой арабским писателем Эль-Эдризи, доставляет точно двенадцать разных рыбьих пород, по одной каждый месяц,—тоже служит местом обширного лова, преимущественно лова головлей, который производится следующим остроумным способом, унаследованным, может-быть, от времен пунических: с одного берега канала на другой протянута веревка, на которой скользит кольцо, удерживающее самку, плавающую посреди вод; самцы собираются вокруг этой живой приманки и во множестве попадают в сети рыбаков[3]; ставят также поперег течения загородки из кольев, снабженные камерами, в которые проникает рыба, и откуда она уже не может выйти[4]. Наконец, на западном берегу Туниса, около мысов Серрат и Негро, в Табаркской бухте, существуют коралловые мели, теперь оскудевшие, которые продолжаются на запад, и которые еще не так давно привлекали сотни судов из Торре дель-Греко. Ловля раковин, дававших пурпуровую краску, оставлена со времен римского господства. На берегах острова Джерба, как и на берегах озера Бибан, огромные кучи раковин *murex* и *purpura*, неуступающие размерами подобным же кучам, сохранившимся на берегах Сидона, свидетельствуют о важном значении, какое имела некогда пурпурная промышленность в финикийских колониях Африки[5].

За областями Триполи, по большей части пустынными и представляющими, вдоль побережья, лишь небольшие гавани и узкую полосу возделанной земли или даже редко рассеянные оазисы, Тунис должен был казаться всем завоевателям, пришедшим сухим путем или высадившимся с моря, страной желанной по преимуществу. Его речной бассейн, первый, встречаемый нами в Африке к западу от египетского Нила, от которого он отделен такими обширными пространствами; его плодородные равнины; его озера и заливы, изобилующие рыбой; его гавани, занимающие такое удобное положение, как для торговли, так и для военного господства в бассейне Средиземного моря,—все эти выгоды, естественно, должны были привлекать к этому краю завоевательные нации и сделать его полем битвы между армиями. Станции, где рассеяны каменные орудия[6], мегалиты, менгиры, дольмены, кромлехи, камни с выдолбленным круглым углублением, редкие в некоторых местностях Туниса, очень обык-

1 Grenville Temple, „Algiers and Tunis“.
2 „Tunis-Journal“, 13 mars 1884
3 Ch. Tissot, цитированное сочинение
4 J. de Crozals, „Revue de Geographie“, decembre 1881.
5 H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander de Mittelmeeres“.
6 Doumet Adancon, „Tunis-Journal“, № 20, 6 июля 1884.

новенные в других, напоминают пребывание населений, имевших либо то же происхождение, либо ту же религию, как жители Британии, Бретани и Андалузии. В начале писанной истории мы уже застаем финикиян, поселившихся в самом углу континента, откуда они могли наблюдать, с одной стороны, за Тирренским морем, с другой—за водами, окружающими остров Крит. Затем римляне, когда достигли могущества, захотели, в свою очередь, завоевать эту передовую землю Африки, без которой ни одно из их владений на Средиземном море—ни Сицилия, ни Сардиния, ни самая Италия—не было бы крепко в их руках, и вот впродолжении слишком ста лет известный тогда мир был потрясаем столкновением этих двух могучих соперников; наконец, финикийский город пал, но чтобы возродиться городом римским. После того вандалы, византийцы оспаривали друг у друга эту страну, и несколько последовательных нашествий арабов ввели её жителей в круг ислама. Что касается турок, то дело их ограничивалось присылкой краю правителей, а вторжения европейских христиан, при Людовике IX и императоре Карле V, были слишком кратковременны, чтобы иметь сколько-нибудь заметное влияние на тунисскую цивилизацию; правда, что морское разбойничество, часто вводя в страну невольников, должно было способствовать в довольно значительной мере смешению населения в городах.

Древние владетели края, карфагеняне и римляне, царствовавшие там по нескольку столетий и покрывшие страну городами, крепостями, памятниками, не оставили в физиономии её обитателей следов, которые можно было бы признать с достоверностью, и нет никаких преданий, которые связывали бы то или другое племя с этими давними господами. Точно также ничто, ни в физических чертах, ни в языке и нравах, не напоминает греков или вандалов. Единственные два этнические элемента, представленные в крае, за исключением евреев и недавно переселившихся иностранцев,—это различные группы, понимаемые, правильно или неправильно, под общим именем берберов, и потомки арабских пришельцев. Эти последние, судя по языку и нравственному превосходству, которое им дают традиции завоевания и их роль распространителей новой религии, составляют по виду значительнейшую часть нации; но, в действительности, народцы, которые, в карфагенскую эпоху, составляли, под разными именами, основу населения, и теперь еще являются самой многочисленной его частью, хотя они в сильной степени смешаны с другими элементами, которые скрещивались между собой и постепенно слились в туземном типе. Древний язык не исчез совершенно. Жители острова Джербы говорят берберским наречием и даже писали на нем прежде; в одной из деревень острова существует книга, написанная по-берберски, вероятно, древними ливийскими знаками, ибо джерабинцы, как называют этих островитян, признают буквы их собственной азбуки в ливийских надписях, которые им показывали в копиях[1]. Могущественное племя ургамма, кочующее в местностях Туниса, прилегающих к триполийской границе, также говорит берберским диалектом, довольно близким к наречию островитян; горцы Джебель-Дуирата и Джебель-Метматы, принадлежащие к той же «кабильской» группе, как и триполийские берберы Джебель-Иефрена, тоже употребляют этот идиом. Что же касается племени дрид или дерид, живущего на севере страны, по обе стороны реки Меджерды, относительно которого прежде полагали, что оно сохранило берберский говор,—то это предположение оказалось ошибочным. Все тунисские племена северной и центральной частей края, даже те, которые вполне сохранили свои берберские предания и родословную, арабизировались по языку. Впрочем, эти два этнических элемента так тесно сблизились, в течение двух тысяч лет совместного существования, что иное племя, носящее одно общее имя, состоит из различных фракций, частию берберского, частию арабского происхождения. Так, хумиры, которых обыкновенно считают составляющими одну однородную группу, делятся на самом деле на несколько второстепенных племен, из которых одно чисто-берберского происхождения, тогда как три другие причисляют себя к арабам; но все эти племенные подразделения говорят мавританским диалектом. Однако, традиционная филиация того или другого племени не может служить верным признаком чистоты его происхождения, так как из поколения

1 Henri Daveyrier, „La Tunisie“.

в поколение браки могут значительно видоизменить расу. Не подлежит сомнению, что в северном и среднем Тунисе скрещивания почти смешали две расы: арабы оберберились, а берберы обарабились. Небольшая, относительно, высота горных массивов и ширина долин, разветвляющихся далеко внутрь страны, облегчали это этническое смешение, и резкие контрасты, наблюдаемые в Алжире и в Марокко между кабилами и арабами, как по наружности, так и по нравам, не повторяются в Тунисе. Берберский тип в чистом виде встречается лишь у южных горцев и на острове Джерба. Там, как и в алжирской области Джурджура, большинство аборигенов имеют, сравнительно с арабами, лицо более широкое и более короткое, череп и овал лица менее правильные, волосы менее черные, глаза более живые, улыбку более добродушную, и отличаются более веселым, более увлекающимся и предприимчивым характером[1].

Гораздо резче, чем деление рас, обозначено деление, происходящее от различия образа жизни. Горожане и кочевники, каково бы ни было их происхождение, представляют полную противоположность друг другу и обращаются взаимно так, как будто они принадлежат к двум различным народностям. По приблизительным народным переписям, население Туниса делится почти поровну между «людьми дома» и «людьми шатра». В северных областях, кочевые племена, окруженные со всех сторон городами, деревнями и возделанными землями, располагают лишь незначительным пространством для кочевок, тогда как на юге перед ними открыты обширные степи, где они могут на просторе выбирать любое место для своих становищ. Впрочем, во всех частях Туниса живут семьи полу-оседлые, полу-кочевые, то возделывающие свое поле в долине, то следующие за своими стадами на горные пастбища. Голодовки, междоусобия, войны часто разделяют племена и раскидывают группы их на сотни верст одну от другой. Не проходит поколения без того, чтобы не случались эти «исходы», подобные тем, о которых нам рассказывают история и местные предания. Так, дриды или дериды, всюду сопровождавшие «военного бея» в качестве сборщиков податей, рассеялись в разных частях Туниса, по обе стороны реки Меджерды, а племя улад-сиди-абид, соседнее с племенем беджа, на севере, послало один из своих роев в оазис Нафта, близ шотта эль-Джерид. Дедмаки или тадемаки, одно из племен группы хумиров, суть, по Дюверье, братья кельтаде-меккетов, вошедших теперь в состав союза туарегов ауэлимиден, на берегах Нигера[2], и все другие хумиры, даже те, которые называют себя арабами, пришли с юга и с запада, несколько веков тому назад[3]. Наконец, что такое земледельцы тарабельси в окрестностях Туниса, если не потомки выходцев из Триполи, как показывает их имя? С другой стороны, по общераспространенному в стране преданию, мальтийцы, эти островные арабы, сделавшиеся такими ревностными католиками, суть единоплеменники улад-саидов, кочующих в окрестностях Сузы[4].

Еще в недавнюю эпоху много номадов жили войной и грабежом, или как солдаты бея, или как разбойники. Кочевники племени ургамма, на триполийской границе, в числе 30.000 душ, что представляет вооруженную силу по меньшей мере от четырех до пяти тысяч человек, были освобождены от всякой дани по той простой причине, что они не согласились бы платить ее; но им оффициально поручено было защищать пограничную область против иноземных грабителей, и под предлогом исполнения этой обязанности, они врывались в кочевья сопредельных племен, убивали мужчин, захватывали женщин, детей, животных, съестные припасы. Ургамские воины, гордившиеся своими кровавыми подвигами, имели привычку делать нарезку на дуле своего ружья для каждого убитого ими неприятеля: показывают подобные ружья, сплошь исчерченные нарезками, от курка до отверстия дула[5]. Туземцы племени ханенша в Калаэс-Сенам, хорошо защищенные в своей горной крепости, питали

1 P. Topinard, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algerie".
2 Henri Duveyrier, „La Tunisie".
3 Letourneux, рукописные заметки;—Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce".
4 Pellissier, цитированное сочинение;—O. Mac Carthy, рукописные заметки.
5 Henri Duveyrier, цитированное сочинение;—P. Zaccone, „Notes sur la Regence de Tunis".

такую ненависть к солдатам бея, что когда те являлись требовать подати, то им бросали с высоты скал дохлую собаку, с насмешливыми криками: «вот дань бею!»[1]. Номады племени гамамма, кочующие по степям в окрестностях Гафсы, выдавали себя за верных подданных бея, но только для того, чтобы грабить его именем. Каждого ребенка мужеского пола, в самый день его рождения, отец клал на оседланную лошадь и приветствовал новорожденного двумя стихами: «Седло и узда,—и жизнь по исламу!» Эта означало, что ребенок не получит другого наследства, кроме коня и оружия; он сам должен будет добывать себе хлеб насущный, обирая своих братьев-мусульман, населяющих обширный мир ислама[2]. В настоящее время сыновья бандитов, не имея более возможности снискивать себе пропитание грабежом, эмигрируют в города, преимущественно в Бону и Тунис, где работают в качестве носильщиков. Путешественник, проезжая по землям племени ургамма, с удивлением встречает под шатрами номадов, говорящих по-французски: это разбогатевшие эмигранты, вернувшиеся на родину.

До занятия Туниса французскими войсками, сильно изменившего состав партий, туземцы всей страны делились на два враждебных *софа*, или союза, которые, впрочем, часто менялись, смотря по распределению налогов и вымогательствам кади[3]. Из этих двух больших партий, одна, асхимии, называла себя партией бея: в центральном Тунисе она была представлена главным образом многочисленным племенем гамамма, тогда как племя бени-зид стояло во главе партии башиев или независимых арабов; последние приписывают себе происхождение от одного французского ренегата и на этом основании хорошо приняли путешественника Пелисье, величая его «кузином». Племена улад-айар из Кефа, злас из Кайруана, нефет из Бу-Гедма, ургамма, аккара из пограничной с Триполи области были в союзе с племенем гамамма, тогда как племена металит из Сфакса, суас из Сузы, маджер, фрашиш с алжирской границы, газем из Габеса принадлежали к числу бедуинов, не признававших над собой никакой власти. Несколько лет тому назад, бени-зиды смелым нападением овладели касбой Сфакса и выпустили на волю всех арестантов своего софа, которых правительство бея заключило в эту крепость. Магадебы, живущие на побережье между Сфаксом и Малым Сиртом, пользуются, как марабутское племя, всеобщим уважением: бей освободил их от податей, под условием, чтобы они давали у себя приют проходящим караванам. Что касается нефзауев, обитающих на полуострове того же имени, между шоттами Эль-Джерид и Эль-Феджедж, то они разделены между двумя софами. Племена, принадлежавшие к независимому софу, пытались-было оказать сопротивление французам, но после нескольких стычек, бежали на триполийскую территорию. Эти беглецы, в числе около тридцати тысяч человек, с трудом находили себе пропитание у южных племен, и большинство их вернулись просить мира. Предводитель этого восстания был из племени нефет.

У арабов, жителей городов, которых очень часто называют маврами, как и их соплеменников в городах Алжирии и Марокко, образовавшие их различные этнические элементы так тесно слились, что теперь невозможно их распознать. Даже мавры, изгнанные из Испании, одни в пятнадцатом, другие в начале семнадцатого столетия, и которым были указаны для жительства особые кварталы и отведены точно определенные участки пахотной земли в окрестностях городов, оставили по себе лишь в немногих местах потомство, которое можно отличить от других горожан арабского происхождения[4]. Только несколько благородных фамилий, тщательно сохранивших свою генеалогию или даже хранящих ключи своего севильского или гренадского дома, продолжают называться андулосами или андалосами, то-есть «андалузцами». Кроме того, указывают несколько городов и деревень, где есть рабочие родом из Испании, занимающиеся каким-либо специальным промыслом, и которым традиции ремесла позволили сохранить память о происхождении: искусные садовники Тестура и Тебурбы.

1 O. Mac Carthy, рукописные заметки.
2 Henri Duveyrier, цитированное сочинение.
3 Rabatel et Tirant, „Tour du Monde“, 1875, 1 semestre;—P. Zaccone, цитированное сочинение.
4 H. von Maltzan, „Reise in den Regentschaften Tunis und Tripolis“.

на нижней Меджерде, знают, что отцы их жили на берегах Хениля и Гвадалквивира; в Небеле, на восточном берегу, гончары сохранили имя андалузцев и хранят, как святыню, передаваемые из рода в род сосуды, привезенные из Малаги их предками. Во время путешествия Пейсонеля, сто лет спустя после их изгнания с Иберийского полуострова, они еще говорили испанским языком и одевались по старинной андалузской моде. В состав «маврского» населения Туниса входит также известная доля ренегатов всякой национальности, ввезенных, в виде живого товара, в эпоху торга невольниками.

Жители городов, особенно тунси или улад-туне, то-есть «дети Туниса», имеют цвет лица гораздо более светлый, чем кочевые племена; только у немногих лицо смуглое; оттенком кожи они походят на испанцев и южных итальянцев. Лицо у них вообще овальное, нос длинный, брови густые, борода черная, как смоль, и довольно редкая; роста они среднего, стройны, грациозны, отличаются благородством движений; у них не замечается той худобы икр, которая бросается в глаза у семитов Аравийского полуострова; также как у индусов, и между ними не встречаются субъекты, которые бы походили дородностью на своих сограждан, испанских евреев. Большинство тунисцев религиозны, но без всякого фанатизма; они вообще серьезны, степенны, доброжелательны, и как бы ни были испорчены торгашеством, они все-таки, в среднем, честнее своих соперников из израильтян и христиан; во времена морского разбойничества и невольничества тунисские рабовладельцы славились своим хорошим обращением с пленными[1]; вероятно, «пленные девы из Туниса и Бизерты», прявшие шерсть в жилищах христианских пиратов, были менее счастливы, чем христианские пленницы, попавшие в руки тунисцев[2]. Между тунисцами, если исключить купцов, мало таких, которые, следуя примеру Магомета, имеют более одной супруги за раз. По своему искусству в ремеслах, хорошему вкусу, коммерческой сметливости, наконец по своей относительной образованности и начитанности, но не по нравственности, тунисцы считаются стоящими выше всех других мавров. До турецкого господства, когда южные племена, расположившие свои становища на больших торговых дорогах, не предавались разбойничеству,—Тунис был главным вывозным рынком для населения Судана; негры на берегах Нигера и озера Цаде не находили никакой товар достойным восхищения, если он не был сфабрикован тунисцем. «Тунис изобретает, Алжир отделывает, Оран портит», гласит арабская пословица, цитируемая Теофилом Готье; но по физической энергии и увлечению в работе упомянутые народности располагаются в обратном порядке: триполийские африканцы—самые плохие работники, тунисские получше, хотя не так хороши, как алжирцы, которые, в свою очередь, уступают мароканцам[3].

Турецкий элемент в Тунисе, представленный некогда беями и янычарами, давно уже перестал пополняться новобранцами, и теперь там уже не увидишь настоящих турок: чрез браки османлисы, в том числе и бейская фамилия, все сделались кулуглисами и растворяются мало-по-малу в господствующей расе арабских «мавров»; малекитское вероисповедание, к которому они принадлежали, постепенно заменяется ганефитской обрядностью, которой придерживается огромное большинство мавританских мусульман. Раскол имеет, однако, многочисленных последователей в тунисских городах. Бени-мзабы, которые регулярно ходят в Тунис на заработки, в качестве продавцов угля и банных истопников, все хареджиты или «диссиденты»; их называют также «людьми пятой» (веры), в том смысле, что они не находятся в лоне ни одной из четырех правоверных сект. Джерабинцы—тоже «пятой» веры и ибадгитского исповедания, как бени-мзабы и берберы Джебель-Нефусы, с которыми они сходствуют обычаями и поверьями: они носят шешию, шерстяную гандуру, вышитую, как ковер, узорами ярких цветов, считают кошку поганой и боятся хамелеона. Правила культа обязывают их снимать шаровары во время молитвы[4]. Правоверные религиозные братства

1 Peyssonnel et Desfontaines, „Voyages dans les regences de Tunis et d'Alger".
2 Malherbe;—„Revue de Geographie", janvier 1883.
3 Beule;—Barth;—Maltzan etc.
4 Maltzan;—Bordier, рукописные заметки.

представлены в Тунисе главным образом тиджаниями, маданиями, аиссауами, и во многих племенах есть почитаемые семьи, состоящие из шорфов, или «сынов Пророка». Вообще в городах больше фанатизма, чем в деревнях, у оседлых жителей больше, чем у кочевников. Причина тому, говорит Пелисье, в системе образования, господствовавшей в мусульманском мире: «самые большие грамотеи—самые глупые люди». При том, в крае сохранились многие поверья, предшествующие введению ислама. Туземцы до сих пор еще вешают лоскутки шерстяной материи на известные деревья, указываемые преданием; они очень боятся дурного глаза и защищают свои жилища знаком пяти пальцев, так как число пять—символ рыбы—считается особенно благоприятным. Отец многочисленного семейства всегда скажет: «у меня пятеро детей», хотя бы их было гораздо больше; он боится произнести другое число, как могущее иметь менее счастливое или даже пагубное влияние. Во время засух туземцы

Тунисская еврейка.

прибегают к заклинаниям и колдовству, чтобы открыть «ворота туч»; когда дождь слишком долго не приходит, и посевам их грозит серьезная опасность, они схватывают свой каид и, обмакнув его в фонтан, спускают с конца капли воды себе на бороду: «это их манера совершать молебствие», замечает путешественник Беле.

Пропорционально магометанскому населению, евреи более многочисленны в Тунисском регенстве, чем в Алжирии. Они образуют значительные общины не только в столице страны, но также в других городах прибрежья и на острове Джерба. Между этими сынами Израиля многие ведут свой род от евреев, поселившихся в крае до арабского завоевания, и даже, может-быть, в этих семействах, еще недавно так презираемых, отыскались бы кое-какие остатки древних властителей страны, карфагенян. Евреи, изгнанные из Испании и Португалии, равно как все те, которые эмигрировали в течение последних столетий, известны вообще под именем «грана», то-есть ливорнцев, потому что Гурна, или Ливорно, был главным рынком

иудеев, изгнанных с Иберийского полуострова[1]. Эти «ливорнцы», поставившие себя под покровительство итальянского консула или других представителей иностранных держав, редко имели повод жаловаться на тунисцев, тогда как «старые евреи» были лишены всякой законной защиты против делаемых им притеснений или вымогательств. Очень большое число семейств вынуждены были отречься от своей веры, чтобы избегнуть преследования, и хотя эти евреи-мусульмане охотно вступают в общение со своими бывшими единоверцами, они остались в лоне ислама. Есть также евреи, культ которых существенно изменился; таковы, напр., израильтяне острова Джерба, которые почитают святых и мусульманских марабутов. Еще в 1868 году семнадцать человек тунисских евреев были умерщвлены безнаказанно, и никто не осмелился заикнуться о судебном преследовании убийц. В прежнее время особый головной убор отличал бесправных евреев от тех, которых не смели трогать без позволения консулов. По странной превратности судьбы, большинство испанских евреев Тунисского регенства, помня, что их предки жили на Пиренейском полуострове, заявили свои права по происхождению, чтобы, в качестве иностранных подданных, поставить себя под покровительство страны, своих бывших преследователей. Точно также, до присоединения Туниса к французским владениям, многие эмигранты, покинувшие Алжирию, чтобы не покориться ненавистным завоевателям, называли себя алжирцами, чтобы найти поддержку у французского консула против правительства бея.

Все тунисские евреи, как уроженцы края, так и пришельцы извне, придерживаются испанской обрядности: читают Пятикнижие и произносят свои молитвы на еврейском языке; но одно из воззваний к Богу составлено на арабском языке, и при том, говорит Мальцан, воззвание, всего чаще произносимое и единственное, которое повторяют женщины: эта древняя молитва просит Господа «распространить свой гнев на Испанию, равно как на Измаил, на Кедар и на Эдом»,—три имени, которые в фигуральном смысле означают арабов, магометан всякой расы и христиан. Несмотря на эти моления, обращенные к Богу Мстителю, тунисские евреи отличаются очень мирным нравом; они, кажется, также не вполне заслуживают репутацию жадных, которая им приписывается наравне со всеми их единоверцами, но они очень ловко пользуются всяким представляющимся случаем практиковать какой-нибудь новый промысел. Число их быстро возрастает вследствие перевеса рождаемости над смертностью; они давно уже перешли за черту тунисской «гары», или гетто, где были интернированы, и теперь распространяются во всех кварталах города; некоторые части базара были совершенно отвоеваны ими у арабов, лавка за лавкой. В настоящее время их уже не всегда узнаешь по костюму, так как закон, воспрещавший им одеваться по-мусульмански, не существует более, и многие из них носят европейское платье; но их легко отличить по физиономии, по походке и часто также по дородности, так как испанские евреи Туниса имеют необыкновенную склонность толстеть. Еще недавно молодые девушки были специально подвергаемы откармливанию; искусство помогало природе в сообщении им тучности. Прежде, чем быть признанными обладающими достаточной полнотой, молодые девушки должны были иметь ноги и руки довольно толстые, чтобы удерживать кольца и браслеты, которые носили их матери[2]. В то время, как почти во всем свете евреи выгодно отличаются от других этнических элементов относительной чистотой нравов, тунисские потомки Израиля составляют контраст с другими жителями нравственной распущенностью: местная проституция пополняет свои ряды преимущественно еврейками.

Подобно евреям, тунисские европейцы делятся на два класса: на купеческие роды, издавна поселившиеся в крае, и на свежих иммигрантов, которые еще смотрят на себя как на иностранцев. Класс «старых тунисцев», к которому принадлежит несколько сот французских и итальянских семейств, еще недавно составлял как бы отдельную нацию в государстве, подобно левантинцам Константинополя и Смирны. Их национальность давала им особые привилегии, которыми они гордились; сплоченные вокруг своих консулов, они избегали

1 H. von Maltzan, цитированное сочинение;—Ernest Desjardins, рукописные заметки.

2 Maggil;—de Flaux, etc.

притеснений и вымогательств, которым подвергались туземцы, и должны были, вследствие того, испытывать коллективную гордость, привязывавшую их к родине; но духом и нравами они значительно отличаются от своих заморских соотечественников. Под этими купеческими родами патрициев копошится толпа простых пришельцев, иммигрантов-пролетариев, состоящих под покровительством иностранных держав. Английский консул мог бы собрать вокруг себя такую массу этих протеже, что из них сформировалась бы целая армия, ибо мальтийцы составляют самую многочисленную группу между европейцами, живущими в Тунисском регенстве, если только можно назвать европейцами арабов римско-католического вероисповедания. Соседство архипелага, лежащего всего в двадцати часах от Тунисского порта, позволяет даже самым бедным уроженцам Мальты отправиться попытать счастья на африканском континенте, где они водворяются в качестве носильщиков, лодочников, мелких торговцев, харчевников, садовников; некоторые улицы Туниса заняты исключительно мальтийцами, и даже на самых отдаленных от столицы дорогах, на опасных горных тропинках можно встретить mercanti мальтийского происхождения, странствующих пешком с женой и детьми, в сопровождении лошади, нагруженной разными материями и другими товарами. Сицилийцы, калабрийцы тоже составляют значительную группу населения, к которой нужно прибавить постоянно возростающую колонию северных итальянцев.

Иностранная колония в Тунисе в 1891 г. распределялась, по национальностям, следующим образом:

Итальянцев—22.000, англо-мальтийцев—9.000, французов—19.647, других иностранцев (греков, швейцарцев, австрийцев и пр.)—2.000.

Присоединение Тунисского регентства к Франции естественно имело следствием значительное возрастание числа французских иммигрантов, которые селятся теперь уже не только в Тунисе и других приморских городах: железная дорога, перерезывающая всю страну с 'востока на запад, телеграфные станции, рассеянные по территории, лагери и крепостцы, занимающие стратегические пункты, земли, покупаемые для культуры винограда и маслины, —привлекают во внутренния местности постоянно возрастающее число французов, чиновников и служащих, купцов, спекуляторов или работников всякого рода, и «французы» же африканского происхождения, то-есть кабилы, приходят на временный заработок, в качестве косцов и жнецов. Французское население регентства, по переписи 29 ноября 1896 г., состояло из 26.678 человек, в том числе 10.144 военных. Экономическое завоевание Тунисского регентства идет гораздо быстрее, чем шло подобное же завоевание Алжира: на наших глазах, страна, так долго отделенная от Европы и связанная своими историческими судьбами с азиатским миром, снова занимает в бассейне Средиземного моря то место, которое ей указано природой и рельефом почвы, климатом и естественными произведениями.

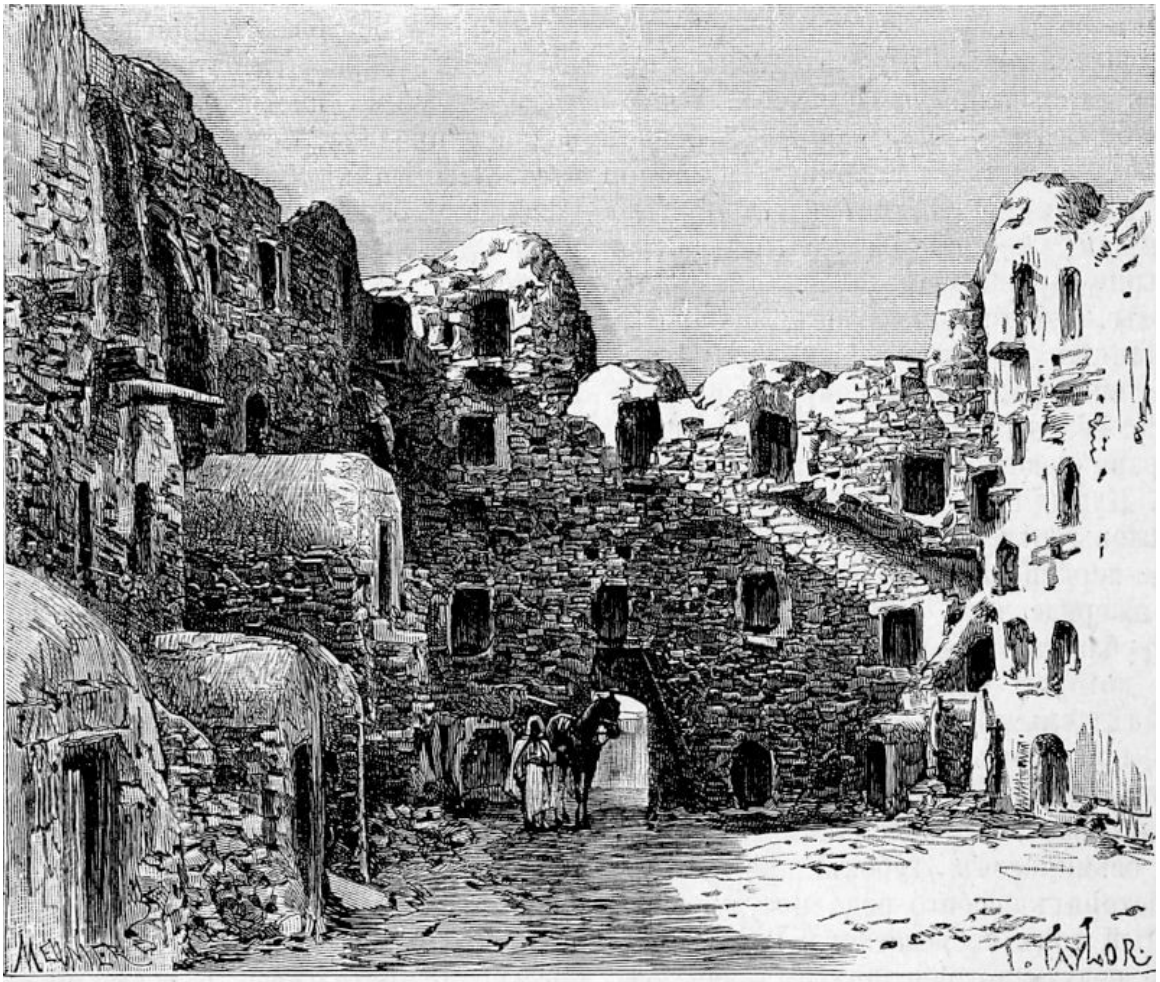
IV.

Эль-Бибан, пограничное местечко, близ триполийского берега, могло бы иметь некоторую важность, стратегическую или торговую, если бы два пролива, которыми оно командует, у входа в «озеро Ворот», Багирет-эль-Бибан, позволяли большим судам проникать в этот обширный бассейн; но по причине недоступности проливов, теперь едва лишь несколько рыбачьих барок бросают якорь перед фортом; торговое движение, впрочем, очень слабое, направилось на северо-запад к рейду Зарзиса, или Джерджиса, города, состоящего из пяти отдельных деревень, разсеянных среди пальмовых и масличных рощ и полей, засеянных пшеницей. Эта область некогда была так плодородна, что, по местной легенде, канал, вырытый в окрестностях Зиана, или Мединет-Зиана, внутреннего города, теперь лежащего в развалинах, приносил в порт Зарзис целый поток оливкового масла, которое туземцы собирали в боченки, чтобы грузить на корабли, но эта масляная река давно уже иссякла, благодаря окрестным бедуинам-грабителям, племен аккара и ургамма, вырубившим леса[1]. Недавно в руинах Зиана найдены античные статуи, римские надписи и другие драгоценные предметы.

1 V. Guerin, „Voyage archeologique dans la regence de Tunis“.

По Барту, в этой части морского берега, между Триполи и островом Джерба, некогда жили в большом числе коптские колонисты[1].

На западе, города Метамер и Каср-эль-Муденин, населенные отделами племени ургамма, стоят посреди равнины, на укрепленных горках; до занятия Тунисского регентства французами каср, или замок, Эль-Муденин выдержал осаду против армии бея. В этих городах можно наблюдать переход от пещерной архитектуры к архитектуре домов в собственном смысле. Постройки наружным видом походят на утесы, в которых овальные отверстия, сделанные на разных высотах, изображают входы гротов. При помощи наружных лестниц, грубо высеченных в камне, обитатели взбираются в эти искусственные пещеры, имеющие до пяти и даже до шести этажей. В соседних горах, преимущественно в горах Метмата, многочисленные жи-



Жилища въ Касръ-эль-Муденинъ.

лища, вырытые в пластах мягкого известняка, напоминают обиталища триполийских троглодитов. Пещеры, служащие жильем для людей и хлевом для животных, вырыты по бокам на дне открытой шахты с вертикальными стенками, но со двора к поверхности внешней почвы поднимается полого корридор, запираемый снаружи дверью. В окрестных равнинах тоже встречаются большие подземные камеры, в роде тех, какие выкапывали себе галлы, и какие до сих пор еще в употреблении в земле северных галласов: туда, без сомнения, туземцы прятались, чтобы не быть замеченными неприятелем, проходившим по стране[2]. В той же области Тунисского регентства найдены надгробные памятники в форме усеченных пирамид, помещенные внутри ограды из кольев или круга из менгиров или других мегалитов.

Остров Джерба, пространством около 64.000 гектаров (58.000 десятин),—самая населенная земля в Тунисском регентстве; пропорционально протяжению, он еще недавно был по-

1 „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.

2 Ch. Tissot, цитированное сочинение.

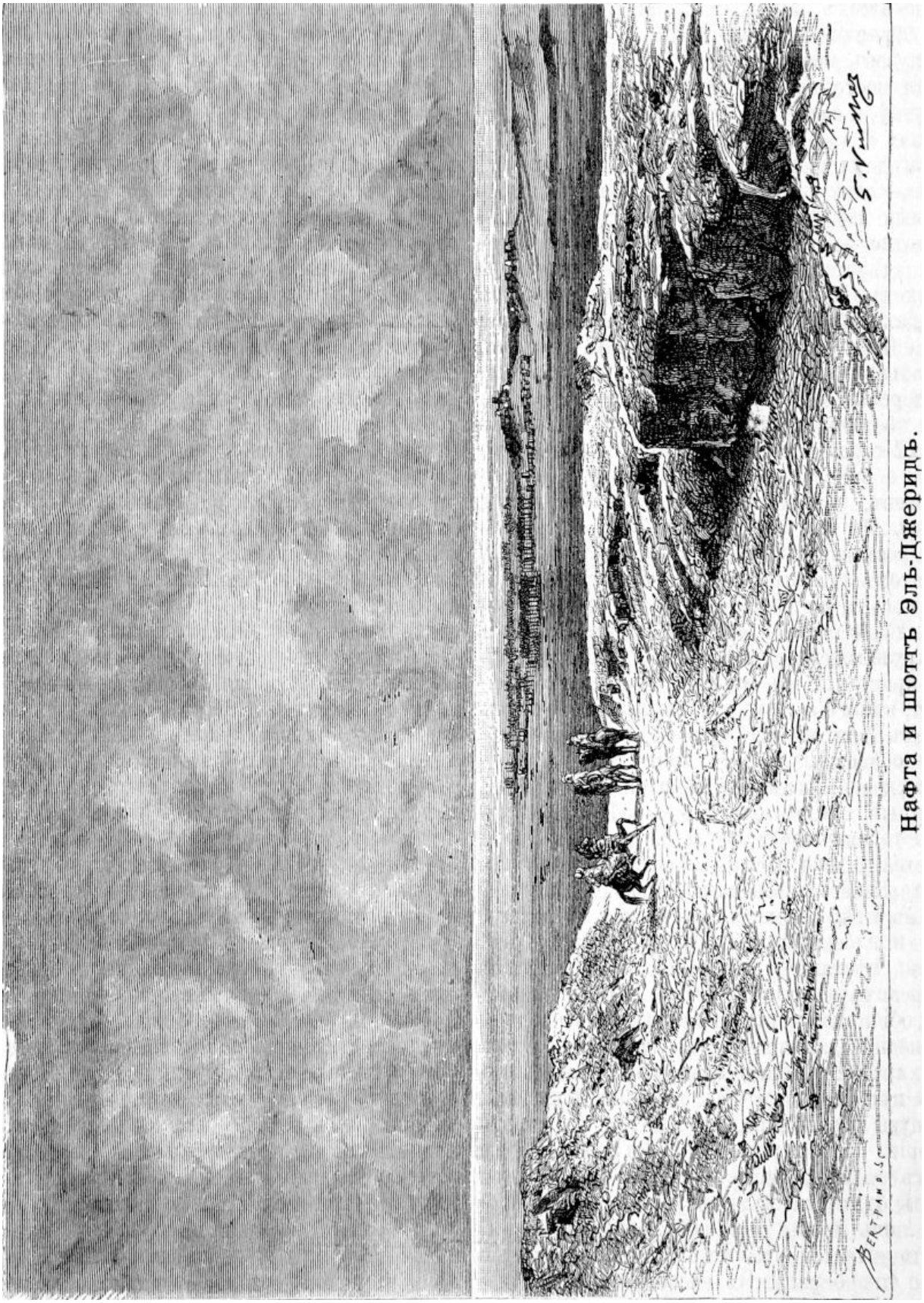
чти так же густо населен, как Франция, но несколько лет тому назад холера похитила много жертв. Его 40.000 жителей смотрят на свой остров как на один большой город, так как все значительные группы домов, защищенные фортами испанской конструкции, обозначаются именем *хумт*, или «квартал». Большинство джерабинцев живут небольшими поселками или отдельными дворами, огороженными забором. Весь остров возделан, и хотя вода для орошения получается только из колодцев и цистерн, он необычайно плодороден, благодаря упорному труду неутомимых берберов, обрабатывающих его почву. Тамошния оливковые плантации считаются лучшими во всей стране, и джербинское масло ценится гораздо выше производимого на материке. Другие плоды фруктовых садов, абрикосы, гранаты, винные ягоды, миндаль, тоже превосходны, а виноград, культивируемый преимущественно евреями, дает золотистое вино, которое сравнивают с винами Самоса и Санторина. Купы пальм, рассеянные среди садов, усажены ветками фиников, которые, хотя лучше керкенскпх, но много уступают белед-эль-джеридским: оттого эти деревья часто употребляются для производства пальмового вина, которое получается при помощи надрезов, делаемых на оконечности ствола. Земледелие, при всем трудолюбии джерабинцев, недостаточно для прокормления всего населения; прибрежные жители занимаются ловлей рыбы, осьминогов, губок; кроме того, гончары мастерят особого рода посуду, сообщая ей белый тон посредством погружения в морскую воду; многочисленные ткачи, работающие у себя на дому, выделывают одеяла и разные материи, шелковые, шерстяные и бумажные, которые высоко ценятся на тунисском базаре и вывозятся далеко за пределы страны, даже на рынки королевства Борну[1]. Молодые люди с острова Джерба массами уходят на заработки в большие города Тунисского и Триполийского регентств, подобно своим единоверцам-диссидентам, бени-мзабам; их можно встретить повсюду, даже на отдаленных рынках внутренней Африки, также как в Константинополе и в Египте. Однако, мальтийцы являются уже их конкуррентами на самом острове: в 1860 г. насчитывалось до трехсот этих пришельцев в главном местечке Джербы.

Древняя столица, носившая имя Менинкс, как и весь остров, была расположена на берегу восточного пролива, против твердой земли: оттуда начинался мост, соединяющий остров с континентом Африки. Стены этого большого города, еще приметные, имеют пять километров в окружности. Во всех частях острова, который в римскую эпоху был дачным местом для богатых купцов Бизацены, находят и другие развалины городов и вилл, но нигде не сохранились остатки зданий, замечательных своей архитектурой. На месте древнего Менинкса теперь виднеется лишь один из тех «борджей», или старых крепких замков, какие рассеяны по всей окружности острова; единственный «хумт», на южном берегу, заслуживающий имени города,—Аджим, построенный недалеко от западного пролива, через который проходят суда. Нынешняя столица Джербы лежит на северном берегу, в месте мало благоприятном для торговли, так как большие суда не могут там приставать и бросают якорь в нескольких километрах от берега. Этот город, или вернее собрание разбросанных жилищ, сборный пункт всех джербинских купцов, не имеет другого имени, кроме имени «Рынок»: это хумт Сук, или Сук-эль-Кебир. Евреи, очень многочисленные, единственные жители, сгруппированные в один сплошной квартал, живут в грязных, вонючих лачугах, обвешанных разным тряпьем; они утверждают, что предки их пришли на этот остров во времена вавилонского пленения. В центре католического кладбища одна колонна напоминает старинный бордж Риус, или «замок Голов», пирамиду из человеческих костей, которую турки воздвигли в 1560 году, складывая в кучу черепа павших в битве испанцев. В пятидесятых годах текущего столетия тунисское правительство велело убрать этот костник, в знак международной вежливости.

На континентальном берегу Малого Сирта самая значительная группа населения—та, которой дали название Габес. Это не город в собственном смысле, а совокупность местечек и поселков, рассеянных среди пальм; с моря оазис представляется островом зелени, где блестят там и сям белые стены; ручей, иногда пересыхающий в своем главном русле и почти

1 G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“;—Mohammed Abou Rasse Ahmed en-Naceur, „Description de Djerba“, trad. par Exiga.

всегда загражденный в устье песками во время отлива, вьется между деревнями, разветвляясь по всем направлениям бесчисленными ирригационными каналами. У входа этого уэда стоит бордж Джедид, или «Новый форт», окруженный досчатыми хижинами местечка, насе-



Нафта и шоттъ Эль-Джеридъ.

ленного торговым людом, mercanti, которое солдаты окрестили именем «города плутов»: так начали свою карьеру многие города. Выше, на обоих берегах, группируются дома Джары, главнаго населенного места этого оазиса: по самому плану ирригационных канавок, прове-

денных ломаной линией, как бы вокруг крепости, можно догадаться, что тут стоял укрепленный город. Это была, без сомнения, цитадель древнего города, первоначально карфагенского, потом последовательно римского, византийского, арабского, прежнее имя которого Та-Капа продолжает существовать под формой Габес, Габс или Кабес. Остатки римских зданий были употреблены на постройку местечка Джара и местечка Мензель, лежащего в версте от первого, на правом берегу уэда, в центральном пункте оазиса, где происходит рынок. Далее, к западу, рассеяно, среди садов, несколько других деревень. Эти различные группы жилищ оазиса заключают, вместе, около 10.000 постоянных жителей, между которыми насчитывают несколько сотен евреев. К малочисленной европейской колонии прибавился небольшой французский гарнизон, с тех пор, как Габес назначен главным пунктом одного из военных округов; недавно там основана франко-арабская школа. До прибытия французов, между Джарой и Мензелем происходили постоянные ссоры: отсюда, говорили в шутку, и самое имя провинции Арад, означающее «Раздор»[1].

Благодаря своим садам и полям, жители Габеса—одни из самых счастливых и зажиточных между населением Туниса. Земля, оплодотворяемая водой ирригационных каналов, делится на бесчисленное множество участков, разделенных живыми изгородями из кактусов, глинобитными стенами, переплетенными пальмовыми ветвями; фиговые, миндальные, померанцевые и другие фруктовые деревья растут смешанно под правильными веерами, которые распустили высоко в воздухе стройные финиковые пальмы; виноград обвивает свои кисти вокруг ветвей деревьев, и ячмень зреет в тени густой листвы. Но ни банан, ни сахарный тростник, составлявшие богатство Габеса в одиннадцатом столетии, теперь там уже не возделываются, и от прежних масличных лесов едва осталось несколько дерев. Плодородие окружающей почвы сделало Габес важнейшей пристанью в этой части морского побережья; вместе с тем он служит вывозным портом для альфы, производимой центральными областями Туниса; кроме того, и стратегическое его значение немаловажно. Расположенный на восточной окраине низменности, которая, через шотт Эль-Джерид, врезывается далеко внутрь африканского континента, Габес позволяет экспедициям огибать на юге, переходя из оазиса в оазис, горы и плоскогорья Туниса и Алжира: теми именно местами и ввозились, во время всех алжирских восстаний, оружие и боевые припасы; обширная контрабандная торговля, весьма опасная для прочности власти Франции на её сахарской границе, следовала этим окольным путем; так что, овладев Габесом, французы обеспечили за собой одни из ворот Алжирии. К несчастию, этот город не имеет гавани. Существовавшая некогда при Такапе бухточка, куда, впрочем, могли входить лишь мелкие суда, обмелела, а глубины, достаточные для больших судов, начинаются далеко от берега. В настоящее время изучают план устройства искусственного порта с помощью жете и драгажей; место выбрано против устья уэда Мелах, или «Соляного оврага», в который изливаются термальные воды Аин-Удрефа: артезианский колодезь, недавно вырытый близ уэда Мелах, на расстоянии километра от Средиземного моря, спускается на глубину 91 метра и дает обильную массу воды, которая бьет фонтаном на высоту 4 метров над уровнем почвы. Проект искусственной гавани дополняется проектом железной дороги, которая должна примкнуть к алжирской сети через Гафсу, Тебессу и Сук-Ахрас: Бона и Габес сделаются тогда двумя соответственными портами, между которыми торговое сообщение будет производиться непосредственно сухим путем, и коммерсантам не нужно будет, как теперь, обходить на севере тунисские мысы. Когда Габес, с устройством искусственного порта, в состоянии будет принимать суда большого водоизмещения, ни один город французских владений не будет представлять более выгодных условий, чтобы сделаться исходным пунктом будущей транссахарской железной дороги к озеру Цаде: оттуда же, без сомнения, будет начинаться продольный путь, направляющийся от моря к морю на юге острова Магреб, или Мавритании. Торговля нового города уже довольно значительна: вывозятся на пароходах альфа, финики, лавзония.

К западу от Габеса и близ южного берега шотта Эль-Феджедж, несколько селений, рассе-

1 Pelissier, цитированное сочинение;—O. Mac Carthy, рукописные заметки.

янных, подобно деревням Габеса, среди куп деревьев, составляют одно целое, известное под именем Эль-Гамма, или «Терм»: это Aquae Tacapitanae (Такапитанские воды) древних. Четыре источника горячей воды, которые дали свое имя всему оазису, и температура которых довольно высока, от 34 до 45 градусов Цельзия, еще утилизируются туземцами в заведении, построенном на развалинах древних терм. За оазисами Эль-Гамма, которые окружены песками и степями, где кочуют берберы племени бени-зид, нужно идти между крутыми склонами джебель Тебаги и берегами большой себхи, прежде чем достигнешь, километрах в шестидесяти, пальмовых плантаций области Нефзауа. В числе около сорока, эти плантации занимают, среди песков или в цирках скал, низменные части треугольного полуострова, который выдвинулся к северо-западу между шоттом Эль-Феджедж и шоттом Эль-Джерид. Самые многочисленные из них тянутся одна за другой по южной стороне цепи холмов и дюн, вдоль берега большого шотта; во многих местах они образуют сплошной лес пальм, очень красивый на вид, но иногда опасный для обитания, по причине вредных испарений, поднимающихся с прудов. В области Нефзауа нередко можно видеть от десяти до двенадцати стволов финиковой пальмы, выросших наклонно из одного корня, так что совокупность их имеет вид громадной корзины, которая снаружи обложена кругом гарнитурой из опадающих с ветвей фруктов.

Большинство деревень имеют ограду из стен и рвов, которые могли бы защитить их от нападения бедуинов, но не устояли бы против организованных военных сил. Кебилли, близ северо-восточной оконечности шотта Эль-Джерид, есть главное местечко на полуострове Нефзауа; в одной из соседних деревень к западу видны еще древние надписи, позволяющие думать, что в эпоху императора Адриана главное римское поселение находилось в этом месте. Оседлые жители оазиса Нефзауа, арабизованные по языку и религии, принадлежат к двум первоначальным расам, ныне слившимся в одно смешанное население: к черной расе земледельцев и к берберам племени нефзауа, ветви большого племени луата, пришедшего из Мармариды. Вокруг этих постоянных обитателей оазисов живут в шатрах кочевые арабские племена, по большей части мирные. Таковы меразиги, пасущие свои стада на юге области Нефзауа и посещающие рынок Дуз; иногда, в своих торговых экспедициях, они доходят до Гадамеса. Далее на юге, в редких оазисах и вокруг колодцев, окаймляющих южную часть шотта Эль-Джерид, кочует могущественное племя горибов, родственное алжирским народцам, живущим по уэду Суф, от которых оно отделено областью дюн. Не так многочисленно, но очень опасно по своей разбойничьей повадке племя улад-Якуб или «сыны Иакова», которое не следует смешивать с другим племенем того же имени, кочующим в горах, к югу от реки Меджерды. Улад-якубы пустыни бродят на юго-востоке полуострова Нефзауа, по высоким степям, откуда они командуют дорогами между Тунисским регентством и Гадамесом. Эти-то номады и прекратили, своими грабежами, прямое караванное сообщение между Тунисом и Нигрицией[1]. Туземные жители оазисов, как оседлые, так и кочевые, носят, подобно туарегам, вуаль, или «лицам», скрывающий лицо до основания носа. Тейсеренк де-Борт нашел в области Нефзауа множество каменных орудий.

К западу от полуострова Нефзауа, по другую сторону себхи Эль-Фараун, возвышаются холмы узкого перешейка, которому специально дали название Белед-эль-Джерид, «страна пальм», или просто Джерид, «Пальмовый лес», распространяемое часто на всю область южных оазисов. В самом деле, Джерид—по преимуществу страна финиковой пальмы. Окруженный шоттом и песками, защищенный от северных ветров горами, поднимающимися на северо-востоке, Джерид действительно имеет тот «огненный воздух», который всего более соответствует листве пальм; в то же время, он обладает в своих обильных источниках водой, необходимой для корней, и эта вода, более высокой температуры, чем воздух, образует настоящие горячия реки, ускоряющие развитие деревьев. Оазисы Джерида—это, по выражению Дюверье, «естественные теплицы», где можно бы было культивировать растения тропических стран, растения, свойственные Антильским островам и Сондскому архипелагу; но их

1 Henri Duveyrier, „La Tunisie“.

великолепные финики, из которых самые лучшие прежде оставлялись для стола бея, апельсины, не менее высоко ценимые, фрукты всякого рода, овощи и зерновые хлеба вполне достаточны для местного населения, и материальное благосостояние было бы всеобщее, если бы не тяжелые налоги, которыми обременены жители этого благодатного уголка. В Джериде насчитывают около миллиона финиковых пальм, хотя общее пространство, занимаемое садами, не превышает двух тысяч гектаров (1.830 десятин); из этого числа (по Дюверье и Тейсеренку): в оазисах Тозер—313.000, Нафта—240.000, Эль-Удиан—188.000, Эль-Гамма—80.000 пальм.

До двадцати тысяч верблюдов приходят ежегодно за грузами этих плодов[1]. Кроме того, здешния женщины занимаются ткацким промыслом и выделывают бурнусы, хаики, одеяла, очень ценимые во всей Мавритании. Но жители Джерида не пользуются уже, как в средние века, когда они были поставщиками невольников на рынки Туниса, выгодами непосредственной торговли с морскими портами и городами Сахары. Теперь эта торговля находится в руках посредников, поселившихся в их крае, преимущественно евреев и мзабитов, которые и отправляют произведения оазисов на отдаленные рынки. Оазис Нафта был прозван Марсат-эс-Сахара, или «Портом пустыни»: и теперь еще показывают место, откуда, будто-бы, отправлялись корабли и где, говорят, даже был найден остов судна[2].

Арабским городам во всей «стране финиковых пальм» предшествовали города римские, остатки которых видны до сих пор, хотя большая часть материалов с этих развалин была употреблена на постройку мечетей, монастырей, укреплений: в оазисе Тозер распределение вод и теперь еще регулируется римскими плотинами. Как в большей части оазисов, в Джериде городские населения не составляют сплоченных городов, а состоят из отдельных кварталов, рассеянных среди садов. Нафта, западный оазис, пользующийся некоторого рода религиозным первенством, во внимание к тому, что известное число его обитателей—«сыны Пророка», заключает в себе девять отдельных деревень и четыре монастыря (зауйа); Тозер, самый большой и самый населенный из этих оазисов, служащий административным центром всего Джерида, делится на девять кварталов; в Эль-Уидане, восточной группе оазисов, население распределяется между несколькими деревнями: Дгаш, Криз, Седдада, довольно отдаленными одна от другой; наконец, оазис, называемый Эль-Гамма или «оазисом Терм», подобно оазису, находящемуся в соседстве Габеса, приютил под тенью своих пальм четыре группы домиков: обильный горячий источник (36°), от которого он получил свое имя, и приемником которому служит бассейн римской постройки, имеет слегка серную воду, и туземцы приписывают ему чудодейственную силу, которой он обязан заслугам одного святого, погребенного под соседним куполом. Одна скала, возвышающаяся к северу от селения Криз, в оазисе Эль-Удиан, изрыта древними каменоломнями и пещерой, известной под именем «грота Семи спящих отроков». С вершины этой горки, господствующей над самой узкой частью перешейка, между шоттом Эль-Джерид и шоттом Эль-Гарса, открывается чудный вид на архипелаг оазисов и на два обширные пространства, некогда озерные, которые теряются за линией горизонта на востоке и западе. На севере высятся другие горы, называемые «Усами равнины», откуда лазутчики племени гамамма высматривали в окружающем пространстве караваны или одиноких путешественников и сообщали о появлении их грабителям, спрятавшимся в засаде подле дороги. Недалеко от Криза, на северном берегу шотта Эль-Джерид, виднеется, начертанная на скале, круглая фигура с полумесяцем наверху: Тиссо считает это изображение, представляющее луну, памятником древне-ливийского культа. Нравы джеридцев несколько отличаются от нравов соседних племен: эти последние корят их тем, что будто они питаются собачьим мясом.

В долине уэда, который под именем Тарфауи, или «ручья Тамарисков», теряется под конец в песках, на восточной оконечности шотта Гарса, следуют один за другим несколько оазисов, разделенных дикими пустынями. Около начала уэда, называемого в этом месте Бу-

1 Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.

2 Tissot, „Geographie comparee de la province remaine d’Afrique“.

Гайя, находится первый оазис, по имени Фериана, два поселка которого образуют зауйю, или монастырь: окрестные номады, принадлежащие к племени улад-сиди-абид, составляют род братства. Убогия постройки Ферианы кажутся таким ничтожеством в сравнении с рим-

Типы и костюмы крумировъ.

ским городом, вероятно, Телептом, который некогда стоял в соседстве. Руины, пройденные Гереном, занимают пространство по меньшей мере пять километров в окружности, и почти все камни, из которых были построены публичные здания, театр, бани, а также и частные

дома, поражают громадностью размеров. Гора, откуда извлекался этот строительный материал, выломана на большую глубину: исчезли целые пласты её массы; вершина этой горы-каменоломни увенчана старинным замком. Кроме развалин Мединет-эль-Кадимах, или «Старого города», на обоих берегах уэда, теперь необитаемых, встречаются, многочисленные остатки римской эпохи, преимущественно могилы. На юге от оазиса Фериана виднеется почернелая, словно обугленная, скала, известная под именем Хаджар-Сода, или «Черного камня»; в Джериде, близ оазиса Эль-Гамма, Герен открыл другую каменную глыбу такого же вида. По мнению французского путешественника, эти «Черные камни» не что иное, как аэролиты.

Оазис Гафса, причисляемый иногда к Джериду, хотя он отделен от Кризского перешейка пустынным и безводным поясом, шириной в добрый день ходьбы, лежит на главном изгибе уэда Бейаш, составляющего продолжение Бу-Гайя и принимающего в низовье имя Тарфауи. Город, который из всех населенных мест южного Туниса имеет наибольшее число жителей, соединенных в одной сплошной группе домов, стоит на террасе, окруженной, на расстоянии нескольких километров, цирком скал и гор; одна из этих гор изрыта глубокими каменоломнями, разветвляющимися в целый лабиринт подземных галлерей. Основанный Мелькартом, или Ливийским Геркулесом, этот древний город, Кафаз финикиян (то-есть «обнесенный стеной»), Капса римлян, имя которого почти не изменилось в течение веков, есть, может-быть, как полагает Маннерт, тот самый Гекатомпил, где карфагенский полководец Ганнон одержал свою знаменитую победу во время второй пунической войны. Во все времена хорошо понимали стратегическую важность этого оазиса, лежащего на крайнем пределе возделываемой области, при выходе из области гор, между песчаной равниной Амра и воротами пустыни: здесь граничат две зоны, различающиеся видом и жителями. Касба, вооруженная пушками, защищает этот пограничный город от набегов племени гамамма; теперь тунисские солдаты заменены в ней французами; Гафса сделалась главным пунктом военного отдела. Это город ученый, где говорят, как и в Джериде, гораздо более чистым языком, чем на побережье[1]. Сохранившиеся античные колонны, надписи, стены напоминают еще римскую Капсу, и во многих новых постройках можно признать камни, вынутые из древних зданий. К югу от города тянется обширный лес, заключающий более ста тысяч пальм, под тенью которых растет второй лес фруктовых деревьев. Финиковые пальмы, еще более высокие, чем в Нафте, дают не менее вкусные плоды. Вода, питающая пальмовый лес, всегда течет в изобилии, орошая корни своим теплым течением; жителям оазиса не приходится оспаривать друг у друга её драгоценный поток. Три главных источника (температура от 29 до 32 градусов Цельсия) наполняют бассейны римской постройки, известные до сих пор под именем *термиль*; арабы приходят туда купаться, пользуясь для этого клетками, устроенными в стенах окружности. В этих теплых водах живут во множестве рыбы из рода *chromis*, повидимому, приближающиеся, по своим отличительным признакам, к исключительно морским формам[2]; речные черепахи, черные змеи нового вида *tropidonotus* тоже плавают в бассейнах и ручьях Гафсы. Подобно другим оазисам южного Туниса, Гафса является также промышленным центром, главным образом по ткацкому производству, и его шерстяные и шелковые хаики, сбытом которых занимаются местные евреи, высоко ценятся на тунисском рынке; стада племени хамамма доставляют жителям оазиса сырой материал для выделки одеял и бурнусов.

Древне-римская дорога, отысканная Ребателем и Тираном, соединяет Гафсу с побережьем Малого Сирта, проходя мимо фонтанов и через небольшой оазис Эль-Геттар, страну камедного дерева, затем мимо минеральных источников Бу-Гедма. Вдоль морского берега, на север от Габеса, становища и селения следуют одно за другим, через длинные промежутки, в территории племени мегадеба, «мирных потомков одного почтенного марабута»; важнейшее населенное место прибрежья—маленькая, ныне пришедшая в упадок, гавань Ма-

1 Pellissier, „Description de la Regence de Tunis“.

2 Tristram;—Redatel et Tiraut, „Tour du Monde“, 1875, 1-er semestre.

хрез, имеющая менее тысячи жителей, которые занимаются по большей части производством разного рода плетеных изделий. Далее, деревня Бограра расположилась среди развалин пунико-римского города Гиетис[1].

Сфакес (Сфакс), лежащий на берегу пролива шириной около 50 километров, отделяющего архипелаг Керкенна от твердой земли, по числу жителей занимает второе место между городами Туниса; население его, не превышавшее в 1848 году, по приблизительному исчислению Пелисье, 8.000 душ, увеличилось с того времени в пять раз (ныне около 42.000 чел.); жители тесно скучены в высоких домах, окаймляющих узкия улицы города, и в новом квартале, который выстроился за юго-западным валом вдоль берега. Издали видны только белые стены четыреугольной городской ограды, да высокие минареты мечетей; башни, зубчатые стены, угловые бастионы придают целому средневековой вид, какого не имеют в той же степени другие укрепленные города Туниса; на южном углу ограды стоит цитадель, построенная, говорят, христианскими невольниками. Занимая довольно возвышенное положение на покатой местности, Сфакс не имеет постоянных потоков, ни даже ключей или колодцев, и довольствуется водой из цистерн, из которых одни находятся в самом городе, другие за городской стеной. В окрестностях видны еще кое-какие римские остатки, но до сих пор не нашли ни одной надписи, по которой можно бы было установить тождество города с той или другой станцией, упоминаемой древними авторами; вероятно, это была Тафрура. Верстах в двадцати к юго-западу, на берегу залива, находятся развалины Тине, очевидно, остатки римской Тины (Thinae), крайнего пункта рва, который Сципион Младший велел выкопать на юге римской территории, чтобы отделить ее от Нумидии.

Евреи и европейцы, мальтийцы, итальянцы и французы, в числе около семи тысяч (европейцев—5.000, евреев—2.000), живут почти все в нижнем городе, куда их призывают торговые дела, и который соединен недавно насаженным бульваром с лагерем, расположенным на северной стороне города; мусульмане населяют верхний город, обнесенный стенами. Жители Сфакса, «сфаксика», отличаются от своих тунисских единоверцев. Их можно сразу узнать уже по некоторой разнице одежды, так как они не хотят, чтобы их смешивали с тунисцами; но особенно характером и нравственными качествами они выгодно отличаются от других горожан: у них больше инициативы, больше усердия в работе, больше смышлености и изобретательности; они во всем более деятельны и более серьезны, чем их соседи. Сфакесцы слывут ревностными мусульманами, даже дети исправно посещают мечети, и женщины усердно читают молитвы. Во время занятия Тунисского регентства французскими войсками в 1881 году, жители Сфакса вполне доказали свой патриотизм; они почти одни оказывали энергическое сопротивление иноземному нашествию и дрались отчаянно во время бомбардирования, которого, впрочем, легко было бы избегнуть. Многие учреждения Сфакса свидетельствуют о развитии у жителей его духа общественности: не говоря уже о мечетях и монастырях (зауйя), они основали также госпиталь, прекрасно содержимый; находящийся за городской стеной центральный бассейн, называемый «Помощью», обязан своим происхождением щедрости одного гражданина; окружающие его «триста шестьдесят пять» цистерн, расположенных на подобие склепов некрополя, тоже напоминают о духе солидарности, которым проникнуты богатые жители в отношении своих мусульманских братий. Другие большие резервуары построены в окрестностях города, а дома снабжены аппаратом, который позволяет прохожим утолять жажду, втягивая через наружную трубку воду из скрытого резервуара; теперь думают устроить водопровод длиной около 60 километров, который доставлял бы в город воды массива Бу-Гедма. О трудолюбии сфакесцев свидетельствуют их прекрасно возделанные земли, сады и плантации, которые за песчаной полосой, опоясывающей город в виде круговой дороги, тянутся на пространстве от семи до двадцати верст в ширину; в последние годы насажено вокруг Сфакса слишком миллион оливковых деревьев[2]; в 1874 году общее производство масла (оливкового) в окрестностях Сфакса исчислялось до 27 миллио-

1 Massonet, „Expedition au Jaguar en 1883“.

2 Melon, „De Tunis a Palerme“.

нов литров (около 220.000 ведер). В городском округе насчитывают от восьми до десяти тысяч огороженных участков, разделенных живыми изгородями из кактусов, засаженных фруктовыми деревьями и доминируемых борджем, четыреугольной башней, в которую владелец прячет свои рабочие инструменты, и которая, в случае надобности, могла бы выдержать осаду против шайки грабителей. Равнина, уставленная тысячами этих маленьких крепостей, походит на возделанные поля Северной Персии, приведенные в оборонительное положение против нападений туркмен. В летнюю пору почти все жители, владеющие земельным участком, переселяются в деревню; город совершенно пустеет. Сфакс лежит на естественной границе между областью маслин и областью пальм; эти два вида представлены там в меньшем числе, чем на севере и юге этой полосы: в последней встречается сравнительно больше других фруктовых дерев—миндальных, абрикосовых, фиговых, персиковых, фисташковых и виноградной лозы; но в эти последние годы культура масличного дерева получила большое развитие. Пояс оливковых рощ каждый год увеличивается на несколько сот метров; если это возрастание пойдет и далее в той же пропорции, то сфакесцы скоро включат в свои сады все отдельные лески маслины,—называемые «маслинами бея», потому что они не имеют признанных владельцев—и плантации их распространятся до Эль-Джема[1]. Что касается пальм, то плоды их, плохо вызревающие по причине частых дождей, идут лишь в корм скоту. Из овощей в садах Сфакса всего больше разводятся огурцы, *факус*, слово, от которого иные производят и самое имя города: по Шау, Сфакес или Сфакс означает «город огурцов».

Кроме земледелия, сфакесцы занимаются также очень деятельно промышленностью и торговлей. Вообще они не пренебрегают никаким родом труда, как мусульмане многих других городов. Сфакесский рынок так же обильно снабжается товарами, как и тунисский. Этот город ввозит шерсть, кожи, европейские товары и продает в обмен оливковое масло,—больше для промышленных надобностей, чем для употребления в пищу,—фрукты всякого рода, виноград, винные ягоды, миндаль, губки и сушеную рыбу, подвозимую рыболовами с островов Керкенна; в последнее время английские суда приходят сюда также за грузами альфы, которая собирается на западе в равнинах и долинах, где кочуют мирные арабские племена металит и нефет. К сожалению, Сфакс не имеет гавани для принятия больших кораблей; суда, глубоко сидящие в воде, должны бросать якорь в 3 верстах от берега; сандалы, мистики и другие мелкие суда подходят к самому городу, благодаря приливу, но и те стоят на илистом дне в часы отлива; по крайней мере рейд, защищенный с востока мелями и архипелагом Керкенна, представляет совершенно безопасное место для стоянки судов. Эти рыбачьи острова не имеют городов, а только деревни и поселки (по Шове здесь ежегодно ловится рыбы на сумму около 100.000 франков). Аннибал, Марий находили там убежище; служившие местом изгнания при господстве римлян, острова Керкенна были местом ссылки еще недавно, при правлении беев; туда интернировали женщин, изобличенных в прелюбодеянии. У жителей архипелага с давних времен есть виноградники; эти островитяне не видят никакого греха в употреблении вина[2].

В то время, как береговая дорога направляется на северо-восток, чтобы обогнуть рас-Капудиа, самый восточный мыс Туниса, дорога из Сфакса в Сузу, построенная еще римлянами, следует в северном направлении, проходя по землям племени металит. Около середины этой дороги в древности стояли, в некотором расстоянии один от другого, два важных города, Bararus и Thysdrus, превратившиеся ныне в геншир, или «ферму», Руга и убогую деревушку Эль-Джем. Развалины Барара занимают пространство около 5 километр. в окружности и заключают в себе остатки театра, триумфальных ворот и других зданий, тогда как в Тисдре существует еще один из замечательнейших памятников Африки, амфитеатр, сохранившийся лучше всех других зданий этого рода, оставленных нам древним миром, не ис-

1 Rouire, „Revue de Geographie“, май 1892.

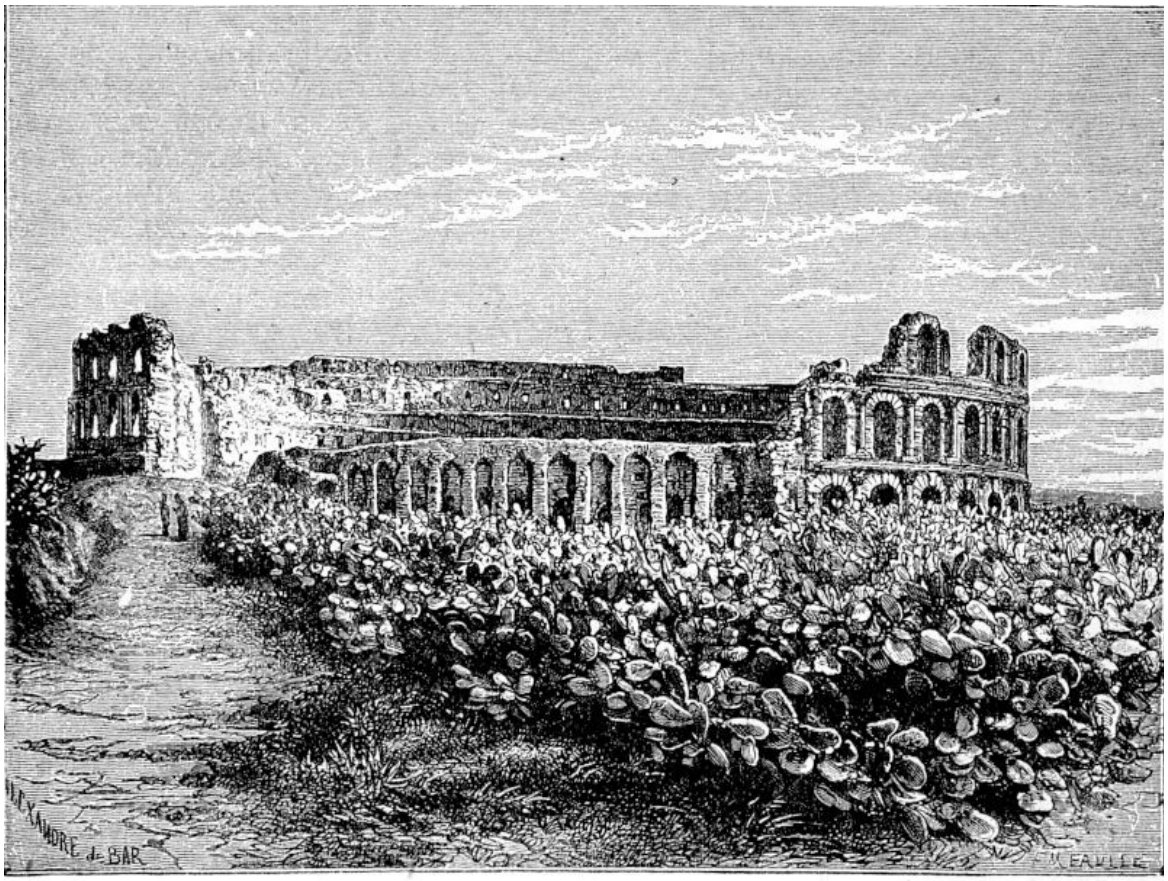
2 Nachtigal, „Sahare and Sudan“.

ключая и амфитеатра Помпеи[1]. Когда эта область Туниса, в наши дни почти пустынная, прокармливала многочисленное население, Тисдр, благодаря своему центральному положению, был наиболее подходящим местом для празднеств и общественных увеселений; со всех сторон стекался народ в его колоссальный амфитеатр, который, как полагают, был, если не построен, то по крайней мере основан Гордианом Старшим, в знак признательности за провозглашение его императором в городе Тисдре. Там же, в эль-Джемском амфитеатре, на собрании старшин и депутатов южных племен Туниса, в 1881 году, было решено поголовное восстание против французов[2]. Уже с расстояния 10 слишком верст кругом ясно видна громадная масса, стоящая на широком бугре высотой около 185 метров: издали ее можно принять за каменную гору; но когда подойдешь ближе, эта громада скрывается за густым лесом гигантских смоковниц варварийских, между которыми извивается ведущая к амфитеатру тропинка. По измерениям Паскаля Коста, колизей древнего Тисдра, один из обширнейших во всем римском мире, имеет 150 метров (70 сажен) длины по большой оси, 130 метров по малой оси, направленной почти точно с севера на юг; вероятно, он был построен по образцу амфитеатра Флавиев в Риме. Эллиптический фасад, состоявший некогда из 68 аркад, поддерживавших три этажа с коринфскими колоннадами, представляет замечательное единство стиля, но он уже не полный: в 1710 году, вследствие возмущения арабов, тунисский бей Могамед велел взорвать на воздух пять аркад на восточном фасе, и с того времени брешь была постоянно увеличиваема эль-джемскими металитами, которые пользуются материалами амфитеатра для постройки своих лачуг и даже продают их окрестным строителям. Внутри здания большая часть расположенных ярусами лавок исчезла, и обломки их осыпались в виде откоса: это разрушение приписывают преобразованию, которому знаменитая Кагина, или «Жрица», велела подвергнуть амфитеатр, когда она защищалась там против арабских завоевателей, в 689 году. Предание окружающих племен, прославляющее Кагину, хотя она была врагом арабов, рассказывает, что эта воинственная женщина, вероятно, еврейского происхождения[3], как большое число берберов в ту эпоху, стала во главе своих соотечественников и греков, их союзников. Вынужденная запереться в амфитеатре, который с того времени стали называть, по её имени, Каср-эль-Кагина («крепость Кагины»), она выдержала там трехлетнюю осаду; подземный ход, служивший несомненно для снабжения навмахии продовольствием, указывается арабами как остаток потайной дороги, посредством которой гарнизон поддерживал сообщение с морским берегом и получал съестные припасы. Самый город мало оставил по себе развалин, но раскопки обнаружили там колонны огромных размеров и глубокия цистерны. По словам Руира, номады этой области постепенно замещают оседлые населения; каждая деревня, покинутая жителями, сейчас же занимается бродячими туземцами, которые основывают там свой главный рынок и переносят туда гробницы своих святых.

По мнению металитов, песчаник, служивший материалом для постройки Эль-Джемского амфитеатра, был извлекаем из каменоломен Бу-Джерид, находящихся на морском берегу, в небольшом расстоянии к югу от Махдии (иначе Мехедия), «Города Махди». Названная так по сану своего основателя или восстановителя, махди Обеид-Аллаха, в 912 году, Махдия сразу сделалась важным городом, благодаря своему стратегическому положению: христианские мореплаватели Средиземного моря долго называли ее просто Африкой, видя в ней главный укрепленный город всего черного континента[4]. Оттого она часто подвергалась нападениям. В 1147 году норманн Рожер Сицилийский овладел Махдией, но магометане взяли ее обратно тринадцать лет спустя. В 1557 году император Карл V, наконец, занял город своими войсками, после кровопролитного штурма, и велел срыть укрепления. С той эпохи стены не были поправляемы и проломы увеличились: форт, защищавший узкий перешеек, которым полуостров города соединялся с материком, лежит теперь в развалинах; говорят, прежде

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
2 G. Rouire, „Revue de Geographie“, mai 1882.
3 H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres“.
4 V. Guerin, „Voyage archeogique dans la regence de Tunis“.

существовал канал, соединявший два залива. Старый порт, вырытый рукой человека, как гавани Утики и Карфагена, засыпан обломками, и суда, приходящие грузиться оливковым маслом, фруктами, губками, должны бросать якорь в рейде. Иностранная колония, состоящая, как и во всех других городах прибрежья, из мальтийцев, итальянцев и французов, поселилась в Махдии для отпускной торговли и для ловли сардинок; вместо дюжины барок, как было прежде, теперь насчитывают в порте более двух сотен; с мая по июль воды моря в тех местах буквально кишат рыбой, так что каждая барка налавливает, средним числом, от 200 до 300 килограм. (от 12 до 18 пудов) сардинок в одну ночь. Для дневного лова тамошние моряки расстилают на воде альфовые циновки, под тенью которых и собирается рыба. Тогда рыбаки осторожно приближаются, окружая сетями все пространство, занимаемое циновкой и укрывшимися под нею рыбками[1]. На юго-западе, в удаленной от моря возделанной лощи-



Эль-Джемскій амфитеатръ.

не, находится местечко Кур-эс-Сеф, более многолюдное, чем Махдия: оттуда-то и получаются почти все местные произведения, отправляемые купцами древней «Африки».

В нескольких километрах к западу от Махдии раскинулся, на пространстве многих квадр. километров, античный некрополь, могилы которого, вырытые в скале, Ренан уподобляет могилам Арада, в Сирии; не подлежит сомнению, что в этом месте стоял финикийский город[2]. Вся окружающая местность усеяна развалинами древних городов. Верстах в двадцати к югу, нынешний «генширъ» (ферма) Селекта занимает местоположение города Syllectum, а далее, близ рас-Капудиа, Caput Vada римлян, бордж (башня) стоит на месте византийского города Юстианополя. На севере, на остроконечном мысе рас Димас, где находится порт, защищенный остатком жете, загороди, сложенные из античных камней цистерны, эллиптическая стена амфитеатра, арена которого теперь распахана, указывают, близ Бокальты, место, где был расположен карфагенский город Тапс (Thapsus), прославившийся в истории победой, одержанной там Юлием Цезарем над Сципионом и нумидийским царем Юбой. Далее,

1 Cagnat et Saladin, „Tour du Monde“, 1885, premier semestre.

2 Melon, цитированное сочинение.

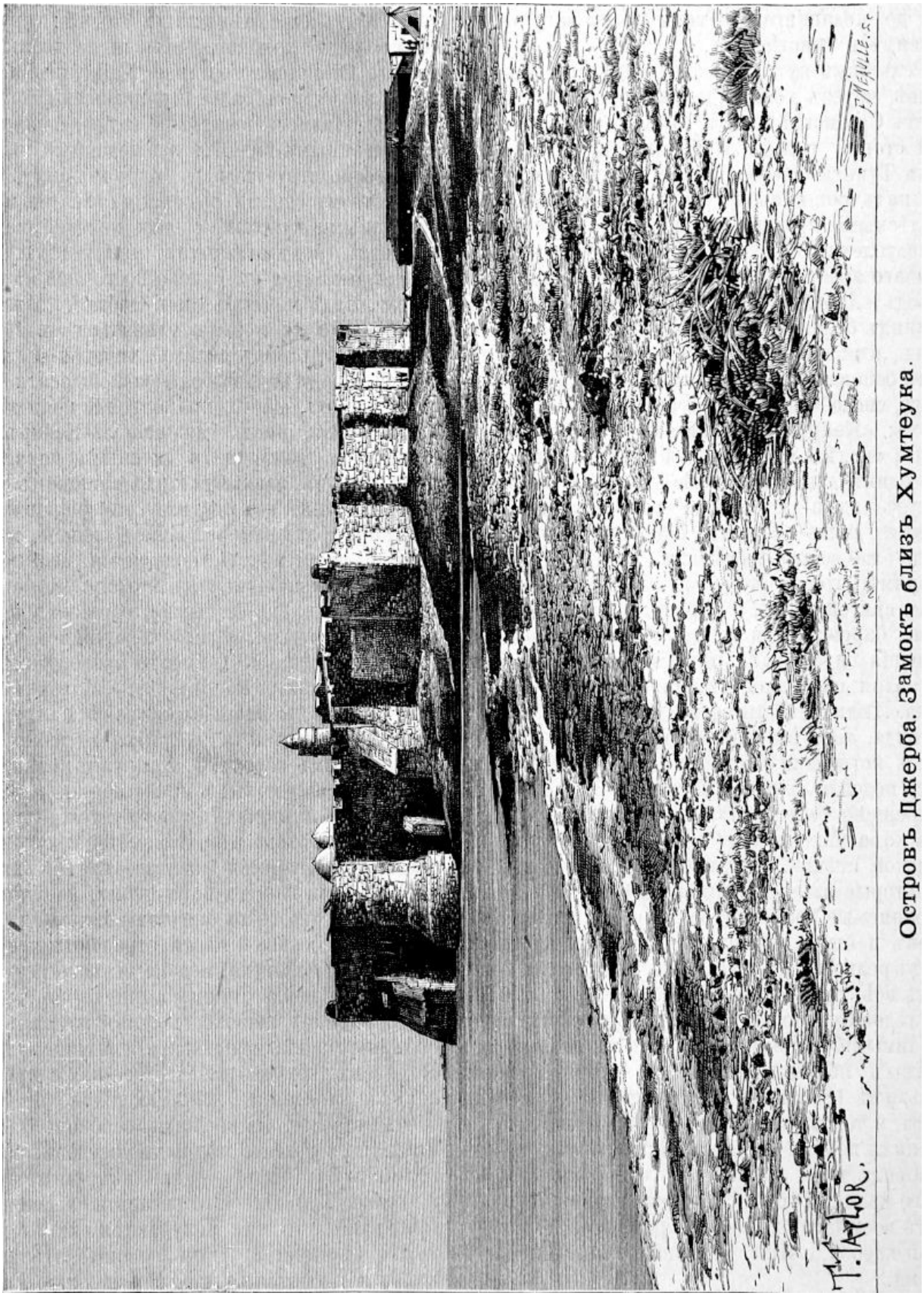
на части побережья, лежащей против островов Куриатейн, местечки Тебульба и Мокнин, окруженные масличными рощами, также занимают местоположения античных городов. Затем береговая дорога идет на Лемту, деревню, сменившую собою Leptis Minor, или «Малую Лептиду», названную так по сравнению с «Большой Лептидой» нынешнего Триполи. Несмотря на свое имя, «Малая Лептида» была значительным городом: развалины её раскинуты по берегу моря на пространстве около 4 километров, и между ними видны еще следы водопровода, амфитеатра, набережных и жете. Древний порт превратился в уэд, носящий название уэд-эс-Сук или «Долина Рынка». В настоящее время самый многолюдный город этого округа—Джемаль, построенный внутри материка, к юго-западу от Лемты.

Монастир, или Мистир, напоминает, может-быть, своим именем, что он был когда-то христианским монастырем, но в древности это был карфагенский и римский город, вероятно, Рустина, то-есть «Голова Мыса»[1]. Подобно Сфаксу, он огорожен зубчатой стеной, с башнями по бокам, из-за которой показываются куполы и минареты многочисленных мечетей, и которая окружена великолепным масличным лесом, широким поясом тени и прохлады. Еще недавно Монастир был населен мусульманами-фанатиками, не терпевшими в своем городе никакой другой веры, кроме магометанской; но со времени установления правильного пароходного сообщения стала мало-по-малу возрастать европейская колония, и теперь это самый чистенький, наилучше содержимый город во всем Тунисе. Недалеко от мыса, юго-восточный угол которого занимает Монастир, находится маленькая группа островов, из которых один изрыт множеством (около пятидесяти) искусственных гротов, вероятно, финикийского происхождения; они служили недавно пристанищем рыбакам, занимающимся ловлей тунца, а иногда их употребляли как место карантина для матросов и путешественников. Далее на востоке, группа островов Куриатейн, соединяющаяся с массивом мыса Димас перешейком из подводных скал и мелей, есть, по мнению Тиссо, остаток значительной земли, существовавшей в пуническую эпоху; но документы, на которых основывается эта гипотеза, недостаточно точны, чтобы можно было придавать ей большую цену.

Суза, главный город тунисского Сахеля, считается вторым городом Тунисского регентства, если не по числу жителей,—так как в этом отношении он уступает Сфаксу,—то по крайней мере по стратегической важности. Большая часть окружающей территории возделана, и почти все население живет оседло. Суза—порт Кайруана, главного города и военного центра внутреннего Туниса. Основанная финикиянами, она тоже была столицей края. Под именем Гадрумета (Hadrumetum), она была в римскую эпоху главным местом провинции Бизацены, и богатства её, также как важное стратегическое положение, часто привлекали к ней иноземных завоевателей: вандалы, арабы, испанцы и французы поочередно осаждали и штурмовали ее, разрушали или бомбардировали; развалины различных эпох нагромождены в виде горок; обломки с античными изваяниями и надписями употреблены как материал для постройки нынешних домов, но от больших зданий, о которых говорят средневековые арабские писатели, как, например амфитеатра, не сохранилось никаких следов. Древний храм представляет теперь кучи мусора, Хаджар-Маклубах или «Опрокинутый Камень»[2], а круглый карфагенский порт, или «котон», походивший на гавани Утики и Карфагена, можно признать только по двум крайним воротам шлюзов[3], каменным массам, которые издали легко принять за скалы; наибольшая часть гавани была засыпана и обращена в эспланаду. Также как почти во всех старинных городах Туниса, цистерны, более драгоценные, чем всякия другие постройки, содержались или ремонтировались при всех правительствах. Что касается некрополей различных веков, то они образуют почти полный круг около города: самые древние, в которых еще видны погребальные камеры, высеченные в нежном известняке, напоминают внутренним расположением своих галлерей могильные склепы Финикии и Палестины. Римская цистерна и теперь еще снабжает город водой.

1 Ch. Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique".
2 H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres".
3 Victor Guerin, цитированное сочинение;—Daux „Annee geographique", 1869.

Современная Суза, подобно другим городам восточного Туниса, окружена большим четыреугольником каменных стен, с башнями по бокам и касбой, или замком, на одном из углов. Вне этой ограды, имеющей около трех километров в окружности и заключающей внутри ла-



Островъ Джерба. Замокъ близъ Хумтеука.

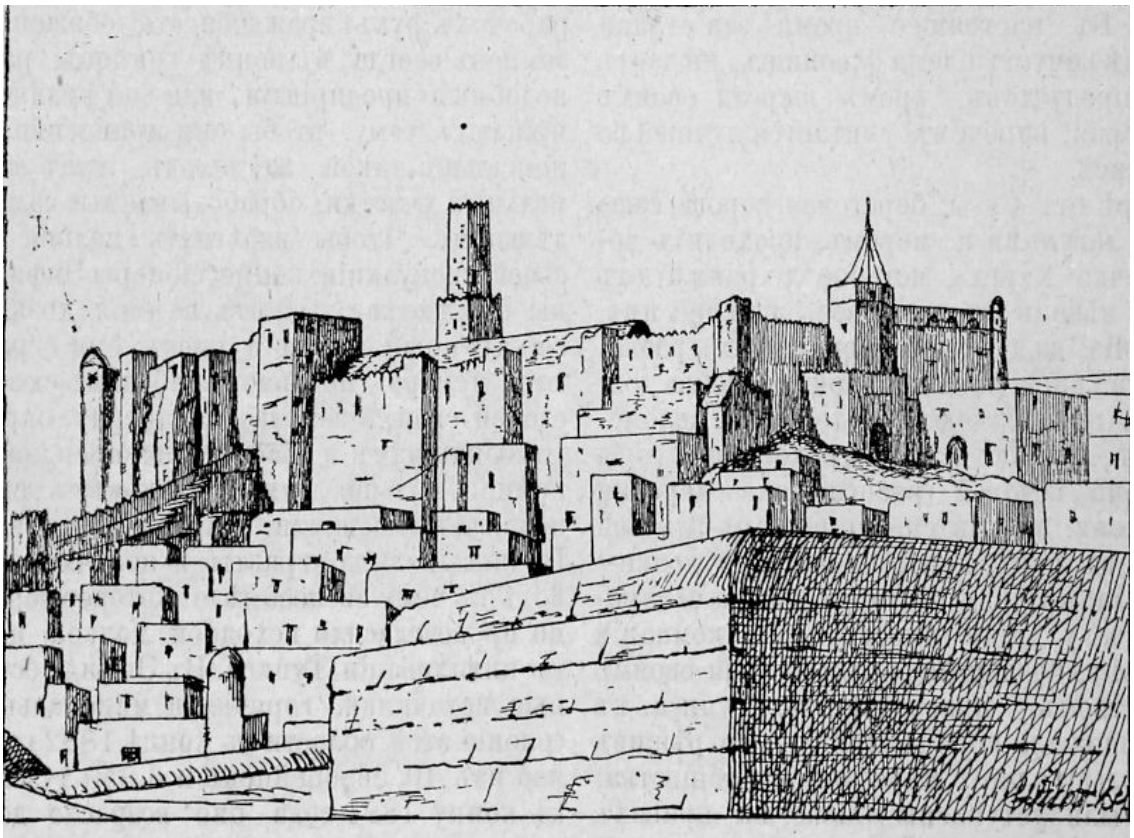
биринт кривых улиц, выстроился, в соседстве берега, новый, открытый город, далеко не такой живописный, как старый. В новом городе находятся склады купцов, еврейских и европейских, с их цистернами для оливкового масла, содержимое которых отправляется в Мар-

сель для фабрикации мыла. Средний годовой вывоз масла из Сузанского порта составляет 40.000 гектолитров, на сумму около 4 миллионов франк.; а общая ценность внешней торговли Сузы простирается до 10.000.000 франк. Число оливковых деревьев в Сузанском сахеле считают миллионами, и плантации могли бы быть еще расширены, хотя в иных местах позволяют пескам засыпать культурные земли. До недавнего времени бочки с маслом, отправляемые сузанскими торговцами на корабли, стоящие в рейде, спускались прямо на воду и буксировались шаландами, которые тянулись одна за другой длинными вереницами; на обратном пути шаланд опорожненные бочки выбрасывались за борт и, подхваченные прибоем, сами подплывали к берегу, где владельцы распознавали свое добро; теперь искусственная дамба принимает пассажиров и товары, подвозимые к берегу на шаландах или барках. Сицилийские шлюпки приходят ловить сардинок в водах Сузы, не менее богатых рыбой, чем воды Махдии, и пойманная ими добыча отправляется в Грецию и в Далмацию[1]. Итальянцы и мальтийцы, очень многочисленные в Сузе, до недавнего времени составляли почти все европейское население города; но большинство не-мусульман состояло из евреев; их насчитывалось около двух тысяч душ, и вся внутренняя торговля была сосредоточена в их руках. Сотни негров, сыновья бывших невольников, занимаются ремеслом каменщиков, землекопов, белильщиков домов, а со времени французской оккупации стали приходить из Алжира кабилы и арабы искать счастья в Сузе: благодаря знанию французского языка, они служат большей частию переводчиками и подмастерьями. Здешние магометане, между которыми нередки блондины с голубыми глазами, энергически протестуют, когда их называют арабами: «мы—сузанцы», говорят они с гордостью[2]. Между окрестными местечками некоторые, по числу жителей, не уступают самому городу. Такова Келаа-Кебира, в 13 километрах к северо-западу от Сузы; другой пригород, Мсакен, окруженный густым оливковым лесом, лежит в 11 километр. к юго-западу: это святое место мусульман, вход в которое до недавнего времени был запрещен евреям и христианам.

Рельсовый путь, проложенный по неровной почве, через холмы, долины и себхи, соединяет Сузанский берег с террасой, на которой стоит город Кайруан, духовная столица Туниса, господствующий своей белой массой над обширными, слегка волнистыми, но безлесными пространствами. Основанный завоевателем Окбахом в 671 году, в эпоху первого арабского нашествия в Мавританию, город «Двойной Победы» до сих пор сохранил большой престиж в глазах мусульман, и паломничество к предполагаемой могиле основателя считается богоугодным делом, способствующим очищению души верующих: «Кайруан—одни из четырех врат рая»; «неделя в Кайруане имеет ту же цену, что один день в Мекке», и дает право на титул хаджи[3]. Легенда рассказывает, что прежде, чем положить основание Кайруану, Сиди-эль-Окбах объявил всем полевым зверям, что на этом месте будет воздвигнут святой град, и впродолжении трех дней львы, барсы, вепри и другие дикия животные, большие и малые, дефилировали массами, оставляя свободное место поклонникам Пророка. Люди нечистые тоже не могли, говорит легенда, жить в святом граде: духи блаженных истребили бы их, если бы они осмелились подойти близко к мечетям. Евреям запрещено было иметь пребывание в городе; их хара находилась в двух верстах за городской стеной. Что касается христиан, то некоторые из них, именно путешественники, охраняемые грамотой бея, проникали в Кайруан и были вежливо принимаемы шейхами, но в религиозные здания их не пускали. Тогда как все города тунисского прибрежья были последовательно посещены победоносными иностранными армиями, Кайруан в первый раз увидал неприятеля перед своими стенами только в 1881 году, когда им овладели французы, и тогда только первый христианин переступил порог его мечетей; впрочем, город отворил свои ворота без сопротивления. С этого времени он сделался главным пунктом военного округа, и ограда его, доминируемая касбой, была дополнена новыми бастионами.

1 Paul Melon, „De Palerme a Tunis“.
2 Berthelon, „Revne de Geographie“, 1882.
3 Ed Rae, „The Country of the Moors“.

Кайруан, окруженный развалинами, голыми землями, солончаками, обижен природой, сравнительно с другими тунисскими городами; он не имеет ни текучих вод, ни фонтанов, и должен довольствоваться исключительно водой цистерн, из которых иные наполняются, во время продолжительных дождей, уэдом Мерг-эль-Лиль, очищающим свой поток при переходе из бассейна в бассейн[1]. В городе нет еще тенистых садов; кругом него больше кладбищ, нежели возделанных земель. С первого взгляда Кайруан, благодаря своему центральному положению, производит приятное впечатление только своим величественным видом: наблюдаемый издали, он господствует над окружающим пространством своими высокими стенами, многочисленными куполами своих мечетей, великолепным трех-этажным минаретом, который вздымается на северо-восточной стороне города, над мечетью Сиди-Окбаха. Даже Тунис далеко не может равняться с Кайруаном богатством своих мечетей и зауйя: святой город имеет более восьмидесяти этих религиозных зданий, храмов или монастырей, и один из них, Джемаа-эль-Кебир, состоит из семнадцати двойных параллельных нефов, заключающих слишком четыреста колонн из редких материалов: оникса, порфира, мрамора. Еще большей



Цитадель Сузы.

славой, чем главная мечеть, пользуется мечеть «Товарища», названная так потому, что она заключает, в одной нише, украшенной чудными арабесками, могилу товарища Пророка, его цирюльника, и еще более драгоценные реликвии—три волоса из бороды Магомета. Самые могущественные братства в Кайруане—айссауа, тиджания и гилания. Подобно многим другим городам, Кайруан один из самых испорченных нравственно, и класс тунисских танцовщиц вербуется главным образом в этом городе мечетей и духовных братств. Обитатели «святого града» хвастают, что они живут паразитами, на счет верующих; оттого-то они так сильно выродились и по большей части страдают худосочием: рак, золотуха, недуги всякого рода придают населению отталкивающую наружность; они бессильны для работы, так же как были без энергии для сопротивления внешнему врагу. Впрочем, город имеет кое-какие промышленные заведения, занимающиеся производством предметов роскоши, особенно фабрики вышитых седел, медных сосудов, розовой эссенции; базары его—одни из богатейших во всем Тунисе. Что касается жизненных припасов, то они получаются из отдаленных местно-

1 Guerin, цитированное сочинение;—R. Cagnat et H. Saladin, „Tour du Monde“, annee 1885, № 1272.

стей: так, овощи и зерновые хлеба привозятся за сто верст, из Гальнамета.

В Кайруанском округе нет других городов; античная Сабра, стоявшая в версте или двух южнее, оставила после себя только две розовые колонны, из которых, как гласит легенда, «струилась кровь» под пилой рабочих. Зрелище городской жизни вдруг, без постепенного перехода, сменяется зрелищем жизни пастушеской[2]. Все окрестные населения, арабы и берберы, вполне или отчасти номады. Самое могущественное племя, злас, на юге и на западе от Кайруана, принадлежит к расе аборигенов; численность его определяют в тридцать тысяч душ; оно населяет западное предместье Кайруана. Арабы племени суаза живут на востоке, вокруг котловин, где скопились воды себхи Сиди-эль-Гани, и умеют извлекать из них соль, которую складывают в горки; на этих горках они жгут хворост, для того чтобы от плавления верхних кристаллов образовался твердый слой, препятствующий растворению соли под действием дождей[3]. На северо-востоке расположены становища племени улад-ягия, а на западе около истоков речек, изливающихся в озеро Кельбиа,—становища племени маджер.

Область, по которой кочуют эти арабизованные берберы, одна из тех, где две тысячи лет тому назад жило многочисленное оседлое население. Верхний бассейн уэда эль-Фокка, потока, меняющего имя при каждом слиянии с другим ручьем, особенно богат остатками римской старины. Обширные античные города и их пышные памятники всюду оставили после себя руины, называемые «геншир» во всей восточной Мавритании, тем же именем, как и фермы или имения. Кисрин, древний Scyllium, покрывающий своими развалинами несколько холмов, заключает в себе еще трехъэтажный мавзолей с коринфскими пилястрами, триумфальную арку и многочисленные здания, менее хорошо сохранившиеся. Недалеко оттуда, железная дорога из Габеса в Тебессу пройдет под двумя триумфальными арками[3]. К востоку от Касрина, геншир Сбейтла, над которым господствует джебель того же имени, и через который проходит уэд Менассер, приток эль-Фокки, сохранил некоторые грандиозные памятники римской эпохи; когда Герен посетил этот геншир, там проживал только один марабут, и каково же было удивление путешественника, когда он открыл, что этот марабут—француз! Несколько горячих ключей, бьющих на дне высохшего ложа близ Сбейтлы, довольно обильны, чтобы образовать прозрачный ручей, такой же многоводный, как и Загуанские источники; воды его достаточно было для значительного населения, и, действительно, все доказывает, что эта местность, ныне почти пустынная и безлюдная, была густо населена две и три тысячи лет тому назад[4]. Древняя Суффетула, то-есть, для карфагенян, «Город Суффетов», продолжала существовать, как важный город и как местопребывание главного управления провинции, до арабских нашествий; сохранившиеся храмы, колоннады, триумфальные арки, городские стены и башни, гробницы с надписями позволили археологам восстановить план города. Один храм с двумя выступающими флигелями, окруженный изящными колоннами, горделиво высится на вершине холма: в преддверие этого тройного святилища вступали через триумфальные ворота, украшенные, как и самый храм, изваяниями прекрасного стиля, напоминающими орнаментировку храмов Бальбека. Вся эта область, усеянная римскими развалинами, повидимому, была обширным оливковым лесом: подле каждой, даже самой маленькой руины, находят следы снарядов для выдавливания из оливок масла; близ каждого здания видны также цистерны и крепостцы, куда колонисты укрывались в случае тревоги[5]. В настоящее время эта страна маслин, где кочует племя фрашиш, не дает никаких продуктов, кроме шерсти своих стад, которая, впрочем, считается лучшей во всем Тунисе.

На севере от Сузы, береговая дорога, сжатая между лагунами и морем, проходит через местечко Хергла, которое сохранило от римских веков только свое древнее имя, Horrea

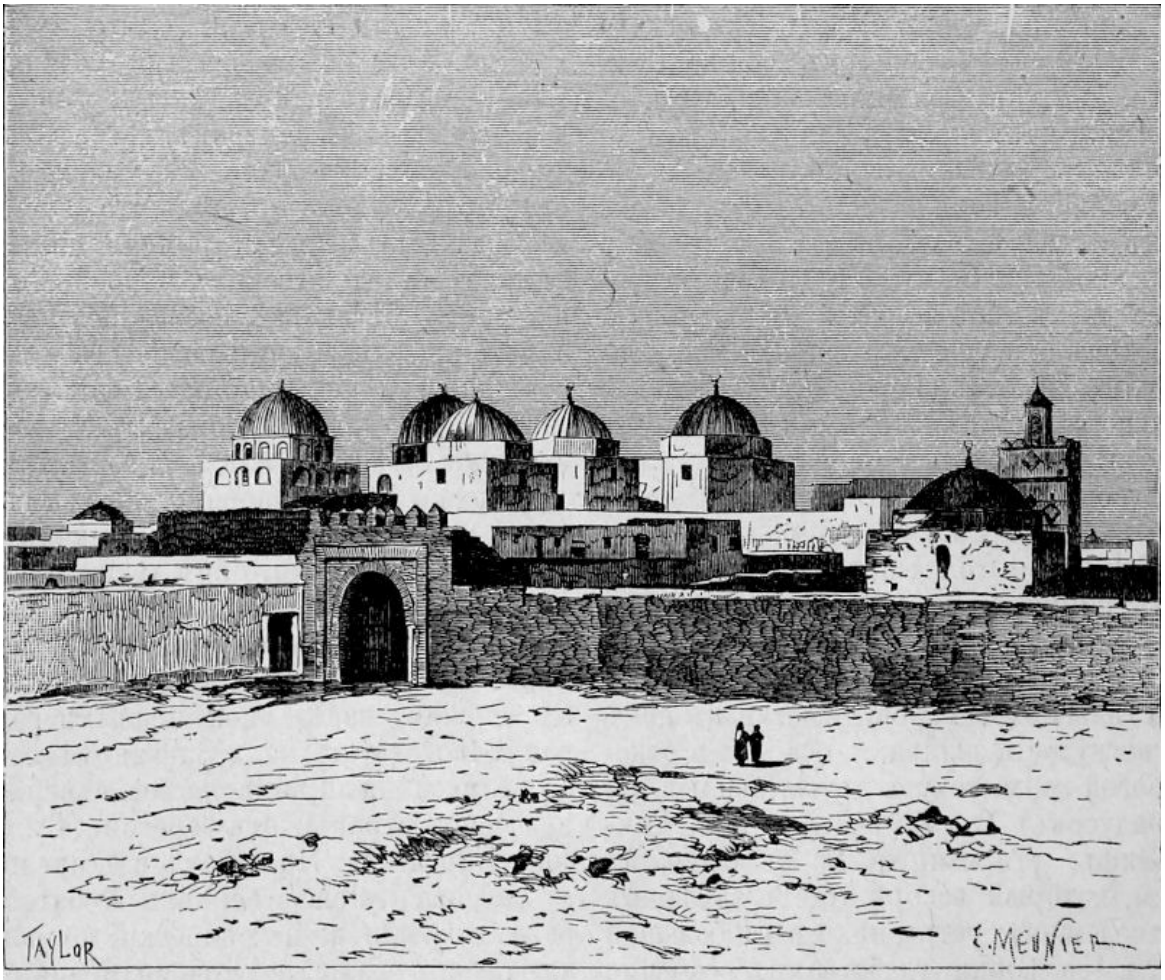
2 Rouire, „Revue de Geographie“, 1882.
3 Pellissier, „Description de la Regence de Tunis“.
3 Henri Duportal, рукописные заметки.
4 L. Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.
5 R. Cagnat et H. Saladin, „Journal officiel“, 20 juillet 1883.

Caelia, да груды бесформенных развалин; в соседней равнине почва усеяна долменами на пространстве около 2 кв. километров. Далее, в соседстве остроконечной горы Такруна, на которой расположена деревня того же имени, находится ферма Дар-эль-Бей или «Дворец бея», центр обширной долины Энфида Улад-Саид, которую долго оспаривали друг у друга иностранные компании спекулянтов, поддерживаемые каждая своим правительством: присоединение Туниса к Франции положило конец этой борьбе, решив дело в пользу одного марсельского общества, которому были уступлены также, на правах концессионера, и другие государственные имущества. Громадное пространство, еще не смеренное, но наверно обнимающее не менее 120.000 гектаров (около 110 т. десятин), заключает в себе земли разного качества, бесплодные и плодородные, совокупность которых составляет одну из лучших, по природным условиям, областей Туниса: при римском владычестве эта часть Бизацены имела не менее семнадцати городов, развалины которых рассеяны под кустарником; теперь же здесь существуют только три деревни, построенные на холмах и населенные берберами-земледельцами, да еще мальтийское поселение, основанное недавно в 10 километрах к северу от Дар-эль-Бея. В некоторых местах оливковые плантации тянутся на необозримое пространство; другие части, обильно орошаемые, могли бы быть употреблены для садоводства; равнины засеваются зерновыми хлебами; сосновые и туйевые леса осеняют склоны на предгорьях хребта Загуан; прекрасные пастбища как нельзя более благоприятствуют развитию овцеводства. К этой-то специальной отрасли сельской промышленности, посредством введения алжирских стад, да к насаждению виноградников и были направлены главнейшие усилия новых владельцев; но недостатки ведения хозяйства через управляющих и за счет живущих за морем капиталистов не преминули обнаружиться в этой тунисской домене, как и во всех вообще латифундиях. Проценты по займам, плата за комиссию, расходы на бесполезных посредников, дороговизна рабочих рук, враждебность обиженных туземцев всегда, в конце концов, разоряют подобные предприятия, или по крайней мере мешают тому, чтобы они приносили, пропорционально, такой же доход, как мелкие земельные участки, обрабатываемые самим владельцем. Чтобы избегнуть полной неудачи своей спекуляции, концессионеры Энфиды должны были отказаться от ведения хозяйства на собственный страх и риск: они ограничиваются теперь, подобно арабским сюзеренам, сдачей своих земель в аренду окрестным хлебопашцам и пастухам; арендная плата немного больше двух франков с гектара, за исключением земли, занятой кустарником[1]. Подписывать контракты и получать аренду—вот к чему свелось дело, которое торжественно провозгласили исходной точкой новой эры в цивилизации Туниса. В Энфиде есть обильные источники, горячие и минеральные. Население этой области в конце 1882 года состояло из 40 европейцев и 6.850 туземцев, а к концу 1884 года оно возрасло до 12.000 душ.

Маленький городок Гаммамет, называемый «городом Голубей», по причине бесчисленного множества вяхирей (диких голубей), гнездящихся в скалах соседних гор, дал свое имя широкому заливу, открывающемуся между полуостровом мыса Бон и мысом Монастир. Этой честью он обязан не древности происхождения, так как основан в XV стол., и не богатству, потому что население его очень немногочисленно и окрестности плохо обработаны; но он имеет некоторый вид, благодаря своим белым стенам, с четыреугольными башнями по углам, и положение его как раз на южной оконечности дороги, пересекающей северо-восточный полуостров Туниса, сделало его довольно важным стратегическим пунктом и в то же время необходимым этапом: здесь путешественники, прибывшие из города Туниса, достигают восточного моря, и потому очень естественно, что они дали заливу имя того места, где кончается дорога, ведущая из внутренней части страны. Но торговая и промышленная жизнь направилась далее на восток, в город Набель, основанный ранее арабского нашествия, как о том свидетельствует его греческое имя Неаполис, едва изменившееся в нынешней форме. Несмотря на это название «Нового Города», он существует уже с незапамятных времен: в остатках Набель-эль-Кедима, или «Старого Набеля», находят еще кое-какие следы

1 R. Cagnat et H. Saladin, „Voyage eu Tunisie“, „Tour du Monde“, XLVII, 7 juin 1884.

карфагенских построек; *Перипл* Скилакса упоминает уже об этом африканском Неаполе. Почва равнины, где возникали последовательно «новые города», заменяя старые, усеяна черепками, разбитыми сосудами, и в наши дни еще вокруг бесчисленных гончарных заводов видны кучи бракованной посуды, подобной той, которую выбрасывали горшечники древнего Неаполиса, две тысячи лет тому назад: местная промышленность не изменилась с той эпохи. Отсюда главным образом получаются охладительные кувшины, кружки, цветочные горшки, курильницы, глиняные лампы и другие гончарные изделия, продаваемые на рынках Туниса и даже в Алжире и в Триполи. Набель фабрикует также ткани, а цветы его садов идут на приготовление эссенций. В эти последние годы Набель получил некоторую известность, как «зимний город» для чахоточных. Хорошо защищенный с севера холмами се-



Кайруанъ.—Мечеть Сабель.

веро-восточного полуострова, этот город обращен к водам Гаммаметского залива, где море редко волнуется и бушует так, как на севере; ветер не дует яростной бурей в его улицах, как на дорогах Туниса, вздымая и кружа столбы пыли. К северу от Гаммамета короли вандалов имели свой «Парадис», то-есть загородный дворец; но там, где находились эти волшебные сады, теперь едва увидишь одинокое деревцо. Песок с каждым днем все больше захватывает сады и кладбища[1].

Дахелат-эль-Магуин, как называют полуостров, оканчивающийся мысом Аддар, есть одна из многолюдных областей Туниса. Городки и большие деревни, окруженные фруктовыми садами и масличными рощами, следуют друг за другом на высоких берегах, в некотором расстоянии от восточного побережья. Береговая дорога проходит через Бени-Хриар, Курбу, Куршин, Мензель-Темир, Келибию, наследницу древней Клипеи (Clypaea), по-гречески Аспис, названной так от холма в форме «щита», на котором стоял акрополь. Располо-

1 R. Cagnat et H. Saladin, цитированное сочинение.

женный близ мыса, в том месте, где морской берег изгибается к юго-западу, давая кораблям защиту против северных ветров, город «Щита» всегда имел некоторую важность, как морская пристань, и хотя обе его гавани давно обмелели, но и теперь еще небольшие морские суда, застигнутые бурей, приходят сюда искать убежища. Северный берег полуострова, омываемого водами Тунисского залива, менее населен, чем противолежащее побережье, по причине небольшой ширины годного к культуре пояса земли, заключенного между холмами и морем. Самые значительные группы населения, Солиман и Мензель, или этап, называемый Мензель-Бу-Зальфа, находятся в северной части равнины, через которую берег Тунисского залива сообщается с берегом залива Гаммаметского. Жители Солимана—андалузского происхождения, как и обитатели многих других местечек Дахелат-эль-Магуина, и, по словам Гренвиля Темпля, многие из потомков этих андалузских выходцев носят еще испанские фамилии; чума 1819 года истребила более двух третей населения Солимана.

На морском берегу семь горячих источников Гаммам-Курбес (Горбус), имеющих, сравнительно с другими теплыми водами Туниса, наиболее высокую температуру, от 25 до 59 градусов Цельсия, вытекают из земли недалеко от мыса Рас-Фортас, как раз против Карфагенского мыса; кроме того, штук двенадцать кипящих ключей, приметных по клубящемуся над ними столбу пара, бьют со дна моря, в небольшом расстоянии от берега[1]. На плоском берегу, составляющем крайнюю вогнутость залива, у основания откосов Двурогой горы, текут другие теплые воды (40 градусов) Гаммам-Лиф или Гаммам-эль-Энф, утилизируемые в бывшем дворце бея, который вскоре будет заменен новым заведением, устроенным с большой роскошью и со всеми удобствами; особенно осенью воды эти посещаются иностранцами, преимущественно евреями. Гаммам-Лиф, или Гаммам-эль-Энф, составляет уже часть обширного городского округа Туниса и соединен с столицей рельсовым путем, который впоследствии предполагают продолжить до Гаммамета; в скором времени там будет устроена небольшая гавань. Двурогая гора заключает в своих недрах залежи свинцовой руды, содержащей серебро, которые, впрочем, не эксплоатируются; но в Джебель-Рессас, или «Свинцовой горе», стоящей немного южнее, работают уже сотни рудокопов, почти все итальянцы.

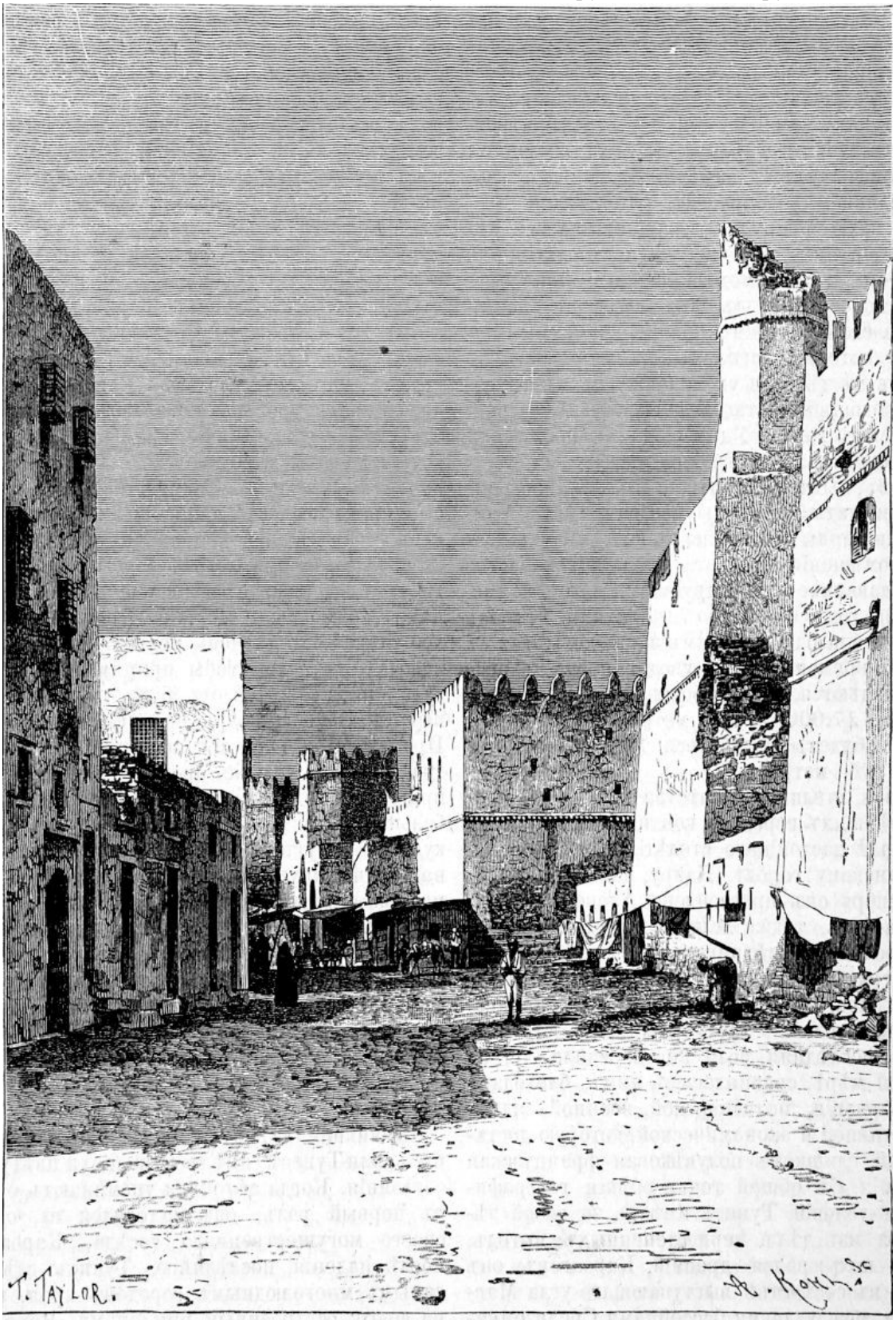
Бассейн уэда Медиан впадает в Тунисский залив близ Радеса, античной деревни, смотрящей на Карфаген с высоты своего холма. В этом бассейне существует только один город, Загуан, который тоже можно считать пригородом столицы регентства. Расположенный южнее Туниса, на высоте от 196 до 236 метров, Загуан служит дачным местом для тунисцев, благодаря своему чистому воздуху, обильным текучим водам, прекрасным садам и лесам, где растут, между прочим, и европейские породы деревьев; он же снабжает столицу водой. В близком будущем Загуан сделается аванпостом Туниса, с точки зрения стратегической и торговой, когда построится железная дорога, которая будет командовать восточными и южными городами, Сузой, Кайруаном, Гафсой. Уже обыкновенные, недавно открытые, дороги сделали Загуан торговым и продовольственным центром. Триумфальная арка, хорошо сохранившаяся, и древние надписи свидетельствуют о том, что этот город некогда был занят римлянами. Во время иммиграции андалузских мавров, одна колония этих беглецов поселилась в Загуане, и потомки этих трудолюбивых ремесленников до сих пор еще населяют город; они занимаются главным образом садоводством, крашением фесок, или шешиа, выделкой кож; загуанская вода, говорят, обладает особенным свойством уплотнять смачиваемые ею ткани, вследствие чего они лучше принимают краску: оттого тунисские шапки во всем Леванте предпочитаются изделиям этого рода, привозимым из Франции и других стран[2]. С вершин изрезанной оврагами горы, которая господствует над Загуаном, открывается великолепный вид на всю северо-восточную часть страны, от берегов Сузы до мысов Карфагена. На одном из предгорий этого массива путешественники Ребатель и Тиран открыли до-исторический некрополь, заключающий около трехсот долменов, которые все расположены по направлению от востока к западу. В одном из соседних с Загуанской горой ущелий находится так на-

1 Lafitte, рукописные заметки;—Guyon, „Eaux thermales de la Tunisie“.

2 Alphonse Devoulx, „Revue Africaine“, 1874.

зываемый дефилей «Пилы», где были перебиты наемники, в конце той жестокой войны, которая грозила самому существованию Карфагена.

Грандиозные или живописные виды следуют один за другим на всей окружности горнаго



Сфаксъ.

массива, но самый прелестный пейзаж представляет местность, окружающая нимфеум большого источника, главного потока Карфагенского водопровода. Этот храм, стоящий на террасе, в двух верстах к югу от Загуана, и на половине склона массива, построен на скале и до-

полняется перистилями, лестницами, бассейнами, белизна которых составляет яркий контраст с зеленью деревьев и с разнообразными цветами обвалившихся камней на склоне горы. Загуанский водопровод примыкает к водопроводу с джебеля Джугар, несущему меньшее количество воды, и эти два потока соединяются в римском водопроводе, теперь реставрированном, который тянется на север к городу Тунису и Ла-Гулетте, и общая длина которого, вместе с разветвлениями, 131 километр. Подземными участками древнего водопровода в большей части воспользовались для нового канала, но там, где через понижения почвы были перекинуты длинные ряды аркад, эти последние заменены теперь трубами, проложенными в виде сифона в земле. К югу от перехода через уэд Мелиан, один участок древнего водопровода продолжается без перерыва на протяжении более 2 километр., при чем некоторые из его аркад достигают высоты 25 метров; но почти повсюду развалины водопровода представляют лишь короткие отрывки, эксплоатируемые, как каменоломни, окрестными строителями, которые сдирают с них облицовку из шлифованных камней. Даже инженеры, поправлявшие водопровод, уничтожили прекраснейшую руину, которая оставалась от этого памятника, воздвигнутого императорами Адрианом и Септимом Севером: они сломали мост через уэд Мелиан, чтобы поставить на его фундаменте свой современный путевод, который легко было бы провести в другом месте, без увеличения расходов; обломки водопровода, также как развалины древне-римского города Удна (Удина), послужили материалом для постройки стен, домов и дворцов, ныне покинутых, Могамедии: огромные мегалиты рассеяны вокруг руин Удины, а цистерны обращены в подземные жилища и помещения для скота. Среднее количество воды, даваемое утилизируемыми источниками, в 1885 году составляло 7.000 кубич. метров в день; благодаря новым запрудам, оно в скором времени будет увеличено на половину[1]: надеются, что наибольшее снабжение достигнет 17.000 кубич. метров в день, а среднее будет колебаться между 10.000 и 11.000 куб. метров.

Тунис, столица регентства и один из многолюднейших городов континента, уступал в начале настоящего столетия только одному африканскому городу, Каиру, по числу жителей; теперь он превзойден Александрией и, может-быть, также Алжиром, если считать все население последнего, внутри и вне городской ограды: хотя во многих отношениях Тунис поставлен в гораздо более благоприятные условия, чем алжирская столица, однако, последняя, если не опередила, то, по крайней мере, сравнялась с ним, благодаря централизации, политической, военной, административной и экономической, которую доставила ей слишком полувековая французская оккупация. С общей точки зрения географических условий, Тунис имеет за собой некоторые из тех первостепенных выгод, какими пользовался древний Карфаген: он лежит в соседстве выступающего угла Мавритании, между двумя бассейнами Средиземного моря, и вместе с тем находится вблизи выхода главной долины реки Меджерды, которая своими многочисленными разветвлениями проникает вглубь гор и плоских возвышенностей Магреба; кроме того, он пользуется здоровым климатом, благодаря свободной циркуляции северных ветров. Три тысячи лет тому назад, или, может-быть, в еще более отдаленную эпоху, когда основывался Тунис, некоторые черты рельефа, представляющие удобства в торговом отношении и обеспечивающие защиту от внешнего врага, должны были повлиять решительным образом на выбор строителей. В этом месте цепь невысоких известковых холмов прерывает большую равнину, открытую на восток к Меджерде, и эта стратегическая позиция является тем более сильной, что по обе стороны каменистого хребта расстилаются обширные озерные котловины: на юго-западе—себха Эль-Сельджум, размеры которой увеличиваются и уменьшаются с дождями и засухами, на северо-востоке—Багира, или «Малое Море», уровень которого не меняется, благодаря узкому каналу (la goulette), через который воды Средиземного моря свободно входят в лагуну. Таким образом город, стоящий на тунисском перешейке, был почти недоступен нападению на двух из своих сторон; он командовал дорогой, через которую поддерживается сообщение между долинами Меджерды и Мелиана. Кроме того, «Малое Море», хотя очень мелкое, было, однако, довольно глубоко,

1 Caillat, рукописные заметки.

чтобы принимать небольшие суда; под защитой от бурь, они приходили выгружать свои товары на тунисском берегу. Правда, в течение веков то или другое географическое условие, бывшее некогда благоприятным, сделалось, в конце-концов, гибельным: так, мелководная лагуна Бахира, куда не могут проникать употребляемые в наши дни крупные суда, обратилась в громадный сточный бассейн, воды которого распространяют в воздухе нестерпимое зловоние. При таких условиях, Тунис лишь в незначительной мере пользуется выгодами, свойственными приморскому положению: это скорее внутренний город, старающийся устройством искусственного порта вернуть себе то преимущество, которое некогда было дано ему природой.

Возникший, вероятно, ранее Карфагена, Тунис, или Тунес, имел свои эпохи цветущего состояния. Когда летописи упоминают о нем в первый раз, он находился в орбите своего могущественного соседа, Карфагена; после падения последнего, Тунис сделался самым многолюдным городом края, но не на долго; отстроенный римлянами, Карфаген снова занял первенствующее место, как столица страны. В конце седьмого столетия нашей эры, Карфаген, вторично разрушенный, навсегда прекратил свое существование, и с той эпохи Тунис, один из центров мусульманского могущества, оставался столицей, несмотря на междоусобия и внешния войны. Один только раз, в продолжение двенадцативекового периода, он подпал под власть христиан; ибо осаждавший его, в 1270 году, Людовик IX, король французский, успел овладеть только Карфагенским замком, «chastel», и умер на ложе из пепла, прежде чем тунисский султан, Абу-Могаммед, доведен был до необходимости просить мира. Только в 1535 г. император Карл V, пользуясь помощью двадцати тысяч невольников, возмутившихся против Хейр-эд-Дина, вступил в Тунис, отданный им одному вассальному князю, и построил форт Гулетты, чтобы командовать сообщениями столицы с морем. Но не прошло и года, как город был взят обратно Хейр-эд-Дином, и с того времени он оставался под правлением беев, вассалов Турции, до 1881 года, когда оффициальная сюзеренная власть, принадлежавшая Порте, была присвоена Францией. До турецкого господства Тунис, эта «белая, благоухающая, цветущая невеста Запада», считался у мусульман городом, неимеющим себе равного во всем свете. Он был сборным пунктом путешественников Востока и Запада, которые находили там все удобства, какие только может пожелать человек. Какую бы прихоть ни придумало воображение, ее всегда можно было исполнить в Тунисе. Его могущество и слава ставили его, как владыку, превыше всех его соперников, главных городов «Восхода и Заката солнца»... Тунис в праве был сказать про себя: «Я лестница храма, по которой восходят дороги на небеса!»[1]. И теперь еще в глазах мусульман Северной Африки, за исключением жителей Марокко и Египта, Тунис—город хорошего вкуса, средоточие учености, законодатель моды, словом—нечто в роде «Ливийского Парижа»[2].

Занимая пространство слишком в 3 кв. километр., с каждым годом разростающееся (в августе 1883 г. собственно город занимал 92, предместья 173, новый город 40 гектаров), Тунис расположен на обращенном к востоку пологом скате холмов, господствующим над западным берегом «Малого моря». С севера на юг, он тянется на два с половиной километра, тогда как с востока на запад ширина его почти везде меньше километра. Центральный квартал, называемый еще жителями Мединой, «городом» по преимуществу, образует неправильный овал, большая ось которого тоже направлена с севера на юг, и который почти на всей своей окружности сохранил еще старую стену, примыкающую к укреплениям касбы. Северное предместье, Баб-эс-Суика, и южное, Баб-эль-Джезира, тоже окружены оградой, состоящей из ломаной линии валов, которая, начинаясь от четыреугольника цитадели, стоящей на холме, тянется от бастиона к бастиону; но на востоке, со стороны озера Бахира, стены исчезли, уступая, так сказать, напору разливающагося населения, и вырос новый город по обе стороны центрального бульвара, называемого Портовым, который ведет к площади, окаймленной плотинами, где начинается судоходный канал лагуны. С первых годов настоящего

1 Мокарраб, трактат о риторике, цитируемый Огюстом Шербоно, в „Revue de Geographie“, 1880.

2 H. Duveyrier, „La Tunisie“.

столетия береговой пояс Бахиры увеличился по меньшей мере на 700 метров; он расширяется с каждым днем, вследствие отложения грязи, наносимой из стоков, и сваливания земли, вынимаемой при постройках. По своему низменному положению, «Новый Тунис»—наименее здоровая часть города; но это место, где находятся две железнодорожные станции (итальянская и французская) и порт, где выстроятся современем городская дума, здание судебных установлений, театр, биржа, имеет ту выгоду, что представляет строителям неограниченный простор, и уже теперь между белыми домами «франкского квартала» открываются длинные прямолинейные проспекты, пересекающиеся под прямым углом. Эти проспекты, без сомнения, продолжатся современем и через лабиринт тысячи трехсот улиц старого города. В соседстве касбы, широкия аллеи, проведенные между публичными памятниками, уже положили начало преобразованию, и бульвар, устраиваемый теперь кругом всей Медины, или собственно города, послужит приманкой новым улицам, распланированным по-европейски. Как во многих других городах, эта перемена совершится, конечно, в грубой форме: немного останется старинных мавританских домов, которым дадут больше воздуха, света и комфорта, не разрушая аркад и арабесок, чтобы превратить их в безобразные каменные кубы! Между тем удивительное искусство мавританских архитектурных украшений еще не утрачено, и было бы варварством дать ему погибнуть.

Улицы старого Туниса имеют над правильными проспектами франкского города преимущество живописности и неожиданности. Между ними ни одной нет прямой: везде углы и выступы, кривые разного радиуса. Над улицей идут своды неравной высоты, иные—просто арки, соединяющие два противоположных дома, другие несут один или два этажа на своих перекрестных стрелках. Некоторые из этих сводов настолько длинны, что образуют настоящие галлереи, подобные галлереям берберских городов в оазисах. Мраморные колонны, привезенные из Карфагена, поддерживают основание аркад или обрамляют двери домов своими разноцветными капителями. Дикая трава пробивается из каждой трещины сводов; в углах наклонно растут деревья, прикрывая своими ветвями какую-нибудь мелочную лавочку или скамьи кофейни. Около верхней части города, под касбой и дворцом беев, Дар-эль-Бей, разветвляется лабиринт *суков* (рынков), каждая улица которого населена людьми одной и той же корпорации—седельниками, продавцами материй, котельниками, ювелирами, парфюмерами. Часто мастерская помещается рядом с лавкой; ремесленники ткут полотно, мотают шерсть, красят шешии, куют медь на глазах толпы покупателей и прохожих, тесняющейся в узком переулке; там и сям через полуотворенные ворота виднеется почти пустой двор между аркадами: это духовная школа или мечеть, тихое убежище среди царящего кругом городского шума. Животных редко увидишь в этом торговом конце города; но зато в предместьях, улицы, ведущие к городским воротам, запружены лошадьми, ослами, мулами, верблюдами, между которыми с большим трудом пробираются повозки, подпрыгивающие на камнях и вязнущие в лужах.

В разных кварталах преобладают типы различных национальностей. В верхней части города живут тунисцы в собственном смысле, к которым, в предместье Баб-эс-Суика, примешиваются потомки андалузских мавров. Щеголеватые тунисцы, за которыми издавна утвердилась во всей Мавритании репутация законодателей моды, отличаются большим вкусом в выборе материй для своей одежды, всегда светлых оттенков: мягкого голубого, нежно-розового, цвета персика или сливок; хаик всегда изящно драпируется на их плече. Но тунисянки, у которых тучность в слишком большой чести, не могут похвалиться, как их мужья, прелестью костюма: несмотря на красоту полосатых шелковых материй, трудно не быть шокированным при виде этих туш, которые грузно переваливаются с боку на бок в своих широких, но чересчур коротких блузах, показывая узкия панталоны и спустившиеся чулки; по черному вуалю, в котором оставлены только щелки для глаз, издали этих женщин можно принять за негритянок; но последние, по крайней мере, имеют за собой блеск кожи и белизну зубов. Рядом с богато-наряженными маврами толпятся более многочисленные бедняки мусульмане, одетые в простой бурнус из серой шерсти или в грубый коричневый халат с белыми вышивками; только после долгих наблюдений можно различить между всеми этими

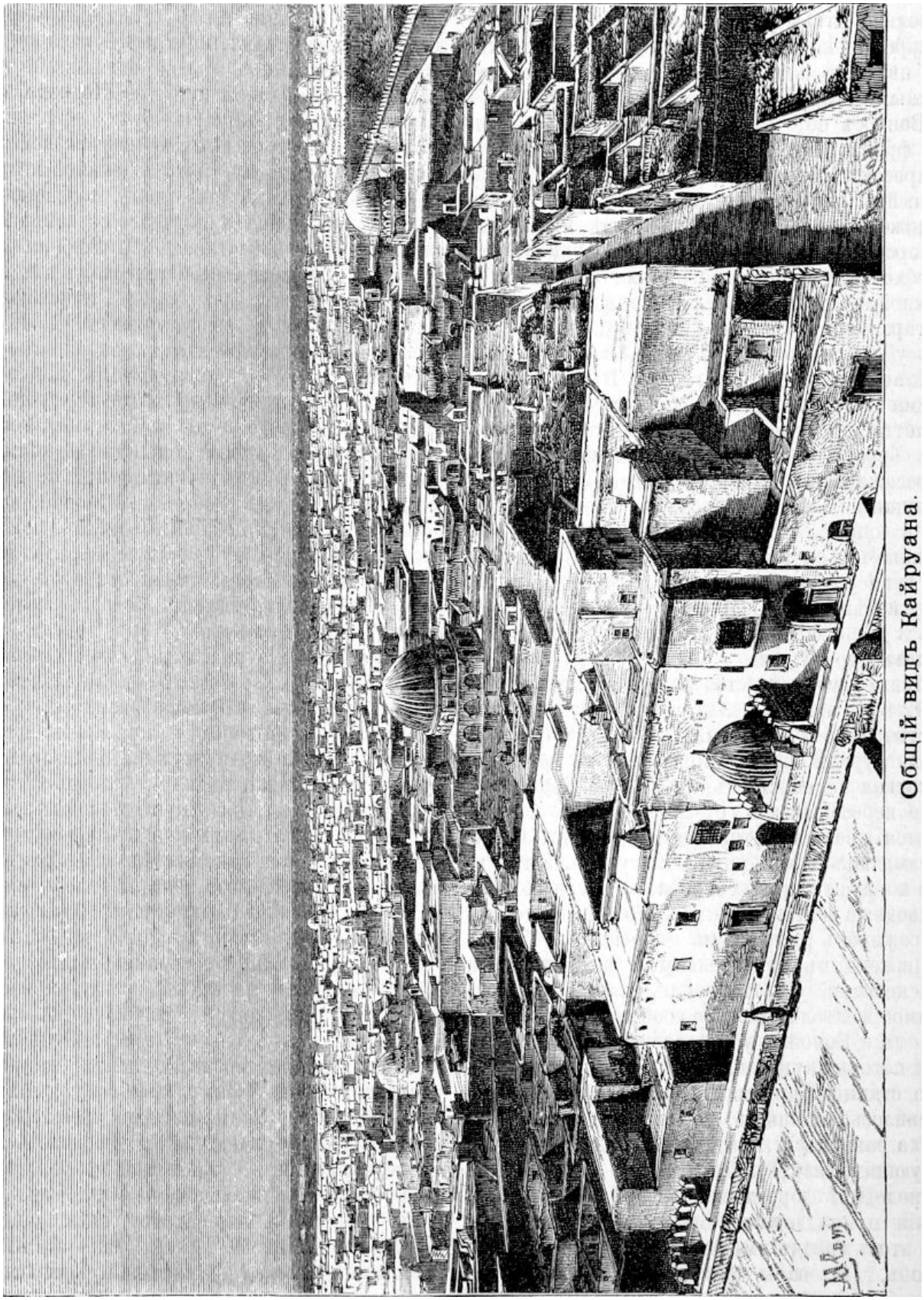
типами джерабинцев, то-есть торговцев с острова Джерба, суафанцев, или выходцев из Суфа, мзабитов, северных алжирцев, мароканцев, появившихся в большом числе со времени прибытия французов. Что касается евреев, которые сгруппированы преимущественно в восточной части квартала Баб-эс-Суик, то они делятся на два класса: итальянские евреи или грана,—то-есть уроженцы Гурны или Ливорно,—носят европейский костюм, тогда как другие одеваются почти так же, как мавры; но их жены, не менее тучные, чем мавританки, ходят с открытым лицом, и головной их убор состоит из остроконечной, расшитой золотом шапочки. Мальтийцы, давшие свое имя одной из самых бойких улиц торговой части, идущей вдоль восточной стены, составляют как по языку, так и по нравам, переход между арабами и сицилийцами, которые представляют большую часть итальянского пролетариата в Тунисе. Тосканцы представлены только еврейским элементом, хотя Ливорно некогда оспаривало у Марсели первенство по торговле с Тунисом, и даже все Средиземное море известно было у тунисцев под именем «Ливорнскаго»[1]. Так, в 1783 году, в Тунис было ввезено товаров из Марсели на сумму 1.326.559, а из Ливорно на сумму 907.524 ливра[2]. Французы, число которых более, чем утроилось после событий 1881 года, живут почти исключительно в Новом городе, около «Морских ворот», перекрестка, где непрерывно сталкиваются люди всякой национальности и всякого костюма, даже мусульмане в цилиндрах и христиане в чалмах, продукты соприкосновения двух цивилизаций. Население столицы регентства около 170.000 душ, в том числе около 50.000 европейцев и 40.000 евреев.

Преобразование Туниса в европейский город еще мало подвинулось вперед в отношении подземной канализации. Большинство улиц не имеют стоков, и нечистоты из домов скопляются в канавах без выхода, откуда рабочие должны убирать их от времени до времени: до 1856 года эта отвратительная натуральная повинность лежала исключительно на евреях, но, со времени эмансипации последних, вывозом нечистот занимаются иммигранты из Джерида, освобожденные от всяких налогов в обмен за оказываемые ими обществу услуги, и, сверх того, получающие обычную плату за труд[3]. Часто случается, что улицы впродолжении нескольких дней бывают загромождены кучами земли и песку, среди которых вылиты жидкия нечистоты, чтобы дать им высохнуть и отвердеть на открытом воздухе, в видах более удобной перевозки. Городские стоки, спускаясь к Багире по скату почвы, соединяются в семь *кандаков* или открытых каналов, которые идут через огородные земли и впадают в озеро. Эти рвы, никогда не очищаемые и превратившиеся в извилистые ручьи, распространяют невыносимое зловоние, которому туземцы прежде приписывали здоровый климат Туниса, зависящий, вероятно, от северных ветров. Между тем именно на землях, орошаемых этими вонючими водами, и будут строиться новые кварталы. В виду этого, является настоятельная необходимость как можно скорее приняться за работу канализации, направляя канавы в коллектор, который уносил бы городские нечистоты в какое-нибудь отдаленное место в окрестностях, где эти вещества должны быть подвергаемы химической переработке. Хотя Тунис не получает еще в достаточном количестве воды, необходимой для содержания в чистоте домов и улиц, но он все-таки имеет её довольно, чтобы уничтожать эти убийственные испарения, которые не менее, чем благоухание цветов, оправдывают данный ему туземными риторами эпитет «душистый».

Вопрос об ассенизации Туниса, и особенно франкского квартала, тесно связан с вопросом об устройстве нового порта, ибо бассейны или доки для больших судов предположено выкопать в соседстве нынешней «Морской пристани», где уже существует необходимое приспособление для мелкой каботажной торговли, пользующейся водами лагуны Багира. От решения, какое будет дано вопросу о приморском Тунисе, зависит процветание или упадок города. В настоящее время большие суда бросают якорь против Голетты, на расстоянии слишком километра от берега, так что пассажиры и товары пересаживаются и перегружаются в

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
2 Peyssonnel et Desfontaines, „Voyages dans les Regences de Tunis et d'Alger".
3 Caillat, рукописные заметки.

паровые шлюпки или шаланды, которые проникают в узкий канал, чтобы сложить груз на набережных Голетты, или продолжать плавание к Тунису через мели озера: смотря по свойству и ценности товаров, приходится платить от 3 до 60 франк. с тонны за перевозку от Голетты до Туниса.



Общій видъ Кайруана.

Движение судоходства в рейде Голетты в 1892 году: пришло 1.332 судна, общей вместимостию в 547.758 тонн.

В дурную погоду, при сильном волнении, короткая переправа с корабля на берег далеко небезопасна, и грузы очень часто подвергаются авариям: торчащие из воды мачты указывают место крушения судов, затонувшие корпусы которых образуют своего рода подводные камни. Таким образом перевозка пассажиров и товаров с рейда в Тунис сопряжена с значительными издержками и опасностями. С тех пор, как открылось прямое железнодорожное сообщение между Тунисом и Боной, и установился двойной торговый поток внутрь материка через таможенную станцию Гардимау, торговое движение направилось главным образом к Алжирии: точка равновесия притягательных сил, действующих из Туниса и Боны, находится не на половине дороги; наибольший пояс притяжения принадлежит Боне, благодаря тому, что этот город имеет хорошо защищенную гавань, где товары могут быть грузимы прямо с набережной; даже из окрестностей Туниса грузы иногда отправляются в Европу, через бонский порт.

Понятно, как важно для тунисцев восстановить естественное равновесие устройством искусственного порта, достаточно глубокого и хорошо обезопашенного от ветров. По проекту, предположено сделать в рейде глубокий вход при помощи жете и продолжить этот канал прорезом в береговом поясе или косе Голетты, к югу от города и узкого прохода, которым теперь следуют барки, и который сам, вероятно, есть не что иное, как прорез, сделанный рукой человека и заменивший собой древний проток. Посреди озера Багира судоходный путь будет расчищен драгами в мягком иле и в известковой скале ложа до глубины шести с половиной метров, вполне достаточной для судов, посещающих Голетту; вся площадь будущего бассейна исчислена в десять гектаров[1]. Рыбная ловля довольно прибыльна в Тунисском озере; ею занимаются десятка три барок, добывающих около 1.500 тонн рыбы в год[2]. Некоторые спекуляторы предлагали совершенно осушить это озеро, за исключением канала; но едва-ли это дело, впрочем, легко осуществимое, стоит труда, если принять в соображение, что известковая почва дна не могла бы быть обращена на пользу земледелия без больших затрат на удобрение. Скорее нужно было бы осушить себху Сельджум, на юго-востоке от Туниса; простого разреза достаточно было бы, чтобы дренировать это нездоровое озеро или, вернее, болото, разливающееся на пространстве 2.500 гектаров, и уровень которого почти на 6 метров выше уровня моря[3]. В настоящее время из этой себхи добывается небольшое количество соли.

Как «ученый город», Тунис не имеет никакого значения; ему нужно еще все сделать, прежде чем можно надеяться снова заслужить ту лестную репутацию, какою он пользовался в средние века, когда имя эль-тунси, «тунисец», было почти синонимом человека науки и литературы. Правда, он и теперь имеет не менее 113 начальных, или «коранских» школ на 500, существующих во всем регентстве, а высшие его училища или медрессе, основанные при мечетях, всегда переполнены студентами, которые читают на память коран, изучают «науку преданий» и повторяют, подобно воспитанникам каирскаго университета эль-Ахзар, правила грамматики, медицинские формулы, астрологические рецепты, волшебные заклинания. Джемаа Зитуна, «мечеть маслин», красивейшее религиозное здание Туниса, посещается 600 воспитанников, тунисских или иногородных уроженцев; молодые алжирцы представлены в этой школе многочисленной колонией. Приезжающие из внутренних мест регентства почти все записываются в студенты, чтобы избегнуть воинской повинности и избавиться от платежа подушной подати. Тунисские студенты штудируют преимущественно право и грамматику, чтобы получить диплом, который дает им возможность занять место преподавателя или нотариуса. Эта мечеть имеет две библиотеки, состоящие из сочинений старых арабских комментаторов, сочинений очень чтимых, которыми можно позаимствоваться не иначе, как

1 Теперь план этот осуществлен, и с 1893 г. открыт канал для больших торговых судов, проведенный от Голетты до новой гавани Туниса. *Ред.*

2 „Jonrnal officiel de la Republique francaise“, 28 nov. 1881.

3 „Tunis-Journal“, 25 fevr. 1885.

с разрешения шейх-эль-ислама, главы университета[1].

Но теперь толчок для обновления науки должен придти извне. И он действительно приходит: кроме начальных школ, итальянских и французских, и учебных заведений, основанных духовенством, каковы еврейские школы и католическая коллегия св. Карла, посещаемая 240 воспитанников, существуют институты, где мусульмане могут изучать французский язык и первые начала науки. Коллегия Садики, основанная в царствование Садока, имеет слишком полтораста учеников, и уже многие из её воспитанников могли перейти в высшее учебное заведение, институт Алауи, недавно основанный, нечто в роде нормальной школы, где получают образование учителя для будущих школ регентства, и где молодые люди, мусульмане и европейцы, сидят рядом на одних и тех же скамьях. В 1885 году насчитывали до шестисот детей магометанской религии, получающих французское воспитание; даже студенты мечетей приходят на вечерние курсы, открытые для взрослых, пополнять свое образование, с разрешения своих духовных наставников. Что касается франко-еврейских школ, основанных обществом Alliance israelite, то они обучают французскому языку слишком тысячу двести детей.

В конце 1894 г. существовало 93 публичных учебных заведений, из них 22 женских и 10 смешанных, кроме того—8 частных заведений. Общее число учащихся—13.970 (4.814 девочек).

По ассимиляции идей, которую дает изучение вместе одних и тех же предметов и на одном и том же языке, Тунис уже стоит выше своего соперника Алжира, несмотря на то, что последний уже более полвека находится под французским владычеством[2]. Но столица регентства до сих пор не обзавелась еще ни публичной библиотекой, ни музеем, хотя в ней есть драгоценные частные коллекции; она не нашла другого помещения, кроме ящиков, для книг, которые были принесены ей в дар или отказаны по духовному завещанию. Арабский историк Ибн-Халдун родился в Тунисе.

Вне укреплений здесь не видно, как вокруг французских городов, предместий, вытянувших длинные ряды своих домов по обеим сторонам дороги: пустыня начинается у самых ворот города; только на холмах цепи, отделяющей лагуну Бахира от озера Сельджум, есть несколько фортов и два монастыря. Замок Бардо, в равнине, к северу от озера Сельджум,— не одинокое здание, а особый город, с валами и угловыми башнями, предназначенный для помещения не только бея, но также его двора, гарнизона и целого населения придворных поставщиков и мастеров: прежде, чем достигнешь собственно дворца, нужно пройти по кругообразной улице, которая представляет настоящий базар, в роде тунисских *суков*, с тою разницей, что здесь не увидишь ни красивых тканей, ни драгоценных украшений, ни кожаных изделий артистической работы. Самые аппартаменты бея, испещренные орнаментами, арабесками, вышивками, нарисованными цветками, уставленные мраморами и алебастрами, увешанные золотыми нитями и бляхами, производят невеселое впечатление беспорядочной и безвкусной смесью форм и цветов, и весь этот мишурный блеск и роскошь кажется тем уродливее, что разорванные обои, щели в стенах, покрившиеся полы, поломанная мебель обнаруживают бедность построек. Не имея пышных претензий замка Бардо, некоторые загородные дома, находящиеся западнее, в масличных рощах Манубы, или на севере от Туниса, в Ариане и Бельведере, так же, как на берегу моря, в долине Марсы, гораздо красивее этого замка, который они далеко превосходят архитектурным стилем, изяществом украшений, обилием цветов, густотой тени. Обычная резиденция бея—в Марсе, где вокруг его дворца группируются отели французского министра-резидента, английского консула и других сановников. Летом в Марсу наезжает много тунисцев купаться в море.

Это дачное место, расположенное в долине, которая разделяет массив Карфагенских холмов и плато некрополей, Джебель-Хауи, оканчивающийся мысом Камрат, соединено с столицей и Голеттой железной дорогой, «последней закладной Италии на Тунис и Карфаген»:

1 Machuel, „L'enseignement public en Tunisie".

2 Delmas, рукописные заметки.

несмотря на расстояние, город, дачное место и порт тесно связаны в один организм. Но приморская часть этого целого в настоящее время не имеет большого значения. Голетта, или Гулетта (La Goulette), Хальк-эль-Уэд, то-есть «Горло реки»,—это маленький городок, с итальянской физиономией, занимающий, вокруг старой, полуразрушенной цитадели, западный берег канала, которым суда входят в Тунисское озеро; на восточном берегу казармы, мечеть, фабрика и ворота, дающие проход на дорогу в Радес,—единственные постройки Гулетты: новые дома, составляющие уже целый квартал, строятся в самой узкой части песчаной косы, ligula древних. Далее, у подошвы Карфагенских холмов, военный госпиталь в Краме («Смоковницы») служит ядром нового поселения кузнецов, харчевников, садовников. На высотах, Малка занимает то самое место, где было расположено одноименное предместье древнего Карфагена, и домишки её, как и лачуги в Сиди-Дауд и Дуар-Эс-Шот, построены из обломков античных цистерн, городских стен, амфитеатра, цирка. Наконец, на высшей вершине Карфагенского мыса показываются, среди масличных деревьев, белые дома деревни Сиди-Бу-Саид, похожие на глыбы мрамора: это было некогда священное место, куда не допускались христиане. Теперь эта деревня, над которой господствует высокий (около 130 метров) маяк, освещающий рейд,—одно из любимых дачных мест тунисцев.

Первая финикийская колония, вероятно, была построена на оконечности мыса, между морем и озером, в том месте, где ныне находятся Крам и полузасыпанные бассейны портов; но Комбе, Камби или Каккаби (?), город сидонских переселенцев, древнейшая колония на этом берегу, вместе с Гиппоной, повидимому, не достиг цветущего состояния. Счастье пришло лишь с тирской иммиграцией, когда был основан «новый город», Кириаф-Хадешат или Картадаш,—откуда римское название Carthago (Карфаген)[1]. Плато, на котором первые тирские поселенцы хоронили своих покойников за городом, и где они воздвигли впоследствии крепость Бирсу, было отождествлено археологами несомненным образом. Лежащее на юге, в массиве карфагенских холмов, это плоскогорье ниже мыса Сиди-Бу-Саид, но оно удобнее в том отношении, что представляет для обширных строений более правильное основание; впрочем, вероятно, человек дополнил в этом месте дело природы, не насыпкой земли, как полагал Барт[2], а наоборот—выравниванием почвы, подобно тому, как афиняне сравняли поверхность под Акрополь[3]. Центр возвышенной площади был занят храмом Эшмуна, а во времена римского господства там поклонялись Эскулапу, представляющему, под другим именем, ту же божественную силу; с 1842 г. на этой земле, уступленной Франции, стоит часовня, посвященная Луи-Филиппом Людовику Святому. По местной легенде, король Франции перед смертью перешел в ислам, и его-то арабы чтут до сих пор под именем «Отца-Господина», Бу-Саид. Другая легенда, сложившаяся у христиан Туниса, утверждает, что слой пепла, на котором умер св. Людовик, находился на плато Бирса, там, где теперь стоит часовня, но это не подтверждается никаким историческим документом; предание это, по всей вероятности, создано естественным желанием связать с священным местом то или другое памятное событие. Часовня окружена прекрасным садом, а стены ограды заключают в своей каменной работе тысячи древних камней, надписи пунические, римские и христианские, бюсты, барельефы, фрагменты изваяний, изображения языческих богов и христианских святых и мучеников, алтари и надгробные камни. Постройки семинарии, занимающие одну из сторон четырехугольника Бирсы, содержат в нижнем этаже драгоценнейшие надписи, коллекции, урны, камни с резьбой, разные вещи из стекла и металлов. Что придает еще больше цены этому музею, составленному преимущественно из местных древностей, так это чудная панорама, развертывающаяся перед глазами зрителя с высоты террасы Бирсы: озеро и рейд, Гулетская коса, гора Бу-Курнейн, напоминающая Везувий, отдаленный пик Загуан, и, в непосредственном соседстве плоскогорья, блестящие извилистые воды древних гаваней Карфагена.

1 Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l'Orient".

2 „Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres".

3 Tissot, цитированное сочинение.

На самой крутой стороне скалы Бирса, ныне покрытой слоем растительной земли, исследователь Беле открыл стены, имеющие кое-где до 5 метров высоты и по роду постройки похожия на стены, известные под именем циклопических. Одно место, покрытое пеплом и содержащее во множестве куски металла, обломки стекла, мелкие черепки глиняной посуды, есть, может-быть, остаток пожара, предшествовавшего сдаче Бирсы, во время осады её солдатами Сципиона. Стена, обнаруженная раскопками, имеет не менее 10 метров (14 аршин) в ширину, так что, следовательно, пять или шесть колесниц могли ехать в ряд на террасе вершины; в толще этого сооружения были устроены обширные комнаты, служившие, без сомнения, магазинами и приютом для гарнизона. Вся постройка отличается твердостью самых крепких скал. Что касается римских стен, построенных на фундаменте пунических сооружений, то они гораздо менее прочны, и порох без труда разламывает их. Другие памятники, даже прикрытые грудами последующих развалин, тоже разрушены или обращены в бесформенные обломки. В самом деле, «Тунис и его окрестности не имеют другой каменоломни, кроме Карфагена: арабы не уступят кротам в искусстве минировать почву; они пробираются подземными траншеями и постепенно идут вдоль античных стен, выламывая камень за камнем; они уносят обломки, не зная даже, что разрушают». Еще недавно существовала особая корпорация «искателей камней». В средние века итальянские республики систематически эксплоатировали руины Карфагена для постройки своих собственных зданий; по преданию, город Пиза весь построен из мраморов пунического города[1]. Теперь Карфаген своим большим кирпичным заводом, устроенным у подошвы холма Бу-Саид, доставляет строительный материал окружающим городам и деревням.

К востоку от террасы Бирса, на пологом скате холма, виднеются древние цистерны, сохранившиеся лучше всех других резервуаров, принимавших воды из Адрианова водопровода. К сожалению, на восточной оконечности, где был убран слой земли, защищавший их от непогод, эти цистерны частию засыпаны обвалившимися обломками сводов, но западная сторона их еще в отличном состоянии: дождевые воды, просачивающиеся сквозь почву, сохраняются там чистыми, и арабы приезжают к этим античным водохранилищам наполнять свои бочки с помощью ведер; шум от наливаемой воды разносится далеким эхом по пещерам. Уже не раз поднимался вопрос о поправке карфагенских цистерн для водоснабжения Гулетты и Марсы, и, без всякого сомнения, эта настоятельно необходимая работа будет исполнена в близком будущем. Общая вместимость цистерн в Бирсе, исчисляемая в 30.000 кубич. метров, превосходит вместимость всех других резервуаров, лежащих на пути Загуанского водопровода. Что касается цистерн в Малке, то они были обращены арабами-троглодитами в жилища и погреба.

Древние порты Карфагена, выкопанные в том месте, где основалась первая пуническая колония, тоже вполне сохранились, но вход в них закрылся, и военная гавань не сообщается более с купеческими бассейнами или доками. Археологи отыскали в наносной земле стены и набережные, которые и служат опорной точкой для определения первоначального состояния, и остров, где имел пребывание адмирал, все еще виден посреди северного бассейна; остаются сомнения только относительно некоторых деталей. Впрочем, всякия попытки реставрации Карфагенского порта были бы бесполезны, в виду того, что нынешним судам нужны, для их эволюций и якорной стоянки, бассейны с широким входом и с большой глубиной. Если бы Карфаген был вновь отстроен, как это неоднократно предлагали, то новый порт следовало бы устроить не внутри материка, а в открытом море. Можно бы было от последнего основания каменистых холмов, при начале Гулетской стрелки, провести прямо на юг, до глубины 10 метров, жете, которое отделило бы от моря обширное водное пространство, почти всегда тихое, даже без искусственного прикрытия, благодаря мысу Бу-Саид, защищающему эту часть рейда от западных и северных ветров. Во время присоединения Туниса к Франции, может-быть, возможно было, смелым ударом, перенести столицу опять в Карфаген; как показывает план римского города, улицы, пересекающиеся под прямым уг-

1 Beule, „Fouilles a Carthage“;—Tissot, цитированное сочинение.

лом, все уже проведены, так что фундаменты новых домов могли бы опираться на погребенные под землей античные постройки. По здоровости климата, красоте и живописности местоположения, торговым удобствам, не менее, чем по славе своего имени, этот новый Карфаген далеко превосходил бы Тунис; но, несмотря на все это, не решились затронуть установившиеся права, ни изменить привычки торговли. При том же торговле трудно было вновь приобрести почву древнего Карфагена, наибольшая часть которой сделалась, как холм Бирса, церковным имуществом. Весь периметр ограды пунического города превышал 28 километров; он обнимал на севере холм Камарт, или джебель Хауи, бывший в одно и то же время некрополем и каменоломней Карфагена: нежный известняк этой горы изрыт сотнями тысяч могил пунических, римских и христианских. У подножия холма расстилаются лагуны Сухара, бывшее место стоянки пунического флота; сухарские салины, плохо разрабатываемые, являются, однако, важнейшим, по количеству добычи, соляным промыслом регентства.

Хотя нынешняя столица, Тунис, так же как древний Карфаген, лежит у географического выхода равнин и верхних долин Меджерды, но собственно бассейн этой реки не заключает в себе городских поселений, которые могли бы сравниться, по числу жителей, с приморскими городами, каковы Сфакс и Суза. На берегах притоков уэда Меллег, который по длине течения может считаться главной рекой этого бассейна, встречаются лишь становища арабов среди развалин обширных городов. В римскую эпоху эта область, которая теперь на первый взгляд кажется совершенно пустынной, потому что жилища её обитателей почти не отличаются от почвы, была одной из многолюднейших стран цивилизованной Африки; подобно, тому, как на верхних притоках уэда Гафса и рек, впадающих в озеро Кельбиа, путешественник каждый день встречает в этой местности величественные руины, господствующие над обширными пространствами обломков. Один из этих древних городов, лежащий близ алжирской границы, верстах в сорока к северо-востоку от Тебессы, по мнению путешественников Темпля, Пелисье, Герена, есть Аммедара Птоломея; у арабов он известен под именем Хайдра. Эти развалины имеют около шести километров в окружности и заключают в себе цитадель, триумфальную арку, воздвигнутую во времена Септимия Севера, театр, несколько христианских базилик. В 20 километрах к северо-востоку, тоже на берегу уэда, подпритока Меллега, местечко Тала, еще обитаемое, затеряно среди обширного поля развалин, которое, под тем же именем Тала, было некогда богатым городом, куда Югурта, во время войны с римлянами, пытался, но тщетно, поместить, как в безопасное убежище, свое семейство и свои сокровища: после сорокадневной осады и нескольких приступов, город пал, но защитники его, укрывшиеся в царском дворце, сожгли себя, вместе со всеми драгоценностями, насмеявшись таким образом над яростью римлян и обманув их алчность. Недалеко от Талы видны остатки другого города, термы которого еще посещаются соседними арабами, принадлежащими к племени маджер. Эль-Гаммам, или «Горячая ванна»—так называют они всю эту группу построек, частию разрушенных, частью пощаженных временем.

Эль-Кеф, главный город всего бассейна уэда Меллег и вместе с тем всего западного Туниса, тоже ведет свое начало со времен глубокой древности. Уже в финикийскую эпоху он пользовался громкой славой, которой обязан был главным образом храму Астарты, куда приходили со всех сторон на поклонение богине; под римским господством культ этот сохранился, и пилигримы продолжали в течение веков стекаться к храму Венеры, а местные девушки, жрицы Афродиты, по-прежнему соблюдали обычай отдаваться прохожим, чтобы скопить себе этим способом приданое. Название города, Sicca Veneria[1], сохранялось долго под формами Шикка-Бенариа или Шакбанария: арабы переделали его в Шок-бен-Нахр, или «Огненный хребет», что дало повод предполагать,—но совершенно ошибочно—существование вулканов в стране[2]; теперь город известен только под именем Эль-Кеф, или «Скала». Построенный амфитеатром на откосе и вершине горы Джебель-Дир, на средней высоте 800 метров, Эль-Кеф приобрел важное значение, благодаря своему стратегическому и торго-

1 Victor Guerin, цитированное сочинение.

2 Pellissier, „Description de Regence de Tunis“.

вому положению, в центре соединения почти всех больших дорог западного Туниса, расходящихся в разные стороны на юг от Меджерды; кроме того, он имеет одну выгоду, чрезвычайно ценную в этой области, где воды вообще скудны, это—обилие родниковых вод: один из его фонтанов выходит из пещеры с римскими аркадами; сохранились также прекрасные римские цистерны. Французы выбрали Кеф как удобную военную позицию, откуда можно командовать всей страной между Кайруаном, Тебессой и Сук-Ахрасом, и гарнизон, который они там поставили, много способствовал увеличению местной торговли. Две колесные дороги, впрочем, очень трудные, а иногда и не безопасные, соединяют Эль-Кеф с тунисской железно-дорожной линией: они проходят через Небер, маленький городок, окруженный садами и гранатовыми деревьями. Недавно в Кефе основаны географическое и археологическое общества,—пример, которому не мешало бы последовать многим другим, более важным городам.

В долине Меджерды военный и таможенный пост—нарождающаяся деревня Гардимау; она занимает выход ущелий, по дну которых бежит извилистая река, спускающаяся с алжирских плоскогорий, и отсюда начинаются великолепные равнины центрального Туниса. Несмотря на естественную важность этой позиции, защищаемой крепостцой, Гардимау пока еще не более, как кучка убогих домишек. Гораздо значительнее была римская колония Симитту, развалины которой находятся на северо-востоке от Гардимау, между двух каменистых холмов, господствующих над равниной. Симитту, называемая ныне Шемту, была одна из главных станций на дороге из Карфагена в Гиппону; с далекого расстояния виднеются руины её амфитеатра и остатки моста через Меджерду, по которому проходила дорога из Sicca Veneria к порту Табарка. Скалы, возвышающиеся над Шемту, состоят из прекрасного мрамора с розовыми, желтыми, зелеными, пурпурными прожилками, который эксплоатировали уже в римскую эпоху для постройки императорских дворцов. Несколько лет тому назад возобновлена разработка этой древней каменоломни, и целая колония итальянских рабочих поселилась на развалинах Симитту: исчисляют в 25 миллионов кубич. метров годный к разработке массив мраморов, выступающих над поверхностью почвы[1]. Выламываемые глыбы мрамора доставляются по особой ветви на железную дорогу, идущую вдоль реки, и перевозятся в тунисский порт; в римскую эпоху их отправляли прямо в Табраку, через горы Хумирии.

Ниже Гардимау другая станция железной дороги свидетельствует о большом контрасте, который современное состояние представляет в этой области Туниса с цивилизацией прошлых времен. Сук-эль-Арба, или «Рынок Середы», лежит на правом берегу Меджерды, посреди большой равнины Дахла, необозримой площади, засеянной хлебными растениями, высокие стебли которых, колеблемые ветром, наклоняются и поднимаются в виде длинных волн. Чернозем, слой которого достигает здесь нескольких метров толщины, отличается редким плодородием, и ни один сад регентства не дает таких прекрасных плодов, как сад, недавно разведенный возле железно-дорожной станции. С стратегической точки зрения Сук-эль-Арба тоже имеет чрезвычайно важное значение: здесь проходит дорога, построенная инженерами между крепостями Эль-Кеф и Айн-Драгам, в Хумирии; недавно в этом месте, на самом берегу Меджерды, устроен небольшой укрепленный лагерь, командующий над переправой через реку, где еще нет моста; впрочем, арабы племени джендуба, владеющие равниной, всегда были союзниками французов. Будущая ценность этой позиции так хорошо понята, что компания железной дороги сделала ее центральной станцией между Тунисом и Сук-Ахрасом; а между тем Сук-эль-Арба, земли которого, принадлежащие одному владельцу, продаются по баснословно дорогим ценам, представляет еще только кучку грязных лачуг. Правда, в окрестностях рассеяны во множестве дуары (селения арабов), закрытые чащами варварийской смоковницы и репейника, в которых исчезла бы лошадь с всадником. По средам несметная толпа покупателей и продавцов теснится на дорогах, ведущих к Сук-эль-Арба, а на следующий день торговое движение направляется на северо-восток, к другой

1 Renier-Malherbe, „Tunis-Journal“, 4 juillet 1885.

станции равнины, Сук-эль-Хмис, или «Четверговый рынок». Римский город, где сосредоточивалась торговля этой плодородной области Африки, находился к северо-западу от Сук-эль-Арба, на западном мысе цепи холмов, называемой ныне джебель Ларбеах. Этот город, Булла-Региа, оставил после себя только развалины укреплений, триумфальной арки, театра, моста[2]. Термы его были питаемы водами очень обильного ручья, который недавно отвели в лагерь при Сук-эль-Арба.

Бежа, самый значительный город в части Туниса, ограниченной с юга течением Меджерды,—тоже древнего происхождения. Нынешнее его название происходит от имени Вакка, или Вага, которое он носил в римскую эпоху; но в самом городе не видно никаких обломков старины. Бежа построен амфитеатром на восточной отлогости холма, над зеленеющей долиной, по дну которой извивается уэд того же имени; со всех сторон к городским воротам сходятся широкия прекрасные дороги, охватывающие там и сям островки зелени и везде исполосованные черными колеями, которые отделены одна от другой блестящими следами, оставленными подковами лошадей. Окруженный старыми, иззубренными стенами, Бежа доминируется касбой красного и серого цвета, которую теперь занимает маленький французский гарнизон; нижняя часть города, вид которого еще не изменен никакой постройкой европейской архитектуры, представляет террасами своих домов ряд белых ступеней. Главная мечеть, посвященная Сиди-Аиссе, то-есть «Господу Иисусу», есть древняя базилика, как о том свидетельствует надпись на стене, открытая Гереном: по словам туземцев, это древнейший религиозный памятник во всем Тунисе. За исключением нескольких десятков мальтийцев, на улицах Бежи не видать иностранцев, и европейцы редко посещают тамошний базар. Тем не менее, этот город связан соединительной ветвью с главной железно-дорожной линией регентства, благодаря важности его рынка для торговли хлебом и другими земледельческими продуктами; во время ярмарок купцы съезжаются со всех концов, и население его почти удваивается. Окружающая местность сохранила специальное имя «Фраскиа», принадлежавшее некогда всей римской провинции[1]: по странному контрасту, это имя «Африка», с одной стороны, съузилось до того, что обозначает один маленький округ, а с другой—получило такой широкий смысл, что применяется ко всему континенту. Многочисленные рудники в горах, к северу от Бежи, в скором времени будут иметь к своим услугам железно-дорожные линии, которые направятся к мысу Серрат и к Табарке. Совершенно естественно, что торговля этой области должна направляться прямо к ближайшему морскому берегу, вместо того, чтобы делать длинный обход через Тунис и Гулетту.

Бассейн уэда Халлад, впадающего в Меджерду, у входа ущелий, где извивается эта река, есть одна из богатейших местностей регентства по обилию прекрасных остатков карфагенской и римской старины. В верхней долине притока следуют один за другим Зенфур (древний Ассурас) и Мест (древний Мусти), с их развалинами храмов, театров, с античными мавзолеями и триумфальными воротами. В нижней части долины, Дугга, древняя Тугга финикийская и римская, представляет еще больший интерес для археолога: здесь можно видеть почти всю серию публичных памятников, которыми во времена империи украшались большие города; но среди этих руин уже нет знаменитой двуязычной надписи, пунической и ливийской, драгоценнейшего текста, завещанного регентством современным эпиграфистам: этот камень, открытый в 1631 году французским ренегатом Томасом д'Аркос[2], и изучение которого послужило исходной точкой для исследований, приведших к восстановлению берберского алфавита, был отделен от величественного мавзолея, где он составлял один из фасов, и перевезен в Британский музей в Лондоне. К несчастию, арабы, которых Рид нанял для исполнения этой работы, разломали значительную часть здания, и теперь вход в усыпальницы завален грудами обрушившихся камней. Верстах в пяти к северу от Дугги, среди

2 Tissot, „Le bassin de Bagrada et la voie romaine de Carthage a Hippone, par Bulla Regia", memoire presente a l'Academie des Inscriptions, 1881.

1 Pellissier, „Description de la Regense de Tunis".

2 Carette, „Etudes sur la Kabilie";—Barth, цитир. сочинение.

оливковых плантаций, дающих лучшее масло этой области, новый городок Тебурсук лепится по крутому склону горы, окруженный белой стеной, с четыреугольными башнями по бокам: тут тоже стоял финикийский город, отстроенный впоследствии римлянами, и до сих пор сохранилось много античных обломков, особенно вокруг обильного фонтана, который видел рождение города Thibursicum Bure. На запад от Тебурсука высятся кручи Джебель-Горры, как говорят, очень богатой жилами серебро-свинцовой руды; однако, эти рудники, изрытые сотнями буровых скважин, пробитых карфагенянами и римлянами, теперь заброшены, хотя не трудно было бы соединить их ветвью с главным железным путем Туниса.

Другой речной бассейн, бассейн уэда Сулиана, впадающего в долину Меджерды на северо-востоке от Тебурсука, почти не менее предыдущего богат остатками античных городов; в этом бассейне, также как в бассейнах Халлада и Мелага, археологи ищут место, которое некогда занимала «Таинственная Зама»[1]. Недалеко от плато Эль-Кессера, где найдено много долменов, сохранились еще грандиозные руины римского oppidum Mactaritanum, ныне Мактер. Лагерь Сук-эль-Джемаа, расположенный на соседнем плато, был выбран как промежуточный пост между Кефом и Кайруаном: это стратегический центр всего Туниса к югу от Меджерды.

Ниже слияния уэда Силиана с главной рекой, маленький городок Тестур, древнего происхождения, построен на правом берегу Меджерды; благодаря трудолюбию «андалузских» мавров, составляющих большинство его населения, он окружен садами и полями, лучше содержимыми, чем в других городах внутреннего Туниса. Ниже, на том же берегу, стоит местечко Слугиа, населенное торговцами и проводниками, которые указывают караванам броды в реке и облегчают им переход. Еще ниже, Меджез-эль-Баб, тоже на правом берегу, охраняет вход в нижнюю долину Меджерды; свое название, означающее «Брод» или «Переход у ворот», он получил от триумфальной арки, построенной некогда на южной оконечности римского моста, но от которой теперь остались только отдельно лежащие камни, посреди старого русла. Современный мост перекинут через новое русло, которое вырыла себе Меджерда. Маленькие города, которые мы встречаем далее на берегах этой реки, Тебурба и Джедейда, принадлежат уже к городскому округу Туниса, и жители их, из которых многие приписывают себе андалузское происхождение, снабжают столицу овощами и плодами. Тот и другой имеют мост через реку, железно-дорожную станцию и кое-какие мелкие промышленные заведения: в Тебурбе делают шешии, в Джедейде существует большая мукомольная мельница. Тебурба сохранила имя римского города Tuburbo minus (Тубурбо Малый), и в окрестностях её видны еще кое-какие остатки амфитеатра, арена которого заросла кустарником; но город переместился: римская колония находилась западнее, на скатах холма.

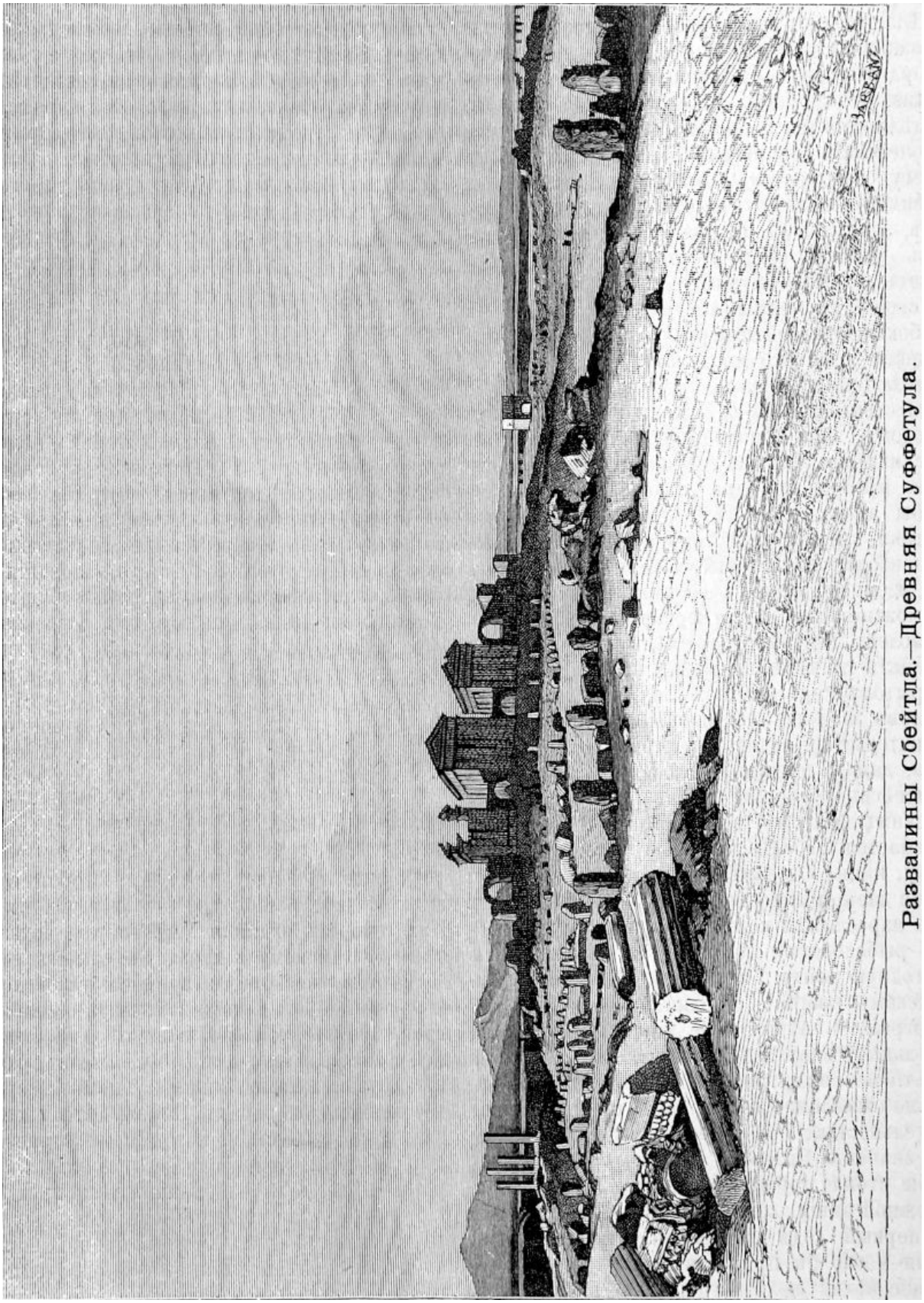
К северу от Джедейды, Меджерда, протекающая по низменностям и болотам, не имеет более городов на своих берегах. Город, командовавший её устьем, Утика, старшая сестра Карфагена, исчез, и место, где он стоял, указывается теперь только куббой, «марабутом» Бу-Шатер; может-быть, это имя, которое значит «Отец ловкости», человек мудрый, напоминает знаменитого Катона Утического, прославившагося своими высокими доблестями и спокойствием духа перед смертью[2]. Исследование почвы и раскопки позволили определить местонахождение акрополя Утики, водопровода, цистерн, амфитеатра и театра, терм, набережных «котона», или военного порта; археологи могли даже воссоздать приблизительно план города, с его стенами и зданиями, и в грудах обломков открыли несколько драгоценных вещей[3]; но не осталось ни одного памятника, стены которого возвышались бы еще над поверхностью почвы. На оконечности Утической скалы бьет из земли горячий ключ, воды котораго необыкновенно богаты мышьяковыми солями. К востоку от этого мыса, по другую сторону равнины, по которой в наши дни протекает Меджерда, находится другой мыс, тот самый, на

1 Julien Poinsot, „Mission en Tunisie“.

2 Grenville Temple, „Excursions in the Mediterranean“;—Victor Guerin, „Voyage archeologique dans la Regence de Tunis“;—Guyon, „Eaux thermales de la Tunisie“.

3 Daux, „Tour du Monde“, № 590

котором Сципион, во время своего похода против Карфагена, расположился с войском на зимния квартиры: это Castra Cornelia (Корнелиевы лагери). Город Рар-эль-Мелах, который итальянцы называли Порто-Фарина, перестал быть портом с тех пор, как наносы Меджерды



Развалины Сбейтла.—Древняя Суффетула.

почти совершенно заперли проток, через который его озеро сообщалось с открытым морем; гавань его, замыкавшаяся цепью, опустела; верфи, откуда выходили каперы, заброшены.

Бизерта, или вернее Бензерт, сохранившая, в очень искаженной форме, имя древнего

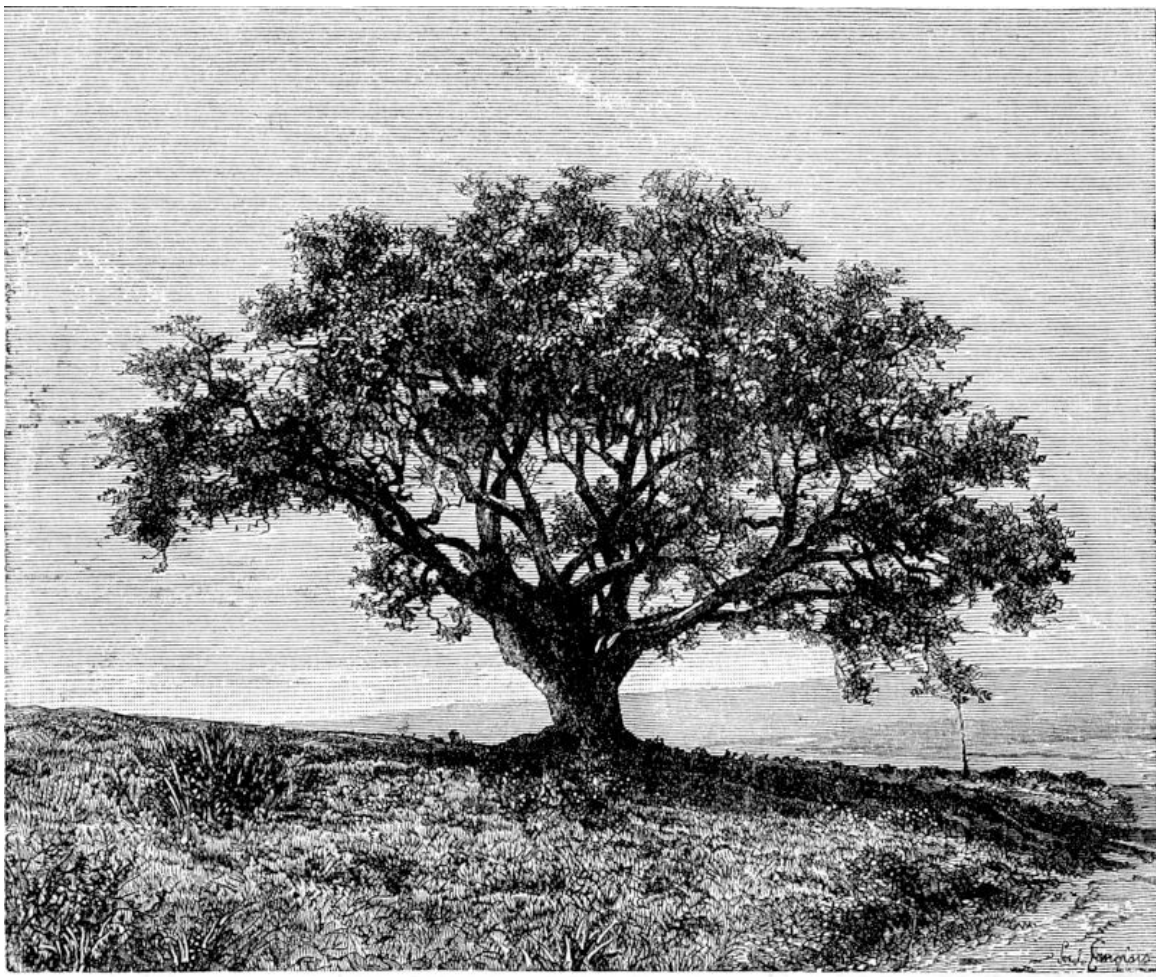
финикийского города Гиппо-Зарите (Hippo Diarrhytus), расположена большею частью на западном берегу неглубокого канала, от которого город и получил название Diarrhytus, что значит «Прорытый». Островок, разделяющий два рукава канала, занят домами европейского квартала; замок, стоящий на берегу, называется Бордж-эль-Зензела или «Цепной», потому что отсюда протягивалась цепь, запиравшая проход. Бизерта не в таком упадке, как Порто-Фарина, и даже имеет довольно внушительный вид, благодаря своим каменным стенам с башнями по бокам и своей четырехугольной касбе, высящейся у самого входа в канал; если её честолюбивым видам суждено когда-нибудь осуществиться, она сделается значительным городом, как главный военный порт французских владений в Африке. После Мессинского пролива, ни одна гавань не представляла бы таких удобств, как её озеро, для стоянки военных флотов и для наблюдения за наиболее посещаемым торговым путем Средиземного моря; с соседних мысов часто можно видеть целые вереницы проходящих кораблей. Теперь суда вместимостью свыше двадцати тонн принуждены бросать якорь в открытом море против Бизерты. Ловля кораллов, издавна уступленная французскому правительству, задолго до присоединения Туниса, давала прежде занятие десяткам двум сицилийских барок, плававших под французским флагом; теперь этим промыслом занимается не более десятка судов[1]; но лов рыбы, именно голавля, и приготовление икры также дает работу большому числу моряков: одна марсельская компания пользуется монополией рыболовства, купленной за определенную ежегодную ренту. Годовой улов рыбы в Бизертском озере составляет около 350.000 килограм.[2]. Андалузские мавры, населяющие отдельный квартал за городской стеной, и мальтийские иммигранты придают городу довольно оживленный вид своей промышленной деятельностью; при всем том действительное значение Бизерты слишком маловажно, чтобы стоило торопиться постройкой железнодорожной линии, концессия на которую выдана в первый год завоевания. В настоящее время могло бы принести пользу только проведение ветви железного пути от Туниса до города Матер, лежащего в хлебородной и богатой скотом местности. Некоторые деревни в окрестностях Бизерты окружены прекрасными садами и плантациями: такова хорошенькая деревня Мензель-эль-Джемиль, живописно расположенная на крутом холме, к северо-западу от озера.

На запад от Бизерты тунисский берег Средиземного моря носит название «железнаго», и суда обегают его: в соседстве его, внутри материка, нет ни одного города, кроме Бежи; туземные племена: могод, амдум, нефза, были еще почти независимы несколько лет тому назад, а хумиры часто прогоняли отряды войск, приходившие за сбором налога. Табарка, римская Табрака, в нескольких километрах от алжирской границы, служит пристанью для каботажных судов и, по своему положению на полпути между Боной и Бизертой, имеет шансы сделаться современем довольно оживленной гаванью, когда устроит у себя молы, доки, набережные и другие портовые приспособления, и когда на дорогах, ведущих внутрь материка, появятся города и селения. В Табаркском рейде начались первые операции французского флота во время вторжения в Хумирию; план нового города был начертан в соседстве морского берега, у юго-восточного основания крутого холма, увенчанного «Новым Фортом», Бордж-Джедид, и к югу от островка, где стоит еще старинный замок генуэзцев, Ломеллини, который был занят ими впродолжении почти двух столетий, с 1540 до 1742 года; кое-какие сохранившиеся еще остатки римских построек напоминают о важном значении, которое имел приморский город Табрака, когда он был соединен широкими дорогами с мраморными ломками в Симитту и, вдоль берега, с Гиппоной и Гиппо-Заритом. Теперь две новых дороги ведут внутрь материка: одна из Табарки в Ла-Калле через рудники Ум-Тебуль, другая к айн-драгамскому лагерю, в самом центре Хумирии; в скором времени узкоколейная железная дорога будет привозить на набережные Табарки дубильное вещество, пробки, лесной материал из соседних лесов, различные руды, железо, свинец, цинк, серебро, добываемые в горах Нефза; другой рельсовый путь, выходящий из той же горнозаводской области, одной

1 Sombrum, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“.

2 „Journal officiel de la Republique francaise“, 28 nov. 1881.

из богатейших в Старом Свете, должен оканчиваться в маленькой гавани, защищенной от западных ветров скалами мыса Серрат. Древние шахты и кучи обломков, называемые «Железными буграми», «Стальными горками», доказывают, что многие из этих рудников разрабатывались, вероятно, в римскую эпоху. Некоторое число семейств, избегших плена во время взятия Табарки тунисцами, в 1742 году, поселились в разных местах побережья, где они до сих пор еще известны под именем табарканцев, а сотен пять беглецов пробрались на остров Сан-Пиетро, близ берегов Сардинии. Около девятисот человек были обращены в рабство, и еще до недавнего времени производился торг табарканцами и табарканками[1]. В Тунисе эти эмигранты в течение почти ста лет были лишены прав, дарованных европейцам; наконец, в 1816 году, сардинский консул принял их под свое покровительство.



Пробковый дубъ на горѣ Фернанѣ.

На юге возвышаются лесистые и богатые металлами горы, произведения которых должны со временем обогатить Табарку; но леса уже истреблены на обширных пространствах, и даже на юге Хумирии почти ничего не осталось от прежних лесных богатств. На длинном хребте горы Фернана, куда сходится множество народа в базарные дни, стоит великолепный пробковый дуб, одинокий гигант, ветви которого имеют около 100 метров в окружности, и который издали указывает горным племенам сборное место торга; это «фернанское дерево», под тенью которого в былое время собирались делегаты хумиров для совещаний о войне и мире, является теперь последним могиканом исчезнувшего леса[2]. Главный пункт этой области, Айн-Драгам, имя которого означает «Серебряный Ключ», считается городом только благодаря тому, что в нем стоит войско; он увеличивается или уменьшается пропорционально численности гарнизона. Впрочем, если бы даже все солдаты были выведены оттуда, как бесполезные для надзора за страной, Айн-Драгам, вероятно, продолжал бы существовать как

1 Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

2 Cosson, „Forets de l’Algerie“.

местечко на этом высоком хребте джебеля Бир, благодаря дорогам, которые сходятся в нем и делают его торговым центром: ни одно северное место торга не представляет по своему положению таких удобств для племен северо-западнаго Туниса, как Айн-Драгам. Недалеко оттуда, на одном зеленеющем холме, ограниченном с востока глубокой долиной, находится знаменитый «марабут» Сиди-Абдаллах-бен-Джемаль, куда со всех сторон стекаются хумирцы в день праздника своего патрона.

V.

Тунис находится в остром переходном состоянии. Оффициально считаясь еще мусульманским государством, он в действительности составляет провинцию французской колониальной империи, и те, кто носит в стране титул господ, низведены на степень слуг, всего более испытывающих на себе тягость подчиненного положения. Приказы все еще датируются годом геджры и содержат в начале старинные восточные формулы; но новая эра началась, и теперь уже с Запада приходит живая сила и воля. Все заметно меняется под влиянием чужеземных элементов: население, вид городов и даже деревень, пути сообщения, промышленность, направление торговых потоков.

Иммиграция, направляющаяся к Тунису, состоит почти исключительно из средиземноморских уроженцев, так как и французы, переселяющиеся в регентство, принадлежат по большей части к покатости великого Внутреннего моря. До установления французского протектората, итальянцы составляли огромное большинство проживающих в регентстве иностранцев; с того времени они сохранили за собой и даже увеличили численное превосходство, благодаря близости их родины и выгодам, которые дает новоприбывшим хорошо знакомая торговая рутина; в 1891 году их насчитывалось около 22.000. Публичные работы, земледелие, мелкие уличные промыслы непрерывно вербуют свою армию между итальянскими пролетариями; французские же иммигранты ищут занятий, лучше оплачиваемых, и потому самому реже встречающихся. Что касается мальтийцев, сравнительно очень многочисленных в Тунисском регентстве, то они распадаются на две совершенно отдельные национальности. Между ними почти все бедняки—горячие католики, усердно исполняющие приказы французского прелата в Тунисе, тогда как мальтийцы, принадлежащие к классу буржуазии, у которых обычный язык итальянский, естественно тяготеют к Италии, с которой они связаны нравами и политическими симпатиями. Нельзя скрыть, что в Тунисе господствует настоящая вражда между двумя группами колонистов—французами и итальянцами. Последние не могут еще примириться с совершившимся фактом; они смотрят на себя как на законных наследников, которых насильственным захватом лишили имущества, принадлежавшего им по праву, в силу его географического положения и тех интересов, которые они там себе создали. Даже в главном городе края, в Тунисе, экономическая борьба между двумя иностранными колониями приняла характер национальной вражды: две железные дороги, итальянская линия Ла-Гулетт и французская—Бона-Гельма, останавливаются каждая в особой половине франкского квартала, не соединяясь даже к пристани боковым путем; два предприятия, гарантированных национальным бюджетом подлежащих государств, ревниво охраняют каждое свою область и не подпускают к ней своего соперника.

Присоединение Туниса, как дополнения алжирской территории, изменило, однако, положение дел в пользу французского элемента. Еще недавно господствующим европейским языком был итальянский; даже во французских семействах дети, привыкшие болтать поитальянски со своими товарищами, уроженцами Сицилии или Неаполя, переставали, наконец, употреблять, как обычный язык, родную речь своей собственной семьи. Теперь наоборот—французский диалект стремится завоевать себе преобладающую роль в европейском и мальтийском кругу. В школах в собственном смысле, светских и конгрегационистских, также как в великой школе улицы, евреи и мусульмане выучиваются французскому языку, сделавшемуся, после арабскаго, языком страны. Основаны уже правильные школы в большей части значительных городов регентства, а в главных городах, каковы: Тунис, Габес,

Сфакс, Монастир, Суза, Кайруан, Бизерта, Эль-Кеф, существуют, кроме того, нормальные училища, или учительские семинарии, где получают образование туземные наставники.

В 1894 г. по национальностям учащиеся распределялись следующим образом:

Евреев—4.500; мусульман—3.520; мальтийцев—1.447; итальянцев—2.146; французов—2.135.

Преобладание марсельской торговли также способствует офранцужению страны; наконец, гарнизоны и группы чиновников и служащих всякого рода, рассеянные по территории, распространяют все далее и далее употребление французского языка вокруг центров военных и административных, каковы: Айн-Драгам, Эль-Кеф, Кайруан, Суза, Габес. Покупка земель производится почти исключительно за счет французских спекулянтов: нет сомнения, что со стороны плоских возвышенностей Запада установится значительное иммиграционное движение из Сук-Ахраса и из Тебессы, принося в Тунис элементы совершенно офранцуженные, как элементы этой области алжирской территории.

Большие перемены совершаются также в мусульманском мире регентства. В то время, как некоторые племена, привыкшие к независимости, покинули край, чтобы не быть под властью ненавистного руми, на смену им пришли во множестве алжирцы, почти все в надежде утилизировать свою опытность в свите новых господ: их можно встретить во всех городах, в качестве кучеров, извозчиков, носильщиков, служителей. Теперь в страдную пору корабли привозят кабилов целыми грузами в несколько сот человек, и эти-то пришлые алжирцы и научили тунисцев искусству косить луга. Мароканцы, гораздо более сильные и неутомимые на работе, чем тунисские арабы, тоже явились в большом числе, и вместе с сицилийцами расчищают почву под пашни и садят виноград в имениях, недавно приобретенных французами. Вероятно, мусульманское население Туниса, отныне избавленное от междоусобных войн, от набегов разбойничьих племен, от неожиданных и частых поборов, будет в начале возрастать численно под новым режимом; но пример городов Алжирии, где, по неумолимому закону, смертность арабов постоянно превышает их рождаемость, заставляет опасаться, как бы и в городах Туниса не оказался с течением времени тот же результат, вследствие близкого соприкосновения европейцев с маврами. То социальное состояние, так изобилующее пороками, которое мы называем цивилизацией, не действует ли преимущественно своими дурными сторонами, принося слабым элементы нравственной порчи и не давая им в то же время силы сопротивления?

Около городов и станций железных дорог земельная собственность постепенно переходит в другие руки. С 1861 года многие иностранцы покупают земли у магометан, несмотря на неясность прав владения и риск процессов; ожидают, что покупка земель примет обширные размеры с того, вероятно, недалекого времени, когда принятием так называемого «Торренсова акта», заимствованного из законодательства австралийских колоний, формальности будут сокращены и ограничены простой записью состоявшейся сделки в особую, предназначенную для того, книгу. Дебюты французской оккупации в Тунисе отличаются от дебютов завоевания Алжира в особенности быстротой, с которой французы приобретают имения: в первом общая площадь земель, ежегодно переходящих в руки французских собственников, даже превышает совокупность приобретений, делаемых на алжирской территории, хотя последняя в три раза больше пространством. Так, в 1884 году, европейцами куплено земель в Тунисе, в общей сложности, около 40.000 гектаров. Эта разница между двумя смежными странами объясняется тем, что в Тунисе приобретатели прямо покупают земли у туземных владельцев, тогда как в Алжирии земельные участки отводились колонистам по концессиям правительства, после длинных административных формальностей. Но если французское землевладение водворяется в Тунисе гораздо скорее, чем водворялось в Алжирии, то здесь оно в сущности имеет менее демократический характер. В Алжире мы видим настоящих колонистов земледельцев, то-есть людей, которые сами обрабатывают почву, которые воспитывают детей своих на пашне, которые сами стерегут свои поля и сады. Эти-то колонисты, больше, чем солдаты, и составляют истинную силу французского Алжира, потому что они

переселились туда по доброй воле и смотрят на него как на свое второе отечество. В Тунисе же нет таких поселенцев, мелких собственников, которые, кладя краеугольный камень своего жилища, сами, так сказать, становятся твердой ногой на почву и пускают в ней корни: за

Улица въ Тунисѣ.

исключением мальтийских садовников и огородников, промысел которых, впрочем, быстро развивается (в 1883 году из регентства было вывезено около 2.460.900 килограм. плодов и овощей, из этого числа 2.250.400 килограм. из портов тунисского и бизертского), приобрета-

телями земель являются представители европейских финансовых компаний, агенты живущих за морем капиталистов, или, в лучшем случае, предприниматели, которые только присматривают за обширными пространствами земли, обработываемой для них чужими руками. Действительная колонизация Туниса французскими работниками имеет некоторые шансы на успех только на западных плоскогорьях, где сходство физических условий, по обе стороны границы, стремится создать сходные социальные условия. Дело облесения, столь важное для края, начато пока еще только в дюнах Джерида и вдоль железной дороги из Боны в Гельму. В Джериде имели в виду главным образом прикрепление сыпучих песков, тогда как железнодорожная компания занимается акклиматизацией новых древесных пород; между 400.000 дерев, которые она насадила вдоль дороги, наибольшая часть состоит из австралийских акаций, дающих превосходное дубильное вещество, и из одного вида эвкалипта, «синей акации». Новый оазис нарождается близ уэда Мелах, на Габесском пороге, благодаря артезианскому колодцу, плодотворные воды которого извлек из земли путешественник-исследователь Ландас. Но, с другой стороны, обезлесение продолжается, и дело разрушения наверно перевешивает работу восстановления. Целые сосновые леса близ гамады Эль-Кессера были истреблены единственно для продажи коры.

Контраст, существующий между двумя формами землевладения, в Тунисе и в Алжире, проявляется также и в способе земледелия. Тогда как алжирские земледельцы в первое время колонизации и до недавней эпохи придерживались той же системы хозяйства, как и французские крестьяне, стараясь получать со своей земли разного рода произведения, необходимые для прокормления людей и скота—зерновой хлеб, корни, плоды и сено, тунисские плантаторы не занимаются этими многообразными культурами; хотя ими введены некоторые новые растения, как, например, земляные фисташки и рамия, но они спекулируют главным образом на сбор одного продукта—винограда; земледелие изменило характер, чтобы сделаться преимущественно промышленной эксплоатацией почвы. Таким образом эволюция, совершившаяся в экономическом мире вследствие сосредоточения капиталов, проявляется в Тунисе установлением порядка землевладения и способов сельского хозяйства, отличных от тех, какие существовали в Алжирии, в первые полвека французской оккупации. Рабство отменено с 1842 года, даже ранее, чем оно было оффициально уничтожено в соседней Алжирии; но множество туземных поденщиков, хаммесов или «пятинных» пахарей, работающих в имениях крупных землевладельцев, в сущности те же невольники или крепостные, которых хозяева держат в постоянной кабале посредством ссуд, выдаваемых за ростовщичьи проценты под следуемую им долю урожая. Голод часто свирепствовал среди населения Туниса, как ни велико естественное плодородие страны; в зиму 1867-68 гг. мечети и монастыри были переполнены голодающими, и каждое утро целыми телегами увозили трупы погибших голодной смертью[1].

Промышленность в собственном смысле почти не изменилась в способах производства с того времени, как иностранная колония приобрела такое важное значение в стране: торговое присоединение Туниса имело следствием главным образом уменьшение работы в туземных мастерских в пользу иностранной промышленности: хотя механические станки Жаккара введены и у тунисских ткачей, но лионские фабриканты стремятся вытеснить местные изделия с рынков регентства. Точно также с тех пор, как большие пароходные компании, и особенно общество, получающее правительственную субсидию, устроили правильное сообщение посредством своих пакетботов, которые ходят от пристани до пристани, выгружая товары и забирая грузы местных произведений, не осталось почти никакого заработка для мелких парусных судов, которые прежде плавали из гавани в гавань, по воле ветров, течений и приливов.

Движение судоходства в тунисских портах в 1896 г.: пришло—8.389 судов, общей вместимостью 1.805.814 тонн; из них—2.145 пароходов, в 1.669.181 тонну. В общем числе пришедших судов было 1.237 французских, вместим. 846.718 тонн.

1 Gustav Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

Обороты внешней торговли регентства в 1896 г.: привоз—46.444.548 франк., вывоз—34.507.532 франк.

В оборотах внешней торговли, быстро возростающей, самая значительная доля принадлежит Франции с Алжирией (около 27 миллионов франк. по ввозу, и около 26 миллион. по вывозу).

Железные дороги производят внутри страны переворот, подобный тому, который вызвала замена паруса паром; они выводят из употребления старый способ перевозки караванами и перемещают торговые потоки. Уже рельсовый путь из города Туниса в Бону и Гельму, проникая в ущелья верхней Меджерды, обойденной римскими шоссе, отвлек к Боне часть торгового движения, которое до того времени всегда направлялось к Тунису. Точно также железная дорога, которая пройдет через северный Тунис на город Бежа, оканчиваясь в порте Табарка, откроет торговле новый, доселе непрактиковавшийся путь. Другая, более важная линия—из Сук-Ахраса в Габес через Тебессу—позволит обходить всю полуостровную область регентства и направлять товары и пассажиров прямо из алжирских портов в Джерид и в оазисы Триполитании. В 1895 г. общая длина находящихся в эксплоатации железных дорог в регентстве была 1.422 километр., в том числе 1.397 километр. казенных линий.

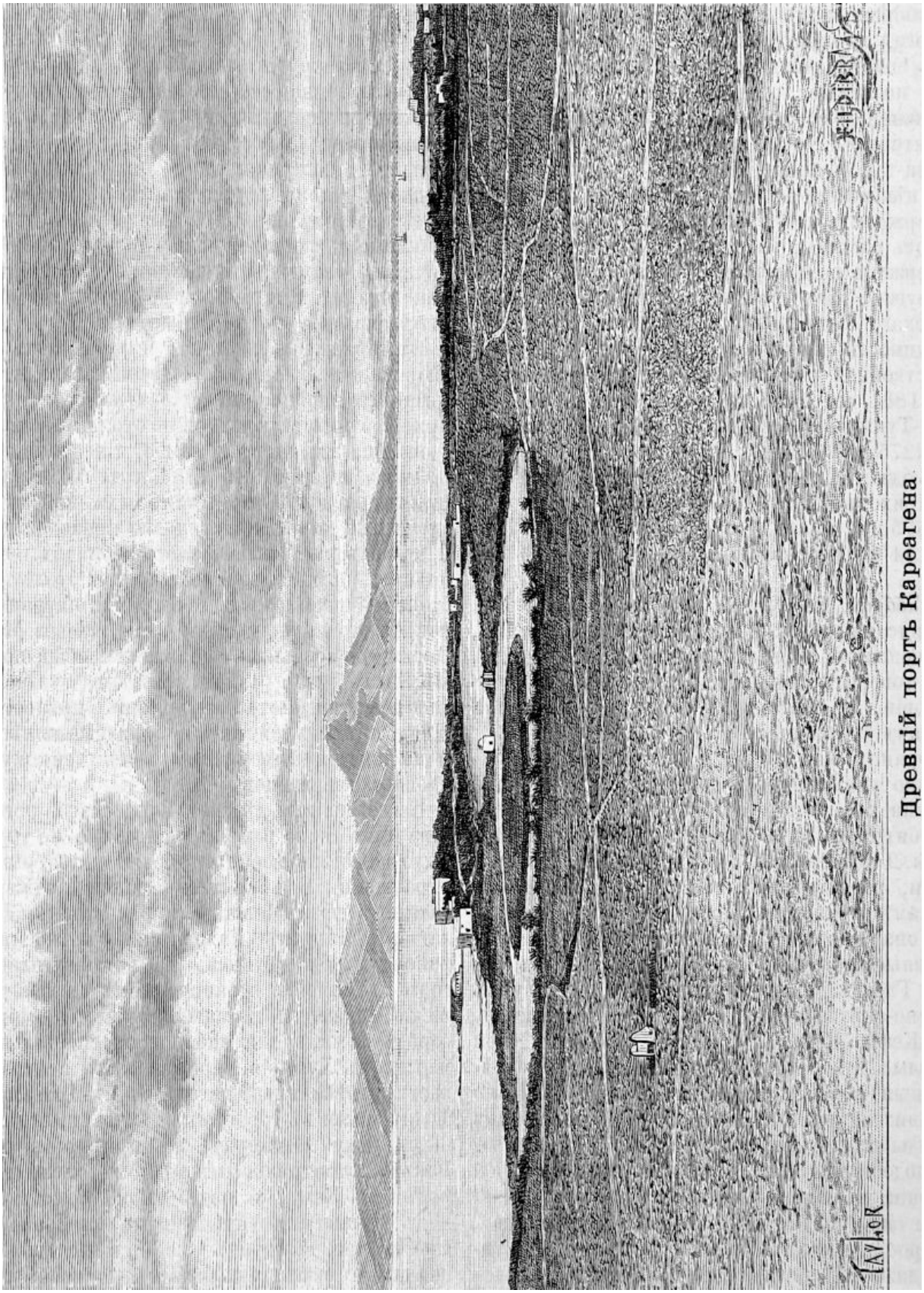
Уже задолго до приобретения сюзеренной власти над Тунисом, именно с 1847 года, французское правительство организовало там почту; впоследствии оно взяло на себя также передачу телеграмм. Теперь между главными городами существует правильное почтовое сообщение, а телеграфные линии пересекают страну во всех направлениях, соединяя алжирскую сеть с триполийской. Арабы уважают, как святыню, телеграфные проволоки и столбы, которые служат им указателями дороги. В 1895 г. общая длина телеграфных линий в Тунисе составляла 3.317 километр.

VI.

Правительство в Тунисе, или «Тунисии» (название, впервые употребленное Мак-Карти в 1847 году), двуглавое—беевское и французское. В силу конвенции, подписанной в Бардо, царствует бей, пользующийся даже неограниченной властью во всех внутренних делах; но Франция, сделавшись протектрисой Туниса, берет на себя заботу защищать его внешнюю безопасность и управлять его финансами чрез посредство «генерального резидента», то-есть одна распоряжается военными рессурсами и казной страны. Следовательно, в действительности французам и принадлежит власть, наружные аттрибуты которой оставлены бею и его агентам. Можно сказать, однако, что в некоторых отношениях Тунис остался особым государством, чуждым Франции: это политическая индивидуальность, имеющая свое собственное законодательство и управление, свои собственные интересы, теперь противоположные интересам соседней Алжирии. В маленьких городах отношения между французами и туземцами регулируются чрез посредство консулов и так называемых «гражданских контролеров», как между иностранными населениями; не позволяют даже, чтобы, «подданные бея» натурализовались французами; таможня осматривает французские и алжирские товары, как будто бы они пришли из Италии или из Англии, и заставляет оплачивать их пошлиной в размере 8 процентов стоимости. Даже меры и весы разные, и в то время, как метрическая система, предложенная Францией, принята полмиллиардом людей в Старом и Новом Свете, она еще не введена оффициально в Тунисе[1]. Трибуналы 1-ой инстанции в Тунисе и Сузе и девять мировых судей—в Тунисе, Бизерте, Сузе, Сфаксе, Эль-Кефе, Габесе, Громбалии, Кайруане и Сук-эль-Арбе—разбирают по французским законам дела между европейцами и туземцами; с 1885 года должностные лица судебного ведомства даже получают жалованье из тунисского бюджета, как чиновники беевского правительства, хотя они подчинены алжирскому апелляционному суду. Консульские трибуналы различных наций упразднены; вне городов отправление правосудия вверено каидам, которым подведомственны низшие судебные органы—халифы и шейхи, в числе переменном. Унизительное наказание палочными удара-

1 С 1895 г. в Тунисии введена метрическая система, кроме мер поверхностей и объемов. *Ред.*

ми, применявшееся всегда руками презренных евреев, теперь уже вышло из употребления. Пресса, состоявшая в 1885 г. только из девяти периодических изданий, подчинена обязательству внесения залога.



Древній портъ Карѳагена

В Тунисе не существует никакой формы парламентарного представительства, которая олицетворяла бы собой конституционные фикции. «Самодержавной» власти бея, теперь ограниченной строго определенным бюджетом, противопоставлена власть генерального ре-

зидента, которая, не будучи самодержавной в принципе, тем не менее осуществляется декретами, составляющими верховный закон для всех и для самого бея: этот генеральный резидент, «полномочный представитель республики в регенстве», один имеет право сноситься с французским правительством, чрез посредство министра иностранных дел. Ему подчинены командиры сухопутных и морских военных сил и все высшие чиновники административных ведомств. Генерал, командующий оккупационным войском и, следовательно, располагающий материальной силой, является по этому самому одним из общепризнанных начальников княжества; архиепископ, начальник маленькой армии священнослужителей и монашествующей братии и духовный вождь всей мальтийской общины, пользуется неоспоримым влиянием, хотя это влияние не опирается ни на какую оффициальную хартию. По наружности управление государственными делами сосредоточено в руках тунисского министерства, которое подразделяется на следующие отделы: финансов, «пера», юстиции, общественных работ, военный и морской; иностранными же сношениями заведует французский министр-резидент, как представитель сюзеренной власти в среде государственного совета. Согласно преданиям, власть бея переходит в мужском поколении к старшему в роде, какова бы,, впрочем, ни была степень родства. Нынешний наследник престола—брат бея; оффициальный его титул—«полевой бей», и, действительно, до недавнего времени он командовал военными отрядами, посылавшимися из провинции к провинцию за сбором податей.

Финансовые затруднения повелителя Тунисского регентства были, как известно, одним из главных поводов занятия страны французскими войсками. Долг бея, составлявший в 1859 году 20 миллионов, возрос в 1869 г. до 275.000.000 франк. Заимодавцы, так охотно снабжавшие бея—конечно, за большие проценты—деньгами под залог его имуществ (доля французов в этих займах около трех пятых), кончили тем, что забрали в свои руки взимание налогов; но им нужен был более верный залог,—косвенное обладание политической властью, чтобы обеспечить свои доходы: отсюда интриги и борьба всякого рода, которые в конце концов, вместе с политическими компликациями, привели к событиям 1881 года. Оттого одна из главных статей трактата, положившего конец независимости Туниса, поставила непременным условием финансовую реорганизацию регентства, которая «обезпечивала бы платежи по государственному долгу и гарантировала права кредиторов Туниса». Доходы страны были разделены на две части, из которых одна предназначена на покрытие обыкновенных расходов по управлению государством, а другая, более значительная, предоставлена кредиторам, в виде обеспечения; таким образом, по конвенции, долг, в сумме 137.500.000 франк., был гарантирован бюджетом государства. Финансовая комиссия, назначенная для охранения интересов кредиторов, получила те доходы, которые всего легче собирать, и поступление которых, следовательно, наиболее обеспечено; в случае недостаточности этого источника, она могла пополнять дефицит посредством предварительного отчисления потребной суммы из государственных доходов, за бюджетом которых она наблюдала: правительству даже запрещено было делать какие бы то ни было преобразования, вводить или изменять налоги, выпускать займы, установлять какую-либо общественную службу без согласия его финансовых контролеров. Комиссия эта не существует более, но интересы кредиторов и теперь так же хорошо охраняются. Главные доходы, которые им предоставлены,—таможенные сборы, получаемые от взимания пошлины с привозных и вывозных товаров, арендная плата за сдаваемые на откуп монополии табачную, рыболовную и соляную, рыночный и складочный сбор в большей части городов, налог на оливковые деревья в Сахеле и в других округах. Самый непопулярный налог, меджба или подушная подать, все еще взимается в пользу государства: он состоит в сборе 27 франк. с души, к которому прибавляются издержки взимания, тем более значительные, чем более плательщик затрудняется взносом; при том же этот налог падает почти только на бедняков, так как люди состоятельные нашли средство избавиться от него; все жители столицы изъяты от платежа подушных. Другой крайне обременительный налог—*кануи*, взимаемый с маслин, кроме десятины: в неурожайные годы часто случалось, что земледельцы сами срубали свои деревья, чтобы сборщики не пришли к

ним требовать налога, которого они не в состоянии заплатить[1]. Значительное возрастание торговли в эти последние годы, обуздание контрабанды, увольнение четырех тысяч чиновников-паразитов и строгое применение правил о взимании таможенных пошлин позволили ввести некоторый порядок в финансовый хаос; утверждают даже, что теперь доходы превышают расходы, как будто не нужно считать издержек по содержанию оккупационной армии и других расходов, покрываемых из французского бюджета и представляющих в совокупности почти всю сумму тунисской государственной росписи. Кредиты, вотированные с 1881 по 1885 год для целей оккупации Туниса, составляли в сложности до 181.275.229 франк.[2].

Бюджет Тунисского регентства в 1897 г.:

Приход—23.676.100 франк.; расходы—23.675.257 франк.; государственный долг около 144 миллион. франк.

Габбусы, то-есть не отчуждаемые земли, приписанные к богоугодным заведениям, не вошли в сметные исчисления. Имущества эти, говорят, занимают треть тунисской территории, а платят в казну не более сотни тысяч франков.

Французская оккупационная армия, значительно уменьшенная позаимствованиями для тонкинской экспедиции, в настоящее время состоит из 2 полков и 2 батальонов пехоты, 2 полков кавалерии и 4 баттарей артиллерии, распределенных по стратегическим постам страны; в первое же время завоевания она достигала цифры 43.000 человек. Главные военные центры—города Тунис, Суза и Габес, а внутри страны существуют военно-окружные управления в Аин-Драгаме, Эль-Кефе, Кайруане, Гафсе, имеющие свои отделы, где стоят небольшие отряды. Смешанные роты, которые были первоначально организованы, постепенно преобразовались в отряды спаги, или «алжирских стрелков», на подобие того же рода войска в соседней колонии; в оффициальной номенклатуре они даже не получили названия «тунисских», которое принадлежит им по праву, и которое даже следовало им дать в виду некоторого национального соперничества, существующего между двумя соседними нациями. В Тунисе действует конскрипция, посредством которой набирается маленькая беевская армия, организованная по образцу французской, но употребляемая главным образом для парадов в трех резиденциях бея—Марсе, Бардо и Ла-Гулетте, хотя, по закону о рекрутском наборе, изданному в 1860 году, она все еще величается «священным воинством, сражающимся на божественном пути в сомкнутых, как стена, рядах». Солдат, поступивший по жребию, обязан служить восемь лет, если не заменит себя заместителем или не принадлежит к классу иманов, учителей или ученых. Ныне эта почетная гвардия бея состоит из 1 батальона пехоты, 1 эскадрона кавалерии и небольшого отряда артиллерии.

Отставных офицеров, получающих пенсию, насчитывается больше, чем солдат на действительной службе. Но кроме регулярной армии, существуют еще отряды *махзена*, состоящие из спаги и хамба, и несущие полицейскую службу. В 1884 году были распущены два полка иррегулярных войск, кулугли или ханефия, турецкого происхождения, и зуавов, по большей части кабилов. Этот корпус, организованный в XVI столет., постоянно пополнялся новыми иммигрантами из Алжирии: зуавы образовали дивизию Мер-Энджин, арабы же составляли особый полк. В числе около 4.000 человек, эти войска несли гарнизонную службу в крепостях. Последний их генерал принадлежал к племени аинт-иратен, самому воинственному из кабильских племен[3].

Естественные деления Тунисского регентства так ясно разграничены, что не трудно было наметить военные округи и центры их управления. Вся нижняя долина Меджерды, бассейн уэда Мелиан и полуостров Дахелат-эль-Магуин находятся в военном районе города Туниса. В четыреугольнике гор и холмов, ограниченном с юга течением Меджерды, главным пунк-

1 Antonin Dubost, „Documents parlementaires, Journal officiel de la Republique francaise“, aout 1882, janvier 1884.

2 „Debats parlementaires“, seance du 12 juillet, 1885.

3 O. Mac-Carthy, рукописные заметки.

том выбран город Бежа, а для наблюдения специально за массивом Хумирии учрежден в центре области укрепленный лагерь Аин-Драгамский. Точно также в гористых округах, отделяющих реку Меджерду от притоков озера Кельбиа, центральным местом служит город Эль-Кеф, а над дикой областью гамад командует укрепленный лагерь Сук-эль-Джемаа. Кайруан уже по самому своему положению был, так сказать, наперед предназначен сделаться главным городом долин и равнин, покатых к озеру Кельбиа, а Сахель разделен мысом Капудиа на две половины, из которых одна подчинена военно-окружному управлению в Сузе, а другая управлению в Сфаксе. Что касается степей и уединенных массивов южного Туниса до низменности шоттов, то их естественный центр—в городе Гафсе, а вся южная область до триполийской границы и до пустыни составляет военный округ Габесский, самый важный в некоторых отношениях, так как он командует входом в сахарские области и позволил бы неприятелю зайти в тыл алжирской территории с южной стороны гор Джебель-Аурес.

В административном отношении регентство разделено на утаны, или области, различного протяжения, управляемые каидами, при которых состоят один или несколько халифов, или «наместников», смотря по важности провинции. Что касается городов, деревень, кочующих племен или родов (кланов), то они управляются шейхами, которые берут вознаграждение за исполнение своих обязанностей непосредственно с самих управляемых: эти случайные доходы обозначаются эвфемическим выражением «цена туфлей», потому что расход на обувь, изнашиваемую по делам просителей, оправдывает в глазах чиновников вымогательства, которые они себе позволяют[1]. Муниципальные комиссии, существующие в некоторых городах, имеющих городское общественное управление, каковы: Голетта, Эль-Кеф, Бизерта, Суза, Сфакс, состоят из европейских резидентов, назначаемых правительством, и из мусульман, выбираемых почетными жителями. Муниципальный совет Туниса (столицы) был учрежден в 1858 году, по ходатайству французского консула Леона Роша; он состоял тогда только из туземных нотаблей, по назначению бея.

Число утанов часто менялось. В эпоху присоединения регентства к Франции их было больше двадцати, не считая областей особых племен, кочевых или полуоседлых, которые имели отдельное управление.

Утаны или области	Главные города	Население
Тунис	Тунис	170.000
Голетта	Голетта	3.500
Махммедиа и Морнак		
Хамман Лиф		
Бизерта	Бизерта	5.000
Матер	Матер	2.500
Табарка	Табарка	
Бежа	Бежа	4.500
Эль-Кеф	Эль-Кеф	5.000
Тебурсук	Тебурсук	2.500
Тестур		
Меджес-эль-Баб		
Тебурба	Тебурба	2.500
Загуан	Загуан	2.900
Солиман	Набель	4.800
	Келибия	2.500
Сахель и Суза	Суза	8.000
	Мсакен	10.000
	Келаа-Кебира	7.000
Монастир	Монастир	8.000
	Джемаль	6.000
	Мокнин	6.000
	Бокальта	4.000
	Тебульба	3.000

1 Henri Duveyrier, „Tunisie“.

Утаны или области	Главные города	Население
Махдия	Махдия	6.000
Сфакс и Керкенна	Сфакс	30.000
Кайруан	Кайруан	15.000
Гафса	Гафса	4.500
Джерид	Тозер (оазис)	10.000
	Нафта	8.000
	Эль-Удиан (оазис)	3.800
Арад	Габес	12.600
Утан Гебли		
Джерба	Хумт-Сук	3.000

Глава III Алжирия

I.

Центральная часть Мавритании, этого «острова Запада», который по своему геологическому строению, также как по климату и произведениям, принадлежал некогда к северному континенту, была в новейшее время политически завоевана обратно от Африки и присоединена к противополежащим берегам Средиземного моря. Впрочем, с самого начала исторических времен наиболее деятельные и частые сношения этой страны, мирные или воинственные, всегда имели место не с африканскими землями, от которых она отделена пустынями Сахары, а с заморскими областями, лежащими на севере и на востоке. Археологи показывают нам уже в до-историческую эпоху строителей долменов, пробирающихся из Галлии через Иберийский полуостров в Мавританию; затем, на заре веков, о которых повествуют древнейшие летописи, мы видим сидонян и тирян, основывающих свои рынки на побережье Мавритании. За влиянием Финикии следуют влияния Рима и Византии; даже в период междуцарствия, произведенного переселением народов между двумя империями, завоеватели с берегов Балтики, вандалы, забрели в эти дальние южные края и пропали там, не оставив по себе заметных следов в пестрой смеси африканских наций. Потом арабы, смешанные с сирийцами и египтянами, изливаются на Магреб стремительными потоками, и наконец, являются турки, не затем, чтобы занять страну, а чтобы господствовать над ней и установить там средоточие своего морского могущества.

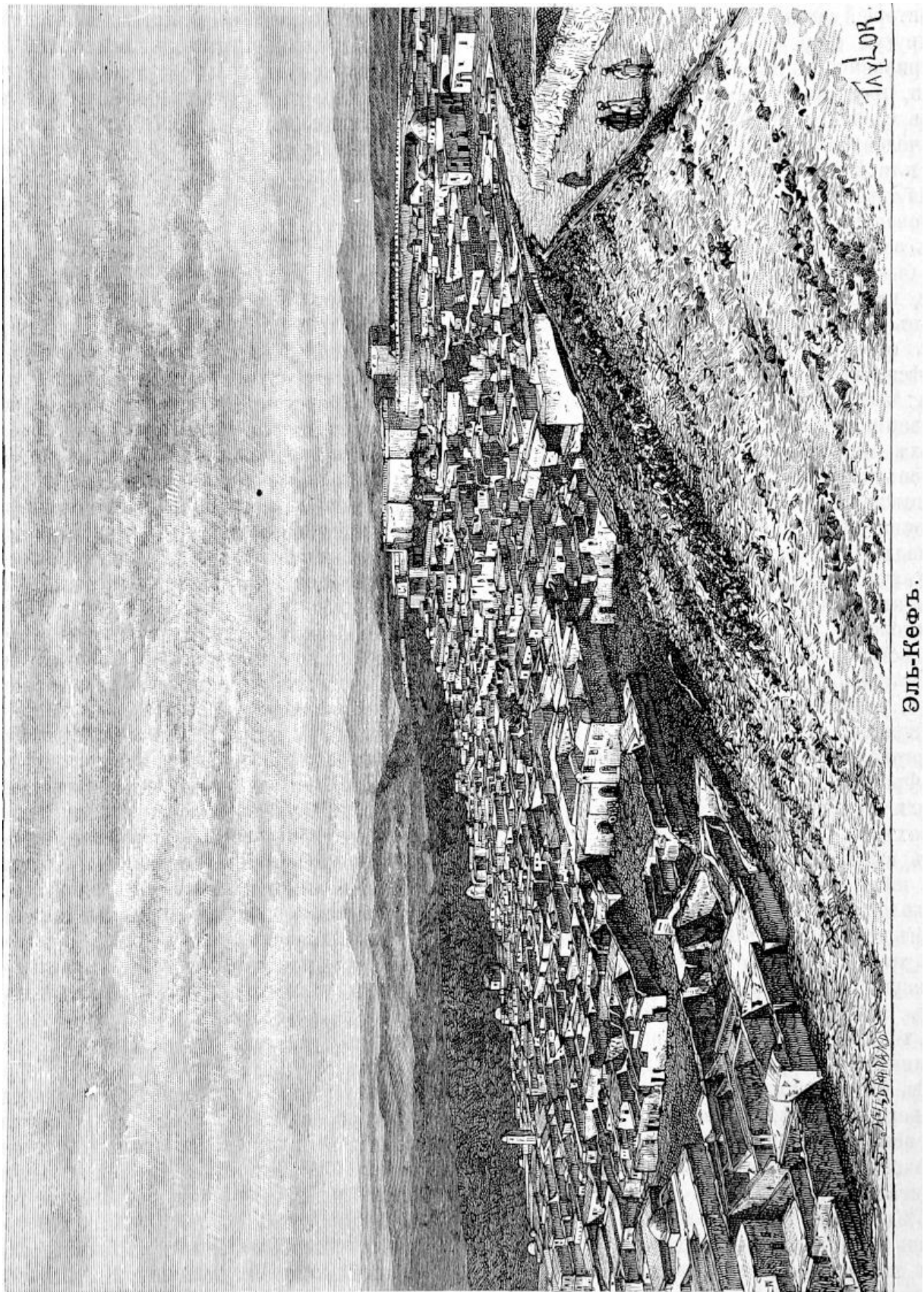
Но даже в то время, когда Мавритания принимала своих иммигрантов из восточных стран, сношения её, мирные или воинственные, установлялись с противоположными берегами средиземной Европы, и почти всегда в этих сношениях преобладало состояние войны. В течение слишком десяти столетий южные пираты, известные сначала под именем мавров или сарацин, впоследствии—барбаресков или варварийцев, вели борьбу со всей торговой Европой и пускались даже в океан, чтобы захватывать там купеческие корабли. Для защиты от их внезапных нападений, города и деревни средиземного побережья строились на холмах, в некотором расстоянии от берега, и окружали себя стенами. В войне, продолжавшейся из века в век между мусульманами и христианами, первые вначале одерживали верх: они овладели Испанией, Сицилией, даже занимали долгое время горы Мавров на французском побережье, а их экспедиции проникали в долины Гаронны, Луары и Роны, вторгались вглубь Альп. Однако, в средние века война была перенесена в Африку, со времени крестового похода Людовика Святого; она кончилась неудачно для христиан, но немного времени спустя после завоевания Гранады кастильцами, последние, преследуя выгоды одержанной победы на африканской земле, овладели Ораном, Буджией, Мостаганемом, Алжиром; даже Тлемсен, внутри страны, стал их данником, и можно было думать, что Испания, некогда порабощенная арабами и берберами, теперь, в свою очередь, поработит их самих. Но эти успе-

хи были лишь временные: несмотря на титул «Africanus» («Африканский»), принятый по примеру римского полководца Сципиона, Карл V был менее счастлив в Мавритании, чем его дед Фердинанд; испанский флот был уничтожен бурей, и с тех пор эта «буря Карла Пятаго» всегда помогала пиратам рассеевать своих врагов. Большинство европейских держав платили налоги алжирским туркам, чтобы обезопасить свою торговлю, а когда отказывались от платежа этой постыдной дани, то должны были вскоре прибегать к блокаде и бомбардированию прибрежных городов Алжирии или выплачивать большие выкупы, чтобы освободить своих подданных, захваченных в плен пиратами. Под различными формами война продолжалась без перерыва между Варварийскими владениями, Европой и её передовым постом—Мальтой. Некоторая выгода осталась в конце концов за европейскими государствами, так как турки не завоевали ни одной пяди земли на северных берегах, тогда как на берегах Африки некоторые конторы, как наприм. Табарка и Ла-Калле, были заарендованы северными купцами, и многие островки и укрепленные полуострова, как наприм. presidios (крепости) на марокском берегу, и даже город Оран, до 1791 года, были заняты испанскими гарнизонами.

В 1830 году был нанесен решительный удар: город Алжир, где были собраны сокровища, награбленные корсарами, взят французами; затем последовательно были заняты другие пункты прибрежья, и самой силой вещей, несмотря на отсутствие определенного плана, перемены политики, временные отступления, завоевание внутренней части страны распространялось все далее и далее: после области Телль, были покорены плоские возвышенности, затем оазисы пустыни. Вся Алжирия, пространством превосходящая Францию, была постепенно присоединена до границ, начертанных кочевками племен и их стад и возделанными землями оседлых жителей. Тунис подвергся той же участи, как и Алжирия, и если Марокко, отделенный от Оранской провинции недостаточно точной границей, еще не сделался европейской территорией, то причина тому взаимное соперничество держав, которые не позволяют одна другой трогать эту спорную землю; однако, Испания, после долгого перерыва снова перешедшая в наступление, заставила уступить себе известное пространство морских берегов на покатости Атлантического океана, а французские войска, с своей стороны, неоднократно переходили в Уджде (у шотта Тигри, в оазисе Фишг) условную линию марокской границы, чтобы окружить враждебные племена. Марокко наперед можно считать присоединенным политически к Европе, и сами жители его первые сознают неизбежность предстоящей их отечеству судьбы. Таким образом вся Африка, даже в тропических областях, где белый человек еще не акклиматизировался, постепенно захвачена европейцами на всей её окружности.

Отныне соединенная с Европой, Северная Африка получила довольно важное значение в современной истории. Особенно Алжирия уже участвует в напряженной, кипучей жизни, волнующей ныне цивилизованные общества. После Египта, Алжирия была, между африканскими землями, вторым, по степени важности, театром событий, влияние которых отразилось далеко за пределами черного континента: после английской колонии на Мысе Доброй Надежды, Алжирия является самым большим центром европейского заселения в Африке, и, несмотря на тридцатилетнюю, почти непрерывную войну, эта страна заселилась даже, если принять во внимание непродолжительность периода колонизации, гораздо быстрее, чем английские владения Южной Африки. Это не территория промышленной или фискальной эксплоатации, не огромная доходная ферма, как Ява или Британская Индия, часто называемые ошибочно колониями и слишком часто приводимые в пример военным державам Европы; она сделалась, как Канада, хотя под другими политическими формами, территорией заселения, продолжением Франции по другую сторону Средиземного моря. Рассматриваемое в целом, дело завоевательной нации, представляющее смесь добра и зла и очень сложное в своих следствиях, как все человеческие дела, не имело в общем результате численного уменьшения и принижения туземцев. Находились, конечно, люди, требовавшие, чтобы к арабам был применен закон исторического возмездия, и чтобы они были «оттеснены» к пустыне, подобно тому, как сами они некогда оттеснили берберов к горам. Во многих

местах Телля и в окрестностях городов эта политика «оттеснения» была даже применяема на практике, косвенным образом и на законном основании, именно—«путем экспроприации в видах общественной пользы»; но большинство арабов по-прежнему владеют своими земля-



Эль-Кефъ.

ми, и оставшаяся им доля была бы вполне достаточна для их прокормления, если бы она принадлежала самим земледельцам, а не шейхам, истинным владельцам под именем племени. Несмотря на несправедливости и жестокости, которыми сопровождается всякое насиль-

ственное завладение, положение арабов не ухудшилось; положение же кабилов, бискров, мзабитов даже улучшилось, благодаря расширению, которое получили их промыслы и торговля. Алжирия гораздо больше приобрела от Франции, чем сколько сама дала ей, и жители этой страны, хотя не уравненные в правах с французами, во многих отношениях выиграли в свободе с той эпохи, когда над ними командовал турок. Если европейские колонисты водворились на алжирской почве рядом с арабами и кабилами, то многие из них трудом стараются завоевать себе право на оккупацию, и если есть трудовое существование, исполненное самоотвержения и мужества, то это, конечно, жизнь переселенца, употребляющего все свои силы на возделывание почвы, часто бесплодной, в неблагоприятном для него климате, к которому он должен постепенно приспособляться, среди населения беспокойного, иногда враждебного, нередко разжигаемого проповедями фанатиков. Многие, ныне здоровые, города и деревни, где теперь видишь группы румяных детей, весело играющих на улицах, заключают в ограде своих кладбищ два или три наслоения безвременно погибших колонистов, которые умерли на чужбине от непосильного труда, расчистив и ассенизировав почву для своих преемников. Часто земледельцы различных национальностей пробовали свои силы одни за другими: швейцарцы, эльзасцы, испанцы, мальтийцы, провансальцы поочередно вносили свою долю труда в исполнение далеко нелегкой задачи. Земля была завоевана здесь гораздо больше плугом, чем мечем.

В этой части завоевания, хотя мирной, но не менее трудной, чем военная сторона дела, колонисты не-французы составляли в начале большинство, да и теперь они не уступают французским переселенцам в работах по распашке земель. Поэтому было бы несправедливо не признавать за ними права на хлеб, который они заработали в поте лица. Без них да без южных французов, провансальцев и лангедокцев, вопрос об акклиматизации европейцев в Берберии, возбудивший столько споров, не был бы решен на практике. Иммигранты из Северной Франции и Средней Европы не так энергически сопротивляются причинам смертности, как уроженцы берегов Средиземного моря: у них число смертных случаев довольно правильно превышает число рождений. Если бы колонисты набирались единственно между этими этническими элементами, дело заселения пришлось бы беспрестанно начинать съизнова, и можно бы было опасаться, что жгучая земля Африки пожрет последовательно всех северных людей, как она поглотила некогда вандалов. Но, несмотря на перемену географической широты для колонистов, переселяющихся с севера на юг внутреннего моря, по направлению меридиана, переселение каталонцев, провансальцев и генуэзцев совершается без особенных неудобств. Флора и фауна мало различаются на том и другом берегу; многие этнические элементы тоже сходны, и, как это было во времена древних иберов и лигуров, в западном бассейне Средиземного моря селятся народы одинакового происхождения. Акклиматизация прибрежных жителей севера на южных берегах этого моря тем легче, что непосредственно к югу от алжирского побережья возвышаются холмы и плоскогорья, так что градусы высоты приблизительно компенсируют градусы широты. Таким образом иммиграция колонистов средиземной расы обеспечивает дело преобразования: благодаря им в особенности, будет сохраняться и расширяться эта новая Алжирия, с её городами, путями сообщения, тщательно возделанными садами и полями, промышленным и торговым механизмом.

Нельзя сказать, чтобы присоединение Алжирии к Франции и к средиземной Европе совершилось по определенному плану и без осложнения разного рода злоупотреблениями. В деле оккупации этой страны, как и в политике относительно колонистов и туземцев, замечается недостаток системы и последовательности. Долго сомневались даже, будут ли удержаны нарождающиеся колонии. Впрочем, эти колебания покажутся менее удивительными, если припомнить, какое огромное расстояние отделяло Францию от Алжирии в то время, когда парусные суда медленно совершали свой рейс от одного берега до другого, плавая в сопровождении конвоя или задерживаясь подолгу в каком-нибудь рейде Балеарских островов. Каждое из следовавших одно за другим министерств во Франции имело свой особый план, при чем алжирские губернаторы иногда отказывались приводить в исполнение эти планы, а с другой стороны, образ действия губернаторов часто не одобрялся центральным правитель-

ством. Завоеванная африканская земля, может-быть, была бы совсем эвакуирована, если бы на первых же порах королевская власть, угрожаемая в улицах Парижа республиканцами, не постаралась избавиться от беспокойных элементов, отправляя их в Алжирию, в качестве авангарда. Уже до июльской революции «завоевание Алжира, повидимому, открыло поприще эмиграции, необходимой для спокойствия Франции, полезной для её величия», и в начале 1831 года полицейская префектура ухитрилась завербовать 4.500 парижан из самых энергических, выбранных между теми, «которых несчастие нашего времени делало постоянным орудием в руках агитаторов», и послала их в Алжирию под именем «волонтеров»[1]. Таким образом новое завоевание было местом ссылки, прежде чем сделаться местом колонизации. До половины текущего столетия мысль об эвакуации Алжира не выходила из головы у некоторых государственных людей, следствием чего являлись постоянные противоречия в ведении войны и в колонизационных предприятиях. То доказывали необходимость расширения колониальной территории, то, наоборот—толковали об уменьшении её пределов; то предполагали сделать из Алжирии группу французских департаментов, то думали создать из неё особое «арабское королевство», и часто эти противоречивые проекты одновременно приводились в исполнение в разных частях страны. Многочисленные чиновники, не всегда выбираемые между лучшими, ехали продолжать в Алжирии бюрократическую рутину, к которой они привыкли во Франции, или старались видоизменить ее сообразно политике данной минуты. Так проходили годы, принося беспрестанно новые колебания и перемены.

И однако, несмотря на эту нерешительность высших сфер, колонизация совершалась движением снизу. Но в подобном вопросе, который имеет связь с общим равновесием мира и с будущностью человечества, необходимо принимать в рассчет также события, происходившие в самой метрополии. Присоединение обширной территории к области западной цивилизации не могло совершиться без того, чтобы завоевавшая нация не почувствовала влияние этого факта в своем собственном развитии. Не только она должна была употреблять величайшие усилия, чтобы обеспечить за собой это заморское завоевание, столь трудное и столь продолжительное по причине нерешительного образа действий и частичного применения противоречащих один другому проектов; не только ей пришлось обременять свой бюджет ежегодными дополнительными расходами, общая сумма которых простирается по меньшей мере до шести миллиардов, и жертвовать сокровищем более драгоценным, чем деньги,—людьми, солдатами или колонистами, сотнями тысяч; но к этим фактам материального порядка, которые могут быть исчислены приблизительно в цифрах, присоединились еще косвенные последствия во внутренней жизни самой нации; события в Алжирии неминуемо должны были отразиться на истории самой Франции. Один из естественных результатов завоевания Алжира был тот, что это событие отвлекало взоры французов от восточных границ и направило их на юг, к африканским берегам, вследствие чего политика Англии и северных держав получила большую свободу действия в спорных вопросах чисто-европейских. С 1830 года, то-есть со времени завоевания, Алжирия становится между Парижем и Брюсселем, между Сеной и Рейном[2]. Содержание за-морем целой армии, которой приходилось вести постоянную борьбу, ослабляло военную силу северных областей, прежде так часто оспариваемых на полях битвы. Забывая соседния страны, общественное внимание сосредоточивалось на отдаленной Алжирии: туда были направлены усилия, далеко за естественные пределы отечества, и соразмерно тому уменьшалась сила сопротивления на противоположной стороне. И в то самое время, когда нарушение политического равновесия становилось неизбежным, вследствие неравного возрастания народонаселения, увеличивающагося гораздо быстрее в немецких землях, чем во Франции, завоеванная Алжирия притягивала к себе центр тяжести метрополии и удаляла его от угрожаемых пунктов. Совершившееся изменение границы на северо-востоке Франции, может-быть, зависело косвенным образом от присоединения обширной территории, сделанного на африканском континенте на счет турок,

1 Baude, „L'Algerie", vol. III, p. 148 et suivantes.

2 Ламартин, „Заседание палаты депутатов 10 июня 1846 г.".

арабов и кабилов. Эти общие движения истории трудно различить в сутолоке тысячи мелких повседневных фактов и событий, в своенравных колебаниях текущей политики; однако, за ними можно следить мыслью, изучая их издали и в их совокупности, подобно тому, как с высоты берегового утеса наблюдаешь попеременные течения прилива и отлива.

Алжирию часто называют «Новой Францией» или «Африканской Францией», и во многих отношениях это название справедливо. Действительно, французы очень прочно водворились на африканском континенте, принеся туда свой язык и свои нравы. Города и деревни европейской постройки появились не только в области прибрежья, но и во всех частях территории; дороги проведены через всю страну до самых границ пустыни. Дело, совершенное французами в полстолетие, сравнивали с тем, которое было результатом семивековой римской оккупации. Если их цивилизация еще далеко не в такой сильной степени ассимилировала туземное население, если их колонии в восточной области плоскогорий еще редки в сравнении с колониями римлян, то в других отношениях французы сделали больше. Наука дала им элемент могущества, которого недоставало древним,—скорость. Посредством железной дороги, телеграфа, оптических сигналов они вездесущи. В их руках край, так сказать, уменьшился в протяжении; они дальше римлян проникли вглубь пустыни, так как остатков римской старины не находят южнее Джельфы[1], лежащей на 300 километрах к северу от эль-Голеа, последнего французского оазиса; даже море, омывающее алжирские берега, съузилось под килем их судов, и кораблекрушения стали реже, благодаря молам и жете, защищающим ныне гавани; Алжир, отстоящий от Марсели менее, чем на тридцать часов, ближе к Франции, чем, например, Тулон к Бресту. Что бы ни говорили, политическое присоединение Алжирии к Европе можно считать совершившимся фактом, который уже сделался достоянием истории. Возмущения туземцев, разделенных между собою расстоянием, происхождением, частными интересами, не могут одержать верх над европейским населением, сравнительно очень малочисленным, но крепко соединенным для защиты и имеющим в своем распоряжении города, арсеналы, стратегические пункты и все рессурсы, предоставляемые современной индустрией.

Как бы то ни было, Алжирии остается еще многое сделать, прежде чем ее можно будет по всей справедливости сравнить с метрополией, как «Новую Францию». Нужно, во-первых, чтобы её территория, почти безлюдная в большей части своего протяжения, заселилась или вновь населилась, и чтобы её несметные богатства, рудные, земледельческие, промышленные, утилизировались как следует; надо также, чтобы край, теперь, так сказать, висящий на воздухе, потому что он граничит с неисследованными пространствами, был связан правильными маршрутами и научными изысканиями с оазисами пустыни и с многолюдными областями Сенегала и Нигера; необходимо в особенности, чтобы различные этнические элементы страны слились в однородное население.

Пространство и народонаселение Алжирии, со включением алжирской Сахары (в 1896 г.): 797.770 кв. килом.; 4.479.000 ж.; в среднем, 6 жит. на 1 кв. километр.

Алжирия еще далеко не достигла нравственного и политического единства: не только не совершилась ассимиляция между победителями и побежденными, но арабский мир, как мусульманский, еще сохраняет свою замкнутость, и кабильское общество только едва начало открывать некоторый доступ к себе современным идеям. Единение пока еще установляется только в отдельных случаях, единичными личностями, а не большими массами. С той и другой стороны толпы еще проникнуты взаимной ненавистью, или по крайней мере косо смотрят друг на друга, потому что не понимают друг друга, а обида всегда вдвойне чувствуется, когда она исходит от чужеземца. Однако, пример жителей Туниса и Джерида, или «Страны Пальм», так легко принявших французское господство, позволяет надеяться, что подчинение, пассивное или добровольное, алжирских туземцев европейскому режиму будет увеличиваться или уменьшаться соразмерно гарантиям справедливости, которые им будут обеспечены. При том же в Алжирии есть племена, как, наприм., дуэр и смела в окрестностях Ора-

1 Ch. Feraud, „Algerie, archeologie, histoire“.

на, которые всегда, даже в несчастии, оставались верными союзниками французов, вопреки той, якобы, непобедимой ненависти, которая, как это часто повторяли, должна на веки разъединить эти две расы. Покорение ксуров в Сахаре, в местностях почти недоступных для людей севера, было бы невозможно, если бы французам не помогали *гумы* различных племен. И разве не случалось часто так, что когда завоеватели проникали в первый раз внутрь страны, то бедняки, пахари, обязанные отдавать часть урожая владельцу земли, негры, угнетенные всякой расы и всякого сословия, радостно встречали чужеземца, тогда как главные начальники, в сопровождении своих приверженцев, покидали родные места или пытались продолжать борьбу? По арабской пословице, народу нужны только две вещи—«дождь и правда». Первый дает хлеб, вторая—обезпечивает мир, социальный прогресс, постепенную ассимиляцию элементов, недавно находившихся в борьбе, ассимиляцию не в том смысле, чтобы все мыслили одинаково, говорили одним языком, сообразовались с нравами и обычаями столицы, а такую, которая основывалась бы на взаимном уважении и соблюдении права в отношении друг друга. Но пусть не забывают, что между смешанными населениями, разделенными происхождением, преданиями, нравами, социальным состоянием, нет другого выбора, кроме постепенной ассимиляции, порабощения, или резни.

С географической точки зрения присоединение Алжирии к известному свету уже далеко подвинулось. Сочинения всякого рода, относящиеся к этой колонии, считаются тысячами, и в числе их есть труды, имеющие высокую научную ценность, есть и произведения, составляющие вклад в литературную сокровищницу Франции. Давно подготовлявшийся детальными работами, маршрутами, планами городов, частными картами, большой топографический атлас Алжирии, выходящий теперь отдельными листами, может быть поставлен наряду с трудами этого рода, издаваемыми в разных странах Европы, хотя остается еще воспользоваться многими драгоценными документами, даже весьма важными работами, продолжающимися долгие годы; не мало ценных изысканий лежат забытые в делах военных и гражданских канцелярий. Тем не менее, географическое исследование пополняется изо дня в день основательным изучением почвы, и предварительные геологические карты скоро будут, в свою очередь, заменены более подробными листами, где история почвы будет изображена серией её горных пород. В то же время стараются воссоздать древнюю историю края, изучая надписи и другие памятники седой старины, еще не уничтоженные заступом; но надо торопиться, ибо в последнее полстолетие много групп мегалитов, много фрагментов античных храмов разломано и растащено, много статуй превращено в известку! Кое-где видны еще пробелы на карте Алжирии, особенно в окрестностях Мзаба; но маршруты путешественников начинают уже пересекаться и в этих малоизвестных пространствах, и скоро явится возможность продолжать систематически дело дальнего исследования к Судану, начатое трудами Дюверье, Солелье, Ларжо, Фляттера. Для географов это вопрос чести—достигнуть гор Ахазгар, перейти большие дюны и исследовать уэды, спускающиеся к Нигеру: если бы сделать клич, вероятно, не мало нашлось бы отважных исследователей, готовых взять на себя исполнение этой задачи.

II.

Рельеф Алжирии отличается замечательной простотой форм: мало найдется стран, где бы гармония географических черт более приближалась к геометрической правильности. Образуя массивный четыреугольник, стороны которого почти равны, алжирская территория составляет контраст даже с соседними странами, Марокко и Тунисом, правильным, почти ритмическим движением почвы, напоминающим ряд волн, следующих одна за другою на краю плоского берега. В Марокко большой центральный узел Дерена, где берет начало вся система Атласа, в Тунисе понижение плоскогорья и краевых цепей прерывают общую симметрию рельефа Мавритании.

Нормальное направление морского берега между Немуром и Алжиром—с юга-запада на северо-восток, и в том же направлении протянулись горы, долины и плоскогорья на всем

пространстве, шириной, в среднем, около 300 километров, которое отделяет побережье вод от побережья песков. Насчитывают целые сотни *джебелей*, образующих отдельные выступы поверхности и известных каждый под особым именем; смотря по работе разрушения, которая совершилась в течение веков, в одном месте пощадив горную цепь, в другом уничтожив ее целиком, земные волны следуют одна за другою, более или менее многочисленные, от морского берега к внутренности материка; но в целом, они группируются в отдельные пояcы, ясно характеризованные. В первое время после завоевания Алжира, когда еще не имелось достоверных данных относительно рельефа страны, предполагали существование двух главных параллельных цепей между прибрежьем и пустыней: Малого Атласа—на севере и Большого Атласа—на юге. Но эта двойная орографическая система в действительности не существует: исследователи не заметили этого контраста высот между северными и южными горами: при том же неровности почвы в Алжирии являются не в виде сплошных цепей, а в виде параллельных, там и сям прерывающихся, выступов рельефа.

В западной части страны первый ряд высот тянется в непосредственном соседстве с морем, прерываемый в разных местах полукруглыми бухтами, которые были постепенно вырыты волнами. Но к востоку размывающее действие Средиземного моря было значительнее, и морской берег, вместо того, чтобы продолжаться в нормальном направлении от юго-запада к северу-востоку, параллельно гребням гор, тянется почти неуклонно от запада к востоку, так что параллельные валы гор последовательно подступают к морю, образуя мысы, выдвинувшиеся остроконечными стрелками к северо-востоку: некоторые из них, как наприм., мыс Деллис, имеют правильную форму наконечника копья. Благодаря этим выступам горных цепей, промежуточные долины которых были захвачены морскими водами, опасные берега Алжирии представляют несколько естественных, защищенных от северного и северо-западного ветра, гаваней, на берегу которых могли основаться торговые города: Деллис, Бужи, Джиджелли, Колло, Стора, Бона. Таким образом совокупность горных высот, косо срезанных размывами моря, съуживается постепенно от запада к востоку; так, под меридианом Константины, вся гористая выпуклость береговой области имеет не более 225 километров по прямой линии, с севера на юг, тогда как под меридианом Орана ширина её достигает 355 километр. Известные прежде под общим именем Сахель, береговые горы западной Алжирии, первоначальная архитектура которых лучше сохранилась, отделены от других выступов рельефа широкой впадиной, параллельной морю. Начинаясь на юг от Оранского массива бассейном, где отражаются соляные берега себхи, эта низменность продолжается к югу от Арзенских гор равнинами Сига, затем к югу от Дахры длинной долиной Шелифа, параллельной морю до основания холмов, где находится г. Милиана; только узкий перешеек высот, называемый Гантас (300 метр. на самом низком пороге), отделяет долину Шелифа от равнины Митиджи, которая тянется на юге алжирского Сахеля. В небольшом расстоянии за Сахелем равнина из континентальной превращается в морскую и оканчивается плоским берегом у подножия мыса: после системы береговых гор долина, тянувшаяся вдоль их южной стороны, тоже исчезает, в свою очередь. Вся эта низменность прежде обозначалась географическим термином Эль-Ута, теперь забытым[1].

Из горных хребтов Алжирии наибольшей правильностью отличаются краевые выступы плоскогорья, которые на западной стороне следуют один за другим, в виде параллельных стен, к югу от долин рек Сига, Шелифа, Митиджи, а на восточной—последовательно придвигаются к самому морю. Эти горы, разделенные узкими поперечными долинами, почти все круто обрываются со стороны, обращенной на север, тогда как южный скат у них гораздо более пологий. Многие из этих параллельных хребтов ограничены на юге, подобно береговой цепи, широкими равнинами, которые некогда были озерами: таковы равнины Эгрис, к югу от Маскары, Бени-Слиман, между Медеей и Омалем, равнина уэда Сахель, к югу от Джурджуры; высота этих равнин увеличивается по мере удаления от моря, так что они представляют как бы внешния ступени плоскогорий центральной Алжирии. «Джебель», то-есть сово-

1 A. Berbrugger;—Mac Carthy.

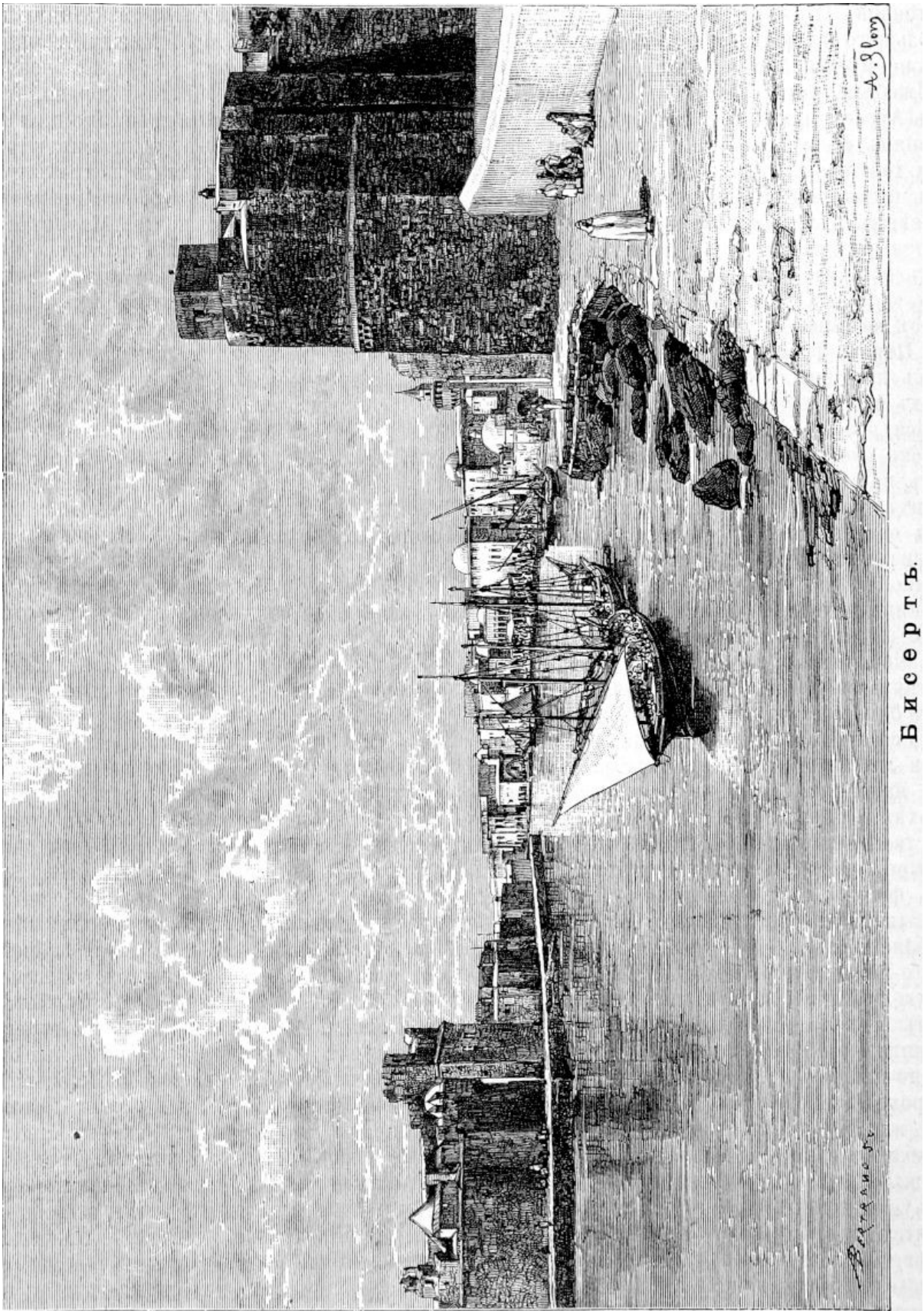
купность краевых цепей, высота которых в одном только массиве Джурджура переходит за 2.000 метров, составляет, вместе с береговой полосой, область Телль, то-есть «страну Холмов»; но в этой гористой области находятся плодородные долины и травяные покатости: отсюда и странное сближение, которое сделали между именем Телль и латинским словом tellus (земля), как будто эта область является для жителей страны «Землей» по преимуществу. В Телле главным образом и селятся колонисты, обработывая поля для посева зерновых хлебов или для насаждения винограда. Благодаря обилию дождей и плодородию почвы, пятнадцать миллионов гектаров (около 13 с половиной миллионов десятин) Телля легко прокормили бы такое же число жителей.

К югу от параллельных массивов Джебеля простирается ровная поверхность плоскогорья. На мароккской границе, начертанной наугад, без всякого соображения с физическими чертами страны, равнина, заключающаяся между северными горами и горами, окаймляющими Сахару, имеет не менее 200 километр. в ширину, а средняя высота её около 1.100 метр. По виду совершенно горизонтальная, как поверхность озера, она, однако, представляет в действительности котловину: по краям, у подошвы гор, её песчаные, глинистые и каменистые пространства лежат на 1.150 метр. выше уровня моря, тогда как около середины высота не достигает 1.000 метр. В этой низкой части плоскогорья скопляются дождевые и просачивающиеся воды, образуя иногда огромные потоки, разветвляющиеся в виде заливов и проливов, но обыкновенно оставляющие после себя на почве лишь солончаковые берега, над которыми дрожит сильно нагреваемый воздух, слагая и разлагая образы своих миражей. На этом беспредельном однообразном пространстве там и сям показываются холмы и пригорки, одни—вытянутые в прямую линию, как отрывки разрушенной стены, другие—совершенно изолированные: это, очевидно, остатки, или, как их обыкновенно называют, «свидетели» (temoins) прежнего, гораздо более высокого уровня почвы. В восточном направлении промежуточный пояс высоких плато, постепенно съуживающийся, содержит значительно большее число этих выступов почвы, устоявших против разрушительного действия стихий. Даже под меридианом Алжира высокая равнина разделена на несколько особых бассейнов средостениями, и в восточной части Константинской провинции она, наконец, утрачивает свой характер раздельного пояса между северными и южными горами: пространство между теми и другими занято многочисленными параллельными цепями. В этой части Алжирии поясы сближаются, и от моря до Сахары, если не считать нескольких промежуточных впадин, мы видим лишь ряд гор, которые тянутся в нормальном направлении, от юго-запада к северо-востоку: понятно, что вся эта область была включена в состав Телля вплоть до песков пустыни.

Но на трех четвертях своего протяжения, от мароккской границы до окрестностей Батны, система краевых цепей Юга остается совершенно обособленной, образуя выступ рельефа между возвышенностями нагорья и низменностью Сахары. Этим-то горам Киблы, или «Стороны молитвы»,—то-есть юго-восточной[1]—и давали прежде название «Большого Атласа»; впрочем, средняя высота их не превышает средней высоты северного Джебеля, хотя один из массивов, Джебель-Аурес, представляет одною из своих вершин высшую точку Алжирии. Подверженные действию тех же эрозивных сил, которые выровняли плоскогорье, горы южных краевых цепей были сильно изрыты и разрушены, так что во многих местах от них остались лишь узкие массивы, разделенные «устьями», которые дают доступ прямо с возвышенностей в низменность Сахары. Перед фронтом гор несколько уединенных пригорков среди песков или каменистых площадей свидетельствуют о совершившейся работе разрушения. Таким образом берег пустыни переместился, подобно тому, как на севере передвинулся берег моря: с обеих сторон гористая область, составляющая остов Магреба, съузилась. Совокупность различных параллельных поясов возвышенной Алжирии, Сахель, Джебель, высокие равнины и горы Киблы занимают пространство, почти равное алжирской Сахаре, с её дюнами, низменностями и плоскогорьями. Истинными пределами французской Алжирии,

1 Ricot;—Lambort, рукописные заметки.

как они указаны самой природой, должны бы быть самое побережье пустыни, или водораздел между бассейнами Игаргара и Нигера, или, наконец, берега этой последней реки до Верхнего Сенегала. Если под Алжирией в собственном смысле понимать только область



Бисерть.

четыреугольной, почти геометрически правильной, формы, заключающуюся между морем и пустыней, то пространство этой области составляет около 300.000 квадр. километр., немного меньше половины той территории, на которую французы заявляют притязания. Аванпосты

их заходят далеко за естественную границу гор и Сахары и рассеяны неравномерно в пустыне, останавливаясь или перед непроходимой областью дюн, «страной Жажды», или перед поясами кочевки туарегов и шамбасов. Хотя сообщение через пустыню до сих пор еще гораздо труднее, чем через Средиземное море, тем не менее, она находится в сношениях с Алжирией по обмену фиников и зерновых хлебов: долины и оазисы взаимно дополняются. Наибольшее пространство сахарских земель присоединено к собственной Алжирии на востоке и в центре, в бассейнах Игаргара и уэда Мия: эль-Голеа, платящая дань, лежит в 700 километр. по прямой линии к югу от Алжира, в 400 килом. от ближайших гор Лагуат. На юге западной Алжирии французские экспедиции часто посещали ксуры Сахары, они проникали даже в территорию Фигиг, но не присоединили ее, уважая фиктивную сюзеренную власть мароккского императора. Между Алжирией и западным Магребом граница очень худо определена: там не было выбрано никакой естественной демаркационной линии, которая служила бы указанием политических границ. Проще было бы взять за границу течение реки Малуи, которая во все времена считалась рубежом двух частей Мавритании; но при заключении тангерского трактата, в 1844 году, раздельная линия была проведена почти наугад и разрезала на-двое горы, долины, шотты и земли многих племен.

В целом, параллельные полосы алжирской территории отличаются большой простотой геологического строения, меньшей, однако, чем простота рельефа. На западе, в Оранской провинции, центральный свод всей гористой области занят юрскими формациями, которые составляют главные пласты всего плоскогорья. С той и другой стороны, на севере и на юге, меловые слои опираются на породы юрского периода, а в восточной части Алжирии, где работа эрозии была не так значительна, они сплошь покрывают их. На северной покатости поверх мела залегают миоценовые и плиоценовые пласты, затем там и сям на морском берегу показываются новые отложения. Аллювиальные образования различных веков, расположенные громадными слоями, занимают речные долины, и на большей части плоскогорья прикрывают юрские и меловые пласты. Триасы, древние сланцы представлены несколькими массивами, а в соседстве морского берега гранитные холмы или горы господствуют над миоценовыми формациями окрестностей; большой массив Джурджура, к северу от известковых хребтов главной цепи, состоит из гнейса в северной своей части. Тоже на побережье, и выступая почти везде в виде мысов в Средиземное море, высятся эруптивные породы, трахиты и базальты. Залежи металлов, мраморов, пласты гипса и каменной соли, горячие ключи встречаются в многих местах в точках соприкасания различных горных пород и составляют для Алжирии весьма значительный запас минеральных богатств. Так как глубокия воды почти везде содержат морскую соль, то окружающая почва покрывается толстой корой, состоящей из известковых частиц, которые хлористый натрий увлекает с собой, поднимаясь малопомалу к поверхности земли[1]. Впрочем, большая часть земель Телля покрыта каменистой корой различной толщины, очень твердой и с прожилками разных цветов, зависящих от присутствия глин и окислов железа. Вероятно, эта кора обязана своим происхождением действию вод, которые просачиваются в почве, насыщенные углекислой и сернокислой известью[2]. Каменистые отложения образуются также в почве кустарника, растущего под чащами мастикового дерева, ююбы и приземистых пальм; корни этих растений подлесья заключены как бы в каменные чехлы: это образование, по своему происхождению, сходно с алиосом (род железняка) французских ланд, который цементируется дубильным веществом вересков.

По Бурдону, побережье в соседстве с устьем Шелифа представляет признаки поднятия почвы. Так, в порте Мостаганем подводные римские сооружения теперь выступили наружу, и море проникает туда только во время бурь. В этом месте берег поднялся, следовательно, на метр или полтора за последние две тысячи лет. В Курином порте (Port-aux-Poules), около устья Макты, поднятие происходило немного скорее. У деревни Каруба и в других пунктах

1 Pomel, „Congres de l'Association francaise pour l'avancement des Sciences", 1885.

2 Ville;—Bourdon, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", janvier-fevrier 1871.

побережья береговые утесы расположены ярусами, разделенными старыми плоскими берегами, которые усеяны раковинами тех же видов, как ныне живущие в соседнем море, и сохранившими еще всю яркость окраски; очевидно, море отступило, или земля повысилась в этой части берега, но до сих пор не найдено никаких следов человеческого труда, которые позволили бы измерить это вековое движение. Подобному же поднятию почвы, только производимому не однообразным давлением, а местными точками извнутри, Бурдон приписывает небольшие возвышения или выпуклости, встречающиеся в низменных равнинах Шелифа и Мины, также как на высоких внутренних плоскогорьях: это как бы вздутия почвы, высотой от 3 до 12 метров, происшедшие от местных действий,—может-быть, в связи с исчезанием дождевых вод в проницаемом грунте верхних откосов[1]. Известно, что землетрясения не редки на побережье Алжирии. Оран, Тенес, Алжир и некоторые другие города часто испытывали вибрации почвы. В 1724 году корабль «La Gazelle» почувствовал последовательно три сильных подводных толчка против мыса Себа-Рус (Семиглавый), между Джиджелли и Колло[2]. В следующем году внезапное повышение уровня моря у берегов тоже, повидимому, было следствием сотрясения скал[3].

В целом, берег Алжирии, как и берег всей Мавритании, изрезан маленькими заливами и бухтами в форме полукруга или квадранта, напоминающими иссечения берегов Италии на Тирренском море. На обоих противолежащих побережьях почва круто обрывается со стороны моря, и воды очень глубоки уже в небольшом расстоянии от берега. Кроме того, и тут, и там раздельные мысы между заливами состоят в большой части из эруптивных пород. Вероятно, берег Магреба, также как берег Тосканы и Неаполитанской области, идет вдоль взброса земной поверхности[4]. Но после образования разрыва, сторона его, обращенная к морю, была источена действием волн, которые постепенно размывали хрупкия породы, заключенные между более твердыми массивами. Этот процесс размывания проявляется с большой силой и в наши дни в некоторых частях морского побережья, особенно на оранском берегу, к востоку от большой себхи: там высокие берега постоянно подтачиваются волнами, и обломки, постепенно размельчаемые в песок, перекатываются взад и вперед, вместе с движением воды.

Мало найдется стран, где бы следы размывания были так явственны, как в Алжирии: благодаря рельефу почвы, можно, так сказать, проследить на ходу большие потоки, которые изрыли горы, выровняли плоскогорья, нанесли слои гальки и площади аллювиальных отложений. Карта Алжирии, составленная Титром, отчетливо показывает этот процесс разрушения и созидания, совершенного действием вод; кажется, что работа только-что закончена. В какую эпоху и каким образом воды так изваяли рельеф алжирской почвы? По этому вопросу были высказаны различные гипотезы, между прочим, гипотеза общего движения вод, устремляющихся с севера на юг, вследствие изменения равновесия на нашей планете[5]. Но, не прибегая к подобным обширным геологическим переворотам для объяснения нынешнего физического вида Алжирии, не можем ли мы приписать его действию льдов и снегов, затем действию вод, которые в озерную эпоху следовали за глетчерным периодом? Не подлежит сомнению, что в Алжирии существовали ледники: следы их видны еще на северном склоне массива Джурджура, а мароккский Дерен, много превосходящий высотой горы Кабилии, должен был изливать гораздо более могучия ледяные реки в долины и на плоскогорья при его основании, особенно на возвышенности оранского юга, которые и теперь еще каждую зиму покрываются снегом. Действие этих ледников впродолжении целого цикла земной истории, перенос морен и речного ила, образование озер и глетчерных ручьев, не были ли достаточны, чтобы изменить мало-по-малу поверхность Алжирии и придать ей вид дилювиаль-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", juin 1869.
2 Shaw, „Travels in Barbary".
3 Peyssonnel;—Dureau de la Malle.
4 Ed. Suss, „Antlitz der Erbe".
5 Adhemar, „Revolutions de la Mer".

ного ложа, который она представляет в настоящее время?

Впрочем, процесс размывания непрерывно продолжается и теперь. Он идет очень быстро в Дахре, где холмы состоят из плотной массы белой земли, очень глинистой, без всяких следов наслоения; в несколько лет, дороги, хотя проложенные по хребтам, наименее подверженным действию вод, бывают изрезаны рытвинами и оврагами. Смытые массы глины часто соскальзывают в долины и заполняют их на подобие лавы. В 1870 году один из таких потоков, содержавший от 3 до 4 миллионов кубич. метров глины, вылился вдруг в море, где он образовал мыс длиной в 100 слишком метров, который вскоре был смыт водами берегового течения, направляющагося от запада к востоку. Явления размывания очень деятельны также на юге долины Шелифа, в краевых горах плоскогорья, состоящих из глин и рыхлых мергелей, легко обваливающихся в овраги везде, где скаты не защищены густой растительностью. Только на вершине горы эти увенчаны слоями песчаника различной толщины, от 10 до 40 метров, которые долго противятся атмосферным деятелям. Но, покоясь на менее прочных пластах, они мало-по-малу обнажаются, выдвигаются в виде нависшей скалы, затем обрушиваются большими глыбами на нижние откосы и, постепенно разрушаемые временем, соскальзывают в долины. Таким образом северный фронт горы постепенно отступает к югу: мысы и овраги год от году меняют вид, так сказать, сбрасывают свою поверхность; рано или поздно выступ горы, пожираемый стихиями, исчезнет, и земли высоких плато будут господствовать над промежуточной цепью. В верхних песчаниках берут начало почти все истоки рек; ниже, рыхлая почва поглащает воды, которые исчезают в ней, прежде чем достигнут равнины[1]. Холмы высоких плоскогорий и массивы южных краевых цепей тоже состоят в большей части из песчаниковых скал, которые легко выветриваются и обращаются в песок от действия жаров и холодов, засух и дождей. Эти высоты такого же образования, как многие горные группы Сирии, Аравии, египетских пустынь, и точно также дают начало песчаным потокам, которые разливаются далеко, делая бесплодным все захватываемое ими пространство[2]. Ручьи, зарождающиеся на плоскогорье и текущие к Сахаре через широкия отверстия *фумов* («устья»), увлекают все эти обломки, которые располагаются в пустыне в виде длинных откосов извержения[3].

На севере Сахары, большой четыреугольник Алжирии, почти сплошь состоящий из плоскогорий и гор, не имеет господствующего массива в своем обширном протяжении. Четыре главные группы—на севере Уарсенис и Джурджура, на юге Амур и Аурес—расположены симметрично, и ни одна из них не составляет горного центра, вокруг которого бы правильно разветвлялись воды и распределялись населения. Точно также не существует бассейна, который бы по плодородию почвы, соединению рек или счастливому торговому положению рынков, сделался собирательным фокусом для всей страны. Разделенная на длинные неравные полосы, жители которых непосредственно обмениваются своими произведениями, Алжирия не имеет естественного средоточия; она распадается на столько особых территорий, сколько в ней отдельных массивов, ясно ограниченных ущельями или долинами, и сколько бассейнов, обставленных кругом гор. Это и есть причина, почему во все времена окончательное завоевание страны было так трудно: самые блистательные победы подчиняли власти завоевателя лишь одну какую-нибудь, более или менее значительную, группу племен, и дело нужно было продолжать с большими усилиями в разных областях, между различными народцами; правда, что народцы эти, несмотря на препятствия местности, были по большей части легко покоряемы, именно благодаря их разрозненности, которая мешала им соединиться во-едино для общего сопротивления[4]. В настоящее время центр, которого не дала природа, создается мало-по-малу, увеличивая изо дня в день свою притягательную силу сосредоточением путей сообщения и административным преобладанием. Центр этот—город Алжир: ис-

1 Bourdon, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", juin 1869.
2 Lartet;—Peron, „Annales des Sciences geologiques", 1883.
3 Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie".
4 Niox, „Algerie, Geographie physique".

кусственный порт, шоссейные и железные дороги обеспечили за ним выгоды, которыми он прежде не обладал. Впрочем, он и ранее уже пользовался некоторыми естественными преимуществами: опираясь на солидный массив холмов, он находится в то же время у выхода одной из плодороднейших равнин края, соединяющейся, через легкодоступный порог, с долиной самой длинной алжирской реки.

Изучаемые отдельно, различные горные массивы Алжирии ясно отличаются между собой строением и рельефом. На северо-западе, первая группа высот, принадлежащая к береговой системе, есть группа гор Трара, ущелья которых дают проход реке Тафне; средняя высота их вершин меньше 500 метров, но одна уединенная гора, стоящая на берегу моря, к востоку от г. Немура, вздымает четыреугольный стол своего усеченного конуса на 864 метра: это «Ноева» гора, как называют ее моряки, по имени разоренного города Гонейн, построенного близ соседнего мыса. Внутри материка, самый высокий пик, Фильгаусен, на юго-востоке от Немура, достигает 1.157 метров. Эта остроконечная известковая гора, господствующая над сланцевыми столами, гранитными хребтами, базальтовыми площадями, получила отныне известность в истории науки. Как это давно уже было замечено, все горы, заключающиеся между Оранским массивом и мароккской границей, достаточно высоко поднимаются над стелющимся по поверхности земли туманом, чтобы с вершины их можно было, при благоприятных атмосферных условиях, разглядеть верхушки южных сиерр Испании. Обыкновенно осенью, около времени заката солнца, всего яснее открывается этот чудный горизонт, в расстоянии 270 километров. Это обстоятельство навело на мысль, что есть возможность, в эту пору года, связать триангуляционные сети Испании и Алжирии непосредственно, минуя Марокко. Четыре точки, выбранные для соединительного четыреугольника, были: Мульхасен, в сиерре Неваде, Тетика, в сиерре Лос-Филабрес, на юго-восточном углу Пиренейского полуострова, Фильгаусен, в горах Трара, и Мсабиха, в небольшом массиве не далеко от Орана. Двадцать ночей подряд испанские и французские офицеры-геодезисты, расположившиеся на горных вершинах, тщетно старались увидать пучки электрического света, направленного через Средиземное море; но на двадцать-первую огненные звезды показались наконец —и две сети триангуляции были связаны. Теперь цепь треугольников тянется от северного острова Шетландского архипелага до 34 градуса широты в Алжирии; она продолжится скоро еще далее в пустыню: это самая длинная дуга меридиана, какая до сих пор была «измерена на земле и проектирована астрономически на небе»[1].

К югу от большой себхи, расстилающейся у основания маленького берегового массива, Оранского, высится длинный меловой вал горы Тессалы, оканчивающийся джебелем Тафарауи (1.063 метра), который огибает на севере, востоке и юге железная дорога из Орана в Сиди-Бель-Аббес. Это одна из самых грандиозных по виду гор Алжира, благодаря её изолированности. Массив Арзев, обыкновенно называемый «Львиной горой», также обязан своим величественным видом окружающему его поясу синих вод и равнин, то зеленеющих, то желтых от пыли; самый высокий его пик едва превышает 600 метр. Далее береговая цепь, прерываемая обширным заливом, развертывающимся в форме полукруга между городами Арзев и Мостаганем, снова появляется в виде сплошного плато только на востоке от устья Шелифа. Это гористое плоскогорье составляет Дахру, или «Страну, противоположную Кибле», то-есть северо-восточную[2]; из долины Шелифа оно кажется правильным валом почти одинаковой высоты, от 500 до 600 метров; но, проникнув в самый массив, мы увидим, что он разлагается на параллельные гребни, ориентированные соответственно профилю морского берега и перерезанные глубокими ущельями, над которыми господствуют стратегические дороги, проведенные по высоким промежуточным хребтам. Со стороны моря земли круто обрываются утесами в 60 до 120 метр. высоты, но самые высокие холмы находятся со стороны Шелифа: южный склон имеет крутой скат. К востоку, система Дахры, известная под другими названиями, поднимается мало-по-малу, и именно на оконечности её стоят самые высокие её

1 Perier, „Comptes rendus de l'Academie des Sciences“, 1879.

2 Ricot;—Lambert, рукописвые заметки.

вершины, две горы Заккар (1.580 и 1.527 метр.), пирамидальной формы, поросшие мелким кустарником до самой верхушки. Далее массив быстро понижается к равнине Митиджи; но в непосредственном соседстве моря, цепь прерывается только долиной ручья: к востоку от высокого мыса Шенуа (907 метр.) она продолжается узким валом, в роде земляной насыпи, пощаженной процессом размывания, но которая в самой тонкой и вместе с тем самой высокой (261 метр) части имеет не более 3 километр. в ширину. На востоке, пролом, где извиваются воды Мазафрана, отделяет этот вал конечного массива от береговой цепи алжирского Сахеля. В этом месте гранитное ядро, прикрытое третичными формациями, образует маленькую группу холмов, которой события и соседство большого города доставили такую известность, какою не пользуются многие из самых значительных массивов. Высшая вершина Сахеля, называемая Бу-Зареах, то-есть «Отец хлеба», по причине плодородия её высоких долин, имеет всего только 407 метр. высоты. К востоку от этой высшей вершины продолжается цепь высот, которые господствуют над городом Алжиром, и затем, постепенно понижаясь мягкими ондуляциями, пропадают в долине Гарраша.

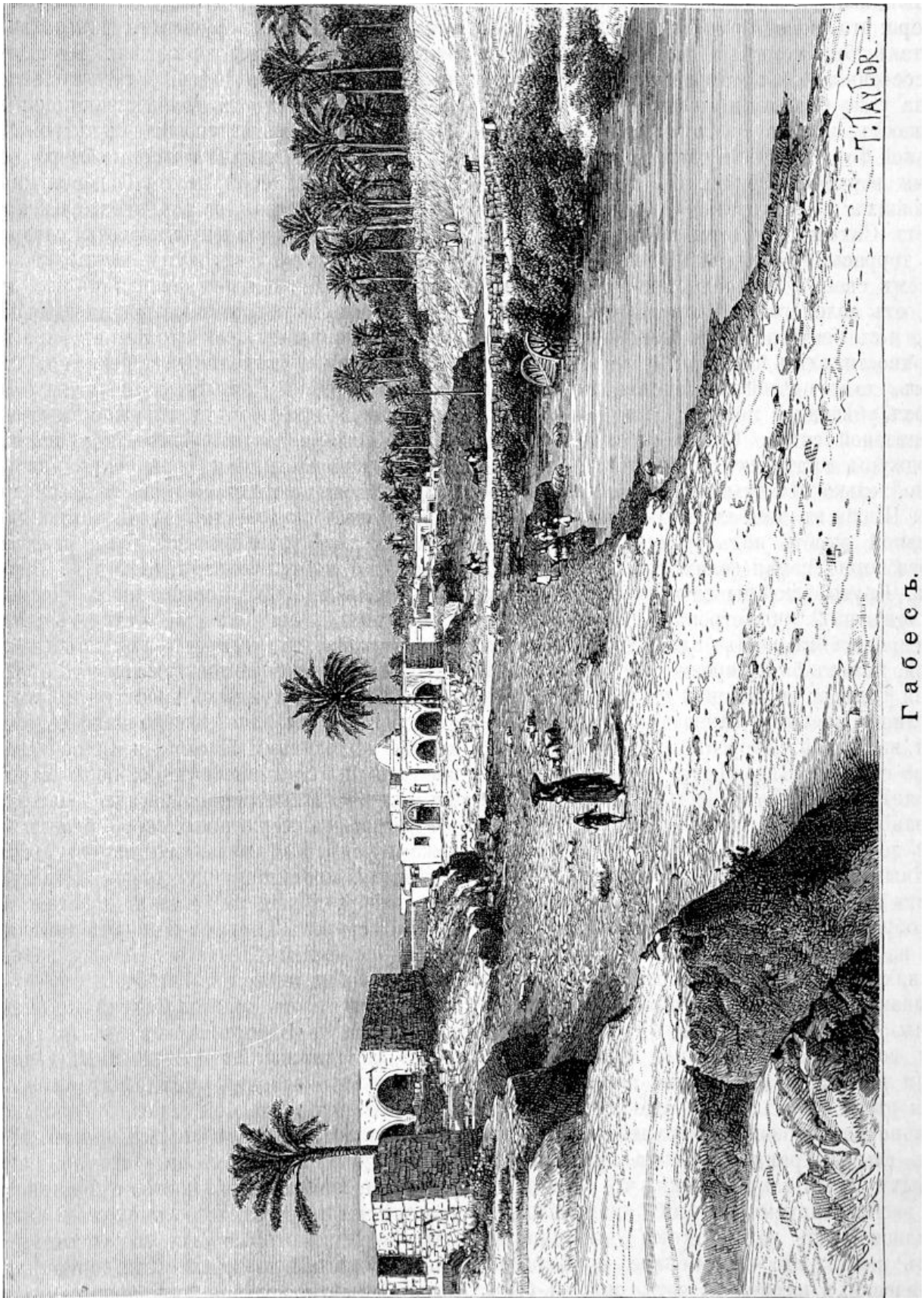
К югу от береговой цепи, первый большой массив, на границе Марокко,—массив Тлемсенских гор. Он образует одну из самых правильных орографических систем Алжирии, и гребни его протянулись без всяких изгибов по направлению общей оси Атласа. Самая высокая гора, где берет начало река Тафна, пробивающая последовательно все параллельные гряды, лежит в южной цепи: это Тенушфи (1.842 метра); но и многие другие вершины переходят за 1.500 метров, и дорога из Тлемсена в Себду, выбравшая, однако, самый низкий порог, проходит на высоте 1.450 метров. Одна вершина (1.580 метр.) носит имя Надор, «Обсерватория», довольно обыкновенное в горах Алжирии. Очень крутые с северной стороны, Тлемсенские горы представляют зрелище редкое на восток от мароккского Атласа—зрелище струящихся вод и каскадов. На южном своем склоне горные хребты, наполовину врезывающиеся в высокое плоскогорье, имеют менее грандиозный вид. Вдали к югу, показываются холмы и маленькия цепи Эль-Ариша, над которыми господствует известковая пирамидальная гора Мекайду (1.470 метр.).

Равнина реки Сиг, к востоку от низменности, в которой находится Сиди-Бель-Аббес, ограничена с юга горами Бени-Шугран, составляющими продолжение тлемсенского Атласа. Эта цепь и южные параллельные гряды воспроизводят на более обширном пространстве, но с менее значительным рельефом, черты гор, продолжение которых они составляют. Они тоже обращены крутой стороной на север, тоже перерезаны узкими долинами многих рек, и самые высокие вершины их, Дайя (1.392 метр.) и Бегира (1.400 метр.), находятся в южной части системы. Между этими параллельными цепями, обвалы и размывы изгладили или по крайней мере уменьшили некоторые из первоначальных выступов: есть даже пространства, совершенно выровненные, без сомнения, продолжительным пребыванием озерных вод. Такова, к югу от Маскары, большая равнина Эгрис, которая соединяется, на юго-западе, с другою, менее значительною, равниною, называемою Трариа.

Далее на востоке продолжение цепей Бени-Шугран составляет массив Уарсенис (Уаншериш, Уаренсенис), один из самых величественных во всей Алжирии по высоте и форме вершин: отсюда его берберское имя, которое буквально значит «ничего нет выше»[1]. Главную вершину (1.985 мет.), оканчивающуюся двойным пиком, солдаты прозвали «Оком мира», по причине необъятного горизонта, который открывается взорам наблюдателя с высшей пирамиды: это фрагмент юрского купола, окруженного меловыми пластами. В целом этот массив, перерезанный несколькими ручьями с юга на север и огибаемый на востоке глубокою долиною Шелифа, представляет менее симметрии в своем рельефе, чем западные группы, и высокие вершины распределены в нем довольно неправильно, хотя по большей части они находятся в средней полосе цепи, между пиком Уарсенис и мысом, где расположен город Богар, на восточной оконечности главного гребня. Абдель-Кадер сделал из этой гористой местности свой главный плацдарм; затем, когда он был побежден, и все его крепости срыты,

1 Lambert, рукописные заметки.

французы, в свою очередь, расположили там свои укрепленные лагери и форты для наблюдения за высокими плато и за горными проходами, ведущими в область Телль. На юге гор Уарсенис, терраса, со всех сторон ограниченная оврагами и известная под именем «плато



Габесъ.

Серсу», составляет как бы ступень между горами и низменностью, некогда озерной, заключающеюся между двумя «Атласами»; но она отделена от них несколькими небольшими, но очень крутыми хребтами, из которых самый высокий—массив Фортас (1.530 метр.).

Всего менее единства представляют краевые цепи «Малого Атласа» на юге Митиджи, под меридианом Алжира: овраги, равнины, широкия поперечные бреши разделяют их на множество небольших массивов, которые, впрочем, все ориентированы совершенно правильно, по направлению оси Атласа. Ниокс предложил дать всей этой орографической системе имя «гор Титтери», на том основании, что вся эта область составляла часть прежней провинции, так называвшейся до французской оккупации. Особенно трудно доступны те группы, которые вздымают свои кручи на юге Митиджи, именно группы: Гонтас, Музайя, горы Бени-Сала и Бени-Муса, джебель-Зима, Бу-Зегза: военные дороги, проведенные через эти горы, то проникают в узкия ущелья, как теснина Шиффы, то взбираются зигзагами по крутым склонам на высокие хребты; дорога из Алжира в Омаль достигает 1.000 метров в высшей точке горного прохода, в земле племени бени-муса; знаменитый Тениа, или «перевал» по преимуществу, бывший театром многочисленных битв в первые времена завоевания, пересекает массив Музайя на высоте 1.043 метров. Расположенные на высоком фундаменте плоскогорий внутренния горы, несмотря на то, что высота их более значительна, легче доступны, чем соседняя с Митиджей цепь. Высший пик в этих горах, джебель Дира (1.810 метр.), господствует своим лесистым конусом над городком Омаль. Подобно хребту Уарсенис, цепь Титтери ограничена на юге высокими равнинами, отличными от центрального плоскогорья в собственном смысле. Раздельный барьер между этими двумя областями, хребет Укеит (1.193 метра), представляет настоящую стену из меловых скал, возвышающуюся из аллювиальных образований четвертичной эпохи. Брешь Гельт-эс-Стель, через которую проходит дорога из Алжира в Лагуат, отделяет хребет Укеит от восточного его продолжения, горы Себа-Рус, или «Семиглавой». Трюмле сравнивает эту небольшую, перерезанную оврагами, цепь с зубчатыми стенами города, «несущими на своих зубцах головы семи обезглавленных великанов»[1].

Один из наиболее отчетливо ограниченных массивов Алжирии—Джурджура, возвышающийся на востоке и на северо-востоке Титтери: это *mons Ferratus* римлян, названный так, без сомнения, потому, что они не в состоянии были завоевать его. Глубокая долина уэда Сахель и долина уэда Иссер окружают, вместе с морем, пространство овальной формы, южная часть которого занята горами верхней Кабилии. С равнин, то зеленеющих, то желтоватых, по которым протекает Сахель, эти горы и прилегающие к ним террасы, изрезанные оврагами, являются во всем своем величии, с переходами цветов, от зеленого к фиолетовому и лазурному, и с бесчисленными неровностями их поверхности, здесь покрытой кустарником или лесом, там одетой пастбищами, во многих местах убеленной полосами или даже сплошной пеленой снега. Самая высокая вершина Джурджуры достигает 2.308 метр., следовательно, только несколькими метрами ниже вершины Шелиа в джебель Ауресе; но по относительной высоте над уровнем равнин,—это бесспорно самая величественная гора Алжирии. Крутые склоны её разом вздымаются слишком на 2.000 метров: ей дали имя Лалла-Хедриджа в честь одной мусульманской святой, может-быть, преемницы финикийской богини Таниты; но стоящая на вершине кубба есть лишь пустынь, капелла же святой находится на другой, второстепенной горе[2]. С севера главная цепь Джурджуры тоже представляет грандиозный вид: здесь, вдоль её основания, по всей длине, простирается глубокая долина, покрытая лесами, лугами и возделанными землями, над которыми господствует весь амфитеатр гор. С этой стороны, обращенной к северу, снега обильнее, чем на противоположном склоне, и даже в лощинах кучи камней и красноватой земли указывают места, где обрушиваются снежные лавины. В предшествующую геологическую эпоху со склонов пика, или «тамгута» Гайзер и пика Лалла-Хедриджа спускались ледяные реки: до сих пор еще видна огромная конечная морена в верхней долине уэда Айси; глыбы гранита, сланца, мрамора, из которых иные так велики, что могли бы быть эксплоатируемы в виде каменоломни, скучились тут, задержанные выходящим углом скал; это постепенное нисхождение эрратических камней и

1 „Les Francis dans le desert“.

2 C. Devaux, „Les Kebailes da Djerdjera“.

есть, может-быть, скрытый смысл легенды, которая показывает нам пророчицу Хедриджу спускающей с гор верхом на скале[3]. В других местах также приметны, по высоким обрывам из обломков, окаймленным поясом правильных плоских берегов, древние озера, которые образовались в понижениях почвы, но впоследствии были опорожнены вытекавшими из них ручьями. Из всех алжирских массивов горы цепи Джурджура, по обилию текучих вод, богатству зелени, равномерной свежести долин, защищенных как от знойных, иссушающих ветров юга, так и от холодных ветров севера, всего более походят, если не на большие Альпы, то, по крайней мере, на их предгорья; кроме того, они имеют элементы красоты, которых не увидишь в другом месте: крутые склоны, покрытые оливковыми деревьями и культурами до самых вершин, остроконечные пики, преобразованные рукою человека в пирамиды со ступенями и увенчанные деревнями.

Цепи верхней Кабилии расположены правильным полукругом по окружности страны. Разрезанные и частию размытые ручьями в средней их части, эти горы сохранились на обеих оконечностях, восточной и западной, и следуют одна за другой до самого моря, оставляя лишь узкие проходы между разделяющими их параллельными долинами. Береговые массивы, базальтовый мыс Джинет, известковая цепь Деллис, «тамгут» Азеффун дополняет эту громадную естественную крепость, которая не имеет других брешей, кроме трудно доступных хребтов и прохода, открывающагося, на северо-западе, между нижними долинами Иссера и Себау. В то время, как весь массив Большой Кабилии, от Бужи до Меневриля, опоясан большой дорогой, рядом с которою скоро будет проложен рельсовый путь,—во внутрь этой области пока проведена еще только одна проезжая дорога; другие же, именно дорога на юге через перевал Тирурда и дороги на востоке через перевалы Шеллата и Акфаду, еще не окончены для движения экипажей.

К востоку от долины Сахеля начинается длинная цепь Бабор, составляющая продолжение Джурджуры;. посреди долины, уединенный конус, носивший прежде имя Акбу, присвоенное ныне соседней деревне, указывает переход от одной цепи к другой. Называемая другими именами на восточной её оконечности, цепь Бабор, частию вулканическая, тянется на пространстве слишком 200 километров, и некоторые из её хребтов, покрытые снегом до начала лета, соперничают высотой с второстепенными вершинами Джурджуры. Гора Табабор имеет 1.965 метр. высоты; Большой Бабор, исходный пункт параллельной цепи на юге, еще немного выше (1.970 метр.); севернее, джебель Адрар достигает в высшей своей точке 1.941 метр. Непосредственно на западе от этой господствующей горы, воды уэда Агриун вырыли глубокую и узкую поперечную долину, называемую шабет эль-Акра, то-есть «ущелье Вечности», в смысле «долины Ада». С той и другой стороны, над глубокой тесниной, на дне которой шумит горный поток, вздымаются крутые каменные стены на сотни метров высоты; вследствие резких извилин трещины, вид ущелья беспрестанно меняется, и путешественнику кажется, что он заперт в пропасти, не имеющей выхода. Одна из двух дорог, проложенных через цепь Бабор, пользуется этим ущельем, чтобы спуститься к морю, но к востоку от этого прохода гребень еще не перейден инженерами окончательно: гористая область, простирающаяся на севере к Джиджели и Колло—одна из наименее доступных местностей Алжирии.

Цепь Бибан, или «Ворот», к югу от гор Джурджура и Бабора, составляет продолжение массива Джебель-Дира. Имя это она получила от проломов, которые открываются в её толще, давая в дождливое время года проход водам, изливающимся на плоскогорье. Двое «ворот», часто называемые «Железными», как многие другие горные проходы, прежде казавшиеся страшными, не имеют теперь уже ничего, что могло бы пугать путешественника, и с 1839 года даже армии не останавливаются более перед этим препятствием, как останавливались некогда римские легионы, а в новейшее время турки во все продолжение своего господства: французские оккупационные войска, которые в начале не могли попасть из одной алжирской провинции в другую иначе, как по морю, установили впервые свои сообщения

3 Mercier, рукописные заметки;—C. Devaux, цитированное сочинение.

внутри страны, пройдя Железные Ворота. Порог Больших Ворот, то-есть западного пролома, перейден теперь шоссейной и железной дорогой из Алжира в Константину; через Малые Ворота, открывающиеся верстах в четырех к востоку от Больших, тоже проведена удобная дорога, и геолог может совершенно безопасно изучать в этих ущельях приподнятые пласты черного известняка, которым размывание промежуточных песчаниковых слоев придало причудливые формы: в одном месте эти известняковые пласты имеют вид колоссального органа, в другом напоминают контрфорсы громадного собора. К востоку от Железных Ворот цепь Бибан перерезана несколькими брешами, защищаемыми военным постом Такитунт, который расположен на высоте 1.051 метра, на уединенном гребне, между двух горных валов. Одна из вершин Бабора, джебель Саттера—бывший вулкан, с кратером, края которого покрыты шлаками и пемзой.

В то время, как в цепях Бибан и Бабор воды пробили только бреши для прохода, горы, стоящие на юге, между равниной реки Меджаны и большим бассейном Годны, были разрезаны процессом размывания на множество отдельных массивов, окруженных горизонтальными низменностями, точно острова посреди моря. Из всех этих гор, обломков гораздо более высоких выступов рельефа, самая значительная—джебель-Мадгид (1.840 метр.); далее на восток, по направлению к Константине, вершины постепенно понижаются, а разделяющие их долины расширяются в равнины: тут мы находимся в промежуточном поясе, составляющем переход от краевых гор к центральному плоскогорью. Цепи в собственном смысле снова появляются в соседстве Константины, но только немногие из их вершин достигают высоты 1.000 метр. Горы этой области Алжирии замечательны не высотой, а крутизной их утесов, обнаженных обвалами и размыванием. На северо-востоке орографическая система северных краевых цепей заканчивается могучей массой горы Эдуг (1.008 метр.), на передовом основании которой расположена касба Боны. Мыс Гард, ограничивающий рейд, имеет нормальное направление всех алжирских мысов, именно с юго-запада на северо-восток, тогда как на западе массива, Железный мыс выдвинулся в противоположном направлении; но он, подобно горам Колло, состоит из вулканических формаций, не принадлежащих к общему остову страны.

В то время, как в провинции Константине система северных краевых цепей оканчивается у моря, гряды, ограничивающие на юге высокие плоскогорья, начинаются на марокканской границе в 350 километрах от морского берега. К северу от оазиса Фигиг, гористый рельеф, составляющий барьер между возвышенной пустыней плоскогорья и низменной пустыней Сахары, состоит из ряда небольших массивов, которые в северо-восточном направлении представляют постепенно уменьшающиеся выступы над цоколем возвышенностей. Всей этой системе дали имя цепи Ксуров, по причине «укрепленных замков», частию разрушенных, которые занимают их проходы; но каждая группа гор, называемая арабами *кисн*, «форт» или *келаа*, «Замок», имеет свое особенное наименование. Разделенные уэдами, которые спускаются с северных плато, теряясь затем в Сахаре, многие из этих массивов действительно имеют форму крепости: они представляют на окружности род вала, а внутри образуют котловину, вместо того, чтобы подниматься в виде пирамиды или округленного купола. По высоте главные массивы не уступают господствующим группам Алжирии: гора Маиз, на северо-западе от Фигига, имеет 1.850 метр.; на севере того же оазиса, массив Бени-Смир достигает 2.000 метр.; джебель Мзи, к югу от Айн-Стиссифа, еще на 200 метр. выше. С этих обсерваторий, окруженных зеленеющими и цветущими весной долинами, взор теряется в бесконечности Сахары, в её беспредельных песках, глинах и каменистых плато.

К северу от цепи Ксур, несколько хребтов, имеющих, в среднем, 1.500 метр. абсолютной и 500 метр. относительной высоты, джебель Аисса, Мергад, Геттар, доломитовый вал Антара, Амраг, рассеяны по поверхности плоскогорья, повсюду изрезанной оврагами, изрытой ямами, отчего вся эта область получила имя Меканем, что значит «страна засад»[1]. К востоку цепь Ксур не имеет более в равнине ни одного предгорья; горный хребет съуживается, и

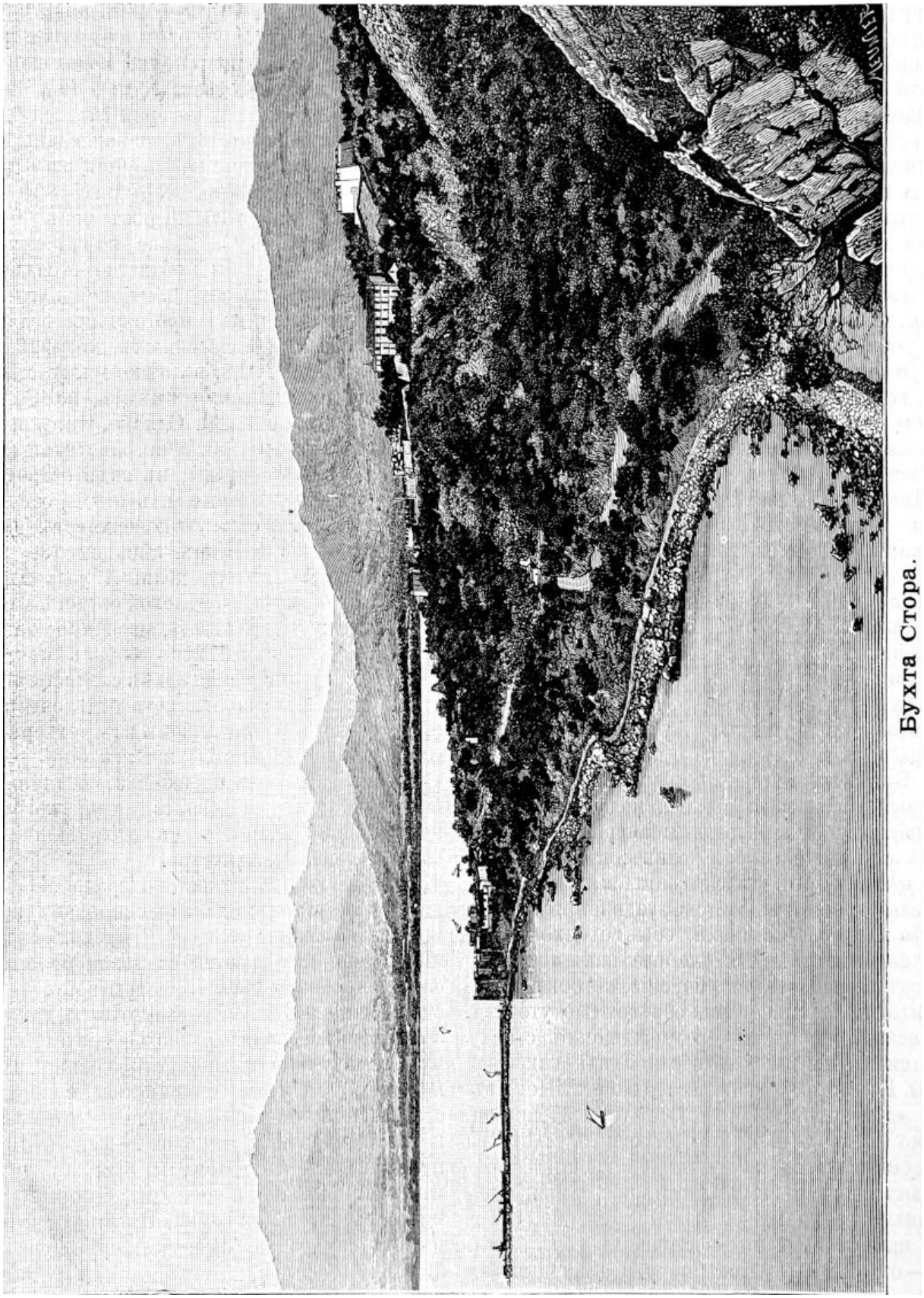
1 Lambert, рукописные заметки.

проходы через него легко доступны; но вскоре выпуклость рельефа снова расширяется, представляя несколько параллельных отрогов, Бу-Дерга, Ксель, Тарф, которые можно бы было назвать массивом Жеривиль, по имени военного поста, которому поручено наблюдать за проходящими там дорогами. Но эти отроги образуют лишь западную оконечность более могучей орографической системы—Джебель-Амура, то-есть «Горы» по преимуществу, так как эти два соединенных имени имеют одно и то же значение, первое по-арабски, второе на древне-берберском языке. В целом Амур представляет плоскогорье, разрезанное горными потоками, которые изливаются с одной стороны к внутренним шоттам, с другой—к шоттам Сахары. Вместо того, чтобы быть перерезанным через всю ширину, подобно почти всем другим массивам краевых цепей, Джебель-Амур образует раздельную линию между водами; даже на восточной своей оконечности, где берет начало река Шелиф, он составляет водораздел между бассейном Средиземного моря и бассейном рек Джедди и Игаргара. Центральная область Амура занята так называемыми *гадами*, большими каменными площадями с длинными откосами по бокам. Некоторые из этих отрывков плоскогорья почти неприступны, и те из них, на которых есть колодцы или источники, могли бы быть превращены в горные крепости. Вокруг этих больших меловых масс, прикрытых на вершине гладкою плитою, извиваются глубокия долины, сообщающиеся между собой через вырезки плоскогорья. Ни один выступ массива не достигает 2 километров высоты: высшая точка, Туила-Макна, соединяющая Амур с горами Жеривиль, поднимается на 1.900 метр.; джебель Окбах и джебель Гуру, господствующие с юга над долиной нарождающагося Шелифа, имеют соответственно 1.710 и 1.708 метр. высоты. Самые грандиозные по виду, если не самые высокие, вершины—те, которые высятся на юге массива, на конечной стене, называемой Кеф-Гебли, или «Скалой полудня»; расстилающаяся у их подножия пустыня составляет резкий контраст с этою беловатою стеною, круто поднимающейся к синему небу. Через известные промежутки в каменной массе открываются ворота, чтобы пропустить горные потоки: таковы ворота, дающие проход уэду Мелах (иначе уэд-эль-Малех), или «Соляной реке». Здесь скала состоит из соляных масс, окрашенных в фиолетовый, розовый и зеленый цвета химическими телами, примешанными к их кристаллам. На всем полуденном фронте гор, господствующем над Сахарой, видны соленосные слои, изрытые сверху атмосферными осадками, подточенные снизу ключевыми водами: это двойное разрушительное действие воды имело следствием опрокидывание пластов и провалы в форме кратера, которые придают целому хаотический вид.

К востоку от Джебель-Амура, цепи, прерываемые очень широкими брешами, представляют незначительные выступы над поверхностию плоскогорья; большинство превышают лежащие у их основания равнины не более, как 100 или 200 метров; самая высокая, джебель Сенальба, господствующий на западе над дорогой из Джельфы в Лагуат, рядом с которой вскоре будет проведен рельсовый путь, достигает 1.580 метр. К востоку, горный вал еще более понижается; в то же время он постепенно съуживается, и на северо-западе от Бискры является уже в виде небольшого узкого кряжа, разделяющего долины Годна и Зибан. Железная дорога из Батны в Бискру не имела даже надобности проходить через горы туннелем; она следует ущельем уэда Эль-Кантара и спускается с высоких внутренних плато к «Устью Сахары», откуда видна простирающаяся на южном горизонте необъятная пустыня.

Но если железный путь легко переходит из одного пояса в другой, то это потому, что он описывает большую дугу вокруг западной оконечности самого высокого массива Алжирии, Джебель-Ауреса. Уже на севере эта группа высоких гор обозначена собранием предгорий, которое по высоте соперничает с главными вершинами Алжирии: это горы Батна, возвышающиеся на северо-западе вокруг города того же имени, с господствующею вершиною Тугер (2.100 метр.).Собственно Аурес, кряжи которого тянутся на востоке от долины, где проходит уэд Эль-Кантара, не представляет в своем образовании такой правильности, как большинство других массивов Алжирии. Северный хребет, самый высокий, не вполне придерживается нормального направления: он постепенно отклоняется около восточной своей оконечности и, наконец, принимает направление от запада к востоку; к югу от этого перваго хребта, другия складки Д;кебель-Ауреса правильнее сохраняют направление, параллельное общей

оси алжирских гор, однако и они слегка изгибаются к югу, приближаясь к тунисской границе: в целом, горы Ауреса имеют форму немного раскрытого веера. В северной цепи высится гигант всей Алжирии, гора Шелия, высший пик которой, называемый Кельтум (2.328



Бухта Стора.

метр.), превышает на несколько метров вершину Лалла-Хедиджа, в массиве Джурджура: с верхушки его, подъем на которую не труден, наблюдатель обозревает на севере беспредельную поверхность высоких плато и их шоттов, между Батной и Айн-Беидой, тогда как на

юге, через сероватые очертания нижних гор, виднеется «синяя, прямая, бесконечная линия»—море Сахары[1]. Над песчаными равнинами, впадина которых занята шоттом, скалы, точно спаленные жгучими лучами солнца, отражающимися от раскаленной почвы, так же лишены всякой растительности, как гранитные и порфировые горы, выдвинувшиеся, в виде мысов, в Красное море, и блестят не менее яркими цветами. Этому ослепительному сиянию вершин одна из южных цепей Ауреса, возвышающая на 1.500 метр. над низменной равниной Бискры, обязана своим именем джебель Ахмар-Хадду, которое значит «Краснощекая гора»[2].

Явления размывания и выветривания, которые так легко можно констатировать во всей Алжирии, быть-может, яснее заметны в горах Ауреса, чем во всяком другом массиве Северной Африки: можно подумать, что скала, так сказать, растворилась, растаяла в дилювиальном потоке, и громадные груды обломков, извергнутых из горных ущелий в сахарскую низменность, показывают нам размельченные скалы Ауреса, отложенные снова под видом мелкого камня, песка и глины. В иных местах обрушились целые каменные массы, как столбы, подкопанные при основании, и их развалины нагромождены в виде запруды поперег долин; в других—от целых гор и цепей остался только «свидетель» древних пластов, уединенный стол, более или менее высокий, обыкновенно утилизируемый местными племенами как крепость, благодаря удобствам обороны, которые представляют верхние слои, обрезанные утесами, опоясанные обвалами, содержащие в своих впадинах немного колодезной или ключевой воды. К востоку от Ауреса, джебель Шешар, или «Каменистая гора»[3], и горы Немемша, равно как уединенные отроги плоскогорья Тебесса и кряжи на тунисской границе, тоже имеют свои естественные крепкие замки, обращенные туземцами в места убежища. Средняя высота этих юго-восточных гор Алжирии—от 1.200 до 1.400 метр. Самая высокая вершина Шешара, кеф Али-эн-Нас, достигает 1.878 метр.

На юг от краевых цепей алжирского плоскогорья высоты вдруг прерываются обширными равнинами, покрытыми четвертичным аллювием и образующими род пролива между островом Магреб и сахарскими массивами; но почва постепенно поднимается к югу почти незаметною отлогостью до длинных хребтов цепи высот, которая тянется с юго-запада на северо-восток, параллельно системе Атласа. Эта цепь, называемая рас Шаб, достигает в своей высшей точке 850 метр., возвышаясь на сотню метров меньше над оазисом Лагуат[4]. Далее начинается уже Сахара, которая в этой области состоит главным образом из земель плиоценового века, некогда отложенных проточными водами и, без сомнения, разнесенных ветром, как желтозем в Китае; в некоторых местах эти слои рыхлой земли имеют, по Роллану, до 300 метр. толщины. Однако, там и сям над этими сахарскими пространствами возвышаются меловые скалы, в виде островных массивов, и некоторые из этих островов занимают значительную поверхность. Такова, к западу от уэда Гир, цепь высот, ограничиваемая с севера долиной уэда Джедди. Но самый обширный меловой остров этой части Сахары—плато Мзаб, названное так по имени уэда, который там берет начало, и населений, группирующихся в скалистых цирках. Массив Мзаб, хотя отделенный от алжирских гор проливом из четвертичной аллювиальной формации, может быть рассматриваем как род перешейка, соединяющего высоты Магреба с девонскими плоскогорьями внутренней Сахары и с кристаллическими горами Джебель-Ахаггара.

На север от меловых плато Мзаба переход не резок: он замаскирован известковыми образованиями; но чем далее к югу, тем чаще встречаются островки беловатых скал, пробивших бугорчатую кору: это выступы мелового плоскогорья, которое, наконец, занимает все пространство и образует обширную гамаду без видимых пределов. В некоторых местах каменистая поверхность совершенно ровная; она была стерта песками, и никакая травка, ника-

1 Valentin de Gorloff, „De Batna au djebel Cheliya“;—Playfair, „Travels in the Footsteps of Bruce“.
2 E. Masqueray, „Bulletin de la Societe de Geographie“, nov 1876.
3 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.
4 G. Holland, „Mission transsaharienne de Lagouat“.

кой лишай не может прикрепиться к голому камню; в других местах попадаются впадины, содержащие немного растительной земли. С западной стороны эта гамада достигает наибольшей абсолютной высоты—725 метр.; но она круто обрывается утесом в 100 или 208 метр. высоты[1], у подошвы которого извивается безводное русло уэда Луа и простираются на необозримое пространство четвертичные аллювиальные равнины, ограниченные на севере горами оранского юга, на юге—сыпучими песками безбрежного моря дюн. Этот край плоскогорья обозначает водораздельную возвышенность между двумя покатостями Сахары, спускающимися одна—к океану через Нигер, другая—к Средиземному морю через Игаргар и ряд шоттов. Начиная от хребта тамада представляет правильный скат в юго-восточном направлении, но она изрезана во все стороны оврагами, узкими и глубокими долинами, разветвляющимися в форме трещин: этой трудно проходимой области, куда невозможно пускаться без опытных проводников, дали название шебка или «сетка», вероятно, потому, что совокупность разветвляющихся долин образует как бы громадную сеть. Вне шебки Мзаба несколько скалистых перешейков, через которые можно попасть в низменности оазисов, получили имя *кантара*: это действительно «мосты», облегчающие сообщение между центральным массивом гамады и внешними землями; на востоке, по обе стороны уэда Мия, высятся *гуры*, или скалы, отрезанные от плоскогорья, то совершенно изолированные, то расположенные в виде цепи, но все равно замечательные обвалами своих скатов и своими столообразными, местами нависшими вершинами. К югу плоскогорье Мзаб постепенно съуживается и, наконец, в области Эль-Голеа дает проход песчаным потокам, рукавам обширного моря дюн, наполняющего Сахару между Туатом и степями Улад-Сиди-Шейх. Эти маленькие песчаные проливы составляют южный предел плоскогорья[2].

III.

Алжирия не имеет больших рек; хотя она получает из облаков количество дождевой воды, по меньшей мере равное тому, которое уносит такой могучий поток, как Нил, в ней нет ни одной судоходной реки: несколько паромов, два или три ялика на Сейбузе—вот и весь флот внутреннего судоходства, каким обладает эта страна. Общий рельф почвы не благоприятствовал развитию обширного речного разветвления. Береговой пояс так узок, что Средиземное море могло бы получать из внутренней части материка разве только ничтожные ручьи, если бы краевые цепи не представляли местами проломов, через которые изливаются потоки, зарождающиеся на высоких плоскогорьях. Но эти потоки в наши дни не были бы в состоянии открыть себе проход через параллельные цепи, ограничивающие на севере пояс возвышенностей; при виде этих ущелий, мысль переносится к тому «озерному» периоду, во время которого значительные жидкия массы занимали все бассейны гор: низкие пункты, откуда изливался их излишек вод, были постепенно вырыты и преобразованы в речные русла, слишком широкия для ныне бегущего в них потока. На юге плоскогорий наблюдается подобное же явление, как и на северном склоне: большинство ручьев, спускающихся к Сахаре, берут начало на внутренней стороне краевых гор и достигают области оазисов через ряд дефилеев.

Общая площадь средиземной покатости в Алжирии может быть исчисляема приблизительно в 200.000 кв. километр.; вся остальная часть страны разделена на замкнутые бассейны, вода которых испаряется, образуя соляные лагуны, или даже улетучивается, прежде чем достигнет центрального углубления котловины. Впрочем, почти все потоки Алжирии пересыхают на продолжительное время, и тогда ложе их представляет, в возвышенных местностях, голый камень, а в низменных—песчаные пространства, где ветер, как на больших дорогах, поднимает столбы пыли. Речки, сохраняющие небольшое течение в летнее время, бывают заперты при устье крепким песчаным баром, который служит дорогою пешеходам и всадникам. Тем не менее, уэды не совершенно иссякают, как это кажется на первый взгляд:

1 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, juin 1876.

2 G. Rolland, „Bulletin de la Societe de Geographie de France”, 1881.

под высохшим поверхностным ложем находится подземное русло; вода, просачиваясь через песок, проникает в нижние слои, и там, где какие-либо запруды, наприм. каменистые пороги, плотины, непроницаемые формации, задерживают подземное течение вод, последние поднимаются на поверхность, образуя маленькое озеро выше преграды. В некоторых речных бассейнах средний расход (количество протекающей воды) скрытого потока составляет значительную часть общего расхода, включая сюда и периоды разлива: до сих пор еще не воспользовались этими подземными водами для целей ирригации[1]. Даже на высоких плоскогорьях овраги, спускающиеся к шоттам и почти круглый год имеющие вид безводных дорог, скрывают потоки под своими песками и камнями. Эти инфильтрационные воды, напитывающие почву, проницают некоторые горные породы и химически соединяются с ними, так что изменяют их объем и тем производят движения в массе земель[2].

На северо-западной оконечности Алжирии маленький уэд Аджеруд обозначает марокканскую границу; но первый поток, который действительно можно назвать рекой по длине течения и по разветвлению притоков,—это Тафна. Она получает несколько притоков с марокканской территории, именно с большой равнины Ангадской, к западу от Уджды; но главные её истоки находятся в пределах Алжирии, самый высокий—на джебеле Тенушфи, юго-западном пике гор Тлемсен. Несмотря на незначительную длину течения—около 150 километров —Тафна одна из тех рек, которые Риттер называет «геройскими» за смелость, с какою они переходят одну гору за другой. Тафна, рядом узких поперечных долин, перерезывает горы Тлемсен, затем другую передовую группу цепи Трара. Иссер, её главный приток, тоже берет свое начало на южной стороне Тлемсенских гор, пробивает их извилистыми ущельями и сливается с Тафной, описывая кривую, симметричную с кривою главной реки.

Прежде вся низменность, ограниченная на севере Оранскими береговыми горами, Львиной горой и западною оконечностию Дахры, была покрыта водою. От этого древнего озера остались еще большая себха Миссергинская или Оранская, соленоводная площадь в несколько сантиметров толщины, несколько других менее обширных соляных водовместилищ и болотистые пространства, в которые изливались Сиг и Габра при малейшем повышении их уровня. Эти две реки, после соединения, впадающие, под именем Макты, в Арзевский залив, берут начало на северном краю среднего плоскогорья Алжирии и спускаются крутыми поворотами в поперечных трещинах гор. Благодаря проницаемости почвы в бассейне Габры и других рек края, количество протекающей воды далеко не так непостоянно, как можно было бы ожидать в стране, где сильные ливни сменяются продолжительными засухами; но все-таки это количество очень не велико. В то время, как река Ардеш (во Франции) в исключительно большие разливы несет от 5.000 до 10.000 кубич. метров, Габра, бассейн которой обширнее и получает почти столь же значительную долю дождей, катит, во время самых больших наводнений, только десятую часть течения французской реки[3]. В западной Европе средний сток или расход рек заключается между четвертью и половиной объема дождей; в Алжирии же, на средиземной покатости, он составляет не более одной двадцатой или одной тридцатой выпадающей из атмосферы влаги; вода рек, мутная от примеси землистых частиц, почти всегда движется очень медленно, без заметного течения. Коровы по целым часам бродят в грязном потоке.

Шелиф, по длине течения—главная река Алжирии: общее протяжение его, не считая малых извилин, по крайней мере 700 километров. Он берет начало за поясом возвышенностей, в Джебель-Амуре, и под именем уэда Намус, «ручья Москитов», течет сначала в продольной долине, параллельной оси этих гор. Затем он пересекает плоскогорье, постепенно уменьшаясь в объеме вследствие испарения и рискуя исчезнуть совершенно, как один из его естественных притоков, уэд Сус-Селлем, теряющийся в почве, прежде чем достигнуть главной долины. Дойдя до подошвы северных гор, Шелиф является уже дотого ослабленным, что

1 Baills, „Bulletin de la Societe de Geographie de la province d'Oran", n° 15, 1882.
2 Bourdon, „Bulletin de la Societe de Geographie", janvier-fevrier 1874.
3 Bourdon, цитир. сборник, за июнь 1867.

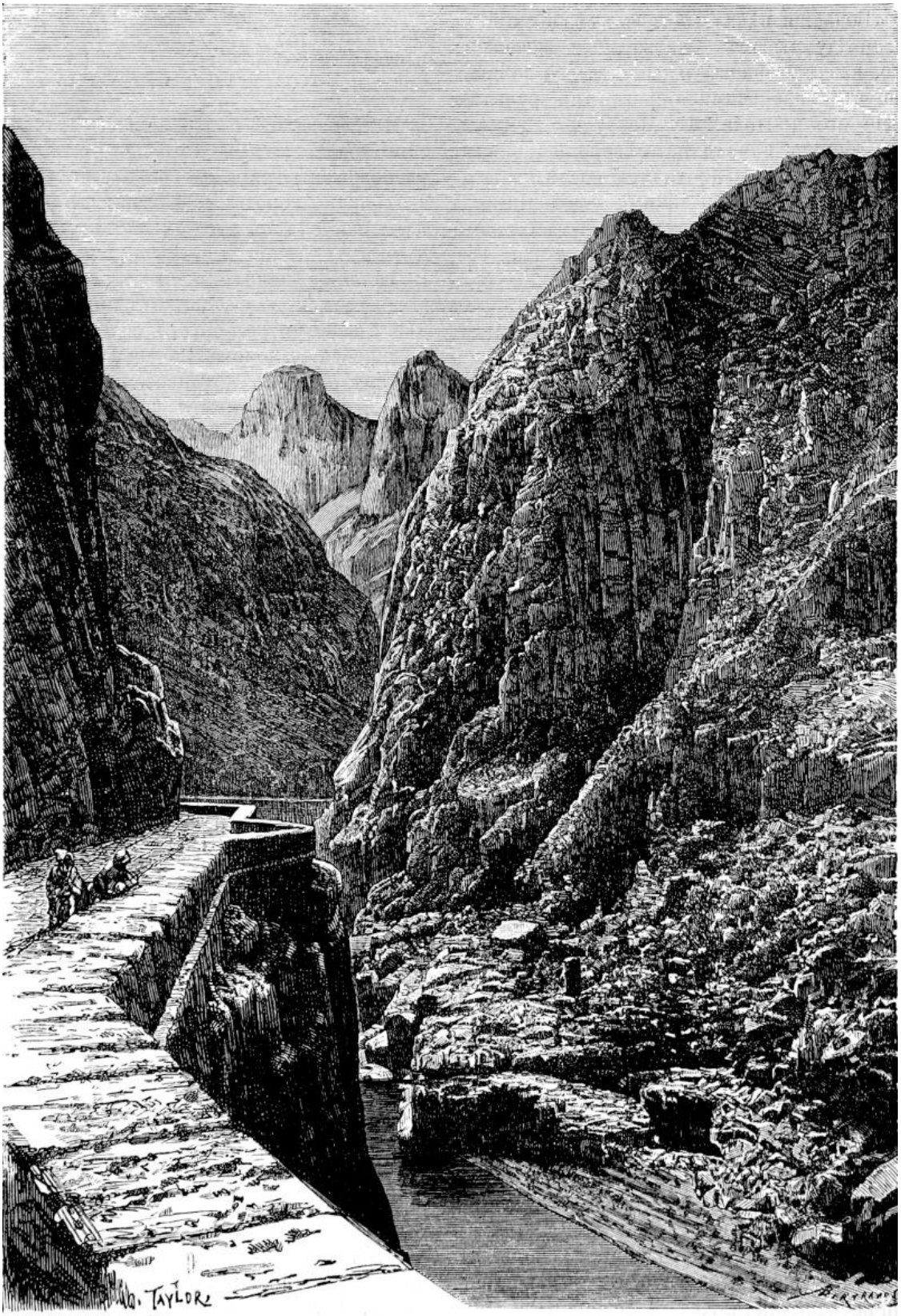
приток его Нахр-Уассель, текущий из Тиарета вдоль основания гор, принимают за настоящую реку, как показывает самое название «нахр». Благодаря этому увеличению объема, Шелиф получает возможность перейти северные краевые цепи Богарским ущельем, после чего ему остается только следовать далее длинным понижением почвы, отделяющим горы Уарсенис от гор Дахра, и усиленный Мимой, проходящей перед тем по южным ущельям, смешивает свои желтые воды с водами моря, немного севернее Мостаганема. Подобно Сигу и Габре, Шелиф и Мина протекают по проницаемому грунту, чем и объясняется относительное постоянство их течения: тем не менее, большие разливы их достигают страшных размеров, тогда как в меженное время эта главная алжирская река, длиной течения превосходящая Гаронну, беднее водой, чем многие из ручьев Пиренейских гор.

Речки Митиджи, уэд Мазарфан, принимающий в себя, между прочим, знаменитую Шиффу, уэд Гараш, уэд Гамиз—все незначительные потоки, обязанные своей известностью только соседству Алжира, битвам, происходившим на их берегах, да городам, деревням, садам и нивам их бассейнов. Уэд Иссар, берущий начало в горах, к юго-востоку от Медеи, и нижнее течение которого служит западною границею Большой Кабилии,—более значительная речка, а уэд Себау, питаемый снегами высоких массивов Джурджуры, представляет собою уже настоящую реку: все стремительные ручьи, бегущие с северного склона гор, где климат гораздо влажнее, чем на противоположном скате, соединяются посредством разветвления многочисленных долин с главной долиной Себау, который течет параллельно морскому берегу, совершенно ориентированному в этом месте по градусам широты; чтобы достигнуть моря, река изгибается к северо-западу и к северу через широкую долину между гор: большую половину года речное течение соединяется с морскими водами через бар. Менее значителен уэд Сахель, или Сумман, который, хотя и длиннее, но течет на юге гор Джурджура, образуя как бы ров громадной естественной крепости. На этой стороне гор дожди и снега менее обильны, и скудная струя впадающих ручьев, пресноводных или соляных, очень мало усиливает главный поток, который направляется на северо-восток, к заливу Бужи, проходя между цепями Джурджура и Бабор, через брешь Акбу. Выше этого пролома происходит слияние Сахеля и его главного притока, уэда Бу-Селлам, получающего свои воды из Меджаны и с плоскогорья Сетиф, то-есть из областей, куда двойная поперечная стена гор Бибан и Бабор преграждает доступ обильным дождям прибрежья.

Несмотря свое имя «Уэд-эль-Кебир», т.е. «Большая река», поток, впадающий в море между мысом Джиджели и массивом Колло, кажется значительным только по сравнению с маленькими береговыми ручьями: верхние его притоки, Бу-Мерзуг, Руммель, Энджа, берут начало на северной границе пояса плоскогорий и проходят последовательно все береговые цепи дикими ущельями или трещинами скал, как теснина Руммеля между мысом Константина и плато Мансура. Выше этой бреши происходит соединение притоков Руммель и Бу-Мерзуг, из которых последний в древности назывался Ампсагас и во времена римского господства долго служил условной границей между Африканской провинцией и Мавританией.

К востоку от Константинского уэда эль-Кебир текут две другие «Большие реки»,—уэд эль-Кебир, зарождающийся в холмах Гельма и впадающий в Средиземное море южнее Железного мыса, и уэд эль-Кебир, первые истоки которого находятся в тунисских горах Хумирии: это одинаковое название, примененное к соседним потокам, свидетельствует об отчужденности, в которой жили различные племена; они, очевидно, не знали друг друга, составляя каждое отдельный замкнутый мирок. Между этими двумя уэдами эль-Кебир восточной Алжирии, в Бонский залив изливается Сейбуза, последний большой поток страны, который из всех её проточных вод имеет наиболее постоянное течение, и часть которого, близкая к морю, наиболее представляет вид настоящей реки. Нижний её бассейн имеет форму обширного цирка, расположенного таким образом, что он получает из дождевых облаков значительное количество воды. Между Эдугом и мысом Роза на морском берегу простирается большая равнина, и горы, ограничивающие ее с юга, следуют одна за другой постепенно повышающимися уступами, из которых каждый получает свою долю дождей, не лишая атмо-

сферной влаги более отдаленную цепь. Истоки уэда Шерф, главной ветви Сейбузы, переплетаются на плоскостях Айн-Беда с источниками тунисской Меджерды и её притока, уэда Меллег, также принадлежащих к бассейну Средиземного моря. В предшедствующую геоло-



Шабель-акъ-акрская дорога.

гическую эпоху равнина, пересекаемая нижним течением Сейбузы, была покрыта морскими водами; от бывшего залива до сих пор осталось мелководное озеро или, вернее, болото Фецара, которое еще не удалось вполне осушить. Количество воды, протекающей в секунду, пред-

ставляет, для трех главных рек Алжирии, следующие цифры:

	Площадь бассейна, кв. килом.	Расход во время разлива, куб. метр.	В мелководье, куб. метр.	Средний расход, куб. метр.
Макта	10.700	800	2	10
Шелиф	38.200	1.448	1,5	15
Сейбуза	10.000	1.000	0,15	20

Между морем и течением восточного уэда эль-Кебир, называемого при устье Мафраг, расположены три озера, образующие род пояса вокруг города Ла-Кале; вид этих озерных бассейнов представляет зрелище редкое в Алжирии, где встречаются только пруды и салины. Одно из озер, западное, Гера (Гара)-эль-Мелах, или «Соляная лагуна»,—действительно резервуар соленой воды, сообщающейся с морем. Среднее озеро, Гера-эль-Убейра, вода в котором пресная, представляет, тем не менее, бассейн почти всегда замкнутый; но в период разливов, когда уровень поднимается на 3 метра выше ординара, излишек вод озера выливается на юг, в долину уэда Эль-Кебир. Наконец, третье озеро, называемое Гера-эль-Гут, или «Рыбная лагуна», соединяется с морем посредством ленивой речки Месиды, заросшей камышами; пытались-было ассенизировать, прорытием сточных каналов, плодородные земли, окружающие это озеро, но лихорадки похищали так много рабочих, что пришлось отказаться от этого предприятия.

Вся зона плоских возвышенностей, за исключением узкой песчаной полосы, по которой протекает верхний Шелиф, и площади истечения, где образуется Меджерда и уэд Меллег, делится на замкнутые бассейны. Вследствие сильного испарения, быстро уносящего приносимую дождями влагу, все ручьи или принимающие их неглубокие водоемы постепенна иссякают, и таким образом территория дробится на бесчисленное множество маленьких бассейнов, некогда соединявшихся в одно целое, и которые слились бы снова, если бы дожди были более обильны или температура менее высока. Когда впадина довольно большого протяжения, она получает имя *шотта*; менее обширная и наполняющаяся пресной или солоноватой водой, которую всасывают корни некоторых кустарниковых растений, называется *дайя*; простая грязная лужа известна под названием *гедир*. Ровная на вид по причине серого цвета почвы, сглаживающего все неровности рельефа, плоская возвышенность представляет ряд длинных повышений и понижений, на подобие правильных морских волн, образующихся от действия пассатных ветров: целая армия могла бы спрятаться в *фидах* и *мадерах*, между двумя волнообразными возвышениями почвы, так что на расстоянии двух километров нельзя было бы догадаться о её присутствии[1]. Большинство шоттов имеют на окружности настоящие высокие берега, как озера, а местами даже крутые утесы, поднимающиеся на 15 или 20 метров; но вода не омывает более основания утесов, жидкую поверхность заменили солончаковые пространства или полосы пыльного гипса, смешанного с песком; кое-где образовались даже дюны, развертывающие свои правильные волны на том самом месте, где некогда волновались водные пространства[2]. Таков вид шотта Гарби, или «Западнаго», часть которого, по условной линии границы, причисляется к Марокко; несколько маленьких водных площадей занимают самые низкие его впадины. Шотт Шерги, или «Восточный», тянется в средней части плоскогорья, имея около 200 километров длины, при различной ширине, достигающей к западу до тридцати километров. Он разделен на два бассейна перешейком Хейдер, где стоит горка, из основания которой вытекает источник: этот-то «водяной мост» между двумя солончаковыми низменностями и был выбран для прокладки железной дороги, направляющейся к южным военным постам. К востоку от Хейдера низменность шотта Шерги имеет кольцеобразную форму; это—овальная, довольно узкая впадина, заключающая внутри остров более высоких земель.

На восток от Шелифа пояс плоских возвышенностей, уже гораздо менее широкий, представляет лишь маленькие бассейны, где испаряются воды: таковы дайя Дахла, на севере гор Укаит, и на юге этой цепи два бассейна Захрез «Западный» (Гарби) и «Восточный» (Шер-

1 Arnaud, „Revue africaine“, 1866;—Guy de Maupassant, „Au Soleil“.

2 Mares, „Bulletin de la Societe de Geographie de France”, 15 nov. 1858.

ги), содержащие, по вычислениям Фурнеля и Виля, количество соли около 600 миллионов тонн (около 3.700 миллионов пудов). К северо-востоку от Бу-Сада, цирк, вдруг прерывающий ряд параллельных горных цепей, получает довольно значительное количество воды, так что там образуется обширный шотт Годна, который в предшествующую геологическую эпоху несомненно был альпийским озером: после зимних дождей часто случается, что центральная котловина сплошь занята водною площадью; со всех сторон громадного амфитеатра бегут горные потоки, которые можно бы было, посредством гидравлических работ, отвести на окрестные возделанные пространства. За этим озерным бассейном, на плоскогорьях Сетиф и Айн-Беида, рассеяно несколько маленьких себх (сбах): самая значительная из них—себха Тарф, где теряются несколько ручьев, спускающихся с Джебель-Ауреса; воды достигают там высшей возможной степени насыщения, именно 27 процентов, не будучи в состоянии растворить всю соль, содержащуюся в бассейне[1].

Обращенная к Сахаре покатость краевых цепей плоскогорья изливает свои ручьи в пустыню, но большая часть этих потоков поглощается, при самом выходе из ущелий гор, обработанными землями оазисов; вся влага, приносимая дождями, скопляется в дайях: на юг от Лагуата виднеются там и сям, сгруппированные в архипелаги, лески и рощи, питаемые этими лужами. Впрочем, многие из этих уэдов продолжаются из плантации в плантацию на довольно большое расстояние от возвышенностей, и даже там, где течение их совершенно иссякло, русло еще приметно и тянется правильными излучинами, как будто вода только недавно покинула их. Направление уэдов обнаруживает отчасти форму рельефа в области пустыни. С западной стороны, в Оранской провинции, русла рек спускаются прямо на юг, показывая, что уровень почвы постепенно понижается в этом направлении; восточнее, в Алжирской провинции, главный поток, вместо того, чтобы направиться прямо на юг, следует вдоль южного основания гор, параллельно общей оси Алжирии: он течет в борозде между двух обступивших его возвышенностей; наконец, в провинции Константине, недалеко от тунисской границы, Игаргар, бывший некогда большой рекой, а теперь представляющий лишь широкую извилистую долину, спускается с юга на север к низменности шотта Мельгиг; высокие массивы, стоящие в пустыне, далеко на юге собственной Алжирии, дают всей промежуточной области скат, обращенный к северу, в сторону противоположную покатости, которую представляет поверхность пустыни на юге от Оранской провинции. Это один из капитальных фактов в географии пустыни; в то время, как на востоке воды спускались некогда либо к «внутреннему морю», либо к Габесскому заливу,—на западе они текли на юг. Достигали ли их соединенные ветви течения Нигера, или, может-быть, речное русло, усиливаемое частными потоками, поворачивало на запад, чтобы идти прямо к Атлантическому океану? Эта проблема пока еще не разрешена исследованиями европейских путешественников; но сведения, принесенные туземными караванщиками, делают первую гипотезу очень вероятною. Юго-западный угол Алжирии, повидимому, принадлежит к бассейну Нигера несколькими уэдами области Ксур, текущими к оазису Фигиг.

В нынешних пределах алжирской территории, другие потоки, берущие начало в краевых цепях высоких плато, теряются под песками дюн, пояс которых тянется на юге; так исчезают: уэд Намус, или «Москитовый», вытекающий в соседстве Тиута; уэд эль-Гарби; уэд эс-Сеггер, выходящий из Брезины, к югу от Жеривиля; уэд Зергун, принимающий в себя ручьи, бегущие с Джебель-Амура; уэд Луа, ограничивающий на востоке плато Мзаб. Другие потоки этого массива соединяются с уэдом Мзи, рекой Лагуата: это главная ветвь уэда Джедди, который течет сначала на восток, затем на северо-восток, усиливаемый на пути, во время внезапных дождей, всеми ручьями, спускающимися с гор, вдоль основания которых направляется его течение, до цепи Зибан близ Бискры. Джедди—это, может-быть, Иджди или «река Песков»[2]; он в самом деле образует геологическую границу, совершенно явственную в

1 Ch. Feraud, „Revue Africaine“.

2 Carette, „Exploration scientifique de l’Algerie“, tome II.—Название уэд эль-Джеди значит „река Козленка“ (Lambert, рукописные заметки).

некоторых местах, между основанием меловых плато и песками четвертичной равнины: на левой стороне, земли и скалы вдруг прекращаются на высоких берегах реки; направо—начинаются аллювиальные пространства[1]. Этот геологический факт так поразителен, что все прибрежные жители заметили его, как о том свидетельствует постоянство имени уэда почти на всем его протяжении. Тогда как большинство африканских рек меняют название при каждом новом притоке, при каждом ущелье, через которое проходят, при каждом племени, территорию которого орошают,—Джедди, напротив, сохраняет свое имя от Лагуата до самого устья[2]. Впрочем, Джедди только тем и похож на реку, что имеет широкое дно и высокие берега, вода же встречается в нем только там, где каменистые пороги прерывают русло. На юго-восток от Бискры, после течения на пространстве около 500 километров, берега его сравниваются с окружающею почвой, и русло сливается с обширной низменностью шотта Мельгиг. Джедди и другие сахарские реки, текущие по каменистому или песчаному грунту, представляют гораздо чаще, чем реки Телля, текущие в проницаемых ложах, пример внезапных и страшных наводнений. Бывали случаи, что Джедди, сухой накануне, разливался, при устье уэда Бискра, на 11 или 12 километров в ширину. В Годне уэд Мсиф, случалось, внезапно превращался в реку шириной до 3 километр., и тогда дуары, целые стада, захваченные врасплох, уносились потопом. В земле Мзаб, когда небо потемнеет в северной стороне, на поворотах рек расставляют конных караульных, и как только послышится отдаленный гул, возвещающий движение потока, ружейные выстрелы этих разведчиков, следующие один за другим вдоль долин, дают знать прибрежным жителям о приближающемся наводнении[3].

Другие уэды, выходящие из ущелий Джебель-Ауреса и Джебель-Шешара, или берущие начало в пустыне у подошвы скалистых откосов, направляются к низменности шотта, но не все её достигают. Самая большая река бассейна, по длине течения и ширине русла, есть один из тех угасших потоков, от которых сохранились лишь более или менее заметные остатки: где болота, где колодцы, где сырые низины, или просто вырытые водами русла, ныне совершенно сухия, с высокими берегами и отмелями. Эта река, некогда могучая, которую теперь можно узнать только по её следам, как змею, которая убегает, оставляя извилистый отпечаток своих колец на песке,—Игаргар. В тысяче километров к югу от бассейна, в который впадает его высохшее русло, ручьи, которых еще не видели европейские исследователи, бегут со склонов Джебель-Ахаггара; но эти ручьи иссякают в пустыне, и разветвление речных лож становится все более неясным; они соединяются в одну обширную дорогу, от 2 до 10 километров шириной, могущую вместить такую реку, как Нил или Миссисипи. В некоторых местах русло совершенно изгладилось, так что теперь нельзя заметить даже общего ската почвы; дюны тянутся одна за другою, на подобие волн, поперег бывшего ложа великой реки; но прежний ход уэда известен по преданию, и туземцы, которые поднимаются или спускаются по течению Игаргара, превратившагося в караванную дорогу, показывают места, где проходила река, даже там, где уже не видно ни малейшего следа разливания. Бывший главный приток исчезнувшей реки, уэд Мия, или река «с сотней притоков»[4], походит на Игаргар и, подобно ему, представляет ряд водоемов, низменностей, небольших шоттов, прерываемых песками, наносимыми ветром. Но подземные воды, текущие в Мие, под высохшим дном бывшего видимого ложа, мало-по-малу увеличивают свой скрытый поток; струйки просачивающейся жидкости спускаются из параллельных речек, берущих начало в разорванном плато меловых скал, на юге Лагуата и Мзаба; влажность почвы становится значительнее ниже этих подземных притоков, и в том месте, где некогда соединялись Игаргар и Мия, начинается ясно обозначенная долина, усеянная шоттами, колодцами, прудами, источниками, которые образуют как бы остаток реки: долина эта известна под именем уэда Риг или Рир.

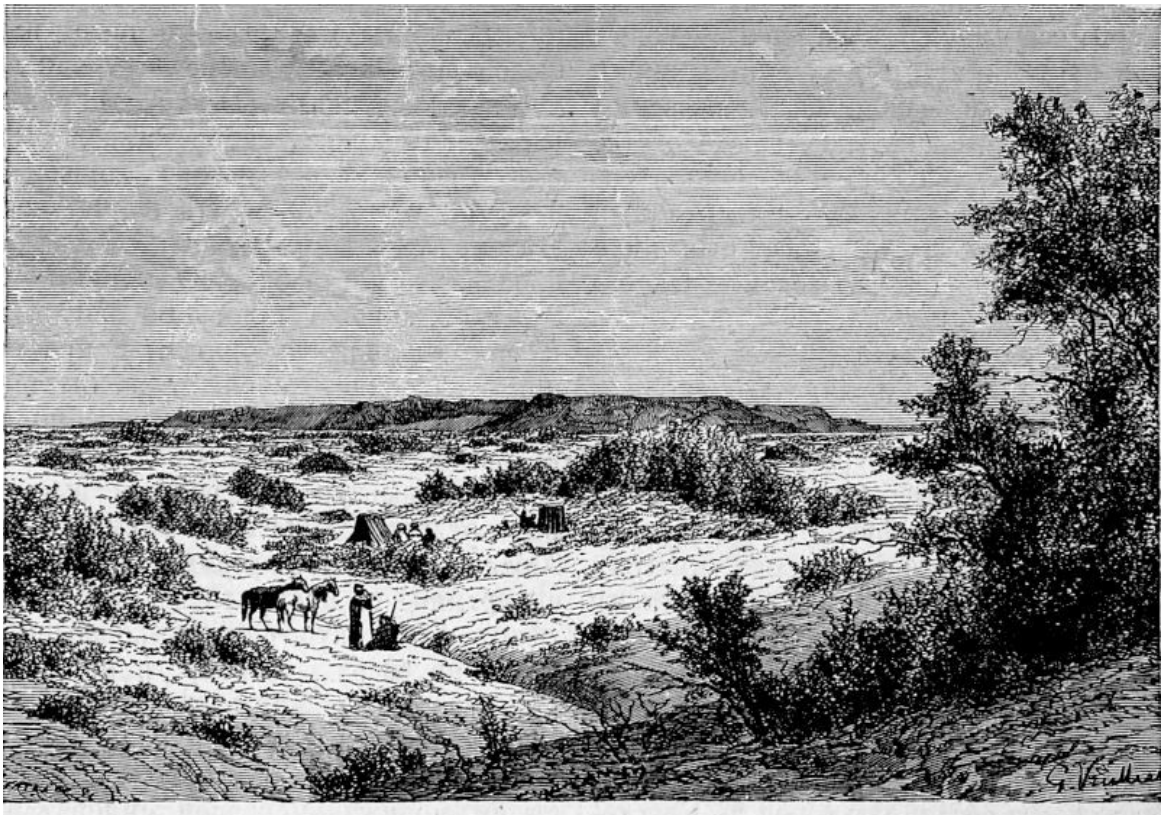
1 Roliand, „Bulletin de la Societe Geographie de France", 1881, Planche XIII.

2 Carette, „Exploration scientifique de l'Algerie";—Wolters, „Societe de Geographie de Constantine"; 4-e bulletin. 1-e octobre 1883.

3 Carette, „Exploration scientifique des vallees de l'Algerie", tome II.

4 Faidherbe;—Parmentier etc.

Самое слияние отмечено себхами, всегда покрытыми водой, которые окружены пальмовыми рощами Темасина. Эти воды, медленно текущие в недрах земли, должны представлять значительную жидкую массу, судя по числу пальм, растущих в многочисленных оазисах, которые следуют один за другим по течению Игаргара, Мии и Рига; но пока еще наибольшая часть подземной воды остается без употребления и теряется путем испарения в лощинах. В оазисе Уаргла измеряли количество влаги, которую почерпают корни пальм в невидимом русле Мии: оказалось, что сток скрытой реки составляет немного более кубического метра в секунду[1]. Часто случается, что внутреннее давление жидкой массы разрывает потолок из гравия, прикрывающий подземное русло, и выступившая наружу вода разливается в виде луж, там, где перед тем видели только песок. В других местах слой гравия вдруг проваливается, и образуется естественный колодезь, спускающийся до нижней поверхности вод.



Долина Уэдъ-Мія.

Приемный бассейн бывших южных рек носит название шотта Меруан. Он соединен с шоттом Мельгиг в собственном смысле лишь узким проливом и разветвляется к востоку на второстепенные себхи, которые увеличиваются или уменьшаются в протяжении, смотря по обилию дождевых вод и деятельности испарения. Шотт Мельгиг, северный бассейн низменности, оканчивается на востоке шоттом Селлем, за которым следуют несколько других шоттов, расположенных по направлению с севера на юг и отделенных перешейком от тунисской водной площади шотта Гарса. Последний, в свою очередь, отделен от Джерида лишь обширными себхами, простирающимися на восток до Габесского перешейка; на окружности шоттов, длинные долины, называемые *шара*, или «улицы», разрезывают на мысы песчаный грунт[2]. На первый взгляд в этой цепи впадин, следующих одна за другою от запада к востоку, между подземной дельтой уэда Риг и заливом Габес, казалось бы, всего естественнее видеть остаток бывшего лимана, через который изливались воды большой африканской реки, и эту мысль развивали большинство географов[3], пока истинная форма рельефа в этой части северной Африки не была обнаружена исследователями. Теперь известно, что ни в истори-

1 Brosselard, „Voyage de la mission Flatters“.
2 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, mars 1875.
3 Vivien de Saint-Martin, „L'Afrique du Nord dans l'Antiquite“.

ческие времена, ни даже в настоящем геологическом периоде воды Игаргара не текли в тунисских шоттах, отделенных один от другого и от моря двумя каменистыми порогами, где не видно никакого следа прежнего действия вод. При том же общий скат почвы имеет направление как раз обратное тому, которое было бы необходимо для истечения реки: наклон земель идет от морского побережья к внутренним озерам, и для того, чтобы поток спускался от шотта Мельгиг к заливу Габес, нужно было бы, чтобы вся эта область качательным движением, в роде коромысла весов, переменила покатость. Соли шоттов имеют весьма разнообразный состав, отличающийся от растворов морской воды, в некоторых местах встречается больше сернокислого натра, чем морской соли[1]; но есть также бассейны, покрытые соляной корой: шотт Гарса особенно замечателен своими красивыми плитами, которые туземцы племени нememша ломают как камень. Эти бассейны некогда были озерами, воды которых частию испарились, и где сухой климат сконцентрировал соли; окружающие их четвертичные формации содержат только наземные или свойственные солоноватым водам ископаемые.

Поверхность главного алжирского шотта и других, окружающих его, солончаковых котловин, лежит ниже уровня моря, как это установил впервые Вирле д'У (Virlet d'Aoust), в 1845 г., и как это подтвердили барометрические наблюдения Дюбока, в 1849 г.; в этой части северной Африки, также как в Палестине, в Абиссинии, в Триполи и даже во Франции, на провансальском озере Лестома, наблюдается явление сильного испарения, которое понижает водную площадь внутренних бассейнов до уровня, лежащего ниже поверхности соседних морей[2]. Констатировав тот факт, что Мельгиг и окружающие его низменные равнины лежат ниже уровня Средиземного моря, исследователи алжирской Сахары полагали даже, что эта впадина, которую можно наводнить прорытием восточного перешейка, простирается на огромные пространства в пустыне: «стоит только пробить Габесский порог,—говорил Шарль Мартен,—и Сахара опять сделается морем, Балтикой Средиземного моря». Барометрические измерения, произведенные в разные времена, дали различные результаты, и вопрос о протяжении низменной области оставался нерешенным; наконец, Рудер определил точным образом высоту Мельгига,—сначала связав этот пруд с Бискрой геодезическим нивеллированием, затем проверив эти измерения другим нивеллированием, обнимавшим весь ряд шоттов, начиная от залива Габес. Самая низкая точка впадины, около западной части шотта Мельгиг, находится на глубине немного более 31 метра, а средний уровень дна—на глубине 24 метров. Шотт Гарса лежит метров на десять ниже воображаемой плоскости, составляющей продолжение поверхности моря, и отделен от шотта Мельгиг небольшим порогом. Что касается общей площади этой области, лежащей ниже уровня Средиземного моря, в двух сейчас названных шоттах, то она составляет всего только 8.200 квадратных километров, следовательно, меньше, чем многие французские департаменты. Вот как ничтожно это пространство в сравнении со всем протяжением Сахары, которую надеялись было снова превратить во внутреннее море.

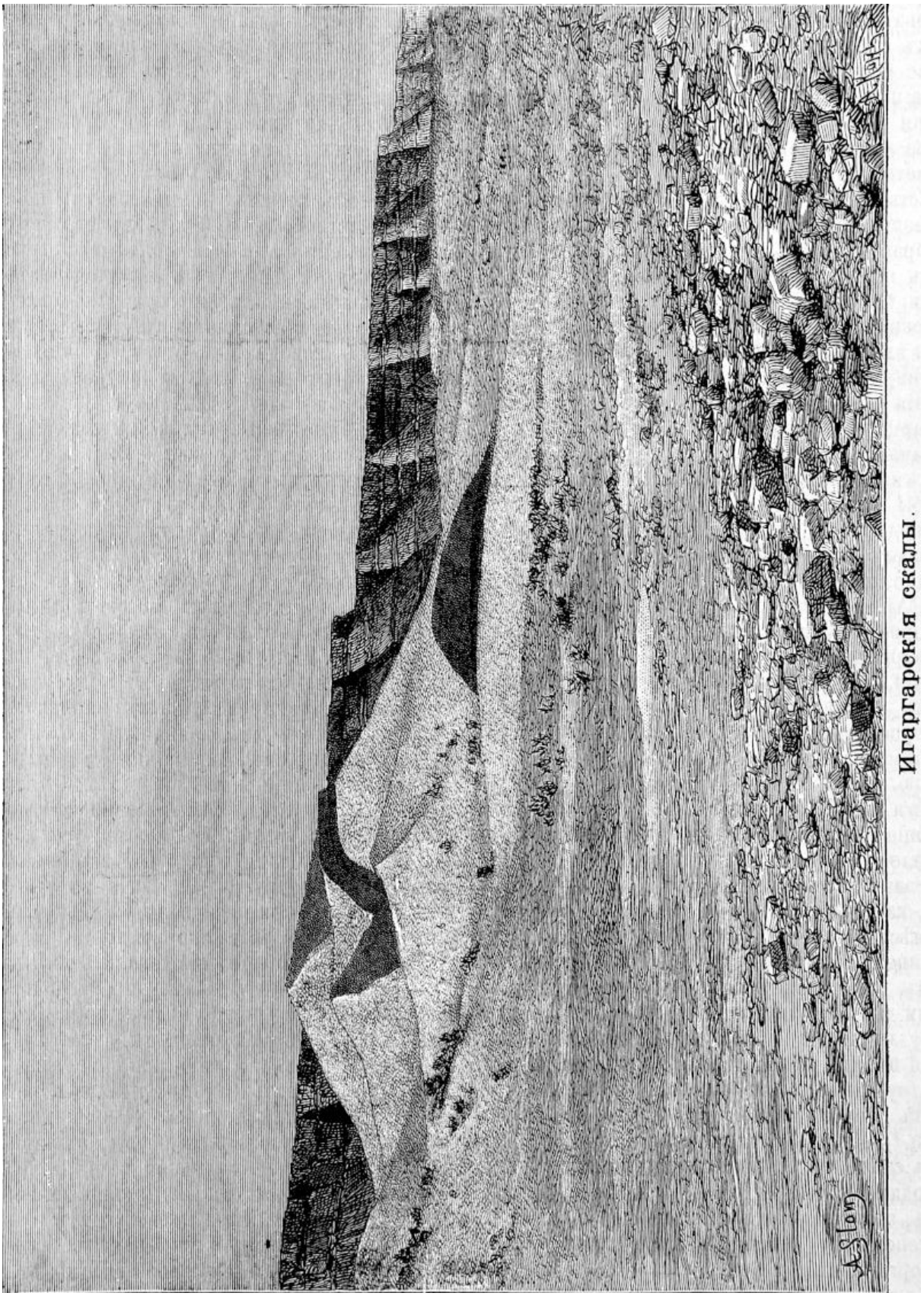
Проект этот, в свое время сильно интересовавший общественное мнение, был впервые[3] формально изложен Жоржем Лавинь, в 1869 г., то-есть в то время, когда недостаток точных нивеллировок позволял верить, что легко будет «затопить Сахару». Эта идея, хорошо принятая, нашла в лице Рудера горячего поборника, и проект создания «Внутреннего моря» скоро был представлен как дело, неуступающее по важности прорытию Суэзского и Панамского перешейков. Указывали на огромные выгоды, которыми будут пользоваться Тунис и восточный Алжир, обладая морским берегом на своей границе с пустыней; видели в будущем целые флоты купеческих кораблей, плавающих по озеру и каналу, и цветущие торговые города, рассеянные по их берегам; предсказывали даже, что наполнение бывших, ныне высохших, озер будет иметь следствием понижение средней температуры, и что годовое испаре-

1 H. Le Chatelier, „La mer Saharienne", „Revue Scientifique", 1878.

2 Pomel, „Le Sahara";—Roland, „Comptes rendus de l'Academie des sciences", 9 juin 1884.

3 „Percement de l'isthme de Gabes", „Revue Moderne", 25 novembre 1869.

ние, исчисленное от 6 до 10 миллиардов кубич. метров, даст материал для образования облаков, которые будут падать в виде дождей на склоны Джебель-Ауреса, снова наполнят водою высохшие ручьи и речки, и вернут плодородие ныне бесплодным местностям, простираю-



Игаргарскія скалы.

щимся вокруг оазисов. Но осуществление подобных надежд представляется мало вероятным, и еще вопрос, были ли бы берега алжирского внутреннего моря поставлены относительно дождей в более благоприятные условия, чем берега Красного моря, омываемые, одна-

ко, почти постоянно влажной атмосферой? Без сомнения, всякая перемена в распределении суши и вод должна повлечь за собою соответственное изменение в местном климате; но мы не знаем, насколько значительно было бы это изменение, и не имело ли бы оно последствий, невыгодных для произрастания пальмовых плантаций и для здоровости воздуха[1]. Как бы то ни было, проект пришлось оставить в виду громадных издержек, которых потребовало бы его осуществление: специальная комиссия, назначенная в 1882 году для исследования этого предприятия, исчислила в миллиард слишком франков сумму, необходимую для прорытия канала, проводящего воды Средиземного моря, и никто, конечно, не решится затратить такие капиталы на дело, польза которого более чем сомнительна. Для исполнения этой колоссальной работы нужно бы было вынуть несколько сот миллионов кубических метров земли, копая через пески, болота и скалы путь длиною 180 километров, глубиною 14 метров и шириною 30 метров наверху, приносящий в течение десяти лет, чтобы наполнить шотты и компенсировать испарение, слишком 700 кубических метров воды в секунду, то-есть почти вдвое больше того количества, которое катит Сена при устье. От этих проектов осталась целая геологическая литература и более глубокое ознакомление с одною из интересных областей планеты.

Есть, по крайней мере, одно средство преобразования алжирской Сахары, относительно которого согласны геологи, и которое с давних пор практикуется с большим успехом. Средство это состоит в том, чтобы отыскивать в почве пропавшие воды, выводить их на поверхность и утилизировать для расширения существующих оазисов или создания новых. С незапамятных времен сахарцы поддерживают свои источники с величайшею заботливостью, и когда вода в них начинает уменьшаться, они роют землю, чтобы перехватить струйку, так чтобы не пропадала ни одна капля. Тем не менее, бывают случаи, что ключи иссякают совершенно, и встречается не мало мест, носящих имя Айн-Мита, или «Мертвый ключ», имя, которое напоминает победу песков над плодотворною водою оазисов. В вечной борьбе стихий, непрерывно видоизменяющей поверхность земного шара, пустыни не переставали распространяться в сахарской области; во многих местах впадины, некогда наполненные водою, как о том свидетельствуют старые берега, ныне лишены всякой видимой влаги; бьющие ключи, которые племя бени-мзаб находило в своих скалистых цирках, исчезли[2]; следы земледелия, остатки построек, каналы, занесенные песком, встречаются в местностях, где теперь не растет ни одна былинка, и где не существует других жилищ, кроме палаток кочевников[3]; даже в наши дни бывали примеры, что исчезали «живые» пруды, и прибрежные жители должны были покидать свои пальмы, оставляя их в жертву дюнам, которые мало-по-малу погребают деревья под своими желтоватыми волнами[4]. Местная фауна доказывает, что климат стал суше: под камнями натуралист находит остатки тех маленьких организмов, которые развиваются в сырой земле. С постепенным высыханием почвы исчезли и эти организмы[5].

Но сахарцы со времен глубокой древности вступили в борьбу с климатом и трудятся над тем, чтобы «воскресить землю», снова заставить цвести бесплодную почву. Гораздо раньше, чем начали бурить артезианские колодцы во французской провинции Артуа, их уже копали в Северной Африке. Туземец приписывает создание бьющих фонтаном ключей мифическому государю первых веков, Ду'ль-Корнеину, «Двурогому» князю, которого легенда часто смешивает с Александром Великим, называвшим себя сыном Юпитера Аммона. В первые века Ду'ль-Корнеин пробивал камень земляным буравом, чтобы извести из почвы новые ключи; ибо он знает «источник жизни»; он бессмертен, «вечно зелен», как оазис, который вызван им к жизни. Но он не является более людям пустыни, и начатое им дело было продолжаемо лишь потомками его первых учеников, составляющими особую корпорацию *гета-*

1 Cosson;—Doumet;—Adanson;—Rouire;—Rolland;—Letourneux, „Association francaise pour l'avancement des sciences", Congres de Blois, 1884.

2 A. Coyne, „Revue Africaine", 1879.

3 E. Masqueray, „Revue Africaine", 1879.

4 A. Bergbrugger, „Les puits artesiens";—Largeau.

5 Letourneux, рукописные заметки.

сов, или водолазов. При добровольном и безвозмездном содействии всего племени, эти копатели колодцев выбирали место, где, по их соображениям, должна быть подземная вода, и покурив немного ладоном в честь духов нижнего моря, вырывали поверхностный водоем и цилиндрическую яму, где скопляются испорченные воды подпочвы. Затем, обвязав себя веревками из пальмовых волокон, они спускались на дно колодца, наполняли там взятые с собою корзины из пальмовых листьев землей, песком, каменными обломками, смотря по свойству земных пластов, и укрепляли обваливающиеся стенки колодца срубом из пальмовых досок; таким образом они постепенно спускались до глубины 50, 60 и даже иногда 75 метров, до последнего слоя, обыкновенно состоящего из твердого камня. Если вода, течение которой они слышали под собой, пробивала каменную покрышку через какую-нибудь боковую трещину, они рисковали быть поглощенными внезапно; но обыкновенно они предвидели опасность и во-время давали знак, чтобы их подняли на веревках, пробив предварительно камень последним ударом заступа или тяжелой массой, брошенной сверху. Бербруггер уверяет, что сахарские водолазы, как ему не раз самому случалось видеть, могут оставаться под водой более пяти минут: два раза продолжительность нырянья доходила даже до 5 минут 55 секунд. Следовательно, в этом отношении черные фонтанщики Сахары далеко превосходят барейнских, цейлонских и панамских искателей жемчуга; впрочем, нужно принять в расчет разницу веса между соленою и пресною водою. Гетасы курят коноплю и тщательно нагревают себе все тело, прежде чем предпринять свое нисхождение в недра земли, а уши затыкают ватой, пропитанной козьим жиром; по возвращении со дна колодца, их завертывают в одеяло, чтобы согреть: впрочем, они скоро умирают, по большей части в чахотке[1].

Артезианские колодцы, вырытые туземными водолазами, были не долговечны. Некоторые иссякли лет через пять; другие продолжали существовать до восьмидесяти или даже до ста лет, но и тут приходилось приступать к реставрации или даже к новому бурению, по причине порчи крепления или обшивки, обвала стенок, смешения живой воды с испорченной. Наука изменила приемы, преподанные «двурогим» царем, и с 1856 года пальмовые корзины ныряльщиков заменены бурами и другими европейскими машинами, за исключением области, подвластной темасинским марабутам, где гетасы все еще продолжают работать за скромное вознаграждение, но поддерживаемые надеждой приобщиться к радостям рая[2]. Не спускаясь в буровой колодезь, инженер Жюс достиг, на глубине 60 метров, Бахр-Тахтани, или «Подземного моря», текущего под высохшим ложем уэда Риг, и жители оазиса Тамерна (с северу от Тугурта) с радостным удивлением увидели живой источник, бьющий с кипением из отверстия почвы и выбрасывающий около 67 литров воды в секунду,—источник, который сейчас же вырыл себе русло в песке и образовал речку. Этот фонтан получил от марабутов название «Источника мира», в память договора о дружбе, заключенной с этого времени между сахарцами и французами, творцами живых вод; матери купали в этих водах своих детей, чтобы принести им счастье. Французы, говорили туземцы, отыскали «бурав двурогого царя, ключ к подземным водам, спрятанный волшебниками»[3]. Французские колодцы оказались долговечнее колодцев гатесов, но и они с течением времени заносятся песком, так что инженеры должны были производить расчистку.

Со времени этого первого вызова подземных вод выкопано более сотни артезианских колодцев в гидрологическом бассейне Мельгига, и постоянно бурят новые; один из них, в эль-Фаиде (Зибан), спускается на 156 метров от поверхности, но вода его не достигает отверстия. Колодцы, вырытые в период времени с 1856 по 1883 г., в южной части провинции Константины, представляют общую глубину 24.190 метров и дают вместе 3.468 литров в секунду, или около 110 миллионов кубических литров в год[4]. Из всех артезианских колодцев, выкопанных до 1884 года, наибольшее количество воды выбрасывает колодезь, пробурен-

1 Ch. Laurent, „Memoires de la Societe des Ingenieurs civils“, 20 juin 1856.
2 Lambert, рукописные заметки.
3 Malte-Brun, „Annales des Voyages“, 1856, № XI.
4 Jus, „Rapport sur les travaux de Sondage“.

ный в оазисе Сиди-Амран, в уэде Риг, к северу от Тугурта: он дает целый гектолитр (слишком 8 ведер) в секунду. В среднем, глубина колодцев 70 метров, а температура выбрасываемой воды от 18 до 26 градусов Цельсия; она повышается на один градус на каждые 20 метров бурения.

Уэд Риг в 1856 и 1880 годах:

	1856 г.	1880 г.
Число оазисов	31	38
„ колодцев	282	434
Объем даваемой воды в литрах, в секунду	883	1.200 (?)
Число пальм	360.000	518.000
„ других плодовых дерев	40.000	90.000
Ценность культуры	1.660.000 фр.	5.550.500 фран.
Жителей	6.772	12.827[1].

Иногда бывали резкия изменения в количестве выбрасываемой воды, даже внезапные остановки действия фонтанов. В 1862 г., в Родне, подземное потрясение, происшедшее вследствие бури, прекратило истечение двух колодцев и уменьшило на половину истечение третьего.

Благодаря увеличению ирригационной воды, число пальм, расширивших протяжение оазисов, превзошло цифру 250.000; Ролан один насадил 40.000 пальм вокруг живых вод, изведенных им из недр земли; число других фруктовых деревьев почти удвоилось; в такой же пропорции возрасли другие культуры оазисов; даже введены некоторые новые растения в садах; выстроились новые деревни под пальмами, и население Руара удвоилось; дуары кочевых племен превратились в постоянные селения, расположенные около источника в новом оазисе[2]. Недалеко то время, когда сравнительное изучение артезианских колодцев позволит измерить общий расход реки, текущей в недрах земли, начертить точную её карту со всеми притоками и разветвлениями и вычислить её производительную силу в растительности и, следовательно, в человеческих жизнях[3]. Приемы бурения могут быть применены также во многих местах к разысканию горячих и минеральных вод, и таким образом увеличат и без того уже значительное богатство Алжирии в источниках, употребляемых с успехом для лечения болезней. Возможно даже, что подземные воды рано или поздно будут служить для целей рыбоводства, так как во многих колодцах водится множество маленьких рыбок, принадлежащих к пяти видам родов Chromis, Hemichromis и Cyprinodon; колодцы в Урлане, Мазере и Сиди-Амране выбрасывали, вместе с водою, рыб, раков, пресноводных моллюсков[4]. Подобное же явление было наблюдаемо Аймом в колодцах египетских оазисов, также как во Франции в одном бьющем из земли ключе Эльбефа[5].

На высоких плоскогорьях и на средиземной покатости Алжирии французы тоже бурили почву во многих местах, разыскивая артезианские водные площади. Такие колодцы были вырыты близ Батны, в низменностях Годны, на высоких плато, особенно вдоль большой дороги между Алжиром и Лагуатом; но количество дождей так ничтожно в этих областях, и протяжение приемных бассейнов так мало, что экономические результаты этих бурений не могут иметь большой важности. На средиземной покатости Телля выгоды, по всей вероятности, будут значительнее, в виду обилия вод, составляющих подземную реку и текущих в глубоких слоях ниже уровня Средиземного моря. С 1844 года начали копать первый артезианский колодезь в Оранской равнине, но попытка оказалась безуспешною, хотя бурение было доведено до глубины 593 метров[6]; впоследствии, однако, копатели были более счастливы в своих поисках: так, на покатости Телля удалось вывести на поверхность воды бассейна

1 Jus, „Les oasis de l'oued Rir en 1856 et en 1880".
2 Jules Duval, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", fevrier 1867.
3 Rolland, рукописные заметки;—Fan et Poureau, „Paris, Biskra-Tougourt".
4 Jus;—Ville;—P. de Tchihatchef;—Rolland;—Lambert etc.
5 A. Berbrugger, „Les paits artesiens des oasis meridionales de l'Algerie".
6 Jules Duval, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", fevr. 1876.

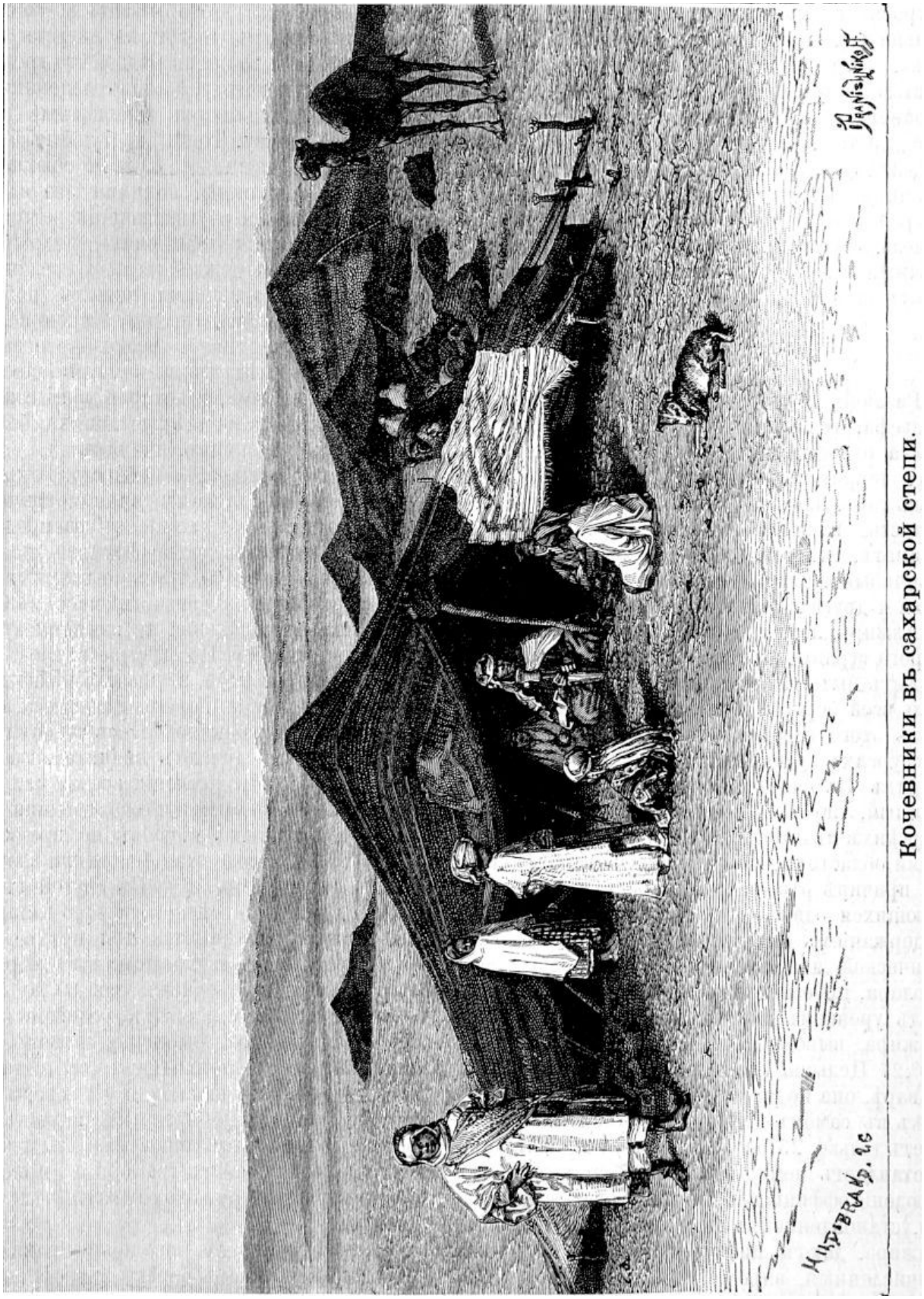
Гарраша, питающие ныне город Алжир, и воды, которые прежде пропадали без пользы в заливе, где они были подводными ключами на глубине 70 метров под поверхностью моря; эти последние воды орошают теперь сады Гуссейн-дея. Бассейн Сейбузы, получающий, в среднем, большее количество воды, чем сколько выпадает во французской территории, был бы, по мнению Тиссо, наиболее благоприятною областью для бурения артезианских колодцев.

Но одновременно с этим дорого-стоющим разысканием подземных вод, для орошения почвы, полезно было бы действовать с тою же целью и в другом направлении, именно—не давать пропадать поверхностным водам, которые теперь изливаются в овраги и уэды и уходят в пески и трещины почвы. Для успешного ведения гидравлического хозяйства страны, необходимо, чтобы дождевая вода была утилизируема по возможности немедленно после её выпадения, дабы атмосферная влага не возвращалась назад в воздушное пространство путем испарения, или не исчезала в трещинах почвы. Для достижения этой цели, нужно задерживать дождевую воду в выложенных камнем цистернах, повсюду, где рельеф местности представляет подходящие условия для постройки таких резервуаров, и употреблять воду ключей непосредственно по выходе её на поверхность земли и вдоль первоначальных ручьев. Бесчисленные остатки маленьких водоотводных запруд, сохранившиеся на высоких плато востока и в горах Джебель-Ауреса, доказывают, что римские колонисты тщательно утилизировали воды в верхних частях каждого бассейна, не давая пропадать ни одной капле драгоценной стихии: почва покрывалась дерном и укреплялась, вода не вырывала оврагов, края плоскогорий не обваливались. По мнению некоторых писателей[1], Алжирия и в наше время получает то же количество дождей, какое получала две тысячи лет тому назад, климат её не сделался суше, и возрастающее безводие происходит единственно от того, что позволяют водам убегать бесполезно из места падения и застаиваться в падях в виде болот, в то время, как между речными бассейнами простираются обширные пространства, справедливо прозванныя блед-эль-Аштен, или «страной Жажды».

Эта гипотеза не оправдывается переменами флоры и фауны в Алжирской Сахаре: не подлежит сомнению, что дожди действительно уменьшились в Магребе, но если климат стал суше, то тем более следует заботиться о возможно лучшем употреблении воды, чего нет в действительности. Французские колонисты, пришедшие из страны, где речные воды почти повсюду существуют в изобилии, прежде всего принялись задерживать воды потоков, при помощи запруд; при том же они начали селиться в нижней части долин и в равнинах, как Митиджа, и предпринимаемые ими работы по сбережению вод имели чисто местный характер, производились без всякого общего плана. С 1851 года построили первую запруду в ущельях Мерада, выше Маренго, в западной Митидже; затем воздвигли в бассейне Макты огромные задерживательные плотины на реках Сиг и Габра. Уже много лет работают над устройством другой запруды, поперег реки Гамиз, к юго-востоку от Алжира. Подобные же сооружения возводятся в бассейне Шелифа, на его притоках и на других реках Алжирии. По проектам инженеров, настанет день, когда все реки, берущие начало в горах, будут задерживаемы при выходе их в равнину, валом, который заставит воды течь по боковым каналам. Некоторые из воздвигнутых уже стен представляют собою достойные удивления памятники человеческого искусства, как по своим размерам, так и по массе воды, которую они задерживают; но зритель справедливо пугается при виде этих колоссальных плотин, длиной в несколько сот метров, вышиной от 30 до 40 метров, за которыми жидкая масса в 15, 20 или даже 30 миллионов кубических метров висит над полями и селениями, грозя залить их при малейшей трещине, могущей образоваться в каменной кладке. И действительно, два главных резервуара на Сиге и Габре раз уже уничтожили противопоставленную им преграду и страшным потоком хлынули в равнину, опустошая сады и посевы, сметая жилища. Катастрофа этого рода неминуемо должна разразиться рано или поздно, когда резервуар устроен не в боковой долине притока, а в большой долине, по которой течет главная река; тогда невозможно вычислить с точностью силу вод, которые на далекое пространство распространят

1 Cosson, „Le projet de creation d'une mer dite interieure. Congres de Blois“, 1884.

свое разрушительное действие, разрывая пески, перемещая глины, подтачивая фундаменты домов. Бедствия, причиняемые разрывами плотин, отчасти вознаграждаются обновлением аллювиальных земель, составляющих верхний слой равнин. Речные наводнения миллиона-



Кочевники въ сахарской степи.

ми тонн отлагают на своих берегах землистые наносы.

IV.

Различия климата соответствуют различиям рельефа, географической широты, положения места относительно стран света. Каждая полоса территории—морское прибрежье, краевая цепь гор, плоская возвышенность, южная покатость, пустыня—имеют свой особенный климат, где разнообразно переплетаются изменчивые кривые температур, влажности воздуха и других метеорологических явлений.

Алжир, лежащий около средины северного берега страны, против побережья Прованса, может быть рассматриваем как представитель всей береговой области; к тому же климат этого города лучше изучен, благодаря рессурсам существующих там ученых обществ. В общем, это климат мягкий и умеренный, подобно климату большинства приморских местностей, в сравнении с внутренними областями, но он довольно изменчив, по причине резкой перемены ветров, различающихся один от другого температурой, содержанием водяного пара, степенью электрической напряженности. По наблюдениям Бюлара. произведенным на высоте 217 метр. над уровнем моря, средняя температура Алжира, выведенная за три года, оказалась 18°,27 Цельсия. В самом холодном месяце, январе, она не спускается ниже 12°,20, тогда как в самом теплом, августе, она достигает только 25°54: разница, следовательно, составляет немного более 13 градусов. Наблюдения оффициальной метеорологической службы, установленной в сорока-четырех станциях Алжира, дают цифры несколько отличные, вычисленные, впрочем, для другого периода.

Обычное деление года на четыре времени неприменимо к Алжирии: там бывает только два резко отличающихся периода: сырой и умеренный сезон, начинающийся в сентябре, вообще между 12 и 20 числами, и оканчивающийся обыкновенно около конца мая, и жаркий и сухой сезон, продолжающийся только от трех до четырех месяцев, с июня по сентябрь[1]. В июле дожди так редки, что их можно считать явлением совершенно анормальным; средняя из двадцатилетних наблюдений дает для этого месяца всего только один миллиметр дождя; в августе иногда случается, но и то очень редко, что гроза прерывает ясную погоду, а около половины сентября опять начинаются правильные дожди, освежающие почву. Тогда наступает вторая «весна», или «нижняя», как ее обыкновенно называют колонисты, понимая это слово в смысле обновления растительности: земля, иссушенная летними жарами, опять покрывается, с наступлением дождей, темною зеленью газона, нежными оттенками новых побегов, прелестными цветами позднего времени года. Первая, или «верхняя», весна—это та пора года, которая следует за зимними, не очень суровыми, холодами, и которая убирает бесчисленными цветами все кустарники: боярышник, дрок, ладонник, венчик[2].

Положение Алжира, на берегу, открытом ветрам с моря, дает анемометрическому режиму капитальное влияние в распределении теплоты, влажности, атмосферного давления; ветер здесь свободно дует со всех сторон, даже со стороны материка, где массив Сахеля замедляет его движение, не изменяя чувствительно направления. Но действие ветров ослабляется этой преградой, и сила их редко принимает размеры бури. Горячие ветры юга, известные под именем широкко, освежаются соседством моря и получают значительную долю водяного пара; впродолжении восьми или девяти месяцев сырого времени года средняя температура для южных ветров не превышает 23 градусов, а содержание пара или влажность воздуха составляет 50%. С другой стороны, ветры, дующие с севера, северо-запада, северо-востока, нагреваются при проходе над обширной площадью Средиземного моря: температура их, в среднем, от 10 до 13 градусов; они тоже содержат большое количество водяного пара,—меньше, однако, чем западный ветер, приходящий с Атлантического океана и проникающий в средиземный бассейн через Гибралтарский пролив[3]. Во время гроз часто слышны раскаты грома, но молния редко упадает на города прибрежья, словно вершины Атласа служат им громоотводом.

1 Bulard, „Notice sur le climat d'Alger".
2 Paul Blane, „Vie des colons en Algerie".
3 Bulard, цитирован. мемуар.

Алжирия вся лежит вне пояса правильных ветров: на морском берегу атмосферные течения, почти всегда находящиеся в состоянии неустойчивого равновесия, повидимому, не подчинены никакому закону,—так изменчиво их направление. Замечено, однако, что восточные и юго-восточные ветры относительно редки и составляют лишь переходные движения между воздушными потоками, принадлежащими к нормальному порядку пассатов и контр-пассатов. Что касается ветров, распространяющихся от запада к востоку, то они дуют очень часто и происходят вследствие притяжения, оказываемого относительно теплыми областями северной Африки на более свежий воздух атлантических пространств. Но в общем ветры довольно неопределенны: то один преобладает, то другой, и при том непродолжительное время; часто устанавливается полное затишье в атмосфере[1]; явление вращения ветров, в направлении от востока к западу через юг и от запада к востоку через север, совершается в Алжирии с гораздо большею правильностью, чем в западной Европе[2]. Обыкновенно воздушный ритм указывается не столько общими ветрами, сколько чередующимися бризами. Во все продолжение лучшего времени года и даже зимой, при безоблачном небе, легкая морская и не менее мягкая материковая бризы следуют одна за другой в правильном порядке; днем свежий воздух моря направляется к твердой земле, палимой солнцем, ночью охладившиеся воздушные слои текут обратно к морю; обыкновенно в десять часов утра и в одиннадцать часов вечера происходит перемена этих атмосферных течений, впрочем, очень часто разделенных периодами затишья. Эти солнечные бризы не распространяются далеко внутрь материка, кроме тех мест, где долины открываются широко и с однообразным скатом в южном направлении. Но в равнинах, параллельных морю и отделенных от него массивами холмов, воздух застаивается, не освежаемый ни морскою, ни материковою бризою. Указывают особенно на равнины по течению Шелифа, как на одну из таких местностей, где атмосфера не обновляется и где летом жара невыносимая. В Орлеансвиле температура доходит до 43° в тени; в некоторых внутренних оврагах, между Ораном и Айн-Темушентом, войска никогда не проходили без того, чтобы не потерять нескольких человек; словно в жарко натопленную печь вступаешь в эти ущелья без тени, где раскаленная атмосфера заставляет термометр подниматься до 55 градусов[3].

Суточные изменения температуры весьма значительны, вследствие лучеиспускания. Тогда как днем термометр на солнце поднимает свой столбик ртути до 56° Цельзия, он показывает не более двадцати градусов в самые теплые ночи, так что разность наибольшей и наименьшей температуры в период 24 часов составляет от 30 до 36 градусов. Следствием этого является значительное сгущение водяного пара: роса очень обильна на побережье и туманы часты, хотя иностранцы, привыкшие поздно вставать, могут долго жить в Алжирии, не зная о постоянном, почти ежедневном, появлении этих ночных туманов; обыкновенно между двумя и четырьмя часами утра пары стелются по земле густыми слоями, но с восходом солнца они разрываются, ползут облаками вокруг мысов и исчезают в нагревшемся воздухе[4]. Дожди тоже более обильны, чем можно бы было думать, судя по некоторым описаниям: все ветры, даже южные и восточные, приносят дожди; но хотя ветер, дующий с запада, самый влажный, но он, однако, изливает на землю наиболее значительное количество воды, ибо он движется параллельно берегу, ударяясь лишь о выступающие мысы. Самые сильные ливни приносятся северо-западным ветром, который составляет продолжение прованского мистраля и разбивает свою силу о береговые горы; самые страшные бури тоже приходят с северо-запада и с севера: ветер, дующий с Балеарских островов, заслужил у алжирских моряков прозвище «маиоркского плотника», по причине обломков разбитых судов, которыми он усеевает море. Общее количество дождя, выпадающее на восточные берега Алжирии, колеблется, смотря по годам, между 60 и 150 сантиметрами. На метеорологической обсерватории в

1 Aime, „Recherches de physique generale sur la Mediterranee“;—Pauly, „Esquisses de climatologie comparee“.

2 Ch. Simon, „Revue Africaine“, mars 1661, № 26.

3 A. Martin, „Manuel d'hygiene en Algerie“.

4 Pauly, цитир. сочинение;—Villete, „Topographie medicale de la Mitedja“.

Алжире годовая средняя за одиннадцать лет, с 1862 по 1873 год, достигала 935 миллиметров, —пропорция влажности, далеко превосходящая количество атмосферных осадков во Франции, взятой в целом; общая продолжительность дождя над городом Алжиром в течение года всего только 310 часов, так что, следовательно, каждый час падения атмосферной влаги приносит 3 миллиметра, в среднем[1]. По направлению к востоку влажность воздуха постепенно возрастает до границ Туниса; в Филиппвиле, в Боне, в Ла-Калле средняя годовая дождей больше, чем во Франции, но они там распределены гораздо более неравномерно. В Оранской провинции, омываемой слишком узким морем, где ветер, спустившийся с безводных гор Картагены и Мурсии, не успевает насытиться водяным паром, количество атмосферных осадков меньше, а в долинах, которые отделены от Средиземного моря холмами, задерживающими облака на проходе, скат, удаленный от моря, почти совсем лишен воды; однако, замечено, что с половины текущего столетия, как бы для восстановления равновесия, дожди постепенно увеличивались в Оранской провинции, тогда как в Алжирской они, наоборот, уменьшались. В нижней долине Шелифа, не получающей живительного воздуха морских бриз, дожди тоже очень редки; большие ливни бывают там, средним числом, лишь раз в семь или восемь лет.

Средняя температур и дождей на алжирском берегу:

	Самый холодный месяц: январь	Самый теплый месяц: август	Годовая	Дожди, миллим.
Оран	10°,9	23°,7	16°,6	306
Алжир	14	23°,7	17°,8	697
Филиппвпль (14 лет)	-	-	17°,7	846
Ла-Калле	13°,7	26°,5	18°,6	933

Для всего Телля, к северу от сахарской зоны, средняя дождей составляет 550 миллиметров[2].

Господствуя над городами прибрежья, холмы и горы, возвышающиеся над поверхностью морских вод, имеют воздух более свежий и более чистый, чем в городах; каждая гора имеет свой особенный климат, указываемый разницей растительности. Бесконечное разнообразие в метеорологических явлениях, благоприятных или неблагоприятных в санитарном отношении, делают из каждого места отдельный мирок, смотря по форме рельефа, положению склонов относительно стран горизонта, степени проницаемости горных пород для воды. Общий климат, подчиненный правильным законам, установляется опять только на возвышенностях внутри материка, где ровные высоты сохраняются на обширных пространствах, где геологическая природа почвы не представляет разнообразия. На плоскогорьях атмосферные течения распространяются так же свободно, как над поверхностью моря, и, сообразно их изменению, чередуются холода и жары, периоды влажности и засухи. На этих высоких равнинах разность между зимними и летними температурами гораздо значительнее, чем на морском берегу. Там нередко бывают суровые холода, которые кажутся тем чувствительнее, что они сопровождаются сильными ветрами. Зимою часто выпадает снег, и белая пелена занимает иногда половину алжирской территории; в углублениях почвы снежные хлопья, наносимые ветром, скопляются огромными сугробами в несколько метров толщины; отряды войска, когда им приходилось совершать поход через снега, теряли больше, чем одного из десятерых от непривычной стужи. Летом жара, усиливаемая отражением солнечных лучей от серой почвы, местами от крутых обрывов и скал, очень велика, хотя ее переносят довольно легко, благодаря сухости воздуха. Когда дует широкко, этот знойный ветер проникает через многочисленные проломы южных краевых гор и распространяется по плоскогорью, не теряя своей первоначальной силы. Но северные дождевые ветры приходят туда уже утратив большую часть влажности, которую они несли, так как склоны и вершины северных гор задерживают дождевые облака на проходе. На побережье почти каждый день можно видеть плавающие по небу облака, приносимые морским ветром, но которые постепенно тают и рассеиваются

1 Bulard, „Observations pluviometriques“.

2 Reynard, „La Question forestiere en Algerie“.

по мере движения к югу.

Средние температур и дождей в краевых горах и на плоскогорьях Алжирии:

	Температура января	Температура августа	Средняя годовая	Дожди, миллим.
Горы: Тлемсен	9°,2 Ц.	26° Ц.	16°,8 Ц.	524
Форт-Насиональ	10°,1 »	27° »	14°,2 »	982
Константина	8°,5 »	26°,9 »	15°,2 »	408
Плоскогорья: Жеривиль	7°,2 »	25°,3 »	14°,1 »	126
Джельфа	7°,2 »	27°,6 »	15°,2 »	176
Тебесса	8°,1 »	27°,7 »	15°,6 »	251

За краевыми горами, ограничивающими на юге плоские возвышенности, начинается Сахара, характеризуемая особенными климатическими явлениями. Там обыкновенные ветры те, которые вращаются вместе с видимым движением солнца, описывая каждый день полный круг горизонта. Между этими малыми местными течениями воздуха начинает обрисовываться правильное движение северо-восточных пассатов; но за этим нормальным потоком следует второстепенный противоположный поток, подобный водовороту реки,—жгучий широкко, распространяющийся по плоскогорьям и до самого прибрежья[1]. Таким образом весь климат Алжирии в большей части управляется явлениями ветров, которые приходят из Сахары, принося сухой воздух. Ночное охлаждение, происходящее от лучеиспускания, весьма значительно; так, в уэде Риг случалось наблюдать температуру 3 градуса, следовавшую в ночное время за дневными жарами от 45 до 46 градусов. По рассказам путешественников, разность в температуре Тугурта достигала 63 градусов, от -7 до +56° Ц. Обильные росы образуются еще в северных областях Сахары под влиянием этого ночного холода; но дожди очень редки: иногда они бывают представлены лишь крупными каплями, до такой степени насыщенными газом, что они разъедают известковую скалу; термические сжатия и расширения, действия ветров мало-по-малу обращают в пыль части скалы, на которые упали дождевые капли, и в результате получаются совершенно правильные круглые отверстия, которые прежде считали пробуренными рукою человека[2]. Иногда проходит несколько лет без того, чтобы выпал хоть один порядочный дождь, о котором бы помнили туземцы; впрочем, наблюдения метеорологов позволяют исправить несколько преувеличенные показания местных жителей: так, в Бискре, по наблюдениям Коломбо, средняя дождей за время с 1878 по 1883 год составляла 77 миллиметров, а в 1884—год совершенно исключительный—общее выпадение атмосферных осадков достигало 414 миллиметров, то-есть почти в шесть раз превосходило нормальное количество (для определения климата Бискры, наблюдения того же исследователя и за тот же период времени, т.е. с 1878 г., представляют следующие данные: крайний минимум температуры, в декабре 1879 г.: 4°,7; крайний максимум, в августе 1879 г.: 42°,5; средняя годовая: 21°,9). В обыкновенные годы почти всегда ясно, и до самого края горизонта предметы обрисовываются совершенно отчетливо: черные пятна кустарника на отдельных дюнах, стада, группы шатров, арабы и верблюды, шагающие в песках черные точки, медленно движущиеся на сером фоне равнины,—все ясно представляется взорам в безграничном пространстве пустыни. Даже прибрежные местности Алжирии, хотя в меньшей степени, часто омываются этим светлым, удивительно прозрачным воздухом, который придает столько прелести пейзажам, и о котором путешественник с грустью вспоминает, когда едет по туманным странам севера, с их узкими горизонтами. Сколько французов, покинув Алжир без мысли о возврате, вернулись туда, однако, притягиваемые этим чудным мягким светом, который без их ведома сделался для них потребностью![3]

V.

Алжирская флора, мало отличающаяся от флоры западного Туниса, между границею и

1 Griesebach, „Vegetation du Globe“, trad. par Tchihatchef.

2 Ch. Amat, „La Geologie da M'zab“.

3 Pauly, цитированное сочинение;—Fromentin, „Un Ete dans le Sahara“;—Guy de Maupassant, „Au Soleil“.

мысом Бон представляет, однако, более определенные деления в своих различных областях, по причине преград, противопоставляемых горами и плоскогорьями распространению растений. В прибрежной зоне и на северной покатости краевых гор растительные виды, приносимые водами, ветрами, людьми, составляют самую многочисленную и самую богатую флору, благодаря разнообразию почв, положения в отношении стран горизонта, местных климатов. Там встречаются еще леса, хотя пожары и варварская эксплоатация сильно уменьшили их протяжение. В лощинах по берегам рек, осина, тополь, ясень, соединенные в один массив сетью лиан, образуют непроницаемые чащи; на скатах гор леса состоят преимущественно из алепской сосны (pinus halepensis), можжевельника и других деревьев, принадлежащих к семье хвойных. Различные породы дуба—пробковый, quercus mirbeckii—также образуют большие леса, особенно в восточных частях алжирского прибрежья. На вершинах растут кедры, простая разновидность ливанского, от которого они отличаются только тем, что иглы у них немного короче; впрочем, они еще больше похожи на кипрский кедр[1]. В молодости или в оврагах алжирский кедр часто принимает пирамидальную форму, тогда как на скатах он широко раскидывает свои ветви в виде короны; можно подумать, что это два разных дерева[2]. Ботаники не указывают особых древесных пород, свойственных исключительно Алжирии, но они встречают там и сям заблудших представителей отдаленных флор. Так, в соседних с Ла-Калле лесах сырая почва по берегам озера Эль-Гут производит ольху, какую мы видим в сырых местностях Франции; там же встречается крушина (rhamnus frangula), ничем не отличающаяся от растущей в Бретани[3]. В сырых и лесистых горах Тлемсена ботаник Кремер открыл один древесный вид, евфратский тополь (populus euphratica), который встречается только в Марокко и в Азии, на берегах Иордана и Евфрата; таким образом две половины области произрастания этого дерева разделены громадным пространством равнин, скал и гор, которое тянется через все побережье Средиземного моря, от Суэзского залива до Оранской бухты[4]. Точно также дуб с листьями каштана (quercus castaneaefolia), который до сих пор известен был только на Кавказе, распространен между городами Ла-Калле и Бужи, в горах Бабор, где он образует высокоствольные леса, не уступающие лучшим лесам Франции[5]. Каштан встречается в диком состоянии только на горе Эдуг, близ Боны. Вмешательство человека обогатило алжирскую флору многими другими древесными породами, происходящими из отдаленных стран: так, рощи и шпалеры эвкалипта уже изменили вид полей почти во всей северной Алжирии; к сожалению, не ограничились насаждением этих деревь в сырых землях, требующих осушения: их разводят также во многих местах на сухой почве, которую они еще больше ухудшают, лишая ее влаги, находящейся в нижних слоях.

Большинство алжирских лесов усеяны кустами, принимающими форму порослей, называемых в Корсике *маки* (от итальянского macchia, чащи деревцов, как лавр, мирт и пр.), чащей кустарника, характеризующих средиземную область растительности. Прежде это были настоящие леса, как их и теперь еще называют, и для того, чтобы они снова приняли свой лесной характер, достаточно было бы защитить их от пожара и пастьбы скота. Лес повсюду обнаруживает стремление разрастаться: вокруг каждого кедра весною видны сотни молодых побегов; но проходящая корова разом уничтожает несколько будущих деревьев. Уже опустошенные римлянами, истреблявшими целые леса в поисках драгоценного citrus, жизненного дерева (thuya articulata), пни которого так высоко ценились за их красивые прожилки и волнистые полоски, леса Алжирии, выросшие после того на горах, теперь снова уничтожаются угольщиками и сдиральщиками коры: опустошители срубают целые деревья, чтобы вырезывать трости из их ветвей. В настоящее время обширные «леса», простирающиеся на

1 Joseph Hooker, „Journal of the Linnean Society“, vol XVII, 1880;—William Mathews, „The Flora of Algeria“.

2 Cosson, „Bulletin de la Societe botanique de France“, seance da 28 mars 1856;—Tissot, цитирован. сочинение.

3 Letourneux, рукописные заметки.

4 Cosson, „Regne vegetal en Algerie“ („Revue scientifique“, 21 juin 1879).

5 E. Cosson, „Itineraire d'un voyage botanique en Algerie“.

пространстве сотен квадр. километров, не содержат более ни одного дерева: они представляют лишь низкие деревянистые растения и кустарники, высотою от одного до трех метров, каковы: мастиковое дерево, крушина, ююба, земляничное дерево, мирт, вереск; бобовые, как, например, шильник и испанский дрок, там так же многочисленны, как в андалузских чащах кустарника; встречаются также пучки тапсии (thapsia garganica), пользовавшейся некогда такой славой в Киренаике под именем сильфия (silphium), и очень ценимой также алжирцами, которые называют ее *бунафа*, «отец полезнаго». Низкорослые пальмы, приводящие в отчаяние колонистов-распахивателей своими бесконечно переплетающимися корнями, но волокна которых употребляются в иных местах для выделки корзин, веревок, растительного конского волоса, образуют почти одни обширные лесные чащи. Обыкновенно кустарник придает горам Алжирии печальный и монотонный вид, он скрывает под своею курчавою растительностью чистый профиль холмов, под его однообразной пеленой исчезают все выступы, все неровности рельефа почвы; но весною горы, покрытые цветущим дроком, кажутся одетыми в золотой плащ. Степи тоже убраны цветами, ослепительным ковром, который скоро сменяется серым колоритом растений, спаленных солнцем: только очень немногие из травянистых видов выносят жару и сохраняют свою зелень в продолжение всего лета.

Из 2.964 видов, составляющих, по Коссону, алжирскую флору (2.993, по Мэтью), 1.537 специально средиземных и 1.316 принадлежат к испанской флоре; 896 схожи с сицилийскими растениями. Точные статистические данные позволяют констатировать аналогию растительности на алжирском побережье с соответственными частями берегов Европы. Так, средиземная область провинции Константины своими растительными формами напоминает в особенности Сардинию, Сицилию, Италию и Мальту; флора Алжирской провинции соответствует физиономии растений северо-восточной Испании, Балеарских островов, южной Франции; флоры Орана и Мурсии, разделенные лишь узким рукавом моря, представляют большое сходство между собою. В алжирской флоре первое место занимают сложноцветные, составляющие около восьмой части всей растительности; за ними следуют бобовые и злаки[1].

Выше береговой области и по ту сторону краевых гор растительность меняется, не столько по причине изменения высоты над уровнем моря, сколько вследствие положения местности относительно стран горизонта и содержания в воздухе водяного пара. Маслина, характеристическое плодовое дерево прибрежной области и горных склонов, обращенных к Средиземному морю, не проникает в пояс плоских возвышенностей или, по крайней мере, встречается там лишь в виде кустов; однако, она растет еще в Джебель-Ауресе, на сахарской покатости этих гор, и в оазисах, лежащих у их подошвы. Пробковый дуб и алепская сосна исчезают на той же высоте, как и оливковое дерево: дуб quercus mirbeckii не показывается на склонах, омываемых недостаточно влажным воздухом; выше 1.600 метров не видно более зеленых дубов. В Джурджуре кедр начинает образовать целые леса на различных высотах, от 1.050 до 1.200 метров, и поднимается по склонам выше, чем другие древесные породы; по мере того, как поднимаешься в гору, дубы постепенно исчезают на северном склоне, а сосны —на южном, уступая место кедрам[2]. В соседстве краевых гор растительность высот продолжается на плоскогорьях авангардом смелых деревьев: сосны, можжевельника и ясеня; но их приземистый, искривленный ствол, их скудная растительность свидетельствуют о трудности акклиматизации: они являются как бы чужеземцами во враждебном им климате. Единственное дерево, встречающееся на плоскогорьях, вдали от гор, и вполне освоившееся с этой средой сильных ветров, сухого воздуха и крайностей температуры, это—бетум, род терпентинного или фисташкового дерева (pistacia atlantica), издали похожий на дуб; он стоит одиноко и своею черною листвой прерывает однообразие сероватой поверхности бесконечной равнины. Некоторые виды тамариска растут в падях, на краю оврагов, в которых бегут быстрые воды после таянья снегов; по краям редких дагия, в которых сохраняется влажность впродолжении нескольких месяцев, появляются различные растения европейского

1 Cosson, „Regne vegetal en Algerie“;—Mathews, „Flora of Algeria“.

2 C. Devaux, „Les Kebailes du Djerdjera“.

типа. За исключением терпентинного дерева, тамариска, редких древесных видов, живущих в лощинах, и пород, насажденных колонистом вокруг станций военных или гражданских,— в области высоких плато нет ни деревьев, ни кустарников; большие зонтичные, виднеющие-

Типы и костюмы: Нищій арабъ. Негритянка изъ Бискры. Женщина изъ Эль-Кантары.

ся там и сям на возвышениях почвы, словно вырезанные на небе, кажутся деревьями гигантских размеров. Характеристическую растительность составляют жесткия травы. Высокие части плоскогорья, на пространстве около 4-х миллионов гектаров, покрыты большими

злаками рода ковыль (stipa) и особенно видом, хорошо известным в промышленности под именем альфы (stipa tenacissima), но долины заключают другое растение, *шш* (artemisa herba alba), тот вид чернобыльника, сухие листья которого арабы курят, как табак, и который населяет обширные пространства северной Африки, от мароккского Атласа до принильских пустынь. На всем оранском юге, контраст между двумя площадями растительности, артемизией и альфой, указывает в то же время контраст высот в общем рельефе страны[1]. На высоких восточных плато, именно в равнинах, по которым кочуют племена немемша и гаракта, господствующее растение—гетаф (atriplex halimus), очень любимый верблюдами; маленькие пучки его покрывают почву на необозримое пространство[2]. Дис (ampelodesmus tenax), похожий на альфу,—тоже одно из самых обыкновенных растений на плоскогорьях; арабы кроют им свои хижины и вьют из него веревки. Между тайнобрачными белый трюфель, или *терфас* (tuber niveum), так распространен на высоких оранских плоскогорьях и в Годне, что составляет значительную часть продовольствия жителей; вскоре после дождей, этот клубень обнаруживается маленьким вздутием почвы, и, чтобы собирать его, нужно только разрыть землю на небольшую глубину. Кое-где на земле около пучков травы стелется лишай, называемый солдатами «manne», а у ботаников известный под именем *parmelia esculenta* (canora).

Сахарская область не есть страна, лишенная всякой растительности, как обыкновенно думают; не говоря уже об оазисах, где подлесье пальм состоит из плодовых деревьев различных пород и многочисленных трав, сотни растений развиваются на глинистых, каменистых, песчаных или болотистых пространствах пустыни; как и на высоких плато, бетум или фисташковые деревья с широким зонтиком, с могучим стволом, откуда вытекает смола, похожая на хиоссую мастику, показываются там и сям, покрывая серую землю черною тенью, к которой направляются стада; в этой области дерево представляет более поражающий предмет, чем гора. Но растения с европейскою физиономиею довольно редки в Алжирской Сахаре; сахарская флора не представляет почти никакого сходства с итальянской; более всего сродства замечается с флорами Египта, Палестины, Аравии, южной Персии. Коссон, излагая закон последовательности растительных видов с севера на юг Алжирии, говорит, что по мере удаления от морского побережья по направлению меридиана, приближаешься менее к тропическому поясу, чем в зоне Востока. В целом сахарская флора, заключающая 560 видов, в том числе около сотни особенных, исключительно ей свойственных, отличается однообразием видов на больших пространствах. Большинство этих растений многолетния, тощие, усаженные иглами или узкими листьями, и живут особняком, уединенными пучками. Тамариск и дрок—почти единственные деревья; но легко было бы увеличить их число, и европейцы уже сделали успешные попытки насаждения разных древесных пород в соседстве бьющих из земли ключей. Даже пески могут покрываться растительностью. Различные растения, прозябающие в диком состоянии, родятся на дюнах и способствуют укреплению, если не верхней части, которая движется, смотря по направлению ветра, то, по крайней мере, нижних её скатов: постепенное прикрепление песчаного бугра и преобразование его в постоянный холм происходит от основания к вершине. Разные виды дрока являются единственными представителями древесной растительности на дюнах и образуют в промежуточных узких долинах или оврагах округлые и редко разбросанные кусты. Травянистые растения также встречаются в сыпучих песках, которые они скрепляют своими корнями: таков злак, называемый дрин (arthratherum pungens), семена которого заменяют ячмень во время голодовки, для прокормления людей и скота: в среднем, три меры зерен дрина обмениваются за одну меру ячменя[3].

Фауна Алжирии, как и её флора, составляет часть средиземной зоны, свидетельствуя о

1 E. Cosson, „Itineraire d'un voyage botanique en Algerie".

2 Lambert. рукописные заметки.

3 E. Cosson, „Itineraire d'un voyage botanique en Algerie";—H. Duveyrier, „les Touaregs du Nordu.

существовавшей в прежния времена непрерывности материков. Мавританские животные принадлежат не к континенту Африки, но к Европе. Почти все виды общи—или, по крайней мере, прежде были общи—двум странам, которые в настоящее время разделены водами Внутреннего моря. Однако, по мере того, как подвигаешься к югу, удаляясь от морского побережья, аналогия уменьшается и, наконец, совсем исчезает, сначала для млекопитающих, затем для птиц; в южной области замечается даже между алжирскими видами и видами Нубии, Абиссинии, Сеннаара все более и более разительные сходства[1]. Несмотря на существование пустыни, которая, впрочем, прежде была менее обширна и более богата растительностью, многие животные виды могли переселяться из Центральной Африки в Мавританию и таким образом придавать некоторое сходство местным фаунам; но что касается раковин, которые перемещаются медленно и могут переходить лишь узкия пространства, неблагоприятные их развитию, то нормальное распределение видов сохранилось до сих пор; между малакологической фауной Алжирии и Судана замечается полный контраст. Один только вид раковин, общераспространенный в пустыне, melania tuberculata, не принадлежит ни к какому из центров европейской системы и происходит из собственно африканского центра; но этот вид можно считать почти космополитом: его находят в Египте, в Передней Азии и даже в Индии и на Маскаренских островах; он составляет единственное звено, связующее малакологические фауны Северной и Центральной Африки. Нельзя также делать сближения между раковинами Алжирии и раковинами островов Атлантического океана, Канарских и Мадеры: единственные виды, общие этим двум областям,—это прибрежные формы космополиты, встречающиеся повсюду, где влияние Средиземного моря могло быть ощутительно в какомлибо геологическом периоде[2]. Таким образом, по происхождению своих животных видов, Алжирия совершенно отграничена на юге и на западе; во внутренней своей части она также делится на области, ясно обособленные климатом: по Бургинья (Bourguignat), в алжирской территории с севера на юг следуют одна за другою шесть параллельных фаун: прибрежная, горная, затем фауна плоских возвышенностей, за которой следуют вторая горная и вторая прибрежная, то-есть фауна исчезнувшего моря; далее идет фауна пустыни. Из всех этих фаун горная обнимает наибольшее число видов. Некоторые фауны занимают площадь, точно обведенную течением рек: так, одна ящерица водится только в треугольном пространстве, ограниченном с одной стороны Сигом, с другой—Шелифом[3].

Для одних и тех же форм установился некоторый контраст между Алжирией и средиземным побережьем Европы. Однородные виды разнятся величиной, именно алжирские вообще мельче, что, без сомнения, зависит от их вынужденной большей умеренности в пище: в Алжирии природа скупее на счет корма, но она дает им более блестящее одеяние; более яркий свет отражается даже в шерсти зверей, исключая те области, где животное, чтобы не отличаться окраской от окружающего сероватого пространства, приняло, в силу миметизма, угрюмый колорит пустыни. Периоды воспроизведения и линяния наступают у алжирских млекопитающих и птиц позднее, чем у их европейских родичей, хотя, казалось бы, должно быть наоборот: причина тому—опасности, которым иначе подвергались бы во время весенних дождей новорожденные и животные, лишенные теплой зимней одежды[4].

С тех пор, как алжирская фауна отделена от европейской морскими пространствами, та и другая изменились, не столько вследствие образования новых разновидностей, сколько по причине исчезновения многих старых видов. Из двух половин средиземной области Европа, ранее заселенная и распаханная в большей части своего протяжения, конечно, потеряла сравнительно больше видов из своей первоначальной фауны; но и в Мавритании число животных пород уменьшилось, даже в исторические времена. Не подлежит сомнению, что слон жил две тысячи лет тому назад в лесах Нумидии; охотники ловили его там, чтобы везти в

1 I. R. Bourguignat, „Malacologie de l'Algerie".
2 Loche, „Exploration scientifique de l'Algerie".
3 M. Wagner;—Ratzel, „Schopfungsgeschichte".
4 Loche, цитированное сочинение. »

Рим, где он участвовал в боях цирка. Теперь неизвестно даже, к какой разновидности принадлежал этот представитель больших толстокожих, но, по всей вероятности, он был той же породы, как слоны Мальты и Испании, кости которых находят в пещерах[1]: на скале эль-Хенга, между Гельмой и Уэд-Зенати, иссечены грубые барельефы, изображающие слонов и еще какое-то бесформенное животное, как полагают, страуса[2]. Медведь не встречается более в Алжирии, как в высоких гористых областях западной Европы, где он мог найти себе убежище против охотников равнин; но многочисленные легенды и предания недавнего происхождения доказывают, что этот зверь существовал еще в эпоху завоевания в местных массивах, где берет начало Сейбуза; Шау и Пейсонель упоминают о нем, как о животном, водившемся в их время в лесах Алжирии; Орас Верне видел свеже препарированную шкуру[3]; еще недавно называли охотников, ходивших на медведя[4]. Оленю, о котором неизвестно с достоверностью, принадлежит ли он к древней мавританской фауне, тоже грозит опасность истребления, и охотники встречали его только в пустынной пограничной полосе, отделяющей землю хумиров от территории бени-салахов и других алжирских племен. Семейство обезьян представлено в Мавритании одним только видом—мартышкой, *pithecus innuus*, которая встречается в Европе, на Гибралтарской скале. На африканской территории это четырерукое является лишь беглецом: оно держится вдали от человеческих жилищ, прячась в углублениях скал или даже в соседстве снегов; колонии его существуют еще в горах Большой Кабилии и в ущельях, сжатых между крутых стен; но как много оврагов и скал, называемых «Обезьяньими долинами» и «горами», где путешественники тщетно стараются увидеть мартышек, забавные прыжки которых описывались их предшественниками! Джурджурские кабилы не убивают обезьян, которых предание называет братьями гештулов, то-есть таких же, как они, аборигенов; но когда им случится поймать мартышку, они наряжают ее в красную жакетку или привязывают на шею гремушку, затем отпускают в поле: подруги, устрашенные видом своего переодетого товарища, не осмеливаются более бродить вокруг деревень[5]. Главные враги обезьян в Кабилии—орлы и пантеры.

Всего ожесточеннее преследует человек больших хищных зверей: оттого большинство их исчезли из Европы, тогда как в Африке, менее населенной, они еще сохранились. Так, лев, пантера, сервал или тигрокот (felis serval), гиена, шакал, золотистая лисица, виверра варварийская водятся еще в Мавритании, тогда как палеонтологи разыскивают их кости в пещерах южной Франции[6]. В провинции Константине, где, благодаря более обильной влажности воздуха, леса представляют густые чащи, львы и пантеры еще более многочисленны, нежели в других областях Алжирии: в некоторых местах эти страшные звери бродят вокруг деревень, и путники нередко были пожираемы на больших дорогах. Недалеко от города Бужи, на побережье, один почти непроницаемый густой лес, перерезанный болотами и топями, служит излюбленным логовищем хищных зверей, так что под вечер пешеходы остерегаются проходить в одиночку этими лесными чащами. Из всех диких зверей самый страшный—барс, или пантера; однако, льву все еще дают титул «царя» за его силу, и шкура его считается самым славным из трофеев. Особенно много львов еще близ границ Туниса и в гористой и лесной полосе, которая тянется к югу от Шелифа, вокруг массива Уарсенис; но, нет сомнения, царь зверей скоро исчезнет в этой области и во всей Алжирии, как он исчез уже почти во всех местностях морского побережья, так как его беспощадно преследуют охотники, которых привлекает либо приманка премии, либо желание сильных ощущений. Истребление хищных зверей в Алжирии за восемь лет, с 1872 по 1880 г., по статистике выданных премий, представляло следующие цифры: убито львов, львиц, львенков—181, пантер—988, гиен—1.483, шакалов—22.619 шт.

1 Winwood Reade, „The Martyrdom of Man“.
2 De Vignearal, „Ruines romaines de l'Algegie“.
3 Guyon, „Voyage d'Alger aux Ziban“.
4 Reboud, „Notices et memoires de la Sociate de Constantine“.
5 C. Devaux, „Les Kebailes da Djerdjera“.
6 Charles Martins, „Du Spiszberg au Sahara“;—Cosson, „Revue Scientifique“, 21 juin 1879.

Впрочем, статистические данные неполны, потому что колонисты убивают много опасных животных, не требуя премии. Во многих округах истребление больших зверей влечет за собой важные неудобства в смысле нарушения равновесия между животными видами. В по-

Семейство кабиловъ.

граничной с Тунисом области львы и барсы питаются главным образом дикими кабанами и вепренками, которыми кишат лесные чащи. Они редко нападают на людей и их стада, так как находят достаточно дичи для утоления голода; но с тех пор, как охотники объявили бес-

пощадную войну «царям лесов», кабаны сильно размножились и делают страшные опустошения на полях: из этих двух врагов землевладелец предпочитает иметь дело с первым и требует, чтобы премия, платимая убивателю львов, была перенесена на истребителя кабанов.

Фауна высоких плоскостей отличается от фауны морского прибрежья и краевых гор: это область бегающих животных, которые проходят огромные расстояния в поисках пастьбы и воды. Эта страна служит еще местом большой охоты, хотя и там дичь стала уже заметно реже. Некоторые виды даже совсем исчезли. Когда французы совершали свои первые экспедиции на высокие плато, дикие страусы паслись там стадами и, не пугаясь еще соседства белого человека, подходили к самым палаткам; теперь же их тщетно ищут: охотники не успокоились до тех пор, пока не истребили всех до последняго[1]. Сомнительно даже, удастся ли птицеводам сохранить эту породу в домашнем состоянии, ибо алжирский страус, более ценный, чем канский по красоте перьев, принадлежит к разновидности, разведение которой гораздо труднее, и на птичьих дворах он скоро вымирает. Драхва повывелась, хотя ее и приручили[2]. Дикий кабан тоже довольно редок и встречается почти только на крутых горных массивах, господствующих над высоким цоколем плоскогорья. Газели, принадлежащие к трем различным видам, стараются держаться подальше от человека и спускаются с плоскогорий к сахарским пустыням; но иногда недостаток воды заставляет их возвращаться на высоты. Недавно, когда еще охоты в больших размерах не опустошили плоских возвышенностей, можно было встретить стада в двести или триста газелей, так тесно скученных, что иной раз они мешали друг другу бежать, и сталкивающиеся рога их «производили шум, напоминавший барабанную дробь». Тушканчики живут еще мириадами в своих подземных галлереях; на восточных плато, в окрестностях Тебессы и Хеншелы, встречается грызун того же рода, очень похожий на степного зайца: это—гунди[3].

Хотя высокие плато уже перестали быть главным местом охоты, однако, там все еще сохраняются традиции высшего звероловного искусства. Феодальные фамилии края держат ловчих соколов из породы балабана (falco laniarius), и имена славнейших из этих «пернатых охотников» переходят из уст в уста на всем пространстве Алжирии. Прекрасные борзые, или «слуги», тоже высоко ценятся, имеют своих льстецов и историографов, тогда как другие собаки, презираемые мужчинами, избиваемые женщинами, остаются в полудиком состоянии: как большинство кошек, они привязываются к месту, а не к хозяину[4], и бродят вокруг шатров, наводя страх на путешественников. Из всех товарищей алжирского охотника ни один не пользуется такою любовью, как его конь, и, действительно, во всем севере нет лошади, которая превосходила бы алжирскую статностью, ретивостью, кротостью, умеренностью и неприхотливостью в пище, неутомимостью и выносливостью к переменам температуры.

Зоология, как и ботаника, ясно указывают на сродство южной Алжирии с Востоком в отношении животного и растительного царств. Газели, встречаемые иногда на высоких плоскогорьях, принадлежат к тем же видам, как газели Аравии; египетский заяц, *lepus isabellinus*, водится также в Сахаре; меха, нубийская антилопа *addax*, была найдена и в алжирских дюнах; там можно видеть также африканского буйвола, *уаш*, называемого «варварийской коровой», у которого глаза помещены по бокам и как бы назади его длинной головы; фенек, *canis zerda*, подкрадывающийся к хижинам оазисов в уэде Риг, ничем не отличается от своих родичей, обитающих в Нубии и на скатах абиссинских гор. Гадюка рогатая (vipera cerastes) и многие другие виды пресмыкающихся общи Египту и алжирской Сахаре[5]. Огромная ящерица уаран, называемая также египетским караульщиком (monitor), часто встречается в Сахаре и даже в проходах, поднимающихся к плоскогорьям; попадаются экземпляры, достигающие метра в длину и похожие на маленьких крокодилов. Туземцы очень

1 Margueritte, „Chasses de l'Algerie".
2 Arnaud, „Revue Africaine", janvier, mars 1863.
3 Lambert, рукописные заметки.
4 A. Berbugger, „Voyage au camp d'Abd-el-Kader";—Daumas, „Les chevaux du Sahara".
5 Cosson, „Revue Scientifique", 21 juin 1879.

боятся этой ящерицы, которой они приписывают волшебную силу: сложилось поверье, что от удара её хвоста женщина становится бесплодною, а мужчина импотентным; оттого кто хочет овладеть этим опасным животным, употребляет величайшие предосторожности, чтобы не подвергнуться фатальному удару. Рассказывают, что уаран сосет коз и овец, обвивая свой хвост вокруг их задних ног, и даже усиленные толчки жертвы не могут заставить его выпустить добычу. Подобно хамелеону, уаран, говорят, смертельный враг гадюки рогатой, и когда эти два гада встретятся, бой между ними оканчивается не иначе, как смертью одного из борцов[6]. Другой замечательный вид того же семейства—добб, или пальмовая ящерица, нежное мясо которой употребляется в пищу жителями юга, а из кожи её выделывают саше и коробки. По рассказам туземцев, в знойной области, отделяющей оазисы и краевые горы от плоскогорья, водится несметное множество змей. Один из видов, описываемый арабами, но еще не виденный натуралистами, походит на найю индусов или очковую змею, судя по тому, что рассказывают о раздувании её шеи под влиянием гнева; арабы называют ее «тамой»[7]. Пифоны тоже, говорят, очень многочисленны в этой сахарской мархии[8]. Что касается крокодила, которого считали совершенно исчезнувшим из Мавритании с исторической эпохи, то он еще существует в текучих и стоячих водах пустыни. Окапитэн первый открыл этого зверя в русле уэда Джедди, а после того его находили в верхних притоках Игаргара.

Насекомоядные птицы, которых охотники преследуют только в окрестностях городов, чрезвычайно многочисленны, так что в некоторых местах полеты их, словно тучи, застилают небо. Обилию этих птиц и следует приписывать редкость гусениц и бабочек[9]. Саранча (adipoda cruciata), этот величайший бич Алжирии, бывший одною из главных причин страшного голода 1867 года, кишит мириадами только в исключительные годы; обыкновенно же размножение сдерживается аистами, этими «провидениями земледельца». На плоскогорьях Сетиф иногда видали тысячи аистов, выстроившихся в боевую линию и клювами пробивающих движущуюся стену саранчи[10].

VI.

Перемены, совершившиеся в исторические времена в человеческом населении Алжирии, еще гораздо значительнее, чем перемены флоры и фауны, да при том от вмешательства того же человека, как разрушителя и созидателя, произошли и главные видоизменения в окружающем мире животных и растений. История переселений, войн, смены одного народа другим дополнялись историей видов вновь вводимых или изгоняемых, приручаемых или опять обращавшихся в дикое состояние.

Первый вопрос, который сам собою представляется относительно жителей Алжирии, есть следующий: принадлежат ли они, подобно животным и растительным формам, к общей области, обнимающей, на севере и на юге, все берега западного бассейна Средиземного моря? Тот характер единства, который являет нам органическая жизнь в её совокупности на всей окружности Западного моря, от Прованса до Магреба, повторяется ли также и в людях, если не для всех элементов населения, то по крайней мере для элементов, составляющих его основу? Пока еще нельзя ответить положительно на эти вопросы; но нет сомнения, что существовали большие переселения и частые сношения от одного берега к другому: наверно была эпоха, предшествовавшая истории, когда по обе стороны моря группы населения жили общей цивилизацией, каково бы ни было, впрочем, их происхождение, одинаковое или различное. Во всей Мавритании, и особенно в провинции Константине, на туниской границе, встречаются мегалитовые памятники, подобные тем, какие мы видим в западной Европе: их насчитывали уже десятками тысяч, но исследователи все еще находят новые, несмотря на то,

6 Arnaud, „Revue Africaine“, janvier, mars 1863.

7 Bernard, „Comptes rendus des seances de la Societe de Geographie“, 1884 №1.

8 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1879.

9 Seraziat, „Seances de l’Academie d’Hippone“, 1884.

10 Guyon, цитированное сочинение.

что эти остатки седой старины слишком часто уничтожаются местными жителями, которые употребляют их как материал для постройки домов или мощения дорог. В равнине Меджаны, к востоку от Сетифа, Пайен определяет в десять тысяч число менгиров (длинные могильные камни), рассеянных по одиночке или группами среди степи: можно подумать, что видишь перед собою окаменелый народ, тем более, что средняя высота камней почти равна высоте малорослых людей. Долмены (плита, в форме стола, положенная на двух, вертикально стоящих камнях) или *кбур-эль-джухала*, то-есть «языческие могилы», по большей части меньше столов того же происхождения, существующих еще в Бретани и в Вандее, из чего заключили—одни, как Бертран, что мегалитовое искусство Алжирии было еще в зачаточном состоянии[1], другие, как Федэрб, что оно, напротив, является нам уже в состоянии упадка[2]; однако, офицеры генерального штаба, занимающиеся триангуляцией восточной Алжирии, между городами Ла-Калле и Сук-Ахрас, находили могильные плиты огромных размеров, почти не уступающие по величине бретонским долменам Гавр'инниса и Локмариакера. Кроме столов и высоких камней, в Алжирии находят всевозможные формы мегалитовых построек—кромлехи, или ряды камней, симметрично расположенных в виде круга, груды больших камней, могилки, имеющие на вершине долмен или на скатах концентрические ограды, террасы, окруженные перилами, подземные камеры, иссеченные на скале, камни с выдолбленным углублением в форме чашки, жертвенники, ряды «ганутов», или «лавок» в склепах, «куши», или гробницы в виде цилиндрических печей, прикрытых большой плитой, «базины», или горки, состоящие из концентрических слоев в виде пирамиды со ступеньками. В алжирской Сахаре, Тейсеренк-де-Бор, Фо и Фуро открыли также большие глиняные сосуды, приставленные плотно один к другому, которые служили гробами: голова и туловище покойника занимали один сосуд, ноги помещались в другом.

Остатки смолистого дерева, находимые возле черепков глиняной посуды, и еще более—слои отесаных кремней, рассеянные там и сям, не только на высотах, но также на тамадах и даже в пустыне, между Тугуртом и Гадамесом[3], принадлежат к числу фактов, на которые ссылаются геологи, как на доказательство перемен, происшедших в относительно недавнее время в климате Африки. Близ Гамман-эль-Месхутина, могилы в Рокниа, относящиеся частию к бронзовому веку, заключают в себе тысячи моллюсков, расположенных последовательными слоями: по исследованиям Бургинья, многие виды раковин, живших тогда в этой стране, вымерли или, по крайней мере, стали очень редки; не менее замечателен тот факт, что один вид постепенно изменился в течение этого периода Рокнийских могил: из века в век он стремился принять все более и более плоскую форму. С этих эпох каменных орудий и шлифованных топоров, которые употреблялись населениями, жившими даже в более сыром климате, мегалитовое искусство продолжалось в периоды писаной истории и даже до новейших времен. Во многих некрополях находили грубые камни туземцев в перемежку с четыреугольными столбами римлян, с колоннами, с плитами, покрытыми надписями ливийскими или двуязычными. Берберские племена еще недавно воздвигали камни на своих кладбищах. В начале XVII столетия некоторые кабильские «джемаа» имели обыкновение ставить подле места их сходов менгир, который должен был напоминать будущим поколениям о решениях, принятых народным собранием[4].

Под камнями долменов (кбур-эль-джухала)и «куш» открыли множество скелетов, почти всегда лежащих на левом боку и с согнутыми коленями: способ погребения везде один и тот же, каковы бы ни были предметы, положенные возле покойника—грубые глиняные сосуды и каменные орудия, или кольца и браслеты из серебра, меди, бронзы и железа. Черепов собрано, правда, немного, но и тех, которые были измерены и классифицированы, вполне достаточно, чтобы доказать, что в эту до-историческую эпоху, до пришествия римлян, ванда-

1 „Revoe Archeologique“, Paris, 1869.
2 „Instruction sur l'Anthropologie de l'Algerie“.
3 Clave;—Rolland;—Tarry;—Teisserenc de Bort.
4 Letourneux;—Faidhebe et Topinard, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algerie“.

лов, византийцев и арабов, существовали между коренными жителями, ныне смешиваемыми под общим именем аборигенов, два типа, явственно различавшихся формой черепа и, как полагают, имевших также различное происхождение. Те и другие были длинноголовые (долихокефалы), но у людей, принадлежащих к рослому типу, макушка была откинута назад, вместо того, чтобы находиться, как у людей другой расы, прямо над слуховым проходом; диаметр наибольшей ширины, измеряющий головной указатель черепа, тоже был передвинут к затылку; скуловые дуги были очень выдающиеся, также как выступы носа и лобные кости. Такое же устройство черепа встречается в наши дни у большинства бискров и номадов, которые кочуют около оазисов и часто порабощали их обитателей; замечено, кроме того, что у этих индивидуумов волоса на голове расположены так, что образуют остроконечный пучок на середине лба. Строением скелета эти люди тоже отличаются от своих соседей: прислонясь к стене, они не могут вытянуть рук, прикладывая их плотно: позади плечевой кости всегда остается значительный пустой промежуток. Это особенное образование рук объясняет, может-быть, привычку туземцев помещать свою палку позади шеи и держать ее, сгибая руки с той и другой стороны и опираясь на середину палки заднею, самою тяжелою частью своего черепа. Что касается второго типа, находимого в древних могилах, то он походит на тип нынешних обитателей оазисов. У этих последних череп пропорциональный, лицо прямое, руки расположены как у европейцев, но они худощавы и малорослы; людей этого типа можно видеть также в самых высоких частях Джурджуры, в соседстве беглых племен обезьян, как будто те и другие принуждены были искать убежища на неприступных горах[1].

В первые времена французской оккупации все туземцы Алжирии были смешиваемы под общим именем арабов, да и теперь еще часто случается, что не делают никакого различия между арабами и берберами: вновь прибывшие европейцы воображают, что все коренные жители края принадлежат к одной и той же расе. Впоследствии, заметив большой контраст, существующий между потомками аборигенов и потомками арабских завоевателей, они легко впадают в новую ошибку, полагая, что все не-арабы, вообще обозначаемые именем берберов, составляют одну и ту же этническую группу: в действительности эти туземцы тоже представляют различные типы, и, изучая их, скоро приходишь к убеждению, что многие элементы, различного происхождения, способствовали образованию племен, называемых берберами, в противоположность группам арабского происхождения. Кроме контраста, который представляют между «берберами» люди, различающиеся ростом, расположением членов, формой черепа, существует еще другой, зависящий от цвета кожи и волос. В северной Африке встречаются блондины и рыжие, хотя огромное большинство населения состоит из брюнетов. Во всех племенах можно встретить людей со светлыми волосами и даже с голубыми глазами; со времен Шау все путешественники говорят о белокурых африканцах, которых они видели сами или о которых слышали; а в последнее время точные наблюдения позволили констатировать их географическое распределение. Они многочисленны в Джебель-Ауресе и особенно близ Хеншелы и в джебеле Шешар; в провинции Константине число их доходит, по Федэрбу, до одной десятой всего населения. Денхаджи, живущие в долине притока Сафсара, к юго-востоку от Филиппвиля, производят свой род от белокурых предков, хотя скрещивания с соседними племенами сообщили большинству из них темный цвет глаз и волос; сами себя они называют Улад-эль-Джухала, «Сыны язычников», и еще недавно у них существовал обычай воздвигать на могилах умерших массивные камни, вокруг которых они совершали религиозные церемонии[2]. Этот факт дает некоторое основание гипотезе ученых, приписывающих сооружение алжирских мегалитов белокурым народам, пришедшим с севера через Иберийский полуостров и Гибралтарский пролив; в этих африканских блондинах видели также потомков римских наемников, и именно галлов, которым римлянами поручено было защищать южные границы. По мнению некоторых писателей, вандалы, оттесненные Велизарием в горы Аурес, в 533 году, не исчезли совершенно: благодаря высоте долин, эти пере-

1 Camille Sabatier, рукописные заметки.

2 Sergent;-Henri Martin, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1870.

селенцы с дальнего севера приспособились к африканскому климату, и теперь этих единоплеменников скандинавов причисляют к берберам Алжирии[1].

Римляне тоже не пропали бесследно. Известно, как велико было их влияние в течение веков. Сотнями считают сохранившиеся еще остатки их городов и военных постов, десятками тысяч собранные до сих пор их надписи. Еще и в наши дни, на плоскогорьях провинции Константины, присутствие их кажется более заметным по их сооружениям, чем присутствие французских колонистов. Там руины древних городов более многочисленны и гораздо более обширны, чем европейские города новейшей постройки. Даже с этой стороны они заняли весь горный массив Ауреса (Aurasius) и проникли далеко в глубь пустыни. На юге Алжирской провинции тоже видны их развалины на границах Сахары; в западных областях они, по крайней мере, воздвигли многочисленные города на средиземной покатости Телля. Их колонисты, поселившиеся по большей части на высоких плато Нумидии и Мавритании ситифийской[2], то-есть в областях, где климат самый здоровый и наиболее подходящий для сохранения их расы, наверно оставили своих потомков в Алжирии. Так, римский тип очень хорошо сохранился у племени улан-эль-аскер, или «сыны воинов», в восточной Кабилии[3]. Хотя добрые мусульмане, жители Тебессы называют себя «римлянами»: для них имя «руми» не смешивается с именем христианина, как у других магометан Алжирии. В 1842 году, когда французы овладели этим городом, между жителями его ходили еще римские монеты[4]. Из десяти подразделений племени амамра, обитающего в северной части Джебель-Ауреса, два слывут за потомков римлян, три, говорят, берберского происхождения, а остальные, основанные марабутами, образовались уже после мусульманского нашествия[5].

Какова бы ни была, в первоначальном населении Алжирии, доля завоевателей или колонистов, пришедших из Европы, предания, также как различные исторические свидетельства, указывают на восточные области как на место происхождения иммигрантов: это из Азии прибывали последовательно завоеватели или мирные переселенцы, употребляя иногда долгие века на прохождение этапов, разделяющих долину Нила и остров Магреба. Так пришли древние либу, то-есть ливийцы, давшие свое имя всему континенту, и представителей которых мы видим в луата или лиуата, одном из могущественных племен Берберии во времена арабского завоевания[6]. Магометанские полчища, покорившие населения Мавритании, затем гиллалийские племена, которые осели в открытых равнинах, оттеснив прежних жителей в высокие долины гор, только следовали за общим эмиграционным движением, которое из века в век направлялось на запад. При том перемены почвы и климата, иноплеменные нашествия и вытеснения одного народа другим, естественно, сопровождались соответственным изменением в нравах жителей, каково бы ни было происхождение последних, и усиливало или сглаживало контрасты между ними. При вступлении в страну, берберские покорители, по всей вероятности, мало отличались от своих преемников, арабских завоевателей. Война, набеги, грабежи развили у них привычки, вполне подходящие к кочевому образу жизни; покорение, обложение правильною данью заставили многие племена прикрепиться к земле, променять степную жизнь на быт земледельца. Род занятий не всегда служит верным указателем этнического происхождения. За много веков до прибытия арабов, нумиды или нумидийцы,отчасти предки населения, называемого берберским, тоже были «номады», как, вероятно, показывает и самое их имя. Плиний говорит, что они беспрестанно меняли пастбища, унося с собою колья своих жилищ: подобно нынешнему арабу, древний нумидиец быстро строил себе хижину, «гурби», рядом с местом пастьбы своего скота. В настоящее время деление между расами указывается, хотя не вполне точно, образом жизни,

1 Perier, „Memoires de la Societe d'Anthropologie", 1873.
2 O. Mac Carthy, „Les Antiquitas algeriennes".
3 Brunon, „Recueil de la Societe Archeologique de Constantine".
4 V. Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika".
5 Justin Pont;—Faidherbe, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algerie".
6 Ernest Mercier, „Histoire de l'etablissement des Arabes dans l'Afrique Septentrionale";—Carette;—Tissot;—Tauxier, etc.

кочевым или оседлым. Бродячие пастухи—в большинстве арабы; земледельцы с постоянным местом жительства обозначаются обыкновенно собирательным именем берберов.

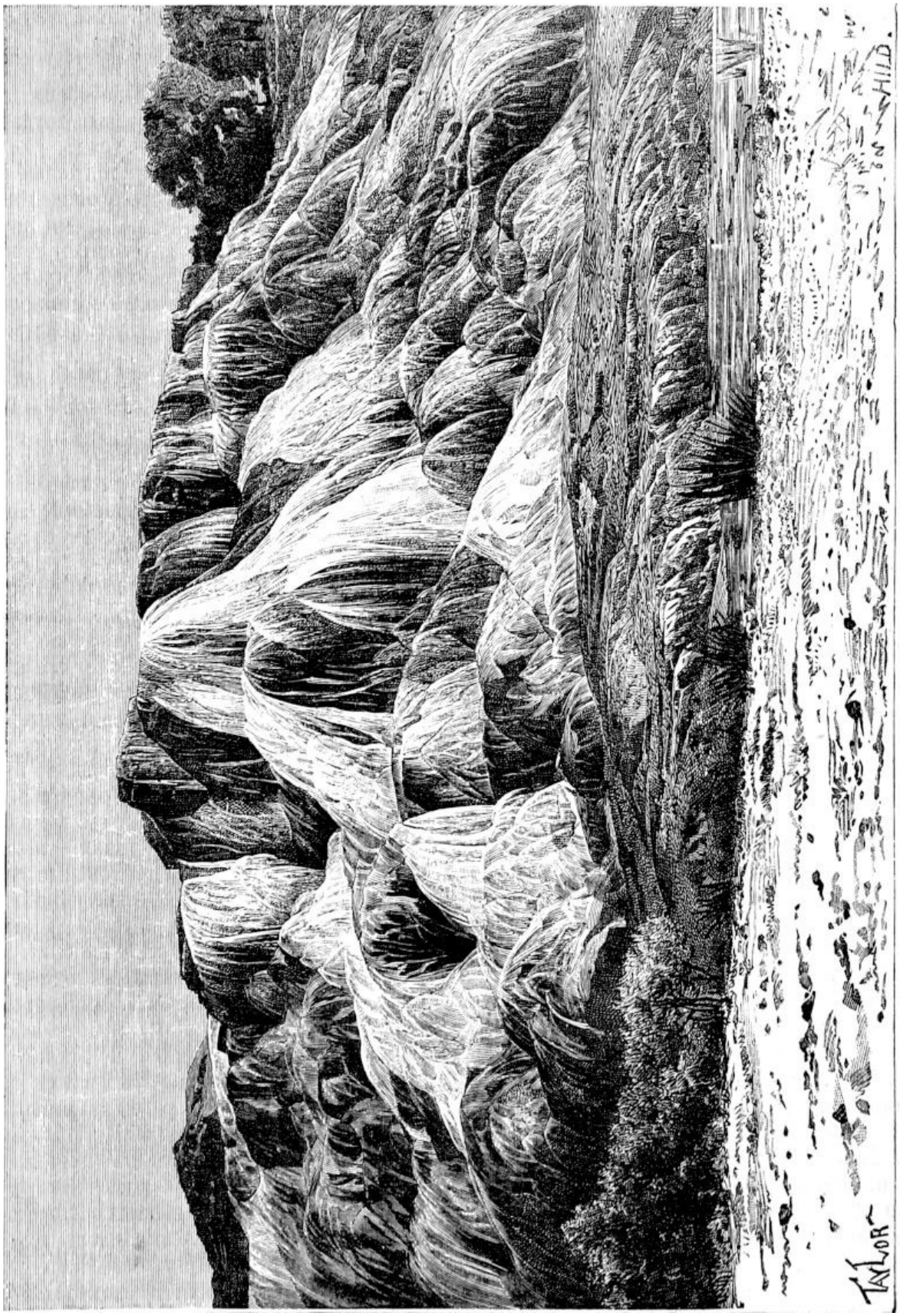
Одно только из племен Северной Африки, обитающее в долинах мароккского Атласа, носит специально это древнее этническое название берберов, которым оно, впрочем, гордится[1]; но, применяемое к совокупности населений, многочисленное происхождение которых ученые разыскивают в разных местах: в самой Мавритании, в западной Европе и в азиатских странах, соседних с Египтом,—это слово не имеет точного значения, и между отдельными народцами, между шауйа и рифеном, кабилом и тарги, замечается большое различие нравов и обычаев, соответствующее, может-быть, различию происхождения амазигского, луатского, зенатского, гетульского или гештульского. Имя «бербер» имеет общий смысл только с точки зрения глоссологической, так как оно применяется ко всем туземцам, которые говорят, или говорили в исторические времена одним из языков, принадлежащих к ливийской семье. Эта группа наречий, бывших в употреблении у тамагутов, которые изображаются на египетских картинах, сохранилась через тысячу лет под своим древним именем: у туарегов и различных народцев Сахары ее и теперь еще называют тамагак, тамагуг или тамашек; близкими к языку тарги наречиями говорит большое число других народцев Африки, от западных оазисов Египта до берегов Атлантического океана. Семья берберских диалектов, повидимому, приближается к семитическим языкам, не словарем, но гортанными звуками, синтаксисом, грамматикой; хотя она составляет, вместе с коптским наречием, группу хамитских говоров[2], но носит на себе все признаки восточного происхождения, и, опираясь главным образом на это сходство языков, некоторые писатели хотели, справедливо или нет, установить сходство рас.

Но хотя между берберами и их соседями арабами существуют всевозможные переходные типы, замечаются, однако, большие различия между этими двумя главными группами алжирского населения. Истые семиты, представляемые арабами, резко отличаются от различных народцев, ранее их поселившихся в стране. У джурджурских кабилов, принимаемых за типичных представителей берберской расы, череп и облик менее овальные, чем у арабов, лицо более широкое и более полное, лоб менее правильный и не так подавшийся назад, брови менее выгнутые; нос редко орлиный, чаще широкий и короткий, подбородок энергический, рот довольно большой, обрамленный толстыми губами. Ансамбль физиономии редко отличается тою тонкостью черт, какую мы замечаем у арабов, но выражение лица более простосердечное, глаза более живые; мускулы очень крепки. Если тело не имеет той же гибкости, как тело араба, то оно превосходит последнее силой и, по наблюдениям Дюгуссе, крепче держится на ногах: сильно выгнутая ступня кабила оставляет в сыром песке более глубокий отпечаток пятки и большого пальца, чем обыкновенная ступня араба или европейца. Кабилы вообще менее смуглы, чем арабы, что объясняется их более оседлым образом жизни. В среднем, они мало отличаются от южных европейцев, и между ними встретишь тысячи индивидуумов, которых, если бы они переменили костюм, легко было бы смешать с оверньятами, кадюрками или лимузинцами. Так называемые арабы в окрестностях Саиды и Френды, почти чистокровные берберы, несмотря на их родословную, напоминают самую обыкновенную крестьянскую физиономию на французском юге[3].

С духовной или нравственной точки зрения, контраст между арабами и людьми племен, называемых берберскими, не менее значителен, чем с точки зрения физической; впрочем, эти контрасты в большей части объясняются различием среды и образа жизни. Хотя между берберами есть народы кочевые по преимуществу, как, например, туареги, однако, они охотно переходят к оседлой жизни, когда это позволяют естественные условия местности, или когда представится удобный случай. Горцы—земледельцы по большей части, они, понятно, не могут иметь нравов и обычаев, политических и социальных учреждений, подобных тем,

1 Garette, „Exploration de l'Algerie";—de Foucauld, рукописные заметки.
2 E. Renan, „Histoire generale et Systeme compare des langues cemitiques".
3 R. de Blanchere, „Voyage d'etude dans une partie de la Maurttanie Cesarienne".

какие мы находим у жителей равнин, пастухов и воинов. Кабилы отличаются трудолюбием, предприимчивостью, большим практическим смыслом: они любопытны, любят посмеяться, большие спорщики, желают отдать себе отчет во всем, что видят. Они умеют удивляться и



Гамманъ-эль-Мескутинскій окаменѣлый водопадъ.

восхищаться, тогда как араб старается казаться бесстрастным и равнодушным ко всему. Они не впадают в мистическое созерцание; суеверные, как все невежественные люди, они не придают большой цены религии в своей повседневной жизни и в управлении их обществом;

они не обладают образным языком семитов, и трубадуры их не украшают рассказ изящными оборотами речи, остроумными сравнениями, утонченными прелестями стиля, которые так любит арабский поэт. Гордые, как подобает людям, имеющим право на уважение за свою трудовую жизнь, они отличаются в высокой степени чувством собственного достоинства и требуют прежде всего, чтобы к ним относились с должною справедливостью; у тех из них, которым французы оставили общинное самоуправление, существует полная равноправность между всеми членами общины. Кабил не обладает в такой же степени родовым духом, как араб, житель равнин, однако, индивидуальные и партийные интересы уравновешиваются в его общине с такою точностью, что политическая жизнь идет у него правильнее и реже нарушается резкими переворотами, чем у араба[1].

Хотя, в целом, алжирские берберы, как земледельцы, поднялись на более высокую степень цивилизации, сравнительно с арабом, и хотя они, вероятно, единоплеменники тех же испанских мавров, которые, в средние века, когда Европа снова погрузилась в варварство, поддерживали бескорыстный культ науки, однако, они еще во многих отношениях подчиняются преобладающему влиянию арабов. Эти последние, как потомки завоевателей, сохранили еще частицу того престижа, который некогда дала им победа; кроме того, это они принесли религию ислама, они поставляют марабутов и ученых. Они—«люди Книги», и это, благодаря им, кабильские дети умеют читать и говорить наизусть стихи Корана. Несмотря на кочевую жизнь, арабы в большей степени, чем оттесненные в горы берберы, пользуются выгодами, которые доставляет относительная национальная связь: в самом деле, обитая в равнинах, они находятся в постоянных сношениях между собою, через посредство «братий» всяких орденов; к их же выгоде служит влияние цивилизованных мавров на внутренних рынках и в портах морского прибрежья. Берберы, хотя численно превосходящие арабов, не составляют сплоченного национального союза, который позволял бы им оказывать достаточное сопротивление напору окружающего их арабского мира, и во всех частях Алжирии указывают берберские племена «арабизованныя», утратившие свой первоначальный язык, часто даже предания своей расы: иногда даже, как это замечал уже Ибн-Халдун[2], преобразование доходит до того, что выдумывают ложные родословные: насчитывают десятки кабильских народцев, претендующих на арабское происхождение, тогда как известно не более двух групп, первоначально арабских, которые, будучи поставлены в особенные условия и разобщены со своими соплеменниками, по необходимости должны были берберизоваться. Даже племена, сохранившие родные наречия, кабилы Джурджуры, шауйа Джебель-Ауреса, некоторые группы Дахры, берберы мароккской границы, ввели в свой говор множество арабских слов и оборотов; они забыли древнее письмо *тефинаг*, надписи на котором встречаются еще в разных местах Алжирии[3]. Те из них, которые обучаются, получают образование чрез посредство арабского языка, который является в одно и то же время языком религиозным, гражданским и литературным, но в котором они никогда не достигают такого совершенства, чтобы выговаривать правильно все звуки[4].

Слово «аит»—«ида» в южном Марокко—применяется только к берберам. Точно также большинство племен, перед именем которых стоит арабское слово «бени» (сыны или потомки)—берберской расы, тогда как слово «аулад»—или чаще улад, улед в алжирском говоре—прилагается почти всегда к народцам арабского происхождения, безразлично—пришли ли они во время первого завоевания, или при последующих переселениях. Но и это не безусловное правило, и относительно многих групп, носящих название «улад», является вопрос: действительно ли они арабы, или только «арабизованные» берберы? Племя улад-абди, в Джебель-Ауресе,—несомненно берберы[5]. Вследствие неопределенности классификации, раз-

1 Faidherbe;—Devaux;—Letourneux et Hanoteau;—Topinard;—C. Sabatier, etc.
2 De Slane, „Notes sur la langue, la litteratore et les origines du peuple berbere“.
3 Faidherbe;—Reboud;—Judas, etc.
4 L. Rinn, „Revue Africaine“, mars-avril 1882, № 152
5 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

личные писатели сильно расходятся между собою в определении численности рас, населяющих Алжирию. В то время, как Федэрб[1], Варнье, Дюваль, Мак-Карти насчитывают на алжирской территории слишком два миллиона берберов, в том числе около 900.000 говорящих еще ливийским языком,—Помель находит их не больше одного миллиона[2]. Различия и контрасты, порожденные языками и образом жизни, передвижения, вольные или невольные, массовые ссылки или интернирования делают невозможным всякое общее описание: приходится изучать отдельно в каждом равнинном или горном округе этнические группы. Очень многие из тысячи или тысячи ста племен, насчитываемых в Алжирии, состоят из эле-

Арабскій типъ.—Тугуртскій ага.

ментов различной расы; есть даже второстепенные группировки или подразделения, как-то «дуаре», «дашера», «ферка», «арш»: они могут разниться между собою этническим составом в одной и той же кбайле или союзе племен. Некоторые народцы представляют лишь смешанное собрание семейств всякого цвета и всякого происхождения, сошедшихся из всех частей страны: по французскому выражению, это—«Beni Ramasses» (арабский сброд). Такия сборные племена можно видеть в предместьях каждого города.

Главная масса чистокровных арабов населяет западные области Алжирии: город Маска-

1 „Instructions sur l'Antbropologie de l'Algerie".

2 „Les races indigenes de l'Algerie".

ра можно считать их естественной станцией: Абдель-Кадер, сам один из совершеннейших типов араба, выбрал этот пункт центром своего царства. В соседних равнинах и долинах, также как на высоких плоскогорьях Оранского юга, не увидишь других домов, кроме зданий французской постройки: все туземцы, чистые арабы, живут в шатрах. По Федэрбу, арабское население Алжирии, включая мавров, живущих в городах, составляет только пятую часть общего числа жителей, то-есть около 600.000 душ. Эта цифра, слишком преувеличенная, по мнению Мак-Карти, показалась черезчур малою некоторым другим писателям: она, в самом деле, была бы гораздо ниже действительности, если бы считать в числе арабов всех тех, которые выдают себя за таковых, связывая свою родословную с каким-нибудь шерифом, то есть потомком Пророка, или с какою-нибудь значительною личностью Ислама; но эти притязания на благородство происхождения не всегда оправдываются. В Алжирии у чистокровных арабов цвет лица матовый или смуглый, волосы черные, борода редкая, зубы прекрасные, нос орлиный, ноздри широкия и подвижные, глаза черные, вдавленные под орбитой, бровные дуги выступающие, уши оттопыренные, череп высокий, лоб открытый и выпуклый. Принимая за тип красоты Аполлона Бельведерского, находим, что у арабов ноги и шея слишком длинны относительно развития торса, а грудь слишком узка для их роста[1]. Женщины сравнительно очень малорослы. В публике арабы умеют драпироваться с грациею и величавостью; они кажутся всегда важными, безстрашными, проникнутыми чувством собственного достоинства; никогда не слышишь, чтобы они пели за работой, но у себя дома, в интимной жизни, они легко сбрасывают напускную торжественность, говорят и жестикулируют с большою живостью. Истые арабы очень плохие земледельцы: по их поговорке, «стыд и сошник в одно время входят в дом». Они не любят тихой жизни оседлого человека: им больше по душе существование номада—приволье степей, скаканье на коне через необозримые пространства, убегающие в даль горизонты, миражи пустыни, группы шатров, разбитых на траве или на песке. Чтобы понять и полюбить араба, надо видеть его в степи, в его родной стихии: там он счастлив, гостеприимен, великодушен, сообщителен и разговорчив, там он с удовольствием рассказывает про свои экспедиции и охотничьи приключения[2]. Потомки воинов, победоносно прошедших весь север Африки, от Египта до Марокко, истые номады, с презрением смотрящие на жалкий люд, живущий под кровлей, они охотно покидают родимые места; во всех концах Мавритании встречаешь одноплеменников, которые разбрелись в разные стороны, увлекаемые какою-то смутною потребностью перемены. Несмотря на суровую необходимость, заставляющую их делаться землепашцами или, по крайней мере, царапать почву, чтобы извлечь из неё случайную жатву, эти люди, от природы склонные к бродячей жизни, не привязываются к земле: они недостаточно строго уважают межевые столбы, водруженные колонистом, да и сами не умеют защищать с должным упорством принадлежащую им борозду. Их понятия о собственности далеко не отличаются тою точностью, какая требуется кодексом, принесенным новыми господами края: отсюда частые споры и столкновения, осложняемые иногда инстинктивною ненавистью одной расы к другой. Впрочем, арабы редко бывают собственниками: право на землю, без определения границ, присвоивается всем племенем, а представителем племени является его глава, шейх, который и делается истинным землевладельцем и господином. Арабское общество почти всегда имеет феодальную организацию. «Как только вас будет трое, имейте старшаго», говорит пророк[3]. Религиозный фанатизм также держит арабов в состоянии враждебных групп, ибо они гораздо более, чем кабилы, склонны к мистицизму: большинство их люди верующие и подчиняются предписаниям Магомета, повторяя вполголоса те места Корана, где рекомендуется истребление неверных.

Таким образом, по своему образу мыслей и чувств, по своим преданиям и нравам, араб племен с трудом приспособляется к новой среде, которую создают вокруг него аппроприа-

1 Bodichon;—Topinard.

2 Daumas, „Le Grand Desert“;—L. de Colomb, „Exploration des Ksour et du Sahara de la province d'Oran“,—E. Frementin, „Un ete dans le Sahara“.

3 Daumas, „Le Grand Desert“.

ция и культура почвы, основание городов и деревень, постройка шоссейных и железных дорог; он становится постепенно чужим в стране, завоеванной его предками, и во многих округах вымирает, уступая место людям другой расы. Одна из самых деликатных проблем алжирской демографии—это определить, в каких условиях географической и социальной среды арабы победоносно противятся неблагоприятным влияниям. Можно только сказать вообще, что им хорошо живется на высоких, достаточно орошаемых плоскогорьях, где перед ними открываются почти безграничные пространства для кочевки, и где французы пока еще основали только небольшое число станций военных и гражданских, тогда как вблизи городов или в самых городах они постепенно элиминируются: там раса их является уже в состоянии упадка, убиваемая нищетой, пороком, недостатком веры в будущее, угнетением, которое они испытывают от главных начальников. Той же участи подвергаются мавры, или «гадри»—резиденты—то-есть цивилизованные мусульмане, живущие в городах прибрежья, на глазах у чужестранных властителей. Они быстро уменьшаются в числе, но, может-быть, эта постоянная убыль происходит частию от неустойчивости самой расы, слишком смешанной, куда война, рабство, многоженство, захваты корсаров внесли множество самых разнородных элементов: берберов, сирийцев, черкесов, албанцев, испанцев и магонцев, итальянцев и провансальцев, гауссу, бамбару, пейлев и мандингов. Даже группы цыган, или гсани (геццани), проникли в алжирский Магреб, в то же время, как и андалузские мавры, изгнанные из Испании[1]. Кулугли или кур-огли, потомки турок и туземных женщин, были прежде очень многочисленны в приморских городах и в некоторых внутренних селениях, служивших, при беях, местом ссылки[2]. Эти метисы почти совершенно исчезли в остальной массе городского мусульманского населения.

По смешению с другими расами, негрский элемент играет весьма важную роль в составе народонаселения Алжирии, где целые племена, даже среди горцев кабилов, являют черты, свидетельствующие о скрещиваниях между аборигенами морского побережья и суданскими неграми. Может-быть, больше половины алжирцев, как бы они ни назывались, арабами или берберами,—люди смешанной крови. Но в Алжирии редко можно встретить негров чистой расы, без сомнения, потому, что прямые сношения от Средиземного моря до Нигера через алжирскую Сахару почти совсем прекратились. В прежнее время из страны чернокожих приходили многочисленные караваны, приводя с собою свободных людей и невольников, которые затем населяли казармы и гаремы беев: через браки, заключению которых не мешал никакой предразсудок относительно цвета кожи, население постепенно видоизменялось во всей Мавритании. Но с 1848 г. рабство негров отменено, негритянские элементы постепенно уменьшаются, а у переселенцев из Судана, чистокровных негров, дети редко выживают: акклиматизация расы еще не совершилась. Негры, остающиеся в Алжирии, все очень трудолюбивы: они—чернорабочие, землекопы, каменщики, служители, сторожа, часто также колдуны и знахари. В близком будущем, когда Алжирия, теперь еще отделенная от Судана, будет соединена с ним быстрыми путями, иммиграционное движение негров, по всей вероятности, снова примет значительные размеры, так как мало найдется рас, которые бы отличались такою подвижностью и предприимчивостью, как эти народы верхней области Нигера.

Гораздо менее многочисленные в Алжирии, чем в Марокко, евреи имеют некоторую важность в составе алжирского населения только своею крепкою сплоченностью в городах и тем искусством, с которым они умеют притягивать сбережения страны: кроме того они принимают участие в политической власти, благодаря своему титулу французских граждан; но численно они далеко уступают этническим элементам, введенным завоеванием. Европейские иммигранты, составляющие седьмую часть общего числа жителей, являются уже, благодаря рессурсам, которые им дает высшая цивилизация, господствующею расою в Алжирии; даже помимо специального могущества, которое им обеспечивают пользование политическою властью и организация вооруженной силы, они играют роль господ, так как управляют пред-

1 Paul Bataillard, „Notes et questions sur les Bohemiens en Algerie“.

2 Pomel, „Races indigenes de l’Algerie“.

приятиями, раздают работу, платят жалованье. Берберы, коренные жители, и арабы, потомки прежних завоевателей, равно вынуждены обращать взоры к этим новым пришельцам, как к своим инициаторам, даже в тех случаях, когда им не нужно бояться их как властителей. Французы возобновляют дело римлян, но в совершенно иных условиях, существенно измененных ходом истории. За исключением западной Европы и Мавритании, непосредственно прилегающих к океану, римский мир был со всех сторон окружен неведомыми странами, населенными враждебными народами; внешнее давление постоянно чувствовалось на границах, и малейшее ослабление сил во внутреннем организме позволяло этим плотно охватывающим тискам сближать свои ветви: кончилось тем, что они сомкнулись совершенно со времени нарушения политического равновесия, произведенного великим переселением народов. Теперь же цивилизованный мир, который, за неимением другого собирательного имени, можно назвать «европейским», не окружен варварскими населениями; напротив, он сам окружает их поясом, беспрестанно увеличивающимся, проникает в их среду, преобразует их, приносит им новую промышленность и новые нравы. Сообщения установляются через внутренния страны между противоположными берегами континентов. Если не ассимиляция народов, то по крайней мере приобщение их к одной и той же науке, к одной и той же культуре стоит вне всякого сомнения, и это дело пропаганды, сознательной или бессознательной, в областях Северной Африки, выпало на долю переселенцев с побережья Средиземного моря, особенно французов. Римская кровь, как известно, не совсем исчезла в бывших африканских провинциях Нумидии и Мавритании: влияние италийских колонистов продолжается еще в тысяче различных форм, но его невозможно распознать с точностью в этом бесконечном смешении рас; история средних веков в Магребе слишком неясна, чтобы можно было строго проследить преемственность людей и идей. Теперь началась новая эра, благодаря постепенному присоединению варварского мира к области европейской цивилизации, и потомство без труда признает долю труда, совершенную с 1830 года колонизаторами французскими, испанскими, итальянскими. Доля эта уже весьма значительна; год от году вид Алжирии изменяется основанием городов и деревень, увеличением площади возделываемых земель, расширением сети шоссейных и железных дорог. Хотя европейцы составляют еще меньшинство в Алжирии, однако, отпечаток их труда виден уже почти повсюду, от побережья до высоких плато и до границ пустыни.

VII.

Путешественник, проезжающий по Алжирии, удивляется, что тамошние города по виду так мало разнятся от городов Франции, которые он только-что покинул: если бы не пальмы и бамбуки, украшающие публичные сады, да не арабы и мавры, работающие или гуляющие на набережных и улицах, он мог бы спросить себя, не иллюзия ли это, и точно ли он переправился через Средиземное море. Кварталы, которые он посещает, построенные французскими архитекторами, как будто скопированы с кварталов Марсели; почти везде живописные арабские дома замаскированы улицами с правильными и банальными фасадами: иностранец может долго жить в алжирском городе, не имея случая заглянуть в эти лабиринты жилищ, напоминающие о минувшем периоде. Деревни колонистов, тоже французской конструкции, хотя часто построенные на месте арабских местечек с переменою их имен, имеют над селами метрополии то преимущество, что улицы в них шире, дома чище, общий вид приветливее, благодаря садам, аллеям, пестреющим цветами площадям. Что касается арабских селений, то их трудно приметить. Эти кучки палаток или черноватых бараков смешиваются с окружающею почвою или теряются среди кустарника; впрочем, арабы в самом деле старались, да и теперь еще стараются, прятать свои дуары. Они боятся наезжающих «едоков», чиновников или военных, и «прячутся в свои норы», чтобы избавиться от дорогостоющей чести принимать своих господ и угощать их «диффой», или почетным обедом. Вот почему густо населенные местности кажутся безлюдными. Деревни кабилов, приютившиеся на вершинах, больше бросаются в глаза, чем дуары арабов; но и эти селения, такого же серова-

того цвета, как скалы, на которых они лепятся, похожи на естественные выступы горы. Туземное общество обнаруживает свою долю труда в человеческих постройках только мавзолеями святых, куполами с четыреугольным основанием, ослепительная белизна которых резко выделяется из бледно-зеленой листвы маслин.

Но еще очень обширны области Алжирии, где можно ехать долгие часы, не встречая ни одного человеческого жилья. Такова, на плоскогорьях восточной Алжирии, страна, воды которой текут в Меджерду и в её приток, уэд Меллег. Эта область, географически принадлежащая к Тунису, занимает около 7.000 квадратных километров, может-быть, даже около 10.000, если считать соседния пространства с неопределенным скатом: это—возвышенность (от 1.000 до 1.100 метр.), ограниченная на юге северными отрогами Джебель-Ауреса, на севере—лесистыми горами Бени-Салах. Благодаря значительному возвышению почвы, здоровому климату, природному плодородию полей, соединению дорог, которыми во все времена следовали караваны между прибрежьем Средиземного моря, пустыней и Габесским заливом, этот округ алжирской территории, ныне почти безлюдный, есть один из тех, которые обещают самую блестящую будущность колонизации: нигде в Африке, кроме разве Бизацены, римские поселенцы не были скучены в таком большом числе, и оставленные ими руины почти так же многочисленны, как в смежной Тунисской области. Каждый год новые переселенцы направляются к этим высотам, хотя не прошел еще период жизни одного поколения с той поры, как европеец дал первый удар заступа на этих плато. Военная рекогносцировка была произведена там еще в 1841 году, но окончательная оккупация состоялась лишь во второй половине столетия, и долгое время французские резиденты боязливо оставались сгруппированными вокруг фортов.

Три главных племени, подразделяющиеся на множество второстепенных кланов, занимают область плоскогорья: на юге—немемша, в центре—улад-сиди-ягия-бен-талеб, на севере—ганенша, распространяя свои кочевки в пределы тунисской территории; это берберы шауйского и зенатского происхождения, более или менее смешанные с арабами, пришедшими во время гилалийского нашествия в XI столетии. Между ганешами живут еще евреи-земледельцы, и, по общераспространенному в Алжирии мнению, это племя и само некогда придерживалось Моисеева закона: соседи, арабы и берберы, часто дают им обидное прозвище ягуди (иудеи), также как прозвища бен-габеш, или «сыны абиссинцев», и бен-феллаш, или бен-феннаш, «сыны феллата»;—так сохранилось смутное воспоминание о рассеянии евреев: мало-по-малу алжирские берберы узнали о существовании феллаша на эфиопских плоскогорьях[1]. Местечко Калаа-эс-Сенам, стоящее на уединенном плато, на высоте нескольких сот метров над размытой водами равниной, есть крепость ганеншей, которая, при турецком господстве, считалась зависящею от Константинского бейлыка. В 1871 г. это племя возмутилось, но с того времени все спокойно, и колонизация беспрепятственно развивается вокруг городов, которые выстроены французами на месте римских поселений.

Главный из этих городов, Тебесса, заметно растет, хотя ему далеко до могущественной Тевесты, которую он сменил, и от которой еще сохранились величественные памятники. Расположенный на высоте 1.088 метров, напоминающей климат средиземной Европы, у северного основания горного вала, образуемого Джебель-Дукканом и защищающего его от знойных сухих ветров пустыни, обильно снабжаемый водою (главный фонтан дает 2.000 литров в минуту), имеющий, кроме того, обширные леса на соседних горах, ломки мрамора и другие строительные материалы,—Тебесса есть один из тех городов Алжирии, которым, повидимому, предстоит самая блестящая будущность: он уже окружен фруктовыми садами, которые орошаются водами, образующими ниже уэд Гелат, восточный приток Меллега. Тевеста не принадлежит к числу древнейших городов Африки: она основана при Веспасиане, но благодаря своему счастливому стратегическому и торговому положению, быстро сделалась важным городом, с сорокатысячным населением; разоренная вандалами, затем занима-

1 Ab. Cahen, „Metoires de la Societe archeologique de Constantine“, 1869;—Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1874;—Lambert, рукописные заметки.

емая последовательно византийцами, арабами и берберами, она несколько раз получала жителей различного происхождения; до французской оккупации она служила общим рынком всем окружающим племенам. Теперь арабско-французский город, Тебесса все еще импонируют своими руинами римскими или византийскими, своей горделивой оградой, фланкированной тринадцатью башнями, своей прекрасной триумфальной аркой, самой красивой постройкой этого рода, какую нам оставили римские зодчие, своими некрополями, своим водопроводом, который поправлен французами, и храмом Минервы, обращенным в церковь, после того как он служил последовательно мастерскою, складочным магазином и тюрьмой. Большая часть нынешних домов тоже построены из римских фрагментов; французская касба (цитадель), занимающая юго-западный угол первоначальной ограды, вся сооружена из камней, вытесанных колонистами Рима и Византии. Даже дороги, сходящиеся к Тебессе, во многих местах не что иное, как древне-римские viae, только немного реставрированные: на одной из них, которая направлялась к Ситифису, через Маскулу, Тамгад, Ламбезу, Диану, было столько портиков, храмов, водопроводов, что она и теперь еще имеет вид «триумфального пути»[1]. Весьма важно было бы все эти дороги, теперь удобопроезжаемые только в летнее время, привести как можно скорее в исправное состояние, в виду того, что Тебесса является естественным посредником между Боной и Габесом, между Тугуртом и Тунисом. Тебесса связана с сетью железных дорог Алжирии рельсовым путем, который идет через плоскогорья вдоль тунисской границы и, перейдя Меджерду, поднимается к Сук-Ахрас; без всякого сомнения, современем Тебесса будет поставлена также в прямое сообщение с Константиной посредством другой железной линии, проходящей на северо-западе через Аин-Беида: это—место снабжения провиантом для всех военных станций южного Туниса.

К северу от Тебессы нет ни одного центра колонизации до самой Меджерды. В этих странах, где еще видны следы ста-пятидесяти римских городов или местечек, единственные французские посты—*борджи* (крепостцы), построенные с большими издержками вдоль тунисской границы и сделавшиеся почти бесполезными, с тех пор как военное наблюдение перенесено в укрепленный город Кеф, на территории регентства; им даже не суждено было сделаться станциями железной дороги из Сук-Ахраса в Тебессу, и, может-быть, еще не скоро настанет время, когда земледельцы переймут многочисленные источники, теряющиеся в падях плоскогорья. На верхнем Меллеге, который круглый год сохраняет течение, благодаря соседству гор Джебель-Аурес, исходным пунктом земледельческого завоевания страны является деревня Мескиана, служащая этапом на дороге из Константины в Тебессу. Между Мескианой и Тебессой дорога идет по длинному дефилею джебеля Галлуфа, защищенному некогда римским городом. В этой области почва усеяна до-историческими и римскими развалинами: весь край был громадным лесом оливковых деревьев, как о том свидетельствуют прессы для выдавливания масла, остатки которых находят в каждой руине римской фермы.

Сук-Ахрас, главный город пограничного плато, стоит на высоте 700 метров, на скате гор, ограниченном на юге извилистым течением верхней Меджерды. Построенный на месте древней Тагасты, где родился блаженный Августин, епископ Гиппонский, Сук-Ахрас еще в 1852 г. был не более, как военный пост, угрожаемый могущественным племенем ганенша, которое кочевало в окрестных степях. Соседство тунисской границы придавало этому посту некоторую стратегическую важность, но со времени постройки дорог и открытия рельсового пути скромная горная деревня быстро превратилась в цветущий город. Сук-Ахрас, сделавшийся главным внутренним этапом между двумя портами, Боной и Тунисом, всего более напоминает города Нового Света тою горячкой материального прогресса, которая овладела его населением; год от году улицы вытягиваются все далее к железнодорожной станции и, по скатам плоскогорья, к долине Меджерды; земли в окрестностях, продаваемые администрацией или уступаемые в пользование на известных условиях, обращаются в поля и сады; хребты холмов, недавно покрытые кустарником, распахиваются для насаждения винограда; постепенно весь округ заселяется, и переселенцы находят там как бы вторую Францию по

1 E. Masqueray, „Coup d'oeil sur l'histoire de l'Afrique Septentrionale".

обилию вод, здоровости климата, разнообразию и превосходному качеству земледельческих произведений. Центр заселения для плоскогорий восточной Алжирии, Сук-Ахрас является, кроме того, промышленным инициатором для западного Туниса: отсюда будет совершаться мало-по-малу присоединение долины Меджерды к европейскому миру.

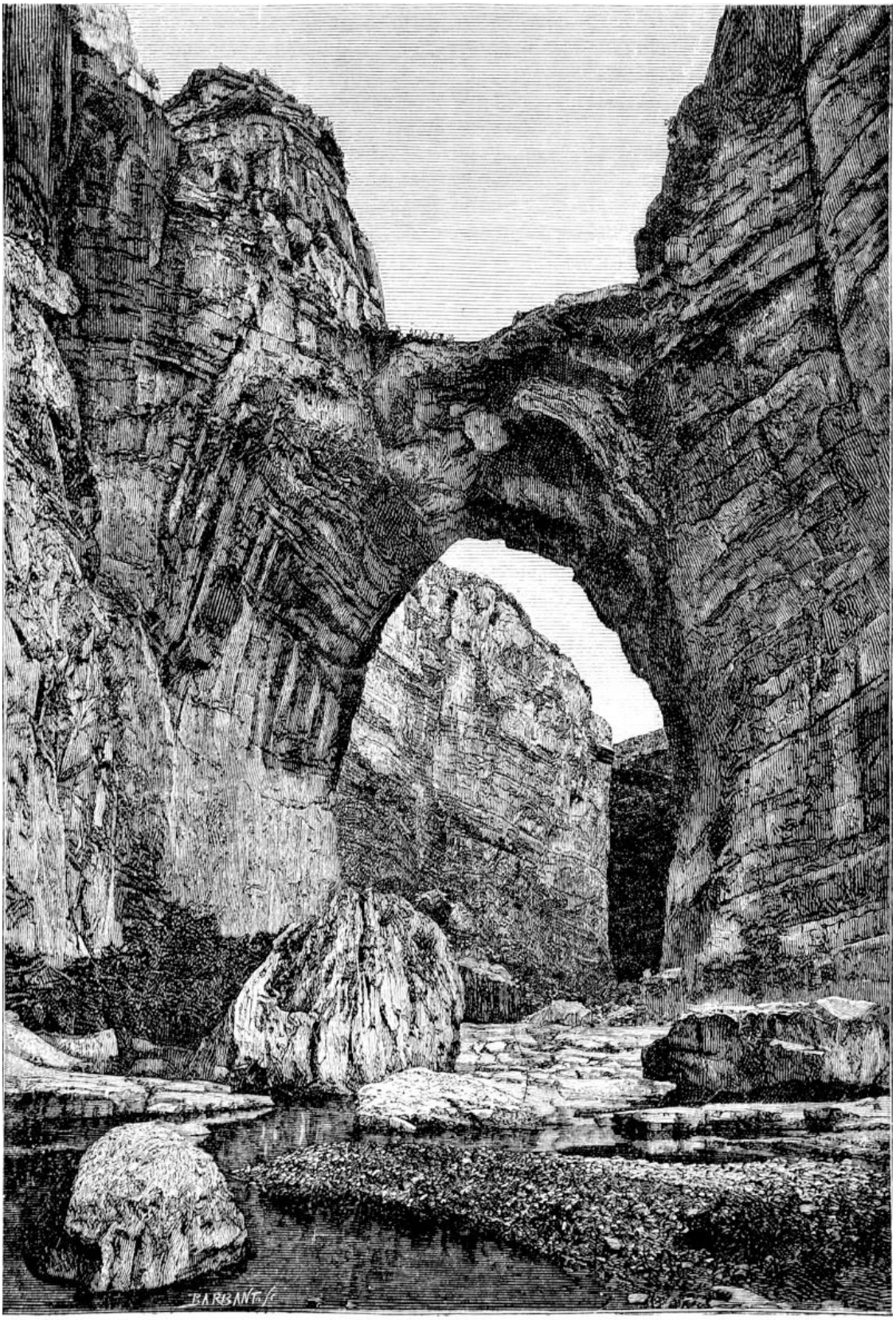
Город новый, Сук-Ахрас сохранил от римской древности только надписи да бесформенные камни; главная его достопримечательность—произведение современной индустрии: это железная дорога, поднимающаяся с берегов Меджерды, чтобы перейти траншеями и туннелем Федж-эль-Мокта гребень гор (778 метр.), на южной стороне города, и спуститься через скалы и леса длинным рядом кривых в долину Сейбузы: немногие местности Алжирии могут сравниться, по красоте пейзажа, с видами, которые открываются взорам путешественника во время этого подъема на горы, когда поезд последовательно переходит из одного климата в другой. Большие леса, которые тянутся к северу от Сук-Ахраса, на высотах Бени-Салах, принадлежат к лучшим в Алжирии, и в прогалинах этих лесов бьют из земли горячие и серные ключи, из которых иные утилизируется. На южных плато, за глубокой впадиной, где течет Меджерда, деревья редки, хребты покрыты травою, на которой пасутся стада племени ганенша; но римские развалины рассеяны там в большом числе: к юго-востоку от Сук-Ахраса, близ Айн-Геттара, геншир Таура стоит на месте древней Тагуры, от которой уцелел храм, преобразованный арабами в форт; на юге, у подошвы зубчатого гребня, круг обломков, Мдауруш, напоминает Мадауру, родину ритора Апулея, город словесников, где св. Августин проходил курс учения, прежде чем отправиться в Карфаген; далее к западу, на том же плато, изрытом ручьями, спускающимися к верхней Меджерде, рассеяны развалины Тифеша, Типазы (Tipasa) римлян. У самых истоков Меджерды, на округлых пригорках расположены руины Хемиссы, которая в римскую эпоху называлась Тубурсикум «нумидийцев»: действительно, между надгробными надписями, найденными среди фрагментов дворцов и храмов, многие носят ливийские или «нумидийския» имена, резко отличающиеся от римских praenomina.

Алжирские общины бассейна Меджерды, с цифрой их населения (1881 г.):

Сук-Ахрас—5.961 ж. (3.840 европейцев и евреев); Тебесса—3.048 ж. (1.009 европейцев и евреев).

Северный склон гор, проходящих на севере от Сук-Ахраса и соединяющихся с тунисскими массивами Хумирии, дает начало нескольким многоводным ручьям, которые все вместе образуют бассейн реки Мафраг. В настоящее время только становища племени бени-ахмар, да несколько французских поселков рассеяны в этом бассейне, очень редко населенном, но которому суждено сделаться одною из многолюднейших местностей Алжирии, судя по обилию дождей и плодородию почвы. Единственный город этого края лежит вне бассейна р. Мафраг, на берегу бухточки Средиземного моря, отделенный от внутренности материка амфитеатром холмов с крутыми скатами. Город этот—Ла-Калле (la Calle). Соседния высоты покрыты лесами, состоящими большею частию из пробкового дуба; только несколько садов и полей образуют узкий пояс вокруг домов. Ла-Калле не раз рисковал бы умереть с голоду, если бы его не выручало чрезвычайное обилие рыбы, живущей в его водах; с другими городами Северной Африки он соединен только бонскою дорогою, впрочем, довольно трудною для проезда в некоторых частях её протяжения. Кажется, что имя la Calle было присвоено бывшему арабскому местечку Мерс-эль-Херраз по причине формы его порта, который походит на «cale», бассейн для починки судов; или, может-быть, название это произошло от слова Калаа, то-есть, «замок». Гавань этой крепости была гнездом корсаров; но уже почти за полтора столетия до завоевания Алжирии скалистый полуостров, на котором стоит первоначальное местечко, сделался французскою землею. С 1560 г. некоторые марсельские негоцианты, учредив компанию под названием «африканской», основали «Французский Бастион» (Bastion de France) недалеко от канала, через который изливается в море излишек вод озера Мелах, и провансальские матросы, служившие при этой конторе, занимались, в пользу компании, ловлею кораллов на соседних берегах. В 1694 г. поселение было переведено в

Мерс-эль-Херраз, сделавшийся портом Ла-Калле, и маленькая колония «дрягилей» (fregatiaires), вербовавшихся главным образом в тюрьмах Франции, продолжала существовать на этой скале африканского берега; доступ женщинам на станцию был безусловно воспрещен.



Природная арка въ Константинѣ.

Во время войн первой империи англичане купили у туземцев контору в Ла-Калле, но в 1816 г. возвратили ее французам. Затем маленький гарнизон провансальской компании снова должен был покинуть порт в 1827 г., когда вспыхнула война между Францией и алжир-

ским деем: оккупация развалин последовала лишь в 1836 г. Новый город выстроился на континентальном берегу, напротив старого местечка.

Несмотря на эту давность занятия французами, Ла-Калле из всех городов Алжирии наименее французский по национальности его жителей: между поселившимися там европейцами три четверти—итальянцы, преимущественно из Неаполя и Сицилии. Ловля кораллов, главный промысел этих вод, до недавнего времени практиковалась исключительно одними итальянцами; почти на всех судах, занятых этим промыслом на коралловых мелях, экипаж состоял из итальянских моряков, уроженцев Торре-дель-Греко. С 1864 г. монополия ловли перешла в другие руки, по крайней мере оффициально; чтобы освободиться от платежа пошлины за патент, многие неаполитанские ловцы приняли французское подданство и, водворившись на постоянное жительство в Ла-Калле, способствовали поднятию торговли этого алжирского города; число судов, посылаемых на мели, быстро возросло; но когда способ ловли изменился и, вместо прежних примитивных снарядов, стали употреблять драгу, мели постепенно опустели, и большинство барок остались без дела. Вообще эксплоатация коралловых банок теперь в упадке в водах Ла-Калле, как и в водах Табарки; ценность вывоза уменьшилась более, чем на половину, как показывают следующие цифры, относящиеся к первому из этих городов: в 1821 г.: 241 судно; 2.600 ловцов; улов: 37.950 кило; ценность: 1.983.000 франк.; в 1882 г.: 150 судов; 1.054 ловца; улов: 19.720 кило; ценность: 983.000 франк.

По счастию, другой промысел—соление сардинок—заменил отчасти коралловую ловлю; в окрестностях города основано три солильни, продукты которых отправляются в Неаполь и во всю Южную Италию. Тамошние рыболовы снабжают также свежею рыбою города прибрежья, но пока Ла-Калле не обзаведется портом, доступным большим морским судам, и не будет соединен с сетью железных дорог, он не может иметь сколько-нибудь важного значения для торговли в собственном смысле. Теперешняя «гавань» его очень опасна: как только ветер немного усилится, волны в виде пенящагося буруна врываются в узкий проход, и суда вынуждены держаться в открытом море, под ударами бури: по целым неделям и даже месяцам порт остается неприступным. Были, правда, предпринимаемы работы по сооружению гавани, но без всякого плана и последовательности. Бухта св. Мартина, к востоку от города, была выкопана, затем завалена, и теперь она наполнена глыбами бетона, оставшимися без употребления. По новому проекту, предполагается продолжить стрелку маяка при помощи криволинейного жете и таким образом защитить вход от ветра и волн. Черная скала, на которую должно опираться проектированное жете, замечательна сотнями круглых ям, наклонных, горизонтальных и вертикальных, которые вырыты круговращательным движением камней, принесенных волнами. Эти «котлы гигантов» так многочисленны и так часты, разделены стенками дотого острыми и разорванными, что далеко не безопасно пробираться по этой скале, просверленной во всех направлениях кружащимися камнями; в некоторых местах котлы сообщаются с морем, и ревущие волны льются в них пенистыми снопами. Внутри материка встречаются подобные же углубления, вырытые некогда морем.

Километрах в десяти к востоку от Ла-Калле, на тунисской границе, деревня Ум-эт-Тебуль, защищенная укрепленным зданием, занимает нижние хребты каменистой горы, очень богатой залежами сереброносного свинца; тут начинается горнопромышленная область, продолжающаяся в Тунисе, в территории племен хумир и нефза. Рудники в Ум-эт-Тебуле, «Матери шлаков», деятельно разрабатываются; около трехсот рудокопов, по большей части пиемонтцев, добывают каждый год от 2.500 до 3.000 тонн руды, которая перевозится по особой железнодорожной ветви на морской берег в Мезиду, где ее грузят на суда. За неимением порта в Ла-Калле, тебульские рудокопы должны были построить собственный амбаркадер у подошвы «Круглой» горы, совершенно правильного конуса, который господствует над выходом канала, проведенного из Гараа-эль-Гут. Область Ла-Калле, Ум-эт-Тебуль и тунисской границы замечательна еще тем, что в её древних некрополях найдены самые большие долме-

ны и наибольшее число двуязычных надписей, латинских и берберских[1].

В бассейне Сейбузы, одном из главных бассейнов Северной Африки, стражем его устья служит город Бона, пятый между городами Алжирии по числу жителей и один из её исторически замечательных городов; в области истоков, река Шерф, главная ветвь Сейбузы, тоже охраняется городом, но это город новейшей формации—Аин-Бинда, «Белый Ключ», или просто Бинда; он основан в 1848 г., и развалины, мегалитовые и другие, находимые в этом месте, не были отожествлены с каким-либо римским постом. Аин-Беида, лежащая на плато, почти на полпути из Константины в Тебессу, обладает теми же выгодами, как и этот последний город: здоровым климатом, плодородными землями, обильными водами. Евреев очень много, больше даже, чем французов, в этом рынке, куда спускаются за покупками горные племена с Джебель-Ауреса: эти еврейские торговцы, между прочим, снабжают мануфактурными товарами могущественный народец гаракта, некогда владевший всею этой частью плоскогорья и центральной впадины, называемой Гараа-от-Тарф, куда изливаются во время дождей многочисленные ручьи, берущие начало на плато и в долинах Ауреса. Племя гаракта, численность которого определяют в 30.000 душ, сделало большие успехи в культуре: очень многие семьи из кочевников обратились в оседлых жителей, и верблюды уже заменены у них рабочими волами. На северо-западе от «Белого Источника» находится другой важный рынок этого племени, Ум-эль-Буаги, где выделывают кадки и другую деревянную посуду, отправляемую даже в отдаленные местности.

Уэд Зенати, называемый обыкновенно Гамдан, образует, вместе с уэдом Шерф, реку Сейбузу. В верхней его долине, еще нездоровой и посещаемой периодически лихорадками, главная община—город того же имени, Уэд-Зенати. Это большое местечко, быстро растущее, окружено хребтами, покрытыми травой, но лишенными древесной растительности; впрочем, теперь разводят деревья в лощинах и по скатам вокруг каждого жилища. Земли Уэд-Зенати, Аин-эр-Регада, Аин-эль-Абид и всего тамошнего округа были уступлены казною одной финансовой компании и составляли, вместе с несколькими разбросанными островками, громадное имение в 100.000 гектаров, в том числе около 75.000 гектар. в одной меже. Небольшая часть этого пространства была продана, но утилизируемые земли почти все сдаются в аренду или в наем поселенцам-исполовщикам. Вокруг каждой деревни селятся колонисты, поля и сады которых представляют резкий контраст с обширными невозделанными пространствами, служащими еще выгоном для скота.

Несколько домов и железнодорожная станция расположились на берегу уэда Гамдан, недалеко от слияния его с Шерфом; поселение это носит название Гаммам-эль-Месхутин, то-есть «купальни проклятых». В этом месте русло ручья захвачено окаменелым водопадом, около десяти метров высоты, который трудно видеть во всем его объеме по причине выпуклой формы, которую приняла эта масса известковых слепков. Ниспадая рядом маленьких каскадов, которые беспрестанно меняют место, вследствие постепенного наростания скалы, вода отложила из водоема в водоем свои разноцветные инкрустации, красные, фиолетовые, синеватые, серые, местами ослепительно белые, как недавно выпавший снег. По ступенькам, высеченным в камне, с боку дымящагося водопада, можно взобраться на вершину кручи, откуда низвергаются ключи, вытекающие с клокотанием из воронкообразных отверстий в известковой коре, синеватой, как трещины ледника; над кипящими источниками поднимаются столбы пара, колеблемые ветром и попеременно то скрывающие, то открывающие окружающий пейзаж—оливковые деревья в долине, поросшие травой скаты холмов и волнистый профиль гребней гор. Ключи в Гаммам-эль-Месхутин очень обильны: они выбрасывают 1.650 литров в секунду,—объем воды, какого не дают ни один из горячих источников Франции; в то же время температура их чрезвычайно высока—от 90 до 95 градусов Цельзия: окрестные арабы пользуются этими фонтанами для варки пищи и для мочки растения дис, из волокон которого вьют веревки. Инкрустации, довольно крупного зерна, отлагаются так быстро, что для поддержания рыбных садков, устроенных по сторонам каменного водопада,

1 Reboud;—Judas;—Letourneux;—Mercier;—E. Renand, „Revue des Deux Mondes“, 11 sept. 1873.

приходится беспрестанно проводить новые канавки. Позади катаракта, на плато, высятся сероватые конусы, от которых источники и получили свое настоящее название «Проклятых бань». Конусы эти, как гласит легенда,—персонажи кровосмесительной свадьбы, обращенные в камень: деревья, выступы скал, бугры изображают головные уборы, покрывала, развевающиеся мантии, и не нужно обладать особенно пылким воображением, чтобы представить себе свадебный поезд гигантов. Эти естественные обелиски свидетельствуют об уменьшении деятельности в извержении фонтанов: в эпоху образования конусов, воды, более обильные, имели большую силу подъема и могли взлетать на 5 метров над их нынешним уровнем при выходе на поверхность. Позади этого передового фронта травертинового каскада, та же горная порода, отложенная горячею водою, занимает взброс пласта, около 2 километр. длиной, направленный с юга на север, и на этом пространстве виднеются другие осадочные конусы, другие застывшие водопады и обрушившийся свод, на дне которого расстилается подземное озеро; все эти многочисленные источники пропадают без пользы в оврагах. Термальные воды Гаммам-эль-Месхутин утилизируются в военном госпитале и в гражданской больнице, посещаемой преимущественно евреями; нет сомнения, станция «Проклятой бани» рано или поздно получит первостепенную важность в терапевтике Алжирии. Римское её имя Aquae Tibilitanae (Тибилитанские воды) происходит от города Тибили, или Аннуна, развалины которого находятся верстах в десяти к юго-западу, на дороге, соединяющей деревни Клозель и Уэд-Зенати; неподалеку оттуда, одна скала, Гаджар-эль-Хенга, покрыта странными изваяниями, между которыми различают людей, собак, быков и страуса[1]. На севере от Гаммам-эль-Месхутин, по другую сторону цепи голых холмов, лежит местность Рокниа, усеянная доисторическими памятниками; скалы там покрыты долменами и изрыты бесчисленными (более трех тысяч) могильными склепами, известными у туземцев под именем *ганут*, или «лавки»; из этих усыпальниц извлечено много скелетов, очень любопытных для антропологического изучения рас Алжирии.

По соединении выше Меджез-Ахмара или «Красного Брода», две реки, Шерф и Зенати, образуют Сейбузу, которая течет извилинами через луга и поля. На одном из холмов правого берега, за каменными стенами и густою зеленью, прячется городок Гельма, наследник имени, если не местоположения, римской Каламы, где еще в пятом столетии говорили «пуническим языком». Чистенький и хорошо построенный, на общей границе арабской и берберской территорий, Гельма, между второстепенными городами Алжирии, один из самых приятных; виноградники, покрывающие скаты холмов, и масличные рощи, окаймляющие берега Сейбузы, образуют вокруг него зеленеющий пояс. Хорошенькия деревни, Айн-Тута, Гелиополь, Миллезимо, Пети, раскиданы в долине. В окрестностях Гельмы есть минеральные источники; самые обильные и наиболее утилизируемые из них—ключи Гаммам-эль-Беида, в 9 километр. к северо-востоку, в бассейне, который окружают римские руины, обвитые гирляндами листвы.

Живописная деревня Дювивье господствует над правым берегом Сейбузы, против станции, где расходятся две железные дороги, алжирская и тунисская. Благодаря удобству сообщений и плодородию почвы, европейские поселения довольно многочисленны в нижней долине Сейбузы. Барраль, Мондови, славящийся своим табаком, Дюзервиль, занимают западный склон; Уэд-Бесбе, Мерде или Комб, Зеризер, Рандон, Моррис, Бландан, окруженные рощицами, расположились в восточной равнине; на западе, в долине Мебуджи, притока Сейбузы, виднеется местечко Пантьевр. Усадьбы, фермы встречаются все чаще и чаще, по мере того, как приближаешься к Боне: перед входом в этот город тянется целое предместье, принадлежащее к его округу. Следующий факт дает понятие об успехах колонизации и перемене вида этой местности: от Боны до Константины, на пространстве 200 километров, в 1837 году, во время победоносной экспедиции французов, существовало одно только строение—марабут (мавзолей) Сиди-ибн-Темтам, близ уэда Зенати. Другие здания, видневшиеся

1 Ch. de Vigneral, „Ruines romaines de l'Algerie".

по сторонам дороги, в нескольких километрах от неё, тоже были гробницы[1].

Бона, сохранившая римское имя Гиппоны (Убба карфагенцев), стоит не на том месте, где находился этот древний город. Hippo Regius, где знаменитый епископ Августин провел тридцать-пять лет, и который разрушили вандалы в следующем после его кончины году (431), был расположен в 2 километрах от нынешнего города, на холме, с которого открывается чудный вид на расстилающуюся внизу зеленеющую равнину, по которой извиваются серебристою лентою речки, окаймленные деревьями и садами, и на синее море, над которым высится могучий конус горы Эдуг. Несколько развалин, последних остатков бывшей Глизиа-Руми («церковь римлян»), рассеяны еще по скату Гиппонского холма, и недалеко от его основания, мост, перекинутый через Буджему (Бу-Джемаа), приток Сейбузы, покоится на римских фундаментах. Постоянное приращение аллювиальной равнины, образуемой наносами Сейбузы, вероятно, и заставило выбрать для города место севернее руин Гиппоны: порт, находившийся две тысячи лет тому назад у подошвы холма, был постепенно отодвинут к северу, и суда, вместо того, чтобы заходить в естественную, но мелководную гавань, которую представляло устье Сейбузы, должны были бросать якорь в море, под мало надежною защитою скалы, на которой теперь расположена Бонская касба (цитадель). Арабский город построился на скатах этой горки, но после французского завоевания это пространство было недостаточно для принятия переселенцев, стекавшихся со всех сторон, и за стенами ограды, оказавшейся слишком тесною, вырос целый город, протянувший свои широкия, веерообразно расходящиеся улицы в низменной равнине, которая простирается к Сейбузе. Между старыми и новыми кварталами тянется красивый бульвар, от моря до холма, обсаженнаго деревьями, который скоро будет частию скрыт для того, чтобы можно было продолжить аллею далеко в поле. Благодаря чистоте своих улиц, хорошо поливаемых, благодаря своим тенистым гульбищам и прекрасным садам, Бона—один из самых приятных городов Алжирии, один из тех, которые наиболее отличаются промышленною и политическою инициативою. Местопребывание Гиппонской академии, Бона проявляет даже некоторое научное и литературное движение. Она оспаривает у Константины первенство в восточной Алжирии и заранее присвоивает себе титул главного города департамента Сейбузы[2]. Арабское её имя Блед-эль-Гунеб (Аннаба) значит «город ююб»: прежде эти деревца, теперь замененные апельсинными и другими фруктовыми деревьями, окружали городские стены поясом зелени.

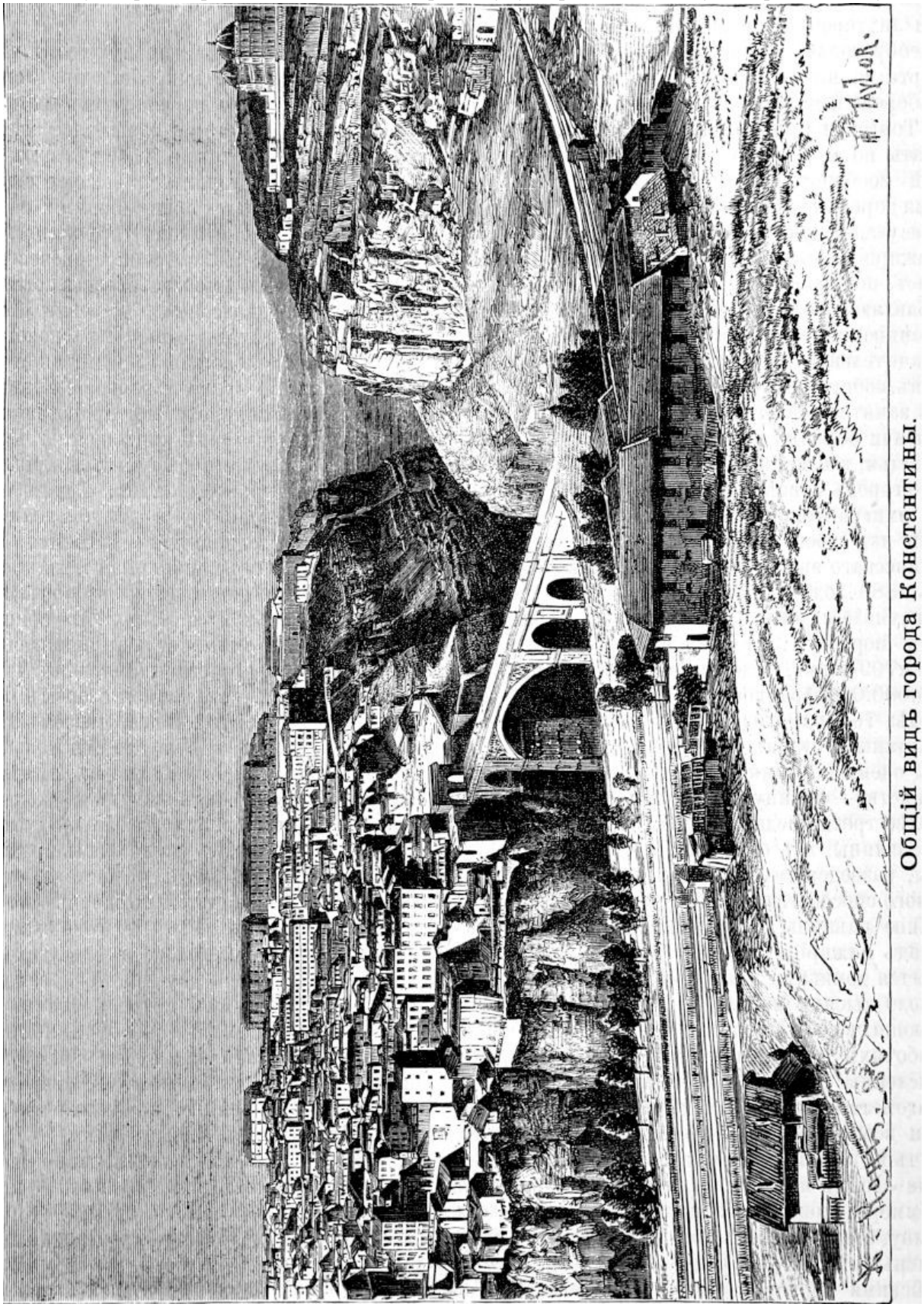
Как приморский порт, Бона имеет большие преимущества: рейд её, хорошо защищенный от западных и северо-западных ветров мысом Гард, был известен морякам в средние века, и несмотря на пиратские экспедиции, предпринимавшиеся с той и другой стороны, специальные конвенции охраняли европейских мореходов,—пизанских, флорентийских, генуэзских, каталонских, марсельских—которые в разные эпохи или одновременно вели меновую торговлю с бонскими маврами: дважды, в 1152 и 1535 гг., этот город даже подпадал под власть христиан. Занятая французами в 1830 году, затем покинутая и снова взятая окончательно в 1832 году, Бона сделалась одним из главных рейдов для эскадр на алжирском берегу, но к устройству в ней порта приступили только после бури 1835 года, выбросившей на берег одиннадцать кораблей. Нынешняя гавань, один из редких бассейнов Алжирии, где большие морские суда, сидящие в воде от 5 до 6 метров, могут причаливать к набережной, занимает площадь в 10 гектаров, а передовой порт, защищенный от волнения открытого моря жете длиной около 800 метров, занимает площадь в 70 гектаров; но возрастающие потребности торговли, которая ведется главным образом с Алжиром, Марселью, Тунисом, требуют также увеличения пространства, удобного для якорной стоянки. Землистые частицы, приносимые водами Сейбузы, осаждаются тысячами кубических метров в бассейнах, и суда не всегда могут безопасно входить в порт, когда море взволновано: большие корабли, грузящие железную руду, принуждены доканчивать нагрузку в передовом порте при помощи лихтеров и шаланд. Теперь занимаются преобразованием большей части внешнего порта во второй бас-

1 Falbe et Grenville Temple, „Excursion a Constantine, a la suite de l'armee francaise".

2 O. Niel, „Carte du futur departament de la Seybouse".

сейн и обведением его набережными, отвоеванными у моря.

Торговля Боны, естественно, должна возрастать по мере того, как сеть удобных путей сообщения будет расширяться и железные дороги будут проникать в глубь страны: связующий



Общій видъ города Константины.

пункт рельсовых линий Туниса и Алжирии, Бона важнее даже, чем город Тунис, по размерам товарного движения, направляющагося через её железно-дорожную станцию, и через её порт вывозится весьма значительная часть земледельческих продуктов, собираемых в бас-

сейне Меджерды. После занятия регентства французскими войсками, тысячи бонцев устремились в Тунис искать счастья, и одно время можно было опасаться, что город совсем опустеет; но большинство эмигрантов вернулись на родину, и теперь они из своего города управляют движением тунисского экспорта. Торговое движение Боны в 1883 году выразилось следующими цифрами: число судов, прибывших и вышедших из порта, 1.231, общая вместимость их 512.709 тонн, годовая ценность оборотов—60.000.000 франков; в 1891 г. было в приходе: 763 парохода, в 548.945 тонн, и 346 парусных судов, в 17.694 т. Население Боны очень смешанное; между европейцами большинство—французы, но они составляют не более трети числа жителей; за ними следуют итальянцы; из европейцев особенно мальтийцы, разведением садов и дренажем почвы, много способствуют постепенному ассенизированию равнины и превращению её в чудный «сад Алжирии», который мало-по-малу покрывается домиками и виллами. В городе живет около тысячи кабилов и мзабитов, снискивающих себе пропитание в качестве чернорабочих и носильщиков. Испанцы немногочисленны в Боне, а бывшие господа края, магометане, составляют не более шестой части всего городского населения; несколько тысяч их, почти исключительно кабилы, имеющие своих марабутов, своих законников, коммерсантов, также и своих ростовщиков, живут за городом, в грязных, но живописных лугах (гурби), обсаженных варварийскими смоковницами и образующих большое пригородное село или предместье, известное у французов под именем «Beni Ramasses» (сброд). Так возникали в Галлии, во времена римского владычества, деревни канабенсов: это было генерическое имя, даваемое всем жителям групп сапавае или хат, образовавшимся в соседстве полей. Таково было происхождение, на границах империи, городов, которые впоследствии поднялись на степень муниципий: можно указать, между прочим на Argentoratum и Aquincum, нынешние Страсбург и Буда[1].

Пользуясь столькими преимуществами между алжирскими городами, Бона представляет еще ту выгоду, что в соседстве её имеется великолепный санаторий или дачное место, в горах Эдуг, которые господствуют над нею с западной стороны, и высокие скаты которых напоминают почву Франции своей растительностью—каштаном, орешиной, лещиной; впрочем, преобладающая древесная порода—пробковый дуб, который и эксплоатируется всего деятельнее. Деревня Бюжо и многие другие группы домов, расположенные близ гребня и водопровода, питающего Бону, привлекают во время летнего сезона множество посетителей, которые приезжают туда для восстановления сил, уменьшенных расслабляющим воздухом равнины; нельзя, однако, не удивляться, что станция Эдуг еще не оценена по достоинству, и что её долины, замечательно плодородные, остаются почти без жителей. С вершины на всем пространстве, которое можно окинуть взором, видишь только деревья и кустарники в обширном массиве гор и холмов, постепенно спускающемся с одной стороны к морю, с другой —к низменности, занимаемой озером Фецара; на северном берегу, между мысом Гард и мысом Железным, существует только одно населенное место—маленькая гавань Эрбильон (Такуш), где живут несколько рыбаков. Южный склон Джебель-Эдуга более населен, благодаря железным рудникам Мокта-эль-Гадид, которые доставляют превосходную руду, почти так же высоко ценимую, как далекарлийская, и содержащую 62 процента чистого металла; в шахтах работает более тысячи рудокопов. Годовая добыча, далеко превосходящая потребности местных заводов, составляет около 400.000 тонн (свыше 24 милл. пуд.), на сумму 7 миллионов франк., и продукты её отправляются не только во Францию, но также в Англию, в Нидерланды, в Новый Свет. В 1873 году, который был годом наиболее деятельной эксплоатации, рудники дали в сложности 845.000 тонн руды. Что касается залежей, очень богатых, меди и цинка, находящихся в Аин-Барбате, в самом сердце Эдуга, то они более не разрабатываются, по причине крайней трудности перевозки руды.

Менее, чем в полверсте к югу от рудников Мокта-эль-Гадид, расположено большое село Аин-Мохра, к сожалению, выставленное вредным испарениям Фецары, озера или, вернее, болота, средняя глубина которого не превышает 2 метров. Это, очевидно, остаток древнего

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

залива, который продолжал нынешний Бонский залив равнинами, теперь обсохшими, рек Мафрага и Мемуджи: наносы Сейбузы и других речек равнины постепенно расширили перешеек, разделяющий море и восточную оконечность первоначальной бухты; но дно озерной впадины было мало-по-малу поднято отложением наносов, так как оно теперь лежит на 11 метров выше уровня Средиземного моря. Может-быть, засорение каналов, через которое уходила вода, задержало жидкую массу в озере Фецара и повысило его уровень, или даже было причиной образования этого озера; последнее предположение всего вероятнее, если правда, что найдены развалины в глубокой части бассейна. Как бы то ни было, часто поднимался вопрос о том, чтобы опорожнить озеро Фецара и таким образом приобрести для земледелия и правильного орошения 12.700 гектаров, которые оно покрывает своими водами и грязями; инженеры даже систематически вели, в течение многих лет, работы по осушению этого пространства; но зимние дожди снова завоевали осушенные земли. Однако, не трудно было бы углубить русло Мебуджи до уровня ниже Фецары и спустить всю воду из озера в нижнюю Сейбузу. По крайней мере, болотистый пояс сузился с прорытием обводного канала, идущего вокруг озера, и с насаждением эвкалипта и других деревьев; впрочем, эти плантации во многих местах погибли вследствие гниения корней. Летом почти вся котловина озера пересыхает, и поверхность её покрывается бесконечною сетью трещин: отсюда и название Гараа-эль-Фецара, или «Потрескавшийся пруд», которое дали этой водной площади[1].

Рудники и местечко Аин-Мохра соединены с Бонским портом железною дорогою, которая проходит через узкий пролом, разделяющий два массива, Эдуг и Белелита; порог прохода лежит на высоте всего только 35 метров. Дорога эта скоро будет продолжена на запад к станции Сен-Шарль, на рельсовом пути из Константины в Филиппвиль; легко можно бы было продолжить ее также к морю, так как Аин-Мохра лежит на высоте всего каких-нибудь тридцати метров, на пороге между бассейном озера Фецара и покатостью уэда Эль-Кебир или Сангеджа. Чтобы достигнуть Филиппвиля, эта железная дорога должна бы была обогнуть мыс Филфила, очень богатый железной рудою; знаменитые фильфильские мраморы, которые эксплоатировались римлянами, представляют большое разнообразие оттенков, от белаго статуйного до белого крапчатого. Ожидают только постройки пути, чтобы возобновить работы в ломках.

Главные полноправные общины на северо-востоке и в бассейне р. Сейбузы: Бона—31.000 жит.; Ла-Калле—7.000; Гельма—6.000; Уэд-Зенати—14.000; Рандон—6.000; Дюзервиль—3.000; Аин-Мохра—3.000 жит.

Бассейн уэда-эль Кебир, обнимающий всю область, обитаемую берберскими племенами зердеза, реджата, санхеджа, к западу от озера Фецара, и воды которого изливаются в залив, защищенный Железным мысом, имеет довольно значительный европейский город; это Жеммап, окруженный полями, виноградниками и фермами. В Алжирии мало найдется местностей, которым можно бы было предсказать такую счастливую земледельческую будущность, как плодородным и обильно орошаемым долинам Жеммапского округа. Племя санхеджа, давшее свое имя небольшой реке, сохранило название, которое некогда носила могущественная нация зенага. В 3.500 километрах оттуда, имя реки Занега или Сенегал представляет другое доказательство обширного распространения берберской расы, после того, как она была рассеяна арабами.

За бассейном Санхеджи следуют, в западном направлении, бассейны Сафсафа и уэда Гебли; но в этой области естественные водоскаты не совпадают с географическими бассейнами: труд человека во многих случаях изменил первоначальную экономию страны; так, железная дорога из Константины в Филиппвиль связала бассейн Сафсафа с бассейном Румелля, и отныне эти два бассейна образуют одно целое, несмотря на цепи гор, составляющие водораздельную возвышенность. Филиппвиль сделался устьем всего торгового потока, который в высоких плато, где берут начало Руммель и Бу-Мерзуг, направляется по гужевым и железным дорогам из Гельмы, Тебессы, Батны, Сетифа. Жители Константины называют «Спус-

1 O. Mac-Carthy, „Africa“, 1881, № 4.

ком» (Гедерат) всю страну, заключающуюся между их городом и морем.

Константина, главный административный пункт восточного департамента и третий город Алжирии, есть один из знаменитых городов Африки: благодаря своей сильной военной позиции, он естественно должен был сделаться крепостью с тех пор, как начались войны между жителями страны, то-есть с самого начала жизни человечества. В первые времена мавританской истории он является под именем Сирты, которое, кажется, означало «крепость»; название Константины, сохранившееся в арабском языке под формой «Ксантина», было дано ему в честь Константина Великого, в начале четвертого столетия; значительные развалины на скале города и в окрестностях свидетельствуют о важности, которую приобрела столица Нумидии центр римского господства во всей Северной Африке. Но такой сильный город, естественно, должен был привлекать к себе, как особенно желательная добыча, всех завоевателей: никакая победа не могла считаться решительною, пока не была покорена главная твердыня; по преданию, Константина была, в разные времена, взята неприятелем восемьдесят раз. Старожилы помнят еще две последние осады—1836 и 1837 годов. Первая, предпринятая в начале зимы, с недостаточными силами, кончилась гибельным отступлением; вторая —торжествующим приступом. С этого времени французы имели твердую точку опоры внутри восточного Телля, и все местные возмущения, лишенные центра сопротивления, были заранее обречены на безуспешный исход. Удалившийся в Джебель-Аурес, после потери своей столицы, Ахмед-бей, константинский паша, тщетно пытался продолжать войну; окруженный со всех сторон французскими войсками, он принужден был изъявить покорность, в 1848 году.

Собственно город занимает столообразную, слегка покатую скалу, северный выступ которой поднимается на 640 метров, тогда как южный мыс лежит на 110 метров ниже. В целом эта терраса образует довольно правильную трапецию, имеющую около 3 километров в периметре, и стороны которой обращены на юго-восток, северо-восток, юго-запад и северо-запад. Две первые стороны круто обрываются над Руммелем; северо-западный бок—тоже почти отвесный на большей части своего протяжения; только юго-западный фас соединен с остальными плато перешейком около 300 метров ширины, которым французские солдаты и воспользовались, в 1837 году, чтобы установить осадные батареи и повести приступ. Непосредственно к югу от бреши, холм понижается, образуя обширный цирк, над которым высится вертикальная стена скалы, занимаемой Константиною. В самом углу скалистого мыса, на высоте 70 метров над ущельем, в котором исчезает Руммель, стоит небольшой купол Сиди-Рашед; отсюда арабы некогда сбрасывали прелюбодеек.

Перед вступлением в узкое ущелье, которому «воздушный город» обязан своей военной силой, Руммель, или «река Песков», соединяется с Бу-Мерзугом, «рекой, несущей плодородие». Переход от ярко освещенной долины в мрачную аллею между скал совершается внезапно. Ручей, вдруг съуживающийся, течет мимо заведения горячих вод, приютившагося в углублении скалы, затем проходит под аркой «Чортова моста» и убегает пенящимися стремнинами в извилистое ущелье. С краев пропасти не видно потока, скрытого поворотами оврага; выступы скал, выдвинувшиеся соответственно от одного утеса до другого и прерываемые там и сям вертикальными корридорами, мешают взору спуститься до дна пучины, где кружатся ласточки.

Пять мостов соединяли некогда две губы пропасти: от четырех из них остались лишь бесформенные фрагменты; пятый, построенный на восточном углу Константинской скалы, постоянно отстраивался за-ново, и под его большою железною аркадою, перекинутою на высоте 105 метров французскими инженерами, залегают один на другом обрывки стен всех эпох, начиная от времени Антонина Пия. Тотчас за мостом Руммель исчезает под сводом скал; овраг обращается в узкую разорванную ложбину, со дна которой доносится журчание каскадов; в 500 метрах ниже ручей выходит из этих темных галлерей, и с той и другой стороны утесы спускаются отвесно до дна ущелья; только уединенная арка, естественный свод, поражающий правильностью формы, соединяет еще две противоположные стены. Здесь раз-

рыв почвы представляет наиболее грандиозный характер: стены, окрашенные в разные цвета и местами нависшие, вздымаются на высоту слишком 200 метров, поддерживая на вершине несколько строений; прежде тут находились «три камня», помещенные на кефе Шекора, или «скале Мешка», с высоты которой паша сбрасывал зашитых в мешок жен или невольниц, от которых хотел отделаться[1]. Внизу поток делится на несколько рукавов между камнями, затем, достигнув выхода ущелья, низвергается тремя последовательными водопадами в нижнюю долину, обширный зеленеющий цирк, усеянный мельницами и домиками, исполосованный белыми дорогами, которые спускаются крутыми зигзагами. От водопадов Руммеля можно пробраться на некоторое расстояние в дефилей, но исходящее оттуда зловоние отбивает всякую охоту предпринять такую экскурсию. Как легко вообразить на основании ходячей поговорки: «в других местах вороны гадят на людей, а в Константине—люди на ворон», овраг был превращен в городскую клоаку, в сток для нечистот. Нельзя не пожелать, чтобы город из уважения к самому себе и к окружающим его чудесам природы позаботился очистить ущелье Руммеля и облегчить доступ к нему посетителям.

Дома тесно скучены на глыбе камня над глубоким и безмолвным ущельем Руммеля. На севере расположены военные постройки: казармы, госпиталь, арсенал, касба, или цитадель. Во время штурма Константины, арабы пытались спуститься на веревках, держась один за другого, в пропасть, зиявшую у них под ногами, но веревки оборвались, и трупы нагромоздились у подошвы скалы, в виде кровавых пирамид: спасли только нескольких детей, которых матери инстинктивно приподняли, вытянув руки к верху. На юге касбы пересекаются правильные улицы европейского квартала; евреи обитают, на восточной окраине, в лабиринте неровных улиц; около центра группируются мзабиты; на юге, в нижнем городе, кишат арабы в лабиринте закоулков и дворов, куда европейцы обыкновенно ходят не иначе, как с проводником. Слишком стесненные в своем квартале, арабы распространились за городскую черту и покрыли своими живописными хижинами откос горы близ западных ворот. В этом становище царствует такое же оживление, как на улицах и площадях Константины. Скученное в тесном пространстве население загромождает улицы и площади; почти все ремесла, особенно кожевенная промышленность, составляющая специальность Константины, практикуются под открытым небом; можно насчитать сотни кожевников, седельщиков, сапожников. Последние занимают целые улицы; они делятся на две корпорации, из которых одна занимается приготовлением мужской, а другая—женской обуви.

Хотя арабы в Константине численностью уже уступают европейскому населению, усиленному в несколько тысяч человек, однако они все еще образуют довольно сплоченные группы, так что здесь лучше можно изучать национальные и религиозные нравы, чем во всяком другом большом городе Алжирии: различные братства, особенно братства аиссауа, имеют в среде здешних арабов многочисленных последователей. Но мало найдется городов, где бы смерть с такою ужасающею быстротою косила туземное население. Неделю за неделей, смертность постоянно превышает рождаемость, и несколько раз в день движение на улицах прерывается похоронными процессиями: над толпою, разнообразно одетою в белые костюмы, медленно двигается гроб, покрытый яркими материями; оспариваемый носильщиками, он переходит последовательно с плеч на плечи, качаясь словно барка на море.

В Константине нет замечательных памятников строительного искусства. Из существовавших некогда девяносто-пяти мечетей уцелели очень немногие, да и те утратили свой первоначальный вид после перестройки по плану европейского архитектора; цитадель приняла чисто казарменный вид, но в наружных стенах её вставлены драгоценные надписи. Главный административный центр провинции, где собрано около десяти тысяч писаных камней, Константина обладает также археологическими коллекциями, и на площади Вале, находящейся вне пролома, выставлены римские статуи, бюсты, амфоры, могильные или вотивные (воздвигнутые по обету) камни. Самое достопримечательное здание города и одно из интереснейших мавританских жилищ в Алжирии—это дворец последнего дея, Ахмеда, занимаемый

1 Ch. Feraud, „Tour du Monde“, 1877, 1-er semestre.

теперь штабом французского гарнизона: снаружи это просто собрание невзрачных домишек, но внутри он заключает богатые колоннады, украшенные изваяниями, изразцами, даже фресками, а прекрасные сады его представляют приятный контраст с движением и шумом окружающих улиц. Недалеко от этого дворца, господствующего над необозримою панорамою нижней долины Руммеля, расположились, на северо-западном краю утеса, новые муниципальные постройки, где собираются городской и департаментский советы, а также географическое и другие ученые общества. Прокладка широких улиц и срытие частных домов, заменяемых публичными зданиями, все более и более уменьшает пространство, предоставленное на Константинской скале гражданскому населению, вследствие чего последнее принуждено выселяться в быстро разростающиеся предместья, которые уже захватили земли, занятые некогда внешними кварталами древней Цитры. Вокруг холма Кудиат-Ати, античного некрополя, выстроился непрерывный пояс домов. В видах приобретения новых мест для постройки, недавно решено срыть эту горку и вынутую землю свалить в южный овраг, внизу арабского города: перешеек пролома будет таким образом значительно увеличен, и новая Константина, более правильная, чем старая, может выстроиться вне городских стен. Предположено также построить по крайней мере один новый мост через овраг, чтобы соединить южную часть города с дачными местами, с садами Сиди-Мабрук и с промышленным кварталом железнодорожной станции, который раскинулся на восточной террасе, у подошвы высокого укрепленного холма и казарм Мансура. На севере, скала Сиди-Месид слишком высока, чтобы разростающийся город мог захватить ее в свою черту; там теперь стоит только одно здание—большой гражданский госпиталь, к сожалению, остающийся недоконченным уже многие годы; он окружен кладбищами и плантациями.

В окрестностях население Константины отдыхает и освежается в очаровательных местах прогулки. На юге прекрасные деревья осеняют берега Руммеля, Бу-Мерзуга и их притока, близ которого виднеются пять высоких аркад древнего водопровода, построенного, вероятно, в царствование Юстиниана и замененного теперь подземными трубами. На севере Константины, затерянные в гнезде зелени, при основании крутых откосов Сиди-Месида, бьют из гротов и трещин скалы четыре ключа теплой воды, часто посещаемые любителями загородных прогулок; арабы и еврейки приходят туда по пятницам купаться и совершать обряды, напоминающие культ источников; однажды в год негры справляют там «праздник» коршунов, бросая, при звуках тамбурина, куски мяса прожорливым птицам, гнездящимся в соседних скалах. Ниже, на правом берегу Руммеля, рассеяны, среди деревьев, дачи и мельницы селения Гамма, через которое протекают живительные воды обильного горячего ручья. За деревней Аин-Керма, вниз по течению, долина суживается и образует Хенег, или «Дефилей», дикое ущелье, похожее на Константинский пролом. Над проходом, на скале, связанной с соседними горами узким перешейком, некогда стояла крепостца, носившая имя Тидди, как обнаружила одна древняя надпись, найденная при раскопках; недалеко оттуда, на правом берегу Сменду, восточного притока Руммеля, находится одна из замечательнейших римских гробниц Алжирии—монумент Лоллиев. Наконец, на западе от Константины, тянутся гребни джебеля Шеллата, усеянные римскими руинами: крепостцами, храмами и гробницами. Эльзасские колонисты, главные центры поселения которых—деревни Руффаш, Аин-Керна, Бельфор, Альткирх и другие, утилизировали в многих местах римские развалины для постройки своих жилищ.

Средоточие обширной торговли, не только для местного потребления, но также для вывоза хлеба и других продуктов, Константина является соединительным пунктом многих железных путей. Впрочем, рельсы этих различных дорог сходятся не на самой станции Константины: бифуркация линии из Гельмы в Тунис происходит близ важнейшего в восточной Алжирии рынка для продажи скота—деревни Хруб или Хоруб, то-есть «Развалины», где действительно видны кое-какие остатки старины, менее, однако, замечательные, чем римские фрагменты и мегалиты, находящиеся к юго-востоку оттуда, на плоскогорье. Железная дорога из Аин-Беиды и Тебессы отделится от главной линии у деревни Улад-Рамун, недалеко от истока Бу-Мерзуга, постоянно изливающего слишком 500 литров в секунду. Наконец,

две южные линии—линия пустыни и линия Сетифа—разделяются в Эль-Герра. На востоке от этого поселка, железная дорога из Алжира, направляющаяся к западу без больших изгибов, приближается к верхней долине Руммеля, где следуют один за другим несколько центров европейской колонизации: Аин-Смара, Уэд-Атмениа (Уэд Отманиа), Шатодэн, Кульмье, Саадуна, которую игра слов переделала в Сен-Дона (св. Донат), Паладин, Сент-Арно. Деревня Сегган, имя которой переделано по-французски в Сеген или Уэд-Сеген, лежит в боковой долине Руммеля, между этим потоком и железною дорогою. Абд-эн-Нур или «Служители света», кочевавшие в верхней долине Руммели до прибытия французских колонистов, перешли по большей части к оседлой жизни. Дома их встречаются в перемежку с усадьбами европейцев, и между ними есть немало хороших земледельцев, фермы которых окружены прекрасно возделанными полями и снабжены современными земледельческими орудиями. Впрочем, эти «служители света» в большинстве—берберского происхождения, и их совершенно ошибочно причисляют к арабам. Они происходят главным образом от кетамов, к которым примешались шауйа с Джебель-Ауреса, кабилы из Джурджуры, сахарцы и немного арабов: очень многие из них имеют белокурые волосы и голубые глаза. В половине настоящего столетия большая часть их говорили еще берберским языком, которого нынешнее поколение уже не понимает[1]. Племя абд-эн-нур сильно пострадало от голода в 1868 году; теперь в числе около двадцати тысяч душ, оно снова заселяет свою обширную территорию, «ковер в сорок сажен длины», как они ее называют по сравнению с маленькими «коврикаами» соседних племен.

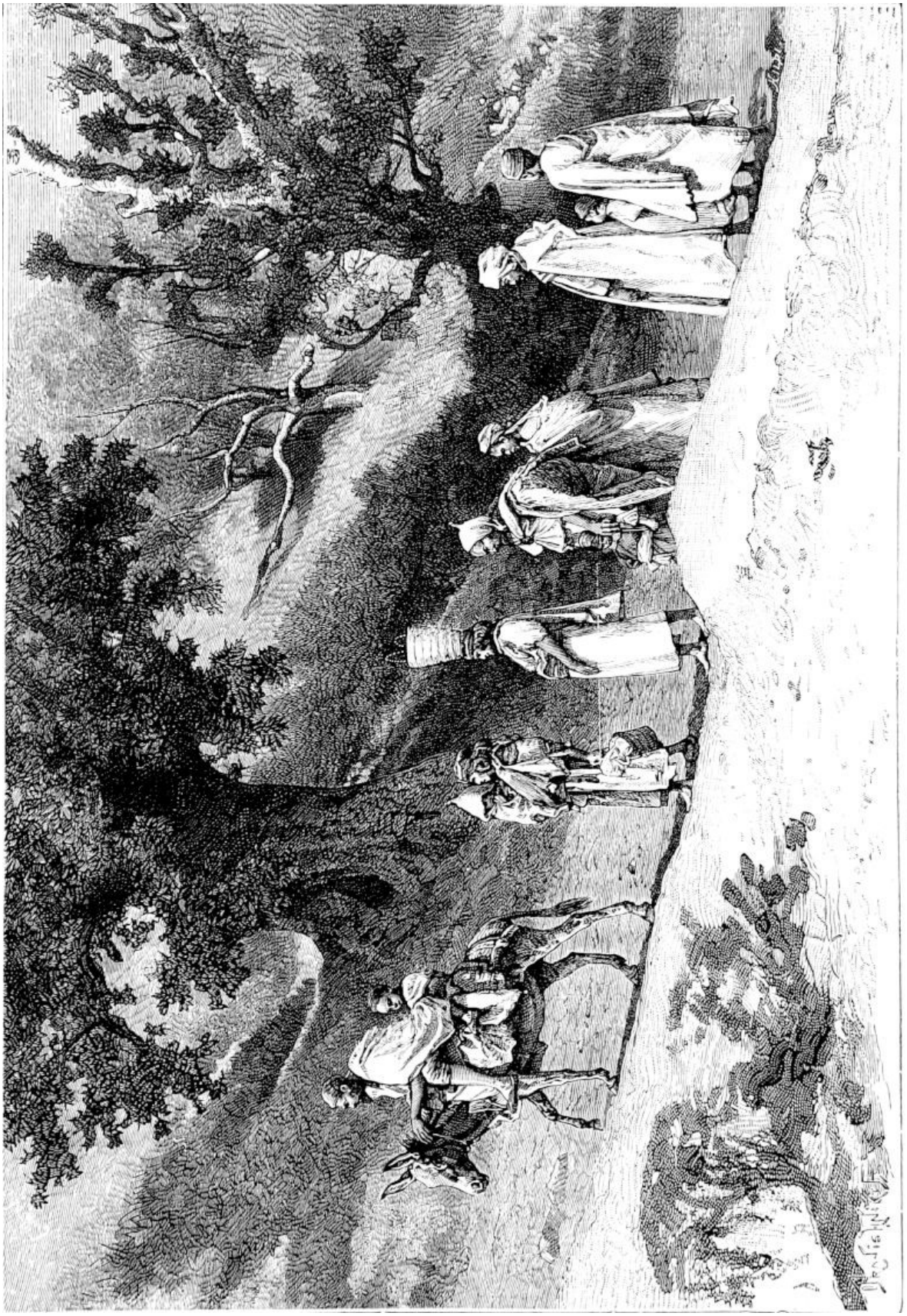
Железный путь из Константины к морю удаляется от долины Руммеля и идет извилистою линиею по склону гор, затем, достигнув Масличного перевала, в общине Эль-Кантур, спускается с этих высот в равнины Сафсафа, почти совершенно необитаемые до французской оккупации. На пространстве от Константины до раздельного порога следуют одна за другой, вблизи дороги, две большие деревни—Бизо и Конде-Сменду; но в соседстве перевала высокие хребты, покрытые пастбищами, почти пустынны, и поселки общины Эль-Кантур прячутся в лощинах. Городок эль-Гарруш, прежде пользовавшийся дурною славою за его нездоровый климат, тоже лежит вдали от железной дороги, среди масличных плантаций и садов, орошаемых водами Сафсафа. Соседния деревни, Робертвиль, Гастонвиль, теперь цветущие группы населения, начали свое существование в 1848 г., как настоящие больницы для прокаженных: парижские колонисты, добровольные изгнанники, прельщенные заманчивыми благами, которые им сулили за-морем, нашли только нищету и лихорадку в этом новом отечестве, которое им описывали как рай земной, и большинство их пало в борьбе с неблагоприятными условиями. Но упорный труд поселенцев с течением времени ассенизировал почву и увеличил производительность земель. Деревни нижней долины, Сент-Шерль, Сент-Антуан, Димремон, Вале, принадлежат к числу богатейших в Алжирии: мало найдется местностей, где бы культура винограда сделала большие успехи, чем на холмах, прилегающих к этим поселениям.

Филиппвиль, морская пристань Констатины и один из самых оживленных портов алжирского побережья,—не новый город, как можно бы было предполагать, судя по его имени: это город финикийский, Рус-Ликар, или «Огненный мыс»[2], название которого было изменено римлянами в Rusicada, и затем восстановлено арабами в форме Рас-Скидда—у берберов Тасикда. Когда французы в 1838 г. высадились на берег Рузикады, чтобы основать там пристань для снабжения войска провиантом, гораздо более близкую к Константине, чем Бона, служившая для этой цели до того времени, они нашли в этом месте только лачуги, приютившиеся у подножия полуразрушенных стен: место, занимаемое древним городом, было куплено у туземцев за 150 франков. С той эпохи большинство древних памятников исчезли, систематически разрушаемые для постройки огромного четыреугольника валов, который тянется вдоль гребня холмов на восточной стороне города, заключая внутри дома и об-

1 Ch. Feraud, „Notices et memoires de la Societe archeologique de Constantine“, 1864.

2 Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1875;—Gesenius:—von Maltzan, „Drei Jahre im Nord-Westen von Afrika“.

ширные пустыри; уцелели только руины театра, частию высеченного в скале, многочисленные цистерны, очень красивые мозаики и различные древности, собранные в музее: статуи и бюсты, урны, надписи.



Кабильская семья въ пути.

Город построен в овраге, между двух горных хребтов: на западе—джебель Бу-Яла, на востоке—джебель Аддун. Главная улица, обставленная по всей длине домами с арками, занимает ложе бывшего уэда, и с той и другой стороны поперечные улицы поднимаются в

гору, либо крутыми всходами, либо уступами в роде лестницы. Этим расположением улиц Филиппвиль представляет некоторое сходство с центральною частью Ла-Валетты, главного города Мальты; но он не отличается ни той же чистотою, ни той же красотою архитектуры. Со стороны моря город оканчивается высокою террасою, откуда видишь у себя под ногами эспланаду железнодорожной станции, завоеванную у моря, обширный бассейн порта, окруженный жете: внутренняя гавань имеет площадь около 19 гектаров, а передовой порт, еще недостаточно защищенный, занимает более значительное пространство. Филиппвильский порт посещается большим числом судов, особенно каботажных: по прибрежному судоходству, он оспаривает первенство у Орана и Алжира. Известно, как боялись моряки заходить в Филиппвильский залив до сооружения молов, ограждающих ныне гавань от волнения моря. В то время суда должны были бросать якорь в 4 километрах к северо-западу, в бухте Стора, бывшем «порте генуэзцев», довольно хорошо защищенном от западных и северных ветров. Но во время больших бурь и шквалов якорная стоянка в Сторе становилась очень опасна, и нередко суда были выбрасываемы на берег. Местные моряки до сих пор помнят ураганы 1841 и 1854 годов, после которых в рейде остались только обломки и палубы без мачт. Движение судоходства в портах Филиппвиля и Сторы в 1883 году: судов в приходе и отходе 1.581, общая их вместимость 649.984 тонны, ценность обмененных товаров 86.000.000 франк.

Маленький порт Колло—Хуллу (Chullu) римлян, Куллу туземцев—занимает такое же положение, как Стора: рейд его тоже защищен от западных и северо-западных ветров высоким мысом, и во все времена служил часто посещаемым местом пристанища для судов: важность этого убежища, представляемого бухтою Колло, увеличивало еще соседство мыса, часто трудно переходимого, грозного мыса Себаа-Рус, или «Семиглаваго», известного также под именем Бу-Горун, или «Гора с рогами», которое моряки переделали в Буджиароне. Римляне, поселившиеся в Хуллу, завели там мастерские для окраски материй в пурпур. Во все продолжение средних веков Колло был значительным торговым пунктом, где пизанцы, генуэзцы и марсельцы закупали и грузили на корабли зерновые хлеба, воск, мед, деревянное масло, кожи и другие продукты, привозимые кабилами; в 1282 году этим городком овладел Петр Аррагонский; в семнадцатом столетии французско-африканская компания имела там одну из важнейших своих контор. После взятия Константины, был поднят вопрос об основании в естественном порте Колло морской пристани этого города, но окончательно выбор остановился на Рузикаде, как более близком пункте (хотя разница только в нескольких верстах), после чего маленькое кабильское местечко утратило всякое торговое значение. Французы заняли Колло лишь в 1843 году. Если теперь этот хорошенький городок развивается, то он обязан этим разработке естественных богатств окружающей страны: в равнине, по берегам уэда Эль-Гебли, тянутся сады и масличные рощи; на скатах гор, над которыми господствует величественный джебель Гуфи, возвышающийся на 1.400 метр., эксплоатируют леса пробкового дуба; залежи сереброносного свинца доставляют руду; неаполитанские матросы ловят в заливе мириадами сардинок и других рыб, которых солят в особых заводах, устроенных на берегу; по размерам этого промысла, Колло соперничает с Ла-Калле и Сторой. Главное, чего недостает этому приморскому городу, чтобы приобресть ту важность, какую ему обеспечивает его счастливое положение у выхода плодоносной долины,—это удобных сообщений: он связан с остальным миром только прибрежными пароходами да дилижансами, ходящими вдоль морского берега до Филиппвиля. Другая дорога, называемая проезжею, соединяет его со станцией Робертвиль, на Константинской железной дороге; во всех же других направлениях единственные пути сообщения—дикия горные тропинки. Движение судоходства в порте Колло в 1883 году: 709 судов, имевших общую вместимость 130.895 тонн.

Незначительная речка, уэд Зур, единственная в Алжирии, где ловится форель, ограничивает на западе массив Бу-Горун[1]. Далее встречаем более обильный поток, впадающий в Сре-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Constantine“, dec. 1883.

диземное море к западу от гор Колло, который хотя и носит громкое имя «уэд эль-Кебир», или «Великая река», есть, однако, не что иное, как продолжение константинского Руммеля. Казалось бы, нижняя долина реки, протекающей через многолюдный город, столицу провинции, должна быть усеяна городами; на самом же деле поток этот пересекает местности, почти пустынные, ниже своего слияния с уэдом Сменду, или, по крайней мере, обитатели его берегов, почти исключительно кабилы, не имеют селений, которые были бы приметны издали; их хаты смешиваются со скалами или прячутся в чащах растительности. Европейские резиденты здесь еще очень малочисленны: жизнь сосредоточилась около станций филиппвильской железной дороги, ставшей, вопреки естественным покатостям, выходом провинции. Но, по всей вероятности, торговля земледельческими произведениями скоро изменит вид долины уэда эль-Кебир, и особенно берегов его западного притока, Энджи, где многочисленные руины напоминают о долгом пребывании римлян.

Близ истоков этой речки, эль-Джемила, или «Хорошенькая», *Cuicului* древних, представляет теперь груду развалин, среди которых стоит еще несколько памятников: триумфальная арка, театр, языческий храм, христианская базилика. Ниже, в соседстве слияния Энджи и уэда эль-Кебир, основались самые многолюдные местечки новейшей формации, Зерая и Мила. Это последнее, титулуемое городом, построено на высоте почти 500 метров, на северном отроге горы Кахала (эль-Ахал, или «Черный»); кабильский квартал состоит из домишек, сооруженных по большей части из материалов, уже бывших в употреблении в римских постройках: почва там представляет конгломерат развалин до глубины семи или восьми метров[1]. Одна из соседних деревень, Сиди-Меруан, единственная в Алжирии по происхождению её жителей, населена греками, потомками тех майнотов, которые эмигрировали в Каргезу, в Корсике, около конца семнадцатого столетия; они отличаются между всеми другими колонистами строгою честностью и отвращением ко всякого рода тяжбам. У самого основания холма, на котором расположено село Сиди-Меруан, соединяются две названные речки, Энджа и эль-Кебир. Ниже этого слияния пока еще нет французских поселений, если не считать военный пост эль-Милиа, на верху крутой горы правого берега, построенный в 1858 году, чтобы держать в повиновении кабильское население этой лесистой территории, очень удобной для засад. Вся область Бабора, простирающаяся на запад от уэда эль-Кебир до окрестностей города Бужи, известна вообще под именем Малой Кабилии: это гористая и лесистая страна, одна из богатейших местностей Алжирии по красоте пейзажей, но довольно трудно доступная для всяких других путешественников, кроме пешеходов. В Малой Кабилии не существует даже колесной дороги к Джиджелли, приморской пристани этой живописной области побережья.

Джиджелли, который носит еще едва измененное древнее ливийское имя Игильгили, переданное надписями, ведет свое начало с первых времен истории. Усыпальницы, высеченные на скале вдоль берега, обязаны своим происхождением финикийским поселенцам, как доказывает совершенное их сходство со склепами некрополей в Сирии. Процветавший в римскую эпоху, Джиджелли продолжал быть важным торговым центром при византийцах и при арабах; затем, попав во власть христианских купцов, он долго был самой оживленной факторией на этом берегу. Уже сицилийские норманны овладели им в двенадцатом веке; после них пришли пизанцы, потом генуэзцы, которых выжил, в 1514 году, знаменитый Барбаросса. С того времени до завоевания Алжирии французами Джиджелли оставался во власти турок, ибо две экспедиции, одна под начальством Санта-Круца в 1611 году, другая под предводительством герцога Бофора в 1664 г., не привели ни к чему, кроме разрушения нескольких кабильских лачуг и кратковременного изгнания магометанского гарнизона; но торговля Джиджелли пришла в совершенный упадок, и самый город снова приобрел некоторое значение, в начале этого столетия, только как гнездо корсаров. Джиджелли был уже бедным местечком, когда французы заняли его в 1839 году, и оставленный там многочисленный гарни-

1 Cherbonneau, „Excursion dans les ruines de Mila“.

зон оставался запертым и отрезанным от оккупационной армии до 1852 года, эпохи, когда окрестныя племена были покорены и восстановилось беспрепятственное сообщение с Сефитом и Константиной через горы Бабор. Французские колонисты стали селиться в соседстве Джиджелли только после восстания 1871 года, когда земли некоторых возмутившихся племен были отобраны в казну.

Древний Игильгили стоял на побережье южнее нынешнего города; арабский город, напротив, занимал узкий скалистый полуостров, соединенный с твердою землею песчаным мысом; турецкия укрепления еще существуют, заключая казармы и груды развалин, остатки домов, разрушенных землетрясением 1856 года. Французский город, с прямыми улицами, обсаженными платанами, был построен на юге от полуострова, в равнине, расстилающейся у подошвы холмов; окружающая его каменная ограда с бастионами оканчивается на юго-восточной стороне фортом Дюкен, построенным на высоком каменистом мысе. Джиджелли—один из самых здоровых городов алжирского берега, благодаря отсутствию утренних туманов, окутывающих Алжир и другие города побережья; этой привилегией он обязан, без сомнения, свободному движению морских ветров, которые, вместо того, чтобы ударяться о холмы Джиджелли, отлагая свои пары, проникают далеко вглубь материка через долину уэда Джинден[1]. Джиджелли окружен прекрасными садами, которые возделываются иностранными колонистами, испанцами и мальтийцами, и в соседстве, на дороге в Константину, следуют одна за другой две богатые деревни нового основания, Дюкен и Страсбург, или Джинден. Эти маленькие центры колонизации, и еще более кабильские поселения в соседних горах, питают торговлю Джиджелли, доставляя лесные продукты, шерсть, кожи и зерновые хлеба. Порт, уже хорошо огражденный от западных ветров, очень легко мог бы быть защищен от бурь и волн с северной стороны: ряд подводных камней, в роде того, какой расположен перед рейдом Триполи, тянется, начиная от утесов полуострова, на расстоянии около версты до глубины 20 метров, так что самые большие суда могли бы находить безопасное пристанище в той части рейда, которая защищена этим естественным жете; остается только запереть каменной кладкой бреши и обвести жете набережными, но эта работа, уже начатая, не может иметь важного значения, пока не будут окончены постройкой дороги из Джиджелли к внутренним городам. На острове, близ восточной оконечности гряды подводных скал, поставлен маяк. Движение судоходства в порте Джиджелли в 1883 году: 454 судна, общая вместимость 178.372 тонны.

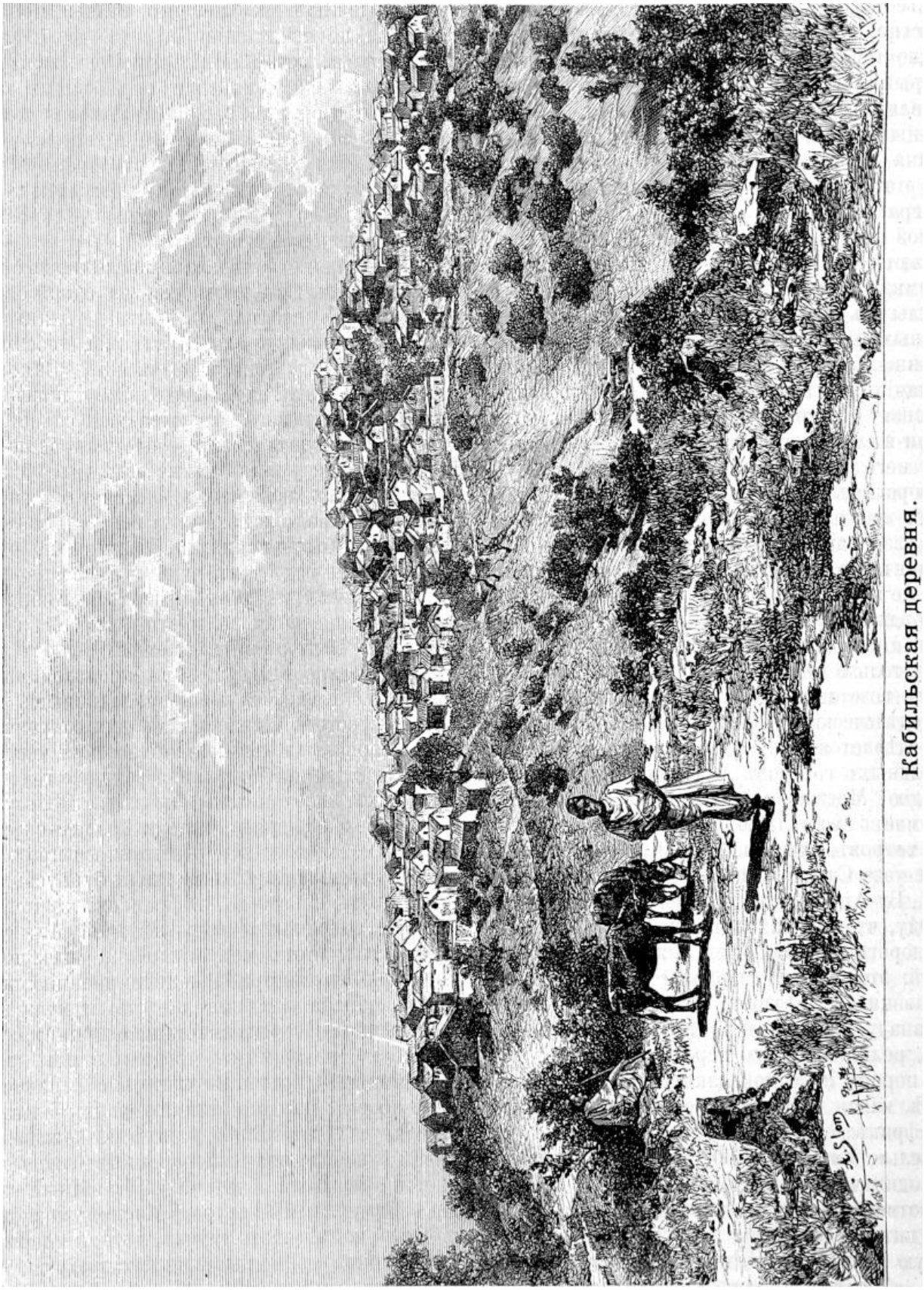
Главные «полноправныя» общины долин Сафсафа, уэда эль-Кебир и соседнего прибрежья:

Константина (1896 г.)—47.770 ж.; Филиппвиль (1896 г.)—19.515 ж.; Конде-Смеду—12.000 ж.; Бизо—7.000 ж.; Эль-Хруб—7.000 ж.; Мила—7.000 ж; Руффаш—7.000 ж.; Узд-Атмениа—5.000 ж.; Робервиль—5.000 ж.; Джиджелли—5.000 ж.; Гамма—4.000 ж.; Сент-Арно—4.000 ж.; Эль-Гарруш—3.000 ж.; Улад-Рамун—3.000 ж.; Гастонвиль—3.000 ж.; Дюкен—3.000 ж.; Эль-Кантур—3.000 ж.; Сиди-Меруан—3.000 ж.; Сен-Шарль—2.000 ж.; Аин-Смара—2.000 ж.; Колло—2.000 жит.

Город Сетиф, лежащий на высоте около 1.100 метров, на длинном холмистом плато, отделяющем береговые горы от массива Годна и Джебель-Ауреса, принадлежит к бассейну уэда Сахель, реки, образующей на юге и востоке циркумваллационный вал Большой Кабилии; Бу-Селлам и другие притоки уэда Мельх, который по длине течения может считаться главною ветвью уэда Сахель, берут начало в окрестностях Сетифа, в красноземе плоскогорья. Ситифида (Sitifis) была римскою колонией и, благодаря своему центральному положению, в пункте схождения многих дорог, она сделалась, в четвертом столетии, столицей одной из Мавританий. Когда французы прибыли в край, ограда и внутреннее укрепление были в довольно хорошем состоянии, так что пришельцы могли окопаться там, не опасаясь нападений со стороны туземцев. В течение десяти лет, с 1837 до 1847 г., Сетиф был только военный пост, затем небольшая гражданская колония поселилась рядом с казармами, и город стал

1 Camille Sabatier, рукописные заметки.

быстро расти и развиваться, благодаря здоровому климату и плодородию почвы, по крайней мере в ложбинах, получающих достаточную долю влажности. Сетиф приобрел важное значение преимущественно как рынок для сельско-хозяйственных произведений, а в соседстве



Кабильская деревня.

его выросло несколько цветущих деревень. Прежде в этих необозримых пустынях, где теперь несколько, шпалер зелени возвещают присутствие европейских групп населения, существовало только одно дерево, боярышник, прозванное солдатами «Сетифским тряпичником»,

по причине бесчисленного множества лоскутков, которыми его обвешивали, в виде приношений, туземные пилигримы. Некоторые из деревень плоскогорья обязаны своим происхождением одной женевской колонизационной компании, которая получила от французского правительства слишком 20.000 гектаров отборных земель. Это общество теперь уже само не ведет хозяйства, как оно пробовало делать это в начале, но сдает земли в пользование европейцам или туземцам за арендную плату или известную долю урожая; оно заменяет собою казну, в качестве крупного землевладельца. Положение дел женевского общества колонизации в Сетифе к 31 декабря 1884 года представлялось в следующем виде: общая площадь земель 15.677 гектаров; из этого числа 14.576 гектар. в культуре и 1.101 гектар. в залежи; ценность имения: 5.500.000 франк.; доход в 1884 г.: 439.617 франк.: население: 2.982 туземца и 265 европейцев.

После Сетифа, самая многолюдная община этого округа—Аин-Абесса, лежащая на скатах массива Магрис, между двух горных дорог, которые ставят Сетиф в прямое сообщение с портом Бужи, одна—через Такитунт, Керрату и ущелья Табабора, в Шабет-эль-Акра, другая—через Аин-Руа и уэд Гергур. Обе эти дороги, замечательные как памятники инженерного искусства, представляют при спуске с плоскогорий на прибрежье пейзажи грандиозной красоты. Еще неизвестно. какому направлению будет отдано предпочтение для постройки железного пути, который будет вывозить продукты страны, избавляя грузы от необходимости делать длинный крюк на Алжир или Константину. Долина Агриуна, по которой, вероятно, пройдет этот новый путь, составляет естественную границу между западной Кабилией, населенной цивилизованными берберами, которые обитают в домах относительно чистых, и дикими восточными местностями, где живут кабилы в крайней бедности, помещаясь в грязных берлогах, крытых соломой и вымазанных коровьим калом; да и эта орнаментация применяется скупо и только внутри жилища[1]. Агриунское ущелье есть в то же время и глоссологическая граница: к востоку от него говорят арабским, к западу—берберским языком. Тамошния горы изобилуют залежами железа, меди, свинца, которые разрабатываются кабилами племени бени-слиман; во многих долинах встречаются горячие ключи.

Бордж Бу-Арреридж, город новейшей формации, возведенный в муниципальную общину только в 1870 г. и вновь отстроенный после восстания 1871 года,—тоже цветущий земледельческий центр и, без всякого сомнения, сделается современем одним из значительных городов Алжирии, благодаря плодородию Меджанской равнины, которой он занимает восточную оконечность, на высоте 915 метров, близ водораздела между притоками уэда Сахель и притоками Ходны. Кроме того, Бу-Арреридж имеет за собою еще ту выгоду, что он находится на середине железной дороги, соединяющей Алжир с Константиной: это будет главная станция для скрещивающихся поездов. В 12 километрах к западу, между станциями Эль-Ашир и Мансура, рельсовый путь переходит через горный порог по самой длинной подземной галлерее, какая в настоящее время существует в Африке: это так называемый «Пальмовый туннель», имеющий 3.000 метров протяжения от одних ворот до других. До общего умиротворения Алжирии позиция борджа Бу-Арреридж представляла капитальную стратегическую важность. Недалеко оттуда открываются «Железные ворота», дефилеи горной цепи Бибан, через которые плоскогорья сообщаются с долиной Сахеля: там находится ключ ко всем территориям, лежащим на юге Большой Кабилии. Оттого крепкие замки этой страны заботливо охранялись племенами. Во время прибытия французов все признавали верховную ленную власть могущественного рода Улад-Мокран и платили ему дань; взимаемые главным шейхом налоги, простиравшиеся, по исчислению Каретта, до 700.000 франков в год, помещались в торговлю всей Кабилии и приносили ему большие проценты. Оттого-то улад-мокраны, желая сохранить за собою свой liste civile и свое высокое положение, и поспешили признать французскую власть; они подали сигнал к восстанию только в 1871 году, когда узнали, что грозит опасность их привилегиям.

В 25 километрах по прямой линии к северо-западу от Бу-Арреридж, на одной скале

1 Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

цепи Бибан стоит, на высоте 1.200 метров, главная крепость страны, носящая имя Калаа (Гала или Гела), то-есть «Замок» по преимуществу: это один из редких кабильских городов, окруженных сплошною стеною. Цитадель богатого племени бени-аббес, Калаа служила также местом убежища для всех, искавших спасения от гнева деев и их вассалов. Когда герцог Бофор вынужден был покинуть Джиджелли, одна из оставленных им пушек была перевезена в Калаа, где она была взята обратно французами два века спустя, в 1871 году. Акрополь всей страны, главный рынок для торговли оливковым маслом, производимым Кабилией, Калаа служила складочным местом окрестным племенам для сокровищ и для зерновых хлебов: благодаря чистоте воздуха, пшеница сохранялась долгие годы в корзинах, сплетенных из альфы. Пользуясь полною безопасностью, жители Калаа и окрестностей могли спокойно предаваться промышленной деятельности; они ткали бурнусы высокой цены, от 30 до 35 франков за штуку, которые находили сбыт во всей Алжирии. Промысел этот сохранился до сих пор, несмотря на иностранную конкурренцию: женщины, обрабатывающие шерсть, и мужчины,, сшивающие материю, никогда не принимаются за работу, не вымыв предварительно рук мылом. Этою роскошью чистоты и опрятности бени-аббесы выгодно отличаются от большинства других кабилов; у них в каждой деревне существуют мыловаренные заводы. К востоку от Калаа, другой укрепленный городок, Замура или Земмура, «Масличная роща», подпал под власть турок, которые держали там гарнизон, чтобы защищать свои сообщения между плоскогорьем и портом Бужи. Население этого города и теперь еще состоит в большей части из кулугли.

В западной части бассейна уэда Сахель, Омаль, древняя Авзия (Auzia) римлян, занимает такую же стратегическую позицию, как в восточной части города Сетиф и Бу-Арреридж: стоявший там турецкий гарнизон наблюдал за дорогами, направляющимися от уэда Сахель к Шелифу через равнины племен ариб и бени-слиман, и командовал верхним бассейном территории Иссер. Французы водворились там только в 1846 году, но они сразу оценили стратегическую важность этого пункта, и груда развалин, называвшаяся Сур-эг-Гозлан, или «Оплот Газелей», скоро сделалась, под именем Омаля (Aumale), одною из самых твердых опорных точек военной оккупации во внутренней Алжирии. Город лежит на высоте 850 метров, в цирке гор, где берет начало эль-Акаль, один из притоков уэда Сахель, и с юго-западной стороны над ним господствуют высокие хребты джебеля Дира, сочные травы которого питают столько стад, что арабы, как некогда евреи Ханаана, говорят о «молочных ручьях», текущих с этих гор. Омаль—один из важнейших рынков Телля для обмена зерновых хлебов береговой области на произведения плоских возвышенностей—шерсть, кожи, циновки и корзины из альфы, финики, живой скот. Но, помимо этой меновой торговли, Омаль, оставленный в стороне от сети железных дорог,—город мало оживленный; он состоит всего только из одной длинной улицы, прерываемой по середине общественным садом; там нашли большое число фрагментов, изваяний и надписей, остатков римской Авзии. В окрестностях рассеяно несколько колонистских поселений; самые многолюдные из них—Бир-Рабалу, на северо-западе, в равнине Ариб, и Аин-Бессем, на северо-востоке, на дороге в Буиру.

Бордж Буира, или «крепость Малого Колодца», перестал быть военным пунктом; по крайней мере, форт, стоящий на холме, между городом и станцией железной дороги, теперь не занят войском; легкость сообщений, на боковой дороге, огибающей массив Большой Кабилии, и создание значительного центра колонизации позволили вывести гарнизон. Ниже, в долине Сахеля, крепостца Бени-Мансур еще занята военным отрядом. В этом месте от главной железнодорожной линии из Алжира в Константину отделяется ветвь к городу Бужи; тут же по близости живут различные племена, еще недавно повиновавшиеся могущественной и грозной фамилии Улад-Мокран; кроме того, необходимо наблюдать за дорогою, поднимающейся на север к кедрам Талараны и к перевалу Тирурда, и проникающей в высокий массив Большой Кабилии. На востоке, по другую сторону долины, следуют одно за другим местечки трудолюбивых бени-аббесов и поселения мирных бени-айделей, пользующихся доброю славою за редкую заботливость, которую они прилагают к содержанию в порядке своих жилищ и мечетей. Далее идут земли племени бени-хиар, затем земли санхеджей, кото-

рые носят славное имя древнего союза берберских племен.

Новые поселения, основанные французскими колонистами, следуют одно за другим в довольно большом числе в нижней долине Сахеля, и некоторые из них очень живописны, с их белыми домами и красными крышами, выглядывающими сквозь листву больших деревьев. Между этими деревнями, из которых каждая имеет запасной водоем, фонтаны и широкия аллеи или бульвары, самая значительная—Акбу, оффициально называемая Мецом. Эта группа жилищ, военный и административный центр почти стотысячного населения, лежит на высоком хребте, к западу от долины Сахеля, называемого также уэдом Акбу, и при выходе дороги, пока еще не проезжей, которая спускается из Большой Кабилии через горный проход Шеллата. Римские развалины встречаются во всех частях долины, а на половине дороги из Акбу в Бужи, между Сиди-Аиш и Эль-Ксар (Биче), они сплошь покрывают почву: отрывки стен, надгробные камни, остатки мощеных плитой дорог, подземных галлерей, зданий; тут стоял в древности Tubusuctus. До сих пор этот могущественный римский город, лежащий в развалинах, еще не имеет себе преемника в виде французского городского поселения: внутри его иззубренных временем стен, среди масличных рощ, приютились только небольшие деревни Таурирт-Игиль, Аит-Гана, Тимери и Тиклат. Из новых местечек, основанных в нижней долине, самое многолюдное—Реюньон, главный пункт обширной общины Фенайя, состоящей частию из земель, конфискованных в 1871 году, после восстания. Самая богатая часть страны—земельная собственность кабильского племени бени-бумессауд.

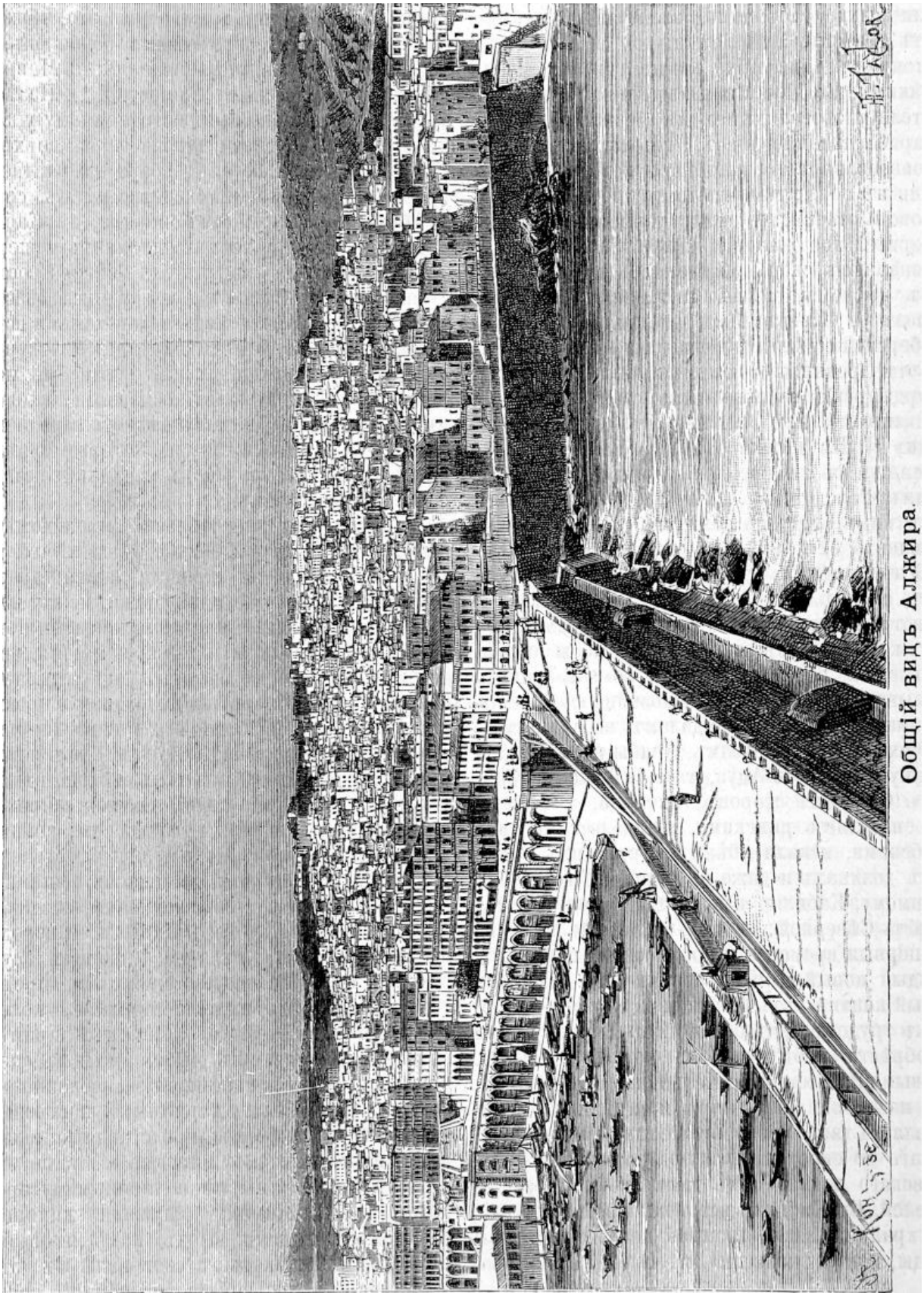
Бужи (Bugie), Saldae римлян,—город, пришедший в упадок, хотя с половины текущего столетия он опять в большей части заселился. Дважды он был даже столицей государства: в первый раз во время нашествия вандалов, до взятия Карфагена, во второй—под владычеством племени бени-гаммад, в конце одиннадцатого и в начале двенадцатого века; по свидетельству Мармоля, в стенах его в ту эпоху насчитывалось не менее двадцати тысяч домов; он был тогда маленькой «Меккой», благодаря своим мечетям и школам, и с того времени один из его фонтанов получил название колодца «Земзем»[1]. Даже когда он не был политическим центром, Беджайа или Бужи, названный так по имени одного племени соседних гор, имел важное торговое значение, благодаря выгодам своего порта, который считается одною из самых безопасных гаваней алжирского берега. В этом месте гора Лалла Бурайа, или «госпожа Гурайя», имеющая слишком 700 метров высоты, выдвинулась в море мысом, по направлению от запада к востоку, так что бухта, которую она ограничивает, совершенно защищена от западных, северо-западных и северных ветров, столь опасных в этих водах. С одиннадцатого столетия итальянские мореходы стали вести меновую торговлю с Беджайей, и в течение трех следующих веков республики Пиза, Генуя, Амальфи, каталонцы, марсельцы оспаривали друг у друга первое место в торговле этого порта, который снабжал их хлебом, оливковым маслом, лучшими винными ягодами, сладкими рожками, шерстию, кожами, медом и воском, уже отлитым в свечи, по-французски «bougies», названные так по имени этого кабильского города[2], который принял своим гербом пчелиный улей. Точно также от старинного имени этого города некоторые сорты кожи стали называть «basane» (баранья кожа, употребляемая для переплета книг)[3]. Сношения Бужи с Европой сделались так часты, что в начале XIV ст. этот город стал под покровительство королей аррагонских. чтобы успешнее воевать с другими городами побережья: в ту эпоху тамошние кабилы, без сомнения, не были более ревностными мусульманами, чем ныне, хотя миссионер Раймонд Лулле погиб там, побитый камнями в 1314 году. Но за периодом мирных торговых сношений следовал период морского разбойничества; Бужи сделался гнездом страшных корсаров, что побудило испанцев, по завоевании Орана, атаковать этот разбойничий притон. Педро Наварский без труда овладел им, в 1509 году, и с того времени впродолжении сорока-четырех лет знамя Кастилии развевалось на бужийских фортах: никакой другой город восточной Алжирии не оставался так долго во

1 Carette, цитированное сочинение.

2 E. Littre, „Dictionnaire de la langue francaise“.

3 Baude, „Algerie“.

власти европейской державы. Снова взятый турками в 1555 году, Бужи был уже город без торговли, окруженный враждебными кабильскими племенами. До французской оккупации, в 1833 году, он оставался как бы в осадном положении, затем почти совсем опустел; в 1869



Общій видъ Алжира.

году в нем насчитывалось только 330 жителей. Кабилы держали его запертым, и только в 1847 году гарнизон в первый раз сделал мирную прогулку вне городских стен.

В настоящее время Бужи занимает гораздо меньшую площадь, чем какую занимал в эпо-

ху своего цветущего состояния: городская ограда значительно съузилась, и многие внешние кварталы, обремененные военными повинностями, были покинуты жителями; даже внутри круга валов одна часть города была присвоена инженерным ведомством. Сарацинская арка, называемая Баб-эль-Бахар («Морские Ворота») и составлявшая часть древних стен, есть самый любопытный остаток средневековой Беджайи и, вместе с общественным садом и амфитеатром домов и апельсинных рощ, образует очень живописное целое. Обширные пустыри тянутся еще в соседстве моря, но теперь население, вероятно, возрастет с проведением железной дороги из Алжира через Бени-Мансур, которая оканчивается на юг от города, близ устья уэда Сахель, называемого также уэдом Суммам в нижнем его течении; кроме того, скоро должен быть построен другой рельсовый путь, направляющийся к Сетифу через горы Бабор и Бибан. Правильное пароходное сообщение соединяет ныне столицу Кабилий с Марселью. Бужи лежит у естественного выхода обширного бассейна, простирающагося от Сетифа до Омаля, и хотя он находится на внешней покатости гор Большой Кабилии, население его пользуется до известной степени выгодами торговли этой страны. Но для того, чтобы Бужи мог выполнять роль, которая должна выпасть ему со временем в общей экономии Алжирии, необходимо, чтобы порт его был снабжен набережными, амбаркадерама и молом, который прикрывал бы его от северо-восточных ветров. В настоящем своем виде порт этот почти всем обязан исключительно природе; во времена турецкого господства галеры перед наступлением осеннего равноденствия покидали опасные воды Алжира, чтобы идти на зимния квартиры в Бужийский рейд.

Движение судоходства в порте Бужи в 1891 г.: в приходе 588 судов, общей вместимостью —280.760 тонн.

Соседняя бухта Сиди-Яя, совершенно защищенная от северных ветров мысом Буак, предуказана как будущий военный порт, и уже неоднократно было предпринимаемо изучение этой гавани[1]. Пытаясь пробить подземную галлерею к западу от города на горе Тудже, чтобы перехватить ключевые воды, инженеры убедились, что римляне уже предупредили их: инженеры нашли старый туннель, длиной в 438 метров; как показывает одна древняя надпись, эта подземная галлерея была вырыта в царствование Антонина Пия. Туджинский водопровод имеет 21 километр длины.

Главные полноправные общины в бассейне Сахеля, включая Бу-Аррериджа (бассейн Ходны): Сетиф—12.000 жит., Бужи—12.380 жит., Бир Рабалу—6.000 жит., Омаль—6.000 жит., Аин-Абесса—4.000 жит., бордж-Бу-Аррериджа—3.000 жит.

Точно отграниченная область Джурджуры, или Адрара («Гора» по преимуществу)[2], которую окружают полукругом две реки, уэд Сахель и уэд Иссер, вообще обозначается именем «Большой Кабилии», в отличие от «Малой Кабилии», под которою понимают гористую область, занимаемую цепями Бибан и Бабор. Сравнительная высота окружающих их гор— единственная причина, заставившая установить это различие между двумя странами: по протяжению, «Малая» Кабилия не уступает «Большой». Что касается наименования «Кебаил», или «кабилы», то оно не имеет никакого этнического значения: это арабское слово *кабила*, которое значит просто «племя» или «колено», и которое в разных странах прилагается к населениям различных рас: так, в Аравии оно означает арабов, а в равнинах, лежащих к востоку от Абиссинии, его носят афары или данакилы. В Мавритании мусульманские завоеватели употребляли его для обозначения всех не-арабских народцев, которых находили в завоеванной территории, и которых оттесняли в горы: мало-по-малу, под влиянием расовой ненависти, этот термин получил презрительное значение; алжирские арабы чаще обозначают свои собственные племена другим словом, арш, имеющим тот же смысл[3]. Принадлежа по языку к большой берберской семье и происходя преимущественно от древнего союза племен санхеджа, джурджурские кабилы сами себя называют «имазиген» или «амзиг», то-есть

1 Ch. Feraud, „Histoire de Bougie“.

2 Hanoteau et Letourneux, „La Kabylie et les coutumes kabyles“.

3 De Slane, „Histoire des Berberes“, par Ibn'Khaldoun.

«вольные люди»[1]. По мнению Сабатье, имя это, тожественное с именем «максии», употребляемым Геродотом, имеет другой смысл: под ним следует понимать просто «земледельцев»[2].

Без сомнения, огромное большинство кабилов, каково бы ни было их происхождение, имеют право на этот эпитет «вольных», так как они убегали в горы, чтобы сохранить свою независимость, и во все времена оказывали сопротивление иноземным захватчикам: римлянам, вандалам, византийцам, арабам или французам. Арабы называли эту страну Блед-эль-Адуа, т.е. «Вражьей Землей». Со всех сторон, племена, теснимые завоевателями римскими, вандальскими или арабскими, искали убежища в этих высоких долинах и даже на вершине гор. Повидимому, Кабилия, ныне самая многолюдная область Северной Африки, была мало населена в первые времена исторического периода[3]; каждый новый поток завоевателей давал ей новый контингент беглецов, которые упорным трудом над обработкою почвы успели приобрести себе право на место рядом с первыми поселенцами. Неудивительно, поэтому, что население Джурджуры и её долин представляет такое разнообразие типов: от чернокожого до европейца, все разновидности человеческого рода имеют там своих представителей. В Кабилии встречаются негры, или, по крайней мере, помесь негров: таковы абиды, или «служители», в Богни, в юго-западной области страны. Затем, есть кабилы, якобы, европейского происхождения, как, например, племя аит-бу-юссеф, живущее на северной покатости главной цепи, к югу от укрепления, называемого Национальным Фортом (Fort National); впрочем, это, может-быть, потомки иудействующих берберов, которые были очень многочисленны в Мавритании до мусульманским нашествий[4]. Известно также, что, по общераспространенному у кабилов мнению, один народец на верхнем Себау, называемый аит-фраусен, считается, вероятно, по причине сходства имен, соплеменником французов. Говорят, в Кабилии имеются также и германцы, «аит-иджерменен», которые живут на северо-востоке страны, между Буджи и Азеффуном. Действительно, между этими аит-иджерменами встречается очень много индивидуумов белокурых или рыжих, чертами лица, будто бы, похожих на немцев. На основании сходства имен, можно бы, пожалуй, искать германцев также у горцев Джермуны, которые охотятся на кабанов и барсов в соседних с мысом Аокас лесах.

Но как ни разнообразно происхождение жителей Джурджуры, можно сказать, что, взятые в массе, они представляют древнее берберское население, и, вероятно, между ними-то и следует искать наиболее чистых потомков первоначальных мавританцев, тех потомков, которые всегда лучше сохраняли нравы и предания расы, некогда распространенной по всей Северной Африке. По одной из их легенд, они «родились из земли». Гигант, пришедший из тех стран, где восходит солнце, принес на своих широких плечах скалы и горы Джурджуры; дойдя до местности за уэдом Сахель, он опустился на землю от усталости, и громадная ноша задушила его: брожение этого великана, раздавленного под тяжестью гор Кабилии, и породило на свет племена страны. Впрочем, существуют также легенды о населении, предшествовавшем нынешним кабилам, которое называют «джугала», именем, применяемым, кроме того, к римлянам и к «язычникам»; этому древнейшему населению приписываются остатки старинных построек и камни странной формы, представляющие людей или животных. Во многих местах находят круглые ямы, наполненные мусором, которые, повидимому, служили жилищами. Кровли, образующие свод над ямой, были подперты центральным столбом. С этими древнейшими постройками Кабилии связана легенда, совершенно подобная той, которую рассказывают на Алтае про таинственную чудь: говорят, когда обитатель такого полуподземного жилища тяжко заболевал и чувствовал приближение смерти, он подпиливал столб, затем, в последний момент, собирал остаток сил и, оттолкнув столб, погребал сам себя под обломками крыши[5].

1 Carette, „Etudes sur la Kabylie“, Exploration scientifique de l’Algerie, IV.
2 „Societe d’Anthropologie“, seance du 21 juillet 1881.
3 Masqueray, „Correspondance Africaine“.
4 Devaux, „Les Kebailes de Djerdjera“.
5 Devaux, цитированное сочинение;—Ядринцев, рукописные заметки.

Народонаселение Большой Кабилии весьма значительно. По переписи 1881 года, пространство около 5.500 квадр. километров, заключающееся в обширном полукруге, образуемом уэдами Иссер и Сахель, было обитаемо 467.000 чел. Народонаселение Кабилии, без Палестро и Бени-Мансур: Большая Кабилия: округ Тизи-Узу, с общинами Бужи, Акбу и Фенайя: 417.012 жит. на 525.008 гектаров. Малая Кабилия: округ Бужи, без общин Бужи, Акбу и Фенайя: 200.615 жит. на 484.562 гектарах.

Так как нормальный прирост у джурджурских кабилов составляет, в среднем, по крайней мере, пять тысяч каждый год, от избытка рождений над смертностью, то общее число жителей в этой области можно считать в полмиллиона, что составит 90 человек на квадр. километр. Если бы плотность населения была такая же и в остальной Алжирии, между берегом моря и опушкой пустыни, то там насчитывалось бы 40 миллионов жителей, то-есть не меньше, чем во Франции. До французской оккупации беспрестанные войны между племенами, даже между отдельными деревнями, поглощали все излишки населения: по самому ничтожному поводу, иногда просто потому, что наскучил мир, возгоралась вооруженная вражда между соседними народцами. Два племени аит-уагеннун и аит-дженнад, к северу от Себау, обменивались ружьями при заключении мира и требовали их обратно, когда хотели объявить друг другу войну: эти два символических ружья носили название *мезраг*, то-есть «копье», в память о временах, предшествовавших введению огнестрельного оружия[1]. Кабилы, разделенные на сто слишком племен, на тысячу слишком второстепенных кланов, делятся также на *софы*, или политические партии, которые беспрестанно группируются, распадаются, вновь соединяются, соответственно столкновению интересов и страстей. Туземцы говорили, что им уже на-роду написано постоянно воевать между собой: проклятие Лаллы-Хедиджи осудило их на вечные раздоры. Союзы, устраивавшиеся между разными деревнями против общего врага, были непродолжительны: по миновании опасности, лига распадалась, и каждая группа снова получала свою автономию. Однако, кабилам небезъизвестно, какие узы родства связывают племена одно с другим, и имена, общие всей кабиле кланов, напоминают общность происхождения. Название «аит», употребляемое ими для выражения связи конфедерации, указывает солидарную группировку, а не происхождение, как арабское слово «улад» («улед» в единственном числе), присвоенное племенам семитического происхождения, и заимствованное слово «бени», применяемое к двум расам, но преимущественно к кабилам[2].

Главная группировка племен—это «зуауа» (игауауен), имя которой часто было употребляемо в обширном смысле, обнимающем всех кабилов; еще недавно в Тунисе слово «зуауа» применялось ко всем горцам-берберам, а в первое время французской оккупации, то же общее наименование давали—под формой «зуавы»—отрядам туземных солдат, которые набирались преимущественно между кабильскими горцами. Зуауа, в числе 150.000 человек, занимают на северной покатости Джурджуры почти весь бассейн верхнего Себау, почти до места слияния его с уэдом Аисси. К этой группе зуауа принадлежит, между прочим, племенной союз аит-яхиа, одна из деревень которого, Куку (Куко), основанная на месте римского поселения[3], считалась некогда чем-то в роде столицы для всей кабильской земли, хотя число её жителей не превышало 1.600; в шестнадцатом столетии Мармоль обозначал именем Куко все населения Джурджуры, и оливковое масло «cocue» было хорошо известно в Марсели и во всем Провансе[4]. Аит-фраусены, эти, якобы, французы, которые, впрочем, оказывали энергическое сопротивление французскому нашествию в 1857 году,—тоже «зуауа», и на их территории тоже есть местечко, которому присвоивалось первенство над всеми другими поселениями: это Джема эс-Сахридж, или «Собрание бассейнов», названное так от римских резервуаров, которые свидетельствуют о пребывании там древних завоевателей Мавритании, или, по

1 Devaux, цитированное сочинение.
2 Carette, цитированное сочинение.
3 Cherbonneau, „Revue de Geographie“, 1881.
4 Aucapitaine, „Les Kabjles et la colonisation de l’Algerie“.

крайней мере, о влиянии их цивилизации на туземные искусства. Племена, отличающиеся наибольшим разнообразием своих промышленных произведений, именно те, которые живут на западе от уэда Аисси, принадлежат к той же кабильской группе, и некоторые из них, составляющие племенной союз аит-батрун, или «Сыны Камня»[1] называют себя «Сердцем народа зууа». Наконец, Каретт[2] причисляет к зуавам также храбрых рит-иратенов, которые населяют «гору Победы»,—ныне «Национальный Форт» (Fort National), и у которых все угнетенные жители низменности находили наиболее безопасное убежище: одна из их деревень, Ишерайуен, была срыта французами, которые построили на месте её главную крепость Большой Кабилии. По преданию, сообщаемому Кареттом, аит-иратены или ратены не коренные жители края, а переселенцы, пришедшие из сахарского оазиса Рат.

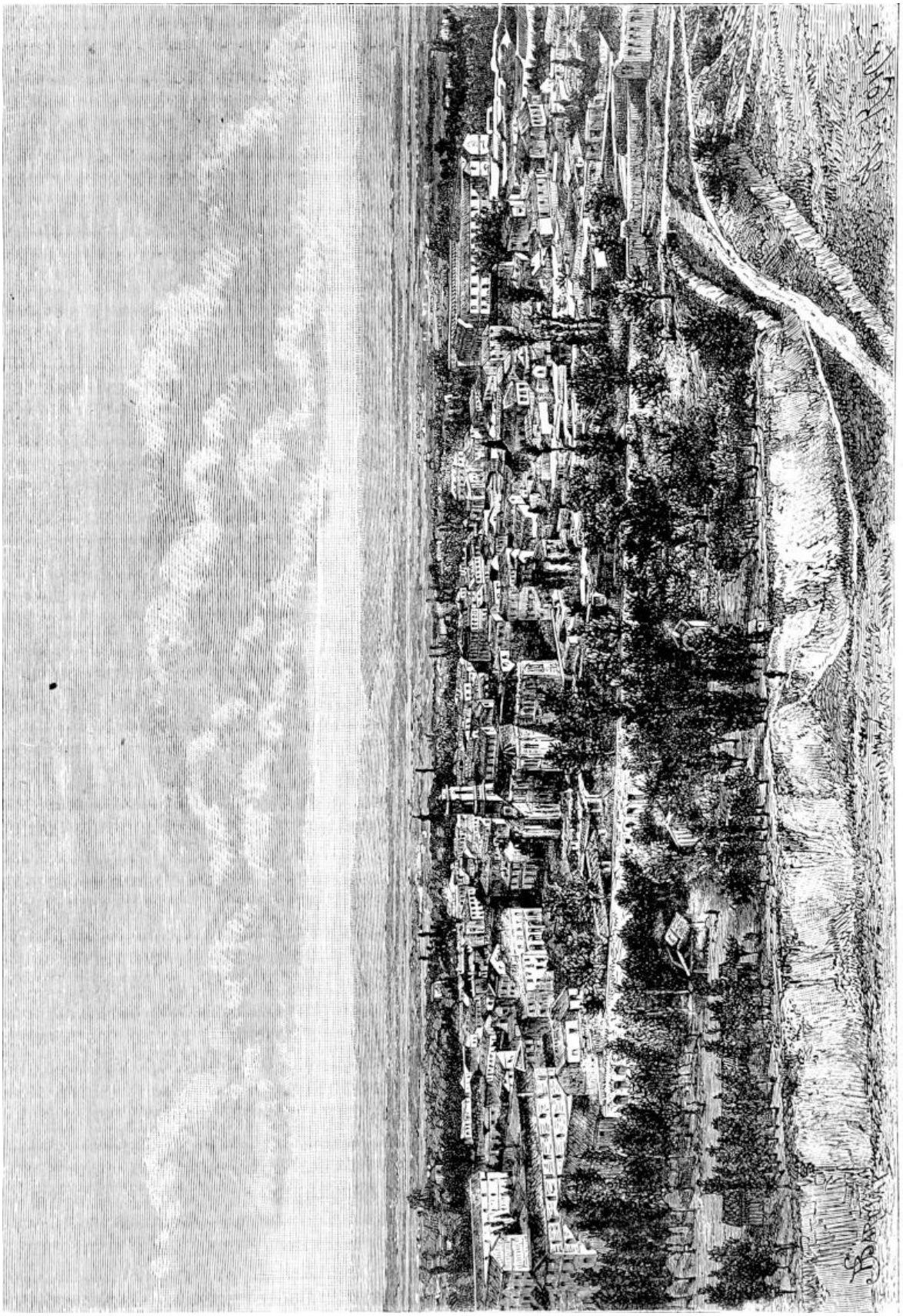
Около юго-западного угла гористой области, в верхнем бассейне уэда Бу-Гдура, живут кабильские населения, которым приписывают особое происхождение, и самое имя которых возбуждает внимание историков. Это гештула, или игешдулы (игешдулен), которых обыкновенно отожествляют с гетулами древних писателей. Гештулы заметно отличаются от других жителей Джурджуры, что оправдывает гипотезу относительно их особенного происхождения. Они вообще малорослы и худощавы, с круглой, «как шар», головой. Менее ловкие в ручных работах, чем зуавы, они уступают им также в искусстве земледелия, и большинство их занимаются скотоводством, да и то скот у них не собственный: они не более, как пастухи на службе у хозяев из зуавских деревень. В то время, как у других «кабилов» собственность всегда личная, пастбища в большей части территории гештулов находятся в общем нераздельном владении[3]. Наконец, и дома у них строятся не так, как у их соседей: они гораздо ниже и крыты не черепицей, а террасой из битой глины, положенной на перекладинах из масличного дерева. Рядом с гештулами, в бассейне Бу-Гдура, живет племя негритянского происхождения, абиды, потомки отпущенных на волю рабов. Далее на севере обитают магакты, некогда очень могущественное племя.

Западные горы Кабилии населены флиссаум-эль-лиль, или «ночные флиссаны», называемые также «лесными». Как ближайшие к нижним долинам Митиджи, эти горцы всего чаще воевали с иноземными завоевателями равнины: уже их предки, Issaflenses, должны были вести борьбу с римлянами, да и сами они, с первых же времен французской оккупации, часто имели столкновения с солдатами аванпостов. Другие флиссаны, «приморские», были отделены от главной массы нации различными чуждыми им племенами, гисерами, аит-уагеннунами и другими. Приморские флиссаны некогда славились во всей Кабилии как искусные оружейники: они фабриковали сабли, которыми было вооружено большинство туземцев, и которые носили то же название «флисса». Эти палаши, подражание римским мечам, имеют деревянную или медную рукоятку, которая представляет, довольно аляповато, голову рыси, фигурирующую на оружии легионеров[4].

Между другими группами кабильских племен самые значительные:—группа зарфауа, в Азеффунском округе; группа бу-дауд, на северо-восточной оконечности горного массива; группа аит-гобри, к востоку от зуавов. На внешней покатости Джурджуры тоже организовались союзы могущественных племен, таковы: аит-угли, между городами Акбу и Бужи; иллуда-асаммер, или «солнечные» иллуда, называемые так в отличие от иллуда-ималу, т.е. «темных», живущих на северном скате высокой Джурджуры; аит-мликеш, переселившиеся, как говорят, с холмов из окрестностей Алжира; бени-мансур, племена марабутского происхождения, населяющие несколько деревень на юге от уэда Сахель. Наконец, в нижней долине Себау, до слияния этой реки с уэдом Аисси, рассеяны деревни амарауа, населения, которое не сплотилось в одно целое, подобно другим кабильским племенам. Оно состоит из самых разнородных элементов: горцев, вынужденных покинуть свою деревню по случаю грозившей

1 Dogas, „La Kabylie et le peuple kabyle“.
2 „Etudes sur la Kabylie“.
3 Camille Sabatier, „Societe d'Anthropologie“, seance du 5 janvier 1882.
4 Carette, цитированное сочинение.

кары за совершенные проступки или по причине политических раздоров; арабов, переселившихся из равнины; турок и кулугли, пришедших с гарнизонами *борджей*, расположенных по окружности гор. Долгое время амарауа составляли «махзен», то-есть военное племя, по-



Городъ Блида.

стоянно ведущее борьбу со своими соседями и всегда готовое на бой и грабеж по первому приказу турецких военачальников. Тем не менее, продолжительное пребывание в крае, культура почвы и брачные союзы постепенно преобразовали амаравов в настоящих кабилов:

по уходе турок, племя махзен, теперь живущее в мире с горцами, осталось в отведенной ему территории.

Различию происхождения соответствует различие типов в совокупности этих населений Большой Кабилии. Однако, преобладающими являются два типа: один, повидимому, принадлежащий первоначальным жителям страны, отличается округлостью лица, выдающимися скулами, остроконечной формой нижней челюсти. Отличительные признаки другого типа: лицо овальное, короткое, плоское, с довольно широкими скулами, с маленькими, блестящими глазками; нос вдавлен при основания и у иных вздернут; зубы не так красивы, как у арабов, и средние резцы в верхней челюсти у многих превосходят соседние зубы шириной и выступом[1]. Вообще, кабилы роста среднего, мускулисты, сильны и ловки; однако, сифилитическое заражение—впрочем, менее тяжкое у них, чем у европейцев—испортило кровь большинства туземцев: есть деревни, где поголовно все жители одержимы дурною болезнью.

Различаясь типом, кабилы Джурджуры и горных цепей, продолжающих ее на восток, составляют один народ по языку. Все они говорят берберским наречием, *зуауйя*, в котором, впрочем, очень много—может-быть, не менее трети—арабских слов. Вообще слов, выражающих умственные или нравственные способности и качества человека, не существует в кабильских диалектах, и все такия слова заимствованы из арабского языка; то же самое нужно сказать о терминах, относящихся к религии, правоведению, наукам и искусствам, животным, растениям и всякого рода предметам, введенным в край со времени арабского завоевания; теперь в говор кабилов подобным же образом входят французские слова. Нет ничего удивительного, что арабский язык постепенно проник в берберскую речь. Во-первых, это был язык властителей страны и вместе с тем язык религиозных наставников; стихи Корана, как и приказы сюзеренов, были на арабском языке; по-арабски же были написаны сочинения, которые читались немногими образованными, так как берберский идиом не имеет письменности, у него нет никакой литературы, кроме богословских диссертаций, хранимых в монастыре, и песен, воспроизведенных арабскими буквами, да при том отличающихся от обыкновенной речи гораздо более значительным числом семитических выражений. Большую силу дает арабскому диалекту, в этой борьбе языков, также и то обстоятельство, что кабил должен спускаться в равнину для обмена своих произведений на нужные ему предметы потребления, тогда как арабу нет ни малейшей надобности идти к кабилу в его горы[2]: мало-помалу последний выучивается говорит по-арабски так же хорошо, как по-берберски, и на границе двух языков кончает тем, что забывает родной язык, который ему менее полезен. Однако, в виду значительного возрастания кабильского населения, его прогресса и усиливающагося национального самосознания, можно надеяться, что современем язык предков снова войдет в честь.

Главное различие между арабом и кабилом то, что первому нравится особенно пастушеская, кочевая жизнь, тогда как берберский горец живет возле своего поля. Кабильский поселянин любит землю с такой же страстью, как французский крестьянин, и земля вполне вознаграждает его за эту любовь; некогда дикия кручи, покрытые камнем или заросшие мелким кустарником, теперь засажены маслинами и засеяны питательными растениями. «Что сталось бы со мной—восклицает земля в одной кабильской легенде—если бы люди покинули меня? Не вернулась ли бы я в первобытное состояние и не сделалась ли бы снова логовищем диких зверей?»[3]. Чтобы сделать гору плодородною, кабилы приносят растительную землю со дна долин и смешивают ее с растертыми кусками камня; случалось видеть, как косари велели привязывать себя к выступу скалы, чтобы сорвать листья ясеня или срезать траву, растущую на уединенной террасе, между вертикальною скалою и пропастью. Раздробленность земельной собственности доходит дотого, что даже деревья поделены: иная маслина принадле-

1 Topinard, „Etudes sur les types de l'Algerie", („Bull. de la Societe d'Anthropologie de Paris", 1881).

2 Carette, цитированное сочинение.

3 Devaux, „Les Kebailes du Djerdjera".

жит нескольким хозяевам, из которых каждый владеет одною ветвью и собирает с неё плоды[1]. Оттого земля приобрела непомерно высокую ценность в этом густо населенном крае, где жители оспаривают друг у друга каждую пядь почвы; кладбища все расположены по окраинам дорог, в местах совершенно негодных для культуры—так кабил дорожит каждым клочком земли, удобной для посадки деревьев или посева хлебных растений. В среднем, покупная цена гектара в кабильской территории в сто раз выше, чем в арабской; она достигает нескольких тысяч франков, как ни значительны подобные суммы у людей с такими ограниченными потребностями. Французам, следовательно, нечего и думать селиться, в качестве колонистов, между кабилами; они не могли бы выдержать конкурренции привычных к упорному труду туземных работников, которым не приходится затрачивать капитал на распашку и обработку почвы. Земли, конфискованные в долине Себау после восстания 1871 года, казна принуждена была сдать в аренду тем же кабилам, и эти арендаторы во многих местах уже обратно завоевали заступом часть бывшей своей отчины.

Отличные земледельцы, или точнее садовники, джурджурские кабилы в то же время искусные ремесленники; у них все ремесла одинаково пользуются уважением, даже кузнечное, которое у арабов в таком загоне, что кузнец даже не считается достойным смерти: в бою араб всегда дает пощаду тому, кто просит ее, махая, как бы для удара, молотом по наковальне, но такой человек обрекается на вечное презрение. Вследствие постепенно установившагося разделения труда, различные кабильские племена избрали каждое какой-нибудь специальный промысел, так что на торжках, которые происходят последовательно в каждой деревне, в разные дни недели, можно достать все нужные мануфактурные изделия. Во многих зуавских племенах женщины прилагают все свои старания к фабрикации красивых ваз, особенно таурирутские женщины, из племени бени-иенни, отличаются в этой отрасли промышленности[2]. В других местах выделывают преимущественно грубую глиняную посуду; ткацким промыслом занимаются племена бушаиб и аит-иджер, в восточных горах; у племен иллильтен и иллула, на скатах верхней цепи Джурджуры, главная специальность—резьба на дереве; аит-фраусен—по преимуществу кузнецы, а фенайя, на восточном склоне, научились от одного французского дезертира искусству фабриковать ружья; аит-иенни тоже очень искусны в выделке оружия и прежде снабжали другие племена боевыми припасами; кроме того, у них была еще одна специальность—фабрикация фальшивой монеты, составлявшей в былое время предмет обширной торговли, которою занимались целые банды сбытчиков, развозивших эту монету по всем рынкам Берберии. Лишившись этого промысла, аит-иенни все-таки остались литейщиками и золотых и серебряных дел мастерами: они переделывают испанские дуросы в ожерелья, в кольца, в диадемы, и фиксируют эмаль на металле. Около 1855 г. туземцы из племени аит-уассиф ухитрились смастерить пушку, которая выпалила три или четыре раза в одной из местных войн[3]; во время восстания 1871 года горские племена, спустившиеся с Джурджуры, тоже употребляли самодельную пушку при осаде крепостцы Бени-Мансур. Кабильские рынки, снабжаемые товарами местного производства и привозными из-за границы, имеют очень оживленный характер. Они происходят обыкновенно за селением, вблизи кладбища; в политических обстоятельствах это в то же время и народные собрания, где обсуждаются общественные дела: на этих вечах прежде решался вопрос о войне или мире; теперь же на базарах, происходящих под наблюдением французских агентов, можно заниматься только обменом продуктов.

Большая Кабилия так густо населена, что земледелие не может прокормить всех жителей: производимых в крае пшеницы, винных ягод, маслин, муки из желудей не хватает для местного потребления, и продажа оливкового масла и плодов недостаточна для покупки, в обмен, всего нужного хлеба; поэтому каждый год тысячи мужчин должны покидать родные места, чтобы искать заработков на чужбине. В прежнее время большое число горцев

1 Camille Sabatier, „Congres de l'Association francaise en 1881".

2 Guillaumet „Tableaux algeriens".

3 Devaux, цитированное сочинение.

продавали себя, как некогда швейцарцы, в солдаты, чтобы воевать в пользу турок, да и в наши дни между кабилами, особенно среди зуавов, набирается большинство «алжирских стрелков». Аит-иратенцы, поселившиеся в городе Алжире, держат там булочные; бени-абесы делаются банкирами своих земляков в столице и в других городах прибрежья[1]. Но большинство эмигрантов уходят в города, чтобы служить там в качестве чернорабочих или носильщиков; некоторые занимаются коробейничеством, разъезжая с товаром по деревням. Во время больших земледельческих работ кабилы спускаются со своих гор многочисленными партиями, чтобы предложить колонистам свои услуги, в качестве расчищателей нови, жнецов или пахарей. Целые колонии горцев соединяются с арабскими племенами равнины и кончают тем, что сами становятся земледельцами: так возникли многие кабильские поселения в окрестностях Гельмы, Шершеля, Омаля, Орлеансвиля[2]. Теперь, с прекращением постоянных междоусобных войн, быстрый рост населения заставляет кабилов все более и более расширять круг эмиграции; они проникают уже в Тунис, уходят в оазисы и на границы Марокко. Около половины настоящего столетия определяли в 12.000 цифру покинувших родину кабилов; в наши дни, со включением временных эмигрантов, число их простирается до сорока тысяч. Прежде алжирские деи, зная дух солидарности, связывающий всех кабилов, часто успевали взыскивать подати с горных зуавов, задерживая их единоплеменников, пришедших на заработки в Алжир, в качестве заложников, или запрещая вход туда новоприбывшим эмигрантам[3].

Кабилы, земледельцы по образу жизни, отличаются всеми хорошими качествами крестьянина. Они терпеливы, воздержны, рассчетливы и бережливы. Очень честные, неспособные ни на какой обман, они требуют и от других такой же добросовестности в торговых сношениях; свято исполняя свои долговые обязательства, они всегда аккуратно отдают то, что им одолжили, но хотят, чтобы и в отношении их поступали также, и для того, чтобы вернуть с должника самую ничтожную сумму, не задумаются предпринять длинное путешествие, затеять дорого-стоющий процесс. Чтобы защитить то, что ему кажется справедливым, упрямый кабил готов лезть на стену: как рассказывает Варнье, арабы в укор кабилу говорят, что у него сидит кремень в черепе, на что он отвечает: «а у вас барабан в голове». Очень рассудительный, кабил всегда видит положительную сторону вещей, но умеет также развлекаться от труда смехом, песнями, шутками; вообще он не прочь повеселиться, резко отличаясь в этом отношении от араба, всегда сохраняющего важный вид,—араба, который никогда не поет за плугом, чтобы подбодрить волов. Кабильские земледельцы, как ни велико у них уважение к старым обычаям, все-таки не такие упорные рутинеры, как французские крестьяне; они охотно ввели картофель в своих огородах и теперь принялись культивировать виноград большими полосами на внешних скатах Джурджуры; но, кажется, еще не извлекли большой выгоды от введения каштана, дерева, производящего «французские желуди»[4]. Что особенно отличает кабила, так это его безграничная любовь к личной независимости: каждый хочет быть «султаном своей головы»[5]; каждый говорит о своей чести, и арабское слово *нифъ*, которое в собственном смысле значит «нос», но которое символизирует личное достоинство, щепетливость, беспрестанно слышится в разговорах. Тяжко оскорбить честь кабила—это называется «обрезать ему нос»[6]. Но далеко нельзя сказать, чтобы кабил полагал свое самолюбие в изяществе костюма. За исключением тех, которые живут в обществе французов и понимают гигиенические выгоды опрятности, все обитатели Джурджуры одеты в лохмотья: они не снимают с плеч своей гандуры до тех пор, пока она не раздерется вся на клочья; точно также с трудом можно распознать первоначальный цвет их шешии (род фески). Что касается домов, где вместе с хозяевами помещаются вьючные мулы, волы, козы и куры, то в них по большей

1 Carette, цитированное сочинение.
2 Aucapitaine, „Les Kabyles et la colonisation de l'Algerie".
3 Aucapitaine, „Les Kabyles".
4 Bibesco, „Les Kabyles du Djurdjura".
5 L. Feraud, „Revue Africaine", № 35, sept. 1882.
6 Devaux, цитированное сочинение;—Lambert, сочинение о кабилах,

части царствует невообразимая грязь: «кабил ни за что не станет чистить своего жилища, пока не потребуется навоз для удобрения поля под овощами»[1].

Семейный союз у кабилов все еще основан на покупке жены. Девушка продается её родителями за 200 и до 1.000 франк., смотря по рангу и влиятельности продавца, и красоте невесты: «отец проедает свою дочь», по народному выражению, когда он расходует деньги, полученные в приданое. Став господином, в свою очередь, муж может отделаться от своей супруги, отсылая ее к родителям, которые продают ее вторично, возвращая первому супругу покупную цену, всю сполна, или только часть; иногда же муж избавляется от своей жены, перепродавая ее с барышем и без посредства её семьи. Формальность развода самая простая: одного слова, повторенного трижды, достаточно для расторжения брака. Мужчине принадлежит безусловное право командования над женщиной: во многих племенах, муж, приближаясь к супруге, клал возле неё палку, не имея надобности объяснять ей значение и употребление этого орудия[2]; в других местах супруг стрелял на высоте головы своей жены и почти в упор из ружья или пистолета, при чем иногда от выстрела загорался головной убор: этим он заявлял о своей неограниченной власти над личностью и самой жизнью своей жены[3]. Прелюбодеяние строго наказывается, когда оно совершенно женщиной: до прибытия в край французов обычной карой было избиение камнями, и в большинстве случаев родные, предупреждая позор общественного суда, сами озабочивались убиением неверной супруги; незаконнорожденные дети предавались смерти; и теперь еще большая часть убийств, совершаемых в Кабилии, являются результатом тайного соблюдения этого старого обычая. В отношении брака нет, следовательно, разницы между учреждениями кабилов и арабов. Однако, многоженство редко встречается у племен, населяющих Джурджуру, и женщина обыкновенно пользуется большей свободой в отношении управления домашним хозяйством; если муж бьет ее, она имеет право уйти к своим родным, и с этого момента приобретает полную свободу, как «возставшая»[4]. Кроме того, она имеет над мавританками то преимущество, что может свободно выходить из дому с открытым лицом; ее нигде не встретишь одну: на поле, у фонтана, женщины всегда в компании, и молодые люди никогда не останавливаются около них. На практике кабильская женщина часто пользуется равноправностью, в которой ей отказывает закон. При том известно множество примеров, когда женщины приобретали преобладающее влияние над племенами, или как героини, или как пророчицы, и народ чтет их куббы не менее, чем гробницы святых марабутов. Это превосходство роли берберки, в сравнении с её арабскими сестрами, становится совершенно понятным, когда посмотреть на кабильскую женщину, которой (по крайней мере, это можно сказать про многих) угловатые черты лица, профиль хищной птицы, черные, насквозь пронизывающие глаза, позолоченая круглая бляха или звезда на лбу, цепочки, кольца, блестящие и звенящие, весь дикий наряд, перехваченный широким поясом, придают какой-то трагический вид. Как человеческая личность,—когда она вдова или разведенная жена, но не девушка-сирота[5],—кабильская женщина пользуется равными правами с мужчиной в судебных делах, и так же, как он, может покупать, продавать или передавать свое имущество. Впрочем уже в некоторых племенах совершается поворот к новой организации семьи, и различные общины, по совету поселившихся среди них французов, решили, чтобы отныне девушка не была выдаваема замуж ранее четырнадцатилетнего возраста[6]. Кроме того, открытие французских школ, где туземные девочки выказывают замечательную понятливость и охоту к учению, много способствует освобождению кабильской женщины.

Перемены, подготовляющиеся в берберской семье, легко осуществимы, потому что каби-

1 Camille Sabatier, „Revue Geographique internationale“, 1884.
2 Villot, „Moeurs de L'Algerie“.
3 L. Feraud, „Revue Africaine“, № 36, novembre 1872.
4 Clamageran, „L'Algerie“.
5 Lambert, рукописное сочинение о кабилах.
6 Camille Sabatier, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Oran“, 1883, № 19

лы не придерживаются, как арабы, буквы Корана. У них есть свои законы, или скорее обычаи, называемые «*канунами*», то-есть «канонами», которые они, без сомнения, заимствовали у византийцев, и эти законы изменяются из века в век, вместе с изменением понятий о нравственности. По их преданиям, кабилы некогда были христианами: кресты, татуируемые на лицах женщин, а иногда и мужчин, как и кресты, которые, у некоторых племен, вырезываются на дверях домов и даже на мечетях, представляют, будто бы, символы прежней религии; говорят, аит-иратены, которые последними покорились французскому господству, были также последние, принявшие ислам[1]. Как бы то ни было, христианство, повидимому, не оставило глубоких следов в нравах и понятиях туземцев: оно существовало лишь по имени, и исследования, предпринятые гг. Ганото и Летурне с целью отыскать какие-либо исторические доказательства господства христианского культа в Джурджуре, не увенчались успехом[2]. Быв некогда христианами по имени, кабилы стали называть себя мусульманами, не сделавшись таковыми в действительности; «переменив веру до двенадцати раз»[3], они приняли некоторые обрядности ислама, но редко исполняют его предписания. Они нерадивы к молитве и коленопреклонениям, плохо соблюдают пост рамадана: эхо гор, с которым они советовались на этот счет, спрашивая у него: «можно есть?» ответило им: «можно есть!»—говорят они обыкновенно тем, кто расспрашивал их относительно соблюдения постов[4]. Некоторые племена Джурджуры—вероятно, единственный пример между магометанами—оскверняют себя даже употреблением в пищу кабаньего мяса. Ежегодно не более сотни кабилов совершают паломничество в Мекку, да и те ходят больше в качестве торговцев, чем в качестве богомольцев. Большинство их обрядов, повидимому, составляют наследие отдаленного прошлого, предшествовавшего новым религиям Христа и Магомета: они справляют праздники божествам природы, которые распоряжаются теплом, ветром и дождем, которые дают плодородие земле и скотам; больные ходят есть на могилу чужеземца, надеясь найти там исцеление своим недугам. В известные дни года устраиваются процессии в честь древней богини, которую представляет кукла, «Невеста вод»: это публичные молитвы о ниспослании плодов земных, которые в течение веков приспособлялись уже к трем последовательным культам[5]. Может-быть, и кабильские вазы с двумя носками и разноцветными украшениями, так ценимые любителями, тоже представляют символические изображения богини Таниты: эти вазы по форме похожи на идолов.

Потомки арабских просветителей, распространявших в крае новую веру, живут еще в Кабилии, не слившись с остальным населением: это так называемые «марабутские семейства», иногда настолько многочисленные, что составляют настоящие кланы. Все джурджурские марабуты выводят своих предков с запада, и некоторые названия мест позволяют думать, что андалузские мавры были представлены в большом числе между этими пришельцами[6]. Марабуты пользуются уважением, и перед ними приносятся все присяги и клятвы: тем не менее к ним относятся с недоверием и заботятся о том, чтобы они не могли делать посягательства на права общины. Им отводятся для жительства особые селения, обыкновенно внизу под деревнями племени, в тех видах, чтобы эти селения не занимали командующей позиции и не могли угрожать свободе соседей. Марабуты дают советы, обучают детей чтению стихов Корана, но им не позволили бы цитировать то или другое предписание священной книги в народных собраниях, которые признают только кануны. Марабуты, содержимые частию на добровольные взносы жителей и не имеющие права, по своему призванию, дотрогиваться до железных орудий[7], часто впадают в леность, и их деревни, даже те, которые окружены плодороднейшими землями, представляют кучки полуразвалившихся лачуг. Джемаа-

1 Perier, „Bull. de la SocHte d'Anthropologie“ 1860;- Dogas, „La Kabylie et le peuple kabyle".
2 La „Kabylie et les coutumes kabyles“.
3 Ibn-Khaldoun, „Histoire des Berberes“, traduite par Slane.
4 Garette, цитированное сочинение.
5 Masqueray, „Bulletin de Correspondance africaine“.
6 C. Devaux „Les Kebalies du Djerdjera“.
7 Carette, цитированное сочинение.

эс-Сахридж, занимающий, однако, великолепное положение в центре бассейна Себау, издали бросается в глаза своим убогим видом, так что путешественник сразу догадывается, что это марабутская деревня. В это последнее время мусульманские братства сделали большие успехи в кабильском крае. Некоторые зауйи (монастыри), основанные среди горских племен, окружены нейтральной полосой земли, по которой воспрещено проходить воюющим. Самая влиятельная из этих религиозных общин—обитель Бен-Али-Шериф, в Шеллате, на внешнем скате восточной Джурджуры: настоятель её сделался чем-то в роде владетельного князя, одним из туземных магнатов Алжирии. Что касается евреев, то некоторые кабильские племена не допускают их на свою территорию: они боятся, чтобы те путем ростовщичества не сделались мало-по-малу господами и хозяевами края; аит-иенни, кроме того, опасаются встретить в них соперников по ювелирному ремеслу. Но большая часть рынков посещается сынами Израиля, и даже существуют кабильские иудеи, говорящие только берберским языком[1].

Кабильское общество, несмотря на перемены, совершившиеся в нем под влиянием французского завоевания, сохранило еще в своем политическом устройстве многие особенности, которые делают его одним из самых оригинальных и самых любопытных между человеческими обществами. Все историки, которые описывали его быт, Каретт, Дево, Феро, Окапитен, Ганото и Летурне, Сабатье и другие, говорят о нем с удивлением и, конечно, европейские нации, даже самые цивилизованные, могли бы многому поучиться у этих, до недавнего времени никому неизвестных, африканских горцев. Там, где ни военные посты, ни административное давление не остановили или не парализовали свободного действия старых обычаев, каждая деревня, или *таддерт*, представляет маленькую самоуправляющуюся республику, к которой принадлежат все граждане, богатые и бедные, старые и молодые: по достижении пятнадцатилетнего возраста юноша становится полноправным гражданином; если он достаточно силен, чтобы приложить к плечу свое оружие для прицела, он имеет право подавать голос в общественных делах; от него требуется только, чтобы он оказывал подобающее уважение людям взрослым и старикам. Народное собрание, или «джемаа», состоящее из всех граждан различных *харуб*, происходит раз в неделю (иногда и чаще, если на очереди стоят более важные вопросы), обсуждает и решает общественные дела и выбирает лиц, долженствующих исполнить его волю. Так как это вече состоит из совокупности граждан, то оно совмещает в себе все власти—политическую, административную и судебную; оно судит бесчестные поступки, действия, недостойные свободного человека, нарушение законов гостеприимства; бывали даже примеры, что когда кто-нибудь из членов племени нажил себе большое состояние, то ему объявляли, что пора отдохнуть от дел, чтобы дать другим случай обогатиться[2]. Народное собрание налагает на виновных наказание, которое почти всегда ограничивается штрафом в несколько су или франков, поступающих в общественную кассу, но которое, в особо важных случаях, может доходить до удаления из общины. Тот, кто наносит бесчестие своему племени, должен покинуть его: чтобы объявить ему об изгнании, у него снимают с крыши черепицу; дом его обречен на разрушение. К аресту или тюремному заключению никто и никогда не приговаривается, на том основании, что свобода слишком драгоценное благо, чтобы можно было лишать её даже преступника. Всякое телесное наказание считается унизительным как для наказуемого, так и для наказывающего; этот род кары неизвестен в свободных горах. Смертная казнь назначалась только за измену отечеству, но каждый частный человек сохранял за собою в отношении своего врага право мести. Общее презрение навлек бы на себя тот, кто не пролил бы крови за кровь; «убийство—это ссуда, которую надо возвратить», гласит кабильская народная мудрость[3].

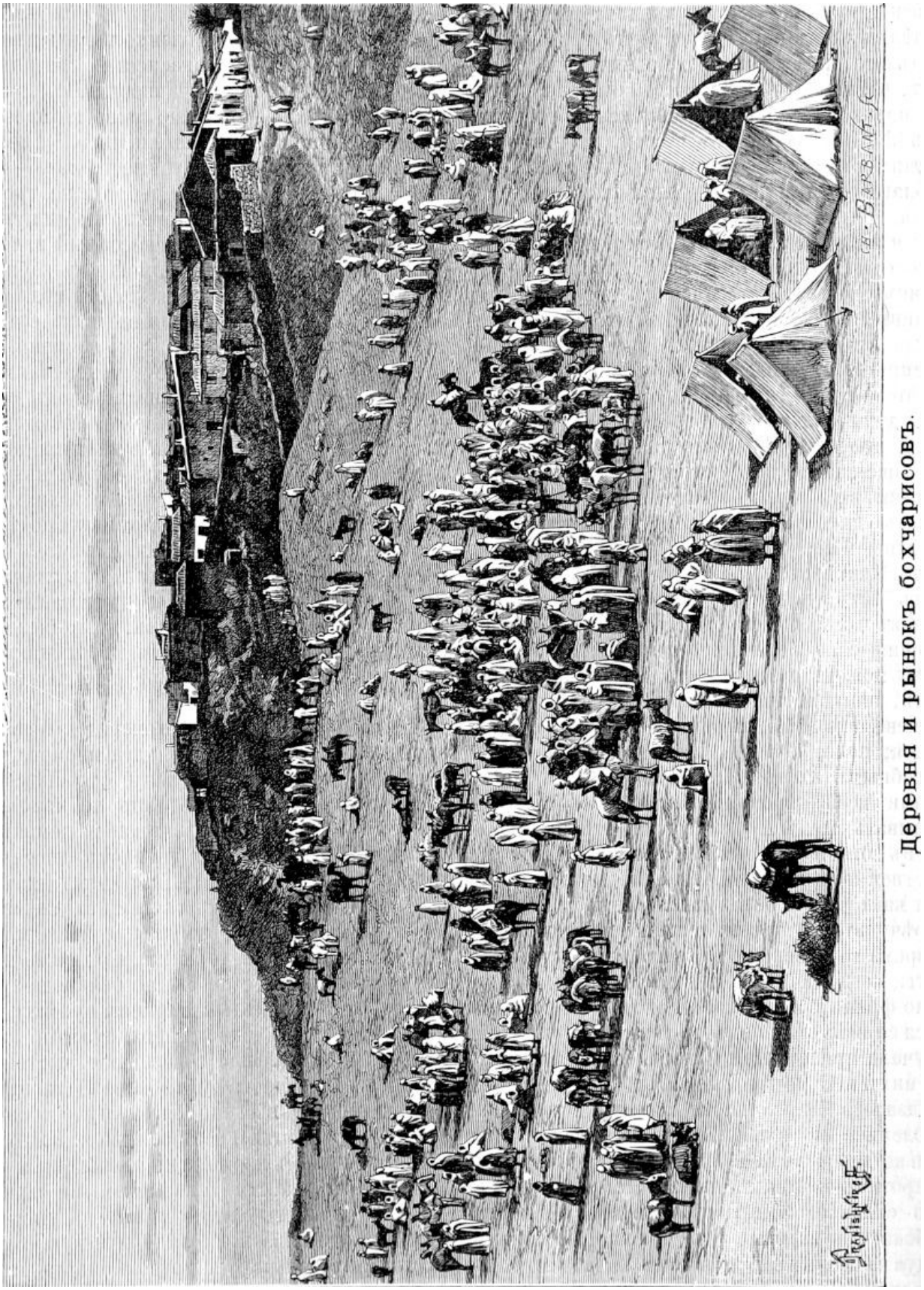
Для административного управления общиной, в качестве уполномоченного от народного собрания, и для наблюдения за поддержанием доброй славы деревни, граждане выбирают

1 Lambert, цитированное сочинение.

2 Carette, цитирован. сочинение.

3 Dugas, „La Kabylie et le peuple kabyle“.

старшину, или «амина», обыкновенно из богатых жителей, так как никакого жалованья за эту службу не полагается; напротив, ему часто приходится делать значительные расходы из собственных средств, и если он принимает пост слуги общества, возлагаемый на него общи-



Деревня и рынокъ бохчарисовъ.

ной, то только потому, что, занимая этот пост, он пользуется, сам лично и его семейство, некоторым почетным отличием. Он остается в должности до тех пор, пока хорошо исполняет свои обязанности; но как только обнаружится, что сограждане перестали быть им довольны,

он считает долгом тотчас же удалиться: редко случается, чтобы амин, в таких случаях, был настолько неделикатен, чтобы ждать мирского приговора, лишающего его данных полномочий. Тем не менее, можно опасаться, что амин, назначенный *софом* или партией большинства, будет служить интересам избравшей его группы, в ущерб меньшинству, и потому община позаботилась о том, чтобы интересы менее многочисленного софа были ограждены от всякого произвола. Амин, представитель исполнительной власти, назначается партией, имеющей за собой численное превосходство; но казначей, *укиль*, всегда выбирается меньшинством: он заведует фондами общины. Никакой расход не может быть сделан, если обе партии не дадут на него своего согласия, если эти два делегата не приложат своих печатей к приказу, составленному общественным писарем. Кроме того, каждый соф составляет как бы общину в общине и вступает в ассоциацию с соответственными софами соседних местечек и даже отдаленных племенных союзов. Располагая достаточными денежными средствами, получаемыми в виде добровольных сборов, софы обязаны оказывать взаимную помощь всем своим членам; они принимают на свое попечение детей общников, дают приют и защиту беглецам[1]. Вообще ассоциация практикуется в Кабилии в самых разнообразных формах. То она обнимает несколько семейств, соединяющихся для общего владения и пользования известным имуществом, и составляет большую семью, в роде сербской «задруги»; то ограничивается в своей цели каким-нибудь частным трудом, земледельческим или промышленным. Впрочем, члены ассоциации всегда связаны круговой порукой: в Кабилии не знают «ограниченной ответственности», в роде той, которою обставляют себя французские общества[2].

Благодаря духу республиканской солидарности, соединяющему всех членов деревни, там нет людей, лишенных всяких средств существования. Без всякого ущерба своему личному достоинству, бедняк получает от общины паек, необходимый для пропитания. Когда кто-нибудь убивает скотину для собственного употребления, он обязан известить об этом «таддерт» чрез публичного глашатая, дабы больные и беременные женщины могли получить на свою долю свежего мяса. По временам устраиваются общественные трапезы, в которых обязательно должны принимать участие все жители, как богатые, так и бедные: не допускается, чтобы какой-либо член общины брезговал блюдом, которое его брат ест с охотой. Приступающий к постройке дома имеет право на пособие всей деревни; запахивающий поле или собирающий жатву может рассчитывать, в случае надобности, на помощь соседа и в свою очередь должен помогать ему в работе, когда это требуется; поле, хозяин которого сделался неспособным к труду, возделывается общими силами всей деревни, словом, все обязаны оказывать друг другу всякое содействие. Даже в отношении чужака, находящагося в бедственном положении, кабил обязан вести себя как друг: он должен идти к нему на встречу в дни грозы, должен накормить его во время голодовки. В страшную зиму 1867-68 гг., когда погибло много тысяч туземцев около французских городов, нищие, стекавшиеся со всех концов к горам Джурджуры, получали пропитание от кабилов, и ни один из них не умер от голода[3].

Казалось бы, это кабильское общество, раздробленное на столько маленьких демократий, сколько деревень в крае, должно быть бессильно против внешнего врага. Напротив—оно было сильнее, чем централизованные мелкие арабские государства, где толпа подданных, следуя за своим властелином, падала в борьбе или изменяла вместе с ним. В минуту общей опасности образовались конфедерации между софами племен, как и между самыми племенами, и со всех сторон стекались молодые люди, давая клятву принести в жертву свою жизнь: это были *имессебелен*, или «преданные». Перед битвой марабуты читали над ними отходную, и они действительно умирали, если не одерживали победы[4]. Все кабилы, несмотря на их раздробленность, чувствовали себя, в виду общей опасности, связанными узами коллективной солидарности. Все признавали силу *анайи*—арабское слово, которое собственно

1 Hanoteau et Letourneux;—Ernest Renan, „Revue des Deux Mondes“, 1873.
2 Bibesco, цитированное сочинение;—Clamagerau, цитированное сочинение.
3 Hanoteau et Letourneux, цитированное сочинение.
4 Hanoteaa et Letourneux, цитирован. сочинение;—N. Robin, „Revue Africaine“, 1784.

значит «покровительство»[1], но употребляется также в смысле «чести»: это—«султан кабилов, делающий добро и не требующий никаких податей». Обращался ли путешественник, нищий, всякий угнетенный или притесняемый с просьбой о помощи к кабилу—последний должен был взять его под свою защиту: к этому обязывали его как его личная «анайя», так и честь всего племени. Возгаралась ли война между двумя деревнями,—женщины тотчас же ставились под общее покровительство, под «анайю» воюющих; иногда условливались, чтобы известная дорога, известный округ, известный день недели были исключены из сферы неприятельских действий, и этот уговор, поставленный под коллективную гарантию «анайи», всегда свято соблюдался. Когда усобица тянулась слишком долго, являлись миротворцы и «бросали» свою «анайю» между враждующими: этого было достаточно, чтобы восстановить мир: никто не осмелился бы нанести оскорбление чести друзей.

Теперь французы, в свою очередь, «бросают анайю» между племенами, и эти племена, чувствующие себя на половину французскими, свято соблюдают мир. Есть не мало европейцев, которые, соблазнившись демократическим образом жизни кабилов, поселились между ними, носят их костюм, едят то же, что и они, и живут с ними в джемаах: с другой стороны, кабилы считают себя счастливыми и очень гордятся, когда им дают натурализацию, и если бы не боязнь получить отказ, наверно целые племена просили бы о внесении их в списки французской национальности. Начальное образование, постепенно распространяющееся у кабилов (в некоторых деревнях введено обязательное и бесплатное обучение детей), без сомнения, поднимет их с течением времени на равный уровень со многими народностями, называемыми «арийскими». Во всяком случае можно с уверенностью рассчитывать на историческую будущность этого сильного и трудолюбивого народа, который уже оказал, под именем арабов, огромную услугу человечеству, сохраняя и развивая в Испании науки, завещанные эллинским миром, которым, в остальной Европе, грозила опасность потеряться навсегда во мраке средних веков.

Слишком тысяча-четыреста сел и деревень рассеяно на вершинах, террасах и мысах Большой Кабилии, и некоторые из них имеют до 2.000, даже до 2.400 жителей. Селения эти представляют обыкновенно собрание тесно скученных хат; однако, можно подметить известный порядок в распределении кварталов. Все обыватели, принадлежащие к одной семейной группе или роду, составляют *харубу*, жилища которой образуют отдельную часть селения, и узкия улицы различных харуб сходятся к общей площади, или собственно «джемаа»; по средине этого пространства, под аркой, перекинутой между двумя противоположными домами, помещаются скамьи, на которых восседают старейшины, когда они председательствуют в народном собрании. Несмотря на густоту населения, Джурджура не имеет городов в общепринятом значении этого слова: Национальный Форт (Fort National), главный военный пункт края, представляет собою собрание казарм, интендантских магазинов, гостиниц, несколько частных домов, бульваров и садов, заключенное в неправильной ограде, которая идет вдоль гребня горы, спускаясь с террасы на террасу, по крутым скатам, откуда взорам открывается беспредельный горизонт. За так называемыми «Алжирскими» воротами по средам происходит базар, от которого бывшая деревня и получила свое арабское имя Сук-эль-Арба («Середовый рынок»). Нынешняя крепость была основана в 1857 году, почти в географическом центре Большой Кабилии, в самой средине территории могущественного племенного союза Аит-Иратен, деревни которых виднеются на всех окрестных вершинах. Во время восстания 1871 г. кабилы пытались снова овладеть этим ненавистным укреплением, которое «постоянно колет им глаза» и напоминает об утрате независимости; они даже вели правильные траншеи и аппроши против стен, но после двухмесячной осады принуждены были удалиться, и в наказание за этот бунт у многих племен были отняты земли. Самая высота местоположения (916 метров), благодаря которой Национальный Форт сделался главным военно-обсервационным пунктом всей страны, и, без всякого сомнения, современем сделается одною из лучших санаторий для алжирцев, служит препятствием к тому, чтобы город приобрел большую

1 Lambert, рукописные заметки.

важность, как место заселения и торгового обмена; тем не менее, он несомненно сделается необходимым центром торговли, когда дороги из Дра-эль-Мизан, из Бени-Мансур, из Акбу, еще не оконченные, будут соединяться в нем с алжирской линией. Самое большое кабильское местечко в Джурджуре, Бени-Ясен (по-берберски), Бени-эль-Гассен (по-арабски), расположено на вершине остроконечной горы, в территории племени бени-иенни, в юго-западной части края; он заключает около шестидесяти торговых лавок, где выделывают оружие и разные драгоценные украшения; из четырех его мечетей две с высокими минаретами.

В долинах реки Себау и её притоков, которые огибают высоты, доминируемые Национальным Фортом, европейские колонисты уже основали несколько поселений, которым отведены земли, конфискованные у туземцев после восстания 1871 года. Колонистские деревни Азазга, Фреха, Мекла, Темда, следующие одна за другой в долине по направлению с северо-востока на юго-запад, являются уже вехами будущей дороги, которая установит прямое сообщение между Алжиром и Бужи. Но в настоящее время почти вся торговая жизнь этой области сосредоточивается в новом городе Тизи-Узу,—по-арабски Федж-эль-Гендул (то-есть «горный проход, заросший диким терном»),—который построен на небольшом пороге холмов, на высоте 257 метров, к западу от обширной равнины, где соединяются воды двух уэдов, Себау и Аисси. В этом месте у турок, был бордж (крепостца), откуда они наблюдали издали за горами, занятыми независимыми племенами; народец амарауа служил им орудием, «махзен», при помощи которого они держали в повиновении окрестные кабильские племена; кроме того, он сторожил рынки, куда горцы приходили обменивать свои продукты, маслины и винные ягоды, на хлеб. Когда крепость Тизи-Узу была занята, в 1851 г., французами, под защитой её вскоре выстроилась гражданская деревенька, которую в 1871 году сменил быстро растущий город. В Алжирии мало найдется городских поселений, которые бы так скоро развивались, как этот административный центр Кабилии: горцы тысячами спускаются на его рынки, и в его тенистых улицах постоянно движутся ряды экипажей и телег. На северной стороне города высится холм Джебель-Беллуа, откуда можно созерцать развертывающийся во всей его красе громадный амфитеатр гор. Уэд Себау огибает этот холм узким дефиле, который однажды заперли груды увлеченных потоком деревьев, превратив в озеро всю верхнюю равнину[1]. Недалеко от этого города, в горах Аит-Дженад, была открыта любопытная берберская колонна Абизар, часто упоминаемая археологами: на ней изображен голый всадник, вооруженный щитом и тремя дротиками[2].

Город Тизи-Узу соединен с Алжиром железной дорогой, постройка которой вызвала прилив колонистов в местности вокруг станций этого пути, ведущего в Кабилию. Теперь проектирована постройка другого железного пути, который должен идти вверх по долине уэда Бу-Гдура к цветущему селу Бордж-Богни, построенному в зеленеющем цирке, у подножия укрепленного холма, откуда турки наблюдали за гештулами. В 16 километрах к западу от Бордж-Богни, на скате круглой горы, расположен городок Дра-эль-Мизан, имевший недавно, до общего умиротворения страны, важное стратегическое значение, так как он занимает, на юго-западе Большой Кабилии, порог, через который войска, пришедшие с юга, легко могут обойти высокую цепь Джурджуры и проникнуть в продольную долину, идущую параллельно гребню, внутри массива. Теперь Дра-эль-Мизан не причисляется более к военным пунктам края.

Ниже слияния с Бу-Гдура, уэд Себау, по выходе из гор, поворачивает на северо-запад, затем на север. В нижней долине его тоже основались многолюдные поселения: Ребеваль, Улед-Кеддаш, Буа-Сакре следуют один за другим по берегам реки; но приморский рынок находится не у самого устья: он лежит восточнее, у первого мыса, представляющего защиту от северо-западных ветров. Рынок этот—маленький городок Деллис, состоящий из одной длинной улицы, которая тянется вдоль ската холма, и из нескольких переулков, из которых одни поднимаются в гору, а другие круто спускаются к порту; строющееся жете, которое

1 Carette, цитированное сочинение.

2 Masqueray,—Tissot, etc.

пока еще выдвинуто в залив не более, как на сотню метров, будет защищать якорную стоянку от северных и восточных ветров. В ожидании этого волноразбивателя и железной дороги, долженствующей связать Деллис с общей сетью, этот город развивается медленно, несмотря на значительное возрастание населения и торговли в долине Себау, для которой он служит естественным вывозным пунктом. Это объясняется тем, что устройство удобного и быстрого сообщения между городами Тизи-Узу и Алжиром отняло у Деллиса роль складочного места и вывозного порта, в пользу столицы. Деллис сохранил за собой очень ограниченный круг притяжения для экспорта местных произведений, хлеба, винограда, апельсинов (движение судоходства в 1883 г.: 236 судов вместим. 84.640 тонн). Однако, в нем находится одно из главных учебных заведений Алжирского департамента—политехнический институт, или училище искусств и ремесл (ecole des arts et metiers), где получают образование молодые люди почти исключительно кабильского происхождения. К востоку от Деллиса, на морском берегу, почти прямолинейном и не имеющем никакой защиты в виде мысов, существуют только два центра европейской колонизации—Тикзирт, неподалеку от которого находится маленькая гавань Таксебт, и Азеффун или Зеффун, называемый также Порт-Гейдон. В Азеффуне почти все домики кабилов выстроены из обломков римского города. Бу-Дауд, принадлежащий племени того же имени («Давидовы отцы»), тоже служит местом пристанища для каботажных судов.

Полноправные общины Большой Кабилии:

Тизи-Узу (1896 г.)—27.106 жит.; Деллис (1897 г.)—13.000; Буа-Сакре (1881 г.)—7.200; Ребеваль (1881 г.)—5.200; Дра-эль-Мизан (1881 г.)—2.400; Фор-Насиональ (Национальн. Форт)—236 жит.

Иссер, ограничивающий западные массивы Большой Кабилии, берет начало на большом расстоянии к западу от этих гор, в одной из впадин, открывающихся между параллельными цепями гор Титтери, непосредственно на юге от Алжира. Недалеко от порога, разделяющего истоки Иссера и восточный водоскат Шелифа, основался город Беруагиа, получивший некоторую важность в эти последние годы; сохранившиеся развалины напоминают о пребывании в этой местности римлян. Беруагиа (имя это значит «Златоцветы») является земледельческим центром края, благодаря плодородию почвы в долине и обилию лугов на окружающих горах. Турки содержали в этом городе конский завод, а французы основали образцовую овчарню и сельско-хозяйственное училище; существующая здесь исправительная земледельческая колония заключает в себе средним числом слишком тысячу осужденных. Беруагиа будет одною из главных станций железной дороги из Алжира в Лагуат; кроме того, ее можно без труда соединить с рельсовым путем из Алжира в Константину, либо на востоке через плодоносную равнину Бени-Слиман и город Омаль, либо на северо-востоке через долину Иссера и деревню Таблат.

Ниже крутого поворота, который делает Иссер в том месте, где он встречает горы Большой Кабилии, на правом берегу реки раскинулся цветущий городок, окруженный и пересекаемый прекрасными бульварами: это—Палестро, основанный со времени открытия шоссейной дороги, проникающей в Иссерские ущелья, и рядом с которой теперь пролегает рельсовый путь; первыми жителями Палестро были землекопы и каменщики. В 1871 году нарождающийся город был совершенно разрушен восставшими кабилами, которые умертвили при этом около полсотни европейцев: теперь здесь возведено укрепление, могущее служить убежищем в случае нападения. Палестро—одно из любимых мест загородной прогулки для алжирцев, которые во множестве приезжают сюда любоваться живописным ущельем Иссера.

Равнина, открывающаяся на севере от этого узкого горного прохода, принадлежит к числу самых населенных местностей Алжирии. Иссерцы, до недавнего времени почти единственные обитатели этой равнины, составляли могущественное племя, одна колония которого, говорят, поселилась на острове Мальте[1]. Теперь здесь появилось много французских поселе-

1 C. Devaux, „Les Kebailes du Djerdjera“.

ний. Бени-Амран лежит на западе, на отлогости горы; Иссербург—на лесистом холме, господствующем над правым берегом реки; Блад-Гитун—на севере, на возвышенности, заставляющей Иссер повернуть к востоку; Иссервиль—на севере от уэда Шендер, в центре равнины, близ того места, где происходит главная ярмарка иссерцев, бывшая прежде сборным пунктом всего кабильского населения. Различным племенам, рассеянным в высоких долинах или по вершинам гор, необходимо было общее торжище, где они могли бы встречаться с жителями равнины, и такое сборное место естественно должно было находиться около оконечности кабильского края, ближайшей к арабским территориям, в соседстве с входными воротами, которые образуют горный проход Бени-Айша. Покорение страны французами изменило её экономические условия и повлекло за собой сокращение годовых оборотов Иссерской ярмарки. Основание города Тизи-Узу, лежащего гораздо далее внутри края, создало постоянный рынок в близком соседстве со всей областью верхнего Себау; кроме того, в 4-х верстах от ярмарочного поля возникла цветущая деревня Бордж-Менайель, а в 10-ти верстах далее, на дороге из Тизи-Узу, основалась другая значительная европейская колония, именно эльзасская, Азиб-Замун, оффициально называемая Осонвилье. Однако, сила привычки так велика, что Иссерский рынок не покинут окончательно; большой каравансарай его все еще стоит, и перед арками бывшей арабской конторы показывают еще место, где арестованные туземцы, после короткого суда, были подвергаемы публичной расправе на глазах собравшагося на ярмарку народа. К северу от Иссербурга река Иссер течет в широкой долине и теряется в море недалеко от мыса Джинет, составляющего оконечность величественного базальтового массива, где производится ломка камня. Римский город Цисси не заменен новым поселением, и на прилегающем к устью Иссера морском берегу нет ни одной гавани, хотя из Алжира каждый день ходят суда в соседнюю бухту, где находятся рыбные промыслы, доставляющие отличную рыбу[1].

Главные полноправные общины бассейна Иссера (1881 г.):

Иссервиль—5.732 жит., из них 515 европ. и евреев. Менервиль—5.704 жит., из них 1.014 европ. и евреев. Палестро—2.694 жит., из них 582 европ. и евреев. Бордж-Менайель—2.322 жит., из них 603 европ. и евреев.

С Иссерского ярмарочного поля виден, в семи километрах к западу, широкий пролом гор, приобревший важное значение в военной и торговой истории страны,—пролом известный под именем прохода Бени-Айша, и порог которого занят теперь оживленным городком Менервиль. Железнодорожная ветвь из Тизи-Узу примыкает в этом месте к линии алжироконстантинской; остается только спуститься с гор, чтобы достигнуть Алжира, который вскоре и показывается вдали в виде белой полосы, окаймляющей берега синего залива.

Алжир, столица «африканской Франции», носит еще свое арабское имя Эль-Джезаир, или «Островной», которым он обязан четырем островкам или подводным скалам, соединенным теперь с твердой землей[2]; но как мало походит нынешний пышный город на ту скромную деревушку, которая основалась в двенадцатом столетии на развалинах римского Икозиума, в территории санхеджского племени бени-мезганна, родственного, как говорят, аитмликешам, живущим на южных склонах Джурджуры![3]. Попеременно то порабощенный, то независимый, Алжир является уже довольно важным пунктом в начале шестнадцатого века, когда испанцы, после правильной осады, овладели его крепостью, под защиту которой укрывались корабли корсаров; но победители оставались там не более двадцати лет. Знаменитый Хеир-Эддин, алжирский властитель, велел построить жете, соединяющее город с островком и подводными скалами[4]: так была создана гавань, довольно хорошо защищенная от бурь, которая на этом берегу, не имеющем удобных пристаней, обеспечивала за Алжиром первенство между всеми городами мавританского побережья, с одной стороны до Бужи, с

1 A. de Tialar, „Africa“, 1880.

2 Devaux, „Les Kebailes du Djerdjera“.

3 Alb. Devoulx, „Revue Africaine“, 1871.

4 Tauxier;—Rerbrugger, „Revue Africaine“, № 78, nov. 1868.

другой—до Мерс-эль-Кебира. Известно, как хорошо воспользовался город Барбароссы этим преимуществом. Впродолжении трех столетий Алжир оказывал сопротивление Европе, благодаря боязни одних, взаимному соперничеству других. Одиннадцать раз он был безуспешно осаждаем или бомбардируем, после обратного взятия его крепости мусульманами; в 1830 году Алжир «Воинственный» считал себя еще неодолимым, когда французы, высадившиеся в Сиди-Ферруте, шли уже на форт «Императора».

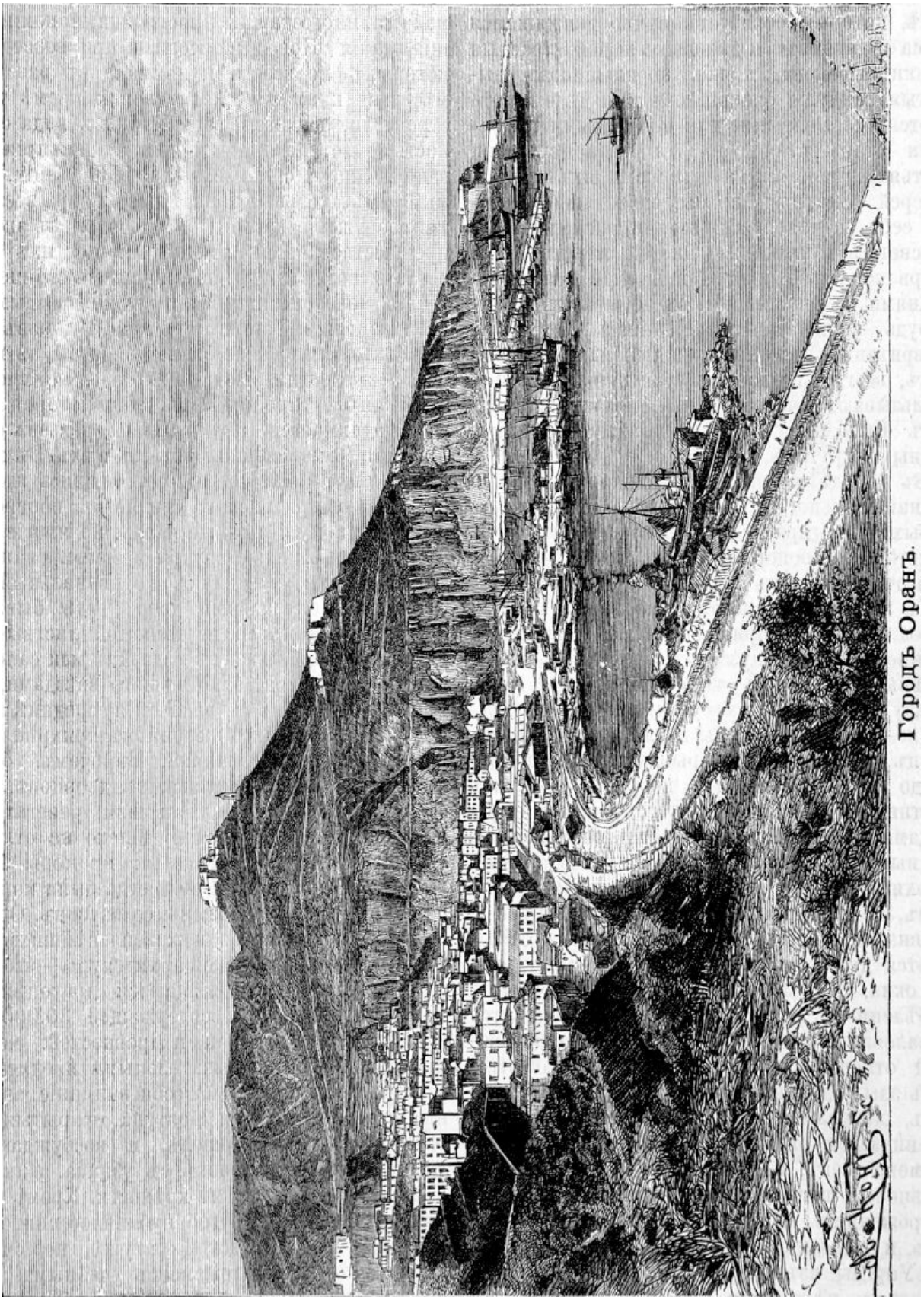
Теперь Алжир сделался первым городом африканского континента, не по числу жителей —в этом отношении он уступает двум столицам Египта, а также Тунису,—но по своей исторической роли, как центр европейской цивилизации. В то же время он—первый по красоте и грандиозности вида: кому удалось видеть столицу африканской Франции со стороны моря, тот никогда не забудет дивной картины, которая открылась его взорам при повороте парохода за стрелку Pointe Pescade. Еще в половине этого столетия Алжир можно было приводить в пример как правильный тип города, построенного треугольным амфитеатром на скате горы[6], но с тех пор он вырос и теперь образует гораздо более обширное целое, имеющее менее правильные очертания. Около вершины холма, увенчанного касбой (цитаделью), виднеются еще остатки старого Алжира, который издали походит на ломку белого мрамора, уставленную глыбами, неравными по величине и плохо отесанными. Синяя или желтая окраска стен, зеленые жалюзи не заметны с известного расстояния; все цвета пропадают в ослепительной белизне камня; только утром нарождающийся свет восхода отражается розовыми лучами, да вечером закат набрасывает фиолетовые оттенки. Прежде водопад домов спускался до самого моря; в наши дни он останавливается на половине горы, ограничиваемый и сдерживаемый, словно плотиной, правильными массами французских построек, которые тянутся непрерывным рядом над набережными. На юге треугольника, образуемого арабским городом, взбирается по скатам горы другой город; но он весь состоит из домов европейской архитектуры и не сливается в один громадный обвал белых камней: в нем можно различить сероватые стены и красные крыши, везде составляющие яркий контраст с темной зеленью садов. Далее, строения резко ограничены зеленым поясом, поясом валов, обросших травой, и откосов, покрытых деревьями; но за этой оградой опять начинается город, более раскиданный, но зато и более живописный, где в каждом овраге теснятся дома нижних кварталов, на каждом выступе склонов группируются виллы и дачи, а около верхушки холма расположились богатые палаццо, с их киосками и башенками, выступающими над густой листвой деревьев: здесь живут преимущественно англичане и другие иностранцы, приезжающие провести зимний сезон в мягком климате Алжира. Южные предместья тянутся на расстоянии нескольких верст вдоль морского берега, параллельно линии гребня, который постепенно понижается в равнине Гарраш, тогда как по другую сторону Алжира высится могучая масса Сахеля, где тоже рассеяны виллы и дачи, которые издали кажутся белыми точками, резко выделяющимися на общем фоне гор.

Малая ширина пространства, заключающагося между прибрежными холмами и морем, была причиною того, что разростающийся город должен был расширяться вдоль моря, по обе стороны своего первоначального ядра, расположенного против четырех островков Бени-Мезганна, образующих теперь полуостров внутренней гавани. Первоначальный город, каким он был в 1830 году, занимал на боку холма, доминируемого касбою, треугольное пространство, каждая сторона которого имела не более 500 метров в длину, а площадь равнялась 60 гектарам: в этом тесном убежище копошилось, точно в муравейнике, многотысячное население торговцев, феллахов и невольников, цифру которого определяли, но, без сомнения, преувеличенно, в сто слишком тысяч душ[2]; во время занятия страны французскими войсками численность его не превышала сорока тысяч. Французы срыли живописную ограду, в которой задыхался город, но пояс новых валов, в свою очередь, скоро оказался слишком узким: на северо-западе, за воротами Баб-эль-Уэд, ряд предместий, прерываемых клад-

6 Theophile Gautier, „Loin de Paris“.

2 Shaw, „Travels in Barlaz“.

бищами, идет до бесконечной улицы пригорода Сент-Эжен (св. Евгения); в южном направлении, за воротами Баб-Азун, где в былое время вывешивали казнимых, живых или мертвых, Алжир продолжается пригородами Ага, Мустафа, Белькур. Далее следуют поле для ма-



Городъ Орант.

невров, опытный сад, а затем снова начинаются ряды домов. Пространство, которое занимают три соединенные общины, Алжир, Мустафа и Сент-Эжен, тянется в длину на десять километров, а между тем во многих местах город, сжатый между горами и морем, не имеет

даже 200 метров ширины. При таком расположении города, понятно, все главные улицы идут параллельно берегу, и через известные промежутки открываются площади, откуда можно спуститься к самому морю.

Главная площадь, называемая «place du Gouvernement», до сих пор осталась, несмотря на огромное приращение города, центром жизни Алжира, как была с самого начала оккупации, когда сломали целый квартал старого Эль-Джезаира, чтобы облегчить движение войска. На углу этой площади стоит «Новая» мечеть, на минарете которой помещены городские часы; в нескольких шагах оттуда расположен главный рынок; Большая мечеть, кафедральный собор, дворец генерал-губернатора, главный штаб, городская ратуша и большинство других правительственных учреждений, военных и гражданских, находятся в непосредственном соседстве. На площадь «Правительства» выходят оживленные улицы, самые бойкия лестницы, ведущия из порта в город; отсюда же отправляются почти все общественные кареты, возящие пассажиров в окрестности Алжира и во внутренние города. Пестрая разноплеменная и разноязычная толпа постоянно наполняет эту центральную площадь; хотя банальный костюм, предписываемый модою, преобладает над всеми другими нарядами, тем не менее там и сям проглядывают яркие цвета, резко выделяясь на темном или сероватом фоне, который образует вечно движущаяся масса гуляющих и деловых людей: красные шапки рыбаков, шешии носильщиков, вышитые гандуры бискрийцев то и дело встречаются с желтыми или клетчатыми тюрбанами старых евреев, с разноцветными платьями, шарфами и шляпками их жен и дочерей. Знатные арабы, шейхи или выдающие себя за таковых, важно расхаживают в своих хаиках из чистой шерсти и безукоризненной белизны, или, сидя перед кофейнями, величественно прихлебывают какой-нибудь напиток, запрещенный Кораном. Мавританки, в широких пышных шальварах, всегда по-двое, скорым шагом проскальзывают через толпу, показывая из-под фаты только черные глаза, обведенные темным кругом.

В городе население разделилось на зоны, по национальностям. Французы обитают в новых квартирах; неаполитанцы, испанцы, мальтийцы, пропорционально, гораздо более многочисленны в нижней части старого города, в соседстве порта и рыболовных тоней; евреи, которым принадлежит половина магазинов во французском квартале, живут главным образом на средней части горы, между христианами и мусульманами; эти последние по-прежнему скучены в лабиринте узких улиц и переулков, покрывающем бок холма до касбы. Извилистые корридоры, в виде лестниц, поднимаются в гору между двумя рядами низеньких домиков, кое-где соединенных перекинутыми через улицу арками. Верхний этаж домов выступает над нижним, поддерживаемый торчащими из стены бревнами. В углах или под арками открываются двери с резными украшениями; редкия окна, с решетками наружу, пробиты в выбеленных известкой стенах, где виднеется намалеванный красной краской кабалистический отпечаток руки, долженствующий отгонять злых духов. Этот магометанский квартал, нисколько не изменившийся со времени французской оккупации, населен, как и во времена деев, людьми всякой расы и национальности: тут можно встретить и кабилов, и уроженцев Мзаба, и бискрийцев-водоносов, и выходцев из оазисов, из Тугурта, из Уарглы, из Суфа, и негров из Бамбары и Гауссы; некоторые улицы этого разноплеменного лабиринта предоставлены девам племени улад-наиль, которые восседают, важные и безмолвные, в глубине своих гнезд, обвешенные металлическими украшениями, точно идолы. Сделать этнографическую прогулку в верхнем Алжире—это все равно, что совершить путешествие внутрь Африки до Томбукту.

По своей архитектуре новый город еще не может сравниться с тем, что осталось от старого Алжира; главные его здания—громадные, многоэтажные постройки, напоминающие здания Новой Марсели, и при возведении которых не всегда принимали в рассчет местные климатические условия; кроме того, строители, кажется, упустили из вида опасность землетрясений, которые в Алжирии бывают чаще и сильнее, чем во Франции. Самые замечательные памятники Алжира все еще те, сооружение которых относится к эпохе, предшествовавшей завоеванию; но их уже остается немного. Некогда слишком сто-шестьдесят мечетей или кубб

горделиво воздымали свои куполы и башни над массой домов; теперь их осталось не более двадцати, в том числе прелестная мечеть Абд-эль-Рахман-эт-Цальби, стройный минарет которой высоко поднимается над купами деревьев сада Маренго, близ ворот Баб-эль-Уэд. В нижней части города кое-где сохранились красивые дома мавританского стиля, все по-

Алжирская улица въ старомъ городѣ.

строенные по одному и тому же плану; но многие из них, переделанные внутри и меблированные по-европейски, утратили свой оригинальный характер. Центральный двор, где, бывало, журчал фонтан среди тенистой листвы деревьев, превратился в магазин или салон; вид синего неба, блистающего звездами, заменен потолком с висячей по средине люстрой; к мра-

морным колоннам прикреплены прозаические подсвечники. Впрочем, большинство этих мавританских дворцов, построенных невольниками или ренегатами, выходцами всех стран, далеко не отличалось полной гармонией стиля: мраморы Италии, изразцы Голландии не всегда были хорошо обтесаны или расположены со вкусом. Один из любопытнейших и живописнейших памятников мавританской архитектуры—это здание, в котором помещаются драгоценные коллекции библиотеки, содержащей 30.000 томов, и музея истории и древностей: между многими другими замечательными предметами особенно обращают на себя внимание античные статуи Венеры и Нептуна, открытые при раскопках в Шершеле, и возбуждающий ужас гипсовый слепок с узника, живьем замурованного в стене крепости. Кроме того, существует еще другое публичное книгохранилище, при городской ратуше, не считая библиотек, принадлежащих учебным заведениям для высшего и среднего образования, словесному факультету и лицею. Что касается музея изящных искусств, то хотя в нем есть несколько хороших картин, но в целом он недостоин города, который дал нескольких ценимых художников, и миссия которого—знакомить варварские населения с великими произведениями искусства.

В материальном отношении Алжир, испытавший уже столько перемен, должен еще подвергнуться преобразованию. Прежде всего необходимо избавить его от береговых фортов, которые мешают ему расшириться на север и на юг, и освободить город от круга военных служб, которые охватывают его со всех сторон, образуя пояс в 150 гектаров. Как крепость, Алжир уже не имеет большой цены, с тех пор как изменился весь состав артиллерии: для фортов, долженствующих защищать город, самое подходящее место—на вершинах холмов Сахеля, куда их и следует перенести, когда Алжир будет освобожден от нынешней ограды, оставляющей вне всякого прикрытия самые необходимые заведения: госпитали, провиантские и другие магазины, газовые заводы, гидравлические резервуары. Другие, так же настоятельно нужные для благоустройства Алжира, общественные работы должны быть направлены к достижению следующих целей: доставлять жителям пресную воду в изобилии—так как источники Сахеля недостаточны для водоснабжения города,—избавить город от бича пыли введением лучшего способа мощения улиц, окончить сеть сточных труб, утилизировать нечистоты или, по крайней мере, удалять их за городские стены, не заражая атмосферы и речных вод.

Самый порт, составляющий гордость и славу Алжира, еще не докончен, и в некоторых отношениях стоит ниже многих других искусственных гаваней Средиземного моря. Нельзя, конечно, не признать делом грандиозным завоевание у бурного моря бассейна в 90 гектаров, где могут стоять на якоре самые большие корабли, и с высот, господствующих над Алжиром, самую красивую часть чудной картины, открывающейся взорам наблюдателя, составляет, бесспорно, вид молов, так смело отрезывающих кусок моря, и ограничиваемой ими гавани, тихия воды которой своими отблесками и оттенками цветов представляют такой резкий контраст с волнующейся поверхностью открытого моря. Тем не менее, Алжирский порт не представляет еще достаточно спокойного убежища для останавливающихся в нем судов. Северо-восточные ветры, которые в 1835 году, когда эта турецкая гавань была единственным местом якорной стоянки, поломали в порте 19 кораблей, разбившихся от столкновения друг с другом, всегда нагоняет волны в бассейн, и случалось, большие суда обрывали свои швартовы. Для предупреждения этой опасности на будущее время, намерены разделить обширный бассейн при помощи другого жете, которое соединит искусственный островок Алгефна с берегом и направится ко входу, открывая таким образом двое ворот судам: одни на юг—к военному порту, другие на север—к купеческой гавани. Так как планы обустройства порта не были задуманы сразу, при начале работ, предпринятых еще в то время, когда являлся вопрос, не придется ли покинуть новое завоевание, то в результате вышло то, что контур порта далеко не отличается такой правильностью, как очертание большинства искусственных гаваней: северное жете, прозванное в шутку «кривой непостоянства», по причине частой перемены проектов, которой оно обязано своей нынешней неправильной формой, обращено вогнутостью к открытому морю, так что принимает всю силу удара волн. Вследствие

этого необходимо постоянно наваливать новые глыбы камня для того, чтобы оно могло выдерживать напор моря.

Важность Алжира, как морской пристани, зависит от судов эскадры Средиземного моря, часто появляющихся в его водах, и еще более от регулярных пакетботов, соединяющих его с Марселью, Порт-Вандром и многими другими портами Франции и иностранных государств. Таким образом столица Алжирии периодически посещается десятками тремя пароходов, но она не имеет еще ежедневного пароходного сообщения с Францией, хотя установление такого сообщения представляется необходимым в виду того, что сношения Алжира с метрополией почти не менее деятельны, чем сношения со всей остальной Алжирией. Как рыболовный порт, Алжир тоже очень деятелен, и рейд его каждый вечер представляет интересное зрелище, когда итальянские барки, пользуясь береговой бризой, распускают паруса и длинными вереницами, словно стаи птиц, уходят в открытое море.

Движение судоходства в Алжирском порте (исключая перевозки пассажиров) в 1890 г.:

В приходе—1.807 судов, общей вместимости—1.019.515 тонн.

Общая ценность внешней торговли в 1881 году:

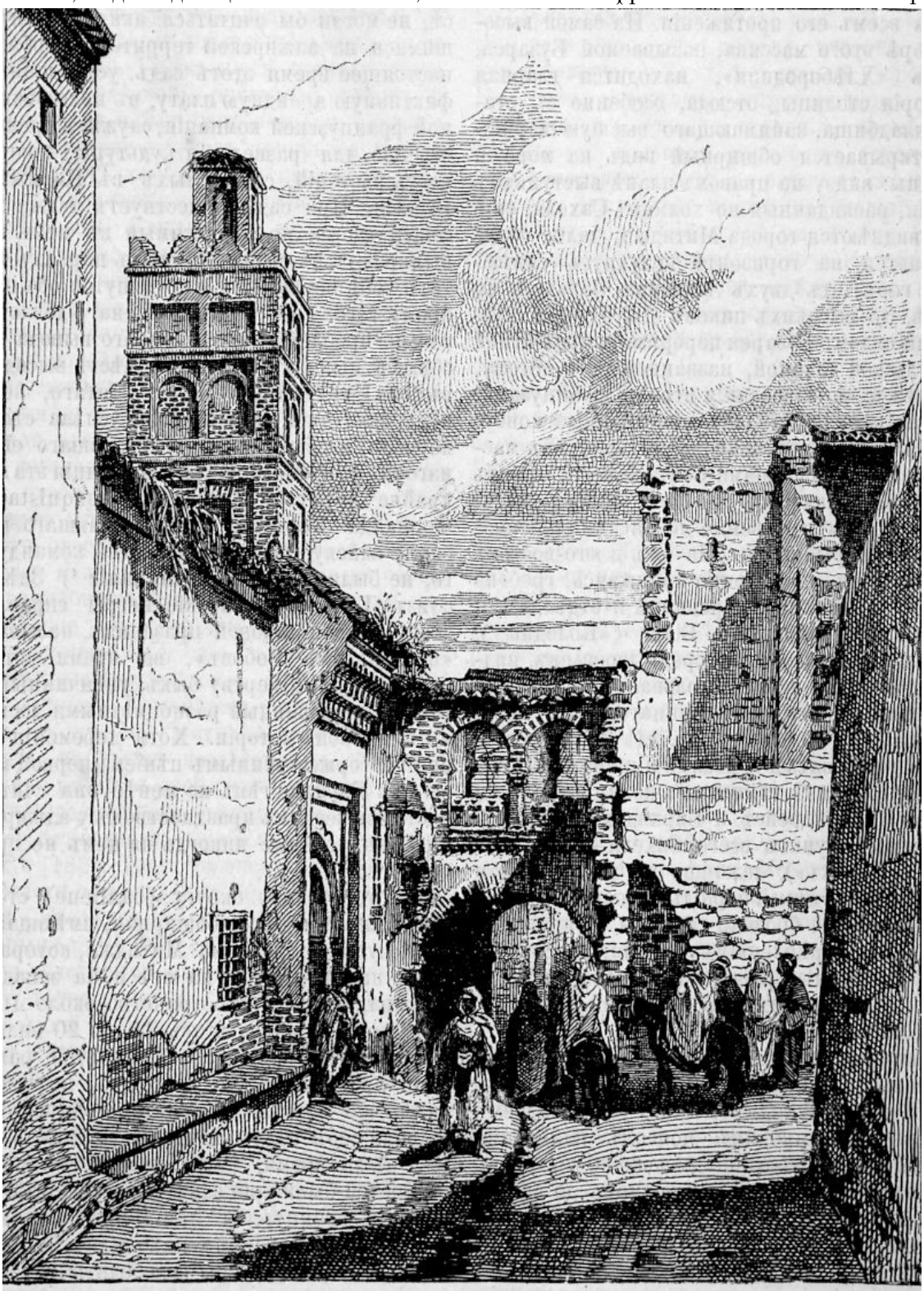
По привозу—113.904.836 франк., по вывозу—40.853.223 франк.

Что касается прибрежной или каботажной торговли, производимой мелкими парусными судами, то она в Алжире менее значительна, чем в портах Орана, Филиппвиля, Боны: причина тому—недостаток удобных и быстрых сообщений с внутренними городами и местностями. Алжир не имеет еще, в противоположность Орану и Константине, пути, проникающего далеко внутрь материка по направлению к пустыне; до сих пор не решен окончательно даже вопрос о проведении дороги в Лагуат. Что касается подомных дорог, которые были бы так полезны между Алжиром и общинами, расположенными на высотах, то эти дороги пока еще существуют только в виде проектов. Но если столице Алжирии недостает железных путей, то она имеет в своем распоряжении большое число обыкновенных дорог, и немногие города богаче её всякого рода общественными экипажами, омнибусами, дилижансами и каретами всевозможных форм и цветов: запряженные тощими, но неутомимыми лошадками, эти экипажи беспрестанно снуют взад и вперед, поднимая столбы пыли.

Счастливое положение Алжира на берегу моря и подошвы высоких холмов придает большое разнообразие вида окружающим местностям, и многие окрестные деревни представляют, кроме того, исторический интерес. На западе, за пригородом Сент-Эжен, двумя скалистыми мысами Pointe-Pescade и Caxine, и местечком Гюйотвиль, развертывается правильной линией плоский морской берег, ограниченный мыском Сиди-Ферруш (Сиди-Фередж), на котором теперь стоит укрепленная казарма, обороняющая подступы Алжира: в этом месте 14 июня 1830 года французский флот высадил свои войска; здесь же были наскоро возведены первые ретраншементы и произошли первые стычки, за которыми, пять дней спустя, следовала битва при Стауэли, открывшая французам путь к Алжиру. После завоевания страны, на берегу и в дюнах бухты Сиди-Ферруш поселились рыбаки и огородники, а самое поле сражения было уступлено казной, в 1843 году, траппистам, которые, при помощи штрафных солдат и наемных рабочих, испанских и арабских, а также при помощи субсидий от правительства, устроили ферму, где на пространстве 1.200 гектаров возделываются различные растения, особенно виноград и герань, разводимая для фабрикации блоговонных эссенций. Стауэли принадлежит к большой общине Шерага, в соседстве которой есть несколько древних мегалитов. На ближайших к этой общине горных склонах, в Аин-Беинен, сделаны опыты облесения: будущий лес занимает площадь в 500 гектаров.

Сахель, на юге и юго-западе от Алжира, уже захвачен земледельческой культурой почти на всем его протяжении. На самой высокой горе этого массива, называемой Бузареа, то-есть «Хлебородная», находится главная санатория столицы; отсюда, особенно с старого кладбища, занимающего высшую вершину, открывается обширный вид на море и равнины: внизу на правом плане выступают селения, раскиданные по холмам Сахеля; еще ниже виднеются города Митиджи; далее обрисовывается на горизонте полукруг синеющих гор, от двух вер-

шин Заккара, на западе, до высоких пиков Джурджуры. Северный склон Бузареи перерезан прелестной Консульской долиной, названной так потому, что прежде, до завоевания страны французами, сюда приезжали на дачу иностранные консулы. На одном из конечных выступов массива, над кладбищами Сент-Эжена, стоит часовня Африканской Божией Матери, по-



Видъ улицы въ Тлемсенѣ.

сещаемая преимущественно испанскими и неаполитанскими рыбаками. На юг и юго-восток продолжается, постепенно понижаясь, гребень Сахеля, увенчанный деревнями и отдельными строениями; близ Эль-Биара («Колодцы»), виллы которого рассеяны среди деревьев, виднеется могучая четыреугольная масса Императорского форта, построенного, как говорят, на

том самом месте, где некогда стоял редут, взятый войсками императора Карла V; в глубине тенистых долин прячутся селения Бирмандрейс и Бирхадем. Главный населенный пункт всего Сахеля—местечко Дуэра («Домик»), лежащее в южной части массива. В трудный период завоевания, когда вокруг колоний бродили гаджуты, Дуэра была передовым укреплением Сахеля; теперь это самый деятельный рынок и складочное место для земледельческих произведений этой горной области.

К юго-востоку от Алжира, на дороге, идущей вокруг Сахеля, цепь прибрежных поселений между Булькуром и Гуссейн-деем прерывается широким поясом плантаций, который занимает площадь около 80 гектаров и простирается от гребня холмов до самого моря: это сад Гамма, называемый также «Опытным» (Jardin d'essai) и основанный в 1832 году для производства опытов по акклиматизации иностранных растений. Эти попытки как нельзя лучше удались, и мало найдется городов, даже в тропических странах, где бы можно было встретить такия прекрасные аллеи пальм, веерников (латаний), драконников, бамбуков, священных индийских смоковниц; что касается древесной флоры умеренного пояса, то она представлена главным образом великолепною аллеею платанов. Хорошо защищенный от ветров, опытный сад пользуется исключительным на берегах Алжирии климатом, и многие растительные виды, являющиеся здесь во всей красе, не могли бы считаться акклиматизировавшимися на алжирской территории вообще. В настоящее время этот сад, уступленный, за фиктивную арендную плату, в пользование одной французской компании, служит преимущественно для разведения культуры декоративных растений, сбываемых в Париже и в Бельгии. При саде существует также страусовый двор, но содержимые в нем птицы вымирают в своих тесных парках и портят себе перья тем, что чешутся об ограду; кроме того, еще не разрешена удовлетворительно проблема искусственного вывода страусовых цыплят. В этом месте высадилась, в 1541 году, армия Карла Пятого, которая несколько дней спустя едва успела сесть на корабли, чтобы избегнуть грозившего ей полного истребления: правда, экспедиция эта велась крайне неумело, и советы «conquistador'а» Фернанда Кортеса, сопутствовавшего испанскому войску, но не в качестве командующего, не были приняты во внимание[1]. Здесь же, близ Гаммы, алжирские негры справляют свой большой годовой праздник, называемый «праздником Бобов», во время которого приносится в жертву бык, увенчанный цветами и украшенный разноцветными лоскутками шелковой материи. Хотя церемония начинается торжественным пением первой молитвы из Корана, тем не менее она считается чисто языческим празднеством у алжирских мавров, которые никогда на нем не присутствуют.

К городскому округу (banlieue) столицы принадлежит также обширная, имеющая форму полукруга, равнина Митиджа, которая тянется на юго-западе, на юге и на западе от Алжира, занимая пространство около 100 километров в длину и от 15 до 20 килом. в ширину. Военное завоевание этой равнины было продолжительно и трудно, по той причине, что первые губернаторы Алжирии все ставили себе целью овладение крепостью Медеа, в то время, как промежуточные пространства были еще заняты враждебными племенами; французские линии продовольствия и отступления постоянно находились под угрозой нападения, и, чтобы освободить их, нередко приходилось вступать в кровавый бой; случалось даже, что французские отряды были совершенно истребляемы превосходными силами неприятеля. Еще гораздо труднее оказалось земледельческое завоевание Митиджи. Болота и выступившие из берегов реченки зазаражали атмосферу вредными испарениями; расчистка почвы под пашни порождала лихорадки: непривычные к новому климату, незнакомые с правилами гигиены, колонисты погибали один за другим под тяжестью непосильного труда и неблагоприятных санитарных условий. Те из них, которые устояли против болезней, рисковали попасть в руки гаджутов и быть зарезанными, если удалялись на минуту из-под прикрытия лагерей или фортов. Способ труда, принятый большинством земледельцев, еще более увеличивал опасность. Каждый из них, получив клочок земли, обрабатывал его отдельно от соседей и потому не мог оказать сопротивления целой шайке неожиданно нападавших туземцев: таким об-

1 E. Pellissier, „Memoires historiques et geographiques sur l'Algerie".

разом, колонисты были убиваемы по одиночке. Впрочем, в некоторых деревнях европейские поселенцы, подражая примеру обезьян, которых они иногда заставали врасплох за делом разграбления полей, догадались, наконец, соединяться в партии, чтобы, под защитой часовых, сообща производить нужные работы на всей совокупности отведенных им земель. Так водворялась мало-по-малу колонизация в соседстве враждебных племен. В наши дни, хотя дело еще далеко не доведено до конца, хотя в низменностях еще залегают обширные болотные пространства, а многие высоты между речными бассейнами покрыты кустарником, в целом Митиджа есть бесспорно одна из наилучше возделанных областей Алжирии, и нигде в этой стране паровой плуг не завоевывает более быстро новых земель, приспособленных к правильному производству. В 1881 году европейское население этой области состояло из 30.500 душ, тогда как в Сахеле, за исключением Алжира, оно не превышало 28.000 чел.

Когда спустишься из Менервиля, который служит естественными воротами, ведущими из Большой Кабилии в Митиджу, первое крупное местечко, встречающееся на этом пути—Альма, лежащая недалеко от Бу-Дуау, среди платанов и эвкалиптов. За Альмой идут равнины, орошаемые водами Гамиза и усеянные селениями, из которых главное сохранило турецкое имя Фондук, данное ему как этапу на дороге верхнего Иссера. В 7 километрах выше Фондука воды Гамиза запружены исполинскою плотиной, при взгляде на которую нельзя без ужаса подумать об участи, ожидающей лежащие ниже запруды деревни в случае, если бы эта стена в 37 метров высоты, удерживающая жидкую массу объемом в 14 миллионов кубических метров, вдруг прорвалась. Запруженные воды еще не утилизируются вполне, потому что не окончена еще сеть оросительных каналов. Ниже Фондука, Гамиз переходит на территорию Руибы, другого большого села, где находится земледельческое училище Алжирского департамента: затем он изливается в море, в 3 километрах к югу от мыса Матифу, по-берберски Таментафус, или «Правой руки», названного так потому, что он командует алжирскою бухтой с правой стороны[1]. На этом высоком остроконечном мысе нет других жилых строений, кроме крепостцы, нескольких рыбачьих бараков и маяка, который стоит на вершине скалы, напротив алжирского маяка, находящагося на другой стороне бухты, в расстоянии 15 километров. От римского города Русгуниа, который был расположен между мысом Матифу и устьем Гамиза, остались только развалины, частию употребленные на постройку домов Алжира.

Бассейн уэда Гарраш, принимающего в себя множество мелких притоков, имеет более значительные размеры, чем бассейн Гамиза. В юго-восточной его части важнейшие поселения—Риве и Арба, с рынком земледельческих продуктов, часто посещаемым арабами. Ровиго, при главной реке, у выхода её из области гор, и Сиди-Мусса, на небольшом притоке,—многолюдные деревни южной области, где апельсинные рощи чередуются с виноградниками и хлебными полями; в 8 километр. к югу от Ровиго, в одной теснине верхнего Гарраша, бьют горячие соляные ключи Гаммам-Мелуан, или «Окрашенные», которыми пользуются окрестные арабы, а также мавры и евреи из Алжира. В северной части бассейна Гарраша находим настоящий город, расположенный на обоих берегах реки. Мезон Карре (Maison Carree), «Четыреугольный дом», получивший такое название от бывшей турецкой казармы, преобразованной теперь в тюремный замок, может быть рассматриваем как предместье Алжира, хотя он лежит в 12 километрах от столицы: в этом месте железная дорога делится на два пути, из которых один направляется на восток к Константине, а другой—на запад к Орану. Впрочем, и прежде, до прокладки рельсов, Мезон Карре имел важное значение как ключ сообщений Алжира с внутренними городами и областями: оттого этот пост на Гарраше был, в первое время французской оккупации, местом многочисленных битв; но, по причине вредных испарений болотистой почвы, гарнизон вынужден был каждый год эвакуировать крепость на время жаров. Теперь, когда почва ассенизирована, Мезон Карре сделался, подобно Гуссейн-дею, фабричным пригородом Алжира; он имеет большие кирпичные заводы, паровую мельницу для приготовления предназначенной к вывозу пшеничной муки и другие фа-

1 Lambert, рукописные заметки.

бричные заведения. По своим огородам и питомникам он тоже составляет предместье столицы; но главный центр огородничества находится в 6 километр. к северо-востоку, в дюнах морского прибрежья: там расположена деревня Fort de l'Eau, населенная преимущественно магонцами, которые так же хорошо владеют веслом, как и заступом, и сами возят на рынок продукты своей маленькой республики.

Буфарик, стоящий на небольшом возвышении почвы, находится в самом центре Митиджи: отсюда важное значение его ярмарок, на которые, с незапамятных времен, собираются арабы из всех окрестных местностей. В виду этого там был основан, в 1835 году, лагерь для наблюдения за племенами; но долгое время этот лагерь, постепенно преобразованный в город, заслуживал скорее название госпиталя или даже кладбища; часто в нем было больше больных, чем здоровых; цифра годовой смертности доходила до четверти или даже до трети общего числа жителей. Но мало-по-малу почва вокруг ярмарочного поля была осушена, болота превратились в сады, и платаны, посаженные в 1843 году, образовали тенистый бульвар, опоясывающий весь город. Каждая улица Буфарика представляет теперь великолепную аллею, так что город имеет вид парка; предместья тоже утопают в зелени садов: нигде влажная и плодородная почва Митиджи не производит более пышной и богатой растительности. Ярмарки Буфарика по-прежнему посещаются тысячами арабов, к которым теперь присоединяется многочисленная толпа колонистов. Город сделался земледельческим центром равнины; он служит складочным местом для произведений сельского хозяйства, имеет мастерские земледельческих машин и орудий, заводы для добывания благовонных эссенций. В нескольких километрах к востоку находится селение Шебли, славящееся во всей Алжирии своим превосходным табаком; но главные продукты этого края, после хлеба и сена,—вина и апельсины.

Блида, главный город Митиджи и шестой город Алжирии по числу жителей, не нового происхождения, как Буфарик; впрочем, до сих пор в нем не открыли никаких остатков римской старины; впервые о нем упоминается лишь в средние века. Кажется, он тогда носил имя Митиджи, как и вся равнина, в южной части которой он играет теперь первенствующую роль. Во времена турецкого господства Блида, или «Городок», сделалась увеселительным местом, и большинство богатых алжирцев имели там дачи с садами; но в 1825 г. землетрясение разрушило здания, под развалинами которых погибла половина населения. Затем следовали французская оккупация, атаки, битвы в рукопашную на улицах, резня, отступления, осады и штурмы: Блида была не более, как развалина, когда французы поселились там окончательно в 1839 году. Теперь это совершенно французский город по внешнему виду: от прошлого осталась только одна мечеть да несколько арабских домов; но в окрестностях видны еще кое-какие остатки прежней Блиды: фонтаны, гробницы с белыми куполами, тропинки, извивающиеся под большими маслинами. Из всех городов Алжирии Блида самый богатый апельсинными рощами, и его мандарины славятся во всем свете. Благодаря обильным водам уэда эль-Кебир, или «Большой реки», спускающагося с гор Бени-Салах, Блида имеет также несколько фабрик и мельниц; в скором времени она будет исходным пунктом железной дороги, которая проникнет на юг в долину Шиффы, направляясь к Лагуату. Несколько деревень следуют одна за другой справа и слева у подошвы Атласа; самая многолюдная из них—Сума. Одна из гор, увенчанная на вершине (1.627 метров) марабутом Абдель-Кадера бен-Джалали, осенена прекрасными кедрами, а на одном из её хребтов разрослась великолепная плантация каштанов, орешин, вишен, напоминающая пейзажи Альп и Пиренеев. Немногие местности Алжирии представляют такое грандиозное зрелище, как вид, открывающийся с гор Блиды на зеленеющую равнину Митиджи, обрамленную перешейком Типаза, цепью Сахель и синеватым треугольником моря, которое показывается на горизонте из-за гребней гор[1].

«Большая река» Блиды есть не что иное, как приток Шиффы, которая, в свою очередь, соединяется с уэдом Джер, чтобы образовать Мазафран. Шиффа, берущая начало на юге в

1 Durando, „Club alpin francais“.

горах, где находится город Медеа, течет, перед вступлением в равнину Митиджа, диким ущельем, которое, как гласит местная легенда, было прорублено одним святым марабутом. Гробница этого угодника, воздвигнутая на оконечности пика Музайя или Тамезгида, обставлена рядами кувшинов, приносимых арабами, которые надеются, что святой сторицей отплатит за их приношения, ибо это он изливает урны потоков, и от его воли зависит сделать страну плодородною или бесплодною. Гора Музайя названа так по имени одного берберского племени, приписывающего себе мароккское происхождение и очень храбро защищавшего свои горы против французов: вокруг этого племени группировались все другие туземцы массива. Имя Музайя перешло к двум французским поселениям: Mouazia-les-Mines, на юге, в узкой долине, с медными рудниками, теперь заброшенными, и с обильным минеральным источником; и Mouzaiaville, в равнине Митиджа, на линии железной дороги. Землетрясение 1867 года разрушило Музайявиль и несколько окрестных деревень. Теперь многие из отстроенных домов имеют форму большого ящика, поставленного на землю; сотрясение может только сдвинуть их с места, но не разрушить.

За Эль-Афруном, оранская железная дорога, покинув равнину, вступает в узкую долину уэда Джер и поднимается к порогу, отделяющему бассейн Мазафрана от бассейна Шиффы. К северу от этой дороги и одного притока Джера, уэда эль-Гаммам, на горном хребте находятся знаменитые ключи Гаммам-Рига (Pupa), наиболее посещаемый курорт Алжирии; в римскую эпоху эти Aquae Calidae («Теплые воды») тоже были сборным местом для больных и для богатых щеголей, как о том свидетельствуют надписи и скульптурные работы, найденные при раскопках. Теперь в соседстве источников выстроен великолепный курзал, окруженный садами и плантациями. Значительная высота местоположения (около 700 метров над уровнем моря) и грандиозная красота окружающего пейзажа, вместе с целебною силой терм, способствовали тому, что Гаммам-Рига сделался главною санаторией столичного населения.

На севере Митиджи, нижний бассейн Мазафрана, образуемый соединением уэда Джер и Шиффы, заключает в себе городок Колеа, который в первое время завоевания имел важное стратегическое значение, как передовой пост вне цепи алжирского Сахеля: это хорошенький городок, утопающий в зелени садов, хотя теперь он уже далеко не так красив, как был в эпоху, когда по скатам горы лепились в живописном беспорядке мечети, куббы и домики, обвитые фестонами виноградных веток; в то время он назывался «Святым», подобно тому, как Алжиру присвоен был эпитет «Воинственный», а Блиде—эпитет «Веселый». Здешние мавры, составляющие теперь меньшинство населения среди французов и других европейцев, все андалузского происхождения; они основали город в половине шестнадцатого столетия. Колеа занимает западную оконечность узкого перешейка холмов, который продолжается до устья Надора, и на высшей вершине которого стоит древняя гробница, известная у туземцев под именем Кобр-эр-Румиа, то-есть «Могила Христианки». Это—массивный памятник цилиндрической формы, украшенный по окружности 60 колоннами, с ионическими капителями, и увенчанный конусом с уступами, высотою в 33 метра, который, вероятно, поддерживал статую. Теперь известно, благодаря раскопкам Бербруггера и Мак-Карти, что это тот самый монумент, о котором говорит Помпоний Мела, и который служил общим мавзолеем для целой царской фамилии, вероятно, династии Сифакс. Само собой разумеется, арабы, в поисках кладов, не раз разрывали «Могилу Христианки», но без успеха: как сообщает легенда, копатели были каждый раз обращаемы в бегство легионами комаров, тотчас же поднимавшимися с озера Галула. Это озеро, или вернее болото, занимающее впадину Митиджи у подошвы холма «Гробницы», недавно было осушено; но в дождливые годы, каков был, например, 1884-й, стоячия воды снова наполняют низины, в ущерб земледелию и народному здравию.

Общины Сахеля и Митиджи, с населением свыше 3.000 душ в 1881 г.: Алжир (1896 г.)—92.120 жит.; Блида (1896 г.)—25.283 ж.; Буфарик (1891 г.)—8.064 ж.; Фондук—7.035 ж.; Ровиго—6.173 ж.; Арба—5.960 ж; Колеа—5.439 ж.; Маренго—4.000 ж.; Музайявиль—3.873 ж.; Дуэра—3.492 ж.; Сума—3.477 ж; Альма—3.430 ж.; Шерага—3.196 ж. Риве—3.165 ж.;

Мезон-Карре—3.031 жит;

На западной оконечности Митиджи, в цирке холмов, имеющем форму залива, расположено красивое местечко Маренго, окруженное виноградниками: это один из главных рынков равнины, один из самых цветущих центров земледельческой культуры. Городские фонтаны и оросительные канавки садов питаются искусственным озером уэда Мэрад, образованным в 10 километр. выше Маренго посредством запруды, которая задерживает около 2 миллионов кубич. метров воды, пропуская 200 метров в секунду. Ниже Маренго, уэд Мэрад, соединясь с уэдом Буркика, вступает, под именем Надора, в ущелье, над которым господствуют кручи Шенуа, и по выходе из гор изливается в море, близ небольшого порта Типаза, наследника римского города, частию затонувшего, либо вследствие оседания почвы, либо по причине местного размывания берегов[1]. Буркика приобрела печальную известность, как место ссылки: нигде не погибло больше ссыльных в первые годы империи; идти в Буркику значило идти на верную смерть[2]. Настоящее имя реки, называемой в оффициальной французской номенклатуре «уэд Мерад», есть, вероятно, уэд эль-Мерд, «река Болезни»[3].

Массив Дахра, ограничиваемый на юге долиной Шелифа и соединенный с остальной частью гористой Алжирии только невысоким порогом, внизу которого проходит железная дорога из Алжира в Оран, заключает всего четыре города, из которых три расположены на окружности массива—Шершель и Тенес на берегу моря, Милиана—на высоком мысе, господствующем над долиной Шелифа. Деревень, основанных французами, тоже очень мало, что объясняется бесплодием почвы и недостатком воды.

Шершель, построенный на западной стороне массива Шенуа—один из древнейших городов Алжирии. Дважды восстановленный—в первый раз андалузскими маврами, во второй французами,—он появляется уже в первые времена истории под пуническим именем Иол; но начало его славы и процветания относится к римской эпохе, когда Юба Младший сделал его столицей своего царства и дал ему название Caesarea, которое он сохранил до настоящей минуты, хотя сильно измененное временем. Эта «блистательнейшая колония кесарийская» оставила по себе многочисленные памятники, между прочим, термы, где нашли прекрасную статую, «Венеру Шершельскую», перевезенную в музей Алжира, и многие другие замечательные изваяния. В 1840 году, когда на развалинах выстроился французский город, существовал еще ипподром, вполне сохранившийся, который теперь представляет простое углубление почвы[4]; театр разработывается как каменоломня. Между двумя колоннами, на цюрихской дороге, видны величественные остатки водопровода с тремя рядами аркад, доставлявшего воду в обширные цистерны: это единственное сооружение римской Цезареи, которое было реставрировано. Шершель тоже имеет маленький музей древностей, который помещается на дворе, под открытым небом; самый интересный предмет в этой коллекции—фрагмент египетской статуи. Порт, пространством около 2 гектаров, состоит из маленькой кругообразной бухты, защищенной от северо-западных ветров островком Жуанвиль, но он открыт северным ветрам, очень опасным на этом берегу, и в дурную погоду недоступен, по причине больших волн на море, преграждающих вход; когда ветры благоприятны, он принимает около сорока мелких судов, для крупных же глубина воды (от 3 до 4 метр.) недостаточна. Бассейн этот есть не что иное, как древне-римская гавань: при очистке его, в 1843 году, в тине нашли судно, может-быть, римское, в котором все члены были скреплены деревянными болтами и гвоздями. Окрестные горы заняты берберским племенем бени-менассер, говорящим арабским языком, которое в продолжение нескольких лет с ожесточением защищалось от французов.

К западу от Шершеля, местечко Нови, земледельческая колония 1848 года, обогащается эксплоатацией ломок лавы, порфира и гранита. Далее встречаем новое местечко Гурайя, ко-

1 Lambert, рукописные заметки.
2 O. Ranc, „Une evasion de Lambese“.
3 Lambert, рукописные заметки.
4 Playfair, „In the footsteps of Bruce“,

торое обязано своим основанием обилию медной и железной руды в соседних горах. В нескольких километрах к западу от Гурайи, на плато Сиди-Брагим, которое разделяет две бухточки, довольно хорошо защищенные от ветров и самые удобные на том берегу для пристанища судов, находился древний *oppidum* Гургу, представлявший гораздо более выгодные условия для устройства порта и расположенный близ устья уэда Дахмус, который дает легкий доступ во внутренния долины[1]. Соседство рудников—вот одна из причин относительной важности, которую приобрел город Тенес, основанный как раз посередине берега Дахры, между Типазой и Мостаганемом. Деревня Монтенот, в 6 километрах выше города, в долине уэда Аллала, есть главный центр горного округа, где разрабатываются залежи железной руды и жилы меди, свинца, серебра. Тенес, наследник римского *Cartennae* или *Car Tennae*, то-есть «Мыс Тенне» по-берберски (на западных берегах Алжирии слово «Кар» упо-

Могила христіанки.

требляется в том же значении, как на восточных слово «Рус» (Rusicada, Rusurucus), именно в смысле высокого мыса)[2], состоит из двух городов: Старого Тенеса, вероятно, занимающего местоположение финикийской колонии, и собственно Тенеса, построенного в версте ниже, при устье уэда Аллала; римских развалин здесь не осталось, но существуют еще обширные подземелья, утилизируемые теперь как кладовые и погреба: это французский город, занятый тринадцать лет спустя после завоевания Алжира. Весьма вероятно, что первая колония Тенеса, хотя лежащая теперь внутри материка, была основана на берегу моря, и что наносы Аллалы, намывы морского песка и, может-быть, также поднятие почвы приготовили место, на котором стоит новый город. Аллювиальное происхождение местности объясняет отчасти обидную поговорку, охотно повторяемую в соперничающих городах: «Тенес—город, построенный на навозе; вода в нем—кровь, воздух—яд». Тенес, приморский складочный пункт всей области Дахра, связан с остальною Алжирией пока только грунтовыми дорогами; железный путь, долженствующий соединить его с станцией Орлеанвиль, еще не начат постройкой. Порт, находящийся к северо-востоку от города и прикрытый рифами, которые при помощи жете соединены с берегом, представляет бассейн пространством в 24 гектара, где суда

1 Cat, „Bulletin de Correspondance Africaine“, mai et juinu 1892.

2 Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

находят безопасное пристанище; но доступ к нему не при всех ветрах удобен, и когда буря вздымает большие волны, корабли предпочитают держаться в открытом море, опасаясь быть нанесенными на мол порта.

На всем побережье, длиной около ста верст, которое простирается к юго-западу от Тенеса до устья Шелифа, нет французских городов или деревень, да и внутри материка колонисты пока еще сгруппировались лишь в небольшие поселения, из которых самое значительное—Кассень, административный центр общины, занимающей пространство слишком в 1.500 километров, но населенной почти исключительно туземцами. Жители Дахры по большей части берберского происхождения, и даже некоторые племена, как, например, зериффа и ашаша, живущие в соседстве морского берега, на западе от Тенеса, до недавнего времени говорили наречием, родственным диалекту кабилов; другие же племена давно уже приняли язык победителей. Арабские нравы преобладают, так как жизнь в шатрах составляет здесь общее правило; только чисто-берберские народцы обитают в домах; в промежуточном поясе мужчины проводят время в палатках, подобно арабам, но женщин своих держат в соседних жилищах под кровом и замком. Большое число деревьев вокруг дуаров свидетельствует о берберской крови обитателей; некоторые долины сплошь покрыты зеленью маслин и смоковниц; когда урожай обильный, часть плодов вывозится, отправляемая на маленьких баланселлах (неаполитанское одномачтовое судно, с латинским парусом), которые стоят на якоре в бухточках прибрежья. Маленький городок, некогда берберский, затем кулуглийский, Мазуна, занимает в центре Дахры прелестную долину, обильно орошаемую живыми водами, спускающимися к Шелифу: во время борьбы между арабами и французами он всегда сохранял нейтралитет, и строгому соблюдению мира обязан своей административной автономией[1]; французы не поселились в нем. В Мазуне родился Могамед-бен-Али-эс-Сенуси, основатель могущественного ордена, горячо проповедующего возвращение к первоначальной чистоте мусульманского догмата и ненависть к христианам и туркам; на скале виднеется знаменитая кубба и зауйя, бывшая колыбелью нового ордена; теперь этот монастырь стоит в запустении[2]. К западу от Мазуны, холм Некмариа увенчан старым борджем, под которым, в боку горы, открываются украшенные великолепными сталактитами гроты печальной памяти, где генерал Пелисье, в 1845 году, приказал выкуривать укрывшееся там племя улед-риах. По рассказам нескольких оставшихся в живых членов этого племени, в пещере было тогда 1.150 человек[3].

Главные полноправные общины Дахры, с цифрой их населения в 1881 году: Гурайя—23.865 жит. (из них 236 европейц.); Шершель—7.785 жит. (из них 2.174 европейц.); Тенес—4.744 жит. (из них 1.643 европейц.); Ментенот—3.336 жит. (из них 291 европейц.).

Совершив половину своего пути и приняв свой главный приток, Нахр-Уассель, «образующийся из семидесяти источников», Шелиф выходит из области плоскогорий, чтобы вступить в ущелья Атласа и достигнуть продольной долины, отделяющей Дахру от массива Уарсенис. При входе в горный проход, первое населенное место, встречаемое путешественником, стоит на мысе правого берега, на высоте 200 метров над рекой, которая в этом месте лежит на 450 метр. выше уровня моря. Это—деревня Богари (Букрари), будущая станция железной дороги из Алжира в Лагуат. На вершине холма мзабиты, посредники в торговле между Теллем и Сахарой, построили «ксар», в одно и то же время крепость и складочный магазин, у подножия которого собирается рынок: невозможно было выбрать более удобное сборное место на рубеже двух естественных областей; отсюда вывозится лучшая шерсть, какую производит плоскогорье[4]; здесь же склад альфы и зерновых хлебов. К северо-западу от этого рынка, на более высоком выступе горы (970 метров), расположен укрепленный лагерь Богар или Бугар,—т.е. «Грот»,—который был построен в 1838 г., по приказанию Абдель-Каде-

1 Bourdon, „Bulletin de la Societe de Geographie“, juin 1872.
2 Duvevrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1884.
3 Bourdon, „Bulletin de la Societe de Geographie“, juin 1884.
4 Paul Soleillet, „L'Algerie“;—Maab;—Tildike.

ра, и которым французы овладели в 1841 г., чтобы командовать ущельями Шелифа и преградить вход враждебным племенам юга. С высоты цитадели, прозванной «южным балконом», открывается обширный вид на южные степи, первый кусок пустыни, отделяемый Джебель-Амуром от беспредельных пространств Сахары.

Медеа (у арабов Мидиа или Лемдиа) занимает, на покатости Шелифа, одну из высших точек горного массива, господствующего с юга над равниной Митиджа; она построена на высоте 920 метров, близ южного основания горы Надор (1.062 метра), «обсерватории», откуда можно обозревать вершины всех окружающих массивов, от Уарсениса до Джурджуры. Медеа, прежде главный город бейлыка Титтери, была театром самой ожесточенной борьбы в первое время завоевания, и нигде во всей Алжирии не легло так много французов, как в знаменитом горном проходе Тениет (Тениа), посредством которого город сообщается с Митиджей; занятая французским войском в 1840 г., Медеа окончательно вышла из осадного положения только в следующем году. Теперь это чисто-французский город по внешнему виду и большинству населения; единственное, что в нем есть замечательного,—это водопровод, состоящий из двойного ряда арок, перекинутого через овраг: от римского города, замененного городом арабов и французов, остались лишь незначительные обломки. Скаты холмов, которые переходят за пределы пояса оливковых деревьев, покрыты виноградниками, продукты которых (вина) уже пользуются известностью; спаржа из Медеи соперничает на парижском рынке с аржантейльской; пшеница её тоже отличается превосходным качеством. Медеа занимает слишком возвышенное положение, чтобы могла сделаться станцией будущей железной дороги из Алжира в Лагуат; дорога эта пройдет восточнее, недалеко от Дамиетты и Бен-Шикао, деревни, славящейся своей образцовой овчарней.

Усиленный ручьями, вытекающими из гор Медеи и Джендель, Шелиф омывает холм, на котором расположена Амура, то-есть «Счастливая», наследница римского и берберского города Суфасар, затем изгибается к западу и вступает, наконец, близ Лаваранды, в широкую равнину, через которую проходит железная дорога из Алжира в Оран. Эта область—один из жизненных пунктов Алжирии, благодаря встрече двух важных географических путей: с одной стороны—средней долины Шелифа, открывающей легкий доступ к плоскогорьям, с другой—большой продольной долины, образующей проход между горами Уарсениса и холмами Дахры. На высотах, господствующих над точкой схождения дорог, расположена деревня Аин-Султан, окруженная обширными виноградниками, где работают по большей части выходцы из Эльзаса. На севере этого мыса находится большое село Аффервиль, одна из важнейших по торговле станций железного пути; между жителями много переселенцев из города Милиана, построенного севернее, на ровной, почти горизонтальной террасе скалы Заккар-эль-Гарби. Эта скала, высота которой 740 метров, с двух сторон, на юге и востоке, оканчивается крутыми обрывами, стоя на краю которых видишь у себя под ногами широкую бухту зелени, оживляемую журчанием вод Бутана, которые льются пенящимися скатертями с плато Милиана и своими каскадами приводят в движение колеса маленьких мельниц. Ручей, берущий начало на самой террасе города, дает в период мелководья около 300 куб. метров в секунду; инженеры предлагали провести в Алжир чистыя воды, вытекающие из склонов горы Заккар-эль-Гарби. Хотя построенная на скале, Милиана почти совсем закрыта густыми ветвями высоких платанов, которыми обсажены эспланады городской ограды и боковые аллеи главного бульвара; с края террасы открывается великолепный вид на обширный полукруг синеватых гор до остроконечных пиков Уарсениса. Нынешний город по внешности совершенно французский: никаких развалин римской Маллианы не сохранилось, уцелели только кое-какие остатки арабских построек; впрочем, на главной площади существует еще старый минарет, весь обросший плющем и служащий башней для городских часов. Занятая в 1840 году французским войском, Милиана была из всех алжирских крепостей самым гибельным для гарнизона местом; когда осада, продолжавшаяся шестнадцать месяцев, была снята, из 1.200 солдат осталось в живых не более сотни; семьсот человек умерли от лихорадки, лишений или истощения; живые дотого ослабели, что не в состоянии были хоронить умерших. В окрестностях рассеяно много ферм, и некоторые из них окруже-

ны виноградниками, производящими высоко ценимые вина.

В горах, стоящих против Милианы, по другую сторону Шелифа, другой город, менее важный, защищает восточные массивы Уарсениса; это—Тениет-эль-Гад, или «Воскресный проход», названный так потому, что еженедельный рынок бывает там по воскресеньям; высота порога, над которым господствует это местечко, около 1.145 метр. Арабы там, относительно, многочисленнее, чем в Милиане; в окрестностях маленькая колония негров занимает две группы хижин, называемые «Томбукту», Верхнее и Нижнее. «Воскресный проход» славится в мире ботаников и путешественников своими великолепными дубовыми и кедровыми лесами, которые покрывают оба склона джебеля Эндат; в лесу бьют из земли очень богатые железистые ключи. К югу от Тиарета простирается плоскогорье Серсу, некогда покрытое лесом и обильно орошаемое источниками, а ныне голое, лишенное растительности и изрезанное оврагами, в которых текут дикия воды, действующие разрушительно, вместо того, чтобы приносить плодородие[1]. Серсу—одна из местностей Алжирии, особенно изобилующих доисторическими могилками, оградами, памятниками, сложенными камнями; один древний город, верстах в сорока к юго-западу от Тениета, занимает более обширное пространство, чем нынешняя столица страны. Между странными памятниками этой области самые любопытные—это ряды камней, так расположенных, что совокупность их представляет фигуру огромной ящерицы в 80 метров длиной. Таким образом мы находим и в Старом Свете пример тех символических памятников, которыми *moundbuilders* в Огайо любили украшать равнины[2].

К западу от Аффервиля и Лавaранды многолюдные селения следуют одно за другим в долине Шелифа. После Дюперре показывается Сен-Сиприен (Saint-Cyprien des Attaf), где можно видеть единственное в своем роде зрелище общины арабов, обращенных в католическую веру; правда, что это все сироты, подобранные во время голода 1867 г. и остававшиеся без сношений со своими единоплеменниками. Далее железная дорога проходит через Уэд-Фодда, лежащий на уэде того же имени, спускающемся из цирков на боках Уарсениса. Ниже, воды Шелифа, задерживаемые запрудой, изливаются по сторонам в ирригационные каналы, разносящие плодородие по полям. Верстах в пятнадцати ниже по реке основан в 1843 году главный город нижней долины Шелифа, Орлеансвиль, построенный на месте, известном у арабов под именем эль-Аснам, то есть «Колонны» или «Идолы»[3]; тут действительно стояла некогда церковь римского *oppidum Tingetii*, сооружение которой, судя по одной надписи, относится к четвертому столетию: теперь от храма остались только склеп да мозаичный пол. Как административный и военный центр и как промежуточный этап между Алжиром и Ораном, Орлеансвиль приобрел некоторую важность в торговом отношении, которая с проведением железной дороги, направленной к порту Тенес, должна еще более возрасти; но невыносимые жары летом, яростные ветры зимой делают пребывание в этом городе не особенно приятным для европейцев. Хорошо еще, что в окрестностях есть сосновый и рожковый лес (около сотни гектаров), где прогуливающиеся находят хоть немного тени. В соседстве, близ деревни Малахов Курган, расстилаются, по берегам уэда Сли, вытекающего из гор Уарсенис, обширные степи, где предполагают основать птичий двор для содержания и разведения страусов.

Большое местечко Инкерман расположилось при слиянии Шелифа и уэда Риу, который перед тем протекает через территорию общины Амми-Муса, где живут еще чистокровные берберы, бени-ураг, сохранившие нравы и учреждения, подобные тем, какие мы видим у кабилов Джурджуры. Другая община, Земора (Землеура, или «Оливковая роща»), занимает большую часть массива, который ограничен на западе течением Мины, берущей начало на высоких плато, и на котором живут жалкие остатки большого союза племен флитта или флита, почти истребленного войной с французами и голодом. Тиарет (Тигарет, Тигерт), т.е.

1 Trolard, „Ligue du Reboisement“;—R. do la Blanchere, etc.

2 Letourneux;—Mac-Carthy.

3 Lambert, рукописные заметки.

«Резиденция» по-берберски, командует всей этой областью с высоты террасы (1.083 метра) горы Геззул. В 1843 г. он сменил, как господствующий пункт окрестной страны, Такдемт или «Новый Тиарет», орлиное гнездо, которое Абдель-Кадер избрал в 1836 г. центральной цитаделью своего царства, и которое было разрушено французами в 1841 г. Местные жители не говорят уже старым берберским наречием: оно сохранилось только в названиях мест, смысл которых непонятен туземцам. К юго-западу от двух Тиаретов, в том же верхнем бассейне Мины, находим другой город берберского происхождения, Френда, лежащий на высоте 1.031 метров, в соседстве обширных лесов зеленого дуба, туйи и алепской сосны. На востоке от Френды, близ источников, называемых Рас-эль-Мина или «Голова Мины», на трех северных отрогах джебеля-эль-Ахдар или «Зеленой Горы», высятся «джедары», массивные постройки, бывшие мавзолеями, как «Гробница Христианки», и представляющие, вероятно, простую копию этого надгробного памятника: это четыреугольные призмы, высотой около 18 метров, оканчивающиеся в верхней части пирамидами со ступеньками[1]. На соседних скалах видны до-исторические изваяния: желобки и ямки, выдолбленные в камне, заставляют думать, что одна из этих скал служила жертвенником. Некоторые из соседних долменов поражают колоссальностью размеров: по словам путешественника Томассини, один из этих камней имеет 45 метров (21 сажен) в длину. Бернар, цитируемый Фергюсоном, говорит, что верхняя плита памятника имеет 20 метров длины, при 8 метрах ширины и 3 метрах выши-ны[2].

Железная дорога, уже начатая постройкой, соединит Тиарет с Мостаганемом через долину реки Мины. Она пройдет через деревню Фортасса, пересечет рельсовый путь из долины Шелифа в Релизану, затем, перейдя Мину ниже слияния её с уэдом Гиллиль, обогнет массив холмов, чтобы идти вдоль основания плато Айн-Тедлес, где уже начинается городской округ Мостаганема. Недалеко оттуда находится значительное селение Пон-дю-Шелиф («Мост на Шелифе»), названное так от путевода, который турки построили руками испанских невольников, и который был реставрирован французами. Несколько других деревень, Айн-Бу-Динар, Туми, Пелисье, следуют одна за другой на дороге в Мостаганем.

Этот древний город лежит не на самом берегу моря; он построен на высоте около ста метров, на утесе, который оврагом Аин-Сефра, где течет постоянный ручей, разделен на две части: на востоке—военный город, или Матамор, названный так от *матмурсов*, или силосов, в которых турки хранили зерновые хлеба; на западе—собственно Мостаганем, почти совершенно перестроенный на европейский лад. Впрочем, большинство населения состоит из французов и других переселенцев из Европы; старые семейства мавров, пропорционально более многочисленные, чем в Оране, уменьшаются с каждым годом. В шестнадцатом столетии, при Хейр-Эддине, Мостаганем был одним из главных городов Алжирии; до постройки железной дороги из Алжира в Оран, в нем сосредоточивалась торговля долины Шелифа; с проведением же этой линии он снизошел на степень второстепенного города: плодородие окружающей местности и выгодное положение у выхода главной речной долины Алжирии были недостаточны, чтобы снова сделать Мостаганем одним из торговых центров; ныне он соединен железнодорожной ветвью с общей алжирской сетью. Особенно нужен ему хороший порт; пока он имеет только морскую пристань (marine), мало защищенную от ветров, и рейд, где часто бушуют волны в бурную погоду; но теперь уже занялись устройством молов.

Движение судоходства в Мостаганемском порте в 1883 году:

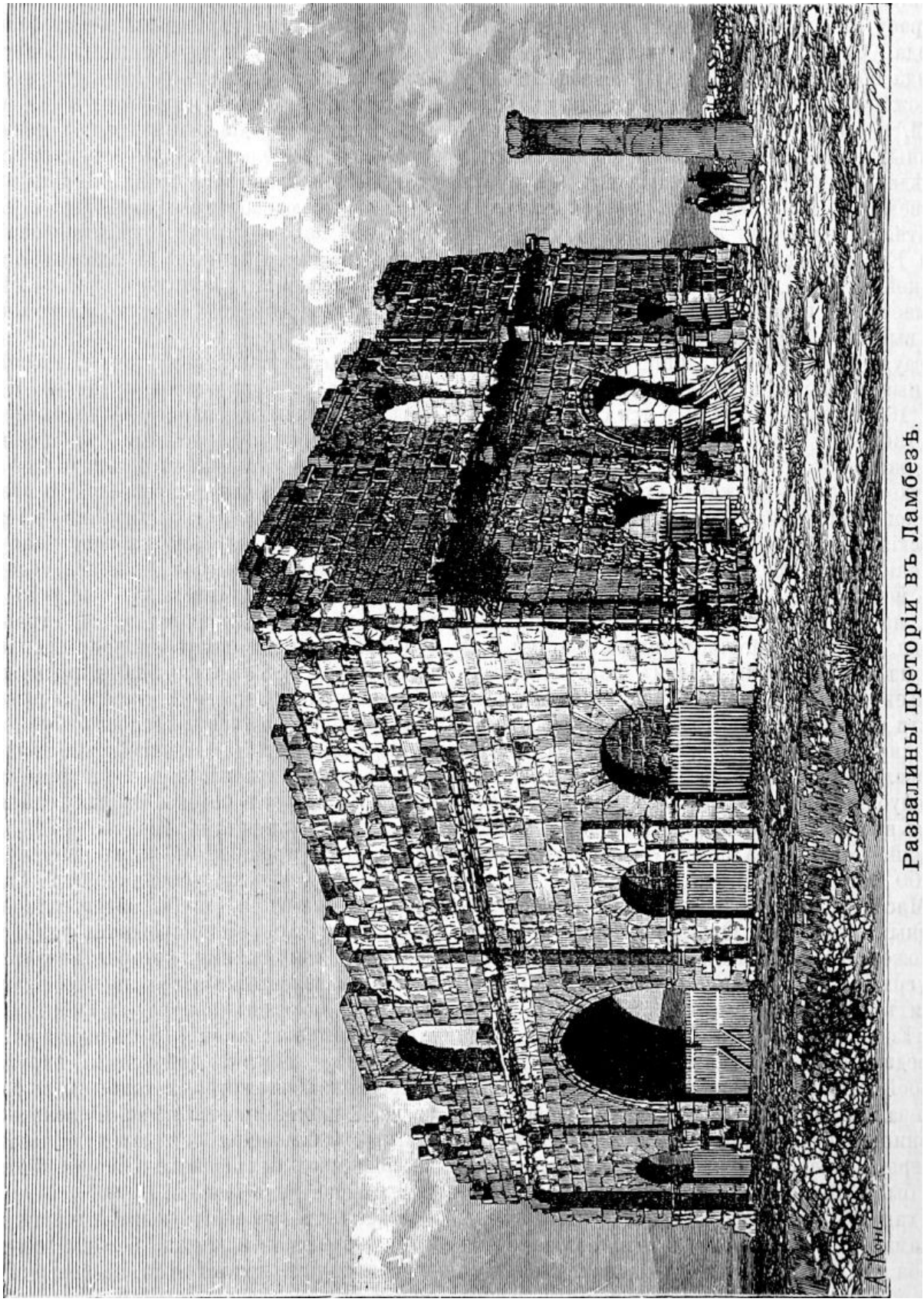
В приходе—137 судов, вместимостью в 61.026 тонн; в отходе—161 судно в 63.168 тонн; всего, вместе с каботажем—458 судов, в 198.196 тонн.

К югу и западу от Мостаганема рассеяны многочисленные деревни; самая многолюдная из них—Мазагран, прославленная геройским сопротивлением её маленького французского гарнизона, в 1840 году; находившееся там ранее арабское население было переведено Аб-

1 Bordier;—Picavet;—Berbrugger;—R. de la Blanchere, „Voyage d'etude dans une partie de la Mauretanie Cesarienne".

2 Broca, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris", 1875.

дель-Кадером в его резиденцию Такдемт[1]. Долина Садов, орошаемая источниками Аин-Сефра, образует пояс зелени вокруг Мазаграна и Мостаганема; между этими двумя общинами находятся конский завод и скаковое поле.



Развалины преторіи въ Ламбезѣ.

Главные общины бассейна Шелифа, с цифрой населения в 1881 году:

Алжирский департамент: Медеа (1891 г.)—15.563 ж. (1.787 франц.); Орлеанвиль

1 Baude, „L'Algerie".

(1891 г.)—11.132 жит. (1.764 франц.); Милиана (1891 г.)—7.406 жит. (1.058 франц.); Дюперре—3.710 ж; Тениет-эль-Гад—3.342 жит.; Сен-Сиприен—3.084 жит.; Аффревиль—2.666 жит.; Богар—2.501 жит.; Богари—2.110 жит.

Оранский департ.: Мостаганем (1891 г.)—14.374 жит. (3.200 франц.); Релизана—5.302 жит.; Пон-дю-Шелиф—3.563 жит.; Абукир—2.698 жит.

Бассейн Макты, впадающей в Арзевский залив, верстах в тридцати к юго-западу от Мостаганема, заключает в себе, пропорционально, больше важных городов, чем бассейн Шелифа. Около истоков главной реки, которая, под разными именами, продолжается до Макты, новый город Саида, т.е. «Счастливая», основанный в 1854 г., построен на высоте 868 метров у подошвы холмов, ограничивающих на севере область плоскогорий. Арабский город, теперь разрушенный, занимал, в 2 километрах оттуда, террасу с крутым скатом на берегу уэда Саида. Своим важным значением город Саида обязан счастливому географическому положению между двух естественных областей, и особенно тому, что он служит складочным местом для альфы, собираемой на соседних плато: почти европейский климат позволяет культивировать в окружающей местности плодовые деревья и овощи умеренной Европы. Саида—центральная станция железной дороги, которая из города Арзе поднимается на плоскогорья, переходит гребень, на высоте 1.170 метр., через перевал Тафарауа, высшую точку линии, и вступает в южные пустыни, где продолжается за шотты. В 10 километрах к югу от Саиды, но уже на 130 метр. выше, на окраине альфового моря, расположено большое промышленное местечко Аин-эль-Гаджар, где находятся склады концессионерной компании и паровые мастерские для прессования волокон альфы; население этого городка состоит исключительно из испанцев. Скалы в окрестностях Саиды, на первых внешних ступенях плоскогорья, изрыты многочисленными гротами, где текут живые воды. Один из обильных ручьев, Аин-Назерег, был прослежен в части его подземного течения: он проходит по дну воронки, образовавшейся вследствие провала верхнего слоя почвы и называемой «Голубиной пещерой», затем разливается озером в обширном гроте и выходит на свет Божий, чтобы снова исчезнуть под землей в 1.500 метр. ниже[1].

Маскара, один из уездных административных центров Оранской провинции, расположенный на южной террасе горы Бени-Шугран, изрезанной глубокими оврагами, стоит слишком высоко (588 метр.), чтобы железная дорога из Саиды в Арзе могла учредить там свою станцию; но он соединен особой ветвью со станцией Тизи, лежащей на юго-западе, на западной оконечности большой равнины Эгрис. Маскара, или «Постоянный лагерь», еще сохранила свой военный вид: это была столица царства Абдель-Кадера. Племя хашем, к которому принадлежал эмир, занимает еще страну, и чтимая народом кубба его отца, Сиди-Маги-Эддина, стоит на юго-востоке, в деревне Кагиеру. Как центр торговли и земледелия, Маскара—очень деятельный город, и важность его должна возрастать по мере расширения культуры на орошаемых склонах и в равнине Эгрис, второй Митидже по обширности и плодородию почвы; белые вина Маскары уже пользуются известностью в Алжирии. Верстах в двадцати к юго-западу, на берегах уэда эль-Гаммам, или «реки Терм»—местное имя верхней Макты,—находятся посещаемые больными воды Бу-Ганефиа, которыми пользовались уже римляне под именем *Aquae Sirenses*. В Маскарском округе встречаются во множестве доисторические памятники, а также палеонтологические остатки. Помель нашел там скелеты атлантического слона (elephas atlanticus) и верблюдообразного животного: таким образом верблюд, не существовавший в мавританских странах в первые времена писаной истории, составлял часть местной фауны в предшествовавшую геологическую эпоху[2].

Перрего, лежащий в точке пересечения железных дорог алжиро-оранской и арзе-саидской, занимает первое место между городами Алжирии по удобству сообщений, но имеет значение только как складочное место для земледельческих произведений; поля его орошаются, с 1863 г., каналами, проведенными из Габры, которой искусственное озеро, самое об-

1 R. de la Blanchere, цитированный мемуар.

2 „Association francaise pour l'avancement des sciences", session de Grenoble 1885.

ширное во всей Алжирии, содержит иногда до 40 миллионов куб. метров воды; но эти выгоды покупаются ценой страшных бедствий, происходящих от прорыва плотин: так, зимой 1881 года стена запруды, длиной 445, вышиной 34 метра, частию обрушилась, вся местность вокруг Перрего была мгновенно залита, и 170 несчастных колонистов, захваченных врасплох наводнением, нашли смерть в волнах потопа. За два года перед тем путешественник Шарль Град указывал легкую трещину в этом сооружении[1]. На севере, большая равнина, где Габра и Сиг соединяются, чтобы образовать Макту, почти вся концессионирована финансовому обществу, тому самому, которое получило монополию эксплоатации альфы на плоскогорьях, и которое построило запруду на Габре. Центр этого обширного имения, обнимающего 24.500 гектаров,—деревня Дебрусвиль, окруженная виноградником, который покрывает равнину на необозримое пространство. Опасные болота Макты, занимающие центральную часть концессионированных франко-алжирской компании земель, еще не осушены.

Река Сиг, способствующая, вместе с Габрой, образованию этих болот, сопровождается, как и другая река, в большей части её течения железной дорогой, которая поднимается к плоскогорьям. Высшая станция (1.162 метра) носит имя Рас-эль-Ма, или «Голова вод» (оффициальное её название—Бедо), потому что лежит близ истоков уэда эль-Гасаиба, главной ветви верхнего Сига. Ниже, на высоте 955 метров, находится новое село Маджента, составляющее часть общины Дайя, военного поста, лежащего восточнее, между лесистыми горами. Другая станция, на высоте 679 метр., носит оффициальное имя Шанзи: это—Сиди-Али-бен-Юб, поля которого частию орошаются теплым источником; в этом месте находилась римская станция *Albulae* или *ad Albulas*, развалины которой служат каменоломнями колонистам. Затем следуют станции Табиа, куда будет проведена ветвь тлемсенской железной дороги, и Бу-Ханефис, деревня, построенная ниже прорвавшейся запруды. Окрестные горы представляют еще местным испанским поселенцам несколько пространств, годных для эксплоатации альфы.

Сиди-бель-Аббес, названный так от одной куббы племени бен-амер—совсем новый город, несмотря на арабское имя. Расположенный на высоте 473 метр., на берегах Мекерры (так называется Сиг в этой части своего течения), он возник в 1843 г. вокруг редута, построенного на правом берегу уэда. Сиди-бель-Аббес, административный центр округа и часто предлагаемый как главный город будущего департамента,—один из прелестнейших и самых цветущих городов Алжирии: улицы его, орошаемые фонтанами, проведенными из Мекерры, осенены великолепными чинарами, а окружающие равнины, бывшие земли бени-амеров, покинувших родной край и удалившихся в Марокко, усеяны дачами и фермами. Сиди-бель-Аббес—один из тех городов департамента, где испанцы живут в наибольшем количестве: они там вдвое многочисленнее французов. На северо-западе от города высятся кручи горы Тессала, у подошвы которых расположено селение того же имени, состоящее из домиков, рассеянных среди возделанных полей и садов.

На севере от Сиди-бель-Аббеса железная дорога огибает невысокий порог массива Тассала, чтобы направиться к Орану, тогда как Мекерра или Сиг течет на северо-восток. В том месте, где река, по выходе из области гор, вступает в равнину, расположился новый город, Сен-Дени-на-Сиге, окруженный цветущими полями. Подобно Сиди-бель-Аббесу, Сен-Дени имеет прекрасные прямые улицы, обсаженные тенистыми платанами, и каждая ферма в окрестностях окружена поясом зелени. Одна из этих ферм, l'Union du Sig, когда-то возбуждала много надежд в среде фаланстерианцев, которые основали ее, в 1846 году, на уступленных казной землях, в количестве слишком 3.000 гектаров, чтобы применить там на практике свои идеи об ассоциации капитала и труда; недавно в этом имении учреждена сиротская земледельческая колония. Так же, как Перрего, Сен-Дени-на-Сиге имеет свою запруду, построенную выше города, и подобно плотине Габры, плотина Сига, задерживающая около 14 миллионов кубич. метров воды, не устояла под напором жидкой массы. На северо-западе,

1 „Etudes de Voyage, les Travaux publies en Algerie“.

в безводной и бесплодной части равнины, граничащей с озером эль-Мелах, т.е. «Соляным», тянется лесок, или вернее низкий кустарник, называемый «лесом» Мулай-Измаил: в этой трудно проходимой местности происходили кровопролитные битвы из-за обладания Ораном.

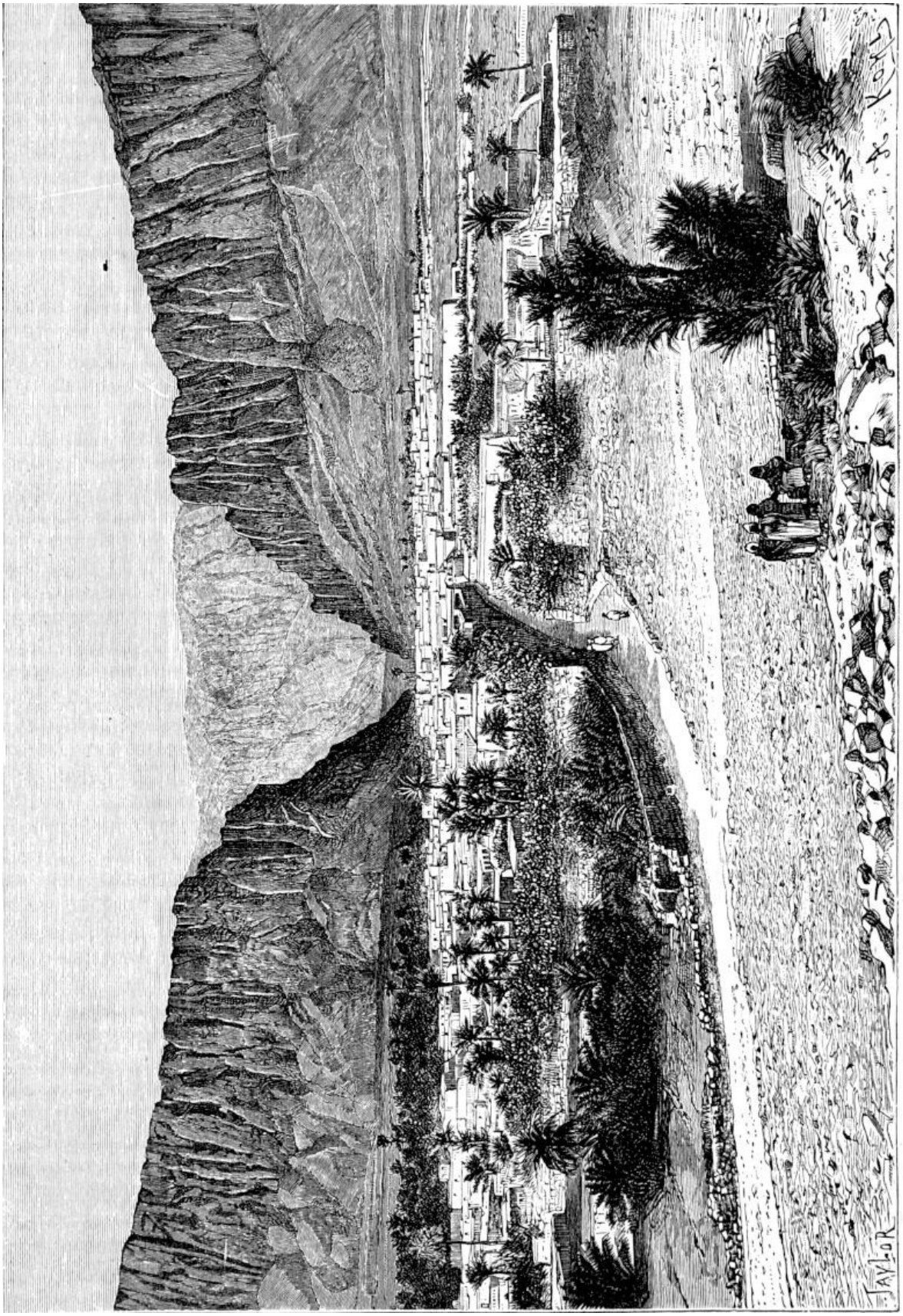
Соединенные под именем Макты, Сиг и Габра изливаются в море близ маленькой гавани, называемой «Port aux Poules» (Куриный порт), как многие другие бухточки прибрежья: это наименование «Poules» не есть искажение слова «port», как оно выговаривается в сабире туземцев; уже Эль-Бекри упоминает Марс-эль-Дуджадж[1]. Впрочем, этот порт не имеет никакого торгового значения; суда бросают якорь на северо-западе, перед городом Арзе. В этом месте берег совершенно защищен от северных и северо-западных ветров мысом массива Орус. Вместе с Мерс-эль-Кебиром и Бужи, Арзевская бухта есть лучшая естественная пристань на негостеприимных берегах Алжирии, оттого здесь во все времена существовал, или вновь возникал, после каждой катастрофы, торговый город: это был *Portus Magnus* римлян. В последнее десятилетие Арзе приобрел важное значение, как конечный пункт железной дороги, которая доставляет ему альфу с высоких плато; кроме того, он отправляет соль, хлор, соду и другие продукты, собираемые или выделываемые в Соляном озере и на заводах, устроенных на его берегах: исчисляют в два слишком миллиона тонн количество соли, которая отлагается каждый год на дне озера, и которую летом можно собирать лопатами. Движение судоходства в порте Арзе в 1883 г.: 801 судно, общая вместимость 299.752 тонны. Римские развалины встречаются в разных местах на берегу залива; на полдороге между новым городом и «Куриным портом» они были так многочисленны, что образовали как бы целый город, которому дали имя «Старого Арзе». Теперь на месте, где стоял римский город, расположены две деревни—Ботиуа, населенная марокккскими кабилами, и Сен-Ле, где европейцы составляют около третп населения. Сен-Ле—самая многолюдная община в окрестностях Арзе; Сен-Клу, промежуточный этап между Арзе и Ораном, которые еще не соединены прямым железнодорожным сообщением,—тоже значительное поселение, окруженное обширными виноградниками.

Оран—Уаран или Гуаран у арабов и турок—первый город Алжирии по важности торговли, и некоторое время соперничал даже с столицей страны по числу жителей; вместе с тем это укрепленный пункт Мавритании, история которого всего долее была связана с историей новой Европы. Основанный в начале десятого столетия андалузскими маврами, на территории одного берберского племени, Оран быстро вырос, благодаря важности соседнего порта, называемого Мерс-эль-Кебир, или «Большой Порт», который мысом джебеля Сантон защищен от северо-западных и северных ветров, самых опасных в этих водах. Эта драгоценная гавань, *Portus divinus* римлян, окаймлена крутыми утесами, у подножия которых не нашлось бы достаточно места для торгового города; такой город должен был возникнуть при оконечности залива, там, где горы понижаются и где широкий проход дает доступ внутрь материка: отсюда и название Уаран, или «Разрез», которое осталось за городом доныне в испанской форме «Оран». С военной точки зрения эта брешь морского побережья тоже представляла большие выгоды: подобно Алжиру, своему западному сопернику, Оран опирается на уединенный горный массив, на резко ограниченный Сахель, отделенный от остальной Алжирии равнинами и большой лагуной; таким образом город защищен естественной крепостью, удесятеряющей оборонительную цену его стен. Оттого после изгнания мавров из Испании, победители преследовали бежавшего врага на африканском континенте, и первыми завоеваниями, в 1505 и 1509 годах, были порт Мерс-эль-Кебир и крепость Оран. При благоприятном ветре, военные и транспортные суда совершали переход от одного берега Средиземного моря до другого в один, много в два дня. С гор Мурсии видны горы Мавритании: город, отнятый у мавров, был, так сказать, постоянно на глазах у завоевателей.

Испанцы ревниво удерживали его за собой около трех столетий, и в продолжение этого длинного периода времени туркам, которые неизменно каждый год делали попытки нападения на город, или по крайней мере производили набеги на его окрестности, только раз уда-

1 Lambert, рукописные заметки.

лось снова овладеть Ораном, который оставался в их руках двадцать-четыре года, с 1708 по 1732. Наконец, в 1790 году землетрясение разрушило почти весь город, пожар истребил остатки, и со всех сторон турки и арабы ринулись на развалины, чтобы выгнать оттуда ис-



Эль-Кантарское ущелье.

панских солдат и их союзников, «наемных мавров». Иностранцы окончательно покинули Оран в 1792 году; впрочем, нельзя сказать, чтобы город процветал под их господством: отрезанный от внутренней части страны почти непрерывной осадой, он не имел никакой тор-

говли, и мадридское правительство пользовалось им только, как местом ссылки для придворных, впавших в немилость; европейское население никогда не превышало там тысячи душ. После отъезда испанцев, Оран оставался под властью турок всего тридцать девять лет; в 1831 году он был занят французами, которым нужно было только поправить испанские форты, воздвигнутые на вершинах гор и высоких мысах, чтобы снова сделать город неодолимым. Эти укрепления, представляющие громадный труд, составляет почти все, что осталось от работ, совершенных прежними властителями, если не считать нескольких испанских домов, которые еще видны в амфитеатре белых построек, занимающем скат холма, увенчанного касбой: от этого квартала домов, расположенных ярусами, как ступени пирамиды, Оран и получил прозвище «Белаго» (Blanca).

В настоящее время город занимает пространство, по крайней мере, в пять раз большее того, какое занимал в эпоху завоевания. Старый Оран, население которого не превышало 3.000 душ, был построен между полукругом гор и мысом, над которым господствуют верки Нового Замка, теперь бесполезные; по всей вероятности, это укрепление, которое разделяет нынешний город на две половины, лишенные удобных сообщений одна с другой, скоро уступит место новому кварталу, которому суждено сделаться лучшей частью города. Овраг Аин-Руина, заключающий несколько садов на своих крутых откосах, был засыпан выше Нового Замка для того, чтобы соединить западные кварталы с кварталами Каргенты, которые тянутся далеко по направлению к Арзе; на юге новые островки домов занимают пространство до 2 километров от моря, и каждый год прибавляются новые улицы, указываемые издали столбами пыли. Главные общественные здания сгруппированы около центра города, на промежуточной террасе, отделяющей гавань от квартала, расположенного вокруг железнодорожной станции; к сожалению, при постройке этих зданий, также, как при постройке лучших частных домов в нижнем городе, забыли о катастрофе 1790 года: стоит почве заколебаться снова—и половина Орана обратится в груду развалин.

Французы, к которым оффициальная перепись причисляет также натурализованных евреев, не имеют за собой численного большинства в городе: испанцы превосходят их числом в этой бывшей столице своих африканских владений, и некоторые из местных профессий монополизированы ими. Магометане составляют теперь лишь весьма незначительное меньшинство внутри города, и большая часть их не принадлежит уже к племенам берберской расы, более или менее арабизованным, которые прежде населяли край: это люди всякого рода и племени, собранные в предместье Джахли, или «Иноземцы», более известном под именем «Негрской деревни». Рядом с арабами, берберами, мароккскими или другими, здесь встретишь чернокожих и цветных людей, носильщиков, подметальщиков улиц, огородников, пахарей-исполовников и чернорабочих. Всех жителей по переписи 1891 г. насчитывалось 74.510, в том числе 19.037 французов, 5.528 евреев, 9.245 туземцев и 35.619 иностранцев, главным образом испанцев. Взятое в совокупности, население Орана занимается почти исключительно торговлей: научная и литературная деятельность очень мало развита в этом главном городе западной Алжирии; впрочем, он имеет с 1878 года географическое и археологическое общество, важнейшее во всей африканской Франции; публичная библиотека и музей в зародыше занимают несколько зал городской ратуши.

Благодаря своей гавани, завоеванной у открытого моря, Оран не зависит более, в своей внешней торговле, от Мерс-эль-Кебира, бывшего «ключа Африки», сделавшагося теперь простым пригородом соседнего города: корабли приходят прямо в Оран грузить альфу, руды, зерновые хлеба и выгружать европейские товары; жете длиной около километра, начинающееся от подножия форта Ламун (Ламона, Генон), проведено до глубины 20 метров и ограничивает пространство около 24 гектаров, разделенное другими молами на второстепенные бассейны: самые большие суда находят в этой гавани достаточную глубину воды; но волноразбиватель часто страдал от бурь, так что не раз приходилось заделывать в нем бреши, пробитые ударами волн. Большая выгода Оранского порта—это его близость от Испании; Картагена всего в 200 километрах—разстояние, которое пароход, обладающий порядочной скоро-

стью, легко проходит в восемь часов. Однако, паспорта, таможенные осмотры, медленность службы на железных дорогах и высокая провозная плата отвращают тысячи пассажиров от этого естественного пути. Альмерия в таком же расстоянии от Орана, как и Картагена. За десятилетие 1875-84 г.г. приход и отход судов в Оран более чем удвоился. Между французскими портами только Марсель, Париж, Гавр, Бордо и Дюнкерк имеют более значительное движение судоходства.

Движение судоходства в Оранском порте и в рейде Мерс-эль-Кебир:

В приходе: в 1875 г. 323.450 тонн; в 1884 г. 667.728 тонн.

Итог судоходства в 1883 г.: 4.094 судна, общая вместимость 1.231.024 тонны.

Рыболовных судов: 173. Ценность улова: 732.000 франков.

За чертой своих стен и поясом фортов Оран продолжается предместьями. На западе береговые утесы едва оставляют место для дороги, но зато воспользовались всякой, даже самой маленькой брешью в этой стене скал, чтобы построить группы домов; близ теплых ключей, называемых «Купальней королевы», поселок Сен-Клотильд занимает одну из этих ниш у подошвы горы; далее, селение Сент-Андре наполняет своими кабаками маленькую долину, открывающуюся под защитой укрепленного полуострова Мерс-эль-Кебир. На востоке и на юге, где ничто не препятствует расширению города, раскинулись обширные предместья Гамбетта и Нуазе-Экмюль; но джебель Мерджаджо, последний выступ которого увенчан фортами Санта-Круц и Сен-Грегуар, еще не утилизирован, как гора Эдуг в Боне или Бузареа в Алжире, для постройки загородных домов. А между тем Оран, жители которого часто должны дышать раскаленным, пропитанным пылью воздухом, очень нуждается в санатории, где бы можно было подышать полной грудью и освежиться от городской духоты; но склоны массива Мерджаджо дотого круты и бесплодны, что до сих пор еще ни один оранец не пытался оспаривать у арабских пастухов пажитей, покрывающих вершину горы; не существует даже никакой колесной дороги, по которой можно бы было добраться до гребня: попасть на него можно только через боковой проход. На севере этой горной цепи, равнина треугольной формы, оканчивающаяся на северо-востоке мысом Фалькон, покрыта виноградниками, окружающими хорошенькия деревни. Это «равнина Андалузцев», названная так потому, что здесь поселились в большом числе мавры, изгнанные из Андалузии. Плато мыса несет на себе самые высокие дюны алжирского побережья.

В 6 километрах к югу от Орана, близ Сении, от алжирской железной дороги отделяется ветвь, направляющаяся на запад северным берегом большой себхи: это линия, еще неоконченная, которая современем проникнет, через равнину Ангад и долину Молуйа, внутрь Марокко. Уже возникли города, служащие вехами этой дороги, которая доставит оранцам часть мароккской торговли. Первый из них, Мисергин, лежащий у южного основания джебеля Мерджаджо, может быть рассматриваем как пригород Орана, из которого туда переведены многие общественные заведения, сиротские дома, приюты и богадельни; мисергинские огородники, сады которых орошаются обильными источниками, снабжают овощами оранский рынок; вода, которую пьют оранцы, тоже получается частию из селения Бредеа, лежащего близ Соляного озера, на юго-западе от Мисергина. По своему древесному питомнику, своей образцовой овчарне, своим виноградникам, Мисергин—один из главных земледельческих центров департамента. На севере, в очень узкой долине, находится парк для страусов, самый значительный во всей Алжирии. Часть себхи, на юге от Мисергина, была приобретена для земледелия простым поднятием озерного дна, которое затем было постепенно выщелочено дождями; не трудно было бы также осушить все озеро прорытием канала, который перешел бы на западе порог в 13 метр. высоты и унес бы воды в Рио-Саладо (Соляная река), протекающую всего только в расстоянии около 6 километр. от себхи: таким образом было бы завоевано для культуры пространство в 32.000 гектаров. Два значительных племени этой местности, дуэр и смела, по происхождению арабы из Марокко, но с большой примесью элементов турецкого и кулуглийского, составляли милицию, или «махзен», во время господства турок, а в 1835 г. поступили на службу к французам, в качестве наемного войска, и никогда не

нарушали данной клятвы служить верой и правдой.

Населенные места Бу-Тлелис, Лурмель, Эр-Рахель следуют одно за другим в небольшом расстоянии от озера; затем путешественник переезжает через Рио-Саладо, или «Соляную реку», которая рано или поздно должна сделаться истоком себхи. За этим потоком солоноватой воды, но в том же бассейне, стоит на краю утеса, на высоте 250 метр., город Аин-Темушент, *Timici* римлян. Немногие из новых городов Алжирии достигли более цветущего состояния: пояс возделанных земель, которым он окружен, расширяется с каждым годом; в то же время Темушент является центром края, очень богатого рудными месторождениями. К югу от города, недалеко от долины Иссера, находится знаменитая Аин-текбалекская ломка просвечивающего оникса, которая еще недавно разработывалась. Эта ломка, известная уже римлянам, самая богатая в провинции и лучшая во всем свете, давала иногда глыбы совершенно чистого оникса до семи метров длиной. Этот драгоценный камень, почти неимеющий себе равного между материалами для декоративного искусства, благодаря просвечиваемости массы, богатству окраски, контрасту тонов и узоров, произошел, повидимому, путем медленной кристаллизации углекислой извести, которую отлагали инкрустирующие источники в присутствии металлических солей. Ключи Гаммам-Бу-Хаджар, в 14 килом. к северо-востоку от Аин-Темушента, достигают температуры 95 градусов, как воды Гаммам-эль-Месхутин.

В бассейне верхнего Иссера, восточной ветви реки Тафны, главная община—Ламорисьер, станция железной дороги из Орана в Тлемсен через Сиди-бель-Аббес; проектированная запруда должна задерживать воды Иссера выше этого поселения и образовать искусственное озеро, объемом около десяти миллионов кубич. метров, которое будет орошать плодородные равнины Улад-Мимун. Между местом, выбранным для запруды, и домами деревни Ламорисьер видны еще, так называемые, Хаджар-Рум, или «Римские камни», как показывает одна надпись, дешифрированная Шербонно,—остатки укрепления *Castra Severiana*. В соседстве находятся залежи серебро-свинцовой руды и лигнита

Тлемсен, город «с тысячью источников», также принадлежит к бассейну Иссера чрез ручей уэда Секак. Это один из красивейших городов Алжирии: его называют «африканской Гранадой» именем, которое он заслужил также своей историей. Пятый по числу жителей, первый по историческим воспоминаниям и остаткам арабской архитектуры, он стоит у северного основания скалистой горы, на покрытой лесом высокой террасе (слишком 800 метр.), откуда открывается обширный вид на долины Иссера и Тафны, и с боков которой льются многочисленные каскады, доставляя оросительным каналам постоянный поток, несущий слишком кубич. метр воды в секунду. Фруктовые деревья всякого рода, от которых римская колония и получила свое имя *Pomaria*, закрывают город своей густой зеленью: издали, когда подъезжаешь к Тлемсену, видны только башни и минареты, выступающие над сплошным лесом. Со времени своего основания город уже переменил место. Римская Помариа находилась на юго-востоке от нынешнего города, там, где видны остатки древних городских стен и валов (Агадир); но один минарет указывает местоположение бывшей столицы, обвалившаяся ограда которой служила каменоломней для строений Таграрта, западного города, известного ныне под именем Тлемсена. Сделавшись метрополией большой берберской конфедерации племен зената, Тлемсен, занимаемый последовательно различными династиями, подвергавшийся осадам, голоду и опустошениям, продолжал, тем не менее, расти, и в пятнадцатом столетии достиг высшей степени своего могущества. Население его состояло, говорят, из 25.000 семейств, и по своей торговле и промышленности, по своим богатствам, по развитию наук и искусств, он мог сравниться с образованными городами Европы: так же, как Кордова, Севилья и Гранада, он дал свидетельство высокой цивилизации, на которую может подняться берберская раса. Минареты и куполы мечетей, резные украшения и арабески стен повествуют о славе зенатских художников; летописцы прославляют чудеса искусства, которые были собраны в Тлемсенском дворце, и в одном монастыре этого города долго преподавал Ибн-Халдун, автор «Истории берберов».

Когда испанцы загородили ему дорогу к морю завоеванием Орана и уничтожили тор-

говлю, которую богатые венецианские и генуэзские колонии вели на этом берберском рынке, Тлемсен быстро пришел в упадок; впрочем, он вскоре после того потерял и свою независимость: он сделался вассалом кастильцев; затем, в 1553 г., подпал под власть турок, и большинство его жителей эмигрировали в Марокко. Это был маленький полуразрушенный городок, который оспаривали друг у друга гарнизон кулугли и солдаты мароккского императора, когда явились французы в 1836 году, но чтобы отдать его спустя короткое время эмиру Абдель-Кадеру. Они овладели им окончательно лишь в 1842 г., и тогда он сделался их главным стратегическим пунктом на мароккской границе. Отстроенный в большей части на европейский манер, он имеет правильные улицы и площади, военные и муниципальные здания, с симметрично прорезанными окнами, но отличается еще от большинства алжирских городов обширностью своих мавританских кварталов: по выходе из-под мрачных сводов, перекинутых с дома на дом над узкими извилистыми улицами, вдруг видишь лестницу, освещенную лучами солнца, которые пробиваются сквозь трельяж из виноградных лоз; квадратные ворота обрамляют вид тенистых внутренних дворов; на вершине улицы, господствуя над лабиринтом строений и их черепичных крыш, показывается белый минарет. Эти картины, ярко расцвеченные группами прохожих в красивых желтых и зеленых костюмах, придают городу необыкновенную прелесть; но за этой живописной внешностью часто скрывается вопиющая бедность; особенно в еврейском квартале низенькия, тесные и грязные лачуги представляют настоящие вертепы. Единственные красивые здания, оставшиеся от Тлемсена берберских времен—это мечети: некоторые из них сохранили еще свои изящные минареты с мраморными колонками, украшенные мозаикой, живописью, лакированными изразцами; неф главной мечети, поддерживаемый 72 колонками, и особенно неф мечети Абуль-Гассана, разделенный на три части рядами колонн из оникса, составляют архитектурные достопримечательности Тлемсена, который, кроме того, обладает несколькими древними надписями, собранными в местном музее: между этими древностями особенно обращает на себя внимание эпитафия с надгробного памятника Боабдила, последнего мавританского короля Гранады, умершего в Тлемсене, а не на берегу одного мароккского ручья, в безвестной стычке, как утверждает легенда, не имеющая никакой фактической подкладки[1]. Мешуар, или «Палаты Совета», находящийся в южной части города и заключавший в себе цитадель, королевские аппартаменты, казармы, тюрьмы, как касбы других городов, сохранил только мечеть и две старинные башни, вошедшие в состав группы новых военных сооружений.

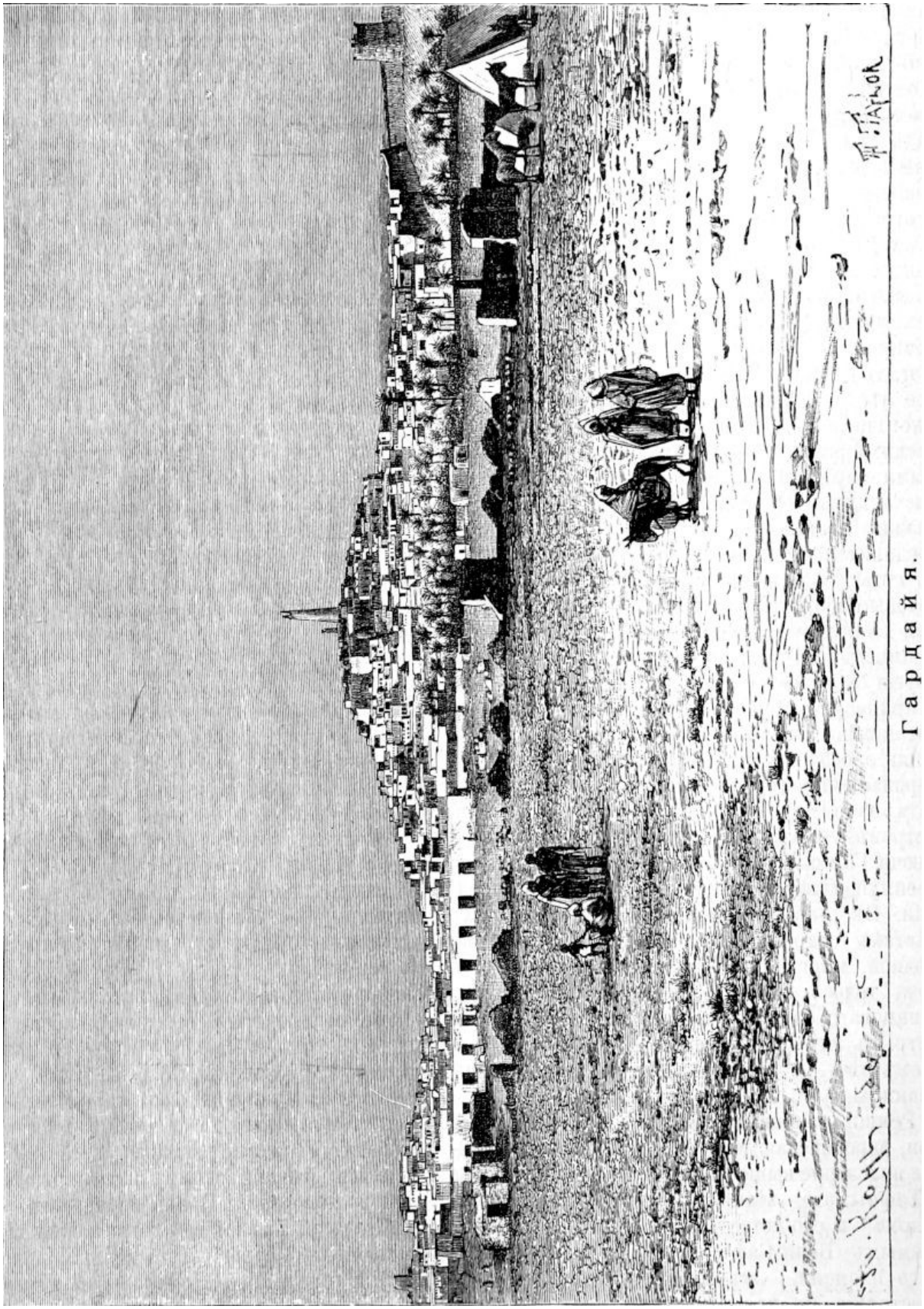
Промышленные искусства, которыми некогда славился Тлемсен, не совсем исчезли: туземцы обработывают еще кожу и шерсть, ткут материи, выделывают оружие, приготовляют оливковое масло и пшеничную муку; но главный промысел, тот, которому посвящают свой труд колонисты французские, иностранные и арабские,—это садоводство. Возделанные земли Тлемсенской общины занимали, в 1880 г., следующее пространство[2]: апельсинные рощи —12 гектар.; масличные рощи—468 гектар. (56.495 привит. дерев); сады и огороды—650 гектар.; виноградники—462 гектар.

Обильно орошаемые «двумя тысячами фонтанов», скаты террасы и нижния долины обращены в цветущие сады; апельсинные и масличные рощи образуют вокруг города пояс зелени шириной от 10 до 12 километров; кроме того, леса окружающей местности заключают в себе слишком миллион непривитых оливковых дерев. Оливковое масло составляет главный предмет торговли Тлемсена, которая в последнее время заметно уменьшилась, потому что караваны из Марокко и Сахары по большей части забыли дорогу к его рынку, а железный путь еще не поднялся до него. Впрочем, центр соединения железных дорог в западной Алжирии не мог бы быть помещен на этих высотах; международная линия из Туниса в Фец пройдет на севере от Тлемсена, долиной реки Тафны. Соперничество Орана грозит лишить этот город прямого железного пути, который соединял бы его с Рашгуном, его естественным портом на Средиземном море.

1 Brosselard, „Journal Asiatique“, janvier-fevrier 1876

2 Gerard, „Africa, Bulletin de la Societe de Geographie d'Alger“, 1880.

Тлемсен окружен целым рядом земледельческих поселений. В 2 километр. к юго-востоку, в самой живописной части восхитительного тлемсенского сада, в Эль-Эвбаде, стоит знаменитая кубба Сиди-Бу-Медина, андалузского мавра, жившего в XII ст., который в разное



Гардайя.

время был профессором в Багдаде, в Бужи, в Испании; рядом с надгробным памятником находятся мечеть и медерса. На юго-западе от Тлемсена, самое замечательное по историческим воспоминаниям и остаткам старины населенное место—Мансура, в 3 километр. от города.

Там еще видна часть четыреугольной ограды (около 6 километру в окружности), воздвигнутой по повелению султана Абу-Якуба, в 1301 году, для более удобного наблюдения за Тлемсеном: таким образом осаждающий город, прозванный «Полем Победы», выстроился рядом с городом осаждаемым. Внутри ограды существуют еще остатки султанского дворца, а от древней мечети, находившейся в центре, сохранился только величественный минарет, вышиною в 40 метров; по словам легенды, целая половина этого здания, та, которую строили христианские мастера, отделилась в продольном направлении, оставив только половину, сооруженную чистыми руками правоверных. Французское поселение прилегает к стенам Мансуры; в окружающих его виноградниках филлоксера совершила, в 1885 г., свои первые опустошения на алжирской территории.

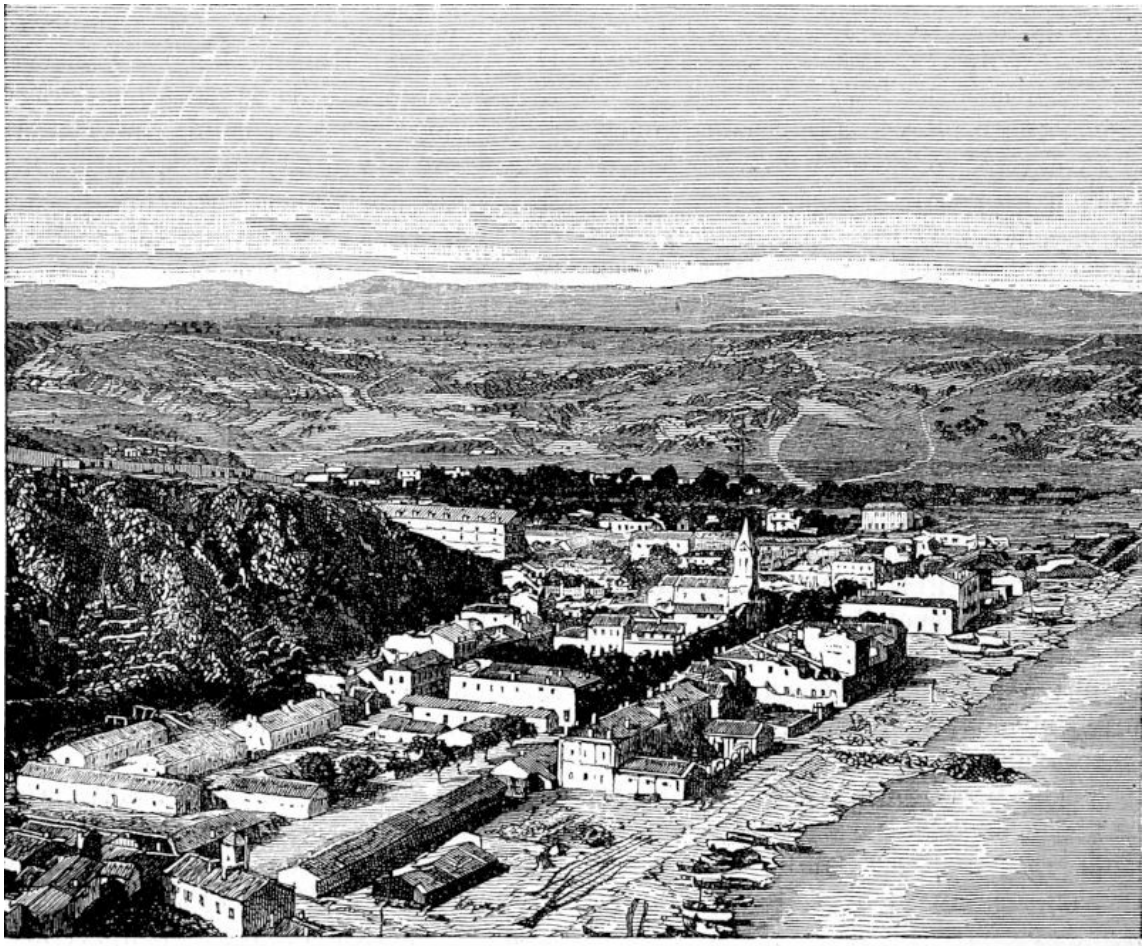
Река Тафна, описывающая обширный полукруг около Тлемсена, берет свое начало на самой окраине высокого плато, недалеко от городка Себху («Опушка»), который вместе с Эль-Ариша, лежащим на верхнем притоке Молуйи, долгое время был передовым постом французов на южной границе. На западе от Тлемсена пределы Алжирии охраняет, с 1844 г., город Лалла-Магниа, расположенный на одном из притоков Тафны, берущем начало на мароккской территории. Уже римляне основали на этом же месте военный пост Сир или Сира, имя которого указывает, повидимому, на финикийское происхождение. Благодаря своему положению на границе, у восточной оконечности равнины Ангад, Лалла-Магниа—очень бойкое торговое место, и мароккские эмигранты, особенно многочисленные в эпохи больших земледельческих работ, проходят здесь значительными партиями. Этот пункт можно считать настоящими воротами Марокко; через него должна проникнуть железная дорога, которая соединит Фец и все Мароккское государство с сетью остальной Берберии; уже и теперь годовые обороты торговли с соседнею страной достигают цифры свыше 5 миллионов франков. Многие реки: Уэрфеду, Муила и другие сходятся к Тафне ниже Лалла-Магнии, и приносят этой местности плодородие, которое можно бы было еще увеличить при помощи оросительных каналов. Ниже проектированной запруды, которая будет задерживать объем воды в 60 миллионов кубич. метров, бьют из земли горячие серные ключи Гаммам-Бу-Гара, которыми пользуются преимущественно женщины, арабские и еврейские. В округе Лалла-Магниа в разных местах открыты месторождения свинцовой, медной, марганцевой руды; разрабатываются пока только гар-рубанские залежи меди и свинцового блеска, находящиеся в 25 километр. к югу от главного города, в Асфурском лесу, который тянется по обе стороны границы.

Ремши, маленькая, пока еще незначительная, европейская деревня, занимает счастливое положение выше слияния двух рек, Иссера и Тафны: это—этапный пункт между Тлемсеном и его естественным портом, называемым Бени-Саф, по имени одного соседнего племени. От Тлемсена до Бени-Сафа расстояние по прямой линии всего только 48 километр., тогда как до Орана оно превышает 100 килом. Поэтому было бы крайне нужно, несмотря на оппозицию оранцев, желающих сосредоточить в своем порте торговлю всей западной Алжирии, построить железный путь из Тлемсена к нижней Тафне и к ближайшему порту; но это необходимое дело еще не начато; и порт Бени-Саф еще недостаточно защищен от волн моря искусственными молами. Торговля его, однако, очень деятельна, благодаря эксплоатации соседних железных рудников, содержащих около десяти миллионов тонн превосходной руды; слишком тысяча рудокопов, испанцев и мароканцев, работают в различных рудниках; и две железные дороги перевозят добываемую руду к амбаркадерам Бени-Сафа, откуда она отправляется даже в Америку; кроме того, на берегах Тафны разрабатывают обширные ломки гипса, продукты которых вывозятся в разные города прибрежья. Добыча руды в бени-сафских рудниках в 1883 г.: 264.804 тонны; движение судоходства в порте Бени-Саф, в том же году: 643 судна, общая их вместимость 386.545 тонн.

Один пункт соседнего прибрежья также мог бы быть обращен в порт; это плоский берег непосредственно к западу от устья Тафны. В этом месте небольшая цепь подводных камней, начинаясь от скалистаго мыса, идет до островка Сига, так что нужно бы было только дополнить это естественное жете и построить волноразбиватель, чтобы огородить, с восточной сто-

роны островка, якорную стоянку в 10 метр. глубины, достаточную для нескольких больших судов; кроме того, пришлось бы построить жете на востоке, чтобы защитить бассейн от наносов Тафны. Остров Рашгун, по-арабски Аршгуль, лежащий в 2 километр. в открытом море, защищает рейд, прилегающий к устью Тафны; на этом острове, рядом с маяком, видны еще развалины арабского города. Вся область соседнего прибрежья тоже усеяна обломками старины. Но северо-востоке от Бени-Сафа» сохранились остатки римского порта Камарата; на юге от Рашгуна разбросанные камни Такебрита, или «Сводов», указывают местоположение древнего города Сига; на западе, недалеко от мыса Гонейн—переделанного моряками в «Ноев мыс»,—видны еще кое-какие развалины и отрывки городских стен: тут стоял некогда, доминируемый кручами джебеля Таджер, важный арабский город Гонейн, бывший одним из портов Тлемсена до завоевания Орана испанцами.

Между р. Тафной и мароккской границей на побережье существует только один французский город: это Немур, *Ad Fratres* римлян, Джемаа-эль-Газауат (Разауат) арабов. Ла-



Городъ Немуръ.

тинское имя объясняется утесами, и теперь еще называемыми «Два брата», которые высятся в море с западной стороны, а арабское название, «Мечеть пиратов», напоминает экспедиции корсаров, которые выбрали эту бухточку как пристанище для своих судов. К востоку от города на скале стоит бывший бург корсаров, оканчивающийся, на краю мыса, высокой мечетью. Жители довольно красивой породы, и женщины с большим вкусом убирают свою роскошную шевелюру; красоту их типа и изысканность их костюма объясняют испанским и итальянским происхождением; они происходят от женщин руми (христианок), похищенных на противоположных берегах Средиземного моря[1]. Гавань Немура, хотя снабженная мостами на сваях и несколькими молами, не довольно хорошо защищена, чтобы принимать во всякую погоду парусные суда и пароходы, которые совершают правильные рейсы и ставят

1 De Montagac, „Lettres d'un soldat“

этот город в прямые сношения с Ораном и с испанскими портами: Мелиллой на марокккском берегу, Альмерией и Малагой на берегах Андалузии; вывозится главным образом ячмень, а также рогатый скот, пригоняемый через Лалла-Магниа с границ Марокко. Движение судоходства в Немурском порте в 1883 году: 300 судов, общая вместимость 66.281 тонна. Немур и берберский город Недрома, лежащий в 24 километр. южнее, на одной из террас массива Фильгаусен, окружены, подобно Бени-Сафу, горами, очень богатыми железной, марганцовой и другими рудами. На юго-западе, близ куббы Сиди-Брагима, где за два года перед тем был истреблен отряд полковника Монтаньяка, Абдель-Кадер положил оружие в 1847 году: это был последний акт многолетней войны за независимость арабов.

Общины западного Телля с населением свыше 1.000 человек, живущих сплоченно (в 1881 году): Оран (1891 г.)—74.510 жит.; Тлемсен (1891 г.)—29.544 жит. (3.600 франц.); Айн-Темушент—5.518 жит.; Бени-Саф—4.862 жит.; Миссергин—4.496 жит.; Немур (1891 г.)—2.828 жит. (574 франц.); Недрома (смеш. община)—20.453 жит. (381 европейц. и евреев).

Арабы и берберы этой области часто меняли место жительства, переходя с одной стороны границы на другую, чтобы избегнуть притеснений от поставленных над ними начальников, или чтобы избавиться от платежа военных контингентов. Так, некоторые роды племени бени-изнатен или бени-снассен из окрестностей Немура и племя харар из Тлемсенского округа покинули территорию Алжира, чтобы удалиться в Марокко. Но порожния места в горах Трарас были заняты трудолюбивыми кабилами из племен бени-менир, бени-хелал, бени-уарсус, усердными земледельцами, извлекающими пользу из каждого клочка земли, где может расти масличное дерево или даже пучек пшеницы.

В будущем, с устройством удобных путей сообщения и заселением плоскогорий и гор, установятся, конечно, частные сношения между жителями Телля и жителями Сахарской покатости. Тогда и административные деления, как они начертаны на картах, будут более гармонировать с природой вещей: населения, учреждения, нравы сравняются, сделаются более или менее сходными на всем пространстве от прибрежья до пустыни, от Боны до Тугурта, от Алжира до Мзаба, от Орана до Тиута. В настоящее же время обращенные к Сахаре скаты, столь отличные от поморья по физическому виду, не менее резко отличаются и по характеру обитателей. Истинное деление—это деление на две покатости: с одной стороны—Телль, сделавшийся уже почти европейской страной, с другой—внутренняя область, принадлежащая еще африканским народам. Впрочем, в сравнении с областью побережья и краевых горных цепей Телля, область высоких плоскогорий и сахарской покатости представляется почти пустынной; арабские или берберские племена занимают там, пропорциально их числу, огромное пространство, тогда как колонии европейцев, очень раскиданные, состоят из малочисленных групп. По переписи 1881 года, все европейское население, не считая евреев, которым натурализация дала титул французов, едва достигало 5.000 чел. во всей этой половине Алжирии, т.е. составляло только около одной сотой общего числа её жителей (не-магометанское население в замкнутых бассейнах Алжирии и на покатости пустыни в 1881 г.: 3.589 французов, 1.101 натурализованных евреев, 1.784 иностранца).

А между тем на сахарской покатости есть обширные местности, представляющие для колонизации благоприятные климатические и почвенные условия, как о том свидетельствуют развалины городов и ферм, оставленные римлянами. В высоких долинах Джебель-Ауреса европейцы легко акклиматизируются, а зимой им даже приходится страдать от суровости холода. Джебель-Шешар и горы Немемша, гораздо менее исследованные, кажется, не так богаты здоровыми и годными к культуре землями; особенно ощутителен недостаток ключей и правильного потока ручьев: иная долина семь раз была покидаема жителями, вследствие продолжительных голодовок, и семь раз заселялась снова. Маскерэ не встречал в этой стране мегалитических могил, но он нашел там много римских развалин: нарождающаяся колония Тебесса легко может расшириться, перейдя пороги, отделяющие верхний бассейн уэда Меллег от бассейнов рек, которые спускаются на юг к шотту «Внутреннего моря». Народцы зе-

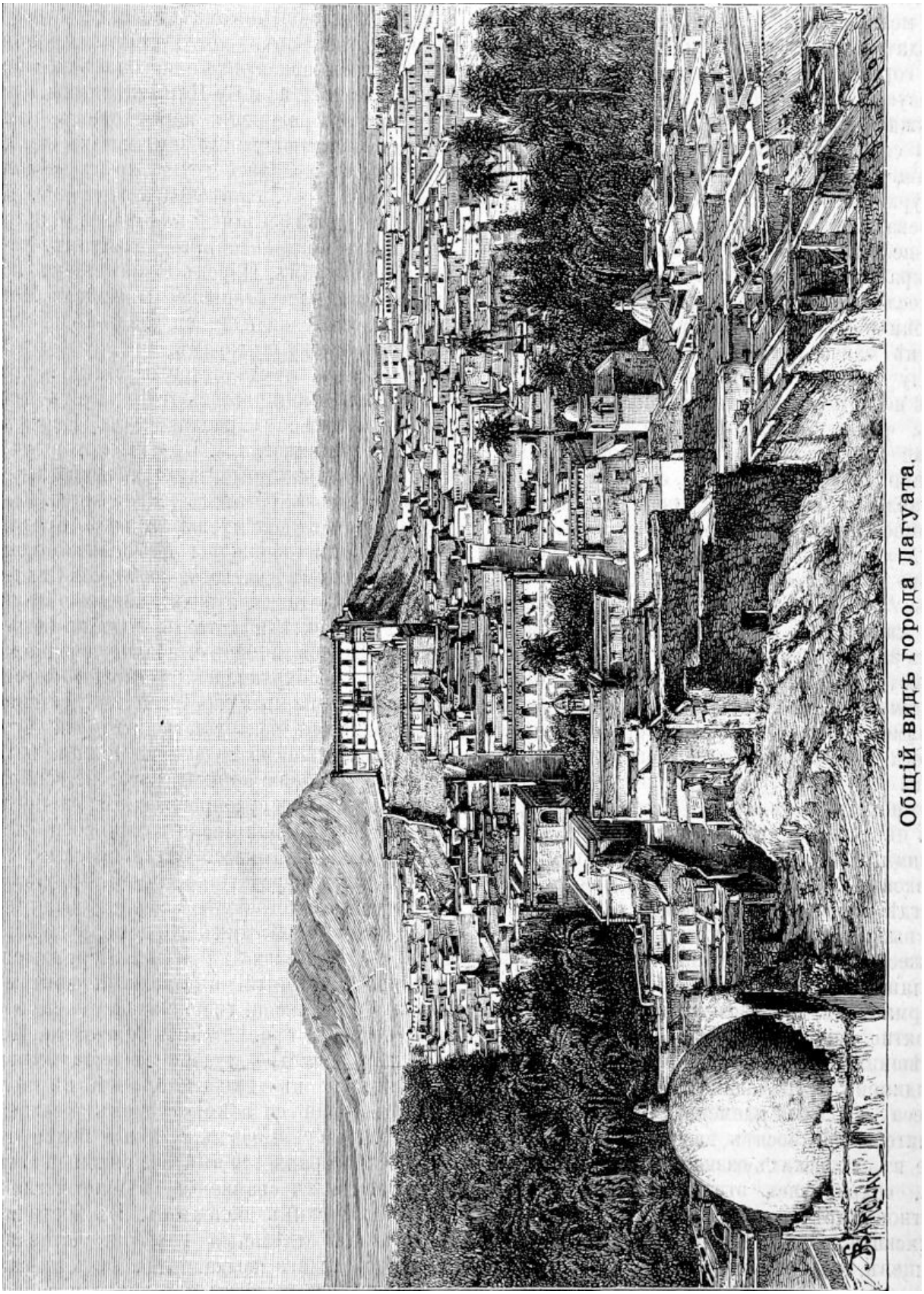
натской расы, немемша, маафа, ашеш, бени-барбар, решайш или решеш, кочующие в гористой области между собственно Ауресом и границей Туниса, имеют несколько укрепленных деревень, где у них хранятся запасы зернового хлеба; при устьях долин, в Сахаре, последние воды, изливаемые горными потоками, орошают сады нескольких монастырей (зауйя) и окружающих их хижин. Таковы два селения Феркан и Негрин, близ тунисской границы, к северу от небольших шоттов, соединяющих Мельгиг с Гарсой. Недалеко от Негрина видны развалины одного из римских военных постов, охранявших подступы к колонии на границах пустыни: эта груда обломков, или геншир, называемый арабами Бессериани, представляет собою остатки римского поста *ad Majores*.

Собственно Аурес или Аурас, то-есть «Кедровая гора» (по объяснению некоторых этимологов), заключается между течением уэда Эль-Кантара и течением уэда Эль-Араб: почти на всем своем протяжении он населен народцами берберского языка, впрочем, весьма различного происхождения[1]. Некоторые племена, наприм. улад-зейан, как говорят,—арабы, частию берберизованные,—явление очень редкое в Мавритании, где, под влиянием завоевания и обращения туземцев в ислам, арабский язык сделался языком миллионов местного населения. Со времен римской эпохи в пределах Ауреса, повидимому, произошли большие этнические перемены, причину которых нужно искать в приливе новых элементов и передвижении населения. Этот горный массив не расположен, как Джурджура, в форме крепости, представляющей со всех сторон неприятелю крутые стены; напротив, он состоит из отдельных небольших кряжей, образующих столько же проходов, легко доступных с той и другой оконечности; благодаря такому расположению, завоеватели могли и с севера, и с юга проникать в самое сердце высоких долин, не встречая больших препятствий. По мнению Маскерэ[2], племена, живущие в северо-восточной части Джебель-Ауреса, около города Хеншела, именно амамра и уджана, имя которых представляет лишь другую форму названия «зената» (уджана или у-джана значит «сыны Джаны» или Заны; зената—собирательное от того же имени), должны считаться древнейшими обитателями края, и наречие их чище, чем наречие других племен. Улад-аззиз, занимавшие самую высокую область гор к югу от Махмеля, принуждены были покинуть родные места и удалиться в Телль до окрестностей Боны, где они смешались с народцами различного происхождения[3]; между заменившими их племенами есть даже выходцы из Марокко. Жители Ауреса, предания которых упоминают о существовании автохтонов (первобытных обитателей), называемых барбарами или берберами, описывают их как народ земледельцев, «ухаживающих за оливковыми деревьями, не строющих домов и ходящих с непокрытою головой». Некоторые туземцы племени шауйа, на Джебель-Ауресе, живут еще в подземных галлереях, в роде тех, какие можно встретить на Джебель-Гуриане, в Триполи[4]. Деревня Тизи-Грарин, близ уэда Беджер, представляет в полном смысле убежище троглодитов. В этом месте вершина горы состоит из пластов с желобчатыми краями; между этими-то естественными столбами гнездятся человеческие жилища, и жерди, вбитые горизонтально между каменными слоями, образуют площадки, наклонные плоскости, наружные ступеньки, по которым поднимаются и спускаются люди и животные, как бы висящие на воздухе.

Турки не проникали в Аурес, а французы завоевали его только в 1845 г. Три города, Хеншела на северо-востоке, Батна на севере, Бискра на юго-западе, служат постами, откуда последние наблюдают за этим массивом, но они пока еще посещали его только в качестве завоевателей или исследователей. А между тем на французов в крае смотрят как на потомков древних колонистов тех гор, руманов или римлян, называемых также джухала, т.е. «идолопоклонниками», и именно древние памятники, особенно надписи, составляют в глазах туземцев наиболее законное право французов на обладание Алжирией. «Руми, сыны руманов,

1 Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.
2 „Bulletin de la Societe de Geographie“, nov. 1876.
3 E. Masqueray, „Bulletin de la Societe de Geographie“, juillet 1876.
4 Auguste Cherbonneau, „Revue de Geographie“, juillet 1861.

говорят они, только вернули себе имущество своих предков»[1]. По преданию, римляне были великаны, жившие в пещерах или в укрепленных замках на вершинах гор; им приписывают все развалины того края, и между прочим, круглые могилы, встречающиеся еще сотнями в



Общій видъ города Лагуата.

разных местностях Джебель-Ауреса, хотя земледельцы обыкновенно убирают с полей груды камней, чтобы легче было пахать. Без всякого сомнения, римляне же и цивилизованные

1 Leon Renier;—G. Boissiere,—R. de la Blanchere, etc.

берберы, жившие рядом с ними в горах Aurasius, культивировали оливковые леса, от которых еще остались кое-где рощицы на склонах, и употребляли для выжимания масла прессы, находимые во множестве вокруг древних поселений. Кровь римлян и колонистов всякой расы, галлов и германцев, сопровождавших завоевателей, вероятно, сохранилась через скрещивание и у нынешних горцев, судя по большому числу блондинов, встречающихся между жителями Ауреса[1]. Целые племена, и притом самые значительные, носят название «румания», и даже в сахарских оазисах, у подошвы Ауреса, сохранились эти «римские» берберы. Местное наречие заключает в себе много латинских слов, между прочим, названия месяцев, из которых иные менее изменились в берберском, чем во французском языке[2]; слово *бинью*, означающее кедр, дерево, покрывавшее некогда все горы Ауразиуса, происходит, как полагают, от латинского *pinus*[3]. Многие праздники, христианского происхождения, несомненно ведут свое начало с той эпохи, когда горцы провинции Африки посылали своих епископов на соборы. На Рождестве, или Бу-Ини, женщины одного руманийского племени переменяют камень очага и окружающую его землю; так же, как во Франции, желают друг другу «*бу-ини*» (bonne annee), т.е. «доброго года»[4]. День нового года, называемый *иннар*, т.е. январь, посвящен поздравлениям, визитам, увеселениям и пирам. Перед Вознесением, когда празднуется наступление весны, жители Менаа, главного местечка племени улад-абди, совершают прогулку по горам, при звуке флейт, и приносят оттуда зеленые ветки и траву. Праздник осени тоже соответствует праздникам, которые справляют в Европе во время сбора винограда. Крест, которым татуируются некоторые жители Ауреса, есть, как полагают, остаток старой веры.

По существующему на Ауресе преданию, туземцы были обращены в ислам одним мусульманским святым, по имени Сиди-Абдаллах; некоторые из их племен принадлежали к секте ибадитов, подобно островитянам Джербы и бени-мзабам, а у племени улад-дауд сохранились смутные воспоминания, заимствованные из иудейства. До прибытия французов большинство жителей Ауреса были магометанами только по имени, и так же, как северные кабилы, вовсе не сообразовались в своем судопроизводстве с предписаниями Корана: они знали только свои «кануны», впрочем, гораздо более простые, чем каноны джурджурского населения. Это французы, косвенно, всего более способствовали исламизированию ауресских горцев, сносясь с ними исключительно на языке Корана, единственном, который они знали, и навязывая им арабских кади, творящих суд по обычному кодексу, т.е. по книге Магомета. Политическое единство туземцев установляется мало-по-малу в Джебель-Ауресе в пользу расы, которая со всех сторон осаждает горы[5]. Арабский язык тоже все более и более распространяется в крае, сильный своим единством, в сравнении с многочисленностью берберских диалектов. В восточном Ауресе эти отдельные наречия составляют семью зенатского языка, тогда как в западном говорят языком мазехр или тмазирт (темазирха), слово, в котором легко признать имя берберской расы амзигов или амазигов. Но обыкновенно говор западных племен Ауреса обозначают словом «тешавит», в просторечии «шауйа». Так же называется совокупность племен Ауреса, а иногда это имя, происходящее от арабского слова шави, которое значит «пастух овец»[6], прилагается вообще ко всем берберам Алжирии, кроме собственно кабилов. Ауресский язык шаула, которым улад-абди говорят чище, чем другие амазигские племена, отличается от северных берберских диалектов необыкновенной мягкостью.

Несмотря на перемены, совершившиеся со времени прибытия французов в управлении шауйского общества, многие национальные обычаи сохранились до сих пор. Женщины не

1 Bruce;—Playfair;—Guyon;—Perier;—Faidherbe;—Topinard;—Masqueray, etc.
2 Carette, „Exploration scientifique de l'Algerie".
3 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie", juillet 1876.
4 Playfair, „In the footsteps of Bruce".
5 E. Masqueray, „Note concernant les Aoulad-Daoud"
6 H. Duveyrier, цитиров. мемуар;—Masqueray;—Mac-Karthy, etc.

закрывают лица, но носят огромные серьги; они пользуются большой свободой, путешествуют, работают на поле вместе с мужчинами, совершенно как крестьянки во Франции; но в принципе они считаются неполноправными и не могут наследовать. Девушка или женщина составляет собственность отца, брата или мужа; супруг покупает ее, как скотину, и заставляет платить себе вознаграждение за всякий проступок словом или действием, учиненный против его живого имущества; прелюбодеяние оплачивается, как и человекоубийство, ценой крови. Прежде убийца уходил в изгнание на два года, затем возвращался, чтобы отдать себя в руки родных жертвы, неся на голове известную сумму денег. Он низко кланялся и говорил: «возьмите мою голову». Обыкновенно брали деньги[1]. Джемаа или веча, состоящие из именитых членов племени, еще сохранили некоторый авторитет; у племени улан-абди, которые такие же руманы, как улад-дауд или туаба, власть принадлежала в каждой деревне четырем лицам, представлявшим столько же групп или родов, некогда враждовавших между собой: примирение состоялось установлением этого четыреглавого правительства, опирающагося на вооруженную силу из сорока человек, по десяти от каждого клана. Но учреждая эту аристократию в видах предоставления соперничающим равной доли участия в управлении, улад-абди принесли в жертву народную свободу: граждане не собираются более на державные мирские сходы для обсуждения общих дел.

Земледельцы, подобно кабилам, но также и пастухи, на что указывает самое их имя, ауресские шауйа уступают жителям Джурджуры в умственных способностях, в деятельности, в промышленном искусстве: «у них мясо вместо мозга в черепе», говорят обыкновенно, когда хотят выразить, как неповоротлива их мысль. Однако, есть много шауйа, которые являют собой доказательство противного. Так, один из их народцев, инублен, состоит из людей, которые почти все занимаются лечением, правят кости и очень искусно делают операцию трепанирования[2]. Есть также племена, проявляющие замечательное искусство в перехватывании вод и направлении их в оросительные канавы. Вокруг некоторых селений заботливо культивируют плодовые деревья: смоковницы, орешины, маслины; Маскерэ нашел у них тиски для выжимания масла, совершенно похожия на снаряд, который употребляли для этой цели римляне, и одно из берберских племен, бени-ферах, применяет еще те же способы производства, какие применяли древние переселенцы из Италии. Еще не так давно между различными софами велась вооруженная борьба из-за пользования пастбищами—борьба, сокращавшая излишек народонаселения; теперь равновесие между произведениями земли и количеством ртов поддерживается эмиграцией; выходцы племени шауйа очень многочисленны в Константине, где они исполняют профессии мясников, хлебопеков, истопников, как мзабиты в Алжире. Впрочем, горы Ауреса слишком бесплодны, по крайней мере на южной их стороне, палимой солнцем, чтобы обитатели могли вести там вполне оседлую жизнь: бедные огороды на высотах дают им лишь немного плодов; они должны гонять стада овец и коз на отдаленные пастбища, возделывать орошаемые лощины, совершать не близкий путь к южным соседям, чтобы купить фиников; почти круглый год им приходится кочевать, проводя время в шатрах, хотя у них есть и постоянные жилища, где, впрочем, всегда остаются самые бедные, не имеющие ни поля, ни скота. Со времен римской эпохи уменьшение воды имело то роковое следствие, что жители сделались больше, чем прежде, номадами, и являются таковыми тем в большей степени, чем бесплоднее местности, по которым им приходится кочевать: образ жизни объясняется и обусловливается свойством почвы. Постоянные селения улад-даудов расположены большею частию вдоль оросительного канала, который вырыли римляне, чтобы утилизировать воды «Белой реки», уэд-эль-Абиод, направляющейся на юг к впадине шотта Мельгиг. Над деревней, представляющей треугольную кучку сероватых хижин, которые лепятся по склону горы, господствует стоящая на вершине крепостца, *гелаа* или *такелет*, служащая запасным магазином для жителей целого племени. Каждая семья держит дома только такое количество провизии, какое необходимо на нес-

1 Em. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

2 Em. Masqueray, цитированный сборник.

колько недель; все же остальное, пшеница в зерне, финики, коровье масло, сушеное мясо, шерсть, хранится в укрепленном складе.

Хеншела, французское поселение, обещающее быть современем значительным городом, благодаря своему счастливому положению в точке соединения нескольких плодородных долин, командует восточной частью Ауреса. Из этого пункта всего удобнее производить исследование области гор; но Хеншеле недостает еще сети колесных дорог, которая сделает ее тем, чем некогда был римский город Багай, лежавший севернее, то-есть центром торговли и заселения для окружающей местности. К югу от Хеншелы высится почти уединенная гора Джаафа, оканчивающаяся столообразной, окруженной пропастями, площадкой, на которой видны развалины такелета: эта гора, северо-восточный бастион всего массива Джебель-Аурес, есть, вероятно, та скала, которая во времена римлян носила специально имя Aurasius; она была взята византийским полководцем Саломоном; город, расположенный у её основания, унаследовал стратегическую важность, которую имела некогда крепость на горе[1]. Хеншела стоит на том месте, где находилась Маскула римлян; в окрестностях, преимущественно на севере, на покатости котловины, дно которой занимает Гараа-эль-Тарф, рассеяны многочисленные развалины: мегалитические памятники, особенно могилы, окруженные рядом камней, встречаются тысячами в этой области. Расположенная на высоте слишком 1.000 метр., недалеко от водораздельного порога между Средиземным морем и Сахарой, Хеншела господствует в одно и то же время над истоками уэда Меллег и над истоками ручья, который, под разными именами, разделяет массив Ауреса и джебель Шешар, впадая в долину Зибан, у Ханга-Сиди-Наджи, главного административного пункта Шешарского округа: там этот поток носит имя уэд-эль-Араб; близ Хеншелы он назывался уэд Мегар. Местечко Сиди-Наджи, лежащее в северо-восточном углу Ауреса, могло бы дополнять стратегический четыреугольник этих гор, вместе с городами Хеншела, Батна и Бискра; но оно не занято французским гарнизоном: важное значение его зависит главным образом от его рынков. Мечеть его, построенная тунисскими мастерами,—самая красивая и самая знаменитая в области Зибан. Зауйи (монастыри) довольно многочисленны в этом крае: выше, на той же реке Эль-Араб, но в центре гор, находится очень богатый монастырь Хайран, господствующий над населениями джебеля Шешар, и влияние которого распространяется даже на племена Туниса; ниже, в равнине, близ древнего римского поста Бадос (ad Badias), существует другая зауйя, в селении Лиана, хорошо известная горцам и сахарцам. На западе, в ущелье одного горного потока, бегущего с южных скатов джебеля Ахмар-Кадду, находится религиозное селение Тиммермасин, принадлежащее одному специальному братству, духовный авторитет которого признается во всем Ауресе: братия этой обители, говорят, три раза пыталась поднять горцев против французов.

К западу от большой дороги, которую представляет долина уэда эль-Араб от плоскогорий до Сахары, от Хеншелы до Ханга-Сиди-Наджи, открываются другие естественные пути в том же направлении через Джебель-Аурес. Первый из них—тот, который начинается на юге от Шелии горным проходом Тизугарин и обширной равниной, называемой Мединской, т.е. «Городской», может-быть, в память какого-нибудь древнего города. Это—великолепная местность, пастбищами которой пользуется все племя улад-дауд, и которая, по мнению Маскерэ, должна современем сделаться средоточием европейской колонизации в центре Ауреса. Там начинается долина «Белой реки» (уэд эль-Абиод), которая тянется на юго-запад и теряется в Сахаре ниже таргита, или «теснины» Транимин. Эта долина, где находятся месторождения ртути, составляет территорию племени улад-дауд. Долина уэда Абди, параллельная предыдущей и представляющая такой же вид, населена племенем улад-абди, которое из всех горских племен оказывало самое энергическое сопротивление завоеванию. Крепость их, Нара, стоявшая на вершине скалы, была срыта в 1850 г. Нынешняя столица племени, местечко Менаа, построенная амфитеатром на берегу уэда Эль-Абди, может быть рассматриваема как центральное место массива Аурес.

1 Em. Masqueray, цитированный сборник.

Батна, главный военный и административный центр в южной части провинции Константины, охраняющий на севере область Ауреса, занимает, между двумя массивами, Ауресом и Тугером, такую же позицию, как Хеншела: она расположена в равнине, имеющей форму цирка, близ раздельного порога, который, с одной стороны, понижается к замкнутым впадинам плоскогорья и к бассейну Руммеля, а с другой изрезан ущельями, направляющимися к Сахаре; кроме того, она сообщается легко-доступными горными проходами и широкими долинами с бассейном Годны. К этой равнине сходятся важнейшие естественные пути южной части Константины: оттого римляне выбрали соседнюю местность, Ламбезу (Lambaesis), чтобы учредить там главную квартиру знаменитого легиона *Fertia Augusta* и центр Военной Нумидии (Numidia Miliciana[1]).

Уледъ-наильская женщина.

Занятая французами в первый раз в 1844 г., Батна сделалась постоянным лагерем лишь в 1848 г., но город быстро растет, благодаря важности торгового обмена, происходящего в этом переходном месте. Главное неудобство Батны—изменчивость климата: летом стоят большие жары, усиливаемые знойными, иссушающими ветрами юга, которые легко проникают тогда чрез ущелье, открывающееся в юго-западном направлении; зимой, напротив, бывают сильные холода, так как Батна лежит на высоте 1.035 метр., и холодные ветры, дующие над плоскогорьем, низвергаются между двух горных массивов, не встречая препятствий. На северо-западе, по северным скатам Тугера, тянутся кедровые леса, составляющие славу и гордость Батны, но, к сожалению, дурно содержимые.

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

«Новая Ламбеза» (как сначала называлась оффициально Батна) далеко не может сравниться великолепием с Старой, известной у берберов под именем Таззут. Хотя географические выгоды местоположения одинаковы, но Ламбеза пользуется преимуществом в отношении здоровости климата и обилия вод, распределяемых теперь по оросительным каналам при помощи запруд. Древний город занимал пространство в несколько лье, которое еще не все исследовано научным образом и, без сомнения, обещает археологам не мало счастливых находок. В XVII веке, один губернатор Французского Бастиона (Bastion de France), близ Ла-Калле, впервые посетил замечательные руины римской Lambaesis[1]; в следующем столетии их осматривали путешественники Пейсонель и Шау; со времени первой французской экспедиции в 1844 г., там неоднократно производились раскопки. Один Леон Ренье прочел в тамошних развалинах более тысячи надписей; сборник *Inscriptions d'Algerie* содержит слишком полторы тысячи надписей, собранных в этом городе, и каждый год открывают много новых; между эпиграфическими памятниками, найденными в Ламбезе, многие имеют высокую ценность для историков. Можно распознать еще места расположения двух лагерей, из которых один был, до времен Диоклетиана, резиденцией третьего легиона: это наилучше сохранившийся из всех лагерей, оставленных нам завоевателями Средиземного мира. Он имеет форму четыреугольника в 600 метр. длины и 400 метр. ширины, окруженного валами в 4 метра высотой, с башнями по углам. В центре стоит еще развалина претории, обращенная в музей и наполненная античными статуями, которые видны издалека сквозь аркады с полукруглым сводом. Из сорока триумфальных арок, виденных Пейсонелем в то время, когда город был еще почти в целости, теперь осталось только четыре, да и другие здания, за исключением гробниц, окаймляющих римскую via, были сломаны и послужили материалом для постройки домов, казарм, тюрем. Среди развалин приютилась французская деревня, окруженная садами. В политической истории Франции Ламбеза, более известная под именем Ламбессы, напоминает события междоусобной войны: в 1848 г., после июньских дней, туда были водворены на жительство четыреста парижан: затем после государственного переворота 1851 г. и в первые годы империи сотни республиканцев увеличили собой число ссыльных; это были дебюты колонизации у подошвы гор Ауреса. Ламбезская пенитенциарная тюрьма была преобразована в дом заключения для гражданских преступников, содержащихся по приговору суда.

В 20 километр. к востоку от Ламбезы находится геншир Тимегад, остатки римского города Thamugas, красотой зданий превосходившего Ламбезу. Последняя была военной столицей, тогда как Тамугас был, без сомнения, торговым центром и складочным местом для земледельческих произведений[2]. В небольшом расстоянии к юго-западу от Тимегада, открывается, в толще Ауреса, между двух плато Бу-Дриасен и Харруба, очень узкий дефиле, почти так же трудно доступный, как и Константинский: этим, вероятно, и объясняется данное ему имя Фум Ксантина. Высоты, господствующие над этим ущельем, усеяны круглыми могилами: на первом из названных плато их насчитывают не менее тысячи, а на втором около двух тысяч: посреди этих могил стоят там и сям маленькия башни и развалины других значительных зданий[3].

В округе Батна встречается много других остатков веков доисторических и времен римских; но самый замечательный памятник той местности принадлежит эпохе, предшествовавшей пребыванию римских поселенцев: это Медрасен (Медгасен), стоящий на берегу себхи, в 30 километрах к северо-востоку от Батны, недалеко от станции Аин-Якут («Алмазный родник»), на константинской железной дороге. Этот мавзолей, построенный в том же стиле, как «Гробница Христианки», близ Типазы, состоит из круглой массы, на которой поставлен конус, представляющий 24 ступени; здание имеет 176 метр. в окружности, и карниз его поддерживается 60 колоннами; прежде, пока не осыпалась вершина, высота его была слишком

1 Leon Renier, „Notes d'un voyage archeologique au pied de l'Aures".

2 Leon Renier;—Playfair, „In the footsteps of Bruce".

3 Payen;—Playfair;—Em. Masqueray, „Bulletin de la Geographie", nov. 1876.

18 метров; по виду, говорит Эль-Бекри, оно походило на «большой холм». Археологи единогласно признали в Медрасене надгробный памятник царей Нумидии, сооруженный ранее той усыпальницы, которую воздвиг Юба, недалеко от своей столицы Jol Caesarea. Вокруг Медрасена рассеяны другие гробницы, в форме конусов, но меньших размеров. На западе, по направлению к Сетифу, следуют один за другим у подошвы гор несколько римских городов, сады которых орошались водами, проведенными из горных ручьев; один из этих городов, ныне геншир Зава, доминируемый высокой усеченной колонной джебеля Мастаа, носил название Diana veteranorum; далее следует Зрайа (в древности Зараи), где нашли, между прочим, любопытный таможенный тариф, свидетельствующий о важности тогдашних торговых сношений Судана с Мавританией в сравнении с нынешним движением обмена[1].

К западу от гор Ауреса и предгорий Батны, Тугера, Мостауи, Беллезмы, обширный бассейн Годны, «малая пустыня», отделенная от большой цепью гор Зибан, заключает в себе только развалины да маленькия селения почти сахарского вида, с их стенами из высушенных на солнце кирпичей. Некогда обильно орошаемая каналами, следы которых (рвы и запруды) еще видны до сих пор, Годна имеет теперь только болота и солончаки. На северо-востоке бассейна, недалеко от дороги из Сетифа в Батну, пролегающей через земли племени улад-эс-султан, местечко Нгаус, утопающее в зелени садов и богатое фонтанами, есть центр населения, впрочем, очень незначительный в сравнении с существовавшими некогда в этой местности римскими и византийскими городами, судя по оставленным ими грудам обломков. На юго-востоке той же впадины Годна, поселение Мдукаль, откуда несколько дорог пересекают горы, направляясь к цепи Зибан, само походит на оазис Заба своими пальмами, которые орошаются водами теплого источника. На севере бассейна, местечко Мейла в последнее время получило некоторое значение, как административный центр; некогда это был многолюдный город, от которого центральная впадина Годны получила свое название шотт Эль-Мсила. Это местечко, где несколько десятков французов живут среди двух тысяч арабов, окружено прекрасными фруктовыми садами, которые можно бы было расширить, утилизируя воды разлива уэда Ксоб для орошения полей.

В настоящее время главный город этой области—Бу-Сада (прежде Бен-Уэс), лежащий на высоте 578 метр., в юго-западном углу бассейна Годны. Низенькие домики, построенные в стиле сахарских ксуров, лепятся один над другим по скатам холма, увенчанного касбой и несколькими домами французской архитектуры; так же как в Тугурте, жители сгруппированы в разных кварталах, смотря по происхождению: люди местных племен бассейна Годны, арабы и берберы из Сахары, евреи, мзабиты, улад-наиль. Слишком восемь тысяч пальм осеняют сады, на берегах реки, протекающей у подошвы холма. Занятая французами с 1849 года, Бу-Сада, или «Счастливое место», заслуживает это название, если счастье понимать в смысле «богатства», ибо её постоянный рынок распространяет свои сношения с одной стороны до городов прибрежья, с другой—до оазисов пустыни. Сама Бу-Сада по своим культурам принадлежит в одно и то же время к Сахаре и к Теллю: находясь в соседстве с кабилами, занимающими горы к северу от Годны, она служит местом транзита для произведений их промышленности, отправляемых на юг; с другой стороны, она соприкасается с племенем улад-наиль и получает в склад все товары, привозимые ими из южных ксуров[2]. Залежи каменного угля пока еще мало разрабатываются.

Большой союз наилов, кочевых арабских племен, пришедших в эти места около половины одиннадцатого столетия, занимает обширную территорию к югу от Бу-Сада: на западе она достигает Джебель-Амура, на востоке простирается до ксуров горной цеди Зибан; улад-наильские пастухи, вместе со своими союзниками гаразлиа, доходят во время кочевки до ворот Тугурта: становища их легко отличить по темно-красному цвету шерстяных палаток. Эти арабы разводят верблюдов в степях, овец на горах; кроме того, они сеют хлеб в сырых лощинах, служат посредниками в торговле между жителями Сахары и Телля, имеют в разных ме-

1 Ernest Desjardins, „Journal officiel“, 27 nov. 1876.

2 Carette, „Commerce d'Algerie“.

стах несколько складочных деревень с постоянным населением, составляющим в сложности несколько сот человек; у них есть даже кое-какая промышленность: они продают на рынках шерстяные ткани, выделываемые их женщинами; но, тем не менее, они живут в крайней бедности. Нищета и голод породили, между прочим, обычай, общераспространенный у наилов, предлагать за деньги своих жен проезжим путешественникам. Рассказывают, что Абдель-Кадер, по вступлении во власть, хотел-было уничтожить этот обычай; но так как следовавший затем год был отмечен большим неурожаем, то наилы приписали это бедствие гневу Аллаха и поспешили восстановить старый обычай[1]. У этих арабских племен не парни уходят на чужбину искать счастья, а молодые девушки, славящиеся красотой, отправляются целыми партиями в ксуры и в города прибрежья зарабатывать себе приданое проституцией. Они обыкновенно сидят, в ожидании заработка, у своих дверей, неподвижные, молчаливые, разряженные точно идолы, едва могущие пошевелиться под бременем тяжелых материй, всевозможных украшений и фальшивых драгоценностей. Некоторые из них эмигрируют без намерения вернуться; родившихся на чужбине девочек они оставляют при себе, мальчиков же отсылают в родное племя. Мужчины принадлежат к числу красивейших между арабами, но их упрекают в изнеженности; они славятся своим искусством в игре на флейте[2].

К юго-западу от города Бу-Сада, военный пост Джельфа, лежащий на высоте 1.167 метров, на дороге из Алжира в Лагуат, занимает центр земли улад-наилов. Джельфа не только бордж,—это в то же время центр колонизации; и хотя ручей, текущий по этой части плоскогорья, чтобы излиться в себху Захрез-эль-Гарби, есть, подобно многим другим потокам Алжирии, «Соляная река», однако, вода его могла быть утилизирована для орошения; на берегах ручья были посажены итальянские тополи, и скаты окружающих гор, еще недавно совершенно голые, начинают покрываться лесом, состоящим из различных древесных пород. Успешные опыты облесения, сделанные в Джельфе, на диких кручах джебеля Сахари, имеют решающее значение и, без сомнения, послужат примером колонистам, которые селятся в высоких долинах этих областей, особенно на западе, в Джебель-Амуре. Но, несмотря на голый вид этого разорванного хребта, отделяющего плоскогорья от сахарской покатости, они не лишены своего рода красоты, которую им придают смелость формы, чистота профиля, блеск красок. Трудно представить себе более живописные утесы, чем стены джебеля Бу-Хаим, круто обрывающиеся, изрезанные узкими коридорами от действия размывания и ограничивающие правильное плато, слегка вогнутое к центру в форме котловины. Недалеко оттуда, Аин-эс-Султан, был рубежем римских владений: несколько руин—последние, которые мы встречаем в южном направлении под меридианом Алжира—свидетельствуют о пребывании римлян в этой части плоскогорья, теперь далеко перейденной французами[3].

На юго-западе от Батны, дорога в пустыню и строющийся рельсовый путь направляются к горному проходу Эль-Биар (1.090 метр.), то-есть «Колодцев», откуда начинается спуск к Сахаре, в начале нечувствительный; небольшой ручей, уэд Эль-Кантара, круто спускающийся рядом маленьких каскадов с высоты слишком 300 метров, течет рядом с дорогой, усиливаемый другими потоками при выходе каждой боковой долины; кучи обломков, извергнутых из ущелий в долину, по мнению Града, суть не что иное, как морены глетчерного происхождения. С той и другой стороны долины высятся зубчатые известковые скалы, почти лишенные растительности, которая появляется, в виде одинокого деревца или куста, только там, где в углублении между камнями скопилось немножко растительной земли. Вдруг утесы раздвигаются, ручей низвергается водопадом, пересекаемый римским мостом на арках, от которого нижняя долина получила имя Эль-Кантара: это «Мост» по преимуществу, мост, соединяющий Телль с Сахарой. Из всех местностей Алжирии, столь богатой, однако, прекрасными пейзажами, ни одна не пользуется большей славой; здесь мы видим самый яркий контраст между каменистыми плоскогорьями и зеленеющими оазисами; восток показывает-

1 Daumas, „Le Sahara algerien“;—Guyon, Voyage d'Alger au Ziban“.

2 Paul Soleillet, „L'Afrique occidentale. L'Algerie Mzad, Tildikelt“.

3 Reboud, „Revue africaine“, t. 1;-Davenet, там же, 1858 г.

ся вдруг через «золотые двери». У арабов существует поверье, отчасти оправдываемое фактами, что скалы Эль-Кантара задерживают на своих вершинах все облака Телля: «дойдя до этих гор, дождь умирает». С одной стороны—область зимы, с другой—область лета; вверху—Телль, внизу—Сахара; на одной покатости гора черная, цвета туч и дождя, на другой—розовая, цвета ясной погоды[1]. Под ногами у себя видишь открывающуюся долину, где вода бе-

Свободная негритянка изъ Бискры.

жит извилистой лентой под тенью пальм; три группы домиков, составляющие вместе деревню Эль-Кантара, показываются в прогалинах оазисов, резко отличаясь от селений, встречавшихся в северной области; жилища и сады, даже стада и люди,—все изменилось видом, и самое освещение этих картин уже иное. Однако, из Эль-Кантара еще нельзя созерцать беспредельный горизонт пустыни: нужно еще пройти обширный и плодородный бассейн Эль-Утайа, его соляную гору и теплые источники Фон-Шод, называемые туземцами Гаммам-эс-

1 G. Fromentin, „Un ete dans le Sahara“.

Салехин, т.е. «Купальни Святых», затем перевалить через порог, горный проход Сфа, чтобы увидеть расстилающееся на юге безбрежное песчаное море, по которому там и сям разбросаны архипелаги оазисов, представляющиеся зелеными пятнами: здесь открываются «Ворота Пустыни», за которыми начинается бесконечная равнина, развертывающаяся до красной или фиолетовой, иногда черной линии горизонта песков. Иллюзия полная: эта отдаленная полоса—океан!

Бискра, главный город горной цепи Зибан, продолжающейся на восток до тунисской границы, имеет важное значение по своей стратегической позиции у ворот пустыни, а также благодаря происходящему в нем торговому обмену между произведениями двух смежных поясов. В этом углу древней Мавритании французы попирают ногами почву, которую уже возделывали римляне, и форт Сен-Жермен стоит недалеко от того места, где некогда находилось поселение Ad Piscinam; но южнее этого пункта до сих пор еще не открыли никаких римских камней: легенда говорит только об одной армии руманов, истребленной номадами близ Тамерны, и о другой, которая будто бы увязла в топких болотах Темассина[1]. Французский форт в Бискре, подобно касбе, которую он заменил, построен выше оазиса, над водами которого это укрепление вполне господствует при помощи запруды: можно остановить соединенный поток уэдов Эль-Кантара и Абди и тем истребить, вместе с лесом пальм, всех людей, живущих под их тенью. Этот поток даже летом дает некоторое количество воды, исчисляемое в меженное время слишком в 600 литров в секунду; кроме того, несколько живых ключей бьют из самого ложа. Французский город, построенный, как все арабские селения в цепи Зибан, из высушенных на солнце кирпичей, сгруппировал свои дома с арками и террасами под защитой форта; южнее расположены деревни негритянские, арабские, берберские; оазис заключает в себе семь ксуров, разбросанных, как ксуры тунисских оазисов; это один сплошной сад, который тянется на 5 килом. в длину. Около 140.000 пальм, производящих вместе слишком 100.000 гектолитр. фиников, занимают 1.300 гектар.; среди этого обширного пальмового леса растут несколько тысяч маслин, происходящих, как говорят, от римских плантаций, и множество других плодовых дерев; кроме того, французами разведены сад для акклиматизации тропических растений, древесные питомники, парки для гулянья[2]. В последнее время Бискра сделалась зимней санитарной станцией, и много больных из северных французских департаментов приезжают искать здоровья под её почти всегда ясным небом. Но эти гости бегут от жаров с первых же дней весны, и берберы, составляющие главную массу населения, уходят вслед за ними на заработки в города поморья. Уроженцы Бискры встречаются тысячами в больших городах Алжирии: первый туземец, протянувший руку французам, чтобы помочь им высадиться на набережную Алжира, был бискриец, вероятно, уроженец одного из зибанских оазисов, так как с незапамятных времен эмигранты из этой области исполняют по преимуществу профессию лодочников в городе Барбароссы. Правда, этим именем называют обыкновенно всех выходцев с юга, кроме негров и мзабитов. К северо-востоку от Бискры, в горах Джебель-Аурес, учреждена военная санатория—лагерь Джемора.

В восточном Забе (Заб Шерги) оазисы следуют один за другим узкой полосой, ограниченной с одной стороны откосами гор, с другой—солончаковыми берегами впадины Мельгига. В этой местности главная группа пальм образует, на юго-востоке от Бискры, оазис Сиди-Окба, названный так по мечети, воздвигнутой над могилой знаменитого завоевателя: здесь, вероятно, кончил жизнь, в 1860 году геджры, основатель Кайруана, полководец, который, как гласит легенда, по ту сторону Магреба эль-Акса, скакал все вперед до тех пор, пока конь его не прыгнул в волны Атлантики. Атакованный несметной толпой берберов-христиан, к которым присоединились греки, еще многочисленные в том краю[3], он погиб со всей своей дружиной. Монастырь (зауйя), основанный рядом с его могилой, сделался духовной метро-

1 Ch. Feraut, „Revue Africaine“, 1879.

2 E. Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

3 Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

полией всей страны и одною из славнейших школ мусульманского права в Алжирии. Обитатели Сиди-Окба живут паразитами, кормясь на счет пилигримов,—жалкое население нищих и калек, слепых, хромых и прокаженных.

К юго-востоку от Бискры, многочисленные оазисы образуют архипелаг возделанных земель, которому дают название северного Заба (Заб Дахри), или южного Заба (Заб Гебли)—название, не оправдываемое положением их относительно совокупности Зибанов, т.е. «Деревень», так как на востоке другой Заб тянется вдоль южной части Ауреса. Туда также проникли армии Рима, и столица этих оазисов еще обладает римским замком, свод которого жители заменили слоем земли, поддерживаемым стеблями финиковых пальм; черепки глиняной посуды и шлифованные кремни, находимые в песках около селений, напоминают также о пребывании там каких-то неизвестных народов, предшественников римлян. Пальмы северного Заба дают лучшие финики страны, но плантации недостаточны для прокормления населения, хотя в последнее время французскими землевладельцами создано несколько новых оазисов[1]; подобно туземцам тунисского Джерида, жители алжирских оазисов занимаются выделкой шерстяных ковров; особенно славятся ковровые изделия оазиса Лишан. Главный пункт этого архипелага—местечко Тольга, расположенное среди великолепного пальмового леса, деревья которого обвиты гирляндами винограда и который оглашается воркованием несметного множества горлиц. Монастырь этого городка, окруженный пятнадцатью мечетями и еще более могущественный, чем зауйя в Сиди-Окба, привлекает в свою школу арабской юриспруденции около тысячи студентов, и политическое его влияние, всегда проявляемое в смысле примирения с французами, распространяется до тунисской границы[2]; власть джемаа, которые собираются в селениях этого края, как в большинстве берберских общин, почти подавлена между двумя авторитетами—мусульманской зауйи и французской префектуры. На северо-востоке от Тольги, в оазисе Лишана, находятся развалины местечка Заача, жители которого долгое время были союзниками французов и не пускали к себе посланцев Абдель-Кадера, но потом возмущенные тяжкой обидой, нанесенной им новыми господами, восстали против иноземных завоевателей. Не было примера более геройского сопротивления: приходилось брать с бою пальму за пальмой, дом за домом, и во время окончательного штурма, произведенного после 25-дневной осады, победители пощадили только одну старуху[3]. С 1849 года, эпохи разрушения Заачи, местечко это не было вновь отстроено; уцелевшие остатки пальмовой плантации сдаются в аренду жителям соседних оазисов.

На юг от Бискры, дорога в Тугурт, рядом с которой вскоре будет построен рельсовый путь, идет через новый оазис Ум-эль-Тиур, затем через редкие леса тамариска, окаймляющие северный берег Джедди, и огибает на западе топи или борма («котлы») шотта Мельгиг, южное продолжение которого составляет шотт Меруан[4]. Оазисы следуют один за другим с севера на юг в равнине уэда Риг, где протекают подземные воды, и через известные промежутки встречаются артезианские колодцы, старые и новые. Благодаря недавним успешным бурениям, Мгайер мог упятерить протяжение своей пальмовой плантации, содержащей теперь до 50.000 деревьев; точно так же подземные воды, изведенные на поверхность буравом французских инженеров, вызвали к жизни много новых садов вокруг Угланы и Тамерны. Известно, какие преобразования производит современная индустрия в этих южных оазисах: количество воды, даваемой артезианскими колодцами, почти учетверилось с половины настоящего столетия; число пальм почти удвоилось во всей области уэда Риг, а ценность их ушестерилась: введены новые культуры, и население значительно возросло; словом, вид местности совершенно изменился[5]. Где показываются воды, там вскоре возникают людские поселения. До употребления артезианского зонда часто наблюдалось обратное явление: ис-

1 Cat, „Societe de Geographie de Constantine“. 1-er bulletin trimestriel 1884;—Langlois, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Oran“, 1884.

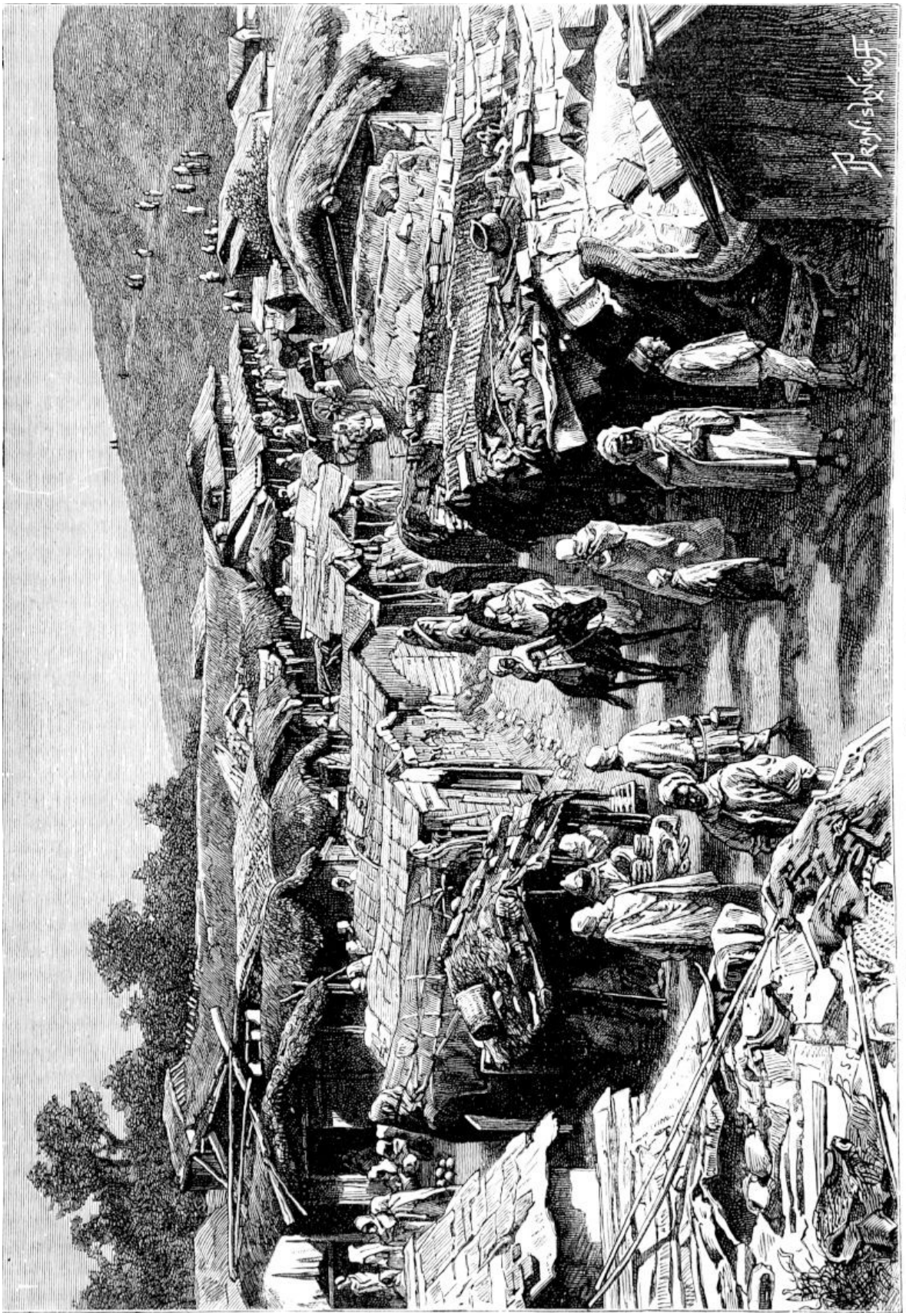
2 H. Duveyrier, „La Confrerie musulmane de Sidies-Senousi“;—Riun, „Marabouts et Khouan“.

3 H. Duveyrier, „La Confrerie musulmane de Sidies-Senousi“;—Riun, „Marabouts et Khouan“.

4 Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

5 Jus, „Rapport annuel“;—G. Rolland, рукописные заметки.

точники иссякали, вслед затем деревья вымирали, дома покидались, и песок скоро засыпал некогда цветущий оазис. Рядом с каждым «новым» городом виднеется «старый», указывая перемещение отверстия, через которое воды скрытого резервуара сообщаются с поверхно-



Жилища племени бени-рамасе въ Константинѣ.

стью земли. За исключением Тугурта (Теккарт), оазисы уэда Риг должны были, так сказать, перекочевывать в равнине, по воле подземной воды. Впрочем, осады и насильственные разрушения также нередко вынуждали обитателей Рига переносить свои жилища на новые ме-

ста.

Эти туземцы, называемые руага (рурха или руара), в числе около 13.000 душ,—берберы зенатского происхождения, но в такой сильной степени смешанные с неграми, что походят на них цветом кожи, чертами лица и шевелюрой[1]. Порабощенные властителями Тугурта с начала XV ст., они часто были вовлекаемы в войны между номадами и жителями ксуров. Новая история началась для них лишь с 1856 г., когда бур стал вызывать воды, скрытые в недрах земли. С этой эпохи социальные условия населения существенно изменились. Прежде окрестные номады были истинными владельцами оазисов. Жители ксуров культивировали сады на правах исполовников, тогда как кочевники пасли стада и ходили в Телль за покупкой зернового хлеба. Но в обмен за часть купленной пшеницы они требовали наибольшую часть сбора фиников; кроме того, они были закладчиками и ростовщиками; оседлые земледельцы находились у них в кабале, и положение их почти ничем не отличалось от положения крепостных. Но этот старый порядок вещей постепенно исчезает. Руага стали сеять ячмень на больших пространствах, что избавляет их от дорого-стоющих услуг кочевых поставщиков хлеба; большинство их сделалось собственниками пальм; кроме того, возрастающая ценность деревь и их продуктов, а также возвышение заработной платы, вследствие создания новых оазисов французскими обществами, дали возможность туземцам освободиться от своих наследственных долгов. Даже те руага, которые остались «хаммесами», т.е. пятинщиками, много выиграли в независимости и в благосостоянии со времени вырытия артезианских колодцев. Только некоторые пальмовые рощи принадлежат еще номадам, именно улад-мулетам: эти плантации сразу можно узнать по их запущенному виду. Четыре пятых производства фиников вывозится из оазисов через Бискру[2].

Окруженный 170.000 пальм, «древнейший оазис страны», Тугурт, заслужил своими обильными урожаями фиников прозвище «Чрева Пустыни»: это естественная столица всей области уэда Риг. С песчаных пространств, расстилающихся на восточной его стороне, этот город представляет импонирующий вид: передовые бастионы касбы, две массивные четыреугольные башни, постепенно съуживающиеся к вершине и оканчивающиеся нависшей галлереей, белые дома с плоскими крышами, ярко выступающие на темном фоне большого леса,—все это вместе образует полную и довольно грандиозную картину. Тугурт, стоящий на уэде Риг, ниже подземного слияния уэда Мия с уэдом Игаргар, находится на высоте 69 метр., у восточной подошвы плоскогорья, верхния площади которого выше метров на 100. Город имеет форму овала, удлиненного по направлению с северо-запада на юго-восток; длинный ров, теперь высохший, окружает дома, расположенные в виде сплошной стены; за рвом идет вал, защищающий город от вторжения песков. Внутри ограды, извилистые улицы и большая площадь разделяют населения различного происхождения—здесь сгруппированы собственно горожане, там вольноотпущенные негры, в ином месте иностранцы или евреи, обращенные в ислам. До недавнего времени разные кварталы жили между собой в постоянной вражде и борьбе; так же, как в Гадамесе и в большинстве других берберских городов, этнические элементы существовали бок-о-бок, но не слились в одно целое: они оставались врагами, и нередко вооруженный мир сменялся открытой войной. С 1854 г., когда французы овладели Тугуртом, город стал быстро развиваться и теперь достиг цветущего состояния: число жителей удвоилось; вместо лачуг из битой глины или высушенного на солнце кирпича, появилось много домов из плит гипса, с галлереями и верхними этажами; за городскими стенами основались обширные предместья; торговое движение, направляемое преимущественно французами, значительно усилилось. Самая деятельная промышленность Тугурта, как и в других оазисах,—выделка ковров и шерстяных тканей. В соседстве гражданского города находится духовная метрополия, Темассин, лежащий в 13 километр. к югу, у оконечности лужи, образуемой стоками оросительной воды. Зауйя Тамельгат, в Темассинском оазисе,

1 Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1879;—Topinard, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 2-e serie, № 11, 1870.

2 G. Rolland, рукописные заметки.

есть филиальный монастырь зауйи Аин-Махди, принадлежащей ордену Тиджания; но авторитет этой филиальной обители теперь уже превосходит авторитет начального монастыря и распространяется до Сенегальской области Фута. Темассинская зауйя недавно подверглась нашествию тимеди, термитов, грызущих деревянные постройки: многие дома уже обрушились.

На юго-востоке, по направлению к Гадамесу, тянется область больших дюн, в виде безконечного ряда песчаных волн; на юге бассейн Игаргара занят туарегами; поэтому торговые сношения Тугурта в сахарских областях возможны только с племенами бени-мзаб на западе, с уэдом Уаргла на юго-западе, и с уэдом Суф, или «Река», на востоке. Эта последняя группа оазисов—самая уединенная из всех оазисов алжирской Сахары. Она расположена на джеридской дороге, без малого в ста километр. от Тугурта, и со всех сторон окружена песками; подземная вода нигде не выступает на поверхность: по словам местной легенды, христиане, бывшие владетели края, уходя оттуда, спрятали реку посредством своего чародейского искусства, и мусульманам еще не удалось разрушить эти чары. Однако, десять оазисов уэда Суф сохранились, и растущие на них финиковые пальмы (180.000 дерев) дают великолепные плоды, без всякого орошения. Нужно только выбрать благоприятное место в промежутке двух смежных дюн и рыть землю, чтобы достигнуть слоя подпочвы, достаточно увлажненного, который встречается на разных глубинах, иногда на глубине 12 метров; посаженные там деревья спускаются корнями до водоносной жилы; но иногда случается, что этот подземный резервуар перемещается или понижается: тогда надо окапывать и подпирать дерево и рыть землю снизу или по бокам, чтобы дать ему более благоприятное помещение. Вынутая земля, расположенная в виде насыпей вокруг вырытых воронкообразных углублений и скрепленная частоколами, защищает пальмы от песков. В некоторых местах эти огромные земляные работы делаются для сада, который будет состоять всего из четырех или пяти дерев; но есть и обширные сады, заключающие до сотни финиковых пальм, а также другие фруктовые деревья: апельсинное, абрикосовое, фиговое, виноград, под тенью которых произрастают овощи и табак.

Сады, плод этого упорного труда, не принадлежат, однако, тем, кто их возделывает. Так же, как в большинстве других оазисов Сахары, воинственные номады присвоили себе право взимать львиную долю урожая. Известные под именем «труд» и соединенные с другими грабителями, ребайя, ферджан, улад-гамид, эти арабские пастухи, как говорят, пришедшие в край в конце четырнадцатого столетия, кочуют в соседстве оазисов, предоставляя все земледельческие работы трудолюбивым адуанам. Так как произведения почвы недостаточны для прокормления всех жителей (около 30.000 душ), то адуаны эмигрируют в большом числе, особенно в тунисские города, где зарабатывают себе хлеб, в качестве землекопов, носильщиков и домашней прислуги; их называют «суафа», то-есть «уроженцами Суфа». Женщины занимаются тканьем «гаули», которые они красят мареной или индиго, и которые составляют предмет очень прибыльной торговли в Гадамесе[1]. Производство этих костюмов достигает слишком 70.000 штук ежегодно, при средней цене 25 франков за штуку.

Эль-Уэд, или «Ручей», главный оазис в группе Суф, заключает в себе до тысячи низеньких домиков (вышиной не более 2-х метров), имеющих всего только одно отверстие без створки и увенчанных маленькими куполами, которые поддерживаются пальмовыми бревнами; ксар служит исходной точкой для алжирских караванов, направляющихся в Гадамес мимо колодца Бир-эс-Соф. Эль-Уэд, так же, как многие соседние оазисы, служит местопребыванием религиозного братства, поддерживающего торговые и дружественные сношения с хуанами всей Северной Африки. Гемар и Куинин—тоже многолюдные местечки, жители последнего в большинстве почти слепые, от действия тонкого песку, часто наполняющего атмосферу[2]. Суф—единственная местность Сахары, где найдены обломки современных чисто-

1 V. Largeau, „Le Sahara algerien“;-Bonnemain, „Nouvelles Annales des Voyages“, 1857.

2 Ch. Leurent, „Memoire sar le Sahara oriental“.

морских раковин, труборога (buccinum) и морского желудя (balanus)[1]: до сих пор неизвестно другого признака, свидетельствующего о существовании морской бухты в области пустыни, соседней с заливами Большой и Малый Сирт[2]; но большинство геологов полагают, что эти уединенные раковины не имели постоянного жительства в этом месте, и что они происходят из перенесенных сюда земель.

Оазисы уэда Джедди, подобно оазисам уэда Риг, принадлежат к бассейну «внутреннего моря», если можно сохранить это название за солончаком шотта Мельгиг. Более половины сахарской покатости Алжирии, от Джебель-Амура до границ Туниса, составляет часть этого бассейна, центральный резервуар которого теперь почти совершенно высох. Без всякого сомнения, эта долина, продолжающаяся на юге гор и параллельно их основанию, приобретет рано или поздно весьма важное торговое и земледельческое значение, но в настоящее время она очень слабо населена.

Афлу, нарождающийся городок, служащий столицей горцам Амура, представляет центр населения, где перепись 1881 г. насчитала всего только восемь человек жителей: одного француза, трех евреев и четырех испанцев. Эта маленькая кучка строений лежит на высоте 1.350 метр., близ верхних истоков уэда Мзи, главной ветви уэда Джедди, великой сахарской реки. У Таджемута уэд, выходящий из Афлу и с северного ската Джебель-Амура, соединяется с ручьем, который питают южные долины того же массива, и который проходит недалеко от Аин-Махди, духовной метрополии знаменитого ордена Тиджания, основанного в XVIII ст. Городок, выстроившийся вокруг монастыря (зауйя), занимает каменистый бугор, и высокие зубчатые стены отделяют его от пояса садов. Союзники французов, хуаны братства, храбро защищались против Абдель-Кадера, который вырубил деревья в их садах и разорил их рынок, прежде один из важнейших в Мавритании, на границе Сахары и Телля; Фромантен видел там только две пальмы. Но роковой удар его торговле нанесло занятие французами Лагуата, который был сделан главным городом сахарских областей Алжирской провинции: это центр, к которому теперь направляется все движение торгового обмена.

Лагуат, уже соединенный с столицей Алжирии колесной дорогой, которой пользуются общественные кареты, намечен как исходный пункт будущей железной дороги, которая направится к Туату; но ему, кажется, придется еще ждать несколько лет этого рельсового пути, долженствующего соединить его с алжирской сетью; в этом отношении он будет опережен своей соперницей, Бискрой, которая, подобно ему, находится у одной из дверей, открывающих сообщение между Теллем и Сахарой. Лагуат, лежащий в небольшом расстоянии к западу от Алжирского меридиана и в расстоянии около полуградуса к востоку от меридиана Парижского, является весьма важной геодезической станцией, на большой дуге круга, проходящей через африканский континент[3]. Этот город, хотя он лежит на большой высоте (741 метр.), находится уже вне краевых цепей алжирского плоскогорья; меловые горки, которые тянутся в этой области, параллельно общей оси Атласа, с юго-запада на северо-восток, покрыты при основании по-третичными осадочными формациями. Между подошвой плоскогорья и садами Лагуата течет река Мзи, принимающая, несколькими километрами ниже, имя Джедди. Отведенный из этого потока оросительный канал извивается в оазисе и, пройдя между двух холмов, разветвляется по расстилающейся за ними равнине. На скатах этих холмов, между которыми пробирается струя воды, заботливо регулируемая фонтанщиком, расположены дома Лагуата, построенные амфитеатром. На юго-западе находятся два квартала на двух смежных горках; на северо-востоке уединенный бугор несет на себе третью группу домов. Так же, как в других берберских городах, население Лагуата распределено, смотря по происхождению, в разных кварталах. В народных собраниях (джемаа) одинаково участвовали все жители: улад-сергин, обыватели западного квартала, алаф, обыватели восточного, и

1 Desor, „La Foret vierge et le Sahara“.

2 Ch. Grad, „Bibliotheque universelle“.

3 „Bulletin de la Societe de Geographia de Paris“, avril 1878;—Derrien, „La region algerienne traversee par le meridien de Paris“, meme recueil, 2-e trim. 1885.

улад-эль-хадж-аисса, или «сыны пилигрима Аиссы», обитатели южного склона; но советы стариков не всегда одерживали верх, и между молодежью двух наиболее горячих партий, сергинами и алафами, нередко дело доходило до драки и вооруженного столкновения; что касается «сынов Аиссы», то они старались установить свое господство не силой оружия, а путем благочестивых интриг[1]. Одно из лагуатских братств принадлежит к знаменитой ассоциации сенусиев.

Занятый французами в первый раз в 1844 г., Лагуат снова был взят ими в 1852 г., после убийственного штурма, окончившагося избиением осажденных. Город потерял почта все свое население. С этой эпохи городская ограда была совершенно перестроена, арабские кварталы в большей части разрушены и заменены французскими постройками, которые разделены прямыми улицами; обширные сады, перерезываемые широкими дорогами, тянутся на пространстве нескольких километров. Финиковые пальмы (около 15.000 дерев), дающие плоды не высокого качества, занимают лишь часть оазиса; маслин, апельсинных и лимонных деревьев тоже немного; но зато путешественник, к немалому своему удивлению, находит там в большом числе европейские древесные породы: груши, персики, абрикосы, смоковницы, гранатовые деревья, а также виноград, и, в маленьких огородах, большинство овощей, свойственных Франции, особенно лук[2]. Благодаря произведениям оазиса, Лагуат является необходимым этапом для всех караванов, путешествующих в тех странах. Конвоиры продуктов и товаров, отправляемых с этого рынка,—по большей части арабы из союза ларбаа, названного так (арба значит «четыре»), по мнению некоторых этимологов, потому, что эти люди первоначально состояли из четырех различных племен. Ларба, почти все принадлежащие к братству тиджания, были вообще, как и их патроны айн-махди, верными союзниками французов, и их гумы, состоящие из лучших наездников, не раз опережали регулярные войска в экспедициях к южным оазисам. Обыкновенно эти номады кочуют в местностях к востоку от Лагуата; но зимой они спускаются на юг до земли Бени-Мзаб, а летом поднимаются до Богара, Тениет-эль-Гада, Тиарета, для закупки хлеба[3]. Ниже Лагуата и его оазиса река Джедди протекает через области, которые во многих местах могли бы быть обращены в культурные земли и при хорошем орошении давали бы обильные урожаи, так как накопившиеся речные наносы представляют в лощинах слой толщиной в несколько сот метров. Русло уэда принимает в себя приток Деммед, проходящий перед тем по ущельям гор, мимо Мессада и Деммеда, живописных ксуров племени улад-наиль; затем оно идет через обширные степные пространства, посещаемые пастухами. Оазисы в собственном смысле появляются снова лишь в нижней части долины Джедди, к югу от Заб-Дахри. Самый населенный из них—оазис Улад-Джеллал, заключающий не менее 1.400 домов, каждый с садом, с пальмовой рощей и с колодцем. Наследственная ненависть разделяет улад-джеллалов с их западными соседями, обитателями оазиса Сиди-Халед.

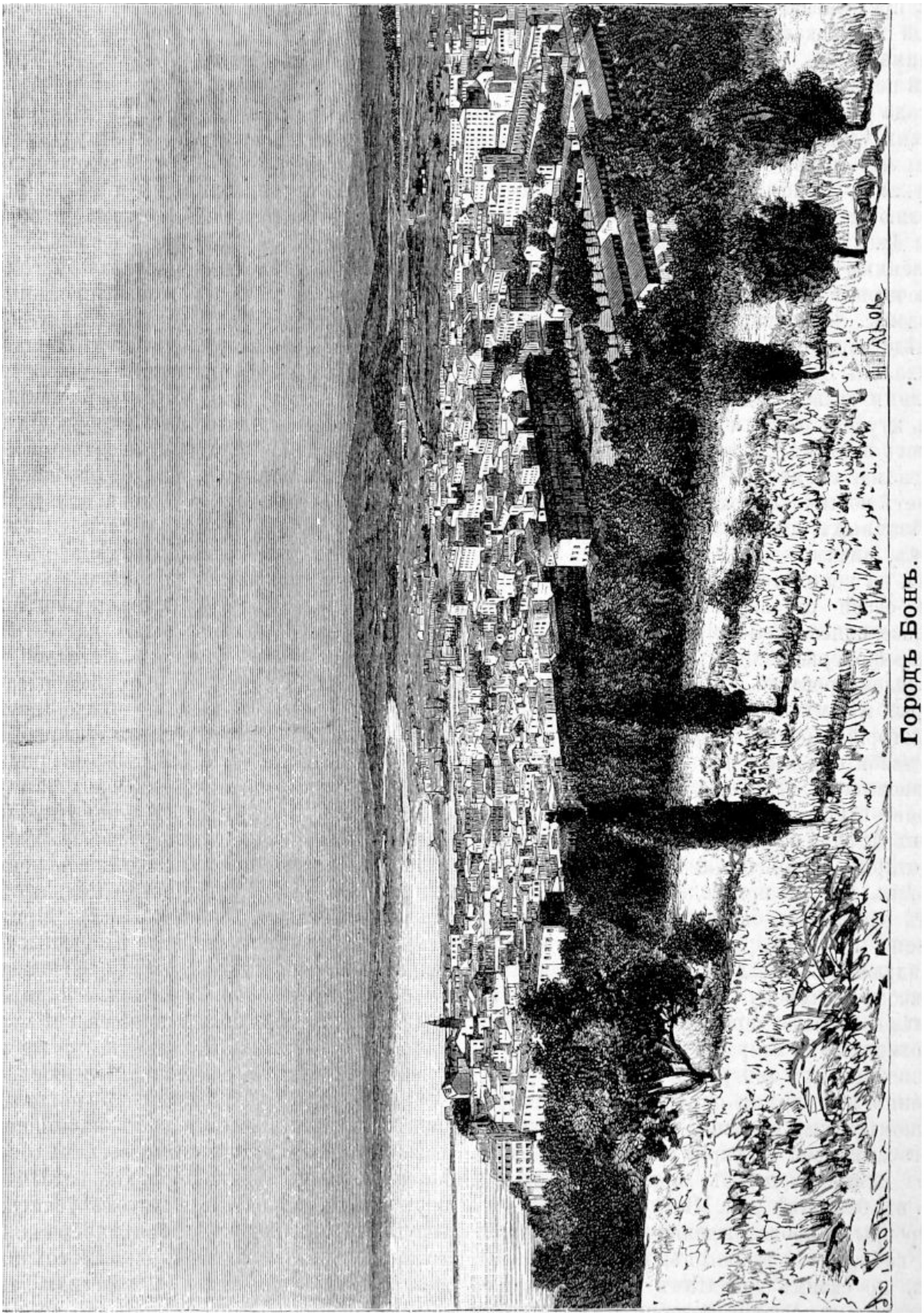
К югу от области песков и степей, где кочуют племена улад-наиль, ларба, хаджедж и харазлиа, племенной союз Бени-Мзаб занимает восточную покатость меловых плато, разрезанных долинами уэда Мзаб и других речек, видимых или подземных, спускающихся на восток к долине уэда Мия. Пользуясь своей отдаленностью от местностей, где поселились самые предприимчивые французские пионеры, находясь на расстоянии почти 200 километров к югу от поста Лагуат, который и сам лежит уже вне алжирских плоскогорий,—религиозная и торговая республика мзабитов долго пыталась сохранить свою независимость; однако, в 1850 г. она принуждена была признать сюзеренитет Франции; в 1857 г. столица её Гардайа была силой открыта французским отрядом, и, наконец, в 1882 г. присоединение к французским владениям было торжественно провозглашено, и форт, воздвигнутый на высоте, командующей Гардайей, получил небольшой гарнизон, которому поручено быть представителем нового правительства. Впрочем, сопротивление со стороны мзабитов было бы невоз-

1 Trumelet, „Revue africaine“, 1877.

2 E. Fromentin, „Un ete dans le Desert“.

3 Trumeler, цитированное сочинение;—Nioi, „Algerie. Geographie physique“.

можно: их эмигранты слишком многочисленны в городах поморья и их интересы слишком тесно связаны чрез торговлю с интересами всей Алжирии; истинный центр Мзаба следует искать скорее в Алжире, чем в бассейне уэда Мия.



Городъ Бонъ.

Берберы по происхождению и говорящие языком кабилов и туарегов, мзабиты примыкают по своим догматам и обрядностям к вагабитам Аравии: подобно этим последним, они возводят начало своей секты к вероученіям Абд-Аллах-бен Ибада, жившего в конце седьмо-

го столетия. Ибадитские доктрины распространились в Омане и в других частях Аравийского полуострова, затем в Ираке, Хорассане, Туркестане и Индии, но впоследствии они были забыты в Азии, за исключением их отечества, где, под новой формой, эти учения породили реформу Вагаба. На западе, т.е. в Африке, ибадитская пропаганда имела более продолжительные результаты, но единственно между берберами, горцами области Нефуса в Триполи, джарабами в Тунисе, мзабитами в Алжирии. Арабы четырех правоверных обрядностей и берберы-ибадиты взаимно третируют друг друга как неверных, хотя в городах прибрежья они посещают одни и те же мечети. В общем основа ибадитских вероучений представляет религиозную эволюцию более древнюю, чем эволюция других магометанских сект, и дает некоторый простор свободному суждению[1]. Часто преследуемые за свои религиозные убеждения и обрядности, мзабиты сделались «в высшей степени скрытными»[2], и получить от них какие-либо сведения относительно их вероучения чрезвычайно трудно. Однако, благодаря своей настойчивости и ловкости, Маскерэ добился того, что они мало-по-малу сообщили ему все свои священные книги и исторические документы, и уже многие из этих драгоценных арабских рукописей вышли в свет.

Мзабиты, преследуемые правоверными мусульманами, должны были часто менять место жительства. Берберы зенатской расы, они основали Тиарет на высоких плато, в половине восьмого века, и около двухсот лет держались в этой области северной Мавритании. Побежденные санхеджами, они принуждены были удалиться в Сахару, где заняли горы Зибан, уэд Риг и Суф. Колодцы, фонтаны, сады этих оазисов были делом их рук; но им пришлось покинуть эти места и искать убежища в цирках и высоких оврагах притоков Мии[3]. При каждом переселении число их уменьшалось; но те, которые оставались, теснее сплочивались и становились более строгими блюстителями религиозных обрядов и национальных обычаев. Их толбы, в одно и то же время судьи, священники, блюстители нравов, облеченные властью разрешения от грехов, очищения, отлучения, составляют настоящее духовенство, организация которого, как говорит Маскерэ, напоминает иерархию католической церкви: это, вероятно, остаток религии, которую берберы исповедывали до обращения в ислам; под христианской основой сохранился даже остаток древнего культа богини Таниты, «матери дождей»[4]. Погребение умерших держится в большом секрете; оно совершается ночью, и во время церемонии очень заботятся о том, чтобы удалить от кладбища всех иностранцев, европейцев, магометан или евреев[5].

Большинство мзабитов, очевидно—берберы: их сразу можно узнать по низкому росту, коренастому телосложению, широкому и даже плоскому лицу, толстым губам, высокому лбу, впалым глазам, защищенным густыми бровями[6]. Между ними живет около 1.800 негров, которые по большей части все еще остаются в положении невольников de facto, несмотря на присоединение края к французской Алжирии, ибо мзабиты, люди экономные и черствые, не охотно расстаются с тем, что раз купили. Но вольноотпущенные не считаются ниже других граждан, доказательством чего может служить, между прочим, тот факт, что из их среды всегда выбирается пристав народного собрания, должностное лицо, на обязанности которого лежит главным образом приведение в исполнение приговоров веча; и так как республика не имеет ни армии, ни полиции, то этот пристав, в случае надобности, приглашает других граждан оказать ему содействие. Евреи тоже живут, в числе около 400 человек, между мзабитами, но среди таких ловких торговцев, как их хозяева, они редко успевают обогатиться; при том им запрещено владеть садами в оазисах, и корпорация их не имеет представителей в народных собраниях. Все они занимаются каким-нибудь ремеслом: ювелиры, оружейники,

1 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 2-e semestre 1878.
2 E. Masqueray, „Chronique d'Abou-Zakaria“;—Amat, „Les Beni-Mzab“.
3 E. Masqueray, „Societe de Geographie commerciale de Paris“, 13 nov. 1879.
4 E. Masqueray, „Correspondance Africaine“, 1882.
5 A. Coyne, рукописные заметки.
6 A. Coyne, „Revue Africaine“, 1879.

скорняки, сапожники и т.д.; они же держат домашнюю птицу, так как закон не дозволяет мзабитам иметь животных в доме[7]. Мало воинственные от природы, мзабиты вступали в союз с арабскими кланами, живущими в шатрах подле городов, и которые первое время составляли наемное войско; эти группы населения называют зауйями, хотя они вовсе не имеют религиозного характера. Между этими арабами есть также потомки прежних владельцев земли, и некоторые из них владеют садами и домами в оазисе. Наконец, номады племени шанбаа, по праву своей храбрости, приобрели некоторый авторитет в конфедерации, и многие из них сделались землевладельцами.

До присоединения к французским владениям каждый мзабитский город составлял независимую республику, управлявшуюся вечем (джемаа), состоявшим из членов, которых выбирал каждый участок города между женатыми обывателями, имеющими детей и некоторый достаток; в важных случаях общая джемаа, составленная из делегатов городских собраний, обсуждала дела, касающиеся всей конфедерации. Джемаа никогда не приговаривала виновных ни к тюремному заключению, ни к смертной казни: пеня и, в случае тяжкого преступления, изгнание—вот единственные кары, налагаемые обычаем. На площадях нередко происходили рукопашные схватки между различными софами (партиями), и так же, как в Радамесе, сражавшиеся наносили друг другу удары тяжелыми ключами от ворот, которые они всегда носят привязанными к поясу. Совершивший намеренное убийство выдавался головой ближайшему родственнику жертвы, который мог пролить кровь за кровь, взять выкуп или простить преступнику. Мзабиты—неограниченные господа в своем семействе; дети не могут приобрести что-либо в свою собственность без разрешения отца. Женщины, которые почти все выходят замуж в родном городе, не могут удалиться из отечества; эмиграция им запрещена[1]; мужчина, позволивший себе заговорить с женщиной публично, подвергается изгнанию, если та пожалуется на него[2].

Большинство женщин занимаются у себя на дому тканьем материй, тогда как мужчины работают в садах, копая гряды, строя запруды, регулируя течение вод. По переписи, произведенной по присоединении края, в 1882 г., во всех оазисах насчитывалось 193.000 пальм. Между 30.000 мзабитами мало найдется таких, которые не владели бы небольшим участком земли. В конфедерации нет ни одного нищего; все нуждающиеся содержатся на счет граждан их квартала; до присоединения оазис представлял обширную мастерскую для фабрикации пороха.

Хотя оазисы превосходно возделаны, однако произведения их недостаточны для прокормления всего населения Мзаба. Целая треть мзабов живет на чужбине, преимущественно в Алжирии, в Тунисе и в других городах побережья. Эмигранты оставляют своих жен в общине, и если родятся дети в их отсутствие, они не колеблясь признают их своими, хотя бы это было после многолетней отлучки[3]; впрочем, большинство их обзаводятся временными супругами в городах Телля, где они имеют пребывание[4]. По возвращении на родину, они первым делом совершают над собой обряд очищения от скверны, приобретенной пребыванием на чужой земле. Впрочем, находясь в отсутствии, они не перестают быть членами общины и платят причитающуюся сумму годовой подати (лезма): факт единственный в истории народов—эмигранты мзабиты, по словам Койна, покрывают своими взносами более трети расходов метрополии.

До французской оккупации они должны были, кроме того, платить очень тяжелую дань конвоирам из племени ларбаа, мехелеф, саид-отба, сопровождавшим караваны между Сахарою и Теллем. Благодаря своим путешествиям в северную Алжирию, мзабиты говорят по-французски и по-арабски так же хорошо, как на своем берберском диалекте; образование их

7 Paul Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algerie, Mzab, Tildikelt".

1 Coyne, цитирован. мемуар.

2 H. Duveyrier, „Tour du monde", 1862.

3 Ch. Amat, „Les Beni-Mzab".

4 Lambert, рукописные заметки.

относительно довольно высоко, так как все они умеют читать и писать. Во французских городах редко случается, чтобы уроженец Мзаба судился за какой-нибудь проступок.

Из семи мзабитских городов пять группируются в продолговатом цирке, через который проходит уэд Мзаб, с северо-запада на юго-восток, на протяжении около 18 километров.

Главный город, Гардайя, или Тагардейк, занимает, от подошвы до вершины, высокую горку, увенчанную мечетью, минарет которой походит на обелиск: этот холм, сплошь покрытый домами, имеет вид высокой пирамиды со ступенями, украшенными арками. Внутри город разделен на три самостоятельных городка, из которых каждый имеет свое особенное население и свои наследственные интересы; это—единственный город, где дозволено жить евреям. Гардайя заключает в себе четверть жителей и около трети пальм всей конфедерации. Форт-Шепка, построенный с южной стороны города, командует своими пушками над Гардайей и двумя соседними городами, Мелика и Бени-Исген, господствуя таким образом над целой половиной Мзаба. Мелика, или «Царственная», лежащая к востоку от Гардайи, была прежде святым городом мзабитов, и в подвалах её мечетей хранилась казна всего союза. Бени-Исген, находящийся к юго-востоку от Гардайи, по числу жителей—второй город республики; в то же время это самый чистенький, наилучше построенный, важнейший по торговле и самый богатый город Мзаба; при том он отличается самыми строгими нравами; до недавнего времени ни одному иностранцу не дозволялось жить в Бени-Исген, ни даже остановиться на ночлег; ни за какую цену он не мог приобрести индигенат, купить дом или даже дерево. Самый восточный город цирка, Эль-Аттеф, есть первый город, основанный мзабитами; рядом с ним расположен Бу-Нура, «Кривой»[1], названный так потому, что он скорее походит на развалины, чем на город; оазис его заключает в себе не более 2.000 пальм. Что касается городов Берриан и Герара, дополняющих собою мзабитское «Семиградье», то они находятся уже вне цирка и даже вне бассейна уэда Мзаб. Берриан, лежащий на дороге из Лагуата в Гардайю, занимает маленькую долину, по дну которой протекает один приток уэда Нса, питающий 35.000 пальм. Эль-Герара, еще более богатый финиковыми пальмами, находится верстах в восьмидесяти к северо-востоку от Гардайи, на другом притоке уэда Нса. Город Метлили, в 32 километрах к югу от Гардайи, на дороге из Эль-Голеа, не принадлежит мзабитам: оазисом его владеет одно племя номадов шаанба, которое защищает земледельцев от нападений внешнего врага, но зато берет с них львиную долю урожая. Город, построенный в песчаном овраге, усеянном пальмами и окруженном со всех сторон разорванными утесами, представляет лабиринт узких и грязных улиц, идущих между развалинами и логовищами. В овраге Метлили растет, между прочим, асклепиада гигантская (asclepias gigantea), одно из характеристических растений Судана. Славятся также огурцы этого оазиса, достигающие около метра в длину.

Оазис Уаргла, расположенный по течению уэда Мия, выше подземного слияния притоков Мзаба, один заключает в себе больше пальм, чем все оазисы мзабитов: около 600.000 финиковых пальм, из которых три четверти приносят плоды, окружают город в виде густого леса и продолжаются обширным полукругом по ту сторону болотистых земель, простирающихся на юго-востоке.

Число плодоносных пальм в оазисе Уаргла—454.309; фруктовых деревьев—160.000; туземных артезианских колодцев—395; обыкновенных колодцев—600; годовой сбор фиников около 7.000 тонн[2].

Город Уаргла, прежде более многолюдный, имеет такую же форму, как и другие ксуры оазисов. Он построен таким образом, что на всей своей окружности представляет сплошную стену и делится внутри на несколько кварталов, населенных обитателями различного происхождения, принадлежащими к племенам бени-сиссин, бени-уаггин, бени-брагим; все они чернокожие и происходят от берберов, смешанных с неграми. Племена шанба командуют над хаммесами (пятинщиками) Уарглы; кроме того, в лабиринте Уарглы живут мзабиты и

1 Duveyrier, „Tour du monde“, 1861.

2 G. Rolland, „Revue Scientifique“, vol. XXXL

негры; с 1852 г., эпохи завоевания, в городе поселилось также несколько французов, но они, подобно уроженцам Мзаба, избегают оставаться там на лето, из боязни злокачественных лихорадок; впрочем, опасность в этом отношении уменьшилась с тех пор, как осушили рвы вокруг касбы[1]. К северу от Уарглы, на дороге из Тугурта, другой хорошо возделанный оазис, Нгуса, уже занят гаратинами, чернокожими берберами, которые, несмотря на свою сравнительную малочисленность, часто воевали из-за главенства с жителями соседнего большого оазиса; после земледелия главные их занятия—производство «трунии», или углекислой соды, и выделка «медалев», или больших шляп, которые надевают поверх шешии и тюрбана. Артезианский пояс, подобный поясу уэда Риг, занимает лощину Уарглы и соседних оазисов: общее количество даваемой им воды, около одного кубич. метра в секунду, возрастает, благодаря многочисленным буреним, предпринятым с 1882 года. До недавнего времени ежегодно «умирал» один из колодцев оазиса, а смерть колодца сопровождалась гибелью от 1.500 до 2,000 пальм[2].

Вне оазисов Уаргла и Нгуса кое-где встречаются еще купы пальм в низинах уэда Мия, но как ничтожно по численности нынешнее население этого края в сравнении с тем, которое жило там в предшествующую эпоху, когда рассеянные в разных местах развалины были городами, окруженными садами и плантациями! На севере, почти на полдороге из Уарглы в Тугурт, равнина Эль-Хаджира была покрыта деревнями, а на берегу шотта, теперь высохшего, стоял город Багдад. Самый замечательный из тогдашних городов этого края был Седрата, прозванный «сахарской Помпеей». Под дюнами, развертывающимися на юго-западе от Уарглы, до сих пор еще находят его дома с изваяниями, столярными работами, орнаментами всякого рода и даже колодцами[3]: по преданию, этот город, очевидно, берберский, судя по архитектуре построек, и присвоиваемый мзабитами, был покинут в эпоху арабского нашествия. Но и остатки предшествовавшей эпохи тоже очень часто встречаются у основания плоскогорий, а по краям скал, господствующих над подземным течением уэда Мия, видны даже следы селений каменного века, с мастерскими для выделки кремневых орудий и множеством других предметов, свидетельствующих о существовании в те времена сношений между сахарцами и прибрежными жителями Индийского океана[4]. Недалеко от Седраты, гора Хрима вздымает свои крутые откосы на 80 метр. над поверхностью песков: это естественная твердыня, служившая убежищем абадитам, когда они должны были удалиться из Уарглы; но потом им пришлось покинуть и эту крепость и переселиться в долину уэда Мзаб, от которого они и получили теперешнее свое название мзабитов. По свидетельству одной арабской рукописи, сообщенной путешественнику Тарри одним из потомков бывших султанов того края, в XIII столетии существовало 125 городов в этой области, где теперь осталось только два—Уаргла и Нгуса

Хотя Уаргла, заранее намеченная как одна из важных станций будущей транссахарской железной дороги, лежит южнее 32° широты, в пяти градусах от побережья Средиземного моря, однако, она—еще не самый передовой французский пост в южном направлении. Ксар Эль-Голеа, находящийся почти под меридианом Алжира, слишком в 900 километрах от этой столицы по лагуатской и мзабской дороге, был посещен впервые в 1859 г. Генрихом Дюверье, который подвергся там оскорблению и даже едва не был убит. В 1873 г. одна французская колонна проникла в этот ксар, и хотя последний не занят французским гарнизоном, тем не менее, он платит дань и тем самым признает над собой власть алжирского правительства. В этом месте французами уже перейден бассейн уэда Мия: с бугра, на котором расположен ксар, внизу видно высохшее ложе уэда Сеггер, служащее дорогой караванам, направляющимся к Туату и Томбукту. В небольшом расстоянии к западу начинается пояс больших

1 G. Rolland, „Mission Transsaharienne“.

2 A. de Chatelier;—Tarry;—G. Rolland, „Comptes rendus de l'Academie des Sciences“, 14 sept 1853.

3 Tarry, „Revue d'Ethnographie“, 1883.

4 Feraud;—Thomas;—Largeau;—Tarry;—Rolland;—Weissgerber;—Teisserenc de Bort;—Rabourdin, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, seance du 17 fevrier 1881.

дюн, соответствующий арегам на востоке, между бассейном Игаргара и Гадамесом. Сады оазиса Эль-Голеа, заключающие около 16.000 пальм, занимают опушку дюн и орошаются водой колодцев и фогаратов, или подземных водопроводов. Местным земледельцам, зенатского происхождения, стоит больших трудов охранять плантации от засыпания песком, а когда наступит пора сбора плодов, с таким трудом выращенных, номады шанба-муади, пасущие свои стада в окружающих степях, и марабуты улад-сиди-эш-шейх являются требовать свою долю урожая, считая себя, по праву силы, владельцами земли; берберы, зенатской расы, населяющие оазис, не более как хаммесы, получающие только пятую часть плодов; несколько вольноотпущенных негров живут в отдельном квартале в соседстве ксара.

Уаргла, Эль-Голеа, Метлили—три города или ксура, к которым тяготеют кочевники шанба. Они владеют в этих ксурах домами и садами и регулярно делают туда два визита в год: во время стрижки овец и в сезон сбора фиников. В то время, как главная масса кочует со своими стадами в степях, некоторые из номадов остаются в городе присматривать за имуществом своих родичей. Таким образом шанба пользуются и продуктами от своего скота, и произведениями своих садов; кроме того, они занимаются торговлей, в качестве разносчиков и конвоиров мзабитских товаров; с этими товарами они ходят в Гурару, в Марокко, даже в Судан. Между ними есть также и ремесленники, практикующие свое мастерство в шатрах на кочевке, а женщины их ткут и вышивают разные материи. Наконец, они почти не имеют равных себе как грабители; одна из их фракций за свое искусство в этом промысле прозвана Хаб-эр-Рих, что значит «догони-ветер». Когда эти барантачи угоняют у кого-нибудь стадо, то пострадавшим обыкновенно говорят: «иди лови ветер!» Шанба не поленятся совершить набег за тысячу верст, чтобы отмстить обиду на врагах и захватить у них стада, которые они и уводят к себе домой через дюны и гамады[1]. Когда в этом племени появится на свет новый член семьи, то отец первым делом велит жечь порох, дабы легкия новорожденного, начиная функционировать, наполнились воздухом, каким подобает дышать воинам[2]. Со времени присоединения их территории кочевок к Алжирии, они составляют в армии род легкого авангарда, и гумы их сопровождают все военные экспедиции. Наследственные враги туарегов, они часто меряются с ними силами, и хотя сами тоже, вероятно, берберского происхождения, но не упускают случая похвалиться перед ними своим родством с Пророком: они говорят не иначе, как по-арабски, и регулярно платят религиозный налог в пользу марабутов улад-сиди-эш-шейх.

В западной Алжирии, или Орании[3], французы не так далеко проникли в южном направлении, как на юге провинций Константины и Алжира. К западу от Джебель-Амура и военной дороги, направляющейся из Тениет-эль-Гада к деревне Афлу через хорошенький нарождающийся городок Шеллала, главный пост находится еще в области высоких плоскогорий, на уэде, текущем на север к большому шотту Шерги. Этот стратегический пункт, Жеривиль (прежде Эль-Биод), построен на высоте 1.232 метр., между двух параллельных цепей гор, богатых рудными месторождениями, и в 15 килом. к западу от туземного городка Ститтен; на окружающих высотах рассеяно множество мегалитов. Хотя центр управления военнаго округа с 1853 г., Жеривиль не развился так быстро, как другие местечки плоскогорья, занимающие менее благоприятное положение, но пользующиеся той выгодой, что через них проходит железная дорога, продолжающаяся на юг от Саиды, в пояс альфы. Эта промышленная и стратегическая линия не переходила в 1881 г. за станцию Модзба, в северной части котловины высоких плато. Но когда восстание южных племен вызвало необходимость сосредоточить войска у подступов Оранской Сахары, немедленно приступили к продолжению рельсового пути, и в 239 дней, несмотря на двухмесячный перерыв работ, вследствие снежных заносов, было прибавлено 115 километр. к Алжирской сети. Низшая точка этой линии (988

1 A. Uvyne, „Une Guazzia dans le Grand Desert“.

2 Daumas, „Le Grand Desert“;—P. Soleillet, „l'Algerie, Mzab, Tildikelt“.

3 Onesime Reclus, „France et Algerie“.

метр.) находится на проходе через шотт Шерги, где бьют обильные источники Хейдер; высшая (1.158 метров) лежит у города Мешериа, над которым с запада господствуют кручи джебеля Антар: недавно там перехвачены живые воды и сделаны лесонасаждения в долинах и на скатах гор. От главной линии отделяются ветви, утилизируемые только для эксплоатации альфы,—одна на восток, из Халфалла в Зрагет, другая на запад, из Модзбы в Маргум. По всей вероятности, эта линия рано или поздно примкнет к железному пути из Сиди-бель-Аббес в Рас-эль-Ма.

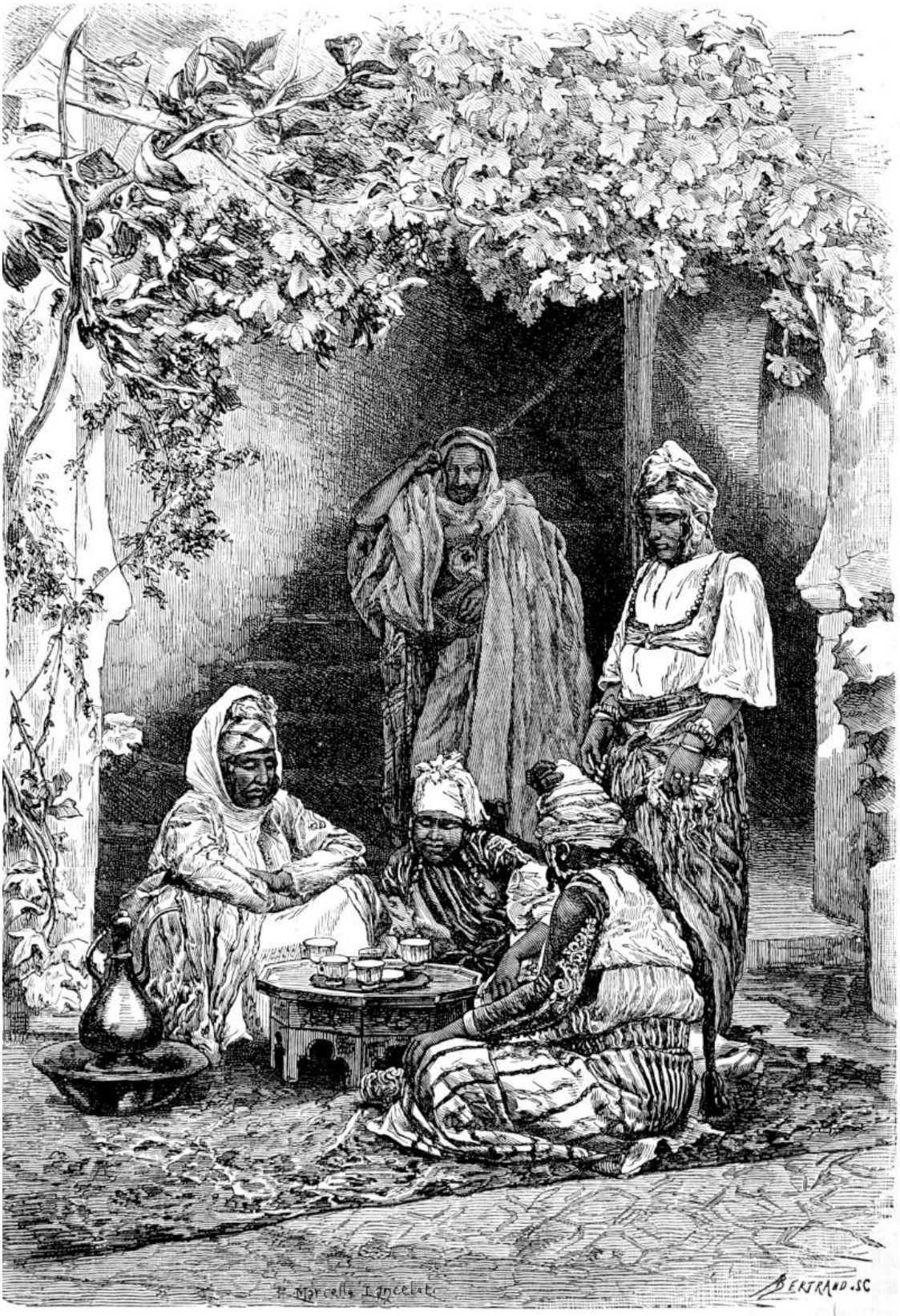
Из Мешерии железная дорога продолжается на юг до оазиса и местечка Аин-Сефра, или «Желтый Фонтан», находящагося на высоте 1.073 метр., но уже принадлежащего к сахарской покатости чрез постоянный ручей, спускающийся к уэду Намус, или «Москитовой реке»; несколько пальм вздымают свои короны над стенами ограды, защищающей их от дюн, приводимых в движение южным ветром. Аин-Сефра служит санитарной станцией для войск южной Орании. К востоку от Айн-Сефра, Тиут, лежащий немного ниже и совершенно защищенный с севера красными скалами, окружен большими садами, которым купы финиковых пальм, миндальных и других фруктовых деревьев, обвитых гирляндами винограда, придают чисто-сахарский вид; на соседней скале видны грубые изображения мужчин, вооруженных луками и стрелами, женщин, животных, между прочим, слона, вырезанного, может-быть, по толстокожим, жившим в крае в ту эпоху. Подобные же изваяния на скалах существуют близ оазиса Могар-Тахтани, или «Нижний Могар», лежащего около выходных ворот потока, получающего ниже имя Намуг. Все эти ксуры, также как Мугар-Фукани, и, на мароккской границе, холодная Аин-Сфизифа, или «Осиновый источник» (климат там так суров, что пальма не может расти), представляют маленькия самоуправляющиеся общины; но они признают политический сюзеренитет арабского племени гамган-гарба, кочующего в области высоких плато и краевых цепей юга; племя это владеет также ксурамп в Марокко, между прочим, ксуром Иш и его пальмами. Оседлое население ксуров состоит главным образом из людей племени амур или амор, единоплеменников трудолюбивых земледельцев, которые дали свое имя могучему джебелю, где берут начало реки Шелиф и Джедди. Горские амуры—баггара, т.е. «скотоводы»; амуры, живущие в долинах и в сахарской степи,—джемала, т.е. «верблюдоводы». Некоторые из их групп—кочевники и выдают себя то за французских, то за мароккских подданных, смотря по тому, откуда требуют с них налог—из Феца или из Алжира[1]; у амина их имеются две печати, одна французская, другая мароккская, и он употребляет ту или другую, смотря по обстоятельствам. Жизнь хаммесов, работающих в ксурах, чрезвычайно тяжелая. Голодовки составляют обыкновенное явление в деревнях; ослы едят там человеческие экскременты—до такой степени почва бесплодна[2].

Ксуры, лежащие восточнее, по направлению к Жеривилю: Асла, Шеллала-Дахрани и Шеллала-Гебли, Бу-Семгун, две Арбы, «верхняя» и «нижняя», тоже признают над собою власть одного племени арабов, могущественного союза улад-сиди-эш-шейх, или «сынов господина главы», происходящих от Абу-Бекра, первого калифа. Члены этого племени, гордые и высокомерные, все марабуты и пользуются большим почетом со стороны соседних племен, которые любят и себя выдавать за сиди-шейхов. Эти последние производят свою родословную от одного святого, жившего в XVII ст., и гробница которого находится уже в сахарской равнине, хотя на высоте 861 метра, к югу от двух деревень Арба. Окруженная пятью ксурами, кубба Эль-Абиод-Сиди-Шейх, покрывающая кости святого, высоко чтится арабами, и все восстания тамошних племен подготовлялись вокруг этого священного места. Эль-Абиод был населен по большей части толбами, которые держали школу для племен пограничных местностей, и—случай редкий в арабской земле—даже девушки слушали курсы этих марабутов. В 1881 году кубба эль-Абиод была разрушена, но потом снова отстроена, так как обычная политика французского правительства—опираться на крупных феодалов (шейхов), чтобы чрез их посредство господствовать над племенами. Вся область Сахары, от гра-

1 Pomel, „Races indigenes de l'Algerie“

2 Camille Sobatier, рукописные заметки.

ниц Марокко до пределов Триполи, была прежде поставлена под начало главного шейха племени сиди-шейх. Брезина, лежащая на уэде Сеггер,ниже дикого ущелья, прозванного французскими солдатами «Воротами пустыни», является главной житницей племени. Неда-



Арабы племени тлемсенъ.

леко оттуда, в южной степи, около Сиди-эль-Хадж-эд-Дин, стоят одиноко три гура высотой в 40 метров, похожие на башни какого-то дворца гигантов: это кубические массы красной земли, с вертикальными стенами, с совершенно отчетливыми разрезами, оставленными эро-

зивными водами. Одна из них носит на себе следы каких-то строений, крепость, с которой связаны легенды, но которая уже не имеет истории[1]. Ручьи, спускающиеся с гор и теряющиеся в пустыне, протекают по пастбищам, славящимся во всей Сахаре обилием и сочностью травы. Уэд Зергун орошает своими водами местность, прозванную «земным раем» и дотого богатую, что там «отец, имеющий семь сыновей, может дать каждому свой сыр»[2].

Постановленное теперь под непосредственный надзор французских военных сил, благодаря железной дороге, дающей возможность в несколько дней перевезти достаточные отряд войска на южный край высоких плато, племя улад-сиди-эш-шейх менее страшно, чем оно было до недавнего времени; часть его ушла искать убежища в Марокко, в Туат, или другие местности Сахары; затем целые группы семейств водворены на житье французским правительством в разных частях внутренней Алжирии. Но, тем не менее, черные шатры сиди-шейхов, украшенные на верхушке султаном из страусовых перьев, еще рассеяны повсюду в пограничной полосе, этой «земле пороха и страха», которая простирается, без точных пределов, вне областей, хорошо известных французам. С этой стороны граница совершенно открыта по направлению к Марокко: племена могут по желанию переходить с марокккской покатости реки Дра на сахарскую покатость уэда Саура. Ни одна часть Алжирии не имеет такого важного значения с точки зрения будущих путей сообщения, как эта область, так как железная дорога от берегов Нигера изберет, вероятно, это направление, но здесь-то именно граница остается совершенно неопределенной. Она не охраняется на юге никакой крепостью, никаким постом. В то время, как у ворот Сахары, в провинции Константине, на страже стоит Бискра, а южные подходы Алжирской провинции оберегаются Лагуатом, Оранский юг остается без всякой защиты. Военный город Оранской Сахары, вероятно, будет построен у колодца Эль-Утед, командующего, на юге от Аин-Сефры, выходами высоких плоскогорий, Фигигом и кочевьями племени улад-сиди-эш-шейх. Игли, лежащий южнее, при слиянии уэда Гир и уэда Зусфана, будет наблюдать одновременно за Марокко и за Оранией.

Главные общины и города Джебель-Ауреса, Годны, Оранских плато и сахарской покатости:

Провинция Константина: Бискра (1891 г.)—7.166 жит. (из них 502 француза); Батна (1891 г.)—5.228 жит. (из них 1.595 француз); Мейла (туземная община)—2.845 жит. (из них 26 французов); Тугурт—6.000 жит.; Суф: Эль-Уэд—9.000 жит.; Гемар—4.440 жит.; Куинин—2.890 жит.

Провинция Алжир: Буда-Сада (смешанная община)—5.112 жит., (из них 73 франц.); Джельфа (смешанная община)—842 жит. (из них 173 франц.); Лагуат—3.808 жит. (из них 87 франц.); Мзаб: Гардайя (смешанная община, 1891 г.)—29.000 жит.; Бени-Исген (смешанная община)—4.695 жит.; Берриан (смешанная община)—4.440 жит.; Герара—2.940 жит.; Мелика—1.760 жит.; Эль-Атеф—1.670 жит.; Бу-Нура—1.190 жит.; Уаргла (смешанная община)—2.000 жит.; Эль-Голеа—1.575 жит.

Провинция Оран: Жеривиль (смешанная община)—832 жит.

VIII.

Несмотря на пропуски и противоречия оффициальной статистики, можно принять за несомненный факт постепенное возрастание народонаселения в Алжирии. До первой суммарной ревизии число жителей этой страны обыкновенно полагали в 3 миллиона, но по произведенной в 1851 г. приблизительной переписи, оно оказалось немногим более двух с половиною миллионов. В 1872 г., после страшного голода, унесшего в могилу по крайней мере десятую часть алжирского населения, общая цифра жителей едва превышала 2.400.000; но последующие переписи показали быстрое возрастание населения. Вот точные результаты этих переписей:

1 Paul Mares, „Notes sur la constitution generale du Sahara dans le sud de la province d'Oran";—L. de Colomb, „Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran".

2 Trumelet, „Les Francais dans Le Desert".

Годы.	Жителей.		
1851-52 гг.	2.554.121		
1872	2.416.225	Уменьшение	137.896 или 5,7%
1878	2.857.626	Увеличение	451.401, „ 16%
1881	3.310.412	„	442.786, „ 15%
1891	4.124.732	„	814.320, „ 24%

Возможно, что в первых исчислениях были пропущены многие семейства, роды или даже целые племена, вследствие чего разности итогов вышли преувеличенные; однако, общие результаты, вероятно, приблизительно верны, и народонаселение Алжирии возрастает в гораздо более быстрой пропорции, чем народонаселение Франции. В настоящее время население Алжирии, со включением алжирской Сахары, составляет около 4 с половиной миллионов душ.

При народных переписях туземное население считается без различия расового происхождения, арабского или берберского: поэтому возможно, что возрастание одного этнического элемента совпадает с уменьшением другого. Это именно и утверждают многие писатели, основываясь на результате статистики городского населения: они говорят, что жители берберской расы увеличиваются в числе, тогда как арабы, напротив, уменьшаются. В больших городах, каковы Алжир, Константина, Оран, перевес смертных случаев над цифрой рождений весьма значителен между маврами, которые принадлежат главным образом к арабской расе; чрезвычайно редко, только при исключительно благоприятных санитарных условиях, установляется на короткий период времени равновесие между числом вступающих в жизнь и числом выходящих из неё. В деревнях, напротив, цифры, даваемые статистикой по книгам гражданского состояния или метрическим записям (etat civil), представляют совсем иное отношение: там рождения между туземцами много перевешивают смертность, а известно, что вне городов численно преобладают люди берберской расы.

Движение народонаселения в городах Алжире и Оране в 1883 и 1884 годах, по данным, извлеченным из книг гражданского состояния:

		Европейцев	Евреев	Мусульман	Всего
Алжир в 1883 г.	Родилось	1.330	395	340	2.063
	Умерло	1.073	263	713	2.049
	Разность	257	132	-373	16
Алжир в 1884 г.	Родилось	1.471	422	363	2.256
	Умерло	1.037	227	599	1.963
	Разность	434	195	-236	293
Оран в 1883 г.	Родилось	1.750	383	170	2.303
	Умерло	1.670	377	275	2.322
	Разность	80	6	-105	-19
Оран в 1884 г. (холера)	Родилось	1.776	378	139	2.293
	Умерло	2.032	405	343	2.779
	Разность	-255	-27	-204	-486

Известно, как сильно размножаются жители Большой Кабилии вне своих, всегда переполненных ульев: в больших смешанных общинах Джурджуры итог рождений ежегодно в два раза превышает итог смертных случаев[1]. Даже во многих территориях, называемых «арабскими», но где основа населения, по всей вероятности, берберская, наблюдается постоянное приращение туземцев. В виде примера можно указать на племя абд-эн-нур, живущее в равнинах Сетифа: в имениях Женевской компании тщательно изучали с 1859 г. движение местного населения, и оказалось, что регулярно каждый год рождаемость превышает смертность.

Движение населения в смешанной общине Бу-Сада (5.192 жит.), по Дегэ:

1883 г.: 219 родившихся, 192 умерших; 1884 г.: 223 родившихся, 185 умерших.

Таким образом не подлежит сомнению, что элемент, называемый «туземным», еще долго сохранит за собою численное превосходство, хотя вне кабильских местностей он не возраста-

1 Camille Sabatier, рукописные заметки.

ет так быстро, как элемент иностранный. В 1885 г. число алжирских арабов и берберов приблизительно в шесть раз превышало цифру переселенцев из Европы и их детей. Берберы одни составляют, вероятно, половину всего населения; они тоже получают некоторый прирост путем иммиграции, так как мароккские работники, приходящие в Алжирию, по большей части принадлежат к кабильской или шеллахской расе. Скрещиваясь с туземцами, негры также содействуют укреплению берберского элемента, так как они селятся преимущественно в сахарских ксурах, среди руагов; ведя, подобно этому племени, оседлый образ жизни, они мало-по-малу усвоивают те же привычки и сливаются с руагами через браки. Со времени прекращения ввоза невольников, число негров в Алжирии уменьшается, с одной стороны вследствие смешения с другими расами через браки, с другой—по причине перевеса смертности над рождаемостью: вне сахарской покатости, до сих пор климат Алжирии был им гибелен. Правда ли, как это часто повторяли, будто в Берберии негрская раса перестает размножаться уже в третьем или четвертом поколении?[1]. По крайней мере, это утверждение пока еще не подтверждено серьезными статистическими исследованиями.

Со времени завоевания страны число европейцев довольно правильно увеличивалось в возрастающей прогрессии. В начале возрастание было замедлено частными эвакуациями территории и препятствиями, которые губернаторы противопоставляли добровольному переселению; однажды был даже такой случай, что пароходу, привезшему 160 эмигрантов из Магона, не позволили пристать к берегу, и бедняки принуждены были вернуться на родину, с которою они уже было-распростились навсегда[2]. Увеличение европейского населения сначала ограничивалось сотнями душ в год, потом оно дошло до нескольких тысяч, а теперь составляет слишком десять тысяч. Возрастание кажется несколько быстрее, чем оно есть в действительности, потому что очень многие евреи, пользуясь званием французских граждан, записывают своих детей принадлежащими к ныне господствующей нации. В первое двадцатипятилетие оккупации европейское население возрастало единственно путем притока переселенцев. Смертность далеко превосходила раждаемость, что объясняется неведением новоприбывших относительно законов местной гигиены и способами лечения, бывшими тогда в моде: с болотными лихорадками в то время боролись не сернокислым хинином, а кровопусканиями; страдавшие лихорадкой, если они не переезжали в другой климат, были обречены почти на верную смерть; случалось, что полки в несколько месяцев теряли более половины своего наличного состава. Новая терапевтика, введенная доктором Мальо, была спасением европейской колонизации в Алжирии. Благодаря ему, ежегодно были спасаемы тысячи больных, и раса иммигрантов могла укорениться в новом отечестве. Уменьшению численности колонистов много способствовал также образ жизни, преобладающий во всяком обществе, где почти совсем нет женщин. Большинство переселенцев приезжали в страну одни, без семейств, и равновесие полов восстановлялось лишь постепенно; еще в 1839 году число мужчин почти втрое превышало число женщин. Перевес смертности над рождаемостью, как показывают ниже приводимые статистические данные, был так значителен, что гигиенисты[3] считали акклиматизацию европейцев в Алжирии делом совершенно неосуществимым: воображали, что климат Берберии, как это повторяют еще относительно климата Египта, смертелен для детей европейской расы, и говорили даже, будто никогда иностранное семейство не выживает там далее первого поколения. А между тем, с первых же годов завоевания чтение эпитафий на римских кладбищах в провинции Константине показало археологам, как многочисленны были, две тысячи лет тому назад, примеры долговечности между колонистами и их семействами[4].

Движение европейского населения в Алжирии с 1830 по 1853 г.:

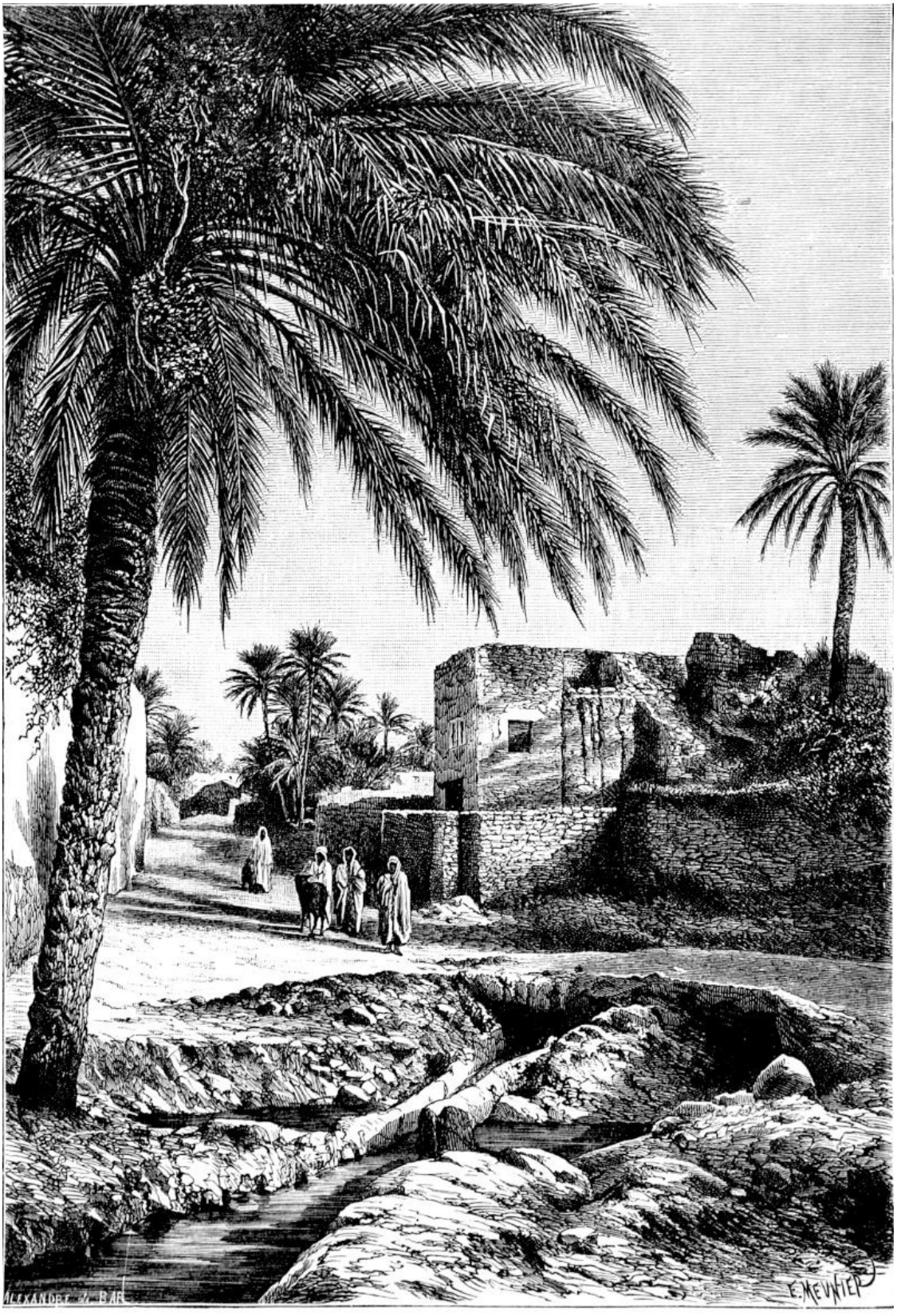
1 Ch. Laurent, „Memoire sui le Sahara oriental“;—Boudin, „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algdrie“.

2 Campo-Grande, „Boletin de la Sociedad Geographica de Madrid“, 2 sem. 1881-

3 Boudin, „Du non-cosmopolitisme des races humaines“.

4 Foy;—Cherbonnean;—Bertrand;—Masqueray.

Провинция Алжир—25.411 рождений, 34.979 смертн. случаев; провинция Оран—11.755 рождений, 13.692 смертн. случая; провинция Константина—7.734 рождений, 12.097 смертн. случаев.



Улица въ Бискрѣ.

Факты опровергали теорию, отрицавшую возможность акклиматизации европейцев. После периода в несколько лет, во время которого число рождений и смертных случаев почти уравновешивалось, с 1865 года рождаемость окончательно взяла верх над смертностью: в го-

довом приросте европейского населения около одной пятой приходится на долю избытка рождений. Браки европейцев в Алжирии, пропорционально, многочисленнее, чем в их метрополиях; плодовитость брачных союзов тоже сильнее, чем в Европе (среднее число детей на каждый брак в Алжирии, по Рику: у итальянцев—6; у мальтицев—5, 6; у испанцев—5,4; у французов—4; у немцев—3); смертность менее высока; в некоторые, исключительные годы число рождений более, чем на треть превышало число смертных случаев, хотя десятая часть европейцев состоит из солдат, которые лишь в слабой степени способствуют приросту рождений, и между которыми смерть делает, сравнительно, очень обильную жатву.

Движение европейского и еврейского населения Алжирии в 1883 г. (по данным, сообщаемым Рику в его книге «La population europenee en Algerie»): рождений 12.648; смертных случаев 10.512; избыток 2.136, или 20%.

Общее движение алжирского народонаселения в период 1886-1893 г.г.: зарегистровано 136.585 рождений и 118.904 смертных случая.

Правда, частная ассимиляция евреев европейцам в реестрах гражданского состояния значительно увеличивает пропорцию годового избытка рождений, ибо у алжирских евреев, так же, как и у их европейских единоверцев, демографические условия гораздо более благоприятны, чем у всех других элементов народонаселения.

Перевес рождаемости над смертностью в израильском населении Алжирии[1]:

С 1887 по 1881 г.—139, в 1882 г.—149, в 1883 г.—164 на сто.

Самую благоприятную для себя среду, подобную климатическим условиям своей первоначальной родины, европейское население находит в возвышенных местностях, и именно в городах, лежащих на большой высоте, на краю высоких плоскогорий, в Тиарете, Тлемсене, Медее. Уже в первый период, когда смертность страшно свирепствовала в Алжире и других городах прибрежья, некоторые поселения, помещенные высоко на горах, оказались в санитарном отношении неуступающими самым здоровым местам Франции. Принимая необходимые предосторожности, европейцы, уроженцы стран средиземной покатости, чувствуют себя в Алжирии так же хорошо, как чувствовали в своем отечестве; что касается северных европейцев, то они должны опасаться летних жаров, которые могут оказывать на них расслабляющее действие и постепенно породить анемию. Для европейцев опасное время года—период жаров, тогда как арабы, негры и люди смешанной расы всего труднее переносят холодный сезон. Некоторые болезни, как напр. дисентерия, более часты в Алжирии, чем во Франции; Африка имеет даже свои специальные недуги, напр. так называемый «бискринский бутон», в оазисах; но тифоидальная лихорадка занесена туда недавно, а страшная чахотка там менее обыкновенна, чем в Западной Европе: первые статистические исследования установили тот факт, что число случаев заболевания этим недугом там, пропорционально, от трех до пяти раз менее значительно. Однако, страдающие грудными болезнями, приезжающие искать на алжирской почве исцеления или продолжения жизни, повидимому, способствовали распространению этого страшного бича. Процент молодых людей, освобождаемых от воинской повинности по болезни или по причине слабого телосложения, более высок во Франции, чем по другую сторону Средиземного моря. Самые красивые люди родятся на плоскогорьях, особенно в Тиарете, и из равнинных областей население отличается наибольшей силой и красотой в тех местностях, где происходит смешение через браки между французами и испанцами.

В европейской колонии французы численно превосходят всех других иностранцев, взятых вместе. До 1846 года было не так, а в следующие годы статистика показала лишь состояние равновесия между французами и другими чужеземцами. Начиная с 1851 г. численный перевес в гражданском населении Алжирии принадлежит первым; однако, разность незначительна, несмотря на преобладающее влияние, даваемое французам политическим господством.

Численность французов и других иностранцев в Алжирии с первых времен оккупации:

1 Ricoux, „La population europeenne en Algerie“.

В 1833 г.—3.483 франц., 4.329 иностран.; в 1845 г.—48.274 франц., 61.126 иностр.; в 1851 г.—66.050 франц., 65.233 иностр.; в 1881 г.—195.418 франц., 189.944 иностранцев; в 1891 г.—268.000 французов, 216.000 иностранцев.

Мальтийские эмигранты, приходившие в первые годы оккупации в качестве мелких торговцев (mercanti), содержателей трактиров и садовников, не являются более в Алжирию. Этот иммиграционный поток почти иссяк; но итальянцы, калабрийцы и другие, являются все более сомкнутыми группами предлагать свои руки для постройки домов и дорог. Быстрое возрастание народонаселения на Апеннинском полуострове, а также существующая там организация собственности, лишающая большинство жителей их доли в землевладении, и обездоленность, являющаяся роковым следствием такого порядка вещей, вынуждают итальянцев сотнями тысяч покидать родину, и Алжирия, особенно провинция Константина, благодаря близости расстояния, ежегодно получает часть этих эмигрантов. Но еще гораздо более многочисленны испанские колонисты: легкость путешествия через узкий пролив, разделяющий провинции Мурсию и Оран, быть-может, также, до известной степени, традиции, оставленные предъидущими завоеваниями, и некоторое расовое родство между обиспанившимися и обарабившимися берберами, придали капитальную важность движению испанской иммиграции. В первое время, в царствование Фердинанда VII, множество испанских политических эмигрантов также искали убежища в Алжирии. В настоящее время переселенцы с Иберийского полуострова, включая сюда и магонцев, считающих себя, впрочем, отдельным населением, составляют почти четверть общего числа европейцев, проживающих в Алжирии; в Оранской провинции, административный центр которой, город Оран, некогда был завоеван их предками, они составляют большинство населения.

Народонаселение Алжирии по национальностям в 1881 г. (не считая армии):

Берберов и арабов—2.842.497; французов—195.419 и евреев натурализованных—35.663, всего—231.082; испанцев—112.047; итальянцев—31.865; мальтийцев и др. английских подданных—15.149; немцев—3.738; европейцев других национальностей—18.535.

В 1886 г. из общего числа жителей (3.805.684) было 3.565.760 франц. подданных (259.729 французов, 43.182 еврея, 3.262.849 магометан) и 239.924 иностранца (144.530 испанцев, 44.315 итальянцев, 15.533 мальтийца, 4.863 немца).

Испанцы были бы, вероятно, еще гораздо более многочисленны, если бы они избегали, подобно другим иностранцам, военной службы; но в силу специальной конвенции, все молодые испанцы, проживающие в Алжирии, должны выбирать между своим отечеством и алжирской территорией по отбыванию воинской повинности: большинство предпочитают оставаться в Алжирии, но служба в рядах французской армии не дает им натурализации.

Однако, даже в Оранской провинции замечается стремление к офранцужению всех европейских элементов. Так как с званием француза связаны некоторые выгоды, то многие иностранцы стараются воспользоваться ими, приобретая натурализацию. Так, итальянские рыбаки и каботажные моряки, имеющие почти монополию вод на алжирских берегах, сделались французами; точно также многие испанцы переменили национальность, поступая на государственную или муниципальную службу. Что касается немцев, живущих в Алжирии, то треть их натурализовалась с 1871 года, большей частью из желания отклонить от себя подозрение во враждебных чувствах к Франции; кроме того, эльзас-лотарингцы, называемые германцами в оффициальной статистике, также претендуют на титул французов. Средним числом, ежегодно 360 иностранцев или туземцев подают прошение о натурализации, не считая тех, которые по праву получают звание французского гражданина, как сыновья иностранцев, родившиеся в крае, или как поступившие в военную службу: это добавочный контингент натурализованных, естественно, возрастающий из году в год, в соразмерности с числом иностранцев. В период с 1865 г. по 1 октября 1885 г. всего разрешено натурализаций в Алжирии 7.351.

По национальностям, натурализации распределялись за время с 1865 по 1883 г. включительно, следующим образом:

Немцев—2.035; итальянцев—1.589; испанцев—1.200; мусульман туземных, тунисцев и мароканцев—1.043; швейцарцев—226; бельгийцев—220; мальтийцев—164; других национальностей—330; итого—6.307.

В период 1865-94 г.г. натурализовалось 21.636 лиц; в 1894 г. 1.460 лиц.

Иностранцы в Алжирии в 1881 г.:

Родившиеся в первоначальном отечестве 118.945 или 62,62%; родившиеся в Алжирии 70.999 или 37,38%.

Из этих последних цифр видно, что более трети европейцев не-французов, проживающих в Алжирии, принадлежат уже ко второму поколению и, следовательно, на половину французы по закону; они сливаются с алжирцами французской расы в этом обществе новой формации, которое стремится организоваться не как отдельная национальность, а как провинциальная группа, имеющая свои нравы, свои традиции, свой патриотизм, свои специальные интересы.

Алжирские евреи, происходящие по большей части от евреев, изгнанных из Андалузии, были натурализованы гуртом в 1870 году, к великому скандалу арабов и берберов мусульман, которые недоумевали, почему честь быть возведенными на степень граждан господствующей расы была дарована этим презренным существам, тогда как они, сыны отечества, оставлены на положении подданных. Хотя «французы» по имени, большинство туземных евреев считаются еще как бы составляющими особую нацию; однако, ассимиляция, состоявшаяся в принципе, совершается постепенно в одежде, нравах, языке и образе мыслей: в этом отношении второе поколение натурализованных свидетельствует о значительной эволюции, и списки гражданского состояния (l'etat civil) не совсем безосновательно смешивают, в большинстве муниципальных метрических книг, детей французов и детей израильтян. Что касается арабов-магометан, то они могли бы требовать натурализации лишь в исключительных случаях и отказываясь от предписаний своего священного писания, так как у них гражданский закон сливается с религией: просьба о натурализации считается своего рода вероотступничеством. Не то у кабилов, которые никогда не согласовали своей юриспруденции с предписаниями Корана; целые племена требовали натурализации, и если бы не канцелярские формальности и не враждебное отношение многих чиновников, то наверно все пятьсот тысяч жителей Большой Кабилии охотно ходатайствовали бы о включении их во французское общество. Впрочем, если туземцы вступают, в качестве граждан, в ряды цивилизованных, то есть не мало и французов,—больше, чем обыкновенно думают,—которые арабизуются или кабилизуются. Первые, приняв магометанскую веру, делаются марабутами по большей части и живут припеваючи на приношения верующих. Вторые, одетые более чем просто, как и другие кабилы, работают, как они, и рассуждают с ними в общественных собраниях. В Оранской провинции много испанок повыходили замуж за арабов, не спрашивая разрешения французских властей.

Одна из главных причин быстрого офранцужения алжирцев различных рас—это принятие французского диалекта, как общеупотребительного языка. Можно считать в миллион слишком число дикарей Алжирии, которые говорят этим языком или, по крайней мере, в состоянии изъясняться на нем. До недавнего времени существовал род посредствующего языка между людьми всякого провенанса, населявшими страну; но этот язык, называемый sabir, то-есть «знание», как будто он свидетельствовал об исключительной науке, был бесформенный, совершенно рудиментарный говор, состоящий из двух сотен слов, глаголов в неопределенном наклонении, существительных, прилагательных и наречий, к которым, чтобы сделать речь более понятной, прибавляется живая пантомима и игра физиономии. Половина слов—арабские, четверть—французские или провансальские, остальные—испанские, итальянские или мальтийские; само собой разумеется, что на западе, против Мурсии, сабир содержит всего более испанских выражений, а на востоке, особенно в Ла-Калле,—всего более итальянских форм. Франко-арабские школы, еще очень малочисленные, делают менее для исчезновения сабира, чем великая школа рынков и улицы.

Смешанные браки также способствуют в значительной мере офранцужению алжирцев. В общем числе ежегодно заключаемых в Алжирии браков европейцев процент браков между лицами различных национальностей год от году возрастает (в период с 1830 по 1881 г. такие браки составляли 16%; в 1882 г. 18%; в 1883 г. 24%)[1], и в этих смешанных союзах женщины в большинстве случаев—иностранки, особенно испанки: честолюбивые от природы, женщины предпочитают вообще француза всякому другому европейцу, даже при равенстве состояния или достоинств, просто потому, что француз принадлежит к господствующей расе: впрочем, по степени образования французский колонист стоит вообще выше колониста иностранного. Однако, эти смешанные браки имеют место по большей части между детьми страны, родившимися на алжирской земле и, следовательно, уже соотечественниками, не по происхождению, но по родной почве. Если французские семейства возрастают в числе через браки между европейцами, то демаркационная линия между европейцами и мусульманами остается почти неподвижной. Брачные союзы, оффициально заключаемые между эмигрантами и туземцами, очень немногочисленны, составляя всего несколько десятков в десятилетие; а что касается детей смешанной расы, рожденных от магометанок вне брака, то они всегда считаются принадлежащими к расе матери, так как законы Корана не допускают, чтобы могли быть незаконнорожденные дети, даже когда они родятся от иммигранток племени улад-наиль. Вступление этих метисов во французское общество составляет исключительный факт; но было бы крайне ошибочно полагаться в этом отношении на цифры оффициальной статистики и игнорировать это смешанное население, которое образуется в гражданской территории, и которое, оставаясь арабским по имени, становится франко-арабским и по крови, и по нравам. Разве не к этому населению принадлежат в большинстве люди всякого промысла, эти «Beni-Ramasses» (сброд), которых в алжирском жаргоне называют улад-бласа, или «дети площади», потому что они не имеют другого местожительства, кроме улицы? По регистрам гражданского состояния, отношение незаконных детей к законным в европейских семействах около одной десятой; оно значительно уменьшилось с первых десятилетий оккупации.

Рождения в европейском населении Алжирии в 1882 г.: законных детей—12.757; признанных детей—692; непризнанных детей—569; всего 14.018.

Один из сюрпризов, представляемых алжирской статистикой народонаселения, состоит в том, что, будто бы, смертность среди незаконных детей менее сильна, чем среди других новорожденных, пользующихся, однако, вообще гораздо более заботливым уходом, так что невольно задаешь себе вопрос: статистические сведения, стоящие в таком явном противоречии с демографическими фактами всех других стран, не страдают ли крупными ошибками? Другой вывод алжирской народной переписи тоже может показаться сомнительным: в то время, как во всех арийских странах без исключения женщины более многочисленны, чем мужчины, в Алжирии последние будто бы имеют численный перевес, как в Японии, и даже в гораздо более значительной пропорции.

Численное отношение полов в мусульманском населении Алжирии, по переписи 1881 г.: мужчин—1.553.768; женщин—1.321.541; разность—232.227, или 18%-

Весьма вероятно, что агенты народной переписи во многих случаях не старались добиться на свои вопросы точного ответа от мусульманских глав семейства. Эти последние очень неохотно открывают тайны семьи; сказать число женщин палатки им кажется профанацией; часто отец семейства считает только мальчиков как своих «детей»[2]. Следовательно, в этом отношении статистические данные, по всей вероятности, ошибочны, ибо численное отношение полов между новорожденными почти такое же для магометан, как и для европейцев Алжирии: при переписи несомненно утаили существование 200.000 или 250.000 женщин, так что в действительности алжирское народонаселение немногим менее 4 миллионов душ (по переписи 1896 г.: 4.479.000 душ.

1 Ricoux, „La population europeenne en Algerie“.

2 Maurice Wahl, „Algerie“.

Для этого, относительно, небольшого числа жителей земледельческая территория громадна, но только малая часть её эксплоатируется; почти все утилизируемые земли служат выгоном для скота или употребляются для примитивного полеводства; даже в Телле обширные местности бесплодны, а на плоскогорьях глинистые или солончаковые площади тянутся на необозримое пространство. Несомненно, что большинство местностей Северной Алжирии, ныне оголенных, могли бы покрыться лесной растительностью и таким образом приобрести капитальную важность в составе климата и общей экономии края. По оффициальным переписям, площадь алжирских лесов почти нормальная: из четырнадцати миллионов гектаров, представляющих пространство Телля, около двух миллионов, то-есть одна седьмая поверхности почвы, будто бы, заняты лесами, из которых принадлежат: казне—1.403.037 гектар.; общинам или племенам—291.666 гектар.; частным лицам—299.428 гектар.

Общую площадь лесов в Алжирии в 1893 г. определяли в 3.248.700 гектаров, в том числе государственных—1.759.495 гектар., принадлежащих общинам—76.919 гект. и военному управлению—744.636 гектар. Но в действительности большинство этих «лесов» и «лесных дач» суть не что иное, как кустарники, или даже, во многих местах, залежи, покрытые там и сям мелкой порослью. По исчислению Тарри, мелкий лес и кустарник составляют три пятых всей местной площади; около 822.000 гектаров лесных дач, обмежеванных в 1884 г. и поставленных под надзор правительственных агентов, принесли доходу всего только 500.000 франк., что составит немного более 50 сантим. с гектара. Хорошо сохранились леса только в восточной Алжирии, в некоторых частях Кабилии, в Тениет-эль-Гаде и в массиве, продолжающемся на восток от Уарсениса. Эти леса, состоящие главным образом из кедра, тянутся на пространстве 3.000 гектаров, на высоте от 1.200 до 1.700 метров. Вообще можно сказать, что древесная растительность уменьшается в направлении с востока на запад, в той же пропорции, как и количество дождей. В провинции Константине леса еще довольно значительны; в провинции Алжир они уже сильно поредели, а в Орании почти везде исчезли; во многих местах «лес» такой, что едва мог бы давать дрова.

Лесная область постепенно суживается под влиянием различных обстоятельств. Во многих случаях туземцы, вытесненные из равнины, должны были удалиться в леса, которые они затем расчистили под плантации или под выгоны для своих стад. В других местах спекулянты повырубили молодые стволы на жерди и трости и убили старые деревья, обдирая с них кору. Но главным фактором в деле истребления лесных богатств является огонь. Чтобы обновить свои пастбища, иногда также чтобы защитить себя от нападения хищных зверей, арабские пастухи зажигают сухую траву, пожар быстро распространяется, при чем не принимают никаких мер предосторожности, чтобы ограничить действие пламени; при ветре огонь охватывает леса и разливается на обширные пространства. Иногда туземцы прибегают также к пусканию красного петуха, как к средству политической мести. Некоторые из этих лесных пожаров принимали ужасающие размеры и распространялись на тысячи верст. В конце августа 1865 года огромное пламя, раздуваемое ветром широкко, пожрало в пять суток, на протяжении от 40 до 75 километров, наибольшую часть лесного пояса в горах около Боны. Многочисленные селения были осаждаемы пожаром, и жители должны были беспрестанно защищаться от огня, срубая все деревья в соседстве своих домов, выкашивая траву, ударяя зелеными ветвями по пылающей земле; громадная площадь слишком в 103.000 гектаров была совершенно опустошена. В 1881 году леса в окрестностях города Бужи тоже были истреблены огнем; в 1885 году Оранская провинция потеряла лучшие остатки своих лесных богатств. В 1893 г. в Алжирии выгорело 47.756 гектар., а с 1876 г. убытки, причиненные лесными пожарами, составляли слишком 33 миллиона франк. Чтобы избегнуть на будущее время повторения подобных катастроф и спасти то, что еще уцелело от лесных пожаров, придумали жестокую меру—подвергать ответственности коллективно всех членов племени, на территории которого объявился огонь, и конфисковать их земли. В 1881 году недвижимые имущества 38 таких общин, связанных круговой порукой, попали под секвестр; но это варварское средство в то же время и бесполезно, потому что виновники пожара, вольные или невольные, почти всегда принадлежат к другим племенам, а не к тому, на

которое обрушивается кара: понятно, что такое, принимаемое наугад, наказание порождает не раскаивающихся, а озлобленных, готовых поднять знамя бунта. Вместо того, чтобы запрещать палы сухой травы и мелкого кустарника, следовало бы сговориться с туземцами на счет выбора наиболее удобного момента для пускания огня и для ограничения его распространения[1]. В некоторых местностях арабы и кабилы, которых просили оказывать деятельное содействие охранению лесов, не пугая их угрозами наказания, сделались лучшими союзниками лесных сторожей, примером чего может служить лес около Акфаду, в восточной Кабилии, так же заботливо охраняемый, как лучшие леса западной Европы; кабилы окружающих племен поддерживают тропинки и защищают деревья от огня, топора и зуба коз; они оберегают этот лес с любовью, как славу своей земли. «Мне не так тяжело видеть мертвого человека, как срубленное дерево»[2], говорил один кабильский амин французскому администратору.

Но огромное большинство алжирцев, туземцев, французов или иностранцев, к сожалению, слишком мало заботятся о сохранении лесных богатств, имеющих столь важное значение для будущности страны. Нельзя, конечно, утверждать, что обезлесение влечет за собой уменьшение годового количества дождей, но не подлежит сомнению, что с исчезновением лесов дождевая вода получает возможность быстрее убегать по скатам или в трещины скалы, а в Алжирии более, чем в других, прилегающих к Средиземному морю странах, свойство почвы способствует тому, что обезлесение сопровождается этими гибельными последствиями. В Телле известняки занимают обширнейшие пространства, и повсюду, где поверхность обезлесена, камень скоро теряет весь свой слой растительной земли: остов гор оголяется. В других местах грунт состоит из земель без достаточного сцепления; почва, не сдерживаемая более разветвлениями корней, размывается, образует рытвины и овраги и стекает потоками грязи на возделанные пространства равнины; скаты возвышенностей теряют мало-по-малу свой травяной покров и слой растительной земли; источники, не поддерживаемые более медленным просачиванием капель сквозь поросшую травой почву, иссякают в несколько лет; орошение становится невозможным, поля покидаются, и иногда даже города остаются без ключей и колодцев; так, например, принуждены были организовать правильный подвоз воды для города Сен-Дени на Сиге, лежащего, однако, на берегах «реки»[3]. Современная история Алжирии представляет уже многочисленные примеры фонтанов, которые высохли, долин, недавно зеленевших, которые теперь не заключают ничего, кроме глины и камней[4]. Так, по закону сцепления причин и следствий, полное обезлесение почвы повело бы роковым образом к уничтожению земледельческой культуры и обезлюдению страны. Принятое разграничение между Теллем и пустыней не имеет ничего безусловного: когда долго не бывает дождей, пустыня разростается на счет Телля; там, где почва орошается, Телль снова отвоевывает у пустыни полосу земли[5].

Новое засаждение деревьями выпустошенных пространств, разведение леса или травы на оголенных землях составляет, следовательно, одну из насущных потребностей края. Если бы не общая беспечность, легко могли бы в несколько лет восстановить обширные лесные площади, так как почвенные условия почти везде благоприятны произрастанию дерев. Даже не было бы надобности в лесосеянии или лесонасаждении; так же как в Карсо, на берегах Адриатики, здесь достаточно огородить данный участок земли и запретить выгон скота, чтобы семена, содержащиеся в почве, взошли и скоро образовали нарождающийся лес. Защищенный кустарник тоже превращается в лес: достаточно срезать кусты вокруг деревьев, стремящихся там и сям подняться над чащей. Даже большая часть высоких плато, хотя получающих незначительное количество влаги, могла бы быть облесена, как это доказывают остатки

1 Trolard, „Ligue du Reboisement“.

2 Duchesne, рукописные заметки.

3 Camille Sabatier, рукописные заметки.

4 Reynard, „La Question forestiere en Algerie“;—„Influence du deboisement sur le debit des sources“, „Ligue du Reboisement“.

5 A. Duponchel, „Le Chemin de fer Transsaharien“.

прежних лесов и новые насаждения в Джельфе, Мешерии и других французских поселениях; там, где почва недостаточно влажна, чтобы питать деревья, можно бы было развести кормовые травы, растущие на безводных и даже солончаковых землях, как, например, австралийские лебедовые (chenopodeae)[1]: это был бы большой рессурс для стад. Вообще австралийская флора, уже обогатившая Алжирию различными видами эвкалипта и акации, кажется, всего лучше могла бы дополнять флору средиземную для целей облесения плоскогорий и покатостей Мавритании; веллингтония тоже очень хорошо растет в сухих местах возвышенностей. По программе, выработанной в 1885 г. алжирским правительством, намечены пространства, заключающие в сложности около 110.000 гектаров, и облесение которых обошлось бы около 17 миллионов франков.

По счастию, дело колонистов не в одном только истреблении лесов: они также и насаждали; культура начинается разведением древесной растительности. Каждый город, каждая деревня, каждый отдельно стоящий поселок имеет свой массив деревьев и кустарников; в равнинах все жилища указываются издали зеленью эвкалиптов и других больших деревьев. В Алжирии есть много деревень с такими же прекрасными аллеями, какие можно встретить только в больших городах метрополии. Впрочем, эти насаждения были необходимы для ассенизирования страны; так Буфарик, воздух которого «отравлял даже перелетных птиц», был этим способом избавлен от лихорадки, а Митиджа превращена в один сплошной сад; точно так же железнодорожные станции, где в начале пребывание было опасно, сделались здоровыми местами. Вдоль рельсовых путей разведены в разных местах древесные питомники, и в равнине Шелифа, где до постройки железной дороги не видно было ни одного дерева, теперь все домики сторожей окружены садами; в 1884 году вдоль дороги из Алжира в Оран насчитывали 470.000 высокоствольных деревьев и около четырех миллионов деревьев на откосах и по краям полотна. В 1867 г. число растений всякого рода, введенных французами в культурную флору Алжирии, доходило уже до сотни, а в опытном саду (jardin d'acclimatation) столицы с успехом произрастали четыре с половиной тысячи экзотических видов. Эвкалипт, самая распространенная древесная порода, распространяемая даже до злоупотребления, так как его сажают и на сухих почвах, у которых он отнимает последнюю влагу,—был введен в первый раз в 1861 году в саду Гаммы. Теперь уже существует более сотни разновидностей этого дерева.

Некоторые колонисты, пока еще очень немногие, утилизировали леса диких маслин, встречающиеся в одной половине Телля и в Ауресе, и улучшили их прививкой.

Маслин, привитых европейскими колонистами в 1887 г.—500.000; маслин, привитых туземцами-колонистами в 1887 г.—1.200.000.

Ни одна область средиземного бассейна не представляет более благоприятных условий для производства оливкового масла; но, за исключением Кабилии и некоторых округов провинции Константины, масличные рощи в пренебрежении и дают лишь продукт посредственного качества, употребляемый марсельцами для приготовления мыла; столовое же масло, употребляемое в Алжирии, почти все привозится из Франции.

Торговля оливковым маслом в Алжирии в 1882 г.: привоз—2.711.316 килограм,; вывоз—323.736 килограм.

На восточных плоскогорьях, также как в долинах Джебель-Ауреса, где нашли в таком множестве остатки римских прессов, существует лишь несколько рощиц оливкового дерева, которые, впрочем, вместе с оливковыми плантациями в окрестностях Бужи, дают лучшее масло, какое производит Северная Африка; торговцы племени шанба возят его до Туата, а туареги до Томбукту. Между тем маслина, «первое между деревьями», как называет ее Колумелла, имеет за собою то капитальное преимущество, что она дает одновременно тень, плоды, драгоценный строевой материал, топливо и защиту растениям, прозябающим под её ветвями; даже в многовековом возрасте она продолжает жить в той почве, куда ее пересадят[2];

1 „Bulletin de la Ligue du Reboisement du l'Algerie", 1885.

2 Bonnemain, „Bulletin de la Ligue du Reboisement", 1884

нельзя не удивляться, что между таким множеством страстных насадителей винограда так мало находится охотников присоединить разведение маслины к культуре виноградной лозы. Смоковница—самое обыкновенное дерево в Северной Алжирии, дерево, которое всего лучше выносит засуху, благодаря своим длинным корням, глубоко проникающим в трещины скал, чтобы извлекать там необходимую влагу; особенно хорошо растет она в каменистых оврагах, в узких долинах гор, и преимущественно в Кабилии, где она почти так же полезна, как финиковая пальма на границах пустыни. Однако, наиболее утилизируемым деревом в северной Алжирии все еще остается пробковый дуб: кора его, ценимая, правда, ниже, чем кора каталонских дубов, составляет, тем не менее, весьма важный предмет торговли; так, в 1881 г. вывезено из алжирских портов 3.850 тонн пробок, на сумму 4.620.000 франков. Но вычислено, что при более разумной эксплоатации существующие леса пробкового дуба могли бы приносить Алжирии около пятнадцати миллионов франков, то-есть почти вчетверо больше, чем ныне получаемый с них годовой доход.

В алжирской Сахаре богатство жителей составляет другое, еще более драгоценное дерево—финиковая пальма. Без этой пальмы, которая дает им половину необходимого пропитания и средства для покупки другой половины, сахарцы не могли бы жить в этой местности, окруженной песками: их оазис снова был бы завоеван пустыней. Каждое дерево пользуется там таким же заботливым уходом, как член семьи: надо поливать его, очищать и подрезать, посыпать его цветки оплодотворяющею цветенью. На него смотрят как на существо, одаренное жизнью и страстями, умеющее выражать свою благодарность обилием плодов, или гнев за дурное обращение—безплодием. «Когда срубают живую пальму, говорит легенда, приведенная у Мишле, дерево испускает жалобные вопли, словно ребенок, и эти стоны приводят в содрогание его палачей». До недавнего времени во всех магометанских странах, а в Марокко и теперь еще, международное право, позволяющее убивать людей, запрещает трогать пальму[1]. Сколько раз, однако, во время войн, были истребляемы целые пальмовые леса, после чего сыпучие пески беспрепятственно завладевали оазисом. Так, при осадах Лагуата и Заачи финиковые пальмы вырубались тысячами, чтобы дать проход артиллерии и штурмовым колоннам, или выморить голодом туземцев; точно также в Кабилии часто уничтожали оливковые деревья, чтобы заставить жителей просить пощады. В настоящее время бурение артезианских колодцев позволяет вознаградить с лихвой за сделанное зло, создавая новые оазисы. Совокупность пальмовых лесов в южной Алжирии заключает около трех миллионов деревьев, и доходы с них превышают 60 миллионов франков. В некоторых оазисах, между прочим, в Мзабе, ценность этих дорогих деревьев доходит до 800 франк. за пальму[2].

Число финиковых пальм в Алжирии, по разным статистическим данным, собранным в промежуток времени от 1880 по 1884 г.

Годна—20.000; Уаргла—600.000; Эль-Кантара—76.000; Лагуат и Мзи—42.000; Зибан—556.000; Уэд-Джедди—100.000; Бискра—150.000; Мзаб—193.000; Уэд-Риг—592.000; Метлили—17.000; Тугурт—170.000; Эль-Голеа—16.000; Суф—180.000; Ксур Оранского юга—20.000 деревьев.

Доход от пальмовых плантаций, по Фо и Фуро, простирается до 28.000.000 франков.

Главную культуру Телля все еще составляют хлебные растения, как во времена римского господства: арабы и кабилы сеют твердую пшеницу, ячмень, бешну или просо, кукурузу (маис), и со времени прибытия французов—рожь, овес и мягкую пшеницу; в дождливые годы эти туземные земледельцы, отчасти вытесненные европейскими колонистами, которые получают более обильный урожай, благодаря лучшей обработке почвы, доставляют количество зернового хлеба более, чем достаточное для прокормления людей и животных; кроме того, часть хлеба вывозится за границу—ячмень, овес и твердая пшеница, очень ценимая для фабрикации макарон и т.п.: в обыкновенные годы зерновые продукты составляют одну пятую алжирского экспорта. Кормовые травы также собираются в большом количестве в сы-

1 G. Rohlfs, „Meine Reise durch Marocco und die grosse Wuste“.

2 Paul Soleillet, „Bulletin de la Sociate de Geographie de Bordeaux“.

рых местностях Телля, особенно в окрестностях Боны.

Средний сбор хлебов с гектара в 1894 г. в метрич. квинталах:

	Мягкая пшеница	Твердая пшеница	Ячмень
У европейск. колонистов	9,36	8,33	10,20
„туземных земледельцев	5,67	6	7,90

Производство зерновых хлебов в Алжирии в 1894 г.: 28.178.138 метрич. квинталов при площадп посева 2.799.404 гектар.

Известно, что садоводы алжирского прибрежья отправляют во Францию значительные количества первинок и фруктов: апельсинов, лимонов, бананов, японской ирги (в 1880 г. апельсинные рощи в Блиде занимали площадь около 400 гектаров и производили средним числом 40 миллионов апельсинов ценностью на 800.000 франк.); если бы они имели достаточные запасы воды для развития своих культур, то легко могли бы снабжать своими произведениями рынки Западной Европы. Вывозимые плоды и теперь уже поддерживают значительное торговое движение, но это движение несомненно примет гораздо более обширные размеры, когда весь орошаемый пояс прибрежья и Сахары будет превращен в один огромный сад. Между промышленными растениями табак—одно из наиболее предпочитаемых колонистами, благодаря свободе культуры и фабрикации: однако, многие плантаторы оставили эту отрасль сельско-хозяйственной промышленности и перешли к виноградарству. Хлопчатник тоже имел свой период моды, именно во время американской войны, но теперь его можно увидеть лишь на немногих полях Телля и в уэде Риг, где возделываются суданские сорты, волокно которых походит на «длинно-шелковистый» хлопок Соединенных Штатов. Лен и пенька разного рода сеются в небольших количествах, а культура рамии, о которой так много толковали, не распространяя ее, однако, по причине трудности обработки волокна, все еще находится в периоде опытов. Что касается варварийской смоковницы, которую французы утилизируют только для огораживания своих полей, то она способствует в значительной мере продовольствию туземного населения. Когда наступит «сезон фиг», многие арабы, имея достаточный запас пищи, отказываются работать на полях.

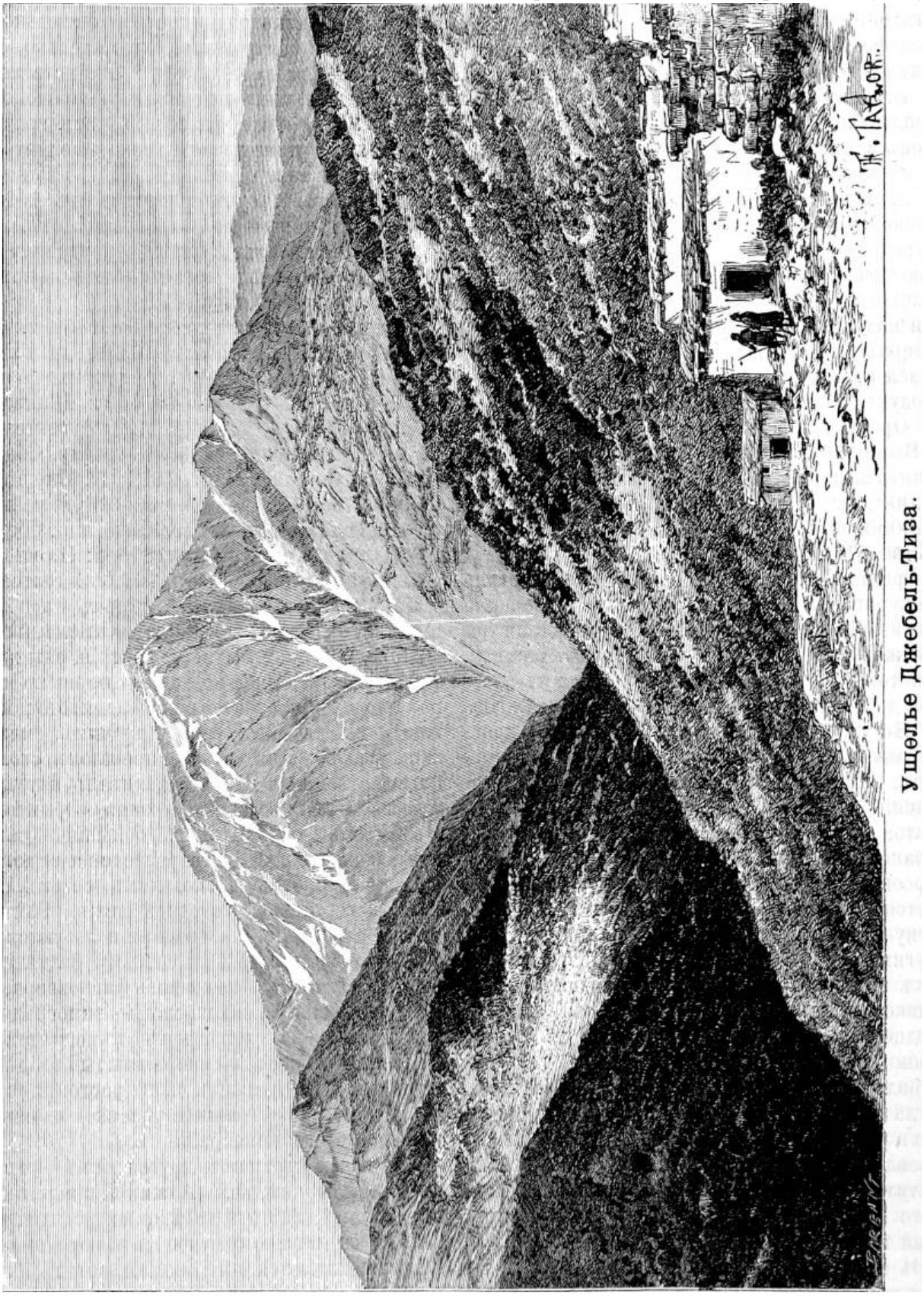
Еще гораздо важнее эксплоатация одного дикого горного растения, альфы, на которую одна финансовая компания выхлопотала себе монополию на пространстве 300.000 гектаров, к югу от Саиды; годовой доход от этой эксплоатации составляет от 15 до 20 миллионов франк. Волокно альфы—или auffe, как ее называли прежде в Марсели—употребляется главным образом для приготовления бумажной массы: так как спарта в провинции Мурсии почти совершенно истощилась, то английские фабриканты, главные покупатели этих волокон, стали выписывать альфу, которую они находили на рынке Орана, и промысел собирателей альфы постепенно распространился на плоскогорьях; первый груз этого продукта был взят английским кораблем, в Оранском порте, в 1862 году.

Вывоз альфы из Алжирии (в метрич. квинталах): В 1862 г.—10.500; в 1869 г.—90.000; в 1870 г.—370.000; в 1885 г.—800.000; в 1894 г.—818.816 (из этого количества 799.232 квинтала в Англию).

Французским промышленникам трудно конкурировать с английскими в отношении утилизации этого продукта, так как писчебумажные фабрики находятся внутри материка, и потому к цене волокна прибавляет большой дополнительный расход—провозная плата. Но уже обширные пространства не представляют ни одного пучка альфы, и, может-быть, даже поздно задаваться мыслью о разведении её вновь на некоторых оранских плато: для «палочек», которыми пользуются испанские рабочие, составляющие почти весь персонал рабочих на верфях, часто вырывается все растение с корнями. Некоторые спекулянты пытаются заменить альфу дисом, другим растением, волокна которого с давних пор употребляются арабами для выделки мешков и веревок. Низкорослая пальма, сердцевина и почки которой служат пищей туземцам, а волокно употребляется для приготовления растительного конского волоса, тоже могла бы быть эксплоатируема в более обширных размерах. Следовало бы также

утилизировать бамбук, отличающийся очень быстрой растительностью во влажной атмосфере морского прибрежья, но пока еще культивируемый только в садах.

В последние годы деятельность земледельцев направилась, главным образом, к культуре



Ущелье Джебель-Тиза.

винограда; его насадили во всей области Телля и даже на высоких плоскогорьях. Эта промышленность, получившая теперь такое важное значение, не всегда была покровительствуема французской администрацией: до 1850 года, пока колония в торговом отношении при-

числялась к иностранным государствам, введение виноградарства было запрещено, как могущее нанести ущерб интересам метрополии. Но в последнее десятилетие площадь алжирских виноградников значительно расширилась, и магометане, относительно которых данные сельскохозяйственной статистики менее точны, чем относительно европейских колонистов, тоже разводят виноградники и пробуют приготовлять вина, несмотря на запреты Корана.

Число плантаторов винограда в 1895 г.: 28.727 из них—16.734 европейцев.

Как быстро развивалась эта отрасль сельского хозяйства в последние годы—показывают следующие цифры:

Виноградники Алжирии: В 1850 г.: Площадь—792 гектар. Сбор—6.000 гектолитр.; в 1864 г.: Площадь—9.715 гектар. Сбор—64.000 гектолитр.; в 1876 г.: Площадь—16.700 гектар. Сбор—221.435 гектолитр.: в 1882 г.: Площадь—39.768 гектар. Сбор—681.335 гектолитр.; в 1884 г.: Площадь—60.000 гектар. Сбор—896.291 гектолитр.; в 1885 г.: Площадь—100.000 гектар. Сбор—2.393.000 гектолитр.; в 1895 г.: Площадь—120.868 гектар. Сбор—3.797.693 гектолитр.

Таким образом после стран с обширным виноградарством и виноделием, каковы Франция, Испания, Италия, Венгрия, алжирская территория занимает одно из первых мест по протяжению своих виноградников; некоторые из её вин, между прочим, милианские, высоко ценятся; в прошлом столетии путешественник Шау сравнивал вкус алжирского вина со вкусом вина «Эрмитаж». В Алжирии основывались большие компании для расчистки почвы и разведения винограда на пространстве нескольких сотен, даже тысяч гектаров в одной меже. Тем не менее, алжирские виноградари пользуются своим благосостоянием не совсем безмятежно. С 1885 г. и здесь появилась филлоксера, сначала в одном мансурском винограднике, близ Тлемсена, затем в виноградниках Сиди-Бель-Аббеса, и теперь каждый владелец тревожно осматривает свои растения, чтобы убедиться, что страшное насекомое еще не напало на его виноградник.

Не менее страшен другой бич—саранча в такой стране, как Алжирия, прилегающая к степям, где эти насекомые родятся мириадами, к великому удовольствию номадов, которые питаются ими и даже солят их в прок[1]. Во время одного маленького нашествия, в округе Медеи, в 1874 году, полчище саранчи занимало 25 километров по фронту, при 4 километр. протяжения в длину, то-есть 100 квадратных километров, и заключало в своих рядах по меньшей мере 50 миллиардов грызунов. Особенно значительны были опустошения, произведенные пешей или странствующей саранчей (acridium migratorium): непосредственный вред, причиненный истреблением растительности, исчисляли в 50 миллионов франков; но дальнейшие последствия были гораздо серьезнее, так как в следующем году наступил страшный голод, результат неурожая. Сколько арабов погибло голодной смертью—в точности неизвестно: может-быть, около полмиллиона. С того времени удалось локализировать ужасный бич, воздвигнуть плотину против этого живого наводнения. Металлические листы, положенные наклонно и окаймленные рвами, представляют непроходимую преграду пешей саранче. Что касается крылатой саранчи, то она делает сравнительно мало опустошений[2]. В 1865 году огромное летучее облако было принесено ветром в море: на берегу груды гниющих трупов саранчи достигли от 3 до 4 метров высоты[3].

Скотоводы Алжирии могут похвалиться одним животным—великолепными варварийскими лошадьми, которые родятся на высоких плоскогорьях, в дуарах кочевников. Туземцы владеют четырьмя пятыми всего конского населения Алжирии, но доля европейских колонистов возрастает с каждым годом; арабы имеют наибольшее количество мулов и ослов; наконец, можно сказать, что им принадлежат все верблюды; из европейских поселенцев это животное можно встретить лишь у очень немногих, приобревших его путем покупки.

Домашний скот у европейцев и туземцев к 1 января 1895 г.:

1 Ch Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d'Afrique".

2 Durand, „Association francaise pour Pavancement des Sciences", session d'Alger, 1882.

3 Camille Sabatier, рукописные заметки.

	У европейцев	У туземцев	ВСЕГО
Лошадей	40.740	167.797	208.537
Мулов	25.756	113.639	139.395
Ослов	12.471	262.497	274.968
Верблюдов	103	245.936	246.039
Крупного рогатого скота	131.768	1.001.838	1.133.599
Овец и баранов	333.926	7.361.863	7.695.789
Коз	71.218	3.296.907	3.368.125
Свиней	83.685	15	83.700
ИТОГО	699.667	12.450.485	13.150.152
Ульев (1893 г.)			209.807

Таким образом арабам же принадлежат большая часть крупного рогатого скота и самые многочисленные стада баранов и коз, эти «ходячие силосы», уход за которыми, впрочем, очень небрежный; главный рынок по торговле скотом находится в арабской земле, в Тиарете.

Вывоз скота и продуктов животноводства из Алжирии в 1896 г.: баранов, овец и пр.—на сумму 41.400.000 фр., шерсти—на 12.000.000 фр., кож и шкур—на 5.400.000 фр.

Шерсть алжирских овец, несмешанных с другой породой, грубая, и каждое руно представляет не более двух третей руна мериносовой помеси. До недавнего времени туземные пастухи употребляли для стрижки не ножницы, а серп, который, вместе с шерстью, вырезывал целые куски мяса у несчастных животных[1]. Свиньи почти все у европейских поселенцев, но есть и кабилы, которые держат это «нечистое» животное. Неурожай кормовых трав значительно уменьшил количество скота в 1882 г.: у арабов погибло более миллиона голов, у колонистов же число животных немного возросло, без сомнения, по причине легкости покупки.

Со времени французской оккупации делалось много попыток ввести новые разновидности домашних животных и улучшать местные породы. На высоких плоскогорьях теперь пасется рогатый скот швейцарского происхождения, который крупнее и сильнее алжирских видов из Гельмы, Кабилии, Орана, Бени-Слиман. Алжирцы ввезли также, в 1868 г., стада мериносов, но эти животные подвержены парше. Алжирские виды, особенно курдючные или «варварийские» бараны, живущие в провинции Алжир, избегают смертности, причиняемой болезнью селезенки; они, правда, заболевают более или менее серьезно, но через несколько дней выздоравливают сами собой, без всякого лечения. Крупный рогатый скот тоже гарантирован от заболеваемости, но козы и кролики истребляются во множестве этой болезнью. Поэтому было бы желательно введение алжирских стад в метрополии для обновления французской породы в таких местностях, как Бос, Солонь, Ланды, где ежегодно погибает много скота вследствие бактеридного заражения[2]; однако, большинство алжирских животных, особенно бараны, качеством слишком много уступают французским, чтобы их можно было принять в овчарни метрополии. Прежде чем вывозить алжирских баранов не только под видом мяса, но и для скрещивания, необходимо улучшить их породу. Ангорская коза вполне акклиматизовалась в Алжирии, где она лучше арабской выносит перемены температуры, давая гораздо более тонкую шерсть, которую начинают употреблять, как и на Мысе Доброй Надежды, для тканья прекрасной материи, называемой «могер». Известно, что многие скотоводы в окрестностях Алжира, а также в Орании и на уэде Риг, пробовали прибавить страуса к своим стадам, но дело это так и остается в периоде попыток: все вместе они имеют около сотни этих птиц; однако, нельзя еще утверждать, что одомашнение страуса в алжирских парках составляет совершившийся факт.

Также как в большей части других стран, заселенных путем колонизации, между которыми первое место занимают Соединенные Штаты С. Америки, в Алжирии нет крестьян в

1 Pomel, „Races indigenes de l'Algerie".

2 Chaveau, рукописные заметки;—Delamote, „Bulletin de l'Association Scientifique Algerienne", 1880, 2-e fascicule.

собственном смысле. Европейское население деревень, представляющее почти половину эмигрантов (в 1881 г. европейское население состояло из 146.657 душ), в большинстве городского происхождения, и даже то, которое по рождению принадлежит деревне, жило впоследствии в городах, где его понятия и нравы уже существенно изменились. Таким образом здесь происходит явление, обратное тому, которое мы наблюдаем во Франции. В метрополии город заселяется деревенскими жителями, в Алжирии сельские местности колонизуются горожанами: это немаловажная выгода, даже с сельскохозяйственной точки зрения, ибо француз, переселившийся из города в алжирскую деревню, не связан в своей деятельности рутиной; он легче, чем деревенский житель, приспособляется к своей новой среде; в то же время он отличается большей инициативой в своих земледельческих приемах, также как большим духом свободы в своей политической жизни. Сравнительно, алжирцы богаче сельскохозяйственным инвентарем, и инвентарь этот у них в лучшем состоянии, чем у земледельцев метрополии; даже туземцы употребляют во многих местах усовершенствованные плуги.

Земледельческий инвентарь в Алжирии, в 1882 г.:

	У европейцев	У туземцев	Всего
Плугов	35.841	251.440	287.281
Фур и телег	20.257	865	21.122
Разных орудий	32.512	2.137	34.649
Итого	88.600	254.442	343.052
Ценность фр.	14.821.709	3.429.272	18.250.981

В европейском сельском населении большинство составляют, разумеется, французы, так как им раздаются правительством земли. После утраты Эльзаса и Лотарингии, около тысячи семейств, покинувших родину, были щедро наделены полями, благодаря пожертвованиям, собранным французскими дамами, и 58 деревень были основаны или расширены, чтобы принять этих переселенцев. Однако, большинство уступленных казной земель уже перешли в другие руки. Колонисты становятся собственниками только под условием прожить не менее пяти лет в имении, данном им государством. Но впродолжении десятилетия, следующего за окончательным утверждением колонистов в правах владения, около половины из них продают свои земли другим. В среднем, алжирские уроженцы, которым правительство уступает половину раздаваемых наделов, выказывают больше выдержки, чем эмигранты, и охотнее остаются жить на своих землях.

В период с 1871 по 1882 г. включительно, всего роздано земель колонистам 475.807 гектаров, стоимость которых оценивается в 43.267.991 франк.

Число семейств, водворившихся на полученных наделах:

Иммигрантов—5.005; алжирцев—5.025.

Число семейств, проживавших на отведенных землях в 1882 г.:

Иммигрантов—3.886; алжирцев—4.117; число душ—25.455.

Часть европейских «колонистов» состоит из кочующих работников, называемых «бродячей армией», которые странствуют с одного конца Алжирии на другой, постоянно в поисках новой работы.

Остаются еще для раздачи колонистам обширные пространства земель, принадлежащих правительству на разных правах, и, к сожалению, на добрую часть присвоенных казной вследствие секвестров, наложенных на туземные племена; но общественное мнение все энергичнее высказывается против употребляемого до сих пор способа раздачи земель (концессии). Этот способ не только ложится ежегодно на бюджет значительным расходом, но и колонистам в большинстве случаев он обходится гораздо дороже, чем если бы уступаемая земля была приобретена куплей.

Расход государства: на каждый отведенный надел—4.877 фр.; на каждого члена получивших землю семей—2.031 фр.

Обязательства, связанные с пользованием отведенной землей, стеснительный надзор чиновников, медленность администрации в выдаче документов на владение часто выводят из

терпения колониста и порождают столкновения, оканчивающиеся нередко отнятием у него имущества по суду. Кроме того, невозможно, чтобы способ колонизации путем концессии земель не был испорчен фаворитизмом: в подобном случае рекомендации всемогущи, так как отвод надела никогда не может быть требуем как право и всегда сохраняет характер милости. В канцеляриях установляется скрытая конкурренция для получения лучших участков, из которых иные настолько обширны, что составляют большие имения. Да при том разве не путем же концессий и финансовые компании достигли того, что владеют теперь пространствами в несколько сот квадр. километров, с обязательством, более или менее выполняемым, «содействовать развитию колонизации». В среднем, величина раздаваемых участков, от 20 до 30 гектаров,—пространство слишком значительное для того, чтобы колонисты могли вести интенсивную культуру; оттого поля их большею частию обрабатываются руками туземцев. У арабов земельная собственность, родовая или частная, тоже представляет слишком обширные пространства, чтобы владелец мог сам вести хозяйство, их возделывает несчастный хаммес, т.е. «пятинник». Что касается земель *арш*, которые считаются принадлежащими всему племени, то они состоят почти единственно из пастбищ, так что у кого нет стада, тот и не пользуется ими.

Непосредственная продажа государственных земель частным лицам существует лишь в очень незначительных размерах, но зато заключается много сделок по купле-продаже земельной собственности между европейцами и мусульманами, и большинство этих операций дают в результате увеличение землевладения колонистов, в ущерб землевладению туземцев.

Покупки сельских земельных участков, с 1877 по 1882 г.:

Земель, купленных европейцами у мусульман—175.034 гектар.; земель, купленных мусульманами у европейцев—16.861 гектар.

Общее количество земель, находившихся во владении европейцев в 1881 г.—1.081.000 гектар., из которых только 13.000 гект. в военной территории.

Среднее пространство земельной собственности на каждого сельского жителя—$7^1/_2$ гект.

К сожалению, во многих случаях ловкие спекуляторы, пользуясь невежеством туземцев, отнимают у них землю, с соблюдением форм законности: по французским законам, «неведением коих никто не может отговариваться», но которых не знает араб, всякий совладелец общего недвижимого имущества имеет право требовать раздела. Сведущие в законах люди нередко пользуются этой статьей, чтобы разорять в своих интересах целые племена: найдя средство приобрести долю в общем имуществе, они требуют раздела, затем возбуждают процесс против своих арабских общников, которого эти последние не могут выдержать, и тяжба кончается в пользу спекулаторов. Чтобы положить конец подобным злоупотреблениям, также как многим другим, происходящим от неопределенности прав землевладения, следовало бы сделать перепись арабским землям, отграничить их точным образом, обезпечить за каждым дуаром, за каждым отдельным лицом владение полями или пастбищами, которыми оно пользуется, произвести кадастр, подобный тому, какой существует уже для полноправных общин, и который обнимал в сентябре 1882 г. площадь в 1.255.000 гектаров. Работы по обмежеванию земель туземцев были начаты с 1873 г.; но в конце 1876 г. они были исполнены только для одного дуара, заключающего менее 6.000 гектаров. Двенадцать лет спустя после обнародования закона, в конце 1884 г. только около двадцатой части Телля, 700.000 гектар., было окончательно обследовано; значит, чтобы довести это дело до конца, потребуется более двух столетий. Теперь разрабатывается законопроект по образцу действующего в Австралии акта Торренса, законопроект, имеющий в виду установить такой юридический порядок землевладения, при котором переход земельной собственности из рук в руки будет так же легок, как обращение денежных знаков, но который, может-быть, косвенно будет способствовать быстрому образованию крупных имений. Среди алжирского общества есть целый класс людей, которые находят прямую выгоду в том, чтобы вопросы, относящиеся к земельной собственности, всегда оставались запутанными, и чтобы права на владение были трудно устанавливаемы. Во времена Ювенала Африка была «матерью адвокатов»; не в праве ли мы ска-

зать теперь, что она «мать судебных приставов»?

Европейская промышленность представлена в Алжирии только мастерскими и мануфактурами, необходимыми для текущего производства и местного потребления, а туземная потеряла всякую деятельность, вследствие привоза иностранных фабрикатов. По вывозу алжирская торговля состоит почти единственно из жизненных припасов и сырья. Правда, что Алжирия почти совсем не имеет минерального топлива, и что ей нужно заботливо беречь свои запасы леса; аппараты, собирающие солнечные лучи[1], чтобы преобразовать их в движущую силу, пока еще дали результаты, не имеющие большой практической цены. Фабрики ликеров, фабрики благовонных эссенций и сардинковые заводы в восточных портах—вот почти все, что имеет Алжирия в виде фабричных заведений, представляющих местную промышленность. Кожи, шерсть и другие животные продукты перерабатываются на фабриках и заводах Марсели; оливковое масло тоже проходит через провансальские фабрики, прежде чем попасть в руки покупателя; альфа вывозится в Англию, где она переделывается в писчую бумагу; пробки утилизируются во французских винных погребах; руды, добываемые в Бени-Сафе и Аин-Махра, не очищаются на месте; их отправляют на металлургические заведения Европы и Нового Света (в 1882 г. разрабатывалось 37 рудников, при 3.080 рабочих); ломки мрамора, серпентина и оникса едва початы, так как трудность перевозки и дороговизна рабочих рук чрезмерно возвышают цену продукта; наконец, салины, хотя находящиеся на берегу моря и удобные для эксплоатации, далеко не могут сравниться, по размерам добычи, с салинами средиземной Франции; шоттами на плоскогорьях, хотя они содержат соль сотнями миллионов тонн, пользуются только окрестные племена. Минеральные и теплые источники, чрезвычайно многочисленные и рассеянные по всей территории, представляют целый ряд вод, могущих приносить действительную пользу в лечении болезней; но только немногие из них посещаются больными из европейцев, проживающих в Алжирии. Эти последние предпочитают ездить на воды метрополии, в том убеждении, что воздух родины увеличит целебную силу вод. В 1884 г. эксплоатируемых минеральных источников в Алжирии было 47, посетителей, больных, около 5.640.

Обороты внешней торговли между Алжирией и другими странами, включая сюда и Францию, превышают полмиллиарда франков. Со времени завоевания средняя цена земледельческих продуктов утроилась, а годовая ценность торгового обмена увеличилась почти в сто раз; но ввоз всегда превышал вывоз, да иначе и быть не могло, так как Алжирия постоянно занята армией, которую содержит метрополия, а колонисты только после многомесячного или многолетнего пребывания в крае получают возможность оплачивать европейские товары произведениями своих полей. Но возрастание привоза всегда сопровождается соответственным увеличением вывоза, и отныне Алжирия принадлежит к числу стран, ведущих обширную торговлю с Францией: по степени важности торгового обмена, она занимает восьмое место; её порты: Бона, Филиппвиль, Бужи, Алжир, Арзев, Оран уже могут быть причислены к наиболее посещаемым гаваням в западном бассейне Средиземного моря. Присоединение Туниса значительно увеличило внешнюю торговлю Алжирии через сухопутные границы; существуют также торговые сношения между внутренним Марокко и Оранской провинцией, но эти сношения, происходящие почти исключительно через посредство евреев, по большей части ускользают от таможенного надзора. Наконец, постоянное торговое движение происходит на юге Алжирии между оазисами и Теллем, по обмену фиников и шерсти на зерновые хлеба. «Сахарцы привязаны к нам брюхом», гласит традиционная алжирская пословица, тогда как сами они употребляют более изящную поговорку: «Телль—наша мать!». Но на юге Уарглы и Суфы сношения с оазисами пустыни почти прекратились; туареги не пропускают караванов из Алжирии в Судан, или наоборот: только очень незначительное количество продуктов проходит на запад через посредство жителей Туата; но какую важность может иметь торговля, в которой покупатели не знают места происхождения товара и дорог,

1 Mouchot;—De Royaumont, „La Conquete du Soleil“.

по которым он доставляется? Впрочем, в 1884 г., после четырехлетнего перерыва торговых сношений, караван, состоящий из 1.000 человек и 3.000 верблюдов, отправился от колодца Бени-Хелил, в южной Орании, в оазисы Гурары, и на обратном пути соединился с караваном племени дуи-мениа из Марокко.

Общая торговля Алжирии:

Годы.	Ввоз. Франков.	Вывоз. Франков.	Вместе. Франков.
1831	6.504.000	1.479.600	7.983.000
1850	72.692.782	19.262.383	94.955.165
1870	172.690.713	124456.249	297.146.962
1882	411.929.315	150.032.678	561.961.993
1894	265.134.026	265.713.285	530.847.311

В 1896 г. специальная торговля выразилась следующими цифрами: по ввозу—269,2 миллионов, по вывозу—231,1 миллионов франков.

Так как почти вся алжирская торговля производится морем, то мореходство, естественно, должно было возрастать в той же пропорции, как и торговое движение; но пароходы, вольные или субсидируемые правительством, вытеснили парусные суда, которые теперь употребляются только для рыбной ловли и мелкого каботажа; команда на парусных судах состоит почти исключительно из моряков итальянского происхождения. В 1884 году насчитывали 1.060 рыболовных судов, вместимостью 3.587 тонн; экипаж их состоял из 4.464 человек. Общее движение алжирского судоходства, не считая плавания между портами вдоль побережья, представлено слишком десятью тысячами судов, общая вместимость которых около четырех миллионов тонн.

Движение судоходства в портах Алжирии в 1896 г.:

В приходе—3.635 судов, вместим.—2.311.935 тонн, в отходе—3.457 судов, вместим.—2.178.852 тонны.

В этом движении алжирского судоходства на долю Франции приходится около двух третей, благодаря пароходам, совершающим срочные рейсы между противоположными берегами Средиземного моря. После Франции следуют Англия, вывозящая наибольшее количество альфы, и Испания, пользующаяся выгодой близости расстояния, но сношения которой с алжирскими портами производятся по большей части мелкими судами.

Между всеми портами Алжирии и торговыми городами западного Средиземного моря существует правильное движение пакетботов: каждый месяц десятка три пароходов отправляются из того или другого порта алжирского прибрежья к противоположным берегам европейского континента. Но в этом движении судоходства доля «африканской Франции», по числу судов, весьма незначительна. Торговый флот Алжирии, в конце 1896 г., состоял из 704 судов, с общей вместимостью 13 966 тонн.

Сеть дорог довольно развита внутри материка. Пропорционально своему населению, Алжирия имеет больше колесных дорог, чем Франция: пропорционально пространству территории, она не уступает в этом отношении многим европейским странам.

Длина проезжих дорог в Алжирии в 1896 г. государственных—3.507 километр., департаментских—524 километр., общинных—26.588 километр. Иностранец, проезжающий по окрестностям Алжира и других больших городов этой страны, удивляется при виде такого множества широких, хорошо содержимых дорог, и сравнение, которое он делает мысленно со многими областями Европы, благоприятно для французской колонии[1]. В 1830 г. в Алжирском регентстве не существовало других дорог, кроме следов от прогона стад, и тропинок, проложенных караванами по берегу ручьев и в горных ущельях; дей и главные шейхи не имели в своем распоряжении иной почтовой службы, кроме скороходов, или регабов, которые шествовали гигантским шагом по целым дням, полунагие, неся депеши и пищу в полой

1 P. de Tchihatcheff, „Espagne, Algerie, Tunisie“.

трости[1]. В первое время оккупации главная деятельность французских войск состояла в проложении стратегических путей; Алжирия была завоевана гораздо более постройкой дорог, чем оружием. И теперь еще тысячи штрафных солдат употребляются на дорожные работы, совместно с калабрийцами, туземцами, неграми, почти всегда одетыми в красные панталоны. Несмотря на значительное распространение, которое уже получила сеть путей сообщения, она еще не окончена в своих главных линиях: с востока на запад, между Тунисом и Марокко, существует одна только магистральная дорога, проходящая через Сук-Ахрас, Гельму, Сетиф, Мезон-Карре, Митиджу, долину Шелифа и Тлемсен, к которой с той и другой стороны примыкают боковые пути, направляющиеся к морскому берегу или внутрь материка. Береговая дорога, которая со временем позволит проехать из Ла-Калле в Немур прямым путем без пересадок на пароход, пока еще прерывается многочисленными брешами, составляющими в сложности более половины всей длины. Французы не окончили системы римских дорог, представляющей род лестницы, где береговой и внутренний пути были стойками, а поперечные дороги ступеньками[2]. И до сих пор еще есть важные поселения, до которых можно добраться не иначе, как пешком или верхом на лошади; есть даже город, именно Джиджелли, не имеющий проезжих дорог и совершенно разобщенный с остальным миром.

Постройка железных дорог началась с 1860 г.; первый участок был открыт в 1862 г. В настоящее время общая длина железных путей, не считая «однорельсовых» дорог, служащих для перевозки альфы, достигает 2.000 километров; но центральная артерия от Туниса до Марокко еще не окончена. В 1885 г. существовал еще пробел к югу от массива Большой Кабилии, между Эль-Аширом и Палестро; около мароккской границы локомотив останавливается в Аин-Темушенте, в Тлемсене и в Аин-Сефра. Многие торговые порты: Немур, Бени-Саф, Тенес, Шершель, Деллис, Колло, Ла-Калле не имеют еще ветвей, которые соединяли бы их с главной линией; но почти все эти пути, необходимые для промышленного механизма Алжирии, если не начаты постройкой, то, по крайней мере, проектированы или подготовлены к сооружению предварительными изысканиями.

*Длина эксплоатируемой железнодорожной сети Алжирии, к 1 января 1897 г.: 3.472 километра, не считая 641 километра на тунисской территории.

Железнодорожные общества, построившие различные линии, выхлопотали себе содействие правительства в форме субвенций и концессии земель; однако, местное движение приняло уже в некоторых пунктах сети, особенно между Алжиром и Блидой и между Филиппвилем и Константиной, размеры достаточно обширные, чтобы приносить прибыль на затраченные капиталы. Тарифы алжирских железных дорог очень высоки, что объясняется тем, что концессионерные компании, заручившись правительственной гарантией, не считают нужным заискивать расположение публики. На всех линиях гужевая перевозка может с успехом конкурировать с железнодорожной.

К югу от главной продольной линии Алжирии три рельсовых пути уже проникают в плоскогорья в направлении пустыни: это дороги из Константины в Батну, из Саиды в Мешерию, из Сиди-Бель-Аббес в Рас-эль-Ма. Таким образом провинции Константина и Оран лучше других снабжены путями сообщения с внутренними областями, и благодаря этим новым путям, колонизация может распространяться по плоскогориям востока и запада лучше, чем в местностях, заключающихся между Омалем и Лагуатом. Зная привычку к централизации, преобладающую во Франции и в состоящих под её господством странах, нельзя не удивляться, что один только Алжирский департамент не имеет еще железной дороги, проникающей внутрь континента, по направлению к пустыне. Причина тому высокие выступы гор, вздымающиеся тотчас на юге Митиджи, которые заставят инженеров вести трудные и дорого стоющие работы по подъему на кручи и прорытию туннелей. Кроме того, соперничество второстепенных городов, желающих попасть в число станций будущей железной дороги из Алжира в Томбукту, замедлило окончательное решение. Вероятно, этот железный путь,

1 Margeritte; - Trumelet;-Soleill et, etc.

2 D'Avezac, „Situation des etablissements francais en Algerie".

соединяясь у Блиды с продольной линией Мавритании, из Туниса в Оран, проникнет в горы, оставив немного в стороне город Медею, затем пройдет, близ Берруагии, в верхнюю долину Иссера, и углубится в новый массив, чтобы вступить, при Богари, в долину Шелифа. Начиная от этого пункта подъем по высоким плато, к Джельфе, и спуск в Лагуате, к бассейну уэда Джедди, не представят больших затруднений.

Мак-Карти первый предложил проведение железной дороги через Сахару, между Алжирией и бассейном Нигера; но голос его долго оставался без отклика. Когда алжирская сеть, перейдя область поморья, проникла внутрь материка, эта мысль о транссахарской железной дороге снова явилась, и многочисленные проекты со стороны инженеров и географов были представлены на суд общественного мнения; снаряжались даже значительные экспедиции для изучения наиболее удобного направления; но печальный исход экспедиции Фляттерса приостановил на время эти исследования, производимые в пустыне в видах проложения железного пути. При том нельзя, очевидно, заняться деятельно постройкой транссахарской дороги, пока не будут окончены главные алжирские линии. Прежде нужно построить три проникающие внутрь материка линии, исходящие из Константины, Алжира и Орана, и провести продольный путь, который, отправляясь из Габеса, будет следовать вдоль основания гор оазисами и долиной реки Джедди. Железные дороги собственно Алжирии должны дополниться другими путями, направляющимися к оазису Туат, передовому посту Магреба на дороге в Судан, лежащему почти на полпути из Алжира в Томбукту. Но упомянутые три дороги, из Константины, Алжира и Орана, одинаково легко бы построить в направлении Туата. Линия из Бискры в Уарглу, направление которой уже трасировано точным образом, пойдет к юго-западу, вверх по долине уэда Мия, который берет начало на возвышенностях восточного Туата. Линия из Лагуата в Мзаб, представляющая над путем по долине Мия то преимущество, что она пролегала бы по плоскогорьям, пользующимся здоровым климатом, но которая не приносила бы почти никакой местной пользы, так как эти области почти совсем не населены,—эта линия следовала бы вдоль западного края обрывов, и, не встречая других препятствий, кроме одного или двух порогов из дюн, достигала бы Эль-Голеа[1], откуда почти на всем дальнейшем протяжении до самого Туата местность представляет грунт, удобный для прокладки рельсов[2]. Наконец, третья, западная железная дорога могла бы, спустившись с плоскогорий южной Орании ущельями Тиута и миновав пост Эль-Утед, следовать естественным скатом уэдов, чтобы достигнуть Туата. Отсюда начинаются уже местности, если не таинственные, то во всяком случае известные только по редким маршрутам путешественников и по указаниям караванщиков. Когда эти области пустыни будут достаточно исследованы, транссахарский путь может быть направлен к тому пункту на Нигере, где должен происходить раздел дорог между Сенегалом, Бенинским заливом и ближайшими к Новому Свету пунктами атлантического побережья. Другие проекты транссахарской железной дороги предлагают соединить долину Игаргары с бассейном озера Цаде через центральную Сахару[3].

IX.

В одно и то же время завоеванная земля и страна колонизации, Алжирия населена жителями, различающимися между собой не только расой и языком, но также и политическим устройством. Во главе французской администрации, подведомственной министерству внутренних дел, стоит «гражданский генерал-губернатор, главнокомандующий морских и сухопутных сил», который управляет краем при помощи генерального директора и совета главного управления; но действие этой центральной власти проявляется не одинаково на туземцах и на европейских колонистах: в то время, как последние пользуются теми же правами, как во Франции, арабы и кабилы в действительности зависят от административного благоусмотрения.

1 G. Rolland, „Mission transsaharienne“.

2 Duponchel;—Solleillet, etc.

3 Frederic Bernar, etc.

Арабское племя или колено почти всегда имеет аристократическую форму. Союз семейств, считающих себя происходящими от общего родоначальника, оно признает главу, соединяющего в своем лице власть военную и духовную; дуар, т.е. «круг палаток», раскинутых среди пастбищ или в соседстве возделанных местностей, составляет первичную ячейку; из соединения таких ячеек в группы образуются племена. В каждом дуаре власть принадлежит главам семей и специально тому, который может похвалиться наиболее благородным происхождением. Несколько дуаров, соединенных в ферку, управляются шейхом, то-есть «стариком», или даже каидом, когда группа «родичей» (бени ам) настолько значительна, что сама по себе может образовать целое племя, то-есть арш или нджа, состоящее из весьма различного числа лиц, от пятисот до пятидесяти тысяч Каждая высшая группа, составленная из меньших единиц, тоже повинуется одному главе: каид подчинен аге, а этот—баш-аге или халифу. Все эти начальники являются своего рода царьками в своих маленьких государствах, и при них нет никакого выборного совета; однако, демократический элемент отчасти сохранился в дуарах, благодаря собранию, или джемаа, состоящему из глав семейства или только из кобаров, то-есть «знатных» и с которым шейх ферки советуется в особо важных случаях. Совсем иной характер имеет джемаа в кабильских и шауйских общинах, где старые обычаи еще сохранили свою силу; там все жители составляют народное собрание или мирской сход, власть которого ограничивается только преданиями.

В арабской земле вопросы, касающиеся родословной, имеют капитальную важность. Оттого «сыны больших палаток» пользуются там всеобщим почетом, и толпа бедняков теснится вокруг них, чтобы иметь право ссылаться на их покровительство. В первое время завоевания французские губернаторы держались того взгляда, что нужно опираться на вождей воинственных племен, чтобы достигнуть господства в стране, и всячески старались привлечь шейхов на свою сторону титулами, почестями, раздачей ленов и поместий. Но аристократические вкусы и традиции арабского народа неизбежно порождают ожесточенное соперничество в погоне за властью. Три различных класса дворянства оспаривают друг у друга авторитет в племенах: джуады, или сыны шейхов, которые выдавали себя, по праву или по узурпации, за потомков сподвижников Магомета или завоевателей Мавритании; шорфы, претендующие на происхождение от одной общей матери, Фатьмы, жены Магомета, и, следовательно, принадлежащие к фамилии пророка; и, наконец, те, которые в числе своих предков имеют какого-нибудь святого марабута, и в силу этого приобрели род дворянства, пользующагося не меньшим почетом, чем две другие категории. Все эти люди стоят выше толпы обыкновенных смертных, и когда войны, перевороты, семейные события дают им благоприятный случай, они заставляют уважать свои притязания. Часто также группировка племен изменяется; клиенты переходят из одной партии в другую, смотря по тому, на чьей стороне успех в борьбе честолюбий: отрывки одного и того же племени встречаются разбросанными по всей Берберии. Французское правительство напрасно думало, что, заручившись дружбой того или другого шейха, оно может рассчитывать на верность племен: являлся претендент и заменял приверженца французов в расположении народа. Иногда эта политика Франции приводила к тому, что завоеватели сами себе создавали соперников, основывая настоящие арабские монархии: полагали, что дело умиротворения края упростится, когда можно будет иметь сношения только с одним главой туземного населения, вместо того, чтобы возиться с целой толпой тысячеглавых племен. Так, Абдель-Кадер сделался султаном по милости Франции; точно также начальник племени улад-сиди-шейх получил в лен всю область алжирской Сахары, а Мохрани стал почти государем южной Кабилии: земли, предназначенные общинам, вдовам, сиротам, бедным, сделались собственностью главных туземных начальников. Однако, могущество вассалов всегда приводило к войне с сюзереном.

Эта феодальная система теперь уже близится к концу. Независимые de facto, арабские начальники постепенно заменяются французскими администраторами и мусульманскими кади, на которых возложено отправление правосудия, при чем они обязаны сообразоваться с комментариями, одобренными французскими судебными установлениями. Шейх, каид, ага и баш-ага утверждаются в должности французской администрацией, которой они непосред-

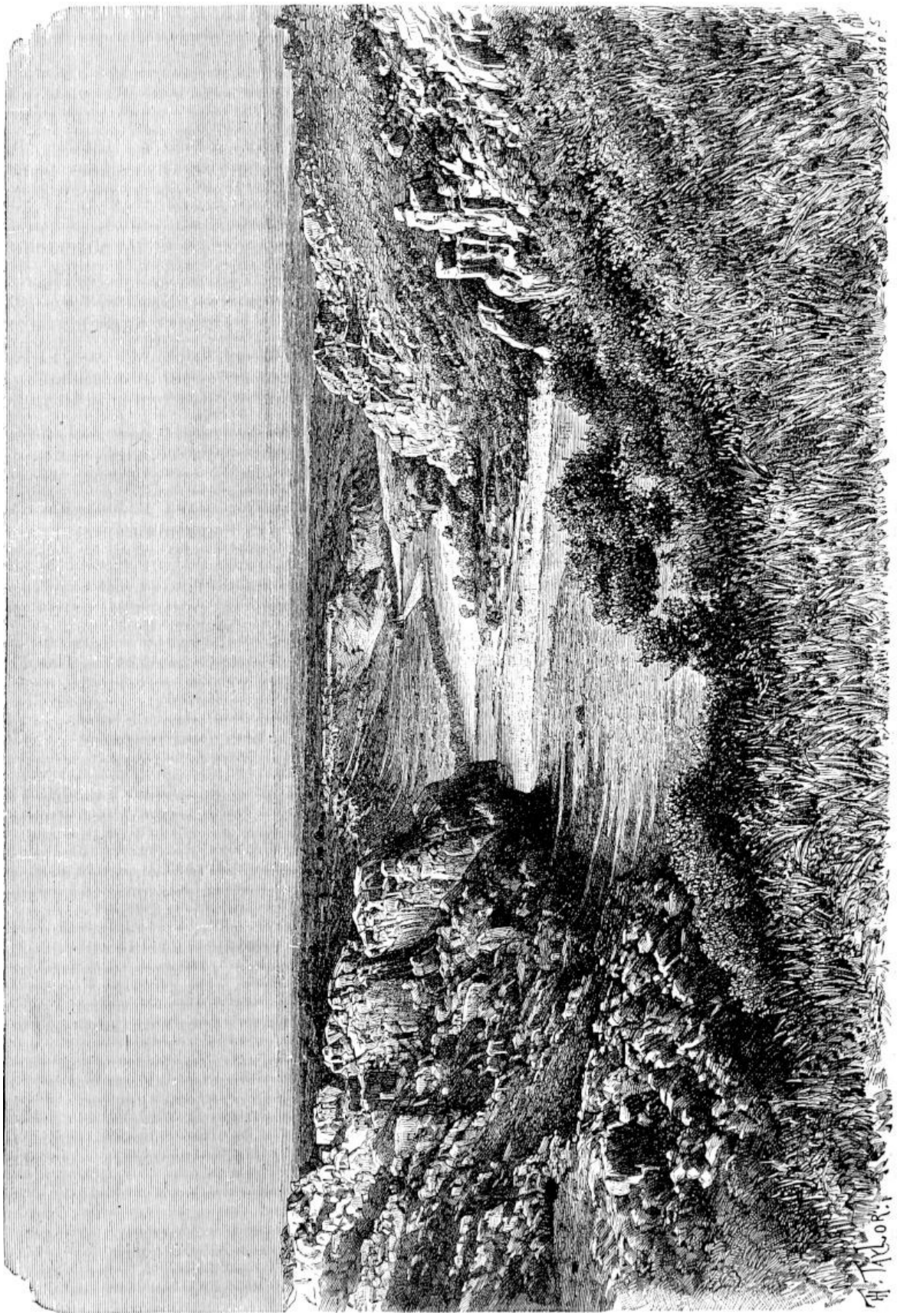
ственно подчинены; полицейская их власть строго ограничена, но у них еще не отнята традициозная прерогатива,—источник самых вопиющих несправедливостей,—уплачивать себе свое содержание из сбора налогов и штрафов. Дуары не могут уже так свободно, как прежде, перекочевывать с гор в равнину; образование земельной собственности ставит кочевым племенам преграды, отныне непроходимые; планы землемеров стремятся разграничить поясы, прежде неопределенные, которые простирались между территориями кочевки. Беспрестанно изменяющееся деление, зависящее от добровольного или вынужденного перемещения племен, мало-по-малу уступает место точному делению на коммунальные округи. Таким образом многие племена дробятся на более мелкие группы, которые в конце-концов становятся чуждыми одна другой. При том часть, постоянно увеличивающаяся, туземного населения утрачивает первоначальную организацию, входя в состав французских общин, где она образует пролетариат. Старые нравы исчезают, костюмы меняются: оседлая жизнь постепенно сменяет кочевое состояние, «круг палаток» уступает место группе домов, патриархальный быт—общинному устройству, многоженство—единобрачию. Последняя перепись населения города Алжира насчитывает всего пять магометан, имеющих более одной жены; в Оране таких оказалось только три. Правда, число разводов ежегодно превышает треть числа браков, а в некоторые годы составляет почти половину. Так, например, в 1879 г. записи в метрических книгах, сделанные по заявлениям мусульман, показывают следующие цифры:

Департаменты	Число браков	Число разводов
Алжирский	11.986	4.797
Константинский	16.561	7.922
Оранский.	5 407	2 503
Итого	33.954	15.222

Совершающееся ныне социальное преобразование позволяет надеяться, что с течением времени установится союз между различными элементами алжирского населения и произойдет сближение понятий, так как смешение двух рас уже началось. Зловещие пророки должны будут тогда сознаться в своей ошибке. «Этот прекрасный народ весь перемрет от нищеты и голода», говорил один из них: «кому посчастливится избегнуть катастрофы, те зачахнут и угаснут в миазмах нашей зараженной цивилизации. Где мы пройдем, там смерть и разрушение!»[1]. Действительно, истребление туземной расы казалось неизбежным в первые десятилетия оккупации, когда «облавы» опустошали страну, когда у преследуемых арабов не было больше ни хлеба, ни скота (в период с 1830 по 1845 г. было отнято у туземцев 18.720.000 баранов, 3.604.600 коров и 917.320 верблюдов)[2], когда женщины, задержанные в качестве заложниц, выменивались на лошадей или продавались с публичного торга, как вьючные животные[3], когда за головы арабов назначалась денежная премия, когда платили по два дуроса за пару человеческих ушей[4]. В то время случалось, что обвиняемые из арабов, признанные судом невиновными, тем не менее были подвергаемы казни,—ради примера, «дабы другим не повадно было»[5]. Впрочем, находились философы, оправдывавшие все несправедливости и жестокости против туземцев. «Не нарушая законов нравственности, говорил Бодишон, мы можем бороться с нашими африканскими врагами порохом и железом, в соединении с голодом, внутренними раздорами, войной, водкой, развращением и дезорганизацией»[6]. Теперь никто, конечно, не повторил бы в Алжирии этих слов, дышащих ненавистью, хотя и теперь еще творится много неправды, и победители все еще злоупотребляют своей силой против слабых[7]. Если «оттеснение» туземцев еще продолжается во многих ме-

1 De Montagnac, „Lettres d'un soldat", p. 427.
2 Bodichon;—M. Topin et F. Jacquot, „De la colonisation et de l'acclimatement en Algdrie".
3 De Montagnac, цитированное сочинение, стр. 225.
4 C. Trumelet, „Histoire de l'insurrection dans le sud de la province d'Alger".
5 Camille Rousset, „Revue des Deux Mondes", 1-er mars 1885.
6 „Considerations sur l'Algerie";—„Revue d'Orient", juillet 1841, p. 40;—цитированная Буденом „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algerie".
7 Charles Lagrade, „Une promenade dans le Sahara".

стах, то с другой стороны магометанское население возрастает, рабство существует только на границах Сахары; несчастные хаммесы или «мескиносы» только в исключительных случаях живут еще на положении крепостных, какими они были недавно во всех поместьях главных



Долина рѣки Шерать.

туземных начальников; араб не имеет более права жизни и смерти над своей женой; он даже не смеет бить ее, из боязни, чтобы крики несчастной не дошли до слуха какого-нибудь руми.

Соответственно глубоким преобразованиям, совершающимся в лоне магометанского общества, происходят беспрестанные перемены и в административной географии. Для бюрократов Алжирия делится на две половины—территорию гражданскую и территорию военную: в первой, заключающей в себе часть пространства Телля, управление находится в руках чиновников, подведомственных министерству внутренних дел, тогда как во второй все начальство состоит из военных. С одной стороны, в административных делах следуют той же рутине, как во Франции; с другой—в управлении туземными племенами преобладают военные порядки. Даже имя территориальных делений не одинаково. В территории, имеющей гражданское управление, три главные деления Алжирии: Константина, Алжир, Оран, называются «департаментами», подобно новым административным делениям Франции: в территории с военным управлением сохранено прежнее наименование провинций.

Так же, как в метрополии, департамент делится на округи (arrondissements), управляемые подпрефектами; округи, в свою очередь, подразделяются на уезды или дистрикты, а эти последние—на общины, которые по большей части «полноправныя» («de plein exercice»), так как организация их почти такая же, как и французских общин. Смешанными общинами называются те, в которых большинство населения состоит из туземцев, европейские же поселенцы пока еще слишком малочисленны, чтобы могли составить самостоятельную общину. Высшее управление в смешанных общинах, менее многочисленных сравнительно с полноправными, вверено гражданскому администратору, который обязан уметь говорить по-арабски или по-кабильски. В военной территории административные деления тоже носят название «смешанных общин», но с той разницей, что там все жители, как европейцы, так и туземцы, подчинены военной власти, и местный воинский начальник исполняет там обязанности мера; помощник его по гражданской части заведует известными делами, разрешаемыми на основании обычных правил. Наконец, в военной территории существуют чисто «туземныя» общины, управляемые офицерами, и в состав которых входят дуары, ферки, племена, даже отдаленные один от другого города.

Территориальное деление Алжирии в 1895 г.:

1. Территории с гражданским управлением: 17 округов, подразделяющихся на 256 полноправных общин (communes de plein exercice, т.е. управляемых по муниципальному закону метрополии, видоизмененному сообразно местным условиям) и 73 смешанных общин (communes mixtes, т.е. управляемых администратором), общее пространство которых 12.858.743 гектара. 2. Территории под военным управлением: 6 общин смешанных и 12 общин туземных, общее пространство—35.024.801 гектаров.

Из всех общин Алжирии самая малая по пространству, Алжир, имеет наиболее многочисленное население; она обнимает всего только 481 гектар, т.е. менее 5 квадр. километров, тогда как протяжение большинства других общин измеряется тысячами, а протяжение туземных общин миллионами гектаров; вообще говоря, пространство административных делений тем значительнее, чем меньше их населенность. Список полноправных общин постепенно увеличивается, так сказать, путем «почкования», потому что отделы требуют для себя муниципального устройства, как только почувствуют себя достаточно сильными, чтобы существовать самостоятельной жизнью. Равным образом многие из смешанных общин распадаются на округа меньшего протяжения; некоторые из туземных «общин» имеют громадные размеры, как, например, община Гардайя, обнимающая весь Мзаб, Метлили, территорию племен шанба, и общее протяжение которой определяют в 66.549 квадр. километров. Почти вдвое обширнее туземная «община» Бискра, простирающаяся от Эль-Кантара до Тугурта и Темассина, на протяжении 250 километров по меридиану, и которая обнимает пространство, исчисляемое приблизительно в 111.844 квадр. километр., то-есть почти равное площади всего Тунисского регентства.

В европейских общинах муниципальные советы выбираются французскими гражданами, иностранцы же участвуют в выборах лишь в ничтожной пропорции: когда число их превышает сто, они имеют право представительства в общине. Туземные резиденты (постоянные

жители), достигшие 25-летнего возраста, должностные лица, владельцы недвижимого имущества или промышленники, взявшие установленные патенты, лица, имеющие знаки отличия или находящиеся в отставке, тоже могут требовать внесения их в муниципальные списки и выбирать мусульманских советников, которые принимают участие во всех совещаниях, наравне с французскими советниками, но число которых не должно превышать трети общего числа членов совета, и которые по какой-то странной аномалии не имеют права голоса в назначении меров и их помощников; туземные помощники мера (adjoints) в полноправных общинах всегда назначаются администрацией и могут быт определяемы из числа лиц, не входящих в состав муниципального совета и даже не принадлежащих к общине.

Число муниципальных избирателей в Алжирском департаменте в 1884 г.:

Французов: 20.686; магометан: 18.046.

Каждый департамент Алжирии представлен в парламенте метрополии двумя депутатами и одним сенатором, выбираемыми согласно избирательным законам Франции; число голосов на выборах парламентских представителей, приходящееся на каждого избираемого депутата или сенатора, в колонии пропорционально меньше, чем в метрополии.

Число политических избирателей (т.е. избирающих представителей в палату депутатов и в сенат) в трех алжирских департаментах:

	В 1881 г.	В 1885 г.	Подававших голос
Алжир	19.208	22.338	14.985
Константина	13.882	17.478	11.700
Оран	16.144	18.521	11.876
Итого	49.234	58.337	38.561

Каждый департамент Алжирии имеет свой генеральный совет, избираемый тем же порядком, как генеральные советы французских департаментов, и который тоже занимается большею частию дел, относящихся к путям сообщения и общественным зданиям, к народному образованию и финансам общин; так же как во Франции, эти советы собираются дважды в год. Генеральные советы посылают восемнадцать своих членов, по шести из каждого департамента, в высший совет Алжирии, в состав которого входят, кроме того, три префекта, три генерала, командующих дивизиями, и двенадцать членов совета главного управления, состоящего при генерал-губернаторе. Это собрание, составленное на половину из чиновников, назначаемых правительством, и на половину из граждан, выбираемых из своей среды генеральными советами, собирается раз в год на сессию, продолжающуюся около двадцати дней. Оно установляет бюджет и делает раскладку налогов.

Бюджет Алжирии 1897 г., без издержек на содержание войска: приход—53.802.194 фр., расходы—71.008.728 франк. Бюджет общин в 1895 г.: обыкновенные доходы—24.375.569 фр., расходы—21.445.890 фр.

В 1822 г. бюджет Алжирского регентства равнялся 2.174.000 фр., по Вильяму Шалеру.

Доходы, получаемые от морских сборов, делятся между алжирскими общинами пропорционально их населению, при чем, однако, арабы и даже натурализованные евреи считаются индивидуально лишь за одну восьмую: «восемь израильтян или арабов,—все равно что один европеец». Впрочем, налоги всякого рода, платимые европейцами, представляют сумму гораздо более значительную, чем подати, собираемые с туземцев, вшестеро более многочисленных. Арабские налоги падают непосредственно на продукт: только земли, засеянные пшеницей или ячменем, платят *ашур*, земли же необрабатываемые освобождены от всякого налога; другая главная подать, *зеккат*, взимается с каждой головы скота.

Религия—вот что всего более разделяет жителей Алжирии и препятствует им соединиться в одну нацию. Правительство, однако, сделало, хотя и безуспешно, попытку офранцузить, так сказать, мусульманский культ. До завоевания туземцы не имели никакой оффициальной духовной иерархии, но одною из первых забот французов было ввести в крае соединение церкви и государства. На другой же день после взятия Алжира завоеватели велели из-

менить текст молитвы, произносимой имамами в мечетях за главу государства: теперь имамы молятся за «благополучное правление Франции». Прежде гражданская власть никогда не вмешивалась в выбор служителей алтаря; ныне муфтии, имамы и некоторые подчиненные духовные лица назначаются губернаторами из числа книжников, преданных французам; за исключением городов, где есть муфтий, каждый имам совершенно независим от членов духовенства и подчинен только гражданской власти. Администрация не только вмешивается в религиозные дела магометан назначением их священников, но она, кроме того, нарушает постоянный обычай всех мусульманских обществ, по которому запрещено совершать молитвы и поучать Корану «за плату». Правда, что плата эта, даваемая в виде жалованья, очень невелика, и что она оправдывается конфискацией вакуфов, взятых в казну, которая взамен этого приняла на себя заботу о доставлении средств на покрытие расходов, необходимых для потребностей культа; но строгие мусульмане, тем не менее, мало уважают священников, состоящих на жалованье у правительства; французским имамам они предпочитают независимых марабутов, которые совершают молитвы перед гробницами святых, или шорфов, принадлежащих к духовным орденам и продолжающих собою «цепь» вероучителей, начиная с пророка[1].

Расходы различных исповеданий в Алжирии в 1880 г., по Гастю и Ринну:

7.500 протестантов, бюджет 83.100 франк., или 11 фран. 08 сант. на каждого. 310.000 католиков, бюджет 920.000 франк., или 2 фран. 93 сант. на каждого. 35.665 евреев, бюджет 26.100 франк., или 0 фран. 73 сант. на каждого. 2.842.497 магометан, бюджет 216.340 франк., или 0 фран. 08 сант. на каждого.

Марабуты (маработ), хотя не имеющие оффициальной связи с французским правительством, тем не менее мало опасны для нового режима. Принадлежа по большей части к старинным фамилиям, родословная которых восходит очень далеко в прошлые времена, привыкши жить податями или милостынями, которые им приносят регулярно верующие; имея пребывание всегда подле святых мест,—марабуты хорошо известны французским властям и имеют прямую выгоду жить с ними в ладу. Есть даже не мало марабутов, которые принимают должности на службе правительства, соглашаются быть назначенными в аги или каиды, или даже добиваются почетных званий и знаков отличия. Между «марабутскими» родами или племенами только одно, именно улад-сиди-шейх, в последнем его поколении, было почти всегда враждебно Франции. Это племя, живущее очень далеко от побережья, в южной Орании, естественно, должно было с величайшим неудовольствием видеть приближение завоевателей, которым нужно уступить политическую власть и взимание податей. Но, взятые в массе, марабуты представляют собою консервативный элемент в религии и, следовательно, имеют прямую выгоду опираться на гражданскую власть, чтобы препятствовать распространению духовных орденов, которые отнимают у них влияние и уменьшают их доходы: они смотрят на независимые религиозные общества так же недружелюбно, как некогда в католической церкви белое духовенство смотрело на черное. Луи Ринн в своей книге приводит много случаев, когда марабуты не принимали в свои школы студентов, принадлежащих к какому-нибудь религиозному ордену.

Эти ордена, которые почти все возникли в Марокко и которые поддерживают сношения с местом своего происхождения через Тлемсен и Лалла-Магниа, очень многочисленны во французской Африке, и сила их возрасла именно благодаря милостям, которые правительство распространило на имамов и марабутов. Древнейшим и вместе с тем наиболее благотворительным считается орден, основанный Сиди Абдель-Какером-эль-Джелани, из Багдада: его зауйи (монастыри) рассеяны от Малайского архипелага до берегов Марокко. Тиджании, главные зауйи которых находятся в Аин-Махди и Темассине, до недавнего времени были самым могущественным религиозным братством, и хуаны их распространены до берегов Сенегала; но в последние годы влияние их уменьшилось в пользу сенусиев и других орденов. Не подлежит сомнению, что со времени завоевания страны французами число *хуанов*—имя, со-

1 Louis Rinn, „Marabouts et Kheuan, Etade sur l'islam en Algerie".

ответствующее факиру на азиатском Востоке и дервишу в Турции,—значительно увеличилось. Иначе и быть не могло: во всякой стране, где люди лишены или политической свободы, или национальной независимости, они стараются создать себе, по крайней мере, такую область, куда бы не проникал чужеземец; они замыкаются в своих религиозных идеях, чтобы поддерживать между собою ненависть к неверному, и иногда, в припадках религиозной горячки, вступают на путь открытого восстания. Два ордена, часто подвергавшиеся преследованию со стороны правительства за то, что они поставляли всего больше бойцов в ряды инсургентов, орден рахмания в Кабилии и орден шаделиа-деркауа в разных провинциях,—особенно быстро распространились с тех пор, как вся территория Алжирии была занята французскими войсками. Невозможно с точностью узнать истинную силу орденов, так как военный надзор сделал из этих религиозных братств общества частию тайные. Однако, неоднократно делались попытки составить статистику этой братии: по Ринну, численность её, в 1881 г., простиралась до 170.000 человек, из которых более половины, именно около 96.000 человек, приходится на долю ордена рахмания. Все эти хуаны, сгруппированные вокруг 355 зауйя, имеют около 2.000 мкаддем (старшин), под начальством десятков двух шейхов. Вообще около одной пятой туземцев входят в состав той или другой из шестнадцати главных духовных ассоциаций Алжирии; много кабильских женщин тоже принадлежат к религиозным обществам, в качестве «сестер»[1]. Существуют также и другие братства, присвоивающие себе внешния формы духовного товарищества, но которые в действительности не что иное, как странствующие корпорация: певцы, танцовщики, очаровители змей, акробаты и гадальщики.

На первый взгляд может показаться, что религиозная организация значительной части мусульманских подданных составляет весьма серьезную опасность для французского господства: многие публицисты видят в духовных орденах своего рода общества заговорщиков, соединенных единством веры, также как общей ненавистью к иноплеменному и иноверному властителю; говорят, что по вечерам в мавританских кофейнях, когда кончат рассказывать забавные истории и декламировать стихи, хуаны собираются в кучки и передают друг другу в полголоса пророчества, возвещающие скорое пришествие Муль-эль-Саа, «Господина Часа»; они говорят между собой о том желанном дне, когда мусульманская почва будет очищена от присутствия ненавистных руми, и стараются взаимно поддерживать и разжигать ненависть к чужеземцу. Без сомнения, подобные тайные сходбища, враждебные французскому господству, часто бывают, но религиозным орденам недостает необходимого единства, чтобы привести в исполнение заговоры. Правда, что различные *триги* исповедуют чистейший правоверный ислам и отличаются одна от другой только молитвенными формулами, жестами, порядком коленопреклонений и качаний тела: правда и то, что члены каждого духовного общества связаны взаимно строжайшими обязанностями братства; но отдельные группы еще далеки от сознания солидарности между собой; каждый орден распадается даже на частные союзы, не имеющие между собой ничего общего, кроме духовного устава, отличающиеся один от другого только личными интересами шейхов и мкаддемов. Большинство последних, подобно марабутам, заботятся главным образом об увеличении своего богатства и влияния: они не лгут, читая уставы ордена, воспрещающие им всякие политические заговоры, и стараются приобрести благосклонность установленной власти; иногда даже духовные начальники дают христианам охранные грамоты, «дипломы на звание почетного члена», обеспечивающие им, как истинным братьям, поддержку общины. Редко случалось, чтобы восстания были вызваны религиозными мотивами, и никогда ордена не бросались в целом составе в «священную войну»; все хуаны, повидимому, помнят правило суфизма, запрещающее им «подвергать свою жизнь опасности в непосильных предприятиях». «Бойся французов! Страх перед французами есть страх Божий!» говорил один духовный шейх своим ученикам в оазисе Хенга[2]. Этот недостаток воинственной энергии вполне понятен у людей, которые, так ска-

1 N. Bihesco, „Revue de Deux Mondes“, tome LVI, 1865;—L. Rinn, цитированное сочинение.

2 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

зать, перестают принадлежать самим себе: как бы ни была велика их ненависть к иноземному завоевателю, но у них нет никакой инициативы, чтобы бороться с ним. Обязанные слепо повиноваться своим начальникам, «как самому Богу», не смеющие рассуждать, «ибо умствование может ввести в заблуждение», не имеющие иного честолюбия, кроме желания сообщить своим членам, голосу, взгляду механизм, предписанный ритуалом, фанатические хуаны постепенно превращаются в настоящих мономанов, неспособных понимать и хотеть[1]; при сотворении некоторых молитв, по требованию ритуала, обязательно наклонить голову на правую сторону, произнося звук *хи*, затем в левую сторону, говоря *ху*, и наконец—вперед, говоря *ха*: без этих движений головы и возгласов молитва была бы недействительна[2]. История Алжирии доказывает, что когда восстания приобрели действительную важность, то это было не среди этих отупевших декламаторов стихов Корана, но в мужественных племенах, сохранивших полное сознание своей политической жизни.

Французское правительство пыталось опереться на ислам, назначив от казны жалованье магометанскому духовенству, но до сих пор оно сделало очень мало для сближения туземцев с французами путем образования. Франко-арабские школы, открытые специально для детей туземцев, немногочисленны, и по большей части очень плохо содержатся; специально-европейские училища открыты, правда, мусульманским мальчикам, и несколько сот их пользуются обучением в этих училищах, но число посещающих школы ничтожно для четырехмиллионного населения. Что касается зауйя, на которые иногда указывают как на настоящие школы, то они не заслуживают такого названия, ибо в этих местах духовной декламации, которых насчитывают около тысячи во всей Алжирии, дети, в числе около 30.000, учатся почти только чтению стихов Корана. Девочки редко допускаются в монастырские школы; также и в училища, основанные французами, они поступают лишь в исключительных случаях. Да иначе и быть не может, пока существуют нравы, обязывающие молодых магометанок обручаться и выходить замуж в таком возрасте, когда европеянки еще играют в куклы: обреченные заранее на затворничество, как их матери, молодые мавританки не имеют надобности в образовании, которое им предлагают[3]. Те, которые были, тем не менее, воспитаны на французский манер, не могли помириться с судьбой, приготовленной им в семье (туземных молодых девушек, получающих некоторое образование, в 1877 г., по П. Блану, было 103); большинство их вышло из своего сословия, чтобы избегнуть тяжелого устава, налагаемого на женщин их нации: в мусульманских семействах на образование, даваемое девушкам, обыкновенно смотрят так, что оно должно роковым образом вести к распутству. Пока гарем не будет открыт, женщина не может пользоваться наравне с мужчиной правами свободного воспитания.

У кабилов образование более ценится, чем у арабов, как для мальчиков, так и для девочек. Все школы, основанные либо администраторами смешанных общин, либо университетом (т.е. министерством народного просвещения), либо конгреганистами, белым духовенством или иезуитами, и протестантскими миссионерами, усердно посещаются учащейся молодежью. Молодые люди стараются в своих путешествиях извлекать пользу из познаний, приобретенных ими на школьной скамье; молодые девушки, не обреченные на затворническую жизнь, как мавританки, могут учиться, не боясь навлечь на себя презрение в своей среде; напротив, образование только делает их в глазах соплеменников более достойными уважения. Все кабильские джемаа просят, чтобы открывали французские школы на их территории, и наперед дают согласие на введение у них бесплатного и обязательного обучения. У берберов сахарских оазисов школы тоже в большой чести, и во многих городах и деревнях, особенно в Бискре, все дети умеют говорить и писать по-французски: по своей франко-арабской школе, также как по большому числу посетителей, приезжающих туда, чтобы иметь право сказать, что они видели пустыню и её оазисы, этот передовой пост сахарских

1 E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.
2 Ernest Mercier, „L'Algerie et les questions algeriennes“.
3 L. Rinu, цитированное сочинение.

областей сделался одним из наиболее французских городов Алжирии. Результаты, полученные школами, весьма значительны, хотя рутина программ, принятых в европейской Франции, рабски применяется и во Франции африканской: кабильский ученик, пройдя курс учения, знает из географии только административные деления европейских государств, а из истории только имена королей династии Меровингов[1].

В общей сложности можно, без преувеличения, считать в миллион слишком число жителей, говорящих французским языком, либо как своим родным, либо как выученным. Что касается арабского языка, то как ни богата его литература в прошлых веках, но теперь он уже не соответствует, по крайней мере в Алжирии, развитию современной мысли: все магометане, которые, по своему образованию, принимают участие в движении науки или просто в общей жизни цивилизации, пользуются французским языком для выражения своих мыслей. За исключением оффициального вестника и нескольких изданий судебных и административных, алжирские станки печатают только европейские журналы и газеты, почти все французские: единственные арабские книги, которые там выходят в свет, это переводы, делаемые европейцами, или сочинения по истории, издаваемые учеными обществами. Вообще в Алжирии не обнаруживается никакого признака литературного обновления со времени полувековой французской оккупации; и если когда-либо начнется новая эволюция для арабского языка, то заслуга в этом отношении не может быть приписана самим арабам. Редкие туземные ученые заботятся главным образом о том, чтобы скрывать свои сокровища. Тысячи книг были увезены из страны ревнителями ислама, не захотевшими подчиниться господству неверных; даже в алжирских городах богатые книгохранилища остались закрытыми для французов[2].

В европейском обществе колонии образование, сравнительно, более распространено, чем в соответственных метрополиях: статистика браков и конскрипции показывает, что число неграмотных меньше в Алжирии, нежели в странах Европы, откуда пришли иммигранты.

Молодые люди, внесенные, в 1881 году, в рекрутские списки в Алжирии: французов—1.561, из них 185 неграмотных, или 11,2 проц. Евреев—403, из них 174 неграмотных, или 43,2 проц. Испанцев—401, из них 194 неграмотных, или 48,3 проц.

В настоящее время средняя получивших образование евреев немного меньше средней французов, что объясняется приниженным состоянием, в котором долго держали эту расу её мусульманские угнетатели; но, с другой стороны, из всех этнических элементов алжирского народонаселения евреи наиболее заботятся об образовании своих детей: в этом отношении они походят на своих единоверцев в Европе и в Тунисе. Правда, восемь их школ, называемых мидрахим, имеют существенно-религиозный характер, обучая детей только чтению Библии и еврейскому языку, но занятия в этих школах бывают не в те часы, когда открыты коммунальные учебные заведения, и большинство воспитанников мидрахимов посещают в то же время обыкновенные училища. Народное образование, на которое алжирские общины расходуют в среднем 17 процентов своих доходов[3], организовано по тому же образцу, как во Франции; здесь тоже существуют начальные школы, средние учебные заведения, лицеи, нормальные училища (учительские институты и семинарии), факультеты юридический, медицинский, наук и словесности. По закону 1883 г., всякая полноправная или смешанная алжирская община обязана содержать одну или несколько общественных начальных школ, открытых бесплатно детям европейцев или туземцев; женские училища должны быть учреждены во всех общинах, имеющих свыше 500 жителей. Жалованье персоналу учащих определено по штатам, установленным для преподавателей ведомства народного просвещения во Франции.

Статистика народного образования в Алжирии в 1894-95 г.:

Низших начальных школ—1.255, с 98.085 учащихся.

1 Paul Bert, „En Kabylie“.

2 Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1874.

3 Ernest Mercier, цитированное сочинение.

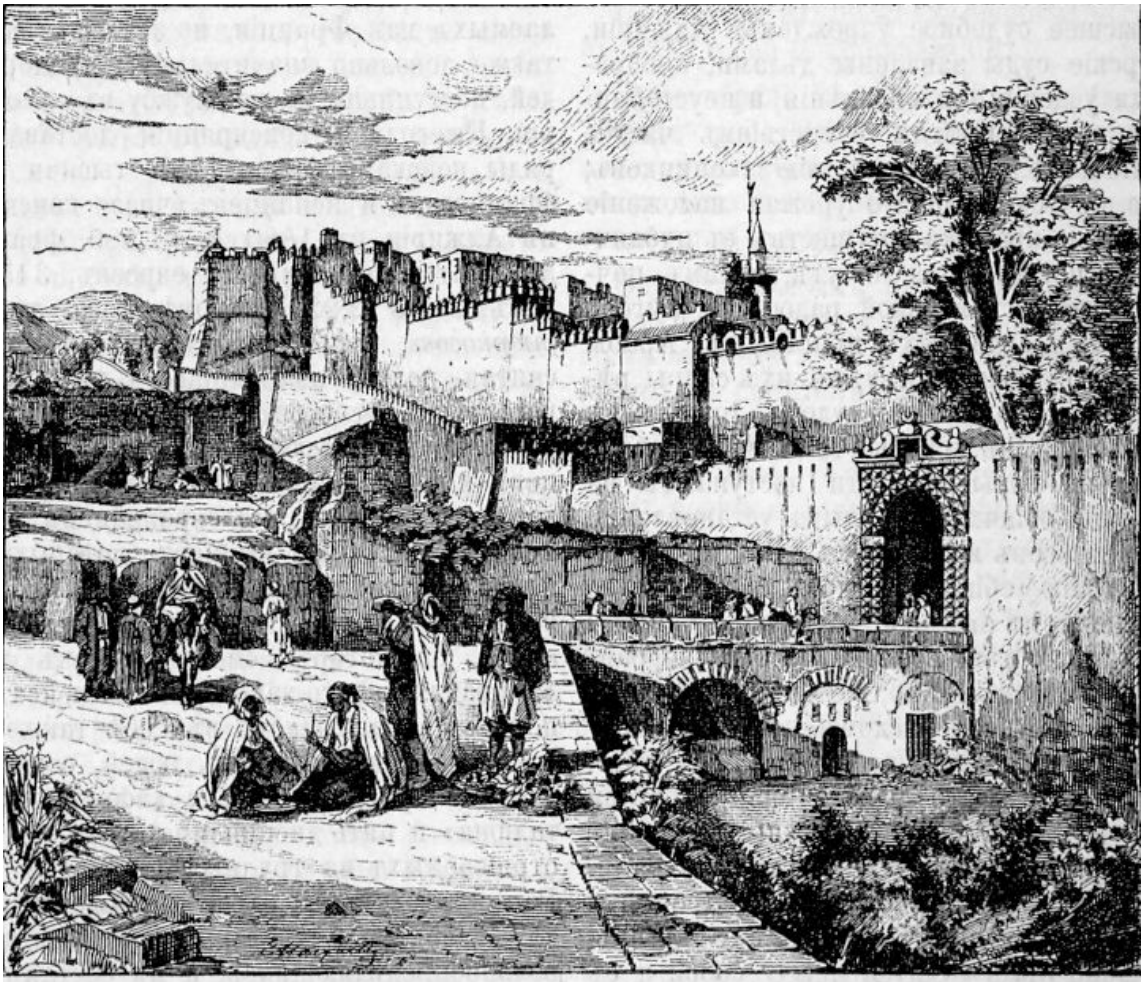
Число учащихся в низших начальных школах, по национальностям:

	Мальчиков	Девочек
Французов	21.169	20.761
Евреев	5.668	4.395
Иностранцев	16.685	12.953
Мусульман	17.260	1.299

Высшее начальное образование: 3 школы—2 для мальчиков и 1 для девочек, 7 дополнительных курсов для мальчиков и 6 для девочек,—во всех этих заведениях 520 учащихся.

Курсы для взрослых: 70, с 5.387 слушателей.

Средние учебные заведения: 4 лицея, с 2.048 воспитанниками, 7 коллежей, с 1.112 воспитанниками, кроме того, 2 духовных и 3 светских средних заведений; для молодых девушек —коллеж в Оране (170 воспитан.), курсы в Константине, Боне и Филипвиле (153, 120 и 65



Бабъ-Азунъ въ Алжирѣ.

воспитан.) и школа в Алжире (227 воспитан.).

Высшие учебные заведения;

Факультет медицинский (ecole de medecine et de pharmacie), с 159 студентами; факультет юридический (ecole de droit), с 168 студентами; факультет словесный (ecole de lettres), с 120 слушателями; факультет физико-математ. (ecole des Sciences), с 31 слушателем.

В силу капитуляции Алжира, французское правительство обязалось уважать туземные законы и обычаи и не препятствовать их применению; однако, невозможно было, чтобы французские судьи, назначенные в Алжирию, не пытались ограничить мало-по-малу компетенцию мусульманской магистратуры. Вскоре кади «с дырявыми руками», эти творители правосудия, обязанность которых, по местной поговорке, состояла в том, чтобы «объедать

племя»[1], и приговоры которых были безапелляционны (отменить приговор мог только бей, по ходатайству подсудимого, или сам кади, по получении более верных и обстоятельных данных), увидели над собой французские трибуналы, куда осужденные ими могли представить свое дело для нового разбирательства. Тем не менее, кади еще в 1843 г. приговаривали к смертной казни, и многие нелепости, освященные суеверием туземцев и комментариями к судебнику Сиди-Хелиля и к другим руководствам по законоведению, сохранились в судебных решениях: так, еще очень недавно мусульманские трибуналы торжественно санкционировали тот физиологический факт, неизвестный европейским медикам, что ребенок, прежде чем родиться, может спать в чреве матери в продолжение четырех лет[2]. Ныне кади (судьи), в числе около 150, и адели (заступающие место кади) составляют в каждом округе *махакму* или судебную палату, причисляемую к судам первой инстанции. Их юриспруденция, руководствуясь Кораном, должна согласоваться также с требованиями французского закона, и кади, могущий доказать достаточное знание французского языка, получает годовую премию, сверх обыкновенных гонораров. Образование, даваемое в алжирском медрэссе или школе правоведения, все более и более приближается к тому уровню, на котором оно стоит в заморских училищах этого рода; студенты сдают экзамены по французскому языку и законоведению и обязаны слушать по некоторым предметам лекции профессоров в высших учебных заведениях. Кроме того, мусульманское общество постепенно вводится в круг действия французской юстиции учреждением института мировых судей, к которым одинаково обращаются и европейцы, и туземцы, и компетенция которых очень обширна. Что касается джемаа, или народных собраний в кабильских деревнях, то они были упразднены, или по крайней мере власть их значительно ограничена: теперь мировые судьи, в числе около ста, и 17 судов первой инстанции, в которых заседают также мусульманские члены (по одному в каждом суде), предоставляют себе право истолкования арабской сунны или кабильских канунов. Ассизные суды существуют в четырех городах: Алжире, Оране, Константине и Боне; кроме того, в столице находится апелляционная палата, высшее судебное учреждение Алжирии.

Алжирские суды завалены делами; неопределенные условия землевладения и неустойчивость состояний имеют следствием частое обращение жителей к содействию законников; особенно в годы плохого урожая наложение запрещения и продажа имуществ с публичного торга повторяются то тут, то там, почти ежедневно, к великой радости и выгоде нотариусов и судебных приставов. Арабы склонны к сутяжничеству, но их споры решаются вообще коротким судом, тогда как споры колонистов, которые тоже очень любят судиться, по большей части поступают на рассмотрение общих судебных установлений. Число процессов и спорных дел, подлежащих ведению общих судов, доходит до 20.000 слишком ежегодно; а так как более половины этих дел возникают между французами, то, следовательно, у этих последних приходится, средним числом, по одному делу на каждые двадцать человек; кроме того, на долю французского населения приходится половина из 60.000 менее важных споров и исков, разбираемых мировыми судьями. Иностранцы, среди которых собственники менее многочисленны, чем среди французов, сравнительно реже судятся между собой и с жителями других национальностей.

Процентное отношение тяжб по национальности сторон в 1883 г.:

Между французами—512 из 1.000; между другими европейцами—48 из 1.000; между мусульманами—112 из 1.000; смешанных дел—328 из 1.000.

В уголовных делах приговоры часто отличаются большей строгостью, чем во Франции, что, может-быть, зависит от влияния военной традиции.

Решения алжирских уголовных судов, в 1883 г., по роду наказаний, к которым приговорены обвиняемые:

Смертная казнь (5 приговоров приведены в исполнение)—49; каторжные работы на срок

1 A. Fumei, „Des races indigenes de l'Algerie".

2 Ch. Roussel „Revue des Deux Mondes", 1 aout 1876.

или без срока—255; тюремное заключение—20.059; денежный штраф—53.347; оправдательных приговоров—5.625.

Принимая во внимание относительную численность различных национальностей, оказывается, что наибольший процент караемых правосудием составляют евреи, за которыми следуют французы.

Число заключенных, содержавшихся в тюрьмах гражданского ведомства к 1 января 1883 г.:

Французов—564, или 12%; других европейцев—284, или 6%; евреев—80, или 2%; магометан—3.543, или 80%.

«Африканская» армия, образующая девятнадцатый корпус, состоит главным образом из солдат всякого рода оружия, посылаемых из Франции, но заключает в себе также довольно значительную пропорцию людей, поступивших на службу в самой Алжирии. Ежегодная конскрипция доставляет в ряды войска слишком две тысячи сыновей французов и испанцев (число конскриптов в Алжирии в 1880 г.: 1.589 французов, 393 натурализованных евреев, 345 испанцев, всего 2.227); кроме того, три полка *тюркосов*, или алжирских стрелков,—не считая полка, находящагося в Тунисском регентстве,—состоят из туземных волонтеров, почти исключительно кабилов, сахарцев и бискрийцев. Два полка иностранного легиона составлены из европейцев: швейцарцев, бельгийцев, немцев, которых нужда или желание попытать счастья на чужбине привели в африканскую колонию. Алжирская армия, на которую смотрят как на род «исправительного заведения для войск метрополии»[1], заключает в себе также особые части, составленные из людей, осужденных военной юрисдикцией: три «африканских баталиона» и пять дисциплинарных рот, часто отряжаемых на трудные и опасные службы. В состав пехоты входят также четыре полка зуавов, в которые поступает много вольноопределяющихся, а в состав кавалерии—три полка спаги и четыре полка африканских егерей (chasseurs d'Afrique). Жандармерия, в числе около тысячи человек, тоже составляет часть войска. Наконец, к составу армии следует причислить также арабские *гумы*, то-есть контингенты наездников, которые начальники племен обязаны, по первому требованию, присылать командующим отдельными частями генералам для разведочной службы и для внезапных нападений на неприятеля. Гумы должны сами запасаться продовольствием и лагерными принадлежностями: но эти наездники довольствуются очень малым запасом провизии: небольшое количество пшеничной муки, мешок фиников хватают им на несколько дней.

Общая численность войск в Алжирии—около 55.000 человек.

Старые укрепления арабов и турок сохранились лишь в очень немногих местах; касбы почти во всех укрепленных городах срыты или переделаны до такой степени, что невозможно узнать их первоначальной формы: теперь это просто казармы. Четыреугольные бастионы крепостных стен, с их стройными угловыми башенками, массивные ворота с опускными решетками и крюками, на которых вывешивались головы казненных, оставили после себя только имя, как, например, ворота Баб-Азун, которых не могла открыть армия Карла V. Даже оплоты, воздвигнутые Абдель-Кадером во время его эфемерного царствования, были разрушены: теперь не легко отыскать близ Тиарета развалины Тагдемта, центральной твердыни его царства. Даже укрепления, построенные французами в первые годы оккупации, сделались бесполезными или стеснительными во многих городах. Многие крепости пришлось упразднить; город Алжир хлопочет о том, чтобы нынешняя ограда была заменена линией отдельных фортов на вершинах Сахеля. На покатости, обращенной к Сахаре, где нечего опасаться нападений со стороны европейских армий, военные посты, как Бискра и Лагуат, суть не что иное, как укрепленные казармы, или бывшие касбы, приспособленные к потребностям французского гарнизона. Сахарцы—естественные союзники европейцев против арабов, жителей плоских возвышенностей и степей южной покатости. На плоскогорьях крепости были бы бесполезны. Если что нужно в тех местах, так это колесные дороги, кото-

1 Camille, „Revue des Deux Mondes", mars 1855.

рые позволили бы обгонять самых быстрых на бегу номадов и не давать им соединяться в большие скопища. С того момента, когда пал Тагдемт, главная твердыня Абдель-Кадера, и когда французы проложили дороги к высоким плато, в обход горных массивов прибрежья,— завоевание Алжирии можно было считать совершившимся фактом, окончательное занятие страны было уже делом времени.

Границы военных округов совпадают с границами департаментов Алжирского, Орано-го и Константинского, но есть некоторая разница между подразделениями военными и административными.

Военные округа	Подразделения	Военные округа	Подразделения
Алжирский	Алжир	Оранский	Оран
	Омаль		Маската
	Медеа		Тлемсен
	Орлеансвиль	Константинский	Константина
	Деллис		Бона
			Батна
			Сетиф

В каждом военном округе учреждены два военных совета, которые судят лиц, принадлежащих к армии, и жителей территорий, состоящих под военным управлением, за преступления и проступки. Наказания, назначаемые обвиненным, вообще очень строги, и военные тюрьмы всегда переполнены несчастными, заключенными по приговорам военных судов. Кроме того, существуют дисциплинарные комиссии, разбирательству которых подлежат маловажные провинности, и которые признанных виновными туземцев приговаривают к денежному штрафу или к заключению в земледельческие исправительные колонии (пенитенциарии).

Приговоры алжирских военных советов в 1882 г., по роду наказаний:

Приговорено к смертной казни (исполнен 1 приговор)—36; приговорено к каторжным или «публичным» работам—246; приговорено к ссылке—5; приговорено к тюремному заключению и другим наказаниям—1.221.

Оправдательных приговоров—360; военных, осужденных дисциплинарными комиссиями в 1882 г.—3.309; туземцев, содержащихся в пенитенциариях—140.

Так называемые «арабские конторы» (bureaux arabes), состоявшие прежде под ведением военной администрации, теперь подчинены непосредственно генерал-губернатору: в них сосредоточены дела, касающиеся туземного населения. До недавнего времени военная власть распространялась на все случаи социальной жизни. Капитан санкционировал браки и разводы, принимал акты о рождении и смерти для записи в метрические книги, сочинял, в случае надобности, проекты духовных завещаний: он единолично составлял трибунал, на решения которого не допускалось никакой апелляции.

В нижеследующей таблице показаны административные деления и подразделения Алжирии, с именами центров управления, имеющих свыше 1.000 жителей.

Департаменты	Округа (arrondissements)	Общины
Константинский 7 округов 66 полноправных общин 32 смешанных общины 7 туземных общин	Бона	Бона, Ла-Калле
	Бужи	Бужи, Джиджелли
	Батна	Батна, Бискра
	Константина	Константина, Мила, Тебесса, Конде-Сменду
	Гельма	Гельма, Сук-Ахрас
	Филипвиль	Филипвиль, Стора, Жеманн, Колло
	Сетиф	Сетиф, Бордж, Бу-Арреридж, Сент-Арно
Алжирский 5 округов 82 полноправных общины 29 смешанных общин 4 туземных общины	Алжирский	Алжир, Мустафа, Сент-Эжен, Блида, Буфарик, Шершель, Колеа, Менервиль, Мезон-Карре, Гуссейн-Бей, Дуэра, Маренго, Омаль, Арба
	Медейский	Медеа, Богари
	Милианский	Милиана, Тениэт-эль-Гад, Аффревиль
	Орлеансвильский	Орлеансвиль, Тенес

	Тизи-Узунский	Тизи-Узу, Деллис
	Маскарский	Маскара, Френда
	Мостанагемский	Мостанагем, Релизана
Оранский 63 полноправных общины 22 смешанных общины 3 туземных общины	Оранский	Оран, Сен-Дени на Сиге, Анн-Темушент, Сент-Ле, Арзе, Тиарет, Сен-Клу, Перриго, Мерс-эль-Кебир, Миссергин, Сен-Барб-дю-Тлелат
	Сиди-бель-аббеский	Сиди-Бель-Аббес, Тессала
	Тлемсенский	Тлемсен, Недрома, Немур

Управления туземными делами

Дирекции	Подразделения	Округи и приписанные к ним общины
Константинская	Тебесса	
	Батна	Батна, Бискра, Хеншела, Барика
	Бона	
	Мсила	Ла-Калле, Сук-Ахрас
	Сетиф	
Алжирская	Омаль	Омаль, Бу-Сада
	Медеа	Богар, Джельфа, Лагуат, Гардайя, Шеллала
Оранская	Дайя	
	Маскара	Маскара, Аин-Шерфа, Жеривиль, Тиарет, Санда, Афлу
	Тлемсен	Лалла-Магниа, Себду

Глава IV Марокко

I.

Имя «Марокко», даваемое европейцами треугольной области Берберии, ограниченной на северо-востоке, у Средиземного моря, уэдом Аджеруд или Кис, на юго-западе, у Атлантического океана, уэдом Нун, не имеет того же значения в языке туземцев. По их понятию, Марокко или страна Марракеш (Марруэкос по-испански) есть лишь одно из трех государств, подвластных султану-шерифу. На севере—королевство Фец, на юго-востоке—оазис Тафилельт дополняют его империю; кроме того, пространство, означаемое на наших картах названием Марокко, заключает в себе обширные территории, занятые многочисленными независимыми племенами. Жители этой страны не имеют общего термина для обозначения её во всей совокупности[1]. Общее наименование для их отечества, без точного определения границ, есть Магреб-эль-Акса, то-есть «Крайний Запад».

Несмотря, однако, на неопределенность названия, эта область западной Берберии составляет географическое целое. Высокие цепи Дерена, его параллельные складки, предгорья и долины, разрезывающие горный массив, расширяясь в равнины с одной стороны к морю, с другой—к пустыне, придают характер единства всей северо-западной части африканского континента, заключающейся между Алжирией и низменностями приморской Сахары. При том, если в Марокко не существует политической связи, то общая религия и молитва за его «шерифское величество» дают жителям некоторую солидарность против чужеземцев, а соперничество между европейскими державами, особенно между Францией, Испанией и Англией, способствует установлению для совокупности земель, обозначаемых термином Марокко, некоторого рода коллективной личности, отдельной от остальных стран Африки. В условных пределах, начертанных дипломатией для Магреба-эль-Акса, пространство, ограниченное на юго-западе прямой линией, проходящей в пустыне от оазиса Фигиг до устья уэда Драа, может быть исчисляемо в 500.000 квадр. километров. Что касается народонаселения,

1 Jules Erckman, „Le Maroc moderne“

то, за отсутствием всякой статистики, даже приблизительной, цифру его определить невозможно. Сравнивая эту страну с Алжирией и Тунисом, от которых она мало отличается как по климатическим и почвенным условиям, так и по племенному составу населения; принимая также во внимание тот факт, что Марокко имеет большие и многолюдные оазисы, и что он с давних пор не испытывал бедствий войны,—можно допустить, как вероятное, число жителей от восьми до девяти миллионов[2]. Крайния исчисления—2.750.000 душ по Клёдену, 15 миллионов по Джаксону.

Марокко еще не был пройден на всем его протяжении европейскими путешественниками. В течение трех столетий появлявшиеся описания этой страны были не более, как перепечатка или пересказ сочинения, написанного арабским ренегатом Львом Африканцем. Книга Мармоля была первой такой перепечаткой: это простой плагиат, к которому примешано несколько личных воспоминаний и заимствований из Птоломея. Миссионеры, посылаемые для выкупа пленников, люди, спасшиеся от кораблекрушения и просившие о возвращении их в отечество, несколько дипломатов, ездивших, в сопровождении большого кортежа, ко двору султана-шерифа,—вот единственные европейцы, проникавшие, до конца прошлого столетия, внутрь Марокко. Но уже в 1789 году медик Ламприер, приглашенный императором «Крайнего Запада», объехал его владения. В начале текущего столетия испанец Али-бей также мог свободно разъезжать по Марокко, благодаря исповедуемой им вере, и с этой эпохи очень много других путешественников проследовали по дорогам края, между Тангером, Фецом, Мекнесом и Рбатом, между Марокко, южной столицей и Могадором. Но если дороги территории, непосредственно подвластной шерифу, уже пройдены иностранцами, то из независимых территорий еще очень немногие были посещены европейскими исследователями.

Сеть часто проходимых путешественниками маршрутов указывает довольно точно границы, отделяющие блед-эль-махзен, т.е. «страну с рекрутским набором», от блед-эс-сиба, т.е. совокупности областей, племена которых отказываются и от платежа податей, и от исполнения воинской повинности. В территории блед-эль-махзен европейцы путешествуют совершенно безопасно, не имея надобности скрывать свое происхождение, так как везде пользуются защитой со стороны правительственных властей; но они не могли бы, иначе как переряженные, проникнуть в местности, населенные независимыми племенами, а эти местности занимают почти пять шестых страны, обозначаемой на географических картах под именем Марокко: обитатели областей блед-эс-сиба держатся того мнения, и не без основания, что всякое исследование их территории христианскими путешественниками только облегчит завоевание войскам, которые рано или поздно не преминут воспользоваться дорогами, проложенными их мирными предтечами. К числу местностей, куда почти еще не заглядывали европейские путешественники, принадлежит и область Риф, мимо берегов которой ежегодно проходят тысячи кораблей, держащих курс на восток от Гибралтарского пролива. Даже на прямой линии между Фецом и Марокко многие гористые пространства известны только по рассказам туземцев. Наконец, Атлас, Анти-Атлас и вся покатость пустыни, до маршрутов французских колонн на границах Алжирии, были пока еще пройдены только двумя или тремя путешественниками: путь, пройденный экспедицией Калье, известен лишь приблизительно; Рольфс обогнул на севере главную цепь Атласа, а Ленц пересек ее только на южной её оконечности. Фуко (Foucauld), переодетый евреем, совершил гораздо более полное путешествие во внутреннем Марокко; он перешел Атлас на многих пунктах, первый обследовал цепь Бани, определил астрономически положение сорока слишком мест и вывез три тысячи цифр, относящихся к измерению высот. Но детальная сеть пройденных им путей, составленные им специальные карты и изложение его исследований еще не опубликованы. Крайне важно, чтобы эти документы были изданы в свет, так как ни одно путешествие не сделало столько для ознакомления нас с этой таинственной страной, которую испанцы и португальцы уже четыреста слишком лет тому назад пытались присоединить к европейскому полити-

2 Oscar Lenz, „Timbuktu“.

ческому миру.

В пределах Марокко система Атласа достигает наибольшей своей высоты. Главная цепь протянулась с юго-запада на северо-восток, как раз по оси северо-западной Африки, от мыса Бланко через мыс Бохадор до мыса Алжирского; вся береговая полоса Марокко, между устьем уэда Сус и устьем Молуйи, лежит, так сказать, вне материковой массы Африки, доминируемая массивами, которые принадлежат уже к промежуточному поясу, перерезанному Гибралтарским проливом. Хотя в целом довольно правильная, цепь эта, однако, не совсем прямолинейна; она слегка выгнута, образуя род дуги, обращенной выпуклостью к Сахаре: кроме того, хребет, изрытый с той и другой стороны движением древних ледников и размывающим действием вод, описывает многочисленные извилины. Общую длину его, не считая примыкающих к нему цепей, продолжающих в Алжирии атласскую систему, определяют в 600 километров, от мыса Гер, к северу от уэда Сус, до джебеля Айашин, составляющего на северо-востоке главную ветвь Атласа. У марокканцев нет общего имени для всей цепи; но западную часть они называют Идрарен, «Горы», или даже Идрарен-Дерен (Адрар н'Дерен, по Фуко), что, кажется, есть лишь повторение того же имени. Слово дерен, очевидно, то же самое, что и слово Дирис или Дирин, известное Страбону.

Джебель Айашин (Айаши), начинающий собою, на северо-востоке, главную цепь Атласа, есть, повидимому, один из высочайших массивов Марокко: по свидетельству Рольфса и Фуко, единственных новейших исследователей, сообщивших описание этой части Атласа (Рене Калье только мельком упоминает об этой части своего путешествия), вершины Айашина отличаются от окружающих гребней белизной своих куполов и шпицев: Рольфс говорит даже, как говорил некогда римский полководец Светоний Паулин, что эти горы покрыты «вечным снегом»; но этот путешественник проходил через те местности в половине мая, а туземцы, которых он расспрашивал, рассказывали, может-быть, о снегах, которые держатся в трещинах и оврагах, куда не проникают солнечные лучи. Как бы то ни было, Айашин, называемый также джебель Магран, достигает, вероятно, 3.500 метров, уступая по высоте лишь очень немногим вершинам в этом хребте Атласа, который арабский писатель Эль-Бекри называл «величайшей горой во всем свете». Разрезанный долинами потоков, направляющихся в разные стороны,—на западе Ум-эр-Рбиа, на северо-западе Себу, на северо-востоке Молуйа, на юго-востоке уэд Герс, на юге уэд Драа,—высокий массив, состоящий главным образом из песчаников и сланцев, выделяет из себя боковые отроги, составляющие водораздельные возвышенности между расходящимися речными бассейнами. На западе тянется хребет Аит-Ахиа, продолжающийся цепью Айан и каменистыми предгорьями, которые господствуют над равнинами Феца. На северо-востоке, одно из разветвлений Айана, джебель Тамаракуит, следует нормальному направлению атлантической системы; одну из его впадин наполняет живописное озеро Сиди-Али Мохаммед, в чистых водах которого отражается круг лесов, покрывающих его берега; арабы называют это альпийское озеро «дайя», то-есть тем же именем, как и лужи периодически высыхающие, которыми усеяны высокие плато Алжирии. На северо-востоке продолжение Тамаракуита составляет хребет, прерываемый долиной реки Молуйи, затем долиной уэда Шарф, и оканчивающийся в Алжирии Тлемсенскими горами; во многих местах эта возвышенность принимает форму широкого плоскогорья. Столь богатый боковыми отрогами, джебель Айашин, который можно сравнить с деревом, далеко раскинувшим свои ветви, тогда как главный ствол сломан,—быстро понижается и вдруг обрывается кручами джебеля Тернеит, громадного утеса, окруженного равнинами, над которыми он вздымается почти на 2.000 метров. Этот бастион, образующий северную оконечность могучей атлантической системы, представляет грандиозный вид[1]; особенно поразителен контраст между горами, совершенно закрывающими горизонт с западной стороны, и беспредельным пространством плоских возвышенностей, которые, вероятно, были выровнены действием вод и льдов, некогда спускавшихся с Атласа. Точно также и в Алжирии Тлемсенские

1 De Foucauld, рукописное сочинение.

горы оканчиваются над мароккским плоскогорьем величественными стенами Рас-Асфура[1].

К югу от джебеля Айашин, главная цепь, которую еще ни один европейский путешественник не переходил в этой части её протяжения, кажется, сохраняет высоту более 3.500 метр.: так, указывают, на юге от Сефру, брешь, называемую Тениет эль-Бакс, или «Проход, поросший буксом», близ которого находится «Туатская могила», где погребены двадцать-три жителя оазиса Туат, погибшие в снегу[2]. Фуко говорит, что на пространстве слишком 150 километров, к югу от проходов, огибающих северный склон Айашина, на дороге из Феца в Тафилельт, нет перевалов для движения караванов. Далее, к юго-западу, следуют одна за другой несколько брешей, через которые можно проникнуть из бассейна Ум-эр-Рбиа в бассейн уэда Драа. Главные бреши находятся в Тизи н'Глауи, широком понижении между двух массивов цепи, на востоке—джебель Аниемера, на западе—джебель Тидили, покрытого снегом. Три прохода в Тизи н'Глауи доступны круглый год; но зимой там часто падает такой обильный снег, что путешественники должны останавливаться в ближайших к перевалу селениях и выжидать, пока не прояснится погода.

В ряду гор, которые высятся на юго-западе от понижения Тизи н'Глауи, особенно замечателен джебель Сируа, голая скала исполинских размеров, верхний купол которой покрыт «вечным снегом»[3]. Это самая высокая гора в этой части хребта, и, вероятно, во всей системе Атласа; она составляет горный узел, соединяющий главную цепь с «Малым Атласом», между бассейнами уэдов Сус и Драа. Что касается вершины Мильцин, которую измерил исследователь Вашингтон в 1829 г., то ни один из последующих путешественников не мог отыскать ее, так как это имя неизвестно жителям Марокко и его окрестностей; по мнению Белля и Гукера, дело идет о горе, лежащей в 61 километре к юго-востоку от Марракеша, при начале долины Урика; исправляя измерения Вашингтона, который ошибся в определении расстояния до этой горы, оказывается, что высота её вершины 4.070 метров. Многие другие вершины, составляющие эту часть гребня на юго-востоке от Марракеша, кажется, имеют почти такую же высоту: наблюдаемая из этой столицы, цепь Атласа тянется на половине горизонта в виде слегка зазубренной стены, которая с наступлением лета сбрасывает с себя снежный покров; остаются только кое-где белые полосы, залегающие в оврагах; по Мау, средняя высота Дерена на горизонте Марокко около 3.900 метров, и самые высокие пики поднимаются над линией гребня не более, как на 200 метров; следовательно, по высоте вершин Атлас значительно уступает Альпам, но по своей средней высоте на большом протяжении, по крайней мере на протяжении 160 километров, он не имеет себе равного между альпийскими цепями.

Тагерутский проход, перерезывающий цепь почти под меридианом Марокко, и откуда начинается спуск на юг в верхнюю долину уэда Сус,—лежит еще очень высоко: он открывается, вероятно, на высоте 3.500 метров, и ведущие к нему овраги во многих местах трудно доступны вьючным животным; но километрах в тридцати к западу находится широкий пролом, представляющий удобный перевал для караванов; с вершины джебеля Тиза, стоящего в виде пирамиды на западной стороне цепи и достигающего еще 3.350 метров, ясно видны, в 1.200 метрах ниже, эти ворота, открытые между скал ржавого цвета. На западе цепь, идущая в направлении перпендикулярном к Океану, снова принимает среднюю высоту, меньшую 3.000 метров, до другой глубокой выемки около 1.200 метров, через которую проходит дорога из Марокко в Тарудант, в долину уэда Сус: это Тизи, или «перевал» по преимуществу, называемый также Бибауан и Бибан, то-есть «Ворота». Датчанин Гест, англичане Ламприер и Джаксон, немец Ленц перешли Атлас по этой каменистой дороге, трудно доступной верблюдам. За этим проходом приморский Атлас представляет еще величественный вид, и некоторые из его пиков поднимаются выше 2.500 метров. Моряки, огибающие мыс Гер или джебель Аит-Уакал, крайний выступ Атласа, видят гребень постепенно повышающимся к внутренности материка.

---

1 O. Mac-Carthy, рукописные заметки.

2 Delaporte;—Renou, „Description geographique de l'empire de Maroc".

3 De Foucauld, цитированное сочинение.

Так как Атлас был перейден европейскими исследователями только в очень немногих точках, то геологическое строение его частию еще не известно. Знают, однако, что песчаники образуют там огромные пласты; находили также древние сланцы, известняки и мраморы, а средний хребет главной цепи Дерена состоит, повидимому, из порфировых масс; диориты и базальты тоже встречаются в разных частях цепи; джебель Тиза, на который всходили Белль и Гукер, есть порфировый купол, пробившийся наружу сквозь слюдяные сланцы; к югу от Марракеша путешественник Баланса видел сланцы с отпечатками папоротников, горные породы, которые почти всегда встречаются в соседстве каменноугольных формаций. На северной оконечности Большого Атласа долины обращенного к пустыне склона вырыты в граните[1]. Натура горных пород, образующих главную цепь, обнаруживается особенно обломками, рассеянными на скатах, даже в соседстве южной столицы. По мнению Мау, обломки эти — ледникового происхождения. На высотах от 1.750 до 2.400 метров долины, спускающиеся к Атлантическому океану, усеяны моренами, боковыми, срединными и конечными, которые, по словам английского геолога, ничем не отличаются от морен, какие мы видим на Альпах; кроме того, холмы, сплошь состоящие из глетчерных обломков, следуют один за другим у основания гор, в виде широкого пояса, прерываемого там и сям устьями долин: эти груды обломков, очевидно, были отложены громадными ледниками, некогда покрывавшими откосы гор, и которые, отступая, оставили между главной цепью и холмами из мореновых отложений широкую впадину, свидетельствующую о климатических переменах, происходивших в этой стране. К востоку от Атласа, на больших оранских плоскогорьях, которые тянутся по направлению оси орографической системы, повышения и понижения почвы, следующие одно за другим на подобие волн морских, по всей вероятности, имели подобное же происхождение. Один шотт, имеющий несколько временных притоков, занимает часть плоской возвышенности: это себха Тигри, усеянная буграми из красноватой глины. Этот бассейн делится на несколько второстепенных впадин, высота которых от 1.119 до 1.137 метров, и которые в зимнее время наполняются водой в самых низких частях[2].

Поразителен контраст между двумя противоположными склонами Атласа. Сторона гор, обращенная к дождливым ветрам Атлантики, является там и сям зеленеющей; в некоторых местах, особенно около северной своей оконечности, она даже покрыта великолепными лесами, хотя в Марокко, как и в остальной Мавритании, пастухи имеют привычку предавать деревья и кустарники пламени, чтобы обновить растительность пастбищ. На стороне же, обращенной к пустыне, почти везде гораздо более крутой, чем противоположный скат[3], видишь только голый камень, как бы спаленный жгучим дыханием песков. Впрочем, южные откосы Атласа почти на всем их протяжении защищены от иссушающих ветров Сахары параллельной цепью, которая служит как бы ширмами. В этой цепи, соединяющейся посредством горных узлов с Большим Атласом, берут начало многие ручьи, текущие на юго-запад или на северо-восток, параллельно оси гор. Совокупность этих кряжей, разделенная на несколько отрывков устьями речек, теряющихся в пустыне, получила у географов название «Малого Атласа» или Анти-Атласа: так точно в Азии Ливан, Тавр, Кавказ сопровождаются другими цепями: Анти-Ливаном, Анти-Тавром, Анти-Кавказом. В западной его части, к югу от уэда Сус, Малый Атлас показался Беллю и Гукеру, видевшим его с вершины Джебель-Тиза, большой горой, имеющей около 3.000 метров высоты; верхние хребты представляют очень правильный профиль, без резких выступов и остроконечных вершин. Напротив, Рольфс, который переходил через Анти-Атлас, во время своего путешествия из Таруданта в Тафилельт, полагает, что этот хребет едва достигает половины высоты главной цепи, т.е. около 1.500 метров[4]. Около истоков уэда Сус Малый Атлас не составляет цепи в собственном смысле, но совокупность голых скал, усеянных зеленеющими цирками. Одно из перерезыва-

1 Ball and Hooker, цитированное сочинение.
2 H. Duveyrier, „Histoire des Explorations an sud et au sud-est de Geryville“.
3 Oscar Lenz, „Timbuctu“.
4 „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

ющих его ущелий представляет узкий корридор, шагов пять шириной, идущий между двух стен из разноцветного мрамора, отражающих свет от своих гладких, точно полированных поверхностей. К востоку Малый Атлас известен у туземцев под именем джебеля Шагерун.

Южное основание этих гор частию зарыто в песках пустыни. Широкий пояс, на взгляд совершенно ровный, отделяет Малый Атлас от другого ряда скал, который тянется параллельно атлантической оси. Это промежуточное понижение почвы известно под именем Фейжа; скалистая стена, которою оно ограничено на юго-востоке, носит название Бани. Это не хребет значительных размеров, так как он возвышается всего только на двести или триста метров над уровнем окружающей почвы, а наибольшая толщина его, от одного основания до другого, изменяется от одного до двух километров; на вершине это просто каменный клинок, «острие», как некоторые сланцевые гребни на французских Альпах. Без предгорий и боковых отрогов, Бани начинается, говорят, близ Тамагрута, на Драа, и продолжается к северу от этой реки до Атлантического океана на пространстве около 600 километров, почти без изгиба и без массива, который служил бы точкой опоры этой странной стене. В разных местах своего протяжения Бани перерезан воротами или ущельями, *хенег*, вообще очень узкими, выше которых соединяются пять или шесть речек, приносящих реке Драа, через единственный канал, воды, текущие с гор Малого Атласа. Один из этих хенегов считается у берберов местом происхождения их нации; они каждый год ходят туда на поклонение и совершают там жертвоприношения, сопровождающиеся пиром и пляской. Стенки Бани представляют чистый камень, без малейшего слоя земли, без всяких признаков растительности в углублениях. На всем своем протяжении стена состоит из песчаника, на вид как бы кальцинированного, покрытого черной блестящей корой[1]. От действия каких причин в этом случае образовался на камне род коры, тогда как склоны гор, состоящих из других каменных пород, сохраняют свои первоначальные цвета? Песчаники стены Бани, вероятно, девонского происхождения, как черноватые песчаники, находимые в центральной Сахаре. Подобно этим последним, они местами гладкие, словно полированные, местами полосатые, жалобчатые, узорчатые, что вполне объясняется непрерывным трением песков; но если лак, покрывающий каменистую поверхность, можно приписать, с большой вероятностью, атмосферному или солнечному действию, то до сих пор еще не удалось объяснить точный способ его образования[2].

Рельеф и направление Бани, расположенного параллельно Атласу и Анти-Атласу, позволяют сравнивать его с последней маленькой волной, замирающей на отлогом берегу, впереди больших волн. Но и за этой рябью, окаймляющей берег, виднеются еще пенящиеся бугорки, оставляемые на песке каждой набегающей волной. Так, в мароккской пустыне, между стеной Бани и долиной реки Драа, встречаются там и сям каменистые выступы: туземцы называют их «змеями», и, действительно, они издали похожи на гадов, растянувшихся на песке. Подобно Бани, эти каменные змеи расположены с юго-запада на северо-восток, по направлению оси атлантической системы. К востоку от уэда Драа простирается гористая область, составляющая продолжение краевых гор Оранского юга; некоторые из вершин поражают своим причудливым видом, являясь в форме зубчатых стен, пирамид, башен; между Фигигом и Тафилельтом Рольфс видел гору, похожую на церковь с колокольней; первую минуту он подумал, что это оптический обман.

К западу от Большого Атласа, второстепенные цепи расположены не параллельно главному хребту; напротив, они отделяются от него и идут по направлению к морю. Один из этих отрогов, начинающийся около западной оконечности Атласа, близ Бибауанского прохода, поднимается некоторыми своими вершинами до высоты слишком 1.000 метров, и, под именем джебеля Хадид, или «Железной горы», постепенно сливается с равниной на берегу моря, между Могадором и устьем уэда Тенсифт. Другая второстепенная цепь, извивающаяся на севере Марокко, имеет земляные хребты на высоте 900 метр.; кроме того, многочисленные

1 De Foucauld, цитированное сочинение.

2 G. Rolbaud, рукописные заметки.

массивы с округлыми контурами поднимаются в разных местах среди равнины. Между городами Марокко и Могадором встречаются также гуры, подобные тем, которые рассеяны в пустыне восточного Магреба, между Гадамесом и Мзабом: это известковые горы высотой от 80 до 100 метров, с правильными откосами осыпания, оканчивающиеся на верху плитой из песчаника с вертикальными краями. Все горизонтальные столообразные площадки находятся на одинаковом уровне: это остатки бывшего поверхностного слоя почвы, который атмосферные деятели разрезали на кружки, постепенно съуживавшиеся. В то время, как одни формации разрушаются, другие образования постепенно растут и распространяются. Так, Мароккская равнина покрыта туфовой корой, облекающей все неровности почвы: эта известковая кора, толщина которой изменяется от нескольких сантиметров до одного метра, имеет во многих местах вид агата, и плотность её так велика, что под ней можно рыть землю для устройства подвалов, где хранят зерновой хлеб и другую провизию; испанцы называют эти силосы *matamoras*,—слово арабского происхождения. Очевидно, не речные наносы образовали этот известковый слой, так как он покрывает одинаково впадины и высоты; происхождение его следует приписать действию солнца, которое быстро обращает в пары дождевую воду, упавшую на землю; эта вода поднимается на поверхность, унося с собой известковые частицы, которые отлагаются в виде тонкого налета или пленки: подобное же явление наблюдается во многих местах Орании и происходит также в умеренных климатах Европы, на поверхности кирпичей, сложенных на кирпичных заводах[1]. На мароккском побережье в горных породах нового образования попадаются куски лавы и вулканический пепел; может-быть, эти обломки происходят из кратеров Канарских островов и принесены сюда пассатными ветрами.

Из всех боковых кряжей, выделяющихся из Большого Атласа на атлантической покатости, самый высокий и самый обширный тот, который берет начало около северной оконечности главной цепи и разделяет верхния долины рек Себу и Ум-эр-Рбиа. Джебель Айан, часто покрытый снегом, есть центральный узел, откуда разветвляются разные отрасли этой водораздельной области. До сих пор эта часть Марокко почти неизвестна географам, и горы её, видимые издали, еще не были измерены. Долины этого возвышенного лабиринта заняты берберскими населениями, не платящими дани и не несущими военной службы. Таким образом обширное пространство треугольной формы, вершину которого составляет порт Рбат, отрезано от территории «блед-эль-махзен», и с той и другой стороны, подвластные султану-шерифу жители обеих частей, северной и южной, вынуждены обходить на западе, по берегу моря, эти горы независимых берберов.

Северный Марокко занят горными массивами, косвенно связанными с системой Атласа. С одной стороны уэд Себу, изливающийся в Атлантический океан, с другой—река Молуйа, впадающая в Средиземное море, описывают своими долинами и долинами своих притоков пространство четыреугольной формы, гребни которого ориентированы иначе, чем Атлас: порог, высота которого еще не измерена, но который, вероятно, не достигает тысячи метров, разделяет две области, на дороге из Феца в Тлемсен; большая часть промежуточного пространства занята холмами из красноватой глины[2]. В северной области главный рельеф земель приближается к побережью Средиземного моря; там находятся самые высокие джебели, направляющие выступами своих гребней прибрежное судоходство. Совокупность этих возвышенностей, где, по Ленцу, преобладают древние формации, понижается к Рифу, т.е. к Берегу, представляя горный скат, который тянется в виде полукруга от мыса Трес-Форкас до мыса Сеутского. Центральный массив этого обширного полукруга носит имя Санхеджат-Серир, или «долины санхеджей», напоминающее об иммиграции этих древних берберских населений. В соседстве морского берега самые высокие горы находятся на западе от Тетуана: это вершины Бени-Гассан, по морским картам высшая их точка достигает 2.010 метр. Джебель Бени-Гассан продолжается на юг массивами Мецеджель, Эль-Кмас и Зарзар, из кото-

1 Maw, „Geology of Marocco and Great Atlas“;—Adamoli; „Esploratore“, anno 1.

2 Colvile, „Ride in Petticoats and Slippers“.

рых последний господствует над городом Уеццан своей конусообразной массой. Горы Бени-Гассан образуют цепь величественного вида, похожую формой на скалы Гибралтара, поставленные рядом на общем пьедестале[1]. Обильные ручьи, луга, леса, нивы и сады на склонах делают эту местность одним из прелестнейших уголков Берберии, составляющим поразительный контраст с дикими, бесплодными кручами Рифа, простирающимися на востоке.

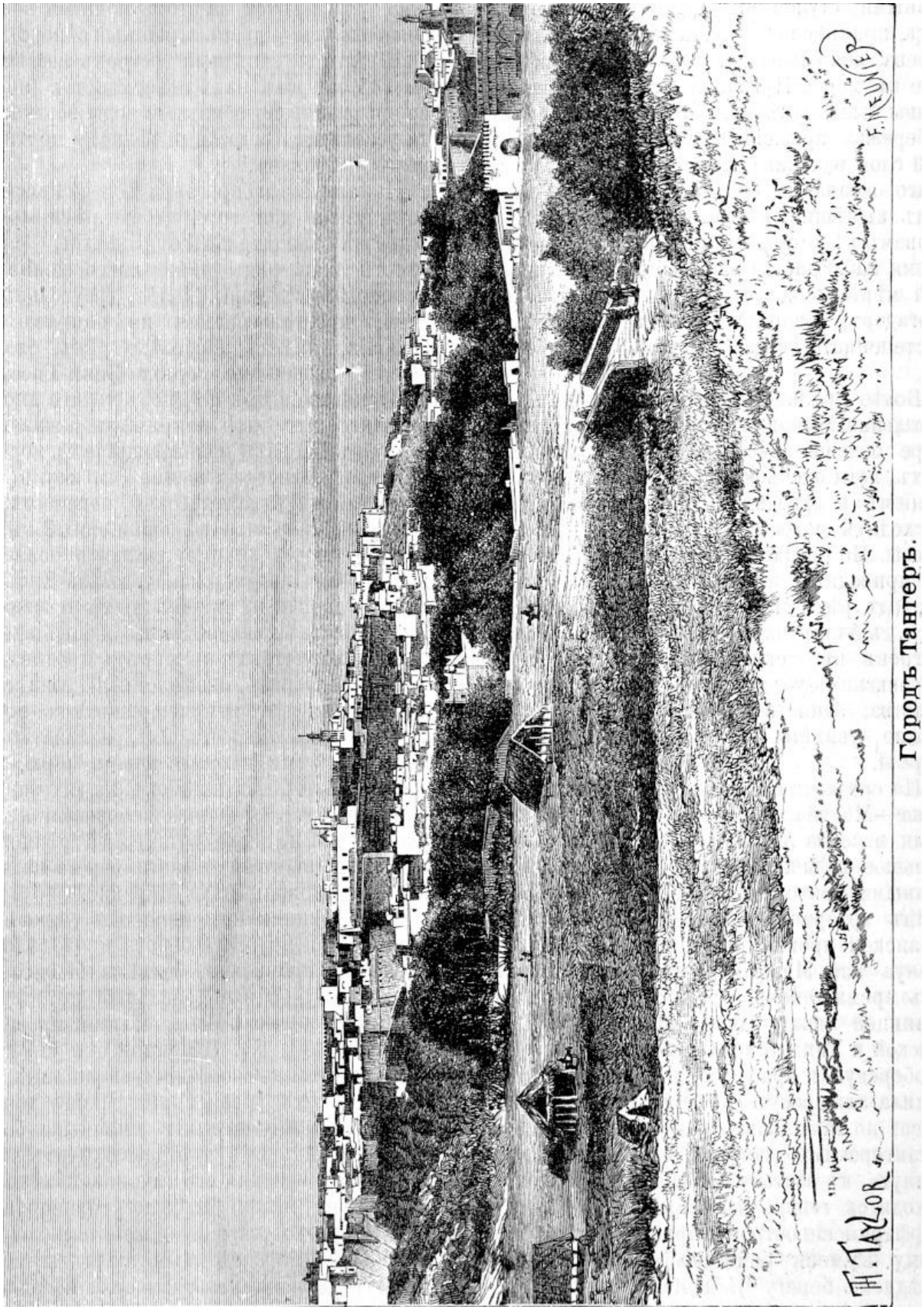
Горы, окаймляющие пролив, против Гибралтара и испанских мысов, не имеют ни высоты, ни величественного вида, ни пышной растительности, какими отличается цепь Бени-Гассан; но, тем не менее, они приобрели громкую известность, благодаря своему положению на краю великого морского пути. Продолжаясь на север, краевая цепь, называемая джебель Гауз, оканчивается массивом Беллиунеш, по-испански Sierra de Bullones: это тот самый хребет, который в древности носил имя Septem Fratres (семь братьев)[2]. С одной стороны этот массив выделяет из себя узкий полуостров, соединенный укрепленным перешейком с островным массивом Сеуты; с другой—он выдвинулся на север, чтобы образовать мыс Джебель-Муса, южный столп Геркулесовых ворот. Этот столп, древний Абила, разделенный на-двое вертикальной трещиной, не менее величествен, чем Гибралтарская скала, а высотой (856 метр.) он даже превосходит последнюю; но вблизи это—безформенная масса, хаос нагроможденных камней, где лишь изредка встретишь отдельные деревья, растущие на боках пропастей. Волки, кабаны и обезьяны—единственные обитатели этих диких скал, так что испанцы прозвали южный столп sierra de las Monas, т.е. «горой Мартышек». Страбон называл его «Слоном», и, действительно, профиль горы, наблюдаемой с моря, оправдывает это название; кроме того, по свидетельству Плиния, леса, покрывавшие в его время эту область Африки, были населены слонами[3].

К западу от горы Абила, несколько других вершин следуют одна за другой вдоль самой узкой части пролива; но за мысом Сирис морской берег начинает изгибаться к югу рядом кривых, которые разделяют мысы, образуемые выступами джебеля Гауз. Далее, за Тангером, берег круто меняет направление, поворачивая на юг. Над мысом, образующим северо-западный угол африканского континента, поднимается гора Спартель или Ишбертиль, Тарф-эш-Шакр туземцев, имеющая 314 метров высоты. Первый ряд утесов тянется вдоль берега моря, затем другие вертикальные скалы опоясывают скат полукругом пропастей, а самая вершина окружена крутыми стенами, образующими род короны. Мыс Спартель—это древний Ампелузион, т.е. «мыс, покрытый виноградниками»: и теперь еще виноград из этой местности считается лучшим в Марокко; при кладке фундамента для первоклассного маяка, освещающего ныне пролив, в земле нашли большие виноградные лозы; на гербе соседнего города, Эль-Арайш, изображены гроздья винограда, которые человек поднимает с усилием. В утесах мыса Спартель есть несколько гротов, вырытых ударом волн. Один из этих гротов был посвящен Геркулесу, недалеко оттуда находилась гробница Антея, и римляне верили даже, что им удалось отыскать тело гиганта, «длиной в шестьдесят локтей»[4]. На этом «конце земли», откуда корабли пускались в беспредельный океан, была символизирована борьба между слепыми силами природы и торжествующим гением человека.

В 5 километрах к югу от мыса Спартель, берег образует еще один скалистый выступ, в котором проводники показывают большую пещеру, уверяя, что это и есть «Геркулесов грот», упоминаемый древними писателями; постоянно увеличиваемая каменоломщиками, которые вырезывают здесь жерновые камни, пещера закругляется в виде сводов и продолжается далеко под скалой. С этой стороны это последний высокий мыс. Далее тянется до линии горизонта голый плоский берег, куда несчастный дон Себастиан высадил своих храбрых португальцев, которые все до единого человека, вместе с вождем, погибли на поле битвы около Каср-эль-Кебира. Среди обширных прибрежных болот, составляющих, повидимому, остаток

1 De Foucauld, цитированное сочинение.
2 Tissot, „Recherches sur la Geographie comparde de la Mauretanie Tingitane“.
3 Tissot, цитированное сочинение.
4 Плутарх, „Жизнеописание Сертория“.

большого озера, виднеются там и сям, точно острова, холмы разной величины, служившие некогда местоположением для городов и деревень; ручьи медленно пробираются сквозь цепь береговых дюн. До самого Могадора, на пространстве слишком 600 километр., атлантическое



Городъ Тангеръ.

поморье представляет почти везде, даже у подошвы краевых холмов, низменный и опасный для кораблей берег; в открытом море только на расстоянии пятидесяти километр. от берега начинается линия глубины около 200 метр. На этом огромном протяжении морских берегов

самый значительный по величине утес—мыс Кантин, состоящий из чередующихся пластов серого и красного мергеля, известняка и железистой глины, которые оканчиваются в иных местах вертикальной стеной, в других—неравными ступенями. Дюны, окаймляющие берег, прикреплены кустарником мастикового дерева, покрывающим все откосы, обращенные к морю. Признаки медленного поднятия почвы были замечены в разных пунктах побережья; прежний плоский берег, содержащий слои раковин, тянется вдоль Атлантического океана на средней высоте 20 метров над нынешним уровнем вод[1]. Но, по словам некоторых авторов, в настоящее время наблюдается обратное явление, по крайней мере в одном месте прибрежья: город Могадор, говорят, находится в площади постепенного оседания почвы[2].

Более обильно орошаемый дождями, чем остальная Мавритания, Марокко изливает в море большее число рек, и некоторые из них, хотя очень ослабленные при устье испарением и отводом боковых каналов, превосходят потоки Алжирии объемом жидкой массы. По Беллю и Гукеру, которые, впрочем, не приводят имен наблюдателей, средний расход рек Марокко, спускающихся с Атласа к Атлантике, составляет около 225 куб. метров в секунду. Однако, ни один из мароккских уэдов не служит целям судоходства; единственные суда, которые там можно увидеть,—это паромы примитивной формы.

На средиземной покатости Марокко главная река—Молуйа. Питаемая в верховьях снегами массива Айашин, она катит довольно большое количество воды, увеличиваемое восточными притоками, особенно уэдом За, бассейн которого обнимает небольшую часть Оранской провинции. Молуйа—это Молохат, Малуа или Мальва древних географов; в их время течение её считалось естественной границей между двумя Мавританиями, Кесарийской и Тингитанской; точно также в эпохи берберскую и арабскую, до 1830 года, она отделяла алжирскую Берберию от Магреб-эль-Акса; но так как трактатами тафненским и тангерским географическая граница передвинута к востоку, то оба берега этой реки находятся теперь в мароккской территории. Заффаринские острова, принадлежащие берберскому племени бени-джафер, живущему на соседнем берегу[3], командуют с северо-западной стороны устьем Молуйи и выходом её долины: расположенные полукругом, в некотором расстоянии от берега, оканчивающагося мысом Агеддин, или по-испански, cabo de Aguas, эти острова защищают рейд, наименее опасный на всем побережье Рифа; суда укрываются за этот мощный волноразбиватель, когда дует страшный северо-восточный ветер: западный остров возвышается на 135 метров над поверхностью моря. Во время разливов обильные воды Молуйи иногда увлекаются морскими волнами почти до самых островов.

На западе вся береговая полоса Рифа, слишком узкая для того, чтобы реки могли достигнуть значительного развития, представляет лишь ряд небольших долин, спускающихся к морю. Далее, треугольный массив, продолжающийся по направлению к Испании, имеет несколько рек, благодаря обилию дождей на горах Бени-Гассан; но большинство этих потоков не что иное, как ручейки: таков, например, живописный уэд эш-Шерат, изливающийся в море близ Тангера. Непосредственно к югу от мыса Спартель на атлантической покатости, более широкой, чем склон, обращенный к Средиземному морю, текут также и более длинные реки. Первая река, уэд эль-Хус, получающий свои воды с западных откосов гор Бени-Гассан, впадает в океан в шестидесяти километрах к югу от пролива. Далее песчаный берег, окаймленный дюнами и рядом скал, которые задерживают истечение ручьев и заставляют их разливаться длинными болотами, параллельными морю, продолжается, почти без изгибов, в юго-западном направлении. В форме побережья ничто не указывает на выход широкой речной долины, хотя в этой области берега изливается в море главная река Марокко, Себу, Субур (Себур) финикиян: переходя через устье реки, линия морского берега продолжается совершенно правильно, без малейшего отклонения. Себу—самый обильный поток

1 Maw, цитированный мемуар.

2 Beaumier, „Bulletin de la Societe de Geographie“;—Tissot, цитированное сочинение.

3 Tissot, „Recherches sur la Geographie comparee de la Mauretania Tingitane“.

Северной Африки, после Нила: Плиний прозвал его «великолепным». Шириной от ста до трехсот метров в своей нижней равнине, усеянной римскими развалинами[1], он течет излучинами между крутых земляных берегов, из которых он иногда выходит во время разливов: средняя его глубина 3 метра. Следовательно, можно бы было утилизировать Себу для судоходства: небольшие пароходы, имея на буксире плоскодонные шаланды, могли бы без труда подниматься вверх по реке почти до самой столицы[2]; но все перевозки продуктов, все путешествия между прибрежьем и этапными пунктами долины, лежащими на фецских дорогах, совершаются сухопутьем. Прибрежные племена слишком беспокойны, чтобы могла установиться правильная торговля речным путем. Тем не менее, немногие из областей Марокко имеют более важное экономическое значение. Главная долина Себу составляет естественный путь сообщения между средиземным бассейном Молуйи и атлантическим поморьем; она образует географическую раздельную линию между системой Атласа и горами Рифа, и в богатых равнинах, орошаемых водами этой реки, находится Фец, первый город империи. Путешественники, следующие береговой дорогой из Тангера в Могадор, переправляются через Себу на пароме примитивной конструкции, который не избавляет пассажиров от неприятности плюхаться в тине[3]; морской прилив поднимается по реке на большое расстояние от устья. Чтобы облегчить султану и его свите переход через уэд Эль-Хус, иногда устраивают род пловучего моста из тростника, связанного пучками, или из надутых кожаных мешков, покрытых землей и досками[4].

Километрах в тридцати к юго-западу от Себу, другая река, Бу-Реграг, названная так по имени одного исчезнувшего племени, изливается в море через вырезку, открывающуюся в невысоком каменистом плато. Этот поток берет начало не в снеговых цирках Большого Атласа, как Молуйа, Себу, Ум-эр-Рбиа, Драа: он вытекает из передовых гор, ограничивающих на юге территорию Фец, и развернутая длина его течения, вероятно, не превышает 200 километр. Тем не менее Бу-Реграг получил в политической географии Марокко более важное значение, чем все другие потоки: он обозначает границу между двумя государствами, Фец и Марокко, а в древности недалеко от этой реки, у передового поста Ad Mercurios, оканчивалась территория Мавритании Тингитанской[5].

Река Ум-эр-Рбиа, или «Мать пастбищ», названная так за обилие на её берегах луговых пространств, берет начало, как и уэд Себу, в северном массиве Большого Атласа и, подобно этой реке, катит могучую массу воды: Рену и Гугер называют ее даже,—вероятно, ошибочно —самым обильным потоком Марокко. В дождливое время года путешественникам приходится по целым неделям жить на берегу, в ожидании, пока вода сбудет настолько, чтобы можно было безопасно совершить переправу: единственные лодки, употребляемые на этой реке,— плоты из камыша, в роде танкуа, на которых плавают по озеру Тана, в Эфиопии. Во время засух река может быть переходима в брод во многих местах, но она постоянно катит свои воды до самого моря, и неглубоко сидящие шлюпки могут проникать в реку, переходя через бар. К югу от реки Ум-эр-Рбиа, на пространстве около 200 километр., до устья уэда Тенсифт, нет ни одного потока, изливающагося в море. Плоскогорье Дуккала, занимающее внутреннюю область, оканчивается над морем высоким приподнятым краем, который не позволяет дождевым водам открывать себе дорогу к Атлантике.

Уэд Тенсифт, в бассейне которого находится город Марокко, не принадлежит к числу больших потоков Магреба; в этом месте Атлас уже приблизился к морю, и средняя высота его понизилась; при том, и дожди гораздо менее обильны под этой широтой, чем в северной области: летом, устье Тенсифта, во время отлива, бывает совершенно заперто песчаным баром. Уэд Сус (Subus древних географов), который берет начало и развивает свое течение

1 Tissot, цитированное сочинение.
2 Oscar Lenz, „Timbuktu“.
3 Decugis, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“.
4 Tissot, цитированное сочинение.
5 Tissot, цитированный мемуар.

между Атласом и Анти-Атласом,—тоже перемежающаяся река, обильная зимой и почти совсем иссякающая летом, в нижней части течения; однако, он никогда не пересыхает совершенно; в марте месяце, когда путешественник Ленц переходил через него, ниже Таруданта, верстах в ста от устья, Сус имел вид ручейка, от 3 до 4 метров шириной и от 30 до 50 сантиметр. глубиной[1]. Уэд Ассака, текущий вдоль южной подошвы Малого Атласа, еще чаще пересыхает, и путешественники, проходившие теми местами, нередко находили только песок в его ложе: этим и объясняется неуверенность, сохранившаяся до самого последнего времени в начертании карт, относительно его истинного течения.

Что касается уэда Драа, который по длине течения занимает первое место между марокканскими реками, то по объему жидкой массы он далеко уступает Молуйе, Себу, Ум-эр-Рбиа, и даже редко случается, чтобы он достигал Атлантического океана. Главные его истоки изливаются из снеговых цирков Большого Атласа; на пространстве около 300 километр, от гор Идрарен-Дерен до массива Айашин, все воды южного ската главной цепи спускаются к этой реке, которая уходит на юг рядом дефилеев через джебель Шагерун, составляющий продолжение Анти-Атласа. В этой части своего течения Драа и её главный приток Дадес катят наибольшее количество воды; но затем на протяжении 1.000 километр. ниже ущелий река постепенно уменьшается в объеме, вследствие отвода её вод на прибрежные поля, испарения и просачивания в песках. По выходе из верхних теснин, Драа течет сначала в направлении с севера на юг, окаймленная с той и другой стороны поясом пальм, ширина которого меняется от 500 метр. до трех километр.; в иных местах река касается пустыни своими излучинами: один берег белый от покрывающего его слоя песку, тогда как другой исчезает под яркой зеленью растительности. Но после обхода восточной оконечности цепи Бани и параллельных стен черных «Змей», Драа, истощенная оросительными каналами, разветвляющимися на обоих берегах по пальмовым плантациям, не имеет уже достаточно воды, чтобы сохранять характер правильного потока. Она разливается в широкой впадине Дебайа, которая бывает попеременно озером, над которым кружатся несметные стаи птиц, затем болотом, и, наконец, сырой равниной, запахиваемой под посев зерновых хлебов. Ниже этой котловины, уэд Драа, течение которого остается параллельным оси атлантической системы, направляется к юго-западу, имея с той и другой стороны крутые берега, дотого высокие в некоторых местах, что, проходя песчаным ложем реки, можно подумать, что идешь по дну глубокого ущелья между двух горных кряжей[2]. Местами в скалах северной стороны открываются хенеги, пропускающие, во время таяния снегов или сильных дождей, избыток вод, падающих на Малый Атлас; но обыкновенно эти русла горных потоков не приносят ничего в реку. Тогда марокканский «Нил» не имеет ни капли поверхностной воды в своем нижнем течении. По местному преданию и свидетельству исторических документов, в прежния времена р. Драа, в которой тогда водились крокодилы и бегемоты, и которая давала приют слонам в своих прибрежных лесах, спускалась до самого моря, соединяясь с солеными водами широким устьем. Теперь же течение её достигает океана только во время таяния снегов, да и то лишь в исключительные годы: иногда проходят целые десятилетия, прежде чем прибрежные жители низовьев Драа увидят струйку воды, пробирающуюся в песчаном ложе. Однако, небольшое количество влаги несомненно всегда сочится в нижних слоях почвы, так как посевы на вспаханных пространствах речного ложа регулярно дают жатву; во многих местах выкопанные колодцы мало-по-малу наполняются водой. В 1850 г., когда путешественник Пане переправлялся через Драа, в конце апреля, она имела вид настоящей реки: ширина её была около 150 метр., а слой воды, на середине течения, достигал 60-70 сантиметров[3].

Ручей, который, под именами уэда Зис и уэда Герс, спускается прямо на юг от горного узла, на северной оконечности Большого Атласа, пробегает гораздо меньшее протяжение, чем р. Драа: оросив оазисы Тафилельта, в 250 километр. от своих первых истоков, он теряет-

1 O. Lenz, „Timbuctu“;—G. Rohfls, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

2 Gerhard Rohlfs, цитированное сочинение.

3 „Revue Coloniale et Algerienne“, nov.-dec 1850.

ся в пустыне, и ни один путешественник не мог сказать, продолжается ли его русло далее на юг, через большие дюны, чтобы или повернуть на запад к р. Драа, или присоединиться на востоке к бассейну Мессауры, или, наконец, чтобы сохранить независимое течение в направлении к Нигеру. Гидрографическая система уэда Гир, начинающаяся непосредственно на востоке от уэда Зис в верхних цирках Большого Атласа, лучше известна в верхней её части, благодаря многочисленным экспедициям, совершенным в этом направлении французскими колоннами, и сведениям, полученным от пилигримов и торговцев. Уэд Гир соединяется с реками Фигига, спускающимися из дистрикта Иш, на оранской границе, и под разными названиями направляется к оазису Туат; но о дальнейшем его течении ничего не известно. Соединяется ли этот уэд с рекой Драа, в которой он был бы, по длине течения, главной ветвью[1]. Не теряется ли он в безвыходном бассейне, или не соединяется ли с водами Нигера около западной оконечности большой дуги, описываемой этой рекой по направлению к северу?

Марокко весь находится в поясе пассатных ветров, но Атласские горы, положение страны у ворот Средиземного моря и соседство большого теплового фокуса, Сахары, видоизменяет нормальный порядок атмосферных течений. Летом береговые и морские бризы чередуются каждый день на побережье, а общие ветры приходят с юга и с востока; зимой, то-есть с октября по февраль, ветры часто дуют с северо-запада, принося с собой довольно большое количество влаги, которая изливается обильными дождями на скаты Атласа; но в южных областях Марокко преобладающее влияние принадлежит пассатам. Так как направление этих ветров параллельно оси Атласа и направлению большей части морского берега, то воздушный поток следует, так сказать, готовым руслом, образуемым атлантической покатостью Магреба. Впродолжении 271 дня в году в Могадоре господствуют ветры полярного происхождения, дующие с севера или с северо-востока; противоположные воздушные токи, западный или юго-западный, проходящие обыкновенно в верхних областях атмосферы, спускаются в нижние слои в течение 57 дней в году, вообще зимой, в то время, когда солнце находится над тропиком Козерога, и когда вся система ветров умеренного пояса передвигается к югу. Что касается южного ветра, страшного широкко или «сахель», как его называют жители южного Марокко, то он ощущается в Могадоре средним числом всего только два дня в году, и расслабляющее влияние его здесь гораздо меньше, чем на острове Мадере, очевидно, потому, что Большой Атлас, служащий предохранительными ширмами, тем лучше защищает лежащие под его покровом местности, чем они ближе к его основанию[2]. По той же самой причине тучи саранчи, приносимые ветром пустыни, так редко появляются на приморской покатости Большого Атласа; эти опустошители показываются там лишь небольшими отдельными стаями[3].

Под влиянием пассатных ветров и морских бриз, климат Могадора и, в меньшей мере, климат всего атлантического побережья Магреба отличаются почти полным отсутствием изменчивости: мало найдется мест на земном шаре, где бы средняя температура была более равномерная, чем в Могадоре, который в этом отношении превосходит даже острова, лежащие среди океана.

Климат Могадора, по наблюдениям Бомье, производившимся в течение девяти лет:

Средняя температура:—19,4° Цельзия, средняя температура самого теплого месяца (августа)—21,8° Цельзия, средняя температура самого холодного месяца (февраля)—16,5° Цельзия, крайняя наблюдавшаяся степень тепла—31° Цельзия, крайняя наблюдавшаяся степень холода—10,4° Цельзия.

Таким образом разность между крайними температурами, какие были наблюдаемы в продолжение девятилетнего периода, не достигает даже 20 градусов Цельзия; суточное изменение высоты ртутного столбика в термометре составляет в среднем от $2^1/_2$ до 4 градусов Ц. Эта замечательная равномерность температуры объясняет редкость грудных болезней: ча-

1 H. Duveyrier, „Histoire des Explorations au sud et au sud-est de Geryville“.

2 Thevenin;—Beaumier;—Seux;—Ollive;—Leared;—Ball and Hooker, etc.

3 Rohlfs, цитированное сочинение.

хотка почти неизвестна в этой части Африки; в продолжение десяти лет врач Тевенен видел всего только пять случаев этой болезни между туземцами, при чем в трех случаях недуг начался во время пребывания пациента в дальних краях. На европейских больных климат этой части побережья всегда оказывал благотворное действие.

На севере, востоке и юге от Могадора, который можно принять за типичную станцию мароккского климата на атлантическом побережье, температуры лета и зимы, дня и ночи представляют более значительные отклонения: причины тому разные, но следствия одинаковы. На северном берегу, от мыса Спартель до мыса Кантен, пассатные ветры,, не отличаясь правильностью, не оказывают того же влияния в смысле уравнивания климата; воздушные течения, идущие из Сахары, и ветры, дующие с Средиземного моря, устремляются к прибрежью через брешь, открывающуюся между Атласом и горами Рифа. Внутри материка, где морские бризы ощутительны лишь в слабой степени, разность температур лета и зимы, дня и ночи увеличивается по мере удаления от моря; наконец, на южных берегах климат, под влиянием близкого соседства Сахары, приближается к климату пустыни, с его сильными дневными жарами и очень деятельным ночным лучеиспусканием. По рельефу и местоположению Марокко естественно делится на три области или полосы. На севере бассейн Молуйи, Риф и полуостров Танжерский принадлежат к Теллю, прилегающему к Средиземному морю, и представляют почти те же климатические явления, как и соответственные части Алжирии; в центре и на юге Атлас точно разграничивает две области, из которых одна получает воздушные течения с Атлантического океана, а в другой свободно распространяется ветер пустыни. Между этими двумя поясами та или другая долина, тот или другой горный округ принадлежит одновременно к двум областям: в одном месте зеленеющий скат обращен к Атлантике, в другом голый откос отражает палящий зной Сахары.

В целом Марокко превосходит Алжирию по обилию дождей. Полуостров Танжерский, местность всего чаще посещаемая европейцами, омывается со всех сторон влажной атмосферой; здесь господствуют западные ветры, насыщенные парами Океана, но и восточные ветры, обыкновенно очень сухие в бассейне Средиземного моря, приносят большое количество влаги на горы северного Марокко: когда этот ветер проходит в верхних слоях воздуха, горы Бени-Гассан и вершины, окаймляющие пролив, всегда окутаны облаками. Снег выпадает иногда в большом обилии на эти горы, струящиеся круглый год живыми водами; однажды в 1871 году, во время быстрой перемены воздушных течений, даже набережные Танжера покрылись снежной пеленой[1]. Часто роса смачивает крыши домов и на всей береговой полосе воздух почти насыщен парами; ботаники жалуются на трудность засушивать собираемые растения; железо, привезенное из Европы, тотчас же покрывается ржавчиной. Пропорция дождей относительно очень велика, в сравнении с количеством атмосферных осадков в восточном Магребе и, без сомнения, превышает один метр в год в некоторых долинах Атласа, обращенных к дождевым ветрам; но на южном склоне гор редко скопляются облака, проливающие дождь на землю: ручьи могут орошать оазисы только благодаря таянию снегов, выпавших на высотах гор. Области морского прибрежья часто получают дожди красной пыли, переносимые обратными пассатами в верхних слоях атмосферы; пыль эта, как известно, состоит главным образом из кремнистых панцырей микроскопических животных, происходящих из льяносов Южной Америки[2].

Вследствие различия климатов, флора Марокко отличается большим разнообразием; но хотя ботаникам предстоит еще сделать много открытий во внутренних частях страны, прежде чем можно будет сосчитать точным образом её растительные богатства, однако и теперь уже известно, что в целом растения Марокко принадлежат к средиземной области: из двухсот сорока-восьми растительных родов, представленных в этой стране, все, за исключением одного[3], находятся в той или другой из стран, прилегающих к Внутреннему морю; даже до-

1 Ball and Hooker, цитированное сочинение.
2 Ehrenberg;—Maury, „Geography of the Sea“.
3 Ball and Hooker, цитированное сочинение.

брая треть мароккских видов встречается в Англии и в центральной Европе. С другой стороны, мароккская флора заключает в себе лишь весьма небольшое число видов, общих ей с флорами собственно Африки, простирающейся к югу от великой пустыни. Таким образом по своим естественным произведениям, как и по строению гор, Магреб-эль-Акса сохраняет европейский характер: он входит в состав особого отдела бассейна, которому Гукер дал название области ладанника и вереска. Политическая география не была в разладе с естественными делениями, когда Диоклетиан присоединил Мавританию Тингитанскую к Иберийскому полуострову[1].

По характеру своей растительности Марокко всего более имеет сходства с Испанией: Атлас и Сиерра-Невада составляют соответственные области по обе стороны Гибралтарского пролива; однако, аналогия не так велика, как прежде думали ботаники. Из 631 вида растений, собранных в долинах и на высотах Атласа, 181, т.е. более четверти, не встречаются в Испании: различие флор постепенно увеличивается, по мере того, как поднимаешься к гребню Атласа. Между Марокко и островами Канарскими, Азорскими, Мадерой контраст почти полный. Из растений, общих обеим областям, большинство такия, которые распространяются на огромном пространстве, занимая страны весьма различные по климату: из 1.627 видов явнобрачных, насчитываемых доныне в Марокко, только около пятнадцати принадлежат одновременно материку и островам. Этот ботанический факт достаточно доказывает, что Канарские острова, несмотря на их близкое соседство с африканским континентом, составляют земли независимого происхождения.

Немного более одной десятой растительных видов Марокко свойственны исключительно этой стране. Эти туземные формы заключены по большей части в пределах гористой области, на склонах Атласа. Здесь именно, в центре края, развились, путем постепенного приспособления к условиям среды, растения, отличные от всех тех, которые мы видим в других местах; сюда же, к вершинам Атласа, удалились европейские виды, которые встречаются островками на гребнях гор, между прочим, одна порода сосны, распространяющая ароматический запах, и дерево которой идет на выделку дорогой мебели[2]. В то время, как отступление снегов и льдов позволяло растениям европейского происхождения подниматься к вершинам гор, виды пустыни постепенно расширяли свою площадь в северном направлении. Не только на южной покатости Анти-Атласа, но также в долине Суса и в области поморья, до уэда Тенсифт, можно встретить многие растительные формы, происходящие из центра рассеяния, который лежит гораздо южнее, в жарком поясе. Таковы каменные акации и разные породы больших молочайников, смола которых утилизируется в фармакопее и в промышленности. Финиковая пальма тоже может быть включена в число этих тропических видов, живущих на чужбине, вне южной покатости Атласа. Она растет в Танжере, на северных берегах Марокко, как и в Алжирии, но не приносит плодов; даже в Могадоре она дает лишь финики посредственного качества. Нужно идти в оазисы, орошаемые р. Драа и другими речками южной отлогости, чтобы, найти пальмовые плантации, доставляющие плоды ценимые или даже превосходные: финики из оазисов по течению уэда р. Драа не уступают джеридским, а по словам местных жителей, даже не имеют себе равных в отношении сочности, сладости и тонкости вкуса. Низкорослая пальма, столь обыкновенная в Алжирии, довольно редка в Марокко; в виде лесной поросли, ее можно найти только в провинции Гага, вокруг Могадора.

Один из замечательнейших туземных видов мароккской флоры—аргания-железняк (argania Sideroxylon), дерево, которое часто сравнивали с маслиной; оно встречается только в южной части страны, к югу от уэда Тенсифт. Аргания, упоминаемая в первый раз Львом Африканцем, растет на самых бесплодных землях и обходится без всякого орошения; даже на голых каменистых косогорах часто можно встретить это неприхотливое дерево, с неровным и узловатым стволом, усаженным кривыми ветвями с тощей листвой. Домашния животные, за исключением лошади и осла, с жадностью едят ягоды аргании, а из косточек ту-

1 H. Barth, „Kusten des Mittelmeeres“.

2 Drummond Hay, „Wester Barbary“;—G. Roblfs, цитированное сочинение.

земцы приготовляют масло, имеющее особенный, противный для европейца, вкус. Древесина аргании отличается необычайной твердостью, за которую ей и дали название железняка. Полезно было бы акклиматизировать это драгоценное дерево и в других странах: в Алжирии оно отлично принимается, но растет дотого медленно, что большинство лесоводов, которым были розданы семена аргании, потеряли охоту продолжать опыты её разведения[1]. Между мароккскими растениями, утилизируемыми ради их продуктов, и до сих пор еще не найденными в других странах, путешественники Джаксон и Лерд указывают также род дурнопахучника, который доставляет «аммиачную» камедь, смолу с острым запахом, отправляемую в Египет и в Аравию, где ее употребляют для окуриваний. На это растение нападает одно двукрылое насекомое, составляющее лакомую пищу для ястребов: оттого по полету этих птиц узнают места, где находится драгоценное растение[2].

Фауна Марокко очень мало отличается от алжирской, по крайней мере относительно тех видов, которые натуралистам удалось изучить до настоящего времени. Самые страшные звери, лев и барс, водятся лишь в некоторых местах страны; в сравнительно наибольшем числе они сохранились в соседстве алжирской границы, среди гор Рифа. Медведь, исчезнувший в Алжирии, еще не вывелся в Марокко. Кролики кишмя-кишат на полуострове Танжерском, но число их постепенно уменьшается по направлению к югу, и южнее Бу-Реграга не встречали этих грызунов[3]. Обезьяны редки; кроме породы, живущей также на скалах Гибралтара, и которая не встречается даже в южных провинциях, в Марокко не видно четырехруких. Дикий кабан, гроза земледельцев, довольно распространен во всех лесных чащах; богатые и знатные люди имеют привычку держать его в конюшнях для того, чтобы злые духи не трогали лошадей и вселялись в нечистое животное. В южных степях, на границах пустыни, страусы бродят еще стадами; кроме того, там водятся разные породы газелей, на которых туземцы охотятся не столько ради их мяса, сколько ради сростков, называемых «безоард», которые часто находят у них в желудке и которые служат амулетами[4]; для подобной же цели, именно чтобы найти куски серой амбры, рыбаки вскрывают трупы китообразных, выброшенные волнами на морской берег[5]. Высокие долины Атласа, с их почти европейским климатом, представляли бы вполне благоприятные условия для разведения всяких домашних животных, также как и всяких растений умеренного пояса. Воды изобилуют черепахами, а в речных устьях ловят преимущественно сабала, род лосося, с очень нежным мясом. Океанская фауна мароккских вод мало отличается от фауны Антильского моря: перламутровые раковины корабликов плавают на поверхности воды; летучия рыбы порхают с волны на волну, а под водой быстро скользят страшные акулы с молотообразной головой. Исследование океанских пучин на широте Марокко, до глубины 5.000 метров, открыло натуралистам, участвовавшим в экспедиции корабля «Талисман», множество новых видов рыб, ракообразных, моллюсков, червей и губок.

Так же, как в остальной Мавритании, основу населения в Марокко составляют берберы: со времен финикиян этот этнический элемент по численности всегда сохранял за собой преобладающую роль; завоеватели различных рас и даже арабы, которые, однако, занимают, в качестве господ, равнины и большие города страны, могли только оттеснить туземцев в долины гор, не приобретая над ними численного перевеса. По приблизительному исчислению, берберы составляют по крайней мере две трети всего народонаселения Марокко, и вдали от городов и поморья, особенно в гористых местностях, территория населена почти исключительно берберским элементом. Впрочем, это общее название берберов, применяемое ко всем населениям Марокко не-семитическим и не-негритянским, отнюдь не предполагает общности происхождения; напротив, весьма вероятно, что много различных этнических элементов

1 Hooker, „Journal of a Tour in Marocco“.
2 Arthur, Leared, „Marocco and the Moors“.
3 Jackson, „Account of the empire of Marocco“.
4 Arthur Leared, цитированное сочинение.
5 G. Adomoli, „Lettere dal Marocco“, Esploratore I.

способствовали образованию той расы, которая теперь представляет аборигенов пред лицом арабских пришельцев; даже некоторые иберийские племена, как полагают, занимали некогда склоны Атласа. Так же как в остальной Берберии, особенно в регентстве Триполи и в восточной Алжирии, в разных частях Марокко находят мегалиты, совершенно похожие на те, которые существуют в Великобритании и в Бретани, долмены, менгиры, кромлехи, так что, естественно, является вопрос: не были ли эти могильные камни воздвигнуты населениями, происшедшими от одного общего корня, или исповедовавшими одну и ту же религию?[1] В этих могилах умершие всегда погребались в сидячем положении. Самый красивый из открытых до сих пор в Марокко памятников этого рода—монолит Мзора, стоящий на восточной окраине одного плато, откуда открывается обширный вид на амфитеатр Тетуанских гор: это менгир высотой слишком 6 метров, называемый Эль-Утед или «Столб палатки».

Мароккские берберы, или имазиген, между которыми встречается много племен, носящих те же имена, как в Алжирии,—шауйа, берабер, зенага или санхеджа, гецула или гештула, распадаются на четыре группы, совершенно отличные одна от другой по месту обитания и по образу жизни. Северные берберы, населяющие горы Риф, полуостров Танжерский и наибольшую часть холмистой области, ограниченной на юге течением уэда Себу, обозначаются родовым именем акбаил или кебаил: это «кабилы», такие же, как горцы Джурджуры. На приморской покатости Атласа город Сефру, лежащий немного южнее Феца, есть пограничный пункт области акбаилов: к северу оттуда это имя принадлежит всем туземцам берберской расы; к югу все жители называют себя шлейх или шеллаха. Это последнее наименование применяется, под разными формами, к оседлым имазигенам белой расы, населяющим долины Атласа; но в южном Марокко, на обоих склонах гор, и в сахарских оазисах, земледельцы, походящие на алжирских руага черным цветом кожи, тоже причисляются к имазигенам: они известны под именем харатин. На южной отлогости Атласа каждое поселение представляет смесь шеллахов и харатинов, в которой пропорция последних постепенно увеличивается с севера на юг, от верховьев Молуйи к низовьям Драа. Шеллахи, в силу цвета своей кожи, считают себя выше харатинов, и при заключении браков эта разница вообще принимается в рассчет, так как покупная цена белой невесты дороже, чем черной. Между тем харатинские женщины часто отличаются замечательной красотой: большинство из них имеют великолепные, очень выразительные глаза, и в молодости смеющуюся физиономию и необыкновенную грацию в движениях[2]. Избрание харатина в шейхи оазиса составляет очень редкий, исключительный случай; обыкновенно в этот сан возводятся белые имазигены. Так же как шауйи и кабилы Алжирии, многие из мароккских имазигенов имеют белокурые волосы и голубые глаза; но в центральных и южных местностях этот тип блондина, повидимому, очень редок, за исключением разве южных гор, если верить сведениям, сообщенным Федербу[3]; другой исследователь, Рольфс, говорит, что во время своих многочисленных путешествий он видел только одного субъекта, отличавшагося от других туземцев светлым цветом волос. Повидимому, всего больше попадается белокурых кабилов в Рифе, т.е. в области прибрежья, по которой часто проходили завоеватели или переселенцы с Пиренейского полуострова. Тиссо, когда путешествовал между племенами Рифа, был немало удивлен, встречая такой большой процент туземцев с чисто-европейским лицом. Не следует ли видеть в них, вместе с Федербом, потомков, более или менее смешанных, того неизвестного народа, которым воздвигнуты мегалитические памятники страны?

Огромное большинство мароккских берберов говорит языком тамазигт, шлейх или шеллаха: старое наречие, благодаря убежищу, которое представляют племенам горы Атласа, гораздо лучше сохранилось в Магребе эль-Акса, чем в остальной Берберии, и в горах Рифа еще существуют, как рассказывали французским путешественникам Тиссо и Дюверье, древние списки Корана, написанные берберскими буквами. Но в Марокко, как и в Алжирии,

1 Faidherbe;—Tissot, etc.

2 De Foucauld, „Voyage au Maroc“ (в рукописи).

3 „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 15 juillet 1869;—„Revue d'Anthropologie“, II, 1874.

цивилизованный язык—арабский, единственный, который имеет письменность и на котором произносятся стихи Корана. Бербер, когда учится молиться, начинает с того, что повторяет слово за словом фату, первую главу священной книги мусульман. Почти у всех северных племен женщины и даже дети понимают и говорят по-арабски; но в горах и в оазисах сахарской покатости Атлантического океана некоторые народцы, живущие в стороне от торговых путей, знают только шеллахское наречие и прибегают к посредничеству толмачей, обыкновенно евреев, при сношениях с арабами. С другой стороны, есть племена берберского происхождения, совершенно забывшие речь предков и знающия только арабский язык: таковы бени-гассены, населяющие горы около Тетуана.

Между отдельными группами этих имазигенов, рассеянных на таком обширном пространстве, говорящих разными наречиями, представляющих всевозможные оттенки цвета жожп, от белого до черного,—различие типов, костюмов, нравов очень велико. Есть берберские племена, у которых женщины еще сохранили обычай татуироваться; впрочем, таких племен немного: указывают, между прочим, на туземцев в окрестностях Могадора. В некоторых местах женщины закрывают лицо черным вуалем, когда увидят чужого мужчину, или останавливаются на краю дороги, повернувшись спиной к прохожему, но почти везде они ходят смело, с открытым лицом. Обычай откармливать молодых девушек при помощи шариков из теста, чтобы придать им ту полноту, которая у мароканцев считается большой красой, распространен у большинства городских населений и даже у очень многих кочевых народцев. Костюм разнится почти в каждом племени так, что туземцы издали легко узнают по одежде и оружию, к какому клану принадлежат встретившиеся люди. Обыкновенно весь наряд, у мужчин и у женщин, состоит из хаика, шерстяного или бумажного, который застегивается на шее. Почти у всех мароканцев ноги кривые, выгнутые наружу, благодаря привычке матерей носить ребят верхом на спине, в складке хаика[1].

За исключением номадов, кочующих в равнинах у основания хребтов Анти-Атласа и Бани, и полуномадов севера и юга, соломенные жилища которых походят на пчелиные ульи и при перемене местопребывания переносятся обитателями на собственной спине[2], почти все имазигены живут в настоящих домах, построенных из камня; но эти дома группируются различно. Большинство селений представляют собою просто кучки хат, обыкновенно расположенные на вершинах гор, в легко защищаемой позиции, но без всякой ограды. На южной покатости Атласа деревни построены в форме крепких замков: это такие же ксуры, как укрепленные селения краевых гор на границах пустыни, в южной Орании. Наконец, есть независимые племена, чувствующие себя достаточно сильными, чтобы не иметь надобности группироваться в деревни: каждая семья живет отдельно; жилища раскиданы в беспорядке по склонам гор, как дома пиренейских басков.

О чисто-берберских населениях Магреба эль-Акса можно сказать, что в целом они остались независимыми. Некоторые племена, живущие в соседстве городов равнины и главных путей сообщения, были силой присоединены к территории блед-эль-махзен: но число таких племен очень не велико. От подвластного состояния до полной автономии существует целый ряд переходных степеней зависимости. Есть имазигены, которые соглашаются платить налог и даже сами приносят его, так что властям не приходится посылать к ним солдат для реквизиций. Большинство же оброчных племен обыкновенно ждут визита экзекуционной команды и уплачивают налог только для того, чтобы избавиться поскорее от этих непрошенных гостей, если, впрочем, данное племя не приняло заранее решения бежать к союзникам, предоставляя сборщикам податей совершить бесплодную прогулку по опустелым селениям. Бывают также случаи, что те или другие племена, желая положить конец своим междоусобиям, покоряются временно султану и просят дать им начальника, но эта попытка редко им удается; угнетение становится для них более невыносимым, чем война, и скоро они прогоняют поставленного над ними каида, чтобы вернуться к своей дикой свободе. Некоторые могу-

1 G. Rohlfs, „Globus“, XVIII, 1875.

2 Colvilie, „Ride in Petticoat and Slippers“.

щественные племена, у которых султан не посмел бы требовать дани, соглашаются однако принять назначенного каида, нечто в роде посланника, которого уважают, если он справедлив, у которого спрашивают совета, если он съумеет приобрести расположение народа, но которого обыкновенно только терпят, как чужого человека. Иногда зависимость племени от султана-шерифа имеет чисто духовный характер и выражается тем, что ежегодно марабуты этого племени являются ко двору, чтобы представить какие-нибудь дары, за которые им отплачивают соответственными подарками. Другие племена, совершенно независимые, считают себя союзниками императора и сносятся с ним как равные державы. Наконец, есть и такие народцы, которые никогда не вступают ни в какие сношения с султаном-шерифом: таковы риаты (по Кольвилю, граяца)[1], обитатели гор, господствующих над дорогой из Тлемсена в Фец. «У них нет ни Бога, ни султана, они знают один только порох». Они не имеют над собой ни шейха, ни каких-либо других начальников. «Всяк сам себе господин, было бы только ружье»!—таков девиз этих горцев. Риатские женщины, рослые и сильные, с открытым лицом, в короткой, выше колен, юбке спускаются в большом числе на рынки равнины, и вид у них дотого воинственный, что если бы не отсутствие оружия, их легко бы было принять за мужчин[2]; впрочем, английскому путешественнику Кольвилю случалось видеть и вооруженных женщин, молодцовато носивших свои ружья. Другие горские женщины сопровождают мужчин на войну, неся с собой горшок, наполненный краской: всякий беглец был бы тотчас же схвачен ими и заклеймен на лице знаками, присвоенными трусам.

Подобно кабилам Джурджуры, мароккские берберы по большей части не имеют иного правительства, кроме своей джемаа или *анфализ*. Племена—это большие семьи, которые дробятся по произволу, смотря по месту жительства и частным интересам; группы распадаются и вновь соединяются, как им заблагоразсудится; союзы заключаются, ссоры улаживаются без всякого вмешательства высшей власти во взаимные отношения семейств, родов или племен. Даже редко где общины имеют кануны или своды традиционных законов: обыкновенно у них не существует никакого закона, кроме решения собраний или мирских сходов, принятого единогласно главами семейства. Такова форма правления, преобладающая у берберских племен атлантической покатости Атласа. На сахарской отлогости народцы сильнее сплочены, чтобы быть в состоянии успешнее оказывать сопротивление кочевникам; деревни там формально соединены в союзы или нации, и через своих уполномоченных совещаются и условливаются между собой о мерах, направленных к общей обороне. Другие племена, менее заботящиеся о сохранении своей независимости, добровольно принимают вассальное положение и признают главенство какого-нибудь шейха или более могущественного племени: маленькая ежегодная дань свидетельствует об отношениях, связывающих вассалов с сюзеренами. Некоторые племена продают свою свободу лишь на время и стараются связать своего начальника некоторого рода конституционными гарантиями. Так берберы Атласа выбирают своего шейха только на один год. Власть начальников почти всегда очень непрочная: те, которые остаются на месте, обыкновенно соединяют с талантами управления большое состояние и благородное происхождение, но им редко удается нейтрализировать влияние мирского схода: во всех важных обстоятельствах анфализ собирается и принимает окончательное решение, в качестве высшей власти.

Между таким множеством различных наций сношения были бы невозможны, если бы взаимные договоры не обеспечивали проезд или проход путешественников и провоз товаров. Посредниками в торговле обыкновенно служат евреи; но, презираемые и ненавидимые населением, они рисковали бы жизнью при входе в каждую деревню, если бы не были защищены коллективной волей данного племени или словом уважаемого человека. Есть, однако, народцы, где никакое вмешательство не заставило бы разрешить доступ еврею: последний может проходить по территории этих берберов не иначе, как переодетый, и если бы его узнали, то ничто бы не спасло его от смерти; труп его бросили бы на дороге, как тело нечистого жи-

1 Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“.

2 De Foucauld, цитированное сочинение.

вотного, даже не обобрав его, не тронув золота, лежащего в его карманах. На территории большинства племен дозволяется проход евреям, так же как и другим чужеземцам, если только они прибыли в сопровождении поручителя или людей его клана. *Мезраг* (охрана), соответствующий кабильской анайе, почти всегда продается за деньги. Путешественник обращается к какому-нибудь влиятельному лицу и торгуется с ним на счет цены мезрага; но с момента уплаты условленной суммы покровитель ответствует за жизнь и благосостояние своего гостя: он не может его покинуть, пока не сдаст в верные руки. В некоторых случаях мезраг богатого человека или даже целого племени покупается на всю жизнь; тогда он носит название *дебиха* или «жертвоприношение», потому что прежде обычай требовал, чтобы ситель закалывал барана на пороге человека, к которому он обращался за покровительством; с момента этого заклания клиент принадлежал уже всей общине в совокупности, как член,

Арабъ-верблюдовожатый.

имеющий право на её защиту. Дебиха дается под разными формами то одним племенем другому, то одним человеком деревне или союзу деревень, то общиной отдельному лицу; иное племя имеет несколько сюзеренов зараз.

При существовании этих уз солидарности, поддерживаемых мезрагом, торговые сношения могли бы беспрепятственно производиться от одного конца Магреба до другого, если бы между племенами не было таких, которые, живя грабежом, не принимают никаких охранных грамот, и если бы пошлины, взимаемые на пути в каждой деревне и постепенно наростающие от таможни до таможни, не достигали, в конце концов, огромной суммы, вдесятеро увеличивающей первоначальную цену товара. Даже в соседстве Феца горы заняты берберским племенем геруан, которое не дает анайи, но пропускает путешественников, под услови-

ем, чтобы они уплатили сполна *зетату* (пошлину); везде у входа в деревню всадники и пехотинцы преграждают путникам дорогу и взимают налог с оружием в руках. На южном скате Атласа, на окраине Сахары, туземцы племени дуи-беллал предлагают караванам свои услуги, в качестве эскорта; но если их не берут как конвоиров, они устраивают засаду, чтобы ограбить несговорчивых прохожпх. Когда эти прохожие—евреи или люди дальнего и слабого племени, их обирают до последней нитки и отпускают голых, но целых и невредимых; когда, напротив, путешественники принадлежат к могущественному племени, от которого можно опасаться возмездия, то их обыкновенно убивают, дабы никто не пошел рассказать о совершонном нападении, так как вендетта считается священным долгом у мароккских берберов. Тем не менее, бедным людям редко удается отмстить за себя; когда богатые или сильные люди убивают бедняка, они обыкновенно отделываются уплатой «цены крови», ничтожной суммы, меняющейся, смотря по месту; а если они к тому же пользуются властью и заручились сообщничеством всех клиентов и трусов, то не считают нужным платить даже этот ничтожный выкуп[1].

Подобно кабилам Алжирии, кебаилы и другие берберы Марокко мало знакомы с догматами и обрядами исповедуемой ими веры. У арабов поморья сохранились даже некоторые обрядности, заимствованные от ненавистных руми: так, женщины их татуируются знаком креста, и при трудных родах возносят молитвы о помощи к «Пресвятой Деве Марии»[2]. В языке их осталось не мало латинских слов[3]. Римский календарь все еще в употреблении, совместно с календарем арабским, и для обозначения фаз земледельческой жизни всегда пользуются первым[4]. Марабуты, читающие нараспев стихи Корана, вообще принадлежат к арабской расе, и влияние их различно, смотря по племенам. Тогда как в некоторых племенах на них смотрят подозрительно, в других местах они, напротив, почитаются как святые, как непогрешимые гении, и всякому приказу их повинуются с благоговением. Некоторые из их монастырей слывут священными местами, и преступник находит там самое надежное убежище, тогда как еврей должен делать длинный обход, чтобы не осквернить своей тенью землю, освященную пребыванием праведников. Многие племена совершенно игнорируют обязанность хождения в Мекку, и на памяти ныне живущих людей не дали еще ни одного хаджи. Но есть и очень религиозные племена, откуда каждый год отправляются пилигримы для посещения каабы и гробницы Пророка: к этим благочестивым племенам принадлежат, между прочим, бени-гассаны, обитающие в соседстве Тетуана. Впрочем, хаджи, которых обыкновенно предполагают фанатиками, оказываются, напротив, из всех туземцев наиболее справедливыми и доброжелательными в отношении иностранцев: во время своих долгих странствований они имели случай познакомиться с могуществом и культурой народов, не принадлежащих к мусульманскому миру; они знают, и даже иногда усвоивают некоторые из их обычаев, и когда какой-либо представитель посещенных ими наций появляется между ними, они принимают его с почтением, часто даже с симпатией[5]. К хаджам, совершающим путешествие с религиозной целью, каждый год прибавляется постоянно увеличивающееся число эмигрантов, почти исключительно берберов, отправляющихся на заработки в качестве землекопов или жнецов в разные местности Алжирии и Туниса: таким образом мароккский народ мало-по-малу знакомится с иностранцами, и под влиянием этого знакомства постепенно изменяется его миросозерцание. Отчего бы не давать ему хороших примеров, отчего не обращаться с ним всегда справедливо и гуманно? Политическое присоединение Марокко к колониальной империи Европы есть один из тех вопросов, которые обсуждаются в советах держав с ревнивой страстностью. Гораздо важнее было бы стараться о нравственном завоевании мароканцев, посвящая их, во время их ежегодных посещений, в более цивилизован-

1 Drumm Honday, „Western Barbary“.
2 De Foucauld, цитированное сочинение.
3 Delaporte;—Renou, цитированное сочинение.
4 Ch. Tissot, „Exploration Scientifique de la Tunisie“.
5 De Foucauld, цитированное сочинение.

ную жизнь, чем дикий быт их варварского общества.

Арабы, жители деревень, и мавры, жители городов, представляющие продукт разнообразного смешения крови берберской, арабской и европейской (от ренегатов, выходцев из прилегающих к Средиземному морю стран), но все говорящие мавританским наречием арабского языка, происходят от завоевателей, пришедших с Аравийского полуострова во время последовательных переселений, и от мавров, изгнанных из Испании. Те из них, которые живут среди шеллахов и гаратинов, в равнинах, лежащих к югу от Атласа и Анти-Атласа, обозначаются общим именем «арабы», как будто они по преимуществу представители этой расы. Между этими номадами, кочующими вокруг краевых оазисов Сахары, встречаются самые красивые женщины Марокко: они имеют классически правильный профиль и отличаются замечательной белизной лица и рук, хотя редко моются, и хотя синяя одежда, которую они обыкновенно носят, придает коже синеватый оттенок. Всех жителей, которые могут быть причислены к арабам, насчитывают более миллиона; в городах они составляют огромное большинство населения, и за исключением местностей, лежащих на полуденном склоне Атласа, в соседстве пустыни, они ведут оседлый образ жизни: контраст, существующий в Алжирии между бербером-земледельцем и арабом-номадом и пастухом, повторяется в Марокко лишь в очень слабой степени.

Арабы Гарба отличаются сильно развитым духом общительности: почти в каждой деревне, даже в дуарах, они собираются в здании или шатре, служащем мечетью, и приносят каждый свою долю пищи для общей трапезы; но женщины остаются дома[1]. Замечательно обилие святых между семитами Марокко. Есть целые племена, состоящие из шорфов, или потомков Магомета; другие, хотя и не претендующие на столь знаменитое родство, тоже пользуются большим уважением, и все духовные ордена Магреба, между прочим, аиссауа и деркауа, получили начало в Марокко. После Аравии эта страна считается благороднейшим местом происхождения для истинных мусульман; семитические завоеватели, повидимому, выиграли в достоинстве своим прибытием на берега Атлантического океана. Память о могуществе и цивилизации, которых достигли некогда населения Гарба, придала им особенное обаяние в глазах обитателей оазисов между Мавританией и Египтом. Тогда как магометане Востока молятся за стамбульского калифа, магометане Запада, включая сюда и Туат, просят Аллаха о ниспослании благодати на главу мароккского султана, за которым они, впрочем, не признают ни малейшего политического права над ними.

После берберов различных рас и арабов, самым сильным этническим элементом в Марокко являются евреи, происходящие в большей части от израильтян, прогнанных из Испании католическими королями; они так и называют себя «геруш Кастилья», т.е. «изгнанники из Кастилии», и при совершении брачного обряда раввины до сих пор еще употребляют формулы, оканчивающиеся словами: «во всем согласно кастильскому обычаю»[2]. Все евреи, живущие в приморских портах, на севере от уэда Тенсифт, пользуются еще испанским языком, как своей обычной речью[3], иудеи Феца и Мекнеса (Мекинеца) говорят по-арабски. По словам большинства писателей, евреев в Марокко насчитывается более ста тысяч; однако, Рольфс, один из путешественников, посетивших многие местности во внутреннем Магребе эль-Акса, не думает, чтобы еврейское население достигало трети этого числа: это было бы очень мало, судя по важности их роли, как посредников в торговле, и по существованию их колоний в каждом городе и почти в каждом племени. Преследуя евреев, марокканцы в то же время хотят сохранить их для торговли, и ни один еврей не может уйти из страны без паспорта, купленного за хорошие деньги; сумма, которую пришлось бы заплатить еврейской женщине, желающей покинуть свое местопребывание, так велика, что нужно быть почти богачом, чтобы приобрести право передвижения. Самые красивые женщины в Марокко, говорят,—еврейки из Мекнеса, так что имя Мекнасиа применяется безразлично ко всем женщи-

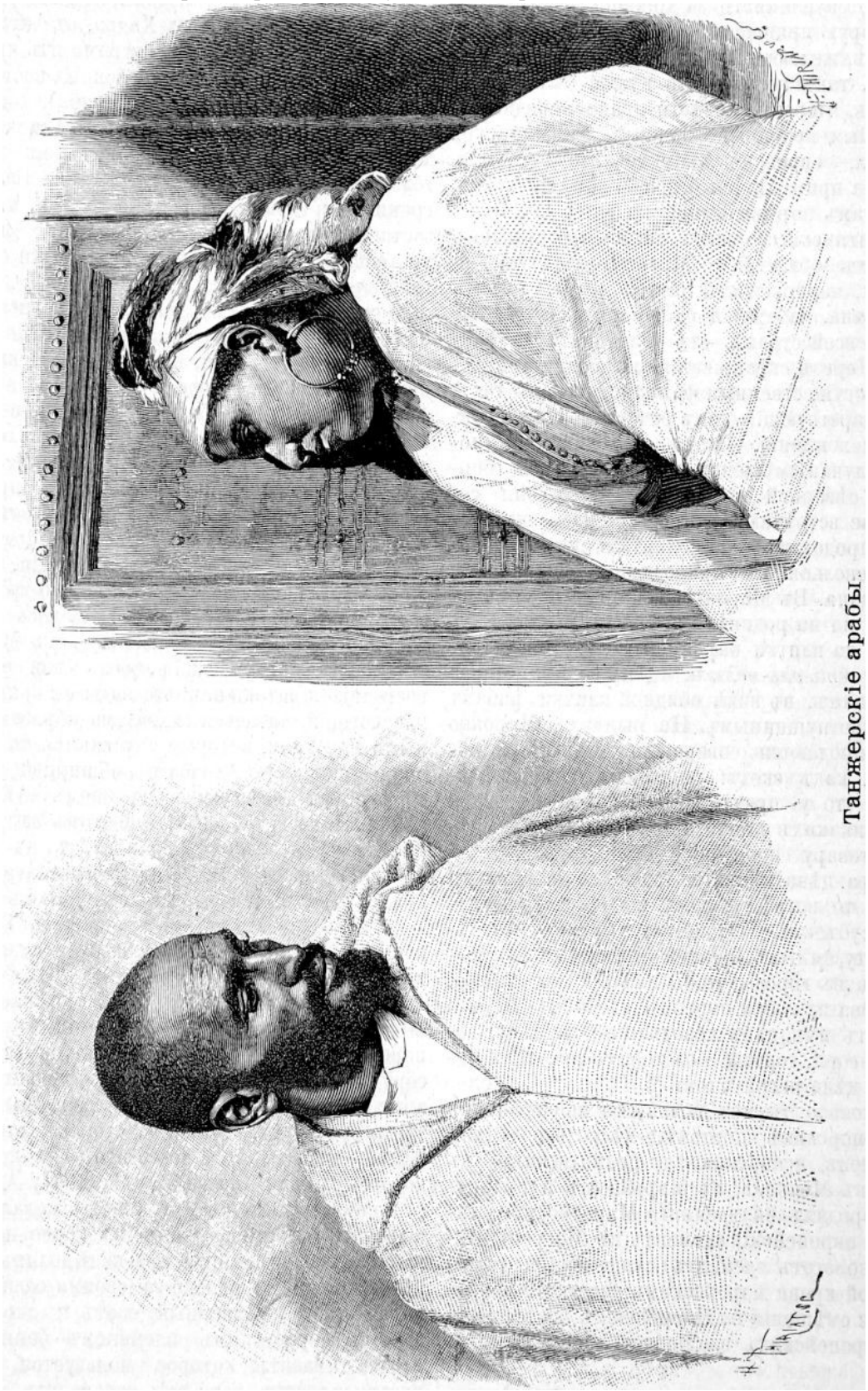
1 G. Rohlfs, „Reise durch Marocco“.

2 Elie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872;—Leon Godard, „Le Maroc“.

3 G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

нам поразительной красоты[1].

Негритянский элемент также представлен во всех областях Магреба-эль-Акса: по Рольфсу, чернокожих чистой расы, родом из Судана, наберется около пятидесяти тысяч во всей



Танжерскіе арабы.

стране, от Таруданта до Танжера. Через скрещивания они вошли особенно в могущественные фамилии городов: так, ныне царствующий дом отчасти негритянского происхождения.

1 Celville, цитированное сочинение;—H. von Maltzan.

Но в сельских местностях случаи смешения рас не часты. У берберов северной покатости Атласа они совсем не встречаются. Негрское население Магреба продолжает пополняться покупкой новых невольников, приводимых караванами из Судана. В Марокко их приобретают за деньги, но на родине они были куплены в обмен на плитки каменной соли: отсюда название *гемт-эль-мельха*, «цена соли», которое часто дают, в виде обидной клички, рабам и вольноотпущенным. На рынках Марокко негры продаются совершенно таким же образом, как скот: продавец божится-клянется, что у предлагаемого живого товара нет никаких «пороков», а покупатель делает товару подробный осмотр через ветеринара: цена меняется от 20 до 500 франк., смотря по возрасту, силе и здоровью покупаемого субъекта. Случается, что молодые девушки туземных племен, гонимые нуждой, уходят в города, чтобы иметь кусок хлеба, и хозяева их при первом удобном случае продают их, как невольниц, за цену, вообще говоря, гораздо более высокую, чем покупная цена негритянок[1].

Несколько тысяч вольных иностранцев в приморских портах, несколько сотен ренегатов, испанских и французских, в Феце, в Мекнесе, в Марракеше и в других городах внутреннего Марокко, представляют европейский элемент в Магребе-эль-Акса; но этот элемент существует также в самой крови мароккских населений через прежния смешения на Иберийском полуострове и в европейских владениях поморья.

Известно, что по скату вод, часть северо-восточного Марокко составляет естественную область Алжирии: город Уджда и соседняя территория принадлежат к бассейну Тафны. Этот пограничный городок, лежащий у подошвы холма Кудиат эль-Хадра, в Ангадской «равнине» (пересекаемой буграми из красноватой глины и продолжающейся на восток до французского города Лалла-Магниа), состоит из кучки домиков, окруженных оливковыми деревьями, но торговля его довольно значительна, благодаря соседству Алжирии. Близость границы и французских военных постов заставила мароккское правительство прочно установить свою власть в этой части своих владений: Уджда—«султанский город», имеющий гарнизон и чиновников, зависящих непосредственно от государя. Верстах в десяти от этого города, на берегах Исли, подпритока Тафны, происходила, 14 августа 1844 г., известная битва, часто приводимая как пример тех сражений, где маленькая армия, сознающая свою силу и значение совершаемых ею движений, выступает против несвязной толпы с полной уверенностью в победе. После этой битвы, отдавшей мароккское правительство во власть Франции, заключен был Танжерский трактат, по которому за султаном оставлен почти весь пояс спорной территории к востоку от Молуйи.

Эта река, получающая чрез свои верхние восточные притоки немного воды с оранских плоскогорий, питается главным образом горными потоками, которые спускаются с северной оконечности Атласа в обширный цирк, образуемый снеговым гребнем Айашина (Аячина) на юго-востоке, хребтом Аит-Яхиа на юге и джебелем Тамаракуит на западе и северо-западе. В этом амфитеатре гор проходит главная дорога из Феца в Тафилельт, переваливая через хребет Тамаракуит близ озера Сиди-Али-Мохамеда, под тенью деревьев: туйи, зеленого дуба, бузины; с этих лесистых высот она спускается к Молуйе, уже широкому и быстрому ручью, и перейдя через него, снова поднимается в гору на юго-восток и огибает хребет Айашин горным проходом, называемым Тизинт эр-Риут. С южной стороны этот дефилей оканчивается естественным портом, которому дали название Салям-у-Аликум («приветствую тебя»), как-бы желая тем выразить радостное чувство, которое испытывает путешественник при виде долины Зис, простирающейся далеко со своими оазисами и деревнями[2]. Северный скат и дно цирка заняты берберским племенем бени-мгиль, языка тамазит, которое пользуется полной независимостью, хотя все его воины, собранные вместе, представляют силу никак не более полуторы тысячи человек; они владеют превосходными конями, отличающимися крупным ростом,—что большая редкость у горных лошадей,—и не уступающими в красоте и выносли-

1 Erckmann, „Le Maroc“.

2 G. Rohlfs, „Reise durch Marokko“.

вости знаменитым скакунам, воспитываемым в местности между Могадором и Мазаганом. Главный ксар этого племени—Булайул, лежащий на высоте около 1.000 метров, на берегу одного из потоков, образующих верхнюю Молуйю. При обилии текучих вод и плодородии почвы, бени-мгиль могли бы обогатиться земледелием; но они предпочитают жить поборами с проходящих караванов, от которых они требуют пошлины до 8 франк. за каждое вьючное животное: этим они запугали купцов, и теперь торговля между Фецом и Тафилельтом избрала кружный путь на Марракеш, удваивающий расстояние. Мало измененное соприкосновением с арабами, племя бени-мгиль сохранило некоторые обычаи, не встречающиеся более у других населений Атласа. Так, молодые люди этого племени бегают голые по арене, как древние греки на олимпийских играх, и женщины награждают их рукоплесканиями.

Ниже в долине живет другой берберский союз племен, менее могущественный, аит-уафелла, признающий власть султана и за это получивший разрешение прижимать путешественников, взимая по франку пошлины «с головы скота и еврея», проходящих по его землям[1]. Ксар Ксаби-эш-Шорфа, обитаемый, как показывает его имя, святыми, якобы потомками Пророка, лежит в равнине, где соединяются верхния ветви Молуйи: выше по течению виднеется зеленеющий амфитеатр гор, ниже—разстилается обширная беловатая пустыня, местами каменистая и усеянная пучками альфы. Ксаби-эш-Шорфа находится на границе двух языков: с одной стороны, по направлению к Атласу, говорят только наречием тамазигт; с другой, по направлению к равнине, оба идиома борются из-за преобладания; далее, у племени улад-хауа, общеупотребительный диалект—арабский. Костюм также меняется, и по виду туземцев можно подумать, что находишься в Алжирии: берберы плоскогорий употребляют уже веревку из верблюжьей шерсти для подвязывания капюшона своего хаика.

Городок Дебду находится не на берегу Молуйи, а в боковом бассейне, к востоку от главной долины, на дороге, направляющейся к высоким плато Марокко. Местоположение этого города, окруженного садами и лугами, восхитительно. В непосредственном соседстве вздымается, на 80 метр. высоты, вертикальная стена, изрезанная трещинами, на половину прикрытыми гирляндами переплетающихся лиан. Старая крепость и минарет господствуют над городом с края утеса. Далее почва поднимается рядом террас с крутыми откосами, и горизонт ограничен лесистым гребнем: это край плоскогорья Гада, ровная поверхность которого, оживляемая многочисленными источниками, покрыта великолепным лесом, одним из лучших в Марокко. По описанию Фуко, город Дебду состоит из четырехсот домов, построенных из битой глины; во многих домах нижние покои и дворы лежат ниже уровня почвы, в углублениях, вырытых в скале. Город вполне подчиненный султану, Дебду пунктуально платит налог, за которым каждый год приезжает каид из Тазы; это единственное место в Марокко, где большинство населения иудейское. Три четверти жителей евреи, которые занимаются торговлей, преимущественно с Алжирией, где Тлемсен—их главный складочный пункт, а также с Фецом через Тазу, и с испанской Мелильей, через нижнюю долину Молуйи. В окружающих горах пасутся стада коров и коз и многочисленные табуны мулов, порода которых славится во всем северном Марокко.

К западу от Дебду р. Молуйя перерезывает область гор глубокими ущельями, затем вступает в обширную каменистую равнину Тафрата, которая почти каждый год принимает вид настоящей пустыни; но когда зимние дожди были обильны, она покрывается весной зеленеющим ковром, и тогда палатки арабов племени гуара рассеяны по всему её пространству сотнями черных точек[2]. Равнина Тафрата составляет западную оконечность длинной низменности, которая на востоке оканчивается Ангадской «пустыней», на границе Марокко и Алжирии. Молуйя течет в западной части этой низменности и принимает здесь свой главный приток, уэд За, усиливаемый уэдом Шарф, и другими потоками, берущими начало на высоких плато, на юге мароккского Телля. Уэд За всегда катит некоторое количество воды, даже середи лета, и дает своей долине богатый убор растительности. Главный рынок при-

1 De Foucauld, цитированное сочинение.

2 A. Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“

брежного населения находится не в самой долине, а к востоку от неё, в Ангадской пустыне. Там стоит, на горке, знаменитая кубба Сиди Меллука, вокруг которой сгруппированы дома арабских и еврейских купцов, ведущих торговлю с Уджда и Тлемсеном; деревню Сиди Меллук обыкновенно называют Касба эль-Айун, т.е. «Замок Ключей», по причине многочисленных колодцев, выкопанных вокруг холма. Этот пограничный пункт занят гарнизоном из 160 солдат регулярного войска, который наблюдает за полунезависимыми берберскими племенами, живущими в окрестностях. Самое могущественное из этих племен—бени-изнатен, или, как его обыкновенно называют его французские соседи в Алжирии, бени-снассен; оно состоит из нескольких кланов, которые принуждены были покинуть свою первоначальную территорию, в окрестностях Немура. Эти непримиримые враги христиан населяют горы, высящиеся в виде уединенного массива между Ангадской пустыней и нижним течением Молуйи. Они очень богаты, благодаря обилию превосходных пастбищ, дающих корм их стадам.

В низменной равнине, по которой протекает Молуйя до впадения в Атлантический океан, нет ни одного значительного города; ближайшая военная позиция—Заффаринские острова (Джаферин или Chaffarinas)—принадлежит Испании. Эти острова, Tres Insulae (три острова) древних географов,—голые скалы, почти без растительности и культуры, имеющие важность только как безопасное убежище для кораблей, а также по стратегическому положению против долины Молуйи и недалеко от оранской границы. В первые годы завоевания Алжирии французы предполагали занять также и этот маленький архипелаг, и в 1849 г. решились, наконец, привнести в исполнение свое намерение, но были предупреждены на несколько часов испанцами: когда они явились туда, на главном острове уже развевалось кастильское знамя[1]. Возведенные испанцами укрепления защищают теперь этот остров против всякой попытки высадки и образуют как-бы аванпост крепости Мелильи, лежащей верстах в пятидесяти к западу, при основании гористого полуострова. оканчивающагося высоким мысом Рас-эд-Дейр (Раседдир), cabo Tres Forcas (мыс Трех Ущелий), как его называют испанские моряки. Мароккский султан, по всей вероятности, из желания поссорить правительства Франции и Испании, изъявил готовность уступить последней из этих держав Кабоде-Агуас (Мыс вод), напротив Заффаринских островов, и пространство земли до устья Молуйи.

Мелилья или Мелилла (Млила на языке туземцев) занимает то самое местоположение, где стоял финикийский город Руссадир, имя которого сохранилось до сих пор в названии соседнего мыса. Нынешний город построен на террасе, у подножия крутой скалы, на вершине которой расположен испанский форт Розарио, акрополь, воздвигнутый на фундаментах других цитаделей, сменявших одна другую в течение трех тысяч лета; бухта, вдающаяся в материк на юго-западе от крепости, служит убежищем для кораблей от опасного восточного ветра; бассейн, высеченный в живой скале для разгрузки судов, может-быть, устроен еще финикиянами, как бассейны в Карфагене и Утике[2]. В 1848 г. укрепления Мелильи были на половину разрушены землетрясением. До недавнего времени этот город, которым испанцы владеют уже более четырех столетий (с 1496 г.), был не более, как тюрьма, в одно и то же время для ссыльно-каторжных и для стражи, приставленной стеречь их; тогда неблагоразумно было выходить за крепостной вал далее, как на ружейный выстрел, и горцы из Рифа часто забавлялись стрельбой в часовых, как в мишень. Теперь этого уже нет, с тех пор как правильное пароходное сообщение, установившееся между метрополией и Мелильей, вызвало в этом городе более оживленную торговую деятельность и позволило чаще обновлять гарнизон, который нередко страдает от лихорадки, порождаемой вредными испарениями болот, окаймляющих побережье на юге от города. Морской берег, простирающийся к западу от мыса Трех Ущелий, прежде пугал моряков, как гнездо грозных пиратов, которые грабили суда, выброшенные волнами на подводные камни, и уводили в неволю матросов; но с 1855 г. не слыхать о разбоях в этих опасных водах. На мысах Трех Ущелий некогда воздвигали

1 „Bulletin de la Societe de Geographie d'Oran", avril-juin 1884.

2 Ch. Tissot, „Recherches sur la Geographie comparee de la Mauretaine Tingitane".

жертвенники в честь богов, оказывающих помощь находящимся в опасности мореплавателям. В открытом море, на расстояний 50 километр. от мыса, высится остроконечная гора, укрепленная испанцами,—безплодный островок Альборан.

На полукруглом берегу Рифа, между мысом Трех Ущелий и полуостровом Тетуанским, следуют один за другим военные посты Альхусемас и Пеньон-де-Велец, принадлежащие испанцам уже более трех столетий. Первый из этих presidio, называемый у древних арабских писателей Мерса-эль-Мземма, есть не что иное, как островок, морская тюрьма, где люди построили другую тюрьму. Пеньон-де-Велец, или Велец-де-ла-Гомера,—тоже островной военный пост и острог для каторжников, куда испанские корабли привозят летом пресную воду для гарнизона и арестантов; но он господствует над частью побережья, представляющей очень выгодные условия для торговли: против острова на материке видны остатки римского города Бадис, считавшагося в средние века портом Феца на Средиземном море[1]. Его сменило теперь местечко того же имени; недавно там хотели-было основать горный завод, но попытка эта не удалась. Это место было бы самым удобным пунктом высадки для того, чтобы попасть с берега Рифа в долину Себу, но, к сожалению, не существует никаких проезжих дорог через тамошния горы, населенные независимыми берберскими племенами. В одной долине этих гор находятся город Шешауэн, окруженный виноградниками, и в соседстве его первоначальный монастырь духовного ордена Деркауа.

Главный город средиземного побережья в Мароккской империи—Тетуан, называемый маврами Титауаном, и берберами Теттауэном, что значит «Место источников»; в самом деле, воды, бегущие с крутых гор, развертывающих на западе свой обширный амфитеатр, текут обильными ручьями в его садах под густой листвой апельсинных деревьев. Внизу террасы (около 60 метр. высотой), на которой расположен Тетуан, протекает извилистая речка, направляющаяся на северо-восток и впадающая в море в 6 километр. от города; бар, через который могут проходить только барки, защищен укрепленной таможней. Город, доминируемый цитаделью, окружен высокой оградой, с башнями по бокам, и заключает внутри второй круг стен, меллах, где живут евреи. Эти последние составляют около четверти городского населения и владеют почти всеми его богатствами. Их квартал, где они пользуются некоторой автономией, отличается от других частей города относительной чистотой, дома их более комфортабельны, костюмы богаче: по праздникам тамошния еврейки, славящиеся красотой, щеголяют в шелках и золоте. Вообще Тетуан—один из центров израильского мира. Евреи владеют там всеми лавками на базаре и служат посредниками в торговле этого города с соседними странами через Сеуту, Танжер и Гибралтар; они вывозят апельсины и род водки, *магайя*, приготовляемой из винограда. Промышленность Тетуана, ограничивающаяся производством глиняных изделий и другими, обычными в мусульманских городах, ремеслами, сосредоточена преимущественно в руках алжирцев, покинувших отечество, чтобы не оставаться под властью французов. Превратности войны часто заставляли Тетуан менять своих властителей. Населенный в большей части мудежарами, т.е. маврами, изгнанными из Гранады и Кастилии, он должен был часто вести борьбу со своими северными победителями. В начале пятнадцатого столетия Тетуан был предан разграблению кастильцами; сто лет спустя его пираты завладели морем и захватывали пленников тысячами на берегах Андалузии, продолжая мирно торговать с англичанами, голландцами и венецианцами[2]. В 1564 г., король испанский Филипп II велел разрушить тетуанский порт; наконец, в 1859 г. испанцы снова овладели Тетуаном и одержали над мароккским войском решительную победу, близ этого города, на скатах гор, через которые проходит дорога в Танжер. После долгих дипломатических переговоров, Тетуан был возвращен мароккскому султану. Обороты внешней торговли Тетуана в 1893 г. простирались до 1.528.740 франк.

Сеута принадлежит северным соседям Мавритании уже около пяти столетий. В 1415 г. португальцы заняли этот город, в самый день высадки на берег; затем, в 1570 г., он перешел

1 Elie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

2 Elie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

во власть Испании, которая владеет им до настоящего времени. Одна из. осад, которую ему пришлось выдержать со стороны марокканцев, в конце семнадцатого и в начале следующего века, продолжалась ровно двадцать-шесть лет[1]. Хотя «вольный порт», Сеута теперь уже не торговый центр, каким она была в магометанскую эпоху; купцы из внутреннего Марокко оберегают христианский город, защищенный тройной стеной, уставленной пушками и рогатками. По важности торговли, контраст огромный между двумя Гибралтарами, марокканским и испанским, которые походят друг на друга геологическим строением, полуостровной формой, позицией в виде часовых у входа, в пролив, и пушками переглядывающимися через море. Сеута, город молчаливый и без торговли, отличается по крайней мере красотой вида, чистотой стен, белизной домов, с резными балконами, декорированными цветами. Над городом господствует форт, доминируемый, в свою очередь, вершинами внутренних гор, из которых иные увенчаны укреплениями, принадлежащими также Испании. До сих пор англичане успели своей дипломатией помешать испанцам преобразовать Сеуту в сильную крепость, которая могла бы бравировать Гибралтар. На северо-западе виднеются «семь» скалистых вершин, от которых город и получил имя Сеута, если только это имя не происходит от семи выступов самого полуострова, или от ограды, образуемой вокруг Сеуты морем и ретраншементами перешейка[2]. Заколы и сети часто заграждают якорную стоянку на юге города: там средним числом налавливают ежедневно по пяти тысяч макрелей, и большая часть этой рыбы отправляется в порты Андалузии. Тетуан снабжает Сеуту плодами, но, по существующим конвенциям, испанцам не дозволяется иметь сухопутное сообщение между этими двумя рынками.

На мароккском берегу Геркулесова пролива, между Сеутой и Танжером, нет более городов. Каср-эс-Серир, или «Малый Замок», названный так по сравнению с Каср-эль-Кебир, или «Большим замком» во внутреннем Марокко, теперь не более, как груда развалин, которую пески оспаривают у мелкой поросли. В средние века это была верфь, откуда мусульмане Гарба выпускали свои суда, торговые и военные. В настоящее время Марокко уже не может содержать собственного флота, и посредниками в его торговле служат иностранные моряки. Все торговое движение направилось к полуевропейскому городу, охраняющему западный вход Гибралтарского пролива. По своим приливам Танжер находится уже на берегу Атлантического океана: разность высоты воды во время прилива и отлива превышает там два с половиной метра, тогда как в Сеуте эта разность составляет только один метр, а в Тетуане 70 сантиметров[3].

Танжер или Тангер (Танджа на языке туземцев) есть древний город Тингис, название которого значит «Лагуна», по объяснению Тиссо. Он родился из земли, вместе с Антеем: легенда относит его основание ко временам, предшествовавшим истории. Под владычеством римлян Тингис сделался столицей Мавритании Тингитанской, соответствующей нынешнему северному Марокко; но размеры его в ту эпоху, кажется, не были обширнее, чем в наши дни: он занимал то же самое место и покрывал такое же пространство земли, как и ныне: «Старый Танжер», развалины которого видны еще на юго-востоке, был арабский город, существовавший в средние века. Положение Танжера на берегу полукруглой бухты, представляющей, у ворот пролива, некоторую защиту против западных ветров, должно было во все времена обеспечивать этому пункту прибрежья большую торговую важность. Венецианцы долго были там допускаемы, как гости; португальцы хотели войти туда в качестве завоевателей и были неоднократно отражаемы. Наконец, в 1471 г. им удалось овладеть Танжером, и в течение слишком двухсот лет этот город был потерян для Марокко; португальцев сменили испанцы, а испанцев англичане. Англия не щадила никаких издержек, чтобы укрепить и устроить этот порт Африки: для подобного завоевания, «даже медная стена не была бы слишком дорогим сооружением». Однако, нападения мавров, недостаток жизненных припа-

1 R. Thomassy, „Relations de la Francs avec l'empire du Maroc".

2 Ch. Tissot, цитированное сочинение.

3 Vincendon-Dumoulin et de Kerhallet, „Manuel de la Navigation".

сов, трудность продовольствования в конце концов утомили англичан; они эвакуировали город в 1684 г., и перед уходом взорвали молы и жете, чтобы завалить гавань; двадцать лет спустя они овладели Гибралтаром, который представляет такия же военные выгоды, как и Танжер, и, сверх того, выгоду островного положения, но который не имеет продовольственного пояса. Покинутый как стратегический пункт, мароккский город тем более стал привлекать негоциантов всех наций; он сделался центром быстрого торгового обмена между Марокко и портами Европы; чужеземные министры, аккредитованные при султане Магреба, имеют здесь свою постоянную резиденцию; здесь же проживает и сановник, исполняющий функции министра иностранных дел, чтобы удобнее было сноситься с Европой. Таким образом Танжер является как-бы второй столицей государства, и, в виду такого его значения французы, чтобы нанести удар империи в одном из её жизненных пунктов, бомбардировали этот город в 1844 году, а испанцы угрожали ему тем же в 1860 г. Впрочем, Танжер начинает принимать европейский вид, который ему придают его новые дома европейской архитектуры, дебаркадер, фабрики и заводы, собственные органы периодической печати, дальнобойные орудия береговых батарей, соседний маяк и виллы, рассеянные на окрестных холмах. Кавалькады молодых щеголей разъезжают взад и вперед по дороге, идущей вдоль берега, между Танжером и мысом Спартель.

По красоте своего вида Танжер представляет некоторое сходство с Алжиром. Он также расположен амфитеатром на холме, увенчанном зубчатыми стенами касбы; минареты, пальмы поднимаются там и сям над массой белых домов. На улицах постоянное движение между гаванью и воротами верхнего города, куда погонщики приводят своих навьюченных верблюдов, свои стада баранов и коров. Хотя порт все еще мелок, на половину засыпанный обломками сооружений, взорванных англичанами, и хотя большие суда принуждены оставаться в открытом море, тем не менее Танжер ведет значительную торговлю, преимущественно с Гибралтаром, снабжая его гарнизон мясом, овощами и плодами.

Движение судоходства в Танжерском порте в 1895 г.: в приходе—598 пароходов в 565.882 тонны и 146 парусных судов в 5.674 тонны, всего 744 судна, общая вместимость 571.556 тонн.

Ценность оборотов внешней торговли в 1895 г.:

Привоз—9.348.725 франк., вывоз—4.435.375 франк.

Евреи, через руки которых идет почти вся торговля, отправляют за границу также шерсть и кожи, как сырые, так и выделанные, а корабли Франции и Англии привозят в обмен разный железный товар, бумажные ткани, чай, сахар, свечи. К нескольким сотням иностранцев, ежегодно приезжающих в этот мароккский город по делам, следует прибавить посетителей, путешествующих ради собственного удовольствия, и лиц, привлекаемых сюда заботами о своем здоровье: мало найдется городов, даже на побережье Средиземного моря, которые бы представляли больше выгод, чем Танжер, по мягкости воздуха и вообще всей совокупности климатических условий. Кроме того, Танжер имеет за собой исторические воспоминания и великолепие горизонтов. С дач и вилл, ютящихся под тенью Джебель-Кебира, видны вдали, на берегах Испании, белые точки Тарифы и слышна пушка Гибралтара. Внизу сливаются два моря; часто короткия, разорванные волны Средиземного моря сталкиваются и переплетаются с длинными складками могучих атлантических валов.

На океанском прибрежье Марокко путешественник, идущий по плоскому берегу ревущего моря, переходя в брод устья ручьев и речек, достигает первого местечка в 40 километрах к югу от мыса Спартель: тут стоял некогда римский город Зилис, сделавшийся впоследствии арабским, под тем же, немного измененным именем—Азила (Арзила, Арзеила); теперь это не более, как кучка бедных домишек, где еще видны, как и во всех городах мароккского берега, остатки португальских построек. В 30 километрах далее на берегу появляется первый торговый, приморский город, эль-Арайш или Лараш (т.е. «Беседка из виноградных лоз»). Административный центр провинции Гарб, или «Запад», эль-Арайш существовал уже в на-

чале девятого столетия[1], но долгое время оставался на степени простой деревни. При португальском господстве, затем под властью Испании, он сделался значительным портом, самым деятельным на этом берегу, и к той эпохе относятся сохранившиеся доныне городские стены, площадь, окруженная арками, и даже мечеть, бывшая церковь, построенная в иезуитском стиле[2]. Обратное завоевание этой крепости султаном Мулай-Измаилом, в 1769 г., составляет одно из славных событий мароккской истории: гарнизон, в числе 3.200 человек, был частию истреблен, частию обращен в рабство, продолжавшееся около двух лет, и 180 пушек достались в руки мусульман. С этого времени эль-Арайш, город махзен, все жители которого обязаны отправлять воинскую повинность на службе султана, успешно отражал все морские демонстрации: французов в 1785 г., австрийцев в 1829 г., испанцев в 1860 г. Остатки потопленных канонерок гниют теперь в водах реки.

Расположенный на южном берегу уэда эль-Хус или Луккос, у самого устья реки, город обращен к морю западной стороной. Вход в гавань загражден баром, который могут переходить только небольшие суда, поднимающие от 150 до 200 тонн груза; несмотря на то, эль-Арайш довольно часто посещается, особенно марсельскими судами и португальскими рыболовными барками: главные предметы вывоза—шерсть, бобы и канареечник, злак, крахмал которого употребляется для придания лоска и твердости бумажным тканям. Эти продукты провинции Гарб оплачиваются преимущественно сахаром. Движение судоходства в порте эль-Арайш в 1890 г.: в приходе—346 судов, общей вместимости—56.869 тонн; ценность оборотов внешней торговли—около 6 миллионов фр. Соседния воды, недавно изобиловавшие рыбой, были почти совершенно выпустошены паровыми рыболовными судами, которые ходили вереницей, таща за собой громадную сеть, захватывавшую все живые существа в промежуточном пространстве[3]. Местные рыбаки должны были искать себе других промыслов; теперь они эксплоатируют окрестные салины, культивируют апельсинные рощи, собирают кору с пробкового дуба в лесах, окаймляющих морской берег между городами эль-Арайш и Азила.

Ливийский город, затем финикийский и римский, которому наследовал эль-Арайш, не совсем исчез. В 4 километрах к востоку от нынешнего города, на горе, поросшей мелким кустарником и господствующей над двумя извилинами реки, видны еще остатки финикийских стен, построенных из огромных камней, как стены Арада, и продолжаемых римскими стенами, меньших размеров: это валы Ликса или Ликсуса, известного ныне у арабов под именем Чеммиш. У подошвы холма, в аллювиальных землях бухты, заметны следы порта, где могли иметь пристанище несколько кораблей. Но ни один из болотистых полуостровов, образуемых излучинами реки Луккос, очевидно, не мог быть «Гесперидскими садами», о которых упоминают древние писатели. Тиссо[4] думает, что эти сады находились на островке, теперь соединенном с твердой землей, вследствие поворота русла реки: за последние две тысячи лет форма устья, повидимому, совершенно изменилась. Менгиры и другие мегалиты, встречающиеся на дороге из Танжера в Ксар-эль-Кебир[5], восходят, может-быть, к еще более отдаленной эпохе. В одном берберском племени, в окрестностях города эль-Арайш, ежегодно бывает ярмарка невест. Кандидатки на брак сидят в ряд, с открытыми лицами, одетые в свои лучшие наряды. Приличия требуют, чтобы претенденты показывали вид, будто они торгуют только костюмы продающихся особ—молодых девушек или вдов: они щупают материю, внимательно рассматривают её ткань, изучают цвета, и если одежда им нравится, начинают сговариваться на счет цены; но подразумевается, что продавщица сама принесет свое одеяние в дом покупателя, в качестве законной супруги. Условленная цена за её платья составляет

1 Gerhard Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.
2 Teodoro de Cuevas, „Boletin de la Sociedad Geographica de Madrid“, 1894.
3 T. de Cuevas, цитированное сочинение.
4 „Geographie comparee de la Mauretanie Tingitane“.
5 Tissot, цитированное сочинение;—Decugis, „Bulletin de la Societe de Geographie“, aout-septembre 1878.

сумму её приданаго[1].

Славный город Каср-эль-Кебир, или «Большой Замок», произведения которого вывозятся через эль-Арайш, лежит, как и этот последний, на берегах Луккоса, в болотистой, часто затопляемой местности; он окружен виноградниками, оливковыми и апельсинными рощами; на соседних высотах пасутся многочисленные стада баранов и крупного рогатого скота. Город, не имеющий никакой ограды, несмотря на его название, построен из кирпича и покоится на фундаментах, сложенных большею частью из античных материалов; Тиссо нашел там греческие надписи, единственные, какие были до сих пор открыты в Марокко. Дома в Каср-эль-Кебире не беленные, как в большинстве других мароккских городов, отчего этот город имеет грязную, непривлекательную физиономию; но издали пальмы, поднимающие свои кроны над морем домов, стаи аистов, кружащихся около минаретов, придают ему живописный вид. Битва, известная под именем Альказар-кебирской, которая положила конец владычеству португальцев в Марокко, в 1578 г., происходила, повидимому, не под городом, носящим это название: две враждебные армии, как кажется, встретились в 10 километр. к юго-востоку от эль-Арайша, на берегах уэда эль-Махзен, притока р. Луккос[2].

К югу от эль-Арайша и устья Луккоса, побережье Марокко, представляющее лишь незначительные изгибы, тянется на пространстве около 150 километр. без всяких перерывов, до того места, где впадает другая река, уэд Себу. Плоский берег, напоминающий французские ланды, окаймлен дюнами, узкими песчаными плотинами, удерживающими лагуны. Только несколько выступов прерывают монотонную линию берега: на одном из этих выступов стоит кубба Булай-Бу-Селама, или «Отца мира», одна из наиболее посещаемых богомольцами святынь мароккского запада. На юге от этого мыса находится большая лагуна, сообщающаяся с морем. Дюны покрыты лесами пробкового дуба и мастикового дерева, образующими пояс зелени вдоль морского берега, на юге и севере от устья Себу[3].

В области верхнего Себу центральный рынок—город Таза, лежащий на высоте 830 метров, недалеко от порога, который разделяет горы Рифа и систему Атласа, приводя таким образом в сообщение бассейн Себу и западный Марокко с покатостью Молуйи и Алжирией. Из всех мароккских городов Таза занимает наиболее важную стратегическую позицию: современем она, без сомнения, сделается одной из главных станций магистрального железного пути Магреба между Тунисом и Фецом. Этот город, обладание которым имеет такую огромную цену, принадлежит оффициально султану, который держит там небольшой гарнизон; но султанские солдаты, запертые в двойной ограде Тазы, оказываются в действительности арестантами: племя риата, занимающее горы на северной и южной сторонах города, является истинным хозяином всей этой местности. Никто не смеет выходить за городскую стену иначе, как в сопровождении горца этого племени; всякий, кто, не имея охранного листа, отважился бы отойти от городского вала на расстояние брошенного камня, рисковал бы быть ограбленным, избитым, может-быть, убитым. Жителям запрещено даже ходить с кувшинами за водой к ручью, протекающему у самых стен: те же горцы риата присвоили себе монополию снабжения города водой и всеми съестными припасами. Таким образом городское население находится совершенно во власти этого горского племени, которое держит его в осаде. Когда Фуко проезжал через этот город, в 1883 г., все население, измученное гнетом, под которым оно томится, и не надеясь более на помощь от султана, высказывало путешественнику, что оно ждет не дождется того «радостного дня, когда придут французы». Однако, город ведет некоторую торговлю с берегом Рифа, с местечком Таферсит и Мелильей, с Фецом и деревнями на Молуйе, через посредство тех же ненавистных риата: эти горцы возделывают коноплю и табак, доставляющие наркотические вещества жителям Тазы и других городов северного Марокко. На дороге из Феца в Уджду через Тазу и соседнее местечко Мекнессу, этапные пункты отмечены укрепленными касбами, где запираются проходящие отряды вой-

1 Drummond Hay, „Western Barbary“.

2 Renou, „Description geographique de Tempire de Maroc“.

3 G. Rohlfs, „Reise durch Marokko“.

ска

Фец, одна из двух столиц империи, всего чаще служащая резиденцией султана и самая многолюдная, занимает очень счастливое географическое положение. Расположенный почти в центре впадины, отделяющей систему гор Риф от системы атлантической, город этот в то же время находится на естественной дороге, идущей вдоль западного основания Атласа; два главных исторических пути страны Магреб-эль-Акса пересекаются в бассейне Феца. Кроме того, эта местность представляет большие естественные выгоды благодаря обилию вод, плодородию почвы, удобству сообщения через равнины, прелести лесистых холмов и косогоров. Обширное городское поселение, окруженное амфитеатром гор, занимает конгломератовую террасу, высотой около 200 метров, разрезанную на второстепенные площадки многочисленными оврагами. Уэд Эль-Фец, берущий начало недалеко от города, в каменистом цирке и усиливаемый многочисленными источниками, соединяется в 18 километрах ниже с рекой Себу, через которую построен массивный каменный мост, одно из редких сооружений этого рода в Марокко. Обозреваемый с выступов гор, увенчанных руинами, которые поднимаются вне круга городских стен, на севере, на юге, на западе, Фец представляет очаровательное зрелище; он «выступает словно белый остров из темно-зеленого моря обширных садов». Над неровной поверхностью террас, которые кажутся соединяющимися от одного конца города до другого, не разделяемые улицами, вздымаются минареты, с тройным позолоченным шаром на верхушке, высокие стены касбы и ослепительный купол главной мечети[1].

Город состоит из двух отдельных частей, имеющих каждая свою ограду, простую или двойную, подпертую контрфорсами в форме башен. На западе раскинулся «Старый Фец», Фец-эль-Бали, заключающий в своих стенах наибольшую часть городского населения; на востоке самую высокую террасу занимает «Новый Фец», Фец-эль-Джедид, а на севере редюиты касбы соединяют две половины этого двойного города.

Течение уэда эль-Фец разделяется у самого дворца Фец-эль-Джедит; одна ветвь ручья входит в императорские сады, тогда как другая спускается каскадами в долину, ограничивающую верхний город, затем вступает в нижний город, где дробится на тысячи струек. Под каждым домом проходит маленькая водная артерия; может-быть, нет города в свете, исключая разве гор, струящихся живыми ключами, который был бы лучше приспособлен для циркуляция воды; но нечистоты улиц и домов превращают большинство этих каналов в сточные канавы, и там, где они соединяются, ниже города, чтобы спуститься к Себу, они катят уже грязную воду. Когда узкия улицы обратятся в непроходимые болота, тогда задерживают воды наверху, затем открывают шлюзы, чтобы сильным течением унесло кучи нечистот. Болезни постоянно свирепствуют в этих сырых кварталах, куда никогда не проникают лучи солнца; бледный цвет лица у жителей свидетельствует об испорченном воздухе, которым они дышут. Еврейский квартал, или меллах, находящийся в Новом Феце, в соседстве цитадели, —не менее грязен, чем мавританский, но внутренность домов в первом содержится опрятнее. Фецские евреи, посредники в торговле, должны скрывать свои богатства, чтобы избегнуть вымогательств со стороны властителей.

Фец, или «Топор», назван так—говорит арабский историк Ибн-Батута,—потому, что при основании города, в 793 г., там нашли, в трещине почвы, топор, вероятно, каменное оружие, принадлежащее временам доисторическим[2]. Впрочем, обычай жить в пещерах сохранился доныне в тех местах; бродя по окрестностям Феца, нередко встречаешь среди садов гроты, где арабы гнездятся, как дикие звери в своих берлогах[3]. По преданию и рассказам средневековых писателей, Фец имел до 400.000 жителей и около 90.000 домов. Из 785 мечетей теперь осталось только 130, да и из тех некоторые стоят в запустении. Особенно две считаются святыми местами, почти столь же достойными почитания, как святыни Мекки и Медины: это мечети Мулай-Дрис и Карауин. Последняя имеет богатую библиотеку, пользующуюся

1 De Foucauld;—Tissot;—Lenz;—Decugis;—de Amicis;—Covile, etc.

2 Oscar Lenz, „Timbuktu“.

3 Decugis, цитирован. сочинение.

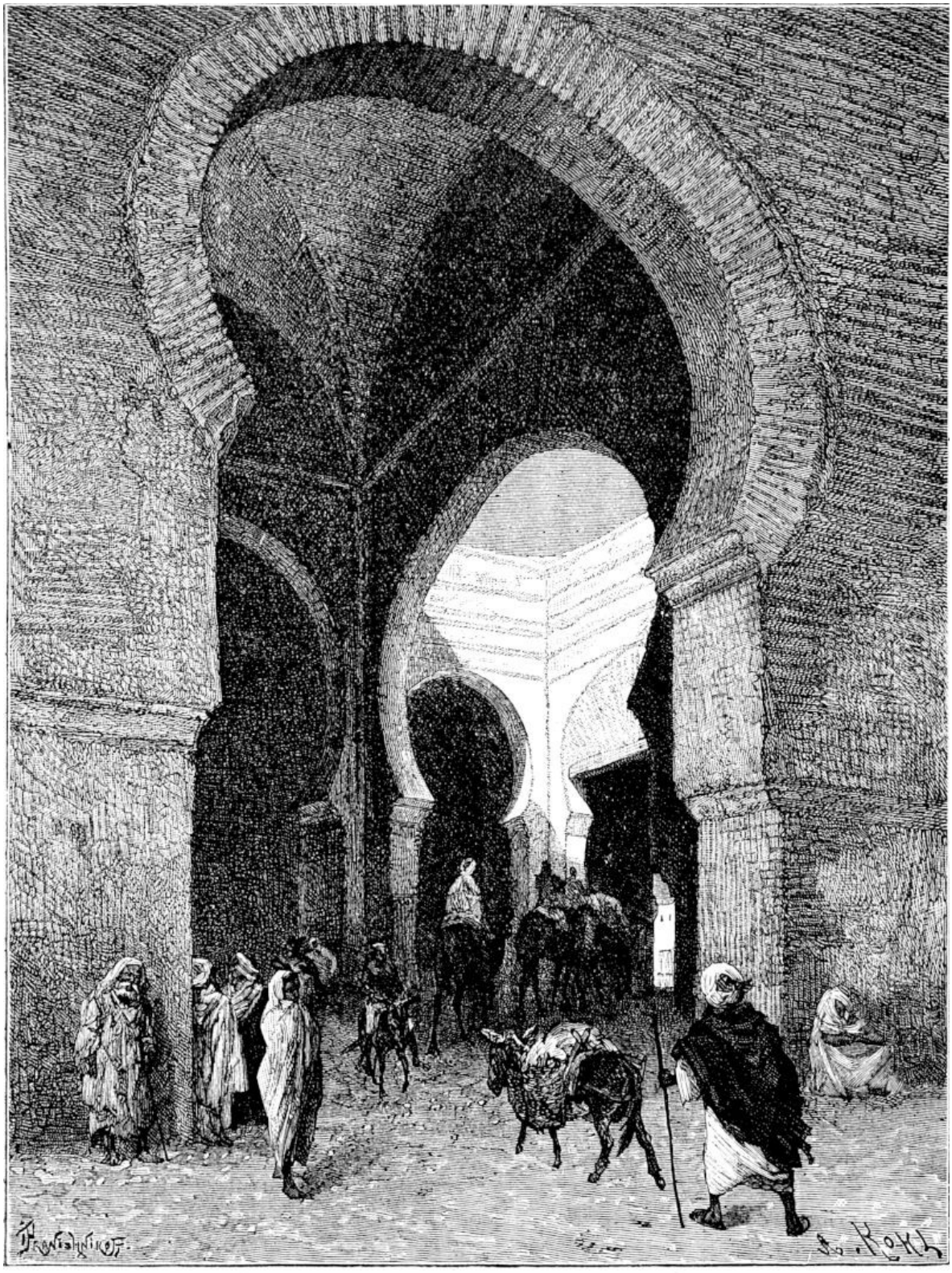
славой у мусульман, и находящаяся при этой мечети зауйя привлекает большое число студентов из Марокко и даже из Алжирии, которые приходят сюда изучать богословие, законоведение, астрономию, преподаваемые согласно учебным традициям, завещанным профессорами времен «Марабутов» или Альморавидов. С той эпохи Фец находится в состоянии упадка, хотя он получил многочисленный контингент иммигрантов, именно «андалузских мавров», изгнанных из Испании: эти переселенцы некогда были настолько могущественны, что составляли влиятельную партию, господствовавшую в целой половине города. Как торговый центр, Фец все еще имеет первостепенную важность, на-ряду с Танжером, Марокко, Рбатом и Тлемсеном. Его промышленность, разделенная между несколькими корпорациями, свято соблюдающими традиции ремесла и ревниво охраняющими свои привилегии, отличается некоторой оригинальностью в ткацких и вышивальных работах, в выделке кож, в гончарном производстве, в приготовлении эмальированных сосудов, оружия с золотой или серебряной насечкой. Со всех концов Марокко сюда приходят покупать нарядную одежду, желтую для магометан, черную для евреев, красную для женщин. Недавно возникла новая отрасль промышленности, которую как-то странно встретить в «святом» граде: это приготовление водки из плодов, фиников, винных ягод, лесных яблок. На севере от Феца, по другую сторону долины Себу, разработывают обширные соляные копи; в крае добывается также железная руда для фабрикации земледельческих орудий. Окружающая местность, откуда вытекают серные ключи, вдвойне священна—по целебной силе своих минеральных вод, и по куббам, стоящим на холмах.

К югу от Феца притоки верхнего Себу орошают сады городков и деревень, снабжающих столицу овощами, фруктами и другими продуктами. Из всех этих городов, самый живописный и цветущий—Сефру, лежащий на границе земли Аит-Юсси, первого берберского племени, которое, с этой стороны, принадлежит к народцам Шеллаха. С высоты холмов сады Сефру представляются в виде бесконечного леса, и город совершенно исчезает под тенью деревьев. Между многими городами северного Марокко, утопающими в зелени богатых плодовых садов, нет ни одного, который мог бы сравниться с прелестным Сефру, благоухающим запахом фруктов. В то время, как даже в столице повсюду видишь только следы упадка, Сефру приятно поражает своим цветущим состоянием; он вывозит в Фец огромные количества плодов: маслин, лимонов, вишень, винограда, и производит очень хорошие вина, продаваемые по самой дешевой цене; горы Сефру доставляют столице отличный строевой лес—смолистые бревна беллуты, душистого хвойного дерева, похожого на лиственницу[1].

Мекнес или Микнаса, по-испански Мекинец, описывается путешественниками как «мароккский Версаль». Оттого и дорога, соединяющая его с Фецом, содержится лучше, чем все другие пути сообщения в империи; на этой дороге повсюду устроены мосты через глубокие овраги, вырытые притоками Себу в конгломератовом плато, кое-где прикрытом плитами известняка. Пространство без деревьев, разделяющее два города, имело бы почти на всем своем протяжении вид пустыни, если бы не встречались через известные промежутки эти тенистые и цветущие долины, где воды льются каскадами[2]. Мекнес, лежащий километрах в шестидесяти к западу от Феца, находится также в бассейне Себу чрез притоки уэда Рдем, впадающего в главную реку в нижней части её течения. Он занимает очень значительное пространство, ограниченное каменной оградой, лучше сохранившейся, чем ограда Феца, и, подобно другим городам Марокко, заключает в себе укрепленную касбу и еврейский меллах (квартал), окруженный стенами. Укрепления и валы Мекнеса возведены руками христианских пленников; рассказывают, что когда кто-нибудь из этих несчастных падал в изнеможении от непосильной работы, его сейчас же доканчивали и замуровывали его труп в каменной кладке[3]. Улицы широкия и во многих местах разделены садами, «лучшими в свете»[4],

1 De Foucauld, цитированное сочинение.
2 O. Lenz, цитированное сочинение.
3 F. Warren, „Fortnightly Review“, авг. 1884 г.;—Drummond Hay, etc.
4 De Amicis, „Marocco“.

которые снабжают Фец плодами и овощами, как сады Сефру. Здания этого мароккского Версаля имеют больше архитектурного блеска, в сравнении с зданиями столицы и резиденции. Главный портал императорского замка с его мраморными колоннами, подковообразными сводами, надписями из орнаментальных букв, отличается очень красивым стилем, но уже



Улица въ Фецѣ.

значительно попорчен, и нижняя его часть аляповато размалевана. Мраморные колонны, привезенные некогда из Генуи или Ливорно, валяются на земле, покрытые пылью; мечеть Мулай-Измаила, «Сен-Дени» мароккских императоров, представляет из себя полуразвалину. Обширный парк, имеющий, говорят, около 2 километров в окружности, заключает в себе

изящные дворцы и киоски, конский завод, где держат слишком тысячу отборных кобылиц; под дворцом простирается целый город подземных галлерей, которые недавно служили силосами для хранения зерна. В 1878 г., когда в Марокко свирепствовал страшный голод, от которого жители валились сотнями тысяч, султан, побежденный мольбами народа, должен был открыть свои хлебные магазины, но наибольшая часть громадных запасов оказалась испорченной. Народная молва гласит, что в Мекнесском дворце находится также сокровищница императоров, тайное подземелье, охраняемое «тремя стами негров невольников, которым не суждено никогда снова увидеть дневной свет».

Мекнес окружен масличными рощами, и на соседних холмах виднеются бесчисленные хуторки, белые точки, рассеянные в зелени; эта местность есть земледельческий центр государства, и степень её благосостояния обусловливает годовые обороты торговаго движения. На севере, между долиной р. Рдем и долиной р. Себу, высятся горы Заргун, на одной из террас которых стоит город того же имени, бывший некогда одним из фокусов умственной культуры в Берберии; склоны усеяны многочисленными селениями, как говорят, очень богатыми, и в которых иные дома, будто бы, так же пышны, как лучшие дома столицы. Население Заргуна, арабского происхождения, очень фанатично и часто посещается эмиссарами ордена сенусия. Впрочем, Мекнес и вся окрестная местность пугают иностранцев, ренегатов и евреев, по причине религиозной ревности тамошних жителей. Орден аиссауа или «иезуитов»—таково значение этого имени—возник в Мекнесе; члены его ежегодно посещают массами зауйю, которою они владеют в этом городе, и обязаны совершать туда торжественный пелеринаж каждые семь лет; тогда меллах запирается, и ни один еврей не смеет выходить за черту своего квартала; аиссауа делаются полными хозяевами города в течение двенадцати дней, и в это время никто другой не может показаться на улицах, рядом с ними. Оттого большинство жителей Мекнеса вступили, по крайней мере для формы, в число хуанов[1].

Кубба Мулай-Эдрис, на севере от Мекнеса, есть самое священное, наиболее чтимое место во всей Мароккской империи: до сих пор ни один иностранный путешественник, ни даже Рольфс, который, однако, исповедывал магометанскую веру, не отважился побывать в святом местечке, которое занимает одно дикое ущелье Заргуна, подле святой зауйи. В большие праздники верующие, мужчины и женщины, в припадке религиозного экстаза, вооружаются ножами и топорами и делают себе порезы на теле и на лице; иные бросаются на встретившихся животных, собак, коз, баранов, и разрывают их зубами; случалось, говорят, что и люди были также пожираемы живьем. Но если европейские или еврейские посетители не осмеливаются проникать в местечко Мулай-Эдрис, то они давно уже побывали на развалинах Каср-Фараун («Замок Фараона»), стоящих на возвышенности, в 2 километрах к северозападу от Мулай-Эдрис: уже в 1721 году Виндус видел эти остатки старины и срисовал их. Имя Уалили, носимое соседним местечком, и древние надписи, найденные в этом месте, доказывают, что замок Фараона есть не что иное, как Volubilis римлян. Эти руины, служившие каменоломней строителям Мекинеца, сохранили только два памятника своей былой славы—триумфальную арку и портал базилики. По словам Джаксона мраморы из этого города были частию увезены в прошлом столетии, некоторые даже в оазис Тафилельт, через Атлас. Другая римская станция, Токолозида, находилась в соседстве Волюбилиса.

Уэццан, святой город, лежащий на северном скате долины Себу, почти на полдороге между рекой и Каср-эль-Кебиром, не закрыт европейцам, как Мулай-Эдрис. Он занимает прекрасное местоположение в плодородной котловине, у подошвы одного из отрогов цепи Зарзар, двуглавой горы Бу-Хеллиль, задерживающей удушливые ветры юга и сгущающей в дождь водяные пары, приносимые морским воздухом; скаты горы поросли оливковым деревом, а в верхней части—пробковым дубом. Основанный в конце девятого века прямым потомком пророка Магомета, Мулай-Тайэбом, Уэццан населен исключительно шорфами, которые пользуются большим уважением во всем мусульманском мире, но которые в самом городе не более, как покорные слуги «Господина», шерифа по преимуществу, превосходящего

1 H. von Maltzan, „Drei jahre Reisen in Nordwesten von Afrika“.

святостью самого султана. Происхождение сделало этого шерифа почти обожаемым; богатства возвели его почти на степень Бога; на всем пространстве Марокко и почти в каждом селении мкаддемы ордена тайбия собирают для него налоги натурой и деньгами. С своей стороны, он щедро раздает собранные подаяния; часто сотни, иногда тысячи пилигримов, пришедших поцеловать полу его хаика, продовольствуются на его счет: житницы его всегда открыты. Император признается истинным государем только по получении им изъявления преданности от уэццанского святого. Уголовные преступники могут избегнуть преследования, укрываясь под защиту шерифа: весь город есть *дар-демана*, т.е. «место убежища», и солдаты не смеют схватить человека, поставившего себя под охрану могилы основателя Уэццана, хотя бы даже этот человек был преследуем личным гневом султана; однако, зауйя становится тюрьмой для беглецов: удаляющийся из неё находится вне закона. Мечеть при гробнице потомка пророка заключает в себе, между прочими богатствами, большое собрание (около тысячи) арабских рукописей[1]. Недавния события несколько уменьшили духовный авторитет уэццанского шерифа: ему ставят в вину его стражу из испанских ренегатов, его дружбу с европейцами, его брак с христианкой, его дворец в итальянском стиле, его костюм, похожий на одежду ненавистных «руми». В 1876 г. он просил, но безуспешно, о даровании ему звания французского гражданина[2].

Бассейн Себу, самый многолюдный и богатый в Марокко, не имеет при своем выходе к морю значительного торгового города, который служил бы вывозным пунктом для его произведений: стражем устья является простая деревня, Мехдия, древняя Мамора, построенная на холме высотой около 150 метр., над левым берегом реки; кое-какие остатки укреплений напоминают о попытках португальцев и испанцев, направленных к завоеванию Марокко. Лев Африканец присутствовал при кровавом зрелище, когда магометанская армия, в 1515 году, напала врасплох на шести или семи-тысячный португальский гарнизон и перебила большую его часть. Сто лет спустя, испанцы были счастливее, но в 1681 г. и они, в свою очередь, должны были очистить форт при устье. С той эпохи не существует никакого укрепления, защищающего вход в реку, который, впрочем, почти совершенно загражден песчаным баром. Вся торговля страны сосредоточилась в двух городах-близнецах, построенных километрах в тридцати к юго-западу от Себу, при устье Бу-Реграга. Большой Маморский лес, состоящий почти сплошь из пробкового дуба, разделяет эти две реки; в прогалинах его встречаются там и сям становища туземцев племени шеллаха. По словам Друммонда Гэ[3], в этом лесу еще недавно водились многочисленные стада диких быков, так что в то время проходить через лес было далеко не безопасно.

Эти два противолежащих города—Сла (Сала, Сале) и Рбат, первый на правом, второй на левом берегу Бу-Реграга. Сла, в котором улицы, площади и стены ограды сохранили кое-какие следы португальской архитектуры, не имеет за собой древности происхождения, хотя и носит имя финикийского города Сала (т.е. «Скала»), который стоял на противоположном берегу и был сменен римской колонией Хелла. Далеко уступающий, по степени важности, своему южному соседу, Сла представляет собою мир прошлого, в сравнении с Рбатом, который имеет уже почти европейскую физиономию. Местное население происходит по большей части от андалузских мавров, изгнанных из Испании, и сохранило еще традиционную ненависть к христианам; впрочем, моряки этого города, составлявшие некогда маленькую воинственную республику, были те грозные пираты, которые бравировали всю Европу; многие драгоценные вещи, встречающиеся в Сла, между прочим, китайские фарфоры, попали сюда в числе добычи, привезенной некогда лихими корсарами[4]. До недавнего времени ни одному путешественнику не-магометану не позволили бы переночевать на правом берегу Бу-Реграга, да и днем христиане и евреи благоразумно воздерживались от посещения фанатического

1 G. Rohlfs, „Revue Africaine“ № 39, mai 1883.
2 L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.
3 „Western Barbary, Savage Beasts und wild Tribes“.
4 Paleologue, „Revue des Deux Mondes“, 15 avril 1885.

города; впрочем, в 1880 г. присутствие там Ленца было терпимо. Без маклеров и купцов еврейских, Сла лишился всякой торговли, на половину опустел, и теперь пустыри, покрытые развалинами, занимают добрую половину города: три четверти населения сгруппировалось в Рбате, городе торговли и промышленности; там же поселилась вся еврейская колония, там же живут и европейские иммигранты, в домах, фасады которых походят на фасады зданий в приморских городах Европы. Один прекрасный памятник зодчества господствует над другими зданиями Рбата: это башня минарета, напоминающая формой, высотой и орнаментацией стиль севильской Хиральды; арабы говорят, что эти две башни и Кутубиа в Марокко были построены в одну и ту же эпоху и даже под руководством одного и того же архитектора христианскими невольниками[1]. Промышленность Рбата довольно деятельна: в домах женщины, наследницы древних красильщиков пурпуром, прославивших имя Хеллы, занимаются тканьем шерстяных ковров, очень прочных, но цвета которых, худо фиксируемые нынешними способами, легко линяют. Рбат вывозит также в остальные местности Марокко камышевые цыновки разнообразных узоров, хаики, башмаки. Но торговля с Европой, стесняемая опасностью плавания через мелководный бар, на котором постоянно бурлят разбивающиеся волны Атлантики, незначительна, в сравнении с важностью этого двойного города и бассейнов, у выхода которых он расположен. Заграничная торговля Сла-Рбата в 1883 году, по Вашингтону Серруису, выразилась следующими цифрами: движение судоходства—69 судов, с общей вместимостью—21.584 тонны; ценность торгового обмена: 2.220.450 фр. Часто суда подолгу стоят в рейде, не будучи в состоянии высадить своих пассажиров и выгрузить товары, или проходят мимо, чтобы бросить якорь перед Казабланкой. Важное значение Сла-Рбата между городами Марокко всего более обусловливается его положением на перешейке, через который поддерживается сообщение между различными частями империи, разрезанной на две половины обширной территорией, где кочуют независимые племена. Часто город находился как бы в осаде, отрезанный этими берберами от остальной страны: они-то, по всей вероятности, разрушили водопровод, питавший прежде Рбат, теперь вода, часто очень редкая, доставляется арабами, которые развозят ее в кожаных мешках из улицы в улицу. Касба солидно укреплена как с сухого пути против кочевников, так и со стороны моря против европейских флотов: слишком сто шестьдесят орудий защищают крепость и город[2]. В этой цитадели хранится, как реликвия, «Святой ключ от Кордовы», и во время последней войны с Испанией он был выставлен публично в течение нескольких дней. Мароканцы надеялись снова отпереть ворота потерянного города.

Недавно нация бенни-гессем (бени-гассан), ближайшая к Сла-Рбату, должна была признать державную власть султана и допустить разделение своей территории на шестнадцать участков, начальники которых ответствуют за сохранение порядка в кланах; но живущие восточнее земмуры и зайаны совершенно независимы, и если когда присоединяются к султану, то не как его подданные, а в качестве союзников. Эти две берберские нации занимают, вместе с несколькими менее важными племенами, все пространство, простирающееся от прибрежья до Атласа и от Мекнеса до долины реки Ум-эр-Рбиа. Эта область, протяжением не менее 40.000 кв. километр., доступна мароканцам из территории блед-эль-махзен не иначе, как с охранным листом. Земмуры и зайаны имеют много сходства между собой. Те и другие отличаются большой простотой костюма, который часто состоит из одного бурнуса, накинутого на голое тело, и, подобно евреям, носят коротко остриженные волосы, с одним или двумя пейсами. Земмуры, обитающие на земле баснословно плодородной, занимаются немного земледелием; зайаны, самая сильная нация на всем приморском скате Атласа, могущая, говорят, выставить в поле до 18.000 наездников, живут почти исключительно скотоводством: ни одно племя не сравнится с ними по богатству в стадах баранов, коз, верблюдов, коров, из которых последние замечательны высотой роста. Агенты из Мекинеца постоянно разъезжают по зайанской территории для закупки кож и живого скота; Танжер тоже продо-

1 O. Lenz, цитированное сочинение.

2 Erckman, „Le Maroc moderne“.

вольствуется частию мясом, которое дают гурты, пригоняемые из этой местности. Рассказывают про одно племя этих берберов, живущее в соседстве Рбата, что оно отличается удивительной ловкостью по части кражи: искусство воровать составляет один из обязательных предметов при обучении детей. Молодые люди не допускаются в число взрослых, пока не докажут на деле достаточного усвоения этой науки. Высланные из родительского шатра, они могут вернуться туда не иначе, как гоня перед собой какую-нибудь скотину; кто даст себя поймать на краже, на того ложится пятно вечного позора[1].

Между устьями рек Себу и Ум-эр-Рбиа, несколько групп домов следуют одна за другой вдоль морского берега. Самое большое из этих поселений получило довольно важное значение с половины текущего столетия: это местечко Дар-эль-Беида, или «Белый Дом», более известное под испанской формой его имени—Казабланка; оно основано португальцами в шестнадцатом столетии, на месте средневекового города Анфа. Своим цветущим состоянием Дар-эль-Беида обязан своему рейду, хотя мало защищенному от ветров и волнения, но довольно глубокому, чтобы принимать большие корабли: все суда, которые не могут пройти через бар в устьях рек, идут выгружаться в Казабланку. Движение судоходства и торговли в этом порте в 1883 г., по сведениям, собранным Вашингтоном Серруисом, представляло следующие цифры: судов в приходе и расходе 125, вместимость 68.159 тонн; сумма оборотов: 6.682.450 франк. Даже Рбат отправляет через эту пристань свои шерстяные изделия, ковры и произведения окружающих местностей; кукуруза, шерсть, турецкие бобы составляют главные предметы вывоза; Казабланка посылает также через Гибралтар тысячи бабуш в Александрию[2]. Этот город морского побережья, где существует маленькая европейская колония, состоящая преимущественно из французов, принял уже физиономию европейского приморского местечка, но воздух в нем очень нездоровый, и нет города, который имел бы такой печальный вид, как Казабланка, по причине совершенного отсутствия растительности: ни одного большого дерева не видно на обрывах и плато из красного песчаника, возвышающихся с той и другой стороны над плоским берегом; только кое-где показываются кучки смоковниц и мастиковых деревьев; попытки насаждения апельсинных и декоративных деревьев не удались[3].

Весь верхний бассейн реки Ум-эр-Рбиа, на северных скатах Большого Атласа, отправляет свои земледельческие произведения—плоды, хлеб, кожи, через порт Казабланки. Хотя легко доступная войскам, расположенным в городе Марокко, эта область, однако, занята почти исключительно независимыми берберскими племенами: племя бени-мескин, к северу от реки, единственное, которое принадлежит к покорным (блед-эль-махзен). Иногда султан, в сопровождении значительной армии, предпринимает экспедиции в этот край, но жители, слишком разбросанные, чтобы воспротивиться массой проходу войск, разбегаются направо и налево в горы, затем возвращаются, когда поток людей отхлынет. Завоевательные стремления султана становятся понятными, когда увидишь эти великолепные равнины, по которым протекает река Ум-эр-Рбиа, эти тенистые долины, откуда вытекают многочисленные ручьи, из которых она образуется, эти горные склоны, покрытые маслинами и орешинами, леса которых постепенно поднимаются к гребням Атласа. Многие сотни тысяч людей, земледельцев и пастухов, населяют эту плодоносную страну; табуны лошадей, верблюдов, стада баранов привольно разгуливают по обширным пастбищам; на выступах гор виднеются многочисленные здания в форме замков, *тирреатины*, служащие магазинами для хранения хлеба и других земледельческих продуктов. Городов в собственном смысле почти совсем нет в этой области, но деревни образовались там и сям, либо вокруг монастырей (зауйя), либо у подножия крепких замков, защищающих вход в ущелья или переправу через реки, либо, наконец, в равнинах, служащих сборным местом для рынков. Почти все эти селения окружены лесами фруктовых деревьев.

1 Beaumier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“.
2 A. Leard, „Marocco and the Moors“.
3 Ball and Hooker, „Journal of a Tour in Marocco“.

Между этими местечками самое знаменитое, хотя число его жителей не достигает даже двух тысяч, есть Бу-эль-Джад, где царствует самодержавно *сид*, или духовный «господин», власть которого признается всеми окрестными племенами слишком на два дня ходьбы вокруг, нацией тадла на юге и на востоке, нацией аит-сери на западе, нацией шауйа на северо-западе: каждый год эти народцы приходят, клан за кланом, получить благословение сида и преподнести ему свои дары. Святой и его ближние, почти все смешанной крови, живут налогами, которые охотно вносят верующие: в этой области нельзя путешествовать иначе, как под покровительством Бен-Дауда, «сыны Давидова», властителя Бу-эль-Джада. В конце

Мулла Тайебъ, уеццанскій шерифъ.

восьмого столетия, по свидетельству Эль-Эдризи, вся эта страна, где ныне господствует самый пылкий фанатизм, была населена христианами и евреями[1], и там видны еще развалины церкви, носящей латинскую надпись[2]. Земля Тадла, простирающаяся на юго-востоке, занята девятью кочевыми племенами, силой около двадцати тысяч наездников, имеет нечто в роде общей столицы: это касба Эт-Тадла, построенная на р. Ум-эр-Рбиа, которая в этом месте извивается в обширной равнине; у подножия крепости, одной из сильнейших в Марокко, через реку, имеющую около 40 метров в ширину, перекинут мост о двух арках, «величайший в свете», говорят местные жители. В окрестностях, на территории Бени-Мусса, находятся ломки каменной соли, которая далеко развозится племенами Тадлы. На юго-востоке, в земле Бени-Меллал, другая крепость, касба Бени-Меллас или Бель-Куш, служит ядром более зна-

1 H. Barth, „Kusten des Mittelmeers“.

2 Arth, Leared, „Marocco and the Moors“.

чительному городу, окруженному великолепными садами, которые оканчиваются у подошвы стены из скал, откуда льются обильные источники чистой воды. Демната, на одном из южных притоков Ум-эр-Рбиа,—тоже хорошенький городок, утопающий в зелени садов и виноградников; недавно он пользовался большим благосостоянием, как торговый пункт, но он находится всего в какой-нибудь сотне километров от Марракеша, и это близкое соседство было ему фатально. Султан имел возможность установить там свою власть и взимать налоги: чтобы избежать высоких пошлин, которыми теперь обложены все товары, вступающие в город, караваны направляются к другим рынкам. Треть населения Демнаты состоит из евреев, которые живут в перемежку с мусульманами: до последнего времени это был один из тех уголков Марокко (другой город Сефру), где им всего лучше жилось[1]; но недавно они подверглись насилиям, которые подали повод к вмешательству европейской дипломатии.

Собрав в своем русле все воды, спускающиеся с Атласа, Ум-эр-Рбиа течет к северо-западу, между территорией берберских племен шауйа на севере и землей племен дуккала, в большей части арабских, на юге. Старинный город «Маслин», Аземмур или Азамор, охраняющий речное устье на левом берегу, часто обозначается как развалина, потому что европейцы редко его посещают. Из всех городов поморья Аземмур наиболее сохранил чисто-марокканский вид; его торговля рыбой и промышленность приводят его в сношения только с внутренними городами[2]: никогда христианин не получал разрешения переночевать там. Ни один корабль не пытается переходить через опасный бар, запирающий, против Аземмура, вход в реку. Единственная якорная стоянка, представляющаяся судам в соседстве устья р. Ум-эр-Рбиа, находится в семи километрах к юго-западу: это порт Мазаган, называемый туземцами Эль-Джедида или Эль-Бриджа, т.е. «Новый» или «Крепостца». Этот город, хотя он меньше Аземмура, имеет более важное значение для европейцев и особенно для жителей Канарских островов, которых он снабжает хлебом, фасолью и другими произведениями полей племени дуккала, слабо орошаемых и, однако, отличающихся необычайным плодородием. Движение судоходства и торговли в Мазаганском порте в 1883 г., по сведениям Вашингтона Серруиса: 116 судов, вместим. 56.236 тонн; ценность обмена: 4.557.200 франк. Теперь почти все нации Запада имеют в этом порте консулов и купцов. Руины памятников, воздвигнутых португальцами на Аземмурском утесе, имеют еще величественный вид. Мореходы из Лиссабона в пятнадцатом веке сняли в аренду рыбную ловлю в реке Ум-эр-Рбиа; они владели Аземмуром слишком два с половиной столетия, до 1770 г., и вся территория была им подвластна до самых ворот Марракеша[3]. Даже, если верить туземцам, «Португальские» замки стояли на первых предгорьях Атласа[4]. К юго-востоку от Мазагана, между этим городом и мысом Кантин, две бреши берега открывают вход в лагуну Уалидия, бывший порт Эль-Гаит. По мнению Тиссо, легко было бы реставрировать эту гавань и сделать его лучшей якорной стоянкой на том берегу. Мыс Кантин, в древности называвшийся мысом Солнца, есть, как и во времена Скилакса, одно из самых святых мест Африки: целое население мусульманских теологов живет там в многочисленных зауйях[5].

На юге от мыса Солнца или Кантин, другой город, Асфи, называемый иностранцами Саффи, ведет непосредственно торговлю с Европой: это ближайший к городу Марокко порт; однако, он менее посещается судами, чем Могадор, по причине бурунов, которые там еще более опасны, нежели в остальных пунктах побережья: большинство кораблей проходят мимо, не пытаясь вступать в сообщение с берегом посредством барки через ряд параллельных волн, разбивающихся при входе в порт. Из Асфи вывозят хлеб в зерне и лошадей, приводимых дуккаласами и другими туземцами из соседних местностей. Движение судоходства и торговли в порте Асфи в 1883 г., по Вашингтону Серруису: 60 судов, вместим. 34.095 тонн;

1 De-Foncauld, цитированное сочинение.
2 G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.
3 E. Pellissier, „Memoires historiques sur l’Algerie“.
4 Ball and Hooker, цитированное сочинение.
5 Ch. Tissot. цитиров. сочинение.

ценность оборотов: 2.181.275 франк. Благодаря своим португальским стенам, своему горделивому замку, башни которого высоко поднимаются над массой домов, группирующихся на скатах горы, Асфи—самый живописный из всех городов поморья[6]; сады его отличаются баснословным плодородием. «Дом Семи Братьев», за городом, замечателен как святое место, одинаково чтимое маврами и евреями, куда стекается масса больных всякой религии. Не менее славится другая святыня, также привлекающая пилигримов—Лалла Гобуша, или «Маслина Божией Матери», дерево с исполинским стволом и громадными ветвями, не имеющее себе равного во всем Марокко.

Вторая столица империи, Марокко, или вернее Марракеш, по-берберски Темракеш, есть единственный город в долине уэда Тенсифт, впадающего в Атлантический океан между Асфи и Могадором; но это значительный город, и снаружи он представляет величественный вид: пилигримы называют его «Дамаском Запада». Когда подъезжаешь с севера или северо-востока, берегом реки Тенсифт, протекающей в нескольких километрах от города, дорога лежит через обширный лес, состоящий из нескольких сот тысяч пальм, к которым примешиваются там и сям маслины и другие плодовые деревья. Когда, напротив, приближаешься к Марокко по могадорской дороге, встречаются лишь изредка массивы зелени, прерывающие там и сям разнообразие голой каменистой равнины, но зато город является тем более величественным, с его стенами и башнями, высоким минаретом главной мечети и длинной зубчатой цепью Атласа, которая ограничивает горизонт, синяя у основания, лазурная, с белыми полосами,—около вершин. Расположенный на высоте 500 метров, верстах в пятидесяти от предгорий Атласа, Марракеш получает воду в изобилии; бесчисленные ручьи протекают через сады, в каждом доме есть свой источник живой воды. Климат, почти всегда ровный и умеряемый соседством гор, один из самых приятных в свете: он, так сказать, отражается в растительности, где деревья умеренного пояса перемешаны с деревьями тропических стран.

Марракеш-эль-Гамра, или «Красный», основан во второй половине одиннадцатого века, в сорока километрах к северу от существовавшего в то время города Ахмат или Армат, жители которого переселились в новый город. Эта столица быстро росла: уже в следующем столетии она была одной из «цариц» Магреба. Ныне развенчанная, она уступает численностью населения, развитием промышленности и торговли Фецу, своему северному сопернику. Однако, она все еще считается императорской резиденцией, и султан каждый год приезжает туда на некоторое время; приближение его возвещается присылкой человеческих голов, предназначенных украшать фасад дворца, в виде предостережения злоумышленникам, которые вздумали бы затеять бунт[1]. Впрочем, ему не раз приходилось являться в Марракеш в качестве разгневанного повелителя. В шестидесятых годах, рахменна, одно из могущественных берберских племен, возмутилось и захватило всю местность вокруг городских стен: надо было вытеснить его с помощью пушек, преследовать в горы и взять приступом одну из его крепостей, зауйю Бен-Саси[2], лежащую к востоку от города, на другой стороне уэда Тенсифт. Берберское население из окрестностей довольно сильно представлено внутри городских стен, и в базарные дни, четверг и пятницу, гораздо больше слышится наречие тамазигт, чем арабский язык. Негры тоже многочисленны в Марракеше, сравнительно с общим числом жителей гораздо более многочисленны, чем в северной столице. Евреи, защищаемые теперь всемирным израильским союзом (Alliance israelite), заперты, как почти во всех других городах Марокко, в стенах отдельного квартала (меллаха), общей тюрьмы, из которой они могут выходить не иначе, как босоногие, с опущенными глазами

Столь грандиозный снаружи, Марракеш представляет внутри вид города в упадке. Его ограда, имеющая около двенадцати километров в окружности, не считая стены императорского парка, на южной стороне города, прерывается широкими брешами; улицы, сходящиеся к семи городским воротам, во многих местах обставлены больше развалинами, чем

6 H. von Maltzan, цитированное сочинение.

1 Oscar Lenz, „Timbuctu“ .

2 G. Rohfls. „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

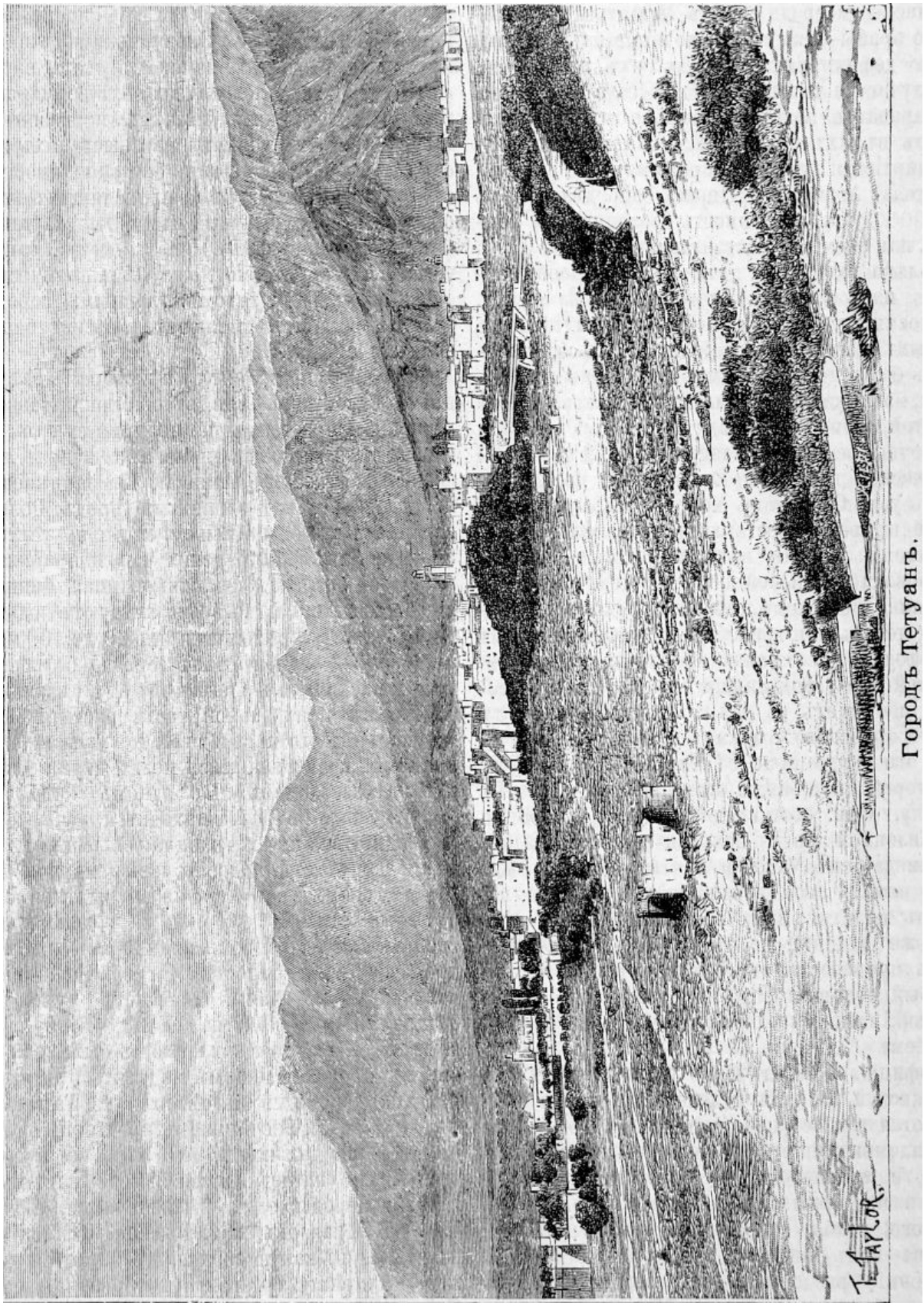
домами; обширные пустыри, покрытые грудами обломков, сады в культуре или залежи, занимают больше половины пространства, обнимаемого городскими стенами. Улицы, довольно широкия в соседстве ворот, постепенно съуживаются к центру города, образуя лабиринт тесных проходов, заваленных всяким сором: выделыватели пороха, собирающие селитру на сырых стенах, обязаны также мести улицы; но они обыкновенно забывают исполнять эту часть своего контракта. Большинство домов крайне невзрачны, а памятники все в развалинах; единственное красивое здание—это мечеть Кутубиа или вернее Куцубиа, т.е. «Каллиграфов», названная так от писцов, которые держат свои лавочки рядом с святым местом[1]. Высокая башня этой мечети, современница башни Гассана в Рбате и Хиральды в Севилье, повидимому, построена тем же зодчим: это самая высокая, самая красивая из этих трех замечательнейших башен мавританского стиля; на её зубчатой платформе киоск, украшенный резьбой, вздымает свой купол, увенчанный тремя позолоченными шарами, на высоту слишком 82 метров[2]. Двое городских ворот Марракеша, те, которые открываются на дворец, и другие, ведущие в мечеть, были, говорят, перевезены по частям из Испании.

Промышленность города сильно сократилась: целые улицы, некогда населенные кожевниками, теперь опустели; пользовавшиеся такой славой сафьяны (по-французски «марокины», maroquins—от Марокко), которые приготовляли мавры, изгнанные из Кордовы, не выделываются более в Марракеше; лучшие кожи выделываются теперь в Феце, хотя южная столица все еще имеет важное значение для торговли кожаным товаром с южной покатостью Атласа. Марракешские ковры отличаются тщательной работой, но ценятся гораздо ниже, чем рбатские. Главный промысел жителей—садоводство: один из садов, заключенных в ограде императорского парка, приносит, говорят, плодов ежегодно на полмиллиона франк. Пояс садов, служащих для питания города, тянется на десятки верст со стороны гор. Деревни садоводов рассеяны в большом числе вокруг городских валов. Одна из этих отдельных групп жилищ, на северо-западе от города, населена исключительно прокаженными, которые составляют самоуправляющуюся общину, маленькую республику, имеющую свой рынок, свою тюрьму, свой еврейский квартал и мечеть в честь своего святого патрона. На юге у выхода одной из очаровательных долин, поднимающихся к Большому Атласу, видны кое-какие следы города Агмата, бывшего столицей царства ламтунов, более известных под именем мработин: это были альморавиды,или «марабуты». В соседстве сохранились развалины другого города того же имени[3]. К востоку от Марракеша одна высокая долина занята могущественным союзом племен тиффа, зенагского корня[4].

Главный порт Марракеша—ныне третий по важности во всем Магребе эль-Акса, следуя непосредственно за Танжером и Казабланкой. Это город Суэйра, или «Прекрасный», более известный европейцам под именем Могадора, происходящим от куббы в честь святого Могдала или Могдула, которая находится в 2 километр. к югу от города. Торговая гавань издавна существовала в этом месте, как показывает одна испанская карта 1608 г.; но нынешний город основан немногим более ста лет тому назад, с 1760 по 1773 год, и говорят[5], что невольники, употребляемые на работы при постройке его, были в большей части французские пленники, захваченные во время несчастной эль-арайшской экспедиции 1765 г. Построенный по правильному плану, Могадор имеет самый монотонный вид: все дома представляют собою совершенно правильные кубы, окрашенные в серый цвет. По крайней мере улицы содержатся в чистоте; в этом отношении мароккский город превосходит многие города Европы[6]. Могадор построен на оконечности песчаной стрелки или косы, вытянувшейся к югу и отделенной каналом от укрепленного островка, который защищает якорную стоянку, впро-

1 H. von Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.
2 Ball and Hooker, цитированное сочинение.
3 Renou, „Description geographique de l’empire de Maroc“.
4 Camille Sabatier, „Bulletin de la Societe de Geographie d’Oran“, 16.
5 Delaporte;-Renou, цитированное сочинение
6 Ball and Hooker, цитированное сочинение.

чем, неглубокую и угрожаемую зыбью океана; часто случалось, что корабли должны были поспешно уходить в открытое море. Пушки, заклепанные во время бомбардирования, в 1844 г., когда Марокко был в войне с Францией, еще не поправлены до сих пор, и бомбы,



Городъ Тетуанъ.

пущенные французской эскадрой, лежат неподобранные у подножия крепостных стен[1]. Важность торговли Могадора зависит от того, что этот город служит морской пристанью не

1 Erckmann, „Le Maroc moderne“.

только для Марракеша, но и для всех южных областей Атласа: произведения долин уэда Сус и уэда Драа до недавнего времени были, по приказанию султана, направляемы к Могадору; отправлять их прямо по назначению не дозволялось. Зерновые хлеба, оливковое масло, фрукты, кожи, смолы (камедь), шерсть, альфа—вот главные продукта, вывозимые в Европу. Движение судоходства и торговли в могадорском порте в 1893 г.: судов в приходе 103, вмест. 83.387 тон.; ценность оборотов внешней торговли—11.046.250 франк. Могадор посещается только пароходами; единственные парусные суда, пристающие в его гавани—барки с Канарских островов. Асви и Могадор подверглись в форме своего побережья переменам, происходящим либо вследствие процесса размывания, либо вследствие медленного опускания почвы. В половине настоящего столетия можно было еще ходить по берегу вдоль крепостных стен, защищающих Асфи с западной стороны; теперь море совершенно омывает их. Прежде скот легко переходил, в часы отлива, с Могадорского полуострова на соседний остров; в наши дни этот остров отделен от материка судоходным каналом[1].

Главные племена, арабского происхождения, или по крайней мере обарабившиеся[2], которые населяют внутренния области в соседстве Могадора, принадлежат к могущественному союзу шиадма. Этот союз пропускает караваны и признает верховную власть султана, отказываясь, однако, платить налог; его селения и зауйи рассеяны на большом пространстве края, к югу от уэда Тенсифт, от массива Железных гор или Джебель-эль-Галида до предгорий Атласа. К югу от Могадора, по направлению к мысу, которым оканчивается главная атлантическая цепь, не видно более городов; не встречаются даже деревни или отдельные поселки. Все обитатели живут группами из четырех или пяти семей, в крепких каменных замках, построенных в форме четыреугольника и фланкированных на двух углах высокими башнями; край террас усажен зубцами, и все здание окружено рвом. Проникнуть в эту крепость можно только через одно отверстие, к которому ведет подъемный мост. В нижнем этаже помещается скот; верхний, куда поднимаются по приставной лестнице, убираемой в случае опасности, разделен на несколько комнат, по числу семейств[3]. Оседлые земледельцы, берберы гага, населяющие эту страну, не нашли иного средства жить в безопасности среди своих культур; обыкновенно арабы-номады, приходящие из Сахары, мирно дефилируют перед их жилищами. Но случается также, что сами гага нападают на караваны, поэтому купцы не отваживаются ходить в их землю иначе, как значительной партией и хорошо вооруженные. Испанский писатель Альварес Перес определяет в 280.000 душ численность различных *иданов*, или племен, составляющих союз Гага.

Долина уэда Сус, отличающаяся необычайным плодородием, благодаря воде и илу, приносимому ручьями с двух параллельных горных цепей, Атласа и Анти-Атласа, изобилует большими селениями, окруженными пальмами, маслинами, арганами (железняк). Нигде в этой долине не бродят номады: плодородие почвы везде побуждает жителей к земледельческой культуре. В прежнее время бассейн уэда Сус, так хорошо отграниченный самой природой, составлял независимое государство: в средние века его промышленность пользовалась большой известностью, обитатели его славились умом, знанием, духом инициативы; теперь они известны в мусульманском мире только по множеству плясунов, очарователей змей, фокусников, которых эта долина посылает во все концы Магреба: нет такого арабского рынка, где бы не встречались эти кудесники с берегов уэда Сус; некоторые из них пробираются даже в Европу. Они составляют род корпорации, поставленной под покровительство святого Мохамеда-бен-Муса, и почти всегда, прежде чем начать свои упражнения, они призывают в молитве имя своего патрона[4]. Из этой же долины, по некоторым мусульманским пророчествам, должен выйти махди, который обновит мир и «наполнит землю правдой, насколько

1 Tissot;—Maw;—Beaumier.
2 G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.
3 Jose Alvarez Perez, „Bolletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, sem. 1877.
4 Drummond Hay, „Western Barbary“;—Oscar Lenz, „Timbuktu“.

она теперь наполнена беззаконием»[1].

Оффициально Уэд-Сус принадлежит к Мароккской империи, и делегаты султана принимаются там с почетом; однако, большинство племен еще сохранили свою независимость, и вмешательство сюзерена, поселяющего и поддерживающего между ними рознь, для того, чтобы современем достигнуть господства над ними, только усиливает их внутренние раздоры и подстрекает их к междоусобным войнам. Довольно смешаннаго происхождения, жители долины Уэд-Сус в огромном большинстве берберы; впрочем, один из многочисленнейших союзов причисляет себя к арабам: это союз ауара, состоящий из семи племен и поселившийся на южном склоне Атласа, в непосредственном соседстве с Бибауанским горным проходом. Подобно племенам гага, населяющим противоположный скат, туземцы ауара живут в крепких замках, построенных на уединенных холмах или выступах гор, откуда можно обозревать обширное пространство и видеть всех проходящих—как опасных врагов, так и мирные караваны, манящие к нападению. Союз штуга, занимающий всю территорию между Атлантическим океаном и Тарудантом, главным городом долины, состоит исключительно из берберских племен.

Тарудант построен в некотором расстоянии к северу от реки, в обширной равнине, которая нечувствительно поднимается к подгорьям, занятым племенами ауира, и к южным откосам Атласа. По занимаемому пространству, это—обширный город; Рольфс говорит, что он больше Феца и не уступит протяжением Марракешу; но неправильная городская ограда, фланкированная башнями из битой глины, которые следуют одна за другой через промежутки от 60 до 100 метр., заключает внутри стен гораздо больше садов и масличных рощ, чем групп жилищ; только в центральной части растительность уступает место настоящему городу, с узкими улицами, извивающимися между двумя рядами низеньких домов. В одном конце этого центрального квартала находится касба солидной конструкции, окруженная высокими стенами. Тарудант, подобно всем мароккским городам, имеет мастерские для выделки кож, а также ткацкия фабрики и красильни; но специальная его промышленность—котельное производство: аванпост Магреба на окраине пустыни, Тарудант снабжает кухонными батареями рынки Кука, Кано, Томбукту в Судане[2]. Эта промышленность была обязана своим происхождением медным рудникам, разрабатываемых на севере от Таруданта, в сланцах и песчаниках предгорий Атласа; но в наши дни почти вся медь не в деле привозится уже из Англии[3]; содержащие медь горные породы едва утилизируются, а жилы других металлов, кажется, не эксплоатировались ни в какую эпоху. Что касается плантаций сахарного тростника, которые во времена Льва Африканца составляли источник благосостояния Таруданта, то они давно уже не существуют; на сахарных заводах работали христианские невольники, и даже переселенцы из Европы приходили предлагать свои руки тарудантским плантаторам. Теперь христианам запрещен вход в этот город; впрочем, грамота фецского султана отворила его ворота путешественнику Ленцу. Недавно один англичанин тщетно добивался концессии земель в долине Сус для разведения плантаций сахарного тростника[4].

Естественным портом долины уэда Сус был бы Агадир, лежащий в небольшом расстоянии к северу от речного устья. Это лучшая гавань на всем этом морском побережье. На северо-западе, мыс Гер, или Джебель-Аит-Уакал, крайний выступ атлантической цепи, защищает залив от восточных и северных ветров; другой мыс, выдвинутая конечность боковой цепи, отграничивает бухту в самой глубокой части залива и защищает ее от большой зыби океана: это порт Агадир. Обильный ключ, получивший от португальцев имя Fonte, как «источник» по преимуществу, и который туземцы до сих пор называют Фонти, бьет из земли у основания скалы, питая группу приютившихся около него хижин. Крепость, стоящая на высоте 188 метров и командующая входом в порт, доставила этому месту имя Агадир, т.е. «Укрепле-

1 L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.
2 G. Rohlfs цитированное сочинение.
3 O. Lenz, цитированное сочинение.
4 Joaquim Gatell, „Viajes por Marruccos, el Sus, Uad-Nun y Tekna“.

ние», имя, которое некогда принадлежало также Тлемсену. Полное название этого марокк-ского порта—Адир не-Ирир, т.е. «Укрепление на мысе»[1]. С начала шестнадцатого столетия Агадир, под властью португальцев, перекрестивших его в Санта-Круц, сделался важным торговым пунктом. Завоеванный обратно мароккским султаном, он продолжал пользоваться цветущим состоявшем, как отпускной порт для произведений, привозимых караванами из стран, лежащих в бассейне Нигера: это были в то время «Ворота Судана». Но эти ворота находились далеко от центра Мароккской империи, и тамошнее купечество претендовало на независимость. Вследствие этого, султан Мохамед разрушил Агадир, чтобы заменить его Могадором, портом более досягаемым для его оружия, так как он лежит к северу от конечных мысов Атласа. В настоящее время судам запрещено бросать якорь в Агадирском порте, и товары, прибывающие из Судана, направляются, по очистке их таможенной пошлиной, к горным проходам Атласа. Как наблюдательный пост, Агадир до недавнего времени указывал на южном побережье истинную административную границу империи, но основание в соседстве его испанской колонии побудило мароккского султана утвердить прочнее свою власть в этой части южной окраины, и внутри материка, километрах в двадцати от берега, появился новый город, Тизнит. Деревня Аглу (Агула), лежащая километрах в тридцати к югу от устья уэда Эль-Гас, будет служить гаванью этому городу. В двенадцатом веке власть Альмогадов простиралась далее на юг, и говорят, что султан Абд эль-Мумен велел смерять цепью расстояние, разделяющее две оконечности его империи, от Барки до уэда Нун[2].

В небольшом расстоянии к югу от уэда Сус оканчиваются шерифские владения. Хотя на протяжении около 400 километров, до мыса Юби и до «Красной Канавы», Сакиет-эль-Хамра, территория еще обозначается на картах, как принадлежащая фецскому султану, но его представители могут переходить за Уед-Сус уже только в качестве посланников. Необитаемая полоса земли образует даже род мархии или пограничной области на юге страны, где признается верховная власть Марокко: это высокая долина уэда Эль-Гас (Рац, Уэльгас), которая, однако, есть одна из наиболее обильно орошаемых и плодороднейших местностей во всем Магребе; там могли бы жить многочисленные населения, если бы война и дипломатия не создали пробела на этой границе империи.

Мелкие государства, с изменчивыми пределами, образовавшиеся на юге от уэда Эль-Гас, все населены берберами и неграми, которые служат посредниками в торговле между Марокко и Суданом. Хотя эти племена живут на севере Сахары, но через торговлю они уже участвуют в жизни суданцев. Большинство называют себя геццулами или джелулами: это имя, очевидно, аналогично с именем гештулов, живущих в Кабилии, и полагают, что тех и других можно признать потомками гетулов Нумидии, о которых упоминают древние писатели[3].

Из всех этих прибрежных государств сахарского океана наиболее известное, если не самое значительное по пространству—то, которому обыкновенно дают название «королевства Сиди-Гешам», по имени шейха, недавно царствовавшего над этой землей, и фамилия которого до сих пор сохраняет за собой власть: в силу своих генеалогических прав, она претендует даже на обладание Мароккской империей. Настоящее имя страны—Таццерульт; так же называется и её река, спускающаяся с Анти-Атласа. Этот маленький речной бассейн, следующий на юге за бассейном уэда Эль-Гас, берет свое начало на одном плато, которое окружают, в виде амфитеатра, горы, имеющие 1.000 метр. средней высоты. Жители, аит-тацерульт, сеют пшеницу и ячмень, разрабатывают рудные месторождения, но главное их занятие—разведение верблюдов, которых они продают купцам и которые служат им самим для перевозки товаров через Сахару. Три раза в году бывает большой *мугар*, или рынок, около зауйи Сиди Гамеда бен-Муса, предка царствующего государя, и на ярмарочном поле иногда можно видеть от четырех до пяти тысяч верблюдов. До недавнего времени еврейские покупатели не допускались в это торговое место, по причине святости гробницы, под покрови-

1 Renou, „Descriptiori geographique de l'empire de Maroc".

2 De Castries, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1880.

3 Renou, цитирован. сочинение;—Camille Sabatier, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1881.

тельство которой оно поставлено; но таццерультский шейх, сам очень алчный коммерсант, снял запрет, тяготевший над сынами Израиля, чтобы придать больше важности своему мугару; он даже взял на себя ручательство за общественную безопасность перед всеми иностранными негоциантами, и те из них, которые были ограблены на пути племенем ауара или другими разбойниками, получают от него вознаграждение за понесенные убытки. Таким образом монастырь Сиди Гамеда сделался значительным торговым центром. Столица этого маленького государства, Илег, лежащая, по Ленцу, на высоте 460 метр., кажется на половину суданским городом—так много в ней негров; армия шейха, который и сам чернокожий, состоит исключительно из невольников всякого провенанса, купленных в Судане; в рядах её встречаются даже фулахи; большие серебряные серьги, украшающие некоторых солдат, свидетельствуют об особой милости повелителя. Синия материи преобладают в костюме аит-таццерультов, как у суданских народов, и мужчины имеют привычку завешивать часть лица, тогда как женщины всегда ходят с открытым лицом.

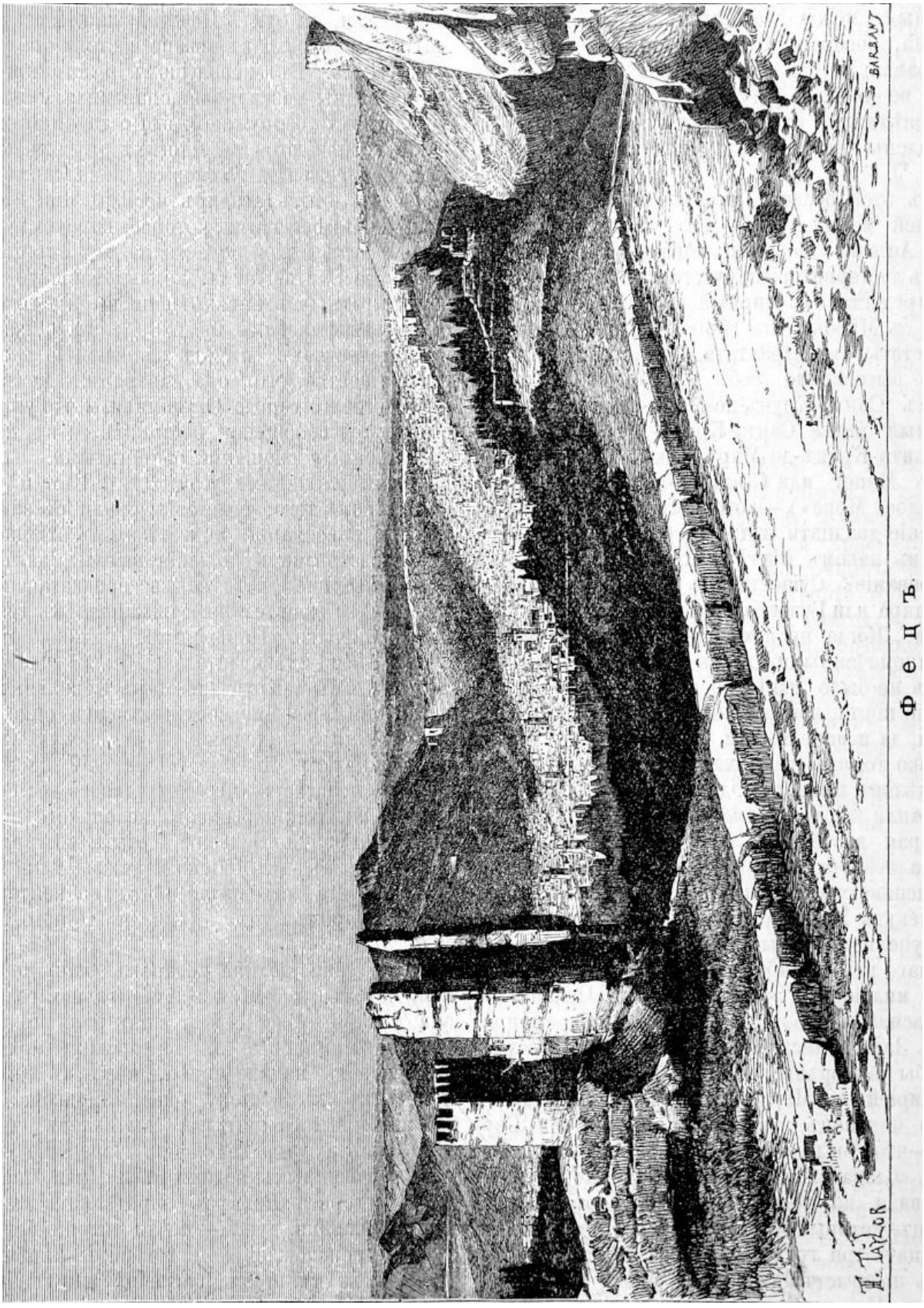
Около истоков уэда Таццерульт, на эруптивном конусе, совершенно изолированном от гранитных и сланцевых склонов Анти-Атласа, стоит крепость, неодолимая силой, но не имеющая ключевой воды: это Агадирская скала, обозначающая южный предел «королевства Сиди-Гешам». Далее начинается территория берберов племени меджад. Воды, спускающиеся с южного ската Малого Атласа, стекают в долину уэда Нун, которая делится на несколько самостоятельных владений; главное из них, простирающееся в соседстве морского берега, известно под тем же именем, как и самая река. Жители земли Уэд-Нун искони пользуются самой дурной репутацией у канарских рыболовов и вообще мореходов, потому что всякое судно, прибитое бурей к этим негостеприимным берегам, рассматривалось туземцами как законный приз, и потерпевшие крушение делались в большинстве случаев невольниками. Впрочем, в числе путешественников, описавших свое невольное посещение Мароккского царства, указывают много моряков, выброшенных на берег Нуна, которым удалось избегнуть рабства. В это последнее время чужеземцы, задерживаемые в плену целыми годами, отпускались на волю не иначе, как за большой выкуп.

Главный город Огульмин, называемый обыкновенно Уэд-Нун, как река и вся территория, лежит на довольно значительной высоте, может-быть, на высоте около 1.000 метр., судя по тому, что плоды пальм там не вызревают; маслины также растут в садах, но не так успешно, как в северном Марокко. Вне зеленеющего пояса, окружающего город, виден только амфитеатр голых холмов и гор, которые, по словам туземцев, изобилуют медными и серебряными жилами, и красноватая почва равнины почти везде покрыта камнями песчаника. Самый город представляет хаос глиняных кубов, доминируемых там и сям домами современной конструкции, с наружными окнами, как здания Мароккских городов; жилища богатых людей украшены резьбой, материалом для которой послужили обломки кораблей, выброшенных на берег. Огульмин—один из главных торговых центров между Могадором и Томбукту; он отправляет в Могадор в небольшом количестве страусовые перья и золотой песок, получаемые из Судана; но важнейшую статью его торговли составляют невольники, товар, для которого он служит складочных пунктом; кроме того, отсюда вывозятся лошади и мулы хорошей породы, а также стада баранов. Огульмин принадлежит племени аит-гассан. Говорят, что евреи в земле Уэд-Нун пользуются полной равноправностью с мусульманами: ездят верхом на коне и носят оружие. Это, вероятно, берберы, обращенные в иудейство еще до прибытия арабов: как не участвовавшие в умерщвлении Сидна-Аиса, «Господа Иисуса», они не должны, говорят магометане, носить на себе бремя проклятия, тяготеющего на других евреях[1].

Другой город, Тизги, или Фум-эль-Госсан, лежащий километрах в сорока к востоку, находится во власти арабского народца марибда; там нет еврейской колонии, как в Огульмине, городе торговцев. Тизги занимает великолепное местоположение на высоте 510 метр. (по Ленцу), при выходе каменистого ущелья, у подошвы пирамидальных гор; оазис, поросший

1 Soleillet, „L'Afrique occidentale".

пальмами, тянется вдоль ручья, воды которого иногда достигают русла уэда Нун. К северу от Тизги, на горе, видны остатки стен, сооружение которых туземцы приписывают римлянам, с чем согласен и путешественник Ленц. В той местности открыты также и другие древности:



сплошная стена, опоясывавшая целый округ, нечто в роде «Великой китайской стены»; затем высокие башни с резными зубцами[1], гробницы, наконец «писаные камни», или пет-

1 John Davidson, „African Journal“.

роглифы, какие встречаются во множестве на всем пространстве от гор Триполи до возвышенностей Марокко. Путешественник Мардохей видел много таких камней в области Уэд-Сус: на этих каменных рисунках, кроме надписей на языке тефинаг, изображены разные животные, между которыми можно различить слона, носорога, лошадь, жирафа, страуса и журавля; другие изваяния неявственны, и нигде не нашли фигуры человека; но фигуры человеческого изделия, оружие и одежда, представлены на многих из писаных камней[1].

В этой области, именно в местности, лежащей между уэдом Илег и уэдом Нун из Ассака, Испания, повидимому, решилась взять ту территориальную точку опоры, которую ей предоставил мирный трактат, заключенный с Марокко в 1860 г. В силу специальной статьи этого трактата, испанское правительство выговорило себе право вновь занять порт Санта-Круц-де-Мар-Пекенья, называемый также Санта-Круц-де-Мар-Менор и Санта-Круц-де-Мар-Чика (Mar Pequeua, Mar Menon или Chica по-испански значит «Малое Море»),—которым оно владело в течение двадцати лет, с 1507 до 1527 года. Но в каком месте находилось это старое завоевание? Существуют ли еще развалины Агадира или Гуадера, разрушенного марокканцами? Когда происходили переговоры между уполномоченными двух государств, испанцам не было известно вероятное местоположение порта, возвращения которого они требовали, да и марокканцы знали не больше, разве только то, что он находится вне нынешних пределов империи. Однако они не без труда уступили клочек земли, лежащий в стране, которая вовсе им не принадлежит: они опасались, что набеги враждебных племен на испанскую территорию в конце концов вовлекут Марокко в новую войну. Оттого их уполномоченные предлагали, взамен требуемого порта, либо денежное вознаграждение в 3 миллиона пиастров, на что Испания не согласилась, либо бухту Агуас на берегу против Заффаринских островов—что возбудило бы подозрения Франции, помещая между Алжирией и Марокко кастильскую колонию, либо, наконец, расширения территории Сеуты,—что было бы крайне неприятно Англии, как обладательнице Гибралтара. Испания настаивала на возвращении ей порта Санта-Круц, который географы тщетно розыскивали двадцать три года. Находился ли этот порт, как полагает Рену[2], на берегу неглубокой бухты Пуэрто-Кансадо, открывающейся в 80 километрах к востоку от мыса Юби? Или его следует искать, согласно с мнением другого писателя, Селло, при устье уэда Драа, вход в который почти всегда загражден песчаным баром? Специальная экспедиция, отправленная на корабле Blasco de Baray, остановила свой выбор на другом пункте побережья, на бухте Ифни, лежащей в тридцати километрах к северо-востоку от устья уэда Нун. В небольшом расстоянии от Ифни видны развалины испанских или португальских сооружений: это остатки агадира, какие встречаются на многих других пунктах побережья, и, по словам канарских рыболовов, этот агадир носил имя Santa-Cruz de Berberia, имя, которое, впрочем, применялось к целой области на юге от португальского Санта-Круца, командовавшего входом в уэд Сус. Гавань Ифни, выбор которой был ратифицирован в 1883 г. маррокскпм правительством, имеет за собой то важное преимущество, что она находится недалеко от торгового города Огульмина, и что устройство путей сообщения поставит ее в непосредственные сношения с богатыми, плодородными равнинами уэда Эльс-Гас и уэда Сус; кроме того, если ее выбрали с заднею мыслью завоевания, то и в этом отношении она представляет большие выгоды, как самое северное из всех предлагавшихся мест и, следовательно, ближайшее к границам Марокко. Невероятно, однако, чтобы бухта Ифни действительно была искомым портом Санта-Круц-де-Мар-Лекенья, так как она вовсе не соответствует описанию этого порта, находимому в документах шестнадцатого столетия. Испанский писатель Галиано полагает, что ему удалось отыскать точное положение бывшего испанского порта в Бока-Гранде (Большое Устье), составляющей вход в уэд Шибика: эта вырезка морского берега находится почти на полдороге между баром уэда Драа и Пуэрто-Кансадо[3].

1 Mardochee;—H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, aout 1871.

2 „Description geographique de l’empire de Maroc“.

3 Pelayo Alcala Saliano, „Memoria sobre la situacion de Santa-Cruz de Mar Pequena“.

Уэд Драа, долина которого, если не самый поток, достигает Атлантического океана южнее уэда Нун, как раз против острова Ланцароте, в Канарском архипелаге, берет начало менее, чем в 100 километрах к востоку от Марракеша, в массиве Атласа, откуда вытекает также уэд Сус и уэд Тенсифт. Население оазисов, орошаемых водами реки Драа, численность которого Рольфс определяет в четверть миллиона душ,—почти сплошь берберского происхождения и говорит наречием тамазигт; в этом бассейне живут даже бераберы или браберы, сохранившие имя расы. Однако, некоторые ксары населены исключительно арабами шорфа, «из фамилии Пророка»; кроме того, «сыны Магомета» (Бени-Мохаммед или Бени-Махмид) живут рассеянно в пальмовых хижинах. Негры образуют маленькия колонии в каждом оазисе, и их кровь смешивается через браки с кровью других жителей. Что касается евреев, то они представлены во всех деревнях общиной ремесленников,—оружейников, жестяников, столяров, портных, сапожников; на верхнем Драа они занимаются преимущественно фабрикацией мыла; сравнительно евреи-торговцы менее многочисленны на южной покатости Атласа, чем в городах противоположного склона[1]. Все оазисы по течению уэда Драа независимы, или только номинально признают власть императора. Во многих отношениях население этой покатости кажется более цивилизованным, чем население западных провинций. Строения здесь красивее, с террасами и башенками, с балюстрадами и резными украшениями[2].

Вся долина верхнего Драа, от горного прохода Тагерут до слияния с речкой Дадес, занята народцем глауа. Главное местечко этих племен, Тикирт, лежит на северной окраине бесплодной, покрытой черноватыми камешками, равнины, которая простирается на юг к основанию Анти-Атласа. Прежде чем вступить в ущелье, перерезывающее этот хребет, Драа принимает в себя поток Дадес, берега которого возделаны и окаймлены домиками, везде, где скалы не сжали реку в узкой теснине. На протяжении около 160 километров оба ската долины покрыты садами, масляничными рощами, усеяны селениями. Там и сям на выступах горы виднеются агеддимы, высокие (от 10 до 12 метр.) четыреугольные башни, с зубцами и бойницами. Каждая деревня выстроила себе такую башню близ границы своих возделанных земель; когда между двумя соседними кланами вспыхнет война, противостоящие крепостцы наполняются вооруженными людьми, и начинается перестрелка: вообще эти столкновения возникают по поводу оросительных каналов. Но обыкновенно селения живут в мире между собой, и каждое из них посылает своих делегатов на общую джемаа, которая принимает оборонительные меры против набегов племени аит-атта. Обитатели Дадеса искони приписывают себе специальный дар лечения глазных болезней, и каждый год окулисты из этой местности отправляются в отхожий промысел—практиковать свое врачебное искусство во всех странах Берберии[3].

По выходе из ущелий Малого Атласа, каждый берег уэда Драа представляет одно непрерывное селение до того места, где река, достигнув границы пустыни, принимает юго-западное направление; на пространстве около 200 километров, от земли Мескита до земли Ктауа, ксары, зауии, группы хижин следуют одни за другими в виде двух параллельных рядов в узкой аллее. Население, состоящее главным образом из гаратинов или черных берберов, превратило долину в один обширный сад. Тамошния пальмы производят лучшие финики во всем западном Магребе, и в таком обилии, что во время путешествия Рольфса груз в 150 килограм. (9 пудов) продавался по цене менее 2 франк. В тени финиковых пальм растут зерновые хлеба, но площадь посева их недостаточна для покрытия собственного потребления, и жители области Уэд-Драа должны прикупать зерно у горского населения. Главные культуры—овощи: капуста, репа, морковь, лук, томаты, дыни; в южной части этого длинного оазиса почти вся свободная почва между стволами финиковых пальм занята плантациями лакрицы. Самый знаменитый ксар в долине уэда Драа—город Тамагрут, лежащий на восточном берегу реки, против оконечности хребта Бани: он считается как бы столицей, благодаря

1 G. Rohlfs, цитирован. сочинение.

2 De Foucauld, цитирован. сочинение.

3 De Castries, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1880.

религиозному влиянию его зауйи, посвященной Сиди-Гамеду бен-Нассер, и важности его рынка, куда евреи не допускаются, как недостойные встречаться с истинно верующими у подножия святых стен; духовный орден нассириа имеет наибольшее число адептов в южном Марокко. Тамагрут не самый многолюдный ксар: по численности населения он уступает городу Бени-Сбих, главному пункту богатой провинции Ктауа и Бени-Могаммед, где «сто ксаров» теснятся вдоль реки, выпивая последние струйки воды, текущие в песчаном русле[1]. В соседстве, на юге, кочуют номады эль-гариб, прозванные «извощиками Судана», одно становище которых приобрело известность в истории географии пребыванием путешественника-исследователя де-Калье, в 1828 г. Ксар гарибов, откуда отправляются суданские караваны, носит название Заир[2].

К западу от верхнего Драа, в четыреугольном пространстве, ограниченном с севера Анти-Атласом, с юга—безводным ложем нижнего Драа, несколько оазисов следуют один за другим, с обеих сторон хребта Бани, по течению ручьев, разрезывающих через известные промежутки стену скал. Первый из этих оазисов, Тазенахт, через который протекает река того же имени, населен преимущественно ткачами, прежде очень богатыми, но ныне обедневшими, вследствие многолетней засухи, сопровождаемой неурожаями и голодовками. Далее, в западном направлении, простирается обширный оазис Тиссент, почти сплошной, без прогалин, лес, орошаемый многочисленными источниками. В реке Тиссент всегда есть вода, но соленая; оттого местные жители говорят, что уэд Тиссент вытекает из моря: так же, как европейские физики до Палисси, марокканцы воображают, что воды океана просачиваются в земле под горами, чтобы снова выйти на поверхность, в виде источников. Обогащаемый обильными сборами фиников, оазис Тиссент ведет большую торговлю с Марокко, Могадором и областью Уэд-Сус. Суданское влияние там так же заметно, как в Нуне и в королевстве Сиди-Гешам: жители, хотя и называют себя шеллахами, тем не менее почти все черные берберы (гаратины), и обычная их одежда, кешкаба, похожая покроем на пончо испано-американцев, сделана из синей бумажной материи, как и у обитателей Судана. Население Тиссента славится своим благочестием; совершить путешествие в Мекку составляет предмет пламенного желания и цель высшего честолюбия для всех и каждого. Тиссент едва-ли не единственное место в Марокко, где можно встретить, вне городов и монастырей, образованных марокканцев, владеющих искусством чтения и письма[3].

Берберские населения соседних гор, состоящие из пастухов и земледельцев, принадлежат к большой семье зенага или санхеджа и носят её имя. Они очень гордятся своим происхождением и ревниво охраняют чистоту своей крови: между этими берберами не увидишь ни одного гаратина. Что касается языка, то они употребляют почти исключительно наречие тамазигт; между ними большая редкость встретить такого, который говорил бы по-арабски. По описанию Фуко, посетившего этих горцев, они имеют темно-бронзовый цвет кожи, мужественные и жесткия черты лица; почти все рослы, худощавы, сильны и неуклюжи. Они известны как грозные воины, менее грозные, впрочем, чем арабские племена равнины, дуи-беллалы, сюзерены и покровители оазиса Тиссент. Прежде эти дуи-беллалы были гораздо более могущественны, и ни одно племя, на всем пространстве от Атласа и до Нигера, не могло бы устоять против них; но постоянные междоусобия дотого ослабили их численно, что во время проезда Фуко, в 1883 г., в крае осталась только молодежь; все мужчины зрелаго возраста пали в войнах, и совокупность боевых сил состояла всего из 1.800 ружей. По чистоте своего арабского диалекта, красоте лица, стройности фигуры и изяществу манер, дуи-беллалы не имеют себе равных между другими номадами южного Марокко.

Оазис Татта, следующий за Тиссентом в западном направлении, в большей части разорен дуи-беллалами: призываемые в качестве союзников в междоусобных войнах, они пользовались этим случаем, чтобы грабить ксары; около десятка деревень были совершенно покину-

1 C. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

2 De Castries, цитирован. мемуар.

3 De Foucauld, цитированное сочинение.

ты жителями. Татта—самый обширный из всех оазисов, находящихся между уэдом Драа и Атлантическим океаном, но он делится на несколько групп, окруженных пустынями. К северу от Бани оазис заключает несколько ксаров, расположенных по берегам трех потоков; к югу от этой цепи он представляет в большей части своего протяжения эрг, песчаное пространство, среди которого там и сям встречаются в ложбинах кучки жилищ, окруженных чахлыми камедными деревцами. Торговля этого оазиса, некогда весьма значительная, ныне почти совсем прекратилась. Точно также оазис Акка, лежащий западнее, недалеко от истоков уэда Нун, перестал быть торговым центром между Могадором и Томбукту. До недавнего времени он был главным сборным пунктом южных караванов, приводящих невольников, приносящих золото, кожи и ткани из Судана. Его ювелиры из евреев славились своим искусством; но промышленность и торговля одинаково пришли в упадок: население Акки живет теперь исключительно доходом от фиников. Маленький еврейский меллах (колония), поселившийся в этом оазисе, замечателен как место рождения раввина Мардохея, одного из редких путешественников, рассказавших географам о своем пребывании в Томбукту.

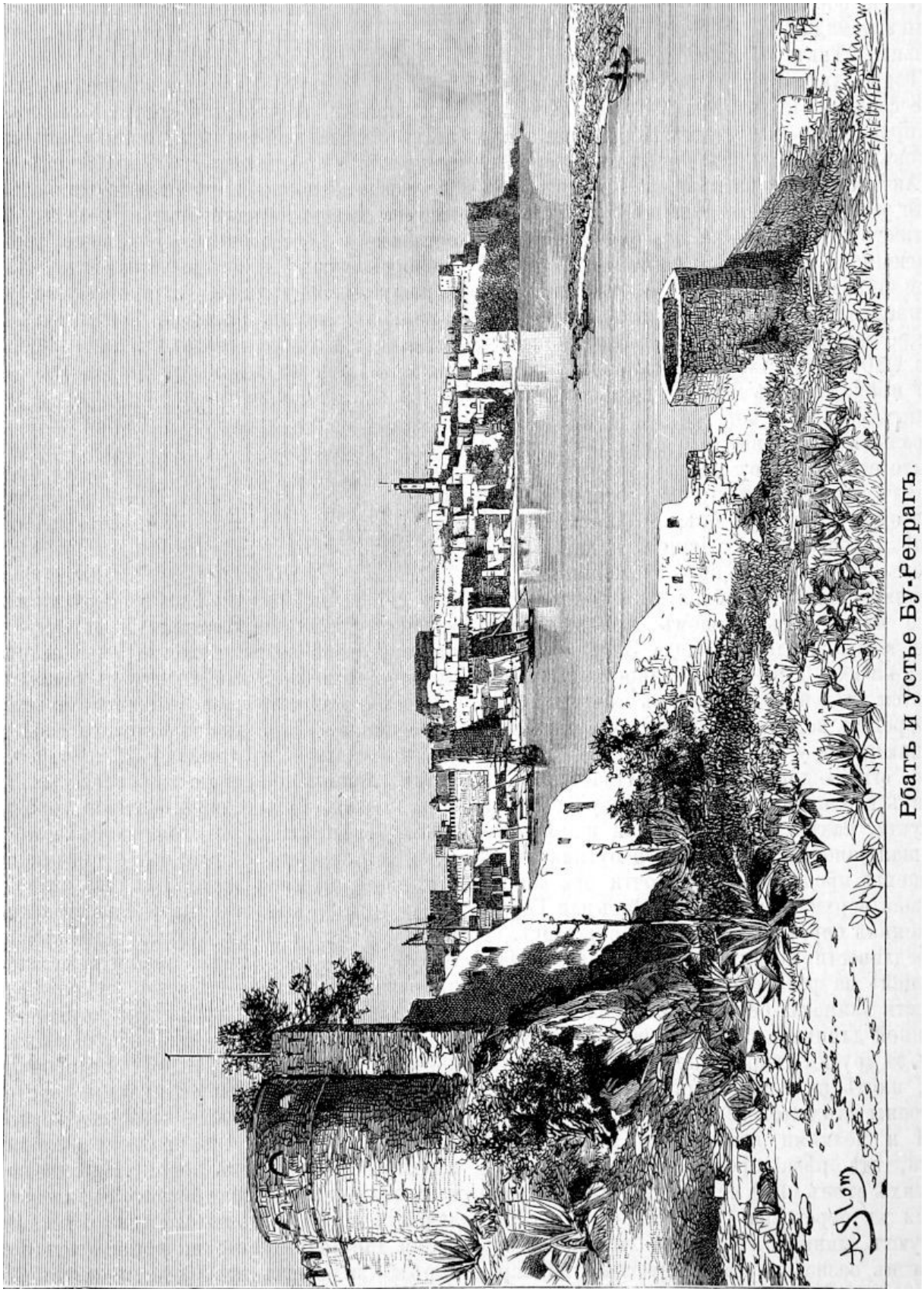
В настоящее время главный рынок области уэда Драа—местечко Мриминиа (Рагунимиа), лежащее к югу от хребта Бани, на уэде Зегид, рыбной речке, где вода течет во всякое время года. Святости марабутов Мриминии купцы обязаны возможностью собираться безопасно в этом месте, несмотря на соседство кочевников дуи-беллал. Зауйя Сиди Абд-Аллаха и куббы его предков образуют центр селения, вокруг которого группируются хижины свободных гаратинов и невольников. Несколько человек марабутов остаются постоянно в монастыре, но большинство странствуют по деревням и становищам с специальной целью—разносить «благословение» жатвам и стадам; они получают обычную дань от того или другого племени только после того, как достаточно долго «освящали» его своим присутствием. На ярмарку в Мриминие, продолжающуюся три дня, сходятся со всего бассейна Драа, из местностей по течению уэда Сус и из Тафилельта; по размерам торгового движения она уступает только ярмарке в Сиди-Гамед-бен-Муса, в земле Таццерульт, где тоже купцам гарантирована безопасность дороги: всякое нападение, совершенное каким-либо племенем, было бы тотчас же вымещено на заложниках, присутствующих на рынке. Между Мриминией и Сиди-Гамед-бен-Мусой, другая ярмарка, называемая Сук-эль-Мулук, в территории племен аит-юсса, тоже привлекает много народу, менее, однако, чем две предъидущие[1].

К востоку от длинного оазиса уэда Драа, главные берберские племена—аит-седрат и аит-атта, грозные воины, нравы которых мало отличаются от нравов племени дуи-беллал. Географическим условиям соответствует и образ жизни населения: в степи кочуют номады; по берегам рек осели земледельцы. Так образовались оазисы вдоль уэда Тодра, уэда Зис и других потоков, которые соединяются в земле Тафилельт, затем пропадают в пустыне. Первый из этих оазисов, граничащий с Дадесом и территорией Аит-Седрат, называется Тодра или Тодга: это узкая полоса возделанной земли, которая тянется с севера на юг в низменности, заключенной между Большим Атласом и южной цепью. Оазис Феркла, гораздо меньше предъидущего, лежит на той же реке, ниже по течению: средняя ширина этого оазиса около 1.500 метр. Часть его пальмовых плантаций принадлежит могущественному племени аит-мебрад, которое в 1883 г. дало генеральное сражение племени аит-атта и разбило его на голову; по рассказам, которые слышал французский путешественник Фуко об этом кровавом бое, двадцать тысяч человек сошлись в равнине и две тысячи трупов усеяли собой поле сражения.

Сравнительно с долиной уэда Тодра (известного ниже под именем Хрис) гораздо более населена долина уэда Зис, который течет на юг, и во время таяния снегов соединяется в той же лагуне с выступившими из берегов водами Тодры. Долина уэда Зис, начинающаяся у горного прохода Тизинт-эр-Риут, огибающего Большой Атлас, искони служит караванной дорогой между Фецом и Томбукту, как самая доступная и представляющая наиболее удобств для путников в отношении продовольствия. Почти от самого перевала верхняя долина уэда

1 De Foucauld, цитированное сочинение.

Зис или Герс, населенная берберами племени аит-сдиг, по справедливости может быть названа второй «Италией» за разнообразие её произведений и мягкость климата; берега реки представляют сплошной длинный сад, где ксары следуют один за другим через небольшие



Рбатъ и устье Бу-Реграгъ.

промежутки[1]; нигде не видно палаток, все жилища построены из битой глины, смешанной с соломой и мелкими камешками. Ниже одного хенега, где река пробирается между двух вы-

1 Gerhard Rohlfs, „Reise durch Marocco“.

соких стен (180 метр.), пальмы присоединяются к береговой растительности и скоро образуют длинный лес, продолжающийся из оазиса в оазис до самой пустыни. Мдагра, первый из оазисов, принадлежащих к области, известной под общим именем Тафилельта, один из самых богатых и многолюдных на сахарской покатости: он заключает в себе около сорока укрепленных местечек и селений, или ксаров, из которых иные занимают значительное пространство; самое большое из этих селений, Касба эль-Кедима, или «Старая Крепость», имеет не менее 1.500 жителей. Мдагринские финики славятся своим превосходным вкусом, также как и другие фрукты: виноград, маслины, персики, абрикосы и сливы. Казалось бы, этот благодатный уголок должен быть раем земным; но обитатели его, «арабы из семьи Пророка», берберы племени аит-сдиг и евреи живут далеко не как братья, и между ними есть много обездоленных, которые терпят крайнюю нужду, и которых косят болезни, порождаемые дурными гигиеническими условиями: по словам Рольфса, более двух третей жителей оазиса страдают, в большей или меньшей степени, глазными болезнями.

К югу от Мдагры не встречается более селений племени аид-сдиг; большинство жителей принадлежит к большому союзу племен аит-атта, территория которого простирается на запад до уэда Драа: по преданию, они прогнали, лет сто тому назад, арабских шорфов, которые владели ксарами этой части Тафилельта, известной под именем Эрбит или Ретеб; но, поселившись в крае и смешиваясь с прежними обитателями, они утратили чистоту своей расы и частию усвоили нравы арабов; их женщины ходят с открытым лицом и отличаются от большинства других марокканок тем, что татуируют себе различные части тела. Столица Эртиба, эз-Зеригат, лежащая на правом берегу уэда Зис, есть, может-быть, самый большой город во всем Тафилельте: по словам Рольфса, она может выставить в поле более тысячи двухсот вооруженных людей; три раза в неделю в Зеригате бывает значительный рынок. Недалеко оттуда, около Дуэры, останавливается течение уэда Зис: ниже, прибрежные жители принуждены рыть песок в сухом русле, чтобы достать воды, кроме одного только места—оазиса Тиссими, где река вдруг выходит на поверхность: с той и другой стороны этого отпрыска исчезнувшего уэда воздвигнуты крепкие замки, гарнизон которых зорко наблюдает за тем, чтобы враги не сделали попытки отвести потоки в сторону. Ниже, вода снова пропадает, и жители южного Тафилельта получают ее в виде потока только весной, во время таяния снегов; но тогда этот поток нередко заливает все сады, и оазис Тафилельт становится озером. Дайя эль-Даура, себха, в которой теряются воды всех потоков, спускающихся с восточного Атласа, тоже превращается во временное озеро: в благоприятные годы ее можно распахивать и засевать, как ложе уэда Драа, в котловине Дебайя[1].

Оазис, означаемый специально именем Тафилельт, или Тафилала, которое прежде ошибочно считали принадлежащим особому городу, есть самый важный центр населения во всей Сахаре; по Рольфсу, он имеет не менее сотни тысяч жителей, сгруппированных в полутораста слишком ксарах. Туземцы, прибавляя к деревням рассеянные в разных местах поселки, кучки избушек, жилых, разоренных или строящихся, могут сказать без преувеличения, что их оазис заключает в себе столько ксаров, сколько дней в году. Пространство, на котором скучено такое множество земледельцев, вероятно, обнимает около тысячи квадр. километров, и при том оно совершенно ограничено амфитеатром гор: на северо-западе джебель Бельгруль господствует над долиной уэда Зис и посредством полукруга высот примыкает к Адрару, т.е. «Горе» по преимуществу, соленосные скалы которой вздымаются на юге в степи, на востоке и северо-востоке высятся обрывы плато; местность открыта только с двух сторон: на севере, через долину, и на юго-востоке в пустыне. Тафилельт почти не имеет другой древесной растительности, кроме пальм: недостаток воды летом не позволяет культивировать другие породы дерев: но когда зимния орошения были достаточно обильны, здесь сеют также пшеницу, ячмень, клевер. Население оазиса до недавнего времени состояло почти исключительно из арабов, но в наши дни оно имеет очень смешанный характер, и племя аит-атта овладело большим числом ксаров: в Тафилельте, как во всем Марокко и в соседней

1 Dastugue, „Bolletin de la Societe de Geographie“, avril 1867.

Алжирии, старая берберская раса мало-по-малу вытесняет потомков арабских завоевателей[1]. В непосредственном соседстве Тафилельта, среди восточных степей, живут пастухи-номады различных племен, известных под именем брабер или берабер.

Столпца территории Тафилельт состоит из двух, близко один от другого лежащих ксаров. На северо-востоке стоит ксар эр-Риссани, резиденция губернатора оазиса; на юго-западе торговый люд сгруппировал свои жилища в ксаре Абуам или Бу-Ам. Последний занимает первое место в оазисе по числу и богатству жителей: это главный рынок всей мароккской Сахары между Туатом и областью Уэд-Драа. Обширный квартал сплошь занят глиняными куполами, прикрывающими лавки купцов; можно подумать, что видишь перед собой собрание больших куч земли, нарытых кротами. Каждая улица является центром той или другой специальной отрасли торговли и промышленности. Здесь водворились суконники, торговцы красным и суровским товаром; далее сосредоточены продавцы мыла и масла, оливкового и коровьего; в других местах поселились оружейники, столяры, портные, седельщики и сапожники, те сапожники, которые уже многие века составляют славу и гордость Тафилельта: прежде утверждали даже, что только одни благородные имеют право заниматься сапожным ремеслом,—в такой великой чести была эта профессия[2]. Знаменитые *джильд-эль-филали*, кожи, дубленые в Тафилельте, при помощи одного плода, свойственного этой стране (вероятно, акации), отправляются в Фец и Тлемсен; из Судана привозят на абуамский рынок страусовые перья и золотой песок в небольшом количестве, а также приводят невольников на продажу. На базаре можно найти всякого рода европейские товары, доставляемые главным образом алжирскими купцами, за исключением чая, который всегда покупается у английских коммерсантов. Денежным знаком в торговых сделках, как и в северном Марокко, служит почти исключительно пятифранковая монета, и европейские товары вешаются на фунт, равный полкилограмму.

Губернатор, имеющий пребывание в ксаре Эр-Риссани, всегда назначается из братьев или по крайней мере близких родственников султана, но власть его бессильна перед волей общинных собраний: он не может даже помешать жителям своего собственного ксара воевать с соседями. Если он остается в городе, то только потому, что ему нужно сохранять по крайней мере вид власти, так как Тафилельт родина его фамилии. Это имя есть не что иное, как берберская форма имени Филал, места в Аравии, откуда, будто бы, вышли предки Мулай Али-Шерифа, основателя ныне царствующей династии. Гробница этого первого государя из дома Фелали еще существует в 4 километрах к юго-востоку от Абуама, но никакой зауйи не было основано рядом с этим памятником. На запад от нынешней столицы простирается обширное поле развалин, имеющее по меньшей мере 8 километров в окружности: среди этой груды обломков, носящей имя Амра, стоят еще минареты и аркады мечети, украшенные прелестными арабесками, так хорошо сохранившимися, как будто они только вчера сделаны[3]. Амра или Мединет эль-Амера, «Населенный Город», есть несомненно славный город Седжельмасса, или Сиджильмасса, о котором рассказывают средневековые писатели, и который географы долго искали вне оазиса Тафилельт, пока Валькенер и д'Авезак не доказали, что эти два имени, Тафилельт и Седжельмасса, тождественны как название страны[4]. Седжельмасса был построен сто с лишним лет после геджры, и хотя разоряемый осадами и войнами, даже разрушенный «пушкой»[5] в 1274 г., он служил резиденцией Тафилельтскому губернатору до конца семнадцатого века, когда был построен форт Эр-Риссани. Но и после того его продолжали считать как бы формально существующим. Еще в начале XVIII ст. караван богомольцев, отправляющийся в Мекку, собирался у ворот Седжельмассы, прежде чем выступить в путь к святым местам. Мечеть была до 1815 г. университетским центром, где

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

2 Raffenel, „Voyage au pays des Negres".

3 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

4 Walkenaer, „Recherches geographiques sur l'interieur de l'Afrique septentionale";—d'Avezac, „Etudes de Geographie critique";—Renou, „Description geographie de l'empire de Maroc".

5 De Slane, „Revue Africaine", avril 1857.

около пятисот студентов содержались на счет государства; даже во второй половине настоящего столетия там еще читалась по пятницам публичная молитва за мароккского императора[1].

Речная система, следующая за бассейном уэдов Хрис и Зис в восточном Марокко, гораздо обширнее по разветвлению своих потоков; но, получая начало в менее высоких горах, покрывающихся снегом лишь на несколько недель в году, она беднее водой; селения там реже и малолюднее; впрочем, проходя на севере большой гамады, путник может быть уверен, что найдет на каждом этапе фонтан или ручей, пастбища и жилища[2]. Мароккские войска никогда не проникают в эти области сахарской покатости, хотя тамошния племена признают духовное главенство султана-шерифа, но французские экспедиционные отряды много раз проходили теми местами в погоне за враждебными алжирцами. В 1870 г. колонна Вимпфена обследовала в 250 килом. от оранской границы часть верхнего бассейна уэда Гир, в непосредственном соседстве оазисов Тафилельта; таким образом прибавился новый маршрут к тому, который, за восемнадцать веков до нашей эпохи, начертала, от Мавритании Тингитанской до реки Гер, римская экспедиция под начальством претора Светония Паулина. Точные указания одного воина племени шанба, Ахмеда бен-Ахмеда, позволили также построить путевник, простирающийся от эль-Голеа до Тафилельта через Туат[3]. Главные племена, обитающие в этой пограничной с пустыней области,—беребер, бени-гиль, дуи-мениа и улад-джерир. Берберы бени-гиль занимают преимущественно горные пастбища, около истоков ручьев, из которых образуются уэды Гир, Кенаца и Зусфана; племена дуи-мениа и улад-джерир, оба арабского происхождения и родственные алжирским гамианам, живут ближе к области песков. Эти различные народцы часто называются общим именем зегду, т.е. «Союзники».

Верхние истоки Гира (слово это значит «река»)[4] берут начало на плоскогорьях, недалеко от верхних притоков Молуйи, и глубокими ущельями перерезывают южные откосы гор, окаймляющих Сахару. Главный оазис этой возвышенной области, Аин-Шаир, имеет еще несколько пальм, хотя он лежит на высоте 980 метр.; но, как показывает самое имя его, «Фонтан Ячменя», он возделывает главным образом хлебные растения, и жители всех нижних оазисов приходят сюда запасаться хлебом. По соединении с другими источниками, ручьи Аин-Шаира вырыли себе широкое русло, которое они наполняют зимой, и в котором пробирается под песком невидимый поток в летнее время. При выходе из области гор, в земле Дуи-Мениа, речное ложе становится дотого обширным, что его прозвали Бахариат, или «Малым морем»; и действительно, это было озеро в предшествующую эпоху: воды дробятся здесь на бесчисленное множество струек, между которыми тамариски разрослись в целые леса; все прогалины распаханы и засеяны; только около центра равнины, некогда затопленной, пески образовали дюны[5]. Непосредственно за этой зеленеющей низменностью следует одна из самых мрачных и самых страшных областей пустыни, залегающая между уэдом Гир и уэдом Зис: это высокая каменистая равнина, называемая иногда «гамада эль-Кебир» (Большая), по причине её значительного протяжения. Впрочем, размерами она далеко уступает многим другим плато Сахары, так как ширина её не более 100 километр.; но переход через нее крайне утомителен, по причине острых камней, которыми она покрыта. Средняя высота её около 800 метр.; она поднимается постепенно, почти нечувствительно, от берегов уэда Гир в западном направлении, и круто понижается к оазисам Тафилельта.

На опушке пустыни, между Тафилельтом и алжирской границей, находим два религиозных центра. Один—город Эс-Сахели, на верхнем Гире, где властвует «верховный глава» ордена нассириа, имеющий право брать себе долю из всех приношений, делаемых мкадде-

1 Dastugue, „Bulletin de la Societe de Geographique de Paris“, avril 1867.
2 G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.
3 A. Coyne, „Une Ruazzia dans le grand Sahara“.
4 H. Duvevrier, „Bulletin de la Societe de Geographie“, sept. 1872.
5 Wimpffen, „Bulletin de la Societe de Geographie“.

мам других духовных братств[1]. Другой—город Кенаца, лежащий недалеко от истоков уэда того же имени, среди маленького песчаного моря и у основания уединенного плато. В этом городе существует зауйя ордена Сиди Бу-Зиан, основанная в одиннадцатом столетии; монастырь не защищен никакими стенами: нет разбойника, который бы не уважал его и не приветствовал его хуанов низким поклоном и целованием полы их платья; в большинстве соседних оазисов самое назначение шейхов принадлежит этим святым марабутам. Имея в своем распоряжении лишь немного пальм и небольшие поля, засеваемые ячменем, обитатели зауйи зависят в отношении пропитания от доброхотных приношений верующих. К западу от Кенацы, на дороге из оазиса Боанам, кабилы племени бени-сите добывают свинцовую и сурмяную руду. Сотни жителей этой области уходят каждый год на заработки в города Марокко: это мзабиты западного Магреба[2].

Оазис Фигиг, самый многолюдный во всем верхнем бассейне уэда Гир, лежит верстах в пятидесяти от воображаемой линии, фиктивно принятой за границу между двумя государствами, Алжирией и Марокко. В ксарах этого оазиса живет около 15.000 человек, принадлежащих почти исключительно к племени амур, а между тем слава этого маленького центра населения гремит во всех концах обширной Сахары, благодаря установившемуся и общераспространенному преданию, что Франция и обитатели Фигига уже с половины настоящего столетия ведут войну между собой, и что последние в конце концов одержали верх. Не имея никакого понятия о дипломатических фикциях, они воображают, что если французы не овладели неприятельским оазисом, то это потому, что такой подвиг был им не под силу[3]. Правда, что французские экспедиционные отряды, обошедшие область высоких плато и гор, оставляли в стороне Фигиг, или по крайней мере не проникали внутрь его ксаров. В 1866 г. колонна под командой де-Коллона установила свой лагерь в равнине, расстилающейся непосредственно на севере оазиса и его холмов, исследованных во всех направлениях. Топографы этой экспедиции могли без всякой помехи снимать план страны. Соседство французов и военное бессилие маленьких ксаров Фигига в виду солидных армий имело то следствие, что придало некоторую реальность узам зависимости, связывающим этот оазис с Марокккской империей.

Совокупность ксаров, средняя высота которых превосходит 700 метр., окружена горами, раскиданными в беспорядке на плато и поднимающимися на 200-400 метр. над пальмовыми плантациями равнины. Речка, или вернее русло, заключающее там и сям лужи стоячей воды, извивается на севере оазиса, затем уходит через хенег, открывающийся на западе от деревень, и спускается на юг, чтобы идти на соединение с Зусфаной, одной из главных ветвей уэда Гир: против Фигига речка называется уэд эль-Галлуф, или «Кабаний поток»; но это название меняется при каждом новом ущелье, при каждом слиянии с другим ручьем. Пальмы оазиса производят еще превосходные финики: мы находимся на естественной границе между областью плоскогорий и областью Сахары; альфа сменяется дрином, растением, свойственным по преимуществу пескам пустыни[4]. Ячмень дает обильные урожаи в орошаемых лощинах; часто окрестные племена приходят на фигигский рынок запасаться хлебом. Почти все ксары, расположенные на неправильной террасе, окружены общей оградой, имеющей около 16 километр. длины; впрочем, эта ограда есть не что иное, как стена из битой глины в 2 метра вышиной, прорезанная бойницами и фланкированная маленькими башнями. Самое большое село, лежащее в юго-западном углу, носит имя Зенага, напоминающее бывший союз племен зенага или санхеджа, члены которого рассеяны по всей северной Африке, от Туниса до Сенегала. Это местечко единственное в Фигиге, не имеющее собственного источника: оттого жители его не успокоились до тех пор, пока не отвоевали оросительный поток у своих соседей; при помощи подземного канала они отвели источник Эль-Удагир, затем соо-

1 De Castries, цитирован. мемуар.
2 Renou, „Description geographique de l'empire de Maroc".
3 De Foucauld, цитирован. сочинение.
4 H. Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", sept. 1862.

рудили бордж для защиты своего нового приобретения. Вода так дорога в этом оазисе, что харубба, т.е. право пользования источником дважды в месяц, в течение одного часа каждый раз, продается у зенагов по 600 франк.

Все другие ксары построены при источниках. В северо-восточном углу оазиса две деревни, называемые Эль-Гаммам, т.е. «Термы», имеют даже воды высокой температуры. Дома вообще содержатся очень опрятно, и сами обитатели отличаются заботливостью о своей особе, также как красотой черт и благородством осанки; у них, как и у многих других берберов, белокурые волосы и голубые глаза—не редкость. Кроме девяти ксаров, запертых стеной оазиса, два местечка, Тарла и Бени-Униф, находятся вне ограды, на западном берегу долины, и многочисленные группы палаток, гильтана, рассеяны по скатам холмов. Все внешние оазисы, или *джали*[1], принадлежат зенагам, которые, не будучи в состоянии культивировать все свои пальмы, собирают с них плоды в два года раз. Во всех оазисах вместе насчитывается около 200.000 финиковых пальм. Каждый ксар через двухлетние промежутки избирает местный совет (по одному члену на пятьдесят избирателей), который назначает из своей среды начальника совета, казначея и судью, могущих быть вновь выбранными неопределенное число раз. Четыре раза в год, в обыкновенное время, и чаще в критические моменты, общее вече, или джемаа, собирается в прогалине, нейтральной местности, лежащей в центре оазиса Фигиг, и обсуждает общие дела республики. Попечение о духовных нуждах народа вверяется этим общим собранием группе марабутов, влияние которых, религиозное и политическое, распространяется, повидимому, до пределов алжирского Телля; в каждой деревне есть мечеть, которая всегда строится подле источника, и сюда-то приходит поучаться юношество из оазисов и из Марокко. Фигиг—это главный университет страны. Понятно, что этот очаг пропаганды против руми, лежащий в непосредственном соседстве границы и служащий убежищем для мятежников и дезертиров, представляет, в политическом смысле, гораздо более важное значение, чем то, которое принадлежит этому оазису по численности его населения. Жители Фигига уходят в большом числе на заработки: они славятся как отличные каменщики и искусные рудокопы. Женщины ткут бумажные и шерстяные материи, вышивают хаики и красят ткани. В оазисе живет несколько евреев, но им запрещено «под страхом смерти» давать деньги в ссуду; точно также они не имеют права приобретать в собственность дома или сады[2].

Фигиг находится недалеко от одного из будущих путей, которые направятся через Сахару; но важнейший жизненный пункт—это ксар Игли, лежащий при слиянии уэдов Гир и Зусфана, образующих уэд Саура, долина которого продолжается на юг между грядами дюн. Этот оазис, где соединяются долины, есть обязательное место прохода для караванов: здесь сходятся дороги Алжирии, Марокко, Туата[3]. Население его состоит из семейств, принадлежащих к двум племенам, дуи-мениа и улад-сиди-шейх. Между Фигигом и оазисом Игли, самые большие пальмовые леса, содержащие около 100.000 финиковых пальм, принадлежат богатому племени бени-гуми, состоящему в вассальной зависимости от племени дуи-мениа. В этой области периодически происходит большое передвижение людей и стад, сообразно смене времен года. Летом пастухи кочуют на плоскогорьях, а на зиму спускаются в равнины; если они замешкаются, стада сами уходят, так что пастухи поневоле должны следовать за скотом[4].

II. Социальное и экономическое состояние Марокко.

«Нельзя слишком превознести Марокко», замечает Гукер, когда говоришь о богатстве его

1 De Castries, „Bulletin de la Societe de Geographie de la province d'Oran", 1882. № 14.
2 Anne l.evinck, „Revue de Geographie", janvier 1885.
3 Roh fs, „Reise durch Marocco";—Camille Sabatier, „La Question du sud-ouest"-.
4 L. de Colomb, „Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran".

естественных рессурсов. Эта страна имеет все выгоды: теплый климат, обилие вод, плодородие почвы, разнообразие произведений, счастливое торговое положение между двух морей, в углу континента. Хотя лежащий под той же широтой, как и Алжирия, Магреб эль-Акса далеко превосходит последнюю совокупностью своих географических условии. Тогда как во французской колонии центральную полосу занимает область однообразных плоскогорий, солонцоватых и почти безводных пространств, в Марокко хребет страны образует великолепная цепь гор, с обильно орошаемыми долинами, с поднимающимися один над другим поясами климатов и растительности, которые представляют всю последовательность земных флор: за исключением нескольких растений тропического пояса, марокканцы могли бы возделывать все растительные виды, полезные для питания и промышленности; в то же время горы их не менее богаты металлоносными жилами, чем горы Испании. А между тем эта земля, так щедро одаренная природой, играет ничтожную роль в общем равновесии наций. Это потому, что мало найдется стран, где бы жители были более порабощены: правительство там присвоило себе все права, и произволу его нет границ. Счастье еще, что большинство берберских племен внутреннего Марокко могли сохранить свою независимость от султана, а в приморских городах европейские консулы могут сдерживать агентов власти. «Этим только, говорит Гукер, и объясняется тот странный факт, что правительство, которому иногда оказывают содействие засухи, саранча и холера, не успело еще превратить страну в пустыню». В неурожайные годы население иногда должно питаться жолудями[1].

Тем не менее было бы несправедливо повторять, вместе с некоторыми писателями, что «варварийский Китай» заперт всякому прогрессу. Сравнивая рассказы путешественников, прежних и новейших, убеждаешься, что в последние пятьдесят лет и здесь совершились большие перемены. Теперь европейцы безопасно разъезжают по всей территории блед-эль-махзен; им не запрещается более учиться арабскому языку, и они без труда находят себе преподавателей; фанатическая ненависть к иностранцам уже не проявляется, как было прежде, и во многих местах сменилась дружелюбным отношением: принятый очень ласково жителями Марракеша, путешественник Ленц с удивлением спрашивал себя: тот ли это город, где несколько лет перед тем его соотечественник Мальцан должен был преобразиться в еврея, чтобы пробраться в святой град, под покровом общественного презрения. Если и теперь еще опасно путешествовать между берберскими племенами, то причина тому не ненависть к руми, а недоверие к наблюдателю, на которого они смотрят как на соглядатая. Марокко постепенно вовлекается в орбиту европейских наций; каждый город побережья имеет маленькую колонию негоциантов, а в городе Феце насчитывают около пятисот испанцев, по большей части дезертиров или беглых. Защищенный политически взаимной завистью соперничающих держав, Марокко аннексируется мало-по-малу посредством торговли. Нет ни одной шеллахской деревни на Атласе, ни одного гаратинского ксара в мароккском Судане, где бы не прохлаждались чаем, привезенным из Китая англичанами, где бы не жгли керосина, происходящего из нефтяных источников Америки. С другой стороны, Марокко в последнее время сделался одной из любимых стран у европейских художников. Сколько прекрасных картин, которыми мы любуемся в наших галлереях, были написаны на базарах, перед воротами и башнями Феца и Танжера!

Земледелие, эта древнейшая и всего медленнее преобразующаяся промышленность, очень мало изменилось в своей традиционной рутине. Вследствие запрещения вывоза пшеницы и ячменя, культура их нисколько не расширяется, несмотря на то, что почва Марокко, особенно почва Гарба и всех западных равнин как нельзя более пригодна для возделывания этих хлебных злаков; но площадь полей, засеваемых кукурузой, горохом, бобами, чечевицей, всеми зерновыми продуктами, вывоз которых разрешен, постоянно возрастает; торговое благосостояние западных равнин, процветавших в XVI веке, в эпоху португальских предприятий[2], снова поднялось в земле Дуккала и в соседних местностях. В последнее время не

1 Oscar Lenz, цитированное сочинение.

2 E. Pellissier, „Memoire historique et geographique sur l'Algerie".

было акклиматизировано ни одного растительного вида; мароканцы не культивируют земляных фисташек. которые вполне удались бы в областях атлантического побережья; не развели они и чайного дерева в долинах Атласа. Точно также не было сделано никакой попытки ввести новые породы животных или улучшить туземные посредством скрещивания[1]. Вывоз рогатого скота ограничивается несколькими тысячами голов для каждого из государств западной Европы; что касается вывоза овец и лошадей, то он строго запрещен, и в Европе не увидишь других мароккских коней, кроме тех, которых султаны присылают в подарок европейским государям. Всем известны неоценимые качества варварийской лошади; впрочем, кажется, эта порода, взятая в целом, значительно выродилась в Магребе-эль-Акса. Мароккские мулы отличаются такой же силой и выносливостью, как испанские.

Приблизительное исчисление домашних животных Марокко, по Ленцу:

Овец—40 000.000, коз—11.000.000. крупного рогатого скота—5.500.000, ослов и мулов—4.000.000, лошадей—500.000, верблюдов—500.000.

Мароккская промышленность, защищенная системой отчуждения, которой всегда придерживалась шерифская политика, лучше сохранилась, чем промышленность других магометанских стран. Ковры, материя, сафьяны, оружие, изразцы—все еще делаются в Марокко по преданиям старого искусства, и некоторые из этих произведений, между прочим, белые хаики, сотканные из тонкой шерсти по шелковой основе, отличаются замечательной красотой. Но десяти-процентная ввозная пошлина, тяготеющая над иностранными товарами, не в состоянии устранить их с рынков Марокко, и произведения европейских мануфактур все более и более вытесняют туземные изделия. Пароходы, поддерживающие правильное сообщение между всеми городами поморья, караваны, приходящие туда запасаться провизией, содействуют ежедневно промышленной революции, совершающейся внутри империи. Еще гораздо быстрее будут перемены, когда Марокко, неимеющий теперь никаких правильных дорог, кроме одной, да и то плохо содержимой,—дороги из Феда в Мекинец,—обзаведется, в свою очередь, удобными и скорыми путями сообщения. В настоящее время посольства, отправляющиеся из Танжера в Фец, употребляют средним числом от 12 до 14 дней на этот короткий переезд в каких-нибудь 200 километров[2]. Но давно уже была предложена постройка железной дороги из Феца в Лалла-Магнию[3], и хотя это дело остановилось в виду дипломатических препятствий, так как опасаются, и не без причины, что за проходом локомотивов последует проход армий,—тем не менее китайская стена, начинающаяся от алжирской границы, не может долго существовать. Торговый круг Европы все теснее и теснее охватывает магометанскую энклаву. Из европейских государств всего больше имеют торговых сношений с Марокко Англия и Франция: половина всего обмена приходится на долю Великобритании; непрерывное сообщение между Танжером и Гибралтаром, имеющее целью снабжение последнего продовольствием, уже само по себе составляет значительную часть мароккской торговли.

Обороты внешней торговли Марокко в 1895 г. представляли следующие цифры (в фунтах стерлинг.):

Привоз—1.706.176, вывоз—1.586.345 фунт. стерлинг.

Торговля Марокко с Францией в 1895 г.: Вывоз—328.389, ввоз—446.991 фунт. стерлинг.

Движение судоходства в 1895 г.: в приходе—1.895 судов, вместим.—862.714 тон.

К показываемой статистикой цифре торговых оборотов с Францией следовало бы прибавить еще ценность контрабандной торговли, которая ведется с Тлемсеном через сухопутную границу. Право собственности в Марокко признано за всеми иностранцами, в силу мадридской конвенции, подписанной в 1880 г.; но покупка земель может быть делаема не иначе, как с предварительного согласия шерифского правительства, а это согласие очень трудно получить.

1 H. von Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

2 Oscar Lenz, „Timbuctu“.

3 O. Mac Carthv, „Carte du Sud Oranais et des parties limitrophos du Maroc“, 1881.

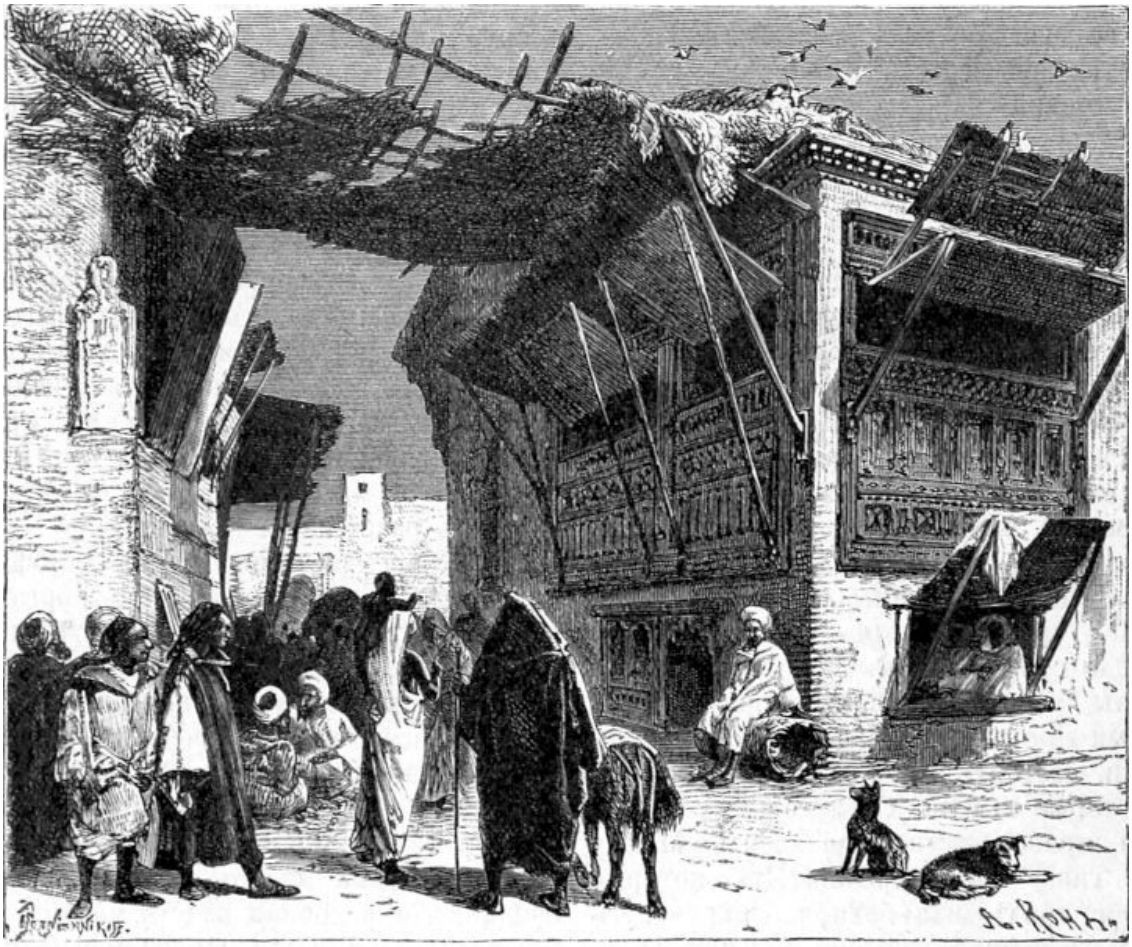
Перемены, совершающиеся в нравах и понятиях, еще не довольно значительны, чтобы обнаружиться косвенно в учреждениях, за исключением городов, где проживают иностранцы. Так, школы, существующие во внутреннем Марокко, все те же медресе, где читают на распев стихи Корана; тем не менее, нельзя отрицать того факта, что уровень образования поднимается, благодаря возрастающим сношениям Марокко с другими странами, чрез посредство торговли, временной эмиграции, даже хождения на богомолье в Мекку, благодаря также примеру, который подают еврейские школы, основанные с 1862 года в некоторых больших городах Марокко израильским союзом (Alliance israelite); в 1884 г. в этих школах числилось свыше 1.150 учащихся, которые все получают образование на французском языке, сделавшемся цивилизованным диалектом еврейского и иностранного общества. Газеты и журналы издаются только в портовых городах и в столице; арабских книг более не пишут. Полигамия так же редка в Марокко, как и в Алжирии; исключение составляют только вельможи, которые уже для поддержания своего достоинства обязаны иметь большое число жен. Султан-шериф имеет их целые сотни: говорят, гарем его каждую пятницу увеличивается новой супругой. Наконец, старые формы рабства продолжают еще существовать в Марокко; если торговля белыми невольниками отменена формально уже с 1777 г., то торговля неграми до сих пор практикуется регулярно с той и другой стороны Сахары, и даже у самых дверей консульств Танжера. Публичная продажа живого товара оффициально воспрещена, но в последние годы обороты этой гнусной торговли более, чем удвоились: многие тысячи несчастных приводятся ежегодно караванами из Судана, складочные пункты которых находятся в Тафилельте и в области Уэд-Сус. Высшие сановники империи все еще имеют позорную привычку подвергать детей кастрации[1].

Султан, происходящий из рода тафилельтских шорфов—откуда и титул его «шерифское величество»—есть самодержавный государь, настолько, по крайней мере, насколько это позволяет закон Корана; впрочем, ему же принадлежит право истолкования этого закона, ибо он не только светский повелитель, но также и духовный владыка миллионов людей, населяющих западный Магреб; его императорская воля—вот единственный закон. Султан удостоивает брать себе советников и правительственных агентов, но у него нет министров в точном смысле этого слова; он дает приказы, даже когда спрашивает совета. Тем не менее, ему достаточно обратить взоры к Танжеру, где имеют пребывание иностранные консулы, чтобы понять, насколько власть его отныне ограничена. Один португальский орден, «Башня и Шпага», постоянно напоминает марокканцам, что завоевание Феца и его башен осталось целью честолюбивых стремлений его северных соседей. Впрочем, территория западного Магреба уже почата, так как испанцы владеют крепостями на побережье и прочно утвердились у внутренних ворот Гибралтарского пролива; кроме того, Марокккской империи нужно еще переносить унижение, предоставляя победителям при Тетуане искать себе на атлантическом берегу стратегическую или военную позицию, какая им понравится. Со стороны Алжирии царство султана-шерифа точно отграничено, и Франция не владеет никакими анклавами на территории, оставленной марокканцам; но сколько раз эта фиктивная демаркационная черта, не совпадающая с какими-либо естественными границами, долинами или горными цепями, и не имеющая никакого этнологического или военного значения, была переходима французскими отрядами во время преследования враждебных племен амур, бени-изнатен или сиди-шейх, которые всегда находят хороший прием у султана, но которых он не защищает силой своего оружия! С своей стороны, Великобритания присвоила себе роль державы-покровительницы в отношении Марокко и часто давала ему субсидии: это она помешала победоносной армии испанцев идти на Танжер. Наконец, торговые трактаты, заключенные с Марокко европейскими державами, разве не продиктованы ему, статья за статьей? Даже маяк мыса Спартель, освещающий вход в пролив, у порога империи, был построен иностранцем, и заботы о содержании его берут на себя, по-очередно, европейские консулы. Султан-шериф знает, что у него нет необходимой силы, чтобы противиться воле Европы, и что

1 Oscar Lenz, цитированное сочинение;—„Parliamentary Papers“, 1885, № 1.

существование его империи не имеет другой гарантии, кроме взаимной зависти больших государств. Оттого, услышав жалобу со стороны какого-нибудь европейского протеже о нарушении его интересов, султанское правительство спешит заплатить вознаграждение за убытки, чтобы только избежать дипломатических затруднений. Часто этим пользуются беззастенчивые люди, заставляя себе платить крупные суммы, на которые они не имели ни малейшего права.

Власть иностранных консулов распространяется иногда на самих магометан: каждый консул пользуется даже привилегией брать под свое покровительство до двенадцати человек туземцев. Когда марокканец имеет какую-нибудь претензию к европейцу, он должен жаловаться консулу-покровителю и у него искать правосудия. С другой стороны, иностранец, в случае тяжбы с марокканцем, должен обращаться к кади; но если он недоволен решением туземного судьи, то имеет право апеллировать к султану, чрез посредство своего посланника.



Школа въ Фецѣ.

Но с марокканцами суд гораздо короче. Система наказаний, или вернее судебная месть, отличается в Марокко ужасающей жестокостью. Если осужденные редко караются насильственной смертью, то многие из них только больше страдают от этого, будучи обречены на медленную агонию. В государственных тюрьмах томится не мало несчастных, у которых голова продета в железный ошейник, заставляющий их все время оставаться в стоячем положении; многие остроги представляют собою вонючия клоаки, где забытые арестанты умирают голодной смертью. Воров иногда подвергают особому наказанию, запирая им навсегда кисть руки: преступнику сжимают кулаки так, чтобы ногти впились в живое мясо, открытое предварительно ножем; свежая кожа, постепенно обтягивающая руку, держит ее в состоянии обрубка[1]. Обыкновенные наказания—палочные удары и штрафы, присуждаемые безапелляционным приговором кади. Верховный судья—фецский кади, должность которого

1 Erckmann, „Le Maroc moderne“;—Colville, цитированное сочинение.

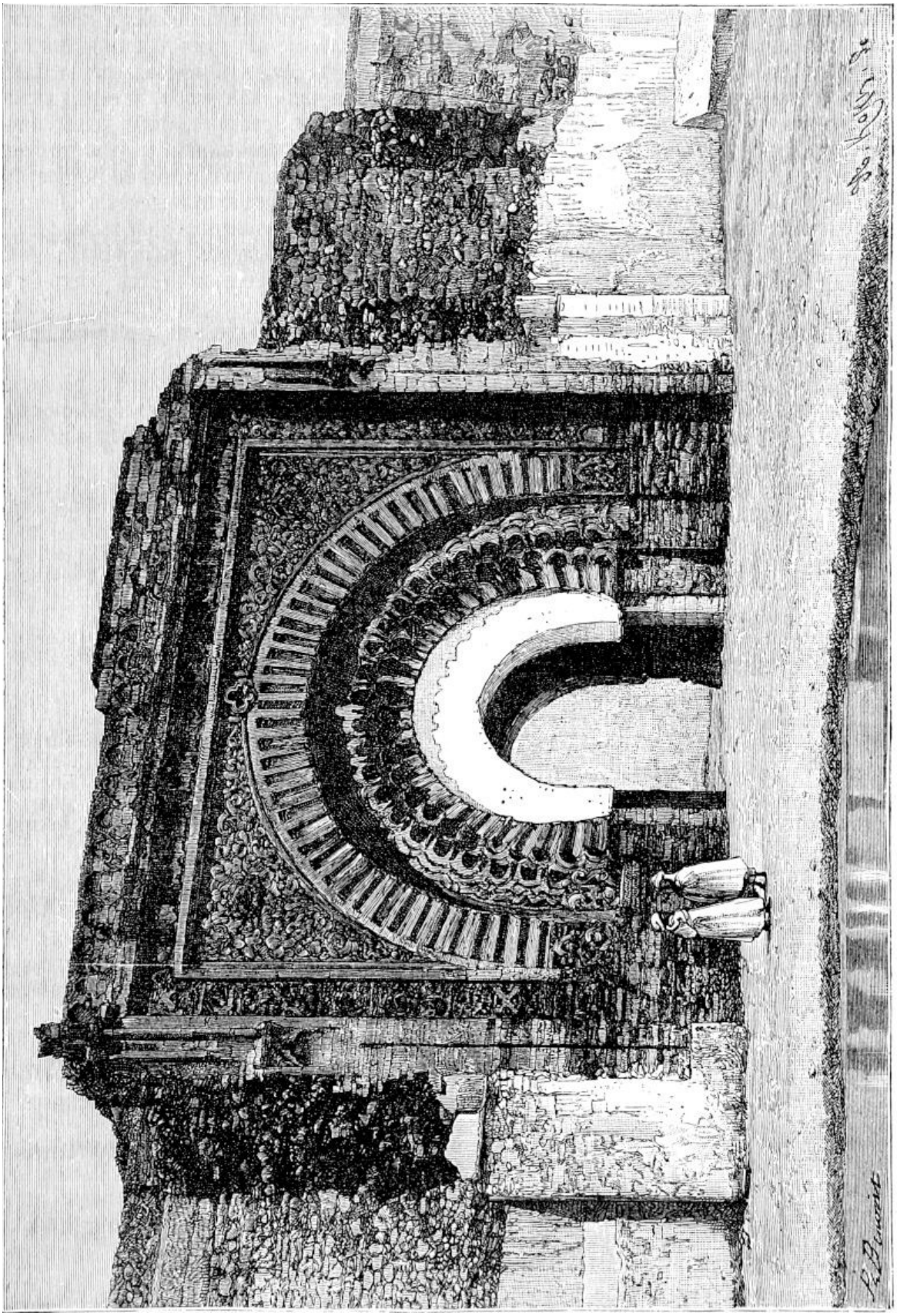
всегда занимает один из шорфов императорской фамилии. Избираемый султаном, он назначает окружных кади, которые, в свою очередь, собственной властью определяют сельских кади.

Комплектование мароккской армии делается немного наудачу: весной каждое из племен, составляющих махзен, т.е. военную часть нации, обязано поставить по одному ратнику с очага; но обыкновенно каиды, получив предписание прислать рекрут, хватают первых попавшихся мужчин, заковывают их в цепи и доставляют своему господину, который держит завербованного таким способом воина на службе до самой смерти, если тот современем не представит заместителя из своей семьи. Общая численность войск, поставляемых махзеном, простирается до 25.000 человек, из которых семь тысяч пехотинцы; в случае войны султан мог бы собрать по крайней мере втрое большую армию, около сорока тысяч пехоты и столько же конницы[1]. Самый солидный корпус, так называемый *гиш*, составляющий ядро мароккской армии, состоит из девяти тысяч человек, которые в одно и то же время солдаты, жандармы, правительственные агенты. Между солдатами гиша самые грозные те, которые называются абид-сиди-бохари, или «слуги бухарского господина», потому что при сформировании этого корпуса, в 1679 г., он был поставлен под покровительство одного бухарского святого. Эти «бухарцы», сплошь негры, недавно составляли род преторианской гвардии, которая хотела-было командовать самими султанами, вследствие чего правительство вынуждено было раскассировать их по разным провинциям; хотя после того влияние их значительно ослабело, однако они и теперь занимают почти все высшие должности в войске. Так же как другие солдаты, воины корпуса «гиш» употребляются главным образом для сбора податей; они почти круглый год странствуют по горам и долам, переходя из деревни в деревню, от одного племени к другому и забирая из собранных жителями плодов земных долю, вдвое или втрое большую той, которая доходит до казенного сундука, в форме налогов. Сельские обыватели, как только заприметят вдали высокие красные шапки махзенцев, бросаются прятать все, что у них есть ценного. Когда путешественники проезжают по опустелым местам и спрашивают у проводников о причине запустения, те отвечают лаконически: «саранча или махзенская команда»[2]. В страдную пору солдаты бегут домой целыми партиями, и пойманные дезертиры почти не подвергаются наказанию—так велико число провинившихся в этом капитальном нарушении воинского устава. Плохо одетые, плохо вооруженные, плохо командуемые, без дисциплины, марокканцы, тем не менее, хорошие солдаты, храбрые в бою, неутомимые в походе, трезвые, терпеливые, толковые, понятливые в военном деле. Один батальон, обучаемый в Гибралтаре, на средства английского правительства, служит единственно к тому, чтобы фигурировать на церемониях и давать чужестранным послам выгодное понятие о мароккской армии. Пушкам приписывают нечто в роде мистической силы: всякий преследуемый по политическим причинам имеет право искать убежища подле артиллерийских орудий, откуда никто не смеет взять его без разрешения султана[3].

Некоторое число иностранных офицеров, по большей части ренегатов, организовали военные службы и обучили войска; но постоянно подозреваемые, как чужеземцы, они никогда не достигали влиятельного положения; впрочем, как при всяком деспотическом режиме, недоверие составляет одно из главных средств правления. Высший чин в армии—каид-ага, соответствующий батальонному командиру; в ранг генерала никого не производят из боязни, что подобная власть может угрожать безопасности империи. Наказание палками применяется и к офицерам так же, как к нижним чинам. Чтобы увеличить силу своей армии, не имея надобности прибегать к услугам и советам иностранных инструкторов, мароккское правительство посылает теперь известное число молодых военных в заграничные специальные училища, в Монпелье и в Шпандау. Однако, полевая артиллерия и часть пехоты все еще обучаются французской военной миссией, посланной в 1877 г., а обучением остальной пехо-

1 Erckmann, цитированное сочинение.
2 A. Beaumier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“.
3 „Revue Scientifique“, 24 mars 1883.

ты руководит один англичанин, бывший офицер британской службы. Пушки и военные снаряды выписываются из-за границы; Танжерская крепость вооружена орудиями большого калибра, батареи которых были построены гибралтарскими инженерами. Флота в Марок-



Христіанскія ворота въ Марокко.

ко совсем нет, кроме одного купеческого корабля, экипаж которого состоит из бельгийцев. Потомки грозных некогда корсаров, в числе нескольких сотен, употребляются только для нагрузки и выгрузки судов; очень искусные гребцы, они однако не выходят, в своих барка-

сах, за пределы рейдов, где стоят на якоре иностранные корабли. В память услуг, оказанных их предками, правительство выдает им ежемесячно каждому по три франка из таможенных доходов[1].

Марокко принадлежит к числу тех редких стран, которые не имеют государственного долга, или по крайней мере располагают активом, вполне достаточным для покрытия всех расходов. Это потому, что в действительности там не существует бюджета: то, что называют этим именем, есть просто частное состояние султана; что касается императорской фамилии, очень многочисленной, то она состоит из лиц, большинство которых возвращается в толпу подданных, и только немногие из родственников государя получают определенную сумму на свое содержание. В собственную кассу султана поступают не только доходы с его личных имений и всякого рода подарки, приносимые ему, как государю или покровителю, городами, племенами и общинами, но даже правильные налоги, которые в европейских странах составляют достояние государственной казны: в эту кассу передаются подать со стад и десятина ашура с недвижимых имуществ; ей же принадлежат денежные штрафы, таможенные сборы (ввозные и вывозные пошлины), прибыль от регалий или монополий, между прочим, от продажи табаку и кифа, или конопли, хашиша восточных людей. Расходы, производимые почти единственно на содержание армии и двора, не достигают даже половины доходов, так что ежегодно должен оставаться значительный излишек, который накопляется в казне (так например, в 1880 г. доходы империи составляли сумму 12.660.000, а предположенные расходы всего только 5.300.000 франков). Титул *мулай*, даваемый султану, также как шерифу Уэццана, значит «господин», но особенно в смысле владельца. Обычные почетные квалификации, употребляемые в трех варварийских странах, как замечает Каретт, соответствуют трем различным порядкам превосходства. В Тунисе титул *арфи* указывает на знание; в Алжирии название *си*, *сиди* относится к силе, могуществу; в Марокко слово *мулай* заключает в себе преимущественно понятие о богатстве.

После войны с Испанией, Марокко должен был подписать обязательство об уплате победителю суммы в 100 миллионов, в виде выкупа за Тетуан, и, вследствие того, половина таможенных сборов, простирающихся средним числом до 7 миллионов франков, предоставлена Испании, контролеры которой облечены правом надзора над мароккскими таможенными чинами. Четверть тех же доходов принадлежит английским заимодавцам, которые служили посредниками мароккскому императору и Испании во время заключения мирного трактата, султану же достается только последняя четверть, которая, впрочем, представляет более значительную сумму, чем та, какую давали все таможенные пошлины в половине настоящего столетия. Единственная национальная монета, чеканящаяся в Марокко, маленькая медная монета ценностью немного менее сантима; самая употребительная монета—испанский дуро, равняющийся пяти франкам.

В административном отношении Мароккская империя делится на области, или *амалаты*, управляемые амилами или каидами; кроме того, к каждому из вассальных племен приставлена чиновная особа, которая является представителем султана, либо как начальник, либо как посланник, смотря по степени покорности, к которой приведено данное племя. В 1880 г., во время путешествия Ленца, государство было разделено на 44 амалата, из которых 35 находились в странах Фец и Марокко и 9 в территориях Уэд-Сус и Тафилельт; кроме того, по Эркману, 330 каидов управляют более или менее зависимыми племенами.

Следующая таблица содержит список главных территориальных делений Марокко, с цифрами населения городов, показанными у новейших путешественников:

Амалаты	Города	Число жителей
Уджда	Уджда	8.000(дю-Мазе)
Таза	Таза	3.500(де-Фуко)

1 Erckmann, цитирован. сочинение;—Beaumier, „Le Maroc“;—„Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“.

Амалаты	Города	Число жителей	
	Дебду	2.000	(де-Фуко)
Тетуан	Тетуан	25.000	
Танджа	Танжер	30.000	
	Шешауен	3.500	(де-Фуко)
Гарб-эль-Изар	Эль-Арайш	15.000	
	Каср-эль-Кебир	9.000	
	Уэццан	3.000	(?)
	Фец	14.000-15.000	
Фум-эль-Гарб	Мекинец	25.000	(Ленц)
	Зерхун	6.000	(Бонелли)
	Сефру	3.000	(де-Фуко)
Рбат	Рбат Сла	35.000	(Ленц)
Аземмур	Аземмур		
	Дар-эль-Бенда (Казабланка)		
	Мазаган (эль-Бриджа)		
Тадла	Касба Бени-Меллал	3.000	(де-Фуко)
Демната	Демната	3.000	(де-Фуко)
Марракеш	Марракеш или Марокко	50.000	(Ламбер)
Гага	Могадор	20.000	
Абда	Асфи	3.000	(Рольфс)
Земли вассальные или независимые			
Риф	Таферсит		
Уэд-Сус	Тарудант	8.300	(Гатель)
Таззерульт	Илег		
Уэд-Нун	Фум-эль-Госсан		
	Огульмин		
Уэд-Драа	Тамагрут		
	Бени-Сбих		
Тафилельт	Эз-Зериган	4.000	(Рольфс)
	Абуам, Эр-Риссани		
Кенаца	Кенаца	2.000	(Рольфс)
Фигиг	Зенага	5.000	(де-Колон)
Испанские владения			
	Мелилья	4.000	
	Сеута	11.000	

Глава V Сахара

I. Великая пустыня.

Имя «Сахара», т.е. «Обширная и пустынная равнина», по объяснению Дюверье, не имеет точного значения. Это географический термин, применяемый разными авторами к совокупности областей, которой они приписывают весьма различное протяжение. Вообще, под Сахарой понимают пространство, почти безводное и очень мало населенное, которое отделяет плоскогорья Барки и горы атлантической системы от стран, орошаемых Сенегалом, Нигером, притоком озера Цаде и верхними данниками Нила. Но где начинается это раздельное пространство между Великой Африкой и той частью черного континента, которой дали название «Черной Африки»[1]? По мнению некоторых писателей, северная его граница, идущая вдоль основания Атласа, сливается с берегом Сиртов, так что оно обнимает всю триполий-

1 R. Thomassy, „Le Maroc et ses Caravanes“;—Onesime Reclus, „France, Algerie et Colonies“.

скую область[1] и, следовательно, начинается от берегов Средиземного моря. Однако, в силу установившагося обычая, принято брать в расчет политические границы, проводимые на юге прибрежных государств, и многие местности, принадлежащие по своему виду и климату одновременно к тому и другому поясу, помещаются вне Сахары, в средиземную область.

Естественные пределы Сахары очерчены природой почвы и изменчивыми явлениями климата. Где прекращается выпадение правильных дождей, там начинается пустыня; но движению облаков не начертано точных барьеров: они подвигаются более или менее далеко, проникая в пояс бездождия или не доходя до него, смотря по циклам годов или веков. Поэтому там, где горные хребты, как Атлас, или большие реки, как Нил, не отметили точных рубежей, переход от Сахары к другим естественным областям совершается полосами неравной ширины: Сахара в собственном смысле окружена передовыми пустынями. При том же, до сих пор еще не исследована вся её окружность, и очертания её, показываемые на картах, имеют лишь приблизительное значение. Сахара, ведь, это—целый мир, величиной почти равный Европе. С востока на запад, от берегов Нила до берегов Атлантического океана, пустыня тянется на пространстве 5.000 километров; с севера на юг, от подошвы берберского Атласа до возделанных местностей Судана, протяжение меньше, всего только 1.500 километров в среднем; но каким бесконечно длинным кажется это пространство караванам, которые странствуют под палящими лучами солнца, среди раскаленных, ослепляющих глаза, песков, томимые мучительной жаждой, которую они мечтают утолить на ближайшем привале, где источник живительной влаги, может-быть, иссяк до их прихода! Без оазисов Барки и Куфры, без Триполи и Феццана, без частных «Сахар» Туниса, Алжирии и Марокко, поверхность Большой Сахары можно считать в 6.200.000 квадр. километров. Население её оазисов, её островов, гор и сырых низменностей, заключенных в её беспредельном пространстве, исчисляется приблизительно в полмиллиона душ.

Население Сахары к востоку от Ливийской пустыни:

Эннеди, Тибести, Ваджанга—50.000 жит.; Борку—12.000; Кавар и соседние оазисы—5.000; Аир—100.000; земли северных туарегов—30.000; Ауеллимиден и другие южные туареги к северу от Нигера—45.000; Туат, берега уэда Саура и побочные долины—120.000; западная Сахара—25.000 душ.

Как во времена Геродота и Страбона, переход через пустыню все еще очень труден, даже, вероятно, труднее, чем в ту эпоху, потому что почва высохла, реки иссякли, леса исчезли. Правда, описания древних авторов преувеличены, как и следовало быть в эпоху, когда путешественники не располагали точными инструментами, и когда их рассказы, переходя из уст в уста, в конце концов сливались с басней. Ливия, к югу от средиземного побережья, слыла «пылающей» страной, где не могут жить ни люди, ни звери, ни растения, где самая земля сожжена в уголь знойными лучами солнца. Тем не менее, путешествия и военные экспедиции доказывали, что эти «жаркия» страны не недоступны. Уже Геродот передает историю пяти молодых Назамонов, которые пустились на-удачу в пустыню, «направляясь к зефиру», и которые, «после многих дней ходьбы», достигли, в земле черных людей, города, стоящего на берегу большой реки: был ли это Нигер у его изгиба в стране Томбукту, или озеро Цаде, близ впадения одного из его притоков, Комадугу[2]? Как бы то ни было, ливийские исследователи несомненно переходили Сахару, судя по направлению, которого они держались, и по тем подробностям, которые они сообщают о реке, населенной крокодилами и текущей с запада на восток. Не заходя так далеко, римские военачальники тоже проникали в глубь Сахары, так как в Кидаме и Гараме еще сохранились остатки их сооружений, а в западной пустыне Светоний Паулин обследовал долину уэда Гир, может-быть, притока реки, до которой доходили Назамоны. Но сколько других армий, сколько караванов погибло в этой страшной пустыне, поглощенные раскаленной почвой, как ручьи, выпиваемые капля по капле песками их ложа!

1 Josef Chavanne, „Die Sahara“.

2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

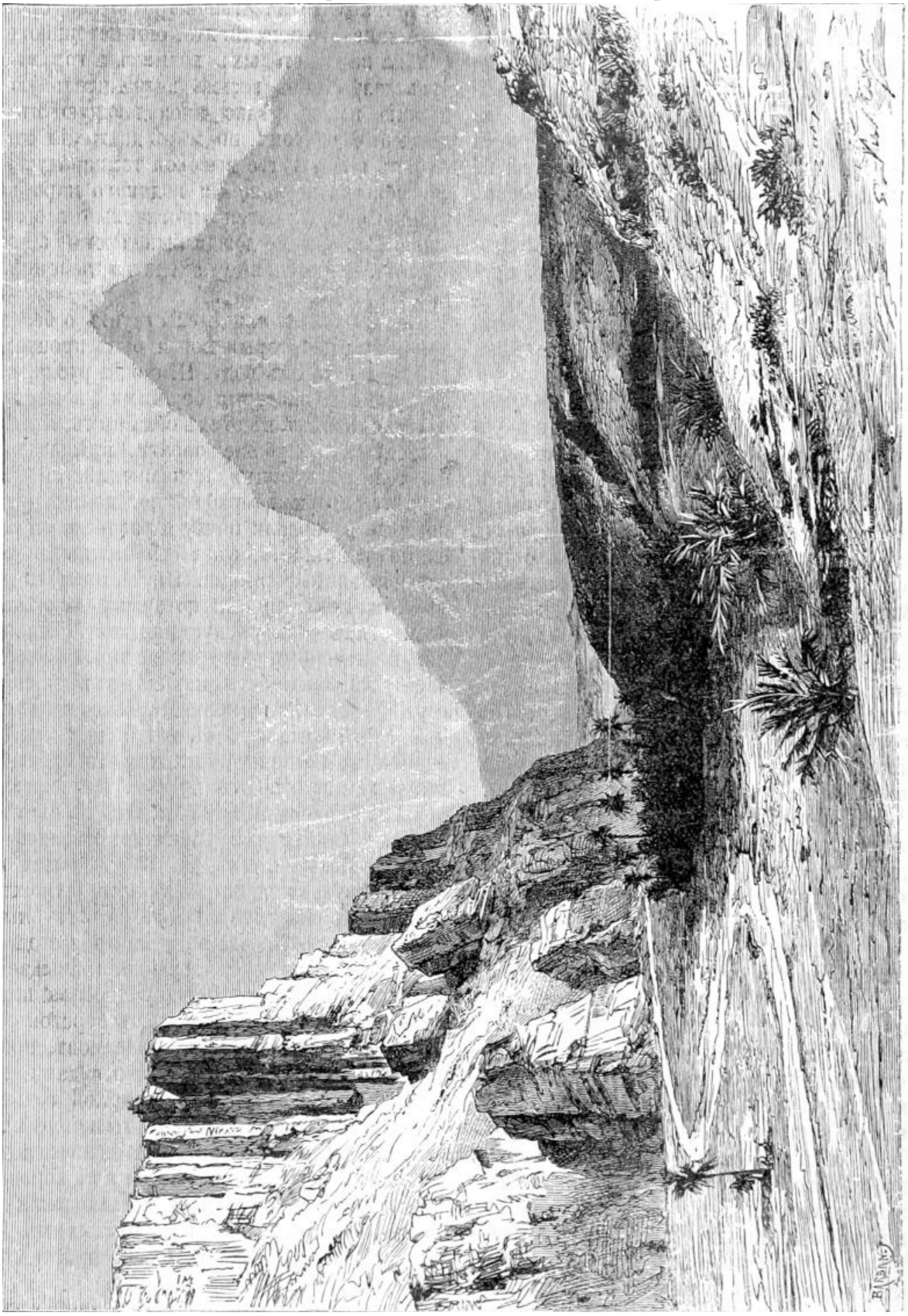
С того времени, как в Англии основалось, в конце прошлого столетия, общество для исследования Африки, пути, проходимые европейскими путешественниками, тщательно отмечаются на картах; даже маршруты европейских и арабских купцов были сняты и приобщены к сети научных исследований. Сахара была уже пройдена во многих местах с севера на юг, но до сих пор еще ни один путешественник не прошел ее вполне в продольном направлении от берегов Нила до побережья Атлантики: всем памятна еще экспедиция Рольфса и его товарищей, которые, тщетно попытав сделать первый переход на этом пути из оазиса Дахель в оазис Куфра, принуждены были оставить первоначально избранное направление и повернуть на север, чтобы пробраться между параллельными грядами дюн к оазису Сивах. Даже морской берег Сахары, между мысом Бохадор и мысом Бланко, принадлежит к числу наименее известных местностей на африканском побережье, хотя он давно уже присоединен к владениям европейской державы. Несколько звеньев сети дорог, пройденных исследователями, занимают пространство около полмиллиона квадратных километров. Говоря о Сахаре, нельзя не повторить слова Колумба: «Свет не велик». В то время, как остальная часть земного шара уменьшилась под колесами пароходов и локомотив, в то время, как повсюду строятся дороги и организуется быстрая перевозка людей и товаров, Сахара осталась такой же трудно доступной, такой же страшной, как тысячи лет тому назад. Если океан соединяет берега противоположных материков, то пустыня почти совершенно разделяет прилегающие к ней страны. На севере и на юге Сахары флоры и фауны разнятся родами и видами, народы резко различаются наружностью, происхождением и нравами. На средиземном побережье Африки, так же как в Европе, населения часто обновлялись вследствие больших переселений: вандалы пришли туда с Запада, совершив путешествие через целый континент; арабы проникли туда, пройдя вдоль всего северного берега Средиземного моря[1]. Но с севера на юг Сахары не было массовых переселений, не было даже завоевания какой-нибудь военной экспедицией. В этом направлении перемены в расах, учреждениях и нравах совершались совершенно иным способом—путем медленного проникновения новых элементов от одного края до другого. Невольники, приводимые с юга, видоизменили расу северных берберов и породили новые смешанные племена, каковы гаратины в мароккских оазисах, атриа в Туате и Гадамесе, руага в оазисах Алжирии; арабские миссионеры и купцы изменили религию и форму правления у суданских народов.

Сахара не высохшее морское дно, как ошибочно предполагали геологи, когда еще не были достаточно известны природа почвы и неравенство её рельефа. Даже самая низкая часть пустыни, простирающаяся к югу от французских владений, в которой иные впадины лежат ниже уровня Средиземного моря, не была покрыта морскими водами и в потретичном периоде. Кроме берберской Сахары, нигде в других областях пустыни не находили каких-либо остатков морского происхождения: меловые и песчаниковые формации, граниты, гнейсы, порфиры и базальты, образующие выступы на неровной поверхности Сахары, не носят на себе иных следов, кроме тех, которые оставлены действием воздуха, дождя и солнца. На всем своем протяжении пустыня есть континентальная область: она представляет, впрочем, некоторое разнообразие вида и заключает обширные пространства, к которым неправильно применяют название пустыни; но на значительных протяжениях поверхность её состоит сплошь из ровной скалы или волнообразного песку. Подобно другим частям континента, Сахара имеет свои горы с долинами и потоками живой воды, но преобладающие формы её рельефа—обширные, однообразные плато, каменистые равнины и длинные гряды дюн, следующих одна за другой, как волны безбрежного моря: это и есть настоящая пустыня, без деревьев и цветущих растений, без птиц и мотыльков, это область слепых сил тепла и ветра. По приблизительному исчислению, плато, горизонтальные или изрезанные оврагами, занимают почти половину Сахары; пески покрывают около одной девятой, а остальная часть поверхности распределена между горами, скалами, степями, лощинами, оазисами и краевыми полосами возделанных земель.

1 Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

Поверхность Сахары, вместе с Триполи, берберской Сахарой, по Шаванну:

Гамады и сариры—3.600.000 кв. километр.; горы и скалы—2.000.000 кв. километр.; степи и пажити—1.500.000 кв. километр. Пески—850.000 кв. километр.



Уэдъ эль-Халуфъ.

Оазисы и культурные поясы—200.000 кв. килом. По Циттелю, средняя высота Сахары 350 метров.

Что придает громадному протяжению Сахары характер единства, несмотря на разнообра-

зие рельефа,—это редкость или полное отсутствие живой воды во всех частях территории, за исключением горных областей, высокие вершины которых поднимаются в верхние слои атмосферы. Происхождение Сахары нужно искать не в самой почве, а в воздушных пространствах: этот обширный белый пояс, разделяющий на-двое африканский материк, есть, так сказать, лишь отражение неба, которое его освещает. Очевидно, великая африканская пустыня создана действием тех же причин, которые привели к образованию других пустынь на азиатском континенте. Сахара только продолжает собою в западном направлении тот пояс земель, почти совершенно лишенных древесной растительности, который тянется через Монголию, Кашгарию, Туран, Иран и Аравию, прерываемый через большие промежутки долинами рек, окаймленных лесами, и цепями гор с зеленеющими долинами. Эта длинная полоса пустынь, около 12.500 километров, перерезывающая наискось весь Старый Свет, с её параллельными полосами степей и передовых пустынь, обязана своим происхождением не чему иному, как сухости ветров. Гумбольдт дал совокупности пустынь Азии и Африки название «русла полярных ветров», как будто воздушные токи, становящиеся в тропическом поясе пассатными ветрами, правильно следуют, при своем движении через эти два материка, путем, указываемым белой полосой песков. На самом деле это не совсем так: общее движение воздушных масс, устремляющихся от северного полюса к экваториальным областям, не принимает столь косвенного направления; хотя отклоняемое к югу-западу вращением земли, это движение не всегда, однако, совершается правильно с востока на запад, по оси Большой Сахары, параллельной экватору. Метеорологические наблюдения, производившиеся в самой Сахаре или на её окраинах, показали, что обыкновенный ход воздушных масс направляется от Средиземного моря к главному тепловому фокусу: за исключением восточной части пустыни[1], и даже земли туарегов[2], где, впрочем, атмосферные течения очень изменчивы, господствующие ветры в Сахаре не те, которые приходят с востока или с востоко-северо-востока, растеряв почти все свои водяные частицы во время длинного перехода через материк Азии. Тем не менее, направление, которым следуют большинство воздушных потоков, увлекаемых к Сахаре, достаточно объясняет их бедность содержанием водяного пара. В Азии полярные ветры, сложив свою ношу влажности на горах Байкала, на Алтае, на Тян-Шане, на туркменском Кавказе и высоких цепях Малой Азии, не имеют более воды, чтобы проливать дожди на восточный Китай, Иран и Аравию; точно также ветры, иссушенные на своем пути через Европу, не получают, при переходе Средиземного моря, достаточного количества паров для орошения африканского континента; они истощают свои облака на береговых холмах и горах и несут далее лишь весьма незначительную пропорцию влаги, редко ниспадающую в виде дождей. При том, по мере движения к югу, т.е. к поясу более высокой температуры, их способность поглощения водяного пара возрастает: они делаются относительно все суше и суше. Всего чаще дожди выпадают в августе месяце, когда солнце находится в зените Сахары.

Вид Сахары свидетельствует о больших переменах, которые могли быть произведены только действием вод. Широкия русла, с их обрывами и плоскими берегами, повествуют о проходе рек в этих областях, ныне безвозводных; глубокие овраги, врезывающиеся в толщу плоских возвышенностей, также свидетельствуют о работе потоков и ручьев, которые разорвали почву и разнесли её обломки по равнинам, в виде мощных слоев аллювиальной формации. В те времена росли леса, окаменелые пни которых встречаются во многих частях пустыни: тогда жили слоны и носороги, фигуры которых представлены в изваяниях, находимых на скалах гор Феццана, Алжирии, Марокко; тогда вьючные волы, которых в наши дни заменил верблюд, медленно шагали чрез пустыню[3]. Реки, где плавали крокодилы, теперь иссякли, большие животные исчезли, вместе с лесами, которые давали им убежище; остались лишь кое-где живые ключи, и чтобы добыть воды, надо копать колодцы в благоприятных

1 G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.
2 H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.
3 H. Barth;—H. Duveyrier, etc.

местах, которые умеет распознавать опытный глаз номада. Но эта вода почти всегда солоновата, и путник с трудом привыкает к ней: по прибытии к колодцу Диббела, первому колодцу пустыни на дороге с берегов озера Цаде в Феццан, люди караванов, пришедших с юга, богатого живыми водами, всегда заболевают от тамошней дурной воды; возвращаясь с севера, они постепенно привыкают к вкусу сахарских вод, и та же вода из Диббельского колодца кажется им хорошей[1]. Те же явления высыхания почвы, какие были наблюдаемы в степях и пустынях Центральной Азии и Южной России, имели место и на юге Атласа; но может быть, что взамен того площадь правильных дождей увеличилась в южной части Сахары, приводя с собой ручьи, растения и людей. Таково явление качания, или попеременного равновесия, которое путешественник Рольфс, как он полагает, заметил в сахарском климате.

Какова бы ни была степень вероятия этой гипотезы, не подлежит сомнению, что перемены, совершающиеся в наше время в Сахаре, зависят почти исключительно от действия света, ветров и альтернатив температуры. Великое геологическое преобразование твердых скал в подвижные дюны производится всецело работой метеорических деятелей. Как только плиты плато дадут где-нибудь трещину, через которую может проникать наружный воздух, тотчас же начинается процесс выветривания и разложения: доломиты, гипсы или песчаники делаются ломкими, рассыпчивыми, и превращаются постепенно в песок или пыль; поверхностная часть горной породы мало-по-малу выветривается, оставляя лишь там и сям менее податливые ядра, которые высятся в виде пирамид или колонн среди песков; слой за слоем, камень за камнем размельчается и уносится ветром; кое-где, на верху откосов, выступает какой-нибудь карниз, который время еще не успело обглодать[2]. Глинистая земля выветривается подобным же образом: во многих местах можно видеть тамариски и другие деревца, окружающие своими корнями земляные горки, которые они защитили от разрушения, тогда как вокруг них земля была разметена ветрами. После распадения не все эти обломки остаются на месте: происходит сортировка. Мелкие частицы: глина, гипс, известняк, кремнезем, все, что обращается в пыль, уносятся далеко ветром и способствуют образованию, в лощинах тех землистых отложений, которые походят на китайский «желтозем», но которые не получают плодотворного дождя и не доставляют, в виде хлеба, пищу миллионам людей. Крупные обломки, слишком тяжелые, чтобы ветер мог поднять их, остаются на месте, образуя род булыжниковой мостовой, которую путешественники встречают во многих местах Сахары. Что касается зерен кварца, разной величины, то они перекатываются, уносимые с этапа на этап, и отлагаются в виде дюн, этих «воздушных наносов», которые изменяют форму и перемещаются, соответственно движению, столкновению и круговращению атмосферных потоков. Таким образом дюны несомненно новейшего происхождения. Если бы Вогезы, горы, состоящие из песчаника и слепившагося песку, находились в сахарском климате, они скоро обратились бы в груды дюн, как горы африканской пустыни; точно также триасовые известняки Лотарингии сделались бы гамадами, каменистыми плато, лишенными всякой растительности[3].

По мнению или гипотезе некоторых исследователей, дюны, образовавшись путем разложения горных пород, остаются на месте. Нет сомнения, что горки сыпучего песка не передвигаются так быстро, как мог бы предположить наблюдатель при виде бури, срывающей гребни дюн и распространяющей в атмосфере песчаную тучу, которая затмевает солнце. Среди этих пыльных вихрей, почти столь же опасных, как снежные мятели, путешественники припоминают легенды о караванах, о целых армиях, поглощенных движущимися дюнами, и в страхе ждут, что скоро и их постигнет участь тех несчастных, которые покоятся под рыжим саваном песков. Однако, когда буря стихнет, когда гребни дюн перестанут «дымиться», и облака пыли пропадают на горизонте, расплываясь в красноватый туман[4], общий вид

1 G. Hachtigal, „Sahara und Sudan“.

2 Vatonne, „Missions de Ghadames“;—V. Largeau, „Le Sahara algerien“; „Le Pays de Rirha“.

3 E. Joudry, „Philosophie positive“, 1875 et 1876;—G. Rolland, „Nature“, 3 juin 1882.

4 P. Mares, „Note sur la constitution generale du Sahara dans le province d’Oran“.

пейзажа почти нисколько не изменился; песчаные горки стоят на том же месте, и профиль их не представляет сколько-нибудь заметнй перемены; *гасси*, т.е. узкия долины, разделяющие дюны, повидимому, сохранили прежние контуры. Но один ветреный день ничего не значит в истории земли, да при том известны примеры в современном периоде, доказывающие, что если большинство дюн остаются или переобразовываются на тех же местах, то есть и такия, которые перемещаются. Часто проводники находили песчаные бугры там, где прежде была долина, служившая дорогой караванам. Впрочем, иначе и быть не может, если не предположить, что каждый год равнодействующая ветров представляет полное равновесие между силами, действующими по разным направлениям, т.е. что за каждым воздушным током следует противоположный ток равной силы и равной продолжительности. Но такого равновесия не существует: известно, что в целом преобладают ветры, дующие от Средиземного моря к пустыне. Во многих местностях промежутки между дюнами обнаруживают прежний каменистый грунт, совершенно отличный, по геологическому происхождению, от верхних песков. Так, на юге земли Мзаб меловое плоскогорье покрыто там и сям дюнами, происходящими из большого западного резервуара песков: к востоку от эль-Голеа путешественник Ролан обследовал две таких цепи странствующих дюн, имеющие в длину около 50 километров, при средней ширине в четыре километра[1]. Но разгуливая по широкому раздолью Сахары, песчаная пыль не образует дюн безразлично на всех пунктах пустыни: рельеф плоскогорий, углубление долин, круговороты воздушных течений влияют на направление песков, защищая одно место от наносов, открывая другое отложению песчинок. Перемещаясь с дюны на дюну, под дуновением ветра, песчаные частицы скопляются в сугробы, как снег, наметаемый в прикрытые места. Так точно, когда наблюдаешь прибой волн, кажется, что всегда ударяются о берег одни и те же волны, а между тем жидкая масса их постоянно обновляется. Впрочем, встречаются также дюны, окончательно утвердившиеся на месте, благодаря растительности трав с расстилающимися корнями, которые проникают глубоко в почву, чтобы найти нужную влагу: в соседстве оазисов можно бы было остановить движение дюн, насаждая дрин и другие породы, которые довольствуются песчаной почвой. Кроме того, существуют небки, род полу-дюн, состоящих из крупного материала, который перемещается только от действия сильных ветров. Во многих местах пески, склеенные гипсовым или известковым цементом, представляют твердый грунт, по которому идешь, как по мостовой; в других местах песок смешан с соляными частицами, которые поглощают влагу из воздуха и скрепляют почву, так что ни малейшей пыли не поднимается под копытами лошадей, даже когда они скачут во весь опор[2].

Главные области песков:—большая Ливийская пустыня, между египетскими оазисами и горными хребтами Тибести; два Эрга, или «Жилы» в берберской Сахаре, названные так от узких оврагов, извивающихся между дюнами[3]; пески Эдейен в земле туарегов; пески Игиди, к западу от уэда Саура; дюны Махтирские, Адаферские и другие, окружающие Джуф на северо-западе Томбукту. Из всех этих песчаных пространств наиболее известен восточный Эрг, заключающийся между уэдом Игаргар и Красной Гамадой: европейские путешественники даже проходили через него несколько раз, отправляясь в Гадамес. Медленное поступательное движение этих дюн совершается в юго-восточном направлении, как доказывает нынешнее местоположение их главных цепей по отношению к центрам выветривания. Западный Эрг делает захваты на востоке в области меловых плато; в Уэд-Риге и в Уаргле пески направляются к северу и западу, наступая на оазисы[4], тогда как дюны Игиди, открытые муссонам прибрежья, перемещаются главным образом с северо-запада на юго-восток[5]. В целом, по Дюверье, общее движение сахарских песков совершается с северо-востока на юго-запад,

1 „Bulletin de la Societe Geologique de France“, 1881.
2 Escher von der Linth;—Desor, „La foret vierge et le Sahara“.
3 H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“.
4 G. Rolland, „Nature“, 8 juillet 1882.
5 Lenz, „Timbuctu“.

по направлению воздушного течения пассатов. Некоторые из вершин восточного Эрга достигают гораздо более значительной высоты, чем дюны французских ланд, на побережье Гаскони: так, гурд (дюна) эль-Хадем, измеренный гг. Ларжо, Сэ и Лемэ, поднимается на 139 метров; другие гурды возвышаются на 150 метр., на 12 метр. менее, чем дюна, измеренная Фогелем в соседстве «Червивого озера», в Феццане; Дюверье видел в восточном Эрге дюны высотой в 200 метр., а Ларжо говорит о гурдах, имеющих полкилометра вертикального возвышения. Более подробное исследование Сахары откроет нам, какой высоты могут достигать странствующие песчаные холмы. Легко вообразить себе, какое величественное зрелище представляют эти горы, блистающие на солнце золотистыми цветами и перерезываемые большими тенями, черными днем от контраста ярко освещенных скатов, синеватыми вечером, когда они смешиваются с косвенным светом радужных лучей; над откосами вершины отчетливо выделяются на лазурном фоне неба резко очерченными линиями, *сиуфами*, или «саблями», как говорят арабы[1]. С высоты холмов, откуда виден бесконечный ряд дюн, следующих одна за другой в необъятном пространстве Эрга, зрителю кажется, что он созерцает океан, развертывающий свои исполинские, вдруг окаменевшие, волны.

Кроме аллей, образующихся между дюнами, во многих местах встречаются глубокия впадины, похожия на кратеры вулканов. Такова котловина Аин-Таиба, имеющая форму чаши с зазубренными краями, глубина которой около 18 метров, а длина окружности от 150 до 200 метров. Дно кратера занимает лужа, обросшая по краям тростником; чтобы добраться до неё, нужно пустить огонь по этим шпалерам растений, и зрелище пламени на дне жерла напоминает вулканическое извержение. По преданию, на том месте, где ныне находится впадина Аин-Таиба, прежде стояла высокая дюна. В соседстве виден другой подобный кратер, частию засыпанный песком[2]. Многие ключи представляют обратное явление: вместо того, чтобы вытекать со дна впадин, они бьют из вершины маленьких конусов, которые, очевидно, образовались путем отложения осадков, принесенных водой из глубоких слоев почвы: известно, что таким же способом постепенно выросли горки вокруг «источников Моисея» на Синайском полуострове. Во многих местах находили в этом песке жилы сростков, свидетельствующие о проходе инкрустирующих источников, ныне не существующих. Но между камнями, покрывающими почву в некоторых областях Сахары, есть много таких, происхождение которых нельзя объяснить при настоящем состоянии наших знаний. Что такое эти кристаллы в форме пирамид, крестов или звезд, эти «рыбьи чешуйки», эти мешечки черного цвета и различной величины, от вишни до куриного яйца, внутри пустые или наполненные песком? Что такое эти трубки из остеклованного кремнезема, обыкновенно длиной около тридцати сантиметров и с утолщением на концах? Эти трубки находят в таком множестве в южных областях Аира, что невозможно видеть в них фульгуриты. Бернар полагает, что это логовища особой породы пауков. Сахара представляет для научного исследования обширное поле, где геологам предстоит открыть еще много секретов.

В дюнах Игиди и в некоторых частях Эрга не редкость услышать «пение» песков, как при подъеме на гору Клош, на скатах Сербаля, в массиве Синая. Среди мертвой тишины, в которую погружена угрюмая пустыня, вдруг раздается вибрирующий звук, как будто отдаленная игра на рожке, затем пески умолкают, и голос появляется в другом месте. Это не галлюцинация, потому что животные слышат звуки так же, как и люди, и большинство из них, не зная причины этой музыки дюн, приходят в ужас: французские солдаты, слышавшие таинственные звуки в Суфе или в пустыне Уаргла, прозвали их «барабаном песков», и не один ветеран, изнуренный усталостью и томимый жаждой, думал, вероятно, как и его проводник араб, что это какой-нибудь джин, издеваясь над его страданиями, напевает ему близкую смерть. Очевидно, эта музыка песков происходит от осыпания поверхностного слоя и трения друг о друга миллиардов песчинок: многие путешественники, стремительно спускаясь в пес-

1 H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“;-Largeau, „Le Pays de Rirha“.

2 Fourean, „Bulletin de la Societe de Constantine“, 1 aout 1883;—Frederic Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

чаный корридор Сербаля и увлекая за собой массы песку, замечали, что звуки усиливаются и журчание переходит в настоящий гром. Но все-таки остается выяснить один вопрос: почему не слышали этого голоса песков во всех областях дюн? Какова кристаллографическая природа вибрирующих частиц[1]?

Эти песчаные моря свидетельствуют о сухости климата. По выражению Карла Риттера, «Сахара—это юг света», хотя она вся лежит на севере от экваториальной линии, и хотя многие другие точки земной поверхности, Маскат, Аден, Таджура, имеют более высокую среднюю температуру. Одну из характеристических особенностей сахарского климата составляет огромная разность температур дня и ночи, резкий переход от сильной жары к большому холоду. Тогда как днем на солнце песок нагревается до 60, даже до 70 градусов, и даже в тени жар доходит до 40 и 45 град., ночное лучеиспускание иногда заставляет ртуть в термометре опускаться до 2 и 3 градусов ниже нуля, и в горах родники и ручьи покрываются тонким слоем льда. Содержание водяного пара в атмосфере так ничтожно, что туманы там почти неизвестны; иногда только появляется скудная роса на растениях, при восходе солнца, либо после продолжительного дождя, либо во время быстрого понижения температуры. В этом воздухе, лишенном влажности, оружие не ржавеет и мясо никогда не портится. Большие дожди заставляют ждать себя по целым годам; в земле туарегов проходит десять, двенадцать лет, прежде чем сильные ливни наполнят русла потоков и обновят растительность. Но когда пойдут дожди, то часто случается, что ливень следует за ливнем, и это бывает в разные времена года. Ограниченная на севере и на юге странами с правильным выпадением дождей, Сахара не представляет никакого ритма в своих метеорологических явлениях: она образует как бы нейтральный пояс, где нормальное чередование воздушных течений прекращается. Один из самых страшных метеоров—это южный ветер, широкко (самум), который часто гонит перед собой песчаные смерчи: словно огненные столбы проносятся перед глазами наблюдателя эти пыльные вихри, красноватые массы, движущиеся по поверхности пустыни с быстротой урагана, то поднимаясь над горизонтом, то спускаясь до земли. Захваченный одним из этих смерчей пылающего воздуха, путешественник Дюверье видел, как по окраине облаков падали крупные капли холодного дождя, которые показались ему похожими на тающий снег.

Сыпучие пески, длинные каменистые гамады, тропические жары, круто сменяющиеся сильной стужей, ядовитые ветры, пыльные смерчи, «небо без облаков и земля без тени», бесконечность пути, отдаленность колодцев, засухи, истощающие их, обвалы, засыпающие живительную влагу, или враги, не допускающие к ней,—вот те препятствия, которые ожидают путника, и совершенно понятна торжественность, с которой караваны приготовляются к переходу через страшную пустыню. Профессия проводника, наследственная в некоторых семьях, составляет род священства, ибо проводник держит в своих руках, вместе с собственной жизнью, жизнь всех людей, которые его сопровождают: при отправлении в дорогу каждого каравана, все свидетельствуют ему почтение, смешанное с молением; по благополучном прибытии к цели, его осыпают благодарностями. В самой однообразной местности он распознает приметы, указывающие направление, которого нужно держаться; всякий кустик, следы на песке, неприметные другим, дуновение ветра,—все служит ему указателем дороги; он вопрошает облака, и в соседстве оазисов следит взором за полетом воробьев и ласточек. Он умеет точно орьентироваться, даже не глядя на солнце или звезды, и всегда безошибочно покажет пальцем то место горизонта, где находятся этапы дороги и города, окружающие пустыню. Если он принадлежит к расе, у которой кожа серая, как песок, или красная, как почва гамад, он снимает с себя одежду и ползет по земле, чтобы сделать рекогносцировку и разведать, что за люди показавшиеся вдали встречные путешественники—друзья или враги[2]. Ему известно местоположение каждого оазиса, каждого «водяного пункта», лужи, ключа, колодца или сырых песков; таким образом дороги пустыни начертаны в его памяти от этапа до

1 Oscar Lenz, „Timbuctu“.

2 Vincent, „Tour du Monde“, 1861, livraison 56.

этапа, а когда ему еще не случалось проходить той или другой дорогой, он должен угадывать её направление. Бывает, однако, что дороги, прежде знакомые, исчезают, либо вследствие вторжения песков и завала колодцев, либо вследствие вмешательства враждебных племен, занявших лежащие на пути оазисы. Тогда точное воспоминание о потерянной местности превращается мало-по-малу в смутную легенду, и фантазия облекает эту местность в образ райского уголка. Так описывали «Малый Вау», пока араб Могамед Таргони, из Зеллы, не отыскал этого необитаемого оазиса. Жители Тибести потеряли дорогу, которая вела их предков в Египет через Ливийскую пустыню, и то же рассказывают о промежуточном оазисе, который, будто-бы, весь изрезан источниками живой воды, весело журчащими под сенью пальм[1]. С другой стороны, караваны Уадая проложили новые пути торговле по направлению к Триполи в 1811 и 1813 гг., но проходят целые десятилетия прежде, чем кто-нибудь воспользуется этими путями. Впрочем, если бы даже переход через Сахару везде был удобен, дороги пустыни все-таки будут более и более покидаемы, так как европейская торговля избрала себе другой путь вглубь Африки—по Сенегалу и Нигеру. Пустыня обходится торговым движением до тех пор, пока Туат не будет соединен с сетью железных дорог. Совокупность торгового обмена через Сахару достигает, говорят, по ценности, слишком десяти миллионов франков[2].

Но как ни опытны и осмотрительны проводники, как ни сильны и выносливы верблюды, перевозящие путешественников по пустынным пространствам Сахары, несчастия не редки. Кто заблудился, тот погиб. Он обречен на муки голода, на муки жажды, еще более страшные; скоро идея близкой смерти, неотступно преследующая его, убивают в нем всякую другую мысль; он впадает в галлюцинации и видит себя на дне темной ямы постоянно взбирающимся на крутой холм. Когда он, потеряв силы, ляжет, наконец, на сухой песок, то только затем, чтобы умереть, и труп его, подле которого ветер наметает маленькую дюну, быстро высыхает. Полное единение и сплоченность всех людей каравана составляет необходимое условие для благополучного прибытия к пристани: они всегда должны держаться близко друг от друга, на расстоянии голоса и зрения, чтобы взаимно оказывать помощь в случае опасности; всякий разброд может сделаться роковым, как это доказала трагическая участь второй экспедиции, посланной из Уарглы в пустыню для изучения направления будущего железного пути через Сахару. Смотря по нравам и учреждениям различных племен, обитающих в оазисах и на окраинах Сахары, эта необходимая солидарность каравана понимается различно. У многих берберских кланов, привыкших к самоуправлению и не признающих над собой никакого господина, группа путников представляет собою странствующую джемаа, где каждый дает свое мнение и выполняет свою специальную функцию для общей службы. Что касается арабского каравана, то он управляется деспотически: хебир есть полновластный господин, которому все обязаны повиноваться; под его начальством состоят: чауши, диктующие его волю, шауфы, наблюдающие за страной, ходжа, составляющий письменные акты, бирюч, разглашающий объявления, муэдзин, призывающий на молитву, имам, читающий ее всенародно.

II. Тибести и Борку

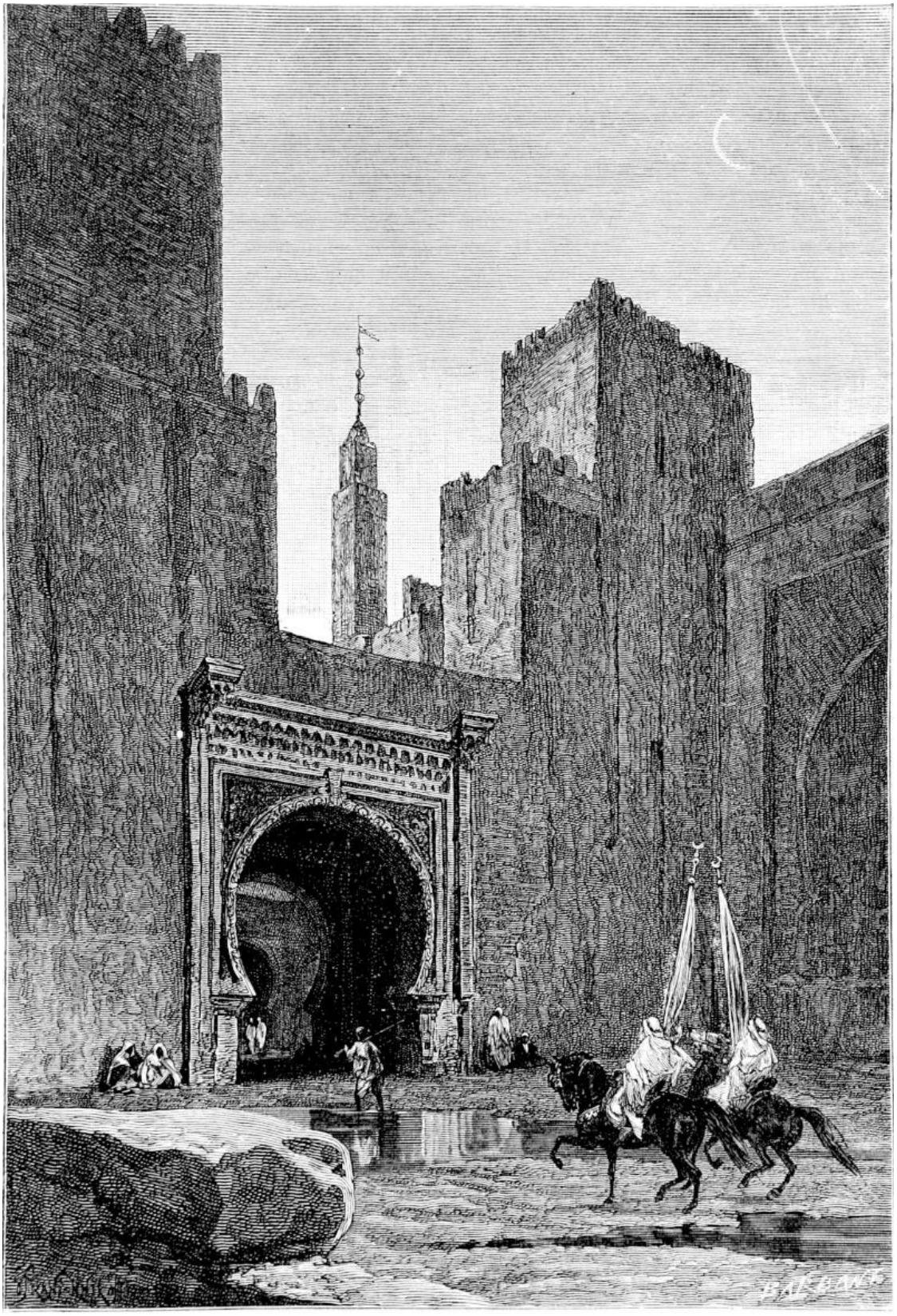
Естественные деления громадного пространства Сахары указаны горными массивами, каковы Тибести, Тассили, джебель Ахаггар. Если бы дожди выпадали в пустыне в достаточном количестве, там несомненно образовались бы особые речные бассейны, связанные с Нилом, с заливами Сирт, с Атлантическим океаном или с Нигером.

Восточный бассейн, означаемый специально под именем Ливийской пустыни, вероятно, не заключает в себе других возвышенностей, кроме уединенных песчаниковых хребтов и

1 G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

2 P. Soleillet;—Watbled, „Relations de l’Algerie avec l’Afrique centrale”.

песчаных горок, как в областях, пройденных европейскими путешественниками между большим коленом Нила и Кордофаном: сквозь прозрачный воздух пустыни нигде не видели гор на восточном горизонте и не встречали ни одного потока, свидетельствующего о суще-



Въѣздъ въ цитадель въ Фецѣ.

ствовании горных вершин, на которые изливаются дожди. Судя по естественному скату местности на окружности этого обширного пространства, представляющего пробел на картах, этот бассейн имеет наклон к северу, в направлении египетских оазисов. Но горные цепи

Дарфура, достигающие некоторыми из своих массивов тысячи и более метров высоты, продолжаются к северо-западу невысоким хребтом, который отделяет Нильский бассейн от вод, образующих притоки озера Цаде, или Чад: несколько холмов следуют один за другим, в виде цепи, на этом раздельном пороге. Этими холмами и начинается тот ряд гор и плато, который пересекает наискось пустыню на протяжении около 2.000 километров, до оазисов Туата и до уэда Саура.

Первый массив скал и гор составляет территория Эннеди, известная также под другими названиями у арабских и негритянских путешественников. Её долины, где берут начало несколько уади, населены племенами некогда могущественной нации Зогава, которые кочуют также в степях северного Дарфура, и которые в двенадцатом столетии господствовали на всем пространстве между течением Нила и дорогой из Феццана в Борну. Дарфурское племя бидейат или баэле тоже владеет, в числе нескольких тысяч душ, многими долинами земли Эннеди; кроме того, там живут тиббусские населения, пришедшие с северо-запада и терпимые господами края. Впрочем, ни один из европейских путешественников не бывал еще в этой стране: она известна только по рассказам караванщиков. На северо-западе ряды скал продолжаются по направлению сахарской оси, заключая всего один оазис, называемый Ваджанга (Ванджанга, Ванджа или Онджа), который тоже еще ни разу не был посещен европейцами. По словам купцов, в окружающих этот оазис скалах ломают каменную соль. От Ваджанги тянется плоскогорье, слегка покатое на север, к пальмовым плантациям оазиса Куфра[1].

Цепь гор, называемая Ту (то-есть «Скалы») её обитателями и означаемая обыкновенно под именем Тибести арабскими путешественниками, представляется жителям Борку, в южных равнинах, как правильная стена, ограничивающая северный горизонт. Эта цепь, длиной около 500 километров (даже около 700, если считать её менее высокие продолжения), была известна лишь по имени до опасного путешествия Нахтигаля, в 1869 г., да и этот исследователь посетил только её северную часть: последующая попытка его дойти другой дорогой до прежде пройденного пути и определить географически местоположение этапных пунктов этого пути не увенчалась успехом, но ему удалось по крайней мере добраться до такого места, откуда были видны горы, так что он мог осмотреть издали некоторые из главных вершин. Большой южный массив в цепи Тибести называется Кусси: по Нахтигалю, высота его, вероятно, превышает 2.500 метров; туземцы рассказывали этому путешественнику, что там почти каждый год образуется лед, и верблюды, которые там родятся, бывают покрыты густой шерстью, как верблюды на побережье Средиземного моря. Господствующая вершина имеет вид вулканического конуса, и на основании описания, сообщенного туземцами, Нахтигаль говорит о «натровой пещере», содержащей также много серы; кроме того, у подошвы горы бьют два обильных теплых ключа. Что касается северного массива Тарсо, пройденного Нахтигалем, то он несомненно усажен вулканами. В этом месте Тибести закругляется над равнинами, в виде широкого хребта, легкодоступного, представляющего род пьедестала, высотой около тысячи метров, по которому рассеяны во множестве *эми*, или горы, частию уединенные, частию расположенные в ряд, в виде гребней: это конусы извержения, выдвинувшиеся из трещин плоскогорья, прикрывая лавами и пеплом горные породы осадочного происхождения. Склоны покрыты крупным песком, по которому так же приятно идти, как по песку в аллеях сада.

Главный конус массива, Туссиде, поднимается на 2.500 метров, имея на одном из скатов придаточный бугор, бывший некогда фумароллой, и недалеко от южного откоса, в 300 метрах ниже вершины, открывается кратер, имеющий, по словам Нахтигаля, «от трех до четырех часов» ходьбы в окружности и около 50 метров в глубину. Края воронки представляют крутой обрыв с ровной поверхности окружающей почвы, затем скат постепенно уменьшается по направлению к дну; от окружности к центру идут гребни черной лавы, разделенные беловатыми соляными полосами, похожими на полосы снега в расселинах горного цирка; в

1 Rohlfs, „Kufra“

середине кратера возвышается маленький конус извержения, который тоже оканчивается на верху котловиной, наполненной беловатым веществом, которое тиббусы называют «натром». Этот вулкан и кратер его основания не единственные свидетельства прежней вулканической деятельности края, почти исчезнувшей ныне, вместе с древними внутренними морями, омывавшими западное основание массива. В одном овраге, на востоке большой цепи, километрах в пятидесяти к югу от Бардая, главного оазиса Тибести, течет горячий источник, пользующийся громкою известностью во всей восточной Сахаре. Ключ этот, называемый Ерике, или «Фонтан», говорят, дотого горяч, что нельзя близко подходить к вылетающим из него клубам пара; из середины дымящагося столба беспрестанно раздается треск взрывов. Воду можно употреблять для ванн только после продолжительного охлаждения. Вокруг источника впадины скалы наполнены кучами серы. Нахтигалю не позволили посмотреть эти термы, «наше единственное богатство», говорили туземцы: они, без сомнения, боялись, чтобы он при помощи волшебства не овладел золотыми рудниками, спрятанными джинами (духами) под соседними камнями.

Как велика ширина цепи Тибести—пока еще не известно. Мы знаем только, что в центральной части своего протяжения этот массив имеет более сотни километров в поперечном направлении, от равнины Борку до Ливийской пустыни. Вообще говоря, южные скаты его более пологи, чем северные: крутой склон на северной стороне, но основание его выше; там начинается длинная равнина, почти не имеющая ската, которая тянется к оазисам Куфра. На северо-западе цепь прерывается широкими порогами, разделяющими несколько массивов крутых или даже неприступных скал. Один из этих массивов, к северо-западу от Тарсо, состоит из глыб песчаника архитектурных форм; издали можно подумать, что видишь перед собой римские амфитеатры, византийские церкви, крепкие замки; причудливые профили животных и людей примешиваются к этим правильным зданиям, средняя высота которых около 60 метров. Далее, к северо-западу, также на продолжении оси Тибести, следуют по порядку горы Або, высотой 550 метр., затем горы Афафи, высшие вершины которых достигают 700 метр., и наконец хребет Туммо, имеющий почти такое же возвышение. Этот последний массив представляет скорее гамаду, разрезанную водами, чем совокупность гор: он примыкает к южному плоскогорью Феццана, к Алаото-Киу. Туммо—это известковое плато, на котором залегает пласт черноватого песчаника, изрытый во всех направлениях и разделенный на отдельные глыбы, которые издали походят на башни: ровная поверхность плато, прикрытая там и сям слоем глины и мелкого камня, почти горизонтальна, с едва заметным уклоном в направлении от северо-востока к юго-западу. Через одну из брешей массива Туммо, называемую Бибан, или «Ворота», проходит наиболее посещаемая дорога пустыни, та, которая направляется из Мурзука к Куке, на берегу озера Цаде. У подножия одной песчаниковой скалы льются из пяти отверстий струи чистой свежей воды; караваны, идущие с юга, обыкновенно останавливаются на несколько дней в этом очаровательном месте, где все могут пить сколько хочется. Крутые стены скал испещрены именами и надписями, а на окружности становищ накопились огромные массы верблюжьего навоза, составляющие неистощимый запас топлива для временного очага странников[2].

На западе, горы Тибести постепенно понижаются к равнинам. На юго-западе, почва усеяна песчаниковыми буграми фантастических форм; затем следуют глубокия долины Борку, ось которых параллельна горам Тиббу; высота местности не достигает даже 200 метр. в углублениях этих продольных впадин: узкия полосы известковых скал, белых, красных, фиолетовых, разделяют эти ложбины обширного бассейна, недавно озерного, а ныне высохшего, Бахр-Эль-Газаль, или «Моря Газелей», которое сообщалось проливом с озером Цаде; даже некоторые части Борку принадлежат к этой котловине, которая составляет, между речными бассейнами, соединенными с морем, Нилом, Нигером, Конго, истинный центр Африки. Во впадинах Борку там и сям бьют ключи пресной или солоноватой воды; но есть также долины, не имеющие видимых источников, и дно которых покрыто квасцами. Несколько

2 Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

гряд дюн, образовавшихся путем разложения песчаника, осаждают оазисы.

Скалы здесь по большей части голые, без всякой растительности, без малейшего кустика, даже без мха, так что страна была бы совершенно необитаема, если бы каждый год не перепадали дожди. Облака скопляются преимущественно в августе: следовательно, Тибести находится в суданском поясе в отношении климата, так как атмосферная вода, впрочем, сравнительно очень скудная, выпадает летом, когда солнце в зените. Если дождь идет несколько часов кряду, то этого достаточно, чтобы узкия каменистые долины совершенно наполнились водой, которая, по свойству грунта, не может просачиваться в нижние слои почвы: образовавшийся поток несется с страшной силой, увлекая домашних животных: коз, овец, подчас даже верблюдов. После прохода потока, долина опять становится сухой, но чистая вода остается в углублениях камня, в глубоких гротах, вокруг которых ютятся люди и скот. Скудная трава, кусты и деревца растут только в лощинах, где задерживается немного влаги; акации разных видов, каперсовые кусты образуют кое-где маленькие лески. В Тибести находится, под этим меридианом, северный предел хиглика, или «слонового дерева» (balanites aegyptiaca), и пальмы дум, с раздвоенным стволом. Финиковые пальмы растут только в некоторых привилегированных оврагах, но плоды их не из лучших, и сбор никогда не бывает настолько обилен, чтобы хватало для потребностей населения. В некоторых местах, где скала прикрыта слоем растительной земли, жители сеют пшеницу, египетскую дурру и кордофанский духн.

Бедный растительностью, Тибести не богат и животными видами. Из диких зверей здесь водятся только гиены, шакалы, степные лисицы; антилопы (между прочим, порода, называемая уадан) прыгают по скалам; павианы лазают по акациям, с ветки на ветку, поедая листья: тиббусские охотники относятся с почтением к обезьянам, считая постыдным делать зло этим «околдованным людям». Между дикими птицами страусы стали редки; но над горами все еще реют ястребы и вороны, горлицы кружатся около скал, а в лесках акаций на многих ветках качаются висячия гнезда. В Борку голуби летают тучами среди деревьев. Что касается домашних животных, то они очень малочисленны, по причине бедности жителей, рассеянных на обширной территории. Весьма вероятно, что бык принадлежал некогда к домашней фауне края, так как Нахтигаль находил на стенах скал грубые изваяния, где, между прочим, представлен вол, управляемый возжами, обмотанными вокруг рогов; но теперь это животное совершенно исчезло из Тибести. Лошади существуют еще, в небольшом числе, только в долине Домар, на юге горной цепи. Верблюды, подобно прославленным скакунам туарегов Ахаггара, принадлежат к породе мегари; они высоконоги, стройны, неутомимы на бегу, ловки в восхождении на крутые скалы, но более прихотливы в пище, чем их родичи с побережья; тиббусы ухаживают за своими мегари с большой заботливостью, но уступают туарегам в искусстве верховой езды на верблюдах. У тиббусов есть также сильные, породистые ослы, немного собак породы «слуги», довольно плохих охотников, и прекрасные козы с короткой шерстью, смело прыгающие по скалам, где они отыскивают скудную травку, пробивающуюся в трещинах камня. Широкохвостая овца, свойственная Египту и восточной Берберии, неизвестна в Тибести, но ее заменяет здесь великолепная порода овец с длинным хвостом, высоконогих, обросших густым руном черной, блестящей, курчавой шерсти. Бараньи шкуры служат тиббусам зимними бурками.

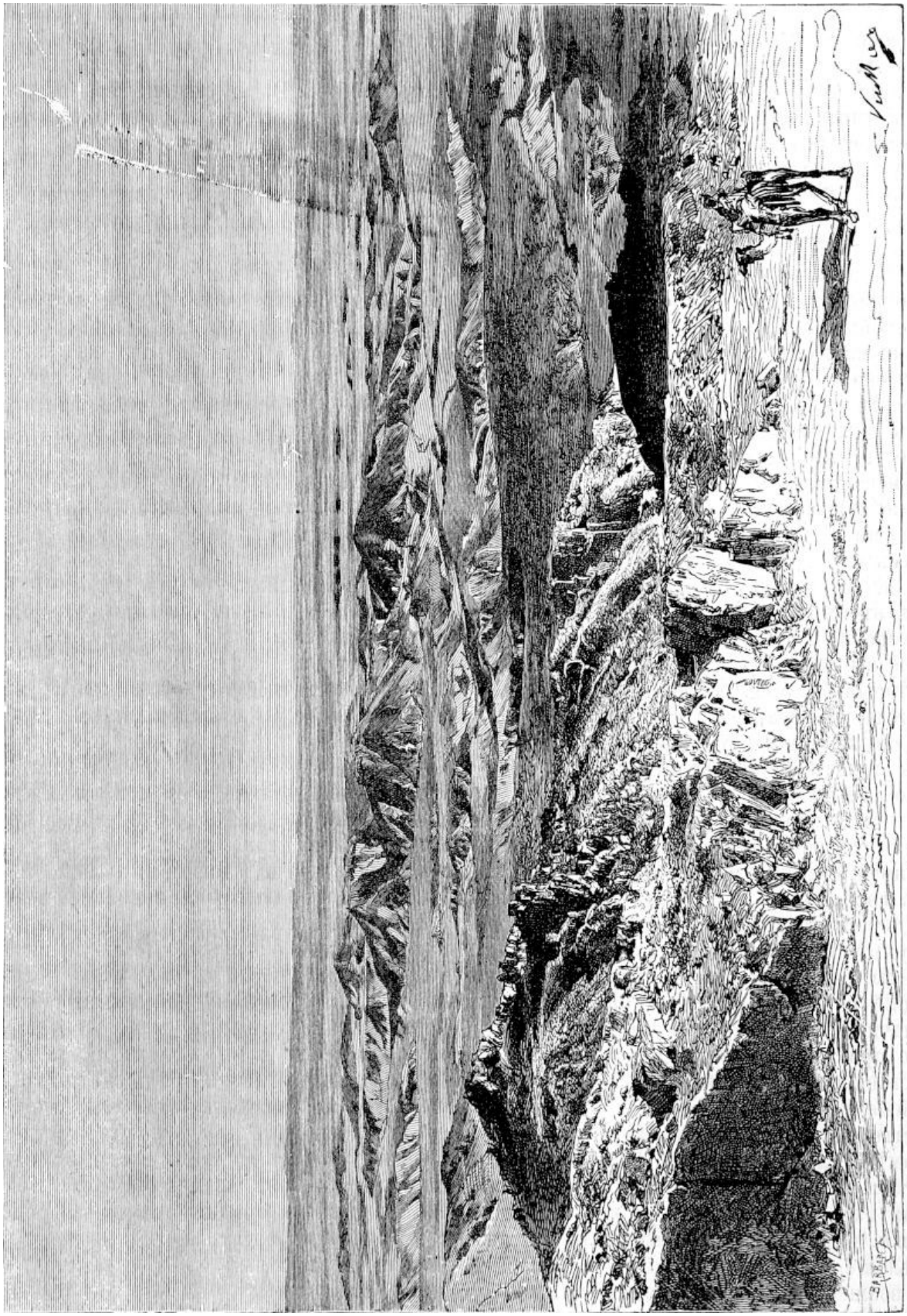
Тиббусы—или вернее тубусы, по Нахтигалю—суть «жители Ту», т.е. Скал, и арабское их имя, Тубу-Решаде, есть лишь повторение первого названия, так как Решад значит «каменный» или «горный». Тиббусы (называемые также теда)—«горцы» по преимуществу, и при том большинство их троглодиты, живущие либо в естественных пещерах, либо между большими камнями, под кровом из ветвей пальмы или акации. Область Сахары, где встречаются их группы, очень обширна: от южной части оазиса Кебабо, в Куфре, до Феццана, и от Ваджанги до Кавара, на дороге из Мурзука в Куку, господствующую расу составляют тиббусы; владения их обнимают более полмиллиона квадр. километров. Кажется, что в целом произошло некоторое передвижение этой нации с севера на юг: прежде тиббусы владели оазисами

Куфра, где теперь они имеют лишь несколько бедных, порабощенных деревушек; их колонисты стали редки в Феццане, тогда как на юге тиббусские эмигранты поселились в большом числе в Канеме и Борну. Но с тех пор, как имя этого народа стало известно арабам, центром могущества тиббусов всегда был массив Тибести, страна «Скал». Весьма вероятно, что пребывание их в этих горах продолжается с самых отдаленных времен, потому что никакие завоеватели никогда не тревожили их на этом острове Сахары: они окружены со всех сторон непроходимыми пустынями, живут в стороне от всяких караванных дорог и, без сомнения, храбро отразили бы всякое иноземное нашествие в их дикия, бесплодные долины.

Для всякого другого народа, внезапно перенесенного в эту землю Скал, жизнь была бы совершенно невозможна, по недостатку средств пропитания; даже для самих туземцев некоторые долины, между прочим, те, которые имеют выход на северо-запад, положительно необитаемы. В этой бесплодной стране голодовка—обычное явление, продолжающееся по целым месяцам. После летних дождей, козы находят себе достаточно корму и дают много молока, которое и составляет главную пищу жителей; кроме того, последние собирают зерна некоторых растений, сеют кое-где хлеб, употребляют в пищу плоды пальмы дум, в других местах презираемые; они не пренебрегают даже колоквинтами (горькая тыква), смешивая их с золой верблюжьего кала и приправляя разными снадобьями, чтобы отбить горький вкус: они делают из этих тыкв муку, которую месят с финиками, и которая составляет у них один из главных рессурсов продовольствия. Когда поспеют финики, тиббусы стекаются в пальмовые плантации, чтобы подбирать опадальцы, которые считаются общим достоянием, или чтобы купить себе провизии, в обмен на скот, оружие или ткани. Мясо тиббусы едят редко; свою скотину они убивают только в том случае, если она стара, больна или ранена; но тогда она съедается вся целиком, до последней косточки: высушив мясо на солнце, тиббусы, при помощи булыжника, раздробляют его так, чтобы разбить косточки и разорвать жилы; они не брезгают даже кожей. У Нахтигаля однажды, в то время, когда он спал, украли сапоги, которые, как потом оказалось, были съедены похитителями. Вынужденные недостатком продовольствия к крайней воздержанности, тиббусы могут при случае поглощать, без вреда для здоровья, громадные количества пищи; но эти подвиги обжорства порицаются людьми, претендующими на хорошие манеры.

Понятно, что при той строгой диэте, которую им приходится соблюдать почти постоянно, жители Тибести очень худощавы; но все они очень крепкого сложения, сильны и отличаются удивительною гибкостью движений; любо смотреть, как они скачут и бегают, или выдерживают, идя беглым шагом, нога в ногу с верблюдами, многодневные форсированные марши. По большей части среднего роста, они сложены совершенно пропорционально, только руки и ноги кажутся несоразмерно малыми. Цвет кожи у них светлее, чем у нигрицийцев южных равнин, и черты лица нисколько не напоминают традиционный тип негра, с приплюснутым носом и толстыми губами; волосы у них длиннее и не так курчавы, как у суданцев, борода гуще. Женщины замечательно красивы, когда еще не утратили свежесть молодости; стройные, грациозные и сильные, они не имеют себе равных по красоте между северными африканками. В этой сильной расе болезни очень редки. Гвинейский червь, цепень (солитер) абиссинцев, проказа арабов, гепатит (воспаление печени), столь обыкновенный в жарких странах, дисентерия, столь страшная в областях африканского побережья, злокачественные лиходадки—все эти болезни почти неизвестны в Тибести; сифилиса там тоже не существует; между тиббусами не увидишь ни золотушных, ни рахитиков (страдающих английскою болезнью), и никакие эпидемии, за исключением оспы, никогда не проникали в их страну; грудные болезни, если и не совсем неизвестны, то во всяком случае чрезвычайно редки; вероятно, нет народа, который бы был более щадим недугами, чем теда, благодаря их невольной воздержности, свежему воздуху и труду. Тиббусы выносят голод по несколько суток: заблудившись в пустыне и не имея ни воды, ни пищи, они проводят день в тени, без движения, и пускаются в путь лишь с наступлением ночи; если им посчастливится найти на дороге верблюжью кость, они раздробляют ее в порошок и делают из неё род теста, примешивая к нему крови, выпущенной из вены своего верхового животного. Их последний рес-

сурс, когда уже оцепенение голода начинает охватывать организм,—это крепко привязать себя к спине верблюда и предоставить его инстинкту искать дорогу к ближайшему становищу.



Видъ Сахары изъ ущелья Сфа.

Умственные способности тиббусов не менее замечательны, чем их физическая сила и красота. Нужда, эта великая наставница, развила их ум, подобно тому, как она изощрила их чувства. Они умеют определять направление пути в пустыне точно какой-то силой волшеб-

ства или гаданья, непостижимого для европейца, и вообще в делах всякого рода выказывают поразительную ловкость: красноречивы, хитры и изобретательны на выдумки. Те из них, которые поселились в качестве торговцев в окрестных оазисах, легко одерживают верх над своими конкуррентами из арабов или негров. Они не чужды некоторого кокетства, но никогда не заходят в нем так далеко, чтобы потерять из виду свои практические интересы. Трудная борьба жизни сделала их черствыми, жадными и подозрительными; физиономии у них вообще жесткия, взгляд суровый. «Каждый для себя», кажется, говорит вся наружность тиббуса. Редко увидишь его смеющимся или забавляющимся с товарищами; празднества в Тибести совсем не походят на те веселые сборища, с песнями и плясками, какие бывают у негров; здесь они служат предлогом для импровизации и словопрений. Тиббус всегда опаслив и недоверчив: оттого, когда ему повстречается в пустыне какой-нибудь соотечественник, он ни за что сразу не подойдет к нему. При встрече путники останавливаются, приседают на корточки, опускают свой «лицам», чтобы лучше закрыть лицо, по туарегской моде, и держа в правой руке копье, а в левой «чанджермангор», или железный дротик, начинают расспрашивать друг друга о здоровье, роде и племени, испуская при каждом полученном ответе благодарственные возгласы, обращенные к Аллаху. Церемония приветствий продолжается несколько минут, и в это время встретившиеся тиббусы успевают рассмотреть друг друга и сообразить, как нужно держать себя в отношении незнакомца.

По нравам тиббусы приближаются к различным народам: нигрицийцам, арабам, туарегам, с которыми они приходят в соприкосновение. Подобно принильским шиллукам, они делают себе ножом несколько шрамов на щеках; подобно туарегам, ходят с закрытым лицом, что, впрочем, и необходимо при их жизни в пыльной и удушливой атмосфере пустыни; наконец, переняв религию от арабов, они усвоили также некоторые из их обычаев. Но по происхождению тиббусы, вероятно, примыкают к собственно нигрицийским населениям; это единоплеменники народца даза, живущего на юге в Борку и в землях, прилегающих к озеру Чаде. Они говорят сходным наречием, очень близким также к языку канурисов, западных прибрежных жителей внутреннего суданского моря, и составляют вместе с ними и с племенами баэле и зогава, обитающими на границе Дарфура, родственную группу народов. Между языками этих нигрицийцев самый древний, кажется, язык тиббусов, которых считают истинными представителями расы[1]. Во всяком случае они наименее смешаны с другими этническими элементами; население Тибести совершенно однородно; между ним не встретишь ни одного переселенца арабского или берберского происхождения. Но эта замечательная раса, одна из важнейших в Африке по обширности области её распространения и одна из типических групп в совокупности человеческого рода, заключает лишь весьма небольшое число неделимых: по Нахтигалю, всех тиббусов никак не более 28.000, из которых на всю территорию Тибести приходится только 12.000 душ.

Дазаны, жители Борку, еще малочисленнее, чем тиббусы или теда, хотя их земля могла бы прокормить гораздо более значительное население. Нахтигаль определяет приблизительно в 5.000 душ число оседлых; кочевники же, принадлежащие по большей части к нации бульгеда, несколько многочисленнее, от пяти до семи тысяч душ. Земледельцы и пастухи, дазаны и бульгеданы мало разнятся от горцев Тибести. Они так же худощавы, сильны, ловки, незнакомы с болезнями, но не отличаются такой же красотой черт. В этом последнем отношении они составляют переход, с этнологической точки зрения, между тиббусами и нигрицийцами, живущими в соседстве озера Чаде. Наречие их тоже имеет сходство с языком тиббусов, баэле и зогава, их единоплеменников. Дазаны метят себе щеки двумя вертикальными порезами, едва отличающимися от шрамов соседних наций, но достаточными для опытного глаза, чтобы сразу узнать происхождение того, кто их носит. У дазанов существует обычай вырезывать детям в раннем возрасте язычек в горле и вырывать первые резцы.

Полагают, что тиббусы и дазаны обращены в ислам уже около двухсот или трехсот лет тому назад. Они очень ревностные мусульмане и пунктуально читают положенные молитвы.

1 Barth;—Nachtigal;—R. Cust, „Modern Languages of Africa“.

Во время посещения края Нахтигалем, в 1869 году, они были уже под влиянием сенусиев, и некоторые из них предпринимали трудное странствование в оазис Вау, чтобы побывать в зауйе благочестивой «братии», спросить их мнения относительно того или другого догмата, или выбрать судьями по вопросам права. Если соседния племена часто обзывают дазанов язычниками, то это только потому, что позорная кличка позволяет грабить их без угрызения совести и обращать их в рабство. Впрочем, некоторые суеверия, т.е. «остатки» древних религий, сохранились и при новой вере. Так, здесь все еще делают жертвоприношения в честь источников, употребляют талисманы языческого происхождения, также как бумажки со стихами из Корана и амулеты семитического происхождения, и многие религиозные церемонии напоминают обряды языческих населений Судана. Кузнецов все сильно боятся как колдунов и в то же время смотрят на них, как на парий: ни один уважающий себя тиббус не отдаст свою дочь за кузнеца, ни один не снизойдет до того, чтобы поговорить с ним по-дружески, как равный с равным. Самое слово «кузнец» считается тяжкой обидой; но его никогда не применяют к тому, кто занимается этим ремеслом: всякий остерегается ударить или оскорбить кузнеца из опасения порчи посредством колдовства.

Политический строй тиббусского общества не основан на началах равенства: каждая долина имеет своих князьков, или дардаев, своих благородных, или майнов, и своих простолюдинов; впрочем, благородные пользуются весьма ограниченной властью, ибо над всем царит обычай, и у них нет солдат, для приведения в исполнение их воли, нет системы налогов, которые позволяли бы им покупать себе приверженцев. Но дардаи и майны решают, в качестве судей, процессы, где нет такого преступления, которое должно быть смыто кровью обидчика, как в делах, относящихся к родовой мести; они обсуждают также вопросы о войне и мире, и советы их вообще выслушиваются с почтением. Иной благородный только и имеет ту привилегию над мужиком, что может хвастаться своим происхождением. В семье, как и в обществе, правление не деспотическое. Женщины, вообще отличающиеся добродетелями, любовью к порядку, чистоплотностью, ловкостью в делах, супружеской верностью, пользуются равными правами с мужчинами, и последние редко позволяют себе полигамию, как известно, разрешаемую исламом; впрочем, временные эмигранты обыкновенно обзаводятся второй женой на чужбине. Свадьбе предшествует длинный период помолвки, которая считается столь же крепкими узами, как и самый брак: когда жених умирает, невеста выходит за его брата или ближайшего родственника. Так же, как у кафров и многих других африканских народов, перемена состояния, производимая браком, составляет событие такой важности, что все должны хранить его в глубокой тайне, и особенно новобрачная обязана стыдливо воздерживаться от малейшего намека на свое замужество. Она не разговаривает с мужем при посторонних, не ест вместе с ним; муж, с своей стороны, не имеет права взглянуть на своего тестя или тещу, он показывает вид, что незнаком с родными своей жены; он должен даже переменить свое имя, как это обязаны делать убийцы.

Главное местечко области Тибести, Бардай, лежит в одной долине северо-восточной покатости гор: оно находится почти на середине течения *эннери* (уэда) того же имени, который, по принятии нескольких притоков, теряется в направления к оазису Вау; горячия воды прославленного «фонтана» или *ерике* принадлежат к бассейну этого потока. Вокруг Бардая простираются самые обширные пальмовые леса Тибести, оттого почти все тиббусы бывали в этой местности в поисках за финиками. Они бродят также по окрестным горам со своими стадами, а большинство тиббусов-купцов ведут торговлю с Мурзуком. Некоторые направляются к южным оазисам, в Борку и соседния земли; но они уже забыли дорогу к таинственнному оазису Уадикур, находящемуся, будто-бы, в пяти днях ходьбы к юго-западу от оазисов Куфра, и который, как гласит легенда, необычайно богат растительностью[1], как все оазисы, путь к которым забыт. Уадикур представляется тиббусам «потерянным раем».

В Борку оазисы, питаемые пресными или солоноватыми водами, рассеяны во всех низменных местах и дают финики качеством лучше тех, которые производит Тибести; пальма

1 G. Nachtigal, цитированное сочинение.

дум растет там во множестве и, по всей вероятности, в этих оазисах можно бы с успехом развести многие древесные породы Судана. Но во время путешествия Нахтигаля сады были большею частию запущены, пальмовые рощи во многих местах засыпаны песками, селения, состоящие из покрытых рогожами шалашей, покинуты жителями и повалены дикими зверями. Аулад-слиманы, даже туареги из южных степей и магамиды из Уадая регулярно грабят оазисы, опустошая житницы, уводя в неволю женщин и детей, убивая всякого, кто окажет сопротивление. Потеряв своих близких, дазаны снова принимаются за работу или, в свою очередь, предпринимают разбойничьи экспедиции, с целью собрать достаточно денег, чтобы идти во вражью землю выкупить из плена своих родичей, которых, может-быть, скоро опять потеряют при первом новом набеге. Жизнь их походит на жизнь лесного зверя, травимого охотниками. Главный оазис, Вун, оказывающий наиболее энергичное сопротивление грабителям, лежит в южной долине Борку, направляющейся к бассейну Бахр-эль-Газаль и к озеру Цаде. Цепь оазисов, начинаясь от пальмовых плантаций Вуна, тянется к северо-западу, между двух параллельных гор.

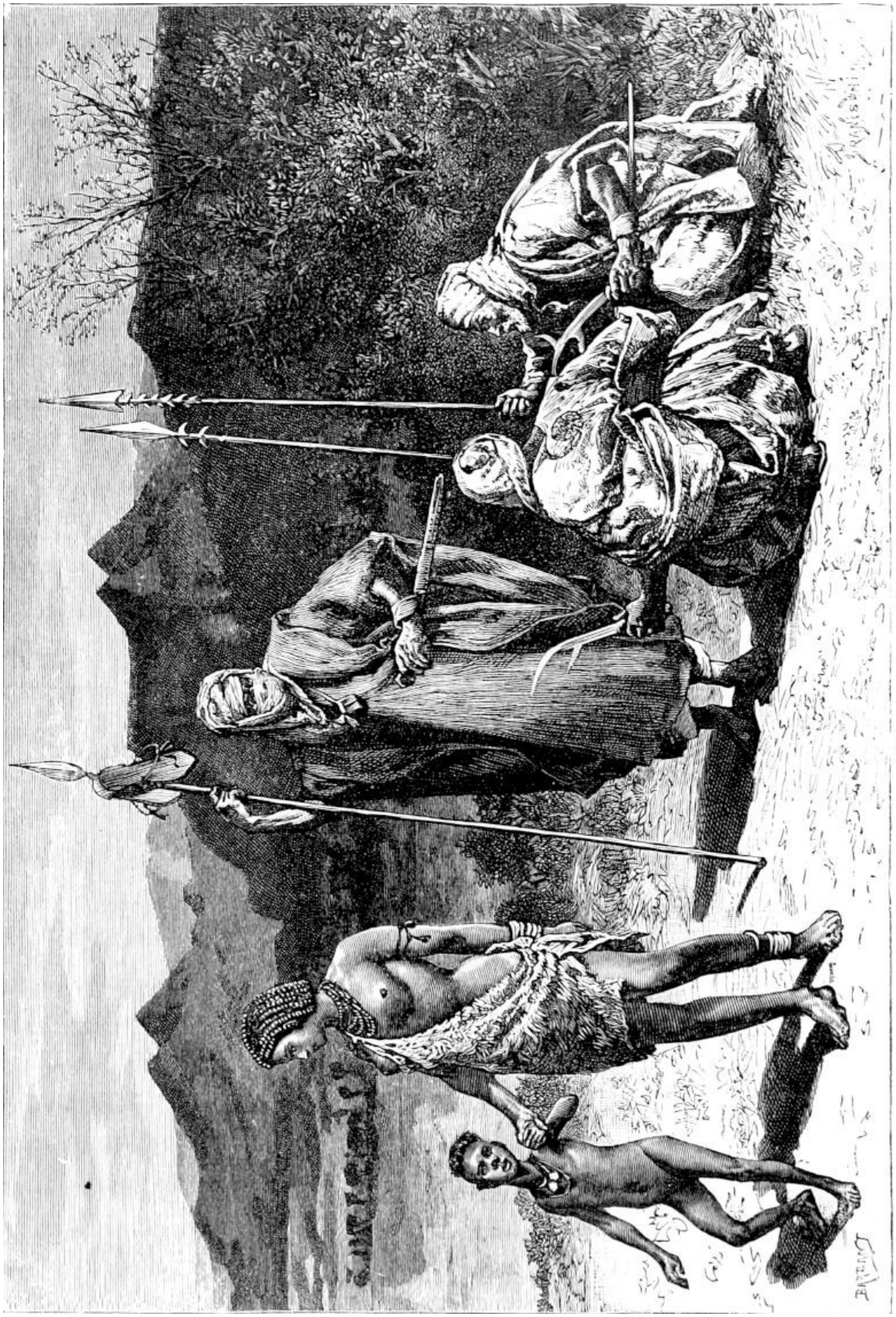
III. Дорога из Феццана на озеро Цаде. Оазисы Кавар.

Большая караванная дорога между Мурзуком и озером Цаде, которую рано или поздно заменит железная дорога, есть бесспорно главный и лучший путь через Сахару. Не только пространство, проходимое от северных до южных возделанных земель, меньше, чем во всякой другой части пустыни, так как от Феццана до Канема расстояние не достигает даже тысячи километров, но, кроме того, в этом направлении следуют один за другим несколько оазисов, между прочим, архипелаг Кавар. Таким образом этот торговый путь служит естественной раздельной линией между восточной частью пустыни, в которой Тибести составляет центральный массив, и той областью, где возвышаются холмы Аир. При том и этнологическая граница между тиббусами и туарегами находится недалеко от этой цепи оазисов: она проходит в небольшом расстоянии к западу, перемещаясь соответственно набегам, которые делаются с той и другой стороны.

Пройдя «Ворота», открывающиеся в раздельном плато на юге Феццана, караваны спускаются в красноватую равнину, нечувствительно понижающуюся в южном направлении. Перевал совершается на высоте около 650 метров; а озеро Цаде, к которому направляется дорога, почти не делая изгибов, и которое находится в 950 километрах по прямой линии, лежит на высоте 275 метров. Следовательно, в целом спуск составляет 375 метров, но он распределен неравномерно: относительно довольно сильное в северной части плоскогорья, падение выравнивается южнее, в средней области пустыни. Там высоты держатся между 350 и 400 метрами на пространстве четырех градусов по широте. Холмистое плоскогорье развертывается в виде больших волн, над которыми на горизонте показываются правильные известковые или песчаниковые плато. То тут, то там, среди угрюмой пустыни, виднеются массивы голых бесплодных скал, которые кажутся спаленными или еще пылающими,—так сильно они отражают жгучие лучи солнца. Впадины, открывающиеся в камне или глине, между обрывами или дюнами, сырее окружающих пространств и заключают в себе колодцы, постоянные или временные, засыпаемые песком и вновь очищаемые каждым проходящим караваном.

Несколько оазисов занимают самые большие из этих низменностей. Таков оазис Ят, называемый арабами Сахия, т.е. «Веселый»; он тянется на пространстве 20 километров с востока на запад и 3 километров с севера на юг: путешественник, проходивший перед тем по обширным, лишенным всякой растительности, равнинам, готов назвать этот оазис «лесом»,—так поразителен контраст, который составляют с окружающими песками чащи диких финиковых пальм, акаций, пространства, поросшие травой; пальмы дум тоже очень многочисленны в оазисе Ят: они достигают здесь своего северного предела. Оазис Еггеба, к юго-западу от предыдущего, гораздо меньше и малолюднее; оазис Сиггедим, хотя очень богатый фини-

ковыми пальмами, не имел ни одного жителя во время прохода Нахтигаля, в 1870 г.; но оазис Джебадо, на северо-западе, населен, как и оазис Ят, тиббусами и канури; сколько известно, до сих пор он только раз был посещен европейцем. В 1862 г. путешественник Бер-



Племя тиббу.

ман прошел через этот оазис, последнюю станцию тиббусов и их единоплеменников канури в западном направлении.

Отделенный от оазиса Еггеба каменистой гамадой, оазис Кавар тянется на пространстве

около 80 километров: ось его направлена точно с севера на юг, и караванная дорога идет от одного до другого конца пальмовой аллеи, прерываемой там и сям песками и скалами; рядом с оазисом, на восточной его стороне, тянется, параллельно низменности цепь скал, поднимающихся в иных местах на сотню метров: вероятно, этот кряж и дал повод тиббусам назвать этот оазис Эннери Туге, что значит «долина Скал». Около десятка местечек, принадлежащих племени теда, следуют одно за другим в этой длинной долине. Большинство этих поселений построены у подножия глыбы песчаника, с вертикальными стенками, которая служит убежищем в случае внезапного нападения: крепостца изрыта галлереями и подземельями, куда складывают запасы продовольствия; для воды вырыты цистерны в камне; род лестницы или наклонной плоскости, устроенной из стволов пальм, с перекладинами из дерева акации, позволяет взбираться на вершину цитадели. Эти укрепленные городки, населенные главным образом эмигрантами племени канури, построены на тот же лад, как города Гауссы: дома расположены на правильно распланированных улицах, и общая ограда окружает все постройки. Так был построен, вероятно, в одиннадцатом веке, город Дирки или Дирко, столица всего оазиса. Около южной оконечности Кавара, другой город, Гару, более многолюдный, чем резиденция, построен тоже в суданском стиле, и жители его в большинстве канурийского происхождения.

Смешение рас не повредило красоте племени тиббу или теда: в оазисе Кавар женщины отличаются той же чистотой черт, той же стройностью и пропорциональностью форм, как их сестры в Тибести, но к этому у них присоединяется еще грация движений, приятность физиономии, прелесть улыбки. Празднества в Каваре веселее, чем в восточных горах, продолжительнее, и кавалькады пышнее. Нравы тиббусов в этом оазисе, лежащем на большой караванной дороге, уже не те, что в бесплодной, уединенной метрополии, столь редко посещаемой, и местная независимость не могла здесь сохраниться: дардай, чаще называемый май или «царек», пользуется действительной властью над своими подданными; но он имеет могущественного соперника по власти в лице мкаддема сенусиев, пребывающего в монастыре Шиммедру, недалеко от столицы. Наконец, есть и еще господа над жителями Кавара: это арабы племени аулад-слиман, которые прежде кочевали в степях триполийского побережья, а затем передвинулись к югу, чтобы искать себе нового поля для грабежей в соседстве озера Цаде. Наследственные враги тиббусов, эти хищники часто нападают врасплох на Каварские оазисы, убивают мужчин, уводят в неволю женщин и детей, забирают все ценное имущество; деревни пустеют, но достаточно короткого периода мира, чтобы покинутые дома заселились новыми иммигрантами. Во время путешествия Нахтигаля совокупность жилых строений в разных частях оазиса могла бы вмещать до 6.000 обитателей, а между тем все население состояло только из 2.300 душ.

Если разоренные набегами общины снова возрождаются, то причина тому не плодородие почвы и обилие урожаев. Финики, производимые тамошними пальмовыми плантациями, посредственного качества, а хлебопашеством жители не смеют заниматься. Но выгоды, доставляемые торговлей в этом обязательном месте привала, на полдороге из Мурзука в Куку, достаточно велики, чтобы побудить жителей воспользоваться ими, даже подвергаясь опасности; кроме того, оазис Кавар обладает сокровищем, которое обеспечивает ему постоянных покупателей из большей части суданских областей: это его соляные озера. Главный город Дирко, лежащий почти в центре оазиса, окружен несколькими резервуарами соленой воды, из которых один производит также «червей» (artemia oudneyi), как Бахр-эль-Дуд в Феццане; но самые богатые озера, дающие наибольшее количество соли, лежат в Бильме,—так называется южная часть оазиса, где находится город Гару, дома которого построены из земли, смешанной с солью. Соляные озера Бильмы неглубоки и разгорожены на отделения глиняными стенами, в роде «горбов» (bosses) на солончаках во Франции. Вследствие испарения, соль кристаллизуется на поверхности воды и, смешиваясь с пылью и песком, наносимыми ветром, скоро образует сероватую кору, по виду не отличающуюся от окружающей почвы. На дне отлагается второй слой соли, которую рабочие собирают и складывают в кучки, сортируя ее по качеству: которая получше—для людей, похуже—для животных. Затем они де-

лают из неё плитки или кирпичи различных форм и выменивают верблюжий вьюк на количество хлеба в зерне стоимостью около пяти франков. На рынках Судана эта цена увеличивается по малой мере в тридцать раз.

Правда, в суданских областях ухитряются добывать соль сжиганием некоторых растений и даже коровьего кала; в некоторых местах ее можно получать также выщелачиванием солончаковых земель; но эти способы добывания длинны и трудны, да при том получается продукт гораздо низшего качества, чем кристаллическая соль, покупаемая в пустыне. Из всех соляных промыслов Бильма самый богатый и дает лучшую соль, оттого туда стекаются за сотни верст кругом за покупкой драгоценного минерала; в виде приветствия приезжим, женщины того края бросают им на платье пригоршни соли, как бы желая этим сказать: «вот вам лучшее, что имеет наша земля!» По словам Нахтигаля, около 70.000 верблюдов приходят ежегодно за грузами соли на озера Бильмы, и некоторые из караванов, между прочим, караваны туарегских купцов, доставляющих соль в Гауссу, состоят каждый из трех тысяч вьючных животных. Тиббусам принадлежит монополия перевозки соли между оазисом Кавар и их горами в Тибести; соплеменники их, дазаны, поставляют этот товар в Канем и в Борну; но все западные и северо-западные земли снабжаются солью чрез посредство туарегских караванов, которые присвоили себе род сюзеренной власти над населением оазиса и даже запрещают ему заниматься хлебопашеством, в тех видах, чтобы оно всегда оставалось в зависимости от них по покупке этого необходимого продукта.

К востоку и к западу от оазиса Кавар, этой длинной проходной аллеи, жители которой всегда в дороге, либо по торговым делам, либо спасаясь бегством, места привала и пребывания очень удалены одно от другого. Первые деревни Тибести находятся в 400 километрах к востоку; расстояние до Рата, на северо-западе, вдвое больше; до Агадеса, в оазисе Аир, насчитывают 700 километров, при чем нужно еще переходить через каменистую и безводную гамаду. Главный этап на этом трудном пути—оазис Аграм, аванпост тиббусов в западном направлении; впрочем, тиббусы не единственные его обитатели: вместе с ними, эту узкую впадину пустыни занимают переселенцы из Борну.

Область, отделяющая оазис Кавар от окраины Судана, одна из самых трудных для перехода. Дюна следует за дюной до бесконечности: огромные песчаные волны, высотой до пятнадцати метров, тянутся непрерывным рядом от одного горизонта до другого, в направлении с востока на запад, то-есть в том же направлении, как и правильные ветры пустыни. Необозримое пространство сыпучих песков прерывается только в одном пункте так называемой «Уединенной Скалой», Кау-Тило. Пройдя маленький оазис Зау, снова вступаешь в бесконечное царство дюн; на пространстве сотни верст верблюды все время поднимаются и спускаются с бугра на бугор: здесь-то в особенности верблюд, поочередно появляющийся и исчезающий, как судно на волнах, может быть назван «кораблем пустыни». Скалы Диббела составляют южный рубеж этой области дюн; в этом месте скончался английский путешественник Уаррингтон. Мы уже вышли из Сахары в собственном смысле слова, чтобы вступить в пояс степей, окаймляющих на севере влажные земли Судана. Трава растет в изобилии, сначала в узких долинах между волнообразными повышениями почвы, затем и на возвышенных местах; серый или желтоватый колорит ландшафта сменяется цветом зелени; в оазисе Агадем является первое дерево, не принадлежащее ни к пальмам, ни к акациям: это тундуб (capparis sodada), с искривленным и разорванным стволом, с большими раскидистыми ветвями. Мало найдется местностей в свете более богатых животной жизнью, чем этот пояс сахарских степей. Антилопы пасутся там стадами в десятки и сотни голов; во многих местах можно подумать, что попал в огромный парк, населенный домашними животными. Пустыня пройдена.

IV. Джебель-Ахаггар и окружающие плоскогорья. Северные туареги.

На запад и северо-запад от «ворот», через которые проходит дорога из Мурзука к озеру

Цаде, средний остов Сахары продолжается крутыми скалами, постепенно поднимающимися до высоты 1.200 и даже 1.500 метров, чтобы образовать изрезанное оврагами плоскогорье: это, вероятно, та самая область, которую средневековые арабские писатели называли джебель Тантана[1]. На юге Рата, путникам, направляющимся к Аиру, открывается узкая брешь, перерезанная пропастями. Нигде природа не имеет более нелюдимого и грозного вида, чем в диких ущельях этих гор. Совершенно голые кручи, темный блеск скал черноватого песчаника, странная форма выступов, на которых не видно ни былинки, ни полоски мха,—весь этот угрюмый ансамбль производит на путешественника еще более подавляющее впечатление, чем бесконечные пространства песков. Среди этих скал, и особенно в земле Джают, простирающейся к западу от бреши, некоторые впадины наполнены водой, и, по словам туземцев, многие из них населены крокодилами. На юге плоскогорье круто обрывается к равнинам, спускаясь опасными уступами между песчаниковых стен, за которыми южнее следуют гранитные скалы.

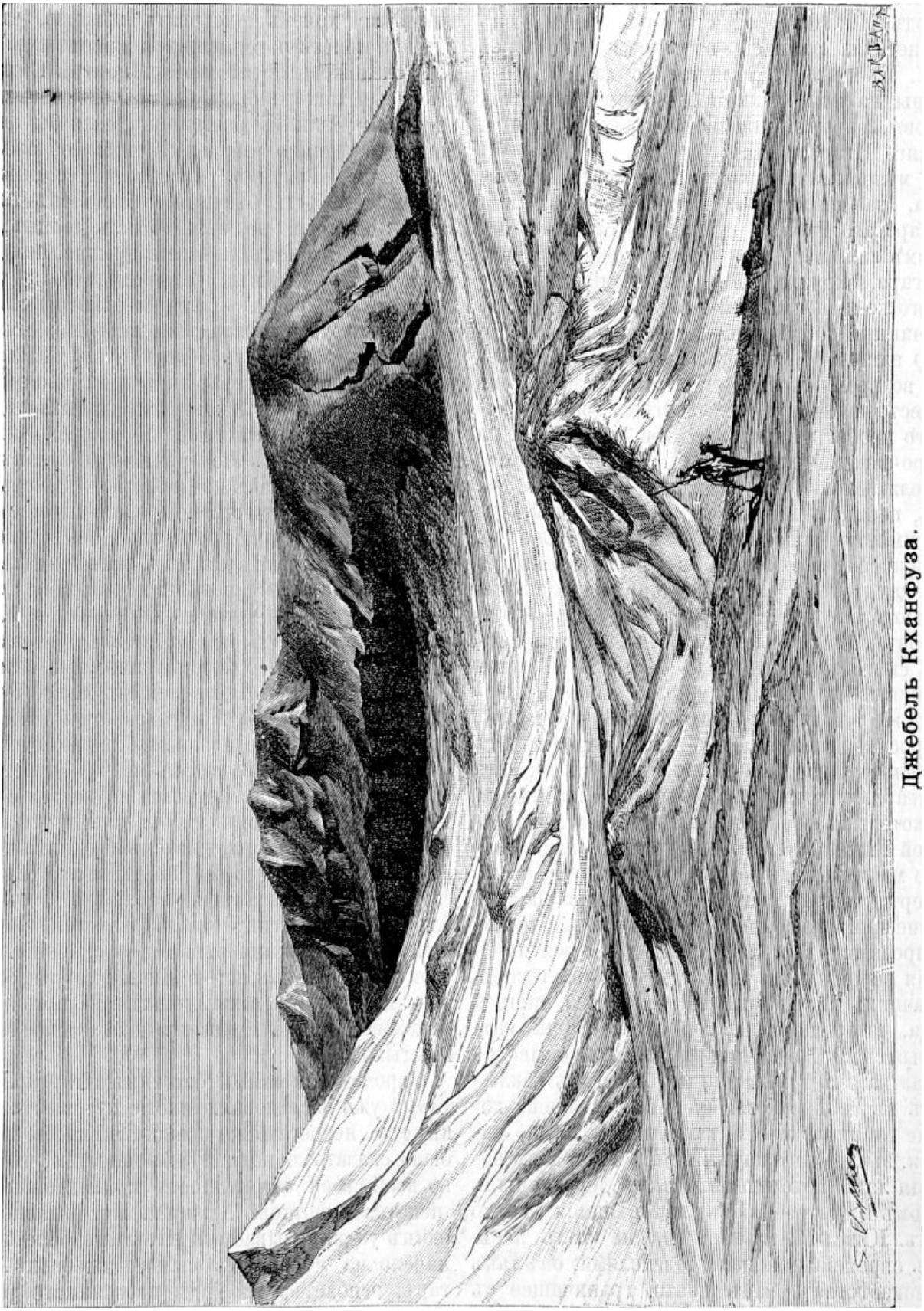
К западу от бреши, которою прошли Барт и его спутники, горы и плато известны нам только по рассказам туземцев; тем не менее подступы этой страны были посещены, на северной покатости, Генрихом Дюверье, в 1860 г., и после его памятного исследования, двумя мирными экспедициями под начальством Фляттерса; кроме того, Ленг обогнул эту гористую область в 1822 г., во время своего путешествия в Томбукту через Сахару; но его путевой журнал потерялся, и ни одно из его наблюдений не было передано в Европу. Рольфс, более счастливый, сделал почти тот же переход, что и английский исследователь, только в обратном направлении, из Туата в Гадамес. Всем памятно, какие надежды возлагались на две экскурсии в страну туарегов, которые, под управлением полковника Фляттерса, должны были пройти пустыню из конца в конец, от Алжирии до Судана! Первая экспедиция, организованная в Уаргле, в 1880 г., не придерживалась заранее начертанного маршрута и кончила тем, что взяла направление на Рат, которого она, впрочем, не достигла: уклончивые ответы туарегских старшин, истощение запасов провизии и денег заставили членов экспедиции вернуться назад. Вторая миссия, состоявшая частию из тех же офицеров, возобновила, в следующем году, попытку перейти пустыню. Она проникла гораздо далее, перейдя на юге за северный Тассили, но окончилась страшной катастрофой. За караваном, который разделился на группы, следовавшие одна за другой на расстоянии нескольких километров, тайно следила, постоянно возраставшая в числе, шайка туарегов; изменники пробрались до начальника экспедиции, предложив ему свои услуги в качестве проводников; весь план нападения был условлен заранее. В роковой момент, Фляттерс, почти одинокий, был убит вместе с одним из его спутников, вожаки верблюдов разбежались, и многочисленная толпа набросилась на обоз, следовавший в некотором расстоянии. Пятьдесят-девять человек, оставшиеся в живых после первой атаки, должны были покинуть стан ночью и начать отступление к Уаргле, отстоявшей в 800 километрах по прямой линии, в 1.200 километр. по цепи колодцев. Все французы погибли во время этого отступления, только тринадцать человек добрались до Уарглы, после двухмесячного странствования, в продолжение которого несчастные не раз принуждены были, для утоления мучительной жажды и голода, пить кровь и есть человеческое мясо. Однако, тот факт, что беглецы могли во время своего гибельного отступления давать победоносные битвы и сделать еще много переходов, прежде чем окончательно потерять силы,—служит достаточным доказательством возможности успешной экспедиции через землю туарегов. Караван, снабженный достаточным запасом продовольствия и все время держащийся на-стороже против внезапного набега хищников, наверно мог бы благополучно пройти эту страну: те самые туземцы, которых удобный случай сделал изменниками и грабителями, оставались бы верными, видя свое бессилие[2].

Плоскогорье, в котором теряется цепь гор Джанет, известно под именем Тассили,—берберское слово, указывающее именно вид почвы: этот Тассили, называемый «северным» или

1 Bartu, цитированное сочинение.

2 J. Brosselard, „Voyage de la mission de Flatters“;—J. Y. Barbier, „A travers le Sahara“.

«Азджарским», в отличие от других плато, лежащих к югу от Ахаггара, есть совокупность возвышенностей, очень холмистых, ось которых идет по направлению от юго-востока к северо-западу, на продолжении системы, начинающейся в Тибести. Обрыв плоскогорья, ограни-



Джебель Кханфуза.

чиваемого на юго-западе по-третичным аллювием, из которого состоит почва сахарских равнин, кажется продолжающимся правильно по орографической оси. Около середины этого края плато высится массив вершин, означаемый, как многие другие группы гор, именем Ад-

рар или «Гора» по преимуществу: по мнению Дюверье, пик, господствующий над этим массивом, Ин-Эзокал, высотой около 1.500 метров,—несомненно, вулканического происхождения; лавы его вылились на девонские формации плоскогорья. На западе, Тассили разрезан на острова и островки, а с северной стороны долины уэдов вдаются, в виде заливов и бухт, в толщу массива: таким образом это плоскогорье разделено на множество отрывков, из которых каждый носит особое имя у туарегов, кочующих в той стране. Эгеле, ближайшее к уэду Риг плато, окружено с трех сторон, на севере, востоке и западе, «Песками», или Эдейен. Холм Ханфуса (583 метра), первая девонская скала на дороге из Тугурта в Иделес, в джебеле Ахаггар,—тоже обломок разорванного плоскогорья. К западу от долин, в которых некогда текли воды системы Игаргара, находим другие холмистые плато, принадлежащие к той же девонской формации, но уже не ориентированные по оси гор восточной Сахары: Муидир, водораздельный хребет между уэдом Игаргар и реками Туата, выдвинулся длинным треугольником в западном направлении. Около западной оконечности этого плато высится пик Ифеттесен, которому Дюверье приписывает, как и главной вершине Адрара, вулканическое происхождение.

К северу от девонских плато, следующих одно за другим, от окрестностей Рата до Инсалаха и далее, все каменистые массы, господствующие над аллювиальными равнинами или непокрытые песками, принадлежат к меловой формации. Таково плато Тингерт, т.е. «Известковое», длинная гамада, составляющая продолжение, на западе и юго-западе, триполийской «Красной гамады». Таково же плато Тадемаит, образующее на севере оазисов Туата род круглого бастиона и примыкающее к плоскогорью Эль-Голеа, в алжирской Сахаре; на юге и на западе Тадемаит оканчивается скалами, с резко очерченным рельефом, и даже настоящими утесами или обрывами, задерживающими пески; но на противоположном скате гамада полого спускается к северо-востоку, перерезанная расселинами, в которых иногда текут воды, впадающие в уэд Мия. С этой стороны армия дюн во многих местах вторгается в пояс скал. В целом, меловые формации расположены на юге Алжирии в форме огромной подковы, окружающей бассейн уэда Мия и нижнего Игаргара[1].

За меловыми формациями Тингерта и Тадемаита, за девонскими плато северного или Аздджарского Тассили и Муидира следуют, в южном направлении, кристаллические массивы Ахаггара, окруженные каменистыми островками того же происхождения: на востоке—Ангеф, увенчанный остроконечными вершинами в 1.500 или 1.800 метров, которые Барт видел во время своего путешествия из Рата в Агадес; на севере—плато Эгере, граниты которого пробиты вулканическими взбросами; на северо-западе—хребет или *батен* Агенет, продолжающийся к оазисам Туата. В целом, центральный массив, круговидной формы, имеет слишком 600 километров в окружности и состоит из поставленных одно на другом плато, поднимающихся этажами от высоты 500-600 метров до 2.000 метров над уровнем моря, в область зимних снегов. По нашим картам, представляющим в главных чертах лишь воспроизведение той карты, которую шейх Отман, по просьбе Дюверье, начертил перед ним на песке, высшее плато, стоящее в центре Ахаггара, увенчано двумя пиками-близнецами, из которых один называется Уателлен, а другой Гикена. Северный выступ или мыс всего массива, Тифедест, оканчивается, среди четвертичных аллювиальных образований, вулканическим конусом Удан, который туземцы прозвали «Носом Ахаггара»; вероятно, и другие вершины, в том числе и два господствующих пика, тоже состоят из лавы и пепла, выброшенных извержением на гранитные скалы[2]. Прежде думали, основываясь на рассказах туарегов, что Ахаггар заключает в себе залежи «черных камней, которые горят», то-есть каменного угля; но кажется, эти горючие камни не что иное, как пористая лава, которую поливают деревянным маслом и употребляют для освещения, вместо ламп. Южный Ахаггар еще не был посещен европейскими исследователями; он так же неизвестен, как плато, граничащее с ним на юге, *тассили*, означаемое на картах под именем южного или ахаггарского Тассили. Из рассказов ту-

1 G. Rolland, „Carte geologique de Sahara“.

2 H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

арегов известно только, что это—каменистое пространство, без воды, без растительности, тщательно обегаемое караванами и номадами. Заблудившиеся там верблюды, говорят ахаггарцы, погибают от голода и жажды, или дичают, потому что никто не хочет рисковать жизнью, чтобы идти на поиски потерявшихся животных.

Расположенный в самом центре Сахары, джебель Ахаггар был бы раздельным хребтом для речных бассейнов, если бы воды были достаточно обильны, чтобы образовать настоящие реки вне массива. Несомненно, однако, что воды, бегущие со склонов Ахаггара, теряются, по выходе из долин, в песчаных руслах, которые прежде, при других климатических условиях, были долинами, куда изливались большие реки: на севере текли притоки Игаргара; на юге соединялись уэды, которые через общее русло Тафассасета усиливали Нигер; на западе долины Тигехерта, Тархита и некоторых других уэдов принадлежат к системе Мессауры. Составляет ли бассейн этой реки часть атлантической покатости, как предполагал Дюверье, и несмотря на препятствие, представляемое дюнами Игиди, её фильтрационные воды направляются ли к уэду Драа, или, как это делают более вероятным новейшие сведения[1], не есть ли Мессаура приток Тигехерта и Нигера? Перерезывает ли она плоскогорье глубоким ущельем? По барометрическим измерениям, сделанным Рольфсом в оазисе Туат, истечение Тигехерта или Тегазерта в Нигер представляется невозможным, ибо вода должна бы была течь снизу вверх и, на пространстве около 800 километров, подняться слишком на 100 метров, чтобы достигнуть главной реки; но цифры, даваемые одним путешественником, который не может сравнить свои, наскоро сделанные, наблюдения, с наблюдениями других исследователей, нельзя признать имеющими решающее значение. Поэтому вопрос об истечении Мессауры, составляющий одну из важнейших проблем африканской географии, должен пока считаться открытым.

Впрочем, и самый бассейн Игаргара, который уже исследовали многие путешественники, еще недостаточно известен, чтобы можно было сказать с полной уверенностью, что он во всей своей совокупности принадлежит к покатости шоттов Алжирии. Несомненно, что один уэд, называемый Игаргар, берет свое начало на северном склоне джебеля Ахаггар, огибает, в виде постоянного ручья, восточное основание Удана, затем, по принятии притоков с плоскогорья Эгере, проходит между Азджарским Тассили и горами Ирауэн, чтобы вступить в аллювиальные равнины, простирающиеся на севере от девонских плато. До этого места течение его совершенно обособленное и падение правильное: близ зауйи Темассинин, у южного основания скал мелового пояса, русло его лежит на высоте 375 метров; здесь с ним соединяются, если не воды, то по крайней мере долины, некогда наводненные, которые берут начало в центральных впадинах плоскогорья Азджар; черты этих долин притоков Игаргара, называемых Игаргарен и Иссауан, явственно обозначены цепями дюн, обрывами, излучинами, змеевидными извилинами. Севернее так же отчетливо видна брешь, перерезывающая область меловых формаций; но вскоре затем скат становится неявственным: неизвестно—понижается ли местность к северу, и трудно сказать, в какую сторону потекла бы вода, если бы она существовала в долинах; впрочем, ее никогда не видали в этой области уэда Игаргар. Низменность, походившая на речное ложе, между высокими берегами, удаленными один от другого на расстояние от 2 до 10 километров, в конце концов сливается с поверхностью окружающей пустыни: это ряд дайя или дхайя (лощин с песчаным дном), прерываемых дюнами; во многих местах странствующие пески совершенно загородили долину. По мнению Дюверье, соединение между Игаргаром и Игаргареном происходит подземным путем, под дюнами.

Многочисленные озера разсеяны в котловинах северного Тассили и во внешних вырезках, где уэды берут свое начало: Дюверье полагает, что эти озера представляют собою бывшие кратеры вулканов, где скопились воды. По крайней мере этого нельзя сказать про лужи, обыкновенно обозначаемые под именем «озера» Михаро, или даже величаемые «морем» (бахр). Осмотренные в 1876 г. путешественником фон-Бари, эти лужи оказались про-

1 Camille Sabatier, „Memoire sur la Geographie physique du Sahara central“.

сто впадинами в русле уади, содержащими воду во всякое время года. Когда воды бегут в обилии с гор, отдельные лужи сливаются в пруд; во время засухи они съуживаются до размера ям, наполненных водой; в соседстве бьют из земли газовые ключи, называемые Себарбар, или «бурчание», по причине пузырей, беспрестанно поднимающихся со дна и лопающихся на поверхности; по наблюдению фон-Бари, вода этих родников, если и не кипяток, как говорят туареги, то все-таки довольно горячая: температура её слишком 37 градусов по Цельзию. Немецкий исследователь не видал крокодилов в лужах Михаро, но явственно различил их следы на песке. Судя по отпечаткам их лап, эти животные, внушающие большой страх пастухам, имеют не более двух метров в длину. На северо-западе, на той же отлогости плоскогорья, находится озеро Менхуг, посещенное первой миссией полковника Фляттерса, в 1880 г. Это большой пруд, который в среднее время года имеет километр в длину, около сотни метров в ширину и 4 метра глубины; но в сухой сезон уровень воды понижается на 3 метра, и пруд обращается в простую воронку, как источники Себарбар; напротив, после сильных дождей, он наполняет обширный цирк дюн и омывает своими водами основание тамарисков. Французские офицеры не видали там крокодилов, но ловили огромных рыб, принадлежащих к тем же видам, которые встречаются в водах Нила и Нигера[1]. Факт этот служит новым доказательством того, что прежде климат здесь был более влажный: большие реки текли тогда в пространствах, которые в наши дни представляют безводную пустыню; водяные животные свободно переходили из реки в реку, теперь же они заперты в тесных пределах и подвергаются опасности погибнуть в случае исключительных засух, когда воды могут испариться до последней капли.

На противоположной покатости Тассили, между этим плоскогорьем и массивом Ахаггар в собственном смысле, простирается большая себха, бывшая некогда озером, и воды которой изливались либо на юго-восток чрез уэд Тафассасет, либо на север чрез Игаргар: этот солончак находится почти на водораздельном хребте между Средиземным морем и Атлантическим океаном, чрез бассейн Нигера. Амадгор впервые был посещен европейцами во время второй миссии Фляттерса; но трагическая участь, постигшая эту экспедицию, лишила географию карт и описаний, относящихся к этой части путешествия. Известно только, что равнина Амадгор очень обширна, потому что на переход через нее требуется не менее пяти дней. Солончак, питаемый ручьями, спускающимися из долин плоскогорья Эгере и джебеля Ахаггар, получает, вероятно, значительное количество воды. Соль тамошняя превосходного качества, и ее можно бы собирать столько, что хватило бы для миллионов людей; но постоянные войны между Ахаггаром и Азджаром заставили оставить эксплоатацию этих соляных богатств; по той же причине большую ярмарку, которая прежде собиралась на берегу себхи, пришлось перевести в Рат[2]. Нет сомнения, что с восстановлением мира в тех странах Амадгор снова приобретет важное торгово-промышленное значение и опять сделается оживленным рынком для караванов между Сахарой и Нигрицией.

Благодаря относительному обилию вод в массиве Ахаггар, флора этой области сравнительно довольно богата: в хорошо орошаемых долинах, акации, особенно тот вид, который дает аравийскую камедь, и другие древесные породы, образуют настоящие леса; фон-Бари видел даже, в соседстве озера Михаро, деревья, соединенные сетью лиан в непроницаемую массу зелени. Достаточно малейшего дождя, чтобы одеть в несколько часов голую почву богатою травяною растительностью. Дюверье рассказывает, что ему случалось видеть, как обширные пространства, совершенно обнаженные накануне, покрывались на другое утро, после ночного ливня, великолепнейшей зеленью: одной недели достаточно, чтобы новая трава, называемая туарегами «весенней», могла прокормить стада. Между обыкновенными растениями края особенно замечателен один вид белены, называемый фалезлез, токсические свойства которого, говорят, усиливаются пропорционально высоте мест произрастания: почти безвредная в низменных равнинах, она становится опасной на нижних террасах, чрез-

1 H. Brosselard, „Voyage de la mission Flatters“.

2 H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

вычайно ядовитой на высоких горах, но не для жвачных животных; листья её идут в прок верблюдам и козам, тогда как лошади, ослу, собаке и человеку они приносят смерть. Культурная флора туарегов заключает в себе очень ограниченное число видов: два дерева, финиковую пальму и смоковницу, виноград и четыре хлебных злака—пшеницу, ячмень, сорго и просо[1].

Кажется, что львов нет в горах Ахаггар; барс, кабан, буйвол, носорог и бегемот тоже не водятся в земле туарегов; но там встречаются разновидности волка и гиены; на плоскогорьях и в равнинах, окружающих этот джебель, много антилоп; на северном Тассили живет стада-

Таргуинскій типъ.

ми онагр (дикий осел): он так быстро бегает, что догнать его нет никакой возможности; с трудом удается иногда поймать его в западню. Рассказывают, что онагр нападает на домашних ослов и убивает их на смерть. Вокруг болот и в лесистых лощинах летают птицы, но они очень редки и принадлежат к небольшому числу видов: «в некоторых местностях Сахары можно путешествовать целую неделю, не встретив ни одного представителя пернатого царства».

У туарегов есть домашния животные, лошадь и осел, баран и коза, борзая собака особой породы, называемой «слуги», и даже страус: Дюверье видел одного из этих ручных страусов,

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

которым надевают путы, как лошадям, пускаемым на подножный корм. Известно, каким заботливым уходом окружают туареги верблюда, своего излюбленного товарища, позволяющего им, так сказать, быть вездесущими в этом беспредельном пространстве, которое простирается от уэда Риг до Нигера. Верблюд и был главной причиной того, что туарег сделался скорее кочевником, чем земледельцем; во многих долинах джебеля Ахаггар обработка почвы могла бы дать достаточные средства для прокормления жителей, но владелец верблюда не может оставаться на одном месте: ему нужно, смотря по времени года и выпадению дождей, искать пастбищ, пригодных для его скота.

Стада состоят преимущественно из вьючных верблюдов, которых иногда дрессируют для быстрых экспедиций, но беговые верблюды составляют особую породу, называемую *мегари* (по-берберски *архелам*), которая отличается высоким ростом, тонкими и стройными ногами, длинной шеей, необычайной быстротой хода, изумительной выносливостью и умеренностью в пище. Мегари не кричит, когда ему больно, из боязни, чтобы крик не выдал его хозяина; он может выносить до семи суток воздержание в летнюю пору, когда он на ходу и навьючен; зимой он остается по два месяца на пастьбе, не ходя на водопой. В то время как вьючный верблюд идет обыкновенно шагом 3 с половиной до 4 километров в час, т.е. от 25 до 26 километров в день, мегари без труда проходит в четверо большее расстояние. Путешественник Фуро рассказывает о трехсотверстной поездке, совершенной в два дня на мегари одним инсалахским шейхом[1]. Верблюдоводство поглощает такую большую часть жизни туарега, что последний имеет в своем распоряжении десятки названий для обозначения мегари во всех возрастах, во всех состояниях здоровья и болезни, оттенков цвета, шерсти, работы и отдыха. Воспитание животного для бега и для войны ведется с величайшей заботливостью и тщательностью, и действительно нельзя достаточно налюбоваться чудным зрелищем многочисленных мегари, облеченных в ратную сбрую и выстроенных в боевом порядке: верблюды, вытянувшие шею, люди, высоко держащие копья, кажутся как бы составляющими одно странное существо грозного вида. Мегари, на которых ездят женщины, выучиваются плавно покачиваться из стороны в сторону под звуки музыки: когда туарегские женщины явились приветствовать членов миссии Фляттерса, одна из них играла на каком-то инструменте в роде мандолина туземные арии, тогда как верблюд её танцовал на месте, соблюдая такт с изумительною точностью. Туарег управляет движениями животного давлением ноги. Сидя на высоком седле и опершись спиной на луку, с ногами, скрещенными вокруг седельной шишки в форме креста, он действует босыми ступнями на шею верблюда, сохраняя таким образом руки свободными для действия оружием: оттого, в бою, туарег всегда метит в ступню своего врага; если ему удастся отрубить ее, животное не слушается больше, так как уже не составляет одного тела со своим господином. Страшный на войне, необходимый для перевозки людей и вещей, верблюд способствует также содержанию туарега: верблюжье молоко составляет единственную пищу его семьи в сезон пастьбы; из верблюжьей шерсти плетут веревки; кал употребляется для унавоживания пальм, или, высушенный на солнце, служит топливом. Мясо верблюда считается самым лакомым блюдом, которым обыкновенно угощают почетных гостей; наконец, кожа его, одна из лучших, какие существуют, утилизируется для приготовления палаток, сбруи и разной хозяйственной утвари[2]. Вообще для туарега верблюды составляют неоцененное богатство, но они относительно малочисленны: самый зажиточный из горцев имеет не более полсотни голов этого драгоценного животного.

В стране туарегов, как в регентстве Триполи, в Феццане и в Алжирской Сахаре, находили каменные орудия и другие предметы, принадлежащие доисторическим векам. Путешественники встречали также древние могилы, уже разрытые и перерытые искателями кладов; но не известно, каким народам должно приписать эти остатки отдаленной эпохи. Берберы-туареги с незапамятных времен кочуют в Центральной Сахаре, и, несомненно, они уже за-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Constantine“, 1-er aout 1883.

2 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

нимали край, когда арабы проникли в Мавританию и в первый раз встретились с обитателями пустыни. Арабы-то и дали этим коренным жителям имя «туарегов», которое значит «покинутые», отвергнутые Богом, по причине сопротивления, которое эти народны, «сабеяне или идолопоклонники», как их называют арабские писатели, долго оказывали магометанству: они обратились в ислам только в третьем столетии геджры. Сами себя туареги называют имохаг, имошар, имажирхен, смотря по наречиям. Это то же имя, как амзиг в Джурджуре и имазиген в Марокко, и также происходит от корня, заключающего в себе понятие о свободе, гордой независимости. Что касается происхождения этой расы, то оно «смешанное и переплетающееся, как ткань шатра, в которую входят волосы верблюда с шерстью барана: нужно быть очень искусным, чтобы различить, которая верблюжья и которая овечья». Так говорит шейх Брагим-Ульд-Сиди, слывущий образованнейшим человеком между туарегами[1]. Вследствие родства чрез брачные союзы, главные берберские роды центральной Сахары,—вероятно, санхеджанского происхождения,—могут присвоивать себе титул арабов и шорфов, так что косвенно и они имеют в жилах частицу крови Пророка. Имохаги или имошары делятся на множество племен, составляющих четыре больших союза: азджар и ахаггар или хоггар—северные туареги, кель-ови и ауэллимиден—южные туареги. Вся раса в совокупности занимает половину Сахары, а языком её, называемым темахак, темашек или тамазигт, говорят в четверти Африки, от берегов Атлантического океана до оазисов Юпитера Аммона. Самое слово Аммон не то ли же, что название народа Тамагу, упоминаемое в Египте на памятниках Эдфу?[2].

Из четырех сейчас названных племенных союзов тот, который занимает северо-восточную часть громадной области распространения туарегского народа, союз азджарцев, имеет первенствующее значение, не по численности и не по богатству, а по степени цивилизации и покровительству, которое он оказывает торговым людям: благодаря азджарцам, европейские путешественники могли проникнуть во внутренность Сахары, и эти дотоле неведомые области стали нам известны. Из всех туарегов азджарцы наиболее обнаруживают склонности променять кочевую жизнь на оседлую, и даже одно из племен, тин-алькум, или тизилькум, как его называет Ричардсон, живет в оазисах, возделываемых собственными руками, в окрестностях Мурзука и Рата. Прежде самым могущественным между азджарскими племенами было племя иманан, или «султанов», к которому принадлежал амонакал, или государь всех северных туарегов; теперь господствующее племя—орагены, кочующие в долинах Иггаргарена, Михеро, Джанета; самое цивилизованное—ифогасы, которых считают специально союзниками французов, по причине покровительства, которое они оказывали европейским путешественникам: шейх этого племени, Отман, сопровождал Ленга в Инсалах и собрал его бумаги; тот же шейх три раза водил французских исследователей в свою страну, между прочим, и Генриха Дюверье; наконец, он же первый решился покинуть родную пустыню, чтобы съездить во Францию. Ифогасы пользуются большим влиянием, как марабуты и продавцы амулеток: их можно встретить во всех северных местностях земли туарегов. Союз племен ахаггар—или хоггар на языке арабов—отличается гораздо более воинственным характером, чем азджарцы. Обитая в гористой области, где их никто не осмеливается преследовать, ахаггарские племена укрываются там, как в крепости, откуда могут удобно делать набеги в соседния территории. Сюзеренное племя ахаггарцев, называемое кель-рела, занимает центр плоскогорья, главную твердыню союза. Начальник его, амгар, есть в то же время вождь всех других племен джебеля. Между ахаггарцами только очень немногие занимаются земледелием; почти все они пастухи. Дюверье определяет общую численность северных туарегов приблизительно в 30.000 человек, что составит немного более тысячи душ на племя; пространство же территории, на которой они кочуют со своими стадами, никак не менее миллиона квадр. километров.

Большинство туарегов—народ рослый: все они худощавы и сильны; белые от природы,

1 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

2 Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.

они делаются смуглыми от влияния солнца; по цвету кожи и по чертам лица их можно смешать с европейцами, но они всегда отличаются неровной, хотя медленной и важной, поступью, большими шагами и гордым держанием головы: Дюверье сравнивает их позу с позой страуса или верблюда, и приписывает ее привычке постоянно носить копье. Между туарегами встречаются голубоглазые, и у женщин этот цвет радужной оболочки считается большой красой. Среди имошаров не увидишь болезненных и рахитиков: слабые, хилые быстро уносятся в могилу, но зато те, которые выживают, не боятся никакой хвори, не знают устали; между ними не редкость встретить столетних стариков. Этим завидным здоровьем туареги, без сомнения, обязаны своей крайней умеренности в пище: между прочими обидными кличками, которыми эти африканцы щедро осыпают арабов, они обзывают последних «большими едоками», обжорами; сами они едят только раз в день в пути и два раза во время пребывания в становище: зерна, финики и смоквы, ягоды сальвадоры персидской (Salvadora persica), зелень, немного мяса—вот и все их яства; им запрещено обычаем питаться птицами и рыбой; одни только марабуты позволяют себе употреблять в пищу мясо этих животных. Самые обыкновенные болезни у туарегов—ревматизм и офтальмии (глазные болезни); происхождение этих недугов объясняется привычкой спать ночью на голом песке и отражением яркого солнца на дюнах. У этих обитателей пустыни зрительный аппарат не такой, как у жителей оазисов: у первых глазное яблоко, маленькое и глубоко-впалое, защищено очень густыми бровями, ресницы очень длинные, роговая оболочка отделена от склеротики беловатым кругом, и весь глаз имеет красноватый цвет, зависящий от обилия кровеносных сосудов[1].

Известно, что для защиты зрения от блеска солнечных лучей и от пыли, поднимающейся с песков, туареги всегда ходят с закрытым лицом, и этот обычай в конце концов обратился в своего рода религиозный обряд у мужчин; даже ночью они не снимают вуаля, оправдывая эту привычку тем, что приличие требует прятать рот, служащий дверью, через которую вводится пища в тело[2]. Так же как тиббусы и большинство других сахарцев, туареги уже с незапамятных времен получили от своих соседей арабов название «Ахэль-эль-Лицам», т.е. «Люди с покрывалом на лице». Благородные и богатые носят обыкновенно черный вуаль; люди низшей касты, у которых иногда преобладает негритянская кровь, отдали предпочтение белому покрывалу: таким образом нация делится в глазах арабов на два класса—«Черных» и «Белых», то-есть в обратном порядке с цветом кожи. Женщины никогда не закрывают себе лица, разве только перед иностранцем, в знак уважения. Подобно арабам, северные туареги бреют голову, оставляя только ряд волос от лба до затылка, род гребня, который поддерживает ткань, служащую вуалем и позволяет воздуху циркулировать вокруг головы. Мужчины, по достижении возраста, когда можно носить оружие, надевают себе на правую руку кольцо из зеленого серпентина, чтобы придать, говорят они, больше силы двухглавой мышце, когда рука наносит удар саблей; кроме того, туареги никогда не разлучаются с длинным кинжалом, привязанным к предплечию кожаным браслетом. Обыкновенное их оружие—копье и меч; теперь они употребляют также ружье, называя его «оружием измены». Они не татуируются, но при помощи индиго в порошке красят себе в синий цвет лицо и руки, от плеча до кисти; что касается остального тела, то оно облечено в тот же цвет самым костюмом, состоящим из синей бумажной блузы и таких же штанов,—костюмом, напоминающим одежду древних галлов. Женщины же раскрашивают себя охрой: таким образом туареги, хотя белые от природы, кажутся синими или желтыми. Никто из них никогда не моется, потому что воде приписывают свойство делать кожу более чувствительной к переменам температуры: предписанные религией омовения исполняются, для виду, с помощью песка или камешков.

Нравственная характеристика туарегов была представлена, может-быть, в слишком лестном свете французским путешественником Дюверье, который не мог нахвалиться любезно-

1 Bonnefont, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 5 fevrier 1885.

2 W. Reade, „The Martyrdom of allan".

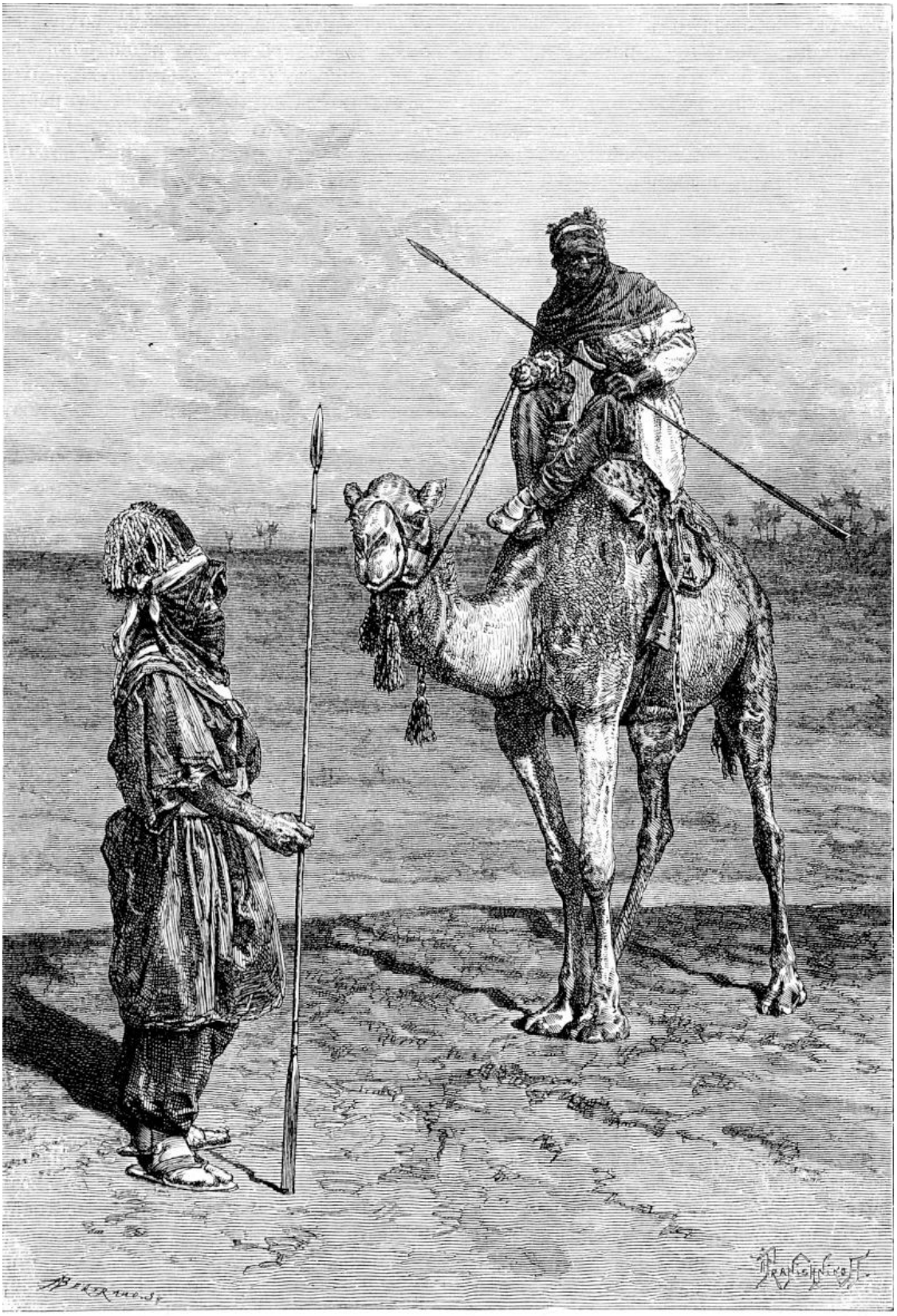
стью и поддержкой, оказанной ему шейхом Отманом, одним из начальников племени ифогас; с другой стороны, трагическая участь миссии полковника Фляттерса и ужасы, которыми она сопровождалась, дотого возмутили общественное мнение, что оно стало смотреть на имошаров в массе как на злых, бесчеловечных, алчных и вероломных дикарей. Но нельзя, конечно, применять ко всем приговор, произнесенный над несколькими. Туареги несомненно обладают многими хорошими качествами: они очень храбры, верны слову, данному своему брату-мусульманину, уважают честь друзей. Туарегский грабитель, который иной раз трясется десять дней на спине мегари, чтобы украсть скотину у враждебного племени, не тронет склада, оставленного караваном; должник и его наследники никогда не забывают своего долга, точно так же, как ни обиженный, ни его дети никогда не забудут отплатить за занесенное оскорбление. Впрочем, между различными племенами туарегов замечается большая разница: азджарцы, и особенно ифогасы, гораздо менее свирепы, менее дики, чем ахаггарцы; этим последним и должны быть приписаны те кровавые деяния, которые навели страх на алжирские населения. Туарегскому обществу свойственны пороки, вытекающие из его социального устройства, существенно аристократического, основанного на рабстве, и потому презирающего труд, как недостойный свободных людей, прославляющего войну и грабеж, как величайшие подвиги. Некоторые из племен—благородные, *шаггарен*: это единственные племена, пользующиеся политическими правами и обладающие властью, единственные, люди которых, по достижении сорокалетнего возраста, могут заседать в советах и проявлять ораторские таланты, которыми так гордятся благородные туареги: ремесло их—война; труд был бы для них бесчестием. Да и зачем им трудиться, когда для этого есть покоренные племена, которые платят им дань, и в особенности племена порабощенные, крепостные, передаваемые по наследству и в форме дара, так называемые *имрад* или «скотники», которые занимаются скотоводством в пользу своих господ и собирают плоды в садах и лесных чащах? Кроме того, у них имеются черные невольники и вольноотпущенные, остающиеся в крепостном состоянии. Что касается марабутов, также причисляемых к людям благородного происхождения, то они тоже имеют клиентов и рабов, работающих на них, и взимают свою долю с богатства жителей; впрочем эта доля во всякой другой стране была бы очень скудным рессурсом. За исключением оазисов, возделываемых руками имрадов, в Джанете, в земле Азджар, в Иделесе и в Тазеруке, в земле Ахаггар, не наберется, вероятно, и тысячи гектаров под культурой на всей территории туарегов, а промышленность ограничивается мелкими работами, необходимыми для выделки и переработки кож, гончарного производства, фабрикации грубой мебели, починки оружия. Кузнецы составляют уважаемую корпорацию; жены их, почти такия же сильные, как и они сами, помогают мужьям ковать железо. Старые цистерны, высеченные в камне в местностях, ныне пустынных, доказывают, что прежде там земледелие было гораздо более развито. В наше время бедность края так велика, что голодающие часто ходят на поиски муравейников, чтобы поживиться семенами дрина, собранными запасливыми насекомыми; они оставляют несколько горстей хозяевам муравейника, а из остального забранного семени приготовляют себе род кускуса[1].

Традиции матриальхального быта сохранились до сих пор у северных туарегов. По обычному праву, называемому арабами Бени-Уммиа, т.е. «Сыны Матери», старший сын старшей сестры всегда пользуется привилегией при дележе наследства; в случае смерти главы семейства,—все равно, будет ли то благородный, марабут, данник или раб,—имущество его делится на две части: «правое», приобретенное трудом, и «неправое», завоеванное с оружием в руках; первое распределяется поровну между всеми детьми, без различия возраста и пола; неправое же имущество переходит целиком к старшему сыну старшей сестры: так поддерживается могущество крупных феодальных фамилий[2]. Когда завоеванная территория должна быть поделена между племенами, она отдается вдовствующим дамам дворянства: таков старинный закон, который, повидимому, соблюдался всеми санхеджами Африки до магоме-

1 Margueritte, „Chasses de l'Algerie".

2 H. Duveyrier, цитированное сочинение.

танского нашествия, и который сохранился у многих других берберских наций, кроме туарегов. У имохагов или имошаров дети всегда сохраняют звание матери; как гласит формула из традиционного права, «чрево дает окраску ребенку»: сын невольника и благородной принад-



Туарегъ въ набѣгѣ.

лежит к дворянскому сословию; сын дворянина и невольницы считается рабом. Впрочем, в обыденной жизни женщина равноправна с мужчиной, а во многих отношениях поставлена даже выше его. Она свободно располагает своей рукой, и родители вмешиваются только в

том случае, когда нужно помешать заключению неравного брака; она сама управляет своим личным имуществом, не будучи обязана содействовать покрытию расходов хозяйства: оттого жена вообще богаче мужа; ей принадлежит воспитание и руководительство детей; на праздничных собраниях ей всегда уступают первое место, а за трапезой она получает лучшие куски; но обычай запрещает ей пить кофе или чай, предоставленные исключительно мужчинам. Часто она допускается к участию в советах племени; иногда же она исполняет функции шейха и в этом случае пользуется двойным почетом—как глава племени, и как женщина. Вопреки Корану, туарегские женщины воспретили многоженство, и нет примера, чтобы воин имел двух жен; развод дозволен, но новая супруга не может вступить в супружеский очаг, пока не будет надлежащим образом устроена судьба отвергнутой жены. Ранние браки здесь не в обычае, как у арабов, и когда туарегская девушка берет себе мужа, что бывает обыкновенно около двадцати летнего возраста, она уже обладает достаточной силой воли и съумеет заставить уважать свои права. Подобно супругу, она может ездить верхом на мегари и путешествовать по пустыне для посещения родственников и друзей, не будучи обязана кому бы то ни было отдавать отчет; но она редко злоупотребляет этой полной свободой, ибо, по выражению Дюверье, туарегская женщина, «ревниво охраняющая свои права, так же строго относится и к своим обязанностям»; кажется, однако, что в соседстве Рата детоубийства с целью сокрытия плода незаконной связи не принадлежат к числу совершенно неизвестных преступлений. Впрочем, обычай отнюдь не воспрещает туарегским дамам иметь, подобно средневековым владетельницам замков, ухаживателей, servants d'amour, в честь которых они вышивают вуали или сочиняют стихи. На вечеринках, которые они дают, забавляя гостей пением, под аккомпанимент барабана или тобола и особого инструмента в роде скрипки, называемого ребаза, они усаживают на почетное место тех, кого отличили, и никто не позволит себе порицать их выбора. Особенно женщины племени иманан, прозванные «царственными», славятся своим музыкальным талантом, прелестью и поэзией своих импровизаций; оттого на их вечеринки мужчины приходят за сотни верст вокруг, наряженные в лучшие свои платья. После войны туареги ничего так не любят, как музыкальные вечера, и в битвах победители, чтобы нанести последний удар побежденным, кричат им, что они не будут встречены пением своих жен.

Поэтессы и музыкантши нации, женщины являются также хранительницами сокровища знаний. У азджарцев почти все женщины умеют читать и писать, тогда как из мужчин едвали треть достигает этой степени образования. Женщины обучают родному языку и грамматике, пишут тефинагскими буквами, мало отличающимися от письменных знаков, найденных на камне в Тугга, современном карфагенской эпохе. Почти всегда бывая в пути по ночам, мужчины знают в совершенстве форму и движение созвездий; но эта наука, вместе с изумительным знанием местной топографии, есть единственная, которою они обладают; всякое ученье и образование они предоставляют женщинам. Когда Дюверье привез в край «Темашекскую грамматику» Ганото, это событие произвело настоящую революцию в женском мире: все дамы хотели видеть, осязать, изучить это чудесное творение, которое восхваляло их язык и содержало, кроме того, много незнакомых им басен, стихотворений, историй. Эта грамматика, вместе с другими сочинениями того же рода и с отрывками из библии, изданными в Лондоне, составляют ныне всю темахагскую литературу; берберский перевод Корана, сделанный некогда в Марокко, был уничтожен, в тех видах, как рассказывает Ибн-Халдун, чтобы слово Аллаха не подвергалось человеческим толкованиям. Все произведения письменности, какими обладают туареги, составлены на арабском языке; на этом же диалекте ведется корреспонденция и пишутся амулетки.

Подобно своим единоплеменникам, кабилам Джурджуры, имошары, обитатели Тассили и Ахаггара, не особенно ревностные мусульмане; они предоставляют марабутам заботу молиться за них; редко встретишь имошара, который бы дал себе труд исполнить какую-нибудь, даже самую легкую, религиозную церемонию. Но многие обряды, происхождение которых относится ко временам, предшествовавшим введению ислама, сохранились до сих пор: крест для имошаров—священный символ, и небесных духов они называют ангелами,

анджелус[1]. Туарег страшно боится духов и привидений. Он ни за что не будет оплакивать покойника, из опасения, чтобы тот не воскрес. По совершении обряда погребения, становище переносится на другое место для того, чтобы положить пространство между живыми и умершим; сыну никогда не дают отцовского имени, как это делают арабы: это имя должно умереть вместе с человеком, который его носил. Одни только марабуты, арабизованные религией, приняли для родовых прозвищ обычай своих просветителей. Впрочем марабуты работают медленно, даже сами того не сознавая, над доставлением преобладающего влияния арабским нравам. Когда их призывают в качестве судей или посредников, они решают дела на основании Корана. Что касается внутреннего благочиния племен и родов, то оно поддерживается единственно силой обычаев. Лестница наказаний, налагаемых шейхом, исчерпывается пеней и бастонадой (палочными ударами); тюрьма, смертная казнь никогда не применяются законным порядком: обиженному предоставляется самому отплатить кровью за кровь.

Соседство алжирской территории поставило туарегов в сношения с французами, и распространение культуры на юге французской колонии неминуемо поведет к развитию и усилению этих сношений. Вследствие путешествия Анри Дюверье, один шейх ифогасов, в сопровождении некоторых других туарегов, посетил Алжир и даже Париж: можно было думать, что, благодаря этим новым союзникам, дороги Судана будут открыты караванам, отправляющимся из Лагуата и Бискры. Даже в 1862 г. был заключен в Гадамесе формальный договор между французским уполномоченным Миршером и туарегскими шейхами племен азджарского союза, при чем на одно из этих племен, по имени ораген, специально была возложена обязанность конвоировать путешественников и товары во время их следования через Сахару; но этим трактатом и ограничились дружественные сношения. С этой эпохи, как известно, было несколько случаев умерщвления путешественников, и члены миссии Фляттерса погибли под ударами вероломных туземцев. Правда, ответственность за эти злодеяния не может быть возложена на всех туарегов: азджарские шейхи отмстили смерть Дурно-Дюперре и Жубера на виновниках преступления, а что касается измены, положившей конец последней сахарской экспедиции, то ее приписывают исключительно ахаггарцам; есть даже несомненные доказательства того, что после избиения миссии Фляттерса ахаггарцы сделали набег на территорию ифогасов и перебили у них много народа, чтобы наказать их за то, что они «привели христиан в страну»[2].

Очевидно, что если французы, рассматриваемые как военная держава, захотят открыть себе дорогу через джебель Ахаггар, то им легко будет это сделать, послав туда достаточную вооруженную силу, настолько значительную, чтобы ей даже не было надобности устранять неприятеля, так как этот неприятель не в состоянии будет оказать сопротивление. Тридцать тысяч жителей, много-много что десять тысяч воинов, на пространстве вдвое большем Франции, не имели бы, если бы даже соединились, достаточных ресурсов для защиты своей территории против отряда, солидно организованного и снабженного смертоносными снарядами, какие доставляет современная индустрия: никогда больше двухсот туарегов не соединяются в одну шайку, потому что в их крае не существует колодцев, где бы можно было напоить быстро двести верблюдов[3]. Между тем французы имеют в своем распоряжении орудия, позволяющие им рыть колодцы в дороге; кроме того, они могут перевозить с собой запасы воды, как это делали Рольфс и Циттель во время своей памятной экспедиции 1874 г. через Ливийскую пустыню, когда они шли двадцать два дня, не встретив ни одного источника или колодца[4]. При том дорога из Уарглы в сердце джебеля Ахаггар хорошо известна, и можно заранее с точностью указать пункты, где должны быть помещены продовольственные посты: колодцы Моханца, Аин-Беида, Эль-Биот, зауйя Темассинин, джебель Хонфуса, Аин-эль-

1 „Annales de la Propagation de la Foi“, 1869
2 Frederic Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.
3 H. Duveyrier, цитирован. сочинение.
4 „Briefe aus der libyschen Wuste“.

Хаджажд, Менгуг, Амгидский колодезь, солончак Амадгор—вот естественные этапы на дорогах Джанета, в земле Азджар, или Иделеса, в земле Ахаггар. Некоторые из этих станций, кажется, имели довольно важное значение в предшествовавшую историческую эпоху, о чем свидетельствуют сохранившиеся каменные ограды и стены, первоначальное назначение которых не известно. Это, очевидно, не мечети среди пустыни, какие встречаются в других местностях Сахары, потому что туареги, когда останавливаются около этих развалин, не высказывают к ним ни малейшего почтения[1].

Но туареги не в самой их земле всего более уязвимы, ибо им легко менять места становищ, убегая перед наступающим неприятелем за сотни верст. Это в местах торга, где они должны запасаться жизненными припасами, можно нанести им самый чувствительный удар. Окруженные почти со всех сторон песками или скалами, они находятся относительно продовольствия в естественной зависимости от больших оазисов—на востоке от Гадамеса и Рата, на западе от Туата, прозванного «садом пустыни». Открытие рынков Туата алжирским французам было бы в то же время открытием долин джебеля Ахаггар.

V. Туат.

В собственном смысле под Туатом понимают лишь узкую равнину, окаймляющую на востоке ложе уэда Саура, Мессаура или Мессауд, выше того места, где течение его теряется в песках или в ущельях гор; но в обыкновенной речи имя Туат,—слово берберское, означающее «Оазисы»,—применяется к совокупности пальмовых лесов, рассеянных в пустыне между землей туарегов и областью больших западных дюн. Гурара, которую эти песчаные горы окружают на севере в виде обширного амфитеатра, составляет часть Туата, также как и полоса земли, увлажняемой подземными водами, от Карзаса до Таурирта; наконец, оазисы Тидикельт, составляющие самую значительную группу культурных земель, тоже принадлежат к территории Туат. Можно сказать, вообще, что Туат есть область потретичного аллювия, развертывающагося в форме полумесяца на западе и юге большого мелового плоскогорья Тадемаит: на севере, дюны западного Эрга; на западе, по другую сторону уэда Саура, песчаное море Игиди; на юге, девонское плато Мундир—составляют естественные границы равнин Туата; впрочем, каменистые гамады и цепи дюн делят эти равнины на уединенные бассейны.

Торговые сношения так часты между Берберией и Туатом, естественным центром обмена в Сахаре, что легко можно бы было получать от тамошних уроженцев все желаемые сведения; но что касается европейских путешественников, то до сих пор еще очень немногие проникали к этим мусульманским населениям. При содействии шейха ифогасов Отмана, Ленг посетил Туат в 1826 г., в эпоху, когда жители этих оазисов еще не имели повода опасаться, что руми могут придти и овладеть их территорией. В 1861 г. французские офицеры Колонье и Бюрен, пройдя пояс больших дюн на юге Орании, вступили в Гурару, но дальше их не пустили, и они должны были вернуться в Алжирию, не исполнив своей миссии. Герхард Рольфс, более счастливый, прожил в оазисах Туата более месяца, в 1864 г., но под видом мусульманина и в качестве посланца Уэццанского шерифа; он догадался похвастать знаменитой генеалогией, выдавая себя за потомка фамилии Абассидов. Верующие приходили почтительно целовать полы его хаика и повсюду разносили молву о совершаемых им чудесных исцелениях больных и немощных: рассказывали, что он даже возвращал зрение слепым[2]. Десять лет спустя, Солелье, пришедший с севера, тоже явился в Инсалахт; но он не был ни Абассид, ни магометанин: тщетно просил он пропуска в оазис и должен был вернуться в Эль-Голеа, с четырьмя своими спутниками. Три католических миссионера, следовавшие той же дорогой в 1876 г., были убиты в пути, прежде чем достигли Туата.

1 Frederic Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

2 „Reise durch Marokko“.

Что касается материальных препятствий к достижению «Оазисов», то они относительно очень не велики; от Эль-Голеа до Тимимуна, в Гураре, выбор пути не представляет ни малейшего затруднения: стоит только следовать между областью больших дюн и западным обрывом мелового плоскогорья по долине уэда Мегиден, занятой четвертичным аллювием «сахарской» формации. Даже когда идут прямо через плоскогорья, чтобы попасть из Эль-Голеа в Тидикельт, и то встречают через известные промежутки дхайи, колодцы и пастбища; дюны приходится переходить, в первый день ходьбы, к югу от Эль-Голеа, всего только на протяжении 4 километров, а каменистые, лишенные растительности гамады тщательно обставлены вехами, указывающими направление пути: меджебель, или обычная дорога караванов, в большей части её протяжения очищена от камня на нормальной ширине от восьми до десяти метров; все камни, большие и малые, убраны и сложены по обе стороны дороги, в виде грубых стен. Когда совершен этот громадный труд—не известно; туземцы племени шанба приписывают его легендарному богатырю, по имени Бен-Буор, жившему в ту отдаленную эпоху, когда Туат еще не был обитаем[1].

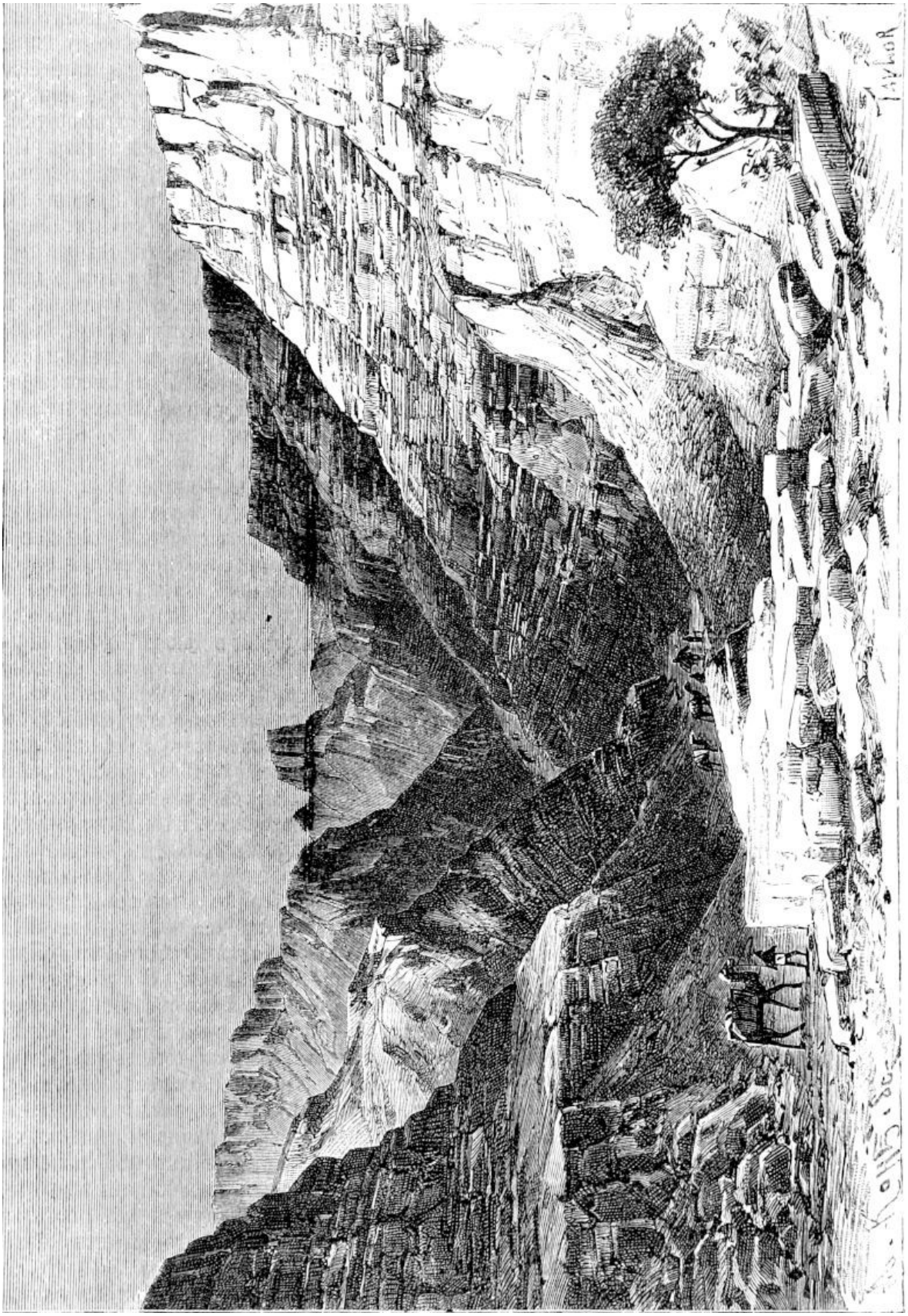
Естественные произведения Туата ничем не отличаются от произведений других стран центральной Сахары, находящихся в тех же условиях относительно высоты местоположения и климата. Главное дерево в этих оазисах, как и в оазисах Марокко и восточной Берберии,—финиковая пальма; но, за исключением некоторых разновидностей, она дает менее ценимые плоды сравнительно с финиками из Суфа и Тафилельта. Пальмы Туата вообще мелки, но дерево их лучше и крепче, чем от пальм западных оазисов. В тени пальм сеют пшеницу, ячмень и бешну, которая дает две жатвы в год; фруктовые сады производят также гранаты и виноград, но в малом количестве, так как сильная жара обыкновенно выжигает эти плоды. Туатцы получают также, при помощи искусственного орошения своих садов, овощи разного рода; но местного производства все-таки не хватает, и жители вынуждены покупать в алжирском Телле недостающее количество жизненных припасов; впрочем, часть оазиса занята под культуру промышленных растений—хлопчатника, лавзонии (lawsonia inermis), корунки (calotropis procera), кустарника, древесина которого дает уголь, употребляемый при выделке пороха. Опиум, который туатцы курят со страстью, культивируется преимущественно в северных оазисах, тогда как табак составляет один из главных продуктов южных оазисов. Домашния животные те же, что и в других оазисах, только здесь они малочисленнее. Верблюд в Туате—главный товарищ человека, как вьючное и как верховое животное; лошади, которых кормят, как и ослов, попорченными финиками, очень редки; коров совсем нет; овцы, покрытые волосами, как козы, походят на своих родичей в Тибести, а куры по величине не больше европейских цыплят[2].

По мнению Рольфса, первыми насельниками Туата были туареги, как о том свидетельствуют названия разных сортов фиников, почти все на темахакском языке, и эти первоначальные обитатели края некогда находились, также как горцы Ауреса и Ахаггара, под влиянием римской и византийской цивилизации, судя по тому, что употребляемые в этом оазисе имена месяцев заимствованы из латинского календаря. Впрочем, в Туате еще существуют туарегские населения несмешанные, говорящие только берберским языком и живущие в пальмовых шалашах или в палатках; даже между туземцами, называющими себя арабами, есть чистокровные берберы: таковы кельмеллель, живущие недалеко от Инсалаха; они только из тщеславия причисляют себя к арабам, то-есть к расе пророка. Другие берберы, шеллахского племени, как большинство марокканцев, составляют основу населения в оазисах и говорят еще берберским наречием, мало отличающимся от диалектов Западного Магреба. Арабы тоже представлены в Туате различными племенами, марабутскими и другими; но как арабы, так и берберы, в сильной степени смешались с нигрицийскими элементами. Редко встретишь туземца с белой или смуглой кожей; почти все они черные; лицо у них шире, нос менее правильный, но улыбка приятнее и взгляд ласковее; женщины, которые никогда не

1 P. Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algerie, Mzab, Tildikelt".

2 G. Rohlfs, „Reise durch Marokko".

закрывают лица, как мусульманки в городах Телля, очень грациозны и свободно разговаривают с мужчинами. Туатцы добродушны, как негры, и имеют многие хорошие качества: между прочим, хвалят их честность в торговых делах, уважение к иностранцу, миролюбие;



Спускъ въ Эгуэри.

но при этом они отличаются узким и ревнивым фанатизмом: усердием в деле веры они превосходят все другие магометанские населения Северной Африки. Несмотря на бедность края, подаяния, собираемые там эмиссарами Уэццанского шерифа, составляют, в общей

сложности, кругленькую сумму в пятьдесят тысяч франков, а сколько еще других марабутов приходят взимать с жителей религиозные поборы! В последнее время сенусии тоже водворились во многих оазисах страны[1]. Если Туат закрыт французам, то это не из одного только опасения, чтобы они не овладели краем, но также и потому, что они руми.

Однако, в минуту страха, миролюбивые туатцы пришли к мысли, что для того, чтобы избегнуть завоевания, им всего благоразумнее будет самим просить протектората Франции и платит ей дань, как они платили прежде алжирскому дею. В 1857 г. из Инсалаха были отправлены посланцы с поручением вступить в переговоры о заключении трактата, подобному тому, какой связывал тогда нацию Бени-Мзаб с Францией, и который оставлял этому племени полную политическую и административную независимость, в замен изъявления вассальной верности и преданности; но это посольство не имело успеха[2]. Четыре года спустя, военный караван, под управлением Колонье и Бюрена, явился в Гурару. Жители Туата подумали, что это исследование будет началом завоевания, и вскоре после того мкаддемы отправились к Фецскому двору с дарами, состоявшими из пяти тысяч франков и двадцати молодых негритянок, чтобы просить в замен покровительства его шерифского величества[3]. Марокканский султан, уже духовный сюзерен Туата, охотно обещал свою поддержку; но до сих пор не послал еще своего наместника, который служил бы представителем его власти в оазисах. Авторитет его остается чисто фиктивным, и деловые сношения ведутся по-прежнему с французской Алжирией. Политическая власть принадлежит джемаа в каждом оазисе; но рядом с этими народными собраниями, мкаддемы монастырей и шейхи племен пользуются значительным и часто преобладающим влиянием.

Гурара,—по-берберски Тигурарин или Тиджурарин,—есть северная часть Туата, всего более зависящая от Алжирии по своим торговым сношениям; с географической точки зрения она даже составляет непосредственное продолжение французской колонии, так как воды её оазисов вытекают подземными путями с Жеривильских гор. Различные речки, изливающиеся в пустыню, уэд эн-Намус, уэд эль-Гарби, уэд Сеггер, уэд Зергун и промежуточные ручьи исчезают по выходе из своих долин, под песками Эрга, но воды продолжают течь под дюнами, чтобы снова, выступить на поверхность земли, к югу от моря сыпучих песков; охотники на газелей и грабители из племени шанба, желая составить себе понятие о направлении долин, обследовали в разных местах фейджи, или впадины, соответствующие подземному проходу вод[4]. Избыток влаги, содержащейся в земле, сочится в большую себху, или солонцеватую низменность, развертывающуюся в форме полумесяца, в южный залив Песчаного моря: иногда довольно трудно переходить эту солончаковую равнину, по причине недостаточной плотности сырого грунта. Вокруг этой себхи, длина которой, с севера на юг, около сотни километров, следуют один за другим оазисы и укрепленные ксары, которых насчитывают до восьмидесяти; кажется, прежде число их было еще значительнее, так как в разных местах встречаются разрушенные ксары, среди заброшенных плантаций, дающих еще немного фиников, без искусственного орошения[5].

Население Гурары,—имя, под которым специально понимают область, лежащую к северу и к востоку от себхи,—в огромном большинстве берберское, принадлежащее к расе зената; впрочем, племя мехарса, населяющее северный оазис, Тин-эр-Кук, арабского происхождения, и часто семьи народца улад-сиди-шейх располагают свои становища в этом оазисе, вокруг пальмовых рощ города Табель-куза. К западу от себхи, в оазисе Шеруин, население, славящееся своей храбростью, тоже в большей части арабского происхождения. В совокупности оазисы, окружающие себху, содержат несколько миллионов пальм: семь ксаров Дельдул или Дельдун, принадлежащих племени зуа, одни имеют в своем владении слишком во-

1 Rinn, „Marabouts et Khouan“.
2 O. Mac Carthy;—P. Soleillet, цитиров. сочинение.
3 G. Rohlfs;—Soleillet, цитированные сочинения.
4 Parisot, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1880;—Duveyrier, etc.
5 A. Coyne, „Une Ghazzia dans le Grand Sahara“.

семьсот тысяч деревъ; на югѣ себхи все время идешь въ тени лесовъ на пространстве 15 или 16 километровъ. Сады Гурары орошаются не поверхностными проточными водами, а фогаратами (феггагир) или колодцами с подземными галлереями, в роде ханатов, устраиваемых в Персии и Афганистане. Многочисленные себхи, рассеянные в равнине вокруг главной низменности, вероятно, и служат причиной страшных лихорадок, свирепствующих в оазисах в летние месяцы: туземцы дали этим болотным лихорадкам, неизвестным в остальном Туате, название *ихруд*, что значит «болезнь-истребитель».

Главный оазис, простирающийся вдоль восточного берега большой себхи, называется Тимимун: здесь стоит, окруженный зубчатыми стенами, самый многолюдный город Гурары и даже всей группы оазисов; его обыкновенно величают столицей Туата, и шейх, имеющий там пребывание, есть одно из могущественнейших лиц страны; соседняя зауйя, принадлежащая ордену тиджания, тоже пользуется значительным влиянием на окрестные населения. Тимимун—один из трех главных рынков Туата и всего чаще посещается караванами из Алжирии, состоящими преимущественно из купцов племени гамиан. Однако, этот город не отмечен на картах как одна из станций будущей транссахарской железной дороги: песчаное море, облегающее с севера оазисы Гурары, заставляет путешественников делать обход, либо на востоке на эль-Голеа, либо на западе через Бени-Аббас, Карзас и долину уэда Саура.

Бени-Аббас, сборное место для караванов, есть первый оазис на уэде Саура, ниже Игли и впадения верхних потоков: селение, насчитывающее около 600 жителей, сдавлено между дюнами, обступающими его с двух сторон. Нигде в мусульманском мире не найдется более разительного примера могущества духовных братств: здесь представлены целых пять орденов, и все они, конечно, взимают дань с населения[1]. Один из этих орденов, содержимых усердием верующих, имеет свой главный монастырь в сотне километров ниже, в городе Карзасе. Расположенный на левом берегу уэда Саура в узкой аллее, образуемой этим речным руслом между двух песчаных морей, между Эргом на востоке и дюнами Игиди на западе, Карзас тоже служит обязательным этапом для путников, спускающихся с высоких марокканских и алжирских долин верхнего бассейна или поднимающихся по усеянным оазисами равнинам Туата. Находясь на большой дороге пустыни, Карзас был бы открыт всем нападениям, если бы с общего согласия окружающих народцев не сделался нейтральным городом: самая беззащитность охраняет его от набегов; в нем нет никаких стен; все приходящие в зауйю находят радушный прием, как гости, но редко бывает, чтобы эти гости приходили с пустыми руками. Марабуты Карзаса не только пользуются доходами со своих пальмовых плантаций, которые тянутся вдоль уэда Саура, в виде громадного сада, и производят превосходные финики, между прочим, один особенный сорт, не встречающийся в других местах,—они владеют, кроме того, значительными стадами, которые могут спокойно пускать на пастьбу в окрестные степи и дюны, так как никто не тронет скотины, отмеченной их знаком; наконец, и торговля доставляет им большие выгоды: они являются главными посредниками в торговых сношениях между Алжирией и Туатом. Карзасские марабуты почти всегда женятся очень рано, до наступления пятнадцатилетнего возраста. Управление общиной не наследственное, как во всех других зауйях, не сын наследует достоинство отца: в шейхи всегда выбирается старший по летам[2].

За Карзасом следуют другие ксары в долине Сауры. Одно из этих местечек, Улад-Раффа, так же значительно, как город марабутов; оно населено племенем гененма или генанема—рльнема, по Рольфсу,—мусульманами не особенно ревностными, так как вместо того, чтобы самим поститься во время рамазана, они нанимают какого-нибудь субъекта, готового подвергать себя воздержанию за других. Впрочем, это—бедняки, вечно голодающие и живущие грабежем, потому что почти все возделанные земли долины принадлежат нескольким отдельным лицам: господствующая система крупного землевладения также составляет бич оазисов. Не трудно было бы увеличить площадь садов в долине, так как хотя вода редко быва-

1 H. Duveyrier, „Historia des Explorations au sud et au sud-ouest de Geryville“.

2 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

ет видима в русле уэда Саура, но средняя часть песков всегда влажна, и чтобы найти фильтрационный поток, достаточно разрыть землю до глубины нескольких сантиметров или нескольких футов. Ниже Улад-Раффы, песчаниковые холмы, обступающие реку, и основание которых образует запруду, заставляют воду выходить на поверхность; в этом хенеге, называемом Фум-эль-Хинк, находятся постоянные лужи, гельта, всегда наполненные жидкостью, несколько солоноватой, но годной для питья[1]. К югу от этого дефилея, во многих местах были с успехом вырыты фогараты, питаемые подземными водами, и обширные болотистые пространства залегают в долинах дюн на западной стороне уэда Саура. Над одной из этих себх стоит ксар эль-Угарта, населенный бераберами и зенатами; западнее, почти на полпути от уэда Саура до Тафилельта, другая себха окаймлена оазисом, состоящим из пяти или шести тысяч пальм и усеянным селениями Табелельт.

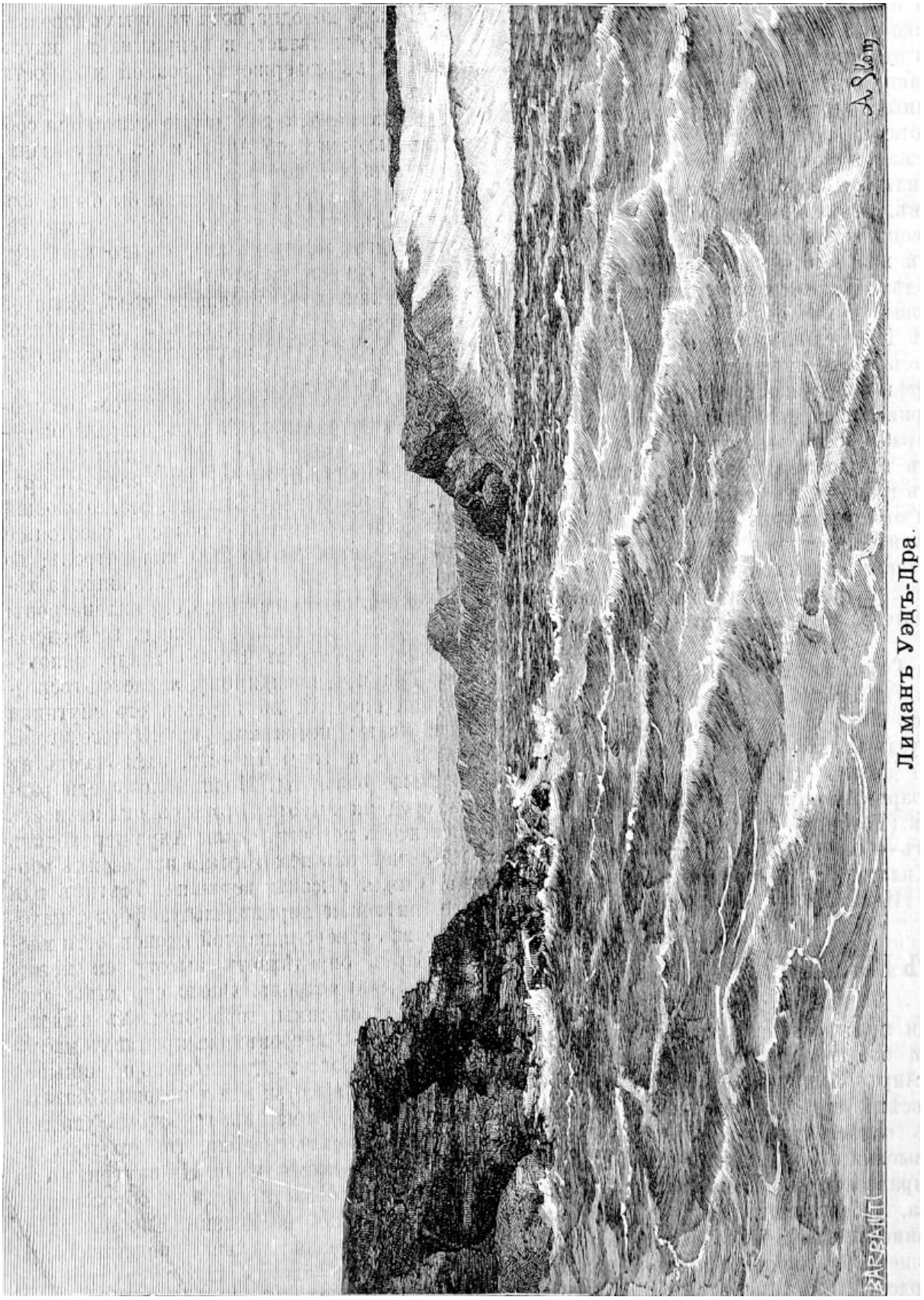
К югу от большой себхи Гурары, оазисы тесно скучены между западными утесами плоскогорья и течением уэда Саура, называемого здесь Мессауд. Оазис Аугерут (Уагерут, Угерут), населенный племенами кенафса и улад-абд-эль-мулат, тянется на пространстве около тридцати километров у подошвы линии высот, изрытых колодцами с подземными галлереями: главный город его состоит из двух частей—собственно города, называемого Шареф, и зауйи Сиди-Аомар. Следующий затем оазис Тсабит меньше предъидущего, но имеет более важное торговое и стратегическое значение, по своему положению на большой караванной дороге; столица его, Бринкен,—один из многолюдных городов Туата, хотя в 1848 г., во время гражданской войны между оазисами, он потерял половину своих жителей и пальм. Далее, в южном направлении, следуют три оазиса: Сба, Буда и Тимми. Во время путешествия Рольфса, группа двадцати ксаров, составляющая оазис Тимми, была самой цветущей во всем Туате; столица её, Адрар, имеющая постоянный рынок, пользуется этой привилегией вместе с Тимимуном, в Гураре, и с городом Таментит, лежащим в 10 километр. к югу от Адрара, по другую сторону солончака, в котором никогда не скопляется вода. Таментит, самой большой город Туата, составляет независимую республику, управляемую собранием (джемаа) именитых жителей и шейхом. Население состоит из хуанов ордена тайбия, которые регулярно посылают свои приношения Уэццанскому шерифу; однако, жители Таментита еврейского происхождения, как и обитатели большей части других оазисов Туата. Обращенные силой в ислам, они сделались яростными магометанами и почти превратились в нигрицийцев, вследствие смешения рас, но по крайней мере сохранили от своего еврейского происхождения большое искусство в торговых делах и способность ко всяким ремеслам: золотых и серебряных дел мастера, оружейники, слесаря, сапожники и портные открыли лавочки на базаре и работают не хуже своих собратий в городах Марокко и Алжирии. Во дворе таментитской касбы туземцы с гордостью показывают «камень, упавший с неба», черную блестящую каменную глыбу, вероятно, метеорит: предание гласит, что он прежде был серебряный, а потом превратился в железо, без сомнения, вследствие нравственной порчи людей.

К югу от Таментита, оазисы, носящие здесь специально имя Туат (южнее он называется Блад-Сали и Блад-Регган), продолжаются вдоль уэда Мессауд до Тиллулина и Таурирта, при слиянии с другим уэдом, вытекающим из восточных плоскогорий. Эта местность одна из самых населенных в области пальмовых лесов; далее идет пустыня, среди которой и теряется долина, либо в солончаковой низменности, как говорили туатцы Рольфсу, либо в ущелье, которое, может-быть, соединяет ее с руслом Тегазерта, реки южного ската Ахаггара. По сведениям, собранным путешественниками Пуйан и Сабатье от многих туземцев, эта река, прерываемая только цепью дюн, которую можно пройти менее, чем в два часа, принадлежит к бассейну Нигера и соединяется с ним болотами, попеременно высыхающими и наполняющимися водой. Но с этой стороны нет более ксаров, встречаются только, на больших расстояниях одно от другого, становища туарегов, подле «водяных пунктов» или колодцев, как Инзиз и Тимиссау.

К востоку от собственного Туата, за каменистым плато или гамадой, шириной около 12

1 A. Coyne, „Une Guazzia dans le Grand Sahara“.

километров, снова начинаются архипелаги оазисов. Там группируются ксары Тидикельта, Аулаф, Титт, Акебли, славящийся во всей Сахаре, как рынок черных невольников и сборное место для купцов, идущих караваном в Судан; в соседстве разрабатываются квасцовые руд-



Лиманъ Уэдъ-Дра.

ники. Важнейшие пальмовые леса находятся в оазисе Инсалах (по-арабски Аин-Салах, или «Источники Мира»), в восточной части Тидикельта. Ряд селений этого оазиса тянется с севера на юг, по берегу себхи и вдоль основания цепи дюн, господствующих над солончаком с

восточной стороны. Колодцы с галлереями, где скопляется вода, просачивающаяся из песков, достаточны для содержания пальмовых плантаций, и в последнее время даже успели значительно расширить площадь культур, на счет себхи и непроизводительных чащей кустарника; в Туате, как и в остальной Сахаре, земля принадлежит тому, кто копает на ней колодцы, содержит их и «оживляет почву»; но эта работа может быть предпринята только целым племенем или могущественными шейхами. В оазисе Инсалах преобладает крупная земельная собственность: шейх и другие члены его рода владеют тысячами пальм и окружают себя сотнями клиентов, которые едят их хлеб и защищают их в случае ссор. В Туате тщательно утилизируют человеческие удобрения, особенно в тех оазисах, где преобладает мелкое землевладение: как китайцы на берегах Янтсекианга, туатские земледельцы устраивают в углу своего сада отхожее место, предназначенное для пользования прохожих.

Между северными ксарами оазиса замечательна Медиана или Милиана, в которую проник путешественник Солелье, в 1873 г. Главное местечко, Ксар-эль-Арб или Ксор-эль-Арб, находится на юге: здесь имеет пребывание шейх, особа очень могущественная, благодаря его богатствам и героическим преданиям рода буджуда, которого он является представителем, а также благодаря его патронату над соседними туарегами и покровительству, которое он оказывает караванам. Племя его, улад-ба-хаму, располагает некоторым числом лошадей, что обеспечивает ему превосходство в битвах, и кроме того, он давно уже вооружает своих воинов ружьями. Бахаму—арабы, также как другое племя, улад-мохтар; но основа населения берберская и говорит языком, приближающимся к туарегскому; кроме того, в Тидикельте, и особенно в оазисе Инсалах, встречаются люди всех рас, существующих в Северной Африке. Племя улад-сиди-шейх основало там четыре деревни; торговцы, беглецы из Тимбукту, из Гауссы, из Гадамеса, из Рата, бени-мзабы ведут там свои дела; негры тоже довольно многочисленны, и целое общество вольноотпущенных, которых, однако, не считаются вполне свободными людьми, составляет касту атриев[1]. Наконец, туареги, которые, по выражению туатцев, «появляются и исчезают, как духи», приходят осенью выменивать на финики мясо антилопы и газели, а также другие мелкие продукты. Некоторые, преимущественно женщины, просят монастырских ученых выучить их читать стихи Корана и объяснить им тайны арабского языка: большинство этих пришлых туарегов ахаггарцы и преимущественно сгомарены, уроженцы плоскогорий Мундир. Во время своего пребывания в оазисе, они строят себе маленькие шалаши из пальмовых веток, по образцу кожаных хижин, в которых они живут на высотах; одежда их, рубаха и штаны, тоже кожаная; только хаик сшит из шерстяной или бумажной материи, как у других туарегов. Сгомарены отличаются от всех своих соплеменников религиозной ревностью, отчего и называют себя арабами, хотя на самом деле они чистокровные берберы.

Кастовый дух довольно сильно развит у туатцев Тидикельта, и представители различных рас редко смешиваются в этой области: шорфы женятся исключительно на девушках, принадлежащих к шерифским фамилиям; арабы, берберы, атрии тоже вступают в брак только между собой. У тамошних женщин тучность в большой чести; молодые девушки откармливают себя, подобно своим сестрам в Карагуэ и во многих других африканских странах, объедаясь молоком и маслом, и с двадцатилетнего возраста делаются дотого толстыми, что едва могут ходить.

Ксары Туата и уэда Саура, с цифрой их населения (по Рольфсу, Койну и Сабатье):

Карзас (уэд Саура)—2.000 жит.; Улад-Раффа (уэд Саура)—2.000; Шеруин (Гурара)—300 домов (1.300?); Шареф и зауйя Сиди-Амоар (Аугерут)—400 домов (2.000?); Бринкен (Тсабит)—3.000; Адрар—2.500; Таментит—6.000; Таурирт—600 домов (3.000); Тиллулин—600 домов (3.000); Ксар-эль-Арб (Инсалах)—1.550 жит.

1 P. Soleillet, „Algerie, Mzab, Tidikelt“.

VI. Аир и плоскогорье Ауэллимиден

Посреди пространства, разделяющего горы Тибести и большой изгиб Нигера, высокие массивы Аир (Ахир по-арабски), окруженные со всех сторон каменистыми плато, образуют самостоятельную орографическую систему, высшие вершины которой расположены по направлению с севера на юг. Эта горная страна, Асбен или Абсен нигрицийцев и несомненно Агезимба Птоломея, только раз была посещена европейцами, именно экспедицией Ричардсона, Барта и Овервега, в 1850 г. Путешественники, прибывшие из Рата, перешли средний хребет Сахары разорванным плоскогорьем Азджар и ущельем Эгери; затем, покинув область песчаников и вступив в область гранитов, следовали сначала в юго-западном, потом в южном направления и достигли колодцев Асиу, одного из важнейших «водных пунктов» пустыни, так как здесь сходятся четыре дороги: из Гадамеса, из Тибести, из Туата и из Агадеса. Четыре колодца, вода которых довольно обильна, но железиста и неприятна на вкус, выкопаны в совершенно ровной местности: два из этих колодцев принадлежат туарегам-азджарцам, а два другие считаются собственностью жителей Аира, и в силу взаимного соглашения, которое, впрочем, не соблюдается, владельцы вод должны бы были воздерживаться от всяких неприятельских действий каждый за пределами своего владения. Несмотря, однако, на этот договор, Барт и его спутники, хотя стоявшие под защитой магометанских проводников, подверглись нападению со стороны азджарцев и были обобраны до-чиста.

Массивы Аира занимают значительное пространство. От долины Тидик, открывающейся на северо-западе северной группы гор, в роде циркумваллационного рва вокруг крепости, до горной цепи Багсен, составляющей рубеж этой возвышенной области, расстояние по прямой линии около 200 километров; по направлению с востока на запад ширина колеблется от шестидесяти до ста километров: так что, следовательно, площадь всей системы можно считать в 15.000 квадр. километров. Гранит, повидимому, является господствующей породой, но Барт и его спутники видели также песчаники; кроме того, горы Аира, как и горы Тибести, заключают в себе также базальты. Поднимаясь среди равнин, средняя высота которых от пятисот до шестисот метров, скалы Аира переходят за 1.500 метров некоторыми из своих вершин. Самая высокая вершина, Тенгик или Тимге, имеющая пирамидальную форму, находится близ северо-западной оконечности массива: Барт определяет высоту её между 1.650 и 1.800 метров. Около середины орографической системы, гора Эгеллат имеет, вероятно, 1.350 метров; два крайних массива, Догем и Багсен, достигают по меньшей мере такой же высоты: идя у подошвы базальтовых скал Догема, в глубоком ущелье, Барт даже думал сначала, что эта гора самая высокая во всем Аире. Ни внутри, ни на окраинах этой области нигде не образовалось долин, похожих на долины Европы: здесь есть только ущелья, овраги, представляющие род шебки или «струи», как русла горных ручьев в Мзабе; но эти овраги, по дну которых бегут бешеные потоки после сентябрских и октябрских ливней, не оканчиваются речными руслами: они либо теряются в однообразном пространстве песков или каменистых гамад, либо приводят к какому-нибудь цирку скал, к котловине, где скопляющаяся дождевая вода образует временные озера, постепенно испаряющиеся. В целом Аир имеет вид массива, который еще не разрезан водами на правильную цепь гор, с боковыми отрогами и поперечными долинами. Здесь, как и в Феццане, впадины или понижения между горами суть единственные годные для земледелия пространства, промежуточные же скалы представляют совершенно бесплодные кручи.

По своей растительности Аир не исключительно сахарская гора: некоторые из его растений свидетельствуют о близости Судана. Самые плодородные впадины покрыты настоящими лесами, где преобладают мимозовые; чащи пальм дум довольно обыкновенны; трава на пастбищах настолько обильна, что жители имеют возможность заниматься не только верблюдоводством, но также разведением зебу, который служит им как рабочим, так и верховым животным; но овец у них совсем нет, а лошади очень редки; на всех поросших травой откосах пасутся во множестве козы. Большинство деревень имеют рощи финиковых пальм и поля, засеянные просом (pennisetum typhoideum); но возделанные земли далеко не так обширны,

как они могли бы быть; в то время, как в Судане полют почву, редкие земледельцы Аира, последние в южном направлении, употребляют еще соху; огромное большинство асбенасов состоит из пастухов и торговцев. Большая часть необходимого для горцев зернового хлеба доставляется суданскими неграми.

Лев, отсутствующий в восточных горах пустыни, часто встречается в Аире, иногда даже группами; это безгривая порода, как лев Индии, и, кажется, отличающаяся от сенегальского вида. Леопард менее распространен, но туземцы боятся его больше льва. Гиены здесь редки, но шакалы бродят во множестве вокруг полей. Дикие кабаны живут в лесных чащах, а обезьяны пробираются даже в рощи и купы деревьев по соседству с домами. Различные виды антилоп, одни уроженцы северной Сахары, другие пришельцы из Судана, разгуливают по окружающим равнинам и проникают в ущелья Аира. Мир пернатых представлен лишь небольшим числом видов, но каждый вид—мириадами неделимых; самые обыкновенные птицы—горлицы и цесарки. Хотя очень богатый животной жизнью сравнительно с остальной Сахарой, массив Аир кажется почти пустынным в сравнении с поясом степей, который простирается на юге, в виде бордюра Судана, отделенного от Аира голым каменистым плато Абадарджен. «Эти степи, говорит Барт, истинное отечество жирафа и длиннорогой антилопы орикс белый (antilope leucoryx); страусы живут там стадами; почва, пугающая лошадей, повсюду изрыта подземными галлереями, где прячется уродливый землекоп эфиопский (orycteropus aethiopicus).

Так же как флора и фауна, население Аира свидетельствует о борьбе и смешении рас между Сахарой и Суданом: берберы и нигрицийцы часто оспаривали друг у друга обладание этой страной. Древние гобераua, некогда господствовавшие в Аире, как гласит предание, были черные берберы, составлявшие один из аристократических родов негрской нации гаусса. Затем, будто бы, явились другие завоеватели, берберы по происхождению, пришедшие с северных гор: это кельгересы, то-есть «жители Гереса»; и итиссаны, причисляемые Ибн-Халдуном к племенам могущественного союза санхеджа. Эти бывшие победители теперь попали в разряд побежденных: вытесненные с гор Аира в первой половине настоящего столетия, они бросились в равнины на запад и юго-запад и поселились в территории, уступленной им ауэллимиденами. Кель-гересы и итиссаны принадлежат к числу тех берберов, которые особенно славятся физической силой, стройностью и красотой: они имеют сравнительно довольно светлый цвет лица и хвалятся чистотой своей крови; они слывут очень храбрыми и, хотя численностью много уступают нынешним владельцам гор Аира, но имеют над ними то важное преимущество, что почти все они конные, тогда как их враги по большей части ездят на верблюде. Воины, сражающиеся на коне, обладают несравненно большей свободой и быстротой в движениях: они составляют как бы одно тело со своим верховым животным[1].

Владетели Аира или Асбена, известные у суданцев под именем «асбенава», сами себя называют кель-ови, т.е. «люди из Ови», по месту происхождения, еще не отысканному историками. Они тоже берберы, и родина их находится на севере от Аира; они даже принадлежат к прославившейся нации аурагенов и могут считать себя «африканцами» по преимуществу, если верно мнение многих ученых, полагающих, что название черного континента заимствовано от имени этих аурагенов или аурига[2]. Но эти аирские берберы не сохранили чистоту своей расы. По преданию, кель-ови, при завоевании края, около 1740 г., дали слово щадить жизнь чернокожих туземцев и в доказательство союза установили правило, что их вождь всегда обязательно должен брать себе в жены черную женщину. Так же поступало большинство воинов, и теперь кель-ови, оставшиеся впрочем «людьми с покрывалом», подобно другим туарегам[3], имеют по большей части очень темный цвет кожи и чертами лица походят на негров Гауссы, с которыми у них много общего и в характере: они такие же веселые, лас-

1 Barth, „Reisen and Entdeckungen in Nord-und Central Afrika“.

2 Garrette, „Origine et migrations des principales tribus de l’Afrique“;—Tissot, „Geographie comparee de la province romaine d’Afrique“;—Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Geographie universelle“.

3 Richardson, „Narrative of a Mission in Central Africa“

ковые и добродушные. «Порода рабов примешалась к породе вольных людей», говорят чистокровные туареги про племя кель-ови, которое они прозвали икелан, то-есть «невольниками». Старый берберский язык «аурагие», теперь испорченный, содержит значительную примесь слов и оборотов гаусского наречия, и большинство кель-ови говорят обоими диалектами. Есть также берберы, забывшие говор своих предков: так, жители Агадеса, в юго-западной области Аира, принадлежат к глоссологическому поясу «сонгая», негритянского идиома, употребляемого в Томбукту. Но старые обычаи матриархального быта еще сохранились у народца кель-ови: в Асбене не муж уводит жену в свою деревню, а наоборот—он следует за ней в дом её родителей; что касается порядка наследования, то имущество, как и власть, переходят не от отца к сыну, а от дяди к сыну дочери; обычаи эти встречаются как у берберских племен, так и у негритянских народцев[1].

Кроме берберов чистокровных и тех, которые из поколения в поколение женятся на негритянках, существует также в Аире, и особенно в соседних местностях, на юге и юго-востоке, смешанное население, происходящее от туарегских женщин, вступивших в брак с неграми племен гаусса и сонгай. Эти метисы, называемые бузауэ или абогелите, лучше сохранили берберский тип, чем кель-ови, но они чернее и меньше ростом; говорят также, что они уже совершенно утратили гордую осанку и мужество, отличающие истых туарегов. Наконец, на большой караванной дороге, направляющейся из Аира к Капо, уже в области степей, живут берберы тагама, «святые», которые носят белую одежду и заплетают волоса в длинные косы, дабы всякий мог издали отличить их. Однако, эти «святые» марабуты скандализируют честных мусульман, торгуя своими женами, которых они предлагают путешественникам. Это один из традиционных промыслов, вместе с охотой на антилоп, скотоводством (разведением зебу) и перевозкой соли между Бильмой и Кано. Берберы тагама признают, как большинство народов Аира, верховную ленную власть агадесского аманокала или султана. Для кель-гересов и итассанов эта сюзеренная власть есть не более, как фикция, и нисколько не мешает междоусобным войнам; но она по крайней мере указывает на существование некоторого рода национальной связи между рассеянными элементами. Все население Аира и соседних территорий, признающих номинально власть аманокала, можно считать приблизительно в сто тысяч душ. В самом деле, три главные этнические группы страны, кель-ови, кель-герасы и итиссаны, могут вместе выставить в поле пятнадцать тысяч человек, не считая невольников; бузауэ, тагама и другие мелкие народцы прибавляют несколько тысяч душ к аггломерации больших племен.

Местечки северного Аира, Селуфиет и Тинтагода, населенные марабутами, представляют собою просто кучки сараев, покрытых ветками пальмы дум. Резиденция второстепенного аманокала, Тинтеллуст, лежащий на высоте 577 метров, при уэде, отделяющем массив Тимге от массива Бундай, тоже состоит из собрания хижин; рассеянные деревья придают равнине вид большого парка; в окрестностях живут знатнейшие семейства народца кель-ови. По числу оседлого населения превзошли Тинтеллуст два местечка, лежащие южнее: на юго-востоке—Тафидет, группа трех деревень, из которых одна служит резиденцией князька, пользующагося репутацией святости, и на юго-западе—Ассоди, который, говорят, некогда был очень многолюдным городом, имевшим до тысячи домов и семь мечетей; и теперь еще там насчитывают около 80 жилых строений. На юге от этого города караванная дорога идет мимо величественной горы Тегерата, с крутыми стенами, оканчивающимися на верху двойным конусом; затем огибает на западе высокие кручи массива Догем и вступает в долину Аудерас, открывающуюся на юго-западной стороне гор, в области каменистых равнин. На севере выходного дефилея, в угрюмом цирке скал, находится мусульманская святыня, мсид или место молитвы, основанное в память обращения язычников Гауссы в веру ислама. Священная ограда состоит из камней, правильно сложенных вокруг площадки, около двадцати метров длиной: высокая акация осеняет место, где имам вздымает руки для молитвы. Ни один правоверный, пришедший с севера, не преминет помолиться Аллаху, проходя подле мсида или

1 Barth, цитирован. сочинение.

макама, славящагося во всей Сахаре под именем Макам эш-Шейх-бен-Абд-эль-Керим.

Прежде столицей Асбена был Тиншаман, город грамотеев и купцов, который теперь не более, как бедная, разоренная деревушка. Население и торговля переместились верст за сорок южнее, в славный город Агадес, самый многолюдный во всей Сахаре: если верить преданию, он имел некогда столько же постоянных жителей, как Тунис, и точные измерения Барта доказали, что пространство, которое занимал прежний город, было вполне достаточно, чтобы вмещать до пяти тысяч обитателей. Эпохой наибольшего процветания Агадеса было начало шестнадцатого столетия: в то время он был главным рынком краевого пояса Сахары и вел непосредственно торговлю с Томбукту и важнейшими городами Судана. Разрушенный в конце прошлого столетия туарегами, он снова поднялся из развалин, и во время путешествия Барта в нем было от шестисот до семисот жилых домов[1]; население его простирается до семи тысяч душ, включая сюда глав семейства и молодых людей, приезжающих на время по торговым делам. Кроме того, в Агадесе проживают в большом числе иностранные купцы, преимущественно уроженцы Туата, самые ловкие купцы в Сахаре, все до одного занимающиеся розничной торговлей: между прочим, они являются складчиками и продавцами хлеба, покупаемого в земле негров. Различие происхождения жителей и их торговые сношения с соседними странами сделали из Агадеса многоязычный город, где одинаково слышатся наречия ауригие, гаусса, сонгай; что касается арабского языка, то его понимают только грамотеи, впрочем, довольно многочисленные; около трехсот детей учатся в мечетях читать на распев стихи Корана.

Агадес стоит на высоте около 750 метров, на краю песчаникового и гранитного плато, воды которого приносят из глубоких слоев почвы некоторое количество соли. Город представляет во многих кварталах вид груды развалин; жилые дома окружены курганами, состоящими из мусора. Единственное, сколько-нибудь замечательное здание Агадеса—это его «башня», служащая в одно и то же время минаретом и сторожевой будкой; имея около 30 метров высоты, она представляет утолщение по середине, как ствол пальмы, и постепенно съуживается к верхушке; но что особенно придает ей странный вид, так это перекладины из дерева пальмы дум, расположенные в форме пола через известные промежутки, чтобы скрепить битую глину стен и выступающие на метр наружу. Промышленность в Агадесе очень слабо развита, и почти все его ремесленники женщины: между прочим, они приготовляют разные изделия из кожи и ткут цыновки; аирские сыры славятся во всей Сахаре. Что касается торговли, то она все еще довольно значительна, но действительно важную отрасль её составляет только перевозка соли: кель-гересы и другие берберы страны организуют целые караваны, чтобы идти за солью в Бильму и перепродавать ее нигрицийцам, по цене от 40.000 до 60.000 каури за груз животного; такой обоз никогда не бывает менее, как из трех тысяч верблюдов. На агадесском рынке во время Барта ходячей монетой были не золото или серебро, не раковины или куски материи, а зерна проса (pennisetum); но прошло уже слишком сорок лет с той поры, как великий исследователь посетил эти области Сахары, а сорок лет—большой период времени в жизни народов.

На запад от Аира, за степями, где живут кель-герасы и итиссаны, лежит еще не посещенная европейцами область возвышенностей, занимающая пространство по меньшей мере в 200.000 квадр. километров. Самое имя её, Адгаг или Адрар, позволяет думать, что эта страна не плоскогорье с ровной поверхностью, но состоит из настоящих гор. Эти высоты, образующие массив в роде Ахаггара и Тибести, поднимаются на севере и северо-востоке от большой дуги, описываемой течением Нигера, к западу от глубокой долины, где сочатся под песками воды уэда Тафассасет, известного под именем Баллул-Бассо в нижней его части, в соседстве с тем местом, где он сливается с Нигером. Южный скат гор Адгаг находится уже в поясе правильных дождей; ветры, направляющиеся к северу, будучи насыщены водяным паром, который сгущается в облака на горных склонах, приносят в долины значительное количество дождевой воды и часто также град; по своему основанию Адгаг принадлежит к Сахаре,

1 Barth, цитированное сочинение.

а по вершинам к Судану. Страна Адгаг, богатая пастбищами и деревьями, которые растут вдоль ручьев, могла бы сделаться африканской Швейцарией, пригодной не только для верблюдоводства, но также и для скотоводства, и жители её, сотнями тысяч, могли бы культивировать аллювиальные земли у выхода ущелий[2]. В настоящее время этот край находится во власти туарегов, различные племена которых известны под общим именем ауэллимиден, и которые называют себя потомками выходцев из стран сахарского Сахеля: предки их жили в западных равнинах, в перемежку с туземцами племени улад-делим, с которыми они и породнились через брачные союзы. Сделавшись владетелями Адгага и окружающих равнин, они соединились с другими берберскими или негритянскими племенами; затем, распространяясь за пределы своей горной страны через Нигер, они проникли далеко в Судан и завоевали некоторые негритянские владения; но и сами, в свою очередь, были частию покорены, с точки зрения этнологической и глоссологической: очень многие из них походят типом лица на негров гаусса, и в язык их вошло множество слов и оборотов негритянских наречий.

Путешественники упоминают также о народцах, еще не обращенных в ислам, которые живут в Ауэллимиденских горах. Эти аборигены, называемые даггатунами, говорят тем же языком, как и туареги, но цвет лица у них белее, и они всегда заключают браки исключительно между собой; ни один туарег, даже бедняк, ни за что на свете не согласился бы выдать свою дочь замуж за богатого наследника из даггатунов. Последние имеют права только чрез посредство туарегского патрона, который за приличную дань соглашается быть «щитом» даггатуна; когда племя отправляется в экспедицию, даггатунов всегда выставляют впереди отряда. По словам еврейского путешественника Мардохея, эти клиенты ауэллимиденов—иудеи, если не по религии, то по крайней мере по расе, и подобно своим соплеменникам они занимаются главным образом мелкой торговлей[1]. Не очень ревностные в своей вере и пренебрегающие постом и молитвой, ауэллимидены не имеют ни школ, ни мечетей; их религиозный центр находится в Судане: марабутами для них служат баккаи, обитающие в Томбукту, которым они посылают свои приношения и от которых получают объяснение Корана и новые учреждения[2]. Так, старинное право матриархата, по которому наследства переходит к сыновьям сестры, не существует более для ауэллимиденских марабутов; оно сохранилось только в гражданском населении. Впрочем, нравы южных туарегов мало отличаются от нравов их северных соплеменников. Ауэллимидены тоже живут в кожаных палатках или в шалашах из рогож; они делятся на благородных и на имрадов, или порабощенных работников; труд у них презирается, и беспрестанные войны приводят их в столкновение с соседями, как с единоплеменниками, каковы кель-герасы и итиссаны, так и с иноплеменниками, каковы прибрежные жители Нигера. Земли, окружающие их территорию, были опустошены и города разрушены. Ни одно становище, ни одно поселение страны не указывается ныне купцами, как заслуживающее названия города; осталось только имя существовавшего некогда города, Тадемакка или эс-Сук, имя, означающее «Рынок» по преимуществу. Этот город был разрушен в последней половине пятнадцатого столетия одним сонгайским завоевателем, но владевшее им племя сохранилось под наименованием Кель-эс-Сук, или «Люди Рынка»; другие туземцы того же племени тадемакка, по сведениям, собранным Дюверье, переходя с места на место, поселились, наконец, в пределах Туниса, где и смешались с народом хумир. Развалины города Тадемакка находятся в лесистой долине, заключенной между двух холмов, на северо-западе территории Адгаг; на западе простирается грозная пустыня Танезруфт, но в соседстве Тадемакки она, повидимому, менее широка, чем в западной части. Здесь проходит, по мнению Пуйана, наиболее удобная дорога между Туатом и Томбукту.

2 Pouyanne, „Notes sur l'etablissement de la carte de la region comprise entre le Touat et Timbouctou".

1 Mardochee;—Leon Philippe;—Duveyrier.

2 M. Duyeyrier, „Les Touaregs du Nord".

VII. Западная Сахара

К западу от поперечной низменности, простирающейся от южной Орании до Нигера, и которая, может-быть, по всей её длине занята речным ложем Мессауры, Сахара не заключает в себе ни одного большого горного массива, который бы образовал особую естественную область. В целом эта обширная страна, охватывающая пространство слишком в два миллиона квадр. километров, состоит лишь из ряда дюн, долин, невысоких гамад, скалистых цепей, маленьких гор, не превышающих 500 метров. Береговые жители уэда Саура дают всей западной пустыне, которая, однако, протянулась в ширину слишком на 1.000 километров, название Сахель, или «Прибрежье», как будто вся эта обширная полоса есть не что иное, как морской берег.

Северная часть этой области Сахары состоит главным образом из каменистых плато и дюн; холмы образуют там лишь маленькие массивы, затерянные словно островки в море. На юге от уэда Драа караванные дороги, направляющиеся к Томбукту, идут в начале через гамады, от 375 до 400 метров средней высоты, разделенные оврагами, русла которых все имеют скат в западном направлении. Поверхность этих плато почти везде состоит из палеозойских формаций, прикрытых новейшими образованиями, которым размывающее действие вод придало причудливые формы башен и зубчатых стен. Некоторые сериры покрыты точно мозаикой, составленной из мириад маленьких камешков кварца, агата, опала и халцедона. К югу от этих плоскогорий простирается, на подобие рукава моря, ориентированного в том же направлении, как система Атласа, то-есть с северо-востока на юго-запад, Большой Эрг песков Игиди, начинающийся в виду Туата, на западном берегу уэда Саура. В том месте, где путешественник Оскар Ленц переходил цепь дюн, к востоку от пользующагося большой известностью колодца Бель-Аббас, сборного пункта караванов, общее движение песков совершается с северо-запада на юго-восток, судя по ориентировке дюн, которые пологим скатом обращены к морскому ветру, а крутым—к внутренности континента[1]: господствующим атмосферным течением в этих областях является морская бриза, происходящая от уклонения правильного пассата. Средняя высота дюн Игиди около сотни метров, но многие гребни поднимаются значительно выше. Песок дюн усеян маленькими черными точками: это кристаллы распавшейся горной породы.

К югу от цепи песков, горы эль-Эглаб, гранитные и порфировые массивы, вздымаются на триста и четыреста метров,—высота, кажущаяся огромной, вследствие контраста с окружающим однообразным пространством. На восток продолжается, неизвестно как далеко, область Танезруфта, обходимая караванами по причине отсутствия там воды, тогда как на юге извивается русло потока, называемого уэдом Сус, как река на мароккской границе, и содержащего иногда жидкую струйку. На юге от сахарского Суса нужно еще переходить другие песчаные пространства, рукава песчаного моря, которое тянется в западном направлении на сотни километров: это область, означаемая на картах под именем Джуф, или «Впадина»; впрочем, Ленц не слыхал этого названия, употребляемого в таком обширном значении: по словам его, оно применяется только к одному оврагу, называемому уэд эль-Джуф. Дорога из Марокко в Томбукту спускается в восточной части этой низменности, но нигде высота её не менее 120 метров: может-быть, к западу Джуф не так высок, но нет причины предполагать, что его уровень опускается ниже поверхности океана, и проект одного спекулятора, предлагавшего прорыть канал, чтобы образовать в этом месте «внутреннее море»[2], площадь которого была заранее вычислена в 90 миллионов гектаров, то-есть почти вдвое больше поверхности Франции, основывался просто на фантазии, лишенной всякой географической подкладки. Область Джуф есть наименее известная часть западной Сахары; как ливийская пустыня, это пространство представляет еще пробел на картах: ни один маршрут путешественника-исследователя, ни один караванный путь не был проложен на этом громадном протяжении слишком в 300.000 квадр. километров.

1 Oscar Lenz, „Timbuktu“.

2 Donald Mackenzie, „The flooding of the Sahara“.

К западу от Джуфа и страшных дюн Магтер появляется, среди пустыни, массив скал, которому дали название Адрар (Адерер), т.е. «Гора», как многим другим группам высот, находящимся в берберской земле: специальное его наименование—Темар. Но эта «Гора» западной Сахары не походит на другие Адрары Берберии и центральных областей пустыни: в действительности это не гора, а каменистая страна, примыкающая своей южной оконечностью к холмистым плато Таганта и поднимающаяся некоторыми выдающимися точками всего только на 75-90 метров над уровнем песчаных пространств, которыми она окружена[1]: по описанию Адрара, сделанному тремя молодыми пилигримами французскому путешественнику Маскерэ, это—«длинный остров, заключенный между песчаными равнинами, которые имеют вид моря, и подвижная почва которых катится, как волны»[2]. Но эти песчаные пространства, служащие пьедесталом «горе», довольны высоки, если верно, что на севере Адрара, на спуске плоскогорья эль-Аксаби, внешние обрывы имеют от четырехсот до пятисот метров высоты[3]. Часто верблюды, спускаясь с этих крутых откосов, скатываются и разбиваются у основания утеса.

К северу и западу от этой «Горы» по преимуществу, рассеяны многие другие горы, либо в форме цепей, либо в виде уединенных островков. Большинство их состоит из пластов песчаника. Самые замечательные, по описанию Пане,—скалы эль-Генатер, то-есть «Мосты» или «Арки», находящиеся почти на полдороге между вершинами Адрара и долиной уэда Драа: это базальтовые скалы, между которыми висят каменные глыбы, точно своды исполинских арок. К западу от Адрара, самый значительный массив—Адрар-Сеттуф или «Гора Раковин», вокруг которой тянется самая выдающаяся часть сахарского прибрежья, от мыса Барбас до Мыса Бланко; точно также и морской берег состоит из невысоких утесов, содержащих много раковин, которые по большей части принадлежат к видам, доныне живущим в соседнем море[4]. На севере от Раковинной Горы простираются обширные равнины Тирис, образующие род гранитной мостовой, пробитой там и сям остроконечными скалами, которые служат «наблюдательными пунктами муфлонам (дикий степной баран) и людям». На песке, происходящем от разложения гранита, растут ароматические травы, очень любимые верблюдами[5].

Соседство моря и пояса правильных тропических дождей обеспечивает западной Сахаре количество воды, достаточное для того, чтобы эта страна не была совершенно лишена сети, если не рек, то по крайней мере русл истечения. На юге от уэда Драа, принимающего в себя целую ветвь боковых оврагов, к Атлантическому океану спускается другое русло потока, оканчивающееся между стенами утесов широким отверстием, которое рыболовы с Канарских островов называют Бока-Гранде (Большое Устье): это уэд Шибика арабов, и здесь, по всей вероятности, находился давно разыскиваемый порт Санта-Круц-де-Мар-Пекенья. Упомянутый выше прожектер Дональд Макензи предлагал прорыть в этом месте вход канала, по которому полились бы воды океана в воображаемую низменность Джуф, через порог водораздела. В расстоянии от 300 до 350 километров от атлантического берега действительно существует водораздельная возвышенность, идущая параллельно морскому берегу: с одной стороны, дождевые воды стекают по оврагам к морю, с другой—они спускаются на юго-восток и пропадают под дюнами Игиди, чтобы снова выступить на поверхность в виде ключей, или образовать небольшие гельты, то-есть лужи и солончаки. К югу от Бока-Гранде только один речной бассейн обнимает значительное пространство: это Сакиет эль-Гомра, или «Красный Поток», который иногда означали как оффициальный предел Мароккской империи, хотя он находится на расстоянии 500 километров от истинной границы. Что касается массива Адрар, то он тоже имеет свою отдельную маленькую гидрографическую систему. С цепей скал, ограничивающих на востоке совокупность этого массива, спускаются источни-

1 Vincent, „Voyage dans l'Adrar", „Tour du Monde", 1861, livr. 56.
2 „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Paris", mars et avril 1880.
3 Leopold Panet, „Revue Coloniale et Algerienne", novembre-decembre, 1850.
4 Pomel, „Le Sahara".
5 Vincent;—Masqueray, цитирован. мемуары.

ки, достаточно обильные для питания двух речек, текущих параллельно оси скал по направлению от северо-востока к юго-западу. Северная речка останавливается в низменности, где воды её разливаются и испаряются; южная, повидимому, составляет продолжение первой, так как начало её находится в той же долине. Этот поток, на берегах которого живет почти все население Адрара, выходит из области гор и теряется на юге в одном болоте пустыни[1].

Морской берег, утесы и дюны которого расступаются через известные промежутки, чтобы дать проход водам временных потоков, есть один из самых опасных во всей Африке, и легко понять беспокойство португальских мореплавателей пятнадцатого столетия, которые, в силу полученных ими инструкций, должны были следовать вдоль этих берегов, уже виденных до них финикиянами и мореходами из Диеппа. Мыс Нун, или «Нет», был назван так, говорили моряки, играя словами, потому, что море отвечало «нет» всякому кораблю, который хотел пройти далее; было бы безразсудно и нечестиво пытаться обогнуть мыс; люди, отправлявшиеся туда белыми, возвращались черными, утверждала легенда[2]. От этого страшного мыса до мыса Юба, от мыса Юба до Парчеля или Бохадора, от Бохадора до мыса Бланко, на пространстве около 1.200 километров, вид побережья почти не изменяется: выступы мысов едва заметны, высоты материка состоят лишь из правильных столообразных плато или из песчаных холмов. Серые дюны, плоские берега, осыпаемые брызгами буруна и потому неявственные, не представляют растительности, на которой мог бы отдохнуть взор и которая возвещала бы соседство человека. Прибой волн распространяется на несколько километров от берега; иногда даже, когда дует западный ветер, первый пенящийся гребень образуется уже на таком расстоянии, где глубина достигает 1.6 метров. В период с октября до апреля корабли тщательно обегают эти воды, где еще не существует никаких маяков, где земля почти постоянно окутана густым туманом, и где ветер вздымает в несколько часов чудовищные волны. Для парусных судов самым опасным местом на сахарском берегу считается пространство, заключающееся между Бока-Гранде и мысом Юба: течение, идущее вдоль африканского побережья с севера на юг, и которое обыкновенно следует на некотором расстоянии от берега, имея наибольшую силу километрах в десяти от него, устремляется также прямо к прибрежью, увлекая попадающиеся на пути суда: оттого случаи кораблекрушения были очень многочисленны в этих водах. Обыкновенная скорость берегового течения равна километру в час; но около мыса Юба она превышает два километра, может-быть, по причине соседства Канарских островов, которые съуживают русло течения[3]. Пристанища редки на сахарском берегу; однако, около середины побережья, простирающагося от мыса Бохадор до мыса Бланко, открывается длинная бухта, параллельно морю, проникая через брешь в изгиб береговых обрывов: это Рио-де-Оро, или «Золотая река», названная так потому, что португальцы достали там, посредством мены, немного золотого песку, в 1442 году: они думали, что напали на золотоносную реку «Пактол», о которой ходили рассказы, что она разветвляется с Нилом во внутренности Африки[4]. Вход в эту бухту затруднителен, и моряки, проникающие туда, чтобы укрыться от непогоды, подвергаются опасности умереть там с голода, потому что бар препятствует выйти в открытое море[5].

Получая свою долю дождей, западная Сахара не лишена растительности; она имеет оазисы, как и другие области пустыни. Даже среди дюн, узкия долины, разделяющие песчаные бугры, усеяны пучками травы, и пастухи водят туда на пастьбу своих верблюдов. В южной части Джуфа обширные пространства покрыты альфой: эти пространства называются эль-Мирайя, иля «Зеркало», без сомнения потому, что море альфы, колеблемое ветром, отливает попеременно матовыми и серебристыми цветами[6]. Эти поросшие альфой равнины указыва-

1 Em. Masqueray, цитирован. мемуар.
2 Juan de Barros;—Alcala Galiano;—O. Peschel „Geschichte der Erdkunde“.
3 Arlett, „Journal of the Geographical Society“.
4 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.
5 Em. Bonelli, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“.
6 O. Lenz, „Timbuktu“.

ют на соседство области степей, опушки Судана, который следует за ней на юге, со своими лесами акаций и мимоз. Адрар, принадлежащий уже к этому промежуточному поясу, наполнен камедными деревьями, которые растут там в таком множестве, что «камедь отдавали бы за бесценок, если бы нашлись охотники приходить за ней»[1]. В этих местностях начинает показываться зебр; но один из самых обыкновенных представителей животного царства в этой области Сахары—страус. Здесь нет надобности, при охоте на страуса, употреблять несколько перемен лучших скакунов, или преследовать его на быстроногом мегари. Исполинская птица так сильно страдает от жары, что днем, при полном блеске солнца, ее можно догнать даже на обыкновенной лошади: охотник стреляет в упор в настигнутое животное. На берегу моря рыболовы племени улад бу-сба подкарауливают страусов, когда те приходят освежиться, ударяя по воде крыльями; тогда рыбаки подкрадываются из-за дюн и вдруг появляются, испуская громкие крики: испуганные страусы бегут в воду, но их намокшия крылья скоро утомляются, и пловцы, бросившиеся в догонку, убивают уставших птиц одну за другой[2].

Так же, как Марокко и Берберия, западная Сахара разделена между берберами, коренными жителями, и завоевателями арабами. Племена аит-атта, дуи-мениа, берабер, дуи-беллал и другие народцы кочуют в степях, меняя места стоянок, смотря по состоянию пастбищ, предпринимая иногда дальние экскурсии, либо для нужд своей торговли, либо для мщения и грабежа; Дюверье рассказывает, что арабские наездники Сахеля делают набеги даже в местности, лежащие на дороге из Инсалаха в Томбукту, и нападают на проходящие караваны, с целью грабежа. Эти отдаленные экспедиции совершаются обыкновенно в сопровождении продовольственного обоза из верблюдов, нагруженных водой и салом. Сначала кормят верблюдов салом; когда животное освободится от своей ноши, его убивают, и мясо его служит пищей людям и скоту. Эти разбойничьи объезды продолжаются иногда по целым месяцам[3].

Караваны, собирающиеся на юге Марокко для перехода через пустыню, организуются либо в Тафилельте, либо в оазисах, находящихся на большом изгибе уэда Драа, или, наконец, в маленьких берберских владениях, лежащих в соседстве побережья. Оазис Текна служит сборным пунктом для караванщиков; впрочем, этому посту, находящемуся в бассейне Красного Потока, обыкновенно предпочитают городок Тендуф, построенный в текущем столетии, единственно для торговых целей. Это группа около сотни домов из битой глины, окруженная несколькими пальмами и лежащая на уэде, спускающемся к одному из притоков реки Дра; население городка состоит из берберов таджакант, признающих над собой власть арабского шейха племени марибда. Этот рынок ведет весьма значительную торговлю не только с Марокко и Суданом, но также с Туатом и Аравией. Каждый год берберы-таджакант собираются здесь в декабре или январе, чтобы сформировать «большой караван» в Томбукту, «кафила эль-кебир», который часто состоит из нескольких сот человек и нескольких тысяч верблюдов[4]. Ленцу говорили, во время его проезда через этот город, что ценность товаров, перевозимых большим караваном, простирается в среднем до 750.000 франков. Купцы возвращаются обыкновенно в мае или июне. Жители Тендуфа, при господствующем у них торговом духе, отличаются полной религиозной терпимостью. Образование гораздо более распространено у таджакантов, чем в большинстве других сахарских племен: они снабжают наставниками всех окрестных народцев[5]. Различные племена бассейна Красного Потока славятся особенным благородством происхождения: даже в Алжирии многие берберские кланы с гордостью говорят, что предки их вышли из Сакиет-эль-Гамра.

На дороге из Тендуфа в Томбукту, направляющейся прямо к юго-западу, через гамады и пески, существуют только две группы населения, имеющие названия городов,—Таудени и

1 Em. Masqueray, цитированный мемуар.
2 Vincent, цитированный мемуар.
3 H. Duveyrier, „Exploration du Sahara“.
4 De Castries, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1880.
5 „Revue Africaine“, janvier 1868.

Арауан. Таудени, лежащий близ уэда Тели, в нижней части долины Джуфа, служит сборным пунктом для караванов, которые находят там воду в изобилии; но оседлых жителей сюда привлекли собственно залежи каменной соли, питающие часть западного Судана. Здешние солепромышленники ломают соль в копях большими плитами, длиной около метра и весом до 27 килограммов: четыре таких плиты составляют полный груз верблюда; караваны круглый год приходят сюда запасаться драгоценным минералом. В окрестностях встречаются остатки прежних культур, даже покинутые деревни; но нынешние обитатели Таудени, смесь негров и арабов, невольников или свободных людей, занимаются исключительно добыванием соли: они называют себя драуи, то-есть уроженцами области уэда Драа; не имея никаких сношений с своим прежним отечеством, они зависят теперь от арабов племени берабиш и от купцов из Томбукту; они живут в крайней бедности и пьют лишь солоноватую воду, которую стараются сдобрить кислым молоком и другими снадобьями[1]. Солекопы в Таудени бывают временно троглодитами: когда жара становится слишком сильной, они переселяются в искусственные гроты, вырытые в боках туфовых обрывов, господствующих над уэдом Тели. Еще недавно они пользовались для выламывания плиток соли инструментами из серпентина (змеевика), и эти каменные орудия до сих пор составляют предмет настоящей торговли с Томбукту, так как суданские женщины употребляют их для размельчения зерна.

Арауан, недалеко от южной окраины пустыни, есть передовой пост Томбукту: как в Тендуфе, на другой стороне Сахары, караваны здесь составляются или разделяются. Несмотря на близкое соседство травяных степей и мимозовых лесов, лежащих немного севернее, несмотря на чрезвычайное обилие воды, которая течет подземной рекой под домами Арауана, —этот город самый печальный на вид из всех городов Сахары: везде кругом дюны; нигде не видно ни одного деревца, ни даже пучка травы для верблюдов. Дома, разбросанные в беспорядке, числом около сотни, представляют собою четыреугольные массы, имеющие только подвальный этаж: стены из битой земли содержат одно только отверстие, низенькую дверь, обрамленную архитектурными украшениями, которые занимают всю высоту стены; край террасы обведен лепной работой из глины. Внутри четыреугольника, образуемого зданием, помещается двор, в котором, однако, обитатели дома редко сидят по причине мелкого песка, наполняющего атмосферу, и обилия мух, которых караваны верблюдов привлекают целыми тучами на город. Торговый пункт, где занимаются только коммерцией, не заботясь о религии посетителей, Арауан населен исключительно купцами из Томбукту, их прислугой и вольными неграми, гаратинами, которые поят, запрягают и нагружают верблюдов. Берабиши, сопровождающие караваны и защищающие их против своих наследственных врагов, туарегов, взимают дорожную пошлину со всех путешественников, проходящих по их территории; несмотря на свое имя, повидимому, указывающее на берберское происхождение, берабиши, по Ленцу, истые арабы. Во время проезда этого путешественника, берабишский шейх владел большею частью вещей, найденных на трупе исследователя Ленга, убитого в пустыне в 1826 году. По рассказам туземцев, причиной его смерти была безуспешность его лекарств: двое больных, которых он лечил, умерли один за другим; это обстоятельство возбудило подозрение, не дает ли он яду, или не дурной ли у него глаз. В той же области Сахары, «в десяти днях ходьбы к северу от города Таудени», находится Сукайя, место, где английский путешественник был убит гарибами, десять лет спустя после умерщвления Ленга[2].

Несколько других городов были основаны на южной границе пустыни. В сотне километров к востоку от Арауана, на дороге из бывшего поселения эс-Сук, или «Рынок», недалеко от пустыни Танезруфт, стоят города Мабрук, или Мебрука, и Мамун, населенные неграми, также подвластными арабам-берабиш, и вокруг которых иногда бродят туареги. Другой, более значительный город Уалата, такой же большой, как Томбукту[3], и посещенный в 1860 г. сенегальским офицером Алиун-Саль, находится в 400 километрах к юго-западу от Арауана,

1 Rene Caille, „Journal d'un voyage a Tombouctou et a Jenne“;-O. Lenz, цитированное сочинение.

2 Willshire, „Appendice to Notes taken during the Travels in Africa“.

3 Rene Caille, цитированное сочинение.

на севере плоскогорья эль-Год. Этот город, построенный так же, как Арауан, тоже не имеющий садов и продовольствуемый проходящими караванами, занимает пространство около одного квадр. километра: это большой рынок, где сосредоточивается меновая торговля между племенами Сенегала и таджакантами Тендуфа; кроме того, у жителей его есть специальный промысел—фабрикация кожаных мешков и кисетов, которые продаются на всех рынках Судана. В окрестностях города видны многочисленные развалины, остатки жилищ какого-то исчезнувшего народа. Но к северо-западу, в направлении Адрара, следуют один за другим несколько оазисов, между прочим, оазис Тишит, где находится столица племени кунта, довольно большой город, в котором насчитывают около шестисот каменных домов. В этом краевом поясе Сахары кочуют различные арабские племена: улад-махмуд, улад-эмбарек, улад-эн-насер; но оседлое население оазисов состоит из азеров, чернокожих мандингской расы, пришедших из-за Сенегала.

В собственном Сахеле нет городов, есть только рудники и становища кочевников. Термасон, на юге уэда Драа, в территории племени регибат или ргеибат, теперь представляет лишь собрание силосов, где окрестные арабы хранят свои запасы зерновых хлебов. На водораздельной возвышенности между покатостью Красного Потока и покатостью Джуфа, населенные места Грона, Земмур, отмечаемые на картах как города, в действительности суть лишь группы шатров, разбитых среди небольших долин, где растут в малом количестве мимозы[1]. Номады этих стран принадлежат к различным расам: здесь кочуют арабы племени улад-бусба, или «Сыны Льва», очень опасные грабители и негроторговцы; берберы племени шергин, отличающиеся от всех своих соседей круглым и коротким лицом, маленьким носом, оттопыренными ушами, очень развитым лбом, низким ростом; тидрарины, народец, который держится вообще в соседстве моря и охотно ведет меновую торговлю с канарскими рыбаками. Эти последние приносят им рыбу и другие продукты и берут в обмен молоко. Тидрарины ловят рыбу с помощью удочки или сети; у них нет кожаных барок, как это говорили некоторые путешественники, посетившие край до исследования Пане. Тидрарины составляют часть могущественного союза Улад-Делим, племена которого рассеяны по всему Сахелю, от устья уэда Драа до равнин, прилегающих к Адрару. Эти кочевники, того же происхождения, как племена траруза и бракна, живущие на правом берегу Сенегала, принадлежат к народу зенага, но в сильной степени смешались с арабами и отчасти, хотя гораздо слабее, с неграми; они тоже говорят берберским наречием, мало отличающимся от языка тамазигт. Женщины их замечательно красивы, и благодаря передвижению, к которому вынуждают постоянные экспедиции племен, они в меньшей степени страдают тучностью, так высоко ценимой у других народцев западной Сахары. Номады улад-делим всегда держатся на-готове к нападению или к бегству, и когда дан приказ сниматься со становища, им достаточно полчаса времени, чтобы собрать стада, свернуть палатки, уложить весь домашний скарб и выступить в путь[2].

Кочевники племен улад-делим, улад-бусба, ягия-бен-отман сходятся на берегах большого соляного озера Иджиль (Ижиль, Ишиль), но не им принадлежат его минеральные богатства: владельцы себхи—люди племени кунта, живущие на юго-востоке Адрара; они заставляют платить себе верблюдами за право добывания и вывоза соли. На берегах салины нет ни одного города, хотя в становищах солепромышленников идет довольно бойкая торговля, после сезона дождей, когда себха наполнится водой и работы приостанавливаются. Соль ломают плитами такой же величины, как в Таудени; по Венсану, общее количество соли, вывозимой с озера Иджиль в Судан, составляет двадцать тысяч верблюжьих грузов, или около четырех тысяч тонн. Главный рынок по торговле иджильской солью находится в оазисе Тишит, у владельцев соляного озера: жители Судана приводят туда невольников и обменивают их на плиты соли, при чем три плиты представляют среднюю цену человека[3].

Владетели Адрара, ягия-бен-отманы, не имеют там постоянного пребывания: они ходят

1 Leopold Panet, цитированный мемуар.
2 Vincent, цитированное сочинение.
3 Em. Masqueray, „Le Sahara Occidental“.

из одного места в другое за сбором налога. Оседлое население, в числе около семи тысяч душ, не считая невольников, состоит из берберов, гораздо менее смешанной расы, чем соседние «мавры», и говорящих языком зенага: эти берберы живут по большей части на берегах речек, берущих начало внутри Адрара. Впрочем, древнейший их город, эль-Гедим (эль-Кедима), или «Старый», лежит вне массива, на границе восточной пустыни; недалеко оттуда находится Уадан, некогда самый многолюдный и самый богатый город страны. В то же время он был и самый ученый; отсюда и произошло его имя, которое буквально значит «Две Реки»; это была «река фиников и река знаний», по распространенной в Адраре поговорке. В первой половине шестнадцатого столетия португальцы имели там торговую контору, но принуждены были покинуть ее, по причине огромного расстояния, которое отделяло их от морского берега[1]. Во время путешествия Венсана, столицей был город Шингити, лежащий к юго-западу от Уадана, в области дюн; он имел не менее 800 домов и население его простиралось до трех или четырех тысяч душ. Аттар, нынешняя резиденция, и Уджеф—тоже многолюдные ксары. В оазисах Адрара насчитывается около шестидесяти тысяч финиковых пальм; кроме того, там сеют просо, ячмень, пшеницу, арбузы. По словам Леопольда Пане, вено или калым, даваемый женихом невесте, есть в действительности не что иное, как покупная цена, определенная в тринадцать локтей бумажной материи. Когда супруга перестает нравиться мужу, последний обязан оставить ей этот кусок материи, отсылая ее от себя. Если муж опостылел, жена должна отдать ему свадебный подарок, чтобы вернуть себе свободу.

Все берберские жители Адрара—марабуты; они признают главенство шейха, имеющего пребывание в Эль-Гедиме и пользующагося некоторой светской властью; некоторые из них принадлежат к религиозным братствам, главные монастыри которых находятся в Марокко, в Алжирии, в регентстве Триполи. В большинстве магометанских стран марабуты пользуются уважением со стороны воинов; но в этой области, на окраинах Сахары, их обыкновенно мало почитают. Конечно, их ставят выше рабов и невольников, обзываемых кличкой *лахме*, что значит «мясо годное к еде», но им оказывают уважение только для формы, исключая случаи совершения религиозных церемоний, когда, стоя на горке или на скале посреди пространства без кустарника и без камней, называемого мечетью, как молитвенные дома в городах, марабуты громким голосом читают на распев молитвы и повергаются ниц, вместе с собравшимися воинами. Мистики и кроткие нравом, марабуты Адрара и соседних стран безропотно переносят приниженное положение, в котором их держат мавры военной касты, и вероятно, не воспротивились бы перемене режима, которая, может-быть, дала бы им более значительную долю влияния. При посредстве марабутов французы Сенегала несколько раз пытались восстановить конторы португальцев, покинутые четыре столетия тому назад.

Точно также, благодаря поддержке марабутов, испанцы сделались, с конца 1884 года, номинальными владетелями всей линии морских берегов, заключающейся между мысом Бохадор и мысом Бланко, на протяжении около 800 километров; при помощи тех же марабутов, они надеются подвинуться внутрь материка и направить караваны к своим новым поселениям. Уже основаны четыре конторы на морском берегу: в Вилла Сиснерос, на полуострове Эргибац, на востоке на берегу бухты, образуемой устьем Рио-де-Оро, и южнее, на берегах двух заливов Синтара и дель-Эсте. Пока это только рыболовные станции, менее важные, чем были прежде подобные же поселения, основанные канарскими рыболовами. Тогда суда собирались во множестве в окружающих мыс Бохадор водах, особенно в Анградос-Руйвос или «Бухте Барвен».

1 H. Barth, цитирован. сочинение

КОНЕЦ 11-го ТОМА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Нижеследующий список заключает только имена мест, упоминаемых в этом труде. Полная номенклатура была бы здесь излишня; географы найдут ее в словаре Шербоно (Cherbonneau), изданном журналом Revue de Geographie, и в мемуаре г. Пармантье, представленном в 1881 г. алжирскому конгрессу. К заимствованиям, сделанным у этих двух авторов, мы прибавили другие, взятые в сочинениях гг. Дюверье, г. Маскерэ и других ученых, а также в рукописных заметках г. Ламбера; но при этом мы не придерживались какой-либо определенной системы орфографии. Так как специалисты, занимающиеся арабским языком и литературой, не пришли еще к соглашению относительно транскрипции арабских звуков французскими буквами, то нам казалось всего естественнее принять, для общей номенклатуры Алжирии и Туниса, обыкновенное правописание оффициальных документов, которое, впрочем, разнится в различных частях страны, сообразно местному произношению.

АРАБСКИЕ СЛОВА

А.

Абд, служитель. Примеры: Абд-эн-Нур, арабизованные берберы на плоскогорьях Сетиф, «Служители Света».—*Абид*, невольник, негр.

Абиад, иногда *Абиод*, белый. Прим.: Ма-эль-Абиад. Белая вода (пр. Константина); Эль-Абиод, Белый (Южн. Орания).—Женская форма: *Беида*. Прим.: Беида-Бордж, Белая крепость (окр. Сетиф); Аин-Беида, Белая вода (окр. Константина); уэд-Беида, Белая река; Дар-эль-Беида (Каза-бланка), Марокко.

Азиб, ферма.—Прим.: Азиб-Замун, арабск. название г. Осонвилье (пров. Алжир).

Азраг, *Азрег*, голубой.—Прим.: Джебель-Азраг, Голубая гора (Алжирия).—Женск. форма: *Зерга*. Прим.: Гельт-Зерга, Голубая лужа (пров. Константина); уэд-Зерга, Голубая река (Тунис); Джебель-Зерга, Голубая гора (Марокко).

Аин (множ. Айун, Эйун, Ойун), вода, ключ, фонтан, источник,—слово сходное с старым франц. *Aigue* или *Font*. Прим.: Аин-эль-Ферс, ключ Кобылицы (Гадамес); Аин-Темушент, источник Шакалов (пров. Оранская); Аин-Шаир, фонтан Ячменя (марок. Сахара); Аин-эль-Бей, фонтан Бея (Константина); Аин-эль-Гаммам, Теплые воды (пр. Константина); Аин эш-Шегад, Вечный фонтан (имя Кирены); Аин-Мита, Мертвая вода, (Сахара).—Уменьш. *Аюина*, маленький ключ.

Акба, *Акбет*, подъем, косогор.—Прим.: Акба эль-Кебира, Большой подъем (Барка); Акбет эль-Джемель, подъем Верблюдов (пров. Константина); Рас эль-Акба, мыс Морск. Берега (пров. Алжир).

Акбу, берберизация арабск. слова *кубба* (Шербоно), купол, мавзолей со сводом.—Прим.: Акбу (Мец), в Кабилии.

Арба, среда, Сук-эль Арба, Середовый рынок (Тунис); Федж-эль-Арба, Середовый горн. проход (Алжирия); Арба (окрести. Алжира).

Араб, Арб (множ, от *Арби*), арабы.—Прим.: Араб-Шерага, Восточн. арабы; Арб эль-Уэд, Речн. арабы (пров. Константина).

Арег, дюны (*Арга* в единств.)—Прим.: Арег-эд-Дем, Красноватая или Кровавая, дюна; Арег-эр-Риг, Дюна Ветра (Шербоно); Эль-Арег, Песчаный барьер; Рас-эль-Арег, голова Дюн (Сахара).—Уменьшит. *Ариг*, маленькая дюна. Бер-эль Ариг, страна Малых Дюн.

Ариша, виноградник. Прим.: Эль-Ариша (Орания); эль Арайш (Марокко).

Асуд, Асуад, Асуэд (множ. *Суд*,) черный.—Прим. Рас-эль-Асуад, Черный мыс (Тунис).—Женск. форма: Суда. Прим.: Джебель: Суда, Черная гора (Тунис). Производи, от множеств: *Судан*, земля черных.

Асфар, желтый. Прим.: Уэд-эль-Асфар, Желтый ручей (Алжирия).—Женск. форма: *Сафра, Сефра*. Прим.: Аин-Сефра, Желтый ключ (Оранск. провинц.)

Атеш, жажда.—Прим.: Блед-эль-Атеш, страна жажды, пустыня.

Ахал, черный.—Прим.: Уэд-эль-Ахал, Черная река (Алжирия).—Женск. форма: *Кахела, Кахла*. Прим.: Дайя-Кахела, Черное болото (пров. Алжир), Федж-Кахла, Черный проход (Константина).—Производ. *Кахиль*, черноватый. Прим.: Джебель-бу-Кахиль, Черноватая гора (Констант.)

Ахдар, Ахдер, зеленый.—Джебель-Ахдар, Зеленая гора (Триполи, Оран).—Женск. форма: *Хадра*. Прим.: Эль-Хадра, Зеленая область (Алжир.), Аин-эль-Хадра, Зеленая вода (там же); Худиат-эль-Хадра, Зелен. холм. (Марокко).—Производ. *Хейдер*, зеленеющий (Шербоно). Прим.: Эль-Хейдер, Зелен. поле (Оран).

Б.

Баб (двойствен. *Бибан*, множ. *Абуад*), ворот. Прим.: Баб-эль-Уэд, ворота Реки (Алжир); Баб-эль Бахар, ворота Моря (Бужи); Бибан-эль-Хадид, Железные ворота (в цепи Бибан).—Вероятн. производи.: *Бибауан*, горный проход на Атласе.

Багдад, голая равнина.—Багдад, близ Уарглы.

Бахар, Бахр, Бехар, море, озеро или болото. Прим.: Бахр-эль-Уст, Срединное море (название Средиземн. моря); Бахр-эль-Дуд, озеро Червей (Феццан); Бахр-эль-Труниа, Натровое море (Феццан); Бахар-эн-Наклат, Финиковое море (Уэд Риг), Бахр-Тахтани, Нижнее море, подземная водная площадь уэда Риг.—Другое значение: река. Прим.: Бахр-эль-Араб, река Арабов.—Уменьшит.: *Бахира, Бахирет, Бахариат*. Прим.: Бахира-эт-Туила, Длинное болото (Алжирия), Бахирет-эль-Бибан, озерко у Ворот (Тунис); эль-Бахариат, Малое море (Уэд-Гир).

Бегира, коровушка, название одной горы в Орании.

Беида, см. Абиад.

Балад, Белед, Блад, Блед, земля, страна, поле. Прим.: Белад-Амер, земля амеров; Блад-эль-Ахмар, Красная земля; Блад-эль-Джерид, земля Пальм (Тунис); Блад-эль-Баруд, земля Пыли, название Сахары; Блед-эс-Судан, земля Черных Судан.—Другое значение: город. Прим.: Блед-эль-Гунеб, город Ююб (арабск. имя Боны).—Уменьшительн. *Блида*, городок; Блидет-Амер, городок амеров.—Другое значение: оазис: Блад-Регган, оазис Регган (Туат).

Бен (множ, бени), сын. Прим.: Бенгази, сын пилигрима; Бени-Аббас, потомки Аббаса (Алжир.)—Имя *бени* применяется обыкновенно к племенам берберского происхождения.—В топографическом языке кабилов, *Бени* имеет тот же смысл, что *Ат* люди, население (Шербоно). Прим.: Бени-б'Удрар, жители Горы.

Беруагиа, златоцветники, гор. в провинц. Алжир.

Бесбес, укроп. Аин-Бесбес, Источник Укропа, близ Боны.

Бир (множ. *Биар, Абиар, Абар*,), колодезь. Прим.: Бир-эль-Абиад, Белый колодезь (Ал-

жир.); Бир-эль-Дуар, колодезь Становища (Тунис); Бир-Тута, колодезь Тутового дерева (Алжир. округ); эль-Биар, Колодцы; Бирхадем. колодезь Негритянки (окрести. Алжира).—Уменьш.: *Буэйра*, *Буира*:. Прим.; Буира, Маленький колодезь (пров. Алжир).

Бордж, транскрипция латинск. *burgus* по Шербоно. Крепость, замок, также загородный дом, дача. Прим.: Эль-Бордж, Форт, (пров. Алжир и Оран), Бордж-эль-Баб, Замок у Ворот (о. Джерба); Бордж-Джежид, Новый Форт (Тунис); Бордж-эль-Ахмар, Красный Замок (Алж.)

Бридж, *Бриджа*. Эль-Бриджа, крепостца, или Мазаган (Марокко).

Бу, сокращение слова *Абу*, отец. Прим.: Бу-Курнеин, Двурогий Отец (Тунис); Бу-Джемаа (близ Боны), место соединения вод, слияние: Бу-Гадир, отец Зелени (Кирена). В обыкновенной номенклатуре слово *бу* есть приставка, указывающая положение, форму, сходство, анологию, свойства, владение и т.д. (Шербоно, Ламбер). Прим.: Бу-Зареа (Бузареа), место хлебородное (окрести. Алжира). Буфарик, место скороспелой пшеницы (Алжир. окр.); уэд-бу-Мерзуг, река Богатства (Констант.); Бу-Гар (Богар), место Пещеры (пров. Алжир).

Г.

Габа, лес.—Уменьш. Гуиба. Прим.: Гуиба (окр. Алж), Лесок (Ламбер).

Гамада или хамада, безводное, пустынное плато; каменистая равнина, без растительности. Прим.: Гамада эль-Хомра, Красное плато (Триполи); Гамада-эль-Кебир, Большое плато (Сахара), эль-Гамада, Спаленная равнина (Блида).

Гара, *гарат* (множ. *Гур*), уединенный бугор в Сахарск. равнинах. Гарат эт-Тиур, Птичий бугор.

Гараа, *гераа*, ложбина пруд. Прим.: Гараа-эль-Фецара, пруд расселин (Джерид, Тунис); Герааль-Малех, Соляной пруд; Гераат-эль-Гаут, Рыбный пруд (Ла-Калле).—Уменьшит.: *Герейа*. Прим. Герейа-эль-Гарбин, Западный прудок (Шербоно).

Гарби, западный. Шотт-эль-Гарби, Западное Соляное озеро (Марокко); Уад-эль-Гарби, Западная река (Сахара).

Гариа, крепость. Гариа эль-Шеркия, Восточ. крепость; Гариа-эль-Гарбия, Западн. крепость (Триполи).

Гар (множ, гиран), пещера, грот, яма. Прим.: Гар-эль-Машук грот Любовника (Тунис); Гар-Себара-Регуд, пещера Семи Спящих отроков.

Гасси, твердая почва, узкая долина, проход между дюнами (Фуро).

Гебли, южный. Прим.: Уэд-Гебли, Южная река (Констант.).

Гедир, *Р'дир*, на плоскогорьях и в Сахаре, колодезь вровень с землей; яма, наполненная водой; невысыхающая лужа. Гедир-эль-Мезраг, лужа Копья.

Гельта, гельтат (множ, гельт, лужа, пруд. Прим.: Гельтат-эль-Гаут, Рыбная лужа (Алжирия); Гельтат-эль-Беида, Белая лужа (там же).—Уменьшит.: *Гулеита*.

Гергур, журчание, шум.—Уэд-Гергур, между Боной и Сетифом. Журчащая река.

Герн, *Горн* и *Корн*, остроконечная вершина, пик (Шербоно). Прим.: Горн-Бен-Абд-эль-Кадер, пик Бен-Абд-эль-Кадера; Герн-Ахмар, Красная вершина (Аурес).

Гетар, *Геттар*, *Геттара*, медленно текущий источник, просачивание воды. Аин-эль-Геттар, Сочащийся источник (южн. Алж.); Эль-Геттара, Струйка (Сахара).

Глауи, крутой.—Тизи-н-Глауи, Крутой проход (Марокко).

Голаа, *Галаа*, *Гелаа*.—См. *Кала*.

Гурд, дюна.—Гурд-эс-Сба, Львиная дюна (Триполи); Гурд-Менфруда, Уединенная дюна (близ Гадамеса).

Д.

Дар (множ. *Диар* и *Диур*), дом, помещение, станция. Прим.: Дар-эль-Беида, Белый Дом или Казабланка (Марокко);—Дар-эль-Хаджадж, станция Пилигримов (Алж.). Дар-Демана, Место убежища, имя Уэццана (Марокко).—Другое значение: страна. Дар-эль-Магреб, страна Запада, Марокко.—Уменьшит.: *Дуира*.

Дуэра. Прим.: Дуэра (окрест. Алжира), Домик.

Дайя, или лучше дхайя (Ламбер), низина с песчаным дном, лощина, пруд, лужа. Прим.: Дайя-эль-Хамра. Красная лощина (Алжир.); Дайет-эр Ремель, лужа в песке (Сахара).—Уменьш.: *Дуайя*, лужица в песках (Пармантье).

Джебель, гора. Прим.: Джебель Гуриан, гора с пещерами (Триполи); Джебель-эль-Хадид, Железная гора (Марокко); Джебель-эс-Сахра, Скалистая гора (Алжир.), Джебель Ахдар, Зеленая гора (Киренаика).—Уменьш.: *Джебила*, Малая гора (Оран).

Джедид, новый. Прим.: Фец-эль-Джедид, Новый Фец (Марокко); Баб-эль-Джедид, Новые Ворота (Констант.).—Женск. форма: *Джедида*. Прим.: эль-Джедида, Новая (Алж.); Тамерна Джедида, Новая Тамерна (Уэд-Риг).

Джезира, *Джезират*, *Джезирет* (множ. *Джеззаир*). остров, островок, полуостров. Прим.: Джезират-эль-Магреб, остров Запада. Слово *Алжир* произведено от *Аль-Джезаир*, островки.—Другие формы: *Дзирет*, *дзаир*.

Джема, *джемаа*, *джама*, собрание, также мечеть (место собрания) и пятница (день собрания в мечети). Прим.: Джемаа-эс-Сахридж, собрание бассейнов (Кабилия); Джема-эн-Нахла, мечеть Пальмы; Сук-эль-Джема, Пятничный рынок (Тунис).—Другое значение: школа (Шербоно). Джаман-Таддарт, школа Деревни.

Джемель, красивый.—Уменьш.: Джемила (Констант.), Красотка.

Джефна, скала. Альжефна, жете в Алж. порте (Ламбер).

Джун, бухта, залив. Уменып Мерс-эс-Джун, порт Залива (Констант.); Джун-эль-Кебрит, Северная бухта (Большой сирт).

Джурджура, журчанье воды (Казимирский, Ламбер). Имя «Джурджура» не значит ли «гора с водопадами»?

Дира, гора в пров. Алжир, «Монастыри» (Ламбер).

Драа, *Дра*, рукав, также косогор, длинный холм Дра-эль-Мизан, рукав Весов (Кабилия); Дра-эль-Баруд, холм Пыли (там же).

Дуар, круг шатров, становище кочевников. Прим.: Дуар-Мсиф, Летнее становище (Ходна); Дуар-эш-Шотт, деревня на озере (Тунис).

Дхар, *дахр*, *дахар*, хребет, горный скат. Дхар-эдь-Ахмар, Красный скат (Алжир.)—Производ.: *Дахра*, *Дахара*, пик остроконечная вершина (Ламбер). Прим.: Дахра, горы Алжирии. Вообще имя этих гор объясняют в смысле «Страна Севера».

З.

Зараия. имеющий нежный зеленый цвет (Ламбер). Зерайя (Малая Кабилия).

Зауйя, *заугиет*, духовное училище, монастырь. Прим.: Зауйя-Сиди-Даут (Тунис): Зауйя-эль-Истат, Монастырь Чистоты (оаз. Куфра).

Земля, землет (множ, *земуль*), продолговатая дюна, в форме хребта осла (Шербоно).—Землет-эс-Земута, Пестрая дюна (Триполи).—Уменьш.: *Земила*, маленьк. дюна.

Зерга.—См. *Азрег.*

Зерзур, скворец (Ламбер).—Зеризер (близ Боны), Скворцы.

Зериба, Зерибет, производн, от *Зербг*, изгородь (Пармантье). Огороженное место, куда загоняют скот на ночь. Прим.: Зерибет-эль-Уэд, ограда Реки (восточ. Заб).

Змала (множ. зюмуль), стан, становище племени или шейха.

К.

Калаа, Калат, крепкий замок, в обширном смысле - естественная крепость. Прим.: Калаа (Оран); Калаа-эс-Сенам, замок Идолов (Тунис).—Другие формы: *Галаа, Гелаа.*—Уменьш.: *Голеа* (Пармантье). Эль-Голеа, крепостца (Сахара).

Кантара, кантарет, кантра, гантра, гентра, мост. Прим.: Эль-Кантара, Мост (Конст.); Бордж-эль-Кантара, замок у Моста (о. Джерба).

Каруба, харубба, рожковое дерево.—Каруба, деревня в Дахре.

Касба, Касбат, замок, цитадель, крепость.—Касба-эль-Кедима, Старая крепость (Марокко); Касбат-эль-Хамра, Красный замок (Констант.).

Каср (множ. *Ксур*), замок, дворец, укрепленный бург. Прим.: Каср-эль-Серир, Малый Замок; Каср-эль-Кебир, Больш. Замок (Марокко); Каср-эль-Джебель, Замок Горы (Триполи).—Другая форма: *Ксар.* Ксар-Абуам, местечко Абуама (Тафилельт); Ксар-Меллул, Белый форт (Константпн.)—Искаженные производн: *Ксер, ксор.* Эль-Ксер, укрепл. пост (Констант.).

Кбер, кбор (множ. *кобур*), могила (Алжир.). Кбер-эр-Румиа, могила Христианки.

Кебир, кбир (женск. *Кебира*). большой. Уэд-эль-Кебир, Большая река; Шотт-эль-Кебир, Большое Соляное озеро (Тунис); Рас-эль-Кебир, Большой Мыс (Констант.).

Кедим, старый, древний.—Мединет-эль-Кедим, Старый город (Триполи).

Кеф, каф (множ. *кифан*), скала, пик—Эль-Кеф (Тунис); Кеф-эль-Гераа, Скала озера (Гадамес); Бордж-эль-Кифан, Крепость на скалах (мыс Матифу).

Кнатир, аркады или водопровод. Рас-эль-Кнатир, голова Аркад, арабск. имя мыса Каксин, близ Алжира.—Другая форма: *Генатер.* Эль-Генатер, Аркады (зап. Сахара).

Кубба (множ. Кубаб или Кибаб), купол, мавзолей в форме купола—Эль-Кубба (близ Алжира); Бир-Эль-Кубба, колодезь Мавзолея (Триполи). Бербер. формы: *Куббет, Акбу.*

Кудиа, Кудиат, высота, холм. Кудиат-Батталь, Невозделанный холм (Шербоно).

М.

Ма (множ. *Миах* и *Амиа*), вода. Прим: Ма-эль-Абиад, Белая вода; Ма-эль-Ферс, Вода коня (Оран); Мазафран, Желтая вода (пров. Алжир).—Производн.: *Муи, Муиа, Муйя*, «водный пункт», колодезь (Шербоно); Муи-Аисса, колодезь Аисса.

Мааскар, лагерь.—Производн.: Маскара; по-франц. Cartres.

Мабрук, благословенный. Сиди-Мабрук (Близ Констант.).

Магалла, роздых, привал. Эль-Магалла (Алжир.).

Магреб, Запад. Арабское название всей северной Африки к западу от Египта. Прим.: Магреб-эль-Адна, ближний Запад, т.е. Триполи и Тунис; Магреб-эль-Акса, дальний Запад, или

Марокко; Магреб-эль-Уст, Средний Запад или Алжирия.

Мафраг, разделенная Мафраг, близ Боны, река Слияний.

Маиз (множ. *Маза*), козы (Шербоно).—Джебель-эль-Маиз, Козья гора (о. Фигиг).—Уменьш. *Маиза*, козочка. Уэд-эль-Майза, река Козочки.

Макта, *Мокта*, каменоломня, рудник, копь. Макта-эль-Хадид, Железный рудник (Констан.).—Другое значение: брод (Шербоно). Макта-эль-Уст, Средний брод (Лагуат).

Малех, *Мелех*, *Мелах* (правильно *Мильх*), соль. Шотт-эль-Малех, Соляная лагуна (Южн. Оран).—Прилагат. форма: *Малех*, Уэд-Малех, Соляной ручей (Алж.).—Производн.: *Маллаха*, *Меллаха*. Маллаха-Ламта, салина Ламта (Тунис).

Мансура, победоносная. Мансура, близ Тлемсена.

Марса, *Мерса*, *Мерс*, порт, гавань, бухта. Прим.: Эль-Марса, порт (Тунис); Марс-эль-Харраз, или Ла-Калле, Порт с коралловыми брелоками (Ламбер); Мерс-эль-Кебир, Большой порт (Оран).

Матмор (множ. *Матамир*), силос, житница (Ламбер). Матамор, квартал в Мостаганеме.

Меджаз, *Меджез*, брод (Шербоно). Меджаз-эль-Ахмар, Красный брод (Констант.); Меджаз-эль-Баб, брод у Ворот.

Медина, *Мединет* (множ. *Модон*), город. Прим.: Медина (пров. Констант.); Мединет-эс-Султан, Султанский город (Триполи).—Другое значение: нора, логовище (Шербоно). Мединет-эль-Конфуд, Нора ежа.

Мезар, *Мезара*, святыня, место паломничества. Прим.: Мезар (Тун.), Мезара (Аурес); Мезарат-эль-Хаджажд, святыня пилигримов.

Мердер (множ. *Мерадер*), лужа, болото, топь (Шербоно). Мердер-эль-Хадем, лужа Негритянки.

Мердж (множ. *Морудж*), луг, пажить (Шербоно). Мердж-эль-Аса, Луг посоха; Мердж-эз-Зит, Масляный луг.—Другая форма: *Мерджа*, *Мерджет*. Мерджет-эль-Кала, Крепостной луг.—Уменьш.: *Мериджк*, *Мериджа* (пров. Оран и Констант.).

Мешера, дорога к водопою, брод, проход. Мешерат-эн-Ниса, Женский брод.—Вероятное уменьш. *Мешериа* (Шербоно).

Мешта, зимния квартиры, зимовка. Мешта-эль-Арби, зимовье номада (Констант.); Мешта-эль-Кбира, Большое зимовье (близ Ум-Геригеш).

Милиана, наполненная. Прим.: Милиана, близ Алжира, Обильная водой (Ламбер).

Митиджа, Увенчанная, вероятно в смысле Окруженная горами (Ламбер).

Мсид, место, изобилующее дичью, парк для охоты (Шербоно).—Джебель-Мсид, Гора богатая дичью (Констант.).

Музайя, наводненная, залитая (Ламбер). Музайя, близ Медеи,—может быть названа так от ручьев, разливающихся в долине.

Н.

Надор, *надхор*, сторожевая башня.—Прим.: эль-Надор (имя многих гор в Алжирии); Уэд-эн-Надор, река Сторожевой башни.—Другие формы: *Надер*, *Надур*.

Намус, москит.—Уэд-эн-Намус, река Москитов, приток Шелифа.

Нахла (множ. *Нахал*) пальма, пальмовый лес.—Эн-Накла, Пальма (Констант.); Бу-Нахал, Пальмовый лес.—Уменьш.: Эн-Нохаила, Маленькая Пальма (юж. Оран).

Нахр, поток, река. Прим.: Нахр-эль-Хайат, Змеиная река; Нахр-эль-Раба, Лесная река.—Производн. *Нахреин*. Две реки.

Небка, песчаная местность; название, употребляемое в Сахаре. Прим.: Баб-эн-Небка, Ворота Песков (Лагаут).

Незаа, Нза, курган из камней, набросанных в месте, где была пролита человеческая кровь. Прим.: Незаа-эль-Усиф, курган Негра (Уэд-Джедди).

Р.

Рас (множ. *Рус*), голова, мыс, источник. Прим.: Рас-эль-Хадид, Железный мыс; Рас-эль-Хамра, Красный мыс (Констант.); Рас-эль-Мелах, Соляной мыс (Киренаика); Рас-эль-Ма, голова, начало Воды (Оран и Констант.), Себа-Рус, Семь мысов (Константина).

Рахель, место отъезда (Ламбер). Прим.: Эр Рахель, дер. близ Аин-Темушента.

Рег (Сахара), почва, состоящая из песку и гравия и вообще очень низменная.

Ремель, Румель, песок. Ремель-эр-Абиод, Белый песок (Сахара); Ругиб-эр-Ремель, Песчаный холм (там же), Уэд-эр-Ремель, Песчаная река (Констант.).—Производи.: *Ремла* (*Ремля*), дюна Ремля-эль-Кебира, Большая дюна (Сахара).

Ркика, мелкий. Уэд-Бу-Ркика, близ Шершеля, Маленькая река (Ламбер).

Рокниа, угол, колено. Прим.: Рокниа, близ Гельмы.

Рум, Руми, римляне, и в обширном смысле вообще христиане. Прим.: Хаджар-эр-Рум, Римские развалины (Тлемсен); Сакиет-эр-Рум, Римский водопровод.—Женск. форма: *Румиа*, Кбер-эр-Румиа, Могила Христианки (пров. Алжир).

С.

Сада, счастье. Прим.: Бу-Сада, место Счастья (пров. Алжир); Бордж-Сада, Счастливый Замок (Константина); Саида, Счастливая (Оран).

Сагиа, Сагиет, Сакиет, ручей, поток, *acequia* по-испански. Прим.: Сагиет-эль-Хамра, Красный поток (Сахара).

Сахан, котловина, впадина, долина (Пармантье). Прим.: Сахан-эль-Кельб, Собачья лощина (Сахара); Сахан-эль-Херец, Жемчужная долина.

Сахара, обширная равнина, без растительности (Дюверье).

Сахель, берег, побережье. Алжирск. Сахель, горы прибрежья Сахель, западная Сахара.

Себха, озерная впадина, соляная лагуна. Прим.: Себха-эль-Мелах, Соляное озеро (Тунис); Себха-эн-Нама, Страусовая лагуна (Алжирия); Себха Зерга, Синяя лагуна (там же).

Сенн, зуб, остроконечная вершина Сен-эль-Лебба, зуб Львицы (гора в Алжирии).

Серир, малый. Прим.: Каср-эс-Серир, Малый замок (Марокко).

Сиди, господин. Прим.: Сиди-бель-Аббес (Оран); Сиди-Феррюш или Сиди-Фередж (Алжир.); Сиди-Дауд (Тунис); Сиди-Нафед (Сахара).—Уменьшит. форма: *Си*, аналогичная французск. *Sieur*. Прим.: Си-Али; Аин-си-Шериф (Мостаганем).

Сиф, сабля; длинная дюна с гребнем в форме сабельного клинка. Прим.: Сиф-экс-Султан, сабля Султана (на дороге из Эль-Уэда).—Множ. Сиуф.

Стора, скрытая (Ламбер).—Стора близ Филипвиля.

Сук, рынок и базар. Прим.: Сук-эль-Арба, Середовой рынок (Кабилия и Тунис), Сук-эль-Хад, Воскресный рынок (Марокко и Алжир)—Уменьш. *Суика*. Баб-Суика, ворота Ма-

лого рынка.

Сума (множ. *Суама*), минарет, башня, башенка. Прим.: Сума (Алж. и Констант.); Суама, Башни (Кабилия).

Сур, стена ограды, вал. Сур-эль-Гозлан, вал Газелей (арабское имя города Омаль).

Т.

Табиа, огороженное место (Ламбер). Табиа, близ Сиди-бель-Аббес.

Тарф, оконечность, мыс Эль-Тарф (Констант.); Джебель-Тарф, гора Мыса (Оран); Тарф-эш-Шакр, имя мыса Спартель; в Испании, Трафальгар или Тарф-эль-Гар, мыс Пещеры (дела-Примоде).

Тахтани, нижний Арба-эль-Тахтани, Нижняя Арба (Жеривиль).

Таейб, добрый, женск. *Таиба*. Прим.: Аин-Таиба, Добрый ключ (Алжирск. Сахара).

Телль (*Тель*), холм, горка, возвышенная страна, в противоположность Сахаре. В Алжирии, плодородная область в противоположность пустыне.

Тениа, *Тениет*, горный проход, ущелье. Прим.: Тениет-эль-Хад, Воскресный проход (Алж.); Тениет-эль-Хамра, Красный проход (близ Фигига).

Трик, дорога. Бордж-эль-Трик, замок Дороги (о. Джерба); Аин-Трик, вода Дороги (окр. Сетиф).

У.

Уади, *уад* (множ. *Уидан*), река, ручей, пересохшее русло потока, также впадина, расселина, ров, долина. Прим.: Уади-эш Шегга, ручей Трещины (Тунис); Уади-эш Шерки, Восточн. долина (Феццан). Другая форма: *Уэд*. Прим.: Уэд-Шелиф, река Шелиф (Алж.); Уэль-эль-Абиад, Белая рука (Констант.); Уэд-эль-Мелах, Соляной ручей (шотт эль-Ходна).—Простонародн. множеств.: *Удиан* (Шербоно). Удиан эль-Кебар, Большие Долины (Алж.).

Умм, *Ум*, мать. Прим.: Ум-эт-Тебуль, мать Шлаков (Констант.); Ум-эр-Рбиа, река Трав (Марокко).—В топографии то же значение, что и *бу* (отец). Прим.: Ум-эд-Диаб, сборное место Шакалов (Констант.); Ум-эль-Абар, группа Колодцев (Констант.), Ум-эщ-Шук, место, наполненное терновником или кустарником (во Франции: *Epinay*, *Buissonniere*); Ум-эль-Кум, группа Горок.

Уст, средина, центр. Прим.: Джебель-Уст; гора Центра (Алж.); Хеншир-эль-Уст, раввалина Средины (Тунис).—Прилагат. форма: *Устани*, центральный, средний. Ксар-эль-Устани, Центральный замок.

Ута, плоская страна, однообразная равнина (Алжирия). Прим.: Ута-эль-Андалус, равнина Андалузцев.—Производ.: *Утайя*. Эль-Утайя, большая Равнина.—Другая форма: *Утиа*. Белад-эль-Утиа; поле в виде равнины; Утиат-эль-Гази, равнина Мародеров (Шербоно).

Ф.

Федж (множ. *Феджудж*), горный проход, ущелье, дефилей. Прим.: Федж-Беида, Белый проход (Алж:); Феджудж, дефилей (там же).-В Сахаре: *Фейдж* (Пармантье), проход или узкая долина между дюнами Фейдж-Беида, Белая долина.—Другая форма: *Фейжа*, долина между Анти-Атласом и Бани. Фигиг происходит, вероятно, от того же корня (Ламбер).

Фогара, *Фоггара*, *Фогарат*, *Фогарет*, колодезь с галлереями. Фогарет-эль-Араб, Фогарат Арабов (Сахара).—Множ.: *Феггагир*.

Фондук, каравансарай, гостиница. Прим.: Фондук, близ Алжира.

Фортаса. (Орания), паршивая (Ламбер).—Джебель Фортас (пров. Алжир).

Фум, устье, вход, выход, дефилей. Прим.: Фум-эль Федж, вход в горный проход; Фум-эс-Сахара, вход в Сахару (Констант.); Фум-эль-Уэд, устье реки (Тунис).

Х

Хаджар, камень, скала. Прим.: Эль-Хаджар, арабск. имя Бизота (Констант.); Хаджар-эр-Рум, Римские камни; Хасси-эль-Хаджар, колодезь Камней (Сахара).

Халлуф, кабан. Джебель Халлуфа, гора Кабанов (Конст.); уэд-эль-Халлуф, река Кабана, близ Фигига.

Хальк, горло, узкий пролив. Хальк-эль-Уэд, теснина Реки (Лагулет).

Хамма, горячий ключ. Во Франции *Eaux-Chaudes*, *Chaudes-Aigues*. Эль-Хамма (Тунис, Алж., Констант.).—*Хаммам* (множ. Хаммамат), ванны, горячий источник, термы Хаммам-эль-Месхутин. купальня Проклятых (Констант.); эль-Хаммам Фухани, Верхния термы (о. Фигиг).

Ханг, также *хенег*, ущелье, горный проход, овраг. Ханг-эль-Мелах, Соляное ущелье (гора Сахары).—Женск. форма: *Ханга*, *Хангет*. Хангет-эль-Хаджар, Каменный дефилей. Уменьш.: *Хонеиг*, маленькое ущелье (Шербоно).

Ханут, множ. *Хауанит*, Лавки, гробницы. Ханут-эр-Рокниа, близ Гельмы.

Харба, *херба*, *харбет* (множ. *Хоруб*, *Хруб*), домишко, здание в развалинах. Прим.: Эль-Харба (Оран); Херба (окр. Милиана), Харбет-Зерга, Синия развалины (Констант.).—Уменьшит.: *Хериб*, маленьк. развалина.

Харрата, *Каррата*, рытвина, овраг. Прим.: Каррата. при входе в Шабет-эль-Акра (Кабилия): слово, переделанное кабилами в тахеррат.

Харраш, следы, неровная поверхность (Ламбер). Эль-Харраш, арабск. имя м. Мезон-Карре, близ Алжира.

Харруш, кустарник. Эль-Харруш, близ Константины.

Хасси (множ. *Хассиан*), колодезь, вырытый в песке. Прим.: Эль-Хасси, колодезь (Констант.); Хасси-эль-Мелах, Соляной колодезь; Хасси-Земля, колодезь дюны.

Хауш, ферма. Хауш-Бу-Кандура, ферма Бу-Кандура (Алж.); Хауш-Смара, ферма Дикого Терна.

Хисн, редут, вал, крепость. Эль-Хисн, Редут (Гадамес).

Ходна, охапка, беремя, имя плато и шотта (пров. Констант.).

Хофра, *хофрат*, впадина, копань, ров, яма (Шербоно). Прим.: Хофра, «Впадина», имя оазиса Мурзук; Хофрат-эль-Бир, яма Колодца; Хофрет-эль-Бордж, ров Крепости (Алж.).

Ш

Шаба, *шабет* (множ. *Шааб*) овраг, ущелье. Эш-Шааба-Хамра, Красный овраг.—Другая форма: *Шаиба* (Ламбер). Прим. Эш-Шаиба, Рытвины (Маджанта).—В Триполи: окруженная потоками лавы, Шабет эль-Ашера, близ Джебель-Гуриана.

Шареб (множ. *Шуариб*), гребень (Шербоно). Прим.: Шареб-эр-Рпг, гребень ветра (Оран).

Шарф, *Шерф*, *Шареф*, оголенное пространство (Ламбер). Прим.: Уэд-Шарф (Марокко),

голая долина; Шареф, город Туата.

Шебка, *шебкет*. сеть; сеть холмов или дюн (Шербоно). Шебка-Бени-Мзаб, скалистая сеть Мзаба.

Шерш (множ. *Шерага*), восточный. Шотт-эль-Шерги, Восточный шотт.

Шершар, каскад. Джебель, лежащий к в. от Ауреса, называется джебель Шешар, гора Камней, или, может-быть, джебель Шершар, гора Каскадов.

Шифра, река в Алжирии «все выпивающая», по Казимирскому.

Шотт (множ. *Штут*, *Шотут*), берег; соляное озеро, летом пересыхающее. Прим.: Шотт-эль-Джерид, озеро Пальм (Тунис); Шотт-эль-Беида, Белый шотт (Конст.); Шотт-эт-Тигри, шотт Посева (Морокко), по Ламберу.

Э.

Эгрис, равнина на юг от Маскары; производи. от *Герис*, стада, плантации (Ламбер).

БЕРБЕРСКИЕ СЛОВА.

А.

Агадир (множ. *Игадирен*, *Игудар*), скала, крепость, стена. Прим.: Агадир, прежнее имя Тлемсена; Агадир-не-Ирир, вал Мыса (Уэд-Сус).

Агезер, река (Бернар). Женск. форма: *Тегазерт*. Прим.: Тегазерт, река южн. склона Ахаггара.

Агелад, дефилей (Дюверье). Агелад. Проход (земля Рат).

Агемун, бугор, холм Агемун-Изем, холм Льва (Кабилия).—Женск. форма: *Тагемунт*, горка (Кабилия).

Агер-Саффен, междуречье, имя аналогичное Месопотамии или франц, Entraigues, Entredeux-Eaux, Entredeux-Mers, Entredeux-Estey Frame-zaigues.

Агульмин, лужа, болото. Огульмин гл. гор. Уэда Нун.

Адехи (множ. *Эдейнен*) дюна, Эдейен, страна Дюн (Феццан).

Адрар (множ. *Идрарен*). гора. Адрар, Гора (Тафилельт и земля туарегов). Другие формы: *Адгаг*, *Адерар*, *Адерер* (Сахара)—Женск. форма: *Тедрарет*. Прим.: Тетраред, Гора (Констант.).

Аит, люди, племя, потомство, род. Аит-б'Удрар, люди горы, горцы.—Другая форма: *Ат*. В Марокко, Ида, во множ. *Идан*, *Адуи*, *Дуи* (Рену). Прим.: Дуи-Мениа, Дуи-Беллал (Юж. Марокко).

Акбу, берберск. форма слова *Кубба*. Прим.: Акбу (город в Кабплии).

Акфаду, гребень Ветра.

Альма, луг (Шербоно).

Аман, вода, ключ. Аман-Имеллулгин, Белые Воды (Кабилия;.

Амаесин, место, где есть вода (Ламбер). Женск. форма: *Темассин*. Прим.: Темассин (алж. Сахара).

Асиф (множ. *Саффен*), река (Бабор).

Аурир, пригорок, холм. Аурир-эн-Амер, холм Амер.—Женск. форма: *Таурирт*, круглая

гора, плато.

Ациб или *азиб*, хижина; ферма или парк для скота (Шербоно). Ациб-Шафер, хижина Скалы (Алж.).

Ацру, скала Ацру-Гуган, скала Быков (Шербоно).

Б.

Балан, плоские камни, плиты, по инверсии *таблат*. Прим.: Таблат (пров. Алжир).

Батен, хребет (Дюверье). Прим.: Батен-Агонет (земля туарегов).—В других местах, Батен означает впадину, низину, как франц. слово coline, которое в Пиренеях значит «долина, спуск с горного прохода».

Бу-Адда, нижний. Таддерт-бу-Адда, Нижний дом (Кабилия).

Г.

Геншир (множ. *Генашир*), развалина, следы. Геншир-эль-Абаир, развалины Колодцев (Констант.). Геншир-Селекта, развалины Силлектума (Тунис).

Гумт, деревня, квартал. Гумт-Сук. Торговый квартал (о. Джерба).

Д.

Дерен, гора. Прим.: Дерен, Атлас, Идрарен н'Дерен, Гора Гор (Фуко)

З.

Земмура, масличная роща. Прим.: Земмора или Замора (Кабилия); Аземмур (Марокко).

И.

Игиди, дюны. Прим.: Игиди, дюны на западе Сауры.

Игиль, бугор. Имя Релизана произошло от Игиль-Изан, холм Мух (Ламбер).

Иделес, женск. форма *Теделлес*, растение дис (Ламбер). Прим.: Деллис (Алж.). Иделес (земля туарегов).

Ифри, от глагола *тиффер*, укрывать, приютить. Грот, пещера (Шербоно). Федж-Ифри, дефилей Пещеры; Ифри-н'Тергиуин, Грот Фей.

Иш, рог, карниз, вершина (Шербоно). Прим.: Иш (Юж. Оран); Иш-эль-Гум, вершина Гум; Иш-Иллеф, Кабаний карниз (Кабилия).

Л.

Лалла или *Лелла*, дама, госпожа. Лалла-Хедиджа, госпожа Хедиджа (Джурджура). Это слово в кабильской терминологии имеет смысл святой.

М.

Мадер, равнина, пажить. Мадер-эль-Ферд, Пажить Быка.

Мезгита, *Мезгида*, *Тимезгида*, берберск. формы арабск. слова Мезджед, Мечеть (де-Кастри). Мезкита, оазис на узде Драа.

О.

Огла, Оглат, колодезь или ключ на песке. Прим.: Эль-Огла, Колодцы (Алж.), Оглат-эль Джелиба, колодцы Газелей (Эль-Олеа), Оглат, эс-Сба, колодезь Льва.—Другая форма: *Аглу*, Прим.: Аглу, Колодцы (Марокко).

С.

Сеггар, роющий. Уэд Сеггар река, размывающая пески (Трюмеле).

Суф, река (Тиссо). Прим.: р. Суф (алж. Сахара).

Т.

Тадрарт, гора. Прим.: Тедерарт, разрушенный городе на в. Рата (Дюверье).

Тазульт, колючий дрок. Прим.: Тазульт, берберск. имя Ламбезы.

Такитун, берберск. форма и арабск. слова *Катун*, палатки (Ламбер). Такитунт (Баббор), Пик Шатра.

Тала, ключ, фонтан. Тала-Хиба, ключ Опасности (Кабилия); Тала Хадид. Железный фонтан (Керетт, Шербоно).

Тама, тамен, сторона (Карет). Примеч.: Таментит, сторона Титта (оазис Туат). Тамент, правая. Прим.: Таментафус или Матунфу, мыс Правой руки, к в. от Алжира (Ламбер).

Тамазирт (множ. *Тамизар*), поле. Тамазирт, деревня близ Национ. Форта; Тимизар Лербар, Удобренные поля (Шербоно).

Тамгул, пик. Тамгул в Азеффуне (Кабилия).

Танезруфт, Танеззуфт, каменистое плато, гамада. Прим.: Танеззуфт, на с. от Рата (Дюверье), Танезруфт, плато в зап. Сахаре.

Тархит, теснина (Маскерэ). Тархит-эль-Транимин, теснина Камышей (Аурес).

Тассили, плоскогорье (Дюверье).

Таурирт, горка, холм. Таурирт-эль-Арба, горка Среды; Таурирт-эн-Тезги, горка Леса; Таурирт-эн-Хаджажд, холм Пилигримов (Шербоно, Каретт).

Тигемми (множ. Тегумма), имение, отчина, собственность (Шербоно). Тигемми-у-Фелла, Верхнее имение.

Тигерт, небольшое поле, Тигерт-эн-Тела, поле у Фонтана.

Тизи, горный проход. Тизи-узу, проход Колючего Дрока (Кабилия).

Тимри, пик (Кабилия). Тимри-у-Малу, Западный пик.

Тирильт, маленький гребень (Кабилия). Тирильт Ифуццар, гребень худых земель (Шербоно).

Тит, источник. Титауэн или Тетуан, Источники; Тит, в Туате, Ключи.

Тифрит, маленький грот (Шербоно). Тифрит-Наит или Малек, грот Аит или Малек.

Туат, Оазисы, женск. форма слова *уах*, оазис.

ТИББУССКИЕ СЛОВА.

Иерихе, горячий источник.

Эми, гора (Нахтигаль). Прим.: Эми-Туссиде, горы Туссиде (Тибести).

Эннери, река, уэд. Прим.: Эннери-Бардай, р. Бардай; Эннери-Туге (Кавар), долина Скал.

КОНЕЦ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ.

Оглавление одиннадцатого тома

Глава I Триполитания....3
I. Барка....3
II. Оазис Ауджила....18
III. Оазис Куфра....21
IV. Берега большого Сирта и Триполи....25
V. Феццан....51
VI. Гадамес....62
VII. Рат....69
VIII. Правительство и администрация регентства Триполи....72
Глава II Тунис....73
I....73
II....79
IV....106
V....144
VI....148
Глава III Алжирия....153
I....153
II....159
III....175
IV....190
V....193
VI....202
VII....212
VIII....309
IX....330
Глава IV Марокко....344
I....344
II. Социальное и экономическое состояние Марокко....401
Глава V Сахара....409
I. Великая пустыня....409
II. Тибести и Борку....418
III. Дорога из Феццана на озеро Чаде. Оазисы Кавар....427
IV. Джебель-Ахаггар и окружающие плоскогорья. Северные туареги....430
V. Туат....444
VI. Аир и плоскогорье Ауэллимиден....452
VII. Западная Сахара....457
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ....464